Олег ЭТЛУХОВ

ЗВЁЗДЫ НАД КАИРОМ

Исторический роман

Сухум – 2017

УДК 82-311.6
ББК 84(=602.1)–44
Э 90

Олег ЭТЛУХОВ
ЗВЁЗДЫ НАД КАИРОМ. Исторический роман / О. Этлухов. – Сухум: Дом печати, 2017 – 868 с.

Г/р 978-5-111-15-03017

Автор приносит искреннюю благодарность:

- Ерфану Цугба и Ченгизу Боран, за неоценимую помощь оказанную ими в поиске и организации перевода на русский язык исторических документов по теме настоящего романа в архивах библиотек и научных учреждений Стамбула и Анкары.

- Анвару Абаза и Хосни Абаза за аналогичную помощь оказанную ими в библиотеках и архивах Каира и Александрии.

- Светлане Рожковой за громадную работу по переработке материалов и подготовку к печати романа

- Научному консультанту работы доктору исторических наук, профессору Тхайцухову Михаилу Семеновичу.

© Олег Этлухов, 2017

Памяти двух
выдающихся сынов народа Абаза,
посвятивших всю свою жизнь
борьбе за свободу
и независимость Абхазии
Владислава Григорьевича Ардзинба
и
Сергея Васильевича Багапш
посвящается эта книга

ЧАСТЬ I

КАИР

ТАТЬЯНА

В своё время я довольно часто бывал в Каире.

Открытие границ и демонтаж железного занавеса, отделявшего республики бывшего Советского Союза, в том числе и Россию от всего остального мира, были одними из немногих скудных завоеваний демократов и антисоветчиков в конце XX столетия.

Полученная свобода передвижения означала возможность более близкого ознакомления и изучения жизни и быта наших соотечественников, проживавших за рубежом.

Диаспоры народа Абаза, находящиеся во многих странах мира насчитывали более миллиона человек. В свое время информация об их жизни, их делах в прошлом и в настоящем, проблемах и болевых точках сегодняшнего дня была закрыта и для абазин, и для абхазов составлявших два крыла единого народа Абаза.

Мы практически ничего не знали о наших соотечественниках, живших за рубежом.

В этой ситуации желание каждого абазина или абхаза, в том числе и меня, узнать побольше о том, как жили и как живут сегодня их соплеменники там далеко за пределами своей исторической Родины было вполне естественным.

Время распорядилось так, что основные, наиболее видимые и значимые следы представителей народа Абаза находились в Турции, Сирии, Иордании и Египте, куда первоначально были заброшены сыны этой страны, проданные в рабство. Затем в XIX и начале XX веков их ряды пополнили волны махаджиров, ушедшие за кордон от ужасов Кавказской и Гражданской войн.

Впоследствии часть этих волн ушла в Тунис, Болгарию, Черногорию, Боснию, Ирак, Израиль, страны Западной Европы и Америку. Следы народа Абаза есть даже в Японии и Австралии. Как попали они туда, сейчас уже никто не скажет.

Теперь, по прошествию стольких лет, нам предстояло заново узнать многое из того, что долгие годы было покрыто плот-

ной завесой многослойной непроницаемой тайны «железного занавеса».

Одной из стран, где довольно четко и рельефно были видны еще следы народа Абаза, являлся Египет.

Египет – одна из колыбелей современной цивилизации, и потому каждая поездка в эту страну оставляла определенный след в моей памяти.

В Египте есть на что посмотреть, есть чему удивиться.

Как все иностранцы, впервые приезжающие в эту страну, я восторгался сперва пирамидой Хеопса, гробницей Тутанхамона, экспонатами Всемирного музея истории человечества, величественными Сфинксами, охранявшими покой пустыни, чудом Суэцкого канала и величием Белого Нила.

Как все туристы строил разнообразные гипотезы происхождения пирамид и сфинксов.

Даже безудержная человеческая фантазия не могла однозначно ответить на вопрос – как были построены эти чудеса света.

Предположений об их происхождении как всегда было много – единой, однозначной, научно-обоснованной теории, имеющей реальную основу, нет до сих пор.

После долгих невольных раздумий я, как и большинство других туристов, остановился на мысли о том, что пирамиды, были построены или представителями предшествовавших нам цивилизаций, следы которых давно ушли с лица земли, или пришельцами с других планет.

Даже сегодня, при нынешнем уровне развития человеческой мысли и современных технологий очень трудно дать ответ на вопрос - как и для чего были построены эти гигантские сооружения. Каково их истинное практическое или научное предназначение.

Загадки древнего Египта удивляли, восхищали, заставляли думать и предполагать.

Все это было так, но последняя моя поездка в Каир заставила меня увидеть другой Египет. Египет, который еще в большей степени поразил меня. А дело было так.

Между двумя рабочими днями научной конференции, в которой предстояло принять мне участие, было свободное окно, т.е. день, представленный для решения своих личных вопросов или

ознакомления с достопримечательностями страны принимавшей делегатов форума.

Одни члены нашей делегации поехали в Александрию посмотреть на дворец последнего монарха Египта, другие поехали в долину Гиза, третьи в город Порт-Саид.

Все это я уже видел, и потому решил просто побродить по Каиру и посмотреть жизнь этого гигантского города изнутри. Хотелось увидеть его таким, каким он был на самом деле в реальной жизни, а не таким, каким показывали его туристам, демонстрируя им определенные достопримечательности. Заранее отполированные до блеска кусочки истории любой страны - это одно, а реальная жизнь с ее реальными проблемами и действительностью - совсем другое.

В кармане у меня была визитка отеля, в котором мы располагались, и потому я не боялся потеряться в громадном городе. Как делают обычно в такой ситуации все туристы мира в большом незнакомом городе, я планировал побродить весь день по городу, посмотреть, чем он живет и уже к вечеру, наняв такси, показать таксисту визитку отеля, таким образом вернувшись к месту «основной дислокации».

Каир громадный город. Вернее это громадный мегаполис второй по величине в мире. При этом по территории он в два раза больше не только Москвы, Рима или Парижа, но и всех остальных крупнейших мегаполисов мира – Мехико, Шанхая или Мумбая (бывший Бомбей).

Потеряться в таком городе очень легко. Я помнил, как однажды во время одного из предыдущих посещений Каира мы попали на обзорную площадку.

День был ясный, солнечный, но даже в такую ясную погоду человеческий глаз не в состоянии был увидеть границы города.

Улицы Каира уходили куда-то в бесконечную даль и таяли, но не исчезали в знойном мареве далекой пустыни. Увидеть конец города простым невооруженным взглядом было практически невозможно.

Каир удивляет многим. В городе очень мало дорожных знаков и светофоров.

По крайней мере, я за целый день так и не увидел ни одного электрического регулятора движения бесконечных потоков автомобилей и пешеходов.

Но самое удивительное было в том, что все эти бесконечные потоки автомобилей и пешеходов каким-то странным, трудно объяснимым образом, саморегулировались и не мешали друг другу.

Автомобили и пешеходы ехали и шли в системе самоуправляемого хаоса, и никто никому не мешал.

Побродив часа 3-4 по оживленным улицам города, я зашел в обыкновенное уличное кафе и присел под плотным цветным парусиновым навесом, не пропускавшим прямых обжигающих лучей свирепого полуденного африканского солнца. Солнце в Каире обжигает и осенью.

Мне сразу же, не дожидаясь моего основного заказа, подали, как и во всех кафе, ресторанах или забегаловках Египта холодный розовый чай из лепестков роз.

Чай был прекрасный, освежающий, но чашка маленькая, совсем маленькая, никак не соответствовавшая сорокоградусной жаре, исходившей от раскаленного беспощадного солнца висевшего прямо над Каиром.

Я залпом выпил чай и сразу же вопросительно посмотрел на официанта. Он без лишних слов и жестов понял меня, улыбнулся и принес новую чашку чая – только она была уже гораздо больших размеров.

Официант поставил чашку на стол и неожиданно для меня спросил на довольно сносном русском языке:

- Вы из России?

Я немного оторопел и от того, что он так свободно говорит на русском языке, и от того, что он сразу узнал, что я из России.

- Да,- отвечал я и, видимо, в моем взгляде был немой вопрос «Как ты узнал, что я из России?», так как он спокойно продолжил:

- Вас русских сразу видно.

В Египте, так же как и в большинстве других стран мира, кроме государств бывшего СССР и стран Варшавского договора, всех выходцев из России называют русскими.

Здесь в Египте и кавказцы, и татары, и белорусы, и украинцы - все русские.

Обычно никто из туристов никогда на это не обижается, так же как мы никогда не спрашиваем и не знаем даже кто перед нами – шотландец, валлиец, ирландец или англичанин – все они для нас в России англичане. Разве что, увидев на собеседнике шотландскую

юбку-килт, человек может задуматься – а кто же на самом деле стоит перед ним англичанин или шотландец?

Точно так же для нас и каталонец, и баск, и андалузец - просто испанец. Для нас он испанец и все. А кто он на самом деле пусть разбираются там в Испании. Это уже их внутренний вопрос.

Подобным же образом рассуждают и все те, кто видит выходцев из России за рубежом. Для них все мы русские.

Вообще, необходимо сказать, что в 90-х годах двадцатого столетия хлынувшая в Турцию, Египет, Таиланд, Китай, Израиль, Сирию и Арабские эмираты волна туристов и особенно туристок из России заставила очень многих работников магазинов, складов, отелей базаров, кафе и ресторанов этих стран быстро выучить русский язык. Поэтому удивляться тому, что в этих странах могут заговорить с Вами пусть даже с акцентом, но на довольно сносном русском языке не нужно. Если раньше за границей на русском языке говорили только на Брайтоне в Америке или в Израиле, где можно было всегда найти русскоговорящего еврея, то теперь во многих странах мира на русском языке говорят и больше, и лучше, чем на общепринятом английском.

Я пригласил официанта присесть рядом с собой. Объяснил, что угощаю его. Он не стал отказываться от моего приглашения, но сразу дал понять мне, что моё приглашение не отменяет его законные чаевые.

Официант, которого звали Салех, принес себе в счет угощения кофе и восточные сладости.

Он оказался на редкость словоохотливым малым, и начал довольно бойко узнавать у меня кто я, что я делаю в Каире, какие у меня планы.

Поняв, что я обыкновенный зевака, который просто ходит по улицам и из праздного любопытства разглядывает все подряд, он неожиданно предложил мне.

- Здесь, недалеко от этого места есть пристань на берегу Нила.

И он довольно толково объяснил мне как пройти к искомой пристани, дополнив свои слова разъяснениями сделанными руками.

- Там каждые 10-15 минут к пристани подходят туристические катера. Они везут группы туристов к башне знаменитого Али-бея. Она так и называется - Башня Али-бея, – повторно уточнил он. -

Али-бей, насколько я знаю, откуда-то из Ваших краев. Говорят даже, что из Кавказа. Али-бей был мамлюком. Его мальчиком продали в мамлюки, и уже потом он стал великим Султаном и народным героем Египта. – продолжал говорить Салех, иногда задумываясь чтобы вспомнить нужное слово на русском языке. - Если Вы постоите с полчаса на пристани, то обязательно найдете русскоязычную группу. К ней и присоединяйтесь. Поверьте мне, Вы увидите и услышите там очень много интересного. Особенно, если Вы приехали с Кавказа и, конечно, если еще не были там.

Слова Салеха заставили меня задуматься.

Имя Али, по-видимому, было откуда-то из наших краев. Хотя, возможно, так назвали мальчика, купленного на невольническом рынке уже здесь в Египте.

Так или иначе, я решил воспользоваться советом Салеха и пойти к пристани по указанному мне маршруту, тем более что других конкретных планов на этот день у меня не было, и я мог по своему усмотрению распоряжаться временем, которым располагал до самого вечера.

Расплатившись, так и сделал. Уже минут через двадцать я был на большой широкой пристани. Она была огорожена белым решетчатым парапетом и заполнена бесчисленной толпой туристов из разных стран.

К пристани один за одним подходили прогулочные катера.

Разноликие туристы из разных стран стояли отдельными группами. Каждая группа спокойно без толчеи ожидала своей очереди.

Старенькие, но довольно оригинальные по внешнему виду и по своей раскраске катера с архаичными лопастными двигателями неспешно, как в фильмах про далекий девятнадцатый век медленно отплывали от пристани в голубую даль Нила.

Сразу же бросалось в глаза, что группы арабских и еврейских туристов стоят далеко друг от друга на разных концах пристани.

Они вроде бы и улыбаются друг другу и окружающим, но что творится у них в душе, когда они видят друг друга, и о чем они думают в эти минуты, знает только Аллах.

Это и понятно. Многовековые противоречия, которые были между этими народами за несколько десятков лет формального мира, стереться не могли.

Также поодаль друг от друга стоят китайцы и японцы.

Лишь беззаботные европейцы, которые привыкли воевать и мириться друг с другом каждые десять-двадцать лет, беспечно улыбаются и смеются одной общей многоликой массой. Здесь все в одной разношерстной толпе. И немцы, и англичане, и французы. Если не вслушаться, кто на каком языке говорит, то никто так сразу не определит – кто есть кто, разве что можно сразу же выделить из общества толпы шотландцев по их коротким клетчатым юбкам.

Я вышел на пристань и стал внимательно прислушиваться к голосам туристов.

Мой слух как локатор, настроенный на определенную волну искал знакомую русскую речь. Мне не пришлось утомлять себя долгим ожиданием и поиском. Уже через минуту другую я услышал знакомую речь и сразу же выделил из общей массы туристов группу людей, которые явно были из наших мест. То ли из России, то ли из Украины, то ли из Белоруссии.

Вроде бы все говорили на русском языке, но изредка мелькали выражения на очень знакомом, но не совсем понятном украинском, типа, «шо цэ таке», « як бачу» и тому подобное.

Туристы весело говорили о своих проблемах и впечатлениях, убивая беспечными разговорами время ожидания своей очереди на катер.

Определить, кто гид и руководитель этой группы не представляло большого труда. На груди у молодой темноволосой женщины лет тридцати пяти-сорока висели небольшой портативный мегафон и пейджик с именем – Татьяна. Я подошел к ней и без долгих предисловий объяснил ей свою просьбу.

- Если у Вас в группе есть свободное место, я хотел бы присоединиться к Вам.

Она без лишних слов поняла меня.

Получив положительный ответ и заплатив стоимость путевки за экскурсию, я присоединился к группе русскоговорящих туристов, терпеливо ожидавшей своей очереди на катер.

Мне было интересно послушать, о чем говорят братья-славяне. Что волнует их, какие теперь у них проблемы.

Прошло совсем немного времени после распада СССР, и было, конечно же, интересно узнать, как воспринимают там – теперь уже за бугром, все, что связано с нашим общим прошлым и сегодняшним днём.

Разговоры между туристами, как чаще всего бывает в таких случаях, идут по трем основным направлениям:

- Впечатления об увиденном.

- Товары и их цены дома и здесь, за «бугром».

- Политика.

Двое мужчин одетых по «погоде» в белые футболки и короткие шорты стояли чуть поодаль от всех. По-видимому, они в первый раз были в жаркой стране, ибо все «опытные» в таких поездках туристы знают, что именно такой наряд ведет к обязательному «сгоранию» на жарком солнце. Они еще этого не знали, но должны были понятьь, что такое майка и шорты в Африке в самое ближайшее время.

Тема их разговора была наиболее интересной, и потому я подошел поближе к ним, чтобы получше услышать то, о чем они говорят.

Теперь они стояли буквально в двух шагах от меня.

Тот, который был чуть пониже ростом, но гораздо габаритнее и в плечах и в объеме живота, говорил, довольно эмоционально жестикулируя руками.

- Подвесить бы их обоих и Кучму, и Ельцина за одно место на одном суку, чтобы другим, таким же как они негодяям, не повадно было предовать и продавать все! - закончил он, по-видимому, давно начатую тему беседы и, подумав еще секунду - другую, добавил: - Чего нам не хватало? Жили как люди одной семьей, большой, шумной, дружной, а теперь…на тебе! Люди хотят как было раньше, а эти паны власти побольше захотели. Вот и рвали бы друг другу чубы, а не заставляли делать это нас простых людей.

Сказав все это он довольно громко, но беззлобно выругался, потом, поняв по-видимому, что допустил оплошность, сказав все это вслух, тем более при женщинах, стал смущенно оглядываться по сторонам и смотреть на всех извиняющимся взглядом.

Тот, что был повыше и постройнее не перечил своему собеседнику, а лишь изредка добавлял кстати и некстати свои мысли.

- А какой чемпионат Советского Союза по футболу был! – перевел он беседу на другую тему,- Когда «Динамо Киев» играл с московским «Спартаком» или «Динамо» Тбилиси вся Украина от телевизоров не отходила! А у нас на Донбассе, - продолжал он, - когда Донецкий «Шахтер» обыгрывал кого-то, на всех шахтах на завтра

150% плана выдавали! Это был настоящий праздник! Особенно если обыгрывали кого-то из московских.

-Да, так и было,- продолжил его мысль собеседник,- только вот надо бы к Кучме и Ельцину ещё и Горбачева добавить, чтобы и он висел за одно место рядом с ними на том же суку.

Увлекшись их разговором, я на некоторое время отвлекся от великолепного пейзажа, открывавшегося с пристани.

К осени вода в Ниле становится более прозрачной. По её глади медленно плывут большие морские корабли, которые направляются в сторону Александрии и Средиземного моря. Намного реже корабли плывут вверх по Нилу, хотя и таких тоже немало.

Недалеко от них разрезают водную гладь белые паруса яхт разного класса и разного уровня. Иногда попадают в поле зрения и очень дорогие яхты. По-видимому, иностранные.

Ближе к берегу маячат небольшие рыбацкие лодки, в которых сидят один - два рыбака. В Египте Нил кормит всех. И даже тех, у которых уже ничего нет кроме старенькой лодки и примитивных принадлежностей для ловли рыбы.

Противоположный берег Нила видно не совсем хорошо. Глаза выхватывают на той стороне лишь прибрежную зеленую полосу деревьев и кустарника, за ними редкие контуры пальм и еще далее смутные очертания далеких домов и других строений.

Стоящие рядом со мной женщины шумно обсуждают итоги сегодняшнего посещения ими парфюмерной фабрики и мастерской по изготовлению ювелирных изделий.

Они никак не могут понять продешевили они или выгадали, покупая в Египте золотые кольца и серьги на местном рынке.

Женщины долго спорят, считают, переводя доллары в гривны, а затем вспоминая какая цена таких же изделий у них в Виннице или в Донецке.

К этому времени к пристани подошел большой прогулочный катер, который был закреплен за нашей группой и все шумно взошли по шаткой лестнице на не менее шаткую палубу кораблика, раскрашенного в таинственные картины из сказок про тысячу и одну ночь. Взойдя на палубу, все стали также шумно рассаживаться по деревянным сидениям, занимавшим все свободное пространство красивого, но сомнительного по своим качествам плавательного средства.

Еще через некоторое время, когда вся группа расселась по местам, катер стал медленно отходить от пристани шумно отталкиваясь от зеленоватой от приобрежных водорослей воды допотопными колесными лопастями.

Все разговоры на минуту затихли.

Гид начала свой рассказ о Ниле, его красоте и особенности поведения в зависимости от времени года.

Голос у Татьяны ровный, хорошо поставленный. По-видимому, она русская, говорит совершенно без акцента, как бывает это часто с людьми, которые длительное время проживают за границей.

- Нил - одна из самых протяженных рек на планете. Его протяженность составляет 6671 км, - звучит в динамике микрофона ее хорошо отрепетированный голос. – Нил, по которому мы сейчас плывем, - продолжает она,- называется Белый Нил. Белый Нил образуется при слиянии трех основных составляющих его притоков Черного Нила, Желтого Нила и Голубого Нила.

Долгие годы ученые и путешественники не имели однозначного ответа на вопрос – где начинается Нил и где его истоки. До определенного времени началом реки Нил считалось озеро Виктория. В конце XIX и начале XX столетий ученые выдвинули гипотезу о том, что началом Нила является река Кагера, основным истоком которой является река Рукарра.

Нил протекает по территории восьми Африканских государств, объединяя их в единую экосистему величайшей реки мира.

После секундной передышки Татьяна начинает все тем же четким бесстрастным голосом перечислять государства находящиеся в бассейне реки Нил:

-Руанда, Кения, Танзания, Уганда, Эфиопия, Эритрея, Судан, Египет, - говорит она ровным, хорошо поставленным голосом. И, закончив перечень государств, добавляет: - В Ниле обитают самые крупные пресноводные крокодилы в мире. Длина отдельных особей достигает иногда десяти метров, а вес более тысячи килограмм, то есть более тонны.

Во времена, о которых я буду рассказывать Вам сейчас в связи с событиями, связанными с Башней Али-бея, в Ниле, немного выше Каира, водилось еще множество подобных рептилий, которые потом были вытеснены человеком далеко за многие тысячи километры от города.

По-видимому, ее рассказ был четко рассчитан на время поездки от берега до острова, где находилась Башня Али-бея, так как катер почти одновременно с ее последними словами причалил к берегу, на котором было значительное количество туристов и отдыхающих египтян.

Остров был небольшой. Он находился почти на самой середине реки, и потому оба берега просматривались довольно хорошо. На острове стояла высокая полукруглая каменная башня, одна стена которой почти вплотную упиралась в волны Нила. Стены широкие, прочные. Окон нет. Имеются только бойницы для отражения возможного нападения неприятеля.

Когда вся группа туристов вошла внутрь башни, Татьяна начала рассказ об историческом событии, легшем в основу многих романов, поэм и кинофильмов самых известных поэтов, писателей и кинорежиссеров Египта, арабских стран, а затем и всего мира.

- В 1757 году правителем Египта стал знаменитый воин-мамлюк Али-бей, - начала свой рассказ Татьяна после того, как вся группа вошла на территорию цитадели. - В 12 или 13 летнем возрасте он был похищен из родных мест и продан на невольничьем рынке Каира. Купил его грузинский мамлюк, который по принятию исламской религии был назван Ибрагимом. Он вскоре стал правителем Египта. Показав выдающиеся способности мальчик, проданный в рабство, через девять лет становится лучшим воином в мамлюкском войске и получает от Ибрагима звание кяшифа, то есть второго человека в сообществе мамлюков.

Свою редкую храбрость, доходившую до отчаянности и способность великого воина и стратега Али-бей показывал во многих сражениях, что привело к тому, что уже в двадцатидевятилетнем возрасте он стал правителем Египта после смерти своего покровителя Ибрагима Кагая.

Иногда историки называют его еще и как Ибрагим Катхуд. - добавила Татьяна. - Так, человек, начавший свою жизнь с рабства, стал правителем самого большого и влиятельного государства в Африке и на Ближнем Востоке.

С самого начала своего правления Али-бей поставил перед собой задачу освободить Египет от владычества Османской империи. - продолжала гид. - С этой целью он собрал вокруг себя около двух тысяч верных ему мамлюков – выходцев с Кавказа, которые

поддержали своего лидера в его дальнейшей борьбе за независимость Египта, после того как привели его к власти в результате длительной кровопролитной борьбы.

Зависть и предательство всегда ходят рядом с чистыми помыслами и высокими идеями, и потому не удивительно, что вскоре о планах Али-бея стало известно турецкому Султану и всему его двору.

Великая Османская империя, которая сотрясала своим могуществом Европу, Азию и Африку начала плести заговоры с целью свержения неугодного ему Правителя Египта. Все эти попытки один за другим терпели провалы.

Народ любил Али-бея. Его поддерживала самая влиятельная часть мамлюков – «Кавказское крыло». Все эти факторы давали ему возможность, опираясь на них, подавлять многочисленные мятежи и заговоры.

После того как Али-бей со своими мамлюками разгромил в очередной раз корпус отборных турецких янычар, он вернулся в Каир и, по обыкновению того времени, решил отметить свою победу.

По случаю победы над мощным противником в Каире прошли праздничные мероприятия. Мечетям и простым людям были розданы большие подарки.

После этого Али-бей и несколько его ближайших друзей мамлюков уехали к башне, которую Вы сейчас видите, чтобы в тишине острова на Ниле без лишних свидетелей отпраздновать в узком кругу свою победу. Победу, в которую все они и сам Али-бей в том числе внесли громадный вклад. Все помнили, как Али-бей на своем знаменитом коне «Апша»[1] первым врезался в ряды неприятеля и всю битву крушил янычар двумя своими молниеносными беспощадными саблями. Али-бей был великим воином. Восток не знал рыцаря чести храбрее и искуснее его. Удивительная вещь, но его даже пули не трогали. За всю битву, в гуще которой все время был Али-бей, он не получил ни одной даже легкой раны, но сокрушил десятки своих врагов. Да. Да, - повторила Татьяна,- Али-бей был редкий боец, который работал в бою двумя саблями одновременно. В отличие от многих европейских монархов он всегда сам участвовал во всех сражениях, личным примером воодушевляя своих воинов на победу. Таковы были законы мамлюкского сообщества. Его лидер обязан был своим мужеством и мастерством воина ежедневно доказывать всем, что он имеет право быть их предводителем.

[1] Апша - ветер

Даже мамлюки, которые были лучшими воинами того времени не уставали удивляться его мастерству в бою, доведенного до совершенства. Он и его конь были единым целым. В бою Али-бей отпускал поводья, и лошадь сама знала, что ей делать в той или иной ситуации. Она сама без команд то неслась вперед, растаптывая врагов, то сама прыгала через препятствия, то уходила вправо или влево от неприятеля в зависимости от ситуации.

В народе говорили, что сами ангелы-хранители Али-бея управляли его лошадью в бою. И только самые близкие к нему люди знали, что его прекрасно обученная лошадь повиновалась малейшим движениям его ног, и в зависимости от разных слов и тонов свиста, выходящего из горла Али-бея, делала то или иное действие.

Благодаря этому Али-бей очень часто работал в бою двумя саблями. Он одинаково искусно владел искусством фехтования на саблях как левой, так и правой рукой, и потому не было ни одного воина, даже самого отважного и искусного, кто мог бы противостоять ему на поле брани.

Возможно, именно поэтому много лет спустя великий немецкий поэт-романтик Ф.Гейне писал о нем как об одном из величайших воинов XVIII века «Али-бей избранник брани».

К вечеру того же дня Али-бей и несколько его ближайших соратников, - продолжала тем временем свой рассказ Татьяна, - сидели внутри башни за скромным столом, празднуя победу и обсуждая планы будущих своих действий.

Решено было выслать из страны наместника Султана Рахима Мехмед-Пашу и, прекратив выплату дани турецкой казне, объявить о полной независимости Египта от Османской империи. Сбылась, наконец, их мечта. Независимость была добыта в тяжелейшей борьбе.

Достигнутые ранее победы над мятежными бедуинскими племенами и заключенные военные союзы с соседями на юге, востоке и западе Египта делали задачу Али-бея и его сторонников вполне реальной. Шёл одиннадцатый год правления Али-бея. За это время он успел создать не только сильную и боеспособную армию, но и сильную партию своих сторонников, которая позволяла ему

достигнуть немалых успехов не только на полях сражений, но и на дипломатическом фронте.

Благодаря их помощи и поддержке Али-бею удалось объединить под своей властью Верхний и Нижний Нил, установить долгожданный контроль над областью Хиджаз, завоевать Сирию, Палестину, Йемен, Аравию, Большую часть Кипра. У него была сильная и совсем неплохо обученная армия, которую он собирался со временем превратить в регулярную армию Европейского типа.

Пока они обсуждали планы своих дальнейших действий по отношению к Османской империи и к шейху Дагиру, который четко обозначил свое желание быть союзником Али-бея на Восточных границах Египта, пришел часовой.

Он доложил Али-бею, что к берегу пристала большая лодка с мамлюками, которые хотят вместе с Али-беем отпраздновать победу над турецкими янычарами.

На вопрос часового, который не открыл им ворота башни, почему они не сделали этого вчера или сегодня днем в Каире, где каждый мог выразить свою радость по поводу достигнутой победы, поздние посетители ответили, что они только к вечеру сегодняшнего дня прибыли из Сирии, и потому не успели вовремя выразить свои чувства радости и восхищения.

Услышав эти слова и узнав имя предводителя прибывших в гости мамлюков, которого Али-бей хорошо знал по компании в Палестине и Сирии, он дал команду пропустить в маленькую крепость всех гостей, не заподозрив ничего худого ни в их поведении, ни в том, что их было в десять раз больше, чем его сторонников.

Запоздалые гости во главе со своим предводителем Сулейманом шумно расселись между сторонниками Али-бея так, что каждый из них оказался в окружении трех-четырех вновь прибывших мамлюков.

Гости знали чего они хотят. Не знали только об этом до поры до времени Али-бей и его сторонники.

Агенты Османской империи щедро оплатили «гостям» их будущую работу и выдали им гарантии в том, что все они будут после завершения заговора отмечены милостью Великого Султана, и получат право избрать из своих рядов нового султана Египта. Условие турков было одно: Вы можете избрать Султаном Египта кого хотите, но он должен снова признать зависимость Египта от

Османской империи, снова начать платить дань Турецкой казне и выставить корпус Египетских мамлюков для борьбы с усиливающимся влиянием России в Черноморском бассейне.

В соответствии с этим им была поставлена задача - уничтожить всех сторонников Али-бея, а его самого взять в плен живым, так как нужно было, чтобы он сам прилюдно отрекся от престола Султана Египта. Его публичное отречение уменьшало риск противодействия остальных его сторонников оставшихся в Каире. После чего планировалось отправить Али-бея в Стамбул для придания его публичному суду и казни.

В Стамбуле должен был состояться не просто суд над изменником и врагом Османской империи, а суд показной, за которым должна была последовать такая же показная казнь на центральной площади Стамбула при всеобщем стечении народа.

Это нужно было в первую очередь для того, чтобы показать всему миру могущество Османской империи и то, что будет с каждым, кто посмеет засомневаться в этом и поднимет руку на власть Турецкого Султана.

Вскоре Али-бей догадался об истинных целях незванных гостей, но было уже поздно.

Их было во много раз больше, и они по заранее условленному сигналу, который подал им их предводитель Сулейман, навалились со всех сторон на сторонников Али-бея и попросту перерезали им горло, пока те не успели даже достать оружие.

Али-бей остался один. Он успел вскочить со своего места и обнажить саблю. Был он чуть выше среднего роста, худощавый, жилистый. Природа наградила его редкой силой, ловкостью и мужеством. Он еще не знал, что его хотят захватить живым и потому решил подороже продать свою жизнь людям, которые предали его.

Заговорщики со всех сторон обступили его, но законы чести, заложенные в каждом мамлюке, не давали им право всем вместе напасть на него.

Али-бей знал это и стоял с обнаженным клинком посреди большого бушующего круга. Он прекрасно понимал, что каким бы великим воином он не был, ему не одолеть всех заговорщиков, которых было почти сотня. Оценив ситуацию, он выдавил из себя:

- Кто из Вас, собачьих сынов и предателей, хочет скрестить со мной свою саблю? Кто хочет увидеть какого цвета у меня кровь – пусть выйдет как мужчина и встанет напротив меня.

Все мамлюки были прекрасными воинами. Они были воспитаны так, что сомнениям и страху не было места в их душах. И все равно в стане заговорщиков образовалось минутное замешательство. Все знали силу Али-бея как непобедимого воина. Определенную надежду давало лишь то, что в руках у него была одна сабля, а не две как обычно. Когда в руках у него были две сабли, шансы любого его противника становились нулевыми.

Наконец после небольшой паузы навстречу Али-бею вышел великан Махмет. Махмет был курдом. В бою всегда был впереди лавины атакующих мамлюков.

Он был прекрасным воином и великолепно владел саблей. Во всех сражениях Махмет на своем громадном жеребце по размерам под стать ему самому летел впереди мамлюкского войска, не зная страха и сметая всё на своём пути.

Махмет, как и все остальные мамлюки, прекрасно понимал, что тот, кто убьет Али-бея или обезоружит его, станет его преемником согласно неписанным законам мамлюкского сообщества. Уже через минуту другую с ужасным криком, вырвавшимся из его горла, которое лишало воли к сопротивлению многих его противников, набросился он на Али-бея.

Все замерли, ожидая развязки дуэли. Вопреки ожиданиям поединок оказался совсем коротким.

Сабля Али-бея на секунду блеснула в свете множества факелов, укрепленных на стенах башни, и уже через несколько мгновений Махмет осел на землю в короткой агонии, пробормотав предсмертные слова на своем родном языке, языке курдов южных племен Сорани.

Али-бей не стал добивать его и лишь коротко спросил окружавших его неприятелей:

- Кто следующий?

Желающих испытать свою судьбу в этот вечер было немало. Всех их постигла участь Махмета. Уже через полчаса с середины круга унесли семь трупов. Али-бей понимал, что так долго продолжаться не будет. Придет время, когда толпа, окружившая его, потеряет терпение, поняв тщетность своих безуспешных попыток одолеть его в честном бою. Предводитель мятежников Сулейман против Али-бея не выходил. Он не был трусом, но, скорее всего, предателю было стыдно смотреть в глаза, и потому он

стоял в стороне, наблюдая издалека за тем, что происходило в центре цитадели.

Возможно еще, что основной причиной такого его поведения было то, что оба они были сынами одной и той же далекой страны и говорили на одном языке.

И тут Али-бею пришла в голову спасительная мысль. Он свистнул. Это был свист призывавший его коня. В этой ситуации его конь был пусть даже мизерным, но все-таки единственным шансом на спасение. Услышав свист хозяина, прекрасно обученное животное сорвалось с привязи и, сбив по пути нескольких мамлюков из числа тех, кто окружал Али-бея, подскочило к нему. Еще через мгновение Али-бей был уже на коне. Ворота башни были закрыты, и потому единственный выход за его пределы мог быть только через верхнюю стену башни.

Шанс уйти через стену башни был минимальный. И все-таки это был шанс.

Башня была высокой. Трудно было даже предположить, что с нее можно было спрыгнуть и остаться в живых.

На верхнюю площадку башни вела довольно крутая лестница полукругом опоясывавшая внутренний двор укрепления. К ней и направил свою лошадь Али-бей. Сидя на лошади и отбиваясь саблей от наседавших на него противников, Али-бей сумел пробиться на верхнюю площадку башни, где и завязалась его последняя схватка с его преследователями. Сабля Али-бея сверкала как молния во мраке ночи.

К этому времени, как утверждают хроники тех лет, еще пять или шесть преследователей Али-бея лежали на земле поверженные им. Несмотря на это Али-бей прекрасно понимал, что смерть десяти или пятнадцати его противников не сделала их слабее. Более того, озлобленные своими потерями они с удвоенной силой наседали на него.

В такой ситуации ни молниеносная сабля Али-бея, ни удача не могли спасти его от неминуемой гибели или плена.

Выход был только один. Внизу простиралась темная, зловещая в темноте гладь великой реки.

Но до нее нужно было еще долететь, так как внизу на несколько метров от стены башни лежали голые, острые камни, о которые разбились бы прыгнувшие с высоты многоэтажного здания всадник и его лошадь.

Но и этот фактор был не самым страшным в этом деле.

Если бы даже всадник и его лошадь долетели бы до воды Нила, то самая главная опасность для них была именно там, в воде, которая кишела в те времена громадными Нильскими крокодилами.

У Али-бея был выбор.

Или плен или крокодилы.

Плен не означал для него обязательную смертную казнь. Было очевидно, что если бы он повинился перед Султаном, чего тот и добивался, то его могли бы и простить. И не просто простить, а даже найти новое достойное применение лучшему воину и полководцу Османской империи.

Да, это была бы жизнь. Но жизнь дарованная врагом была для Али-бея не в радость. Это был для него позор.

Без малейших сомнений он предпочел свое право остаться великим Али-беем, и без раздумий направил с разбегу своего коня в пучину воды под стеной.

Только отчаянный храбрец и человек редкого мужества мог решиться на такой шаг, - продолжала рассказывать Татьяна.

При этом мало было быть храбрецом, мало было быть мужественным человеком, нужно было еще иметь неукротимый нрав и особую веру в себя и в свою удачу, чтобы решиться на такой шаг.

К этому времени экскурсанты поднялись на верхнюю площадку башню, откуда совершил прыжок вниз Али-бей. Я глянул вниз и обмер. До земли было метров 20 не меньше. На земле лежали острые камни метров на 5-6 от стены. Совершить прыжок в такую бездну на острые камни мог только очень отчаянный человек.

При последних словах Татьяны у меня неожиданно даже для самого себя мелькнула мысль об аналогии этих событий с событиями в Абхазии в начале 90-х годов.

И в Абхазии начала 90-х годов двадцатого столетия была ситуация, когда только самая отчаянная и неординарная личность смогла бы решиться на борьбу за свободу и независимость своей Родины в то время, когда все объективные факторы были однозначно против него. Таким человеком оказался Владислав Ардзинба.

У Ардзинба не было ни армии, ни, собственно, денег, чтобы создать её и вооружить, ни времени, чтобы обучить её, ни промышленного, ни необходимого людского потенциала для организации полноценной обороны своей Родины. У него была только

вера в свой народ и в свою счастливую звезду. На стороне Грузии было все. Более чем десятикратное превосходство в численности населения, весь Западный мир, обязанный Шеварднадзе за развал Советского Союза, практически весь военный потенциал Закавказского военного округа, который передали ему в дар за его «заслуги» Горбачев и Ельцин, и многое многое другое.

Любая трезвая оценка ситуации говорила о том, что борьба, которую организовывал Владислав Григорьевич, была однозначно обречена на провал, а он сам на неминуемую гибель.

Все было именно так, но Владислав, как и Али-бей, принял вызов судьбы, пошел на риск в ситуации, где он не имел практически никаких шансов на успех, и все-таки выиграл свою войну в этой, казалось бы, безнадежной ситуации.

Почему у меня мелькнула тогда такая мысль, и почему пришло в голову неожиданно для самого себя подобное сравнение мне трудно сейчас ответить.

Но такие мысли все-таки пришли в мою голову непонятно почему и непонятно откуда. Они пришли и все.

Противники Али-бея, еще минуту назад громко требовавшие от него, чтобы он сдался им под гарантию милости турецкого Султана, застыли в оцепенении. Такого финала затянувшейся драмы не ожидал никто.

Все понимали, что Али-бея ждала в воде Нила неминуемая смерть в пасти громадных Нильских крокодилов. В темноте мрачной Египетской ночи, еле освещенной факелами, укрепленными на внутренних стенах башни, не было видно внизу ничего. Посмотрев еще раз в беспроглядную темноту, и убедившись в том, что уже ничего изменить нельзя, и Али-бей ушел от них даже ценой своей жизни, заговорщики спустились со стены вниз. У всех было подавленное состояние. Смерть великого воина и мужество, с которым Али-бей принял свой последний бой, потрясли их. Все были подавлены и шокированы увиденным. В этот час они своими глазами увидели, как могут умирать великие воины.

По команде Сулеймана заговорщики собрали двенадцать трупов своих товарищей, для которых сегодняшняя встреча с Али-беем стала последней в их жизни, прочитали над ними молитвы и положили в лодку с тем, чтобы завтра предать их тела знойной африканской земле.

Об Али-бее никто больше ничего не говорил. Всем было совершенно ясно, что он до далекого берега Нила не доплывет. Гигантские крокодилы, которыми кишиели воды Нила, пощады не давали никому ни днем, ни ночью.

Оставшиеся в живых назвали имя нового Султана Египта – им стал их предводитель Сулейман и сели за стол, чтобы отметить это событие. Каждый из них в душе восторгался тем, какую смерть принял великий Али-бей, но говорить об этом вслух никто не решился.

Все понимали, что новому правителю Египта эти мысли, тем более высказанные вслух, конечно не понравятся.

За такие слова можно было и жизнью поплатиться. Сулейман был прекрасным воином, и скрещивать с ним свою саблю никто особо не желал.

Тем временем в кромешной темноте Каирской ночи Али-бей плыл по Нилу.

Вокруг него блеснуло несколько пар глаз крокодилов, которые плыли рядом с ним, готовясь в один миг разорвать на части и Али-бея и его лошадь. Сам Али-бей плыл, настороженно вглядываясь в темноту. Он все равно верил в свою удачу. Она еще никогда не подводила его. Он знал, что крокодилы нападут на него, и уплыть от них было практически невозможно. Только на земле крокодилы медленны и неуклюжи. В воде они стремительны и беспощадны.

Единственным шансом для него было самому напасть на них и постараться как-то ранить одного из них. Тогда крокодилы сами съедят своего раненного сородича, как только по воде пойдет запах его крови. Пока они будут есть своего собрата, ему можно попытаться доплыть до еще такого далекого берега.

Али-бей так и сделал.

Он направил коня прямо на ближайшего крокодила.

Крокодил, не ожидавший такой прыти от своей жертвы на секунду замер.

В это время Али-бей метнул копьё, которое всегда висело у него за седлом, и попал крокодилу прямо в глаз, светившийся в темноте. Копье он метать умел. В метании копья не было ему равных во всем мамлюкском войске.

Это был его единственный шанс. И он его использовал.

Удар оказался сильным и точным. Копье, посланное сильной

рукой великого воина, прошило рептилии глаз и ушло далеко вглубь черепа.

Крокодил издал странный звук и завертелся в воде вместе с копьем, вонзившимся в его череп. Уже через минуту-другую вся стая, преследовавшая Али-бея, накинулась на убитого, почуяв запах его крови и мяса. Крокодилы очень часто походили на людей. Они с удовольствием съедали своих сородичей, если им представлялась такая возможность.

Пока крокодилы рвали на части тело своего неудачливого собрата, Али-бей почти успел доплыть до спасительной суши.

Уже у самого берега из темной глубины воды выскочил еще один охотник. Лошадь Али-бея вместе с ним отпрянула от громадной пасти, мелькнувшей во мраке ночи. В пасти у крокодила остался только ее хвост. Лошадь захрипела от боли и вынесла Али-бея на долгожданный берег.

С тех пор в народе Али-бея иногда уважительно называли Али-бей бесхвостый.

Тем временем Али-бей добрался до Каира, собрал верных ему мамлюков, и уже к утру они подплыли на корабле к острову, на котором стояла башня.

Заговорщики, всю ночь праздновавшие избрание нового правителя Египта – шейха аль-Баледа, спали беспробудным сном.

Они даже не успели опомниться, как были связаны и предстали перед Али-беем.

Ни один из них не стал просить у него пощады. Мамлюки вообще не умели просить чего-то. Они прекрасно понимали, что они сделали и что ждет их теперь.

Али-бей сидел на небольшой возвышенности прямо под стеной, где тень была еще густой, прохладной и живительной. Связанные мамлюки стояли перед ним обжигаемые прямыми лучами беспощадного солнца Африки. Впереди всех стоял их предводитель Сулейман. Руки у него были связаны, как и у всех остальных. В глазах у него, как и у всех остальных пленников не было ни страха, ни сожаления.

Иногда порывы еще свежего утреннего ветра трепали большую рыжеватую с первой нежданной проседью бороду Али-бея.

Он молчал, обдумывая, что делать ему с людьми, с которыми он не раз шел в одном атакующем строю навстречу то ли врагу, то

ли смерти. С людьми, которые сражались рядом с ним и ни разу не дрогнули в бою.

Он молча смотрел на них.

Они так же молча смотрели на него.

Никто из них не опустил глаз.

Ни в чьих глазах не уловил он ни страха, ни сожаления. Это нравилось Али-бею. Он не любил трусов. Трусов он презирал.

Молчание затянулось.

Потом Али-бей неожиданно для всех дал команду развязать пленников.

Их развязали. Они стояли и недоуменно смотрели на него. Они никак не могли понять, что решил делать он с ними.

Речь Али-бея была короткой.

- Я понимаю, что Вы сделали то, что хотели сделать. Я знаю, что никто из Вас ни о чем не сожалеет. Я и не прошу никого об этом. Но вы не раз были в бою рядом со мной. Никто из вас не был трусом. Каждый из вас может принести еще много пользы своей Родине. Никто из вас не показал спину врагу. Никто из вас не опозорил имя мамлюка.

Поэтому я решил: тот, кто сейчас поклянется на Коране, что больше никогда не поднимет на меня руку, и будет вместе со мной бороться за независимость Египта, может взять свое оружие и встать в общий строй. Кто не хочет дать такой клятвы, может просто уйти. Его никто не тронет ни сегодня, ни завтра. Он свободен и будет отвечать за свои дела только перед Всевышним, когда придет на то срок назначенный им.

Аллах все видит. Аллах все знает. Он и скажет, кто был прав, а кто взял грех на душу. Каждый из нас сам ответит перед ним за свои дела. А теперь пусть каждый из Вас сам сделает свой выбор, а я сдержу свое слово.

Мамлюки недолго думали. Все они, в том числе и Сулейман, которого они ночью избрали новым правителем Египта, взяли свое оружие и встали перед Имамом, которому принесли клятву на Коране на верность Али-бею.

Так закончилась эта история, которая еще раз прославила имя Али-бея и принесла ему еще сотню новых верных друзей,- закончила свой рассказ Татьяна.

Мне трудно сейчас ответить даже самому себе на вопрос – почему все события, услышанные мною в этот день, вольно или невольно проецировались на Абхазию?

Может быть здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что все абазинское общество того времени болело абхазской тематикой и абхазскими проблемами.

Многие мои знакомые помнят то время, когда день у многих из нас начинался с вопроса: «Как там в Абхазии?»

Может быть, это было главной причиной такого восприятия рассказа Татьяны. Может быть, здесь было что-то другое.

То другое, что еще не изведано и не изучено до сих пор человеком. То, что называют пока интуицией, только потому что ум человеческий еще не достиг того предел, а когда сможет объяснить самому себе этот феномен.

Так или иначе, эпизод из истории Али-бея, услышанный мной в тот день произвел на меня громадное впечатление. Всю обратную дорогу назад я не столько любовался красотами необыкновенного Нильского пейзажа, сколько раз за разом невольно мысленно возвращался к деталям услышанной мной истории о редком героизме, храбрости, благородстве и удаче человека, который верил в себя, верил в свои идеалы и был уверен, что Всевышний всегда с ним и Он не даст ему сбиться с избранного пути.

Так длилось некоторое время, пока я неожиданно для себя не спросил у Татьяны:

- Уважаемая! Если это не секрет, скажите мне, пожалуйста, кем по национальности был Али-бей?

Мне трудно сейчас ответить на вопрос, почему так спонтанно возникло во мне такое предположение. Чем было вызвано это? Что послужило толчком к такой мысли? Так или иначе, ответ, который услышал я от Татьяны, подвигнул меня на долгие размышления, которые вызвали еще больше вопросов.

Татьяна ответила сразу, даже не задумавшись на секунду над своим ответом:

-Али-бей был из племени абаза. Его родители жили на Черноморском побережье. Часть его фамилии в XIX веке ушла в Турцию, другая - на Северный Кавказ, где они, как и многие другие абхазы, попавшие туда стали именоваться абазинами. Гораздо меньшая часть его фамилии осталась на исторической Родине в Абхазии.

К какой именно части этой разбившейся на части фамилии, как и всего разбившегося на части народа Абаза, принадлежал Али-бей, история не знает.

Татьяна говорила ровным заученным голосом. Видно, ей не раз уже приходилось отвечать на подобные вопросы, и она привыкла отвечать на них, не копаясь долго в своей памяти.

Когда Татьяна увидела моё лицо после услышанного, она на секунду задумалась. Задумалась, еще раз глянула на меня и уже совсем другим тоном спросила:

- Он Ваш соплеменник?

На секунду растерявшись от такого неожиданного вопрос, а я спросил:

- Как Вы догадались об этом?

- По Вашему лицу сразу видно, что это так, - отвечала она и добавила, - Вы знаете, что его, Вашего соплеменника, в Египте называли Али-бей аль Кабири, что означает Али-бей Великий? Как у нас в России говорят «Петр Великий», «Екатерина Великая» и так далее.

При этом, Татьяна сделала особый упор на слова «у нас в России», лишний раз подчеркнув тем самым, что она россиянка.

- Нет, - отвечал я,- теперь буду знать.

Татьяна пересела на кресло сбоку от меня, и мы продолжили нашу беседу, выйдя за рамки обыкновенной экскурсионной программы. Из её рассказа я узнал, что муж Татьяны Гамаль учился в Московском университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Татьяна училась там же только на другом факультете и на три курса ниже него.

Гамаль был сыном прославленного генерала Египетской Армии. Татьяна - дочерью Советского офицера прошедшего «школу» второй Арабо-Израильской войны и Афганистана. Они познакомились на одной студенческой вечеринке. Прошло несколько лет, и она стала женой араба-историка. После окончания Университета ее будущий муж остался учиться в аспирантуре там же в Москве.

Теперь Гамаль был профессором Каирского университета, преподавал историю Египта и России средних веков.

Узнав, что я тоже профессор и тоже преподаю в Высшей школе, Татьяна рассказала мне, что Гамаль очень хорошо как историк-профессионал знает биографию Али-бея.

В ходе дальнейшей беседы я узнал, что он пишет для неё программы для русскоязычных туристов. После этого Татьяна добавила, что если я хочу поближе познакомиться с фактами из биографии своего знаменитого земляка, она может после экскурсии пригласить меня к себе в гости.

- Гамаль довольно свободно говорит на русском языке, и я думаю Вы, два профессора, гораздо лучше поймете друг друга, - закончила Татьяна свои слова.

Я с удовольствием принял её предложение.

Еще больше обрадовался, когда Татьяна сказала, что наша экскурсия еще не закончена и мы посетим еще площадь Али-бея в центре Каира, а по пути к площади мы посетим еще «город мертвых», что находится также недалеко от центра Каира.

Понятно, что перспектива увидеть площадь имени моего знаменитого земляка, да еще в центре Каира, посмотреть на его памятник и еще раз окунуться в славное прошлое своего народа вызвала у меня только положительные эмоции, и я приготовился к новой нежданной встрече со своим земляком на далекой жгучей Африканской земле.

Когда туристы, сошедшие с прогулочного катера, вновь расселись по автобусу, который ждал их на площадке возле пристани Татьяна, взяв в руки свое миниатюрное громкоговорящее устройство объявила:

- А теперь, уважаемые мои земляки, прежде чем, мы попадем на площадь Али-бея, нам предстоит заехать по пути в «город мертвых». Я думаю, всем Вам будет довольно интересно узнать историю этого города и увидеть своими глазами средневековый город Ближнего Востока таким, каким был он много сотен лет назад. Вы увидите в реальности как жили люди в этой стране в те стародавние времена. Какие были у них дома, мебель, посуда, улицы и переулки. Я думаю, такая возможность бывает у всех у нас не каждый день. Такое можно увидеть только в Иерусалиме и в Каире. Нигде в мире нет больше таких уголков, где прошлое можно не только увидеть со стороны, но и потрогать руками в буквальном смысле этого слова.

После этих слов она начала рассказывать о том, что давным-давно в Каир откуда-то из Европы пришла чума. Все население древнего города вымерло. Уцелело совсем немного жителей города, которые успели вовремя убежать из города зараженного страшной болезнью. Духовенство города и Египетского государства определило, что чума, пришедшая в город это «Божья кара»

за грехи людские, падение нравов и веры в Аллаха в этом городе. Исходя из этого Каир был проклят и на город, оставшийся без жителей было наложено табу. Теперь ни один мусульманин не мог поселиться на его территории пока не будут искуплены грехи его горожан перед всевидящим оком Всевышнего.

Прошли десятки лет после окончания чумовой болезни, и люди вновь стали селиться вокруг бывшего города не входя в его пределы. Со временем новый Каир окружил «город мертвых» став снова одним из крупнейших городов мира.

Я с интересом воспринимал все, что говорила Татьяна, так как несколько ранее во время предыдущих посещений Каира я краем уха слышал об этом городе, и мимолетное упоминание о нем вызывало у меня в свое время определенный интерес.

Теперь совершенно неожиданно у меня появилась возможность увидеть этот удивительный город и посмотреть на то, как жили люди того времени много-много лет назад.

На дворе был уже октябрь, но Африка есть Африка. Величайшая пустыня мира Сахара была совсем рядом. Ее дыхание обжигало и в октябре.

За окном автобуса невыносимая жара. Градусник на панели автобуса показывал под 40 градусов. Мощный кондиционер еле справлялся с удушающей жарой и духотой.

Внутри салона автобуса прохладно, но одного взгляда на улицу достаточно чтобы почувствовать особенности пылающей ранней Африканской осени.

Тем временем мы доехали до промежуточного пункта нашей поездки.

Туристы вновь шумной толпой вышли из автобуса и также дружно гуськом пошли вслед за Татьяной. Ожидания вновь не обманули меня.

«Город мертвых» на самом деле производит на его посетителей трудно передаваемое впечатление. Он расположен почти в самом центре Каир,а и охраняется государством и Юнеско как исторический памятник мирового наследия.

Вступая на его территорию трудно отделаться от мысли, что машина времени переносит тебя в другой мир. Мир, которого уже нет.

Здесь как в Иерусалиме, другое время, другие масштабы мышления, другие формы восприятия действительности, другие фор-

мы ее воспроизведения. Здесь все другое. Это неизведанное другое делает другим даже современного человека, вступающего в его пределы.

В реальной жизни, когда человек ежедневно соприкасается с повседневной реальностью, его мироощущения измеряются реальными масштабами.

Ощущения, которые возникают в человеке, когда он соприкасается с прошлым как с частью бесконечного времени, находятся совсем в другом измерении. Наше обычное трехмерное пространство не в состоянии отразить эти чувства. Эти чувства имеют другую природу. Природу, которую сознание человека сегодняшнего дня не в силах еще понять и оценить.

Город мертвых действительно впечатляет. Впечатляет невозможностью измерить, и тем более, осознать чувства и мысли, которые возникают при его посещении.

Здесь время остановило свой бег. И человек никак не в состоянии понять и осмыслить, как время может остановиться, стоять и никуда не лететь.

Когда автобус отъезжал от «города мертвых», на лицах даже самых веселых туристов, смеявшихся и певших всю предыдущую часть дороги, было непонятное раздумье и вечные вопросы: « Где мы? Кто мы? И для чего живем в этом вечном и никому непонятном мире?»

Когда автобус тронулся с места, в его салоне застыла тишина. Тишина, которая возникает в человеке только тогда, когда он хоть на миг соприкасается с вечным, неизведанным, незримо напоминающем о бренности и хрупкости всего земного вокруг нас.

Всю последующую часть дороги от пристани до площади Алибея в салоне автобуса все мочали.

На лицах многих моих спутников было странное сочетание выражения удивленности, умиротворения, смирения и покоя.

Так часто бывает со многими людьми, которые неожиданно для себя соприкасаются с незримым величием времени, и таким же незримым, но явственно ощущаемым сознанием своего бессилия хоть как-то повлиять на него.

Когда мы приехали на площадь Али-бея, все тихо выходили из автобуса, еще не до конца отойдя от впечатлений навеянных посещением «города мертвых».

Все, как обычно сгруппировались вокруг экскурсовода, и дружной, но уже совсем не шумной компанией пошли на площадь.

Посреди площади на высоком сероватом гранитном постаменте стоял величественный бронзовый памятник, поражавший каждого, кто смотрел на него своими размерами и устремленностью куда-то в никуда.

Завершала архитектурную композицию фигура всадника, который как будто слился со своей лошадью в каком-то вечном, труднообъяснимом порыве. Ни тюрбан Султана, ни большая борода, ни величественный вид всадника не могли скрыть от каждого, кто смотрел на него странный непонятный вопрос в его глазах. Никто не мог однозначно сказать, чего больше было в его взгляде: спокойного величия или непонятной никому тоски по чему-то далекому, и, по-видимому, уже совсем для него недостижимому?

Все время, пока я рассматривал памятник прославленному воину и правителю, и, особенно, тогда, когда я всматривался в выражение глаз Али-бея, меня не покидало какое-то мистическое ощущение того, что во всем том, что видел я сейчас, было что-то до боли знакомое и ранее виденное мной.

Это ощущение не покидало меня до тех пор, пока меня не осенила неожиданная догадка, а вернее даже мгновенная подсознательная мысль – я все это уже видел, только не здесь и не сейчас. После этого перед моими глазами всплыла одна из центральных площадей столицы Туниса города Тунис.

Такой же высокий постамент, такая же фигура всадника на коне и, самое главное, та же трудно определимая, но все время реально чувствовавшаяся тоска в глазах всадника, которые так же как и у Али-бея смотрели куда-то далеко вдаль. Туда – за просторы Средиземного и Черного морей.

Это был памятник выдающемуся сыну тунисского народа, национальному герою Туниса, маршалу, адмиралу, а затем и великому визирю-реформатору Туниса, а впоследствии и всей Османской импери, Хайретдину-Паше аль Туниси.

Великий Хайретдин-Паша тоже был сыном далекой страны Абаза.

Его тоже в детстве продали на невольничном рынке.

Он, как и в свое время Али-бей, благодаря исключительным природным данным вырос из раба-невольника до прославленного маршала, адмирала, руководителя правительства Туниса, а затем и всей Османской империи.

Он стал национальным героем Туниса, прах которого согласно указа Президента Туниса Хабиба Бугриба за особые заслуги перед народом Туниса в 1968 году был торжественно перезахоронен на центральной площади столицы государства.

Теперь мне стало ясно главное, что объединяло два памятника выдающимся сынам народа Абаза – это была тоска в их глазах. Тоска по Родине, далекой прекрасной стране Абаза, следы которой давно уже потерялись даже на исторических картах мира и от былого величия которой остались только два небольших хрупких осколка Абхазия и Абазашта.

Размышляя на эти грустные для любого представителя некогда большого и могущественного народа Абаза темы, я еще долго бродил по площади, разглядывая многоликие группы туристов из Европы, Азии и Африки, пока Татьяна собирала воедино своих туристов и еще одну русскоязычную группу, которая присоединилась к ним прямо здесь на площади.

Когда объединенная группа подошла к памятнику и расположилась небольшим полукругом вокруг него, Татьяна начала свой рассказ как всегда хорошо отрепетированным голосом.

Видно было, что говорила она на эту много раз и потому слова лились из нее как из

Татьяна учитывала тот факт, что группа вновь присоединившихся к нам туристов не слышала все, о чем говорила она при посещении Башни Али-бея и потому несколько раз повторила для них ранее высказанные мысли.

Она рассказала, что Али-бей был одним из трех самых видных и знаменитых правителей Арабского Востока средних веков и современности.

Имена Салладина, Бейбарса и Али-бея стоят в одном ряду выдающихся личностей Арабского мира.

Саладин, а затем Бейбарс воевали с крестоносцами, разбили их и остановили экспансию Запада на Арабский мир в начале второго тысячелетия нашей эры.

Али-бей в XVIII веке возглавил борьбу Египта и Сирии за независимость от Турецкой империи и в результате ряда гениально проведенных военных действий и блистательных побед над Турецкими войсками провозгласил независимость Египта и приступил к созданию регулярной армии западного типа. В 1771 году Али-бей взял Дамаск, заключил военно - политический союз с Россией, и при поддержке Российского флота захватил Сирию, Палестину, Аравию, Йемен и Кипр, отбив их у могущественной Великой Порты, с силой которой считалась вся Европа.

Не сумев одолеть Али-бея в открытой борьбе, Турецкая империя подкупила одного из военноначальников Али-бея, его приемного сына Абу аль-Дахаба, который при поддержке турецкой армии и турецких денег поднял мятеж и свергнул Али-бея.

В 1773 году Али-бей вернулся в Египет, но был вероломно убит во время сна. Народу было сказано, что он умер от ран, которые получил в сражении под Самихией.

- История высоко оценила заслуги Али-бея перед Египтом,- продолжала свой рассказ Татьяна, -Его именем названы центральные улицы и площади в абсолютном большинстве городов и населенных пунктов Египта, как у нас в России почти во всех городах есть улицы или площади имени Ленина, Суворова или Кутузова. - закончила свой рассказ она, и сразу же скомандовала:- У всех у Вас есть десять минут, чтобы самим самостоятельно посмотреть на все то, что будет интересно Вам на этой площади и прилегающей к ней территории.

Прошу Вас всех через 10 минут собраться около нашего автобуса. После этих слов Татьяна убрала микрофон и направилась в сторону ожидавшего нас автобуса.

ГАМАЛЬ

Когда экскурсия по площади закончилась, Татьяна пригласила меня в гости к себе домой. Я с удовольствием принял ее приглашение. Все это время я находился под впечатлением увиденного и услышанного за прошедший день.

Тем временем она рассадила своих подопечных в закрепленном за ними автобусе, и пожелав им хорошего дальнейшего отдыха вернулась ко мне.

Автобус с туристами уехал, просигналив нам на прощание длинным протяжным гудком, после чего Татьяна повела меня к своему автомобилю, стоявшему чуть поодаль от площади на одной из улиц, прилегавших к ней.

Когда я выразил свое удивление тем, что Татьяна практически ежедневно оставляет свой автомобиль на улице где его могут угнать или ограбить, Татьяна, ни на секунду не задумываясь, ответила:

- Египет весь работает на туризм. Туриндустрия кормит страну. Это понимают все, в том числе и в преступном мире. И потому даже в криминальной среде существует неписанное правило: туристов и тех, кто их обслуживает - не трогать. Это сук, на котором сидит вся экономика страны и благополучие их семей в том числе. Поверьте мне, - продолжала она,- те, кто занимается угоном автомобилей в Каире знают, что это автомобиль экскурсовода и потому его не тронут ни угонщики, ни местная шпана.

Пока Татьяна объясняла мне некоторые неписанные, но реально действовавшие законы криминального мира Каира, мы подошли к ее машине.

Машина была большая, новая, светло-голубого цвета. Автомобилей подобного типа я в Европе не видел. Обычно такие машины покупают только люди хорошего достатка. Так как мало того, что они очень дорогие, но еще требуют больших расходов на топливо, техническое обслуживание и ремонт. Видно финансовые возможности семьи Татьяны позволяли ей содержать такой дорогой автомобиль.

Когда мы сели в машину Татьяна включила двигатель автомобиля, а затем в отработанном почти автоматическом режиме включила климат-контроль. Через минуту-другую мы уже двигались в большом потоке автомобилей, наслаждаясь прохладой исходившей от системы охлаждения салона автомобиля.

Машина Татьяны на самом деле была шикарной. Дверцы и панели автомобиля были отделаны дорогим темно-коричневым деревом, сиденья и крыша салона оббиты такой же дорогой светло-коричневой кожей. Это был не Мерседес, но по своей оснащенности и внутреннему убранству машина ему не уступала. Увидев, что я с неподдельным интересом оглядываю ее автомобиль, Татьяна улыбнулась и вдруг явно что-то вспомнив лукаво посмотрела на меня и, резко приняв вправо к тротуару, остановила машину. Я ничего не понял и вопросительно посмотрел на нее.

Она без слов вышла из машины и жестом попросила меня сделать то же самое.

Поняв, что она хочет от меня, я так же без слов вышел из прохладного салона автомобиля и снова вопросительно посмотрел на неё.

В это время Татьяна, все так же лукаво улыбаясь, обошла свою машину и остановилась сзади нее. Я пошел за ней, еще не до конца понимая, что хочет сделать она.

Сперва Татьяна демонстративно прислонилась к машине, затем отодвинулась от заднего капота чуть вправо, и тут я увидел название марки автомобиля.

То, что я увидел, конечно же, поразило меня.

Автомобиль назывался «Абаза».

Татьяна внимательно смотрела на меня, явно наслаждаясь эффектом, который произвело на меня то, что я увидел. Она явно по-

лучала удовольствие от возможности пообщаться со своим земляком россиянином в непринужденной обстановке.

Понаблюдав еще некоторое время за моей реакцией, Татьяна объяснила мне:

- У нас в Советском Союзе выпускали автомобили семейства Жигули на базе итальянского концерна «Фиат».

Потому, как она говорила слова – «У нас в Советском Союзе», «У нас в России», я понял, что даже здесь, вдали от Родины она не забывает, кто она и постоянно отождествляет себя с той землей, где родилась и выросла.

Уловив вопрос, застывший в моих глазах, Татьяна без лишних слов объяснила мне:

- Да, я говорю у нас в Советском Союзе, у нас в России, потому что я гражданка Советского Союза, и никак не могу поверить, что моей великой Родины больше уже нет.

Спустя некоторое время после развала СССР, который здесь многие наши соотечественники восприняли, как личную трагедию, я пошла в консульство Российской Федерации и поменяла паспорт гражданина Советского Союза на паспорт гражданина России. Так что я как была гражданином своей Родины, так и осталась ею. Хотя чувство горечи за ту великую страну, которую мы потеряли, уже никогда не умрет во мне.

Когда она говорила эти слова, улыбка, украшавшая до этого её красивое лицо, сменилась строгим задумчивым выражением больших глаз, в которых трудно было не уловить глубоко запрятанную тоску по родным, близким и далекой синеокой Родине.

Закончив свою мысль, Татьяна снова вернулась к названию своей машины.

- Так вот,- продолжила она ,- как там у нас в России выпускают Жигули на базе Фиата, здесь в Египте выпускают автомобили марки «Абаза» на базе знаменитого французского концерна «Пежо». Как видите, выпускают очень даже неплохие машины, многие из которых не уступают по классу лучшим Европейским моделям.

А название «Абаза» эти автомобили получили в знак особого уважения арабского населения Египета к заслугам представителей народа Абаза, который подарил Египту целую плеяду знаменитейших личностей. Таких как Али-бей Абаза, которого до сих пор называют Али-бей Великий, Султан Калаун, который правил Египтом

долгие годы и разбил объединенную армию кичливых крестоносцев и покорителей мира монголов, сын Калауна Эль-Насир, правивший Египтом больше 40 лет и который в знаменитом сражении в районе Марж-эс – Сафара разгромил армию непобедимых доселе монголов, почти в 3 раза превосходившую по численности его армию.

Помимо них,- продолжала Татьяна, - в Египте широко известны имена Маршала Ратипа – паши Абаза, соратника Гамаль-Аддель Нассера, министра энергетики Египта, Мухира Абаза и многих, многих других не менее знаменитых личностей, которые оставили очень даже заметные следы в истории Египетского государства. А название «Абаза» автомобиль получил также в знак благодарности народа Египта к руководителю крупнейшего автоконцерна Египта, представителю народа Абаза, который вот уже более двадцати лет успешно руководит этим гигантом промышленности, где работает более 80-и тысяч человек.

Впрочем, - закончила свою мысль Татьяна, - мой муж Гамаль гораздо лучше меня знает все эти факты. Он историк, заведует кафедрой в Каирском университете, и, я думаю, Вы получите гораздо больше интересной и полезной для Вас информации от него, чем от меня. Так что, поехали. Он уже ждет нас. Видимо, Татьяна уже успела позвонить мужу и сказать ему о нашем скором приезде.

После этого мы снова сели в машину и, уже нигде не останавливаясь, поехали к ее дому среди нескончаемого и ни кем не регулируемого потока автомобилей.

Приехали мы к месту назначения примерно минут через 30-40.

Дом Гамаля и Татьяны, который располагался в тихом престижном пригороде Каира, был окружен невысоким изящным решетчатым белым забором и клумбами, на которых красовались большие розы всех цветов и оттенков.

Когда машина въехала во двор двухэтажного уютного дома так же покрашенного в белый цвет, я увидел в глубине двора небольшой аккуратный бассейн, выложенный ярко голубой плиткой и отгороженный от посторонних взглядов с улицы вторым невысоким забором.

Вокруг бассейна росло несколько пальм, а чуть поодаль от него стояли две раздевалки и две душевые камеры.

На звук въехавшего автомобиля навстречу нам вышли муж Татьяны Гамаль и два их сына. Одному из них было лет 12-13 другому на 2-3 года меньше.

Гамаль, уже предупрежденный Татьяной о нашем приезде, не задавал никаких вопросов. Он протянул мне руку для знакомства, представился, и на отличном русском языке пригласил в дом, назвав меня при этом по имени как старого доброго знакомого. Этим действием он невольно расположил меня к дальнейшему открытому диалогу.

Было Гамалю лет 40-45. Высокого роста, широкий в плечах, он производил впечатление сильного уверенного в себе мужчины.

Гамаль провел меня в гостиную, в центре которой стоял большой стол уже накрытый для гостя.

Женщина в белом фартуке, прислуживавшая по дому вопросительно посмотрела на хозяина. Тот сказал ей что-то на арабском языке. Она молча кивнула головой и вышла.

Мы сели за стол и, пока Татьяна приводила себя в порядок в своей комнате, начали традиционный в таких случаях, ничего особо не значащий, диалог о делах, здоровье, семье и погоде. Дети за стол не садились.

Они весело говорили о чем-то в соседней комнате.

Через несколько минут Гамаль позвал их и, желая произвести на меня впечатление, заговорил с ними на русском языке.

- Ну, расскажите нашему гостю из России, как вас зовут, как вы учитесь.

Дети послушно вытянулись перед отцом и, выслушав его вопросы, начали бойко отвечать на чистом русском языке. При этом говорили они не только чисто, но и совершенно без акцента, как будто родились и выросли в России. Впрочем, как узнал я чуть позднее, все именно так и было. Оба они родились в Москве, и имели свидетельства о рождении на русском языке. Это давало им возможность получить со временем двойное гражданство России и Египта.

Удовлетворившись произведенным на меня эффектом, после небольшой паузы Гамаль заговорил с ними уже на английском языке.

Дети так же бойко и без малейших раздумий отвечали ему.

Было очевидно, что Гамаль серьезно занимается воспитанием своих детей и, скорее всего, не только в области языкознания.

Я с удовольствием для себя отметил, что в глазах братьев была не послушная покорность воле старшего, а нескрываемое уважение к человеку, которого они не только любили, но и боготворили.

Минут через 15-20 в гостиную пришла Татьяна. Она успела привести себя в порядок, и теперь я увидел, что заставило такого знатного и породистого араба, за которого с радостью вышла бы замуж любая местная не менее знатная арабка везти свое счастье из далекой России. Татьяна была женщиной редкой, чисто русской красоты. Она еще по-девичьи стройна.

Красивые светло-каштановые волнистые волосы, которые раньше скрывал традиционный египетский платок, пышно рассыпались по ее плечам, подчеркивая ее редкую красоту и привлекательность. Дома, где ее не видел посторонний взгляд, Татьяна могла позволить себе снять традиционный для женщин Египта платок, и быть такой, какой она была на самом деле.

Увидев восхищение в моих глазах Гамаль без всякого подтекста весело сказал:

- Я знал, что везти домой из России. Даже мой покойный отец, который хотел, чтобы в его дом вошла только и только арабка, и который был вначале категорически против нашего брака, увидев ее, сразу же сказал: «Ладно, если бы всемогущий Аллах не хотел, чтобы в мой дом вошла такая красота, она бы не попала даже на его порог. Нужно смириться с волей Аллаха. Зато какие внуки у меня будут?»

Внуки у него на самом деле получились хоть куда.

Ладные, статные. Одни глаза с голубоватой искоркой чего стоили?

Они стояли перед отцом и, как будто угадав мои мысли, дружно посмотрели на портрет деда, висевший в центре гостиной.

Их дед был в форме генерала, и смотрел на них откуда-то сверху, как бы говоря всем своим видом: «Я знаю, что мои внуки никогда не подведут меня. Они вырастут людьми достойными моего имени».

Поймав мой взгляд, смотревший на портрет его отца, Гамаль коротко сказал:

- Отца нет уже в живых почти десять лет, но он любил Татьяну, и искренне от всей души называл ее «моя голубоглазая русская дочка».

При этих словах Татьяна непроизвольно уважительно посмотрела на портрет генерала.

Видно, она тоже искренне любила своего тестя, который хоть и не хотел видеть ее в своем доме, а затем привязался как к родной дочери.

Она хорошо помнила, что только благодаря ему она стала полновластной хозяйкой в доме, несмотря на реакцию всех его многочисленных родственников и знакомых.

Татьяна и досматривала его, когда неумолимая болезнь приковала его к постели. Лекарства и уколы, необходимые ему она давала и делала сама, не доверяя эти процедуры никому, даже врачам.

Он даже лучше ел, когда она сама готовила для него и сама приносила ему пищу в постель. Иногда, не скрывая своих чувств, генерал говорил своему сыну: « Спасибо тебе. Что бы мы делали, не войди она в наш дом? Дай Аллах счастье ей и моим внукам». С этими словами он и ушел в мир иной.

Татьяна показала глазами, что детям пора уходить. Они, наверное, только этого и ждали. Быстро попрощались и дружно убежали в свою комнату.

Им со взрослыми было совсем не интересно.

После того как мне дали помыть руки и привести себя в порядок все сели за стол.

По законам арабского мира гость должен сперва поесть, а уж потом он может приступить к разговорам на определенные темы, ради которых пришел он в дом хозяина.

Арабская кухня коренным образом отличается от Европейской, и потому я с удовольствием попробовал все, что по очереди подкладывали мне на блюдо Гамаль и Татьяна. Судя по количеству и разнообразию блюд меня в доме ждали. По видимому, Татьяна пригласила меня к себе в гости искренне и дорожила моим визитом.

После того как ужин был закончен на стол подали традиционный прохладный розовый чай из лепестков роз и дымящийся арабский кофе в маленьких чашечках разрисованных картинами из арабской мифологии.

Татьяна объяснила Гамалю более подробно, что я кавказец-абазин и меня интересует все то, что связано с жизнью и деятельностью моего земляка Али-бея Абазы. При этом Татьяна добавила,

что она уже поведала мне кое-что об Али-бее из того, что Гамаль готовил для нее как для экскурсовода.

К этому времени и я и Гамаль знали уже, что мы коллеги и потому можно будет общаться без лишних церемоний, как профессор с профессором.

К самому вечеру нам накрыли другой стол в тени пальмы, что росла недалеко от бассейна. Мы пересели за него, и, как оказалось, весьма вовремя. В гостиной становилось довольно душно несмотря даже на то, что мощный кондиционер гнал прохладный воздух из-под самого потолка. Из динамик,а которого я так и не увидел тихо-тихо лилась мелодия Арабского танго. Я хорошо помнил эту песню. Ее пел в свое время весь Советский Союз во времена моей молодости. Эта мелодия как бы соединяла в себе что-то общее между Россией и Арабским миром.

Скорее всего, и Татьяна любила эту мелодию по той же причине. Потому-то, наверное, и включила эту мелодию, чтобы она своими звуками как-то объединяла нас.

В тени пальмы было довольно уютно. Веяло прохладой от воды из бассейна. Со стороны Нила долетали иногда порывы свежего ветра.

На столе стояло 2 графина. Один с чистой холодной водой, второй с традиционным холодным розовым чаем. В обоих графинах плавали прозрачные кубики льда не дававшие быстро нагреваться жидкости находившейся в них.

По краям стола напротив каждого стула красовались два больших хрустальных стакана.

Сам двор и все, что было во дворе, навевали какое-то ощущение уюта и покоя. Сюда не долетал шум громадного города.

Машины мимо двора Гамаля проезжали очень редко. Прохожих было тоже совсем немного.

Весь этот престижный уютный пригород Каира невольно напоминал мне чем-то нашу Рублевку, только в несколько уменьшенном масштабе по цене, шику и обустроенности.

Дети Гамаля вместе со своим товарищем, который был их соседом, весело плескались в бассейне. Их смех и веселая возня не утомляли и не отвлекали нас от основной темы беседы.

Когда встречаются люди, имеющие взаимные симпатии, но не имеющие пока ни общих друзей, ни общих знакомых или об-

щих интересов разговор чаще всего уходит на последние новости спорта, культуры, искусства или политики.

Нужна какая-то тема чтобы начать и углубить знакомство. Так получилось и на этот раз.

С первых же слов нашей затянувшейся надолго беседы Гамаль предложил:

- Мы оба примерно одного возраста. Оба профессора. Мы люди одного круга, и потому я предлагаю вести наш диалог только на «ты». Тем более,- продолжал он,- что в арабском языке слово «Вы» как форма общения между людьми отсутствует.

Выслушав его, я с удовольствием согласился с его предложением, которое должно было значительно облегчить наше общение между собой и придать ему более доверительную форму, тем более, что и в абазинском языке люди разговаривают между собой только на ты.

Мы попробовали поговорить с Гамалем о спорте, но наши познания в этой области оказались в разных «весовых категориях».

Гамаль был хорошо информирован о делах в Российском спорте, хорошо знал футбольные клубы России, игроков, тренеров. Я тоже имел неплохие познания в этой области. Но только в делах, касающихся Российского футбола. В отличие от Гамаля, я ничего не знал о Египетском футболе и Египетском спорте вообще. Это было совершенно естественно: Гамаль жил в Советском Союзе, я в Египте не жил никогда.

Когда эта тема разговора не получила должного понимания и продолжения, мы перешли к обсуждению вопросов культуры и искусства. Но и здесь повторилась та же картина.

Гамаль, как человек, живший много лет в Советском Союзе – (пять лет учебы в университете, четыре года в аспирантуре) имел хороший уровень осведомленности о положении дел в Российских театрах и Российской киноиндустрии. Он хорошо знал наших артистов и режиссеров.

Ежедневное ознакомление с периодическими изданиями Российской прессы поддерживало у него на нужном уровне тот объем знаний в этой области, которые привез он в свое время из Союза.

Я, в отличие от него, так же как и в спорте был практически не знаком ни с Египетским театром, ни с киноискусством Египта. Знал

только, что арабская культура одна из богатейших культур мира и что футболисты и борцы Египта - одни из сильнейших в Африке.

Наверное, именно поэтому, разговор и на эту тему получился однобоким и вскоре был закончен Гамалем, понявшим, что мы действительно находимся в разных «весовых категориях». Исчерпав таким образом возможные побочные темы разговоров, Гамаль начал рассказывать историю Али-бея в которой многие события и факты были уже услышаны мной из предыдущей беседы с его женой.

На Гамале ослепительно белая футболка из Египетского хлопка, белые брюки, белые легкие туфли. Гамаль - патриот своей страны. Носит одежду только Египетского производства. Патриот на деле, а не на словах, как часто бывает это в пафосной профессорской среде.

Короткие рукава футболки плотно облегают его мощные и сильные мускулистые руки.

Сидит он, несколько развалившись в кресле, но ногу на ногу не закидывает. В арабском мире считается оскорблением - показывать собеседнику подошву своей обуви.

Во время начавшейся беседы с Гамалем я обратил внимание на то, что на столике мимо которого мы проходили прежде чем сесть на отведенное нам место, лежала большая стопка свежих газет Российских изданий. Видны были даже их названия – «Российская газета», «Советская Россия», «Правда» и т.д.

Я поднялся со своего места и подошел к столику, на котором лежали газеты прижатые к столу несколькими хрустальными вазами для того, чтобы порывы ветра не разнесли их по двору.

Меня сразу же удивил тот факт, что все они были двух-трех дневной давности - то есть совсем свежие.

Увидев удивление на моем лице Гамаль объяснил:

- Мы с Татьяной и детьми только вчера утром прилетели из Москвы. Ездили туда проведать мать, отца и других ее родственников.

Наше финансовое состояние позволяет нам 3-4 раза в год ездить в Россию. Так я делаю, чтобы она не сильно скучала по дому и своим близким,- продолжал Гамаль.

Он не сказал вслух, но я и без его слов понял, что все его действия - это форма его благодарности Татьяне, ставшей для него не только любимой женщиной, но и настоящим другом.

И снова, как бы предугадав мой очередной вопрос, он без раздумий закончил свою мысль:

- Да, Да. Мы только вчера прилетели из Москвы, а сегодня Татьяна вышла на работу. Контракт есть контракт. Бизнес - есть бизнес. Когда мы были в Москве, Татьяне позвонили из Каира,- уточнил он, - и сказали, что с сегодняшнего дня одну из сотрудниц ее туристического бюро кладут в больницу на операцию. А на сегодня этой сотруднице необходимо было обслужить четыре группы туристов из стран СНГ. Заменить заболевшую сотрудницу было не кем, так как все остальные экскурсоводы были заняты. Пришлось нам срочно прервать визит к ее родным и вылететь домой. Что делать? Бизнес - есть бизнес,- повторил он. - В бизнесе иногда приходится многим жертвовать, чтобы быть на волне и не выпасть из «струи».

Так вот Вы и повстречались с моей женой, которая была сегодня в роли экскурсовода твоей группы, - закончил он свой ответ.

- А ты Гамаль не боишься, что Татьяна однажды останется в России и не захочет ехать назад? - спросил я.

На что Гамаль после некоторого раздумия ответил:

- Во-первых, здесь ее дети, а во-вторых, пословица племен, населяющих берега Черного Нила говорит: «Умная птица из добрых рук не улетает».

Татьяну здесь любят все. Любил ее мой отец. Любят ее теперь все мои родственники. Люблю ее я. И она любит нас всех. Поэтому такой поворот событий, я думаю, маловероятен.

А ты знаешь, как непросто досталась она мне?- продолжал Гамаль с улыбкой.

Когда мы учились в Университете Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, за ней ухаживало немало и других ребят, в том числе и из России. Ты же сам видишь, что она и сейчас очень красивая, а тогда была еще моложе, еще краше и удивляться тому, что у нее было тогда много поклонников, в том числе и я, наверное, не надо. Из-за Татьяны я и в аспирантуру пошел, -продолжал Гамаль.

- Почему?- удивился, я.

- А это был единственный способ остаться в Советском Союзе и не отдать ее никому другому!- с доброй улыбкой отвечал Гамаль. - Особо ухаживали за ней один русский парень из Высшего Технического училища им. Баумана Петр и еще один чеченец Магомед. Петр был боксер. Магомед борец-вольник, а я занимался классической борьбой, так что разборки между нами были не самые тихие.

- И чем все это закончилось?- не удержался я от нового вопроса.

- Как видишь тем, что Татьяна уехала со мной в Каир, а Петр и Магомед уже со своими женами и детьми довольно часто приезжают теперь к нам в гости. Такова жизнь, - улыбается Гамаль. - Никто из смертных не знает, где он найдет, и где он потеряет. То ведомо только Всевышнему,- вновь улыбается он.- Так произошло и со мной. Было время, когда мы были «смертными» врагами. Я много раз бился с ними до крови.

Бились-бились, и все закончилось тем, что они стали самыми близкими мне людьми. Теперь мы называем друг друга братьями. Возможно, так произошло потому, что мы, даже сражаясь на «кулачках», никогда не забывали, что мы мужчины. А мужчина, если он конечно настоящий мужчина, все делает честно. И дерется честно. Так было и с нами. В конце концов, мы поняли, что никто из нас ничего не добьется силой и пришли к общему выводу: драться бесполезно. Как скажет Татьяна, так и будет.

Татьяна сделала свой выбор. Результат этого выбора ты видишь сам, - снова улыбается Гамаль, и показывает рукой в сторону комнаты, где весело спорили о чем-то его дети.

Мы поулыбались друг другу, попили прохладной воды и через некоторое время Гамаль продолжил наш разговор, удивив меня в очередной раз резкой сменой темы нашей беседы.

- Ты помнишь, как сказал великий русский классик? - начал он.

- В России много великих классиков, и они много что говорили, всего не упомнишь, - отвечал я, надеясь на то, что Гамаль сам продолжит начатую им тему. Он так и сделал.

- Конечно в русской литературе и поэзии много классиков и великих людей, но я говорю конкретно о следующем высказывании, - сказал он и продекламировал строки из всем известного стихотворения: - «Умом Россию не понять…в Россию можно только верить».

- О чем это ты?- спросил я, выслушав его слова.

- А вот о чем, - отвечал он и пошел к столику со стопкой газет.

Достав оттуда нужную ему газету он показал пальцем на статью, напечатанную на 3 странице. Статья называлась «Эпоха Сталина».

Я этой статьи не читал, так как был в это время за границей и потому решил услышать от своего собеседника, что особо поразило

его в ней и подвигло к воспоминаниям о словах знаменитого классика. Между тем Гамаль продолжал спокойно излагать свою мысль.

- У русского народа странная привычка. Он всегда должен ставить перед собой одни и те же вопросы: «Кто виноват?» И «Что делать?»

Притом, «Кто виноват?» всегда на первом месте. Этот вопрос русские люди, а теперь и все Россияне задают себе даже тогд,а когда в этом нет особой крайней необходимости. И самое интересное, что они всегда находят виновного. Находят его даже там, где его нет вообще. Таковы особенности русской натуры, которую многим иностранцам, и мне в том числе, умом не понять.

Вот недавно,- продолжил он, - у меня в гостях были мои коллеги из Пекинского университета. Мы беседовали о культурной революции в Китае и вот что сказали они: «Да, культурная революция искалечила миллионы судеб наших сограждан, погубила не меньше. Но. к сожалению, это было то горькое лекарство, которое необходимо было выпить нам, китайцам, чтобы вылечить нас от тех болезней, которыми болели мы многие века. Мы обязаны были его выпить, и мы его выпили. Выпили достойно, не жалуясь на тех, кто заставил нас познать его горький вкус. Иначе мы не имели бы сегодня того Великого Китая, который имеем.

Винить Мао Дзе-Дуна за то, что он заставил нас выпить это лекарство нельзя. Как нельзя винить доктора, который назначает горькие пилюли для исцеления больного. Такое было время. Мы его пережили и никому не позволим осквернить память великого Мао, который провел нас через это время с минимальными потерями. Другого выбора у нас не было. Или – Или. Не было бы тогда Мао, не было бы и сегодняшнего Китая - сильного мощного государства, с которым вынуждены считаться все. Мы это понимаем. Такое было время и нельзя судить о нем критериями нашего сегодняшнего совершенно другого времени».

Ты знаешь, -продолжал он, - я много думал над их словами. Наверное, они правы. Поэтому и идут у них сейчас все дела вверх. Идут вверх, потому что люди находящиеся у власти знают, что их поймут и это даёт им право искать новые пути, рисковать, не боясь быть очерненными их потомками. Так же было и у нас. И мы пережили трудные 50-60ые годы в Египте. И нас заставил выпить свою долю горьких лекарств великий Гамаль Абдель Насер.

Но никто и никогда не осудит его за это. Мы, египтяне, должны были пройти через это, и мы прошли достойно эту часть пути не выискивая виноватых. Гамаль Абдель Насер - символ современного Египта, и мы ищем, что сказать хорошего о нем подрастающему поколению и всему народу Египта, что бы наша молодежь выросла патриотами своей страны. Мы акцентируем свое внимание не на его ошибках и неизбежных потерях того времени, а на тех позитивах которые принес он в Египет.

К сожалению, у Вас в России пошли по другому пути. Вы ищете черные краски, чтобы испачкать имя человека, который вынужден был дать испить вашему народу горькое, но крайне необходимое ему лекарство.

Лекарство, которое дало возможность Советскому Союзу остаться единым государством, выиграть величайшую войну в истории человечества, резко расширить свои границы, стать великой державой с великой наукой, великой культурой и великим спортом.

Тяжело будет вам, если не исправите эту ошибку. Но это не мой вопрос. Я просто люблю Россию, которая дала мне Татьяну и моих детей, в которых течет и определенная доля русской крови.

Я хочу, чтобы когда они вырастут, у них была возможность гордиться своей второй великой Родиной.

Я уверен, что время Ельцина, Гайдара, Бурбулиса, Чубайса и подобных им уже на исходе. У русского народа нет другого выхода. Или они найдут лидера, который как Сталин поднимет русский народ с колен, куда опустила их команда Ельцина или Россия рассыпется на десятки осколков, которые поглотят их соседи.

Прошло некоторое время, и наша беседа с Гамалем перешла в доверительное русло.

Отпив в очередной раз глоток прохладной воды, Гамаль спрашивает меня:

- Ты веришь, что я люблю Россию?

У меня не было оснований сомневаться в искренности его слов, и потому я без долгих раздумий ответил:

- Конечно, верю.

- Я люблю Россию такую, какая она есть со всеми ее плюсами и минусами. По-другому, наверное, и быть не может, - продолжал Гамаль. - Россия дала мне знания, которые, поверь мне, не хуже, если

не лучше уровня знаний, которые получили многие мои коллеги в Штатах или в Великобритании. Россия дала мне любимую женщину. В моих детях течет небольшая струя русской крови.

Он так и сказал – небольшая струя. Гамаль как всякий мужчина уверен, что главная часть его детей это его мужская составляющая.

- В общем, у меня есть все основания любить Россию, - продолжал он. Я ее и люблю. Люблю, но не всегда понимаю. Наверное, это очень трудно сделать. Понять холодным посторонним умом непредсказуемую русскую душу. Мне, например, говорит он дальше все тем же ровным спокойным голосом, - очень трудно понять, почему главный герой русских народных сказок Иван-дурак? Именно Иван-дурак, а не кто-либо другой. Умный, умелый или еще какой, а, именно, дурак.

Я слушаю Гамаля, не перебивая его. Мне даже интересен ход мыслей этого человека, который со стороны видит нашу Российскую действительность.

- Непонятно мне так же как может быть народным героем Стенька Разин. Разве может быть героем мужчина, который бросает за борт беззащитную женщину. Женщину, которая его любила и которую он обязан был защищать как мужчина. А вы, русские, не только оправдываете этот его бесчестный проступок, но еще и песни поете об этом, восхваляя позор мужчины, который предал женщину и ее любовь. Фактически это восхваление предательства. Мы хвалим предателей в песнях, а затем удивляемся, откуда взялись такие как Горбачев и Ельцин.

На мой взгляд, поступок Стеньки Разина нужно было не восхвалять, а прятать как позорное пятно в своей истории. Не дай Бог, за рубежом начнут мерять всех вас, российских мужчин по мерке Стеньки Разина. Выйдет так, что вы в общем-то не совсем нормальные и не совсем порядочные мужчины, если можете бросать за борт судьбы женщин, которые верят и любят вас. Выбросивший за борт женщину, может выбросить туда же и друга. И так говорят многие, кому нужно налить грязь на Россию. С врагами нужно бороться, а не давать им почву для борьбы с собой.

А как понять Вас Россиян, - продолжает тем временем Гамаль, - когда Вы возносите до небес Бориса Ельцина, предавшего свою Родину и честите Сталина, который высоко поднял над всем миром имя и славу русского народа и всего Советского Союза.

И с этой мыслью Гамаля мне трудно было не согласиться, впрочем, как и со многими другими высказанными им до этого. Я, как и он, был такого же мнения, как и абсолютное большинство Россиян, имеющих трезвый объективный взгляд на свое прошлое и на свое настоящее.

Я слушал Гамаля не перебивая его. Мне было не только интересно увидеть «взгляд со стороны» на нашу Российскую действительность, но и оценить этот взгляд с точки зрения его объективности. Понять, чего ждут от нас россиян наши друзья, которых было не так мало по всему белому свету.

Поплутав таким образом еще некоторое время по лабиринтам современной Российской действительности, мы, наконец, снова подошли к главной теме, ради которой я и приехал в гости к Гамалю.

- Есть несколько версий попадания Али-бея в Египет, - продолжил свой рассказ Гамаль, - конкретных исторических документов на эту тему нет. Но наиболее достоверной и близкой к истине считается следующая.

В детстве Али-бея звали то ли Исуф, то ли Есыф.

В стране Абаза, откуда был родом Али-Бей, дети вместе с родителями, а иногда и самостоятельно ходили на охоту.

Во время одной из таких охотничьих вылазок мальчик, которому к тому времени было около 12 лет, попал в руки разбойников.

После того как он был продан на невольничьем рынке в Египте управляющему дома правителя Египта Ибрагима Катхуда или как называли его многие Ибрагим Кагая, он получил имя Али, к которому уже потом через много лет прибавилась приставка бей.

Несколько лет мальчик, попавший в дом правителя Египта, обучался различным наукам и воинскому искусству.

В учебе Али проявлял особое прилежание и желание узнать как можно больше. Это выделяло его из общей массы сверстников. Еще большие способности проявлял он в обучении воинскому искусству.

Мамлюки, обучавшие его мастерству сабельного боя и метанию копья, не переставали удивляться тому, как быстро освоил он искусство владения саблей.

Еще большое удивление у них вызывало то что в течение буквально двух-трех лет Али научился работать двумя саблями одновременно, а копьё которое он метал сотни раз в день каж-

дый раз точно поражало центр мишени. Работе двумя саблями одновременно его никто не обучал. Эта идея пришла ему в голову самому, и никто не знал, откуда взялась она у него. Сам он говорил, что эта мысль пришла к нему во сне. Он спал, когда увидел что у него в руках две сабли, и они сверкают как молнии во мраке ночи.

Прошло совсем немного времени, и слава Алия как лучшего сабельного бойца облетела все войско мамлюков.

На первом же турнире, где малюки на конях сражались тупыми копьями, Али выбил из седла лучшего копьеносца мамлюкского войска албанца Халида Большого.

Все удивились и восприняли происшедшее как случайность. Но когда Али однго за одним стал выбивать из седла всех соперников, многие перестали удивляться его победам. Несмотря на свой юный возраст, уже к 18-19 годам Али получил славу лучшего воина мамлюкского войска. Возможно, именно поэтому правитель Египта Ибрагим Катхуд взял его в свою свиту, и Али не раз оправдывал его доверие, спасая из самых сложных ситуаций. Так, во время одного путешествия в соседний город на свиту правителя напало большое количество бедуинов – разбойников. Тогда только воинское искусство Али и его самообладание спасло правителя Египта от неминуемой гибели.

Такие случаи повторились впоследствии часто, и каждый раз Али проявлял чудеса храбрости и воинского искусства. Вскоре за свои многочисленные заслуги перед правителем Египта Али было присвоено высокое звание Кяшифа, то есть одного из главных сановников в доме правителя государства. Слава Али росла с каждым днем, и уже через несколько лет он получил звание бея. С тех пор он стал именоваться Али-бей Абаза.

Египет был государством, которым управляли рабы. Рабы называли себя мамлюками, и между ними шла постоянная борьба за власть.

К власти, как правило, приходили наиболее сильные и авторитетные воины из числа мамлюков.

Не утихала эта борьба и во времена Али-бея. В 1957г. заговорщики убили Ибрагима Катхуда.

В результате долгой продолжительной борьбы после его смерти в том же году Али-бей Абаза пришел к власти в Египте получив титул шейха-аль Баледа – то есть правителя Египта с особыми полномочиями.

Как свидетельствуют многие исторические документы, решающую роль в этой борьбе сыграла его жена грузинка Нафиса, которую очень уважали и ценили воины мамлюки за ее красоту, доброту и прекрасный ум. Очень часто Нафису называли даже матерью мамлюков. Несмотря на то, что была она к тому времени еще совсем молодой. Во многом, благодаря именно ей, вокруг Али-бея сплотилось кавказское крыло мамлюков, которое и привело его к власти над Египтом.

Уже тогда, - продолжил после некоторой паузы Гамаль, - в высших эшелонах власти Египта начала приобретать реальные черты давняя мечта египтян освободиться от колониальной зависимости Великой Османской империи, перестать платить ей дань и стать независимым суверенным государством.

История распорядилась так, что выразителем и исполнителем этих многовековых чаяний Египетского народа стал человек, которого судьба занесла в эту страну из далеких предгорий Кавказский гор, жителей которых весь остальной мир называл черкесами. Черкессами называли тогда, - уточняет свой рассказ Гамаль,- представителей всех племен Западного Кавказа, включая абхазов, адыгов и абазин.

Гамаль ведет свой рассказ в спокойном уважительном тоне. Мне импонирует манера его общения со мной.

Было это так, в первую очередь, потому что в 90-х годах XX столетия с нами, россиянами в большинстве стран мира, в том числе и в Турции и в Египте стали разговаривать в тонах, которые были в диапазоне от пренебрежительного до презрительного. И это было совсем не удивительно, а даже закономерно.

Так можно было общаться только с гражданами государства, которые позволили человеку, предавшему и Родину, и все святое, что было у них расстреливать Верховный Совет, где сидели избранники этого народа, и молчаливо смотреть на то, как грабили и раздевали их его ненасытные соратники.

Так можно было общаться только с гражданами того государства, которые проглотили позор, принесенный им их президентом после того, как он в пьяном угаре справил свои естественные нужды на шасси самолета в присутствии главы иностранного государ-

ства, принимавшего его, его окружения, почетного караула и десяток телекамер, освещавших его визит в иностранное государство.

Так можно было относиться только к гражданам той страны, которые позволили своему Президенту ограбить весь свой народ в процессе приватизации. Который публично клялся, что положит голову на рельсы, если вырастет цена на хлеб. Цена на хлеб выросла. Выросла в десятки раз, но он так и не положил свою драгоценную голову под поезд, и россияне простили ему и эту очередную позорную ложь.

Можно было бы перечислить еще десятки факторов, за что в ту пору стали относиться к россиянам в таком пренебрежительном тоне.

Мне помнится, как один мой знакомый турок, с которым мы завели разговор на эту тему, сказал мне:

- Ты знаешь, в Турции были времена намного тяжелее, чем те, которые переживает сегодня Россия. Наша империя тоже распалась. Много лет назад мы пережили все то, что переживаете Вы сейчас. Но как бы не было нам тяжело, Турецкая государственная машина, мнение турецкого общества и мы, турецкие мужчины, смогли сделать так, чтобы ни одна турчанка не поехала в Советский Союз или в другие близлежащие благополучные страны торговать своим телом. А ты посмотри на улицы и дороги Турции. Они сплошь и рядом усеяны женщинами из России и других республик бывшего Советского Союза, торгующими своим телом.

Как после этого уважительно относиться к Вам, россиянам, позволившим сделать это и безмолвно проглотившим эту позорную пилюлю?

Мне нечего было возразить ему, и я предпочел как можно скорее закрыть эту неприятную для всех россиян того времени тему. Я, как и многие другие россияне, понимал, что так долго продолжаться не может. Понимали мы и другое. Америка и Запад сделают все, чтобы как можно дольше удержать у власти Ельцина и его окружение. Пока власть в России была в их руках, Америке и Западу нечего было бояться. Они могли спокойно спать, зная, что русский медведь находится в надежных руках. В руках тех, кто долго не даст ему не только встать на ноги, а даже открыть пошире глаза.

Запад был уверен в том, что пока Ельцин и его команда сидят верхом на России, она будет всегда стоять на четвереньках. Пока

они будут держать бразды правления Россией, она никогда не поднимется на ноги.

Понимал это, по-видимому, и Гамаль, который был истинным другом России. Он показал это несколькими тонкими прозрачными намеками, в которых было искреннее сожаление о судьбе России, но ни в коей мере не желание унизить ее и меня, как гражданина этой страны.

Гамаль как все историки наполовину историк, наполовину политик и политолог. Это вполне естественное явление. Каждый, кто работает с историческими документами, вольно или невольно соприкасается с результатами деятельности политических систем и политических действий изучаемого им исторического пласта того или иного государства, той или иной исторической эпохи. Он изучает эти документы, анализирует их и, тем самым, сам становится политиком.

Гамаль в этом отношении не исключение. Он тоже политик.

Отец Гамаля – участник двух израильско-арабских войн, был соратником первого президента Египта легендарного Гамаль Абдель Нассера. Вместе с ним он участвовал в заговоре молодых офицеров, свергших монархический режим в Египте. В его честь и был назван Гамалем его сын.

Военная и политическая помощь, которую оказал в те времена могучий Советский Союз Арабской республике Египет, предотвратил падение Каира перед танковыми колонами Израиля во время очередной Арабо-Израильской войны.

Египетские генералы хорошо помнили это. Помнил это и отец Гамаля Башар, который никогда и ни от кого не скрывал своей симпатии к Советскому Союзу и ко всему, что было связано с ним.

Свою симпатию к дружественной стране Башар передал и Гамалю.

Именно поэтому он послал учиться его ни куда-нибудь на Запад, а именно в Советский Союз. Посылая учиться Гамаля в Россию, генерал хотел, чтобы его сын перенял его симпатию к стране Советов и идеям социального равенства, исповедавшиеся там. Свою задачу генерал выполнил. Его сын вырос ярым сторонником идей социального равенства.

- Ты знаешь, - с улыбкой говорит Гамаль, - когда я жил и учился в Советском Союзе, меня называли там арабом, а здесь среди

арабов меня называют русским. Поверь мне, что я дорожу и тем и другим именем почти в равной степени.

Гамаль постоянно выписывал газеты и журналы из Советского Союза, а теперь уже из России. Россия и ее проблемы давно уже стали частью его сознания. Он любил эту страну и ни от кого не скрывал своих искренних чувств.

- Начиная с этого времени, - продолжал тем временем Гамаль, - есть уже много подлинных документов, повествующих о жизни и созидательной деятельности Али-бея Абаза Великого.

Гамаль проницательный человек. Уловив в моем взгляде невысказанный вопрос, он сразу же ответил на него, не дожидаясь пока я спрошу его об этом вслух.

-Да. Да, самые знаменитые личности в истории Египта, Сирии и Палестины не арабы. Салах ад-дин был курдом. Бейбарс – казахом, Али-бей – абаза, повторил он. - Но это совсем не о чем не говорит. У многих великих народов мира были такие гримасы истории.

Франция внесла громадный вклад в мировую сокровищницу. Имена Вольтера, Гюго, Дюма, Роллана, Паскаля, Кусто, Моне и многих-многих других знаменитых французов знает весь мир. Бесспорно, французы - великий народ. Но весь парадокс истории состоит в том, что пика своего могущества и расцвета французы достигли под руководством Наполеона, который был не французом, а корсиканцем. И даже не чистым корсиканцем, а правнуком греческого эмигранта, поселившегося на Корсике в начале XVIII века.

История распорядилась так, что не француз, а корсиканец, стал самым знаменитым гражданином этой республики, стал «лицом» Франции.

И это не единичный пример.

Немцы не менее великий и не менее талантливый народ. Имена Гетте, Гейне, Шиллера, Баха, Бетховена, Шумана и многих-многих других не менее известных немцев знает весь мир.

Но самым знаменитым немцем в истории Германии при всех его плюсах и минусах стал австриец Гитлер. Как ни парадоксально, но это именно так.

Сербия достигла потолка своего исторического расцвета под руководством хорвата Иосифа Броза Тито, - продолжает свой рассказ Гамаль и вдруг, будто вспомнив что-то особо важное, добавляет:

- Да что там далеко ходить. Вы на свою Россию посмотрите. Да, русский народ - великий народ. Он дал миру Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Шолохова, Королева, Гагарина да всех и не перечислишь.

Но вершины своего расцвета и могущества Россия достигла под руководством грузина Сталина, сделавшего за два-три десятилетия некогда отсталый Советский Союз одной из двух великих сверхдержав мира.

Да и Екатерина II, при которой Россия вошла в свой «золотой век» была не русской, а немкой.

Я думаю, - продолжает Гамаль все тем же ровным рассудительным голосом, который прерывается только на короткие мгновения раздумий над очередной мыслью, - в этих событиях есть определенная закономерность, которую можно описать на примере того же Советского Союза и современной России.

Горбачев был русский. Он не боялся того, что любая его ошибка будет воспринята русским народом, как посягательство на достижения и достояния великого русского народа.

Сталин этого боялся. Он вынужден был выверять до миллиметров каждый свой шаг, каждое свое действие, чтобы не быть неправильно понятым народом, которым он управлял. Он понимал, что история не даёт ему право на ошибку. Каждая его ошибка могла стать для него роковой.

Это заставляло его быть всегда начеку. В отличие от Сталина Горбачев имел право на ошибку. Ельцин тоже. Они были свои. Их трудно было заподозрить в злых умыслах.

Плачевный результат такого безмерного доверия к ним мы уже знаем.

Поэтому не нужно удивляться тому, что самые знаменитые личности в истории нашего народа не арабы. Побольше бы таких «неарабов» нашему народу, и не было бы сегодня плачевных результатов нашего векового противостояния с Израилем и Западом, - закончил свою мысль Гамаль.

Высказав последние слова, он вопросительно посмотрел на меня.

Я не был готов ответить ему что-то конкретное и потому промолчал, ожидая, что скажет он еще на эту тему.

Когда тема нашей беседы в очередной раз вернулась к событиям последних лет приведших к развалу Советского Союза и

роли главных действующих лиц в этой драм, написанной руками западных геополитиков, Гамаль неожиданно для меня высказал мысль, которая поразила меня.

- На мой взгляд,- сказал он, - в России и в странах постсоветского пространства неправильно оценивают роль и место в их истории Михаила Горбачева. Одни силятся представить его борцом за демократию и новую Россию, другие видят в нем величайшего предателя в истории человечества, сопоставимого по мере мерзости и подлости своих деяний разве что с не без известным Иудой.

Конечно, в Горбачеве есть многое и от того, и от другого, хотя второго несравненно больше, но главное в нем не это. Это только конечный результат его деятельности, который мы видим. А истина совсем в другом. Истина в том, что Горбачев - недалекий человек, случайно попавший на пост руководителя Великой страны и которого, по-видимому, вели к этой цели с далеко идущими планами соответствующие спецслужбы и политики многих стран мира.

Сейчас это очень трудно объяснимо, но неожиданно для всех в последнее десятилетие к руководству Советским Союзом, а затем и России пришли откровенно не готовые к этой роли политики. За исключением, пожалуй, только Юрия Андропова. Вернее даже было бы сказать не не подготовленные, а не пригодные для этой роли личности.

Пройдет время и история даст достоверный ответ, как и с чьей помощью произошло это.

Попав случайным образом на пост главы великой державы, недалекий по своим умственным способностям и склонный к авторитаризму Горбачев сделал ряд грубейших ошибок, которые привели к катастрофическим последствиям для всего Советского Союза.

Джорж Буш, Гельмут Коль и Маргарет Тэтчер сразу же поняли, что представляет из себя Горбачев и в полной мере использовали все достоинства «отца» новой русской демократии.

Они вели его туда, куда хотели, используя для этого различные методы и способы.

Его хвалили, превозносили, одаривали и в конечном итоге привели к яме, куда и сбросили. Он понял, что с ним делают только тогда, когда оказался на дне зловонной ямы, откуда выхода уже не было. В создавшейся ситуации ему оставалось только два выхода.

Или признаться всему миру, что он был настолько глуп, что не видел, куда и зачем его вели.

Или сказать, что все, что он делал это не его ошибки, а планомерная продуманная работа по борьбе с коммунизмом и Советской империей.

Как видите, в конечном итоге у него был выбор между «плохо» и «очень плохо».

Чтобы избежать правды и не показать, всему миру, что он обыкновенный глупый человек, Горбачев вынужден был сказать, что он гениальный подпольщик который всю жизнь боролся с Советским строем. Он стоял перед выбором. Или дурак, или предатель. Он выбрал второе.

После этих слов Гамаля мне невольно вспомнились слова одного моего земляка, который более двадцати лет работал вторым секретарем Карачаево-Черкесского Обкома партии и хорошо знал Горбачева.

Было это после встречи Горбачева и Гельмута Коля в Архызе в 1989г., где определились общие черты договоренности о выводе Советских войск из Германии, в то время как американские оккупационные войска оставались там, ликвидации Берлинской стены и об объединении Германии в единое государство под флагом НАТО.

Эту новость, когда она стала достоянием общественности, он прокомментировал буквально так:

- Мне сейчас трудно однозначно сказать, чего больше сегодня в Горбачеве: глупца или предателя, но стена, которую завтра он разрушит в Берлине в ближайшее время вырастет вокруг остатков развалин Советского Союза.

Сказано было это задолго до того, когда даже мысль о возможном развале Советского Союза не приходила еще в голову ни одному человеку.

Тогда я задал ему вопрос:

- А что Берлинскую стену не нужно было разрушать совсем?

На что он, после долгого раздумия ответил:

- Это очень сложный вопрос, на который нет однозначного ответа. Но если бы даже такой вопрос встал на повестку дня, то под условия его решения можно было бы заложить решение массы проблем, которые стояли тогда перед Советским Союзом и социалистическим лагерем в целом.

Это и снятие экономической блокады с Кубы, и получение беспрецендентных по масштабам и срокам возврата займов в Германии и Международном валютном фонде, и передача Советскому Союзу доступа к системе современных мировых технологий, и получение не словесных, а договорных обязательств по нерасширению НАТО на Восток и по непринятию в ее ряды ни одной из стран соцлагеря, и многое-многое другое. Все это заменили сотни миллионов долларов, которые получил лично Горбачев за предательство своей Родины.

Мой старый знакомый долго еще рассказывал историю величайшего предательства в истории человечества, а я все не мог понять, как такое могло произойти вообще, и как это допустили миллионы граждан Советского Союза, желавшие жить в одной большой семье народов, которые выиграли вместе величайшую войну в истории человечества, и у которых было гораздо больше факторов, которые их объединяли, чем разъединяли.

Увидев, что обсуждение этой темы вызывает у меня болезненную реакцию, Гамаль остановил ее обсуждение и затем придвинул ко мне газету «Заман», которая была на турецком языке и издавалась в Стамбуле.

Он полистал газету и, найдя нужный материал, показал мне пальцем на статью которая интересовала его. Оказывается, Гамаль свободно говорил и читал не только на русском, английском и арабском языках, но еще и на турецком.

Он начал переводить мне в вкратце содержание статьи, которая называлась «Абхазский узел».

Тематика статьи была для меня далеко не новая, но я с интересом слушал перевод Гамаля, так как мне интересно было узнать, как видятся события в Абхазии здесь далеко от России и самой Абхазии.

Закончив перевод статьи Гамаль с интересом посмотрел на меня, желая увидеть мою реакцию на мысли высказанные автором публикации, по всей видимости, побывавшем в Сухуме и не раз встречавшимся с лидерами национально-освободительного движения, а теперь уже руководством независимой Республики Абхазия.

Я в вкратце высказал ему свое мнение по ряду проблем, поднятых автором статьи. Выслушав мои замечания, Гамаль заметил:

- Я не только как историк, но и как политолог должен сказать тебе: отчаянный мужик ваш Ардзинба и, по видимому, любимец

Всевышнего, - добавил он после короткого раздумья. - Простейший анализ событий последних лет показывает, что все объективные данные были против него, а он все равно все время на коне.

Мне хотелось добавить к его словам единственное замечание о том, что Владислав не только любимец богов, но, в первую очередь, сам живое воплощение бога на земле для своего народа. Но, подумав немного, что это будет несколько высокопарно и непонятно человеку, который не бывал в Абхазии и не видел своими глазами отношения абхазов к своему лидеру, я не стал ничего говорить ему.

Гамаль умный человек. Придет время, и оно само ответит ему на все вопросы, которые он поставил сегодня передо мной.

Тем временем Гамаль налил себе полстакана холодной воды из большого глиняного кувшина, расписанного в светло-коричневых тонах. Выпил, и снова вопросительно посмотрел на меня, ожидая моей реакции на высказанные им мысли. Я сделал вид, что не заметил его взгляда и рассматриваю кувшин, который Гамаль поставил в тени большого куста роз рядом с которым стоял наш столик.

Поняв, что я не горю желанием продолжать не совсем однозначную тему Гамаль откинулся в кресле качалке, давая мне возможность самому выбрать тему дальнейшего диалога.

Так, неспешно, плавно перетекая от одной темы к другой и тянулась наша беседа, пока мы вновь не вернулись к тому, ради чего и повстречались в этот день. Разговор снова зашел о судьбе Алибея Великого. На этот раз мы говорили о нем долго, не отвлекаясь больше ни на какие другие темы.

Во время нашей надолго затянувшейся беседы к нам несколько раз выходила из дома Татьяна. Подходила тихо, без шума. Так же тихо спрашивала. Не нужно ли нам чего-нибудь. Может, мы хотим перекусить. Убедившись, что нам ничего больше не нужно, так же тихо и без лишних слов уходила в дом.

Татьяна русская, но как всякая мудрая и думающая женщина она беспрекословно исполняет законы той страны, где живет. Законы арабов требуют, чтобы она всемерно ухаживала за мужем. Она это и делает. Но делает, в отличие от многих других своих соотечественниц, с заметным удовольствием. Наверное, потому что Гамаль отвечает ей во всем взаимностью. Мне даже со стороны приятно было видеть, как могут искренне и с радостью относится

друг к другу мужчина и женщина, прожившие под одной крышей уже немало лет и которые, несмотря на это, смогли сохранить добрые и ни от кого не скрываемые теплые чувства друг к другу.

Наверное, правы старики, которые говорят «чем труднее достается человеку его счастье, тем больше дорожит он им».

Я с нетерпением ожидал новых подробностей в рассказе Гамаля о моем знаменитом земляке, и потому долго сидел, слушая его весь вечер, а затем и до самой глубокой ночи. Видно, тема Али-бея увлекла и Гамаля. Он все говорил, говорил. Я все слушал и слушал.

В ту ночь гостеприимные хозяева не отпустили меня в гостиницу. Татьяна постелила мне в одной из многочисленных комнат их уютного особняка, и я долго после окончания беседы с Гамалем лежал с открытыми глазами не в силах никак заснуть.

Перед моими глазами мелькали картины из далекого прошлого, которые невольно ассоциировались у меня с реалиями сегодняшнего дня.

Я уже знал, что в ближайшее время все мои дороги будут вести меня в библиотеки и архивы Каира, Александрии, Стамбула и Анкары.

Там надеялся я найти следы Али-бея Великого, потрясшего в свое время своими делами весь Ближний Восток и могущественную Османскую империю.

Так оно и вышло. С тех пор желание узнать побольше о жизни и деятельности моего знаменитого земляка, нашедшего свою славу и признание уже после смерти всецело овладело мной. Многие годы ушли на поиск подлинных исторических документов, отражавших этапы жизни этого легендарного человека. Еще почти два года ушло на систематизацию и анализ данных полученных мною из Турции, Египта, Сирии, Иордании и Израиля.

В конечном итоге передо мной открылась многоликая картина, отражавшая жизнь Египта и Ближнего Востока во второй половине XVIII века.

Будет ли она интересна уважаемому читателю, покажет время.

ЧАСТЬ II

ЖАЖДА

АЛЬ-ХАРУН

Египет находится на стыке Европы, Азии и Африки. Этот фактор делает его государством, имеющим особое экономическое и военно-политическое значение на стратегической карте мира.

Египет всегда являлся воротами Африки в Европу.

Аналогично было и обратное. Египет всегда был воротами Европы, за которыми начинались для Европейцев безбрежные просторы Африки и Ближнего Востока.

Так было во времена Великой Римской империи, для которых Египет был не только житницей и кормилицей, но и главным форпостом империи во всем Ближне-Восточном регионе.

Так было и во времена Великой Османской империи, которая владела необъятными просторами Северной Африки и Ближнего Востока, во многом благодаря Египетскому бастиону.

Так было и во времена, когда правителем-шейхом аль Баледом Египта стал Али-бей, которому суждено было сыграть особую роль в истории этой великой Африканской страны.

Было все это в 1957 году, когда Али-бею исполнилось неполных 29 лет.

Видно, на самом деле пути Господни неисповедимы.

Прошло всего 17 лет с того дня, как корабль купца Ахмета Куидра привез на невольничий рынок Каира маленького мальчика из далекой страны Абаза. Кто бы мог подумать, что совсем скоро этот мальчик станет правителем всего Египта. 17 лет - срок совсем небольшой. За это время Али-бей не успел забыть ни своего имени, Исуф, которым нарекли его на Родине, ни синего-синего неба над страной своего детства. Он хорошо помнил горы, склоны которых почти круглый год были покрыты сплошным ковром зеленого леса. Горы, самые высокие вершины которых даже летом были накрыты белыми, сверкающими папахами изо льда и снега. В его памяти остались навсегда скалы, с вершин которых слетали

на землю то плавные в полете, то стремительные в падении орлы. Он хорошо помнил, как эти птицы завораживали каждого, кто смотрел на них своим величием и стремительностью.

Али-бей по прежнему свободно говорил на языке своего народа Абаза, повседневно общаясь на нем со многими своими соплеменниками, которых было совсем немало в мамлюкском сообществе.

В те времена не было еще деления народа Абаза на абхазов и абазин. Все они были двумя образующими единого народа. Все они называли друг друга абаза. Так же называли их и соседние народы и племена.

Отданный своим новым хозяином правителем Египта Ибрагимом Кагия на обучение Али-бей в юности прошел прекрасную школу воинского искусства. Он прекрасно освоил эту науку и стал впоследствии одним из самых знаменитых воинов Востока. Но качество великого воина было не единственным его достоинством. Помимо этого, уже находясь в ближайшем окружении своего предшественника, он получил и усвоил не менее значимые уроки политики и дипломатии, что и привело его в 1757г. к власти в Египетском государстве.

Египет раннего и позднего средневековья был уникальным государством, управлявшимся сообществом бывших рабов, которых весь остальной мир называл мамлюками.

Все мамлюки были чужестранцами. В течение сотен лет они создали уникальное сообщество, дверь в которое был закрыт даже для коренных жителей Египта.

Этот феномен образования военно-политической элиты страны из рабов-чужеземцев не только труднообъясним, но и не имел больше аналогов в мировой истории.

Мамлюки были искусными воинами. Воинами от Бога. Одни называли их гордостью Востока, другие - рыцарями Востока, третьи – воинами, равным которым не знало человечество со дня его сотворения до дня нынешнего.

Стать первым среди этих великих воинов было дано не всем. Али-бей был одним из этих немногих.

Али-бей Абаза, носивший теперь титул Султана Египта, сидел в своем кабинете за большим столом из черного дерева. Рабочий кабинет у него был небольшой, но уютный.

Под рукой находилось все, что нужно было ему для работы. Карты Египта, Средиземноморья, Европы и даже далеких Америки, Китая и Японии, ручки, бумага, справочники и другая литература.

После того как он разгромил корпус янычар, выслал из страны наместника Турецкого Султана Рахима Мехмед-Пашу, начал чеканить собственную монету и объявил себя Султаном независимого от Порты государства, в Каир и Александрию зачастили гости из разных стран.

Теперь в Египте, званных и незваных гостей, соглядатаев или просто любопытных, было не счесть. В эти дни страна пирамид манила всех – политиков и торговцев, авантюристов и романтиков.

Одни приезжали официально, другие под видом гостей или торговцев.

И тех, и других интересовало одно и то же: какую позицию займёт теперь Али-бей как новый Султан Египта? Раньше все проблемы, связанные с возможной ролью Египта в решении того или иного вопроса в регионе, решались в Стамбуле.

Теперь эти проблемы нужно было решать уже с Султаном Египта. Переход Египта в статус суверенного государства поставил новые проблемы перед всеми, кто имел определенные интересы в этом регионе. Одни желали закрепить ранее достигнутые соглашения, другие наоборот желали найти новую нишу в своих отношениях с новым стратегически очень важным для этого региона партнером.

Вот и сегодня Кяшиф[2] доложил ему, что под видом торговца к ним с тайным визитом пожаловал офицер флота ее величества императрицы Екатерины II граф Сергей Плещеев. Кящиф - очень важная должность в государственной системе Египта. Он является вторым лицом при дворе правителя, а теперь уже Султана Египта. Он руководит финансами государства и определяет основы внешней и внутренней политики Египта.

- Плещеев находится в Александрии и просит соизволения на встречу с Султаном Египта, - продолжал тем временем Кящиф.

В Европе было четыре великих государства: Великобритания, Франция, Австро-Венгрия и Турецкая империя.

[2] Кящиф – управляющий двором Султана, фактически второе лицо в государстве

Россия в период правления Екатерины II стала настойчиво стучаться в клуб великих и избранных.

Взошедшая на престол Российской Империи Екатерина II не скрывала своих честолюбивых планов. Для решения поставленной задачи она обратила свои взоры на просторы Таврии, Крыма, Приднестровья и Кавказского побережья. Екатерина II имела всё для решения своих грандиозных планов. На горизонте мировой славы начали отчетливо проявляться звезды Суворова и Ушакова, Орлова и Потемкина. Будучи осведомленным о намерениях Российского государства, Али-бей не удивился, когда ему доложили о тайном визите высокопоставленного посланника Российской императрицы.

Кящиф, которого звали Мулид стоял перед ним в почтительной позе, ожидая дальнейших указаний. Али-бей минуту-другую молчал, затем спросил:

- Кто еще знает о его визите?

- Никто, - отвечал Мулид.

- Хорошо, пока никому не нужно знать об этом,- продолжал Али-бей,- В этом вопросе есть над чем подумать. А как твое мнение? Зачем он пожаловал? Что он хочет?

-Кящиф на минуту задумался, и после небольшой паузы высказал свое мнение:

- Россия ведет войну с Турцией. Мы тоже. Значит, у нас могут возникнуть общие интересы. Есть о чем подумать, и есть о чем поговорить. Мы во многих вопросах невольные союзники.

Али-бей сидел молча. Он не перебивал своего сановника, давая ему высказаться.

- С другой стороны, - продолжал Мулид, - русские неверные и всякий союз с неверными может принести нам немало проблем и врагов в мусульманском мире, в котором мы живем. Вокруг нас одни мусульманские государства, а это значит, что нам нужно еще хорошо подумать, чего больше принесет нам союз с русскими. Вреда или пользы. Задача нелегкая. Можно в одном выиграть, в другом проиграть, - закончил свою мысль Мулид и застыл все в той же почтительной позе перед Али-Беем, ожидая его дальнейших указаний.

Али-бей тоже молчал. Мамлюкское сообщество учило не только владеть оружием. Оно учило мыслить. Постоянно думать, взвешивая каждый свой шаг, каждое свое слово.

В этом сообществе шла постоянная никому не видимая борьба за власть. Борьба, в которой многие платили своей головой за малейшую ошибку или оплошность. Здесь происходил естественный отбор. В этой среде выживали и побеждали не только те, кто имел силу и храбрость, а в первую очередь те, кто умел думать, анализировать, делать правильные выводы и правильные шаги. Те, кто умел видеть не только день сегодняшний, но и день завтрашний. Али-бей хорошо помнил уроки, которые преподносила ему жизнь. Хорошо помнил сколько раз стоял на грани жизни и смерти, сделав всего лишь один неверный шаг, сказав одно неверное слово.

После каждого такого события он долго анализировал свои ошибки, стараясь понять их суть, чтобы не повторить в дальнейшем ничего подобного.

Али-бей был в таком положении и в таком окружении, когда даже мелкие ошибки были для него непозволительной роскошью.

Совсем недавно он пережил события, связанные с покушением на его жизнь в Цитадели на острове посреди Нила. Аллах сохранил ему тогда жизнь. Подарил ему второе рождение на белый свет. Его спасение было чудом. Но все знают, что чудеса происходят только тогда, когда этого хочет Всевышний.

Аллах милостив. Но милость Всевышнего не бесконечна. Недаром в Святом Писании записано:

«Я дал тебе глаза, чтобы ты смотрел.

Я дал тебе уши, чтобы ты слышал. Я дал тебе руки, чтобы ты творил. Я дал тебе ноги, чтобы ты шел. И дал Я тебе голову, чтобы ты думал, что ты увидел, что ты услышал, куда ты идешь и что ты делаешь».

Али-Бею было ясно, что визит Плещеева мог принести и великую пользу, и непоправимый вред.

Нужно было думать. Много думать, и только после этого принимать конкретное решение.

- Хорошо, - сказал он после не большой паузы, - Давай вместе подумаем, что делать дальше. А пока никому ни слова о нашем госте, которого мы не приглашали.

- Все ясно, - отвечал Мулид и молча попятился назад к двери кабинета. Никто из смертных в Египте не смел показывать Султану свою спину. Уходить от Султана можно было только пятясь назад. Так должны были делать все кроме очень узкого круга избранных лиц.

Уже когда Мулид подходил к самой двери его остановил голос Али-бея:

- Мулид, не забудь! Ни один из членов бейликата, ни один нотабль и ни один человек вообще не должен до поры до времени знать о визите Плещеева. Это вопрос жизни и смерти. И твоей и моей.

- Я понял, повелитель, - отвечал, Мулид и, увидев утвердительный кивок головой Али-бея, вышел из кабинета.

Али-бей знал, о чем он говорил.

Египет управлялся системой самоуправления в форме бейликата. В бейликат, который назывался Советом беев, входили самые авторитетные мамлюки. Их называли нотабли. Они избирались сообществом мамлюков, которое не допускало в свои ряды, а значит и к управлению государством ни одного коренного Египтянина.

Это была диктатура рабов, которые управляли государством созданным ими самими.

Мамлюки были храбрейшими воинами мира. Каждый из них считал себя и только себя достойным быть правителем Египта.

В атмосфере всеобщего соперничества заговоры и мятежи в мамлюкской среде были постоянным явлением.

В такой ситуации для мятежа нужен был только предлог. Переговоры с «неверными» могли послужить прекрасным поводом для таких действий.

Али-бей все это понимал, и потому с особой осторожностью отнесся к неожиданно возникшей щекотливой проблеме.

Отказаться от контактов с Плещеевым было просто. Его можно было не принять вообще и тихо без шума выпроводить из страны. Но Египет воевал с Турцией. Силы были не равные. Турция имела одну из сильнейших и самых многочисленных армий в мире. У Египетской армии были храбрые воины, но их было во много раз меньше чем у турок. У армии мамлюков не было ни современных орудий, ни современных ружей. Турецкая армия имела подавляющее превосходство над армией мамлюков по всем этим параметрам. В такой ситуации помощь России могла стать очень даже своевременной и нужной. Она возможно даже могла сыграть решающую роль в этой борьбе, так как. Россия обладала хорошими оружейными заводами, хорошим флотом и хорошими торговыми связями с производителями современного оружия в Европе.

Ситуация была не простая, и Али-бею было над чем подумать.

Для начала он решил ввести в курс дела свое ближайшее окружение.

Он распорядился вызвать к нему на следующий день Камаль-бея, Мухамад-бея Абу аль Дахаба, Ибрагим-бея и Мурад-бея.

Это были командиры мамлюкского войска, имевшие особое влияние на всё мамлюкское сообщество.

Особую роль среди них играл Мухамад-бей Абу аль Дахаб.

Он, как и Али-бей был абаза. Когда они оставались со своим земляком один на один, то разговаривали только на родном абхазском языке.

Али-бей видел в Мухамад-бее задатки не только великолепного воина, стратега и тактика. Помимо этого было очевидно, что Мухамад-бей имел тонкий пытливый ум, был хорошим психологом и организатором.

Мамлюкское войско не являлось регулярной армией. Это было некое подобие ополчения, в котором царил дух рыцарства и постоянного соперничества. Для того чтобы быть полководцем в таком войске нужно было иметь непререкаемый авторитет ума, воинского искусства и храбрости.

Мухамад-бей все это имел с избытком. Потому и был всегда командующим армиями, которые шли воевать то на Верхний Нил, то в Сирию, то в Аравию. Перед тем как встретиться с ними, Али-бей решил сходить к одному своему старому знакомому. Его советы часто помогали ему.

Али-бей был человеком набожным и довольно суеверным. У него был знакомый предсказатель. Звали его Хашим.

Когда Али-бей вставал перед выбором, где все мог решить случай, а не его личные качества он шел к Хашиму. Шел ночью, когда никто не мог видеть его визита и истолковать по своему цели его посещения. Хашим жил на окраине Каира. Район, где находился его дом, был неспокойный и пользовался дурной славой. Здесь постоянно кого-то грабили, могли и зарезать человека только для того чтобы снять с него давно изношенные сандалии. Во время таких визитов Али-бей одевался как простолюдин и брал с собой только своего охранника Сахиба, так же как он одетого как простой ремесленник.

Хорошо спрятанные за поясом короткие сабли не раз спасали их от рук жаждущих денег и крови.

В этот вечер они верхом доехали до границы района.

Дальше пошли пешком, оставив с лошадьми четверых охранников во главе с Рашидом. Им не нужно было знать, куда и зачем идет повелитель. Улицы в этом районе Каира, как и в абсолютном большинстве других районов города, не освещались. Лишь далекая луна накладывала неясные тени от высоких глиняных заборов на темные, покрытые густой пылью безлюдные улицы.

В руках у Али-бея и Сахиба большие крепкие палки чтобы отгонять своры голодных псов, снующих по безлюдным улицам окраины города. Изредка забретали сюда и шакалы. Иногда даже гиены. Одним словом здесь было все для того чтобы нормальный человек чувствовал себя не совсем спокойно в зловещей мгле безмолвной Каирской ночи.

Зато какое здесь небо! Али-бей на минуту остановился посреди улицы, любуясь на большие яркие звезды, висевшие над Каиром словно пришитые невидимыми нитями к бесконечному бархатному темно-синему небу.

Он долго стоял и смотрел на звезды.

Сахиб знал, что в такое время повелителю нельзя мешать. Он смотрит на свою звезду.

Сам Сахиб был родом из Шапсугии. Сахибом его назвали здесь после того как его мальчишкой продали на невольничьем рынке. До этого его звали Цуцей. Это было так давно, что он уже забыл когда последний раз называли его так.

Часто когда Али-бей и Мохамад-бей Абу аль Дахаб стояли на крыше дворца или ходили ночью по саду, еле освещенному факелами, укрепленными на стенах дворца, он слышал их разговоры.

Оба они долго стояли и смотрели на звезды. Только почему-то они смотрели не на все небо, а всегда только в одну сторону.

Сахиб хорошо помнил слова Султана, когда он однажды показал Махамад-бею на одну далекую и не очень яркую звезду и сказал ему: «Запомни, Дад, (в Абхазии Дадом называют младшего по возрасту), если все время идти в направлении этой звезды, то долгая трудная дорога рано или поздно приведет тебя на Родину наших предков. Она приведет тебя в Апсны[3]».

Мохамад-бей вместе с Али-беем долго смотрел на эту звезду и молчал.

[3] Апсны – самоназвание Абхазии – страна души

О чем думал Махмад-бей Абу аль-Дахаб в эти минуты, Сахиб не знал.

Ему часто хотелось сказать обоим им, что дорога к этой звезде ведет не только в Апсны, но и в его далекую прекрасную Шапсугию. Но Сахиб был простым охранником повелителя. Как все охранники он мог только слушать. Говорить с повелителем он не имел права. Так было до тех пор, пока не произошел один случай, который перевернул все в жизни Сахиба.

Сахиб хорошо помнил, как однажды он стоял в охране повелителя. Был он тогда рядовым охранником как несколько сот других таких же, как он. Над Каиром висела такая же бездонная звездная теплая ночь.

Али-бей разговаривал с Мухамад-бей Абу аль Дахабом и неожиданно спросил его:

- Мухамад-бей, ты помнишь, где находится наша звезда?

Тот на секунду растерялся, а затем, запрокинув голову, начал искать глазами нужную ему звезду на темном небосводе.

Али-бей не стал ждать, пока Махмад-бей найдёт нужную ему звезду и, повернувшись в другую сторону, пошел к винтовой лестнице, которая вела вниз.

Уже подойдя к лестнице, он неожиданно остановился около Сахиба, стоявшего на часах, и сказал:

- У нас с тобой общая дорога. И здесь, и туда, в наши родные края. Ты хоть знаешь, какая звезда ведет отсюда в Абхазию и в Шапсугию?

Откуда Султан узнал, что он, рядовой мамлюк, родом из Шапсугии, Сахиб так и не понял.

- Да, повелитель, вот она, - ответил Сахиб, и без малейших раздумий показал глазами на то место, где светила небольшая, не совсем хорошо видимая в тумане вечности тусклая звезда.

- Хорошо, - сказал Али-бей и, не добавив больше ничего к своим словам, пошел по лестнице, ведущей с крыши.

На следующий день Сахиба вызвали к Султану.

С тех пор он стал его тенью, и поклялся Всевышнему, что прежде он умрет сам, чем позволит кому-нибудь нанести хоть малейший вред человеку, который увидел в нем то, что не увидел до этого никто другой – его тоску по Родине, вечную, никогда не покидавшую его сына далекой прекрасной Шапсугии.

Пока Али-бей завороженно смотрел на свою звезду, Сахиб настороженно оглядывался по сторонам. Место было глухое. Высокие заборы. Такие же ворота. Глухие калитки в этих воротах закрыты на внутренний засов. Здесь сколько не кричи, никто не услышит теб, кроме Всемогущего Аллаха. Но Аллах далеко, а опасность близко.

Сахиб не зря оглядывался по сторонам. Его слух уловил глухой шум приближающихся шагов. Еще через минуту он увидел, как из соседней улицы крадучись вдоль тени высоких заборов в их сторону направилось несколько человек. Все они были одеты как бедуины. С бедуинами все гораздо сложнее. Они хорошие воины, и с ними не так просто справиться, как с обычными ворами и разбойниками. Всмотревшись в темноту, Сахиб насчитал четыре тени.

Убедившись, что нападающих только четверо, а не больше, Сахиб быстро подошел к Али-бею и тихим шепотом сказал:

- Повелитель к нам идут гости, которых мы не звали.

Али-бей, рассматривавший звездное небо, конечно же, не видел их, но, услышав слова Сахиба, сразу же встрепенулся. Еще через мгновение в обеих его руках блеснули две короткие сабли. Блеснула сабля и в руках Сахиба.

- Сколько их? - спросил Али-бей, напряженно всматриваясь в темноту.

- Четверо,- отвечал Сахиб, - вот там они,- указал он в сторону забора, где шагах в 20-30 от них замерли в тени бедуины, понявшие, что люди, которых они собирались то ли ограбить, то ли убить, обнаружили их, и что в руках у них заблестело оружие. К своему немалому удивлению Али-бей увидел в руках одного из нападавших две сабли, как и у него.

Еще через мгновение он скомандовал:

- Спина к спине. Четверо не так много, чтобы мы с тобой не смогли бы дать им отпор.

Тем временем бедуины, которые уже не прятались в тени высокого забора и не скрывали своих намерений, молча пошли в их сторону.

Они начали окружать Али-бея и Сахиба, отрезая им путь к возможному бегству. Нападавшие даже предположить не могли, кто перед ними и что эти люди убегать не умеют. Они могут идти только вперед.

Уже через минуту-другую звон сабель заблестевших зловещим светом под луной нарушил хрупкую, зловещую тишину черной Египетской ночи.

Еще через пару минут по первым ударам и движениям нападавших Али-бей и Сахиб поняли, что их противники не простые грабители, а искусные и закаленные во многих сражениях воины. Еще быстрее поняли это и бедуины. По команде старшего они неожиданно остановились и отошли от Али-бея и Сахиба. Отойдя зиров[4] на 15-20 , они о чем-то посовещались, и один из них, по-видимому, старший, положил свои сабли в ножны, висевшие у него по обеим сторонам и, подойдя к Али-бею, сказал:

- Меня зовут Аль Харун. Нас обманули. Мы не увидели в темноте, кто перед нами. Не видим мы хорошо твоего лица и сейчас. Слишком темно. Но во всем Египте двумя саблями или ятаганами может работать только Али-бей аль Кабири. Если это ты, то должен нас простить, потому что мы не знали, кто ты такой. Нам дали хорошую плату, по золотому динару и сказали, что сегодня ночью два вора будут идти на дело. Они уже надоели всем жителям близлежащих кварталов и если мы убьем их, то люди этого района вздохнут с облегчением и будут за нас молиться. Теперь мы видим, что вы не воры, а нас просто обманули.

Али-бей молча слушал своего собеседника, не выпуская из рук своего оружия. Когда он убедился, что Аль Харун говорит правду, он убрал обе сабли и спросил его:

- Ты можешь показать того, кто сказал Вам это?

- Конечно, могу, - отвечал аль Харун, - но если уж судьба свела меня сегодня с Великим Али-беем, не откажи мне в моей просьбе.

С этими словами Аль Харун припал на одно колено и склонил голову перед Али-беем.

- Я слушаю тебя и если это в моих силах, то я выполню твою просьбу, - отвечал Али-бей.

- Благодарю тебя, повелитель.

С этими словами Аль Харун вытащил из-за пояса кривой арабский нож и протянул его Али-бею.

Али-бей взял нож и вопросительно посмотрел на Аль-Харуна.

- Что это значит? - спросил он.

[4] Зир – мера длины на Востоке равная локтю человека

- Я прошу повелитель, - отвечал Аль-Харун, чтобы ты порезал этим ножом свою и мою ладонь. Коль судьба распорядилась так, что свела нас черной ночью на дороге, где двум живым людям трудно разойтись, пусть это будет моей платой и наградой за ошибку, допущенную мной и моими товарищами. Пусть смешается наша кровь, и я стану названным братом великого Али-бея и его верным слугой на всю оставшуюся жизнь. Если, конечно, ты сочтешь меня достойным этой чести.

Клянусь именем всемогущего Аллаха в искренности моих слов и мыслей, - закончил он свою речь и остановился, ожидая ответа Али-бея.

Али-бей не заставил долго ждать ответа. Он сразу же увидел что перед ним достойный воин. А таких людей в такое неспокойное время только Всевышний посылает в друзья и братья.

- Встань с колена, брат мой.

С этими словами он помог Аль Харуну приподняться с колена. Затем он едва уловимым движением правой руки разрезал ладонь своей левой руки, после чего протянул аль-Харуну нож и сказал:

- Теперь твоя очередь. Режь.

Через несколько секунд луна, выглянувшая из-за далеких мрачных туч, осветила на ладони Аль-Харуна тонкую струйку темной крови.

Когда они смешали свою кровь Али-бей и Аль Харун провели по лицу друг друга окровавленными ладонями так, что кровь каждого из них попала на губы нового названного брата.

После всего этого они обнялись и сказали друг другу слова клятвы и верности.

Всю оставшуюся дорогу до мазанки Хашима они шли вместе.

Али-бей был чуть младше Аль Харуна, и потому шел на шаг позади своего теперь уже старшего брата, оказывая ему почести, как более старшему по возрасту.

Этот обычай остался в памяти Али-бея из далекого детства, когда он жил в Абхазии. Там, на Родине его предков, почитание старшего по возрасту было незыблемым законом. В общении между людьми в Абхазии зачастую главную роль играл не тот факт кто ты, а то кто был старше.

Сахиб и три остальных бедуина шли на почтительном расстоянии позади них, не выпуская из рук своего оружия.

Никто не мог знать, что может произойти в следующее мгновение и какая новая опасность может выйти из темных улиц ненадежной Каирской окраины.

В дом старца Хашима Али-бей вошел один. Аль-Харун и все остальные остались ожидать его во дворе.

Хашим еще не очень стар. Ему немногим более семидесяти лет, но лицо изнуренное одиночеством и постоянным общением с потусторонними силами как у столетнего старца - худое, изможденное, сплошь изрезанное глубокими морщинами.

Глаза большие. Навыкате. Смотрят, как сверлят насквозь лицо собеседника.

При всем при этом тело у Хашима худощавое, стройное как у двадцатилетнего юноши.

Хашим, заранее предупрежденный о визите повелителя его охранником Рашидом, ждал Али-бея.

- Я слушаю тебя, повелитель, - начал он, едва Али-бей переступил порог его дома.

При виде Али-бея Хашим не склонился, как склонялись перед Али-беем все остальные Египтяне в почтительном поклоне. Глаза его не выражали ни почтения, ни покорности, ни вызова.

Он вообще как будто был здесь, и его здесь не было.

Али-бей давно уже привык к тому, что Хашим никогда не только не кланялся ему, но даже не приглашал его присесть, говорил с ним как с равным, и смотрел прямо в глаза, что было для законов Востока непростительной дерзостью по отношению к правителю Государства.

За такое поведение любого другого жителя Египта давно бы уже казнили на центральной площади Каира. Хашим это знал, но все равно оставался таким, каким он был.

Комната, в которой Хашим встретил Али-бея была единственной в доме и едва освещалась лучиной стоявшей посредине небольшого низкого круглого стола, вокруг которого стояли два еще более низких деревянных стульчика без спинок.

В углу комнаты находился низкий топчан. На топчане лежал матрас набитый соломой. Сверху матраса лежало старое, давно не стиранное одеяло из верблюжьей шерсти.

Запах забвения и какой-то потусторонней жизни лежал на всем, что находилось в этой крохотной, словно, никогда не проветриваемой мазанке, наполовину ушедшей в землю.

- Так что привело тебя, повелитель, ко мне? - повторил свой вопрос Хашим.

Али-бей на минуту задумался, стараясь правильно сформулировать свой вопрос, после чего спросил:

- Ты, Хашим, знаешь, что говорят небо и звезды обо всех нас смертных. Ты слышишь их голос. Если ведомо тебе, то скажи, как быть мне. Ко мне пришел посланец от неверных. Я еще не знаю, что он хочет и что скажет. Поведай мне, что несет мне встреча с неверным, что делать мне и нужно ли мне встречаться с ним вообще. Спроси у неба и у звезд, и передай мне, что скажут они тебе.

Хашим внимательно слушал Али-бея, пристально вглядываясь в его глаза.

Потом , почти не задумываясь, ответил ему:

- Мой ответ в твоих глазах. Встречайся. Великую пользу может дать тебе эта встреча. Пользу и тебе, и твоему делу. Все будет хорошо, если тебя не предадут твои близкие. Бойся не врагов, а друзей своих. Бойся не силы врага, а слабости своей, - продолжал говорить Хашим, сверля Али-бея холодным взглядом. - А если удача отвернется от тебя и тебя предадут самые близкие тебе люди то тот, которого сделал ты сегодня своим братом, будет последним, кто с оружием в руках упадет под ноги твоих врагов, защищая тебя.

Услышав последние слова, Али-бей удивился несказанно. Видно, на самом деле этот старец говорил с небесами. Иначе откуда он узнал о том, что произошло полчаса назад на окраине Каира и о том, что он побратался там с Аль-Харуном. Тем временем Хашим продолжал говорить.

- Все в руках Всевышнего. До сих пор он любил тебя. Смотри внимательно себе под ноги. Смотри под свои ноги. Там и слава твоя и конец твой. Не увидишь ты больше и тех, кто предал тебя сегодня. Только узнаешь их имена.

Сказав эти слова, Хашим отвернулся от Али-бея и пошел в угол комнаты, где стояла лежанка, накрытая соломой и одеялом из верблюжьей шерсти.

Он без слов лег на лежанку, накрылся старым одеялом, и отвернулся от Али-бея, как будто его не было уже в доме вообще.

Али-бей постоял еще минуту-другую, ожидая, что еще скажет ему прорицатель, но так и не дождавшись больше от него ни единого слова, тихо вышел из дома.

На улице его ждали Сахиб, Аль Харун и его друзья.

Назад шли так же, как шли сюда. Аль Харун чуть впереди, в шаге позади него Али-бей, а затем и все остальные.

Шли молча. Али-бей обдумывал слова, которые услышал он от Хашима. Он силился понять и никак не мог понять их тайный смысл. Особенно озадачили его последние слова Хашима. Смотри себе под ноги. Али-бей напрягал всего себя, но никак не мог понять до конца – что значили они и кого он имел в виду говоря эти слова.

Остальные молчали, боясь перебить его мысли.

Когда они подошли к лошадям, Рашида среди охранников не было. Оставшиеся с лошадьми мамлюки сказали, что Рашид сославшись на резкие боли в желудке, отъехал от них. Больше, ни Али-бей, никто другой в Египте Рашида никогда не видел.

Али-бей сразу понял, кто в очередной раз предал его, и что значили последние слова старика. Он как всегда увидел то, что не видел никто другой.

Прошло не так много времени, и тело Рашида с перерезанным горлом нашли на окраине Стамбула. Кто это сделал, не знал никто, хотя многие говорили при этом, что у Али-бея очень длинные руки. Другие же говорили, что Рашид слишком много знал и потому был опасен даже для своих хозяев турок.

Несмотря на все ночные приключения, Али-бей считал этот день удачным для себя. С одной стороны Всевышний избавил его от предателя, который мог в любую минуту нанести удар в спину. С другой стороны Всевышний подарил ему в эту ночь брата, который будет верен ему до конца своей жизни. В этом Али-бей был совершенно уверен. Он редко ошибался в людях. Даже Хашим сказал ему как-то: «Ты хорошо знаешь людей и редко ошибаешься в них. Ты ошибешься только один раз. Но эта ошибка будет последней в твоей жизни».

Назад ехали большой группой всадников. Так вышло, что лошади, которые ожидали Али-бея и Сахиба, находились недалеко от того места, где ждали своих хозяев лошади бедуинов.

Двое кочевников, одного из которых звали Кязим, держали под уздцы лошадей своих товарищей, ушедших в непроницаемую и трудно предсказуемую ночь, ожидая их возвращения.

В это время из-за туч, очень редких в этих краях, выглянула луна, и Али-бей разглядел нескрываемое удивление на лицах ко-

чевников, которые увидели его, едущего рядом с людьми, которые должны были убить его. На Кязиме, который держал повод гнедого жеребца, светлая джалабея, на голове цветастая аймемма. К нему подошел один из тех, кто вместе с Аль-Харуном напал на них, и начал что-то шептать ему на ухо. Он рассказывал ему о событиях происшедших без него. После его рассказа Кязим понимающе кивнул головой, и сразу же выражение недоумения исчезло с его лица. Товарища подошедшего к нему звали Щукяр.

Он был, по-видимому, туарег. Об этом говорила синеватая занавесь, прикрывавшая его лицо и такая же синеватая накидка с капюшоном геллаба, накинутая на его плечи.

Много позже Али-бей узнает, что Щукяр действительно, туарег из Западной Сахары, нашедший приют у бедуинов. Так вышло, что во время одной свадьбы он не поделил дорогу с двумя братьями, жившими по соседству. На скачках, где победителю полагался приз в виде племенной верблюдицы с верблюжонком, лошади братьев перекрыли дорогу лошади Щукяра, не давая ей возможности уйти вперед. Все закончилось ссорой, которая завершилась схваткой на глазах у всего племени. Щукяру повезло. Он увернулся от пули, пущенной из пистолета одного из братьев. Через секунду его пуля нашла дорогу прямо в сердце стрелявшего в него.

Еще через несколько минут его сабля оказалась и быстрее и острее сабли второго из братьев.

Спасаясь от кровной мести, он ушел далеко на Восток к племенам бедуинов, которые и приютили его.

Уже несколько лет он жил с племенем, к которому принадлежал Аль-Харун и считался здесь храбрым и искусным воином.

Он женился на девушке из этого племени, стал у них совсем своим, но традиционного наряда туарегов так и не снял. Может быть, поэтому многие в племени шейха Максуда называли его Щукяр-Туарег. Тем временем, увидев недоумение на лицах остальных друзей Аль-Харуна, Али-бей вытащил из кармана своего халата несколько золотых монет и с улыбкой протянул их кочевникам. Он полагал, что их недоумение вызвано тем, что они собирались заработать что-то сегодняшней ночью, но ничего не заработали. К его удивлению кочевники наотрез отказались принять протянутые им деньги. Спутники Аль-Харуна считали, что не имеют право брать деньги, которые они не заработали.

Наступило время, когда Али-бею и Сахибу пора было расставаться с Аль-Харуном и его друзьями, но бедуины наотрез отказались отпустить одних Али-бея и сопровождавших его охранников.

Аль Харун так и сказал:

-Улицы Каира не всегда пустынны. Ночью по ним часто ходят люди, у многих из которых не самые добрые мысли. Люди моего племени покроют позором мое имя и имя моих потомков, если узнают, что я отпустил одного своего брата, и с ним что-то потом случилось. Спорить с ними после этих слов Али-бей не стал.

Улицы Каира узкие. Ехали по двое в ряд. Даже ночью при свете луны видно было, как из-под копыт лошадей струятся клубы легкой светлой пыли.

Впереди ехал Аль Харун. Чуть сзади на полкорпуса лошади от него ехал Али-бей. Все остальные сзади них. Некоторое время ехали молча. Так же молча проехали площадь Узбека. Али-бей раз за разом мысленно повторял слова Хашима, сказанные им перед его уходом. Повторял и никак не мог найти в них тот особый тайный смысл, который вложил в свои слова неприветливый, но всегда правдивый прорицатель.

Хашиму Али-бей верил. За все время их знакомства тот никогда не обманул его, безошибочно предсказывая ему ход грядущих событий в особо значимые для него периоды жизни.

Видно, небо было благосклонно к нему. Оно всегда говорило ему только правду.

Али-бей ехал молча, раз за разом обдумывая слова прорицателя. Молчали и его спутники, не считая возможным нарушить ход мыслей повелителя.

Когда они отъехали уже довольно далеко Али-бей, прервал свое молчание и спросил Аль – Харуна:

- Скажи мне, брат мой, как ты узнал, кто я. Я не называл тебе своего имени. Было темно, и потому ты не мог видеть хорошо мое лицо, а если бы ты и увидел его, то вряд ли оно могло тебе что-то сказать. Ведь мы никогда до этого с тобой не встречались. Я был в одежде простолюдина. Удивительно, как узнал ты меня?

Аль-Харун, повидимому, ожидал этот вопрос. Это было видно потому, что он, не задумываясь даже на минуту, сразу же начал отвечать на вопрос Султана. Но прежде чем начать говорить о главном он спросил:

- Скажи мне, повелитель, как мне нужно называть тебя? Ты для меня и Султан, и брат мой. Как позволишь ты мне говорить с тобой?

Али-бей на секунду задумался и потом уверенно сказал:

- Ты можешь называть меня «мой брат». Мы же теперь братья и братство наше может нарушить или позор, или смерть одного из нас.

- Спасибо, брат мой, - отвечал Аль-Харун, с особым удовлетворением делая упор на слова «брат мой».

Ему не могло не нравиться, что человек, слава которого давно уже ушла за пределы пустыни и всего Египта, хочет, чтобы он, простой бедуин, называл его братом.

- Много лет назад к нам пришел человек из Каира, - начал он свой рассказ, - Лицо его закрывала большая темная повязка. Закрывала так, что нам видны были одни его глаза и больше ничего. Приехал он ближе к вечеру, когда солнце клонилось уже к своему закату.

Человек с повязкой на лице назвался Османом, и сопровождавшие его всадники были одеты в туарегские одежды, но седла, конная сбруя и украшения лошадей были не туарегские. Это сразу же отметили многие воины нашего племени. По убранству лошадей и оружию, которое было у пришельцев, сразу же было видно, что они не туареги, а мамлюки.

Осман сошел с лошади и пошел в шатер шейха нашего племени Максуда.

Был он высоким, гибким и, видимо, очень сильным. На его ногах ладно сидели сапоги из дорогого красного сафьяна, которые не по карману ни простому туарегу, ни простому бедуину, никому другому, кроме очень богатого человека или знатного вельможи. Сабля его также была совсем не простой, о чем говорила дорогая тонкая отделка ножен, блестевшая черненым серебром на всегда ярком солнце нашей пустыни.

Как узнали потом воины нашего племени, Осман сказал тогда нашему шейху Максуду:

- Правитель Египта шейх аль Балед Ибрагим Кагая заключил тайный союз с племенем шейха Ансара. Наше племя и племя шейха Ансара веками находилось в состоянии войны. Веками между нами были только кровь и взаимная ненависть. Ни одна девушка из нашего племени никогда не выходила замуж за мужчину из этого племени. Ни один наш мужчина не приводил в свой шатер девушку из племени шейха Ансара.

Наше племя совсем не маленькое, - уточнил Аль-Харун,- при необходимости мы можем выставить до тысячи отважных воинов. Но и племя Ансара тоже не слабое. Оно тоже имеет не меньше воинов.

Племена наши воевали постоянно из века в век. Изредка войны прерывались кратковременными перемириями, которые обязательно нарушались одной из сторон при малейшем удобном случае. Такие перемирия заключались не для длительного мира, а лишь для того, чтобы дать возможность подрасти новому поколению, которое должно было оставить после себя своих сыновей и сгинуть, как и все остальные, в пожаре никогда не затихающей войны между нами.

Осман сообщил нам, что как только Ибрагим Кагая закончит свой военный поход в Палестину и Аравию, он выступит в союзе с племенем Ансара против нас.

Против воинов племени Ансара мы бы устояли. Но если к ним присоединились бы еще отряды шейха аль Баледа, исход войны был бы однозначным.

Все наши воины остались бы на поле боя. Дети попали бы в рабство, а жены и дочери наши мыли бы потом ноги победителям, услаждая их как наложницы.

На вопрос шейха Максуда, что можно предпринять, пока не поздно, Осман дал ответ:

- На днях, совсем скоро, шейх аль Балед Ибрагим Кагая будет ехать с небольшой охраной из Каира в сторону одного из селений, расположенного по дороге на Александрию.

Мои люди заранее скажут Вам, когда он выйдет из Каира, сколько воинов будет с ним и по какой дороге пойдет он. Все остальное и будущее Ваших детей в Ваших руках. С этими словами Осман и сопровождавшие его воины уехали, даже не присев для вечернего ужина и омовения.

Уже через три дня к нам прискакал человек от Османа. Он рассказал, что на завтра к обеду шейх аль Балед выедет из Каира в сопровождении пятидесяти воинов охраны. Он подробно указал нам маршрут его движения и сразу же ускакал к своему господину, так же не отведав нашего угощения.

После его отъезда шейх Максуд собрал глав родов нашего племени. Он рассказал все, что поведал ему посланец Османа и добавил:

- Для того, чтобы сердца наших воинов не просто горели жаждой мщения, но и знали, что их работа будет прибыльной, Осман прислал кошелек с деньгами. При этих словах Шейх Максуд достал из большого кармана своего халата увесистый шелковый кошелек и высыпал на ковер, вокруг которого сидели старейшины родов, большую горсть золотых монет.

Таких больших денег люди нашего племени не видели никогда. На эти монеты можно было купить хорошее стадо верблюдов и еще большее стадо коз и овец.

Все застыли от удивления.

Монеты, которые увидели старейшины, развеяли все их последние сомнения. Теперь никто даже не спрашивал, правду ли сказал Осман про тайные и никому неизвестные замыслы шейха аль Баледа. Это не играло теперь никакого значения. Главным с этого момента стало только количество денег.

После того как Максуд сказал, что когда работа будет закончена и голова шейха аль Баледа будет снята с плеч, Осман добавит еще столько же монет, старейшины племени без лишних слов перешли к обсуждению плана дальнейших действий.

В тот же вечер было решено отобрать сто пятьдесят наиболее сильных и храбрых воинов племени. Они должны были встретить отряд шейха аль Баледа и выполнить заказ Османа.

В число этих ста пятидесяти воинов попал и я. Уже тогда я считался одним из самых сильных и умелых воинов племени, хотя было мне к тому времени только двадцать лет.

Я еще не был женат, и никто к тому времени даже не заводил со мной разговор о женитьбе. Для того чтобы жениться, даже у нас в пустыне, нужны немалые деньги на свадьбу и выкуп. У меня таких денег еще не было.

Подвернувшийся случай давал мне возможность заработать на свадьбу. От такой возможности я, как и многие другие мои сверстники, отказаться не мог.

Ранним утром следующего дня мы скрытно вышли из селения, чтобы никто ничего не увидел и не донес бы никому о наших планах. В пустыне даже у барханов есть уши. Это необходимо было помнить всегда.

В нужное время в нужном месте мы ждали отряд шейха аль Баледа, укрывшись за невысокой каменистой возвышенностью

высившейся недалеко от предполагаемого пути следования правителя Египта и его охраны.

Очень скоро вернулись наши разведчики, которые сказали, что отряд примерно из полуста человек едет в нашу сторону.

По их словам других отрядов или людей поблизости не было. Все было так, как и сказали нам люди Османа.

Теперь оставалось только ждать.

Ждать пришлось совсем недолго. Уже через полчаса вдали показался отряд всадников. Они медленно ехали по каменистой дороге в пустыне, не подозревая о нашем близком присутствии. Когда они приблизились к нам на достаточно близкое расстояние, мы, по команде старшего, вылетели из-за бархана и понеслись навстречу им.

Я не знаю как так получилось, но отряд, который сопровождал шейха аль Баледа Ибрагима Кагая очень быстро среагировал на наше появление.

Всем командовал один молодой мамлюк, в руках которого было две сабли. По одной в каждой руке. Я это сразу увидел и запомнил надолго. Почему - я скажу тебе чуть позже, и, думаю, ты поймешь, почему я запомнил это надолго.

Он молниеносно разделил свой отряд на две части.

С правителем осталось человек десять его охранников, а остальные, перестроившись в гибкий полукруг, понеслись навстречу нам, охватывая нас по бокам.

Впереди перешедших в атаку мамлюков летел на высоком белом коне все тот же молодой воин, в руках которого блестели две сабли. Было ему лет восемнадцать. От силы девятнадцать.

Когда он врезался в наши ряды, я увидел, как две его сабли засверкали как молнии, и двое моих соплеменников сразу же сползли из седел под копыта своих лошадей. Дальше - больше. Весь его путь оказался усеян трупами воинов нашего племени. Пройдя через наши ряды, как нож через масло, он развернул свою лошадь и опять врезался в нас. Я видел своими глазами, но никак не мог поверить, что человек может так работать двумя саблями одновременно. Это было что-то невероятное, но это было именно так, и я видел это своими глазами, как вижу тебя вот сейчас.

И тогда я решил испытать свою судьбу. Ведь я уже тогда считался одним из самых лучших воинов в своем племени.

Я повернул свою лошадь, и она понеслась навстречу тому, кто разил всех кто попадал ему под руку.

«Он мой!»,- закричал я звериным голосом. Он услышал мои слова. Он увидел, что я скачу в его сторону, и принял мой вызов.

Так бывает, наверное, только у нас в Египте, где встречаются лучшие воины мира мамлюки и бедуины. Все, кто до этого рубились, забыв обо всем на свете, остановились как по команде. Все опустили оружие и застыли, глядя как мы несемся навстречу друг другу.

Когда между нами оставалось зиров пятьдесят-шестьдесят, я услышал, как он что-то прокричал мне.

В пылу схватки я не разобрал его слова, но в следующее мгновение моя сабля, которая всегда находила свою дорогу, была оставлена саблей в его левой руке, а сабля, которая была у него в правой руке, почти без замаха сверкнула над моей головой. Я успел на мгновение отклониться от ее блеска, и она прошла по моей щеке. Спасло меня и солнце, которое ослепило в этот момент коня моего противника, и он дернулся немного в сторону.

Его сабля рассекла мою щеку на две части. В это время наши кони разнесли нас в разные стороны.

Уже через несколько секунд он развернул своего коня, даже не притронувшись к поводку. Только тут все увидели, что он вообще не держит поводок своей лошади. Как управлял он своей лошадью никто так и не понял, но она делала все то, что он хотел, как будто поводок был у него в руках. По-видимому, он подавал команды лошади или ногами, или голосом.

В следующее мгновение я увидел, как он несется на меня и я понял, что настал последний час моей жизни. Но тут произошло то, чего никто не ожидал.

Увидев, что я выронил саблю и держу рукой перерубленную щеку, он опустил свои сабли и подскакав ко мне сказал:

- Я воинов без оружия не убиваю. Даст Всевышний, мы еще встретимся с тобой.

Только тут я увидел, что этот мамлюк моложе меня. У него еще даже нормальных мужских усов не было, но глаза его смотрели строго, как у совсем взрослого мужчины.

Получив неожиданный отпор и сокрушенные редким благородством безусого молодого мамлюка, воины нашего племени собрали трупы наших соплеменников, повернули коней и медленно,

старяясь хоть для виду сохранять благопристойный вид, поскакали назад. Никто не стал преследовать их.

Все, что было потом, я помню очень плохо. От большой потери крови я потерял сознание. Что произошло, я узнал от своих друзей, когда пришло время моего выздоровления. Пока меня везли к моему дому, я потерял много крови. От пыли из-под копыт коней и всяких мошек я еще чем-то заразился и чуть не умер в пути. Меня вылечила знахарка Хабиба, которая знала как отгонять духов смерти от человека, который еще не дошел до ворот, откуда начинается дорога на тот свет.

Когда воины нашего отряда вернулись домой, никто не поверил их рассказам о шайтане в образе молодого мамлюка который дважды прошел по их рядам и унес с собой души почти двух десятков лучших воинов нашего племени.

Все это время Али-бей внимательно слушал Аль-Харуна, ни на минуту не перебивая его рассказ. Лицо его потеплело. В глазах засветились добрые огоньки, будто он увидел или услышал что-то знакомое, но давно забытое.

Давным-давно, когда в наших краях еще не было мамлюков, бедуины считались лучшими воинами подлунного мира, - продолжал тот, даже курды смиряли свою гордыню, когда встречались с людьми из наших племен. Одна была у нас беда. Мы все время воевали друг с другом. Наши старики всегда говорили, что если бы мы перестали убивать своих соплеменников и объединились бы в одно войско, то мы дошли бы дальше, чем Искандер Двурогий (Александр Македонский) и воины Темучина (Чингис-Хан). Но Всевышний создал нас такими, какие мы есть. Мы всегда убивали, и будем убивать друг друга. Это наша беда и радость для тех, куда не дошли копыта наших коней.

Потому, наверное, и остались мы в своем мире бескрайнего песка и грозных песчаных бурь. Остались навсегда.

Послушав рассказы тех, кто участвовал в этом сражении, все говорили:

- Не может человек, которого Всевышний вылепил из песка и глины, рубить двумя саблями одновременно.

- У него одна голова, а не две, - добавляли старики, прошедшие за свою жизнь не одну сотню битв и сражений. - Мы многое что видели, но о таком даже не слышали. Наверное, всех ослепило

солнце пустыни или Иблис[5] ослепил их. Так не бывает, - заключили они, и, посовещавшись еще некоторое время, старейшины решили:

Рано или поздно Шейх-аль балед будет ехать обратно в Каир. Не навечно же он уехал из своего дворца. Нужно снова встретить его, и теперь уже не упустить свой шанс. Заодно посмотреть на того, кто так напугал бесстрашных доселе воинов пустыни. Все хотели узнать действительно он такой герой или это шайтан на самом деле ослепил наших воинов в первый раз.

Были и те, кто отговаривал наших воинов от повторного шага к беде, но их никто не слушал.

Все сомнения развеял посланник Османа, который снова прискакал к шейху Максуду после полудня следующего дня. Он привез еще много золотых монет и сказал, что нужно повторить нападение, но только большим числом воинов.

В тот же день двести воинов нашего племени ушли в пустыню. Ушли, чтобы еще один раз испытать свою судьбу.

Когда шейх аль Балед и его охрана ехали назад они снова напали на них. Результат был еще хуже. Мы потеряли в этом бою больше тридцати воинов.

И снова мамлюк с двумя саблями нанес нам самый большой урон. Он, как тень смерти, прошел несколько раз по нашим рядам, унеся с собой души многих наших лучших воинов.

Вскоре все узнали и имя этого мамлюка. Его звали Али.

При последних словах Аль-Харуна Али-бей сдержанно улыбнулся, но не сказал ни слова.

- Вскоре слава о нем как о непобедимом воине прокатилась по просторам пустыни, Нижнего и Верхнего Нила, Сирии, Палестины и всей Аравии.

Многие говорили, о том, что я единственный из тех, кто уцелел, повстречавшись с его саблями, несшими на своем острие смерть.

Прошло совсем немного времени и уже старики ночью у огня рассказывали детям рассказы о нем, которые скоро превратились в полусказки и в полулегенды. При последних словах Аль-Харуна, Али-бей еще раз невольно улыбнулся. Он уже все понял, но, по-прежнему, не прерывал рассказ своего побратима.

[5] Иблис - дьявол

Может быть, поэтому никто из нас не удивился, когда через много лет в пустыню пришла весть о том, что мамлюки избрали его своим правителем – шейхом аль Баледом, - продолжал Аль-Харун. - Многие мои знакомые беззлобно шутили, разговаривая со мной. Смотри, Аль Харун, твой ангел хранитель стал владыкой всего Египта. Скоро, наверное, и ты станешь большим человеком. Но я как был простым воином пустыни, так им и остался.

Никто теперь не удивлялся, когда приходили к нам в пустыню все новые и новые известия о победах Али-бея в Сирии, Палестине, Аравии и Хиджазе.

Все говорили о том, что теперь настала очередь надменных турок. И они не ошиблись. Пришла и их очередь. В сражениях с ними полетело немало голов непобедимых доселе янычар и Турецких пашей.

Но разве смел кто-нибудь безнаказанно затронуть интересы Великой Порты? У Порты было не только много сил, но еще больше денег. На них они могли скупить всех предателей арабского мира.

Так оно и случилось. Заговоры и предательства все громче и все сильнее стали сотрясать Египет. Мы слышали о многих из них, - продолжал Аль Харун.

Слышали и о том, как хотели убить тебя в башне на острове посреди Нила. Слышали, как Всевышний в очередной раз показал тебе свое милостливое лицо, спасая от неминуемой гибели в башне, а затем и в водах великого Нила. Так было всегда. Так, наверное, всегда и будет.

Такой создал нашу страну и людей, живущих на ней наш Создатель. Он создал нас такими, чтобы здесь на земле определить дорогу каждого из нас. Кому в рай, а кому в ад. Все это было потом, а тогда, много лет назад, когда шейх аль Балед Ибрагим Кагая начал выяснять, почему мы напали на него оказалось, что никакого тайного союза с племенем шейха Ансара он не заключал. Всё это было неправдой и вымыслом, но дело было уже сделано и ничего нельзя было уже изменить. Человек, лица которого никто так и не увидел, исчез. Лишь в памяти каждого из нас остались ножны его большой сабли, отделанные дорогим черненым серебром.

Вот и все, что я могу рассказать тебе, брат мой, о том, как я узнал тебя. Когда в твоих руках заблестели две сабли, я сразу же

понял, кто передо мной. Во всем подлунном мире так искусно работать двумя саблями мог только один человек, и я сразу понял, кто это, - закончил свой рассказ Аль Харун. – Помнишь, ты сказал мне тогда на поле битвы: «Мы еще встретимся с тобой». Вот мы и встретились. Видно так было угодно Аллаху.

Все это время Али-бей молча слушал рассказ своего нового брата. Брата, которого подарила ему судьба. Лишь после окончания его повествования Али-бей спросил:

- Брат мой, ты почему-то не сказал ни слова об Османе. Кто он был такой, и что стало с ним потом.

- Не знаю, - отвечал Аль Харун, - С тех пор никто из нас больше не видел его. Одни говорили, что видели человека похожего на него во дворце Турецкого Султана. Другие говорили, что видели его в окружении наместника Султана в Египте Рахима Мехмед-паши. Третьи утверждали, что он очень похож был на мамлюка курдского происхождения Махмета, которого убил ты в башне на острове посредине Нила.

При последних словах Аль Харуна, Али-бей почему то отчетливо вспомнил, что ножны из которых вынимал Махмет свою саблю во время их поединка были покрыты узором из прекрасного черненого серебра.

Вскоре Али-бей и сопровождавшие его всадники выехали на центральную площадь города прямо перед дворцом, где жил теперь новый Султан Египта.

По обычаю своих предков из далекой Абхазии Али-бей пригласил своих спутников в дом, чтобы разделить с ними и поздний ужин.

Аль Харун и сопровождавшие его бедуины дружно отказались от угощения, сославшись на то что у них еще долгая дорога домой, где их ждут неотложные дела.

Али-бей не стал настаивать на своем приглашении и, поблагодарив их за все, отпустил домой, прежде взяв с них слово, что в ближайшие дни они посетят его.

Бедуины подождали, пока Али-бей и его спутники не въехали в ворота дворца, и затем до слуха Али-бея донесся мерный цокот копыт, уходивший все дальше и дальше в кромешную тьму короткой Египетской ночи.

ПЛЕЩЕЕВ

Иногда Али-бей молился Всевышнему совсем не по канонам мусульманской религии.

Он становился на колени и разговаривал со своим создателем на абхазском языке. Вообще- то он знал, что с Аллахом нужно разговаривать только на арабском, и потому он начинал обращение с одних и тех же слов:

- О, Всевышний! Не осуждай меня за то, что хочу сказать тебе о том, что у меня на душе на моем родном языке. И этот язык, и народ, который говорит на нем, создал ты.

Если бы ты не желал того, не было бы ни народа Абаза, ни его языка. Если можно, услышь меня когда, буду я говорить на языке моих предков.

Просил он в эти минуты совсем немного.

- О, Всевышний,- говорил он, стоя на коленях и протянув руки в ту сторону, где находилась Мекка, - Я прошу тебя совсем о немногом. Не дай мне ослепнуть и оглохнуть, чтобы мог я видеть и слышать боль и радость людей живущих вокруг меня. Не дай мне сбиться с пути истинного, чтобы не пришлось потом сожалеть о шагах своих.

Многих в этой жизни ослепили слава и деньги. Сбереги меня от этой болезни. Дай мне возможность, когда подойдет мой срок умереть так, чтобы люди от всей души оплакивали меня, а не выдавливали из себя скупые слезы. Дай мне возможность спокойно предстать перед тобой, не страшась грехов своих.

Он не знал точно, как называется то, что он делал – Молитва или просьба, но он это делал и знал что после таких слов ему становилось и легче и спокойнее. В такие часы он был уверен, что Всевышний услышал его и не даст ему стать таким, каким становились многие люди увидевшие блеск славы, и услышавшие обманчивый звон больших золотых монет.

Ни один смертный не познал еще до конца сути человека. Не смог познать не только сути другого человека или сути человека вообще, а даже самого себя. Видно, ведомо то только Всевышнему. Только тому, кто создал человека и который заберет его тогд,а когда наступит на то его срок. Никому не дано увидеть мир таким, какой он есть на самом деле.

Али-бей знал, что ум человека нельзя измерить обычными мерками. Придет время, поднимется он выше облаков и опустится на дно морское. Многое познает он. Не в силах будет только заглянуть внутрь самого себя и увидеть, кто же он на самом деле.

Не дано было это Али-бею. В отличие от многих других, он понимал это, и потому придерживался с определенных пор бесспорной для него истины. Истины проверенной веками.

Правитель должен всегда уметь хранить тайну не только от врагов, но и от друзей. Что у них в душе и на что они способны, знает только Создатель. Кто из них может предать, не ведому было никому. И Али-бею тоже.

Предательство Махмета и Рашида еще один раз подтвердило старую как весь этот мир истину - предать могут только свои. Предают обычно самые близкие. Теперь, после их исчезновения, Али-бей прекрасно осознавал, что в самое ближайшее время многое из того, что задумано было им лично, диваном и членами бейликата будет достоянием дворца турецкого Султана.

Нужно было предпринимать срочные меры чтобы минимизировать потери Египта от информации, которая дойдет до Стамбула в ближайшие дни.

С этой целью он решил посоветоваться с Апстха и Мухамад-беем.

Уже через полчаса оба они стояли перед ним, ожидая, что скажет он им. Султан предложил обоим им присесть. Разговор предстоял долгий и трудный.

После длительного разговора выяснилось, что у них примерно такое же мнение, как и у него по ситуации, возникшей на сегодняшний день. Такое единодушие бывало у них очень редко и говорило только об одном.

Большинство планов намеченных диваном мамлюкских беев в борьбе Египта за свою независимость нужно было срочно пересмотреть и откорректировать с учетом ушедшей в Стамбул информации.

В особой степени касалось это визита тайного посланника Российской императрицы.

После тщательного обсуждения вопроса было принято следующее решение.

Собрать на завтра членов дивана для того чтобы обсудить этот вопрос.

Было заранее обусловлено, что Апстха выступит против любых контактов с Плещеевым и потребует, чтобы его немедленно выслали из страны. Мотивом для такого решения должно было быть то, что Россия - страна неверных и потому всякий союз с неверными Египту, как стране мусульманской, не нужен. Мухамад-бей поддержит это мнение в решительной форме и добьется через Мурад-бея и Ибрагим-бея, чтобы принято было именно такое решение.

Затем будет предложено направить в Александрию, где находился Плещеев кого-нибудь из членов дивана с тем, чтобы они довели до его сведения решение дивана отказать ему во встрече с Султаном Египта.

Все это должно было быть отвлекающим маневром с тем, чтобы до Стамбула дошла информация о том, что Али-бей не пошел на контакт с Россией.

В то же время за сутки до того как посланцы дивана будут отправлены в Александрию, туда должны были тайно выехать Мурад-бей и Ибрагим-бей. Их задача состояла в том, чтобы объяснить Плещееву, что Али-бей не возражает против встречи с ним, но в виду сложившихся обстоятельств нужно будет выслушать посланцев дивана и демонстративно отплыть из Александрии.

Затем через месяц Плещееву надлежало, не афишируя свое имя и цели своего приезда скрытно приехать в Александрию под видом купца и найти человека которого они покажут ему.

Вместе с ним Плещеев будет доставлен в Каир, где и произойдет его встреча с Али-беем.

Али-бей всегда считал, что каждое важное решение, каждый важный шаг должен быть многократно обдуман, тщательно взвешен и оценен. В такой ситуации важно было заранее продумать все возможные последствия такого решения и не упустить ни одной мелочи, которая могла привести в дальнейшем к непоправимым последствиям.

Жизненный опыт подсказывал Али-бею, что именно такие, на первый взгляд не особо заметные детали, могут порой сыграть свою роковую роль.

Исходя из этого, Али-бей попросил Апстха и Мухамад-бея еще раз продумать каждый нюанс принятого решения и к вечеру явиться к нему со своими предложениями и уточнениями.

Чтобы избежать обычные в таких случаях возможные накладки мыслей одного из них на мысли другого он попросил их прийти по одному в разное время.

Апстха и Мухамад-бей пришли к Али-бею вечером в разное время, но предложения у них были одинаковые.

Такое единодушие в мнениях людей, которые обычно имели довольно противоположные точки зрения на большинство других проблем, убедило Али-бея в том, что план действий намеченный им в наибольшей степени соответствует требованиям создавшейся ситуации.

Убедившись в том, что другой альтернативы по решению данного вопроса нет, Али-бей решил назначить заседание дивана через три дня.

Он бы мог назначить заседание дивана и на завтрашний день, но специально дал трехдневный временной зазор. При этом он заранее известил всех членов дивана о вопросе предполагаемом к обсуждению.

Сделано это было для того чтобы слух о проблеме, которая будет обсуждаться на Совете мамлюкских беев, разошелся как можно шире и привлек бы внимание соглядатаев Турецкого Султана, коими в изобилии кишели Каир, Александрия и другие города Египта.

Когда их внимание будет невольно сосредоточено на вопросе предстоящих контактов Али-бея и посланника русской императрицы, имя которого вслух не произносилось, то они обязательно будут ждать результатов принятого диваном решения. Как только они узнают результаты принятого решения, они обязательно известят об этом своих хозяев в Стамбуле.

На это и было рассчитано все действие. Али-бею нужно было, чтобы Стамбул поверил, что контактов нет и не будет больше никогда. Это давало ему возможность выграть время для того, чтобы определиться, нужен ли ему такой контакт вообще или нет.

- Если нужен, то что он должен дать ему и Египту в целом? Какие задачи нужно ставить перед посланником и что требовать от него?

Для того чтобы правильно ответить на эти вопросы нужно было в первую очередь знать, кто такой Плещеев? Какой социальный статус занимает он в Российской иерархии? Какие у него полномочия?

Вскоре были получены ответы на все эти вопросы, которые положил ему на стол новый Кящиф Мухетдин. Из донесений было видно, что Сергей Плещеев носил титул графа и происходил из старинного знатного дворянского рода России.

Одна из сестер Плещеева была замужем за князем Гагариным, имевшим большой вес при дворе Екатерины II.

Сам Плещеев состоял на посольской службе князя Репнина в Стамбуле.

При этом всем, в посольстве было известно, что Сергей Плещеев имеет особые полномочия от самой императрицы, об истинных целях и масштабах которых не знал даже сам посол князь Репнин. Таким образом, стало очевидным, что с Плещеевым можно вести переговоры. Он имеет достаточные статус и полномочия для того чтобы решать с ним дела особой государственной важности.

Через три дня после принятого решения о необходимости принять посланника Русской императрицы состоялся Совет мамлюкских беев, который был основой существовавшей в те времена структуры самоуправления в форме бейликата.

Придя к власти, а затем и объявив себя Султаном Египта, Али-бей не стал на первых порах упразднять систему самоуправления, лишь несколько видоизменив ее права и обязанности.

Совет беев, как и предполагал Али-бей не рекомендовал Султану входить в переговоры и ни в какие контакты вообще с посланником державы неверных гяуров.

Али-бей публично объявил Совету, что он принимает его рекомендации, хотя это решение Совета не однозначно.

Уже в ближайшее время решение принятое Советом мамлюкских беев, а затем и Султаном Египта стало достоянием Стамбула.

Это и было конечной целью Али-бея, которому необходимо было усыпить бдительность своих Стамбульских оппонентов. Дело было сделано. Теперь оставалось только ждать, когда снова появится в пределах Египта посланник Екатерины II.

Плещеев не заставил себя долго ждать и ровно через месяц, как и было оговорено с ним появился в Александрии откуда незамедлительно был переправлен на первом же корабле в Каир.

Прибыл он туда под видом английского купца, который зафрахтовал голландское судно для ведения торговых дел с купцами из Египта.

Уже через три дня после этого состоялась его тайная встреча с Али-беем.

Был он одет как истинный англичанин, чисто говорил по-английски, и потому даже самому опытному соглядатаю Турецкой охранки даже в голову не могло прийти что перед ним не английский джентльмен, а русский дворянин. Возможно, что этому содействовало так же то, что совсем еще недавно Плещеев состоял на службе у королевы Великобритании, где в звании офицера флота ее Величества плавал на военных кораблях в водах Тихого и Атлантического океанов.

Был Плещеев довольно высокого роста. Светловолосый и стройный он с первого взгляда производил на собеседника приятное впечатление.

Взгляд его светло голубых глаз был добрым, приветливым и сразу же располагал к себе собеседника открытостью и искренностью.

Встреча с ним произошла в доме одного из самых близких друзей Сахиба, куда Али-бей одетый как часто это бывало в последнее время в костюм простолюдина, прибыл вместе с Сахибом поздней ночью.

Когда Али-бей вошел в комнату, где ожидал его Плещеев тот сидел на низком диване перед таким же низким круглым столиком на трех ножках. На столике дымилась чашечка ароматного турецкого кофе. Рядом с чашечкой стояла красивая расписная ваза с восточными сладостями.

Увидев вошедшего в комнату человека в одежде из простой домотканой ткани, Плещеев даже не приподнялся, чтобы поприветствовать незнакомого посетителя. Он принял его за одного из слуг обслуживавших дом. Прошло всего одно мгновение, и повелительный взгляд светло карих глаз Али-бея приподнял посланника императрицы с дивана, заставил низко склониться перед ним и понять, как легко может обмануть человека одежда и как быстро отрезвляет заблудшего взгляд монарха.

Увидев эту картину, Али-бей снисходительно улыбнулся и легким кивком головы дал понять графу, что он понят и милостиво прощен за допущенный охрех. Ступая почти неслышно по мягкому персидскому ковру, которым был застелен пол в комнате, Али-бей прошел к креслу, которое стояло напротив низкого столика.

Сев в него и приняв удобную для него позу, Али-бей жестом предложил сесть Плещееву, все еще стоявшему недалеко от него в почтительном поклоне. Увидев, что ему разрешили присесть, Плещеев галантно поблагодарил Султана за разрешение сидеть в присутствии монарха и, не ожидая вторичного приглашения, присел на свое место.

В ту же минуту Сахиб и его товарищ принесли на подносах чай, кофе, холодную воду и множество фруктов в красивых вазах.

Поставив все это на столик, стоявший между диваном и креслом, они вышли, но Плещеев увидел в неплотно закрытую дверь, что они тотчас передали освободившиеся подносы слугам и встали сами около двери. В ту же минуту дверь закрылась, и граф понял, что вошедшие с подносами были далеко не слуги, а слуги по-видимому даже не заходили в их комнату, чтобы никто из них не увидел лица того кто там находится.

Подготовка к переговорам были долгая. Сами переговоры - совсем короткими. Всего минут 20-30 не больше.

Али-бей внимательно выслушал все, что сказано было Плещеевым. Он ни разу не сказал ни «да», ни «нет». Не менялось даже выражение его глаз в протяжении всего монолога Плещеева. Он сидел и слушал. Слушал внимательно все, что было сказано посланником и все то, что оставалось между недосказанных слов.

Когда граф закончил свою речь Али-бей коротко ответил:

- Все что Вы сказали мне сейчас, граф, имеет для нас определенный интерес. Нам есть о чем подумать. Ответы на такие сложные вопросы не могут быть даны в короткий срок. Погостите в Каире несколько дней. Этот дом, его хозяин и его слуги полностью в Вашем распоряжении. В Каире есть на что посмотреть, есть что увидеть, есть чему удивиться. Вас свозят к гробницам наших фараонов, покажут верхний Нил. В общем ждите. Я скоро дам Вам ответ. С этими словами Али-бей вышел из комнаты, кивнув на прощание Плещееву головой. Руки графу он не подал. Законы шариата не позволяли мусульманскому владыке подавать руку неверному гяуру.

В тот же вечер в рабочем кабинете Али-бея сидели, ожидая прихода его хозяина Апстха, Мухамад-бей, Мурад-бей и Ибрагим-бей. Это были лица наиболее приближенные к Султану и пользовавшиеся его полным доверием. Все они были кавказцы. Апстха и Мухамад-бей были из племени Абаза. Апстха из племени Кизалбе-

ковцев, что жили на Северном Кавказе, Мухамад-бей из Самурзаканских абхазов. Ибрагим-бей - убых. Это племя то же было когда-то частью народа Абаза, но со временем несколько обособилось, хотя и говорило по-прежнему на одном из отдалившихся диалектов языка абаза.

Мурад-бей - адыг, он бжедуг.

У дверей кабинета стоял Сахиб. Сахиб тоже кавказец. Он шапсуг. Он не бей и потому не имел право голоса, но Али-бей так поставил дело, что зачастую слово Сахиба могло оказаться решающим. Все знают, что как только освободится место в Совете мамлюков, Сахиб будет произведен в беи и станет членом дивана. А пока Сахиб начальник охраны Али-бея и его немногословный друг. Друг, который мало говорит, но все видит, все слышит и всегда готов не только обнажить свою саблю ради Али-бея, но если нужно будет и отдать свою жизнь за человека, которого он считает достойным своей дружбы.

Многие века в мамлюкском сообществе шла борьба за власть.

В разные времена правителями Египта были курды албанцы, тюрки, но чаще всего Кавказцы. То абаза, то адыги, то грузин. XVIII век был веком Кавказских правителей. Они и оказались последними правителями Египта до прихода на Египетские земли войск корпуса албанских стрелков Мухамеда Али и будущего властителя Европы великого Бонопарта Наполеона.

Собравшиеся на совещание сидели вокруг традиционного низкого столика на трех ножках и пили кофе, обсуждая последние новости.

У всех на устах ходила сейчас последняя новость о женитьбе сына Фуад-бея на дочери шейха арабского племени. Эта новость была тем примечательна, что многие уже века мамлюки считались замкнутой военно-политической элитой государства, которая не допускала в свои ряды местных египтян и крайне редко смешивала свою кровь с кровью племен местных народов.

Чем было вызвано такое негласное правило в мамлюкском сообществе, никто не знал, но такое правило существовало уже давно. Правило это стало со временем порядком или даже обычаем, соблюдение которого считалось неукоснительным правилом.

Сам Фуад-бей был родом из Албании, свято чтил обычаи и традиции мамлюков и почему он дал все-таки согласие на такой брак

своего сына, для всех было большой загадкой. В том, что он не только дал согласие на такой брак, но и был инициатором такого шага, никто не сомневался. Не сомневался хотя бы потому, что согласно обычаям, существовавшим в те времена, невесту для сына подбирали только родители. Родители подбирали невесту, договаривались с ее родными об условиях и сроках проведения свадьбы и уже в последнюю очередь ставили в известность о принятом решении своих детей. Правильно это было или нет, теперь уже трудно сказать. Такое было тогда время. Такие были нравы, но зато семьи были крепкие и не менее счастливые, чем в наши времена.

Сахиб открыл дверь. В кабинет вошел Али-бей. Все быстро встали, отодвинув от себя чашечки с кофе.

Али-бей поздоровался с каждым из присутствующих согласно арабскому этикету и прошел на свое место. Сел на кресло с мягкими подушками. Все стояли и ждали. Али-бей показал жестом, что они могут сесть на свои места. Восточный этикет не позволял подданным сидеть в присутствии Султана, но Али-бей был воспитан в демократичном духе мамлюкского сообщества. Он считал, что важные дела лучше обсуждать неспеша, удобно устроившись и не отвлекаясь на церемониальные формальности.

Присутствующие сели на свои места и приготовились слушать Али-бея. Они знали о прошедшей встрече Али-бея с Плещеевым и ждали подробности разговора правителя с посланником Российской императрицы.

Каждый из них понимал, что итоги вчерашних переговоров Али-бея и Плещеева могут кардинальным образом изменить соотношение сил и обстановку в целом не только в Египте, но и во всем Ближневосточном регионе.

Египет имел прекрасных воинов, но не имел Армии в полном смысле этого слова. Мамлюки были превосходные воины единоборцы, но мамлюкское войско в целом было иррегулярной армией, больше имевшей сходство с народным ополчением, чем с современной регулярной армией. Мамлюки имели очень малое количество огнестрельного оружия, артиллерии и боеприпасов к ним.

Отряды мамлюков не были обучены тактике ведения войны, строю, дисциплине. Каждый мамлюк был храбр, прекрасно владел холодным оружием, но воевал сам за себя. Если бы вооружить это войско современным оружием, научить его соблюдать дисципли-

ну и единую стратегию ведения боя армия мамлюков могла стать одной из сильнейших в мире. В этом отношении мнение всех собравшихся мамлюкских военноначальников было единодушным.

Помощь Российской империи может оказаться очень полезной и своевременной. Если она даст оружие, боеприпасы к ним и поможет превратить мамлюкское войско из подобия народного ополчения, собираемого только в случае военной опасности в современную регулярную армию. В этой ситуации было над чем думать. Думать в первую очередь над тем, какую цену заплатит Египет за эту помощь. Не окажется ли плата за союз Египта с Россией против Турецкой империи слишком высокой. Не получится ли так, что этот союз с гяурами изолирует Египет от остальных мусульманских стран, в окружении которых он находился. Таким образом, вопросов было много – ответов мало. Вернее даже ответов не было еще никаких. Их надлежало найти всем тем, кто собрался сегодня в кабинете у правителя страны.

Примерно такие мысли были у каждого из тех, кто собрался в кабинете Али-бея перед тем как он начал рассказывать о предложениях, сделанных ему Плещеевым от имени императрицы. Главное из этих предложений сводилось к одному.

Россия и Египет заключают тайный союз против Отоманской империи. Россия поставляет определенное количество пушек, ружей и боеприпасов к ним с тем, чтобы Египет сразу же после их получения начал активные военные действия против турецких войск в Сирии и в Палестине. При этом Черноморский флот под командованием князя Орлова обязывался оказать всемерную помощь войскам мамлюков, которые будут вести военные действия против янычар на всем Аравийском полуострове. Помощь должна была заключаться в поставке оружия, инструкторов для обучения расчетов пушкарей Египетской армии, а так же в предоставлении Али-бею трех тысяч наемников пехотинцев для укрепления армии мамлюков.

- Вот примерно все, что сказал мне Плещеев в общих чертах, если не считать высоких слов и льстивых эмоций в мой адрес и в адрес всего Египта, - закончил свою речь Али-бей и в заключение добавил: - Теперь, когда Вы узнали, какие планы строит в нашем отношении Россия, я бы хотел, чтобы Вы тщательнейшим образом обдумали все, что Вы услышали сейчас от меня и высказали свое мнение по каждому пункту предлагаемого нам союза.

В этом вопросе очень много и «за» и «против». Нужно все тщательнейшим образом взвесить и высказать свое мнение. При этом не забывайте, что все наши мысли и желания должны быть здесь же забыты. Турция по-прежнему должна считать, что мы отказались от всяких переговоров с русскими. Если мы примем решение о нашем союзе с Россией, то Стамбул должен узнать об этом в последнюю очередь только по грохоту наших пушек и ружей.

Из сказанного Али-беем было очевидно, что от принятого ими сегодня решения могла во многом зависеть судьба Египта и судьба многих из тех, кто собрался сегодня за этим столом.

Первым высказал свое мнение Мухамад-бей. После короткого раздумия, он сказал:

- Все будет зависеть от того, какое количество пушек и ружей предложит нам Россия. Если это будет достаточное количество, которое компенсирует наши потери во взаимоотношениях с соседними мусульманскими странами, то можно и согласиться. Только нужно обязательно подумать и о том, чтобы запасы ядер, пуль и пороха к этому оружию были в таком количестве, которое позволит нам вести долговременные военные действия. А то начнем войну, а на завтра стрелять будет уже нечем. И во вторых, нужно точно знать, почему Россия желает помогать нам? Что кроется за этим? В этом мире ничего бесплатного, особенно в политике, не бывает. В этом мире за все нужно платить. И мы должны уже сейчас точно знать, за что и сколько мы будем платить.

Мнение Ибрагим-бея было примерно таким же:

- Союз с русскими может дать нам пользу, нужно только получить от этого союза максимум выгоды. Все будет зависеть от того, какие цели преследует Россия, предлагая нам свою помощь. Если их основная цель только в том, чтобы нашими активными боевыми действиями отвлечь резервы турецкой армии от Черноморского и Преднестровского театров военных действий - это одно. Если же Россия, используя нас, хочет сама поставить свои ноги на Ближневосточной земле, то это совсем другое дело. В нашу сторону давно и не без интереса смотрят жадными голодными глазами англичане и французы. Если к ним добавится еще интерес русских, нам будет нелегко. Надо думать, чтобы мы своими руками не ввели в наши загоны еще одного хищника.

Мурад-бей был еще более категоричен в своих суждениях.

- Надо брать у русских все, что они дают. Выгодно будет - будем сотрудничать. Не выгодно будет - никогда не трудно отказаться от этого союза с ними, тем более что никакого дипломатического документа мы не подписываем и никакого официального договора, обязывающего нас производить те или иные действия мы не заключаем.

Последним высказал свое мнение Апстха.

Он как всегда внимательно и терпеливо выслушал мнение всех присутствующих и начал говорить последним.

- Не мне учить тебя великий Али-бей, - начал он, - ты и без меня знаешь, что делать, но если уж ты спросил мое мнение по этому вопросу, я выскажу его.

Ни для кого не секрет, что русские набрали силу. Наберут еще большую. Они - большой сильный народ. А у большого народа большой аппетит. Их императрица далеко смотрит. Недаром во всей Европе ее начали называть Екатериной Великой.

Ее глаза как глаза всего народа, которым повелевает, они смотрят далеко. Рано или поздно рука русских дотянется и до наших краев. Вопрос не в том, дотянется она или нет. Вопрос в другом: когда она дотянется до нас, какая будет эта рука? Рука друга или рука врага.

Поэтому нам сейчас нужно сделать все, чтобы она стала дружественной, а не враждебной. Чтобы она несла нам благо, а не тень беды.

Поэтому я думаю, повелитель, -продолжил он, - что нужно еще один раз встретиться с Плещеевым. Встречу эту не нужно откладывать в долгий ящик. Чем раньше, тем лучше. Я полагаю, нужно показать ему нашу заинтересованность в дальнейшем диалоге на эту тему. После чего нужно дать ему понять, что в предполагаемом союзе очень много спорных моментов. Нужно сказать все это так, чтобы он понял что принятие того или иного решения с нашей стороны будет напрямую зависеть от следующих факторов:

Желает ли Россия ступить на наши земли или на земли Аравийского полуострова?

Какое оружие и в каком количестве будет представлено нам и на каких условиях?

Нам нужно знать так же в каком месте и каким количеством войск мы должны начать военные действия против войск Турецкой империи расположенных в Сирии?

В общем, ты, повелитель, услышал наши мысли. Теперь твое право принимать то или иное решение.

Али-бей внимательно выслушал мнение каждого из своих советчиков и затем, поблагодарив за высказанные мысли, отпустил всех, напомнив в самом конце:

- Все, о чем говорили мы сегодня в этой комнате должно остаться в ее стенах. Каждый, кто выскажет за пределами этой комнаты хотя бы одно слово о сегодняшней встрече, предаст не только каждого из нас, но и свою Родину. Не забывайте об этом.

После ухода мамлюкских военноначальников, Али-бей спросил Сахиба.

- Теперь ты скажи мне свое мнение. Твое мнение мне особенно интересно, так как ты в отличии от этих беев не имеешь никаких своих личных целей и интересов. При этих словах он показал рукой Сахибу, чтобы он подошел поближе и присаживался на диван.

Сахиб подошел ближе, но присаживаться не стал.

- Я думаю, повелитель, - начал он, - что союз с русскими может многое дать нам, если только все присутствовавшие здесь будут едины и мы не обманем друг друга. И себя тоже, -добавил он после секундной паузы.

Али-бей знал, что Сахиб имеет тонкий наблюдательный ум. Порой он видел немало того что не видели многие из тех кто был вокруг него.

Именно поэтому Али-бей внимательно слушал своего друга и охранника. В его словах часто бывала золотая истина, которая могла ускользнуть даже от него самого.

Сам Сахиб никогда не задумывался над тем, что можно говорить и чего говорить нельзя. Он просто был уверен в том, что говорить неправду человеку, которого он уважает, нельзя. Поэтому он или молчал, или говорил то, что он думает, ничего не скрывая.

Именно это качество особо ценил в нем Али-бей. Многие из его окружения говорили или то, что им выгодно или только то, что нужно было сказать в данный момент.

Тем временем Сахиб продолжал высказывать свое мнение.

- Мне кажется, повелитель, что многие из нас рассчитывают на то, что наш противник глупее нас. Что он ничего не увидит и ничего не услышит. Это может плохо кончиться.

Али-бей молчал, давая Сахибу полностью высказать свое мнение.

Тот на минуту задумался и снова заговорил.

- Повелитель, местные народы говорят. Если крокодил хочет съесть твоего врага, это еще не значит, что он стал твоим другом. Съев его, он может потом съесть и тебя. Я думаю, что нам нужно внимательно подумать чего хочет Россия от нас и почему она собирается помогать нам. Если ее конечная цель Турция и часть ее Черноморского побережья, то союз с Россией естественен и нужен нам. Если же у России другие планы, то нужно думать совершенно по другому и о другом.

Закончив высказывать свои мысли, Сахиб замолчал, ожидая дальнейших указаний или замечаний от Али-бея.

Но Али-бей по прежнему молчал обдумывая то ли сказанное Сахибом, то ли все что он услышал сегодня от своих поданных.

Три дня прошли в долгих мучительных размышлениях. Али-бей взвешивал, оценивал, анализировал, стараясь угадать возможный ход развития дальнейших событий.

Все это время Али-бей никого не принимал, ни к кому не ходил. Даже Нафиса, которая хотела просто посидеть рядом с ним, не была допущена к нему. Лишь один Сахиб изредка заходил к нему, принося ему то воду для омовения перед намазом, то еду, к которой Али-бей почти не прикасался. Забирая из его комнаты очередной поднос с почти нетронутой едой Сахиб сперва молча вопросительно смотрел на него, затем не получив никакого ответа, так же молча уходил из его комнаты.

Наконец на четвертый день Али-бей сказал Сахибу.

- Скажите, чтобы Плещеев ждал меня сегодня. Ночью поедим к нему.

Вторая встреча с посланником Русской императрицы прошла почти так же как и предыдущая за исключением только того что Плещеев уже не удивился ни виду, ни одеянию Али-бея.

Снова Плещеев говорил. Али-бей слушал.

Согласно плану ведения переговоров Плещеев имел в запасе вариант условий, которые он мог предложить Али-бею, если тот не захочет принимать первоначальные предложения России по союзу.

Этот вариант был согласован с Екатериной II, которая после долгих консультаций со своими помощниками одобрила его. Суть этого плана состояла в том, чтобы использовать национальное происхождение Али-бея.

Все, в том числе и приближенные дворе Екатерины II знали, что Али-бей - абхаз, говорит по-абхазски и поддерживает тесную связь с Родиной своих предков. Всем известно было так же, что Али-бей не только поддерживает связи со своей Родиной, но и болеет за ее настоящее и будущее. Этот фактор и предполагалось использовать для того, чтобы склонить Али-бея к Союзу с Россией. Россия была несравненно ближе к Абхазии, чем Египет, поэтому было решено предложить Али-бею следующие условия.

Если компания против Турецкой империи завершается положительным исходом, то Россия возьмет на себя обязательства по реализации плана воссоздания Абхазского царства от крепости Анапа до границ Мигрельского княжества при условии того, что создаваемое царство станет союзником России в Закавказье. Для реализации этого плана Россия поможет Али-бею вооружить и высадить на Черноморском побережье экспедиционный корпус из числа мамлюков - выходцев из этих краев.

В Российских архивах хранились еще документы об аналогичной попытке мамлюкского бея Инала. Тогда, много-много лет назад Инал вернулся на Черноморское побережье с отрядом верных ему мамлюков.

Конечной целью его экспедиции было создание государства двух братских народов Абаза и Адыгов на берегах Черного моря в границах существовавшего здесь когда-то Абхазского царства.

Попытка эта закончилась неудачно. Прах великого Инала остался в урочище Псху, где был он захоронен.

Князь Инал был адыгом, но оставил после себя знаменитую абхазскую фамилию Инал-Ипа, которая до сих пор достойно несет через многие века имя своего великого предка.

России было выгодно воссоздание Абхазского царства в указанных рубежах. Через это дружественное ему государство руки России могли дотянуться до восточных рубежей Турецкой империи, западных границ Ирана и даже до Индии.

Через эту страну мог пролечь самый короткий путь российским товарам в страны Ближнего Востока. И не только российским товарам.

Окружению Екатерины II было очевидно, что эти планы могли полностью соответствовать желаниям Али-бея и побудить его пойти на союз с Россией.

Все вышло именно так, как и предполагали советники Екатерины II. Когда Плещеев увидел, что Али-бей склоняется к отказу от предложения России к сотрудничеству и ведению скоординированных военных действий против Турции, он выложил свой запасной вариант. На самом деле Али-бей только играл роль равнодушного наблюдателя, стараясь своим равнодушием выторговать наиболее удобные для себя условия заключения тайного союза. Уже по глазам Али-бея, который при первых же его словах на эту тему не смог скрыть своего интереса к возможному варианту развития событий при принятии им условий предложенных Российской стороной, Плещеев понял - Али-бея заинтересовал,о в первую очередь, именно последнее предложение Российской стороны.

В его глазах, до того времени равнодушно смотревших на Плещеева, мелькнул живой блеск. Они потеплели и стали смотреть на него с нескрываемым интересом. Увидев изменения в реакциях Али-бея на его дальнейшие слова Плещеев понял, что именно его последнее предложение стало главным и решающим фактором, изменившем весь ход переговорного процесса. Али-бей вообще-то предполагал только добиться для Египетской стороны наиболее выгодных условий.

Такого «подарка», который предложил ему Плещеев, он даже не ожидал. Это был подарок судьбы, и не воспользоваться им было просто грешно.

На самом деле все именно так и было. В течение всего предыдущего времени разговора Али-бей равнодушно слушал слова своего собеседника, давая ему высказаться. Его единственной целью до этого было одно: выслушать все предложения Российской стороны, и, в конечном итоге, дать ответ, который не обязывал бы Египет ни к каким конкретным обязательствам, но давал бы ему возможность в любой момент возобновить переговорный процесс, если бы у него появилась к тому определенная необходимость. Теперь все изменилось. И изменилось, так что Али-бей не смог даже скрыть от собеседника свои чувства.

Увидев изменения в реакциях Али-бея на его слова, приободрился и Плещеев. Он знал, какое большое значение придают в Петербурге той миссии, которую он сейчас выполнял. Знал и то, что от исхода этих переговоров будет зависеть многое не только на театре военных действий между Россией и Турцией, но и в его

личной жизни. Куда пойдет его дальнейшая дипломатическая карьера решались именно сейчас. Этого не скрывал от него и князь Потемкин, который во время их последней беседы прямо так и сказал:

- Не забудь граф, сослужишь эту службе матушке Екатерине должным образом, быть тебе на коне. Не сможешь – пеняй на себя. Не видать тебе более ни славы, ни успеха, ни места, откуда сможешь увидеть ты милостливое лицо императрицы.

Князь Репнин, который присутствовал при их последней встрече с Потемкиным, был старым опытным политиком. Он прекрасно ориентировался в коридорах Екатеринского дворца и потому вот уже долгое время был послом России в Турции. Эта должность была одной из самых сложных, но и самых ответственных в дипломатической системе Российской империи того времени. Определялось это в первую очередь тем, что Турецкая империя начинала медленно катиться вниз с высоты своего многовекового могущества, а Россия стремилась занять те ниши, которые вынуждена была освободить Турция. Два вечно голодных зверя, один из которых начинал дряхлеть, а другой входить в пору своего расцвета встретились на бескрайних просторах Черноморского побережья и прилегающих к нему землях Кавказа, Крыма и стран Балканского региона.

Должность посла России в Турции была в те времена самая почетная, самая сложная и самая непредсказуемая.

После окончания встречи с Потемкиным, Репнин прямо сказал Плещееву:

- Ты получил очень сложное и ответственное поручение граф. Сегодня Потемкин командует войсками России на Черноморском побережье, а завтра возможно будет командовать всей Россией. Так что думай. Тут брат или грудь в крестах или голова в кустах.

Плещеев и сам не раз слышал от многих своих знакомых о стремительном взлете Потемкина, его могуществе и неограниченном влиянии на императрицу, и потому особо тщательно готовился к выполнению своей нелегкой миссии.

Когда он увидел, что Али-бей практически не реагирует на все его аргументы и доводы, и просто дает ему договорить все, что он обязан был сказать, Плещеев понял, что его ждет безрадостное возвращение в Стамбул.

Но когда же он озвучил свой последний аргумент, который они долго обсуждали с Потемкиным и Репниным как самый последний отступной вариант, то сразу же понял, что он попал в цель, которая уже ускользала от него. Еще больше убедился он в своих предположениях тогда, когда в самом конце их беседы Али-бей первым делом спросил ни о количестве пушек и ружей, ни о сроках их поставки, а задал прямой вопрос:

- В каких границах планирует Россия воссоздание Абхазского государства?

Еще до отъезда в Египет Плещеев тщательно готовился к каждому вопросу, который мог задать ему в процессе переговоров Али-бей.

Поэтому как только прозвучал вопрос последнего о границах будущего Абхазского государств, а он без раздумий ответил:

- Северной границей создаваемого государства будет крепость Анапа, южной границей будут земли Мигрельского княжества. На Востоке особых ограничений не будет. Сколько сможете отрезать для себя земли, столько и возьмете вплоть до границ нашей империи. Только на Крымский полуостров не замахивайтесь. Крым – это область наших интересов.

Услышав довольно исчерпывающий ответ от Плещеева, Али-бей задумался и затем сказал:

- А чем конкретно руководствовалась Россия, определяя именно эти границы, а не какие-нибудь иные?

Все, что Вы сказали мне, граф, в отношении бывших границ царства Абаза соответствует действительности, и мне нравится. Но Ваши слова и то, что они нравятся мне это еще не факт, это еще не закон. Это не документ, который является основанием для доказательства истинности указанных Вами границ. Чем Вы докажете всем государствам, имеющим свои интересы в этом регионе правомочность наших с Вами притязаний?

По-видимому, Плещеев ожидал такой вопрос. Он без долгих раздумий достал из кармана лист бумаги и подал его Али-бею.

- Вот, государь, карта, на которой обозначены границы страны Абаза. Она составлена не русскими и не абхазами. Она составлена итальянскими путешественниками. посетившими страну Абаза в конце XIV века. Это и есть тот самый исторический документ, который определяет правомочность наших действий. Таких документов государь есть еще не малое количество. Есть еще карта, которую составил Турецкий историк и путешественник Эвлия Челеби в самом начале XVII века. Уж с ней-то туркам будет тяжело не согласиться, так как ее писал не кто иной, как сам турок. Его-то обвинить в предвзятости и антитурецкой направленности турецкое правительство не сможет.

Последний аргумент Плещеева полностью убедил Али-бея и он прекратил разговор на эту тему.

Фактов и доводов, определявших права народа Абаза на земли от крепости Анапа до Мигрелии было более чем достаточно.

Но не прошло и нескольких минут, как Али-бей вновь вернулся к этой теме и попросил Плещеева рассказать еще один раз о том, что является политическим основанием предлагаемого Россией решения задачи воссоздания царства народа Абаза.

Плещеев снова начал повторять все те же мысли, что были высказаны им несколько минут назад. Он видел, что его миссия может получить положительный результат и потому снова повторил:

- Единственными крупными игроками на политической карте этого региона являются Россия и Турция. Именно для того чтобы лишить веских аргументов единственного возможного противника создания нового государства, коим может стать Турция, выбраны границы о которых я сказал. Нельзя забывать о том, что немногим более ста пятидесяти лет назад великий турецкий историк и путешественник Эвлия Челиби, которого сами турки и вся просвященная Европа называет «Геродотом Османской империи», побывал в этих местах, - повторил ранее высказанную мысль граф Плещеев, - Именно он дал описание этой местности и народов населявших ее в начале XVII века.

После чего Плещеев процитировал слова Эвлия Челиби: «Северо-Западной границей царства Абаза является крепость Анапа – очень прочная крепость, стоящая на крутой скале на берегу моря, на самой границе земель абхазов и адыгов».

- Он же указывает,- продолжал граф, - что южной границей Абхазского царства является река Фаш, за которой начинаются земли Владетельного князя Мигрелии.

В пределах этих границ Эвлия Челиби насчитал около двух тысяч больших и малых поселений и крепостей, в которых жили в ту пору многочисленные племена и роды народа Абаза.

По его подсчетам население этого края насчитывало в те времена более миллиона человек, а само государство могло выставить войско более чем в 100 тысяч воинов без особого ущерба для сельскохозяйственных и ремесленных работ, включая и рыболовство. Эвлия Челиби составил карту царства Абаза, которую он пересек как путешественник с Севера на Юг. Примерно такую же карту и примерно такое же описание границ и земель царства Абаза составил итальянский миссионер Паоло Мацолла. Эти документы и станут юридическим основанием воссоздания царства Абаза, - повторил он снова мысли высказанные им несколькими минутами ранее.

Закончив таким образом свой ответ, Плещеев вопросительно посмотрел на Али-бея, ожидая дальнейших его вопросов. Тот сидел перед ним погруженный в глубокие размышления. По-видимому, последние слова сказанные Плещеевым окончательно убедили его.

Али-бей не задал больше ни одного вопроса, и лишь уже дойдя до самой двери на прощание сказал:

- Завтра я дам окончательный ответ на все Ваши предложения, граф.

С этими словами он вышел.

Плещеев остался в комнате с довольной улыбкой на лице.

Услышал слово «завтра», он был уже почти уверен в том, что завтра от Али-бея придет положительный ответ.

Так оно и вышло. На завтра к нему пришел Сахиб, который принес утвердительный ответ Султана и уточнения по количеству и срокам поставки оружия.

ОДАЛИСКИ

У Али-бея как у всех правителей Востока был большой гарем. Жен и наложниц было много, но лишь две из них всегда ждали его. Это были Нафиса и Мариам.

Они всю ночь напролет ждали его, где бы он не был.

Во всех гаремах мира всегда царила атмосфера зависти, скрытой борьбы и ненависти. Бывали, конечно, и исключения из правил, но таких исключений было мало.

Нафису и Мариам можно было принять за двух сестер. Такое в гареме встречается очень редко.

Нафиса старшая жена. По национальности она грузинка. Когда ей становится тоскливо, она поет песни на родном грузинском языке. Песни плавные, протяжные, как бесконечные зеленые холмы ее далекой Родины. Когда-то она была ослепительно красивой, смуглой, чернобровой, но как все женщины Востока быстро увяла. От прежней Нафисы у нее остались только ум и преданность Али-бею.

Мариам то ли русская, то ли украинка. До того как ее украли и продали в гарем ее звали Марией. В противоположность Нафисе она светлая, синеглазая, золотистые волосы сплетенные в одну большую косу сбегают по ее мраморным плечам, закрытым прозрачной вуалью.

Мариам еще молода. Настолько молода, что даже вуаль не в силах скрыть редкой ослепляющей красоты ее лица и тела.

Она не понимает, о чем поет Нафиса, но подпевает ей прижавшись к ней как к матери, которую она уже никогда не увидит.

Они сидят в комнате Нафисы. Мариам встала с низкого дивана, чтобы подать своей то ли старшей сестре, то ли матери, то ли подруге по неволе кружку прохладной воды.

Когда она идет по мягким коврам, неслышно ступая босыми ногами по мягкому теплому ворсу, создается ощущение, что хрупкая белоствольная береза плывет по морю цветов, которыми расписан ковер под ее ногами.

В Египте никто не видел русских берез, и наверное потому они могли сравнить Мариам только с одинокой пальмой, хрупкую крону которой треплет горячий беспощадный ветер пустыни Сирокко.

Вообще-то отношения Нафисы и Мариам были не столь удивительны, ибо такое могло случиться только в гареме правителя Египта. Дело было в том, что более двух с половиной веков назад в самом начале шестнадцатого века Египет потерял свою независимость и попал в вассальное подчинение Великой Турецкой империи, находившейся тогда в зените своего расцвета. С тех пор Египтом правили ни Султаны, дети которых имели право наследования престола, а правители. Правители Египта, которые носили звание Шейх-аль-Балед и избирались диваном мамлюков. И их дети не имели право наследования и никаких титулов.

Это несколько остужало накал страстей в гаремах правителя, так как основным источником такой борьбы во всех остальных гаремах Великой Турецкой империи, как и других правителей Восток,а была борьба за то, чей сын станет наследником правящего монарха.

Именно этот фактор определял несколько иную обстановку в гареме правителя Египта, где основная борьба была не за право наследования, а за право быть на особом положении, быть первой. Первой не по возрасту и общепринятой гаремной иерархии, а самой любимой женой правителя.

Нафиса и Мариам в этой борьбе не участвовали.

У каждой из них были на то свои причины.

Нафиса рано сдала и ни на что уже не претендовала как женщина. Но при этом Нафиса знала, что она пользуется беспредельным доверием Али-бея и он считает ее самой умной и мудрой женщиной во всем Египте. Со временем их отношения стали почти дружественными, и человек, не знавший кто есть кто, увидев впервые, как общаются они между собой, мог подумать, что это разговаривают брат и сестра.

Такие мысли не вызвали бы ни у кого удивления, настолько уважительным и трогательным было их отношение друг другу.

Али-бей был по натуре человеком благодарным и благородным. Он уважал в Нафисе ее былую красоту, которая почему то очень рано ушла и ее ум. Голова у Нафисы с годами становилась не только светлой от преждевременных седин, но и от мудрости, которой не обделила ее природа.

У Мариам была совершенно другая причина не лезть в драку за место под солнцем.

Она была настолько очаровательна и беспредельно красива, что Али-бей сам тянулся к ней.

Мариам не делала никаких усилий, чтобы понравиться ему. Она была такой как есть. Всевышний создал ее такой, что редкий мужчина, увидевший ее хотя бы один раз, смог бы когда-нибудь забыть ее красоту, грацию и непосредственность, уводившие любого из них в заоблачные дали неземного рая.

Во многом монопольному положению Мариам в гареме повелителя содействовала и Нафиса, которая тонко, ненавязчиво внушала Али-бею мысль об особой красоте и особом уме Мариам.

Мариам на самом деле была не глупа. Ко всем ее достоинствам можно было отнести так же ту искренность, с которой относилась она к Али-бею.

Али-бей, как всякий умный мужчина не мог не понимать, что Мариам видит в нем не столько повелителя, не столько любимого мужчину, сколько человека, которым она восхищается и отношению которого к себе придает особое значение.

Она не только любила Али-бея, но была ему еще преданна, что очень редко бывало во всех гаремах мира. Одалиски во всех гаремах могли любить, но быть преданными они не могли.

Все эти качества придавали положению Мариам в гареме особый статус, на который никто не мог посягнуть.

Она прекрасно понимала, что уважение такого мужчины как Али-бей стоит гораздо больше чем его любовь.

Любовь проходит и уходит. Уважение - это навсегда.

Пример Нафисы был тому прекрасным для нее подтверждением.

Нафиса давно уже потеряла свою красоту и привлекательность, но ею Али-бей дорожил больше чем всеми остальными. Занимать место Нафисы она не собиралась, так как понимала, что сделать это было практически невозможно. Но быть рядом с ней и стать такой же уважаемой и необходимой для Али-бея было и возможным и правильным.

Какое-то шестое, трудно понимаемое, но осязаемое чувство, подсказывало ей, что если она соединит в себе и любовь и уважение повелителя, то она станет не только первой, но и незаменимой для него.

Она не скрывала своих мыслей от Нафисы. Но самое странное было в том, что ее желание быть рядом с ней и второй ее половиной не вызывало у Нафисы отрицательных эмоций. Более того, это даже нравилось ей и она с удовлетворением и доброй улыбкой говорила об этом Али-бею, которому эта мысль так же нравилась.

Между Нафисой и Мариам была значительная разница в возрасте, намного больше, чем в десять лет, но несмотря на это, у них было очень много общих интересов, мыслей и желаний.

Подруги всегда находили о чем поговорить, что обсудить, о чем вместе подумать.

Они обе не скрывали друг от друга, что любят одного человека, но только любовь у них была совершенно разная.

Мариам любила его как женщина. Нафиса как близкий друг, как сестра.

В свое время инстинкт самосохранения подсказал ей, что если она хочет сохранить Али-бея рядом с собой, то это единственная форма взаимоотношений, которая позволит ей остаться рядом с ним и быть ему необходимой.

Так она и поступила. Со временем она привыкла к своей новой роли и даже стала получать истинное удовольствие от того, что вместо любимого мужчины у нее появился близкий по духу дорогой ей человек. Самое удивительное в этой истории было еще и в том, что по прошествии некоторого времени к такому же выводу пришел и Али-бей. Детей которых они имели забрала в свое время странная болезнь, и теперь они, привыкнув к новым своим ролям и новому положению, еще больше привязались друг к другу.

- Скоро уже полночь, а повелителя все нет и нет, не случилось ли с ним что-нибудь, - не столько спросила у Нафисы, сколько спросила у себя Мариам, подавая старшей подруге глиняную кружку с прохладной водой из большого глиняного горшка. Глиняная посуда хорошо сохранила прохладу воды и потому воду из глубокого подвала, где она остывала приносили на ночь в комнаты знатных людей того времени и наливали в толстые глиняные кувшины с тонким горлышком в которых они еще долго сохраняли прохладу и свежесть.

Нафиса приняла чашу и спокойным голосом ответила:

- Не беспокойся, с ним все хорошо, и он скоро вернется.

- Откуда ты знаешь это и почему так уверенно говоришь, как будто заглянули в зеркало судьбы? - снова повторила свой вопрос Мариам, не в силах скрыть охватившего ее беспокойства.

- Ты знаешь, моя хорошая, у меня вот здесь зеркало судьбы, - улыбаясь отвечала Нафиса показывая Мариам на то место, где у всех людей находится сердце.

Часа два назад мое сердце начало тревожно биться и я поняла, что Али-бею угрожает опасность. Оно билось все тревожнее и тревожнее. Тебя здесь не было, и ты не видела, как я прилегла на диван, слушая его тревожный стук. Я лежала и слушала свое сердце, и вдруг оно стало биться ровно и спокойно. Так же спокойно, как билось оно тогда, когда покойная мать моя пела мне колыбельные песни на прекрасном языке моего народа.

Я сразу же поняла, что опасность для Али-бея миновала и теперь можно уже ни о чем не беспокоиться. Сказав все это, Нафиса выпила воды и подала чашку назад в руки Мариам, которая стояла возле нее и ждала, когда ей вернут посуду и ответят на ее вопрос.

- А вдруг твое сердце обмануло тебя или зеркало судьбы обмануло его?- продолжала свои вопросы Мариам, которая не удовлетворилась ответом своей старшей подруги.

- Ты не беспокойся, милая моя, - все так же спокойно улыбаясь отвечала ей Нафиса не капли, не раздражаясь на ее настойчивости, - мое сердце еще не разу не обмануло меня. Не обманывает оно меня и сейчас. Я думаю, что уже до того как взойдет завтра новое солнце ты убедишься в этом.

Но ждать нового солнца им не пришлось. Еще не успела Нафиса закончить свой ответ, как во дворе дворца послышался цокот копыт, и они увидели в окно как спешиваются с лошадей Али-бей и его охранники.

- Ну что, теперь ты будешь верить моему зеркалу судьбы или нет? - спросила Нафиса радостно обнимая Мариам.

- Теперь я буду всегда верить ему, - так же радостно отвечала та и почему то неожиданно заплакала. Видно, у женщин чаши, где хранятся слезы и радостный смех, находятся в одном месте. Оттуда совсем одновременно может политься и то и другое.

Когда Мариам увидела, что Али-бей вернулся домой, и он жив-здоров, у нее резко поменялось настроение.

От ее грусти и настороженного ожидания не осталось и следа. Теперь она снова была радостной и задорной. Нафиса любила видеть ее именно такой, веселой и беспечной. Это были именно те качества, которых ей самой не хватало всю жизнь.

Так, Нафиса, - щебетала забывшая сразу все свои заботы и тревоги Мариам, - мне всегда не нравится, когда Али-бей одевается в одежду простолюдина и уезжает куда-то в неизвестном направлении. Тогда я начинаю нервничать и думать что угодно! Теперь, если это снова повториться, я буду спрашивать у твоего зеркала судьбы, куда он едет и зачем.

- Мое сердце не знает, куда он едет и зачем. Оно знает только одно. Грозит ему что-нибудь в его поездке или нет, - отвечала Нафиса, ласково обняв Мариам, прильнувшую к ней в порыве радости.

Тем временем Али-бей прошел в свои покои. Он быстро снял дорожную одежду и попросил слугу, чтобы он пригласил к нему Мулида.

Слуга растерянно потоптался на месте и после некоторого молчания доложил.

- Мулида нет весь вечер мой господин. После того как Вы повелитель уехали с Сахибом, он сел на лошадь и уехал из дворца с двумя мамлюками.

Я видел, как они погрузили на седла запасных коней, мешки с едой, водой и еще с чем-то тяжелым. Я думал, что они едут куда-то по Вашему повелению, - закончил свой рассказ слуга.

- Повелитель, я видел, что они говорили о чем-то с начальником ночного караула. Если хотите я позову, - его добавил он.

- Позови его, - приказал Али-бей и направился в сторону бассейна с теплой водой, чтобы смыть дорожную пыль. Али-бей лежал уже в бассейне, блаженно растянув свое тело в теплой воде, когда скорым шагом к бассейну подошел начальник ночного караула Селим.

- Я слушаю Вас, повелитель, - вытянулся он перед ним.

- Где Мулид? Куда он уехал?- прозвучал вопрос Али-бея.

- Не знаю, повелитель, - отвечал Селим, - когда я спросил его куда он едет в такой поздний час, он сказал мне, что выполняет Ваш приказ.

Али-бей сразу понял, что начальник караула ничего не знает.

Было ясно и другое. Мулид, как и Рашид был участником заговора. Оба они уехали на всякий случай. Если бы его убили, то они вернулись как ни в чем не бывало. Если же его не убьют, то они будут уже далеко и их уже не догнать.

Ясно было и другое. Начальник караула был не причем. Если бы он имел отношение к заговору или хотя бы знал о нем, то он уехал бы вместе с ними.

- Иди, Селим, - кивнул головой Али-бей.

Начальник караула вышел, пятясь назад и не показывая повелителю спину.

Посылать за беглецами погоню было бесполезно. Слишком много времени ушло с момента их отъезда. Да никто и не мог сказать, куда направили они своих коней.

Беглецы могли уйти в Александрию, в Палестину, Сирию, Ирак или даже в Аравию.

Ясно было одно. Они увезли деньги, с которыми обязательно приедут в Стамбул. Оттуда и только оттуда тянулись сегодня нити всех заговоров против него.

Али-бей лежал в бассейне и все старался вникнуть в смысл слов, сказанных сегодня ночью всезнающим и далеко вперед смотрящим прорицателем.

Что значили его слова?

«Смотри себе под ноги». Что хотел сказать он ему?

Поразмыслив еще некоторое время, он решил, что нужно поговорить об этом завтра с отцом. С ним предстоял нелегкий разговор. Али-бей хотел, чтобы отец остался в Каире. Он купил бы ему хороший дворец, дал бы должность при дворе, но отец не хотел даже слышать об этом.

Полгода назад, когда отец приехал из Абхазии к нему в гости, радости Али-бея не было конца.Посланные за ним люди привезли в Каир не только отца, но еще и младшую сестру Али-бея Фагуду и племянника Росвана.

Отца Али-бея звали Даут. Ему очень понравился Каир, но жить здесь он отказался наотрез.

Али-бей много раз старался убедить отца не уезжать назад в Абхазию, но он категорически отказался от всех его предложений. Согласился только с одной его мыслью. Если Фагуда и Росван захотят остаться в Каире, он возражать против их решения не будет.

Фагуда жила в женской половине дворца и новая жизнь в Каире ей нравилась.

Она быстро подружилась с Нафисой и Мариам, и, когда они были вместе, из комнат, в которых они проводили время, всегда доносился радостный задорный смех, который делал обстановку во дворце и радушнее и теплее.

Росвана Али-бей с согласия отца определил в мамлюки.

Расвану было уже около 16 лет.

По законам, установленным в мамлюкском сообществе, мамлюком мог стать только человек купленный по законам невольничьего рынка в присутствии доверенных лиц, которые своими подписями заверяли купчую крепость. Али-бей не имел право нарушать многовековой закон и потому он выкупил у Даута Росвана.

Он заплатил отцу хорошие деньги, объяснив ему что по другому быть не может. Сперва отец страшно возмутился и был катего-

ричсеки против, но когда Али-бей и Мухамад-бей объяснили ему, что это единственный для Росвана путь в мамлюки, Даут согласился.

Получив «купчию крепость» Али-бей представил его дивану мамлюков, от которого и получил разрешение на зачисление Росвана в мамлюки.

Росван был храбрым юношей неплохо владел саблей, конем и грамотой, но этого было еще мало для того чтобы стать настоящим мамлюком.

Для того чтобы завершить обучение юноши военному искусству Али-бей отдал его на обучение, чтобы через 18 месяцев упорного труда получить уже обученного и готового к жестоким битвам воина.

Время подходило к полуночи. Будить отца в такое время было неприлично. Этого не позволял этикет его народа «апсуара», который Али-бей неукоснительно исполнял и здесь, далеко от своей Родины. Оставалось только одно.

Поговорить с Нафисой. Он послал слугу, чтобы ее предупредили об его визите.

Посыльный вернулся очень быстро и доложил.

- Та, чья красота подобна сиянию луны, не спит и не спала. Она ждет повелителя. И еще, - добавил он буквально через несколько секунд, - несравненная спрашивала, можно ли чтобы в их беседе приняла участие Мариам.

Али-бей без раздумий дал свое согласие, и слуга побежал доложить о его решении.

Али-бею нравилось, что Нафиса дружит с Мариам и любит ее искренне как дочку. Дружба двух близких ему людей избавляла его от необходимости тратить свое время и энергию на разбор возможных в таких ситуациях конфликтных ситуаций. Помимо этого, их дружба создавала вокруг него редкую в монаршьих дворцах атмосферу теплоты и семейного уюта.

Дочь Мариам Гатиса не слезала с колен Нафисы, считая ее своей бабушкой. Гатисе было дозволено многое из того, о чем сама Мариам даже мечтать не могла. Она могла капризничать, требовать, командовать. Нафиса беспрекословно выполняла все ее прихоти. Когда Мариам ругала или наказывала Гатису, она тайком бежала жаловаться на нее своей «бабушке». Она так и говорила «мама ду». По приказу Али-бея няней у Гатисы уже более двух месяцев была

женщина из Абхазии, которая начала учить ее сложному, но красивому языку ее предков, но неожиданно она заболела и умерла неизвестно от чего. На этом пока обучение Гатисы родному языку закончилось.

Абхазский язык давался Гатисе трудно.

Ей нужна была языковая среда в повседневной жизни. Такой среды у до приезда Фагуды не было. Теперь у Гатисы появилась возможность учить новый язык при помощи тети.

«Мама-ду» переводилось с абхазского языка как «большая мама». Это слово Гатиса выучила и запомнила сразу.

- Мама-ду, - говорила Гатиса, - скажи маме, чтобы она не ругала меня. И потом Гатиса рассказывала, почему мама не должна ее ругать.

Нафиса терпеливо выслушивала ее, усадив девочку рядом с собой. Она была женщиной умудренной большим жизненным опытом и потому их беседы всегда заканчивались почти одним и тем же. Нафиса рассказывала Гатисе, в чем она не права, что мама любит ее и желает ей только хорошего. В конце концов, они вместе шли к Мариам, и все заканчивалось добрым миром и радостным смехом.

Когда Али-бей прошел в комнату Нафисы. там ждали его уже обе женщины.

Он сразу увидел, что и Нафиса и Мариам еще не ложились спать, как всегда ожидая его возвращения.

Теплая волна благодарности прошла по его телу.

В жизни мало быть царем или Султаном. Мало иметь власть и деньги. Все это без тепла домашнего очага и любви близких людей теряет свой смысл. Такое тепло и такая любовь у Али-бея были, и он ценил этот дар Всевышнего.

- Что Вы не спите, хорошие мои? - начал он разговор, но, посмотрев на них, сразу понял, что сказал что-то не совсем правильное.

В глазах у каждой из них было одно и то же.

- Разве ты не знаешь, повелитель, что мы никогда не спим, пока ты не вернешься домой?

Али-бей был мужчиной чуть выше среднего роста, и когда Нафиса и Мариам встали со своих мест, приветствуя его по восточному обычаю почтительным поклоном, сразу же было видно, что и та и другая заметно выше его. Особенно Мариам.

- Садитесь, - скомандовал Али-бей и присел на кресло, которое придвинула ему Мариам.

Женщины присели на диване, ожидая, что поведает он им и что заставило его далеко за полночь прийти к ним.

Али-бей рассказал им о своих ночных приключениях.

Он мельком поведал им о своей стычке с бедуинами, но зато подробно рассказал о том, что у него есть теперь старший брат. Али-бей был проницательным человеком. Он неплохо разбирался в людях, что давало ему возможность сплотить вокруг себя и понудить работать на его идеи большое число далеко не самых однообразных людей.

Пообщавшись с аль-Харуном, он сразу же понял - ему повезло. Он получил в братья человека достойного. Человека чести.

Слова прорицателя о том, что если он будет плохо смотреть себе под ноги, то, возможно, Сахиб и Аль-Харун станут его последним оплотом, тоже говорили о многом.

Али-бей подробно рассказал женщинам о своей встрече с Хашимом,- сделав упор на его последние слова.

«Смотри себе под ноги». Что Вы думаете о его словах? - спросил он и откинулся в кресле, ожидая ответа.

Нафиса задумалась, обдумывая все, что она услышала от Али-бея.

Задумалась и Мариам, но в отличие от Нафисы, она могла пока только слушать и думать. Высказывать свои мысли вслух она еще не имела права. Она была младшая, и могла высказываться только тогда, когда ее спросят об этом.

После некоторого раздумия Нафиса высказала свои соображения, которые почти полностью совпадали с теми мыслями что были в головах у Али-бея и Мариам.

- Я думаю, сказав «смотри себе под ноги», старец имел в виду тех, кто находится у твоих ног или под твоими ногами.

Сегодняшние события, связанные с ролью и с исчезновением Мулида и Рашида- наглядный тому пример.

Мулид был у твоих ног. Рашид под твоими ногами. Оба они предали тебя, и если бы не воля Всевышнего, еще неизвестно, чем бы все это закончилось и не осталась бы Гатиса девочкой-сиротой. Ведь, если с тобой что-нибудь случится, никто не пощадит ни ее, ни Мариам.

О себе она не говорила, считая, что хоть что-то увидела уже в этой жизни.

Нафиса прекрасно знала все ближайшее окружение Али-бея.

Раз за разом она прокручивала в голове образ каждого из них, стараясь найти в их поведении, словах или взглядах, что-то такое, что могло говорить о их злых умыслах против правителя.

Она прекрасно знала, что все члены дивана прекрасные воины и политики. Естественный отбор, который прошел каждый из них, начиная свой путь с раба на невольничьем рынке и до крупного военноначальника самого большого государства в Африке, сделал их храбрыми, бесстрашными, готовыми на самый отчаянный шаг. От таких людей можно было ожидать всего. Практически каждый член дивана за редким исключением считал себя достойным быть правителем Египта. Единственным исключением мог быть только Апстха.

Апстха был одним из не многих мамлюков, которые не имели никаких притязаний на власть. Он говорил об этом открыто, ни от кого не скрывая своих планов. Апстха не раз заявлял. Ни при каких обстоятельствах я не хочу быть правителем Египта. Эта ноша не по мне. Моя задача служить Египту и своей совести.

В бою он отличался особой отвагой, что выделяло его даже из среды таких отчаянных воинов как мамлюки. В обыденной жизни Апста был мудр и дальновиден. Единственным его недостатком было то, что он всегда и демонстративно высказывал свое мнение независимо от того, какое мнение имели члены дивана или даже сам Али-бей.

Удивительным при этом было то, что чаще всего мнение Апсты в конечном итоге оказывалось правильным. Вообще-то, по купчей бумаги этот мамлюк имел имя Камаль, но с легкой руки Али-бея все стали называть его Апста.

Сперва никто не знал, какое значение выкладывал в это имя Али-бей.

Все гадали, в чем истинное значение его нового имени, но никто так и не догадался, что значит это короткое, но не понятное всем имя Апста, пока сам Али-бей как-то не сказал:

- «Апста» по- абхазски - это облако или туча. Когда туч и облаков на небе нет, нет и дождя. Если засуха - Апстха спасает землю от неурожая и бед. Так что они нужны и даже очень. Но в то же время, как только облака или тучи уходят за горизонт, небо становится чистым, светлым и все радуются хорошей погоде.

Наш Камаль-бей именно такой. Он нужен всем. Его мудрость много раз спасала нас от бед и потрясений. Он всегда шумит. Он

всегда недоволен. В его присутствии многие, в том числе и я, чувствуют себя не очень уютно.

Когда же он удаляется в свой дом, здесь во дворце у всех и у меня в том числе, становится хорошая погода и поднимается настроение.

Сам Апста на имя, данное ему Али-беем, не обижался. Он вообще был из той породы людей, которые не умели молчать, всегда говорили правду, но обижаться не умели.

Нафиса высказала Али-бею все свои соображения. Мариам молча кивала головой в знак согласия с ее мыслями и ходом рассуждений. Мариам училась у нее мудрости. Мудрости, которой так не хватает всякой молодости.

Молчал и Али-бей. Он слушал слова Нафисы и размышлял над ними, сравнивая их со своими мыслями и выводами.

Так в неспешной беседе просидели они почти до самого рассвета, стараясь найти неуловимый смысл, заложенный в словах прорицателя.

Уже перед самым рассветом Али-бей ушел к себе. На завтра ему предстоял тяжелый разговор с отцом. Он хотел, чтобы отец несмотря ни на что остался здесь в Египте.

Отец этого не хотел и требовал, чтобы его немедленно отправили домой.

МАМАТА

После утренней пятничной молитвы Али-бей занимался повседневными рабочими делами. Он вел прием чиновников, отчитывавшихся о результатах своей работы за последний месяц.

Результаты были не самыми радостные. Денег катастрофически не хватало. Большой проблемой становился вопрос, где их взять.

Казна была пуста. Она пополнялась в основном за счет таможенных сборов и налогов с крестьян, ремесленников и торгового люда. Все они прогибались под тяжестью непосильных налогов, но наличных средств все равно едва хватало на содержание чиновников и дворцов Султана и его наместников. Еще большие проблемы с деньгами создавали постоянные походы армии мамлюков на Верхний Нил, в Сирию, Палестину и Аравию. Обстановка

была такова, что нужно было постоянно воевать, а денег на войну не было.

Армия мамлюков формировалась по принципу народного ополчения, но даже такая постановка вопроса требовала немалых средств. Помимо всего прочего, по сумрачным коридорам казенных домов всех уровней Египта ходила и никогда не утихала постоянная волна взяток и поборов. В Египте воровали и брали взятки все. Даже писцы. Али-бей ничего не мог поделать с этим злом. Египет, как и все страны Ближнего Востока, болел этой неизлечимой болезнью.

Нужно было или казнить всех чиновников, или мириться с тем, что было.

Много лет назад, когда Али-бей стал правителем Египта, он полагал что ему дано сделать немало в переустройстве государства и своих поданных.

Был он тогда молод, и верил в свои силы и возможности. В вопросах государственного переустройства Али-бей преуспел. Он сделал многое из того, что не удалось сделать до него ни одному правителю государства мамлюков. Он завоевал независимость Египта. Сделал ее реальностью, теперь и друзья и враги называли его основателем нового Египетского государства.

Время показало ему, что перестроить государственную систему гораздо легче, чем изменить сознание своих поданных.

Многовековая борьба добра и зла, происходившая вокруг них, оставила в их головах неизлечимые недуги, которые излечить мог только Всевышний. А он не спешил. Он знал, когда придет его час и ждал его. А пока люди, как и прежде, убивали, воровали, брали взятки и никто из смертных не мог изменить их. Али-бей давно смирился с этой мыслью и старался уже не столько изменить сознание своих поданных, сколько хоть как-то направлять его в нужное русло.

Гораздо легче было победить могущественных турков в открытой войне, чем искоренить воровство и взяточничество, жульничество и обман.

Али-бей уже собирался уезжать по другим неотложным делам, когда ближе к полудню к нему пришел Кящиф.

Он доложил крайне неприятную новость о том, что сегодня утром на окраине города мамлюк по имени Мамата зарубил на

дуэли двух своих сослуживцев. Это было крайне неприятное известие. Али-бей своим недавним указом запретил под страхом смертной казни любые дуэли. Издание такого указа было продиктовано следующими соображениями. Мода на смертельные поединки, пришедшая в Египет из Франции и Испании, могла уничтожить без войны лучшую часть немногочисленного мамлюкского войска. Во Франции и Испании стрелялись из пистолетов. Это давало еще какой-то шанс. Очень часто дуэли в этих странах заканчивались ранениями, а не смертельным исходом. Но даже там они были под запретом. В Египте дуэли происходили на саблях. Такая форма единоборства не оставляла никаких шансов одному из дуэлянтов. Абсолютное большинство подобных дуэлей заканчивалось смертельным исходом.

Учитывая горячий необузданный нрав значительной части мамлюков, каждый из которых считал себя самым великим и непревзойденным воином, такая эпидемия могла нанести непоправимый ущерб всему сообществу мамлюков, которое и так находилось в абсолютном меньшинстве в среде местного населения. У них и так еле-еле хватало сил и средств удерживать свое господствующее положение в государстве. Непринятие крайних мер реагирования на дуэли грозило катастрофическими последствиями для всех мамлюков.

Необходимо было принимать самые жесткие меры и публично казнить оставшегося в живых участника дуэли. Если не сделать этого, болезнь дуэлей могла захлеснуть весь Египет и унести все, что было у мамлюков.

С другой стороны, Али-бей хорошо знал Мамату. Был он родом из большого абазинского села и даже приходился ему дальним родственником по материнской линии.

Удивляться этому, не стоило, ибо у представителей небольших народов очень много родственных связей и эти связи всегда на виду.

Мамата был рубака от Бога. Он не знал страха и не боялся даже иблиса.

Его гнедой с белой звездочкой на лбу конь всегда несся в первых рядах атакующей лавины мамлюков и неизменно находился чуть позади лошади Али-бея. Султан знал, что делал он это вместе с десятком других таких же как он сам отчаянных ребят только с

одной целью: бой есть бой. В бою все бывает. Бывает и шальная пуля находит свою нежданную цель. Вот они и находились всегда рядом с ним на всякий случай. Несколько раз так и было.

Али-бей хорошо помнил одно сражение, когда короткое копье, брошенное в него зиров с 20-30 вонзилось ему в бок. Он почти сполз с седла, когда его подхватили сильные руки Маматы и его товарищей. Уже теряя сознание, он видел, как Мамата вместе с Сахибом и несколькими другими мамлюками прокладывали саблями путь сквозь ряды противников, вынося его с поля боя.

Ту битву мамлюки выиграли уже без Али-бея, а он еще несколько месяцев залечивал потом свою рану. Таких случаев было еще немало. Мамата всегда был рядом. Он всегда вовремя успевал, когда возникала в нем необходимость. Мамата дружил с Сахибом, и их дружба только усиливала поле безопасности вокруг Султана. Все это было так, но закон, изданный им самим и интересы всего сообщества мамлюков требовали одного: Мамату нужно судить и затем казнить публично в назидание всем остальным.

В силу всех этих обстоятельств, Али-бей встал перед нелегким выбором.

С одной стороны, у него был долг перед всем мамлюкским сообществом и государством в целом, и этот долг требовал только одного - Мамату необходимо казнить публично, чтобы все мамлюки видели и знали. Уж если казнили Мамату, спасшего Али-бея от смерти, то никому другому пощады не будет.

С другой стороны, у Али-бея был долг правителя перед человеком, которому он был обязан многим в этой жизни и самой жизнью в том числе.

Кящиф стоял перед ним, ожидая дальнейших указаний. Наконец Али-бей сказал:

- Закон есть закон. Послезавтра будет суд, а потом казнь.

С этим Кящиф и ушел.

Весь остаток дня Али-бей провел в тяжких раздумьях. Он не хотел брать грех на душу и лишать жизни того, кто несколько раз спасал его от смерти, но другого выхода он не видел..

К вечеру к нему пришли Апстха и Сахиб. Они ничего не говорили, зная, что их просьба изменить приговор Мамате будет бесполезной.

Просто посидели, попили чай. Лишь в глазах все это время был вопрос: «Неужели ничего нельзя сделать?»

Наконец, не выдержав долгого тягостного молчания, Сахиб сказал:

- Повелитель, я понимаю, что уже ничего нельзя изменить, но если ты позволишь, я хоть расскажу, что и как произошло на самом деле, а там тебе и только тебе решать кто прав, а кто виноват.

Говоря все это, Сахиб даже не назвал имени Маматы, но все и так понимали о ком идет речь.

Али-бей кивком головы разрешил ему закончить свой рассказ.

- Дело было так, - продолжил Сахиб, увидев утвердительный кивок головы Али-бея, - двое албанцев Энвер и Скандербег высказали не очень лестную мысль о кавказцах, заявив во всеуслышание, что есть и другие народы, имеющие не менее мужественных и не менее храбрых воинов, чем они.

Слово за слово, и вспыхнул спор. Дело закончилось тем, что Мамата вызвал их на учебный бой, заявив, что он готов сразиться с ними с обоими одновременно.

Услышав его слова, Энвер спросил.

- А почему учебный бой? Что кавказцы способны только на бои с деревянными саблями?

После этих слов Мамате ничего не оставалось, как согласиться на бой с настоящим оружием.

Бой был честным. Мамата оказался сильнее их обоих. Результат ты уже знаешь.

Энвер и Скандербег были хорошими воинами, но этот бешеный абазин за несколько минут уложил их обоих, - закончил свой рассказ Сахиб.

Али-бей внимательно слушал его и даже тогда, когда тот завершил свое повествование, продолжал смотреть на него, ожидая от него новых подробностей происшедшего события, но Сахиб молчал. Он сказал все, что знал он со слов очевидцев той дуэли. После небольшой паузы Апстха добавил несколько деталей, уточняющих итог происшедшего события.

После того как Апстха и Сахиб ушли, Али-бей решил сходить к Нафисе и немного поговорить с ней.

Нафиса встретила его с грустной приветливой улыбкой на лице. Она уже знала о случившимся и, по-видимому, ожидала его прихода. Мамату она любила. Любила, как мать любила как старшая сестра. Любила его в первую очередь за то, что он несколько

раз спасал от смерти Али-бея. Любила за то, что он в бою был всегда рядом с ее любимым мужчиной.

Каждый раз при виде Нафисы Али-бея охватывало трудно передаваемое словами чувство вины перед женщиной, которую он по-человечески любил и уважал, но вернуть к которой прежние чувства ушедшей мужской любви уже не мог.

Когда он встречал взгляд ее глаз, которые как и во времена его далекой молодости были такими же теплыми и лучистыми, ему становилось не по себе от этого чувства. Если бы он был в силах, то с удовольствием вернул бы то время, когда оба они были молодыми и красивыми. Но, к сожалению, ее молодость и красота быстро ушли в те края, откуда не было обратной дороги. Такова была реальность, и ее нужно было принимать такой, какой она была.

Нафиса присела на диван и приготовилась слушать его.

Удивительная вещь. Али-бей давно уже любил другую женщину, но именно каждая встреча с Нафисой, а не с той женщиной, которую он любил теперь, успокаивала его и возвращала ему душевный покой. Почему так происходило, он не знал. Знал только то, что он всегда с удовольствием видел человека, который был частью его прошлой жизни. Может это была ностальгия по годам далекой молодости. Может да, а может, и нет. Как было все на самом деле, не знал даже сам Али-бей.

Тем временем разговор о дальнейшей судьбе Маматы завела Нафиса.

Она как всегда начала излагать свое мнение с традиционных для их бесед слов.

- Повелитель, я не могу сказать тебе, что мои мысли правильные или неправильные. Насколько верны они решать тебе, но если ты разрешишь мне я выскажу их такими, какими живут они во мне.

После этих слов она перешла к изложению своей мысли.

- Я прекрасно понимаю, мой Султан, что страна где безоговорочно не выполняются воля государя и законы, изданные им, обречена на великие беды и даже на гибель.

Мамата нарушил твою волю. Теперь закон требует для него публичной казни, и ты обязан добиться исполнения закона изданного тобой. Добиться любой ценой. Если ты сегодня не сделаешь этого, завтра твои законы будут нарушать все, зная, что за неис-

полнение законов им ничего не грозит. Еще древние говорили, что порядка и процветания в государстве не может быть, пока не будет силы и воли могущей принудить к исполнению законов, изданных на благо общества.

Нафиса, в отличие от абсолютного большинства обитателей гаремов, значительную часть своего времени посвящала изучению всевозможных наук - философии, этики, истории и многих других. В молодые годы под ее влиянием Али-бей усиленно читал произведения арабских, персидских и турецких поэтов, мыслителей и богословов. Дело доходило до того, что он выписал из Багдада поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводе на язык фарси, а затем с фарси на арабский язык. Нафиса научила его не просто читать, а читать так, чтобы получать удовольствие, находя то самое главное, что хотел сказать автор.

Поэтому его не удивляли никогда слова и мысли великих людей, излагаемые ему Нафисой.

Пока Али-бей вспоминал о своих пристрастиях к наукам в молодые годы, Нафиса продолжала свою мысль.

Я не сомневаюсь в том, что ты обязан добиваться исполнения законов, изданных тобой как Султаном Египта.

Государство гибнет, когда власть и закон оказываются по разные стороны. Но вместе с тем есть и законы, которые созданы не человеком, а Всевышним. Их исполнение так же обязательно. Более того законы Божьи выше законов созданных человеком.

- О чем это ты Нафиса? - перебил ее Али-бей.

- Я, повелитель, все о том же, - продолжала она, - Тебе, Али-бей, как государю держать ответ, как и всем остальным смертным на этой земле перед людьми и перед собой. А вот как человек ты будешь держать ответ перед своим Создателем.

Али-бей сразу же понял, что подразумевает Нафиса под этими словами, но перебивать ее не стал, давая ей возможность высказаться до конца.

- Мамата нарушил закон, и ты, как государь, принял правильное решение. Другого и быть не может. Но Мамата несколько раз спасал тебе жизнь. Он прикрывал тебя своим телом, когда в тебя стреляли твои враги. Что скажешь ты своему Создателю, когда он спросит у тебя: « Как же ты лишил жизни того, кто спас тебя от неминуемой гибели?»

Али-бей молча слушал Нафису. Все что говорила она, полностью совпадала с его личным мнением.

Он больше не перебивал ее, ожидая, что она скажет в конечном итоге, надеясь в глубине души, что она как всегда найдет какой-то выход из ситуации, в которую невольно попал он.

- Я думаю, - продолжила после некоторого раздумья Нафиса, - что нужно найти такое решение, чтобы и закон был выполнен, и тебе не пришлось держать ответ перед собой и перед Всевышним за то, что ты убил человека, подарившего тебе право жить и быть государем.

- Что ты предлагаешь, - ,спросил Али-бей и его глаза на мгновение загорелись надеждой. Он знал, что если Нафиса так долго подводит его к какой-то мысли, значит у нее есть что-то свое особое, еще ему неизвестное мнение. То, что она обязательно рано или поздно выскажет ему. Наконец, после короткой паузы она сказала:

- Можно сделать так. Всем будет объявлен Указ Султана о том, что Мамата будет повешен за убийство на дуэли двух мамлюков.

Послезавтра на площади при стечении народа убийца будет повешен.

- Я это и сам знаю,- разочарованно выдохнул Али-бей, не услышав ничего нового для себя.

- Послушай дальше,- продолжала Нафиса. В твоих тюрьмах много убийц и душегубов, еще не приговоренных к смерти. Пусть одного из них внешне более похожего на Мамату сегодня или завтра приговорят к смерти.

Оденьте ему на голову мешок, и никто на площади даже не догадается что это не Мамата. Повесьте его и объявите, что за нарушение указа Султана запрещающего его мамлюкам участвовать в дуэлях, знаменитый мамлюк Мамата повешен.

Оставь около повешенного надежную охрану. Пусть его тело висит весь день на центральной площади, напоминая всем о том, что если уж Мамату повесили за такой поступок, то другим и вовсе не поздоровится.

Ночью Умар и его люди снимут тело с веревки и бросят его с камнем на плече в воду Нила. Тело повешенного съедят крокодилы, и никто никогда не узнает, что это был не Мамата.

А сегодня ты сходи сам в тюрьму поговори с Маматой объясни ему все.

Потом пусть Умар отведет его в порт и посадит на корабль, уплывающий ночью в дальние края.

Дай ему коня, деньги. Пусть плывет в Абхазию и живет там, не говоря никому, кто он и как он оказался на земле своих предков. Мамата стоит того, чтобы ему дали и больше, но ему на первое время хватит и этого.

Так ты останешься чист перед Всевышним и выполнишь свой долг Султана, стоящего на страже закона и справедливости.

Внимательно обдумав слова Нафисы, Али-бей пришел к выводу, что в ее замысле есть идея, которая может быть реализована.

В эту же ночь он вместе с Сахибом посетил тюрьму, где в одиночной камере сидел Мамата.

Каирская тюрьма, как и тюрьмы всех стран Востока того времени, никогда не отличалась даже минимальными удобствами.

Мамата лежал на деревянном топчане, поверх которого не было постелено даже соломенного матраса.

Глаза его были устремлены в безжизненное пространство потолка. В них не было ни страха и раскаяния. Единственное, о чем сожалел он состояло в том, что он поставил в крайне неудобное положение Али-бея. Мамата прекрасно понимал, что в создавшейся обстановке Султан обязан будет казнить его. Пощады он не ждал. Не было и страха перед грядущей неизвестностью.

Жаль, конечно, что он оставил без защиты и средств к существованию жену и двух детей. Здесь он мог полагаться только на милость Али-бея. Он был уверен в том, что Султан не даст им стать нищими попрошайками в Каирском порту или на базарах города.

Мамата часто говорил сам себе: « Твой характер рано или поздно приведет тебя к большой беде». Он старался сдерживать свой взрывной темперамент, но, видно, это не очень удалось ему в последний раз.

Теперь сожалеть об этом было уже поздно. Что сделано, то сделано.

Когда в его камеру неожиданно вошли Али-бей и Сахиб, Мамата встал. Спину гнуть не стал, но голову почтительно склонил. В глазах его блеснула радость. Мамате было чуть меньше тридцати лет. Природа одарила его широкой костью и широченными плечами. Даже просторный халат не мог скрыть от постороннего взгляда силу и мощь его крепкого тела и мускулов, будто вылитых из крепкого металла.

Мамата и сам не знает, сколько в нем силы и куда девать ее.

Он понимал, что Султан пришел к нему не для того чтобы пощадить его, но все равно ему стало приятно оттого что сам Великий Али-бей зашел к нему для того, чтобы проститься с ним.

Совсем неожиданно для него Султан подошел к нему, обнял его как старого друга и сказал на абхазском языке:

- Мой верный мамлюк. Я помню, что ты не раз спасал меня от смерти. Я все помню. Но ничего не могу сделать. Закон есть закон. Ты понимаешь меня?

- Да мой повелитель, я все понимаю и ни о чем не прошу тебя, - отвечал Мамата, -Самая большая награда для меня это то, что ты пришел проведать меня перед моей казнью, и я услышал от тебя слова утешения. Теперь я с радостью пойду на виселицу.

Его слова совсем растрогали Султана. Он знал, что Мамата бесстрашный воин, но что он еще настолько благороден, Али-бей даже не догадывался.

Он сел на грязный жесткий топчан рядом с Маматой, хотел что-то сказать ему, но потом понял, что ему трудно будет выразить мысль о том, за что он решил помиловать его.

Он кивнул головой и Сахиб начал говорить. Сахиб, хорошо знавший абазинский язык от своей матери говорил на абазинском.

Али-бей полностью понимал все, что он говорит. Абхазский и абазинский языки были вобщем-то не разными языками, а двумя очень близкими друг к другу диалектами одного и того же языка единого народа Абаза.

- Мамата, твой поступок карается смертной казнью, и ты лучше меня знаешь это, - начал Сахиб, - Апстха и Нафиса тоже знают это. Но, не смотря ни на что, нам удалось уговорить Султана, чтобы он помиловал тебя.

После этого он рассказал Мамате все, что будет дальше происходить. Мамата внимательно слушал слова Сахиба еще не в силах поверить в свое счастливое избавление от смерти.

Когда Сахиб закончил говорить, Мамата положил свою руку на то место, где находится сердце, и сказал.

- Повелитель, я с одинаковой радостью приму от тебя и жизнь и смерть. Как ты скажешь, так и будет. Но если ты даруешь мне жизнь, разреши мне забрать с собой жену и детей.

Али-бей кивком головы показал, что он не против решить вопрос так, как желал того Мамата.

- И еще если ты позволишь мне, повелитель, я скажу тебе то, что у меня на душе.

И снова Али-бей коротким кивком головы показал, что Мамата может говорить.

- В этой истории я сожалею о многом, мой повелитель. Сожалею о том, что подвел тебя и теперь не смогу быть рядом с тобой в беде и радости. Сожалею, что погубил двух хороших воинов. Я о многом сожалею мой повелитель. Но более всего я сожалею, Султан, о том, что не смог показать тебе то, чему научился я благодаря тебе. Еще тогда когда меня маленьким мальчиком продали в мамлюки, я много слышал о том, что Али-бей аль-Кабири Абаза самый искусный и бесстрашный воин под этим небом. Все говорили, что во многом этому способствовало то, что он как посланник Всевышнего, работал одновременно двумя саблями, не оставляя никаких шансов своим противникам. Говорили так же, что научился он этому благодаря ежедневным изнуряющим тренировкам, на что благословил его всемогущий Аллах. Еще тогда я подумал: «Почему я не могу научиться такому же?» Эта мысль жила во мне давно, и вот лет пять назад я решил, что настало мое время. Пять лет я втайне от всех ежедневно много часов подряд учился работать двумя саблями. И я научился этому. Теперь тебе не стыдно было бы увидеть, как я буду разить твоих врагов двумя саблями. Я сожалею мой, повелитель, что я не смогу теперь показать тебе это в ближайшее время.

Но жизнь не заканчивается сегодняшним днем. Еще ни один смертный не познал, где ее конец и куда ведут ее дороги. Если Анча-ду пожелает, я еще пригожусь тебе и смогу показать моему повелителю, что он не ошибся, даровав мне жизнь.

На душе у Али-бея стало теплее и уютнее от одной только мысли, что он смог ответить добром на добро, и не взять грех на душу.

Он довольно чувствительно относился к любой несправедливости. Это в равной степени относилось как к той, которая была проявлена по отношению к нему самому, так и к той, которую проявил сам он по отношению к другим людям. Много лет назад заговорщики отравили его покровителя и учителя – правителя Египта шейха аль-Баледа Ибрагима Кагия.

Али-бей не собирался участвовать в борьбе за власть в Египте, а лишь публично поклялся найти и покорать тех, кто убил Ибрагима. Этих слов и публичной клятвы стало достаточно, чтобы заговорщики, рвавшиеся к власти, сделали своей первейшей задачей уничтожить тогда еще молодого Али-бея. Так, волей или неволей, он оказался в центре схватки за власть,, развернувшейся среди различных группировок мамлюков. В результате недолгой, но ожесточенной борьбы он стал верховным правителем страны.

Выполняя клятву данную им перед лицом убитого учителя он уничтожил всех тех, кто был так или иначе причастен к его смерти. Много лет спустя выяснилось, что среди казненных им мамлюков оказались три совершенно невинных человека. Еще до казни они клялись Али-бею в своей невиновности, но он поверил не им, а тем, которые указали на них. После того как выяснилось все это, Али-бею долго долго мерещились глаза убитых по его приказу людей. Убитых невинно. Он ходил в мечеть, чтобы замолить свой грех, но видения не покидали его. Они приходили к нему и днем, и ночью. Видно, он имел довольно впечатлительную натуру. Так продолжалось довольно долго до тех пор, пока по совету Хашима он не пробыл три дня в пустыне, где днем и ночью молился Аллаху и просил у него прощение за невинно пролитую кровь. Только после этого видения, мучавшие его все это время, ушли. Ушли навсегда. Так могло быть и на этот раз. Он знал, что если бы он казнил Мамату, то его глаза преследовали бы его не один день и ни одну ночь.

Теперь он был спокоен. Нафиса в который раз сберегла его от долгих душевных мук и страданий.

В эту же ночь Мамату забрали из тюрьмы под тем предлогом что он будет переведен в другое место, где сможет проститься со своей семьей и помолиться перед казнью Всевышнему во искуплении того греха который взял он на свою душу. Под самое утро Мамата его жена и их дети, переодетые под туарегов сели на корабль, отплывавший к берегам Турции. В туарегскую одежду Мамату переодели только потому, что мужчины туареги закрывают свое лицо темной шелковой накидкой. В такой одежде никто не мог узнать его лица.

Через день на центральной площади Каира был повешен мнимый «Мамата». На голову ему был одет мешок. Той же ночью Сахиб и его люди сбросили труп «Маматы» с большим камнем на ногах в

самую середину бескрайнего Нила. Теперь все мамлюки знали. Если уж Султан казнил за участие в дуэли своего любимца Мамату, то он казнит любого другого мамлюка посмевшего нарушить его указ.

С тех пор дуэли между мамлюками стали крайне редким явлением.

Через некоторое время Мамата и его семья прибыли в Абхазию, где бывший мамлюк купил себе небольшой участок земли, вблизи от имения князя Баты Ашеа недалеко от моря, построил дом и стал ждать. Он был уверен что Али-бей рано или поздно вернется в Абхазию.

НАФИСА

Большинство монархов мира имело много власти, много денег, много почестей. Но очень мало кто из них чувствовал себя счастливым в личной жизни.

Многие из них были глубоко несчастными людьми, потерявшими в борьбе за власть друзей, близких, покой и уют. Али-бей был в этом отношении редким исключением. Очень часто судьба дарила ему возможность чувствовать себя счастливым человеком. Мгновенья счастья приходили к нему не каждый день, но совсем не редко.

С одной стороны у него были верные друзья. Сахиб, Апстха, Аль-Харун, Мухамад-бей и его друзья Ибрагим-бей и Мурад-бей, которые позволяли ему осуществлять свои планы и быть таким, каким он был.

С другой стороны были Нафиса, Мариам, Фагуда и Гатиса. Они окружали его искренней теплотой и заботой.

Если бы не постоянная тоска по далекой Родине, ее горам, полям и лесам, по родным и близким оставшимся там, на далеком Черноморском берегу, он был бы поистине счастлив тем что у него есть, и тем что сделал он за это время.

Тоска по Родине иногда убивала у него все остальные чувства. Особенно тяжело становилось ему тогда, когда он слышал по ночам невесть откуда доносившуюся песню. Песню, которую пела ему когда-то его мать. Её давно уже не было в живых, а песня, которую пела она, все звучала и звучала где-то там, на небесах, спускалась вниз, обволакивая его труднопередаваемой тоской по всему безвозвратно потеряному.

Песня была простой, неказистой. В ней говорилось о ласточке, которая свила гнездо под крышей дома и растила там своих птенцов. Давно уже не было дома, под крышей которого свила свое гнездо ласточка, давно уже не было и матери, которая пела о нем, а песня все жила и жила в его памяти.

Возможно даже, что он был бы поистине счастлив всем тем, что дала ему судьба, если бы не эта песня. Она раз за разом будила в нем воспоминания о далекой Родине и навсегда потерянным родным краям.

Нафиса каким-то чутьем понимала, когда к нему приходила во сне песня его матери. Как она это чувствовала, не знала и сама. В эти дни она присылала к нему нарочного и просила, чтобы он посетил ее, если у него есть на то время и желание. Когда он приходил к ней, она почти ничего не говорила ему. Просто сидела и смотрела на него. Иногда тихо-тихо пела ему красивым добрым голосом старинную грузинскую песню.

Он долго сидел, слушая ее пение. Они понимали друг друга без слов. Проходило некоторое время, он вставал, благодарно жал ей руку и молча, без лишних слов уходил к себе. Присутствие и голос Нафисы успокаивали его, возвращая его в обычный рабочий ритм. Так было всегда. Но было и другое.

Когда Али-бею нужно было с кем-то посоветоваться, он чаще всего приглашал к себе Апстха или шел на женскую половину Сераля к Нафисе. Нафиса была на редкость умной и прозорливой женщиной. Она часто видела в людях то, что нередко ускользало от других не менее внимательных взглядов. Одно слово, один взгляд собеседника или одно его действие могли подсказать ей то, что может быть подсказано человеку только с очень тонким проницательным умом. В свое время она, всего два раза пообщавшись с курдом Махметом, пришедшим к ней вместе с Али-беем по случаю мусульманского праздника Рамадан и еще раз по какому-то другому случаю, сказала Али-бею:

- Повелитель, я не знаю когда и как, но этот человек предаст тебя и нанесет удар в спину.

В то время Али-бей приписал высказанную мысль к дурному расположению её духа, которое было вызвано некоторыми неприятными известиями, полученными Нафисой за день до того.

Тогда он просто проигнорировал ее слова, и лишь со снисходительной улыбкой сказал:

- Махмет не раз шел со мной в бой, и ни разу не подвел меня. Когда он был рядом со мной, я знал, что враг не ударит мне в спину. Он никогда не позволит себе сделать ничего дурного. Тебе просто что-то померещилось. Посмотри, как искренне и радостно улыбается он, глядя на нас с тобой. На что Нафиса ответила ему:

- Дай Аллах, повелитель, чтобы мои догадки оказались неправдой. Я буду только рада этому.

Махмет на самом деле искренне улыбался им. Тогда, он, наверное, и сам еще не знал того, что увидела в нем Нафиса. Прошло несколько лет и события в башне на острове посреди Нила подтвердили правоту слов Нафисы. Об этом он вспомнил тогда, когда Махмет первым вышел из общей толпы заговорщиков и вытащил свой длинный курдский меч шамшир, чтобы сразиться с ним.

Был еще другой случай, так же запомнившийся Али-бею. Както пообщавшись несколько раз с Кяшифом Султанского двора Мулидом, она также неожиданно для Али-бея сказала:

- Повелитель, не доверяй ему. Когда заходит разговор о деньгах у него меняется выражение глаз и странно подергиваются руки, словно он хочет что-то взять и никак не дотянется до этого. Это жадный человек. А жадный может всегда предать за деньги.

Так оно в последствие и случилось.

Таких случаев, когда предположения и выводы Нафисы подтверждались временем, было немало. По-видимому, Всевышний дал ей возможность видеть то, что не дано было видеть всем остальным людям. В том числе и ему, Великому Султану Египта. Но он обладал другим даром. Даром слушать и делать правильные выводы.

Со временем он стал все внимательнее и внимательнее прислушиваться к словам Нафисы, увидев, что в ее словах очень часто бывает большая доля правды. Через некоторое время он сделал для себя еще одно открытие. Она никогда не говорила ничего, что могло бы служить ее личным интересам, а говорила только о том, что могло принести ему пользу или вред.

Али-бей видел, что все, о чем говорила она, было направлено только на заботу о нем, о его делах, о его планах. Планах, которые с каждым днем становились все масштабнее и опаснее. Он видел также, что Нафиса практически никогда не ошибалась в своих догадках и предположениях. Каждый раз она видела что-то свое в том, о чем говорили ей Али-бей или его знакомые. Видела то, что чаще всего другие не видели, и нередко уходило от внимания его самого.

Апстха тоже был умен, хотя, возможно, и не настолько проницателен как Нафиса. У него был другой ум. Ум мужчины. Но Али-бей считал нужным советоваться с ним совсем по другой причине. Апстха был человеком редкой порядочности и правдивости.

Он входил в число немногих мамлюков высшего эшелона власти, которые были далеки от личных амбициозных планов и притязаний на роль лидера мамлюкского сообщества. Он неоднократно заявлял, что не собирается быть Султаном Египта, а его главная цель честно служить законному правителю страны, кто бы это не был, и своей совести.

Апстхой с легкой руки Али-бея его стали называть только в узком кругу лиц, говоривших на двух диалектах языка народа Абаза: абазинском и абхазском и приближенные к ним людей. Все остальные называли его Камаль-бей. Как Камаль-бей он и входил в совет беев. Структура административного деления Египта конца XVIII столетия состояла из провинций. Правитель каждой провинции носил титул бея, который присваивался ему на всю жизнь. Но, в отличие от Европейской системы, этот титул равнозначный титулу князя в России или герцога в Европе, не переходил от отца к сыну по наследству. После смерти бея - правителя провинции, этот титул мог перейти не только к его сыну, но и к любому другому мамлюку, в том числе и рядовому, которого сами же мамлюки и избирали. При этом, во время выборов нового бея, сын старого бея не имел никаких начальных преимуществ перед всеми остальными мамлюками. Он мог стать беем. Мог и не стать им.

Уже только после этого шейх-аль-Балед, как верховный правитель Египта мог утвердить или не утвердить вновь избранного мамлюка в новом звании. Чаще всего Верховный правитель соглашался с мнением мамлюкского сообщества провинции и лишь в исключительных случаях отказывал им. Таких фактов история мамлюкского сообщества знала совсем немного. Верховный правитель мог и сам назначить бея провинции, но такие случаи были тоже не очень частыми и должны были быть обоснованы со стороны шейха аль-Баледа особыми аргументами.

Так было заведено издавна. Так было и сейчас.

В свое время, когда Египет был еще одним из пашалыков Великой Турецкой империи, Стамбул вынужден был предоставить ему особые права и полномочия. Они заключались в том, что правителя Египта назначал не Турецкий Султан, а его избирали сами мамлюки на тайном заседании Совета беев. Помимо этого, шейх аль-Балед, то есть правитель Египта, имел право содержать за счет самостоятельной государственной казны собственную армию. Таким образом, Египет был, как бы государством в государстве, имеющим массу привилегий по отношению к другим пашалыкам Великой Порты. Таких привилегий в Турецкой Империи не имела больше ни одна провинция. Стамбул был готов даже на большие уступки, лишь бы не взбунтовались вечно непокорные мамлюки.

Именно такая система организации государственной власти в Египте затрудняла уже в течение длительного времени решение вопроса о возведении в сан бея его верного друга и охранника Сахиба, который давно был достоин этого звания.

Теперь такая возможность появилась, и нужно было посоветоваться и с Нафисой, и с Апстхой, как проще и безболезнее решить этот вопрос. Дело было в том, что в исключительных случаях шейх-аль-Балед имел право присвоить титул бея мамлюку, который не был правителем провинции. Это право стало и вовсе неоспоримым после того, как Али-бей стал Султаном и единоличным правителем Египта, не зависящим от воли правителя Турецкой империи.

Все это было так, но на титул бея вместе с Сахибом претендовали еще два влиятельных мамлюка, которым Али-бей присваивать этот титул не хотел. На то у него были свои причины, о которых он никогда вслух не говорил.

Помимо этого, Али-бею нужно было посоветоваться с Нафисой по еще одному каверзному вопросу. Дело было в том, что вокруг главного имама центральной Каирской мечети Аль-Азхар шейха Мансура начала концентрироваться группа людей из числа коренных арабов, которые были не довольны существующим положением дел, когда абсолютное мамлюкское меньшинство (их в Египте было около 80-100 тысяч) владело всей полнотой власти в государстве.

Многомиллионное местное население, конечно же, никогда не было довольно таким распределением ролей. Так было всегда уже в течение многих веков. Так было, но недовольство таким

положением достигло своего накала именно сейчас. Среди недовольных было арабское купечество, местные арабские производители товаров, ремесленники и даже феллахи.

Всех их не удовлетворяли формы распределения властных полномочий в государстве и существующая система натурального налогообложения.

Особую тревогу у Али-бея вызвал тот факт, что к этой части недовольных стали присоединяться представители бедуинских племен. Феллахов и ремесленников было много, но они не были организованной массой и не умели воевать. Вся их сила была только в их количестве. Другое дело бедуины. Эти умели воевать. Главным оружием мамлюков до поры до времени было то, что почти все бедуинские племена находились в постоянном состоянии войны друг с другом. Правители Египта постоянно использовали этот фактор и господствовали над ними по принципу разделяй и властвуй.

Для реализации такой политики особых усилий в Египте прилагать не приходилось. В такой благоприятной для мамлюков ситуации, единственной задачей становилось одно. Не мирить племена. Остальную работу бедуины делали уже сами, постоянно воюя и уничтожая друг друга. Опасность возникшей ситуации состояла в том, что верховный имам мог выступить в роли миротворца и объединить враждовавшие между собой до этого времени племена вокруг себя. А объединенные в единое целое бедуинские племена могли стать грозной силой, способной снести власть мамлюков.

Феллахи могли оказать им помощь зерном и другими продуктами питания. Они были недовольны тем, что государство не прилагает никаких усилий по ремонту устаревшей системы орошения земель в дельте Нила, где располагалась около двух с половиной миллионов федданов[6] орошаемых земель.

В результате длительной эксплуатации система орошения земель в этом регионе пришла в плачевное состояние и не обеспечивала уже водой почти пятую часть орошавшихся ранее земель.

Этот район кормил весь Египет и производил громадное количество хлопка, зерна, льна и индиго для нужд жителей государства и для экспорта этой продукции в Европу. Большие проблемы были и в системе взимания налогов с феллахов и ремесленников.

[6] Феддан – мера земли равная примерно 0,42 га

Али-бей и сам понимал, что давно уже настала пора произвести реформу, как в системе налогообложения всего Египта, так и в сельском хозяйстве в отдельности, где бесправные феллахи теряли стимул для расширения объемов работ и урожайности полей. Реформы нужно было произвести давно, но ни времени, ни средств на их проведение у Али-бея пока не было.

Все его силы, все его средства и все его время уходили пока на борьбу с Османской империей и на процесс содействия становлению Египта как независимого государства.

Проблем у него как у правителя государства было много. Но сегодня его волновали две основные. Для того что бы найти наиболее правильные пути их решения Али-бей решил сперва спуститься на женскую половину Сераля и поговорить с Нафисой, а потом уже встретиться с Камаль-беем. Он послал в Сераль человека, который известил евнуха Джамала о том, что Султан в ближайшее время посетит Нафису. Вообще-то, Нафису можно было об этом никогда и не предупреждать. Она всегда в любое время дня и ночи ждала прихода Али-бея и всегда была готова встретить его.

Так оно и вышло. Уже через 15-20 минут посланный в Сераль человек вернулся и доложил Султану, что Нафиса ждет повелителя. Она только спросила как всегда, должна ли присутствовать при их встрече Мариам.

Раньше, лет пятнадцать назад она никогда не спрашивала ничего подобного, но это было раньше. Тогда она была молодой и красивой. Тогда никто не должен был мешать ей видеть ее мужчину.

Теперь Али-бей был тем зеркалом, в котором видела она себя молодой и красивой как много лет назад.

Он и только он знал, какой божественной красотой обладала она тогда.

Женщина, особенно на Востоке, всегда стареет раньше мужчины. Разве виновата была она в том, что Всевышний создал такими мужчину и женщину. Годы унесли ее красоту. Али-бей как был красивым и привлекательным таким и остался. Время добавило ему седину и редкую привлекательность мужчины, в глазах которого никогда не гаснет огонь. Такова была жизнь, и Нафисе нужно было мириться с этим.

Ее время ушло. И она прекрасно понимала это. Теперь у нее с Али-беем была другая форма общения. Та форма, при которой

могли присутствовать и другие люди. Нельзя сказать, что новая форма отношений во всем устраивала её, но другого выхода у нее не было, и она была рада всему, что давало ей возможность видеть любимого ею человека и быть хоть в чем-то полезной ему. В то же время она была благодарна Али-бею за то, что он, как и она сама, берег в своей душе то теплое чувство, что жило в нем когда-то и объединяло их до сих пор. Со временем это чувство изменилось. У него оно переросло в уважение к ней. У Нафисы же ее прежние чувства переросли чуть ли не в материнскую любовь и заботу о нем.

Она по-прежнему любила его, но любила уже по-другому. Как точно Нафиса не знала уже и сама.

Когда Али-бей зашел в комнату, Нафиса поднялась с дивана, на котором сидела она, ожидая его.

Ее громадные темно-коричневые глаза заблестели особым блеском. В них была вся гамма эмоций и чувств, оживающих у женщины, когда видит она мужчину, которого долго и терпеливо ждала. Чего в них было больше, любви или печали, знал только Всевышний.

Али-бей подошел к ней, приобнял за плечи и показал взглядом, что она может сесть на свое прежнее место. Нафиса стояла без движения, ожидая когда Али-бей первым сядет напротив нее. Когда он сел, села на свое место и она.

Коротко поинтересовавшись ее самочувствием, Али-бей без долгих вступительных слов перешел к вопросу, который волновал его.

Оказалось, что и Нафиса была в курсе тех малорадостных и тревожных событий, что происходили в мечети Аль-Азхар.

Этот вопрос волновал и ее. И потому, как только Али-бей высказал свои мысли, она сразу же перешла к анализу ситуации в той мере, в какой владела информацией. По-видимому, она уже не раз задумывалась сама над этой проблемой, и потому без долгих предисловий высказала свое мнение.

- Имамы мечети используют в своих целях недовольство крестьян феллахов, ремесленников и торгового люда, - начала она. - Недовольства эти справедливые, и вызваны еще той старой, но пока еще действующей системой управления, которую срочно необходимо менять.

Каждый крестьянин в Египте выращивающий рис, пшеницу, индиго или хлопок имеет всего 3-5 феданов земли на одного работающего в семье. Вырастив урожай в тяжелейших условиях, он отдает большую ее часть в виде налогов государству и податей бею, которому эта земля принадлежала. В результате, от выращенного им урожая ему и его семье остается ничтожная доля, которой едва хватает на то, чтобы не умереть с голоду до следующего сбора овощей, зерна и фруктов.

Помимо этого он должен был бесплатно отработать на казну и на бея еще 60 дней в году. При этом система орошения земель в среднем течении и в дельте Нила безнадежно устарела или еще хуже пришла в негодность во многих местах.

В таких условиях в случае засухи феллах очень часто оставался вообще без урожая, и его семья обречена была не только на голод, но даже на голодную смерть. Терять такому человеку просто нечего. От отчаяния он мог взять свой топор и пойти в ряды тех, кто недоволен был существующим режимом. Это и использовали имамы мечети, агитируя жителей Каира, недовольных существующей властью и ее законами на открытое выступление против Султана и беев.

Если в ближайшее время не провести в этой области кардинальные реформы, - продолжала Нафиса, - недовольство крестьян может достичь критического уровня, и тогда можно будет ждать беды. Сегодня крестьян от открытого выступления против существующего режима сдерживает только ореол славы легендарного Султана, имя которого для них шло сразу же после имени Аллаха и Мухамеда-пророка. Но удача не всегда на стороне одного и того же человека. Пока ты победитель и удача на твоей стороне, но, не дай Аллах, завтра ты оступишься или потерпишь какое-то поражение, и твое имя перестанет быть легендой. Крестьяне и ремесленники всё тебе припомнят. Не припомнят они, сами им напомнят об этом твои недоброжелатели. А их у тебя, поверь мне, Али-бей, совсем не мало. Недаром в пустыне говорят «чем больше пальма, тем больше тень от нее». От тебя, мой повелитель, тоже есть тень. Очень даже большая тень. И в этой тени многие из тех, кто находятся рядом с тобой, чувствуют себя не очень уютно.

Поверь мне, что они только и ждут удобного момента, чтобы срубить пальму, дающую такую большую тень. Они, конечно же,

хотят, чтобы тень была. Но чтобы эта тень была от их пальмы, а не от твоей, - закончила она свою мысль, но увидев, что Али бей не перебивает ее и ждет дальнейшего ее рассказа, она продолжила:

- Бедуины тоже имеют массу причин быть недовольными. Они - воины пустыни, а не безропотные феллахи, которые долго и упорно ждут своего часа. У бедуинов легко воспламеняющаяся суть. Они недовольны в первую очередь тем, что вся гвардия Султана состоит из одних лишь мамлюков. У гвардии есть масса привилегий. Бедуины тоже хотят иметь их, и считают, что это их законное право.

В этой проблеме тоже есть над чем подумать. Да, реформа в сельском хозяйстве нужна. Если ее не провести в ближайшее время, может вспыхнуть пожар, который затем может охватить весь Египет. Реформа нужна, -повторила она,- но нельзя забывать что все беи категорически будут против нее.

Реформа урежет их права и больно ударит по их интересам. Так что надо думать, как совместить интересы голодных и сытых. Как сделать так чтобы и лев был сытый, и верблюд остался целым. А это очень сложная задача. Еще больше недовольства и у мамлюков, и у беев в особенности вызовет желание бедуинов иметь с ними равные права в армии.

Они не считают бедуинов воинами равными им на поле брани. У бедуинов другое мнение и они готовы с оружием в руках доказывать свою правоту.

Тихие безропотные пока феллахи и агрессивные, готовые к действию в любой момент, бедуины - эта горючая смесь, способная взорвать и разбросать по разным сторонам все провинции Египета.

Если к ним присоединятся еще ремесленники и купцы, ситуация станет критической. Очевидно, что этого нельзя допускать и необходимо принимать своевременные меры, чтобы отрегулировать эту проблему.

Мамлюков всего около 80-100 тысяч человек. Их много миллионов. В такой ситуации вам могут не помочь ни ваша отвага, ни ваша воинская доблесть. Они могут даже не воевать против Вас, а просто кинуть на вас по лопате песка и все вы окажетесь погребенными под громадным песчаным барханом. Здесь, мой повелитель, есть над чем подумать.

Ясно только одно, - продолжала она, - нужны конкретные дела. Конкретные дела и конкретные реформы, которые снимут накал страстей среди крестьян и ремесленников, бедуинов и купцов.

Как это сделать? Вопрос. Вопрос трудный и очень болезненный. Я думаю, повелитель, продолжила Нафиса, необходимо сделать так, чтобы не ты стал инициатором этих действий, а ими стали сами беи и мамлюки, - закончила она и в самом конце добавила:

-Иначе ты в скором времени окажешься между жерновами бедных и богатых. Как это сделать, я думаю, ты решишь сам. Другого пути я не вижу.

Али-бей, в целом, был такого же мнения. Слова и мысли, высказанные Нафисой, только утвердили его в уверенности в том, что реформы и в сельском хозяйстве, и военной области назрели и крайне необходимы. Необходимы в ближайшее время.

Он и сам прекрасно понимал, что положение дел, когда одна часть граждан Египта, составляющая мизерную долю в общей массе населения страны, имеет безраздельную власть над остальным абсолютным большинством неестественно, и рано или поздно приведет к неминуемому взрыву с трудно предсказуемыми последствиями.

Нужно было думать, как изменить эту систему. Как создать новую политическую структуру, которая позволила бы и власть мамлюкам сохранить, и создать атмосферу взаимопонимания и взаимодействия.

Взять за основу политическую систему одной из передовых стран Европы было невозможно. Население Египта имело другой менталитет. Здесь были другая обстановка, другие традиции, другие обычаи. Очевидно было, что пришлось бы кроить новую структуру, создавая политическую систему, состоящую из лучших частей того, что имели сегодня многие страны Европы и Азии. Как соединить их воедино и сделать из них целостную систему, Али-бей еще не знал. В этом вопросе ему нужна была помощь профессиональных правоведов и опытных политиков, которых собирался пригласить он из многих стран, как только в ближайшее время в стране возникнут для того соответствующие условия.

В области военных реформ задача его имела реальные и уже довольно хорошо видимые очертания и перспективы. Он уже решил, что когда первая тысяча молодых мамлюков будет обучена

прусскими офицерами, привезенными им из Берлина основам современного военного искусства, он создаст из них офицерский корпус. Часть этого корпуса уйдет в действующую армию, а вторая станет сама обучать следующую волну новобранцев в военных училищах, которые будут созданы в ближайшее время в Каире, Александрии и Луксоре. Идею создания специализированных военных училищ по Западному образцу он обсудил уже с Апстха и другими видным членами Совета беев.

В эти училища он планировал открыть доступ молодым бедуинам, которые должны были войти в последующий период в офицерский корпус Египетской армии. Создание военных училищ должно было решить две задачи одновременно. Училища позволяли начать реорганизацию Египетской армии, действовавшей по принципу народных ополчений, в систему регулярной армии, а так же сбить накал страстей в бедуинских кругах, недовольных тем, что бедуинская молодежь не имеет доступа в командный состав Египетской армии.

Для того чтобы обнародовать эту идею он планировал послать в близлежащие бедуинские племена Аль-Харуна и его друзей. Они должны были объехать в течение месяца-двух все бедуинские селения вокруг Каира и рассказать их жителям о грядущей военной реформе в Египетской армии. По замыслу Али-бея известие о планируемой реформе в военной области должно было успокоить бедуинов, которые могли стать основной движущей силой возможных возмущений и восстаний против мамлюков и их власти в настоящее время. Вслед за этим, Али-бей планировал пригласить специалистов в области налогового права и реформам в сельскохозяйственной отрасли из Франции и Италии. Они должны были как специалисты изучить на месте сложившуюся ситуацию, сделать соответствующие выводы, обучить местных чиновников и выдать им рекомендации по совершенствованию налогового законодательства и механизма управления сельскохозяйственной отраслью Египта. Очевидно было, что душить и дальше производителей сельскохозяйственной продукции экономически неоправданной системой налогообложения было неразумно. Нужно было найти ту золотую середину, которая в оптимальной форме соединила бы в себе интересы государства, владельцев земли – беев и феллахов, обрабатывавших эту землю. Эти планы давно уже

зрели в голове Али-бея. Сегодняшний разговор с Нафисой только убедил его в правильности его замыслов и опасений по поводу угрозы исходившей от бедуинов и крестьян - феллахов подогреваемых имамами мечетей.

Он прекрасно понимал также, что провести одновременно реформы в сельском хозяйстве, в военной области и во всех остальных областях практически невозможно. Нужно было выбрать первоочередные задачи, сосредоточиться сперва на их выполнении. Когда первый этап реформ будет проведен, можно будет, опираясь на опыт их проведения, приступить к реформированию других областей управления государством. При этом необходимо было учитывать, что в Египте были только мелкие артели ремесленников, занимавшиеся первичной обработкой продукции, а не изготовлением из нее товаров необходимых населению Египта.

К тому времени Египет практически не имел своей промышленности. Ни в Каире, ни в Александрии, ни в других городах Египта не было крупных заводов или фабрик занимавшихся производством товаров необходимых населению и государству.

Страна производила прекрасный хлопок, но перерабатывать этот хлопок не могла.

Страна производила прекрасный индиго, но вынуждена была продавать его за бесценок в другие страны, где налажена была его переработка.

Особую тревогу у Али-бея вызывало то, что Египет, постоянно воевавший то с Турцией, то с другими регионами на Аравийском полуострове и на верхнем Ниле, не имел совершенно никакой собственной промышленности, в том числе по производству современного оружия и боеприпасов. Порох, ружья, пушки и многое другое, что нужно было для нужд армии, завозилось из Европы. Европа, как правило, продавала им устаревшие ружья, устаревшие пушки, не всегда качественный порох. Но даже поставка этого не всегда современного оружия могла в любой момент прекратиться, если великие державы Европы Англия, Франция или Россия захотели бы этого. Могло это произойти и в том случае, если бы Турецкий флот начал полностью хозяйничать в Черном и Средиземном море. Он мог отрезать Египет от основных источников поставок оружия, проведя блокаду морского побережья Египта. Сложилась такая обстановка, когда необходимо было в кратчайшие сроки начать строительство в стране фабрик по производству пороха и других боеприпасов. Сырье, необходимое для этого, в Египте было в изобилии.

На следующем этапе нужно было построить суконные фабрики, которые позволили бы одеть в форменную одежду вновь создаваемую регулярную армию Египта, и обеспечить сукном парусный флот страны. Проблем было много. Все их нужно было решать. Только сам Али-бей знал, как трудно было быть государем нищей, постоянно раздираемой внутренними противоречиями страны, расположенной на стыке интересов великих держав мира. Именно тот факт, что в Египте сходились интересы Англии, Франции, Турции и России делал задачи стоящие перед ним трудновыполнимыми на сегодняшний день.

Каждая из этих стран имела не только свои интересы, но и проводников этих интересов во всем регионе, в том числе и Египте.

Каждая из сторон Египетского общества, интересы которой могли быть затронуты предполагаемыми реформами, могла использовать ресурсы своих покровителей для того, чтобы сорвать любые планируемые преобразования. Особенно опасны были в этом отношения различные группировки и кланы мамлюков, многие из которых до сих пор имели прочные связи с правящей верхушкой турецкого правительства и турецкой армии. Турция всегда была заинтересована в том, чтобы любимыми доступными способами дестабилизировать обстановку в Египте. При этом она не выбирала средств. Ей нужен был Египет, раздираемый внутренними противоречиями. Таким Египтом легко было управлять. А пока на сегодняшний день у Египта не было ничего, кроме острых клинков его мамлюков, которые были одинаково опасны как для врагов Али-бея, так и для его друзей. Ветер над Египтом в разные времена года дул в разные стороны. В какую сторону он мог подуть на следующий день, не знал никто, кроме Всевышнего.

Мысли, высказанные Нафисой еще раз убедили Али-бея в обоснованности его предположений и опасений. Положение действительно было серьезным и взрывоопасным.

Выслушав последние слова Нафисы, он, после короткого раздумия, спросил ее:

- Что на твой взгляд нужно предпринять в создавшейся ситуации?

- Ты знаешь, повелитель, - отвечала она. Я уже несколько дней думала над тем, что происходит в мечети Аль-Азхар. Я понимаю, что не мне давать тебе советы, но коль ты спросил, я обязана ответить. Я скажу свое мнение, а тебе решать, верно оно или нет. Бедуины, живущие далеко отсюда говорят: яд змеи может убить, а может и вылечить. Все зависит от того, куда будет направлен этот яд и как он будет использован. Я думаю, применять силу против шейхов этой мечети бесполезно. Они служат Аллаху и никого кроме Аллаха не боятся. Любое неосторожное действие против них может вызвать взрыв негодования и возмущения, которое потом может перерасти в восстание. В этой ситуации мне кажется, нужно поступить совершенно по-другому.

Немного подумав, она продолжила:

- Нужно сделать так чтобы яд, который выпустили они, помог нам, а не отравил.

Мне кажется,- продолжила Нафиса, - тебе, повелитель, нужно встретиться с шейхами мечети. И нужно это сделать, не вызвая их во дворец, а самому посетив их. Им нужно сказать, что все, что они говорят на проповедях в мечети, истинная правда. Сказать, что ты полностью согласен с их мнением и считаешь, что проблемы, о которых говорят они, нужно решать, и решать как можно скорее. Тебе будет легко сказать все это, так как твои слова будут соответствовать истине. Высказав такую мысль, ты попросишь их помочь тебе решить те проблемы, о которых они говорят. Необходимо, по-видимому, привлечь хотя бы для виду их самих к решению тех вопросов, о которых говорят они ежедневно. Когда они убедятся в том, что ты их единомышленник и правильно понимаешь их озабоченность создавшейся ситуацией, они перестанут каждый день говорить о тебе населению в отрицательных тонах.

Когда же они не только услышат, но и действительно убедятся в том, что ты не только не отвергаешь их мысли, а даже ищешь пути решения назревших проблем, они станут не твоими врагами, а твоими союзниками. Ты помнишь старую пословицу, которую говорят на твоей Родине?

- Какую именно, - спросил Али-бей.

Твои братья абхазы говорят, - продолжала Нафиса,- глупый делает из друзей врагов, а умный - из врагов друзей. Служители мечети Аль-Азхар сегодня твои враги. Но не зря же люди называют

тебя мудрым и великим. Сделай из них своих друзей. Я знаю, я уверена, что ты сможешь сделать это, - добавила она, сделав особый упор на последние слова.

Если кто-то другой начнет говорить народу твои мысли, они будут выглядеть как твое оправдание за свои ошибки. Когда же это же самое станут говорить шейхи, которые долго и резко говорили о них в негативном плане, это будет иметь совсем другой эффект. Сделай так, чтобы именно служители мечети Аль-Азхара сказали людям то, что нужно тебе.

Тогда и только тогда люди поймут их слова. Слова же твоих сторонников они могут не понять, а еще хуже воспринять их за обман с целью затушевать и скрыть свои недостатки и грехи. Так что я думаю, нужно идти к ним и сделать из них своих союзников.

После некоторого размышления Али-бей пришел к выводу, что мысли высказанные Нафисой содержит элементы здравого смысла, и ему есть над чем подумать. Приняв такое решение, он закончил обсуждение этого вопроса, после чего спросил Нафису.

- Ты хорошо знаешь Сахиба. Твое мнение, кто он, какие достоинства имеет, как относится он ко мне и чего достоин он?

Нафиса, по-видимому, не ожидала такого вопроса, но отвечать стала без долгих раздумий.

- Я думаю, что Сахиб - очень порядочный человек и предан тебе даже не как господину, а как старшему другу и товарищу. Я думаю, он никогда не предаст тебя и от него никогда не нужно ждать ничего худого.

Помимо этого, - продолжала Нафиса, - Сахиб очень умный и проницательный человек, и ему можно поручить любое задание. Мне кажется, что он намного смышленей большинства твоих беев и превосходит их на голову во многих вопросах, которые предстоит тебе решать.

Али-бею её ответ понравился. Это было видно по тому, как он удовлетворенно закивал головой в знак согласия со словами высказанными Нафисой.

Дослушав до конца оценку, которую дала Сахибу Нафиса Али-бей сказал:

- Знаешь, Нафиса, я тоже такого же мнения о Сахибе, как и ты. Более того, такого же мнения о нем и Апстха. Он то же считает Сахиба умным и порядочным человеком.

Так вот, - продолжал он, - я пришел к мнению, что Сахиба нужно возвести в ранг бея. Об этом просит и Апстха. Вопрос только в другом. На титул бея претендуют еще два мамлюка из мощного клана Хуршидов. Их кандидатуры поддерживают многие влиятельные беи из числа членов Совета. Вот я и думаю, как возвести Сахиба в беи, не заработав в это сложное время лишних недоброжелателей. Я, так или иначе, решу эту задачу. Вопрос здесь в том, как сделать это с наименьшими потерями, и не вызвать отрицательные эмоции у членов Совета беев.

Нафиса внимательно слушала его слова и лишь в самом конце уточнила:

- Ты хочешь сделать его беем или беем, который управляет одной из провинций, на которые делится наша страна?

- Вначале я хочу присвоить ему титул бея, а уже потом, когда освободится где-то место правителя провинции, назначить его на эту должность.

- Я думаю, ты прав, приняв такое решение, - продолжала Нафиса, услышав его ответ, - Сахиб - преданный тебе человек, и он может стать надежной опорой в твоих грядущих делах. Правильным мне кажется и то, что на первых порах ты хочешь возвести его в беи, и не затрагиваешь интересов ни одного клана мамлюков в провинции. Тебе в сегодняшней ситуации не нужны люди, которые затаят на тебя обиду и будут ждать удобного момента, чтобы вернуть тебе долг. В этой ситуации, повелитель, мне кажется, Сахиба нужно отправить в поход на Хиджаз вместе с Мухамад-беем. Поручи ему командовать одним из отрядов Мухамад-бея. Если поход будет успешным и Сахиб отличится в боях, а в этом я не сомневаюсь, у тебя появится право за храбрость и мужество, показанное в боях и в походе в целом, произвести его в беи. Если же он не оправдает твоего доверия, то вернешь его снова в свою охрану. Так будет и справедливо и честно.

Эта мысль понравилась Али-бею. Нафиса, как всегда, нашла неожиданный путь решения задачи, которую предстояло ему выполнить. Подумав еще некоторое время, он пришел к выводу, что вариант действий, предложенный ею, наиболее правильный в данной ситуации.

Выслушав до конца ее слова, Али-бей в очередной раз убедился в том, что форма мышления женщины очень часто разительно

отличается от мужской логики. Мужчина порой даже не в состоянии понять, как воспринимает окружающую действительность женский ум и как оценивает его он.

Так, практически все члены Совета беев, кроме Апстха и Ибрагим-бея, с которыми был у него до этого разговор на первую тему в категоричной форме предлагали только одно. Послать в мечеть несколько соглядатаев, которые под видом посетителей мечети послушают все, что говорят во время проповедей служители мечети. Выявить наиболее агрессивно настроенных из них и из числа прихожан. Затем, получив полную информацию о том, кто есть кто, окружить мечеть во время молитвы и сразу же по ее окончанию захватить и на месте расправиться с теми, кто выступает против власти мамлюков. Они полагали, что устроенная публичная расправа над мятежными умами покажет всем, что будет с каждым, кто посмеет высказать вслух хотя бы одно слово против мамлюков.

Зло должно быть вырвано с корнем, - заявил один из членов Совета Назымбий. Если мы сегодня не сделаем этого, завтра ядовитые семена, посеянные в мечети Аль-Азхар, разлетятся по всему Египту.

На вопрос Ибрагим бея, а что если жители Каира, возмущенные расправой над священнослужителями, поднимут бунт или, еще хуже, восстание, другой Член Совета Ахмат-бей без раздумий ответил:

- Тогда мы перебьем всех жителей города, которые примкнут к бунтовщикам.

Сравнив оба возможных варианта действий, Али-бей принял решение.

Уже на следующий день он, сопровождаемый немногочисленной охраной, приехал в мечеть Аль-Азхар. Служители мечети, не предупрежденные о его приезде, были и удивлены и отчасти напуганы его визитом. Они прекрасно понимали, зачем мог приехать к ним повелитель, о чем может пойти речь и какие последствия могут последовать за этой беседой. Али-бей приехал часа за два до вечерней молитвы с тем, чтобы иметь больше времени для намеченной беседы.

Еще больше удивления у служителей мечети вызвали его слова, когда он, рассадив их вокруг себя, рассказал им свои мысли и планы. Они никак не могли даже подумать, что человек, против которого они уже длительное время вели целенаправленную про-

паганду среди населения, сам придет к ним и станет вместе с ними обсуждать проблемы, которые подняли они, обвиняя его. Все это было совершенно неестественно, но Али-бей продолжал излагать им свои мысли, делая вид, что он совсем не видит их боязненой реакции на его слова и идеи.

Сперва они насторожно слушали каждое его слово, но уже через полчаса беседы убедившись в том, что Али-бей говорит с ними искренне и не держит камня за пазухой перешли к конструктивному диалогу.

Они рассказали ему, что тревожит и волнует крестьян, ремесленников, торговый люд, а также и бедуинов в Каире и в близлежащих селениях.

Али-бей и сам знал все, о чем рассказали они ему, но перебивать их не стал. Он понимал, что диалог, который завязался между ними еще очень хрупкий и может в любую минуту оборваться. Поэтому он терпеливо слушал все, что говорили ему его собеседники и лишь изредка кивал головой в знак согласия с ними.

Прошло почти два часа их беседы. Священнослужители все говорили. Али-бей слушал. Приближалось время вечерней молитвы, которую Али-бей решил провести в этой мечети.

Когда он зашел в зал для молений, всё его огромное пространство было забито правоверными, придшими помолится Аллаху. Его сразу же узнали. По толпе простых жителей Каира, приготовившихся к молитве, прошел ропот то ли удивления, то ли недоумения. Никто не мог сразу понять, почему Султан оказался в их мечети. Али-бей прошел на свободное место и встал на свободный коврик рядом с теми, кто приготовился к вечерней молитве.

Султан прекрасно знал, что такими действиями он подвергает себя громадной опасности. В толпе могли быть и его враги, и люди с ненормальной психикой, и люди, доведенные до отчаяния своим положением и готовые на любой шаг. Он рисковал. Но он знал, что другого выхода на сегодняшний день у него нет. Или толпа примет его, и он тогда будет спокоен за Каир, или толпа растерзает его за считанные минуты. Рядом с ним не было даже охранников. Да и что смогли бы сделать они, если бы и были рядом. Толпа есть толпа. Толпа сомнет любую охрану. Он вместе со всеми совершил молитву, чувствуя даже спиной сотни сверлящих его взглядов. В одних из них было просто любопытство. Шутка ли сказать! Он молился в одной мечети с самим Великим Али-беем Абаза. Когда он вернется домой, соседи могут и не поверить его рассказу об этом. В других был немой вопрос «Зачем ты пришел сюда? Чего ждать нам от твоего прихода?» Были и взгляды, в которых искрилась открытая ненависть к человеку, власть которого не давала им возможности жить так, как они хотят. Все ждали, чем закончится сегодняшняя встреча с Султаном. Ждал этого и сам Али-бей.

А все закончилось так, как и предполагала Нафиса. Шейх Салех проводивший проповедь после молитвы начал свое выступление словами:

- Правоверные, Всевышний услышал наши с Вами молитвы, и прислал к нам Султана Али-бея. Он довел до его ушей Ваши боли и желания. Велик Аллах! Он всесилен. Мы сегодня долго говорили с повелителем о Ваших проблемах. Мы увидели сегодня, что наш Султан не только великий воин Али-бей, но и такой же покорный слуга Аллаха, как все мы. Он услышал все, что сказали мы ему, да продлит Всемогущий Аллах его жизнь. Пусть сделает он его путь долгим и светлым.

При последних его словах по толпе прошел одобрительный гул.

Когда проповедь закончилась, Али-бей направился к выходу из мечети. Все присутствовавшие молельщики согнулись в глубоком поклоне, провожая его. Толпа его приняла. Теперь он знал, теперь он был уверен, что Каир ему в спину не ударит.

АНВАР

Анвар жил на берегу Нила. Вернее, не на самом берегу, а чуть поодаль. Его дом стоял как раз на том самом месте, куда не доходила вода Нила даже во время самых больших разливов. В прошлом году был большой розлив. Даже сторожилы этих краев не помнили такого широкого Нила. Его вода плескалась у самой калитки его дома. Еще бы чуть-чуть и она зашла бы во двор.

Анвар собрал тогда свои нехитрые пожитки и поднял их на крышу дома. Дом у него был небольшой, но аккуратный и добротный. Он был обмазан глиной и имел три небольшие комнаты. В одной жил он вместе с женой Фатьмой. В другой спали его дети. В третей комнате располагалась кухня. Семья у него по местным

меркам считалась совсем небольшой. Жена, сын и дочь. Дети еще маленькие. Сыну десять лет. Дочери всего восемь. Земли у него немного. Всего десять феданов. Но она у него своя и весь урожай с этой земли остается дома. Налогов он не платит. Согласно закона семьи тех, кто служил в армии мамлюков более 10 лет, освобождались от налогов. Вообще-то армии как таковой в Египте не было. Просто каждый мамлюк по приказу шейха аль-Баледа обязан был явиться в условное место вместе с конем, оружием и запасом провизии на десять дней.

Теперь Анвар уже не мамлюк. В свое время его изгнали из рядов мамлюков. Только милость правителя Египта шейха-аль-Баледа Али-бея позволила ему сохранить привилегии ветерана.

А дело было так. Анвар был хорошим воином. В рядах мамлюков он был на первых ролях. Прекрасно владел саблей. Еще лучше метал ножи. Метанием ножей он занимался каждый день. Ножи у него были специальные. С тонким длинным трехгранным лезвием и тяжелой рукояткой. Он метал их с такой силой и такой скоростью, что они входили в противника, пробивая его насквозь.

Однажды его вынудили выйти на поединок. Было это лет пятнадцать назад. Молодой спесивый мамлюк-серб, принявший в Египте имя Хазрет, оскорбил его, и у Анвара не осталось никакого выхода, как принять его вызов. У серба были короткое копье и сабля. У него такая же сабля и метательный нож.

Анвар успел увернуться от копья, брошенного уверенной рукой серба. Оно просвистело у него над головой. В следующее мгновение он метнул свой нож. Оно летело прямо в сердце сербу. Уходя от него, серб дернул коня. Тот взвился на дыбы, и нож вошел ему прямо в шею.

Согласно написанным законам мамлюкского сообщества наносить вред родителям, жене, детям или коню противника считалось позором. Человек, совершивший такой поступок изгонялся из их рядов.

Никто не стал слушать оправдания Анвара, о том, что он сделал это не нарочно. Приговор сотни, в которой он состоял, был однозначным.

Анвар нарушил закон. Нарушившему закон мамлюку нет больше места среди них. Тогда еще не было запрета на дуэли, и потому такая форма наказания была самой суровой из всего того, что могло ожидать дуэлянта. Шейх аль-Балед Али-бей утвердил решение сбора мамлюков.

Они были земляками. Часто сидели и вспоминали родные края, глядя в ночное небо Каира. Тенгиз был наследником его сабли при поединке. Его слово могло многое изменить, но Тенгиз сказал то же, что и все.

Так Анвар остался на улице.

На душе Анвара осталась глубокая рана и обида на всех сослуживцев, не поверивших ему. Особая обида была у него на самого близкого друга Тенгиза.

Он не умел ничего делать, кроме как воевать. Потому нанялся в охрану правителя Ливана. Здесь удача улыбнулась ему. Однажды он спас жизнь шейха. С тех пор шейх приблизил его к себе. Прослужил Анвар у шейха почти четыре года.

Шейх не хотел отпускать своего спасителя. Он ему верил. За это время он даже привязался к нему, но Анвар жаждал вернуться назад. Он желал сделать это только для одного. Все эти годы в нем жила обида. Обида на всех тех, кто поверил в то, что он преднамеренно нарушил закон мамлюков. Ему нужно было доказать всем, и в первую очередь себе, что он достоин быть в рядах самых сильных и самых благородных рыцарей Востока.

Денег, которые заработал он за это время, хватило на то чтобы купить на берегу Нила небольшой участок земли, построить на нем дом и сыграть свадьбу с местной девушкой.

Теперь у него была семья. С женой ему повезло. Фатьма оказалась спокойной работящей женщиной. В их небольшом доме всегда было чисто, тепло, уютно. Росли дети. Он не был богачем, но денег хватало на то чтобы жить в полном достатке и ни в чем особо не нуждаться.

Землю свою он сдавал в аренду родственникам жены. Они оказались людьми честными. Денег от продажи овощей, фруктов и зерновых, что получала семья Анвара в качестве арендной платы, хватало с избытком на то, чтобы жить безбедно. Сам Анвар ничего делать не мог. Работать на земле оказалось гораздо тяжелее, чем воевать. Во дворе у Анвара, а вернее за его домом росло несколько финиковых и банановых пальм. Они давали по два урожая в год. Этого хватало на то, чтобы его дети были всегда сыты и довольны.

В хорошую ясную погоду со двора Анвара видны были три вершины высоких пирамид на окраине Каира, очертания куполов минаретов и даже крепостная стена. До Каира было совсем недалеко, но за все это время Анвар ни разу не ходил в город своей молодости. Он не ходил туда только потому, что не хотел даже случайно повстречать в нем кого-то из тех, кто когда-то не поверил ему и опозорил его своим недоверием. Добрая память осталась у него только об Али-бее. Теперь он был Султаном Египта.

Анвар помнил, как к нему пришел посланный им Камаль. Камаль не был тогда еще беем и не командовал армиями и корпусами. Он был тогда просто другом. Через Камаля Али-бей передал ему небольшую сумму денег на первое время и грамоту. В грамоте Султана говорилось, что Анвар, как воин, отслуживший на благо Египта более десяти лет, освобождается от всех налогов, чем бы он не занимался.

Камаль на словах передал ему что Али-бей верит в то, что он не нарочно сделал то, что сделал, но закон есть закон, и он обязан выполнить его.

Он сожалеет о том, что произошло, но сделать ничего больше не может.

Камаль говорил с ним на абхазском языке. Делал он это, преследуя две цели. Первая была в том, чтобы никто посторонний не понял смысла их разговора. Вторая цель была так же проста. Передавая слова правителя на родном языке, Камаль как бы подчеркивал тем самым, что Али-бей не забыл, что они одной крови и что их взрастила одна земля. В конце разговора Камаль еще один раз подчеркнул.

- И правитель, и я верим в то, что ты нарушил закон случайно. Но, так или иначе, закон есть закон и даже шейху аль-Баледу не дано право миловать тех, кто нарушил его.

Теперь у тебя нет другого пути, как уехать на некоторое время из Египта, пока не стихнут страсти вокруг твоего проступка. Так Анвар и сделал. Вернулся он в Египет давно, но так и не был принят назад в сообщество мамлюков.

Несмотря на это он упорно продолжал работать над собой, ежедневно тренируя свое тело и умение работать с ножами и саблей. Во всей округе настоящий боевой конь был только у него. Соседи называли его – мамлюк. Но сами мамлюки не спешили

возвращать его в свои ряды. Фатьма как могла поддерживала его стараясь добрыми словами подбодрить его. Она в него верила. Но мамлюки - нет. В их обществе было мало места сочувствию и всепрощению. Общество мамлюков вообще не знало что это такое.

Более двух месяцев назад у Анвара был особый день. Он начал обучение сына воинскому искусству. Мальчику исполнилось уже десять лет. Примерно столько же было ему самому, когда его продали на невольничьем рынке Каира. Тогда он и стал мамлюком. Купчую, которая подтверждала его право стать мамлюком, он хранил до сих пор. Он с малого детства разговаривал со своим сыном на языке предков. Желая, чтобы он вырос, как и он сам, абхазом не только по крови, но и по складу мышления.

Анвар хотел, чтобы и его сын стал мамлюком. Как это сделать Анвар не знал. Для того чтобы стать мамлюком нужно было или быть проданным в рабство кому нибудь из знатных мамлюков или быть самому сыном мамлюка. Только «купчая» продавца живого товара или свидетельство десяти мамлюков о том, что мальчик является сыном их знакомого мамлюка, заверенное печатью давало человеку право стать мамлюком. Теперь Анвар уже не мамлюк. Его купчая стала теперь только бумагой на память. Она уже ничего не значила, и потому ему предстояло еще долго думать над тем, как сделать своего сына мамлюком. В том, что его сын станет хорошим воином, Анвар не сомневался. В его сыне текла кровь кавказца, а дух воина всегда жил в их крови. Первое занятие с сыном еще больше уверило его в своем убеждении. Целый час его сын с удовольствием делал всякие упражнения, укрепляющие дух и тело. Затем еще один час он радостно махал деревянной саблей, учась правильно держать ее и управлять своим телом и головой во время боя.

Анвар долго объяснял сыну, что в бою главное холодная трезвая голова.

Именно холодный расчет делает в конечном итоге победителем того, кто бьется со своим противником.

Он рассказывал ему о том, что через несколько лет упорных ежедневных занятий саблей начинают владеть с одинаковым мастерством все. Все они становятся искусными бойцами, умеющими в одинаковой мере делать с оружием все, что хотят, но великими из них становятся единицы. Великими воинами становятся только

те, кто научится мыслить во время боя холодным рассудком. Анвар хорошо знал, что как только воин перестает думать и ярость одолевает его разум, он становится легкой добычей своего противника. Даже хорошего очень хорошего воина ждет печальная участь, если он не сможет побороть свои чувства. Чтобы научиться владеть ими мамлюки ежедневно целый час садились на землю и, углубившись в себя, тщательно продумывали каждое свое движение, которое они сделали в учебном или настоящем бою. Анализ допущенных ими ошибок был тщательным. Потом, отключившись от всех остальных мыслей, мамлюк внушали себе мысли о том, что они должны будут делать в бою и как управлять своим телом, думая не о том, что нужно делать ему самому, а о том, как предугадать каждое возможное действие своего противника. Все его тело должно было делать свое дело в автоматическом режиме, а голова продумывать каждый возможный ответный ход противника. Кто быстрее сделает это, тот и победит в бою. Сын внимательно слушал его. Он еще ничего особо не понимал то, о чем говорил ему его отец, но его глаза, впившиеся в Анвара, говорили о том, что он силится понять смысл услышанного. По команде отца мальчик долго сидел на земле с закрытыми глазами, стараясь мысленно повторить те движения, которым обучал его отец. Анвар внимательно смотрел за тем, как сын реагирует на его слова.

Он прекрасно понимал. Станет ли его сын настоящим воином или нет, будет зависеть только от одного. Сумеет ли его сын побороть самого себя и заставить себя работать над своим телом и разумом каждый день. Сын сидел на земле. Глаза его были закрыты. Руки сложены на коленях. Он старался думать о том, что говорил ему отец.

Он старался, но делать то, что требовал от него отец, было не так легко. Он старался. Отец видел старание сына, и это радовало его больше всего.

Жизнь научила Анвара одному. Достигает цели только тот, кто ежедневно упорно старается достичь ее невзирая ни на какие трудности.

Сегодня Анвар как обычно более двух часов занимался со своим сыном. Тот старался как можно лучше выполнять указания отца. Старательность сына радовала Анвара. Сын старался, значит он хотел стать настоящим воином.

Селение, в котором жил Анвар было большое. Значительная часть сельчан занималась сельским хозяйством. Выращивали хлопок, пшеницу, овощи и фрукты. Несколько десятков семей занималась рыбной ловлей. Были так же ремесленники, гончары, кузнецы, шорники.

Все они люди мирных профессий. Анвар был и остался воином, возможно, поэтому он до сих пор чувствует себя не совсем своим в большой и дружной среде людей труда.

В каждой семье свои давно установившиеся традиции.

Гончары учат своих детей гончарному искусству, ткачи - ткацкому, земледельцы -земледелию. Анвар был воином. Его исключили из рядов мамлюков, но в душе он как был мамлюком, так и остался им. Он мечтал все это время только об одном - чтобы и его сын стал мамлюком, как он сам когда-то. Потому и занимался с ним каждый день. Фатьма в душе против этого. Она хотела, чтобы ее сын стал ремесленником или земледельцем, но кто ее слушает! У нее нет права решать судьбу сына. У него есть отец. Он и решит, кем быть ее сыну. Когда занятия с сыном подходили уже к самому концу, Анвар увидел, что к его дому направляются несколько человек.

Впереди всей группы шел староста селения Фарук. Остальных его спутников Анвар не знал. Видно они были приезжими. О том, что они не местные было видно по тому, что галабеи на них были несколько иного покроя, чем у жителей Каира и его окрестностей и сшиты были они из материала, которого в этих местах не было. Такой материал на галабеи использовали обычно жители портовых городов.

Увидев гостей, Анвар оставил сына и направился к калитке, чтобы встретить их. Анвар пригласил гостей в дом, но они отказались и остановились во дворе. Фатьма принесла несколько низких стульчиков и поставила их в тени пальмы. Гости сели на стульчики. Предположение Анвара о том, что они не местные подтвердилось.

Все трое спутников Фарука оказались жителями Александрии.

После традиционных вопросов о здоровье, семье и видов на урожай, Фарук сразу же приступил к изложению целей своего визита, представив перед этим своих спутников. Они были ремесленниками из Александрии. Один из них, Абдалла, являлся главой артели, производившей глиняную посуду. Посуду их артели охот-

но скупали купцы из стран Среднеземноморья. Была она добротная, красивая, удобная.

Если бы не действия правителя Александрии Назымбия, артель могла бы увеличить почти в два раза объем своей продукции и давать в казну хорошие деньги. Однако бандиты, которым открыто покровительствовал Назымбий, безжалостно обдирали кассу артели. Деньги, которые получали артельщики, моментально переходили в их руки.

Бандиты оставляли ремесленникам деньги только на закупку сырья и на скудное содержание семей членов артели.

Вот и послали они тайно от всех в Каир главу своей артели с тем, чтобы он донес до сведения Султана беззакония, которые творил правитель Александрии. Сам Абдалла, являвшийся мужем сестры Фарука, прекрасно понимал, что если бандиты или Назымбий узнают о его визите в Каир, дни его пребывания на этой грешной земле сочтены. Но, не смотря на это, он решил сделать то, что сделал. Терпеть больше беспредел бандитов не было уже сил.

Фарук привел их к Анвару только по одной причине. Он полагал, что у него сохранились какие-то связи в среде мамлюков, которые позволили бы его зятю попасть на прием к Султану или к приближенному ему лицу. Он так и сказал.

- Анвар! Мы пришли к тебе за советом и помощью.

Расскажи нам, как можно Абдалле попасть в Султанский дворец и кто может помочь ему в этом.

Вопрос Фарука заставил Анвара задуматься. Он уже полтора десятка лет не общался с мамлюками и не ездил в Каир. В то же время, года два назад он встретил одного своего старого приятеля Исмаила. Исмаил был его другом. Они служили когда-то в одной сотне. Теперь Исмаил был командиром тысячи мамлюков, входивших в корпус Камаль-бея. Исмаил был абадзехом. В былые времена они много говорили о родных краях, общих знакомых. Это объединяло их. Анвар знал, где находится дом Исмаила. От него же Анвар узнал в свое время, что теперь Камаль-бей стал одним из самых приближенных к Султану лиц. Исмаил поведал ему тогда, что самые сложные поручения Али-бей дает именно Камаль-бею. Тот, как правило, командует армией или корпусом, которым предстоит решить самые сложные задачи. Сам Камаль-бей имеет хорошие отношения с женой Султана, грузинкой Нафисой, с мнением которой Али-бей, как правило, считается. Исходя из всего этого, Анвар решил, что единственный путь помочь Абдалле и его спутникам это свести их с Исмаилом. Пусть они расскажут ему свою проблему и попросят его сделать им встречу с Камаль-беем. Анвар полагал, что то, что сведения, которые дойдут до Камаль-бея. обязательно будет знать и Али-бей.

Другого пути помочь Абдалле Анвар не видел.

На следующий день с раннего утра Анвар, Абдалла и его спутники направились в Каир. Ехать до Каира было не очень далеко. Чуть более одного фаргага, и потому они еще до полудня доехали до окраин Каира.

Исмаил принял их хорошо. Очень даже хорошо.

Он внимательно выслушал Абдаллу и его спутников, после чего сказал.

- Вы отдохните в саду, а я съезжу к Камаль-бею. Если бей на месте, я договорюсь о встрече с ним прямо на сегодняшний день. Мне кажется, что Камаль-бей сможет Вам помочь. Он человек честный и благородный. Такие беззакония, которые творит сегодня Ваш Назымбий, не могут оставить его равнодушным.

С этими словами Исмаил без долгих промедлений уехал во дворец Камаль-бея.

Вернулся он несколько обескураженный, Камаль-бея в Каире не было. Он обещал вернуться домой только через два дня.

Исмаил искренне предложил Анвару и его спутникам пожить у него эти два дня. Он с радостью смотрел на Анвара, с которым его связывало много хорошего во времена их далекой молодости.

Слова Исмаила были искренними, но Анвар и Абдалла решили вернуться домой с тем, чтобы Фарук и его жена не беспокоились об их судьбе. Несмотря на многочисленные просьбы Исмаила и его жены, Анвар, Абдалла и его спутники в тот же день уехали из Каира. Перед отъездом им накрыли хороший стол. Исмаил сказал им добрые слова, после чего они и выехали из города. В тот же день они были уже дома. Фарук с нетерпением ждал их возвращения. Он долго расспрашивал их о результатах переговоров с Исмаилом. После этого удовлетворенный ответами своих гостей он согласился с их мнением.

Нужно подождать два-три дня, после чего снова съездить в Каир.

Как и говорил Исмаил, Камаль-бей вернулся в Каир через два дня. Уже через день после этого по просьбе того же Исмаила он принял Анвара и Абдаллу.

Встрече с Анваром Камаль-бей обрадовался особо. У него была благодарная память. До того как начал говорить о своих проблемах Абдалла, Камаль-бей и Анвар долго сидели на диване вспоминая минувшие дни. Им было что вспомнить. С особым удовольствием говорили они о том случае, когда десятка мамлюков, в которой служили они еще молодыми воинами, попала в засаду и была окружена большим количеством янычар. Сеча длилась долго. Мамлюки сражались отчаянно, но на каждого из них приходилось по десять турков. Из этой мясорубки вырвались тогда только Камаль и Анвар. Их израненных и истекающих кровью вынесли на волю их кони. Исмаил в этой схватке не участвовал, но часто слышал о ней и потому постоянно кивал головой в знак согласия с каждым их словом. С интересом слушал их воспоминания и Абдалла.

Когда Камаль-бей и Анвар наговорились вдоволь, в разговор вступил Абдалла. Он подробно рассказал Камаль-бею все, что творят в Александрии Назымбий и его подручные. Камаль-бей внимательно слушал его, ни разу не перебив его рассказ. Затем он сказал:

- Ты можешь покляться на Коране, что ты сказал истинную правду и не оклеветал невинного человека?

- Да, - не задумываясь отвечал Абдалла.

По команде Камаль-бея принесли большой Коран в кожаном переплете.

Абдалла положил руку на священную книгу, закрыл глаза и твердым голосом сказал:

- Клянусь именем Всевышнего, что я сказал правду и нигде не допустил клеветы или наговора.

После его слов Камаль-бей задумался на некоторое время, после чего сказал:

- Я сегодня же доложу Султану все, что я услышал от тебя, Абдалла. Я думаю, что он примет все необходимые меры и не допустит дальнейшего произвола по отношению к тем, кто честно трудится принося пользу и себе и людям.

На этом они и разошлись. На следующий день Абдалла и его спутники отплыли в Александрию.

МУХЕТДИН

Новый Кящиф Султанского двора Мухетдин молод, но не по годам рассудителен и разумен. Али-бей выделил его из общей массы молодых мамлюков, увидев в нем задатки хорошего организатора и редкие умственные способности.

Иногда Али-бей не без удовольствия для себя отмечал, что он не ошибся в своем выборе.

В голове у Мухетдина постоянно рождались большие и малые идеи, которые он так же постоянно приносил на суд Султана.

Его замыслы были масштабными и многочисленными, они касались обустройства города, изменения систем орошения земель в дельте Нила, или налогообложения крестьян или ремесленников. Безусловно, он был человеком одаренным и мог принести немалую пользу Египетскому государству.

Совсем недавно Мухетдин принес проект реконструкции Каирского порта. Проект был интересный и детально проработан.

Чуть ранее на стол Али-бею легла бумага по организации производства суконных тканей в Египте из местного сырья, которое вывозилось за границу. В проекте было учтено все. Сырьевые ресурсы регионов, опыт стран Европы по строительству подобных фабрик, необходимость и сроки подготовки кадров рабочих профессий, структурный состав специалистов, которых необходимо было пригласить из Европы и многое другое.

Неменьшую значимость имело и его предложение по строительству большого порохового завода недалеко от Луксора. Здесь имелось необходимое количество сырья, рабочей силы и всего другого, что необходимо было для бесперебойной работы завода. К проекту прилагался примерный перечень иностранных специалистов, которых необходимо было привлечь к данной работе, а так же условия предварительных договоренностей с ними.

Общей чертой всех поданных к рассмотрению проектов было одно: в Египте есть значительный запас полезных ископаемых, сырья и рабочей силы. Нет денег и специалистов для реализации любых проектов по созданию промышленного производства.

Мухетдин Али-бею нравился.

У него был масштаб мышления и хватка хорошего дельца. Единственным его недостатком на сегодняшний день было то, что

он не имел еще никаких связей с влиятельными финансовыми кругами Европы.

Никто из мамлюков не знал в точности, кто Мухетдин по национальности. Сам он об этом никогда не говорил. Почему он не говорил, этого не знал никто. Одни говорили, что он перс. Другие говорили, что он тат. Кто он был на самом деле и почему скрывал от всех свою национальность, знал только он сам. Несомненным было только одно. Он был человеком умным, хорошо одаренным от природы и производил хорошее впечатление на все ближайшее окружение Али-бея. Одна Нафиса почему-то хмурила брови, глядя на него.

Сегодня Мухетдин попросил для себя один час на то, чтобы ознакомить Султана со своим очередным проектом.

Мухетдин положил на стол карту Египта, на которой жирная красная полоса соединяла берег Средиземного моря с берегом Красного моря. Линия прерывалась у северного берега озера Тимсах, затем соединяла южный берег Тимсаха с северным берегом Горького озера, а потом от его южного берега шла до самого Красного моря.

- Что это? - просил Али-бей, начав разглядывать карту.

- Повелитель, - начал свой рассказ Мухетдин, - сегодня товары, которые идут из Европы в Индию, Китай и Японию, а так же в страны Аравийского полуострова и восточного побережья Африки, идут или по Атлантическому океану вокруг всей Африки или выгружаются в Александрии или в Каире, а затем по суше доставляются к Красному морю. Здесь они снова грузятся на корабли и следуют дальше. И тот и другой способ сопряжены с большими затратами времени, денег и дополнительных работ.

Если прорыть большой глубокий канал вдоль красной линии, которую ты видишь, движение грузов ускорилось бы в два-три раза. На столько же уменьшились бы и затраты купцов на их перевозку.

У нас много дешевой рабочей силы. Если привлечь к реализации этого плана крупные банки Европы и Америки мы бы получили громадные выгоды. За проход кораблей по каналу купцы будут платить громадные деньги. Это пополнит казну Египта и даст нам необходимые средства для строительства больших заводов и фабрик. Денег хватит и на то чтобы расплатиться с банками за предоставленный кредит.

У нас сейчас нет денег на закупку оборудования, обучение кадров и на приглашение иностранных специалистов.

А что если мы, - продолжал все тем же ровным голосом Мухетдин, - свяжем все наши проекты в единое целое, построив их в определенной последовательности.

Сперва строительство канала. Затем получение денег направить на закупку оборудования и строительство заводов и фабрик.

Потом, когда заводы и фабрики начнут давать прибыль, расширить их число, последовательно наращивая и их мощность.

Али-бей долго смотрел на карту, стараясь вникнуть в смысл слов, услышанных им. Идея Мухетдина сразу же понравилась ему. В ней было что-то большое, грандиозное. Нужно было только внимательно осмыслить ее.

- Какая протяженность будет у канала, какая ширина и глубина? - спросил он.

- Общая протяженность канала будет чуть меньше 30 фарсагов. Но если вычесть из нее длину двух озер останется около 17 фарсагов, отвечал Мухетдин, - ширина канала в разных местах будет разная, в зависимости от рельефа местности и будет достигать примерно тысячу зир. Глубина судоходной части канала будет примерно 50-60 зир. Этой глубины будет достаточно для того, чтобы по каналу прошли самые большие океанские корабли. Ширина судоходной части канала будет достигать 120-140 зир и будет обозначена особыми плавучими знаками.

Канал не будет иметь шлюзов, так как это позволяет рельеф местности в этих краях. Необходимо будет учитывать, что течение воды в канале будет иметь временные колебания. В северной части канала, которая проляжет от Средиземного моря до Горького озера, зимой будет течение с юга на север. Этому будут способствовать направление потоков из горных озер. Летом течение на этом участке канала будет в обратную сторону.

Вода в Южной части канала будет менять направление своего течения в зависимости от приливов и отливов в Красном море.

По-видимому, Мухетдин не только прочертил красную линию на карте Египта, а детально согласовал свою идею с соответствующими специалистами.

- Строительство канала даст мощный импульс в развитии восточного региона страны, - продолжал Мухетдин, - таком случае

будет построено, как минимум, четыре новых города по всей протяженности канала, а, возможно, даже шесть.

При последних словах Мухетдин показал пальцем места, где, по его мнению, должны были быть построены города. Это были берег Средиземного моря, где начинался канал, северные и южные берега Горького озера и озера Тамсах и берег Красного моря, где канал заканчивал свой бег.

Идея Мухетдина была не просто интересной, но и грандиозной. Она сулила большие выгоды всему Египту. Али-бей сразу же понял это. Его вопрос прервал дальнейший рассказ Мухетдина.

- Сколько людей и какие деньги необходимы будут для реализации проекта? Сколько времени уйдет на это?

- Есть несколько вариантов решения поставленной задачи, повелитель, - отвечал Мухетдин. Все будет зависеть от количества денег, которые будут найдены и направлены на стройку.

Мухетдин назвал три разные цифры, в соответствии с которыми можно было привлечь к стройке 20-30 или 50 тысяч человек. Деньги, как всегда, решали всё. Они необходимы были на закупки оборудования, продовольствия для десятков тысяч человек, работающих на стройке, выплате им заработной платы и на множество других вопросов, которые необходимо было решать при реализации проекта. Тут было и строительство временного жилья, оплата труда иностранных специалистов, охраны объекта и многое, многое другое.

В зависимости от всего этого, строительство канала предполагалось завершить за четыре, семь или десять лет.

Вопрос был только в одном.

Как найти крупные банки, которые выдадут кредиты на долгосрочной основе.

Идея была грандиозной, но порождала массу тяжелейших проблем, решение которых было трудноразрешимой задачей.

Мухетдин стоял, склонив голову. Он ждал оценки Султана его плана. От сегодняшней реакции Али-бея зависело очень многое. Если Султан не примет сейчас проект, завтра подойти к нему с тем же вопросом будет гораздо тяжелее. Кащиф напряженно ждал. Он понимал, что если Султан даст положительное заключение по проекту то он,, как его автор получит и право на его реализацию. А это значило, что минимум 5-6 лет он может не беспокоиться о своем

будущем. Должность Кящифа Султанского двора будет за ним все это время.

После небольшого раздумия, Али-бей сказал.

- Идея хорошая. Она может принести много пользы. Надо думать, когда и как начинать ее реализацию. По-видимому, нам придется немного подождать. У нас есть сейчас ряд других неотложных дел, не завершив которые, мы не сможем начать работы по строительству канала. Давай сделаем так,- закончил он свою мысль, - ты спрячь от посторонних глаз все бумаги касательно этого проекта, и никому не говори пока о нем ни слова. Пусть это будет пока нашим с тобой секретом. Когда мы завершим все наши дела по наведению порядка и спокойствия на Верхнем Ниле и в Сирийской провинции, начнем работу по изысканию денег на этот проект.

Услышав такие слова Мухетдин облегченно вздохнул. Теперь можно было спокойно смотреть в завтрашний день. Ему стало ясно, что его проект заинтересовал Султана. И не просто заинтересовал, если он потребовал не говорить пока о нем больше ни с одним человеком.

На этом беседа Мухетдина с Али-беем, длившаяся почти целый час, закончилась.

Ободренный услышанными словами он быстро собрал со стола бумаги, схемы, карты и вышел из кабинета. На душе у Мухетдина был праздник. Он прекрасно понимал, что сегодняшний день мог стать для него началом большого пути.

Вслед за ним вышел и Али-бей. Он планировал посетить сегодня один из районов Каира, где шло строительство мечети на его личные средства.

Во дворе Али-бея ждала охрана из десяти мамлюков во главе с Сахибом.

Султану подвели его коня, на которого он легко взлетел как много-много лет назад.

Али-бею было уже далеко за сорок лет, но он сохранил еще замашки далекой лихой молодости. Наверное, это было у него в крови.

Все представители его племени, впрочем как и большинства народов всего Кавказа, отличались постоянным желанием казаться чуть лучше того, чем были они на самом деле.

Когда кавальнада всадников во главе с Султаном выезжала из ворот дворца, Али-бей обратил невольное внимание на женщину,

стоявшую с правой стороны от ворот. Женщина держала за руки мальчика лет пяти-шести и девочку трех-четырех лет. Он успел только увидеть их и больше ничего как женщина с громким криком – «О, повелитель!» бросилась под копыта его лошади. Умное животное отскочило в сторону. Женщина осталась лежать на земле. Дети испуганно закричали и бросились к матери.

Али-бей соскочил с коня и со словами:

- Что случилось, сестра моя? - помог несчастной подняться на ноги.

Рядом с ним стояли уже Сахиб и еще один охранник. Они помогли поставить женщину на ноги, и отошли в сторону.

Подождав когда дети перестанут плакать и увидев, что их мать пришла в себя, Али-бей спросил:

- Что случилось, сестра моя? Что заставило тебя лечь под копыта моего коня, забыв о том, что у тебя есть дети, которых тебе еще нужно растить и растить.

Придя в себя и ободренная словами великого Султана, женщина начала сбивчиво рассказывать, что заставило ее пойти на такой отчаянный шаг.

На женщине было длинное черное платье-абайя, которые носят обычно женщины далеких эмиратов.

Голова закутана в черную шаль шелла, лицо закрыто плотной повязкой гишуа.

Али-бей видел только ее глаза. По ним очень трудно было определить сколько женщине лет. Можно только предположить, что ей лет 25 не больше.

- Повелитель, почти закричала она, -мой муж мамлюк Курумбай погиб два года назад во время сражения с турецкими янычарами. У меня остались на руках его сын и его дочь.

Нам, как семье мамлюка, погибшего в бою, должны были дать землю, деньги на первое время и освободить от всех налогов.

Землю нам дали. И больше ничего.

Я женщина и потому не могу сама обрабатывать землю. Сын еще маленький. Он мне пока не помощник. Пришлось землю отдать в аренду. Денег нам не дали. От налогов не освободили. Почти все, что остается нам от урожая, забирают налоги. Я и мои дети живем проголодь. Посмотри правитель, какие они худые и еле ходят. Неужели мой муж погиб для того, чтобы его дети умерли от

голода? Почему нам не дали денег, которые положено было дать? Почему не освободили от налогов? Именем Всемогущего Аллаха прошу тебя, великий Али-бей, помоги нам.

Сказав все это, женщина начала рыдать, не в силах сдержать свои чувства. Мольба и отчаяние были в ее глазах.

- Успокойся и скажи мне честно, ты обращалась к кому-нибудь по этому вопросу или нет? – спросил ее Али-бей.

- Много дней я хожу к твоим писарям, но меня даже на порог не пускают, и никто не хочет даже разговаривать со мной, – отвечала женщина. Мне соседи сказали, что нужно им дать пару куриц и только тогда они станут разговаривать со мной. А где я возьму этих куриц, если самим есть нечего.

Али-бей жестом руки остановил ее.

- Иди женщина с миром. Тебе отдадут все что положено и не будут больше облагать налогами.

Твой муж был славным мамлюком. Он заслужил того, чтобы его дети ни в чем не нуждались.

Вообще-то Али-бей не знал ее покойного мужа, но чтобы как то ободрить женщину, доведенную до отчаяния, он сказал ей добрые слова, которые заслужил ее муж, погибший в бою за свою родину.

Ободренная словами Султана, женщина взяла за руки своих детей и пошла по улице, провожаемая сочувствующими взглядами людей собравшихся на площадке перед дворцом.

Али-бей не стал откладывать на долгое время решение вопроса по жалобе женщины.

Сразу же после того, как он вернулся во дворец, состоялся его разговор с Кящифом Мухетдином, которому подчинялись все чиновники Каира и Египта. В глазах Кящифа был трудно скрываемый страх. Он уже знал о встрече Султана с вдовой погибшего мамлюка.

Кящиф уже распорядился, чтобы нашли ее дом и отнесли туда деньги, полагающуюся ей и бумагу о том, что она освобождается от всех налогов и податей.

Он успел сделать все это, и потому надеялся смягчить гнев Султана работой, проделанной им до его возвращения.

Не ожидая, пока гнев Султана выльется на его голову, он сразу же доложил ему о проделанной им работе и что писари, виновные в нарушениях по отношению несчастной женщины, уже наказаны.

Султан молча слушал его и лишь когда тот закончил свой торопливый рассказ, жестко отрезал:

- Я не буду сейчас разбираться, кто виноват, а кто нет, но если еще раз повторится что-то подобное, многие твои работники останутся без головы. И тебе, Мухетдин, не поздоровится, - добавил он.

Довольный тем, что все закончилось для него одними словами, Мухетдин поспешил удалиться от Султана, моля Аллаха, чтобы его слова не сменились завтра на конкретные дела.

Али-бею было очевидно, что все происходящее в его дворе происходит или при явном попульстительстве или под руководством Кящифа Мухамеддина. Он стоял перед нелегким выбором. С одной стороны, нужно было избавляться от человека, который поощрял или руководил системой поборов и взяток в государственном аппарате.

С другой стороны, этот же человек был талантлив и мог принести немало пользы всему народу Египта.

Поразмыслив над этой проблемой, Али-бей решил отложить принятие окончательного решения на некоторое время. Нужно было попытаться поставить на путь истинный нужного ему человека и, увидев результат, думать, что делать дальше. Когда он поделился своими мыслями с Нафисой, она скорбно покачала головой и ничего не сказала в ответ.

АШЪКЫТ

Селение, принявшее Мамату и его семью, называлось Ашькыт (селение князей Ашеа) и находилось в краю, которую одни называли Джигетией, другие Малой Абхазией.

Каждое из этих названий было по своему правильным и соответствовало действительности.

Джигетией называли этот край потому, что многие-многие века его населяли абазины, которых многие историки и путешественники древних и средних веков обозначили как джигеты, что и предопределило одно из названий этого края на исторической карте мира.

В то же время абазины были одним из семи основных племен единого народа Абаза.

Во времена расцвета Абхазского царства, приходившегося на VIII-XII века нашей эры, цари этого могущественного на то время государства вели захватническую политику, завоевывая все новые и новые земли на юг, север и восток от себя. Все было примерно также, как несколько позднее казаки из числа русского народа шли на юг и восток, завоевывая и осваивая новые земли для России.

Так и племя абазин у народа Абаза пошло на север и восток. Они завоевали Черноморское побережье до Анапы и Северные склоны Кавказского хребта. Ко времени возращения Маматы большинство этих земель было уже безвозвратно потеряно для народа Абаза. Причин тому было много. О них было сказано ранее, и потому повторять их снова нет уже никакого смысла. К этому времени в Джигетии оставалось только около 90 больших и малых сел и аулов из более чем пятиста портов, городов и населенных пунктов, которыми располагали абазины и абхазы еще несколько веков назад.

Казаки, как часть русского народа, имели счастливую судьбу. Как бы далеко не уходили они от исконных земель, они как были русскими, так ими и назывались.

С народом Абаза история поступила иначе. Одна часть этого народа стала именоваться со временем абхазами, другая - абазинами, третья - убыхами.

Возможно, основной причиной того, что произошло, было то, что все русские, где бы они не были, как были православными христианами, так ими и оставались.

Единая вера и сильная централизованная православная церковь объединяли их в единое целое и не дали рассыпаться на разные народы.

Народ Абаза единой религии и единого религиозного центра не имел. Это и предопределило его печальную судьбу.

Сперва абсолютное большинство народа было язычниками, потом христианами, а, уже начиная с XVI века стало мусульманами.

Распад Абхазского царства и отсутствие единого духовного центра в виде единой религии и предопределили незавидную участь народа Абаза. Сперва от него обособились убыхи. Они хоть и признавали свою принадлежность к народу Абаза, но уже считали себя отдельным независимым племенем. Потом настала очередь абазин. Абхазы, абазины, как и убыхи в свое время говорили

на одном языке, имели одни фамилии, один менталитет, но историки и путешественники назвали их к тому времени уже разными народами, хотя они таковыми не являлись.

Абазины, как и были, так и остались частью единого народа Абаза. И местность, в которой проживали они, многие справедливо называли Малой Абхазией. Она располагалась к тому времени по всему Черноморскому побережью от Туапсе до порта Ардлар, и уходила вглубь Кавказа до верховий рек Лаба, Уарп (Уруп) Шкакуа (Белая) и Кубани на Северном Кавказе, где находилось множество абазинских аулов. К концу XVIII века земли от Туапсе до города Анапа были уже безвозвратно потеряны для народа Абаза.

И абазины, и абхазы по-прежнему считали себя единым народом, но с момента распада Абхазского царства абазинские князья перестали подчиняться власти Владетельного князя Абхазии, что еще более отдалило их от земли предков. Хотя, справедливости ради необходимо было сказать, что и в радости, и в горе абазины и абхазы были по-прежнему вместе. Отряды абазинских князей приходили на помощь абхазам, когда на то появлялась необходимость. Так же поступали и абхазы в минуты опасности для абазин. Абазинские и Абхазские князья были всегда в тесных родственных связях. Княжеские фамилии Абхазии с удовольствием выдавали своих дочерей за воинственных абазинских княжичей. То же самое делали и абазины. Такие связи укрепляли их положение в регионе в то неспокойное и труднопредсказуемое время.

Именно в такие времена и в такую местность прибыла семья опального мамлюка Маматы, вынужденная бежать из Египта в ожидании лучших для себя времен.

Жизнь на новом месте складывалась для Маматы и его семьи совсем нелегко. Нужно было кормить жену и двоих детей. Бывший мамлюк не умел ни пахать, ни сеять. Он умел только воевать. Усадьба, которую купил он на деньги, данные ему в дорогу Алибеем, была большая. За ней нужен был уход. На земле его росло более ста фруктовых деревьев. За ними необходимо было ухаживать. Правильно окапывать, обрезать ненужные ветки, удалять вредителей. Мамата не знал, как все это делается. Он хотел работать, но не умел.

В селении, где он купил дом и землю, никто не знал, кто он и откуда. Помня просьбу Али-бея, он не назвал никому свою настоящую фамилию. Все знали его здесь по фамилии его бабушки Куджаа, которую он назвал как свою. В селении все называли его просто Мамата. Он хорошо помнил свой родной язык, и потому у него не было проблем в общении с односельчанами. Тяжелее было его детям. Они заново учили язык своих предков. Но дети есть дети. Им все дается гораздо легче, чем взрослым, и потому Мамата не сомневался, что уже через год-другой они будут свободно говорить на родном языке.

Труднее всего приходилось его жене Саиде. Она знала арабский язык. Немножко помнила свой родной болгарский язык, но ни тот ни другой язык здесь никто не понимал. Саида была женщина добродушная и общительная, и потому вскоре научилась общаться со своими соседками на языке жестов и добрых улыбок. Так они и общались. Улыбаясь и показывая друг другу руками, чего они хотят. Прошло несколько месяцев и Саида начала понимать простейшие слова на абазинском языке: «садись», «вставай», «иди сюда», «иди туда» и т.д.

Через некоторое время окольными путями Мамата узнал о том, что его мать, отец, братья и сестры живы и здоровы. Все они жили в трех разных аулах, расположенных в ущелье урочища Псху.

Сперва он хотел дать им весточку о том, что жив и где находится, но потом, поразмыслив, решил не делать этого. Весть о том, что он жив, могла долететь не только до них, но и до Египта, а это было бы нарушением слова, которое дал он перед отъездом Алибею. Тогда он обещал ему, что пока Султан с войском мамлюков не появится на землях Абхазии, он никому не расскажет кто он и как он сюда попал. Селение, в котором поселился Мамата, находилось на половине пути от порта Туапсе до порта Ардлар. Село считалось большим и зажиточным. Земли здесь были плодородные. Если человек умел и хотел трудиться, земля давала ему богатый урожай зерновых, овощей и фруктов. Каждая семья имела свою пасеку и лесную делянку, где собирала богатый урожай диких орехов и ягод.

Домашний скот сельчан пасся на общественных лугах и выпасах, а иногда и внутри леса. Пастухов сельчане не держали. Воровать скот у своих односельчан в те времена считалось большим грехом и потому даже сторожилы не могли вспомнить случаи угона или кражи домашних животных. Бывали, конечно, случаи когда пропадали лошадь, коровы, или быки, но чаще всего находили их

останки, объеденные дикими животными, или они сами возвращались домой через некоторое время. В лесах было много дичи, и потому местные жители были хорошими охотниками. Многие из них довольно часто приносили домой богатую дичь – мясо косули, горных туров, а чаще всего диких кабанов.

Жители поселка были в абсолютном большинстве своем мусульмане, но, по, общепринятым в селе нормам считалось, что пророк Мухамед нанес запрет на употребление мяса домашней свиньи, а не дикого кабана, и потому его мясо ели здесь все и христиане, и мусульмане.

Дома в селении находились на некотором отдалении друг от друга, и располагались, как правило, на солнечных местах. Это могли быть вершины многочисленных холмов, их солнечные стороны или опушки леса. Ближайшими соседями Маматы были Чима, Анзор, Мурадин и Катащ. Все они умели работать на земле, могли при необходимости взять в руки саблю и ружье.

Они были храбрыми воинами, хорошо ездили на лошадях, хорошо стреляли и так же хорошо владели кавказской шашкой. С кинжалами они не расставались ни днем, ни ночью. Даже укладываясь спать, они клали свои длинные кинжалы под подушки, чтобы в случае необходимости оружие было бы под рукой. Разбойников в этих краях почти не было. Да и кого было грабить? Здесь каждый сам мог ограбить кого угодо, если бы ему позволила его совесть.

Мужчины в селении были не только хорошими работниками, но и очень храбрыми воинами. Они даже не могли понять, что такое трусость и как может мужчина бояться кого-то, кроме Всевышнего на небе и своей совести на земле.

Здесь даже в преданиях не рассказывали о том, что кто-то когда-то струсил. Таких в селе быть не могло, ибо если мужчина того или иного рода совершал такой поступок, то весь его род изгонялся из общины, а его имя забывали навсегда. Их дети не должны были знать, что на белом свете есть такое понятие как трусость. Они должны были быть готовыми в любой момент отдать свою жизнь за родную землю и за благополучие своих сельчан.

Соседи Мамате попались очень хорошие. Они часто приходили к нему. Учили его пахать, сеять, обрезать деревья. Мамата с интересом учился всему этому заново.

Когда-то в детстве он все это знал, но тогда ему было всего 9-10 лет. С тех пор прошло почти двадцать долгих лет. Все чему учил его тогда отец кроме езды на лошади, давным-давно забылось.

Теперь нужно было учиться всему этому заново. И он учился. Дорога в Египет была ему заказана и потому нужно было научиться жить здесь где предстояло ему теперь жить до самой смерти. Особо тяжело давались ему уроки пчеловодства. Он никогда ничего не боялся , но укусы пчел каждый раз сбивали его с ног. Наверное, его организм был восприимчив к яду этих насекомых.

В конце концов, поняв тщетность своих попыток примирить Мамату и его пчел, соседи решили, что лучше будет, если ульями займется его сын. Тот спокойно относился к соседству агрессивных насекомых и к их укусам. Чтобы не отнимать друг у друга драгоценное время, соседи приходили к нему по очереди. Один учил его пахать, другой - сеять, третий - обрезать деревья, четвертый - ухаживать за домашними животными. Коровы, овцы и козы совсем не то, что лошади. За ними нужен был совсем другой уход. Этому и учили Мамату его соседи.

Зато навыкам охоты в густых трудно проходимых окрестных лесах Мамата научился очень быстро. Стрелял он прекрасно. Ему нужно было только научиться выслеживать дичь и читать их следы. Этому и учили его новые соседи и друзья. Особое уважение у них вызвало поведение Маматы во время одной охотничьей вылазки. Они шли по лесу, весело переговариваясь о последних новостях.

Обычно охотники громко не говорят, чтобы не спугнуть дичь, но в этот раз до места, где они планировали начать охоту, было еще далеко, и потому разговор был громкий, веселый.

Они шли вверх по склону горы. Лес в этих местах был не густой. Шли по тропе протоптанной и людьми и зверьем. Ружья за плечами. За веселым разговором никто не услышал как большой бурый медведь оказался у них за спиной. Тот был уже в нескольких шагах от них, когда Мамата, что-то почувствовав, оглянулся назад. Его взгляд и взгляд дикого зверя встретились. Времени снять ружье и выстрелить уже не было.

Мамата вытащил кинжал и, громко закричав, пошел на зверя. Медведь оторопел от его громкого крика, и на секунду замер.

Чиме хватило этого времени, чтобы снять с плеча ружье и успеть выстрелить в зверя. Еще через секунду-вторую прозвучали выстре-

лы из ружей Анзора и Катаща. Зверь заревел, сделал еще пару шагов в сторону Маматы, но тот не отступил, а ударил его кинжалом в грудь. Громадный зверь без звука рухнул Мамате под ноги. Тот сделал шаг назад, чтобы не попасть под громадную тушу медведя и без слов и лишних эмоций спокойно вытащил кинжал из его груди.

Медведь-великан был в три-четыре раза больше, чем Мамата. Его громадные лапы дернулись в предсмертных судорогах, когда он вытаскивал из его тела свой кинжал. Идти дальше на охоту не было смысла. Дичь лежала у их ног. Мясо медведя ели все. И мусульмане и христиане.

Оно считалось целебным и очень полезным. Еще большую ценность представлял для жителей села медвежий жир. Им лечили многие недуги, особенно простуду и болезни легких.

Друзья принялись разделывать медведя. Мамата не умел делать этого и потому только помогал своим соседям, поддерживая им то переднюю, то заднюю ногу туши лесного великана, подвешенного на большом суку. Те быстро разделали зверя, и сразу же приняли единогласное решение: шкура медведя принадлежит Мамате. Он не испугался его и не побежал. Он вонзил свой кинжал в грудь хозяина леса. Ему и шкура. Мясо медведя разделали по кускам, потом разделили на четыре равные части. Каждый взял свою долю и положил на волокуши, тут же срезанные из веток гибкого кустарника.

Медведь оказался громадным, и потому каждому охотнику пришлось потащить домой тяжеленную ношу. К обеду все вернулись домой. Уже к вечеру того же дня весть о том, как Мамата завалил ударом кинжала громадного зверя, облетела все село. К дому Маматы потянулись односельчане. Всем хотелось выразить свое восхищение его поведением. К утру не осталось ни куска от медвежатины. Сперва съели долю Маматы, затем принесли свои доли Чима, Анзор и Катащ. Разошлись многочисленные гости только под утро, когда есть уже было нечего.

Всю ночь гости расспрашивали Мамату о мамлюках и об их жизни. Особым красноречием Мамата не отличался и потому отвечал, как мог. Гости разошлись под самое утро, когда иссякли и вопросы и ответы.

По дороге домой многие из них еще долго комментировали ответы Маматы на многочисленные вопросы односельчан о нравах и обычаях мамлюкского общества.

Особое впечатление на всех произвели рассказы Маматы об Али-бее, Апстхе Аль-Харуне и Умаре.

Вина за столом не пили. Жители села были в основном мусульмане. Эфенди Муаруф был строгим – спорить с ним никто не желал, и потому к спиртоному никто в селе не притрагивался. Муаруф сумел создать у односельчан общественное мнение, резко осуждающее любые нарушения норм поведения, предписанных Кораном. Все село помнило случай, когда сгоряча один односельчанин произнес грубые ругательные слова в присутствии жены и игравшихся неподалеку детей. В тот же день Муаруф собрал весь квартал. Бедолага, допустивший непростительную ошибку, долго слушал наставления Муаруфа о долге отца перед детьми и мужа перед женой. Муаруф говорить умел. Умел требовать, не унижая достоинство собеседника, но требовать так, что тому долго было не по себе от слов, услышанных от эфенди. Авторитет Муаруфа в селе был непререкаемым. Он мог пожурить за то или иное действие даже самого князя. Молодой князь Бата его уважал, и без обид выслушивал все слова. Муаруф был ровесником и другом его покойного отца. Они выросли в одном квартале. Дети есть дети. У детей нет сыновей князей и сыновей простых крестьян. У детей все равны. Потому Муаруф и отец Баты Давлет вместе играли, дрались, мирились.

Бывало так, что Давлет частенько приходил с синяками на лице. Княгиня охала, ахала, грозила выпороть публично Муаруфа, чтобы он знал, как драться с княжичем. Отец Давлета Мурзабек только усмехался и спрашивал сына строгим тоном:

- Ты сдачи дал?

- Да, - отвечал сын, - я тоже ему посадил синяк под глазом. Будет следующий раз знать, как лезть ко мне.

Мурзабек был мудрым человеком. Судьба подарила ему наследника, когда ему было уже за шестьдесят лет. Он хорошо знал, что на улице в повседневных беззлобных драках и детских разборках куется та дружба, которую потом не купишь ни за какие деньги.

У него был один сын. Сын, которому нужна была надежная опора в жизни. В этой жизни любому человеку, если даже он князь, нужно на что-то или на кого-то опираться. Мурзабек хорошо знал, что детские синяки и ссадины перерастают постепенно в дружбу до самой смерти. Так оно и вышло.

Расчеты Мурзабека оказались верными. Выросли они как братья. Вместе учились воинскому мастерству, вместе начали ходить в боевые походы.

Сперва молодая княгиня, мать Давлета, недолюбливала Муаруфа, не удостаивая его даже ласковым словом, но однажды, когда ей рассказали, как Муаруф, рискуя своей жизнью спас ее сына, она поняла, что старый князь был прав, а у нее с этого дня стало два сына. Наверное, правильно говорят в народе, что у женщин от ненависти до любви всего один шаг.

Неприязнь, сидевшая в матери Давлета многие годы за синяки и ссадины, оставленные рукой Муаруфа на лице ее любимца, превратились в искреннюю любовь к человеку, который спас ее единственного сына.

Теперь Муаруф имел свою комнату в княжеском доме, а вся прислуга почитала его как своего хозяина. Так продолжалось несколько лет, пока не умер отец Давлета, старый князь Мурзабек. Перед смертью он завещал Давлету и Муаруфу оставаться братьями до самой смерти.

Вскоре в их селе появился турецкий проповедник. Никто не знает, как это случилось, но через некоторое время молодой Муаруф засобирался в Стамбул. Он решил начать учиться в Стамбульском медресе. Княгиня и Давлет долго отговаривали его от этого шага, но так ничего и не смогли поделать. Вскоре Муаруф уехал в Стамбул, откуда вернулся только через двадцать лет.

Давлета к этому времени уже не было в живых. Он погиб в одном из набегов на Мигрелию, где шальная пуля нежданно нашла дорогу прямо в его сердце. Княжить в селении начал его сын Бата. Когда Муаруф уезжал в Турцию, Бате было лет десять. Теперь это был молодой сильный мужчина в самом расцвете сил. Бата был высокого роста, прекрасно владел саблей и отличался редкой храбростью.

В селении и во всей округе Бату уважали за мужество и благородство. Его сестра была замужем за одним из князей Гечба, имение которого располагалось верст на десять севернее порта Ардлар.

С особым уважением относился Бата к Муаруфу. Возможно, этому способствовали рассказы матери, услышанные им в те времена, когда он был еще совсем юным и с восхищением смотрел на своего отца.

Мать рассказывала ему, какие подвиги совершали его отец и Муаруф. Рассказывала и о том, как Муаруф несколько раз рискуя своей жизнью спасал его отца во время постоянных войн, происходивших с неспокойными соседями их села.

Поддержка молодого князя еще более укрепила авторитет нового эфенди. Необходимо сказать, что и Муаруф не оставался в долгу перед Батой, поддерживая его во всех его добрых начинаниях. Все понимали, что спокойствие и благополучие села держится на дружбе и взаимопонимании двух наиболее авторитетных и влиятельных ее жителей.

Последним из дома Маматы ушел Муаруф. Он хорошо знал Турцию, бывал и в Египте и потому с интересом расспрашивал обо всех последних событиях в этих странах. Он был наслышан о делах Али-бея, и сочувствовал ему, что видно было по его вопросам и реакции на ответы Маматы.

Муаруф и сам рассказал Мамате много интересного про Турцию и Египет.

Его рассказы были интересны Мамате в первую очередь тем, что он увидел, как воспринимались события в Египте жителями Турции. К своему немалому удивлению он услышал, что жители Турции с большим уважением относятся к имени Али-бея, хотя и ненавидят его как очень опасного врага.

Муаруф поведал ему, как Турецкий Султан Мустафа III как-то в сердцах высказал своим генералам:

- Я бы всех Вас поменял на одного Али-бея. Жаль только, что у меня нет такой возможности. Будь Али-бей главнокомандующим моей армией, туго пришлось бы и русским и другим нашим врагам на Балканах, Дунае и в Крыму.

Мамата и Муаруф сидели еще часа два после того как ушли все гости. Солнце окрасило уже вершины окрестных гор своими лучами, когда Мамата проводил до дома своего гостя.

К вечеру того же дня Мамату посетил молодой князь.

Вопреки общепринятым правилам Бата ездил на лошади арабской породы, в то время как абсолютное большинство жителей побережья ездили на лошадях местной породы. Езда на лошадях арабской породы по крутым и непредсказуемымопасным горным тропам была весьма опасной. Дело было в том, что небольшие, не очень резвые, но очень крепкие лошади местной породы спокой-

но скакали над пропастью, не боялись глубоких обрывов зиявших рядом с горными тропами и прекрасно сами без помощи всадника ориентировались в густых лесах покрывавших окрестные горы и прилегающие к ним долины.

Бата молодцевато сидит на своем белом скакуне. Его сопровождают два охранника. Вообще-то, они даже не охранники, а его названные братья.

В свое время его покойный отец отдал Бату в аталычество в крепкую крестьянскую семью из рода Ашуба, проживавшую в далеком абхазском селении Джгярда. Семья, в которую отдали на воспитание Бату, была многодетная, дружная. Принадлежала она к классу вольных крестьян, имевших большое уважение во всей округе.

В семье было пятеро сыновей и две дочки. Отец семейства Ктыт был строгим, но добрым человеком. Он не делил детей на своих и чужих. Все вместе работали в поле. Княжичу никто никаких поблажек не давал. Пахал, как и все. Всех одинаково одевали. Все одинаково ели, все одинаково пили.

Спал княжич на широкой деревянной кровати вместе с двумя своими сверстниками.

Все трое выросли как на подбор. Высокие, мускулистые, статные. Бата хорошо помнил, как Ктыт однажды чуть не дал ремнем каждому из них, когда им было лет по 12. Они пошли в лес и заблудились. Вся Джгярда искало их два дня. Нашли к исходу второго дня голодных, замерзших, испуганных. Сперва Ктыт собрался пройтись ремнем по спине каждого из них, но соседи уговорили его не делать этого.

Все-таки один из них был княжич - будущий князь. Что будут говорить люди потом, когда он станет князем. Так и останется за ним недоброе имя – князь, которого били по спине. Поразмыслив немного Ктыт решил, что его соседи правы и резко изменил свое решение. Два дня вся Джягрда гуляла на празднике устроенном Ктытом в честь чудесного спасения мальчиков позволившего избежать ему позора потери аталыка – своего воспитанника.

На этом же празднике и побратали детей спасенных в лесу. С тех пор у Баты появились братья.

Отец Баты вскоре узнал о случившемся происшествии, но не сказал никому ни слова, но про себя отметил:«Значит, такова была воля Аллаха».

Зато теперь у моего сына есть братья, и они никогда не бросят его в беде.

Мысли его оказались пророческими. У Баты было теперь два брата. Они и въехали во двор Маматы вместе с молодым князем. Мамата уже знал эту историю. Знал, что Бата построил для своих братьев два дома, женил их и теперь они жили по соседству с ним. На Кавказе, кем бы ты не был, князем или простым крестьянином, громадную роль играл твой род и твоя семья.

Давлет это хорошо знал, потому и выбрал для воспитания своего сына мощный род Ашуба и семью, где было пять братьев. При таком раскладе, мощной опорой его сына становился большой род и большая семья. Теперь он был не один.

В свое время Давлет без малейших раздумий одобрил решение сына забрать с собой своих братьев. Правда Бата забрал своих побратимов уже после того, как печальная весть о смерти Давлета пришло из далекой Мигрелии.

Зиза, Быда – как звали братьев и Бата были очень дружны. Они и кушать не садились друг без друга. Дружили и их жены. Каждый день побратимы без устали отрабатывали приемы сабельного боя и стрельбы из пистолета.

Каждый день начинался с того, что Зиза и Быда чуть свет шли работать в поле. Несмотря на все их протесты, работал с ними и Бата. Он пахал и сеял как простой крестьянин, радуясь тому, что хоть чем-то помогает своим братьям.

Закончив полевые работы, братья умывались, плотно ели, отдыхали. Затем уже ближе к вечеру брали в руки сабли и тренировались ежедневно до седьмого пота с холодным оружием, а затем и с пистолетами. О них в округе ходила молва, что на всем побережьи не было бойцов равных им по силе и воинскому искусству. Побратимы много раз слышали от Муаруфа о мамлюках. Знали, что мамлюки самые искусные воины мира. Им давно хотелось познакомиться с Маматой, но никак не было повода для этого. Теперь появился повод, и они решили его использовать. Увидев подъезжающих гостей, Мамата, хлопотавший по двору, встретил их у самых ворот. Вместе с ним были Мурадин и Чима. Они приняли поводья лошадей, а Мамата провел гостей в апацху (отдельный домик для гостей). Несмотря на заверения князя, что они только что поели, жена Маматы накрыла на стол. Князь и его братья перекуси-

ли всем, что поставили на стол. Затем выразили свое восхищение мужеством и храбростью Маматы во время нежданной встречи с медведем.

Как и предполагал Мамата вскоре разговор перешел на Египетскую тему. Бата и его побратимы без долгих предисловий начали расспрашивать Мамату о Египте и мамлюках.

Апацха, построенная для Маматы местными умельцами, находилась на возвышенном месте, продувалась ветром с берега моря и потому в ней почти всегда было прохладно. Сделана была Апацха из гибких веток деревьев обвитых вокруг прочных столбов врытых в землю. Пол в апацхе из орехового дерева приподнятого над землей мощными сваями. Сквозь щели между гибкими прутьями, а так же через открытые окна апацхи хорошо видно море, расстилающееся недалеко от усадьбы Маматы. Море так близко, что во время частых штормов гул волн отчетливо слышен жителям усадьбы. Из окна апацхи хорошо видна и большая скала, уходящая вглубь моря. Под скалой плещутся ласковые сегодня бирюзовые волны. В хорошую погоду мальчишки со всего села собираются у этой скалы. Малыши плещутся в воде под скалой, наиболее отчаянные ребята прыгают в море с десятиметровой высоты. Сегодня ясный погожий день. С берега моря доносится шум детских голосов. Дети всегда дети. Они всегда хотят веселья и добрых игр.

Выходит часто к этой скале и Мамата. Он садится на ее вершине и долго смотрит вдаль моря. Что хочет увидеть он там, не знает никто. Даже его верная жена.

Первым начал расспрашивать Мамату молодой князь.

Он много слышал о Египте и мамлюках, и ему хотелось еще раз убедиться в том, что все слышанное им соответствует действительности.

- Скажи мне, - начал Бата, - что за страна Египет, большая она или маленькая. Можно ли сравнить ее с нашей страной, что простирается сегодня от Туапсе до Мигрелии.

Мамата немного подумал, стараясь как можно точнее ответить на вопрос князя и сказал:

- Египет большая страна. Очень большая. Наша Родина во много раз меньше, чем она. Может в десять, может в двадцать, а может и в тридцать раз. Если ехать на самом быстром коне, то эту громадную страну не объедешь и за месяц и за два.

Слова Маматы вызвали удивление у Баты и его братьев. Они даже представить себе не могли, что какая-то страна может быть такой большой и необъятной.

- Неужто она больше Мигрелии или Имеретии? - не удержался от вопроса Зиза.

- Что там Мигрелия или Имеретия! Все они вместе взятые и мы вместе с ними не составим и десятой доли Египта, - отвечал Мамата.

Рассказы Маматы о далекой стране несказанно удивили его собеседников. Они никак не могли поверить и понять, что такое пустыня и почему на таком громадном пространстве только песок и камни и ни одного леса или луга с сочной травой. Им, жившим в стране почти полностью покрытой густыми, трудно проходимыми лесами и сплошным ковром вечнозеленой травы, трудно было даже представить себе что на земле есть такие места, где почти нет ни травы, ни деревьев. Не меньшее удивление у них вызвал и рассказ Маматы о Ниле. Когда он рассказал им, что во многих местах с одного берега реки не видно другого берега друзья недоуменно посмотрели друг на друга. Они и подумать не могли, что река может быть такой широкой. Еще больше удивление вызвали у них рассказы о крокодилах. Когда они узнали что такой крокодил может легко расправиться с громадным бурым медведем, которому не было равных по силе на всем Кавказе, они еще более удрученно закивали головами. Египет все больше и больше удивлял их.

На побережье, где жили они, летом бывало довольно жарко, но чтобы была такая жара, которая раскаляет землю докрасна, трудно было поверить. Так же трудно верилось и в то, что песок в пустыне нагревается настолько что если в него закрыть куриное яйцо, то через несколько минут яйцо испекается так, что его можно есть. А если наступить любому неегиптянину голой ногой на такую землю, то на ноге будет страшный ожог, который не скоро заживет. Еще большее удивление вызвало у них то, что сами коренные Египтяне ходили босиком по этой раскаленной земле и она не обжигала их ноги.

Более часа удивлял Мамата своих собеседников рассказами о чудесах природы и животного мира далекого Египта.

Мурадин и Чима сидели молча. Они уже много раз слышали от Маматы все эти истории и потому давно уже не удивлялись им.

Долгое время молчавший Быда, спросил.

- А правда, что Али-бей и Камаль-бей – абхазы?

- Да, - отвечал Мамата, - оба они наполовину абхазы, наполовину абазины. У одного из них отец Абхаз мать абазинка, а у другого абазин отец мать абхазха.

- И они говорят на нашем языке? - задал он повторный вопрос.

- Да, и я не раз разговаривал с ними на нашем языке,- дважды повторил Мамата.

- А как мальчишка, бывший бесправным рабом, стал Султаном могущественного государства?- снова вступил в разговор Бата.

- На это мне трудно ответить, но в Египте такая система власти, что его Султанами становятся только бывшие рабы, которых все называют мамлюками. Так продолжается уже много сотен лет. А почему так произошло, я не могу сказать, - добавил Мамата.

Разговор между ними длился уже более двух часов, но вопросы все еще сыпались на Мамату, будто их разговор только что начался.

Мурадин и Чима сидели все также молча, изредка поддакивая Мамате или качая головами в знак согласия с тем, что он говорит.

- А правда ли, что мамлюки считаются лучшими воинами в мире? - не удержался от вопроса, который все время сидел в нем, Быда.

- Я думаю, что это утверждение очень близко к истине, - отвечал Мамата, - я ни раз, и ни два видел, как один мамлюк сражается против двух, а то и против трех янычар, и не уступает им. А ведь янычары тоже не совсем слабые малые и являются гвардией турецкого Султана.

Под самый конец беседы Бата спросил.

- Сколько мамлюков находится в Египте?

На что после некоторого размышления Мамата ответил:

- Сколько точно в Египте мамлюков не известно никому, но, думаю, их тысяч восемьдесят, а может даже сто.

- А сколько египтян? – снова спросил он, открыв от изумления рот.

- Их много. Очень много. В тысячу раз больше, чем мамлюков.

- Тогда как же Вы удерживаете власть в своих руках, если их миллионы, а Вас всего как горсть песка в руке? - задумчиво спросил Быда.

- Вот так и удерживаем, на то мы и мамлюки, - отвечал Мамата, сам не до конца понимая, что значит его ответ.

Иногда в апацху неслышной тенью заходила жена Маматы или другие соседки пришедшие ей на помощь. Они заносили все новые и новые блюда, стараясь хоть как то показать князю свое уважение к нему. Молодого князя в селе уважают. Он справедлив. Сам, как простой крестьянин пашет и сеет, хотя все это могут сделать его слуги. Еще большую любовь односельчан завоевал Бата после одного случая происшедшего с ним год назад. Он и его побратимы Зиза и Быда были в гостях у близких родственников жены Баты. Жили они в крепости Анапа. В те времена еще некоторое количество абазин и абхазов проживало в тех краях, которые многие века принадлежали царству Абаза. Жена Баты была дочерью абазинского князя Лоо. Её родная тетя, проживавшая вместе с мужем в Анапе, справляла праздник по случаю рождения внука, куда и пригласила свою племянницу с мужем.

Племянница была в положении и потому поехать к тете на торжества не смогла. Поехали в Анапу Бата и его побратимы Зиза и Быда. Торжества уже закончились, и гости собирались на утро уехать домой, как пришла тревожная весть. Конница крымских татар под предводительством одного из Гиреев шла лавиной через земли адыгов.

Верховный князь адыгов собирал войско для того чтобы организовывать отпор крымчакам. Молодой князь и его побратимы без раздумий откликнулись на зов о помощи.

Адыги были братьями, и бросать их в беде было нельзя.

Сами адыги такого сделали также. Они не раз приходили на помощь Владетельному князю Абхазии, когда возникала на то необходимость.

Побратимы и десять сопровождавших их воинов выступали в тот же день на помощь адыгам. В первом же бою они покрыли свое имя славой великолепных бойцов, изрубив немало своих противников. Видно ежедневные тренировки с саблями и пистолетами не прошли даром.

Домой вернулись все целыми и невредимыми, а вслед за ними князь адыгов прислал гонцов с богатыми подарками.

Они и рассказали жителям села, как прославились в этой жестокой битве их односельчане во главе с молодым князем.

На Кавказе мужество и храбрость испокон веков являлись одним из главных критериев, по которым оценивался мужчина, тем более князь.

Жена Баты была женщиной не особой красоты, но редкого ума.

Используя этот случай, она смогла сделать так, что во всех окрестных селах и аулах заговорили об особом мужестве и героизме молодого князя.

С тех пор его имя произносили не иначе, как только в уважительной форме. Способствовали этому и его односельчане, видевшие как он работает рядом с ними, а не гарцует на коне целыми днями как многие другие князья. Так или иначе, имя Баты с тех пор облетело всю округу и о нем заговорили как о мужественном и благородном мужчине, который имел не только титул князя, но и был настоящим мужчиной и прекрасным отважным воином. Не меньшую популярность имели в народе и его побратимы, которых называли теперь в народе афыркаца[7]. Бата и его побратимы уже привыкли к той славе, что шла теперь за ними прямо по пятам. При всем при этом они были реалисты. Вот и сейчас им хотелось увидеть самим, насколько хвалва о них, как о лучших бойцах на всем побережье соответствует действительности. Мамлюк, сидевший перед ними мог дать однозначный ответ – действительно ли они великие бойцы, как говорили о них в народе или это просто пустые слова, которые разнес по побережью случайный ветер. Исходя из этого, они предложили Мамате провести с ним учебный бой на саблях. Мамата не особо желал принимать их предложение, но вынужден был сделать это только для того, чтобы ни у кого из них не возникла мысль о том, что он струсил и не принял их вызов.

Скрепя сердце он дал согласие на показательный поединок. Ему на самом деле не хотелось выглядеть перед ними ни трусом, спасовавшим перед их славой, ни хвастуном который пользуется моментом, чтобы показать свое мастерство. Менять что-то было уже поздно, и Мамата без особого удовольствия пошел в дом чтобы взять свою саблю.

Когда он вышел из дома с двумя саблями, на лицах князя и его друзей отразилось крайнее удивление. Удивление было вызвано не тем, какие это были сабли. Сабли были обыкновенные в простых ножнах. Удивление было вызвано тем, что сабель было две и никто из присутствующих в том числе и соседи Маматы не могли понять зачем ему нужны были две сабли и что он собирался с ними делать.

[7] Афыркаца – настоящий мужчина. Герой

Первым в центр двора посмотреть, на что способен мамлюк, вышел Быда. Двор у Маматы большой. Как у всех жителей села, он покрыт сплошным ковром невысокой травы. Особенность почвы в этих местах такова, что даже через час другой после сильного дождя дворы у всех сухие и на них не остается даже следов влаги. Так было и сейчас. С утра над селом гудел гром и лил как из ведра сильный дождь. Но уже после полудня вода ушла и, как только выглянуло солнце, все село вновь стало как райский уголок. Сухо и уютно было и во дворе Маматы, так что фехтующие на саблях могли не опасаться оступиться или нечаянно поскользнуться.

Быда и Мамата встали напротив друг друга, развели плечи и помахали руками, разминая мышцы, застывшие за время долгого сидения за столом. В руках у них были сабли. Женщины, сперва не понявшие, что это тренировочный бой испуганно зашептались, но затем, когда сосед Маматы Мурадин, пришедший к столу чуть позднее других, немного прикрикнул на них и объяснил что это бой тренировочный, все радостно заулыбались и приготовились смотреть. Приготовились смотреть поединок и мальчишки, игравшие до этого во дворе дома. Для них это был праздник. Кому еще посчастливится увидеть бой знаменитого бойца Быды и мамлюка, имя которого в селе было окутано особой тайной.

Соперники осторожно начали поединок, внимательно присматриваясь к манере ведения боя каждым из них.

Понемногу темп фехтования начал усиливаться. И Мамата и Быда были опытными бойцами и потому не спешили раскрывать свои карты до поры до времени. Постепенно соперники начали входить в азарт. Каждый из них почувствовал, что перед ним достойный соперник и потому расслабленное состояние начала поединка сменилось полной концентрацией внимания. Манеры ведения боя у мамлюков и жителей Кавказского побережья были совершенно разные, что накладывало свой отпечаток на весь рисунок учебного боя. Кавказцы вели бой в жестком, агрессивном стиле. У них не было компромиссов. Или я или ты.

У мамлюков была совершенно другая манера ведения боя. Осторожность, продуманность. Этой тактике приучила их действительность, в которой существовала многие века государство мамлюков.

Во все времена силы противников многократно превосходили силы мамлюков. В такой ситуации важную роль могла сыграть

жизнь каждого мамлюка. Так было при знаменитой битве мамлюков с непобедимыми доселе монголами при Айн Джулате. Численность войска монгол, поставивших до этого на колени половину мира и присоединившихся к ним крестоносцев, во много раз превышала численность мамлюков, которыми командовал Султан Бей Барс. Монголы, не знавшие до этого слово «поражение», были разбиты мамлюками в пухи прах.

Так же было и при не менее знаменитой битве вблизи города Хомс, где мамлюки под предводительством Султана Калауна разбили армию монголов в три раза превосходившую их по численности.

И в той и в этой битве решающую роль сыграли воинская отвага, мужество и рассудительность мамлюков умело и разумно использовавших свое высочайшее воинское мастерство.

Мамлюков с самого начала обучали не только владению конем, саблей и пистолетом, но и хладнокровной рассудительности.

Тактика ведения боевых действий народами Кавказа была совершенно другой. Для них главными были внезапность, стремительность, напор и сила духа. Сила духа у народов Кавказа была такова, что каждый из них был уверен, что он и только он является самым бесстрашным и самым несгибаемым вином на земле. Эта психология и эта тактика боевых действий определяли и манеру ведения рукопашного боя воинами народов Кавказа.

Так было и сейчас. Быда прекрасно владел саблей, был резок и стремителен.

Мамата рассудителен и спокоен. Его с малых лет учили, что тот, кто поддается чувствам во время боя, имеет гораздо меньше шансов выйти живым из него. Он работал ровно, спокойно, успевая в доли секунды обдумывать возможные действия противника и свои ответные действия. Сперва Быда стремительно наступал, но когда уверенная оборона Мамата умерила его наступательный пыл поединок выровнялся и пошел на встречных курсах. Наконец опыт и спокойствие Маматы сделали свое дело. Он изловчился, и его сабля оказалась у груди Быды в то время, как очередной удар последнего ушел в пустоту. Быда смущенно остановился и признал победу своего соперника. При этом он не забыл заметить, что всего несколько минут назад он был гораздо ближе к победе, чем его соперник. Мамата не стал спорить с ним. Главным был итог. А кто что мог сделать и не сделал, не играло уже никакой роли.

Мамата и Быда обнялись и под одобрительный гул женщин и детей сели за стол. Минут через 10-15, когда Мамата отдышался от первого поединка встал со своего места брат Быды Зиза. Он почтительно поклонился всем и жестом руки пригласил Мамату на середину двора. Мамата понял его жест. Он означал: «Давай, покажи мне теперь, на что ты способен. А я покажу тебе, на что способен я».

Соперники встали друг напротив друга и кивком головы поприветствовали друг друга.

На их лицах были добрые озорные улыбки. Сила, молодость и неуемная жажда первенства делали их и веселыми и задиристыми. С первыми же ударами сабли, которые нанес Зиза, а так же по движению его ног и рук Мамата сразу же понял – Зиза не только близнец Быды по рождению, но и его близнец по манере ведения боя. Он такой же агрессивный, жесткий. У него те же приемы и движения что и у его брата. Он прекрасно владеет саблей и своим телом. Мыслит быстро, но в отличие от своего брата более продуман и прагматичен. Он был прекрасный боец – один из лучших бойцов на всем побережье.

Мамата был мамлюк – один из лучших воинов мамлюков. Он хорошо помнил слова своего учителя и старшего друга Султана Али-бея.

- Самый лучший воин - это кавказец, ставший мамлюком. Такого редкого воина рождает сочетание, бесстрашия и особого духа кавказца с ежедневным изнурительным трудом подневольного раба вынужденного с утра до позднего вечера без устали работать с саблями и пистолетами. Мамлюки по 7-8 часов занимались стрельбой и фехтованием. Их упорные тренировки приводили к тому, что их тело начинало работать, опережая порой их сознание на интуитивном уровне. Так было и с Маматой. Он только вырабатывал общую стратегию своего поведения в бою, а тело само работало в автоматическом режиме над выполнением задач, заданных ее хозяином.

Зиза был прекрасным воином кавказцем.

Мамата был и кавказцем и мамлюком. Это было редкое сочетание рождавшее, лучших воинов в мире.

Результат боя между Маматой и Зизой был такой же. Окончив бой, оба они стояли , некоторое время изучая друг друга пытливым взглядом. Затем оба добро заулыбались и, сделав навстречу

по одному шагу, обняли друг друга. Обнялись как добрые друзья нашедшие друг друга.

Бата с доброй улыбкой наблюдал за всем, что делают Зиза и Мамата. Он уже понял, что теперь их четверо и все они Мамата, Быда и Зиза будут всегда стоять рядом с ним.

Когда все расселись по своим местам и отдышались, Бата осторожно спросил Мамату:

- Скажи мне, брат мой, почему ты вынес из дома две сабли, ты, что, собирался менять их после каждого боя? Вроде бы они обе из прекрасной дамасской стали и могут выдержать сотни таких учебных боев.

Вместо ответа Мамата встал, взял обе сабли в руки и вернувшись назад поклонился князю со словами:

- Прошу тебя, князь, удостой меня чести, встав напротив меня и обнажив свою саблю.

Бата был прекрасным воином закаленном ни в одном сражении. Он много раз доказал своё мужество и отвагу всем. И врагам и друзьям. Увидев весело улыбающегося Мамату, приглашавшего его на поединок с таким странным оружием, как две сабли в двух руках, он недоуменно посмотрел вокруг и встал. В его руке была Кавказская шашка великолепных дагестанских мастеров.

Сабли, выкованные дагестанскими мастерами того времени ничем не уступали по качеству оружию, создаваемому великими оружейниками Дамасска и их учениками.

Такие сабли были очень дорогими. Их носили в особых ножнах князя и большие дворяне, владевшие отдельными селами и аулами. Их носили войсковые атаманы казачьего войска и многие генералы и высшие офицеры Русской армии.

Бойцы, вышедшие на поединок, поприветствовали друг друга легким наклоном головы, и начался бой. Бата был прекрасным фехтовальщиком, но, когда перед его глазами засверкали, как молнии две сабли, он несколько растерялся. Бата не знал, что такое страх, но растерянность была и в его глазах, и в его движениях. Он никак не мог понять, куда почти одновременно летят две сабли, за которыми никак не успевала его прославленная во многих боях шашка.

Прошло еще несколько минут фехтования, когда Бата делал свои движения больше на интуитивном уровне, чем как-то осознанно и продуманно.

То, что он увидел, просто шокировало его. Он даже предположить не мог, что человек может делать такое. Изумленно смотрели на все происходящее его друзья и мальчишки, раскрывшие еще шире от удивления свои любопытные глаза.

Тем временем Мамата, убедившись, что показал своим новым друзьям все, что хотел показать им и в достаточной мере удивил их, остановился, отступил на шаг и поклонился князю.

Бата был благородным человеком. Он умел ценить мужество и мастерство тех, кто был рядом с ним или напротив него. Он был поражен тем, что увидел. Глаза его азартно блестели. Он даже представить себе не мог, что такое бывает. В то же время он радостно улыбался, поняв, что в их ряды вливается великолепный воин, на которого всегда можно будет положиться.

Отойдя немного от полученного шока, он сказал:

- Мамата, ты молодец. Я никогда такого не видел и даже не слышал, что так бывает. Наверное, никто на свете не умеет больше так, как ты. А нас ты сможешь обучить такому?

- Вас я обучу этому искусству, князь. Если Вы, конечно, захотите этого, но могу сказать, что искусством ведения боя двумя саблями обладает еще два человека. Это Великий Султан Али-бей и бедуин Аль-Харун. Я - третий.

Самым искусным мастером этого дела является, конечно же, Али-бей. Я и Аль-Харун только подражаем Али-бею. Сам же Али-бей владеет этим искусством в полном совершенстве. Говорят, что наша земля еще не родила того воина, который мог бы сравниться с ним в единоборстве. За 30 лет участия в сотнях битв и сражений. Али-бей не получил еще ни одной раны от сабель своих противников, хотя он всегда находился в гуще боя. Вообще-то, он был много раз ранен, но раны эти были от стрелкового оружия, или от пик противника, но не от их сабель. Сабли его врагов никогда не находили дороги к нему.

С этих пор слух об особых способностях Мамата и его необыкновенном воинском мастерстве пополз по всем окрестным селам и аулам. Теперь к ним часто приезжали люди из дальних краев, чтобы посмотреть на то, что он умеет делать и как он обучает своему искусству своих друзей и молодежь селения. С тех пор можно было часто увидеть четверых друзей вместе и в радости, и в горе. Вскоре слух о Бате и его друзьях обошел все побережье моря, докатившись

даже до Северных склонов Кавказских гор. Жителям села стало легче жить. Имена Баты, Быды, Зизы и Маматы охладили пыл многих горячих голов сразу же понявших, что в селении князя Баты ничего не возьмешь. Там можно было только оставить свою голову.

АХМЕД-КУИДР

Через несколько дней после отъезда Аль-Харуна и его друзей в большом зале Султанского дворца собрался Совет беев или как называли его сами мамлюки высокий диван или бейликат. В Совет беев входила самая авторитетная и опытная в военных и политических вопросах элита мамлюкского сообщества.

В Совет беев не допускались коренные жители Египта, в том числе и представители воинственных кочевых племен населявших бескрайние просторы пустыни Сахара.

На повестке дня стоял один вопрос - походе в Хиджаз.

Али-бей коротко ввел в курс дела членов дивана. Правитель Хиджаза не желает признавать власть мамлюков и фактически стал неуправляемым. Чтобы получить поддержку в борьбе с Каиром, он вступил в переговоры со Стамбулом с тем, чтобы совместно выступить против Египта.

- Вот и все, - закончил он свое выступление, - теперь я хочу услышать ваше мнения, мои соратники. Как Вы оцениваете сложившуюся обстановку и что Вы считаете необходимым сделать в сложившейся ситуации, - добавил он.

У Али-бея была очень своеобразная манера управления членами дивана. Он внимательно выслушивал мнение каждого бея входившего в Совет. Слушал терпеливо – никогда не перебивая говорившего.

Так он выслушивал мнение всех членов Совета. Потом отпускал всех с тем, чтобы тщательно обдумать высказанные ими мысли и принять окончательное решение, которое объявлял на следующий день.

Так было несколько лет назад, когда членам дивана нужно было решать, как поступить.

Али-бей хотел объявить о независимости Египта. За эти мысли, высказанные вслух, Стамбул требовал его голову.

Сложилась ситуация когда нужно было выбирать. Или война с могущественной Портой, располагавшей в Египте и на Ближнем Востоке несколькими сильными армиями, или голова Али-бея.

Тогда практически все члены дивана однозначно высказали свое мнение: требования Стамбула отклонить. Если Стамбул не признает независимость Египта, который был провинцией Турецкой империи в течении почти трехсот лет и будет по прежнему требовать голову Али-бея, объявить Стамбулу войну и выслать из страны наместника Султана Рахим Мехмета-пашу.

Получив полную поддержку Совета беев, в котором преобладали выходцы из Кавказа, Али-бей, не дожидаясь когда корпус янычар, размещенный в Египте, получит подкрепление из других регионов Ближнего Востока и из пределов самой Турции, стремительным ударом разгромил мощную группировку турецких войск. Услышав о разгроме основных сил в Египте, войска, спешившие им на помощь из Сирии и Палестины, повернули назад.

Так было и тогда, когда на Верхнем Ниле вспыхнул бунт непокорных местных племен отказавшихся признавать власть мамлюков. Они выставили требование:

Мы - Египтяне. Мы за единый Египет. Но Египтом наравне с мамлюками должны править и сами египтяне.

Они требовали создать в Египте коллегиальный орган управления страной, в котором местные народы будут иметь особые права и привилегии. Тогда тоже высказались все члены Совета беев. Он выслушал всех, но решение принял сам.

По его настоянию армию, выступившую на подавление мятежа, возглавил Мухамад-бей.

Племена на Верхнем Ниле славились своей воинственностью. У них были хорошие воины, но мамлюки есть мамлюки. Армия Мухамад-бея, которая почти в три раза была меньше по численности, чем армия мятежников легко и с минимальными потерями разгромила их и привезла в Каир в особых курдюках из верблюжьей кожи головы всех руководителей мятежа.

Головы мятежников были выставлены на центральной площади города, чтобы каждый житель Каира видел, что бывает с теми, кто не хочет признавать власть мамлюков.

После этого похода популярность Мухамад-бея, как искусного полководца резко возросла.

Али-бей говорил только об одной причине, согласно которой необходимо было усмирить непокорный Хиджаз.

Главная причина такого решения была, конечно же, в другом. Но об этом он не говорил пока членам Совета, считая, что поставленную задачу необходимо решать поэтапно, не связывая воедино различные этапы решения в единое целое.

Главная цель планируемого им похода на Хиджаз была в другом.

Для того чтобы начать активные боевые действия против турецких войск в Сирии и Палестине нужно было иметь спокойный тыл и спокойные фланги.

Али-бей понимал, что когда настанет время принятия решения о походе мамлюков в Сирию и Палестину, здравомыслящие мамлюкские беи не поддержат его решения, опасаясь того, что армия Хиджаза ударит им в спину. Вот именно поэтому Али-бей решил решить сперва проблему мятежного Хиджаза, не связывая ее пока ни коим образом со своими потаенными планами по организации похода на Восток.

О прошедших переговорах Али-бея и Плещеева и об ее итогах знало пока совсем небольшое количество членов Совета. Это были Апстха, Мухамад-бея, Сахиб, Ибрагим бей и Мурад бей.

Они, конечно же, догадывались об истинных целях замыслов Али-бея, но ничего не говорили против этого, так как их планы совпадали с планами Султана.

Али-бей не сомневался в том, что члены Совета поддержат его решение о скорейшем походе на земли Хиджаза.

Проблема была в другом. Многих членов Совета настораживала растущая не по дням, а по часам роль Мухамад-бея в их сообществе. Они считали, что Али-бей, как Султан, первый среди них, а вот второго и третьего по значимости и реальному авторитету в их среде не должно быть. Все остальные должны были быть, по их мнению, одинаково приближенными к Али-бею и пользоваться равными правами.

Поэтому определенная часть Совета беев могла постараться воспрепятствовать назначению Мухамад-бея командующим армией, которая пойдет покорять Хиджаз.

Али-бей понимал их озабоченность резким взлетом политического веса Мухамад-бея в Египте. Но желал сделать именно так с тем, чтобы ко времени, когда он соберется к далеким берегам

Абхазии, Мухамад-бей стал бы бесспорным лидером мамлюкского сообщества, имеющим достаточно оснований для того, чтобы править Египетским государством до времени возвращения в Каир самого Али-бея.

То же самое должно было произойти, если бы планы Али-бея по воссозданию Абхазского царства нашли положительное решение.

Тогда он остался бы править Абхазским царством и оставил после себя своего ставленника и преемника, который стал бы его союзником при любом осложнении обстановки в Абхазии. Исключать такой вариант дальнейшего развития событий нельзя было ни в коем случае. Слишком много внутренних или внешних факторов нестабильности могло возникнуть в этом регионе. Абхазия сотни лет была окружена никогда не стихавшей внешней угрозой и раздиралась на части вечными внутренними противоречиями.

Он не мог озвучить сегодня свои планы на будующий период хотя бы потому, что как только мамлюкская элита узнала бы о планах Султана, связанных с возможным его уходом с политической сцены Египетского государства, то сразу же началась смертельная схватка между различными группировками мамлюков, которые начали бы делить его место. Этот дележ грозил привести к катострофическим последствиям, которые могли не только похоронить его планы, связанные с походом на Абхазию, но и похоронить все Египетское государство, с таким трудом созданное им. Он только начал чеканить собственную монету, которой предстояло еще вытеснить с Египетских рынков различные золотые и серебряные монеты почти всех стран Средиземноморья, вольно гулявшие еще по портам, базарам и лавкам Каира и других городов Египта.

Али-бей только начал создавать свою собственную регулярную армию, которую нужно было еще долго и упорно обучать. Он начал обустройство Каира благоустройство Александрии и других городов.

Он многое начал делать. Все это нужно было сохранить и преумножить. И все это могло в одночасье рухнуть под напором бескомпромиссной борьбы, которая могла начаться между мамлюками, как только узнают они о его дальнейших планах по возвращению в Абхазию, которые могли еще и не состояться.

Как он и полагал, группа мамлюков, поддерживавших своего лидера Каит-бея, предприняла попытку воспрепятствовать тому,

что бы командующим армией, направляемой на подавление мятежа племен Хиджаза, был назначен Мухамад-бей.

Вообще мамлюкское сообщество делилось на три примерно равные по численности и по уровню своего влияния группировки.

Главенствующую роль в этой троице многие века после смерти Бейбарса, правившего Египтом в XIII веке играли выходцы с Кавказа – представители абхазо-адыгской группы народов и грузины.

Бейбарс, который возглавлял в свое время тюркскую группу мамлюков, был одним из трех выдающихся правителей государства мамлюков, успешно продолживший дело не менее великого своего предшественника курда Салладина.

Несмотря на жестокую борьбу между абхазо-адыгской и тюркской группировками, обе они свято чтили имя Бейбарса.

По другому быть не могло. Заслуги Бейбарса перед государством мамлюков были столь велики, что на их примере многие века обучали многие поколения мамлюков.

В 1260г. объединенное войско непобедимых доселе монголов и высокомерных крестоносцев Западной Европы выступило в поход, конечной целью которого был захват святынь мусульманского мира Мекки и Медины. Осенью этого же года, чтобы не допустить падения Меки и Медины, Бейбарс выступил навстречу огромному войску завоевателей. Монголы и крестоносцы, имевшие многократное превосходство в численности над армией Бейбарса, были абсолютно уверены в своей победе. Решающая битва мамлюков с лучшими воинами Запада и Востока произошла в долине при Ай-Джулате. Здесь, в жарких песках пустыни и был похоронен миф о непобедимости монголов и мощи армии крестоносцев.

Армия монголов, положившая перед этим под копыта своих коней почти половину мира, была разбита в пух и прах. То, что не смогли сделать многочисленные войска Китайской и Персидской империй, Хорезма, Руси и Восточной Европы, сделали мамлюки. Их было более чем в три раза меньше монголов, но в их груди бились сердца воинов. У них был другой дух. Дух победителей.

После этого Бейбарс разбил войска короля Франции Людовика IX. В решающей битве недалеко от древнего города Карфаген полегла или была взята в плен почти вся элита Французского королевства.

Чудом избежавший плена король Людовик IX утонул затем в водах Средиземного моря во время кораблекрушения.

Эти и многие другие заслуги Бейбарса сделали его имя легендарным и высоко подняли его над межэтническими разборками.

Третья группировка мамлюков состояла из представителей курдов, албанцев и всех других народов.

Она была самой многочисленной, но не имела единого языка и единой Родины, которые бы смогли сделать ее монолитной и единой.

Но самое интересное в этой ситуации было в том, что именно позиция третьей группировки чаще всего становилась решающей. При относительном равенстве сил между абхазо-адыгами, и тюрками, чаша весов, как правило, клонилась в ту сторону, которую поддерживали курды и албанцы.

Так было долгое время, пока к власти не пришел Али-бей. У Али-бея был настолько высокий авторитет во всех кругах Египетского государства, а сабля его была настолько быстра и остра, что никто из членов трех группировок никогда не настаивал на своем мнении, если оно противоречило мнению Али-бея. В таких случаях, как правило, каждая из сторон не столько отстаивала свою точку зрения, сколько старалась убедить Али-бея в правильности своего решения или предложения.

Так было и на этот раз.

Халед-бей, представлявший интересы группы Каит-бея, сказал:

- О, повелитель, как ты скажешь так и будет. Мы просто хотели, чтобы ты рассмотрел вариант, когда командовать армией будет поручено Каит-бею. Он опытный воин, опытный военноначальник, не раз бывал в тех краях, и хорошо знает особенности местности. Его имя хорошо известно правителю Хиджаза.

Я думаю, было бы правильным остановиться именно на этой кандидатуре, - закончил свое выступление Халед-бей и в самом конце своего выступления добавил:

- Повелитель, я только высказал свое мнение, надеясь, что ты услышишь его. В конечном итоге воля твоя. Как ты скажешь, так и будет.

После Халед-бея выступило еще пять членов Совета. Двое из них поддержали мнение Халед-бея. Трое, в том числе Ибрагим-бей и Мурад-бей, высказались за назначение командующим армией Мухамад-бея.

Так получилось, что вопрос о том, идти в поход на Хиджаз или нет, практически не обсуждался. Обсуждение кандидатур будуще-

го командующего армией само по себе говорило о том, что этот вопрос даже не подлежит обсуждению.

Выслушав мнение всех остальных членов Совета о кандидатуре будущего командующего армией, Али-бей углубился в недолгие размышления. С одной стороны, он был доволен тем, что главная цель сегодняшнего Совета получить одобрение беев на поход в Хиджаз была уже достигнута. Это было хорошо. Но вместе с тем он понимал, что вопрос о назначении командующего армией идущей на Хиджаз не должен был внести раскол в Совет беев. После некоторого раздумья Али-бей сказал:

- Каит-бей - великий воин. Он опытный военноначальник. Он может командовать не только этой армией, но и всеми войсками Великого Султана Турции. Но дело в том, что Каит-бей нужен будет мне здесь. Мне нужна будет его помощь в решении одного очень важного вопроса. Дело в том, что в ближайшее время к нам приезжает в гости знаменитый курд Агабек, с помощью которого мы планируем установить союзнические отношения с Сирийским Курдистаном. Каит-бей по происхождению курд. Слава Аллаху, он еще хорошо помнит язык своих отцов. Поэтому он нужен будет мне здесь в Каире. Его присутствие позволит нам наладить дружественные отношения с Курдистаном. А насчет кандидатуры будущего командующего армией я еще подумаю.

Он решил отложить на день-другой оглашение имени будущего командующего с тем, чтобы не вызывать сейчас лишних эмоций у членов Совета.

Говоря эти слова, Али-бей уже знал, что завтра он объявит о том, что командовать армией, идущей на Хиджаз, он поручает Мухамад-бею, а авангардом этой армии Сахибу.

- Самое главное, -закончил он свое выступление, - что мы сегодня достигли общее согласие в том что, поход на Хиджаз необходим и что к нему нужно уже начинать готовиться.

Известие о скором приезде Агабека вызвало заметное оживление среди членов Совета. Имя Агабека было довольно хорошо известно не только в юго-восточных районах Турции, но и в Сирии и даже Египте.

Особую значимость ему предавало имя его легендарного отца, возглавившего в свое время восстание курдских племен против ига Османской империи.

Рейды, которые совершали отряды Агабека, были всегда внезапными и стремительными. Каждый всадник в его отряде имел запасную лошадь.

Во время налетов они не брали с собой ничего, что могло обременить их во время отхода в сторону своих гор. Брали только то, что могла унести на себе запасная лошадь. Брали в основном драгоценности, медную посуду, кувшины, светильники и так далее. Сверху всего клали, как правило, живого барашка. Уходили они так же стремительно, как и приходили. Особой отличительной чертой их действий было то, что они старались не убивать мирных жителей.

Брали все, но убивали только тех, кто был с оружием в руках и оказывал им сопротивление. Многие говорили, что так они вели себя только в арабских селениях. В турецких селениях вели они себя совершенно иначе.

Видно там срабатывала ответная реакция. Как вы с нами, так и мы с вами.

Многие беи из числа присутствующих на Совете не раз пытались догнать Агабека, но никому и никогда не удавалось сделать этого. Опытный курд успевал всегда уйти в горы задолго до того, как высылали погоню ему вслед.

При последних словах Али-бея в зал вошел Сахиб. Он еще не был возведен в ранг бея и потому участия в Совете беев не принимал. Бесшумно ступая по мягкому ковру, устилавшему пол, он быстро подошел к Али-бею и начал что-то тихо-тихо говорить, склонившись к его уху. Али-бей выслушал его и кивнул головой в знак согласия.

Когда Сахиб так же бесшумно вышел из зала Али-бей сказал:

- К нам пришла делегация от купцов Александрии и Каира. Возглавляет просителей Ахмед Куидр. При упоминании имени Ахмеда-Куидра беи заулыбались. Все знали, что купчую Али-бея, которая дала ему право стать мамлюком, подписывал именно он и, возможно, поэтому его можно было считать в некотором роде крестным отцом Султана.

Ахмед Куидру перевалило уже далеко за семьдесят лет, но он был еще крепким и деятельным стариком. Он имел большой авторитет в рядах торговых людей, который еще более окреп после того как раб, сперва купленный им в Стамбуле, а затем им же

проданный в Каире, стал правителем Египта. Все помнили, как в длинном ряду невольников выставленных на продажу в морском порту Стамбула, Ахмед Куидр безошибочно выделил худощавого мальчишку только по одному признаку. У него блестели глаза. Глаза даже не блестели, а горели. В них была жажда жизни и борьбы. Этот мальчик, которому было от силы лет двенадцать, смотрел на него прямо, не отводя в сторону свои еще по-детски наивные глаза, в которых только очень проницательный человек мог прочитать особую волю и особую скрытую силу.

Куидр тогда еще молодой купец увидел все это. И не ошибся. Увидев, как загорелись глаза у тогда еще не совсем опытного в торговых делах Куидра, хозяин маленького невольника загнул за него баснословную цену. Куидр, как все восточные купцы, долго торговался. Цену сбил, но не намного. За деньги, которые отдал он за Исуфа, так звали тогда будущего Али-бея, можно было купить двух взрослых рабов. Купец отдал эти деньги и не ошибся. Правитель Египта Ибрагим Кагая, которому показал он Исуфа уже в Каире, увидел в его глазах то же, что и Куидр. Он не стал торговаться с купцом и щедро одарил его. Деньги, которые дал купцу Ибрагим-Кагая с лихвой окупили все затраты, которые понес он. Сам Ахмед Куидр много раз говорил в последующие годы: «Прошло уже много лет, но я так не разу и не увидел после Али-бея ни одного невольника с такими глазами. Глазами, в которых было написано: «я - человек, а не раб». Рано или поздно я все равно возьму свое». Куидр не ошибся. Маленький Исуф взял свое. Теперь он был Султаном всего Египта.

Все присутствовавшие на Совете беи знали искреннее отношение Али-бея к Ахмеду Куидру и потому дружно высказались за то, чтобы выслушать делегацию купцов. Промолчал только Сулейман-бей. Он знал, почему пришли в Султанский дворец купцы и что скажут они членам Совета.

В это время Сахиб завел в зал семь купцов. Все они были одеты в традиционные просторные египетские галабеи. На головах белые платки окаймленные черными угалями.

Купцы согнулись в поклоне, приветствуя Султана и членов Совета. По знаку Али-бея они вновь приняли вертикальное положение и медленно, стараясь сохранить приличествующий вид, пошли в сторону Султана. Выполняя требование повелительного

жеста Сахиба, который шел рядом с ними они остановились, не доходя метров пять-шесть до трона, на которым восседал Али-бей. Когда купцы остановились по знаку Сахиба, Али-бей встал со своего места и, не скрывая радостной улыбки, подошел к Ахмеду Куидру. Купец стоял, не смея сказать пока ни слова и ждал, что будет делать дальше Али-бей.

Султан подошел к нему и все с той же доброй улыбкой обнял его со словами.

- Я рад видеть тебя, достойнейший Ахмед Куидр. Я помню все, что ты сделал для меня. Можешь сказать все, что привело тебя ко мне. Если я буду в силах, и это не будет противоречить интересам Египта, я постараюсь помочь тебе и твоим товарищам.

С этими словами Али-бей отпустил из своих объятий купца и вернулся на свое место.

Одобренные теплым приемом остальные купцы дружно загудели и начали ободрять своего вожака словами.

- Говори, Ахмед, коль сам Султан разрешил тебе говорить.

Выдержав паузу приличия и, дождавшись когда Али-бей займет свое место, Ахмед-Куидр начал говорить.

- Повелитель, - начал он. Мы торговые люди. Торговля нас кормит. Но и государству нашему большая польза от нашей работы. Мы привозим в Египет все, что нужно простым людям, беям и государству. Мы платим пошлину и налоги, которые пополняют твою казну. Я думаю, что мы нужны и тебе и Египту. Если бы мы были не нужны, ты бы одним словом прекратил нашу деятельность.

Увидев, как легкая усмешка пробежала по лицу Али-бея, Ахмед Куидр сразу же добавил:

- Конечно, повелитель, и в нашей работе бывают ошибки. Не всегда удается нам совмещать свои интересы с интересами всех остальных, но мы стараемся как можем выполнить в меру своих возможностей твою волю.

Купец, как и сам Али-бей, знал, почему по лицу Султана пробежала усмешка, которая не предвещала ничего доброго. А дело было в следующем.

Некоторое время назад Али-бей попросил купцов закупить ему для нужд вновь создаваемого флота большую партию леса и парусины. Купцы привезли лес из Ливана и Испании, парусину купили у голландских купцов.

И лес и парусина оказались не самого высокого качества, о чем сразу же сказали корабелы, нанятые для строительства судов. Купцов, закупивших тогда некачественный товар, били нещадно, бросили в темницу, и лишь вмешательство Ахмеда Куидра спасло их от дальнейшей расправы.

Он поручился за них тогда перед Али-беем. Вскоре купцов выпустили на волю.

Перепуганные торговцы в кратчайшие сроки закупили лес и парусину самого высокого качества и внесли в казну сумму причиненного ущерба.

С тех пор ни один член торгового сообщества Египта не пытался сэкономить на заказах от правителя. Урок пошел всем впрок.

Именно об этом эпизоде напомнила Ахмеду Куидру ироничная усмешка Султана.

- Тот досадный случай, о котором нам всем стыдно вспоминать, давно уже в прошлом. Теперь такое уже не повторится, - сказал Ахмед-Куидр угадав мысли Султана.

- Повелитель, - продолжал Ахмед Куидр, - когда каждый из нас покупает саблю или ружье, он не спрашивает, какой национальности и веры был мастер, сделавший это оружие.

При этих словах лицо Сулеймана-бея стало суровым. В его глазах блеснули недобрые огоньки. Он уже знал, о чем скажут сейчас купцы и что ему придется держать ответ перед Султаном за свои дела.

- Все мы, - продолжал Куидр, - носим ружья и пистолеты, которые изготовили мастера оружейники из Англии, Германии, Италии.

Никто при этом не говорит, что это оружие изготовила рука неверного.

Торговля и товары, которыми торгуем мы, не имеет национальной принадлежности. Не имеют они отношения и к религии. Товар есть товар. Мы ездим к неверным. Покупаем у них то, что нам нужно. Продаем им то, что нужно им.

У нас недавно произошел небольшой инцидент, и мы не поняли друг друга. Вот мы и хотели бы, повелитель, что бы ты рассудил нас. Как ты скажешь, так и будет.

Сказав эти слова, Ахмед Куидр замолчал и вопросительно посмотрел на Султана, ожидая его разрешения продолжить свою мысль.

- Говори Ахмед, все мы тебя внимательно слушаем, - кивнул головой Али-бей.

Получив разрешение говорить дальше, купец продолжил прерванную мысль.

- Повелитель, в пригороде Каира есть сообщество ремесленников. Они делают прекрасную ткань и хорошо выделывают верблюжью кожу. Мы закупаем у них ткань и кожу, которую продаем затем иноземным купцам.

Товар у них хорошего качества и потому на него всегда хороший спрос. На вырученные деньги мы закупаем те товары, которые нужны всем египтянам.

Работа артелей этих ремесленников, а их где-то около 4-х тысяч человек вместе с семьями выгодна всем.

Она дает работу и средства к существованию крестьянам, выращивающим хлопок. Она помогает кочевникам, которые не выбрасывают шкуры верблюдов, а продают им. Она выгодна государству, потому что со всего, что производится этими ремесленниками, в твою казну поступают хорошие деньги. Не мне старому и слабому говорить тебе, какая выгода всем нам от их работы. Все это хорошо. Но плохо другое. Эти ремесленники неверные. Они христиане. Они арабы. Не их вина, повелитель, что много сот лет назад их предков крестоносцы под страхом смерти заставили принять христианскую веру. Это плохо, что они христиане. Мы тоже хотели бы, чтобы они вновь стали мусульманами. Но мы же не крестоносцы, чтобы под страхом выбора между жизнью и смертью заставлять людей менять свою веру. Мы верим, что рано или поздно они сами вернуться к своей родной религии. Но сейчас мы считаем, что делать это силой неправильно. Поэтому мы просим тебя, повелитель, прояви свою мудрость и терпение к заблудшим и разреши им жить так, как жили они сотни лет. Пусть живут как жили и приносят пользу своей стране. А мы будем стараться донести до них истинную веру нашего пророка. Довести словом и убеждением.

Слушая его слова, Али-бей хорошо знал, о чем идет речь и сразу же оценил мудрость Ахмеда Куидра, который ни словом не обмолвился о том, кто заставляет ремесленников силой оружия менять свою религию.

Он хорошо знал эту историю. А была она в том, что священослужители нескольких мечетей Каира и Сулейман-бей поставили

перед ремесленниками условие: хотите жить - принимайте мусульманство. Иначе всех взрослых лишим жизни, а детей передадим в мечети, где их сделают добропорядочными мусульманами.

Али-бей сам только в 12 лет принял мусульманство. До этого он был православным христианином. Он даже помнил молитвы, которым учил его отец-православный священник. Уважение к отцу и к матери, которая до замужества была мусульманкой, но стала православной и была отпета по православному обычаю, жило в нем всегда. Это было уважение к своему прошлому. Уважение к самому себе.

Да, он стал мусульманином, и его имя теперь ежедневно упоминали во всех мечетях Египта, но уважение к той религии, к которой принадлежали его мать и отец, жило в нем независимо от его желания.

Он хорошо помнил слова отца, который говорил ему.

- Все мы, и христиане, и мусульмане ходим под одним Богом. Не хотел бы того Всевышний, не было бы христиан. Не хотел бы того Всевышний, не было бы и мусульман. Если он дал жизнь и мусульманам, и христианам, значит, Он этого хотел. Он - всемогущий. Все в его власти и ничего не происходит на земле, что противоречило бы Его воле.

Али-бей многое что помнил. Он знал, что если Аллах даст ему возможность вернуться в Абхазию и решать ее судьбу он обязательно построит там государство, в котором будут все равны. И мусульмане, и христиане. А абхазы и адыги. Все это были его планы на будущее, а сейчас он внимательно слушал Ахмеда Куидра, который так и не назвал имени Сулейман-бея и служителей мечетей, совершавших противоправные действия. Увидев, что купец не собирается называть его имя перед Султаном, успокоился и Сулейман-бей. Он знал, что Али-бей исправный мусульманин, но лиц, исповедующих крайне радикальные взгляды, как в политике, так и в религии, не любил.

Выслушав до конца Ахмеда Куидра и его товарищей, Али-бей не стал затягивать с ответом:

- Передай ремесленникам, что в нашей стране никто никого не заставляет насильно делать то, что он не хочет.

Хотят они быть христианами - это их право. Но пусть не забывают, что Египет - мусульманское государство и, хотят они того или

нет, им надлежит исполнить все требования, которые диктуют жителям этой страны законы мусульманского мира.

Если они попробуют нарушать наши законы, то понесут наказание, которое будет жестоким и беспощадным.

Сказав все, Али-бей замолчал, давая понять купцам, что разговор с ними закончен.

Купцы сразу же поняли это и медленно попятились назад, сопровождаемые Сахибом.

НАЗЫМБИЙ

Дворец у Назымбия большой. В этом дворце он живет со всей своей семьей. Здесь и вершит дела провинции и города Александрия, правителем которых является он.

Дворец расположен в зеленой тенистой части города. Здесь всегда дует прохладный ветер с моря и довольно комфортно даже в знойный летний полдень. Шум и гам громадного Александрийского порта сюда не доходят. Все дела во дворце вершит его старшая жена Алтынай. До того как она приняла мусульманскую веру и получила имя Алтынай звали ее Параской. Алтынай рано постарела. В молодости она была удивительно красивой и привлекательной. В ее больших голубых глазах мог утонуть любой мужчина. За что прогневался на нее Аллах и почему он так рано сделал ее лицо блеклым и морщинистым, знала только она сама. Несмотря на это, она властно командовала всем домом. У нее было два сына. Голубоглазые, как и она сама в молодости, красавцы и богатыри были теперь ее главной опорой. С такой опорой она могла позволить себе многое. На удивление всем ее сыновья были удивительно похожи на нее в те годы, когда была она молодой и привлекательной. В то же время характером оба они пошли ни в мать и не в отца. Нередко можно было видеть, как они заступились за слуг, когда тех незаслуженно обижала их мать. Свою мать они любили, но слуг от ее постоянного гнева защищали повседневно.

За это нередко доставалось и им самим. Мать у них была крутого нрава и в гневе особо ни с кем не церемонилась.

Назымбий был богат. Очень богат. Земли, принадлежащие ему, безбрежно раскинулись в самых плодородных уголках во-

круг Александрии. Более двух тысяч феллахов работали на его землях, выращивая овощи, фрукты и зерновые культуры. Назымбий сам не знал, сколько у него коней, верблюдов, коров и других домашних животных и птиц. В его табунах были самые лучшие скакуны во всей округе да возможно и во всем Египте. В резвости и выносливости с ними могли сравниться только знаменитый конь Сирокко и лошадь самого Султана Апша. Назымбий давно уже мечтал вырастить таких скакунов, которые обойдут и этих лошадей.

Вот и сейчас он сидел в рабочем кабинете вместе со своими сыновьями. Они обсуждали очень важный для них вопрос.

Из Франции вернулись купцы, которым поручено было договориться со знаменитым маркизом Ги де Мартенем о важной сделке. У маркиза был жеребец редкой резвости и силы. Во всей Европе не было скакунов равных ему. Слава о достоинствах этого жеребца долетела даже до Каира, где знали цену настоящим скакунам. Назымбий желал, чтобы две его чистокровные кобылы особой стати и резвости были покрыты этим жеребцом. Для этой цели он готов был снарядить корабль до Марселя. Эта сделка могла дорого обойтись ему, но он готов был платить даже такую цену.

Из Марселя кобылиц вместе с их сопровождающими должны были доставить в окрестности далекого Лиона, где и проживал Маркиз. Назымбий изъявил готовность заплатить и ту немалую сумму, что предложил за организацию свидания со своим жеребцом не в меру заносчивый француз. Запросил он сумму громадную, но Назымбий согласился и на нее.

Теперь нужно было решить, кто из его сыновей поедет во Францию, чтобы убедиться своими глазами в том, что сделка произошла честно, и они недаром оплатили ту громадную сумму, которую запросил за нее Маркиз.

Маркизу Назымбий не доверял. Он знал, что Ги де Мартен - личность весьма приближенная к королю Людовику, но при дворе Французского короля к нему относились далеко не однозначно. Такой мог подсунуть и не того жеребца чтобы не плодить конкурентов своей знаменитой конюшне.

Оба сына Назымбия были заядлыми лошадниками. К лошадям они относились с особым чувством, которое трудно передать простыми словами. По большому счету, это было для них продолжением их собственного я. Лошадей они знали хорошо. Обмануть их было невозможно.

Поехать во Францию хотели оба сына. Каждый из них отстаивал свое право на эту поездку. Спорили сыновья без зла, но довольно азартно. Дав возможность высказаться каждому из них, Назымбий прининял решение.

- Во Францию поедет младший. Такое решение он принял исходя из следующих соображений.

Старшему - уже двадцать два года.

Он вспыльчив, горяч и гораздо эмоциональнее своего младшего брата. Он, как сын знатного Египтянина, будет представлен дворянскому обществу Лиона. А там много, очень много красивых и соблазнительных француженок. При его характере он может остаться там навсегда.

Помимо этого Назымбий боялся, что при вспыльчивом характере Асхада, как звали старшего сына, он не раз мог попасть на тропу дуэлянтов. Асхад прекрасно фехтовал и так же прекрасно стрелял, но кто будет стрелять первым, не знал никто.

Не в пример ему младший сын Назымбия, Башар, намного спокойнее и рассудительнее. Да и лет ему поменьше. Всего семнадцать. Мужчины в таком возрасте еще не так жадно смотрят на женщин. У них еще все впереди. А пока он спокоен и рассудителен, как и сам Назымбий.

Исходя из этих соображений, отец прервал спор братьев.

- Во Францию поедет Башар. Асхад спорить с отцом не смел, но сразу же было видно, что с его решением он не согласен.

Теперь он сидел насупившись, но вслух говорить о своем несогласии не хотел. У отца крутой нрав. Можно и на неприятности нарваться. Отец есть отец. Что ему скажешь? Это его право и решать, и бить, и миловать.

Пока братья без слов одними взглядами выяснили свои отношения, зашел слуга. Он доложил Назымбию, что к нему пришел по срочному делу начальник стражи города и городского порта Зефас. Он просит соизволения встретиться с ним.

Начальник стражи большой плут и пройдоха. В городе его знают многие. Многих знает и он. Ни одно значимое событие в Александрии и его окрестностях не проходит мимо его внимания. У него масса соглядатаев среди воров, бандитов, нищих или простых граждан города.

Порой Назымбию кажется, что он знает все даже о нем самом.

Где-то в глубине души Назымбий относится к нему с определенной долей опаски. От такого как он все можно ждать, но в то же время информация которой обладает он бывает зачастую очень даже полезной и своевременной. Назымбий знает что таких как он нельзя подпускать слишком близко, но и отталкивать далеко тоже нельзя. Таких нужно держать на строго отмеренном расстоянии. Не слишком близко, не слишком далеко.

Назымбий хорошо знает что у Зефаса всегда на всякий случай имеется в запасе смертельное оружие. Весь вопрос только в том, в какую сторону направлено это оружие. Зефас одинаково опасен как для врагов, так и для друзей. Между друзьями и врагами у Зефаса нет особой разграничительной линии. Сегодня ты друг – завтра враг. Откуда у него появились эти качества, трудно сказать. И дед, и отец его были весьма добропорядочные люди. Пользовались большим уважением в квартале, где они жили. Жили тихо, спокойно честным трудом зарабатывая на горький как у всех остальных кусок хлеба. Может к нему перешло что-то от его прадеда. Тот был туарегом, ушедшим из своего племени. Он скрылся от гнева своих сородичей на корабле, уплывавшем от берегов Ливии. Долгие годы ходил по морям, пока не осел через два десятка лет в Александрии. Здесь и скрывался он до самой смерти. Что натворил он у себя в родных краях, не знал никто точно, знали только, что свое истинное имя он прятал до самой смерти. По-видимому, на то были веские причины.

Если Зефас пришел и просит срочной встречи, значит случилось что-то очень важное. Прийти и отрывать просто так правителя города и провинции от беседы с сыновьями Зефас не стал бы. Видно случилось что-то очень важное.

Жестом руки Назымбий показал сыновьям, чтобы они ждали его возвращения, и вышел из кабинета.

Увидев его, Зефас согнулся в почтительном поклоне и прижал руку к груди. Слуга вышел. После чего Зефас начал говорить.

- Повелитель, начал он, по городу ходят слухи, что то ли купцы, то ли ремесленники совсем недавно ездили в Каир.

Они встречались там с Султаном Али-беем и жаловались ему на тебя и на порядки, царящие в нашем городе. Я возмущен этим враньем. Если у нас в городе нет порядка, то где он есть. Зефас

умеет говорить то, что нужно. Он умеет льстить так, что после его слов белое становится черным, черное белым.

При первых же словах Зефаса лицо Назымбия потемнело, глаза насторожились. Он весь превратился в слух. Информация, которую принес начальник стражи, была безмерно серьезной. Она могла принести много бед и ему самому и всему его окружению.

Тем временем Зефас продолжал говорить.

- Если Али-бей пришлет в Александрию для проверки своих людей и они начнут ходить по городу, расспрашивая людей, то мало ли что могут наговорить они. Люди разные бывают. Каждому рот не заткнешь. Особенно священнослужителям. Те много что могут рассказать посланникам Султана. Они давно уже недовольны тем, как правишь городом ты, мой повелитель. Можно подумать, что если бы на твоем месте был другой правитель, в городе жилось бы лучше.

Назымбий внимательно слушал Зефаса и думал уже о том, что делать, чтобы избежать больших бед.

Меж тем Зефас продолжал:

- Наш Султан справедливый и далеко видит. Его нелегко обмануть, но мало ли что могли наговорить ему всякие негодяи, которых немало живет в нашем городе. А вдруг он поверит им и на самом деле пришлет своих людей. У нас все не так плохо, но может найтись много непорядочных людей недовольных твоей справедливостью и желанием навести порядок в городе, который за долгие годы до твоего прихода погряз в грязи и воровстве. Мало ли что могут они сказать! От таких можно все ждать.

Дальше Назымбий уже не слушал Зефаса. Видя, что тот продолжает говорить, он одним движением руки остановил его. Зефас замолчал.

Подумав некоторое время, Назымбий жестко процедил сквозь зубы:

- Сегодня до вечера узнаешь, кто и куда ездил. С кем встречался и о чем говорил. Не узнаешь, твоя голова полетит первой. Ты все понял?

Взгляд Назымбия прижал Зефаса к стене.

- Да повелитель, - поспешил ответить тот и попятился к двери.

Он шел, слегка согнувшись, а Назымбию вся его фигура напомнила почему-то очертания кобры, готовившейся к броску. Неизвестно только в какую сторону.

После ухода Зефаса Назымбий вернулся к сыновьям и коротко объявил:

- Поездка во Францию пока отменяется. Когда нужно будет, я скажу Вам сам.

Сыновья, удрученные его ответом вышли из кабинета.

Оставшись один, Назымбий принялся обдумывать создавшееся положение.

Главным сейчас становился вопрос.

- Купцы или ремесленники поехали в Каир сами? Или их кто-то направил туда?

Если они поехали туда сами тогда одно дело. Вопрос будет решен сам по себе, когда разберутся с ними.

Если же их кто-то направил по этому пути, тогда сложнее. Сегодня можно решить проблему с ними, но тогда заинтересованные лица, которых он еще не знает, могут завтра направить в Каир других людей. Тогда нужно будет выявить в первую очередь именно тех, кто организовал поездку недовольных его властью в Каир. С них и нужно будет начинать всю работу. Сперва они – затем те, кто ездил в Каир.

С Али-беем шутки плохи. Он за этих босоногих может и под суд отдать. Назымбий знал Али-бея давно.

Еще тогда, в далекой молодости он часто говорил своим друзьям о принципах справедливости и равенства.

У одних эти слова вызывали снисходительную улыбку. Других, в числе которых был и Назымбий, наивная вера Али-бея в эти высокие идеи раздражала и даже вызывала неприязненные чувства.

Прошло много времени. Али-бей остался таким же, как и был. Не изменился и Назымбий. Он искренне не мог понять, как могут быть равными сытый и голодный, трус и храбрец. Если бы Всевышний хотел того, он сам сделал бы всех людей на земле равными и одинаковыми.

Но он создал землю такой, какой она была. Одни на этой земле имели власть, другие были рабами. Одни были богатыми другие бедными.

Все это было так, но Али-бей не раз уже наказывал видных своих соратников за несправедливости, допущенные по отношению к своим поданным. Мог не избежать этой участи и Назымбий.

- Так,, в тяжелых раздумиях о своей будущей судьбе Назымбий провел весь день и вечер, пока уже ближе к полуночи слуга не доложил ему о том, что к нему пришел Зефас. Зефас зашел к нему с довольным лицом. Даже при свете факелов прикрепленных к стене комнаты было видно, что он улыбается. Глянув на его уверенное лицо и радостно блестящие глаза Назымбий сразу же понял. Зефас его задание выполнил, и теперь будет ждать благодарность за проделанную работу.

Так все и вышло. На этот раз поклон Зефаса был немного меньше и спокойнее. Во всех его движениях была уверенность в том, что он сделал большое дело и должен иметь за это особую награду или какие-то особые привилегии.

Встретив вопросительный взгляд Назымбия Зефас начал говорить.

- Мы нашли их повелитель. На секунду Зефас остановился, желая увидеть реакцию Назымбия на свои слова, но встретив вновь жесткий повелительный взгляд бея продолжил. Теперь, правда, голос его не был таким уверенным и довольным. Говорил он тише и без особого пафоса.

- Это староста артели гончаров Абдалла и двое его помощников.

- Ты узнал, кто стоит за ними?

- Да, повелитель. Я все узнал. За ними никого нет, - отвечал Зефас, - они поехали в Каир сами и надеялись, что никто об этом не узнает. Напрасно. Подлое дело нельзя долго скрывать.

На лице Зефаса засияла торжествующая улыбка, напоминавшая больше оскал голодного зверя, чем радость человека.

- Ты уверен, что за ними никого нет, и никто не надоумил их на такое дело?

- Да, мой повелитель. Это так, и я уверен в этом так же, как в том, что я стою перед тобой.

- Хорошо. Тогда скажи у кого они были? - последовал новый вопрос Назымбия.

- Точно никто не знает, - отвечал Зафас, -но вернулись они довольные и ждут, что вслед за ними в Александрию приедут в ближайшее время из Каира чиновники из Султанского дворца.

Последние слова Зефаса заставили Назымбия задуматься. Становилось очевидным, что дело принимает серьезный оборот.

Постояв в раздумье некоторое время Назымбий сказал:

- Ты знаешь, что нужно делать.

- Да мой повелитель, - отвечал Зефас

- Тогда действуй, - коротко приказал Назымбий и, не дожидаясь ответа, вышел из кабинета.

Наутро жители квартала, в котором жили гончарных дел мастера, облетела нежданная новость. Сгорели дома Абдаллы и двух его помощников.

Сам Абдалла и его помощники бесследно пропали. Куда исчезли они, никто не знал.

Все догадывались, чьих это рук дело и почему это произошло, но никто об этом вслух не говорил.

Могли сгореть и их дома. Еще через день на пыльной окраине Александрии нашли тело Зефаса с перерезанным горлом.

Видно, он слишком много знал и кто-то решил, что лучше избавиться от лишнего свидетеля, способного использовать обременявшие его знания в самый нежданный момент.

Через неделю после этого в Александрию приехали чиновники из Каира.

Ни с Абдаллой, ни с его помощниками они поговорить не смогли. Они как сквозь землю провалились.

Никто из жителей города, с которыми начали разговаривать каирские чиновники, на их вопросы не отвечал. Все они опасливо оглядывались по сторонам и спешили как можно скорее уйти от них. После этого чиновники встретились со служителями нескольких мечетей города. При разговоре с ними они невольно для себя отметили, что даже служители религии опасливо оглядывались по сторонам, когда отвечали на их вопросы. Лишь глава центральной мечети шейх Сабир жестко и однозначно обрисовал ситуацию, сложившуюся в городе. Он не побоялся даже поехать вместе с ними по городу, показывая им безобразия, творившиеся на его улицах. Посланники Султана своими глазами увидели горы мусора, заполнившие закоулки и тупики великого города, построенного некогда Великим Александром Македонским как образец чистоты и уюта, который может подарить человеку город, построенный его руками. После этого чиновники поехали в порт.

От их внимания не ускользнуло то, что всю дорогу вслед за ними ехало несколько всадников в черных одеяниях. Как только посланники Султана останавливали кого-нибудь из прохожих, чтобы поговорить с ним, как всадники подъезжали вплотную к ним, всем своим видом показывая их собеседнику или собеседникам, что они все слышат и что, если те посмеют сказать хоть одно лишнее слово, то расправа над ними будет короткой.

Увиденное в порту города еще более поразило проверяющих. Здесь все было так, как и говорили Абдалла и его помощники. Кругом грязь, мусор, разбитые причалы.

К немалому удивлению посланников Султана, когда они пошли в мастерские, которыми когда-то руководил Абдалла, всадники в черном спешились со своих лошадей и пошли вслед за ними. Гончары, с которыми завели проверяющие разговор, больше испуганно смотрели на людей Назымбия, стоявших невдалеке от них, чем отвечали на их вопросы.

Так ничего и не добившись от них посланники Султана уехали из города.

Через несколько дней они доложили Али-бею все, что видели и слышали в Александрии.

Султан внимательно слушал их, хмурил брови и, ничего не сказав вслух, отпустил всех, так и не задав им ни одного вопроса.

САХАРА

Всю ночь над Каиром кружила редкая по силе песчаная буря. На окраинах города тревожно ревели верблюды. Даже им, кораблям пустыни, она внушала ужас.

Собак не было слышно вообще. То ли они забились подальше от бури по дальним углам, то ли их испуганный скулеж заглушал голос бури.

К утру буря утихла. В этот день город проснулся засыпанный песком.

Многие глинобитные дома на окраинах города засыпало почти под самые окна. Песок был везде. Даже в покоях обитателей Султанского дворца. Слуги бегали по дворцу, вычищая ковры, диваны, пороги и подоконники от мелкого песка проникшего везде. В песке была посуда, гобелены, обивка стен и вся одежда, спрятанная в больших шкафах и сундуках.

Тонкая пыль проникла даже в покои самого Султана которые были, казалось бы, тщательно изолированы от внешнего мира.

Песчаная пленка грязноватого оттенка покрыла поверхность воды в бассейнах, где купался обычно Али-бей. Такой же пленкой покрылся бассейн и на женской половине дворца.

Слуги и все обитатели Султанского двора суетились озабоченные борьбой с последствиями разгулявшейся стихии.

В довершение всего гонец с Верхнего Нила принес пренеприятнейшую новость. На поля двух южных провинций страны налетели полчища саранчи, занесенные ветром с территории соседнего Судана. Саранча погубила весь урожай хлопка овощей, пшеницы и риса. Это была крайне неприятная новость.

Предстоящий поход на Сирию требовал от Султана больших затрат. В казне государства таких денег не было. Их нужно было еще найти. Теперь помимо всех имевшихся до этого проблем нужно было искать еще дополнительные денежные средства на оказание скорейшей помощи двум провинциям, попавшим в крайне тяжелое положение. Если сейчас не послать им немедленную помощь то там, на юге могли сложиться все предпосылки возникновения голодного бунта. Люди, которым нечего уже будет терять, способны были на все. Желающих поджечь костер мятежа голодных и доведенных до отчаяния людей, нашлось бы немало как внутри страны, так и за ее пределами. Нарастающее могущество Египетского государства нравилось не всем, в том числе и многим влиятельным кругам в самом Египте, которым жилось гораздо комфортнее в составе обширной Турецкой империи.

При непринятии срочных мер в этих краях мог разгореться пожар, который грозил затем быстро перекинуться на другие провинции вечно беспокойного юга страны. Пожар всегда пожар. Куда подует ветер и в какую сторону понесет он его пламя, не знает никто. Как не знает и того, что и кого может сжечь этот пожар на своем пути. Одно дело, когда мамлюки воюют с армиями враждебных стран и племен. Другое дело, когда им будут противостоять простые люди, доведенные до отчаяния. Еще не известно, захотят ли мамлюки вообще воевать с ними. Да и с кем воевать? Со своими людьми что ли? Положение становилось тяжелым. Нужно было принимать безотлагательные меры. На юге страны и так было не очень спокойно. Теперь обстановка могла стать еще непредсказуемее. Заседание Совета беев было назначено на завтрашней день. Планировалось, что Совет обсудит только один вопрос. Организация похода на Сирию. Теперь нужно было вносить коррективы в повестку дня и обсудить так же вопрос - что делать с провинциями, попавшими под крыло саранчи? Как оказать им помощь и где взять на то необходимые средства? Почти весь день Али-бей искал выход из сложившегося положения.

У Мухамад-бея в эти дни были другие проблемы. Он попал в тяжелую ситуацию и не знал, как найти из него выход.

Только сейчас он начал понимать, как ловко провели его и связали по рукам и ногам люди, которых он до сей поры считал своими доброжелателями. Теперь он был в безвыходном положении и думал только об одном, как выйти из создавшейся ситуации с наименьшими потерями. Дело было так. В свое время к нему обратились вроде бы по совсем безобидному вопросу двое турецких купцов, которых порекомендовал ему Назымбий.

Они попросили его дать консультацию по, казалось бы, совершенно безобидному вопросу.

Как на его взгляд среагирует Али-бей на то, что ему будет сделано предложение следующего характера:

Турция прекращает все враждебные действия против Египта и оказывает ему помощь в борьбе с сепаратистами во всех провинциях страны. Турция оберегает границы Египта и дает гарантию, что ни один иноземный солдат не ступит на землю Египта. Взамен Египет признает свое формальное вхождение в Турецкую империю и больше ничего.

При этом Египет будет пользоваться особыми правами внутри Турецкой империи, вплоть до права ведения самостоятельной внешне-политической и торговой деятельности. Все эти мысли излагал ему человек, который в самом начале их беседы прямо заявил, что он не представляет интересов правительства Турции, а принадлежит к группе влиятельных турецких политиков, военных и торговых кругов, задача которых состоит в нормализации отношений Турции и Египта для создания условий, которые будут способствовать, в первую очередь, нормализации торговых отношений между ними.

Когда во время следующей встречи Мухамад-бей высказал свое мнение, что Али-бей вряд ли согласится на такие условия, Исмет, как звали одного из купцов, спросил:

- А что нужно, на Ваш взгляд, сделать еще для того, чтобы Али-бей принял наши условия?

На вопрос Мухамад-бея, п,очему он обратился на эту тему именно к нему Исмет ответил:

- Мы знаем, что Вы один из немногих лиц, которые близки к Али-бею и имеет определенную меру влияния на него.

Помимо этого, Вы часто общаетесь с Султаном и потому, конечно же, лучше других осведомлены с его планами и замыслами.

- Я думаю, - отвечал Мухамад-бей, - нужно как минимум сохранить за ним звание Султана с правом передачи монаршьих прав по наследственной линии.

Говоря такие слова, Мухамад-бей преследовал свои далеко идущие цели. Сыновей у Али-бея не было. Ближайшим родственником по мужской линии у Али-бея был только его племянник, сын Мухамад-бея и Фагуды Даут.

Сестра Али-бея Фагуда – жена Мухамад-бея недавно родила. Рожденный ею ребенок, которого назвали Даут, как раз и являлся старшим и пока единственным претендентом на наследствение права Али-бея на трон Султана. Конечно, об этом Мухамад-бей ничего вслух не говорил. Более того, он даже не разговаривал с Али-беем о том, что у него состоялся разговор с турецкими гостями и о чем был этот разговор. На этом их диалог тогда и закончился.

Мухамад-бей искренне полагал, что он ведет самостоятельную игру, которая не идет вразрез с интересами Египта и самого Султана, а лишь решает задачу закрепления за его сыном наследственных прав Султана Египта.

Как выяснилось позднее, у его собеседников были совершенно другие планы, о которых Мухамад-бей до поры до времени даже не догадывался. Их задача сводилась к одному.

Медленно, шаг за шагом, увести Мухамад-бея в зыбкие пески заговора против Али-бея, откуда выхода уже не было.

Исходя из этого, Исмет и его напарник в ходе третей беседы, последовавшей через несколько дней, задали еще один вопрос:

- А как ты, Мухамад-бей, считаешь. Есть в Египте силы, которые смогут склонить или заставить Али-бея пойти на мир с Турцией, если это будет соответствовать интересам Турции, Египта и влиятельных кругов Вашей страны, включая тебя самого?

Мухамад-бей тогда даже не подозревал, что Исмет прекрасно говорит на арабском языке, а переводчик, который переводил его слова, был нужен ему только для того, чтобы в нужный момент засвидетельствовать на Коране о том, какие слова и мысли были высказаны Мухамад-беем. Не обратил так же Мухамад-бей особого внимания и на то, что во время всех трех бесед толмачи были разные. А нужно было это Исмету и его товарищу только для того, чтобы было как можно больше свидетелей того, что говорил во время их беседы Мухамад-бей. Сам Мухамад-бей начал испытывать определенные сомнения в искренности слов и действий своих собеседников слишком поздно. К тому времени он уже ничего не мог изменить. Вскоре он узнал, что его собеседник вовсе не Исмет, а агент Турецкой охранки Эреджеб. Эреджеб работал под руководством Сефар-паши и потому так хорошо разбирался в тонкостях политической ситуации в Каире и в его провинциях. Вскоре, когда Эреджеб убедился в том, что Мухамад-бею некуда уже отступать, он перестал скрывать от него кто он и чего хочет добиться.

В последней беседе, которая состоялась пару дней назад он так прямо и сказал:

- Мухамад-бей! Давай не будем играть в прятки. Моя миссия с самого начала имела только одну цель. Мне нужно привести к власти тебя, человека намного более лояльного к интересам Турецкой империи, чем Али-бей. Как это сделать, мы теперь будем думать вместе. Если ты не захочешь продолжать конструктивный диалог с нами, уже завтра Али-бею будут представлены неопровержимые доказательства того, что ты готовил заговор с целью его свержения и физического устранения. Есть четыре лица и я, которые на Коране поклянутся ему в том, что все обстоит именно так, а не иначе. Великая Порта не хочет делать этого, и, я думаю, не в твоих интересах заставлять нас делать то, что мы не хотим делать.

С этими словами Эреджиб ушел, оставив Мухамад-бея обдумывать свое безвыходное положение.

Сперва Мухамад-бей думал пойти с повинной к Али-бею, но потом понял, что против него уже собрано слишком много компрометирующих сведений и навряд ли он сумеет доказать что-то Султану в свою пользу. Лучшее, что могло ожидать его при таком исходе дела, была тюрьма где-нибудь вдалеке от Каира и его семьи.

Исходя из этого, ему предстояло теперь думать только над тем, как сделать то, что требуют от него турецкие политики и сохранить свое лицо перед собой, мамлюками и Фагудой.

С мамлюками можно было что-то придумать и в этом ему могли помочь турки, а вот как быть с Фагудой он не знал.

Фагуда была не только ослепительно красивая и умная женщина, которую он любил. Она была помимо этого еще и матерью его ребенка и очень преданной сестрой, которая безмерно любила своего брата.

Все эти безрадостные мысли не давали покоя Мухамад-бею уже вторые сутки. Вторые сутки он почти не спал. Даже Фагуда увидев такое его состояние, спросила его:

- Повелитель мой, что с тобой? Чем могу я помочь тебе?

Лучше бы она не говорила таких слов. В ее голосе было столько любви и нежности, что горький комок подкатил к горлу Мухамад-бея только от той мысли, что может случится так, что эта женщина, которая готова отдать за него сегодня все, что у нее есть, завтра будет его ненавидеть. И даже это было не самое страшное. Самым страшным было то, что она будет презирать его. Презирать как предателя. После долгих размышлений над создавшейся ситуацией, он пришел к выводу что нужно сделать так, будто он был вынужден предпринять какие-то меры для того, чтобы предотвратить убийство Али-бея после его свержения.

Когда к нему пришла в голову эта спасительная идея, он немного успокоился и стал обдумывать возможный план своих действий, чтобы реализовать спасительную идею.

Для этой цели он решил снова встретиться с Эреджебом и попробовать совместно с ним найти правильное решение новой задачи.

Эти мысли немного успокоили его и он начал готовиться к Совету беев. Теперь он должен был во всех делах безоговорочно поддерживать Али-бея, чтобы ни у кого из его близких не возникло потом подозрений, в том, что Мухамад-бей готовил что-то заранее против Али-бея.

С этого дня каждое его слово, каждое его действие должно было говорить окружающим и, в том числе, самому Али-бею о его особой лояльности к Султану. Совет состоялся ровно в назначенное время. К удивлению Али-бея, Абу аль-Дахаб, как называли иногда Мухамад-бея, без малейших колебаний сразу же поддержал

идею о необходимости организации в ближайшее время похода мамлюкского войска на Сирию. Вслед за ним такую же позицию заняли Мурад-бей и Ибрагим-бей. После их выступлений судьба вопроса об организации похода в Сирию была предрешена. Все остальные члены Совета дружно закивали головами в знак согласия с выступившими. И когда Али-бей спросил у членов Совета беев нужно ли голосовать по данному вопросу, все дружно сказали «нет».

Конечно, было удивительно, что более половины членов Совета, которые были до этого категорически против похода на Сирию, резко изменили свою позицию. Здесь было над чем задуматься, но Али-бей не стал заострять на этом свое внимание. Предстояло обсудить и продумать еще один не менее важный вопрос о критической ситуации в двух южных провинциях страны пострадавших от наплыва саранчи.

И здесь на удивление быстро и дружно члены Совета проголосовали за выделение дополнительных средств из особого резерва этим провинциям. Помимо этого, было решено немедленно выделить жителям этих провинций значительное количество пшеницы и риса из неприкосновенных запасов государства для того, чтобы пострадавшие от стихийного бедствия люди смогли начать посадку нового урожая взамен того, что съела уже громадная стая саранчи и получить небольшой запас зерна до нового урожая.

К вечеру члены Совета разошлись довольные необычно быстрым и единодушным принятием решений по далеко неоднозначным вопросам.

К утру следующего дня в Каир вернулся Сахиб-бей. Он выезжал с двумя тысячами своих мамлюков на западные границы страны, где появилось невесть откуда значительное скопление туарегов. Число туарегских воинов в этом районе нарастало, и шейх бедуинского племени, населявшего земли, граничащие с землями туарегов, прислал гонца с тревожным сообщением. Было очевидно, что туареги что-то замыслили. Али-бей, не мешкая, в тот же день направил во взрывоопасный район часть корпуса Сахиб-бея в две тысячи сабель. Мамлюки весьма вовремя приехали на границу.

Войска бедуинов и туарегов уже готовы были начать к вечеру этого дня сражение, чтобы силой оружия определить кто из них прав, а кто виноват.

Правым по законам, установленным в Сахаре, признавался тот, кто одерживал победу в сражении. Считалось, что если Всевышний даровал победу кому-то, то он прав. Прибывшие мамлюки расположились посреди войск бедуинов и туарегов, что, впрочем, не охладило пыла ни тех, ни других. Каждое племя считало своим законным правом доказать силой оружия свою правоту.

Два дня Сахиб-бей метался от бедуинов к туарегам, а затем обратно от туарегов к бедуинам.

Как выяснилось предлогом для неожиданного обострения взаимоотношений между двумя соседними племенами стали слова одного бедуина, который разводясь со своей женой из племени туарего, допустил ряд нелестных отзывов о ее соплеменниках вообще и ее братьях в частности.

В пылу полемики он заявил, что каждый бедуинский воин стоит трех туарегов. Его бывшая жена, вернувшись домой, рассказала всем, что она слышала от своего бывшего мужа.

К несчастью для обоих племен женщина оказалась не только обиженной и зловредной, но и настырной. Она не только умело бросила искру, из которой могло возгореться большое пламя, но и начала усиленно раздувать пожар способный сжечь многих людей.

Арабы говорят – обиженная женщина страшнее иблиса[8]. Так получилось и на этот раз.

Она добилась того, что ее выслушал совет старейшин племени. На Совете она передала в довольно резкой и преувеличенной форме слова своего бывшего мужа. Она не сказала ничего о том, кто был прав, кто не прав, в чем была суть конфликта между ними и почему муж объявил, что он не считает ее больше своей женой. Женщина сделала упор на другом.

- Ее муж оскорбил все племя туарегов, назвав всех их трусами и плохими воинами недостойными имени настоящих мужчин. Вообще-то, ее бывший муж таких именно слов не говорил, но при желании его слова можно было перевернуть как угодно, что она и сделала. В действительности, все было не совсем так, как она говорила. Конфликт между женой и мужем вышел по следующему случаю. Женщину звали Ракой. Ее муж Халид собирал фаники. В то время когда он взобрался на верхушку пальмы, налетел неожиданный порыв ветра. Он упал с дерева. Пальма была высокая и, несмотря на то, что почва под ней казалась рыхлой, неудачно свалившийся с дерева Халид сломал себе левую руку и сильно повредил ключицу.

[8] Иблис – по арабски дьявол

Лекарь, приехавший на следующий день, перевязал перелом и ушибы после чего скрепил их раствором из особого мелкого белого песка смешанного с мукой и яичным желтком.

Лекарь уехал, наказав Раке, что нужно делать ей, чтобы ее муж как можно раньше встал на ноги.

То ли Рака была не совсем прилежная жена, то ли чего-то не поняла, но Халид должного внимания не получил. За ним больше ухаживала его десятилетняя дочь, чем ее мать. Из этого вышел конфликт, где слово рождало ответное.

Вскоре муж и жена забыли, с чего начался их разговор, перейдя на личные обиды и упреки.

Халид долго, как подобает мужчине-бедуину, терпел ее обидные слова, но вскоре его терпение лопнуло и его понесло.

Так и родились слова, о которых рассказывала теперь взбалмошная женщина своим соплеменникам. Вообще-то, сам конфликт между мужем и женой не стоил и выеденного яйца, но видно, Халид плохо знал до этого свою жену. Рассказ об обидах, нанесенных ей как представительнице племени туарегов, она закончила словами: «Если у нашего племени не осталось мужчин, готовых постоять за свою честь, то я оставлю нашим мужчинам свой платок, сама возьму саблю, сяду на лошадь и поеду вместо вас отстаивать честь туарегов».

Этих слов стало достаточно, чтобы разжечь большой пожар. Пожар разгорелся. Разгорелся быстро. Уже через день стали собираться молодые туареги со всей округи. Слова Раки обрастали слухами и домыслами. Вскоре они достигли и отдаленных уголков, где уже знали, что бедуины большим числом идут на туарегов и хотят их всех уничтожить. Только сами бедуины ничего не знали о том, что они собрали большое число своих воинов и уже стоят на границах земель туарегов. Молва есть молва. Как она рождается и как распространяется, не знает никто. Но все знают, что человек, сказавший слово в самом начале, может не узнать своего слова, когда оно долетит до дальних краев и вернется назад. Так случилось и на этот раз. Мир до сегодняшнего дня - это было все, чего

смогли добиться старейшины обоих племен, чтобы пожар войны не обжог или не сжег бы вообще жилища их селений.

Собравшиеся туареги выяснили, что никто на них войной не идет, но им нанесено страшное оскорбление. Старейшины старались потушить пожар грядущей войны, но все их попытки сделать это не увенчались успехом. После долгих споров было решено послать гонца к бедуинам и передать им, что к ним едут двести туарегов. Пусть они выставят двести своих воинов, и тогда Аллах скажет, кто есть кто и кто настоящий воин.

Желающих поехать в числе двухсот отборных воинов с обеих сторон было более чем достаточно. Каждый из тех, кто приехал на сбор, считал себя лучшим. Чтобы прекратить лишние споры, которые легко могли перерасти в выяснения отношений между самими туарегами, старейшины решили кинуть жребий. Кому повезет тот и увидит свою судьбу. То ли на вершине славы то ли глубоко под землей. Кинули жребий. Он и сказал, кто войдет в число тех, кому досталось право защитить честь племени. Жребий есть жребий. С его выбором согласились практически все.

Но даже рука жребия не остановила тех остальных, кто не попал в число двухсот счастливцев, которым выпала честь биться за честь племени. А таких было много. Очень много. Во много раз больше, чем те двести счастливцев, что вытащили удачный жребий.

Все они поехали вслед за воинами, получившими право на участие в сражении. С каждым часом их становилось все больше и больше.

Старейшины бедуинов выслушали гонца. Отказываться от войны уже было невозможно - доказывать что-то унизительно и недостойно.

Не было уже времени и на сбор большого количества воинов. Хотя туареги и предлагали честный поединок двести на двести, никто не знал, чем все это закончится.

Никто не мог точно сказать, что сделают остальные туареги, когда закончится первый этап войны. Все понимали, что, по-видимому, прольется море крови, в котором утонут многие сотни человеческих жизней. Бедуины не боялись крови. Они привыкли и умели умирать с честью.

Но нужно было знать, за что умираешь ты. А здесь? Здесь все было совсем иначе. Воевать за женский язык не хотелось никому.

Но пожар обид и взаимной ненависти уже бушевал вокруг них, и потушить его можно было только обильной кровью бедуинов и туарегов. Это было неизбежно и с этим нужно было смириться, даже заплатив за все ужасную цену в сотни человеческих жизней, а может быть даже и в тысячи.

Вот в такой ситуации и прибыли мамлюки Сахиб-бея на границу, разделявшую земли бедуинов и туарегов.

Сражение между ними должно было начаться с часу на час.

Его начало откладывалось не потому, что одна из сторон не желала или боялась его, а только потому, что обе стороны на уровне старейшин согласовывали последствия этого сражения. Их усилия сводились только к одному. Как сделать так, чтобы после окончания сражения не возникло никаких дополнительных факторов. Не началась кровная месть, не пошли бесконечные убийственные набеги на земли своих соседей. Такие затяжные войны приводили много раз к многочисленным жертвам с обеих сторон и к громадным взаимным потерям, которые долго еще после этого не давали возможностям ни туарегам, ни бедуинам жить нормальной жизнью, залечивая громадные долго заживающие раны нанесенные друг другу.

Стороны вырабатывали условия последующего мира. Как только вырабатывали очередное согласованное решение, обе стороны клялись на Коране что все именно так и будет. Затем доводили условия очередной договоренности до своих соплеменников и требовали от молодых воинов, чтобы и они поклялись на Коране, что они будут честно и однозначно выполнять достигнутые договоренности. Только успевали решить одну проблему, как возникала новая. И так много раз.

Ситуация была крайне напряженная. Переговоры шли трудно. Достаточно было одного неверного слова или движения, чтобы пожар войны мгновенно разгорелся и надолго сжег мир на этой земле за считанные часы. Именно этого и не мог допустить Сахиб-бей. За час до своего спешного отъезда из Стамбула он повстречался с Султаном. Али-бей дал ему прямое указание. Войны между туарегами и бедуинами не должно быть. Каиру нужно сосредоточить все усилия на решение проблем связанных с Сирийским походом. Ни средств, ни времени на тушение пожара войны между бедуинами и туарегами у Султана не было. Бедуины в большин-

стве своем были поданными Египетского Султана и проживали на его землях. Естественно, что Султан обязан был защищать и их и их земли. Чьими подданными были туареги, не знал никто. Сами туареги не считали себя ничьими поданными кроме Аллаха. Нужно было добиться мирного исхода конфликта любыми средствами. Если бы здесь началась война, Али-бею пришлось бы отвлечь часть своего войска на боевые действия против туарегов. Исходя из этого, Сахиб-бей метался от одного лагеря к другому, изыскивая пути к мирному разрешению конфликта. Но пока все его усилия были бесполезными.

Ни бедуины, ни туареги, ни на какие уступки идти не хотели. Одни считали себя оскорбленными словами одного из своих соседей. Другие считали, что настоящие мужчины, настоящие воины пустыни не могут опуститься до уровня разборок женских сплетен и потому им нужно преподать урок, чтобы они вели себя впредь так, как подобает вести себя настоящим мужчинам. Сперва Сахиб-бей попытался уладить конфликт тем, что предложил обеим сторонам устроить поединок не двести на двести, а того бедуина, который высказал нелестные слова в адрес туарегов и того воина, которого выставит против него оскорбленная сторона. Сперва с этим мнением все согласились. Согласились даже бедуины, которые знали, что у Халида сломана рука. Согласился и сам Хамид, несмотря на то, что у него были серьезные травмы. Он выставил только одно единственное услвоие, что бы поединок был не на лошадях, так как левая рука у него была сломана и ему нечем держать поводья лошади. Неожиданно для всех, и для бедуинов в том числе, против такой формы разрешения конфликта высказались сами туареги. После долгого многословного совещания они заявили.

- Мы честные воины. А честные воины не воюют с детьми, стариками, женщинами и больными. Ни один туарег на поединок с Халидом не выйдет, - повторили они несколько раз. - Туареги будут воевать только с равными себе здоровыми воинами и пусть те, кто выйдет против них, не ждет никакой пощады.

Так отпал и этот вариант разрешения конфликтной ситуации. Долго искали другие пути в этом направлении, но так и не нашли. Каждый раз находились все новые и новые непреодолимые препятствия для установления мира между двумя сторонами.

К удивлению Сахиб-бея, самым большим препятствием в работе по примирению сторон стали женщины. Совершенно неожиданно женщины стали третьей решающей силой в этом противостоянии. Как только Сахиб-бей начинал чувствовать, что еще какое-то небольшое усилие, и он сможет сдвинуть вопрос о заключении мирного соглашения с мертвой точки, как перед ним выростала глухая стена из женщин бедуинского племени. Когда он спросил их, чего они хотят и чего добиваются, женщины прямо сказали ему, что каждая из них лучше потеряет в этом сражении сына, брата или отца, чем они будут видеть, как торжествуют их соседи. Чувство, которое испытывали они, трудно было даже назвать ненавистью к туарегам. Чувства ненависти здесь не было. Было что-то совсем другое. Это был дух соперничества. Дух народа, честь которого стала для них дороже жизни самых близких им людей. Только сейчас, глядя на них Сахиб-бей в полной мере осознал, что мужчины-бедуины только выразители и защитники духа племени.

Носителями же духа племен бедуинов были женщины. В их груди было неистребимое чувство величия и славы народа, к которому они принадлежали.

Удивили его в очередной раз мать и сестра Халида, который облачившись в боевую одежду, ждал, когда кто-то из туарегов выйдет против него.

На вопрос Сахиб-бея, не жалко ли им посылать в бой, а вернее на верную гибель самого близкого им человека со сломанной, висящей на привязи рукой и поврежденной ключицей, обе они ответили не сговариваясь:

- Мы знаем, что у Халида сломана рука. Мы знаем, что у Халида серьезно повреждена ключица. Мы все это знаем. Но все равно мы считаем, что лучше Халид умрет в бою как воин и в наш шатер принесут тело мужчины, чем он покроет позором имя нашего рода и нашего племени. Смерть бедуинам не страшна, - заявили они, - страшен позор, приходящий окольными путями в шатер труса.

Халид был рожден мужчиной и, если будет необходимо, он умрет как мужчина, но свое имя и имя своего народа он не опозорит, – добавили они совершенно уверенные в том, что истина в этом вопросе только в их словах.

При этом, сам Халид спокойно сидел в тени пальмы и о чем-то так же спокойно разговаривал со своим соседом на какие-то со-

всем не важные бытовые темы, будто ему предстояло через час другой идти не на смертный бой, а на охоту в глубь Сахары.

Под ногами у женщин сидели большие сторожевые собаки арманты и злобно скалили зубы, глядя в сторону далекого лагеря туарегов.

Казалось, что они, как и их хозяйки, готовы по первой же команде броситься на незваных пришельцев вместе со всем непокорным беспокойным племенем бедуинов.

Сахиб-бей на глазок прикинул, что число воинов бедуинов и туарегов, приготовившихся к сражению, было примерно одинаково. А это значило, что будет бойня до последнего воина и песок пустыни станет сегодня красным от крови туарегов и бедуинов. Все остальные сидели поодаль и ждали своего часа. Туарегов ожидавших своей очереди было намного больше. Это было видно сразу, но бедуинов такой расклад сил не смущал. Они спокойно ждали своего часа.

Сахиб-бей не мог не отметить про себя, что туареги при всей своей воинственности и однозначном желании дать бой своим соседям вели себя довольно благородно. Они не стали неожиданно нападать на селения бедуинов, хотя вполне могли сделать это. Они так же благородно поступили, сказав Сахиб-бею, что никто из туарегов не станет марать свое имя выйдя на бой с человеком не готовым как полноценный воин защитить свое имя.

На этом факторе и решил сыграть Сахиб-бей, убедившись, что других реальных путей примирения сторон больше нет.

Уже несколько часов он без устали мотался из одного лагеря в другой в тщетных попытках найти хоть какой-то путь к примирению сторон.

Иногда Сахиб-бей с удивлением для себя замечал, что и бедуины и туареги с гораздо большим интересом рассматривали его коня, чем слушали его слова. Конь под ним был на самом деле великолепный. Этот конь гарцевал в свое время под седлом знаменитого шейха Зухаба, когда судьба свела их на поле боя.

Конь поверженного им шейха по праву победителя достался в тот день ему - тогда еще просто Сахибу. А дело было так. Во время одного из сражений мамлюков с мятежными племенами, шейх Зухаб выскочил из общей массы воинов противника, вызывая на поединок Али-бея, находившегося в гуще сражения. Зухаб был

прославленным воином. Немало его противников ушли навсегда в иной мир, повстречавшись с ним на поле битвы. Пока Али-бей выбирался из скопления сражающихся воинов, к шейху подскакал тогда еще просто Сахиб и крикнул:

- Али-бей далеко, а я здесь. Тебе нужно подождать, пока он выберется из битвы. На это уйдет немало времени. Если ты настоящий воин и ты тот самый знаменитый шейх Зухаб, то прими мой вызов.

Али-бей слышал твой голос. Он скоро будет здесь, а пока ты успеешь узнать, готов ли ты сразиться с великим Али-беем или нет, скрестив со мной свою саблю.

Когда Али-бей выбрался из толпы сражавшихся, все было закончено.

Великолепный черный конь со звездочкой на лбу наклонив морду, обнюхивал бездыханное тело своего хозяина. Шейх Зухаб был прославленным воином, но сабля мамлюка оказалась быстрее.

Сахиб-бей хотел подарить Али-бею коня, от которого не могли оторвать свои глаза восторженные мамлюки, но Али-бей тоном, не терпящим возражения, сказал:

- Этот конь - твой боевой трофей. Если бы ты не опередил меня, он был бы мой. Видно Всевышний хотел так, и он должен стать твоим.

С этими словами он развернул своего коня Апша и вновь ринулся в глубь сражения. Вслед за ним поскакали и мамлюки, сопровождавшие его во главе с Маматой.

С тех пор Сахиб не расставался с лошадью, превосходившей своей статью и резвостью всех остальных лошадей в конюшне Султана.

Вообще у бедуинов, как и туарегов, особое отношение к лошадям. Никто из них не скажет, у такого-то человека жена редкой красоты или ума.

Но зато почти каждый туарег или каждый бедуин не без восхищения поведает другому, какую красивую или резвую лошадь имеет его знакомый.

Ни для кого не секрет, что для многих кочевников культ лошади возведен на такой уровень, что большинство из них ставят лошадь чуть ли не выше, чем свою жену.

Вот и сейчас Сахиб-бей видит, как не скрывая своего восхищения рассматривают его лошадь туарегские воины.

Настроение на двух сторонах образовавшегося противостояния совершенно разное. Войско бедуинов намного меньше войска туарегов. Это и понятно. На бескрайних просторах Сахары туарегов почти в десять раз больше, чем бедуинов. Более того, туареги являются обособившейся частью большого народа берберов, численность которых достигала более двух десятков миллионов человек и все племена берберов при необходимости могли оказать им всемерную помощь.

К несчастью бедуинов среди них нет и Аль-Харуна. Он уехал по торговым делам далеко за пределы их краев.

На самом деле Аль-Харун уехал не по торговым делам.

Он вместе с Щукяром и Кязимом по заданию Али-бея под видом бедуинских купцов уехал в Сирию. Их задача состояла в одном. Внимательно ознакомиться с положением дел в Сирийских городах. Узнать сколько там турецких войск, как они вооружены, каково настроение местного населения.

Вообще-то племя, к которому принадлежал Халид, находилось в состоянии многовековой вражды и войны с племенем Аль-Харуна, но все знали, что когда встанет вопрос о чести бедуин, Аль-Харун забыв про межплеменные распри, обязательно придет к ним и будет вместе с ними сражаться за честь своего народа.

Тех, кто решил испытать свою судьбу поровну. С обоих сторон по двести воинов. Все они сидят на своих лошадях, готовые по первому знаку ринуться в бой. Лица у них серьезные сосредоточенные. Каждый из них понимает, что на кону стоит не только его честь, но и честь всего племени.

Женщины бедуинки, одетые в свободные шаровары и разноцветные жакеты типа аба стоят отдельно от мужчин. На головах у них платки, лица многих из них закрыты легкими завесами. Они непреклонны в своих чувствах. Наши воины должны сражаться до конца. Если нужно мы и сами можем взять в руки оружие и биться с туарегами рядом со своими мужьями, отцами и детьми.

Недалеко от них стоят мальчишки лет 13-14. Все они вооружены старыми дедовскими саблями.

В их глазах та же решимость биться с туарегами до последней капли крови. Они уже чувствуют себя воинами и защитниками своих очагов.

Женщины и дети дружно сожалеют об отсутствии в их рядах Аль-Харуна. Они абсолютно уверены в том, что если бы он был здесь, все было бы совершенно иначе. Одно его имя должно было остудить пыл многих туарегов, молодцевато гарцевавших на своих превосходных лошадях в тысяче зиров от них. Даже отсюда издалека видно как поднявшийся ветер развивает легкие голубые завесы, которыми укрыты их лица.

Туареги полны решимости «поставить на место» своих зарвавшихся соседей. Единственное, что смущает их, это настрой женщин и юнцов стоящих рядом с ними. Они уже знают, что и те и другие полны решимости сражаться с ними и дать неприятелю отпор.

Туареги не только храбрые воины. Благородство и честь имени значат у них очень многое.

Именно поэтому пыл каждого из них охлаждает мысль о том, что завтра его детям или внукам как упрек будет сказано, что их отец или дед сражался с безусыми юнцами и женщинами.

Положить такое пятно на свое имя не хочется никому. Поэтому большинство из них уже думает не о том, как начать сражение, а о том, как уйти от него не испачкав свое имя.

От мысли, что они могут испачкать свое имя и кто-то потом будет говорить о них что это один из тех воинов,, что сражался с бедуинскими женщинами и детьми настроение у многих из них резко изменилось.

Большинство туарегских воинов, не зная как выйти из создавшегося положения без ущерба для своего имени стали говорить.

- А стоило ли делать так много шума из-за того что поссорились муж и жена. Сами поссорились сами и бы и помирились.

- Причем тут все остальные.

Некоторые уже сошли с лошадей и ходили неторопливо по кругу стараясь найти выход из сложившейся неприятной ситуации.

Одежда туарегов значительно отличается от бедуинской. Их лица закрыты платками белого или синего цвета. Платки свешиваются на лицо так, что открытыми остаются только их глаза.

Волосы заплетены в косы. На ногах у них кожаные сандалии, приспособленные к верховной езде.

На руках некоторых из гарцующих воинов каменные браслеты, говорящие о благородном происхождении их хозяина.

На большинстве из них широкие белые штаны и такие же широкие белые рубашки. Поверх всего этого надеты накидки ярко

синего цвета. Вся одежда на них, такова, что не мешает воинам вести рукопашный бой.

Сахиб-бею уже известно об изменившихся настроениях в среде туарегских воинов. Теперь это его главный козырь.

Уже который раз, встречая его, выходит из походного шатра предводитель туарегов Щяхир. Его охранники приняли лошадь Сахиб-бея, после чего оба они прошли в шатер. Уловив общее настроение турагского войска, Сахиб-бей без долгих предисловий огласил свое решение:

- Я приехал от имени Султана Али-бея. Все, что я говорю - это его воля и ее надлежит всем Вам исполнять. Иначе будет война не туарегов с бедуинами, а война войска мамлюков с теми, кто не услышал слова их Султана. Будь то бедуины или туареги.

Мне нравится благородство Ваших воинов, - скрасил жесткие вступительные слова Сахиб, - они настоящие туареги. Они настоящие мужчины. Они готовы были биться за честь своего племени. Это достойно похвалы. Но это никому не нужно. Сейчас пойдешь и объявишь им волю Султана Али-бея. Я думаю, они поймут и Султана и тебя. Вы, туареги, правы, требуя справедливости. Ваше имя оскорбили и Вы вправе требовать ответа за нанесенную Вам обиду.

Выслушав обе стороны, я, как представитель Султана Али-бея, принял решение.

Через три месяца, когда у Халида заживут и рука и ключица на этом месте состоится его поединок с тем воином, кого посчитают нужным выставить против него туареги.

В случае, если победит Халид, туареги обязаны будут забыть те слова, которые он сказал, так как он доказал свою правоту, победив своего соперника в честном бою.

В случае же если Халид проиграет поединок, его род должен будет в качестве компенсации за незаслуженное оскорбление племени туарегов выплатить им штраф в десять верблюдов.

Иди к своим воинам и передай им мою волю. Если кто-то будет не согласен с ней он вправе придти ко мне и сказать об этом.

Тогда кто из нас прав, а кто не прав, решит Всевышний. Прямо сейчас. Прямо здесь.

Но каждому, кто захочет придти ко мне, передай, что наследником моей сабли является Аль-Харун. У арабов «наследником сабли» назывался тот человек, к которому в случае поражения

переходила сабля убитого. Человек, которого назвали наследником сабли, обязан был отомстить за кровь первого её хозяина. Имя Аль-Харуна Сахиб-бей упомянул не потому что он боялся, что кто-то примет его вызов, а только для того, чтобы не проливать лишнюю кровь и не накалять и без того тяжелую ситуацию. Имя Аль-Харуна должно было отрезвить каждого, кто слышал его. В последнее время в пустыне имя Аль-Харуна стало легендарным. Слухи о нем и о его победах, как бесконечные барханы расползлись по пустыне. Они ползли во все стороны, обрастая все новыми подробностями и личными впечатлениями. Дело дошло до того, что во многих местах об Аль-Харуне рассказывали уже легенды, в которых он убивал несчетное количество врагов и даже джинов, которые во множестве бродили по пустыне, пугая простых смертных. Эти слухи и пересказы были уже настолько невероятными, что если бы сам Аль-Харун услышал эти легенды, но не было бы при этом названо его имя, он бы никогда не поверил бы в реальность событий.

Предводитель туарегов вышел к своим воинам. Его не было довольно долго, но вернулся он хотя и усталый от долгих переговоров, но довольный. Он сумел убедить своих соплеменников принять требование Сахиб-бея, о чем и сообщил ему не без удовольствия, так как был одним из тех, кто не знал, как без ущерба для своего имени потушить пожар никому не нужной войны.

Вскоре после этого туареги снялись со своего места и ушли так же неспешно, как и появились.

Они уходили медленно, демонстративно подчеркивая, что они уходят сами, а не потому что их прогнали. Многие из них грозно потрясали кулаками, показывая всем своим видом, что их извечный спор с бедуинами не закончен и будет продолжен в ближайшее время. Показывали руками, а не саблями, что могло быть расценено как вызов на поединок. Таковы были законы пустыни.

После этого Сахиб-бей вернулся в лагерь бедуинов и объявил уже им свое решение. Бедуины молча выслушали его и только немногие из них кивали головами в знак согласия с его решением. В груди многих из них пылала уже жажда крови, как плата за оскорбление.

Немного погодя, когда разгоряченные молодые воины начали потихоньку собираться в обратный путь Сахиб-бей снова подошел к Халиду и к его семье.

Сахиб-бею просто хотелось узнать, не передумал ли он и не собирается ли он помириться со своей бывшей женой. Вместо Халида ответила его мать:

- Лучше тело моего сына занесут в наш двор, чем на него ступит нога женщины предавшей его и натворившей столько бед. Рядом с ней стояли ее внуки девочка лет десяти и мальчик лет двенадцати. Мальчишка, как и многие его сверстники, держал в руках саблю готовясь вступить в бой за честь семьи и племени.

И брат, и сестра дружно кивали головами в знак согласия со своей бабушкой.

У них даже во взгляде не было желания защитить свою мать.

Они выросли в среде, где честь рода и племени были выше всех остальных чувств. Они стали уже настоящими бедуинами и готовы были постоять за честь своего племени.

Довольны были достигнутыми результатами и мамлюки, которые уже изрядно утомились, ожидая конец этой затянувшейся истории под жарким солнцем пустыни. Все это время они почти не сходили с коней, готовые по команде своего командира ринуться в бой.

В последнее время Сахиб-бей, которого они сперва довольно сдержанно приняли в свои ряды, стал нравиться им все больше и больше.

Более всего им нравилось то, что Сахиб-бей не только был отменным и бесстрашным воином, но и постоянно показывал всем, что он умеет думать. И думать совсем неплохо. Во всех ситуациях, в которые попадал их корпус, Сахиб-бей находил единственно правильное решение, приносившее максимальную выгоду, минимальные потери и обязательную победу. Помимо этого, мамлюкам нравилось то, что Сахиб-бей и ест и пьет с ними с одного стола и из одного котла. У него не было даже отдельного командирского шатра, хотя он имел на то полное право, как бей и командир коруса. Так или иначе, вскоре Сахиб-бей стал любимцем корпуса мамлюков, которые стали называть его – дед. Называли они его так любя, и не потому что он был стар или намного старше их, а за особый ум и рассудительность. В любом случае, мамлюки элитного корпуса безоговорочно и с удовольствием выполняли все его приказы, никогда не заставляя повторять дважды. Сахиб-бей никогда не повышал ни на кого своего голоса. Он знал, что чем тише и тверже говоришь, тем быстрее и точнее мамлюки выполнят его

приказ. Он считал, что максимальную отдачу можно получить от мамлюков только при такой форме общения. Так вел себя всегда Али-бей. Так вел себя и он.

Убедившись в том, что бедуины и туареги разошлись на этот раз мирно, и больше в ближайшее время не скрестят свои клинки, Сахиб-бей дал команду двигаться в обратную сторону на Каир. Времени на отдых не было. Султан ждал его возвращения, и нужно было спешить к нему. Так он и сделал, без промедления отправившись в обратный путь.

Всю дорогу до Каира мамлюки сожалели о том, что их командир не дал им возможности преподать уроки вежливости сынам пустыни, находившимся с обеих сторон от них.

Они считали унизительным то, что сам факт их присутствия не отрезвил бедуинов и туарегов сразу же, и они в течении почти суток мотали нервы Сахиб-бею взаимными претензиями и обидами. То, что детей пустыни было во много раз больше, чем мамлюков особо их не смущало. За много веков ведения сражений с противниками, имевшими многократное превосходство в численности, мамлюки выработали множество методов ведения боя в меньшинстве. Эта тактика, помноженная на высочайшие воинское мастерство мамлюков, практически никогда не давала сбоев. Мамлюки, как правило, всегда побеждали своих противников, даже тогда, когда это были непобедимые доселе монголы или лучшие рыцари Европы. Даже они, с ног до головы закованные в латы, не могли противопоставить ничего мужеству и храбрости мамлюков. Их натренированные руки находили щели в броне противника, куда и наносили, в конце концов, решающий удар. Мощь и силу мамлюков познали множество прославленных воинов Западной Европы, в том числе и знаменитый Робер Артуа, павший от руки рядового мамлюка.

В мамлюкском сообществе до сих пор ходили легенды о том, как восемнадцатилетний мамлюк кавказского происхождения Сабир вступил в схватку со спесивым и доселе непобедимым братом самого короля Франции Людовика IX. Не было на Западе рыцаря равного по силе и мастерству Роберу Артуа. Все это было так до тех пор, пока не встал перед ним один из лучших мамлюкских единоборцев Сабир. Всевышний разрешил тогда их спор. Бездыханное тело Робера Артуа осталось лежать навсегда в жарком песке

величайшей пустыни мира. Мамлюки были уверены, что такая же участь постигнет каждого, кто встанет на их пути. Все это было так, и во всем этом была большая доля правды. Пока Всевышний был всегда на стороне мамлюков, и это вселяло в них особую уверенность в своей исключительности.

Вскоре по прошествию трех суток Сахиб-бей доложил Алибею о том, что его поручение выполнено.

Выслушав благородственные слова за проделанную работу, Сахиб-бей вышел из Султанского дворца и направился к казармам, где располагались мамлюки его корпуса.

Там в общей казарме у него был свой угол, где он и спал рядом со своими воинами, ел с ними из одного общего котла и жил с ними как обыкновенный рядовой мамлюк, а не знатный бей, которому полагались особые почести и особые условия.

Никто из предыдущих их командиров не вел себя подобным образом и это еще больше увеличивало любовь и уважение простых мамлюков к Сахиб-бею.

ВИЗИТ ОМЕР-ПАШИ

В конце месяца в Каир прибыл Омер-Паша. Омер-Паша - старый боевой генерал. По происхождению он абаза. Его братья жили в Абхазии и носили княжескую фамилию знаменитых Лоо. Рамшух, отец Омер-Паши, молодым человеком попал в Турцию. Так сложилось, что он, как и многие другие родовитые представители народа Абаза оказался в окружении турецкого Султана. В Турции вообще было значительное количество абхазов и адыгов, сделавших блестящие карьеры и вошедших в элиту Турецкого двора. Многие из них становились даже великими визирями Османской империи, то есть вторыми по значимости политическими фигурами необъятной Турецкой империи. Значительное число абхазов стало губернаторами провинций, визирями и даже адмиралами Турецкой империи. На Ближнем Востоке и на Балканах во Франции и в Англии хорошо знали имена многих абхазов того времени.

Европейская элита помнила еще имя знаменитого абхаза Мелек Ахмед-паши, который длительное время был одним из ведущих и самых влиятельных политиков Османской империи середины XVII века. Он был Великим визирем империи, а до этого мирмирином (губернатором) нескольких вилайетов (провинций) Великой порты в период ее расцвета.

Такую же известность в Европе и на Ближнем Востоке имел еще один абхаз Сиявуш-паша, трижды назначавшийся Султаном на должность Великого визиря Османской империи.

За несколько десятилетий до этого Великим Визирем Османской империи был то ли абхаз, то ли абазин, что, впрочем, одно и то же, Ипшир Мустафа-паша. До того как стать Великим визирем, он длительное время проработал Валием многих крупнейших и самых важных вилайетов Турции.

Везде, где он начинал работать, ему удавалось в самые короткие сроки наводить порядок и покой. Как только возникала новая точка напряженности на карте необъятной Турецкой империи, как туда направлялся любимец Султана. Везде и всегда он блестяще выполнял поставленные перед ним задачи и потому, в конце концо, в особым указом Султана он был назначен Великим Визирем всей могущественной Великой Порты.

Таких имен абхазов, абазин и адыгов, имевших громкое звучание в Турции, Египте, Тунисе, Ираке и в других государствах было в то время совсем немало. Омер-паша был одним из них. Его имя хорошо знали не только в Турции, но и в России, на Балканах и на Ближнем Востоке.

Необходимо отметить, что Турецкая политическая система тех времен давала большой простор и большие практически неограниченные возможности многим иноземным «варягам», прибывавшим в значительном количестве со всех провинций громадной империи и из земель, находившихся по соседству с ней, но не входивших в состав Турецкого государства. Так турецкий народ поэтапно впитывал в себя и ассимировал лучшие умы Европы, Азии и Африки.

Среди крупных военноначальников и политиков Великой Порты можно было встретить много курдов, албанцев, болгар и представителей других национальностей. У всех у них были уже Турецкие имена и потому непосвященный человек мог легко принять их за коренных турков. Единственным, но обязательным требованием к любому человеку, желавшему сделать карьеру в Турции, было одно: он должен был принять ислам и новое турецкое

имя. Это была продуманная дальновидная политика государства постоянно обновлявшего свою кровь представителями лучших умов других народов.

В свое время, когда Турецко-Египетские отношения не приняли еще такого острого характера и Египет входил в состав Турецкой империи, корпус мамлюко, которым командовал Камаль-бей (тогда его еще никто не называл Апстха), располагался в непосредственной близости от армии которой командовал Омер-Паша.

Узнав, что Камаль-бей - абазин Омер-паша, несмотря на то, что он был старше его по возрасту сам, не ожидая приглашения, навестил его. С тех пор между ними установились добрые доверительные дружеские отношения. Этому во многом способствовало и то, что по своему складу ума и характера Омер-Паша и Камаль-бей были во многом схожи друг с другом.

Помимо этого оба они были родом из одной местности в Абхазии. У них оказалось очень много общих знакомых. Ко всему прочему выяснилось, что они даже немного родственники по линии своих матерей. Удивляться этому возможно и не стоило, так как большинство абхазов и абазин так или иначе связаны между собой и если покопаться в родословной каждого из них, то всегда можно было найти зримо пересекающие ветви их родовых линий.

В Стамбуле сидели дальновидные чиновники, прошедшие естественный отбор в борьбе за место под солнцем.

Во многом благодаря им сотни лет Турция удерживала под своим контролем территорию, многократно превосходившую по своим размерам и численности населения саму Турцию.

Это были люди искушенные и в политике, и в психологии, и в особенностях национальных менталитетов. Они сделали правильный и единственно возможный в этой ситуации расчет на то, что Али-бей, Апстха и Омер-паша - абхазы. Помимо этого Камаль-бей - ближайший соратник и советчик Али-бея. В то же время Апстха находится в дружеских отношениях с Омер-пашой. Этот фактор и планировали использовать дипломаты и высшие военные чины из Султанского двора, посылая Омер-пашу с неофициальным визитом в Египет.

Из своих источников в Египте и России Стамбул знал, что намечается Военно-Политический союз Египта и России. Знал так же, что по просьбе Русских Али-бей двинет в ближайшее время свою армию на Сирию. В Сирии находилась крупная группировка Турецких войск, но без своевременной помощи из метрополии она могла не выдержать длительной войны и была бы разгромлена в короткие сроки.

Проблема была в том, что все ресурсы Турецкой империи были сосредоточены на войне с Россией. Напряженная обстановка на Балканах и на Дунае сковывала остатки ее возможностей. Казна империи была как никогда скудна, а банки Европейских стран резко сократили кредиты, направляемые на решение военных проблем Турецкой империи. Страны Запада содействовали эскалации ситуации на границах империи и Русско-Турецком Фронте. Им нужно было измотать Турцию, выжить из нее все соки, довести империю до распада, а затем начать делить ее наследство. Балканы были сердцем Европы. Кто владел Балканами, тот владел инициативой во всей Евроазии и в Северной Африке. Не меньшее значение имели для Франции и Англии земли Палестины, Сирии, Ирака и Аравии. Европа и Россия в первую очередь были заинтересованы в развале Турецкой империи. Каждая из великих стран Европы планировала получить свой лакомый кусок от остатков Великой Порты.

В такой ситуации Турецкое правительство не имело возможности оказать какую-то существенную помощь своим войскам в Сирии. В случае начала движения армии мамлюков в этом направлении их участь была бы предрешена. С учетом всего этого, было принято решение сделать попытку договорится с Али-беем через Омер-Пашу.

Нужно было выиграть время. Хотя бы один год. Война с Россией должна была вскоре завершиться.

Тогда можно было вернуть все, что будет обещано на этот раз Омер-пашой от имени Турецкого Султана.

Омер-паша был уже на заслуженном отдыхе, но как лицо, имевшее особые заслуги перед империей получил право на пожизненное ношение генеральского мундира. При этом он был не просто генералом, а полным генералом, то есть по российским меркам генералом армии. Это давало ему право на особые привилегии и особую пенсию.

В своем большом имении, что находилось в нескольких десятках километров от Стамбула, и на официальные приемы Омер-паша ходил в мундире генерала.

Когда он сошел с трапа корабля, доставившего его в порт Каира, Омер-паша был в сугубо гражданском костюме. Сделал он это исходя из того, что Египет находился в состоянии необъявленной войны с Турцией, и форма генерала Турецкой империи могла быть воспринята в такой ситуации египтянами как что-то вызывающее и не настраивающая на мирный позитивный тон переговоров, которые надлежало ему провести.

В порту Омер-пашу встречал Камаль-бей. Когда ему было доложено о предстоящем визите Омер-паши, Апстха сразу же сходил во дворец Султана и рассказал ему о госте, который едет к нему. Али-бей не знал лично Омер-пашу, но был наслышан о нем. Вся информация, которой он располагал об этом славном генерале Турецкой армии, была положительной. Помимо этого Али-бей знал, что Омер-паша абаза. Исходя из всего этого, он не стал возражать против приема Омар-паши на самом высоком уровне не столько как видного Турецкого военноначальника, сколько как абхаза, прославившего имя своего народа не только в пределах Великой Турецкой империи, но и во всей Европе.

Али-бей сразу же понял для чего едет Омар-паша, кто его послал и с какой целью. Говорить об этом до поры до времени он не стал, но попросил Камаль-бея, чтобы он ни в какие конкретные переговоры с Омер-пашой пока не вступал и сам не пытался начинать разговор о том, для чего пожаловал к нему в гости достопочтенный генерал. Али-бею нужно было выграть время для того, чтобы пришел корабль с вооружением от русских. Если он придет вовремя и там будет все, что было обещано Русскими во время переговоров с графом Плещеевым - это одно дело.

Если этого не будет сделано, нужно будет думать о предложениях турецкого посланника с совершенно другой точки зрения. Все зависело теперь от того, насколько серьезны намерения русских и насколько верно планируют они выполнять свои обязательства. Корабль должен был прибыть в Александрию через два-три дня. Поэтому Али-бей попросил Апстха, чтобы несколько дней он занял Омер-пашу, чем угодно. Осмотром Каира, охотой в пустыне, осмотром пирамид или прогулкой по Нилу. Али-бею нужно было время, чтобы четко определить свою позицию на предстоящих переговорах. Время! Время! Оно нужно было всем. Туркам чтобы перевести дух и нанести затем решающий удар по Египту и Али-бею.

Али-бею, чтобы понять какое решение необходимо будет принять в сложившейся ситуации. Время нужно всегда и всем. Время - это единственное, что не покупается и не продается. Оно никому не подвластно кроме Всевышнего. Он запустил часы времени. Только в Его силах было остановить их. Остановить в любой момент.

Омер-паша приехал в сопровождении двух турок. Апстха сразу же понял, кто они и для чего приставлены они к Омер-паше. Султанский двор учел все. Учел, и то что три абхаза оставшись между собой могут решить вопрос не так, как требуют того интересы Османской империи, а так как диктуют им законы и интересы их народа.

Знал об этом и Омер-паша. В системе управления Великой Османской Империи все базировалось на принципах «доверия». Но никто ни кому, ни в чем не доверял до конца. Все друг другу доверяли и все друг друга проверяли. На системе тотального недоверия друг к другу и тотальной слежки друг за другом многие века держалось спокойствие и благополучие Великой Османской империи.

Оба сопровождающих Омер-пашу чиновника не турки. Одного из них зовут Орхан. Он серб по происхождению. Родился и вырос на берегах реки Сава. Там и попал он в плен к турецким янычарам. Теперь только он сам помнит, что его когда-то звали Владко. Ему лет под пятьдесят. Он невысокого роста чернявый, кряжистый. Глаза большие, пытливые.

Давным-давно жил он далеко далеко от турецких берегов и был православным христианином. Теперь он Орхан. Турок. Мусульманин. Второго чиновника зовут Ченгиз. Он родом из Южных краев Болгарии. Мусульманство принял добровольно. Он даже хорошо помнил фамилию своего отца – Миланов, но никогда не говорил об этом вслух. Настоящее имя Ченгиза было Христо. Так и был записан он в церковной книге местного прихода.

Орхан, как человек, более предсказуем. С ним можно было всегда поговорить по душам. Он мог понять сам и хотел, чтобы правильно понимали и его. Он так и говорил.

Не нужно на меня обижаться. У меня такая работа. Смотреть, запоминать, делать выводы. Зато я никогда не говорю неправды и стараюсь дать всему объективную оценку, соответствующую реальной действительности, а ни чьим-то интересам.

С Чингизом было намного сложнее. От него можно было ждать, чего угодно. Он был достаточно молод, статен, красив. По рассказам общих знакомых Омер-паша знал, что когда Чингиз был еще болгарином и его звали еще Христо, он был настолько хитер, злобен и непредсказуем, что когда ему за его дела плевали в лицо, то он говорил, что это не плевок, а божья роса.

Зато память у него была феноменальная. Он прекрасно помнил всех тех, кто когда-то плевал в его сторону или хотел сделать это. Проходило время и «божья роса» становилась кровавой и текла она уже не по его щеке, а по телу того, кто имел неосторожность прикоснуться к имени или интересам Христо. С ним нужно было быть осторожным. Он часто напоминал Омер-паше красивую, ядовитую змею, которая могла укусить тогда, когда совсем не ничего не ждешь и любуешься ее красотой.

Исходя из этого, Омер-паша решил, что лучше будет если обоих его спутников, как бы случайно, разместят подальше от него, чтобы они не могли ежечасно смотреть и видеть то, что он делает. Эту мысль он изложил Камаль-бею на абхазском языке. Апстха его понял без лишних слов и поселил соглядатаев в гостевом крыле своего дворца.

В том же крыле он поселил сперва и Омер-пашу, но затем Омер-паша поднял прилюдно разговор о том, что он видел каких-то насекомых в своей комнате и его переселили в большую светлую комнату, находившуюся в другом конце здания.

Когда Орхан и Ченгиз поняли, что у них не будет возможности полноценно исполнять свои обязанности они попросили Камаль-бея переселить их поближе к генералу, но им сказали, что свободных комнат в том крыле дома уже нет и они не могут расположиться рядом с Омер-пашой.

Орхан и Ченгиз повозмущались, но сделать уже ничего не смогли. Не могли же они публично сказать, что они соглядатаи и им нужно создать условия для того чтобы они имели возможность полноценно подсматривать за своим руководителем.

Вообще-то Омер-паша не собирался делать ни одного шага, который мог принести вред стране, которой он исправно служил более сорока лет. Но все равно вздохнул с облегчением, уйдя из-под пристального наблюдения. Омер-паша находился в крайне тяжелой ситуации. С одной стороны, он был человеком долга и

чести, а это означало, что он должен был с максимальной отдачей выполнить поручение, данное ему лично Султаном.

С другой стороны он понимал, что от итогов его переговоров может зависеть судьба людей, которых, как и его самого, вскормила и вырастила земля далекой его Родины. Земля Апсны. Именно поэтому он планировал пару дней посидеть с Апстха с глазу на глаз. Поговорить по душам, понять, чего хотят Али-бей и его соратники и насколько он, не нарушая своего долга, может помочь им.

В этом вопросе его планы и планы Камаль-бея совпадали. Нужно было только выбрать время для того, чтобы сесть и поговорить начистоту. Омер-паша был искренен в желании хоть в чем-то помочь своим соотечественникам и потому раз за разом он перебирал и анализировал условия договора, которые необходимо было ему согласовать. В соответствии с той миссией, которая была поручена ему Султаном, он должен был достигнуть предварительную договоренность по условиям будущего соглашения. Затем, в случае успешного завершения предварительного разговора, вслед за ним должна была приехать в Каир официальная правительственная делегация Турецкой империи, чтобы закрепить эти условия в рамках официального межправительственного договора.

Омер-паша старый честный вояка. Мир, в котором он живет, раскрашен в конкретные цвета. Полутона и скрытые оттенки многих цветов для него не существуют. Его немного смущают некоторые условия договора, и он хочет поговорить о них. Поговорить откровенно, чтобы завтра не стать причиной бед или неприятностей для своих соотечественников, вступивших на очень опасную дорогу. На тропу войны с могущественной Турецкой империей. На тропу, с которой еще никто не уходил живым и невредимым. Старый вояка прекрасно знал, насколько силен и беспощаден Турецкий зверь. Этот хищник съел уже миллионы своих жертв. Мог съесть еще больше. Турецкая военная машина крепко еще стояла на ногах. Омер-паша знал ее силу и беспощадность. Знал и потому не желал, чтобы очередной жертвой этого беспощадного зверя стали его соотечественники.

Апстха и Омер-паша ни о чем не договаривались между собой, но с самого начала их встречи все пошло, так как они и предполагали. Наверное, так бывает всегда, когда встречаются люди честные, порядочные и имеющие взаимную симпатию.

В первый день они поехали осматривать Долину Гиза, где располагались три громадные таинственные пирамиды и голова грозного Сфинкса охранявшая покой бескрайней пустыни Сахара.

Омер-паша и Апстха, как старые вояки, проведшие пол своей жизни в седле ехали на лошадях. Орхан и Ченгиз в карете с особыми условиями по комфорту. На улице было тепло и солнечно. Крыша кареты закрыта, но боковые дверцы открыты и потому внутри нее было несколько прохладнее и уютнее. Десять мамлюков охраны ехали позади нее. Все это позволяло свободно говорить Омер-паше и Апстха, не опасаясь, что их слова будут услышаны теми, кто не должен их слышать.

На первых порах, как и полагается в такой ситуации, разговор шел о здоровье, семейных делах и общих знакомых. Апстха не спрашивал генерала о цели его приезда. Он абхаз и хорошо помнил законы своего народа. Когда гость посчитает нужным, он сам расскажет хозяину, зачем он приехал к нему. Они оба знают, зачем приехал Омер-паша, но разговор об этом должен начать он сам. Спрашивать гостя, зачем он приехал, у абхазов считается некорректным. Обычай этот связан с тем, что всякие вопросы хозяина на эту тему могут быть восприняты гостем как намек на то, что он должен сказать все, чего он хочет и уходить, а это противоречит законам гостеприимства, свято почитаемым абхазами испокон веков.

Помимо этого Апстха не спешил начинать разговор на эту тему еще чисто по дипломатическим соображениям. Они заранее обговорили с Али-беем, что Апстха будет проявлять внешнее безразличие к тому, что желает передать им Турция через своего посланника с особыми полномочиями. Показать свою заинтересованность к теме переговоров означало показать в первую очередь свою слабость и желание идти на компромиссы, продиктованные этой слабостью. И Али-бей и Апстха понимали, что как только двор турецкого Султана почувствует малейшую слабинку в их позициях, моментально изменятся все предполагаемые условия мирного договора. Таковы принципы дипломатической работы. Чаще всего каждая делегация, выезжающая на переговоры с противной стороной, имеет в арсенале несколько вариантов договорных условий. Какой из этих вариантов будет пущен в дело, зависит от многих факторов и, конечно же, от того, насколько сильны или ослаблены позиции противной стороны. Исходя из всего, и было

принято решение не начинать самим диалог по теме переговорного процесса.

Омер-паша мог и не воспользоваться их слабостью или ошибками, а вот сопровождавшие его чиновники могли, исходя из поведения Египетской стороны, потребовать от него перехода на тот или иной вариант условий, заложенный в разных вариантах проекта договора.

Так или иначе, разговор по теме предстоящих переговоров пока не заводился. Омер-паша был гость. Помимо этого Омер-паша его земляк-абхаз и потому Апстха оказывал ему все возможные почести как старшему по возрасту, гостю и своему земляку.

Омер-паша и сопровождавшие его лица с интересом разглядывали кривые, пыльные улицы Каира, глиняные заборы и ветхие дома. Каждому из них было ясно, что Каир не Стамбул.

Стамбул утопал в роскоши, которая поражала даже Европейцев. Каир утопал в нищете. Это и понятно. Стамбул столица великой империи, куда стекается золото половины мира. Каир – столица нищего государства.

Вскоре стала видна вершина пирамиды. Затем появилась на горизонте вторая вершина. Через некоторое время Апстха и его спутники подъехали к подножию трех величественных пирамид, уходивших своими треугольными вершинами высоко в небо. Вид пирамид поразил гостей. Они долго ходили вокруг них, никак не в силах поверить в реальность существования такого чуда. Еще большие впечатления на них произвела голова могучего Сфинкса.

Переводчик, приставленный к ним, переводил вопросы, которые задавали они. Он же и переводил «туркам» ответы Апстхи.

Вообще-то Апстха сам, как и многие другие мамлюки и все египтяне того времени неплохо говорил по турецки, но показывать этого не хотел. Тому была простая причина. Во время предстоящих переговоров он мог услышать от Орхана и Ченгиза их мысли, так как они даже не подозревали о том, что Апстха свободно говорит на турецком языке.

Они вернулись из пустыни к самому вечеру. Солнце клонилось уже за ветки высоких пальм, окружавших дворец Апстха.

Путники сразу же разошлись по своим комнатам. Через некоторое время они собрались в бассейне, где сняли с себя пыль дороги и накопившуюся усталость. Потом все разошлись вновь по

своим покоям, что дало возможность Омер-Паше и Апстха к ночи увидеться без свидетелей. Сам Апстха никаких предложений на эту тему не делал.

Апстха был опытным игроком на политической арене Египта. Он участвовал во многих значительных политических событиях последних лет, решавших судьбу Египетского государства. Хотя внешне он не выказывал особо видимых действий по организации его беседы с Омер-пашой, с глазу на глаз он создал все условия для того чтобы эта беседа состоялась.

Прием гостей был организован так, что Омер-паша и его помощники оказались как будто случайно несколько изолированными друг от друга. Даже завтрак, обед и ужин каждому из них носили прямо в их комнаты с тем, чтобы они не виделись лишний раз за столом и не имели большого времени для общения и обмена необходимой информацией.

В конце концов, предложение посидеть у него в комнате за чашечкой кофе сделал сам Омер-паша.

Апстха сразу же отметил про себя, что предложение это было сделано ему именно тогда, когда рядом с ними не было ни Орхана ни Ченгиза. Такая форма предложения говорила опытному дипломату о многом, и в первую очередь о том, что Омер-паше есть, что сказать ему один на один. И то, что он должен был сказать ему, не должен был слышать никто другой кроме них двоих. Так оно и вышло. Когда ночь прочно накрыла своим одеялом небо Каира Омер-паша и Апстха сидели за небольшим круглым низким столиком и пили горячий египетский кофе. Именно египетский, а не Турецкий. В технологии приготовления кофе двух этих сортов была большая разница, и каждый местный любитель кофе мог с первого же глотка безошибочно определить, какой кофе подали ему. Омер-паша не стал тянуть время и сразу же без лишних вступительных слов перешел к делу, с небольшой долей иронии заметив:

- А кофе-то ты подал египетский.

Он начал свою речь со стариной абазинской поговорки:

– Наши предки говорили: «у длинного языка короткий ум». Давай лучше не будем долго юлить и перейдем сразу к делу. Апстха сидел напротив него, внимательно слушая каждое его слово. Он знал. Всему что говорит гость можно верить. Генерал, человек чести. Психика таких людей устроена так, что внутри них сидит

второе безапелляционное «я». Это не дает ему возможности обмануть ни других, ни себя. Каждое его действие, каждое его слово проходит через внутреннюю цензуру бескомпромиссного второго «я», которое сиюминутно соизмеряет их с нормами Корана и человеческой порядочности. У генерала безукоризненная репутация человека чести. Именно этим желают воспользоваться в высших политических кругах Турции. Они знают, что Омер-паша не будет лгать, ни им, ни египтянам. Знают они так же, то что египтяне, если и поверят кому-то, то только Омер-паше. На все это и делался расчет в планах Стамбула. Они преподнесли Омер-паше совершенно правдивые исходные данные и совершенно реальные условия для компромиссного соглашения.

Вся ставка Турецкой стороны рассчитана была на то, что Али-бей должен поверить Омер-паше. Это давало туркам время для перегруппировки сил. А потом? А потом будет видно. Все идет. Все меняется. Омер-паша не Султан Турции. Его слово можно и нарушить.

Главное сейчас было выграть время и не допустить вторжения войск Али-бея в Сирию.

Сам Омер-паша был абсолютно искренен в своем желании сделать что-то нужное, полезное как для Турции, так и для своих соотечественников проживавших в Египте. Он хотел найти ту золотую середину, которая устроит обе договаривающиеся стороны.

Потому он, не спеша, стараясь как можно подробнее и тщательнее обосновывать свои мысли, начал рассказывать Апстха все то, что велено было ему передать египетской стороне.

Разговор шел в совершенно открытой доверительной форме. Такую тональность их диалогу задал с самого начала Омер-паша. Он не только передал все, что велено было ему передать египетской стороне Султаном Турции Мустафой III, но и дал свои объективные комментарии по каждому из озвученных им вопросов. В своих оценках тех или иных нюансов и проблем, озвученных им предложений, Омер-паша был совершенно объективен. Он четко выдерживал грань между тем, что он имеет право говорить и какую черту не имеет он права переступать как член высшего эшелона военной верхушки Турецкой империи. Он на самом деле был в очень сложном положении. Как человек чести он не мог предать интересы Турции, которая стала для него второй Родиной.

Страны, которая дала ему эполеты полного генерала и доверила ему быть одним из ведущих своих военноначальников, командовавших лучшими армиями великой империи.

Омер-паша пользовался неограниченным доверием Султана Турецкой империи и потому не мог переступить ту черту, которая могла стать предательством интересов человека, который ему доверял и называл его не иначе как – «Мой верный друг».

Такие отношения между ним и Султаном сложились в первую очередь потому, что в свое время отец Мустафы III Ахмед III постоянно говорил своему наследнику: «таких как Омер-паша в нашей стране совсем не много. Как слуга он служить тебе не будет. Слишком горд и независим, как все остальные кавказцы. Никогда и ни в чем не унижай его и тогда он будет служить тебе всю жизнь, как верный товарищ».

В то же время с другой стороны, в Омер-паше глубоко сидело чувство долга. Долга перед его далекой Родиной. Человек, говоривший на языке этой далекой Родины, сидел перед ним. Обмануть его означало предать кусочек того, что было ему дороже всего на свете. Именно поэтому Омер-паша говорил, тщательно продумывая каждое свое слово.

- Мой Султан, да продлятся его дни под этим солнцем, предлагает Вам следующее, - начал говорить он.

1. Турция признает права правителя Египта, в том числе право его семьи на престолонаследие.

2. Турция выступает гарантом мира и спокойствия в Египте .

3. Турция оказывает всемерную помощь Египту в его борьбе за территориальную целостность и нерушимость существующих границ, в том числе и тех, что будут завоеваны Египтом в дальнейшее время.

4. Турция предоставляет Египту право вести самостоятельную внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность, а так же право иметь свою собственную денежную единицу и собственную регулярную армию.

5. Турция гарантирует сохранность и неприкосновенность всех сословных, имущественных и политических прав правителя Египта и его беев.

Взамен Турция требует выполнить два условия.

1. Египет возвращается в состав Турецкой империи на правах государства - протектората с особыми правами.

2. В Египте упраздняется титул Султана Египта, так как в Турецкой империи не может быть двух Султанов. Али-бей вправе выбрать себе любой другой титул, какой он считает нужным, кроме титула Султана.

Высказав все эти пункты проекта предполагаемого договора, Омер-паша вопросительно посмотрел на Апстха, ожидая его реакции на свои предложения. Апстха молчал. Он молчал не потому что он не хотел отвечать, а лишь исходя из тех соображений что все пункты, предложенные Омер-пашой были крайне серьезными и требовали детального коллективного обсуждения. Высказать сейчас их одобрение или осуждение без предварительного разговора с Али-беем было бы не совсем верно.

Омер-паша, по-видимому, понял, почему не отвечает на его слова Апстха и после недолгого молчания сказал то, что должен был сказать Апстха.

- Я понимаю, что тебе, прежде чем дать мне ответ, необходимо переговорить с Али-беем. Я думаю, это совершенно верно. Если ты не будешь возражать, мы завтра поедем по Нилу без тебя. Дашь нам сопровождающего, и нам будет вполне достаточно этого. Ты же поговори со своим повелителем и обсуди с ним предложения, сделанные мной от имени Султана Османской Империи. Я понимаю, что каждый пункт условий договора имеет под собой массу невидимых невооруженным взглядом проблем.

Вы вправе обсудить мои предложения, внести в них поправки или даже дополнить их теми пунктами, которые вы считаете необходимыми.

Мое правительство обсудит Ваши предложения, которые я передам ему незамедлительно сразу же по приезду в Стамбул.

Апстаха согласился с его мнением, после чего Омер-паша счел необходимым сделать свои комментарии по каждому пункту исходя из того, что знал он как представитель Турецкой стороны. На этом они и разошлись. К тому времени луна на Каирском небе ушла уже далеко за полночные пределы.

Утром следующего дня Омер-паша и сопровождавшие его лица уехали в порт Каира с тем, чтобы посмотреть с борта корабля окрестные берега реки выше города. Сопровождать их поехал Кяшиф Султанского двора Мухетдин. Перед самым отъездом Омер-паша попросил Апстха, чтобы он организовал им встречу

с Султаном Али-беем в ближайшее время. Сделано это было так, чтобы его просьба была услышана Орханом и Ченгизом стоявшим позади генерала.

Не успел корабль с Омер-пашей и сопровождающими его лицами отплыть от пристани как к Апстха подошел его помощник Азиз. Все время пока Апстха провожал Омер-пашу, Азиз стоял чуть в стороне, ожидая своей очереди. Апстха видел, как Азиз нетерпеливо переминается с ноги на ногу, но пока гости не отплыли на приличное расстояние, не подавал знака помощнику, чтобы он подходил к нему.

Азиз сообщил, что к ним пришел греческий моряк. Он ждет дома и хочет срочно переговорить с Камаль-беем.

Апстха знал, что греческий моряк является посыльным от графа Плещеева и потому поспешил к себе во дворец.

Уже через полчаса езды он сошел с лошади и без промедления направился к себе в кабинет, где дожидался его «моряк».

Увидев Апстха, «моряк» встал с дивана. Слуга, дежуривший при нем сразу же удалился по первому же знаку Камаль-бея.

«Моряк» без долгих вступительных слов объяснил ему на словах:

- Граф Плещеев находится в Каире и ему необходимо срочно встретиться с Султаном.

Из дальнейших слов «моряка» выяснилось, что граф прибыл сегодня утром и сегодня же должен убыть в Стамбул после того, как он переговорит с Султаном.

Моряк объяснил Камаль-бею, как и где может он найти Плещеева и сразу же ушел.

Еще через полчаса Апстха и граф сидели друг напротив друга. С лица графа не сходила приветливая улыбка. Весь его вид излучал доброжелательность и хорошие намерения. Апстха - старый политик. Он прекрасно понимает, что может до поры до времени крыться у дипломатов под такой милой улыбкой.

Апстха в совершенстве говорит на четырех языках. На арабском, турецком, английском и абхазском. Разговор между ними идет на английском языке.

Камаль-бей прекрасно понимает, почему так срочно появился в Каире Плещеев. По-видимому, российская сторона прознала про визит Омер-паши и потому принимает меры, чтобы Египет ни

в коей мере не пошел на мирный договор с Турцией. В принципе все так и было. Князь Репнин планировал и без этого послать Плещеева к Алии-бею с письмом от графа Орлова. Информация о том, что Омер-паша отбывает в Каир с предложениями о мирном договоре, попала к Репнину в день убытия Омер-паши из Стамбула. Уже на следующий день вслед за Омер-пашой выехал из Стамбула и Плещеев. Нужно было торопиться. Обстановка на театре военных действий между Россией и Турцией была напряженная.

Перехватив инициативу, русские войска теснили турков, отбивая у них все новые и новые города и населенные пункты в Крыму, Преднестровье и на Черноморском побережье Кавказа. В такой ситуации для России крайне не желательно было, чтобы турки, обеспечив себе спокойный тыл, перебросили из Сирии, Ливана и Палестины подкрепления на основной театр военных действий. Еще хуже могло стать, если бы Омер-паше удалось уговорить Али-бея выставить на русско-турецкий фронт 12-и тысячный корпус Египетских мамлюков. Тогда обстановка на фронте могла измениться коренным образом. Мамлюки отменные воины и они могли внести перелом в ход боевых действий. Уже сам факт прихода мамлюков мог поднять боевой дух турецкой армии, которая отступала почти на всех направлениях.

Плещеев объяснил, что он должен немедленно вручить Султану письмо от Орлова, на что Апстха отвечал:

- Граф, встретиться с Султаном ни сегодня, ни завтра Вы не сможете.

Услышав такой ответ, Плещеев резко изменился в лице. На дипломатическом языке это означало, что его визит и его предложения Египет не интересуют, но последующие слова Апстха вновь вернули ему доброе настроение.

- Сейчас в Египте находится Омер-паша. Он привез предложения по заключению мирного договора между Турцией и Египтом. Но если Российская сторона намерена выполнять в полном объеме свои обязательства по поставке оружия и содействию похода войска мамлюков на Черноморское побережье, а затем и признанию суверенитета Абхазского царства, которое будет простираться в пределах своих исторических земель от города Анапа до реки Ингур, то мой господин и повелитель Али-бей предложение турецкой стороны не примет.

Вам достаточно высказать предложения Вашего правительства по данному вопросу мне. Если Вы подтверждаете первоначальные договоренности, то я могу выдать гарантии того, что Али-бей не примет условий мирного договора и уже в ближайшее время двинет свои войска на Сирию.

Это произойдет как только египетская сторона получит оружие и в самые кратчайшие сроки обучит обращению с ним своих мамлюков добавил он.

Ободренный услышанными словами Плещеев спросил:

- Сколько, по Вашему мнению, понадобиться времени египетской армии для того, чтобы перевооружиться и начать военные действия в Сирии?

- Месяца два, максимум три, - последовал ответ. После чего Апстха объяснил, что его отказ организовать встречу Плещеева с Али-беем вызван не тем, что этого не хочет Султан, а только тем, что в создавшейся ситуации лучше уменьшить всякую вероятность того, что информация о визите посланника Русской императрицы раньше времени попадет на Турецкую сторону.

Плещеева эти объяснения удовлетворили. Более того после некоторого размышления он и сам пришел к выводу, что такое решение правильно и соответствует интересам дела.

После этого он передал Апстха письмо графа Орлова с просьбой о том, чтобы оно непременно прямо сегодня же было доставлено Али-бею.

Закончив излагать свою просьбу, Плещеев еще раз сказал, что корабль с оружием прибывает завтра или послезавтра в порт города Александрии.

При этом он несколько раз подчеркнул, что на корабле оружия гораздо больше, чем было оговорено при последней встрече и что это еще раз подтверждает твердые намерения Российской стороны всецело выполнить все условия достигнутых договоренностей, в том числе и поддержки похода войска мамлюков на Черноморское побережье.

По роду своей деятельности особенно в период, когда велась подготовительная работа по признанию независимости Египта от Турции лет 5-6 назад, Камаль-бей довольно часто встречался с дипломатами всех ведущих стран Европы и России. Уже тогда он отметил для себя значительную разницу в манерах поведении,

форме ведения диалога и многом другом англичан, французов, австрийцев и русских. Он мог уже с первого взгляда определить, кто находится перед ним вне зависимости от того на каком языке говорит он и как он одет. У представителей каждой из этих стран были свои характерные черты, которые свойственны были только им. В этом отношении граф Плещеев был редким исключением.

Камаль-бей знал, что он русский, что он патриот своей страны, но все равно не мог отделаться от мысли, что перед ним не русский, а англичанин. Это смущало его и навевало массу тревожных мыслей, ложивших смутную тень на и без того сложную ситуацию сегодняшнего дня.

На самом деле все его сомнения были напрасными и имели простую прозаическую подоплеку.

Граф Сергей Плещеев много лет назад нанялся на службу к английской королеве. Служил офицером Военно-морского флота ее Величества. За это время он в совершенстве обучился английскому языку и перенял все манеры поведения и формы мышления английских джентльменов. Высокий, светлоглазый и светловолосый он и внешне очень походил на типичного англичанина, поэтому вполне естественным было то, что весь его облик и манеры поведения не в полной мере соответствовали его национальности. Для какой цели был послан граф Плещеев на службу Британской короне, знала только тайная канцелярия Российской императрицы, но зато доподлинно было известно что он успел за это время сделать топосъемку побережья Черного моря у Трапезунда и Синопа, а также пролива Дарданеллы. Это была работа крайне нужная и важная для Военно-морских сил России.

Апстха заверил Плещеева, что его просьба будет выполнена, и уже через час Али-бей будет ознакомлен с письмом Главнокомандующего Черноморским флотом России. На этом они и расстались.

В этот же день Плещеев уплыл на корабле, а Апстха, проводив его, отправился во дворец Султана.

Ему предстояло передать Али-бею не только основные условия проекта предлагаемого договора с Турецкой империей, которые оставил ему в письменном виде Омер-паша и те комментарии которые в приватной беседе поведал ему посланник Султана, но и содержание последнего разговора с графом Плещеевым и письмо графа Алексея Орлова.

Генерал Алексей Орлов был главнокомандующим морскими и сухопутными войсками России расположенными в Леванте.

Али-бей, Сахиб-бей и Умар уже ждали Апстха, нетерпеливо прихлебывая прохладный розовый чай. Как это было уже не раз, Али-бей хотел обсудить важный документ в самом узком кругу своих единомышленников, прежде чем вынести его на всеобщее обсуждение. Мухамад-бея и его друзей Султан решил на сегодняшнюю встречу не приглашать. Причиной тому служило следующее. Условия договора предлагаемого Турецким представителем могли пересечься с его планами по организации похода в Абхазию. Осуществить планируемый поход можно было только при содействии Российской стороны. Если бы условия, предложенные Турецкой стороной, показались привлекательными Мухамад-бею и его окружению, они могли выступить за принятие этих условий, так как они не были еще осведомлены о планах Али-бея касательно Абхазского похода. Такой поворот событий означал невозможность проведения военной операции в Сирии, что в свою очередь означало бы не выполнение условий оговоренных с Плещеевым, а значит и отказ русских от содействия его походу в Абхазию.

За час до прихода Апстха к Султану к Али-бею прибыл еще один нарочный от Плещеева. Сухопарый моряк с греческого торгового судна принес коротенькую записку на арабском языке.

- «Гость прибудет через два дня. Он принесет гораздо больше, чем договаривались. Ждем оплаты». По-видимому, эта записка была написана и отправлена графом в Египет до того, как он сам срочно прибыл в Каир.

Согласно условиям предварительных договоренностей это значило примерно следующее: корабль с оружием (гость) прибудет в Александрию через два дня. Он везет несколько больше того, что мы договаривались. Начинайте поход на Сирию (оплата).

Плещеев долгое время служил офицером Британского флота. Там он набрался премудростей британской разведки и потому вел работу по включению Египта в антитурецкую коалицию грамотно и поэтапно. Многие поговаривали, что он не только лучше говорит на английском языке, чем на русском, но и мыслит уже чисто по-британски. Расчетливо, четко без эмоций.

Когда все расселись по своим местам, Апстха ознакомили с запиской Плещеева. Он долго читал ее, вникая в смысл каждого

слова и стараясь понять, что может быть в подстрочном переводе текста письма.

Закончив чтение, он не стал комментировать содержание письма и вопросительно посмотрел на Али-бея. Тот кивком головы разрешил ему говорить.

В течение получаса Апстха рассказал собравшимся за столом основные моменты его беседы с Омер-пашой, а также о нежданном визите графа Плещеева.

Закончив свой рассказ, он положил на стол лист бумаги, на котором были указаны все условия предполагаемого турецкой стороной договора и письмо графа Орлова на имя Али-бея.

Али-бей при всех вскрыл конверт и стал вслух читать содержание письма. Орлов писал.

«Мы, Алексей, граф Орлов, Ее Императорского Величества Екатерины II, Самодержицы Всероссийской уполномоченный генерал, главнокомандующий в Леванте российскими морскими и сухопутными силами, шеф и всех российских орденов кавалер, славному победами Али-бею, великолепному обладателю Египта и Сирии, во всей Палестине и отдаленных странах, сильному и страшному врагам своим, как лев оленю; победителю неприятеля и храброму защитнику Иосифова царства, желаем от дружеского нашего сердца здравия, счастья и великолепия и славы оружию, которое Всевышний непрерывно да венчает победами.

Получено нами почтеннейшее письмо Ваше, из которого с удовольствием усмотрели мы выражение к нам дружбы и, взаимно постоянным усердием соответствуя с нашей стороны, благодарим Всевышнее Провидение, которое в древнее время послало Иосифа в землю Египетского царства для избавления народа от глада, а ныне, услышав горестные издыхания людей, страждущих под тягчайшим игом и несправедливостью, избрало Вас, храброго и славного героя, Великолепного и разумного вождя, и послало на освобождение народов из рук мучителей, которых Бог, покоряя беспрерывно сильному Вашему оружию, учинил Вас победителем, властелином Египетского царства, защитником святых мест, кои пребывая ныне в благоденствии, во все концы света прославляет храбрость, силу правосудия и редкие добродетели обладателя Египта, Сирии окрестных земель, покоренных такому победителю, который как оружием и победами во

всех восточных странах час от часу прославляется, так великодушием и щедростью к своим народам в отдаленных пределах света бессмертным учинил свое имя, подавая потомкам своим живой образ храбрости и добродетеля».

После этого Али-бей ознакомил присутствующих с содержанием проекта договора, предложенного Омер-пашой. Все оказались удивлены тем, что они узнали. В принципе договор был почти идеальной копией тех целей, к которым стремились они сами. Он давал им очень многое из того чего добивались они в течение многих лет с оружием в руках. Особую улыбку вызвали у всех слова Омер-паши, переданные Апстха в устной форме.

- Али-бей вправе принять любой титул монарха и лучше всего титул шаха. В этом желании Мустафы III был особый смысл.

В течение многих сотен лет Султан Османской империи и Персидский шах вели негласное соперничество за право быть лидером мусульманского мира. Это соперничество подогревалось еще чисто религиозными чувствами.

Персидский шах был негласным лидером шиитского крыла мусульманского мира. Турецкий Султан считался лидером суннитского крыла ислама. Извечное соперничество суннитов, составлявших большую часть мусульманского мира и их вечных оппонентов шиитов отражалось даже в вопросе – кто главный в мусульманском мире сунит или шиит. Если бы Али-бей согласился принять титул шаха, то это означало бы, что шах подчиняется Султану Османской империи, а значит звание Султана выше звания шаха, то есть сунниты главнее шиитов.

Али-бей и его соратники сразу же поняли, какой подтекст заложен в пожелании Султана Мустафы III.

Все это было хорошо. Настораживало только одно. Почему Султан сам предлагает условия, которых до этого длительное время добивались мамлюки с оружием в руках. Что кроется под этим. В добродетель и чистые помыслы правителей Турецкой империи мог верить только наивный или неискушенный в политике человек.

С одной стороны, все эти предложения были переданы через человека, в честности и порядочности которого трудно было сомневаться. С другой стороны возникал другой вопрос: с чего это вдруг так неожиданно расщедрился Мустафа III? Какая причина или какой тайный замысел толкнул его на такой неожиданный шаг?

Прежде чем собравшиеся начали излагать свои мысли, слово снова взял Апстха.

- Ситуация не такая однозначная. Это видят все. Нам есть над чем подумать, прежде чем принять окончательное решение. Если Султан позволит, я расскажу всем одну старинную абазинскую сказку. А Вы сами решайте, к месту она или нет.

Али-бей кивком головы дал знать, что он разрешает ему говорить дальше.

- У одного хозяина были великолепная лошадь и обыкновенная коза. Лошадь была гордостью хозяина. Ей не было равных ни по красоте, ни по резвости, ни по выучке во всей округе. Но однажды она заболела. Легла на землю и больше не вставала. Хозяин, любивший свою лошадь и гордившийся ею, лечил ее как мог, ни на шаг не отходя от нее ни днем, ни ночью. Но все его попытки вылечить свою любимицу оказались тщетны. Лошадь на ноги не поднималась. Наконец устав от бесконечных попыток помочь лошади и поняв, что все его действия бесполезны, он принял решение, которое сказал соседям собравшимся вечером у его очага.

- Если завтра утром лошадь не встанет на ноги, мне придется ее застрелить. Мне очень жаль, но другого выхода у меня нет. Коза, стоявшая недалеко от них услышала его слова и побежала к лошади. Ей было жаль ее. Она помнила, какой красивой была эта лошадь и как она хорошо бегала принося славу ее хозяину.

Коза рассказала лошади все, что она слышала и попросила.

- Вставай на ноги как угодно. Иначе тебя завтра пристрелят.

Услышав ее слова, лошадь собрала последние силы и встала. Прошло два-три дня и она уже выздоровела и снова бегала так же резво и красиво, как и раньше.

На радостях хозяин снова собрал своих соседей и объявил, что он устраивает угощение в честь того, что его любимая лошадь выздоровела и снова радует его. В конце своих слов он добавил: «в честь выздоровления моей любимой лошади я зарежу козу».

Козу зарезали и сделали из нее праздничное угощение.

Вот и сейчас, продолжил Апстха, нам нужно внимательно подумать, чтобы не оказаться в роли той козы, которую лишили жизни за ее желание помочь кому-то.

Нам нужно точно знать, насколько больна лошадь, кто ее хозяин и что он может сделать завтра. Без этого начинать махать саблей и лезть в любую драку не разумно.

Все согласились с его мнением.

После долгих споров и размышлений все пришли к выводу.

Или дела у Великой Порты настолько плохи, что они вынуждены ценой громадных уступок сохранить хоть что-то из своих бывших владений или это тактическая уловка, чтобы выиграть время. Нельзя было исключать и такой вариант, что Мустафе III необходимо было пока ценой временных уступок не допустить вторжения египетских войск в Сирию с тем, чтобы затем, завтра, с плацдарма сохраненных Сирийских территорий нанести удар по Египту и вернуть себе все, что будет временно отдано ему по условиям сегодняшнего мирного договора.

Такая подоплека предложенных условий договора была наиболее вероятной.

Противоречий в создавшейся ситуации было много. Необходимо было учесть и то, что, согласно данным Омер-паши, турки вроде бы были готовы на длительный мир на условиях предлагаемого договора.

Данные, которые поступили в последние дни из Стамбула от источников близких к Султанскому двору, говорили то же самое. Турция хочет мира. Мира надолго. Вернее всего, что эта информация была правдивой. Противоречий в создавшейся ситуации было много. Все трудно было учесть.

Турецкий лев потихоньку старел, терял силы. Совершенно невольно эту версию подтвердил и сам Омер-паша. Он как-то заметил, что многочисленные волнения на Балканах и в придунайских странах, а затем и длительная Русско-Турецкая война исчерпали основные людские, материальные и финансовые ресурсы Османской империи. Дальнейшее расширение фронта боевых действий Турецкой армии могло привести страну к политическому и экономическому кризису, а затем и к развалу всей могущественной империи.

Истоки миролюбия, проявленного двором Султана, становились все очевиднее. Наступил момент, когда можно было выжать максимум выгод из создавшейся ситуации и без крови и ненужных жертв получить то, что нужно было Египту в настоящее время. Все это было так, но было еще одно немаловажное обстоятельство, которое могло сыграть решающую роль в создавшейся ситуации.

Суть его заключалось в следующем.

Если бы Али-бей принял предложение Турецкой стороны, его планы о создании независимого государства Абаза становилась нереальными. Без помощи и содействия России осуществить неожиданно возникшие возможности создания независимого государства на земле его предков были обречены на провал. На карту было поставлено все, что он имел.

Нужно было выбирать. Или гарантированные мир и спокойствие в Египте под протекцией Турецкой империи, или полная независимость и Египта и Абхазии, за которые еще нужно было долго и упорно воевать.

Свой выбор Али-бей сделал сразу, но молчал. Он не хотел никому навязывать свою волю и ждал, какое решение примут самые близкие ему люди. Ему хотелось узнать, что думают его товарищи и насколько захватила их, как и его самого, идея воссоздания независимого государства Абаза.

Первым высказался Апстха.

- Повелитель, - начал он, я выполню любую твою волю, какая бы она не была, но если ты позволишь, я скажу свое мнение. А там уже тебе и только тебе судить прав я или нет, и какое окончательное решение будет принято. Турция предлагает нам прекрасные условия мира и спокойствия. О таких условиях можно было только думать в добрых снах. В любой другой ситуации о таком предложении можно было мечтать. Хотя, с другой стороны, нужно еще думать, насколько искренне желания Турецкой стороны долго ли они собираются выполнять свои обещания.

Все это так, но я бы от предложения турков все равно отказался. Принять их условия значит нарушить достигнутые договоренности с Россией, и как следствие Россия не выполнит никакие свои обязательства по оказанию содействия в организации похода на Абхазию. Она и готова на все только ради того, чтобы мы выступили в поход на Сирию. Тогда мы не увидим ни сегодня, ни завтра никогда в обозримом будущем Абхазию свободной и независимой. Сколько раз мечтали мы об этом. Ради этой мечты можно и рискнуть. Будь что будет. Всевышний должен понять и помочь нам. Давай рискнем и пойдем на Сирию. Рискнем, а там видно будет.

Сахиб-бей был еще кратче.

- Мир с Турцией убьет идею независимого царства Абаза. Неизвестно, когда еще Всевышний пошлет нам такой шанс. Нужно

отвергнуть условия мирного договора и идти на Сирию. Или мы увидим нашу Родину свободной или все вместе положим голову на плаху.

Умар говорил в таком же духе. Идти на Сирию. Другого пути у нас нет. Нам есть ради чего рисковать. На одной стороне весов только наши жизни и наше благополучие. Зато на другой стороне свободное независимое царство народа Абаза.

- Ты помнишь, повелитель, во время нашей первой встречи ты спросил меня – где находится звезда, которая показывает дорогу в сторону нашей Родины. Я хорошо знаю, где она и уже никогда не забуду дорогу которую освещает она, - закончил он свою мысль.

Али-бею стало особо тепло и радостно от того, что люди, которых он считал самыми близкими своими соратниками и союзниками думали так же как и он. Было приятно осознавать, что он не ошибся в них.

Он искренне поблагодарил их за понимание проблем вставших перед ними. На этом совещание закончилось. Теперь настало время конкретных действий.

Он сделал свой выбор, и отступать от него уже не собирался. Он хорошо помнил слова своего отца.

- Если ты принял решение и уверен в своей правоте, иди до конца. Мужчина на полпути не останавливается. Особенно тот, который хочет, чтобы его называли Афыр-каца[9].

После того как было принято решение по главному вопросу, ради которого и собирались в тот день у Султана его главные единомышленники, нужно было подумать еще над двумя проблемами, истекавшими из принятого решения.

Первая из них была в следующем: уже большинство членов Совета беев знали о прибытии в Каир Омер-паши и целях его срочного визита.

Теперь, исходя из создавшейся ситуации, нужно было решить, что могло стать убедительным основанием для планируемого отказа от предложений, сделанных Стамбулом.

Это была нелегкая задача, так как среди большинства членов Совета беев бытовало мнение, что с Турцией лучше бы жить мирно. Такая позиция многих членов Совета определялась не тем, что

[9] Афыр-каца – настоящий мужчина, герой.

они боялись мощи турецкой армии и флота, а совершенно другими соображениями.

Они считали, что с соседом, даже с таким как Турция, лучше жить в мире и в согласии. Мирный договор с турками развязывал руки армии мамлюков.

Самая мощная в регионе, она могла бы тогда направить острие своих клинков на завоевание обширных земель Судана, Эфиопии, Самали и Аравийского полуострова, не отвлекаясь на противостояние с Турцией. Это и служило основной причиной того, что большинство членов Совета беев в обязательном порядке высказались бы за заключение мирного соглашения с Турцией.

На Юге и Востоке Египта лежали необъятные земли и необъятные богатства Черного континента и Аравийского полуострова. Желание и возможности овладеть ими и были главной причиной того, что члены Совета беев потенциально готовы были заключить мирный договор с Турцией.

Тайные планы Али-бея по организации похода на Черноморское побережье Кавказа членам Совета беев были неизвестны. Очевидно было и другое. Большинство членов Совета беев проблемы Абхазии не интересовали. Если бы они и знали о замыслах Султана, то все равно не поддержали бы их в противовес планам завоевательных походов на Юг и Восток от Египта.

Если бы не было возникшего противовеса интересов, и не стоял бы вопрос или Абхазия или мир с Турцией, то вполне возможно, что члены Совета беев и проголосовали бы за поход на Абхазию. Но в данный момент можно было не сомневаться в том, что в сложившейся ситуации они выберут мир с Турцией, а не поход на Абхазию.

Такое возможное решение членов Совета беев рушало все планы Али-бея. Исходя из этого, нужно было думать, что делать. Идея Абхазского похода и воссоздания на исторической Родине независимого государства Абаза уже всецело овладела Али-беем. Он был готов многое отдать за право испытать свое счастье в очередной раз. Удача никогда не отворачивалась от него.

Али-бей был уверен в том, что и на этот раз он увидит ее добрую улыбку. Нужно было только набраться терпения и идти дальше несмотря ни на что. Этому учил маленького Юсуфа его отец Даут. Этому учила Султана Али-бея жизнь.

Апстха, Сахиб-бей и Умар были такого же мнения.

После долгого обсуждения возникшей проблемы, все пришли к однозначному мнению: Омер-паша прибыл в Каир не как официальное лицо. Значит, можно устроить ему неофициальный прием. Прием этот нужно будет сделать срочно, прямо сегодня.

На прием пригласить только тот круг лиц, который ознакомлен с планами Али-бея по организации похода в Абхазию.

После окончания приема для всех остальных сослаться на то, что прием был организован в срочном порядке в связи с необходимостью скорейшего отъезда Омер-паши.

Решено было также, что когда на завтрашний день Омер-паша уедет в Стамбул, нужно будет собрать Членов Совета беев и рассказать им для чего приезжал Омер-паша и что он предлагал. Только из действительного списка условий предложенных им убрать то, что могло показаться привлекательным членам Совета беев.

При этом в проект текста соглашения решено было добавить ряд условий, с которыми беи не согласились бы никогда.

После того, как будет получено отрицательное решение Совета беев на предложение Турецкой стороны, немедленно начать поход на Сирию. Когда там начнутся военные действия, о предложении, привезенном Омер-пашой, не будут вспоминать уже ни турки, ни члены Совета беев. Дело будет сделано. Война есть война. У войны другие законы.

Для того, чтобы не поставить в неловкое положение Омер-пашу своим отказом было решено что ему будет дан ответ.

Предложения Турецкой стороны будут тщательно изучены и обсуждены Советом беев, и в течение одного месяца Каир даст ответ на все вопросы, поставленные Турецкой стороной.

На этом и порешили.

Ближе к вечеру Апстха встретил своих гостей, завершивших поездку по Нилу. Он вкратце объяснил Омер-паше, что Али-бей может срочно завтра же выехать из Каира и потому он договорился о встрече с ним на сегодня. Омер-паша, Орхан и Ченгиз внимательно выслушали его и без лишних слов поехали в дом Апстха с тем, чтобы привести себя в надлежащий вид для встречи с Султаном.

Часа через три после этого Омер-паша и сопровождавшие его лица были приняты Али-беем в тронном зале дворца Султана.

Выйдя на встречу Омер-паше, Али-бей поприветствовал Омер-пашу на абхазском языке. Такое поведение Султана не соответствовало правилам приема монархом гостей любого уровня, кроме лиц равных ему по титулу.

В соответствии с установленными правилами приемов в домах восточных монархов Султан должен был сидя встречать своих гостей. И только после того, как гости, подойдя на определенное расстояние, сделают глубокий поклон, он мог жестом руки показать им, что они могут подойти к нему ближе. Это были законы, определенные придворным этикетом. Но, помимо этого, Али-бей был сыном своей страны. Законы этой страны требовали, чтобы он, как младший по возрасту, сам подошел к старшему вне зависимости от его социального положения и поприветствовал его. Законы его Родины были для него гораздо важнее тех условностей, которыми напичкан был его дворец, как дворец любого монарха того времени.

Именно потому он встал, сам подошел к Омер-паше и протянул ему руку для приветствия.

Возможно, это действие было продиктовано Али-бею еще и чувством невольной вины, которую испытывал он перед своим знаменитым земляком за то, что он вынужден был сказать не то, что он думает, а то что нужно было сказать в данной ситуации. Ради интересов их общей Родины он вынужден был обмануть его. Чувство невольной вины, конечно же, было. Было оно еще оттого, что нельзя было сказать Омер-паше всю правду, ибо это могло поставить под угрозу его далеко идущие планы, касающиеся судьбы их общей Родины.

Омер-паша, как человек, умудренный большим жизненным опытом, прекрасно понял жест Али-бея и не удивился ему. Он хорошо знал обычаи своего народа.

Омер-паша родился в квартале Топханы города Стамбула, где проживала большая диаспора выходцев из Абхазии.

У абхазов и абазин того времени, проживавших в Турции был обычай. Те, кто имел необходимые средства и родственников или знакомых в Абхазии. посылали своих детей на Родину предков с тем, чтобы они хорошо выучили свой родной язык, его обычаи традиции и нравы. Возникновение такого обычая было продиктовано жизненным опытом и желанием абхазов, заброшенных далеко за море, сохранить себя как часть единого народа Абаза.

Так, почти полвека назад, Омер-паша тогда еще двеннадцатилетний мальчик попал в Абхазию к родственникам его матери, которая была из рода Гумба. Род его отца был большой и воинственный, но у отца ни осталось никого из его близких родственников, и потому он согласился отдать на воспитание своего сына в семью брата его жены, проживавшего недалеко от селения Лыхны.

Там, в Дурипше, Омер-паша прожил почти пять лет, где он в совершенстве овладел языком, обычаями и традициями своего народа.

Омер-паша понял жест Али-бея. Орхан и Ченгиз, одетые в нарядные костюмы вельмож Султанского двора, с удивлением смотрели на то, как сам Султан, встав со своего трона, вышел навстречу Омер-паше. Они стояли в глубоком поклоне чуть позади него, но к ним Султан не подошел. Обняв Омер-пашу и пожав затем ему руку, Али-бей жестом пригласил его пройти с собой и усадил в кресло, что стояло напротив его трона. После того как Омер-паша сел на указанное ему место, сел и Али-бей.

Умар подал команду чиновникам, сопровождавшим Омер-Пашу и они, выйдя из поклона, встали метрах в десяти от Али-бея и Омер-Паши с тем, чтобы иметь возможность слышать, о чем они говорят.

В зале, помимо них, находились Сахиб-бей и Апстха, облаченные в костюмы беев. Невдалеке от них на противоположной стороне встал, как большая каменная глыба, Умар. Он, в отличие от всех, был одет в темно-бордовую черкеску. На ногах мягкие кавказские сапоги на тонкой подошве. К поясу Умара была пристегнута большая кавказская сабля в черных дорогих ножнах. Кавказский кинжал тонкой дагестанской работы завершал его довольно необычный для этих мест наряд.

Рядом с ним, чуть ближе к Султану стоял толмач Хусеин, который должен был при необходимости вести перевод с арабского языка на турецкий и с турецкого на арабский.

Сами же Али-бей и Омер-паша неспешно беседовали на абхазском языке. Никто из присутствующих в зале в их беседу не вмешивался. Лишь по лицам турецких сановников блуждала растерянная улыбка, вызванная тем, что они ничего не понимали из того, о чем говорил Али-бей со своим собеседником.

Их растерянность можно было понять. Их прислали, чтобы они слушали и запоминали все, о чем будет говорить Омер-паша с Египетским Султаном, а они не могли понять ни одного слова из

того, о чем говорили они. Лишь приветливая улыбка Али-бея и довольное выражение лица Омер-паши подсказывали им о том, что собеседники ведут разговор по теме, чем-то приятной им обоим.

Разговор между ними длился долго. Все это время Орхан и Ченгиз стояли, не шевелясь, стараясь хоть по движениям губ Омер-паши определить, о чем же говорит с Египетским Султаном руководитель их неофициальной делегации.

В самом конце затянувшейся беседы Орхан и Ченгиз увидели, как Омер-паша протянул Али-бею бумагу с перечнем условий, согласно которым Турецкая сторона готова была подписать мирный договор с Египтом.

Султан принял бумагу и, мельком просмотрев ее, сказал уже на турецком языке, чтобы смысл его ответа поняли Орхан и Ченгиз.

- Совет беев рассмотрит предложения Великой Порты. В течение месяца мы дадим Вам ответ. Я благодарю Вас всех за Ваше желание установить мир между нашими странами.

Услуги толмача остались невостребованными. Он как стоял недалеко от Али-бея и Омер-паши, так и остался там стоять, не проронив за весь вечер ни одного слова.

На этом переговоры закончились. Али-бей тепло попрощался с Омер-пашой. Прощаясь, они снова говорили на абхазском языке.

Орхан и Ченгиз попятились назад, уходя от Султана. Тот шел с Омер-пашой, поддерживая его под руку, как требовал того обычай земли, из которой вышли их предки.

Поздно ночью Апстха зашел к Омер-паше. Долго сидели молча. Завтра Омер-паша должен был отплыть к себе в Турцию. После короткого вступительного слова Омер-паши завязался разговор обо всем и ни о чем конкретно. Они говорили долго, словно извинялись друг перед другом за то, что не могли сказать ничего конкретного. Говорили почти до утра. Расставаясь, тепло пожали друг другу руки. Лишь на прощание Омер-паша сказал:

- Я думаю, мой брат, - под словами мой брат он подразумевал своего соплеменника Али-бея, - не примет предложений Турецкого Султана. Если он так решил, значит, он знает что-то из того, о чем не знаю я.

Чтобы вы не решили, успехов вам, - сказал он и посмотрел прямо в глаза Апстха. В его взгляде был скрытый вопрос: «Куда и зачем идете Вы? Чем мне помочь вам?»

Но ответить на эти вопросы Апстха пока не мог. Так молча и попрощались два сына далекой Абхазии, встретившиеся за тысячи километров от ее прекрасных солнечных берегов.

ЗАМУЖЕСТВО ФАГУДЫ

На дворе стояла ранняя весна. Целый день припекало уже ласковое, притягивающее к себе солнце. На улицах Каира сразу же стало светло и уютно.

К вечеру во дворце Султана забегали слуги, стало как-то по-праздничному шумно, немножко торжественно, и даже по домашнему тепло и уютно. Так в последнее время в коридорах, больших и малых комнатах дворца бывало только тогда когда в гости к Нафисе и Мариам приходила сестра Али-бея Фагуда. Сопровождал Фагуду ее муж Мухамад-бей.

Обычно в таких случаях женщины уединялись в своих покоях на женской половине дворца мужчины в кабинете Али-бея. И мужчинам и женщинам было о чем поговорить без свидетелей.

Никто никому не мешал. Женщины толковали о своем, мужчины о своем.

После приезда Фагуды в Каир и выхода ее замуж за Мухамад-бея у нее, Нафисы и Мариам завязались искренние дружеские отношения. Это было совсем неудивительно так как у них было не мало общего во всей их прошлой и настоящей жизнях.

Много общего было у них и в далеком прошлом когда они были вольными птицами беспечно летавшими под голубыми небесами далеких прекрасных родных краев. Краев которые не суждено уже было увидеть ни кому из них никогда.

Много общего было у них и в настоящей жизни.

Помимо неволи в чужой, пышущей зноем и бесконечной жаждой стране их объединяла ещё в настоящем времени любовь к одному и тому же человеку. К человеку которого они не только любили, но и боготворили.

Для Нафисы Али-Беи был постоянным напоминанием того как может быть счастлива женщина пока она молодая и красивая.

Как могут годы и отшумевшая молодость унести с собой почти все что было у человека. Унести и уже никогда не вернуть оставив только воспоминания о былом счастье.

Для Мариам Али-беи был сказкой которая однажды, неожиданно для нее превратилась в явь.

Она хорошо помнила как много много лет назад тянулась по бескрайней степи знойной Таврии большая вереница связанных между собой пленников. Была среди них и она — молодая девушка Мария из утопавшего в садах хутора Вишневка, что находился на тревожных границах Малороссии.

Помнила она как возле нее гарцевал на коне полурябой татарин в грязном темно-коричневом халате и в такой же грязной давно не стиранной пыльной темно серой чалме. Помнила она как натерла ей до крови руки грязная веревка тесно сжавшая их в своих беспощадных объятиях.

Мария уже знала, что будет с ней когда караван с пленниками остановится на ночной привал. Знала так же и то что уже не кому будет защитить ее. Все мужчины их хутора полегли под беспощадными саблями крымчаков внезапно налетевших на хутор. Их было намного больше и потому резня была жестокой, но короткой.

Пощадили они только девушек и маленьких детей. Пощадили только для того чтобы продать их затем в рабство в далекие края. И тянулся теперь по бескрайней степи Таврии длинный караван из девчат, детей и домашней скотины. Степь была тиха. Лишь однотонно и нудно скрипели колеса телег нагруженных награбленным добром да изредка переговаривались между собой конвоировавшие их татары.

Мария не знала их языка, но и без слов можно было понять, что они делят награбленное - и никак не могут решить кому достанется она – главная добыча их набега.

В конце концов так и не решив кому она достанется татары решили продать ее и поделить вырученные деньги между собой.

Так, попала она сперва на невольничий рынок Стамбула, а затем и Каира.

Когда ее продали местному купцу перекупщику Мустафе, она с ужасом ждала своей участи, но произошло чудо и она стала женой человека который сразу и навсегда покорил и ее беспокойный неукротимый нрав и ее до этого почти всегда равнодушное сердце.

О таком повороте событий она и мечтать не могла. Теперь то о чем она тогда в степи и мечтать не могла стало реальностью. Али-беи был намного старше ее, немного ниже ее ростом (он был

среднего роста, а она очень высокой) но от него веяло запахом настоящего мужчины.

Человека благородного умного и самое главное умеющего любить и ценить свою любовь.

Ореол славы витавший вокруг его имени завершил дело. Теперь Мариам знала, что Али-беи не только ее муж по законам божьим, но и ее единственный мужчина на всю оставшуюся жизнь.

Для Фагуды все было совершенно иначе. Для нее Али-бей, а вернее ее брат Исуф был человеком с именем которого выросла она в родной семье.

Имя, ее старшего брата который пропал задолго до того как родилась она сама всегда было на устах у ее матери. Исуф был старшим она младшим ребенком в их большой многодетной семье. С его именем умирала ее мать оставив его своей малолетней дочери как завещание. Теперь имя Али-бея объединяло трех женщин каждая из которых по своему любила и боготворила его.

Сераль у Али-бея был большой, но жило в нем не так много людей.

Четыре жены, четыре рабыни обслуживавшие их да несколько наложниц. Евнух Джамал жил в доме примыкающем прямо к Сералю.

Так сложилось, что главные роли в Серале играли старшая жена Султана Нафиса и младшая Мариам.

Две другие жены болгарка Иванка которую нарекли здесь Фатьмой и гречанка Мила которую назвали Сарией особой роли в Серале не играли. Они держались отдельно от всех. С Нафисой и Мариам они не враждовали, но и особой дружбы между ними не было.

В отличии от них рабыни всех четырех жен Султана дружили между собой. Они умудрялись быть верными служанками у хозяек и такими же верными подругами между собой. У них установилось твердое правило которому следовали они в обязательном порядке.

- Своих хозяек не обсуждать. Сплетен о них никому не приносить. Не передавать друг другу ничего из того что видели или слышали они от своих хозяек. Это был по-видимому инстинкт самосохранения вырабатывавшийся во всех гаремах мира. Рабыни в дела своих хозяек никогда не вмешивались.

Нафиса и Мариам об этом знали. Знали об этом и Фатьма с Сарией. Возможно поэтому, никто из них не мешал дружбе между своими служанками. Более того все четверо даже поощеряли их дружбу которая как бы смягчала вечные трения возникавшие в Сералях между женами повелителей всех стран мусульманского мира.

Наложницы в отличии от всех держались отдельно. Они почти не контактировали ни с женами Султана ни с их служанками.

Они не говорили об этом вслух, но все их поведение показывало всем окружающим , что они слепо ненавидят и тех и других. Причины такой скрытой ненависти были просты. Если бы не было этих четырех жен женами великого Али-бея могли стать они.

Особенно обострились эти чувства после того как Али-беи стал полновластным Султаном Египта.

Когда он был просто шейхом аль-Баледом то его титул и его трон не были наследственными атрибутами. Теперь он был Султаном, а титул и трон Султана передавались по наследству.

Детей у Нафисы которые бы могли претендовать на наследование престола как старшие сыновья Султана нет.

У Фатьмы, Сараии и Мариам только дочки. Сыновей тоже пока нет. Зато сыновья родились у них. У каждой из наложниц по одному или двое сыновей.

Теперь каждая из них видила наследником престола именно своего сына и больше никого. Пока у всех у них это были только тайные мысли. Тайные надежды и чаяния. Пока все было так, но могло придти время и эти мысли способны были разжечь пожар большой войны на подобие тех в которых сгорело ни одно государство в мире.

Так сложилось, что стали дружить со всеми и служанки обслуживавшие Фагуду. Удивительнее всего было даже не то что служанки Нафисы, Мариам и Фагуды дружили между собой, а то что служанки дружили помимо этого и со своими хозяйками и были для них не столько служанками сколько верными младшими подругами.

Все три служанки жен Султана и его сестры были когда-то жительницами Верхнего Нила попавшими в плен к мамлюкам во время их постоянных завоевательных походов в те края.

Тахи обслуживавшая Фагуду была Суданкой. Туна и Рата обслуживавшие Нафису и Мариам эфиопки.

Тахи высокая, стройная негритянка до синевы черненная беспощадным солнцем центральной Африки.

Когда она улыбалась особым контрастом на ее лице выглядели громадные, черные как непроглядная Африканская ночь глаза и ослепительные как мираж в пустыне белые зубы.

Тахи из той породы женщин возраст которых очень трудно определить без подсказки. На первый взгляд ей в равной степени можно дать и двадцать и тридцать лет. Она почти всегда улыбается и только очень внимательный собеседник может уловить в уголках ее всегда смеющихся глаз оттенки никогда не затихающей тоски по прежней вольной жизни на далеких берегах Черного Нила.

В Египте впрочем как и во всех странах мусульманского Востока для обслуживания гарема и жен владык отбирали всегда больших, здоровых и внешне привлекательных рабынь. Между домами повелителей разных стран шел всегда негласный спор по уровню шика и блеска их гаремов. Служанки были то же частью этих гаремов. Их вид тоже играл определенную и совсем немаловажную роль в этом негласном соревновании. Возможно именно поэтому рабынь обслуживавших жен шахов, эмиров и султанов одевали очень хорошо. Часто бывало и так, что такие рабыни становились со временем наложницами тех же султанов, эмиров или шейхов. Восток есть Восток, здесь все бывает. Почему рабыня не может стать наложницей если раб может стать Султаном и повелителем.

Туна и Рата то же типичные африканки. Но они несколько светлее чем Тахи. Губы у них не такие выпуклые, кожа темно коричневая, но не иссиня черная. Обе они высокие, довольно крупные. Ходят мягко, бесшумно как дикие кошки в далеких нагорьях зеленной Абиссинии откуда унесла их судьба много лет назад. Глядя на веселую возню этих женщин постороннему человеку было бы, наверное, даже трудно догадаться, что здесь три госпожи и три рабыни. Возможно это было вызвано тем, что во всех гаремах Востока женами правителей становились женщины которые сами когда то были рабынями. Хотели они того или нет, но в памяти каждой из них оставалось невольное воспоминание о тех днях и тех чувствах которые испытывали они когда сами были бесправными рабынями. Эти воспоминания накладывали обязательный отпечаток на их психику и на их поведение. Не были исключениями в этом плане Нафиса и Мариам.

Их отношение к своим рабыням передалось и Фагуде. Так и сложился у них тесный изолированный круг в который уходили они объединенные общей радостью и общими проблемами.

Впрочем Фагуда упросила своего мужа чтобы он привез ей служанок из Абхазии. Такое желание было продиктовано только одним обстоятельством. Эти служанки будут воспитывать их детей. На каком языке будет говорить нянька тот они и усвоят в первую очередь. Няни из Абхазии и должны были передать будущим детям Фагуды и Мухамад-бея язык их предков. Корабль со служанками из Абхазии должен был прибыть в Каир со дня на день.

Теперь Нафису, Мариам и Фагуду объединял не только Египет где жили они сейчас, но и память каждой из них о потерянной когда-то Родине. Родине которая у каждой из них была своя, но воспоминания о которых никогда не покидали ни одну из них.

Комната у Нафисы большая. Посреди комнаты широкий стол. На столе холодная вода, прохладный щербет, множество фруктов и восточных сладостей в красивых вазах, сделанных из красного камня и Нильской глины.

Вдоль двух стен стоят широкие диваны обитые розовым бархатом. На полу у самых диванов лежат светло коричневые ковры привезенные много лет назад из далеких Персидских краев.

На одном диване сидят Нафиса и прижавшаяся к ней Туна.

Мариам и Фагуда сидят на диване у противоположной стены. Тахи и Рата полулежат на мягком ковре у их ног и о чем-то оживленно говорят

между собой. В разговор своих хозяек они не вмешиваются. По видимому все слушают их веселую перебранку. Это видно из того, что после очередной удачной шутки одной из них дружно смеется вся веселая компания.

Тем временем Али-беи и Мухамад-бей который привез Фагуду к ее брату сидели в кабинете Султана обсуждая последние новости. Сахиб как всегда стоял у дверей изредка выглядывая за нее чтобы никто не подслушал разговор Султана и его гостя.

Али-беи и Мухамад-бей обсуждали итоги переговоров Али-бея с графом Плещеевым.

Несколько лет назад Али-беи сделал Мухамад-бея своим приемным сыном. Разница в возрасте у них была не очень большая, чуть более десяти лет, но Али-беи был старше и потому желая под-

черкнуть перед всем сообществом мамлюков свое особое отношение к Мухамад-бею как к вероятному своему преемнику Али-беи принял подобное решение. Такой шаг со стороны Али-бея был продиктован следующим обстоятельством. Согласно неписанных законов Мамлюкского сообщества титул правителя Египта шейха Аль-Баледа не передавался по наследству. Его мог получить каждый мамлюк который имел наибольшие заслуги и наибольший авторитет. Тогда когда Али-беи признал Мухамад-бея своим приемным сыном он еще не был Султаном и потому такое решение в то время было совершенно оправданным.

Именно для того чтобы поднять авторитет и значимость Мухамад-бея в мамлюкском сообществе Али-беи постоянно отправлял его командовать армиями которые раз за разом уходили в походы то завоевывать новые земли, то усмирять непокорные племена. Этой же цели должен был послужить и факт признания Мухамад-бея приемным сыном Правителя Египта.

Еще больше сблизил Али-бея и Мухамад-бея приезд в гости к Али-бею его младшей сестры Фагуды.

С первой же своей встречи Махамад-бей и Фагуда не смогли скрыть ни от кого чувств взаимной симпатии. Да они и не собирались делать этого.

Первым обратил на это внимание это отец Али-бея Даут, а затем и все остальные.

Али-беи сразу же увидел как загорелись глаза Мухамад-бея когда он увидел его сестру.

Да это было и неудивительно. Фагуда была высокой стройной девушкой взгляд зеленых глаз которой мог «завалить» и не такого «зверя». Волнистые нетипичные для южных краев волосы каштанового цвета плавно сбегавшие на ее царственные худощавые плечи прекрасно оттеняли ослепительную белизну ее лица.

Мухамад-бей как посмотрел на нее так и не смог больше оторвать от нее своих сразу же заблестевших темно-коричневых глаз. Не скрывала своей симпатии к нему и Фагуда глаза которой также засветились радостным блеском при виде знаменитого мамлюка.

Увидел все это не только Али-беи, но и Сахиб, который в тот же вечер сказал Али-бею

- Твой отец приехал сюда со своей дочкой, но видно уедет отсюда уже без нее.

Так все и произошло. Уже через месяц Мухамад-бей прислал своих друзей которые попросили Али-бея и его отца разрешение на его свадьбу с Фагудой.

Согласно мусульманского обычая Али-беи как старший брат мог бы и не спрашивать у Фагуды хочет она того или нет, но посоветовавшись с отцом он решил все таки узнать мнение сестры. Одно дело если бы все это происходило в Абхазии где все свои и все свое. Другое дело здесь в Египте где ее еще никого не знал и она не знала еще почти никого кроме узкого круга лиц из окружения Али-бея. В такой ситуации трудно было угадать захочет ли она остаться здесь в чужом для нее краю. Али-бей, конечно же желал этого. В случае удачного сватовства Мухамад-бея рядом с ним оказалась бы навсегда еще одна родная душа. Здесь, далеко от родных краев любовь и забота сестры были очень нужны Али-бею.

Когда в комнату зашла Фагуда отец ничего не говорил. Он просто сидел на диване и пил кофе как буд-то тема грядущего разговора не касалась его ни коим образом.

Когда Али-беи завел разговор о сватовстве Мухамад-бея он уже по выражению глаз Фагуды понял какой она даст ответ. Так оно и вышло.

Фагуда сказала.

- Исуф. Ты мой старший брат. Как ты скажешь так и будет. Если ты считаешь, что Мухамад-бей достойный человек я выйду за него замуж. Если ты скажешь нет я подчинюсь твоей воле.

Но если ты скажешь да то у меня будет единственное условие.

- Какое твое условие, сестра, спросил Али-беи который сразу же понял, что Фагуда больше просит его не отказывать Мухамад-бею чем спрашивает его разрешения.

- Если ты даешь положительный ответ Мухамад-бею скажи ему что я согласна выйти за него замуж только при одном условии. Я буду единственной его женой. Если он собирается привести в дом вторую или еще хуже того третью и четвертую жену то я за него замуж не пойду. Я абхазка. У нас в Абхазии второй и третьей жены не бывает. Есть одна жена. Жена которая дана богом. Пока он не даст клятву на коране, что я буду его единственной женой я за него замуж не пойду.

Али-бей задумался над ее словами. Он хорошо знал законы ислама. Приняв мусульманскую веру он хорошо изучил коран и стал законно-послушным мусульманином.

Ты понимаешь сестра моя начал он. Если ты выйдешь замуж за Мухамад-бея то обязательно примешь мусульманскую веру, станешь мусульманкой, а мусульманка должна исполнять все требования корана и не роптать против воли Аллаха.

- Да, если нужно будет я стану мусульманкой. Таков закон. В святом писании записано. Куда иголка туда и нитка. Если мой муж мусульманин и дети мои будут мусульманами. Значит и я должна быть такой же как и они. Я приму все законы новой веры кроме одного. Я абхазка и потому могу быть только единственной женой. Если он поклянется на коране, что я буду единственной женой в его доме я с удовольствием выйду за него замуж повторила она. На этом они и порешили.

Когда Али-беи передал условия Фагуды Мухамад-бею тот ни на секунду не задумываясь принял их.

Вскоре сыграли и свадьбу. С тех пор Мухамад-бей стал еще ближе Али-бею уже как зять и будущий отец его племянников и племянниц.

Почти сразу по окончанию переговоров с Плещеевым Али-беи принял решение.

- О дополнительных условиях их соглашения касающегося будущего обустройства Абхазии и восстановления Абхазского царства в границах ее максимальных территорий не должен знать пока никто. Ни отец, ни сестра, ни зять, никто другой. Единственным исключением он сделал Апстха и Сахиба. Эти люди были проверены временем и никогда не подводили его.

На первых порах он решил не говорить о своих далеко идущих планах даже Мухамад-бею. Чем меньше людей знало бы о его планах тем больше была вероятность того, что они не дойдут до Стамбула раньше того времени когда эти планы станут реальностью. В тот же вечер он решил собрать в своем кабинете Апстха и Сахиба чтобы поделится с ними своими планами на будущее полагая получить от них какие-то советы в этом отношении.

Вскоре Мухамад-бей и Фагуда ушли. Али-бей остался в своем кабинете ожидая прибытия Апстха. В час когда Апстха и Сахиб пришли к Султану на часах у дверей ведущих в его кабинет стоял Хасан – косой с своим молодым напарником Нурием.

Хасан-косой личность хорошо известная в сообществе мамлюков. Вообще-то он не косой. Косым его называют потому что он

раскосый и узкоглазый как все азиаты. Откуда он родом не знает точно никто. Одни говорили, что он казах. Другие считали что он калмык или ногаец. Кто он на самом деле знал только он сам. Знаменит же Хасан косой был не тем, что он азиат. Азиатов в рядах мамлюков находилось не так уж и мало.

Был даже один кореец неизвестно как попавший в ряды мамлюков, но не уступавший в храбрости и воинском мастерстве многим мамлюкам с Кавказа, Балканского полуострова или Курдистана.

Знаменит Хасан косой был совсем по другому поводу.

На дворе конец XVIII века. Все армии мира вооружены уже пушками и ружьями. А у него за плечами тугой старинный лук и колчан с двадцатью острыми стрелами. Стрелы Хасан-косой делал сам. Сам точил их наконечники. Сам пристреливалт новые стрелы. Тренировался Хасан со своим луком ежедневно по многу часов подряд. Стрелять из лука так как стрелял Хасан-косой в армии мамлюков мог только он и больше никто. Для своих тренировок он делал мишени из сухого тростника. Стрелял он по ним то стоя, то на полном скаку лошади. Стрелы пущенные из его лука всегда ложились в центр мишени вне зависимости от того стрелял ли он из положения стоя или с лошади на всем скаку. Его лук был как много зарядное ружье. Во время всех сражений он успевал во время атаки мамлюков выпустить из него с десяток стрел по противнику. Стрелы пущенные его рукой всегда находили свою дорогу и попадали именно туда куда и целился он.

Когда основная масса мамлюков вступала в рукопашный бой он останавливался и посылал в противника еще десяток стрел. Эти стрелы еще быстрее и точнее находили свою дорогу.

После того как у Хасана-косого заканчивались стрелы он спокойно укреплял свой лук за плечом, так же неспешно доставал свою старую кривую саблю и с громким криком Урр бросался в самую гущу битвы. Саблей Хасан-косой работал тоже совсем неплохо, но основной урожай снимали его стрелы.

Сегодня за плечами у Хасана-косого тоже лук, но в колчане совсем немного стрел. Зачем ему таскать лишний груз. Коридор перед дверьми Султана не поле сражения. Если сюда попытается пробраться наемный убийца то на него хватит и одной стрелы.

Охранять Султана Хасан-косой любит. Али-бей ему нравится. Нравится ему и то что он как настоящий мамлюк всегда находится

в гуще сражения, а не прячется как турецкий Султан за высокими стенами Стамбула и острыми ятаганами своих янычар.

Али-бей знал что когда на часах у его двери стоит Хасан-косой он может говорить обо всем не беспокоясь что его кто-то подслушает. Мимо Хасана-косого даже муха не пролетит незамеченной.

Россия просит нас не посылать 12-ти тысячный корпус мамлюков на театр военных действий России и Турции, начал он разговор. Более того Россия просит нас начать активные военные действия против войск турецкой империи в Палестине и в Сирии. Это отвлечет часть турецких войск с линии их соприкосновения с армией Российской империи и лишит турков возможности вводить новые войска на театр военных действий. Для решения этой задачи Россия готова поставить армии мамлюков по низким, очень даже низким ценам современное оружие в том числе пушки и ружья производства лучших Европейских заводов. Султан говорил медленно стараясь выделить каждое слово, каждую мысль в отдельности.

Когда Плещеев увидел, что я готов отказаться от предложения России продолжал Али-бей он предложил мне дополнительные условия которые заинтересовали меня

только потому что они касались будущего обустройства нашей Родины Абхазии. Что это за предложения расскажу тебе чуть позднее и я думаю они тебе будут по душе.

Последние слова Али-бея вызвали недоумение Мухамад-бея. Он никак не мог понять почему Султан не говорит ему все что знает он, а только делает ссылки на какие-то особые условия. Здесь что-то было не то.

Исходя из этого я принял предложение Российской стороны и уже в ближайшее время готов начать активные военные действия в Сирии и в Палестине.

Когда час назад Али-бей высказал Мухамад-бею эти же мысли он не сказал своему зятю, что были за дополнительные условия предложенные ему Россией.

У Али-бея были свои причины не говорить пока все своему зятю не потому что он не доверял ему, а только исходя из того что бы он не сделал в этой ситуации поспешных шагов.

А планировал Али-бей следующее.

После завершения этой компании он собирался с десятитысячным отрядом отборных мамлюков высадиться в районе Сухум-

Кале. Поддержат ли его абхазские князья и дворяне он не знал, но в том что народ пойдет за ним был уверен, однозначно. Доставку воинов, лошадей, оружия и всего остального брала на себя Российская сторона в лице командующего Черноморской эскадрай графа Орлова. На первых порах планировалось выбить турков из Сухум-Кале. Затем две колоны мамлюков к которым присоединятся местные ополченцы должны были пойти на север и на юг. Одна колонна должна была дойти до реки Фаш на юге и установить там крепость, другая пойти в сторону селений Лыхны, Питиуса и далее до самой Анапы где они должны были встретится с русскими войсками. Согласно планов Али-бея первую колонну должен был возглавить Апстха. Такое решение было продиктовано тем, что мать Апстха была родом из Самурзакана. В своей работе по организации абхазского ополчения он мог получить помощь отрядов мощных абхазских родов проживавших южнее Сухум Кале. Сам Апстха происходил из многочисленной и воинственной абазинской фамилии. Мать Апстха была абхазка из рода Квациния, его бабушка происходила из воинственного рода Ашуба. Большую помощь могли оказать ему и два других не менее могущественных рода Кишмария и Аршба. Его бабушка по отцу была из рода Кишмария, а побратим отца принадлежал к роду Аршба.

Отец Апстха погиб когда мальчику не было еще и года во время сражения с войском князя Дадиани. Мать взяла его и уехала к родичам мужа абазинам на Северный Кавказ. Там в абазинском ауле Бибаркт и вырос будущий знаменитый бей Египта.

Родовые связи всегда играли большую роль в Абхазии и не учитывать их в предстоящей тяжелой компании было бы и тактической и стратегической ошибкой.

Колонну которая пойдет на север должен был возглавить Сахиб. Сахиб был шапсуг. К тому времени шапсугские селения уже заняли большие территории вдоль Черноморского побережья Кавказа. На этих землях ранее располагались сотни абазинских и абхазских селений. Более века назад из далеких ногайских степей пришла на Черноморское побережье чума.

После того как выкосила она почти все население степей, пришла очередь их соседей абазин и абхазов живших в прибрежной полосе.

Русь отгородилась от чумы пушками и ружьями не пустившими жителей степей в пределы Российского государства.

До адыгов живших в те времена высоко в горах волна болезни не дошла.

Абхазы и абазины которые владели до этого практически всеми портами Западного Причерноморья начиная от Анапы и до самого Сухум - Кале были в тесных торговых связях с ногайской степью. Оттуда шли в их порты лошади и овцы. Оттуда и пришла беда.

От некогда многочисленных и воинственных родов абхазов и абазин остались в тех краях жалкие остатки. Так от рода Арды который по данным многих исторических документов имел численность до 80 тыс.чел. и владел портом Ардлар (современный Адлер) не осталось ни одной семьи.

От знаменитого рода Арлан располагавшего войском до 10 тыс.человек осталось к тому времени всего три семьи.

Когда ветер истории смел с карты Черноморского побережья Кавказа многие сотни селений народа Абаза освободившиеся от них благодатные земли Причерноморья заняли их соседи которых судьба сберегла от страшной участи.

Мать Сахиба убышка из знаменитого рода Берзеков. Род Берзеков большой и воинственный. Они не откажут в помощи своему ахщапа (племяннику - сыну сестры) полагал Али-беи который еще хорошо помнил обычаи и традиции своего народа и народов живших рядом с ними.

Помимо этого Али-беи рассчитывал на то, что бабушка Сахиба абазинка из большого рода Молхоза, а и этот фактор обяжет оставшихся на побережье и в урочище Псху абазин поддержать своего родственника. Абазин в этих краях осталось не так уж и много, но они были воинственным племенем и могли только силой своего духа и своим примером поднять многие соседние с ними племена на помощь армии Сахиба.

По предварительным подсчетам Али-бея армия Апстха которая пойдет на юг до реки Фаш могла вырасти по своей численности до 20-25 тысяч человек, что было вполне достаточно для того чтобы выбить по пути все турецкие гарнизоны и охладить воинственный пыл владетелей Мигрелии князей Дадиани, смотревших всегда жадным взглядом на земли своих соседей.

Армия Сахиба могла стать еще более многочисленной, что так же давало возможность ликвидировать в пути своего следования все турецкие гарнизоны.

Вопрос о будущем обустройстве создававшегося государства Али-беи пока не ставил. Он был твердо уверен только в одном. В этом государстве все народы и племена должны были иметь равные права и равные обязанности. В обществе в котором один народ или один класс попирает права другого народа или класса никогда не может быть долговременного мира и спокойствия. Такое государство или такое общество обречены на вечные междоусобные войны и противоречия. В этом Али-беи был уверен и потому понимал, что когда будет решена главная задача нужно будет искать оптимальную формулу политического обустройства будущего государства. Кавказ не Египет. Здесь диктат силы не приемлем. Здесь на первый план выходят не сила и храбрость. Здесь все храбрые.

В горах и долинах Кавказа слабых и трусливых народов просто не было. Естественный отбор убрал такие народы с карты Кавказа где остались только те племена которые могли постоять за себя и дать отпор любому агрессору несмотря на его численность, силу или экономическую мощь.

С целью поиска оптимальной системы политического обустройства будущего государства Али-беи планировал найти возможность для встречи со многим видными политиками и юристами государств расположенных на Средиземноморском побережье.

Многие из них были его соплеменниками абхазами.

Все эти соображения он изложил в этот же день в откровенной беседе с Апстха и Сахибом, которые были уже частично знакомы с его планами по организации похода в Абхазию.

Рассказывая свои мысли по планировавшейся им компании Али-беи внимательно следил за реакцией на свои слова Апстха и Сахиба. По выражению их глаз, жестам, словам, интонации голоса он старался угадать насколько понимают они его, насколько согласны они с теми мыслями и планами которые зрели в его голове. Он ждал, что они начнут задавать какие-то вопросы касательно их личных перспектив после окончания планируемой компании, но ни один из них не сказал ни слова на эту тему. Подождав еще некоторое время и не получив никаких вопросов Али-беи продолжил изложение своих планов довольный тем, что его собеседников интересует не столько их будущая роль в его планах, сколько сама идея его замысла.

Он не стал скрывать от них какую роль он отводит себе в этих планах.

Когда экспедиция отплывет к берегам Абхазии продолжал он вместо меня в Египте останется Мухамад-бей который будет вершить все дела в государстве от моего имени до самого моего возвращения назад. Только он еще об этом не знает и не должен узнать до того момента когда я сам не введу его в курс наших планов. Сказав «наших планов» Али-беи хотел подчеркнуть тем самым, что он уже считает и Апстха и Сахиба своими единомышленниками и союзниками по данному вопросу.

В течении всего разговора Али-бею было приятно осознавать, что он не ошибся в своих предположениях относительно Апстха и Сахиба. Как он и полагал они были в первую очередь воины. И потому в действительном настоящем и в будущем их гораздо больше интересовали вопросы войны и мира чем ньюансы будущего обустройства этого мира и их места в планируемых изменениях.

Более того он полагал, что с его стороны будет и честнее и порядочнее если он сам расскажет им о том, что он думает на эту тему и какие у него планы в отношении их самих.

Али-беи не любил давать пустых обещаний считая, что всякие посулы дают люди не честные и принимают их такие же нечестные люди как и те что их выдают.

И все таки он решил обозначить хотя бы в общих чертах свои мысли в отношении своих соратников.

Я думаю, продолжал он, что для того чтобы Сахиб командовал армией которая пойдет на Север он должен иметь звание бея. Мне кажется, что Апстха поддерживает мое мнение. Услышав эти слова Апстха довольно заулыбался. Он сам много раз до этого говорил Али-бею о том, что Сахиб давно уже достиг того уровня и в мышлении и в значимости в мамлюкском сообществе которое дает ему право носить титул бея.

Услышав слова Али-бея и увидев довольную улыбку Апстха Сахиб понял, что вопрос по нему уже решен и то же довольно заулыбался не в силах скрыть своей радости от услышанных им слов. Это известие было на самом деле приятно ему хотя бы потому что такой шаг со стороны Алибея был в первую очередь признанием его заслуг и перед ним лично и перед всем мамлюкским сообществом в целом.

После этих слов Али-бея беседа пошла в более непринужденной обстановке. Все заулыбались. Али-беи улыбался довольный тем, что сделал что-то приятное для человека который был ему дорог. Апстха же улыбался тому, что наконец то его слова дошли до Али-бея.

В свою очередь Сахиб улыбался счастливой улыбкой человека который в конце концов услышал то, что давно хотел услышать. Улыбались все. Концом всей этой сцены стали слова Апстха.

- Слава Аллаху, наш повелитель наконец-таки сделал то, что он хотел сделать давно, но почему-то каждый раз откладывал на завтрашний день.

Когда мы уйдем в Абхазию продолжал тем временем Али-беи вместо меня и от моего имени руководить диваном Египетских беев будет Мухамад-бей, повторил он свою предыдущую мысль показывая рукой на то место где обычно садился его названный сын.

Что и как делать ему в мое отсутствие я расскажу Мухамад-бею несколько позднее добавил Али-беи обращаясь к Апстха и Сахибу, но вы оба до поры до времени не должны рассказывать никому в том числе и самому Мухамад-бею о моих планах. Так нужно чтобы эти планы не стали раньше времени известны Стамбулу. Дело не в том что я не доверяю Мухамад-бею. Ему я верю, но чем меньше людей будет знать пока о наших планах тем меньше вероятность того что о них узнает кто-то посторонний. Мухамад-бею я верю, повторил Али-бей, но береженного бережет Всевышний. Пусть пока все будет так.

На этом их беседа завершилась и все они довольные сказанным и услышанным пошли в большой зал, где слуги накрыли для них стол с едой, фруктами и прохладительными напитками.

Слуги дали им возможность омыть лицо и руки поливая им из больших раскрашенных в яркие цвета глиняных кувшинов. После этого все произнесли короткую молитву во славу Аллаха и сели за стол, где снова повторили молитву которую произносит каждый мусульманин перед едой.

Ели они медленно, спокойно. Каждый из них был углублен в свои мысли. Апстха и Сахиб размышляли об информации услышанной ими сегодня. Али-беи с удовлетворением думал о том, что он в очередной раз убедился в искренности и преданности близких ему людей которые всем своим поведением показали ему

что для них гораздо важнее вопросы поставленные перед ними Али-беем чем их личные интересы. Али-бей невольно спрашивал сам себя, почему он не захотел чтобы с его планами был ознакомлен Мухамад-бей. Ведь он был ему самым верным помощником. Вопрос возникал раз за разом. Раз за разом не было у Али-бея четкого ответа на этот вопрос. Почему он принял такое решение – Али-бей не знал и сам. Возможно, что он не хотел расширять круг людей ознакомленных с его планами чтобы кто-то не нарочно, а возможно по неосторожности не вынес бы за пределы его дворца тайну имевшую для него трудноценимое значение.

Играла определенное мнение и мысль Али-бея о том, что узнав о его планах Мухамад-бей мог сделать какие-то неосторожные шаги чтобы ускорить этот день или устранить возможных противников подобного решения вопроса. Так или иначе Мухамад-бей в планы Султана не был пока посвящен и Али-бей считал такое решение правильным.

ХОДАТАИ

Несколько дней после встречи с Плещеевым Али-бей долго размышлял над тем что было сказано графом от имени императрицы далекой России.

Впервые за долгое время судьба давала ему шанс вернуться на Родину, Не просто вернуться на Родину, а вернуться и стать основателем нового царства Абаза.

Он не думал на тему делать это или нет. Египет правителем которого он стал был большим мощным государствам. Он был в десятки раз больше его далекой Родины. Но это была его Родина. Это была его земля. Земля которая была под пятой турецкого Султана и просила его о помощи.

Египет был второй его Родиной. Он сросся с ним и полюбил его народ. Любили здесь и его - человека который принес им долгожданную свободу и независимость.

Теперь здесь Али-бея боготворили. Он был национальным героем. Имя его произносили ежедневно во всех мечетях страны славя его и желая ему здоровья и многих лет жизни.

Все это было так. Здесь были у него несметные богатства, власть, почет и слава национального героя. Весь вопрос был в

другом. Своей второй Родине он завоевал независимость. Теперь она была свободной. По ее земле не ходили уже безнаказанно солдаты Турецкой армии.

Египет находившийся под властью турецкого Султана более двухсот пятидесяти лет наконец-таки приобрел независимость. Эту независимость народ Египта приобрел под его руководством. Под руководством человека которого много лет назад занесла нелегкая судьба в эти края с далеких Черноморских берегов.

Египет стал свободным, а Родина его предков по прежнему стонала под игом захватчиков. Она ждала его и он знал, что это так.

Для Али-бея не было вопроса возвращаться домой или нет. Он готов был хоть завтра же вернуться на Родину и встать во главе борьбы ее народа за свою независимость и свободу.

Вопрос был в другом. Насколько правдивы были обещания Екатерины II которые не были подкреплены ни какими конкретными договорными обязательствами. Да и сказаны были условия устного договора не самой императрицей и даже не ее фаворитом и командующим Черноморской эскадрой князем Потемкиным а только посредником слово которого могло быть переиначено в любой момент.

С другой стороны Али-бей прекрасно понимал. Россия твердо встала на ноги. Это будущий хозяин Европы и Азии. Ее не смогли одолеть ни Великий король могучей Швеции Карл XII, ни король Пруссии Фридрих Великий, никто иной. Теперь вопрос стоял совсем по другому. Кого еще одолеет Россия, а не кто одолеет ее.

Продав Америке Аляску Екатерина на вырученные от этой сделки деньги создала мощную армию. Вооружила и обучила ее. Теперь взоры России имевшей самую мощную армию в Европе были устремлены на Крым, Преднестровье, Северный Кавказ и Закавказье. Не удивился бы Али-бей если бы узнал что взгляды России тянутся даже до далекой Индии, Персии и непокорного Афганистана.

В этой ситуации вполне реальным было желание России создать на стыке Северного Кавказа и Закавказья государство лояльное ему и находящееся с ним в союзных отношениях. Такая постановка вопроса давала возможность ей получить дополнительный плацдарм для реализации своих далеко идущих планов.

Исходя из этих рассуждений Али-бей сделал вывод, что предложение озвученное ему графом Плещеевым полностью соответству-

ет интересам России и потому его можно рассматривать как реальность. С тех пор как он пришел к такому выводу Али-бей сосредоточил все свои усилия на том что бы выполнить условия необходимые для того чтобы реализовать план его возвращения в Абхазию.

Покорение Верхнего Нила и успешный поход Мухамад-бея в Хиджаз обезопасили его тылы.

Переговоры с курдами позволили ему убедиться в том, что турки не смогут провести мобилизацию в Курдистане и пополнить за счет знаменитой курдской конницы свою армию в Сирии. Более того курды обязались не пропустить через свою территорию турецкие войска если те попытаются придти на помощь группировке турецких войск в Сирии.

Эти Важнейшие задачи были решены. Теперь можно было начинать поход в Сирию. В случае успешного завершения этого похода и разгрома турецких войск он планировал оставить вместо себя наместником Египта мужа своей сестры Мухамад-бея а самому с десятью тысячами воинов добровольцев из числа мамлюков отправиться в поход на Черноморские берега. Мамлюков он планировал набрать только из числа представителей народа абаза и многочисленных племен адыгского народа.

В числе мамлюков было очень много храбрых воинов из Кабарды, Бжедугии, Шапсугии. Было так же много убыхов которые были намного ближе к абхазам и абазинам чем ко всем остальным народам.

Теперь настала пора приступить к конкретной реализации задуманного плана.

По своей природе Али-бей был прирожденным дипломатом. Он умел убеждать своих собеседников не силой а словами. Бог наградил его талантом делать из врагов друзей. При желании он мог не сориться, избегать конфликтных ситуаций и в совершенстве реализовывать два принципа.

- Сочетание политики кнута и пряника.

- Умение разделять и властвовать.

Он был строг и требователен к подчиненным, но всегда умело оставлял зазор для почетного отступления как для себя так и для своих подчиненных. Он был убежден что абсолютно правых не бывает никогда. Абсолютно правым может быть только Всевышний. Он все видит. Он все слышит. Он все знает. А простой смертный

даже если он и правитель большой страны может всегда ошибаться. Он был убежден что слабость любого Султана, царя или короля не в том что он может ошибиться, а в том что он не видит своих ошибок или еще хуже видит, но не умеет создавать условия для их своевременного исправления.

Али-бей мог спокойно реагировать на чужие эмоции и так же спокойно как ни в чем не бывало делать свое дело без излишних выяснений отношений с людьми пошедшими не в ту сторону. Это давало ему громадное преимущество перед его оппонентами. Они говорили. Он молчал и слушал. В итоге он узнавал все что хотели сказать они, но сами они уходили так и не поняв какова его позиция по тому или иному вопросу.

После их ухода он долго анализировал слова и мысли своих оппонентов и если считал что они правы мог спокойно принять их точку зрения. Эту черту его характера знали все его поданные и если он говорил нет по какому-то вопросу то в последствии никто не поднимал уже этот вопрос.

Все знали. Али-бей услышал. Али-бей обдумал. Али-бей принял решение. Теперь нужно только выполнять. Такая постановка вопроса давала ему возможность избегать многие конфликтные ситуации и держать под постоянным контролем обстановку в государстве.

В свое время в Совете беев был очень словоохотливый мамлюк Сефар-бей. Он любил много говорить и комментировать все что говорили и делали все остальные члены Совета. Сефар-бей никогда ничего не предлагал. Слушал что предлагают другие члены Совета. Слушал, находил в их словах и мыслях слабые места после чего обрушивался с критикой на человека выдвигавшего те или иные предложения. Бог соединил в Сефар-бее дар хорошего воина и еще лучшего демагога аналитика и критика. Дело дошло до того что многие члены Совета перестали вообще излагать свои мысли при нем не желая попадать под огонь острой критики Сефар-бея. Али-бей увидел это и после одного из таких критических выступлений Сефар-бея заметил. Вы помните слова из святого писания.

- Ничего не предлагающий и много говорящий или ошибается или лжет.

Я прошу Вас всех впредь говорить только свои предложения, а не комментировать чужие мысли. Что в них правильно, а что нет я решу сам.

Это была одна из немногих крупных ошибок Али-бея. Сефар-бей больше ничего не говорил, но вскоре выяснилось что он был в числе заговорщиков планировавших покушение на Али-бея. Али-бей его пощадил, но из Совета беев убрал и отослал его в далекую провинцию. Вскоре Сефар-бей объявился при дворе Турецкого султана где и был до настоящего времени. Он не просто был при Султане, а постоянно плел теперь нити заговоров против Али-бея. Эта история стала хорошим уроком для Али-бея. Он давно уже стал исправным мусульманином но при воспоминании о Сефар-бее Али-бей невольно вспомнил слова из библии которые не раз слышал от своего отца священника.

- Не мечи бисер перед свиньями. Сефар-бей все плел и плел свои интриги увеличивая и без того громадный круг проблем ждавших своего разрешения.

На его далекой Родине была такая пословица.

- Бедный долго говорит о своих проблемах и долгах.

А проблем в настоящее время у Али-бея было много.

Денег для ведения войны в Сирии нужно было много. Очень много, а казна Султана была тощей. Нужно было искать деньги.

Новый Кяшиф был еще не опытным руководителем его двора. Он не знал пока где и как можно найти нужные средства. Прежний все это знал, но прежнего уже не было в живых. Он сам выбрал свою дорогу. Вместе с собой он унес и связи с богатыми банкирами Европы которые давали Али-бею необходимые в таких случаях денежные средства.

Обычно деньги давали ему по очень выгодным условиям. Требовали взамен не большие проценты, и право завозить в Египет или вывозить из него те или иные товары. Такие условия его устраивали и он охотно шел на подобные сделки. Он и сейчас был готов пойти на такие условия, но не знал каналов по которым в свое время работал прежний Кящиф.

Пока Али-бей не стал правителем Египта он был уверен, что в этой жизни все решают ум, честь, сила, храбрость и все такое.

Теперь он знал что в этом мире все решают деньги.

Деньги и только деньги.

После недолгих размышлений он решил, что эту проблему можно будет поручить купцу Киудр-Ахмеду.

Али-бей остановил свой выбор на нем по самой простой причине. Для Каудра-Ахмеда и для всех остальных купцов впрочем

как и для всех тех кто занят торговлей вообще главное прибыль. Как все торгаши он плутоват. В торговле совсем честному человеку попросту нечего делать. Но в отличие от большинства своих собратьев для Куидр-Ахмеда главное не прибыль, а слово которое он дал. Своим словом как и своим именем он дорожил.

Может быть именно поэтому когда между купцами Каира или Александрии происходили конфликтные ситуации то те из них кто чувствовали свою правоту призывали в судьи или в посредники именно Куидра-Ахмеда.

Его слово всегда играло решающую роль. Если Каудр-Ахмед сказал значит так правильно. Ослушаться его в торговых кругах не решался никто. Он авторитет. Помимо этого громадную роль играл и тот факт что он был «крестным отцом» самого Султана.

Так или иначе выбор Али-бея пал именно на Каудра-Ахмеда. Он часто бывал с товарами в Европе. Его там знали. Ему там так же как и в Египте доверяли. Он мог стать посредником в заключении сделки между Султаном и банкирами. При этом Султан был уверен что Каудр-Ахмед не будет искать личной выгоды от этой сделки ни для себя ни для банкиров. С этими мыслями он распорядился вызвать его к себе.

Каудр-Ахмед явился к нему во дворец ровно в полдень следующего дня как и было ему сказано.

Несмотря на свой возраст Куидр-Ахмед был одет довольно элегантно и со вкусом. На нем чисто арабская одежда, но каждая деталь этой одежды говорила всякому кто смотрел на нее о хорошем вкусе его хозяина.

Али-бей решил поговорить с Каудр-Ахмедом только о деньгах, но ни в коей мере ни о целях для которых нужны были они ему.

Каудр-Ахмед внимательно выслушал поручение Султана ни разу не перебив его лишь уточняя те или иные моменты предстоящей сделки. Он понимал что Али-бей далек от мира денег и он не сможет сказать ничего больше того что он уже сказал.

Именитый купец с первых же слов уловил смысл того что интересует Султана. Когда он услышал примерные параметры и желательные сроки действия сделки он без долгих раздумий сказал.

- Я все понял повелитель. Если что-то будет неясно я зайду еще один раз. С этими словами он ушел. Примерно через месяц он вернулся из Европы и уже на следующий же день был во дворце Султана.

Свою миссию он выполнил о чем и доложил Али-бею. Условия сделки которые договорился он заключить с весьма солидным французским банком были не только приемлемы, но даже очень выгодны. Они во многом совпадали с теми планами Али-бея по созданию промышленного производства в Египте, что давно зрели в нем.

В обмен на беспроцентную ссуду значительной суммы денег на три года которая даже превышала ту которая была ему нужна банк требовал от него дать разрешение на беспошленный ввоз в Каир и Александрию оборудования для трех фабрик по переработке верблюжей и овечей шерсти, хлопка и льна. При этом они требовали чтобы все подряды на изготовление форменной одежды для Египетской армии были бы отданы именно этим фабрикам.

Когда приходит момент удачи арабы говорят.

- Моя верблюдица родила сразу двух верблюжат. Это как раз и был тот случай. Французы требовали то что нужно было самому Али-бею.

Если они построят фабрики это даст работу и средства на существование нескольким тысячам жителей Египта. Помимо этого это даст хорошие налоговые поступления в казну государства.

Поездку Каудра-Ахмеда можно было считать не просто удачной, а даже очень удачной. Теперь нужно было подписать договор определяющий условия получения денежного займа и ждать прихода денег в казну.

Вообще-то он не собирался просто сидеть и ждать денег. Теперь можно было не оглашая вслух истинных целей своих действий начать подготовку новой еще более мощной армии для похода в Сирию чем та что ходила на Хиджаз.

Вечером того же дня к Али-бею пришли Мухамад-бей, Ибрагим-бей и Мурад-бей. Они еще не знали о планах предстоящего похода в Сирию. У них был совсем другой вопрос.

Их интересовала судьба правителя Александрии Назымбия. На его работу как правителя провинции поступало бесчисленное количество жалоб и нарекании. Поток этих жалоб увеличивался с каждым днем. Порт и прилегающая к нему территория находились в ужасном состоянии. Горы мусора и бытовых отходов загромождали все ее пространство. В этих свалках развелось бесчисленное количество крыс и других вредителей. Еще хуже обстояло дело с улицами портового города. Они были в ужасающем состоянии.

Ночью жители города боялись выходить за свои ворота. Там, на улицах города с наступлением темноты бесчинствовали многочисленные банды разбойников и мелких воришек.

Очень часто от их бесчинств страдали иностранные купцы и моряки, что наносило непоправимый ущерб иммиджу Египта.

Все эти проблемы Назымбия не интересовали.

В свое время он очень даже неплохо воевал, был смелым и храбрым мамлюком, но управлять городом и провинцией он не умел. И не особо хотел. Зато про свои личные интересы он помнил очень даже хорошо.

Вообще-то в Египте о своем кармане не забывал никто. Но все правители городов и провинций страны как-то совмещали свои интересы с интересами государства. Основной принцип их работы сводился к одному. Работай на государство но не забывай и про себя. У Назымбия все было наоборот. На интересы государства он не хотел работать совсем, но свои интересы не забывал никогда.

Али-бей прекрасно знал почему друзья пришли просить за Назымбия. В свое время, много лет назад когда Ибрагим-бей и Назымбий были еще молодыми мамлюками они увидели на невольничьем рынке двух девушек. Девушки были очень похожими друг на друга. То ли погодки, то ли близняшки. Девушки сразу же понравились мамлюкам. Были они светловолосые, светлоглазые, высокие и красивые только громадные испуганные глаза смотрели беспомощно и с какой-то затаенной надеждой. Мамлюки как правило не женились на девушках из местных народов. Так установилось давно и никто не знал почему. Да это теперь было уже и не важно. Главным было другое. Мамлюки выбирали себе жен из числа невольниц которыми в изобилии были усыпаны местные рынки во всех портовых и крупных городах Египта и Сирии. Возможно это было потому, что на рынки Каира и Александрии как и на все невольничьи рынки мира привозили для продажи наиболее красивых и привлекательных девушек. Здесь выбор был больше, «качество» товара лучше да и цена на невольниц была намного ниже чем калым за местную девушку.

Так случилось и тогда. Ибрагим-бей и Назымбий не торгуясь купили у купцов обеих сестер. Сколько купцы сказали столько и дали. Каждый взял себе ту из сестер которая первая посмотрела на него. На них и женились.

Девушек звали Марыся и Параска. Их далекий хутор находился где-то в Закарпатье, где именно не знали они теперь и сами.

Был в тот день с Ибрагим-беем и Назымбием и их друг Сефар-бей. Он то же взял себе девушку из этого же привоза. Она тоже была из того же хутора что Марыся и Параска. Она тоже была красивая. Только совсем другая. Черноволосая и черноглазая.

С тех пор жены мамлюков где бы они не были никогда не теряли связи между собой. Особенно Марыся и Параска. Время меняет многое в этой жизни.

Изменило оно и сестер.

Теперь они были рьяными мусульманками. Чисто говорили по арабски и давно уже забыли где прошли их детство и их юность.

Лишь изредка оставаясь один на один говорили они на своем родном гуцильском языке. Со временем они стали подзабывать и его, но многое еще помнили.

Вчера вечером Ибрагим-бей которого попросила вступиться за Назымбия его жена убедил своих друзей сходить вместе с ним к Султану и попытаться уговорить его отменить свое решение по Назымбию. Там же в доме Ибрагим-бея друзья договорились между собой кто и что будет говорить. Исходя из этого они и начали свой разговор.

Все знали, что Али-бей с особым уважением и с почти отеческой заботой относится к Мухамад-бею. Поэтому и было решено что именно он начнет разговор, а уж затем Мурад-бей и Ибрагим-бей поддержат его мнение и попросят Султана смягчить свой гнев и если можно оставить Назымбия на своем месте.

Помимо этого в последнее время стала появляться информация о том что к Назымбию зачастили гости которых не так давно, но довольно часто видели в окружении Сефар-бея. Это был уже тревожный сигнал. Сефар-бей работал теперь в Турецкой охранке и ждать от него чего-то доброго было трудно. Эта информация ускорила процесс решения вопроса о снятии Назымбия с должности правителя Александрии. Документ об его отстранении от должности правителя был уже готов и должен был войти в силу с завтрашнего дня. Об этом знали все члены Совета беев.

Визит друзей Али-бея не удивил.

Возможно даже что он ждал их. Он хорошо знал и помнил всегда о их дружбе с Назымбием . Мухамад-бей сразу же начал рассказывать Султану о том, что Назымбий понял свои ошибки, признает их и сделает теперь все чтобы впредь исправно исполнять свои обязанности. Мухамад-бей долго рассказывал Султану о том как раскаивается в своих делах а вернее в своем бездействии Назымбий. Свою долгую насыщенную речь Мухамад-бей закончил словами.

- Если ты, правитель, смилуешся и дашь заблудшему возможность исправить свои ошибки то он обязуется в течении года навести порядок в городе, привести в надлежащий вид порт, убрать горы мусора и так далее. Сам Мухамад-бей с Назымбием не говорил. Все что он сейчас передал Али-бею было со слов его друзей. Те в свою очередь стали дружно поддерживать доводы своего товарища дополняя их все новыми и новыми подробностями о том как раскаивается провинившийся и как хорошо будет вести себя он после того как он получит еще один шанс показать себя, таким какой он есть.

Все это время Али-бей не говорил ни слова и молча слушал своих собеседников. Он ждал. Ждал что они расскажут о частых визитах к Назымбию гостей от Сефар-бея.Но ни одного слова на эту тему они не сказали.

По видимому они попросту не знали об этом.

Послушав еще некоторое время доводы друзей в пользу своего подзащитного он жестом руки остановил их.

Те сразу же замолкли ожидая что скажет Султан.

Ответ последнего был предельно коротким.

- У нас в Абхазии говорят. На ишака хоть золотое седло одень он все равно не побежит как лошадь.

Лица друзей услышавших такой ответ сразу же помрачнели. Они знали, что Али-бей прав и Назымбий наврядли когда-нибудь станет другим, но в глубине души все таки надеялись, что они смогут хоть как то повлиять на Султана и он сменит свой гнев на милость.

Увидев их помрачневшие лица Али-бей задумался и после небольшой паузы сказал.

- Я помню, что Назымбий хороший воин, знаю так же что он никогда не станет другим как Вы думаете, но чтобы не обидеть Вас я дам ему еще один шанс.

Передайте ему что у него есть полгода. Если он в течении этого срока не наведет порядок в городе и не перестанет обирать заморских купцов и казну города я не только сниму его с должности правителя города, но и отдам на шариатский суд в том же городе

где он был правителем. Если он будет прав суд оправдает его. Если же нет то пусть не ждет от меня больше никакой пощады.

Такой ответ друзей устроил. Он давал шанс Назымбию сделать что-то если он вообще собирался делать это. С другой стороны чтобы не сделал в дальнейшем он они просьбу своего товарища выполнили и могли сказать об этом с чистой совестью.

Удовлетворенные ответом Султана друзья поблагодарили его и поспешили уйти от него пока он не передумал и не изменил своего решения. Удовлетворенным чувствовал себя и Али-бей. Он был уверен что Назымбий ничего не изменит, но теперь через полгода он мог бы спокойно сказать всему мамлюкскому сообществу.

- Я дал ему шанс. Свидетелями тому Мухамад-бей и его друзья. Назымбий его не использовал. Кто теперь виноват судите сами.

В этот день у Али-бея было еще несколько текущих вопросов которые надлежало решить ему без долгих проволочек. Закончив их он пригласил к себе Апстха и Сахиба. Пора было начинать подготовку к грядущему походу в Сирию. Апстха и Сахиб были пока единственными людьми которые были полностью посвящены в его планы. С них и хотел начинать свою работу Али-бей.

ОТЪЕЗД ОМЕР-ПАШИ

Корабль медленно отходил от причала Александрийского порта. Погода была тихая, ясная. Легкий попутный ветерок слегка рябил бесконечную гладь моря. Омер-паша стоял на палубе корабля и смотрел как бесшумно расширяется полоса воды отделяющая корабль от набережной порта. Тихо пенившееся за бортом корабля волны имели сегодня довольно редкий для этих мест яркий бирюзовый оттенок.

Пассажиров на палубе корабля не было. Корабль военный. Он выделен Омер-Паше специально для выполнения возложенной на него особо важной миссии имеющей огромное государственное значение.

Орхан и Ченгиз сидели, а вернее даже лежали в своих каютах. Оба они плохо переносили качку. Им обоим легче было переносить морское путешествие в лежачем положении. Омер-паше в этом отношении легче. Его организм легко переносил морскую

качку. К качке он давно привык и на воде и на суше где не раз носила его судьба по своим непредсказуемым волнам.

Подошел капитан судна. По военному четко доложил о том, что корабль выходит на заданный курс и направляется к Турецким берегам. Получив положительный ответ капитан откозырял и пошел к корме корабля где военные матросы сортировали снасти корабля. Докучать лишними вопросами высокого гостя его корабля он не хотел.

Омер-паша рассеяно смотрел на уплывающие вдаль редкие перистые облака и слушал как тревожно и жалобно кричат чайки скользя над беспокойной гладью воды. Его голову будоражили неясные противоречивые мысли.

Он никак не мог понять, что заставило Али-бея отказаться от такого выгодного предложения сделанного Великой Портой. В том, что Али-бей не примет предложения Стамбула Омер-паша уже не сомневался. Ему многое было непонятно в этой истории. С одной стороны он видел с какой радостью и неподдельным радушием принял его Али-бей. Но с другой стороны невольно возникал вопрос.

- Почему на приеме в его честь присутствовали всего два бея и один начальник охраны Султана. Все они были представителями абхазо-адыгского этноса. А почему не было беев других национальностей. Это заставляло задуматься о многом. Такая ситуация невольно наталкивала на определенные размышления не самых радужных окрасок. Здесь было над чем подумать.

Было очевидно, и то что Али-бей как и Омер-паша прекрасно знал о том, что и Турция и Египет устали от бесконечных войн. Им обоим как воздух нужна была передышка. Турцию измотала война с Россией. Россия становилась все могущественнее и агрессивнее. Ее аппетиты все возрастали и уходили далеко далеко за пределы громадной Турецкой империи.

Бороться с этим новым могущественным противником становилось все труднее. Если бы Турция смогла обеспечить мир внутри своих владений то она смогла бы сохранить за собой многие территории куда тянулась беспощадная рука ненасытной русской императрицы.

Египту тоже нужен был мир. Мир должен был дать ему возможность закрепиться на завоеванных мамлюками землях и распространить свое влияние на районы верхнего течения Нила. Нужен

мир был и самому Али-бею чтобы окончательно завершить те преобразования которые начал он в сфере реформирования налоговой системы страны, создания регулярной армии нового типа, а также проведения реформ в сельском хозяйстве и в финансовой сфере. Все это было так и потому возникал естественный вопрос.

- Почему Али-бей зная все это не захотел принять условия мирного договора на самых выгодных для себя условиях.

Это был вопрос на который Омер-паша никак не мог найти ясного и однозначного ответа. Единственным что понимал Омер-паша было то что у Али-бея по видимому существовало какое то другое веское основание которое по своей значимости являлось весомее чем все остальные факторы вместе взятые. Что это была за причина Омер-паша не знал. Знал только то, что она есть и что она имеет для Али-бея громадное значение если он ради нее мог отказаться от самых выгодных для него и для всего Египта предложений.

Через некоторое время внимание Омер-паши привлек торговый корабль под Голландским Флагом входивший в гавань Александрийского порта. Корабль был большой красивый. Его громадные паруса наполненные соленным ветром легко несли бригантину по глади лазурного моря.

Парусник понравился Омер-паше. Он долго смотрел на него любуясь его совершенными формами и даже не догадываясь о том что в трюмах этого судна находится ответ на вопрос мучавший его уже второй день.

Корабль вез оружие для армии Али-бея. Оружие которое позволило бы Султану отвоевать у Турции Сирию и Палестину и тем самым открывавшем ему дорогу к берегам далекой Абхазии.

На берегу корабль уже ждали. Его подогнали к дальнему причалу где и простоял он до самой глубокой ночи. Корабль втайне от всех выгружали две ночи подряд. Оружие погрузили на телеги, накрыли плотной тканью и так же тайно перегрузили на египетское судно которое должно было доставить пушки, ружья и боеприпасы к ним в порт Каира.

Вся перегрузка судна проходила в обстановке строгой секретности чтобы соглядатаи Турецкого Султана не узнали раньше времени о прибытии особо важного груза.

Еще через два дня оружие было в Каире. Теперь нужно было в самые короткие сроки обучить работать с тяжелыми пушками

расчеты бомбардиров командирами в которых должны были быть пока русские артиллеристы.

Вскоре и эта работа была закончена. Али-бей лично присутствовал на стрельбах где ему показали как научились стрелять из современных пушек его солдаты. При этом Али-бей невольно для себя отметил, что расчеты составленные из курсантов его первого военного училища делали это гораздо четче, уверенней и слаженее чем расчеты из армии мамлюков. Снаряды выпущенные расчетами курсантов ложились гораздо ближе к целям чем у всех остальных.

После недолгого совещания было решено 12 пушек отдать армии идущей в Сирию и Палестину. 6 пушек отдали армии возглавляемой Апстха с тем чтобы они одним своим присутствием подавили желание армий племен Верхнего Нила начинать любые военные действия против мамлюков.

12 пушек отдали курсантам училища.

Али-бей остановился на цифре двенадцать из расчета того что он видел на учениях армии молодых мамлюков.

Он хорошо помнил как строились они в защитный квадрат и выкатывали с каждой стороны защитного каре пушки для стрельбы.

Исходя из этого он решил что при повторении такой ситуации в обстановке войны нужно будет чтобы каждая сторона квадрата имела хотя бы по три пушки. С его мнением никто спорить не стал. Как порешили так и сделали. Параллельно шло обучение армии мамлюков и курсантов училища стрельбе из новых винтовок стрелявших намного дальше и точнее. И здесь все повторилось как и с пушками.

Молодые мамлюки быстро научились работать штыками и метко стрелять. У старой Гвардии все было наоборот. Все они превосходно стреляли. Пущенные ими пули находили свою дорогу даже тогда когда стреляли они на полном скаку. А вот о штыках они даже говорить не захотели. Они всю свою жизнь работали саблями. Сабли в их руках были как продолжение их тела. Саблей они могли написать свое имя за считанные секунды.

В руках старых мамлюков сабля сверкала как молния и навряд ли были на свете еще другие воины которые могли бы сравниваться с ними в рукопашном сабельном бою.

Не помогли никакие уговоры. Новые ружья мамлюки взяли с удовольствием а вот штыки к ним даже ни разу не пристегнули к

ружьям. Дело закончилось тем что многие из них приспособили штыки как ножи для разделки мяса или как охотничий или шанцевый инструмент.

Вскоре после этого Али-бей провел совещание с членами Совета беев. На этом Совете было принято окончательное решение о начале военной компании против Турецких войск расположенных в Сирии и их союзников. Вопрос о визите Омер-паши больше не возникал так как на предыдущем Совете Али-бей подробно рассказал своим военноначальникам о том что Омер-паша предложил им неприемлемые для Египта условия мирного договора. В подтверждение своих слов он показал им текст проекта договора якобы предложенный им Турецкой стороной. Увидев в проекте договора ряд унизительных для Египта статей беи единодушно отвергли идею мирного договора и больше никогда не возвращались к этой теме. В конце Совета Али-бей огласил свой указ согласно которому командующем армией уходящей завоевывать Сирию назначался Мухамад-бей. Командующими пяти корпусов которые входили в эту армию он назначил Сахиб-бея, Ибрагим-бея, Мурад-бея, Назымбия и Фатхи-бея. Назначение Назымбия на должность командира одного из корпусов было продиктовано только одним замыслом.

Али-бей полагал, что участие в такой ответственной военной компании как Сирийский поход даст возможность Назымбию искупить часть своих грехов накопившихся у него за последнее время. Он помнил Назымбия как прекрасного искусного воина и потому желал сделать из него вновь того же боевого друга каким был он в годы далекой молодости.

В Али-бее удивительным образом мирно сосуществовали два совершенно разных человека. Когда вопросы решаемые им касались проблем государственных интересов Египта в нем преобладал жесткий продуманный политик выверявший каждый свой шаг до мельчайших подробностей. Этот человек был прагматиком и ему незнакомы были простые человеческие чувства. Их заглушал голос долга руководителя государства перед своим народом.

Голос жесткий, однозначный, не терпящий никаких отступлений от своих обязанностей.

Для блага Египта этот человек был готов на любой поступок. Когда же дело касалось судеб людей близких ему, в нем неожиданно даже для него самого просыпался странный непонятный даже ему самому идеалист.

Идеалисты во все времена оставались идеалистами. Али-бей хорошо знал, что для тех кто придерживается этих взглядов идеализм чаще всего зло, а не добро. Знал, но надеялся, что когда дело коснется его лично все будет так как должно быть по справедливости и в соответствии с законами прописанными во всех религиях мира. Был ли такого же мнения Назымбий он не знал.

В отличии от Али-бея Назымбий был типичным представителем того времени и той среды в которых он жил.

Прожитые годы научили его многому и в первую очередь тому, что деньги и власть решают в этом мире все. Когда встает вопрос о деньгах и власти все остальное отступает на второй план.

Главное было не потерять ни того ни другого. Он был уверен, что грехи которыми обрастает человек в борьбе за них спишет время. Он был уверен так же, что если их не спишет время то их можно будет замолить самому когда настанет на то срок.

Назымбий хорошо помнил урок который преподнесла ему жизнь буквально года два назад. К тому времени он стал богатым. Очень богатым. Простому смертному проживавшему в Египте трудно было даже представить себе какие богатства были к тому времени у него под рукой. Он был безусловно самым богатым человеком в Египте, но считал, что может и должен превзойти своим богатством не только всех Египтян, но и многих богачей Европы и Азии.

Идею которая должна была осуществить его мечту подсказал ему еврей Хаим ведавший его финансами. Еврей был одним из лучших финансистов Ближнего Востока. Он умел делать деньги из воздуха. Хаим предложил ему закупить на лучших верфях Европы десять самых современных кораблей. Набрать на них опытные команды и заняться перевозкой рабов, для Американских хлопковых плантаций. Дело обещало громадную прибыль. Уже через пару лет его капитал должен был вырасти более чем в два раза. Все шло хорошо. Хайм в тайне от всех закупил корабли. Заключил контракты. Корабли сделали два рейса до Американских берегов и обратно, но нежданный шторм страшной силы во время третьего рейса утопил все десять его кораблей в Атлантическом океане. Утопил вместе с командами и рабами которых закупили его купцы на западном побережье Африки.

В один день ушли на дно океана огромные богатства, которые копил Назымбий более десяти лет.

Как только новость о страшной трагедии достигла его дом он в тот же день казнил Хаима посоветовавшего ему эту операцию. Хаим не был ни в чем виноват, но это не имело для Назымбия никакого значения. Назымбию нужно было выплеснуть на кого-то весь свой гнев. Он и выплеснул. Казнь бедного еврея богатств ему не вернула. Теперь нужно было заново копить средства чтобы чувствовать себя спокойным на все случаи жизни. Он твердо знал, что деньги и только деньги могут решить задачу стоявшую перед ним. Решением этой задачи он и занимался все остальное время.

Несмотря на разность характеров, целей и задач которые ставили перед собой Али-бей и Назымбий очень часто их дороги совпадали и шли в одну сторону.

Так было во времена их далекой молодости когда они были учениками школы мамлюков. Так было в годы долгой кровопролитной войны за независимость Египта.

Но уже именно в эти годы наметились разные цели и задачи на будущее которые ставили они перед собой. Для Али-бея независимость Египта была светлой мечтой романтика за которую он готов был отдать свою жизнь. Для Назымбия это была независимость страны Султаном которой он должен был стать со временем любой ценой.

Для реализации поставленной задачи и нужны были Назымбию деньги. Деньги в этом мире решали все. И даже то кто будет Султаном Египта. За деньги можно было купить всех. И мамлюков тоже.

Назымбий был реалистом. Он прекрасно понимал что в открытом противостоянии у него нет никаких реальных шансов одолеть Али-бея. У того был громадный непререкаемый авторитет во всех слоях мамлюкского общества. Вся ставка Назымбия делалась на случай. Нет ничего вечного под луной. В этой жизни все бывает. Кто-то погибает в бою, кто-то умирает от болезни, кого-то предают, кто-то допускает смертельную для себя ошибку. Вот к такому случаю и должен был быть готов он.

Для этого самого случая и желал он скопить достаточные средства чтобы решить поставленную перед собой задачу. Он хорошо знал, что в этом мире деньги решают все. Он был в этом уверен.

Лишних денег не было ни у кого. Никогда. Лишних денег не было даже у богатых. Очень богатых.

Помимо многих немаловажных качеств которыми обладал Назымбий главным его достоинством было умение терпеть и ждать.

Терпеть и ждать не теряя времени даром. За прошедшие годы он сумел сколотить вокруг себя значительную группу мамлюков которые стали довольно влиятельным крылом во всем мамлюкском сообществе. В группу его сторонников входили Фатхи-бей, Абдул-бей и несколько десятков тысяцких и сотников трех корпусов мамлюкского войска. Все они признавали Назымбия своим безусловным лидером и готовы были идти за ним в любой момент. Но ни один из них не знал истинных целей которые ставил перед собой их лидер. Назымбий умел хранить свои тайны. Даже самые близкие ему люди не догадывались о том какую цель он поставил перед собой. Не знали об этом даже его жена и его дети. Назымбий не был трусом и ничего особо не боялся, но рисковать даром не хотел. Он был безрассудным в бою, но крайне осторожным и предусмотрительным в повседневной жизни. Особенно в вопросах политики. Он терпеливо ждал своего часа и знал что этот час обязательно придет.

Время работало на него и он был уверен в том что он когда-то будет сидеть в тронном зале Султана Египта как его хозяин.

САХИБ

Как только Апстха услышал новость о направлении Сахиба в действующую армию где ему была представлена возможность командовать передовым отрядом он сразу же понял замысел Али-бея.

Встретившись в тот же день с Сахибом он сказал ему.

- Сахиб! Ты сам понимаешь почему Али-бей так сделал. Не упусти свой шанс. Тебя не надо учить храбрости и мужеству. Тебя нужно учить только осторожности и обдуманности. Учти это. Я как и Али-бей верю в тебя. Ты молод, хладнокровен, умен. Всевышний дал тебе многое. Твоя единственная задача не потерять, а приумножить то что дано тебе.

С такими словами он попрощался с ним пожелав ему напоследок удачи и славы.

Сахиб и сам прекрасно понимал для чего Али-бей поручил ему командовать передовым корпусом в две с половиной тысячи отборных всадников. Этот отряд должен был идти впереди всего

войска и расчищать ему дорогу. В его задачу входило обеспечение движущейся за ним армии информацией о состоянии дорог, колодцев, наличии противника, его силах и замыслах. Авангард первым принимал бой. Помимо этого в условиях пустыни он должен был так же обеспечить чтобы никто не успел уничтожить до прихода основных сил колодцы с питьевой водой и фураж для коней. Нужно было сделать так же чтобы никто из местных жителей не смог передать жителям других лежащих впереди них селений весть о приближении армии неприятеля.

Во всех армиях мира в том числе и в мамлюкской авангардом командовали наиболее подготовленные и отчаянные командиры способные на решительные действия в любой ситуации. Как и везде командир авангарда Египетской армии имел особый почет и особые привилегии. В зависимости от внутренних или внешних обстоятельств он мог или высоко взлететь или остаться в земле навсегда.

На следующий день после разговора Апстха и Сахиба Али-бей провел совещание с рядом членов Совета мамлюков. На повестке дня был вопрос «Об организации карательной экспедиции в Хиджаз». Трудность всего этого предприятия состояла во многих аспектах.

Для обеспечения успешного похода в мятежные края необходимо было решить две сложные во многом взаимосвязанные задачи.

Одна проблема была в том, что Хиджаз находился далеко на юге Аравийского полуострова. Дорога туда была долгой и пролегала по бескрайним просторам безжизненной пустыни. Пройти этот путь было нелегко даже небольшому количеству людей следующих с мирными целями. Пройти же этот маршрут большой армии окруженной местными враждебно настроенными к ним племенами было во много раз сложнее.

Вторая проблема была еще сложнее. В области Хиджаз находились два священных города для всех мусульман – Мекка и Медина.

В Мекке находилась главная святыня всего мусульманского мира камень Кааба. Формально правитель Хиджаза являлся как бы хранителем этих святынь хотя на самом деле все было совсем не так. Реальными хранителями святынь мусульманской религии были как раз мамлюки которые много раз в своей истории спасали Мекку и Мединy от нашествия крестоносцев, монголов или других завоевателй. Но сейчас правитель Хиджаза если бы он

раньше времени узнал о намерениях Али-бея мог распустить слухи что мамлюки идут на Хиджаз чтобы осквернить святыни ислама и перенести их в Каир. Основанием для такого нелепкого вымысла могло стать то что большинство мамлюков в том числе и сам Али-бей были вчерашними «неверными» не до конца еще поверившими в догмы новой религии и желавшими в силу этого нарушить устои ислама.

Достаточно было чтобы служители мечети в Мекке и в Медине высказали бы эту мысль вслух по подсказке правителя Хиджаза как все окрестные племена встретили бы приход мамлюков как приход завоевателей и иноверцев в их земли. Этого было бы достаточно чтобы разжечь огонь всенародной борьбы с мамлюками в тех краях. Такого варианта развития событий нельзя было допускать.

Создавшаяся ситуация требовала от Али-бея и его окружения поиска путей решения проблемы с минимальными рисками для армии мамлюков направляемых в Хиджаз.

Мамлюки явно превосходили племена объединившиеся вокруг правителя Хиджаза и в воинской выучке и в боевитости и во всех остальных компонентах кроме знания местности и численности.

Значительное численное превосходство которое имели воины этих племен мамлюков особо не волновало. Они не раз сражались и громили противников которые имели еще большее превосходство и гораздо лучшую организацию своей армии.

Сложность предстоящего похода была и в других вопросах. Их путь в Хиджазу лежал через пустыню. В пустыни влаги мало. Источники воды находились на больших расстояниях друг от друга. В таких условиях если противник раньше срока узнал бы о приближении войска мамлюков он мог на всем протяжении пути просто засыпать колодцы песком и тогда многотысячное войско мамлюков и их лошади оставшись без воды могли попросту погибнуть в пустыне от жары и жажды.

Другая проблема была аналогичной. Пустыня была не только безводна, но и безлюдна. Обеспечение провиантом большого количества воинов и лошадей в таких условиях являлось тоже громадной проблемой. Если противник извещенный о приближении войска мамлюков уберет с пути их следования все селения, засыпет колодцы и уничтожит фураж то кормить и поить лошадей станет нечем. Нечего будет пить и есть и самим людям.

Аравийская пустыня не зеленая Европа где через каждые десять-двадцать километров протекают реки или речки, способные напоить людей и лошадей. Там нет сочных лугов где можно откармливать лошадей и скот идущий в обозе армии. Пустыня это пустыня. Здесь все иначе. Здесь только внезапность и стремительность действий могут стать главными залогами победы над противником.

Эти проблемы и хотел обсудить Али-бей со своими ближайшими соратниками чтобы обеспечить успех предстоящего похода.

На Совет беев был приглашен очень узкий круг лиц.

Вокруг стола за которым сидел Али-бей расположились Мухамад-бей, Ибрагим-бей, Мурад-бей, Апстха и Сахиб.

Мухамад-бей, Ибрагим-бей и Мурад-бей сидели как всегда вместе – справа от него. Апстха и Сахиб слева. Али бей видел на лицах беев тень недовольства которую они тщательно скрывали. Беи старались не показывать свои чувства, но это у них плохо получалось. Али-бей знал чем они недовольны, но делал вид, что он ничего не видит и ни о чем не догадывается.

Мухамад-бей и его друзья были крайне не довольны тем, что авангард армии возглавит Сахиб. Сахиб не бей. В их понятии он не знатный человек. Более того они ждали, что Али-бей поручит эту опасную, но очень почетную миссию кому-нибудь из них. Или Ибрагим-бею или Мурад-бею. Никто кроме Всевышнего не изведал еще, что творится внутри каждого человека. Еще вчера они сами были бесправными рабами. Людьми которые находились в самой низкой части иерархии человеческого общества. Людьми без имени, без рода и без племени. Сегодня они были уже знатными людьми – хозяевами жизни. Они забыли уже кем они были вчера. Забыли и не хотели вспоминать об этом. Время меняет многое. Изменило оно и их. Теперь они сами со смешком говорили о таких как Сахиб, что они люди не из высшего света Египетского государства.

До прихода к Али бею Мурад- бей не без доли ехидства говорил Ибрагим-бею.

- Представляешь как этот простолюдин будет командовать нашим авангардом и жизнь всех нас и успех всего нашего предприятия будет зависеть от его скудного ума.

Мурад-бей как и многие другие знатные мамлюки давно уже забыл кем был он сам несколько лет назад. Теперь он всегда и не без удовольствия подчеркивал свой знатный титул.

Титул который он на самом деле добыл своей храбростью и своим бесстрашием. Для того чтобы стать беем в Египте нужно было быть не просто храбрым, бесстрашным и искусным воином.

В Египте этого было мало. Очень мало. Помимо этого нужно было быть храбрее многих десятков тысяч отчайных храбрецов какими были все остальные мамлюки. Нужно было быть как минимум еще искуснее, умнее и удачливее их.

Каждый из мамлюков который становился беем проходил этот путь. Путь тяжелый, опасный. Путь конец которого не видел никто кроме Всевышнего.

Абсолютное большинство мамлюков заканчивало свой путь или на поле брани или рядовыми воинами. Не многим из них улыбалась удача и они становились беями.

Ибрагим-бей и Мурад-бей были из числа тех немногих кому удача показала свое лицо и улыбнулась.

Улыбка удачи была для них не только редкой и долгожданной, но и ослепительной. Она ослепляла не мало тех, кто еще вчера был рабом. Многие мамлюки ослепленные этой улыбкой видели себя только в исключительном свете. Людьми на которых лежала божья печать. Ибрагим-бей и Мурад-бей не были исключениями в этом роде. Они тоже видели на своих лицах божью печать избранных. Все это было так, но никто и никогда вслух об этом не говорил.

Гнев Султана мог лишить их всего, что они имели. Да и сабля у Сахиба была очень острой и чаще всего находила свою дорогу.

Таков был мир мамлюков. Мир где многие очень быстро забывали кем они были рождены и кем они были еще вчера.

Все участники совещания в том числе и сам Али-бей не раз ходили через пустыню, хорошо знали ее непредсказуемый нрав и потому четко представляли себе все трудности стоявшие перед армией в этих суровых жестоких краях. Свою роль могли сыграть и песчаные бури которые довольно часто посещали эти края. Порой они становились опасней многих лучших армий стоявших на пути войска мамлюков.

В самом начале совещания когда Али-бей довел до сведения собравшихся основные цели и задачи предстоящего мероприятия Мухамад-бей сразу же предложил пойти по испытанному многими поколениями мамлюков методу ведения военных действий с непокорным Хиджазом. Этот метод был прост и универсален. Мол-

ниеносный марш бросок через пустыню. Впереди идет авангард который стремительно захватывает источники воды и пищи. Пока местные племена успеют собрать свое войско подходят основные силы армии мамлюков и дают им решающее сражение. На этом как всегда война заканчивалась. Непокорным рубили головы. Остальные преклоняли колени в очередной раз признавая власть мамлюков над собой и готовность платить им дань. Проходило совсем немного времени и все повторялось вновь. Так было и в этот раз. Правитель Хиджаза который несколько лет назад приносил клятву верности Каиру как и все его предшественники быстро забыл ее. Способствовали этому агенты Турецкой империи которые пообещали ему всемерную помощь Великой Порты вплоть до хорошего огнестрельного оружия которого было очень мало в тех краях. Али-бей все это знал. Знали это и все участники совещания. Необходимость срочного принятия окончательного решения как раз и состояла в том чтобы не дать возможности мятежным племенам получить оружие от турецкой стороны. Тогда война могла стать намного более кровопролитвенной и затяжной.

Помимо оружия Турция обещала перекрыть возможные пути подхода армии мамлюков к владениям правителя Хаджаза со стороны Сирии и немедленно извещать его в случае их движения в сторону Хиджаза. Все эти обещания и щедрые дары подвигли правителя непокорной области на новый мятеж.

Апстха и Сахиб предложили другой план. Суть его состояла в другом. Турки приняли на себя обязательство извещать Хаджаз о планах Египетской армии. Это значит, что армия мамлюков еще не успеет выйти за стены Каира, а турки у которых множество соглядатаев в Египте уже будут знать куда идет эта армия и с какой целью. Естественно, что эту информацию они сразу же передадут в Хаджаз.

Тогда фактор неожиданности потеряет свой смысл. Мятежники задолго до прибытия авангарда армии могут засыпать колодцы и убрать с ее дороги все источники воды, пищи и корма для лошадей. Исходя из этого они предложили совершенно другой план действия. Суть его состояла в том, чтобы объявить в войсках, что они идут в поход на Верхний Нил. После чего посадить людей и лошадей на корабли и отправить их вверх по Нилу.

Естественно, что искаженная информация о планах Египетской армии сразу же попадет и к турецким агентам в Каире и к

турецким войскам расположенным в Сирии, Ливане и в Палестине. Тем временем армия мамлюков достигнув на кораблях нужной точки высадится из них и сделает стремительный переход к морю. Здесь ее будут ждать другие корабли которые и перевезут войско мамлюков на Аравийский полуостров. В результате этого мамлюки появятся совсем не там где их ждали. Остальное все решит Всевышний. Чьи сабли будут быстрее и острее тому и даст он удачу.

Этот план понравился Али-бею, но он имел и много слабых мест. Во первых затраты казны Султана которая и без того испытывала в последнее время весьма значительные проблемы значительно возрастали. Нужно было нанять несколько сотен кораблей, а это было совсем не дешевое дело.

Во вторых нужно было в короткий срок собрать воедино значительное количество кораблей которые были разбросаны на большой протяженности громадной реки от Александрии до среднего течения Нила.

И третьей трудностью был тот фактор, что такое же количество кораблей необходимо было найти еще у морского побережья Египта с тем чтобы они перебросили армию мамлюков через Красное море. Армия была немаленькая. Людей и лошадей было более двух десятков тысяч, соответственно и кораблей было нужно очень много.

Эта задача тоже была не легкой и могла так же привлечь внимание Турецких соглядатаев.

Для того чтобы отвлечь их внимание по видимому нужно было и там придумать какую-то легенду о мнимых торговых интересах. О существовании таких трудностей знали и Апстха с Сахибом.

Они уже продумали всю ночь над этими проблемами и потому сразу же предложили и план дальнейших действий по сбору кораблей на побережье Красного моря. Согласно их замыслу в порт на побережье Красного моря должен был выехать купец Черим.

В его задачу входило заключить договор с местными владельцами судов на переброску через море товаров, оплатив фрахт на торговую операцию о чем стало бы известно всем. Под видом торгового агента Черим должен был ждать армию. Таким образом планировалось до поры до времени скрыть от посторонних глаз истинные планы Султана Египта и его окружения.

Проблема Хиджаза постоянно вставала перед правителями Египта во все времена.

В походы на Хиджаз ходили многие мамлюкские Султаны и беи. Вынуждены были делать такие походы и Салах аддин и Бейбарас и Калаун. Особенно обострилась проблема Хиджаза после того как турки захватившие Константинополь обратили свои взгляды на Ближний Восток. В течении многих веков Хиджаз был весомым инструментом давления на Египет. Турки прекрасно научились использовать старый как весь этот мир принцип разделяй и властвуй. Еще в те времена когда Египет был мощным независимым государством, турки умело использовали Хиджаз в своих далеко идущих планах. Еще большую роль приобрел Хиджаз для Египта после того как он был покорен войсками турецкого Султана и начал свою борьбу за свободу и независимость. Как только в голове очередного правителя Египта начинала созревать мысль о независимом Египте и об этом узнавали в Стамбуле Хиджаз сразу же во главе многих мятежных племен напоминал мамлюкам о своем существовании.

Али-бей был готов к такому повороту событий. Он ждал волнений в той области и потому новость о мятеже в Хиджазе прилетевшая в Каир через несколько дней после его начала не стала для него неожиданностью. Как всякий политик он понимал, что эту проблему лучше решить сразу чтобы развязать себе руки для реализации своих основных планов. Идти в поход на Сирию и Ливан оставив в тылу враждебный Хиджаз было неразумно. Хиджаз по подсказке Стамбула мог в любой момент ударить в спину. Ударить в самый неподходящий момент.

Внимательно выслушав все доводы своих военноначальников за и против каждого из возможных вариантов действий он отпустил всех их попросив остаться только Сахиба. Перед тем как отпустить всех с совещания он дал единственное указание.

- Пойдем ли мы как обычно через пустыню или поплывем вверх по Нилу я решу сам. Но вне зависимости от этого все вы сегодня объявите в войсках, что мы идем в поход на Верхний Нил. Во всех случаях не нужно чтобы Стамбул раньше времени узнал о наших планах. Пусть его гонцы полетят на Верхний Нил. Чем позже турки узнают о наших действительных планах тем лучше. Все удовлетворительно закивали головами в знак согласия со словами Султана. На этом и порешили. Вскоре все кроме Сахиба ушли с улыбками согласия на задумчивых лицах.

Когда они остались вдвоем Али-бей спросил Сахиба.

- Ну что мой верный страж и друг. Ты покидаешь и меня и свой пост. Как ты считаешь кто сможет заменить тебя. Ты долго был начальником стражи охранявшей мой покой. Кто на твой взгляд в состоянии заменить тебя и стать такой же неотступной тенью для меня каким был все это время ты. Подумай внимательно продолжал он. Этот человек должен не только лучше всех владеть саблей и пистолетом. Он должен быть еще далеко видящим и прозорливым человеком. Человеком верным чести и долгу.

Как только Али-бей закончил свои слова Сахиб без раздумий сразу же ответил.

- Умар, мой повелитель. Умар и только Умар. По видимому Сахиб ждал этот вопрос и уже давно обдумал свой ответ. Потому и ответил так быстро и без долгих раздумий.

Али-бей хорошо знал в лицо Умара. Знал, что он храбрый, и искусный воин. Но это было все что знал он и этих знаний было совсем мало для того чтобы понять что за человек был Умар и можно ли было доверить ему свою жизнь.

Потому немного подумав Али-бей сказал.

Я знаю, кто такой Умар, видел его. Но если тебе не трудно расскажи мне поподробнее о нем добавил он.

- Как скажешь повелитель отвечал Сахиб.

Умар говорит на твоем языке повелитель начал свой рассказ Сахиб. Родом он из урочища Псху, что находится как знаешь ты высоко в горах. Удивительно, но это так. Обычно Псхуовцы сами крадут детей и продают их торговцам из Турции. А тут все наоборот. Кто-то по видимому очень отчаянный украл мальчика из разбойничего гнезда. Слушая рассказ Сахиба Али-бей вспоминал картины своего далекого детства.

Он хорошо помнил, что жители урочища Псху наводили ужас на все окрестные селения. Они были отчаянными разбойниками и не боялись ни черта ни бога, ни князей, ни турков. Они вообще никого не боялись. В окрестных селениях говорили даже, что они рождались уже такими. Уже разбойниками. Говорили так же то ли серьезно то ли шутя, что у всех детей во всем мире первое слово было мама, а у них самым первым словом было – давай. Даже вла-

детельные князья Абхазии считали благоразумным держаться подальше от этого разбойного и никому непокорного племени.

Умар хорошо помнил, что отец его был из рода Ашкацао, а мать из рода Борокаа, что жило в соседнем ущелье Чегрей. Он хорошо помнил рассказы старших, как его отец увидел красавицу девушку из Чегреевского племени на одной из свадеб куда его взяли как младшего. Как младший он должен был ухаживать за лошадьми старших и охранять их от конокрадов пока старшие веселятся на свадьбе.

Вся его работа по присмотру за лошадьми закончилась тем что жители ущелья услышали в ночной тишине топот копыт удалявшейся лошади.

Никто сперва ничего не понял. Только потом через несколько часов перед самым рассветом когда родители начали искать девушку ушедшую на свадьбу все поняли, что искать ее теперь уже не нужно. Она нашла по-видимому свою судьбу которая сперва пугала ее своим неукротимым нравом, а затем стала ее счастьем.

Тем временем Али-бей встал и продолжая внимательно слушать Сахиба вышел из комнаты. Сахиб шел вслед за ним продолжая свой рассказ

- Повелитель, я знаю Умара уже много лет. Он не только храбрый воин, но и человек чести. Он очень искусный воин. Он как скала, если встанет то его никто не сдвинет с места. Умрет, но не уйдет. Но самое большое его достоинство в другом. Он никогда не предаст тебя. Он никогда не нанесет тебе удар в спину и не даст сделать этого никому.

Последние слова Сахиба понравились Али-бею больше всего. Среди мамлюков было очень много славных воинов. Воинов искусных, воинов у которых сабля была продолжением тела или даже частью тела. Но людей которые жили по законам чести и просто не способны были предавать среди мамлюков было не так много. Али-бей хорошо знал, что слава первого лица обманула многих в этой жизни. В погоне за этой славой здесь предавали многие. Сын предавал отца, брат брата. Так было всегда. Слава первого воина значила на Востоке гораздо больше чем где – нибудь. В погоне за ней предавали всех и даже самых близких. Такова была реальность и с ней нужно было считаться.

Сообщество мамлюков не было исключением из этих правил. По законам и правилам по которым жил весь Восток жили и в Египте. Здесь за деньги и славу могли предать любого. Все монаршьи дома Юго-Восточной Азии как и всего мира были оплетены паутинами заговоров одних против других. Паутины эти были бесконечными, их плели и будут плести всегда. Таков Восток. Таким он был. Таким он будет всегда.

Здесь все было как в пустыне. То слишком жарко, то слишком холодно. Так неспешно разговаривая об Умаре Али-бей и Сахиб вышли в сад. По видимому последние слова Сахиба полностью убедили Али-бея и он сказал.

- Хорошо Сахиб. Ты убедил меня. Если такой человек как ты говорит так значит в этом что-то есть. Скажи чтобы позвали Умара.

Сахиб окликнул одного из часовых стоявших вдоль всего пути их движения. Тот мгновенно среагировал на его голос как будто давно уже ждал, что его позовут к Султану и уже через несколько секунд стоял перед Али-беем и Сахибом. Я слушаю тебя, повелитель, отчеканил он громким голосом.

Подбежавший воин был высокого роста. Худощавый, но не худой. Широкие плечи и кряжистая фигура говорили о большой скрытой физической силе человека стоявшего перед Али-беем. Посмотрев на него коротким придирчивым взглядом, но убедившись, что придираться не к чему Сахиб сказал.

- Повелитель – это и есть тот самый Умар о котором я говорил тебе.

Али-бей и сам узнал Умара, которого просто не разглядел пока он стоял в темноте дерева весь в черном. Темную одежду для ночных часовых ввел в свое время Сахиб считавший, что воин охраняющий Султана должен быть никому не виден. Особенно тому кто крадется по темным местам с темными мыслями.

Взгляд у Сахиба был придирчивым от того, что он сам много лет прослуживший рядовым охранником правителя Египта знал, что малейшая ошибка в одеянии и в поведении охранника может стоить жизни и ему и Правителю. На охраннике не должно было быть ни одного светлого предмета. Даже ножны сабли и кинжала должны были быть обернуты темной материей чтобы Случайный луч лунного света не отразился от него. Ни одна деталь одеяния стражника охранявшего покой Султана не должна была издавать ни единого звука не только при его ходьбе, но даже во время того когда он переминался с ноги на ногу. В странах Ближнего Востока

существовало немало школ наемных убийц в которых обучали искусству убивать даже с далекого расстояния. Особенно славились этим искусством школы убийц горной части Ливана. Им достаточно было только увидеть свою жертву, а стрела из небольшого лука или нож пущенный из далека безошибочно находил дорогу туда куда они метили.

Исходя из этого Сахиб разработал целую систему мер пресечения путей движения к покоям Султана возможных убийц. Дело доходило до того, что во время всех совещаний и советов которые проводил Али-бей за тяжелыми непроницаемыми портьерами на окнах приемного зала всегда стояли несколько метателей ножей.

Стоило кому-нибудь из посетителей или членов Совета сделать попытку покушения на жизнь Султана как он был бы моментально поражен ножом. Метанием таких ножей в совершенстве владели несколько эфиопов специально привезенных Сахибом для этих целей из далеких зеленых нагорий всегда неспокойной Абиссинии. В далеком селении откуда были они родом с раннего детства обучали искусству метания ножей и сабель.

Али-бей привык к Сахибу. Привык к той обстановке покоя и уверенности которую создал вокруг него он.

Сахиб всегда и везде был рядом. Он был как тень. Тихая, бесшумная тень. Тень которая никогда ему не мешала. Тень которую порой он даже не видел, но присутствие которой чувствовал всегда. Со временем Али-бей настолько привык к незримому присутствию Сахиба рядом с собой, что в редкие дни когда его не было во дворце по той или иной причине чувствовал даже какой-то дискомфорт и неудобство. Такое чувство возникало в нем не потому что он начинал бояться за свою жизнь, а оттого что отсутствие близкого ему человека как-то выводило его из рабочего ритма и мобилизовывало его сознание.

Несколько сот молодых мамлюков которые составляли личную гвардию Султана и несли круглосуточную охрану дворца и покоев Султана были прекрасно организованы. Каждый из них четко знал круг своих обязанностей, что он должен делать, чего он делать не должен. Обучение гвардейцев проходило ежедневно под личным руководством Сахиба. Они каждый день совершенствовали свое военное мастерство, методы и правила ведения охранной службы и многое другое что должен был знать и уметь воин

который охранял жизнь Султана. Особое удовлетворение Султана вызывало то как Сахиб ежедневно систематически вбивал им в голову идеи верности долгу, чести и неподкупности. Сахиб прекрасно понимал что у человека который охраняет Султана в руках оружие. А это оружие всегда обоюдо острое. Оно может поразить и врагов, и друзей, и даже самого Султана.

Али-бей иногда удивлялся задавая самому себе вопрос. Когда Сахиб спит. В любой момент когда это нужно было ему Сахиб был рядом. Рядом и днем и ночью.

Сахиб отбирал в гвардию самых сильных, ловких и искусных воинов из числа молодых мамлюков. При этом помимо воинского мастерства и выучки он обращал особое внимание на черты его характера и даже на его внешность. Ни на Султана, ни на его гостей не должны были производить неприятного впечатления внешний вид и одеяние людей которые были в его охране. Их сила, рост и красота должны были внушать каждому кто их видел еще большее уважение и почитание к Султану которого они охраняли.

Али-бей видел особую систему и продуманность в исполнении своих обязанностей ежедневно проявляемые Сахибом. Он уже давно понял, что Сахиб не только его верный друг и охранник, но и прекрасный организатор. Он был человеком который может многое и которому нужно было только помочь взлететь, а дальше он полетит сам. Полетит далеко и очень высоко.

Именно поэтому Али-бей решил, что настало время Сахиба. Настало время когда он должен был покинуть свое гнездо и полететь сам. Глядя на Умара стоявшего рядом с Сахибом и ждавшего его решения Али-бей сразу же отметил про себя, что взгляд у него прямой, спокойной.

Он не бегает по сторонам, не заискивает перед ним. В них не было ни просьбы ни униженности, ни вызова. В них было только чувство собственного достоинства и не скрываемое желание быть рядом с ним и стать помощником человека которого он и уважал и почитал.

Али-бей редко ошибался в людях. Чаще всего он с первого взгляда определял кто есть кто. Конечно, он прекрасно понимал, что не ошибается ни в чем только Всевышний, а каждый смертный всего лишь человек созданный им и этот человек может ошибаться. Особенно часто начал думать он об этом после слов Хашима прорицателя.

- Смотри себе под ноги.

После долгих раздумий Али-бей пришел к выводу, что говоря эти слова Хашим имел в виду людей которые находились в его окружении и были подняты им самим откуда то снизу. Оттуда где ходили его ноги. В последнее время его все отчетливее и отчетливее начинало посещать ощущение, того что он где-то ошибся или ошибется в скором времени. Дело доходило даже до того, что постоянно ощущаемое им чувство грядущей опасности становилось каким-то почти реальным и явно существующим.

Это чувство не пугало Али-бея, но тревожило его все больше и больше отвлекая от важных дел которые предстояло сделать ему в ближайшее время.

Все эти подсознательные ощущения настораживали и отвлекали его не потому что он боялся за свою жизнь, а потому что он боялся за дело которое начал и хотел закончить он во что бы то ни стало.

На кону игры которую он затеял стояла судьба двух народов, двух государств. Он уже завоевал независимость для своей второй Родины Египта. Но эта независимость была еще хрупкой и не до конца устоявшейся. Обстановка была еще такова, что одно неосторожное движение, один неправильный шаг и с таким трудом и с такими громадными жертвами добытая независимость могла рассыпаться как соломенный домик под напором мощного ветра Сирокко. Добытую с таким трудом независимость нужно было еще поставить на ноги, укрепить и сделать прочной как большие каменные скалы в пустыне окружавшие Каир. Тогда ни ветер, ни ураган, ни внешние ни внутренние враги не будут страшны ей.

Независимость другой страны - Родины его предков, еще предстояло завоевать. И сделать это на сегодняшний день мог он и только он.

Али-бей прекрасно понимал, что путь к воссозданию его Родины лежит через его успех в Сирии. Если он сумеет выполнить обязательства взятые на себя по отношению к России то следующим этапом станет Абхазия, а вернее вся страна когда-то называвшаяся Абаза, а теперь разбитая на множество разнородных осколков лежавших вдоль Черноморского побережья Кавказа.

В успехе предстоящего дела на Кавказе Али-бей был твердо уверен.

Он знал, что встающая на ноги громадная Российская империя – хищник который поглотит все, что будет лежать на его пути к

славе и могуществу. Все это было так. Но на сегодняшний день его планы совпадали с планами России и потому аппетиты беспощадного хищника коим была сегодня Россия его не пугали.

Сейчас главным был сегодняшний день, а что будет завтра не знал никто. То было ведомо только Всевышнему.

Али-бей еще раз внимательно посмотрел на Умара. Тот стоял перед ним ожидая своей участи. Он давно мечтал быть рядом с человеком о котором ходили легенды и которого он боготворил.

По видимому Али-бей что-то обдумывал, но затем он посмотрел внимательно на Умара и спросил его.

- Скажи мне, Умар, если ты знаешь, на какую звезду нужно смотреть чтобы дойти до нашей Родины.

Над ними было ясное безоблачное весеннее небо. Там в этом теплом весеннем небе высоко высоко блестели большие яркие звезды.

Умар поднял голову и ни на секунду не задумываясь показал пальцем на небольшую звезду которая была по видимому очень далеко и потому светила тускло и не так ярко как многие другие звезды вокруг нее.

- Вот она, повелитель, сказал он и еще раз для убедительности просверлил своим пальцем направление в небе где находилась эта звезда.

Удовлетворенный его ответом Али-бей спросил.

- А ты домой хотел бы попасть.

- А кто не хочет этого, повелитель. Родина есть Родина. Там мои мать, отец, там могилы моих предков. Я бы хоть сейчас полетел туда, но к сожалению это невозможно ни сейчас, ни завтра, ни по-видимому уже никогда, мой повелитель, добавил Умар.

Выслушав его слова Али-бей задумчиво ответил.

- Кто его знает Умар. Все в руках Аллаха. Только он знает, что возможно и что не возможно под луной которая то так ярко освещает землю, то скрывается за далекими облаками.

Ответы Умара произвели благоприятное впечатление на Али-бея.

Он хорошо помнил одну историю из своего детства. Было это за год, полтора до того как его похитили разбойники.

К ним в селение пришли посланники из соседних земель. Земли эти находились под властью князей Дадиани. Местные крестья-

не и их вожди подняли восстание против Дадиании и попросили помощи у абхазских родов проживавших в Самурзакане. Старейшины родов и военноначальники собрали сход на котором нужно было решать. Что делать? Идти на помощь соседям или нет. Одни говорили – зачем нам абхазам лезть в их внутренние разборки. Другие говорили, что наши селения связывают кровные узы. Многие абхазки замужем за мигрелами и там живут наши ахщапа то есть племянники и двоюродные братья. У каждой стороны была своя правда. Каждый из них был по своему прав. Немало абхазских семей имело невесток – грузинок из тех мест и потому у многих абхазских фамилий имелось немало родственников там, далеко за Ингуром.

Мнений за и против было много. В конце концов решили выступить на помощь соседям многие из которых были потомками огрузиненных в свое время абхазов.

Вся эта история закончилась печально.

Отряд выступивший на помощь соседям был предан, окружен многократно превосходившему их по численности противником и почти весь полностью уничтожен.

Предали его те кто просил их о помощи и в жилах которых текла когда-то абхазская кровь.

Когда закончилась панихида по их душам отец Исуфа – как звали тогда будущего Али-бея сказал.

- Наша ошибка была в том, что мы поверили людям которые легко забыли кто они были.

Человек предавший свою память и свои корни может предать все. Нельзя верить людям которые предали землю своих предков и стали называть себя грузинами. Грузины большой красивый народ, но они грузины, а мы абхазы. Каждый должен помнить кто он и сыном какой земли родился он. Если он забыл Родину он так же легко забудет и все остальное. Мальчик внимательно слушал слова отца. В его памяти на всю оставшуюся жизнь остались слава отца. Человек забывший свою Родину легко забудет и честь и долг и совесть.

Человек предавший свою Родину предаст все. Ему нельзя верить.

Умар помнил свою Родину. Он не забыл ее запах. Это и решило исход дела. На следующий день Умар приступил к исполнению своих обязанностей. Еще через пару дней Сахиб принял командование корпусом мамлюков который должен был идти в авангарде армии Мухамад-бея.

Сам Мухамад-бей как командующий армией подчиняясь воле Султана представил выстроенным на окраине Каира мамлюкам их нового командира. Строй мамлюков сдержанно принял своего нового начальника.

Сдержанность рядовых мамлюков можно было понять. Они ждали другого командира о чем им несколько раз говорил тот же Мухамад-бей.

Еще через неделю войска погрузились на корабли и поплыли вверх по Нилу. Населению было объявлено, что армия уходит на Верхний Нил где она подавит выступление союза ряда непокорных племен. Даже сами мамлюки не знали истинной цели своего похода и потому были уверены, что их путь лежит именно на нагорья Верхнего Нила. Не знало конечных целей похода даже абсолютное большинство мамлюкских военноначальников кроме Мухамад-бея, Ибрагим-бея, Мурад-бей и Сахиба. Это и стало основой успеха всего предприятия. Правитель Хиджаза не успел предпринять никаких действий как войско мамлюков стояло уже под стенами его города. Сражение между мамлюками и наскоро собранной армией правителя Хиджаза было коротким. Его войска были разгромлены и их остатки рассеяны как песчинки по необъятной Аравийской пустыне.

Вместе с ними ушел в пустыню и бывший правитель города. Не прошло и недели как вновь назначенный правитель Хиджаза сам нашел своего предшественника в одном из отдаленных оазисов.

Там и его казнили.

Все участники экспедиции в том числе и Мухамад-бей вынуждены были признать, что решающую роль в блистательном успехе всей армии принадлежала передовому корпусу мамлюков под командованием Сахиба. Именно они обеспечили условия при которых бывший правитель Хиджаза оказался в безвыходном положении и не успел организовать своевременный отпор армии мамлюков. Именно они находясь в центре армии мамлюков приняли на себя основной удар мятежников и в ходе короткого сражения опрокинув их обратили наступавшие войска правителя Хиджаза в паническое бегство.

Теперь мамлюки этого корпуса которые сперва крайне настороженно приняли известие о назначении Сахиба их командиром не скрывая своих эмоций открыто говорили.

- Именно такого командира мы и хотели иметь. Он умеет работать не только саблей, но и головой. Такая реакция большинства мамлюков на действия Сахиба понравилась далеко не всем и в первую очередь Ибрагим-бею и Мурад-бею которые сами давно уже жаждали увидеть себя командиром знаменитого авангарда снискавшего себе славу лучшего корпуса армии мамлюков.

Сахиб сразу увидел это, но сделал вид что ничего не понял и продолжал при встрече с улыбкой обнимать Ибрагим-бея и Мурад-бея называя их как и прежде – мой брат.

Такую тактику поведения он принял после долгой беседы с Али-беем который в отличии от него был знатоком закулисной борьбы ни на минуту не затихавшей под сводами Султанского дворца, а иногда и далеко за его пределами. Беседа эта состоялась буквально за день до начала их похода на Хиджаз.

Тогда он ему так и сказал:

- Сахиб в этом походе для тебя решится все. Или ты на коне или под конем. Но не забудь. Если будет успех увеличится и число твоих врагов. Так было всегда. Так будет всегда. Таким создал человека Аллах.

Успех одного – самая благодатная почва для роста буйных побегов зависти у большинства окружающих его людей.

Так будет и с тобой если удача улыбнется тебе. Жизнь такова, что удача одних отражается в душах других как в зеркале скрытой гримасой зависти и злобы. Сделай вид, что ты ничего не видишь и ты ничего не понимаешь. Придет время и у тебя будет возможность вернуть долги всем завистникам если того пожелает Аллах. А сейчас сделай вид простака которого случайно ослепила улыбка удачи. Сахиб умел слушать. Умение слушать и слышать редкое качество. Многие слушают, но не слышат. Сахиб был одним из тех немногих кто умел и слушать и слышать. Слышать голос разума. Он услышал и понял, что хотел сказать ему Али-бей. Он услышал и сделал так как нужно было сделать.

Дальнейшие события развернулись так как и рассчитывал Али-бей. Армия Мухамад-бея с триумфом вернулась в Каир. Часть членов Совета беев во главе с Апстха выступила с предложением возвести главного героя похода Сахиба в ранг бея, что и сделал Али-бей в максимально короткие сроки с нескрываемым удовольствием.

ЧАСТЬ III

СИРОККО

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДАУТА

Разговор с отцом состоялся к вечеру того же дня. В обычной жизни Даут был мягким добрым человеком. Но под внешней мягкостью и добротой скрывалась железная воля человека знавшего себе цену и делавшим только то что он считал нужным и приносящим благо близким ему людям, роду или селу.

Али-бей рассказал ему о своих ближайших планах, мыслях и чаяниях.

- Понимаешь отец, Говорил он. В начале XVI века Османская армия разбила войско мамлюков, хотя каждый мамлюк стоил десяток турецких янычар или аскеров.

Они победили нас потому, что у них была армия вооруженная намного лучшей нашей.

Они использовали самые новые достижения военного мастерства, а у нас были только храбрость и сабли.

Пока наша конница дошла до рядов турецкой армии пушки турков уничтожили более половины наших лучших всадников. Турок и так было в четыре раза больше чем мамлюков. После того богатого урожая который собрали турецкие пушкари турок стало в десять раз больше.

Наша армия была обречена, а мамлюки которые считали позором всякое отступление почти поголовно погибли окруженные противником многократно превосходившим его по численности.

Так было тогда. Так будет и завтра если мы не создадим регулярную, обученную на современный лад армию. Армию которая будет вооружена не хуже турецкой. Вот тогда мы сможем на равных бороться с Великой Портой перед могуществом которой трепещут и Европа и Азия и Африка.

Для того чтобы решить эту задачу мне нужно создать свою промышленность и науку.

Нужно открыть Университет в Каире где самые одаренные дети Египта будут постигать премудрости современной науки и оружейного дела.

Нам нужно открыть залежи железа, серы и других полезных ископаемых. Без этого мы не сможем наладить производство пушек, ружей и боеприпасов к ним. Нам нужно научиться в Европе правильно выращивать пшеницу, овощи и фрукты. Тогда у нас не будет голодных и обделенных. Задач очень много. Решать их к сожалению некому. Нет у нас пока людей которые могут наладить и поставить на твердую ногу проблемы науки, промышленности и сельского хозяйства. Эффенди, кадиев и мулл у нас много, а вот людей знающих науки или промышленность нет вообще. А без этого нам не жить. Рано или поздно османы которые имеют и то и другое снова одолеют нас.

И снова как много лет назад ни мужество, ни отвага мамлюков не смогут ничего сделать против мощи Турецкой армии.

Али-бей долго рассказывал отцу о своих трудностях стараясь как-то увлечь его проблемами и подумать о совместной работе.

Он понимал, что отец не промышленник, ни человек науки, но присутствие еще одной родной души рядом с ним могло придать ему новые силы и воодушевить на работу по решению многочисленных проблем и задач стоявших перед ним.

За полгода пребывания в Каире в гостях у сына Даут много раз слышал эти разговоры. Он понимал какие проблемы и сложные задачи стоят перед Али-беем. Он сочувствовал ему и гордился тем, что его сын прославил их род. Даут стоял перед сложным выбором. С одной стороны был его сын которого он в свое время оплакал по абхазскому обычаю полагая что он погиб на охоте. Сын который воскрес из мертвых и сделал его род и его фамилию самой знаменитой во всем народе Абаза.

С другой стороны было родное село и односельчане с которыми прожил он долгую трудную жизнь. Односельчане с которыми делил он и радость и горе. Теперь здесь в Египте по ночам ему снился шум веток леса вплотную к самому поступавшего его дому, несмолкаемый рокот чистой прозрачной реки, что протекала недалеко от его усадьбы, пение птиц на рассвете когда он выгонял коров и коз на сочные луга. Раньше ему никогда не снилось ничего подобного.

Когда-то все это было частью его повседневной жизни и он просто никогда даже не задумывался над тем что в действительности значит для него все это.

Теперь когда он оказался вдали от своего дома все эти картины, слова, звуки начали приобретать для него совсем новый смысл, совсем новое содержание, новое звучание.

В той жизни у Даута была жена. Звали ее Тата. Когда-то она была молодой и как все молодые привлекательной, веселой и доброй. Шло время. Время убило не только ее красоту, но и ее саму. Теперь только скромная могила в углу его усадьбы напоминала ему о ней.

Когда он был дома, в родном селе он редко ходил на могилу жены. Она была рядом и этого было достаточно. Теперь ему снилась часто даже эта могила. Порой ему казалось, что он слышит и голос покойной жены которая звала его домой. Иногда ему почему-то чудилось ее недовольное бурчание как тогда давным давно когда он засиживался со своими соседями до самой полуночи.

Она и при жизни все время была чем то недовольна, что то бурчала, что то требовала.

Даут и его соседи Сафарбей и Пту любили долгими зимними вечерами посидеть у огня, попить вина, вспомнить былые года, друзей которых потеряли они, врагов которых становилось все больше и больше. Время было беспокойное. С одной стороны турки с другой стороны мигрелы. Часто напоминали о себе и лихие морские разбойники нередко навещавшие абхазские берега. Но самым страшным в это время была постоянная междуусобная борьба внутри самой Абхазии доходившая очень часто до открытой войны. В этой войне гибло больше людей чем и от турок и от мигрелов и от морских разбойников вместе взятых.

Сидели они долго. Было о чем поговорить. Что еще делать крестьянину абхазу зимой.

Полевых работ нет. Скотина почти круглый год на подножном корму. Зимой конечно работа есть, но ее совсем немного.

Так что лучше посидеть, поговорить о хорошем чем греть бока около домашнего очага. Так они и делали Сафарбеем и Пту.

Абхазское общество толерантное и очень веротерпимое.

Сафарбей и Пту мусульмане, но как все абхазы вино пьют и любят.

Наверное, нет таких религиозных догматов которые заставили бы абхазов отказаться от вина и мусульман, и христиан, и язычников.. Среди них нет пьяниц или спившихся людей. Вино для абхаза не спиртное. Вино это состояние души. Доброе, хорошее. Можно

командовать телом. Можно заставить его делать ту или иную работу, а вот душой не покамандуешь. Здесь все сложнее. Особенно зимой, когда дни короткие, а ночи длинные.

Дауту многое нравится в Египте. Многое не нравится.

Не нравится ему в первую очередь низкий уровень веротерпимости у местных жителей. Для них главную роль играет не сам человек, ни его возможности и способности, а то кто он по национальности и по вероисповеданию. Если ты мусульманин это уже все.

В Абхазии все по другому. Здесь даже когда дело идет к свадьбе никто не спрашивает. А кто по вероисповеданию жених или невеста.

Принцип рассуждения по этому вопросу у абхазов предельно прост.

- Бог на небе один, а кто и как молится ему это не столь важно.

Главное чтобы бог был в твоей душе, в твоем сердце, а какая молитва мусульманская или христианская летит в его адрес это не столь важно.

Раньше когда Тата ворчала Даут раздраженно хмурился, но ничего не говорил. Он мог многое сказать этой женщине, но какой же он будет после этого абхаз если опустится до выяснения отношений с женщиной с которой он делит постель и которая в свою очередь делит с ним горе и радость.

Теперь все чаще снилась и она. Покойная жена все так же как было это давным давно с недовольным бурчанием ходила по двору. Двор был почему то пустой. Совсем пустой. Не видно было даже их дворового пса вечно лающего Мышу. Тата шла по сплошному ковру весенней травы и кого то беззлобно бранила. Но странное дело. Почему то ее голос и недовольное бурчание не раздражали теперь его. Более того. Что-то родное и очень дорогое ему было во всем этом будто совсем недавно это не раздражало, а только радовало его.

Очень часто бывает так, что люди даже очень не глупые редко задумываются над тем сколько проблем и сложных задач стоит перед людьми близкими им. Тем более если эти люди находятся далеко от них.

Находясь в Абхазии Даут гордился тем что его сын стал правителем далекого Египта. Гордился, но никогда не думал о том чего стоило это Али-бею.

Теперь, побыв почти полгода у него в гостях, он воочию увидел громадные трудности которые как непреодолимая стена стояли перед его сыном. Увидев и познав все это Даут встал перед нелегким выбором.

Или остаться с сыном и в силу своих возможностей помогать ему, или вернуться домой в родные края зов которых все громче и громче доходил до него теперь и днем и ночью.

После долгих тяжелых раздумий Даут решил все-таки вернуться домой. Его покойная жена была ворчливая, но почему-то он неожиданно для себя понял, что лежать рядом с ней в холодной земле своих отцов и дедов будет намного приятнее чем в жарких песках прекрасной но далекой страны.

Он невольно сравнивал все что было здесь в Каире с тем что оставил он там в Апсны. Солнце здесь было жаркое раскаленное до предела, но не такое ласковое как там на Родине. Особенно тогда когда сидел он в тени громадного платана стоявшего посреди большого двора покрытого сплошным ковром густой не высокой травы и таким же не высокими но удивительно красивыми полевыми цветами.

Небо здесь было высокое, светлое, но не такое синее как над его домом.

Воды в Ниле было много, но она никогда не была такой голубой и прозрачной как в их бурной и своенравной Бзыпи.

Здесь были его сын и дочка, но там, далеко отсюда его ждали Сафарбей, Пту соседи, другие дочки и могила вредной вечно ворчливой женщины без которой его жизнь оказалась совсем скучной.

Высказав все эти мысли своему сыну он его спросил.

- Сын мой ты хоть помнишь как поют птицы на ветках нашего старого могучего платана.

Неожиданно от него Даут получил ответ который ошеломил его.

- Отец, я никогда не забывал этого. Да, Египет моя вторая Родина. Если нужно будет я без раздумий отдам за нее свою жизнь, но все равно я завидую тем кто может отдать свою жизнь за Абхазию. Всевышний не дал мне такого счастья сегодня, но может быть он приберег это счастье для меня на день завтрашний.

Только Всевышний знает что ждет меня впереди.

Никто кроме его самого не знает, что готовит нам день грядущий.

Ты помнишь легенды про правителя Египта Инала.

Когда я был маленьким я часто слышал от тебя и других людей рассказы о том как судьба вернула его в родные края и он нашел

свое успокоение в урочище Псху оставив Абхазии знаменитую фамилию Инал-ипа.

Я бы то же хотел вернуться к себе на Родину. Я бы тоже хотел найти свой последний приют на нашем родовом кладбище рядом с тобой, матерью и всеми теми кто заждался нас там, в краю который не видел еще никто из живых.

Даут понимал, что его сын говорит то о чем думал он по видимому уже не раз. Говорит как о какой-то несбыточной мечте в исполнение которой он давно уже не верил.

После разговора с сыном Даут начал собираться домой.

Препятствовать воле отца Али-бей не мог да и не было смысла. Все равно Даут сделал бы так как он считал нужным.

Теперь оставалось думать о том как хоть на немного оттянуть отъезд отца чтобы он по причине спешки и неподготовленности маршрута по которому ему предстояло ехать или плыть не попал в руки турков.

Турки которые были, конечно же, осведомлены о посещении Али-бея отцом могли узнать и о сроках его отъезда и маршруте избранном для его возвращения на Родину.

Исходя из этих соображений отец и сын решили сохранить в тайне решение о скором отъезде Даута домой.

Попади Даут в руки турков они бы от такого подарка не отказались.

Пол года назад когда Даут ехал к сыну в Египет никаких проблем с его приездом не было.

Тогда была другая политическая обстановка. Во дворе турецкого Султана все еще надеялись утихомирить Али-бея хитростью и обманом. Сперва ему предложили место великого визиря Османской империи. Али-бей на эту уловку не поддался так как прекрасно понимал, что Султану нужно только выманить его из Каира. Как только он уедет в Стамбул его место займет угодный Султану человек. Потеряв Каир и опору на мамлюков Али-бей станет никто и с ним расправятся в самое короткое время найдя для этого любой предлог. Если подходящий для этого предлог не найдется сам по себе он будет создан людьми Султана. Таковы были законы великой Османской империи величие и могущество которой веками лепилось из смеси силы, ума, обмана и коварства. В этой гремучей смеси никогда не было места милосердию, чести, порядочности.

Али-бей все это прекрасно понимал и не строил для себя никаких иллюзий по поводу его особых заслуг перед Великой империей.

Безжалостная машина которая называлась Портой стирала в порошок всех кто был ей неугоден или мешал ей. В чреве этой адской машины пропали многие тысячи людей в жилах которых текла кровь султанов, царей, эмиров, ханов и других правителей народов и государств. Али-бей мог быть для нее лишь очередным жертвенным подношением.

Поняв что Али-бей не соблазнится на титул Великого Визиря Османской империи двор Султана стал плести сеть тайных интриг и заговоров надеясь или устранить Али-бея физическим путем или образумить его предлагая особый статус Египту и ему как его правителю.

Снаружи все это выглядело довольно благопристойно. Наместник Султана в Египте постоянно клялся ему в особой любви Султана к Али-бею. Передавал ему пожелания успехов и благополучия.

Он же узнав о желании Али-бея привести к нему в гости его отца организовал переезд Даута в Египет через Турцию с особым почетом и роскошью.

Теперь все изменилось

Теперь нужно было найти пути и способы как тайно перевести отца из Египта назад в Абхазию.

Вопрос о том кто это сделает у Али-бея не стоял. Сахиб был не только его личным охранником, но и другом. Они никогда не говорили о дружбе и братстве между ними. Это чувство было невысказанным, но реальным и явственно существующим.

Мухамад-бей, Сахиб а теперь уже и Аль Харун были для Али-бея самыми близкими людьми в Египте. Отец уже уезжал и говорить о нем было уже слишком поздно. Его племянник Родсван был еще слишком юн и говорить о нем как о соратнике стоящим рядом с ним как о значимой фигуре было слишком рано.

Нафиса и Мариам женщины. Они могут помочь только советом и преданностью.

После небольшого раздумия Али-бей решил отправить отца в Абхазию окольным, но более безопасным путем.

Сперва Сахиб должен был доставить отца в Палестину, затем в Дамаск, а уж оттуда через Мигрелию в Абхазию. Путь не близкий и совсем не безопасный, но другого лучшего варианта решения этой задачи Али-бей не видел.

Приняв такое решение Али-бей вызвал Сахиба чтобы посовещаться с ним и обсудить детали долгого трудного перехода. В пустыне много бродячих шаек разбойников которые не преминут возможностью напасть на странников или на караван торговцев.

Об отъезде отца могут узнать в Стамбуле. Если Даут окажется у них в руках это будет мощный рычаг давления на Али-бея.

В создавшей ситуации нужно было обдумать все детали долгого трудного перехода, не упустить ни одной мелочи. Обычно люди продумывают главные детали, а затем спотыкаются о мелочи или непредвиденные обстоятельства о существовании которых они даже не подозревали.

После долгого обсуждения плана переправки Даута домой Сахиб предложил.

- Мне кажется к этой задаче нужно привлечь Аль-Харуна. Он бедуин. Он хорошо знает пустыню, обычаи, законы и дороги пустыни. Он храбрый воин.

Пусть он вместе со мной доведет Даута до Дамасска, а там видно будет что делать дальше. Когда мы приедим к шейху Дагиру он позаботится об остальной части пути. Ему там виднее, что и как делать.

Шейх Дагир был правителем Палестины и верным союзником Али-бея в борьбе с Османской империей.

На следующий день Али-бей пригласил к себе Аль-Харуна.

Аль-Харун прибыл к нему в парадной бедуинской одежде в сопровождении двадцати всадников которые горцевали по улицам Каира на прекрасных арабских скакунах.

Жителей Каира трудно было удивить хорошими лошадьми, но даже они восхищенно цокали языками глядя на лошадей которые как буд-то вышли из сказок о тысяче и одной ночи.

В жилах Али-бея текла кровь абхаза. Он умел принимать гостей. Ему хорошо было известно что в пустыне которая окружает Каир главным является не знатность происхождения, а доблесть и отвага воина. Его доблесть и воинское искусство.

Он был сам воином и потому ему было достаточно одного беглого взгляда чтобы сразу увидеть что перед ним не ряженные комендианты, а настоящие воины которые побывали ни в одном сражении. Об этом Али-бею говорило все. Их сдержанность, их взгляды, в которых не было ни вызова, ни покорности, их ровная уверенная речь и походка когда они сошли с лошадей.

Аль Харун первый сошел со своей лошади и хотел преклонить колено перед Султаном Египта, но Али-бей остановил его словами.

- Ты мой старший брат не заставляй и меня Султана преклонять свои колени перед тобой.

Они обнялись и только теперь при свете яркого вечернего солнца Али-бей увидел что под бородой на щеках аль Харуна глубокий шрам. Шрам оставленный им когда-то на лице своего будущего брата.

- Подожди брат улыбнулся Али-бей. Он вытащил из кармана кошелек из темно-синего дорогого бархата, взял оттуда золотую монету и приложив ее к шраму на щеке протянул затем ее Аль Харуну.

Аль Харун не поняв ничего из того что делал Али-бей стоял перед ним недоуменно глядя на него. Так же недоуменно смотрели на все происходившее и спутники Аль-Харуна стоявшие поблизости и ожидавшие когда Али-бей подойдет к ним.

Увидев нескрываемое недоумение на лицах своих гостей Али-бей объяснил им.

Я по происхождению абхаз. Он прекрасно знал, что большинство бедуинов которые стояли перед ним не знали что такое Абхаз и страна Абхазия.

Они были прекрасные воины , но грамоты у них было мало и дальше границ своей пустыни они никогда не бывали.

Не смотря на это Али-бей еще один раз повторил. Я абхаз. У моего народа существует обычай. Если человек нанес не заслуженную обиду или рану человеку который ему дорог он публично при свидетелях прикладывает к его ране золотую монету. И если тот которому была нанесена эта рана прощает его, то он принимает эту монету и затем угощает своих друзей и свидетелей на стоимость этой монеты.

Али-бей стоял перед Аль Харуном протянув ему блестевшую на солнце золотую монету и вопросительно глянув на него спросил.

- Ну что брат мой, ты примешь от меня эту монету. Но не забывай, что если ты ее примешь то это значит что ты простил меня и должен после этого публично обнять меня и сказать.

- Я прощаю тебе твой невольный грех. Теперь между нами и змея не проползет.

Услышав слова Али-бея все заулыбались и дружно стали требовать от Аль-Харуна.

Бери монету и угощай нас.

Аль-Харун тоже заулыбался и секунду подумав ответил.

- Я давно тебя простил и не держу на тебя зла. Шрам который оставила на моем лице сабля лучшего воина Востока мое украшение, но если обычай твоего народа требует чтобы я сделал то что ты просишь я сделаю это с особым удовольствием.

С этими словами он взял монету, поцеловал ее и затем обняв Али-бея сказал ему на ухо.

Знаешь, брат. Это я должен тебе и не одну монету, а все золото мира за то что ты подарил мне тогда жизнь. Теперь эта жизнь принадлежит тебе.

Никто из окружающих не услышал его слова, но по ответной благодарной улыбке Али-бея все поняли что он услышал что-то очень важное для себя.

Зайдя в зал где стояли столы накрытые к их приезду бедуины дружно отказались притрагиваться к тому что было приготовлено для них.

Встретив недоуменный взгляд Али-бея один из них сказал

- Правитель! Ты сам минуту назад сказал нам что обычаи твоего народа требует чтобы тот кто принял монету должен на эти деньги угостить своих друзей и свидетелей.

Мы находимся в твоем доме. Значит мы должны выполнять обычаи которым подчиняется его хозяин. Никто не должен нарушать обычаи. Пусть теперь угощает нас Аль-Харун.

Хоть мы и проголодались с дороги, но мы подождем. А пока мы умоемся, воздадим хвалу Аллаху за то что он показал нам дорогу в твой дом.

Все и Али-бей в том числе весело заулыбались. Заулыбался радостно и Аль-Харун, вытаскивая из кармана золотую монету. Под добрый дружный смех своих друзей Аль-Харун передал деньги одному из них с тем чтобы он сам решил кого послать за покупками и что заказать. После этого бедуины ушли приводить себя в порядок, а Али-бей, Сахиб и Аль-Харун пошли в кабинет Султана. В ситуации когда из-за каждого угла дворца Правителя Египта выглядывали уши соглядатаев Турецкого Султана разговор о любых тайных замыслах мог проходить только в самом укромном месте куда не дотягивалась рука всемогущего владыки Османской империи.

Сахиб оставил у двери в кабинет своего человека с тем чтобы никто не смог подслушать разговор между ними и Аль-Харуном.

Как только вошли в кабинет Али-бей без долгих вступительных слов объяснил Аль-Харуну задачу стоявшую перед ним и так же прямо без окольных предисловий спросил его, может ли он помочь в ее решении.

Аль-Харун ответил практически без раздумий.

- Я бы не хотел, повелитель, чтобы ты в следующий раз оскорбил меня таким вопросом. Я хочу чтобы ты знал, что твоя радость – моя радость. Твоя боль – моя боль. Твои проблемы – мои проблемы.

Али-бей другого ответа не ожидал и потому сразу начал объяснять Аль-Харуну особенности предстоящей поездки и что может помешать им в этом деле.

Когда были обсуждены все детали предстоящего дела Али-бей спросил Аль-Харуна.

- Как ты считаешь кого можно привлечь в охрану Даута. Есть ли у тебя надежные люди. Али-бей знал о чем он спрашивал. В пустыне легко можно найти много смелых и отважных, а вот надежных и честных было не так много.

И снова Аль-Харун ответил почти без промедления.

- Ты их уже видел сегодня повелитель. За каждого из них я ручаюсь своей головой. Это люди которые ставят выше денег и всех земных благ слово и честь.

Никто не сомневался в словах Аль-Харуна и все же по настоянию самого Аль-Харуна решили до поры до времени не говорить никому о том что предстоит сделать им.

Несмотря на многочисленные протесты Аль-Харуна Али-бей настоял на том что бы все те кто будет сопровождать его отца до того времени как он будет доставлен во дворец Дагира были бы вознаграждены достойным образом. По его команде Сахиб передал Аль-Харуну довольно весомый кошелек с деньгами.

Аль-Харун принял кошелек и спросил.

- Повелитель, не осуди меня за мой нескромный вопрос, но я все равно должен спросить тебя.

- Сколько здесь и сколько я должен отдать каждому из тех кто пойдет со мной.

Али-бей ответил, после чего Аль-Харун снова спросил.

- А какая доля моя.

- Три золотые монеты ответил за Али-бея Сахиб немножко растерявшись от того что Аль-Харун проявляет столько любопытства по поводу полученных им денег и своей доле из нее.

Сахиб не стал высказывать вслух, но его сразу же насторожило такое поведение Аль-Харуна который уделил столько внимания именно материальной стороне предстоящего дела.

Пока Сахиб раздумывал над такой неожиданной для него реакцией Аль-Харуна на деньги тот расстегнул кошелек отобрал оттуда три золотые монеты и положил их на стол перед Али-беем.

- Я не продаю свою саблю за деньги когда это касается моего брата. Никогда больше не предлагай мне деньги за то что я должен сделать для тебя. Остальные деньги я отдам своим спутникам.

При этих словах Аль-Харуна лица Али-бея и Сахиба посветлели. Они поняли в чем был смысл всех предыдущих слов их собеседника. Им обоим стало как то не совсем удобно от того что они минуту назад так нехорошо подумали о своем друге.

Аль-Харун догадался об их мыслях и потому коротко сказал не обращаясь ни к кому из них конкретно.

- В этой жизни все бывает. Нельзя никого осуждать только за то что он тебя не понял.

Вскоре пришли посыльные от бедуинов которые сказали что они приглашают Повелителя, Сахиба и Аль-Харуна за стол который накрыли они на деньги заработанные за свидетельство в деле Али-бея и Аль-Харуна.

Прошло много времени с тех пор когда обстоятельства в которых жил Али-бей научили его не только хорошо работать оружием, но и постоянно думать. Человек который не мог продумывать на много шагов вперед в мамлюкской среде был обречен или быть вечно ни кем или положить голову на плаху. Здесь саблей и копьем владели все почти одинаково. Практически на пределе того на что способен был человек которому дал Всевышний в руки смертоносное оружие. Жизнь заставляла Али-бея просчитывать каждый свой шаг, каждое свое слово.

У него и раньше не было особых прав на ошибку. Теперь же когда он стал Султаном и ввязался в смертельно опасную борьбу с могущественной Османской империей такого права у него не было уже вообще. Каждая ошибка в этой игре могла стать роковой и последней для него.

Не ошибся он и на этот раз просчитав до мелочей все возможные варианты с отправкой отца домой. Уже через два месяца вернулись в Египет Сахиб и Аль-Харун. Они благополучно доставили

домой Даута и несмотря на многочисленные просьбы его и всех односельчан быстро вернулись назад.

Назад ехать было гораздо легче и гораздо быстрее.

Они два дня пробыли в селе Даута. Дали отдохнуть лошадям и себе тоже.

На третий день уехали удивив всех тем что ни разу не притронулись к прекрасному абхазскому вину и с ног сбивающей чаче. Ели тоже немного, хотя абхазская кухня им особо понравилась. По-видимому сказывались привычка жителей пустынь есть всегда мало и экономно.

Али-бей радушно принял бедуинов от всей души поблагодарив их за проделанную работу.

От них он узнал как в горах Курдистана произошла у них неожиданная встреча с большим отрядом курдских всадников которые возвращались в свои края после удачного набега на пограничное турецкое поселение.

Курды решили что им повезло дважды. Они быстро перестроились для атаки на Сахиба и его спутников. Силы были явно неравные. Курдов было разов в пять-шесть больше. Сахиб выехал к ним навстречу. Выехал один.

Он подъехал к всаднику стоявшему впереди всех и рассказал ему что они воины Али-бея и что у них общий враг – турки.

Услышав, что перед ним находятся мамлюки Али-бея предводитель отряда курдов Агабек на минуту задумался.

Он знал, что мамлюки искусные воины и они не умеют показывать свои спины врагам. Это значило, что в случае столкновения с ними будет много крови и погибших. Такой расклад событий Агабека не устраивал. Ему совсем не хотелось чтобы вместо богатой добычи и славы он привез в свои уже совсем недалекие владения трупы многих соседей и односельчан.

Такой печальный исход мог лишить его ореола удачливого предводителя на зов которого откликались многие курды даже из далеких краев. До сих пор все знали. Где Агабек там удача – много добычи и мало крови.

Одной из отличительных черт Востока всегда являлось коварство. Во все времена коварством на Востоке брали там где не удавалось решить вопрос силой.

Поняв, что его противники не собираются сдаваться ему и готовы к бою Агабек после некоторых раздумий сказал Сахибу.

Здесь в Курдистане дороги очень узкие. Нам с Вами трудно будет разойтись. По нашим обычаям тот кто уступил свою дорогу другому покрывает голову позором. Агабек довольно сносно говорил на арабском языке. Видно он как и многие другие курды служил в молодости наемником у какого-то арабского шейха. Курды во все времена были хорошими воинами и их охотно нанимали арабские правители в качестве охранников своих караванов или дворцов.

В постоянных набегах на селения турков расположенные далеко внизу Агабека всегда сопровождал один из лучших воинов Курдистана Салман – медведь. Медведем Салмана прозвали за редкую физическую силу и громадную звероподобную голову покрытую большой копной смолянисто черных волос. Так случилось, что Салман будучи в лесу действительно повстречал большого бурого медведя. До места где Салман оставил свое оружие он добежать не мог и он остался один на один с громадным лесным зверем который встав на дыбы и грозно рыча шел на него. Бежать от него было бесполезно. Медведь бегает гораздо быстрее человека. Догонит за считанные секунды и все будет кончено.

Бывает так, что природа иногда не скупится одаривая чем то одного человека. С Салманом видно было именно так.

Помимо огромной физической силы Всевышний наделил его еще и бесстрашным сердцем.

Увидев в нескольких шагах от себя хозяина леса Салман не растерялся. Он ходил в лес за дровами и потому у него на плечах было большое бревно которое и два обычных человека подняли бы с трудом. Бревно было у него на плечах и он придерживал его обхватив двумя руками сверху. Когда медведь со страшным ревом налетел на него Салман развернув корпус ударил тяжелым концом бревна косолапого прямо по голове.

Оглушенный медведь упал на землю и захрипел.

Салман на всякий случай еще раз с силой опустил ему на голову свое бревно после чего разделал охотничьим ножом шкуру уже бездыханного хозяина леса.

Когда он принес в селение шкуру громадного медведя все односельчане почти хором сказали.

Медведь медведя завалил. Так и закрепилась за ним эта кличка которая его вовсе не смущала, а со временем даже стала нравиться ему.

- Так вот продолжал тем временем Агабек, мы встретились на одной дороге теперь кто-то из нас должен пройти по ней, кто-то должен уступить ему эту дорогу. Чтобы не проливать много крови я предлагаю Вам поединок.

Коль Вы воины знаменитого Али-бея пусть от Вашей стороны выйдет лучший из Вас. Мы тоже выставим своего бойца.

Если победит Ваш воин я отдаю Вам свое кольцо и провожатого который будет сопровождать Вас до самых границ Курдистана. Он будет показывать всем мое кольцо и это будет гарантией того, что Вас никто не тронет.

Более того Вам везде окажут почет, уважение, накормят и напоят. Если же победит мой боец продолжал он Вы отдаете, нам все что Вы везете с собой и едете дальше куда хотите. Предлагая внешне казалось бы равные условия Агабек хитрил. Он знал, что в единоборстве с Салманом-медведем не устоял еще ни один воин. Своих противников Салман-медведь одним ударом рассекал на две части. Часто бывало даже так, что он рассекал пополам не только всадника, но и седло на котором он сидел.

Ага-бек прекрасно знал, что ни у одного воина во всей округе и не только в Курдистане нет ни единого шанса выграть поединок у богатыря единоборца Салмана-медведя.

Подумав над словами Ага-бека Сахиб решил сам принять вызов курдов, но прежде чем дать окончательный ответ он еще один раз спросил предводителя курдов.

- А что будет гарантией нашей договоренности, уважаемый Агабек. На что тот ни на минуту не задумываясь ответил.

- Слово Агабека. Оно у меня крепкое. Слово Ага-бека дороже золота. Если я сказал, то так и будет. Клянусь именем Аллаха добавил курд.

Аль-Харун знал, что если курд или бедуин дал слово да еще поклялся при этом именем Аллаха то он уже никогда не отступит от него чего бы это ему не стоило.

Удовлетворенный его ответом он одним движением развернул на месте коня и поскакал в сторону своих товарищей чтобы рассказать им об условиях переговоров с предводителем курдов.

Вернувшись к своим друзьям Сахиб рассказал им об условиях выдвинутых курдским беком.

Уже в следующую минуту оказалось что все бедуины хотят постоять за честь Али-бея.

Сахиб сам хотел принять вызов, но Аль-Харун сказал тоном не терпящим возражения.

Здесь я брат Али-бея. Мне и только мне дозволено принять этот вызов. Пока Сахиб раздумывал что сказать ему в пользу того что он и только он как личный телохранитель Али-бея имеет на это право Аль-Харун уже поскакал в сторону курдского отряда не ожидая ответа Сахиба.

Навстречу ему выехал курд, на высоком черном жеребце со звездочкой на лбу. Судя по громадной сабле которая блестела у него в руках сам курд был великаном. Курд пришпорил коня и с диким воплем понесся навстречу Аль-Харуну. Аль-Харун придержал своего коня и только когда курд приблизился к нему перевел коня в легкий голоп едва заметным движением ноги. Когда они сблизились стало видно, что курд явно здоровее и тяжелее Аль-Харуна.

На мгновение их сабли со звоном скрестились и кони разнесли их в разные стороны. Когда Аль-Харун разворачивал свою лошадь для продолжения поединка он увидел что курд выронил свою саблю и медленно клонится к луке седла.

Аль Харун пришпорил коня и все поняли, что он будет добивать раненного противника.

Какого же было всеобщее удивление когда он подскакал к курду, сошел с коня и убрав свою саблю в кожны снял тяжеленного курда с коня и уложив его на землю знаками попросил его товарищей забрать раненного к себе.

После этого он снова сел на лошадь и подскакав к предводителю турков поприветствовал его.

- Салам алейкум бек. Курд довольно свободно говорил на арабском языке и ответил ему по арабски.

- Ты храбрый боец. Еще не один человек не мог одолеть Салмана в честном бою.

Салман великий воин. Турки дрожат при одном упоминании его имени.

Если ты смог одолеть его честь и хвала тебе. Видно Всевышний сегодня отвернул свое лицо от Салман-медведя.

Еще большая хвала тебе за твое благородство. Как зовут тебя и из какого ты племени.

Аль Харун назвал свое имя и свое племя. На всякий случай назвал имя шейха племени Максуда.

Услышав его ответ бек коротко сказал.

- Если Салман не умрет от твоей раны и он и я приедем к тебе в гости. Ты сделал шаг в нашу сторону. Теперь наша очередь.

На этом они и расстались.

Видно курд был очень знатным и влиятельным человеком во всей округе ибо как только Сахиб показывал им его кольцо и называл его имя жители всех селений которые приезжали они теперь оказывали им все почести и давали сопровождающих до границ своих владений. Так продолжилось до самых границ Сирийского Курдистана.

Выслушав все подробности поездки Сахиба и бедуинов до Абхазии Али-бей через сутки отпустил их еще раз одарив и отблагодарив бедуинов оказавших ему немалую услугу.

Никто не дал вслух оценки поступка Аль Харуна при поединке с Салманом но все и без слов знали с кого взял пример бедуин не знавший до этого ни жалости ни пощады.

Законы пустыни в которой он жил не давали места эмоциям и высоким чувствам. Таким законам подчинялся и Аль-Харун пока не встретил однажды мамлюка Али.

Слухи в пустыне распространяются очень быстро. Они приходят к жителям оазисов как миражи. Неизвестно откуда и неизвестно как. Уже через месяц почти вся Сахара знала о победе Аль Харуна над великаном Салманом-медведем. Слухи обрастали новыми слухами и уже трудно было всем кроме очевидцев того памятного поединка сказать где правда, а где вымысел.

Люди того времени жили еще по законам рыцарства и потому все гадали. Выжил Салман-медведь или нет. Если он выжил то приедет он в гости к Аль Харуну или нет.

Всеобщий интерес подогревали еще и слова Али бея сказанные им Аль Харуну во время их последней встречи.

Твой гость – мой гость. Если Салман и Агабек приедут к тебе я встречу их вместе с тобой так как я твой брат, а значит и член твоего племени.

В пустыне редко бывают знаменательные события. Жизнь здесь медленная, однообразная, редко выходящая за веками установленные рамки.

Может быть именно поэтому всем хотелось увидеть за один раз великого Али-бея, знаменитого Салмана-медведя и ставшего

теперь не менее знаменитым в пустыне своего соплеменника Аль Харуна рядом с ними.

Все сходились в одном мнении. Великий Али-бей может быть довольным. Ему повезло. Он получил в братья воина которому не было равных во всей Сахаре ни по воинскому мастерству ни по благородству.

БЕДУИНЫ

Примерно через неделю после встречи с Мухамад-беем в гости к Али-бею приехал Аль-Харун. На дворе стояла поздняя осень. Днем было еще довольно тепло, но по ночам становилось уже ощутимо прохладно. На Аль-Харуне был нарядный бедуинский плащ из отборной верблюжей шерсти одинаково удобный как для защиты от холода так и для защиты от жарких лучей солнца. На ногах запылившиеся от долгой дороги темно-коричневые сапоги из тонкой козьей шкуры, на голове платок аймемма из дорогой шерстяной материи. Не каждый бедуин может позволить себе такое одеяние. Но Аль-Харун шел не только в гости к своему брату, но и к Султану-правителю всего Египта протянувшегося почти по всей протяженности великого Нила.

Вообще-то Аль-Харун не любил праздничное одеяние. Оно его стесняло, сковывало его движения. В повседневной бедуинской одежде он чувствовал себя свободно и комфортно, но жена настояла на том чтобы он одел именно такую одежду и он ее одел. Всю дорогу до Каира он злился на то что позволил себе подчиниться воле всегда такой покорной жены. Но когда он вошел во дворец и увидел, что все здесь одеты именно так то сразу понял что его простая бедуинская одежда выглядела бы в покоях дворца не очень правильно. Жена как всегда оказалась права. К удивлению Аль-Харуна мысль о том, что его жена оказалась как всегда права не вызвало у него ни досады ни раздражения. Более того мысль об этом вызвала у него даже теплые чувства от того что рядом с ним находился человек который видел иногда то что не видел он сам и который мог в мягкой и ненавязчивой форме, не унижая его достоинства, добиться того что бы он сделал так как нужно сделать это в нужном месте или в нужное время.

В пустыне и ее окрестностях Аль-Харун чувствовал себя как в райском саду. Он знал в Сахаре все. И вечно меняющиеся, странствующие по пустыне барханы и петляющие между ними нити караванных дорог, и каждый колодец который был на этих путях. Он знал каждый оазис куда могли дойти копыта его коня. Аль-Харуна знали и почитали не только во всех близлежащих селениях, но и во всей Сахаре. Особенно возросла его слава после его поединка с курдским великаном Салманом-медведем. Всех поразила даже не его победа над доселе не победимым Саламаном имя которого хорошо знали не только в горах Сирийского Курдистана но и далеко за его пределами. Во времена вечных войн и вечных побед одного человека над другим, в пустыне этим трудно было кого-то удивить. Всех поразила даже не сама победа которых много повидали и горы и коварные пески в этих краях – всех поразило невиданное доселе в этих краях благородство воина не добившего своего поверженного соперника, а помогшего ему.

Благородство которое подарило Аль-Харуну не только славу, но и нового друга. Теперь Аль-Харуна все называли никак не иначе как Лев Сахары.

Сопровождали Аль-Харуна два его ближайших друга Щукяр и Кязим с которыми провел он немало времени и в седле и в жестоких сражениях.

Щукяр как и подобает туарегу одет в длинную праздничную галабею синего цвета на которую несколько небрежно, но довольно аккуратно накинут парадный халат аба тоже ярко синего оттенка. Лицо Щукяра прикрыто завесой из домотканой синеватой ткани. У туарегов такие завесы носят только мужчины в то время как лица женщин или открыты вообще или прикрыты легкой вуалью закрывающей лицо в гораздо меньшей степени.

При дневном свете видно что лицо Щукяра имеет синеватый оттенок как и у всех туарегов. Именно поэтому многие соседние племена, а за ними и путешественники посетившие племена туарегов называют их синими людьми. Все это связано не с тем что туареги имеют на самом деле синий цвет кожи от рождения, а с тем что они традиционно носят ткани покрашенные в синий цвет используя для этого натуральный краситель индиго. От постоянного контакта с одеждой синего цвета кожа туарегов на которую постоянно оседают частицы краски индиго начинает приобретать синеватый оттенок.

На Кязиме длинная парадная рубашка джалабея белого цвета, на голове такой же нарядный платок аймемма удерживаемый на волосах с помощью черного ободка угаль. Бедуины важно идут по длинным коридорам дворца сопровождаемые Сахибом. Он ведет их в рабочий кабинет Султана где Али-бей принимает близких ему людей перед которыми ему нет необходимости соблюдать излишние церемониалы утомлявшие его необходимостью изображать из себя что-то то что должен он был изображать, в то время как все это не имело никакого практического смысла.

Перед тем как войти во дворец Аль-Харун и сопровождающие его друзья передали Сахибу что они согласно бедуинскому обычаю привели с собой в подарок Султану красивую белую верблюдицу и такого же белого верблюжонка которых они дарят хозяину дома в знак уважения к нему.

Сахиб был свидетелем истории первого знакомства Аль-Харуна с Али-беем происшедшей много лет назад и потому невольно улыбнулся увидев при дневном свете широкий шрам на его лице который тянулся от виска почти до самых уголков его красивых тонких губ. Но как ни странно большой широкий шрам не портил лица Аль-Харуна и не сделал его ни кривым, ни уродливым.

Когда гости в сопровождении Сахиба вошли в кабинет Алибея тот поднялся им навстречу и радушно обнял каждого из них по очереди начав со своего названного брата и закончив Кязимом как самым младшим. Обычно в покои Султана охрана не пропускала людей с оружием. Сабли, ножи и кинжалы изымали у них еще при входе во дворец. Аль-Харуна и его друзей никто разоружать не стал. Это был приказ Али-бея. Тем самым Султан хотел подчеркнуть перед гостьми свое особое отношение к ним.

Слуги уже накрыли небольшой стол посреди двух больших широких диванов между которыми находилось два кресла стоявших напротив друг друга. Одно кресло несколько походившее на трон Султана было для Али-бея, другое для его брата Аль-Харуна.

После коротких приветствий и традиционных вопросов о здоровье близких им людей и состоянии дел все расселись вокруг стола на котором дымилась теплое мясо молодого верблюда. Рядом с мясными блюдами стояли большие чаши с охлажденным верблюжьим молоком, водой и щербетом. Приятный аромат исходил от свежего бедуинского сыра и румяных лепешек только что

вынутых из раскаленной печи. Все это были блюда из традиционной египетской кухни. Отдельно от них стояли другие блюда с которыми бедуины были совсем незнакомы и вид которых вызвал у них удивление которое они впрочем не стали показывать прилюдно. Это были блюда абхазской кухни которые готовили для Алибея повара специально привезенные для Али-бея из пределов его далекой Родины запах которой он так и не смог забыть даже войдя во дворец Султана в качестве его хозяина.

Согласно местных обычаев гостя нельзя спрашивать с каким вопросом пришел он. Его нужно сперва накормить, напоить и ждать пока гость сам не скажет что привело его в дом хозяина. В кабинет зашли слуги.

Одни из них несли несколько пустых медных тазов, другие кувшины с водой, третьи красиво вышитые бело-красные полотенца. Гостям полили на руки после чего подали полотенца для того что бы они вытерли ими лица и руки. Эта процедура была весьма кстати для гостей так как Аль-Харун и его друзья прибыли в Каир после дальней дороги. А дороги в пустыне прилегающей к городу не только каменистые но и пыльные.

После омовения рук и лиц все снова расселись по своим местам. Аль-Харун как старший по возрасту произнес молитву в которой благодарил создателя за то что он дал им хлеб и воду.

Все присутствующие полушепотом повторили его слова после чего дружно приступили к долгожданной трапезе. Ни вилок ни ложек на столе не было. Кушали голыми руками. Жидкие блюда пили опрокидывая разнообразные чаши с ними прямо в рот.

После того как хозяева и гости утолили первый приступ голода Али-бей оторвался от своей тарелки и спросил.

Аль-Харун, брат мой, ты не забыл что я по происхождению абхаз.

Нет повелитель, отвечал тот, так же оторвавшись от еды, я ничего не забываю из того что касается моего брата продолжал он с доброй улыбкой.

- Коль твой брат абхаз значит и все абхазы близкие тебе люди – не так ли, продолжал Али-бей.

- Да повелитель. Что правда то правда. До того как ты стал моим братом честно говоря я даже не знал что есть такой народ Абхазы. Теперь знаю и уважаю этот народ потому что он дал мне надежного друга и брата как ты, добавил он.

- Если ты позволишь повелитель, я скажу тебе свое мнение по этому поводу вступил в разговор Кязим.

- Конечно, отвечал ему Али-бей. Друзья моего брата и мои друзья и мне будет очень даже интересно знать, что думают они.

- Я сын пустыни то же не знал раньше кто такие абхазы. Честно говоря я даже не знал что и ты абхаз. Но теперь когда я узнал и то и другое мне остается только уважать этот далекий народ, хотя бы только потому что – сказав последние слова Кязим на минуту задумался и найдя нужные ему слова продолжил – только за то, что как только сын этого народа стал братом Аль-Харуна набеги соседних воинственных племен на наши селения прекратились.

Теперь наше племя живет в мире и спокойствии и мы уже долгое время не хороним наших воинов погибших защищая нашу землю.

Наше племя зауважали по всей Сахаре. И в этом есть большая заслуга твоего имени мой повелитель закончил он свою мысль.

- Я рад тому что хоть как то смог быть Вам полезным отвечал Али-бей, но коль как Вы сказали я сын своего народа то я хотел бы чтобы Вы отведали те блюда которые едят ежедневно люди моего племени. С этими словами он подвинул гостям тарелки с абыстой, аджикой, сыром и румяными лепешками – ачафь. Он показал им как нужно есть эти блюда обмазав абысту и ачафь довольно густым слоем аджики.

Аль-Харун первым попробовал протянутое ему блюдо. Он откусил довольно весомый кусок абысты. Было видно как глаза его заметно округлились после того как ядреная аджика обожгла его язык и горло. Он на секунду поперхнулся замер, но сразу взяв себя в руки весело заулыбался. Заулыбался только для того чтобы ненароком не выдать свою растерянность от остро обжигающего блюда. Его друзья увидели как лицо его резко покраснело, глаза на мгновение округлились и весело заулыбались глядя как растерянно заулыбался человек который не знал до этого ни страха ни боли.

Аль-Харун хотел запить острое блюдо водой, чтобы ослабить эффект от его приема, но Али-бей с доброй улыбкой убрал его руку от кувшина с водой и протянул ему кусок мяса который Аль-Харун съел недолго раздумывая.

Когда он отошел от первого шока вызванного его знакомством с абхазской аджикой он уже с доброй улыбкой сказал глядя в сторону своих друзей.

- Теперь Ваша очередь я посмотрю как будете улыбаться Вы когда попробуете то что абхазы едят каждый день.

В это время Али-бей взял из его рук оставшийся кусок абысты откусил от него довольно большой кусок вместе с густо намазанной на него аджикой и спокойно начал жевать все это.

Аль-Харун не смог скрыть своего удивления и широко раскрыв руки растерянно улыбался глядя на спокойную реакцию повелителя с видимым удовольствием поедавшего ядреное блюдо.

Закончив пережевывать пищу Али-бей не скрывая удовольствия от произведенного на гостей эффекта с доброй, но довольно лукавой улыбкой посмотрел на гостей и предложил.

- Теперь Ваша очередь дорогие мои гости отведать наше абхазское угощение.

Кязим и Щукяр посмотрели друг на друга и поняв что им не отвертеться от участи Аль-Харуна заулыбались намазывая куски абысты тонким слоем аджики.

В отличии от Аль-Харуна они уже знали свойство блюда которое предстояло вкусить им и потому не показывая своего смущения они начали медленно откусывать небольшие куски абысты. По-видимому подготовившись к неприятным ощущениям которые предстояло им пережить они более спокойно восприняли обжигающий эффект аджики. Стараясь не показывать своих эмоций они демонстративно медленно заели острое блюдо кусками мяса и сыра. Сделав все это дети Сахары посмотрели друг на друга, а затем уже на всех остальных участников пиршества довольные тем что смогли достойно выдержать нелегкое испытание. Немая, несколько комичная сцена, и довольные лица кочевников сразу разрядили обстановку напряженности и некоторых условностей царивших до этого за столом.

Все заулыбались друг другу. Всем стало как-то спокойнее, уютнее и проще.

Уже в самом конце застолья когда были исчерпаны все традиционные в таких случаях вопросы о здоровье, близких, перспективах на урожай и обстановке в прилегающих районах Аль-Харун повел разговор об истиной цели своего приезда.

- Повелитель, начал он, ты помнишь историю которая произошла со мной когда мы сопровождали твоего отца.

- Тогда много было всяких историй, какую именно историю имеешь ты в виду, спросил Али-бей оторвавшись от еды и отодвинув от себя тарелку с недоеденным мясом.

- Я имею ввиду историю нашей встречи с Ага-беком и Салманом-медведем в горах Курдистана.

Кязим и Щукяр хорошо помнят тот день так как они вместе со мной ездили сопровождать твоего отца. Вознаграждение которое выдал тогда ты нам помогло им выйти из долгов и даже кое-что прикупить для себя добавил Аль-Харун.

Так вот, продолжал он, не буду утомлять тебя подробностями того дня, ты их хорошо знаешь не хуже меня. Дело в другом.

Ага-бек и Салман-медведь прислали к ним вестников. Они хотят приехать к нам в гости и спрашивают нас когда нам наиболее удобно будет встретить их. Вот мы и хотели спросить тебя. Когда лучше всего будет сделать это.

Известие о возможном скором приезде Агабека в Египет обрадовало Али-бея.

Агабек был очень влиятельной фигурой в Сирийском Курдистане.

В свете планов Али-бея по походу в Сирию и Паслестину более тесное знакомство с такой важной фигурой как Агабек было весьма кстати.

Он мог оказать значительную помощь в реализации планов намеченных Али-беем.

Али-бею было важно достичь договоренность с курдами о том что в случае открытия им военных действий в Сирии и в Палестине они не пропустят через свои горы подкрепление и оружие для турецких гарнизонов расположенных в тех краях. Решение такой задачи значительно увеличивало шансы армии мамлюков достижения победного результата в более короткие сроки и с меньшими потерями.

До этого времени у Али-бея был надежный союзник в том регионе в лице шейха Дагира. Дружба и союз с Агабеком могли серьезно усилить позицию Али-бея в Сирии где ему предстояло начать активные боевые действия против войск турецкого Султана расположенных в этом районе и его союзников и ставленников.

Поэтому Али-бей не стал скрывать своего удовлетворения от вести которую услышал он.

- Спасибо Вам за добрую весть которую принесли Вы в мой дом, сказал Али-бей. Думаю, что чем раньше приедут Агабек и Салман-медведь к Вам в гости тем лучше. Так и передайте их гонцам.

Со своей стороны я обязательно навещу Ваше племя когда к Вам приедут столь знатные и важные гости. Думаю что после посещения Вашего селения я и сам приму Агабека и его друзей. Вообщето я давно должен был навестить твой дом, брат мой, продолжал Али-бей. Вот и предлог нашелся для такого посещения.

После окончания застолья Али-бей повел гостей по коридорам дворца на женскую половину.

Он хотел познакомить своего брата и его друзей со своими женами. Близкие мне люди должны знать друг друга сказал он. Эта жизнь такая непредсказуемая, продолжал он. Никто из смертных не знает, что ждет его завтра. Всю свою жизнь человек балансирует на канате. Под ним всегда пропасть вечности прошлого. Над ним никем не познанная вечность будущего. Всего один неверный шаг и человек летит в вечность которая под ним или над ним. Угадать когда это произойдет не может никто, но знать что это произойдет рано или поздно должен и обязан каждый. Знать и быть готовым к этому.

Жены Али-бея были предупреждены о предстоящем визите Султана и его гостей. По приказу повелителя бедуинам были показаны только Нафиса и Мариам.

Обе они сидели на одной из мраморных скамейке, что окружали фонтан в зале сераля. При виде Султана и его гостей Нафиса и Мариам встали и почтительно опустили головы.

Лица их были закрыты легкими шелковыми завесами из черного прозрачного китайского шелка.

Они были закрыты так, что на свет божий смотрели только их глаза. Глаза большие как у всех женщин любопытные. Глаза которые хотели увидеть так много, но видели только ограду золотой клетки вокруг себя.

Али-бей представил гостям своих жен, затем начал представлять им каждого из гостей в отдельности.

Согласно восточным обычаям он представил им сперва старшего из гостей которым был Аль-Харун.

Султан в цветастых выражениях описал кто такой Аль-Харун, перечислил его заслуги и подвиги. Не забыл он при этом и историю его недавнего поединка с непобедимым до того времени Салманом-медведем.

После этого он представил Нафисе и Мариам Кязима и Щукяра. Нашел он и для них немало добрых слов.

В Египте как и на всем Ближнем Востоке мужчины любят красивых женщин, славу, деньги и лесть. Не были исключением в этом отношении и кочевники Сахары. Им тоже очень понравилось что сам Султан так красиво и хорошо отозвался о них и как о воинах и как о людях чести.

У Али-бея было хорошее настроение вызванное вестью привезенной ему сегодня его гостями.

Он весело улыбался на какое-то время позабыв, что он Султан и повелитель всех этих людей. Постоянно шутил, и даже несколько раз громко рассмеялся, что обычно он делал весьма редко.

После посещения сераля он решил показать гостям как идет обучение молодых мамлюков из которых он собрался сформировать регулярную армию Европейского образца. Для этой цели он набрал молодых мамлюков 16-17 лет отроду и нанял в Берлине двух офицеров которые должны были обучить этих юношей премудростям Европейской тактики и стратегии ведения современного боя.

Казармы и площадки для обучения находились на окраине Каира. Они располагались в пустынной местности откуда открывался прекрасный вид на бескрайние просторы пустыни украшенные тремя шпилями древних пирамид.

Уже через полчаса езды на лошадях Али-бей, Сахиб, Аль-Харун и его друзья были у ворот казармы.

Часовой увидев Султана и сопровождавших его людей отдал честь повелителю и открыл ворота.

Кочевники удивились тому что мамлюк отдал им честь. Они никогда не видели чтобы воины отдавали честь и вытягивались в струнку перед другими прижимая оружие к телу. Так в пустыне никто никогда не делал. Там приветствовали друг друга только кивком головы.

Когда они въехали на территорию лагеря со всех сторон обнесенного высокой глиняной стеной на плаце шли строевые занятия.

Офицер-пруссак одетый в форму Прусской армии увидев что на территорию лагеря заехал Султан отдал приказ и шеренги мамлюков четко и все разом остановились. По следующей короткой команде все они одновременно повернулись в сторону Али-бея и сопровождавших его лиц.

Курсанты стояли ровными рядами, вытянувшись в струнку и все как один повернули голову налево. Когда Али-бей и сопровождавшие его лица подъехали к строю застывших как изваяния мамлюков офицер четким шагом подошел к ним и на незнакомом всем языке отрапортовал им. Никто не понял что сказал он, но всем было ясно что он докладывает о чем-то Султану. Через несколько секунд рядом с ним оказался немного замешкавшийся переводчик. По-видимому он сразу не соорентировался что ему делать и как себя вести . Поняв свою оплошность он подбежал к офицеру, встал рядом с ним и перевел слова пруссака.

- Повелитель. Капитан Отто Фон Берг доложил Вам что он проводит очередные занятия с мамлюками согласно устава и утвержденного Вами плана.

Али-бей и сам не знал точно что он должен был ответить ему, но капитан четко чеканя слова снова что-то сказал обращаясь к нему. Переводчик перевел его слова.

Повелитель! Капитан спрашивает вашего разрешения продолжить занятия согласно плана.

- Али-бей чуть приподнялся на стременах и кивнул головой, что означало по-видимому его согласие на продолжение дальнейших занятий.

Увидев Али-бея о котором уже тогда слагали песни и легенды молодые мамлюки и до этого старательно постигавшие азы неизвестного им воинского искусства еще больше подтянулись и стали исполнять команды своего наставника с еще большим рвением и старанием.

Вытянувшись в струнку они старательно печатали шаг по каменистому пыльному плацу.

Молодые мамлюки одетые в одинаковую форму светло-коричневого цвета шли стройными рядами мимо своего Султана и кумира старательно держа дистанцию и высоко выбрасывая вперед крепкие ноги обутые в сапоги одинакового покроя и цвета.

В руках у них были английские винтовки которые поставил Али-бею греческий купец за баснословные деньги. Али-бей не жалел ничего для того чтобы одеть, обуть и вооружить армию нового образца.

Армию подобной которой страны этого региона не только никогда не имели, но даже и не видели никогда. Молодые мамлюки которые старательно печатали перед ним шаг должны были стать основой этой новой армии.

Али-бей планировал сформировать из них офицерский корпус новой армии после того как они пройдут курс обучения у прусских вояк славившихся во всей Европе своей дисциплинированностью, педантичностью и особой отвагой.

Али-бей сошел с коня и прошел под навес где стояли скамейки. То же самое сделали Сахиб и кочевники которые тоже не прочь были уйти от прямых палящих не по сезону жгучих солнечных лучей.

Али-бей внимательно смотрел за тем что происходит на плацу перед ним. Для него важна была каждая деталь происходящих событий. Аль-Харун и его друзья напротив смотрели на все скучающим взглядом больше из вежливости перед хозяином чем из интереса к действиям на плацу.

Наконец не выдержав долгого молчания и наскучившей ему шагистики Аль-Харун сказал обращаясь к Али-бею.

- Повелитель, скажи мне, разве от того что эти мальчики одеты в одинаковую одежду, высоко поднимают ноги и ходят ровными рядами их сабли становятся острее и быстрее. Разве этот разукрашенный павлин - он показал при этом рукой на прусского офицера устоит против любого из нас в настоящем бою. Чему может научить их он который слабее каждого из нас.

Али-бей внимательно выслушал его слова и после долгого раздумия ответил ему.

- Аль-Харун, брат мой, ты в чем-то прав в чем-то не прав. Ты прав в том что ни один европеец за самым редким исключением не устоит в бою против мамлюка или бедуина. Увидев как недовольно поморщился при его словах Щукяр Али-бей с улыбкой добавил. Еще лучше будет ему если он встретится в пустыне с туарегом. Тот его одним кинжалом уложит лукаво улыбаясь добавил он. Если взять сто любых мамлюков, бедуинов или туарегов и против каждого из них поставить одного лучшего воина англичанина, француза или пруссака то во всех ста поединках победят наши люди. В этом я не сомневаюсь.

- Вот об этом я и говорил, удовлетворенно добавил к его словам свои эмоции Аль-Харун. Так зачем же и чему можно научиться у тех которых мы сильнее и храбрее, закончил он свою мысль.

- Ты подожди брат мой, дай я доскажу свою мысль перебил его Али-бей и не ожидая ответа Аль-Харуна продолжил. Но если взять и поставить вместе сто этих европейцев и выставить против них

тех же сто самых храбрых и отважных наших воинов то все будет наоборот. Когда они вместе у наших лучших воинов не будет никаких шансов одолеть их. Сто как ты говоришь слабых европейцев когда они вместе и у них есть командир одолеют даже двести наших лучших воинов.

- Почему так, повелитель что помешает нашим воинам одолеть этих европейцев которые и из ружей то не особо хорошо стреляют, а саблей и вовсе не умеют работать, машут ими как топорами, поддержал своего друга Щякур.

- Мне трудно объяснить тебе почему это так, но поверь мне на слово, что это так, отвечал ему Али-бей. Дело в том, что война это не единоборство двух воинов, а противоборство двух армий. И в этом противоборстве выигрывает не та армия у кого лучше единоборцы, а та армия в которой аскеры знают как нужно себя вести когда идет сражение. Та армия в которой команды командира выполняются быстрее и четче.

Али-бей еще долго старался объяснить своим гостям в чем сила Европейских армий, но вскоре понял что кочевники слушают его больше из вежливости чем понимают смысл всего того что говорит он им.

Вскоре после того как Аль-Харун и его друзья вернулись во дворец они засобирались в дорогу и они уехали несмотря на многочисленные просьбы Али-бея и Сахиба остаться у них и переночевать во дворце где их ждали отдельные комнаты и уютные постели.

ПОЕЗДКА В ПУСТЫНЮ

С утра Мариам была в скверном настроении. Причинно тому была одна. Ночью ей приснился странный сон.

Сон был какой-то рванный неясный, но многие моменты из этого сна Мариам помнила отчетливо. Она шла по широкой степи. Она хорошо помнила, что шла именно по степи, а не по пустыне. Кругом было море цветов. Цветов красивых ярких. Сияло яркое солнце и чудно пели птицы. Пели совсем рядом. Потом где-то вдалеке показался человек. Ей даже показалось что это Али-бей. Мариам держала за руки Гатису. Они шли к Али-бею, но почему-

то Али-бей начал удаляться от них. Потом он резко приблизился и стала уходить от него она. Она шла, шла. Али-бей смотрел ей вслед. Она все уходила и уходила от него, но так и не могла понять куда она идет и зачем.

Раньше когда Мариам жила дома она могла сходить к соседке бабе Глаше. Баба Глаша хорошо читала сны. Ей достаточно было рассказать любой сон и она сразу же говорила к чему этот сон и что предвещает он.

В Египте все было иначе. В Египте отгадывание снов считалось не богоугодным делом. Оно приравнивалось чуть ли не к колдовству. А за колдовство наказание суровое вплоть до публичной казни.

Мариам подумала, что общение с дочерью немного успокоит ее. С такой мыслью она пошла в детскую комнату. Гатиса еще спала. Услышав ее шаги девочка проснулась и увидев мать радостно заулыбалась.

Дочка была очень красивой девочкой. Кожа белая как у Мариам. И глаза такие же голубые как у нее и с таким же зеленоватым оттенком. Все остальное было от отца. Цвет волос, выражение глаз, взгляд и даже ямочка на подбородке – совсем как у Али-бея.

Мариам еще не успела подойти к ней как девочка вскочила с постели и с радостным криком побежала навстречу ей. Она бежала босиком по холодному полу. Ее домашние остроносые с загнутым концом замшевые туфли остались стоять около кровати.

Подбежав к матери она обняла ее за талию и радостно прижалась к ней.

Непосредственность и искренняя радость ребенка немного отвлекли Мариам от невеселых мыслей, но прошло некоторое время и печать раздумия снова накрыла ее лицо.

С таким непонятным настроением она провела весь день пока не решила сходить к Нафисе чтобы рассказать ей про свой сон и не поделиться с ней своими сомнениями и тревогами. Мариам знала, что между ней и Нафисой давно уже установились совсем не характерные для обитателей Сераля теплые дружеские отношения. Чем было вызвано это не знали ни Мариам ни Нафиса. Наверное, так часто бывает в жизни когда встречаются два одиночества с одинаковой судьбой. Обычно в такой ситуации женщины завистливые и недобрые становятся врагами. Порядочных и честных общая судьба объединяет. Объединила она и Мариам с Нафисой.

Когда Мариам зашла в комнату к Нафисе она сидела на диване и задумчиво смотрела в цветное узорчатое окно. Увидев Мариам Нафиса встала с дивана пошла ей навстречу и протянула руку.

- Хорошо что ты пришла улыбнулась как то грустно она. Мне было что-то совсем тоскливо. Подруги уселись на диван продолжая держать друг друга за руки. Они обе благотворно действовали друг на друга и, наверное, потому всегда радовались всякому общению между собой. После коротких расспросов о здоровье и о других не значительных делах Мариам сразу же перешла к основной цели своего визита.

- Ты знаешь, Нафиса, начала она, я вчера видела странный сон и он почему-то тревожит меня весь день. После этих слов она довольно подробно пересказала ей содержание сна который так беспокоил ее. Нафиса слушала подругу лишь изредка перебивая ее что бы уточнить какие-то детали. Мариам рассказывала долго стараясь не упустить ни одной мелочи из того что промелькнуло в ее сознании в течении короткого сна.

Дослушав ее рассказ Нафиса задумалась стараясь понять скрытый смысл в каждой детали которую передала ей Мариам. Сама же Мариам сидела напротив нее и ждала что она скажет. Так продолжалось довольно долго. Обе женщины силились понять то что было трудно оценить трезвым рассудком и потому никак не могли дать однозначного толкования тому что видела Мариам. Наконец после довольно долгой паузы Нафиса сказала.

- Не нравится мне этот сон. В нем есть что то нехорошее и даже зловещее. Лучше бы ты мне его не рассказывала. Теперь я неотступно буду думать о том чтобы это значило.

Слова Нафисы еще больше расстроили Мариам. Теперь она готова была расплакаться от давившего ее чувства беспокойства, а вернее даже страха. Подавленное настроение было и у Нафисы. Так и сидели они растерянно глядя друг на друга не в силах побороть чувство беспомощности от увиденного и услышанного. Наконец Нафиса сказала.

- Я думаю нужно помолиться Аллаху и все будет нормально. Давай вместе помолимся Всевышнему чтобы он сберег нас и нашего правителя. Кто мы с тобой и что можем мы если не дай бог что-то случится с ним. Его конец – это и наш с тобой конец. Нафиса говорила все это совершенно искренне. Она по сути своей была

глубоко несчастной женщиной жизнь которой всецело зависела от того как будут обстоять дела у Али-бея. Нафиса прекрасно понимала. Когда не будет Али-бея она никому не нужна ни в Серале, нигде вообще.

Давным, давно, когда она была молодой и ослепительно красивой Всевышний дал ей двух детей мальчика и девочку. Им было уже лет по 7-8 когда сперва умерла от нежданной болезни ее дочь. Вскоре умер и сын. Почему они умерли она так и не знала. Обычно такие вещи случаются во дворцах где правитель имеет право наследовать трон своим детям. В борьбе за право наследовать трон бывает многое. Бывает убивают, бывает травят ядом. Но в те времена когда умерли ее дети Али-бей еще не был Султаном, а трон шейха аль-Баледа не был наследственным.

Согласно традиций установленных в мамлюкском государстве трон шейха аль Баледа после его смерти занимал не его сын, а тот кого избирал Совет беев. Так что полагать что ее детей отравили у Нафисы не было оснований. После этого Всевышний не дал ей уже детей и теперь у нее на белом свете не было никого кроме Алибея, его сестры Фагуды, Мариам и ее дочери.

Посоветовавшись немного Нафиса и Мариам решили не говорить больше никому про неприятный сон. Особенно не нужно было это знать Фагуде. Фагуда была в положении и такое волнение ей было совершенно ни к чему. Подруги еще долго успокаивали друг друга, но так и не добившись успокоения душ разошлись по своим комнатам.

Когда Мариам ушла Нафиса еще долго сидела на диване. Рассказ Мариам напомнил ей такой же странный сон который видела она несколько дней назад.

Тогда она не обратила на свой сон особого внимания потому что видела она его в тот день когда все сны считаются пустыми и несбывающимися.

Теперь после рассказа Мариам она не вольно вспомнила его. А сон был таков.

По пустыне удаляясь от нее шла вереница всадников. Всадников было много. Очень много. Впереди всех скакал воин на белом коне. Лица его она не видела и потому не знала кто он. Вереница все удалялась от нее и стала потихоньку исчезать в пустыне. Затем когда последний всадник исчез в песках оттуда вдруг поползла

большая черная змея. Змея была громадная как из сказок про тысячу и одну ночь. Глаза у нее горели и смотрели прямо на нее. Потом змея раскрыла свою чудовищную пасть и Нафиса испугавшись что она ее укусит в ужасе проснулась.

Стояла глубокая полночь.

В комнате было темно. Несмотря на довольно прохладную погоду поздней осени ночная рубашка на Нафисе стала мокрой. Она долго сидела на постели отходя от увиденного во сне ужаса. Затем встала сняла рубашку, одела свежую. Снова легла в постель. Ее бил озноб. Она накрылась теплым одеялом, но так и не смогла согреться. Не смогла она тогда и заснуть. Всю оставшуюся часть ночи лежала она с открытыми глазами никак не в силах забыть увиденную ею во сне ужасную картину.

Прошло несколько дней. Ничего странного за это время не произошло и Нафиса потихоньку забыла о своем ужасном сне. Рассказ Мариам напомнил ей о нем и теперь она уже заново переживала все то о чем она стала потихоньку забывать.

На следующий день она снова встретилась с Мариам. Посидели. Поговорили. Обе женщины старательно избегали темы о своих снах. Каждая из них думала о нем, но считала не нужным говорить об этом вслух. Им хотелось как то отвлечься от мрачных мыслей навеянных этими неприятными сновидениями.

После недолгого разговора касавшегося последних новостей в Серале Нафиса предложила.

- Мариам, а что если нам с тобой съездить в пустыню. Я живу в Каире много лет, но ни разу еще не была там. Ты тоже. Давай скажем о нашем желании Джамалу. Джамалом звали евнуха гарема. Пусть он доведет до сведения Кящифа наши желания.

Так они и сделали. Ближе к обеду они получили разрешение от Джамала на поездку которое было сразу же доведено до сведения Султана.

Султан не стал возражать против этого лишь пожелав, что бы они поехали на Запад от Каира где стояли знаменитые гробницы.

Помимо этого Султан учитывал что в той стороне давно уже не было шаек грабителей и разбойников. Последний раз их видели в тех краях лет пять-шесть назад.

Учитывая это Султан распорядился выделить им в охрану небольшой отряд из десяти мамлюков во главе с Умаром.

Ехать до гробниц нужно было часа три. Дорога по которой катила крытая карета с Нафисой и Мариам шла по пыльной и каменистой местности. Умар ехал впереди них. Сзади кареты медленным неспешным голопом скакали остальные мамлюки.

Вскоре карета и всадники выехали за пределы города. Теперь впереди них на фоне сероватого осеннего неба отчетливо вырисовывались громады двух пирамид. Одна пирамида была чуть повыше другая несколько поменьше и пониже. Нафиса и Мариам которые за все время своего пребывания в Египте еще ни разу не выезжали за пределы Каира с нескрываемым интересом смотрели по бокам и вперед поражаясь всему тому что они видят.

Еще через несколько минут они увидели еще одну пирамиду.

Она оказалась значительно ниже первых двух и была немного закрыта ими так как находилась позади них.

Из рассказов тех кто бывал за пределами города они знали что такое пустыня, но то что увидели они поразило их. Кругом простиралось безжизненное пространство. Ни единого деревца, ни единой зеленой травинки. Только камень, песок и песчаные барханы до самого далекого горизонта уходившего в бесконечную даль неизвестности.

Особенно поразила такая картина Нафису. Мариам жила в Малороссии где тоже кругом были одни бескрайние степи. Поздней осенью они тоже были пустынные хотя ни на столько. А вот Нафису хорошо помнившую зеленые уходившие за горизонт полные жизни холмы и горы далекой Кахетии и Мигрелии картина безжизненной пустыни поразила гораздо больше. Она смотрела на открывавшуюся перед ней картину и поражалась в первую очередь тому как могут люди жить в такой пустыне где нет ни воды, ни травы, ни деревьев.

Вскоре карета и всадники достигли пределов пирамид. Сопровождавший Нафису и Мариам Джамал подошел к карете и открыл дверцы. Сперва он выпустил из кареты Нафису как старшую по возрасту затем Мариам.

Еще до того как они доехали до места назначения женщины увидели что рядом с тремя большими пирамидами стоят еще три пирамиды. Они были гораздо меньше своих соседей, но все равно поражали своими размерами.

Когда женщины вышли из кареты они сразу же направились в стороны громадной каменной головы находившейся несколько

южнее пирамид. В серале всегда много говорили об этой голове сложенной из громадных плит розового песчаника. Одни утверждали, что она имеет чудодейственные свойства.

Говорили, что достаточно прикоснуться к ней и загадать свое заветное желание то оно обязательно сбудится. Другие говорили наоборот, утверждая, что ко многим людям посмотревшим в глаза каменной громаде приходят большие беды.

Женщины решили поступить мудро. Посмотреть на каменную голову, но в глаза ей не заглядывать.

Умар и остальные мамлюки с коней не сходили. Пустыня есть пустыня. Здесь можно ждать угрозы из-за любого бархана. Так оно и случилось. Минут через двадцать после того как женщины сопровождаемые Джамалом пошли осматривать пирамиды и голову Сфинкса из-за далекого бархана навстречу мамлюкам вылетел отряд сабель в тридцать. Увидев мамлюков они остановились но от своих намерений явно не отказались. Женщины в страхе завизжали и побежали к своей карете. Вслед за ними засеменил и Джамал. Когда испуганные женщины спрятались в карете Джамал недолго думая скрылся за каретой. Сабля висела у него на боку, но он никогда в жизни не держал ее в руках, кроме тех случаев когда он был один и никто не мог видеть того как неуверенно держит он в руках свое дорогое, но бесполезное для него оружие.

Как все робкие и трусливые люди Джамал решил, что лучше будет дождаться исхода неизбежного столкновения с разбойниками здесь за каретой, а уж только потом думать что делать дальше. Он был готов к тому чтобы отдать нападавшим кольца и браслеты украшавшие Нафису и Мариам и тем самым выкупить свою жизнь. Но Умар и мамлюки были совершенно другого мнения.

Умар выехал вперед и доехав до того места откуда разбойники хорошо могли услышать его голос сказал.

- Мы малюки Али-бея. Кто Вы. Чего Вы хотите.

- Сказанные им слова совершенно не смутили тех кто стоял перед ним. Один из них по видимому главарь шайки таким же громким голосом ответил.

- Мы видим кто Вы. Но нас намного больше и мы хотим только одного. Отдайте все ценности которые есть у Вас и Вы свободны. Езжайте куда хотите. Пока предводитель шайки разбойников говорил свои условия Умар успел увидеть на лицах некоторых напа-

давших туарегские повязки закрывавшие их лица. Надо было полагать, что эти туареги были не из здешних краев, а пришли сюда из далеких западных краев Сахары где жили они в местности которую многие называли Магрибом.

Выслушав требование главаря нападавших разбойников Умар спросил.

- Кто бы ты не был. Разве не боишься ты гнева Великого Алибея Абазы.

На что главарь разбойников с усмешкой отвечал. Где Али-бей, а где мы. Пусть он найдет нас потом в бескрайних просторах Сахары. Нет мы не боимся ни Али-бея Абазы ни его гнева. Или отдавайте все что у Вас есть или мы заберем все это силой. Заберем вместе с Вашими жизнями.

Сказав эти слова главарь громко громко рассмеялся. Вслед за ним еще громче заорала вся ватага его сообщников.

Умар разговаривал с ними не потому что хотел узнать условия при которых их отпустят, а только для того чтобы постараться избежать ненужного кровопролития где могли погибнуть многие из сопровождавших его молодых мамлюков. О себе он не думал вообще. Он был уверен в себе. Он был воин. Настоящий воин. Такие как он считали позором для себя не только бояться разбойников, а даже сражаться с ними.

Услышав ответ разбойников Умар на секунду задумался и тут ему в голову пришла спасительная мысль. Он еще некоторое время обдумывал ее прикидывая как лучше преподнести ее.

Возникшую паузу и раздумия Умара разбойники восприняли как время в течении которого он размышляет над тем на каких условиях он будет просить у них пощады и что будет гарантией того что им сохранят жизнь.

Все это время женщины в карете беспрестанно молились Аллаху проклиная тот час когда им пришла в голову мысль съездить в пустыню. Еще неистовее них молился за каретой испуганный Джамал. Он даже саблю свою снял с пояса и успел положить под карету чтобы разбойники не подумали, что он вооружен и будет сражаться. Причем положил он ее так чтобы ее никто не увидел закрепив за рессорой и чтобы в случае чего успеть достать ее и сказать всем что он тоже собирался сражаться с разбойниками.

Закончив свои раздумья над ответом Умар сказал.

- Да пустыня большая. В пустыне вас трудной будет найти Алибею. А вот Аль-Харун найдет Вас если Вы спрячетесь даже под песком.

Ты знаешь собачий сын кто такой Аль-Харун добавил Умар.

Имя Аль-Харуна озадачило разбойников. Они прекрасно понимали что можно скрыться в Сахаре от любого даже самого великого Султана. А вот от Аль-Харуна не спрячешься. Он достанет из под земли. Они прекрасно знали, что если он узнает что его имя было сказано вслух и они не уважили его то пощады от него ждать не придется.

Увидев замешательство в рядах разбойников Умар сказал.

Закон Сахары таков. Честный поединок решает все. Выйди и встань напротив меня добавил он и показал саблей на предводителя разбойников. Если победишь ты то возьмешь все ценности которые украшают руки и уши женщин которых мы сопровождаем.

Там столько золота и бриллиантов что хватит Вам всем и Вашим внукам. Если же Всевышний отвернется от тебя и даст победу мне твои друзья заберут твое тело и пойдут туда откуда они пришли в наши края.

Закон Сахары жесток. Мужчина которого вызвали на поединок не имеет права отказаться от него. Иначе позор и изгнание из племени. Племя не может носить на себе клеймо позора поставленное на его имя трусом или нечестным поступком.

Вызывая на бой своего соперника Умар прекрасно знал что ни один разбойник не устоит перед ним. Он был воином закаленном в десятках сражений через которые прошел он в то время как разбойники могли пугать саблями только караванщиков, женщин и детей.

Главарь шайки посмотрел на своих сообщников надеясь на то что те скажут.

- Никаких поединков вперед все вместе. Но те молчали. Имя Аль-Харуна сразу же отрезвило их. В создавшейся ситуации их гораздо больше устраивал вариант честного поединка между их главарем и Умаром.

В случае если бы их предводитель одержал победу каждый из них мог бы при необходимости сказать.

- Эти условия предложил сам Умар. Мы ни сделали ни одного шага после того как услышали имя Аль- Харуна . Они уже ничем не рисковали сами, а могли получить при хорошем стечении обстоятельств большую прибыль.

Не получив нужного ответа от своих сообщников главарь пришпорил коня и полетел навстречу Умару. Тот успел вытащить свою саблю из ножен и отразить первый удар нападавшего. Расчет разбойника на внезапность нападения не оправдался теперь поединок должен был продолжиться на равных условиях.

Оба бойца развернули своих коней и снова понеслись навстречу друг другу. На этот раз сабля Умара сразу же нашла свою дорогу.

Тело разбойника сползло с седла и он через несколько шагов упал на землю. Удивительное животное лошадь. Особенно лошадь арабской породы. Это создание чувствует все что происходит с ее хозяином. Недаром бедуины говорят.

- Когда всадник падает духом хуже бежит и его лошадь. Когда разбойник упал его лошадь остановилась как вкопанная. Ее большие глаза стали по человечески грустными.

Увидев, что главарь шайки упал на землю Умар медленно поскакал в сторону своих мамлюков не обращая уже никакого внимания на убитого им разбойника.

Несколько всадников из числа нападавших подскакали к своему атаману, сошли с лошадей, но помочь ему уже ни чем не могли. Он был мертв. Удар Умара был смертельным.

Во время всего поединка Джамал стоял за каретой и внимательно следил за всем что происходило перед ним. Когда он увидел, что разбойник упал с лошади и уже никогда не поднимется с земли, он быстро достал свою саблю из под днища кареты и нацепил на пояс. Затем он вытащил саблю из ножен и стал прохаживаться перед каретой чтобы все видели что он тоже воин и что он собрался как и все мужчины сражаться с разбойниками.

Мамлюки увидевшие его размахивающего саблей беззлобно рассмеялись. Они видели все что делал он несколько минут назад, но говорить об этом не стали. Удивительная вещь, но большинство молодых мамлюков искренне сожалели о том что вся стычка с разбойниками закончилась поединком двух бойцов. Они хотели чтобы произошел бой и они смогли бы показать всем и себе в первую очередь чему научились они за несколько лет трудного упорного труда когда они ежедневно по семь-восемь часов в день учились искусству владения саблей и стрельбе из огнестрельного оружия.

Женщины неистово молившиеся Всевышнему с просьбой даровать победу Умару увидев счастливый исход поединка сразу же повеселели. Страх сменился восторгом. Они весело защебетали воздавая хвалу Аллаху даровавшему им счастливый исход встречи с разбойниками.

Назад в Каир ехали уже ближе к вечеру. Сперва все долго молчали. Затем Мариам сказала.

Наверное все наши сегодняшние беды от меня. Ты Нафиса говори мне не смотри в глаза каменной головы. В них беда. Так оно и случилось. Не успела я посмотреть ему в глаза как сразу же появились разбойники. Только воля Всевышнего спасла нас от беды. Теперь я буду во всем тебя слушаться.

Нафиса внимательно слушала ее. Ей нравились чистота и искренность подруги. В них было то что нужно человеку чтобы чувствовать себя неодиноким и кому то нужным.

Джамал ехал сбоку кареты на своем саврасом жеребце и все еще держал в руках саблю всем своим видом показывая окружающим что он готов еще один раз встретиться сразиться с разбойниками. Мамлюки понимающе улыбались глядя на него.

Лишь одна Нафиса хмурила брови. Она как всегда увидела сегодня что-то то что все остальные не увидели.

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Ранним утром хмурой осенней поры небольшая вареница всадников чуть более десяти человек медленно спускалась вниз по крутой извилистой горной дороге. Каменистая, местами с большими ухабами дорога в некоторых местах была совсем узкой и тесно прижималась к громадам отвесных скал уходившим иногда куда-то под самое небо.

Сзади каждого всадника шла вторая запасная лошадь нагруженная увесистыми тюками. Лошади боязливо косили глазами на глубокую пропасть тянувшуюся слева от дороги. Со дна пропасти доносился глухой рокот бурного потока стремительно несшего свои воды в далекую Сирийскую равнину. В ущелье как это часто бывает в это время года в горной местности было довольно прохладно, туманно и сыро.

Впереди колонны ехал Агабек. Под ним красивый вороной жеребец. Курды говорят, что лошадь есть продолжение всадника. Не только его тела, но его и мыслей и характера.

Так и с Агабеком. Лошадь под ним такая же горделивая и осанистая как и он сам. Смотрит на всех чуть ли не презрительно сверху вниз.

Немного позади него ехал Салман медведь.

Под ним большой черный жеребец. Лошадь высокая, сильная. Другая лошадь такого богатыря как Салман-медведь просто не выдержит.

Агабек и Салман-медведь были единственными кто не вел за собой запасных лошадей.

Ехали молча. Каждый из них был погружен в свои мысли. Лошадей для них вели младшие по возрасту воины из числа небольшого сопровождения.

Салман-медведь искренне радуется предстоящей встрече с человеком который не только подарил ему жизнь, но и почему то вызвал у него непроизвольную симпатию тем благородством которое проявил он по отношению к нему.

У Агабека совсем другие мысли.

Перед самым отъездом в Египет в его доме собирались наиболее влиятельные беки Сирийского Курдистана.

Относительно этой поездки у них были совершенно другие планы. В свое время, когда весть о поединке Салмана медведя и Аль-Харуна облетела ущелья Курдистана, старый умудренный большим жизненным опытом Фазылбек решил, что этот случай можно использовать в далеко идущих политических целях. Фазылбек негласный лидер элиты Сирийского Курдистана.

Курды один из древнейших народов Ближнего Востока. Этот большой многомиллионный народ большая часть которого издревле проживала на стыке границ мощных государств этого региона Турции и Персии никогда не имел своей государственности. Одна часть курдов проживала в Персии другая в Ираке, третья в Турции, четвертая на территории Сирии. Помимо этого небольшие общины курдов были разбросаны по многим другим странам Юго-Восточной Азии вплоть до Закавказья.

В свое время сложилось так, что территория компактного проживания курдов была разделена между четырьмя соседними

государствами. Время не дает однозначного ответа на вопрос почему курды бывшие одними из самых лучших воинов в своих странах не смогли построить свое собственное государство которое могло кардинальным образом изменить расклад сил на Ближнем Востоке.

Большинство из историков исследовавших эту тему сходится во мнении что во всем этом виноваты были сами курды.

Каждый из союзов племен в которые объединялись родоплеменные группы курдов (а таких групп было очень много) из века в век вели бескомпромиссную борьбу между собой. Группировок было много. Противоречий между ними еще больше. Дело доходило до того, что каждый из этих союзов готов был подчиниться кому угодно только не своим соотечественникам курдам из других племен. Несчастье этого народа было так же в том, что имея многие сотни тысяч храбрых воинов за все эти годы он не нашел внутри своего народа лидера который смог бы объединить всех их и заставить думать не об интересах своих родов и племен, а об интересах всего народа в целом.

Фазылбек был хорошо информирован о том, что Аль-Харун вышедший на поединок с Салманом медведем был названным братом могущественного Султана Египта Али-бея аль Кабири (Али-бея Великого).

В создавшейся ситуации можно было использовать имя и особое отношение Султана Египта к Аль-Харуну для того чтобы сблизиться с Али-беем. Расчет Фазылбека был прост. Египет находится в состоянии войны с Турцией которая с Севера граничит с землями курдов. С другой стороны Али-бей имеет крепкие союзнические отношения с эмиром Палестины Дагиром земли которого так же находились недалеко от Курдистана и влияние которого в регионе было очень даже большим.

Все эти факторы можно было использовать для того чтобы получить внешнюю поддержку в работе по объединению курдских племен в единое целое для борьбы за свою независимость.

Если бы удалось при помощи Али-бея и при его посредничестве примирить самые большие племенные союзы курдов и посадить их за стол переговоров то можно было бы начать процесс объединения курдов в единую политическую силу.

Расчет Фазылбека был прост.

Курды храбрые воины. Они почитают и уважают только таких же храбрых и сильных как они сами.

Али-бей лучшей воин Востока. Его имя овеяно славой и легендами на всем протяжении от берегов Евфрата до далеких берегов Атлантического океана. С его мнением и авторитетом считаются даже туареги, бедуины и берберы которые до этого не почитали никого кроме себя на земле и Всевышнего на небе.

Имя Али-бея многое значило даже в курдской среде где каждый считал себя лучшим из лучших и выше самого Турецкого Султана. Фазылбек не без оснований полагал, что имя и громадный авторитет Али-бея помогут ему начать процесс объединения курдов если он сможет склонить Великого Султана к союзническим отношениям с курдами.

В том что Али бей примет это предложение Фазылбек не сомневался, так как объединение курдов могло дать ему нового мощного союзника в борьбе с Османской империей. Нужно было только создать такие условия которые позволили бы начать диалог с ним по этому трудному и неоднозначному вопросу.

Еще одним значительным препятствием на пути объединения курдов в единое государство являлся тот фактор, что большинство курдов было мусульманами суннитами и потому меньшая часть народа бывших шиитами или изидами могла не пожелать идти в союзнические отношения со своими постоянными противниками по вере зная заранее, что в случае успеха начатого предприятия они попадут под власть суннитского большинства курдского народа которое может использовать силу власти для принуждения их к переходу в суниты.

Этой части курдов было комфортнее находиться под властью других народов исповедующих как и они мусульманскую веру шиитского направления или изидской веры.

Агабек и Салман-медведь одеты примерно одинаково. На обоих высокие сапоги красного цвета указывающие на их принадлежность к высшей курдской знати.

В голенища сапогов заправлены широкие курдские брюки сервал больше похожие на широкие турецкие шаровары чем на брюки в истинном смысле этого слова.

Оба предводителя одеты в черные парадные стархани перетянутые широкими белыми шелковыми поясами пштени. За пояс

заткнуты дорогие пистолеты отделанные серебряной насечкой и такие же дорогие инкрустированные серебром кривые курдские кинжалы ханджара.

На левом боку у каждого из них не менее дорогие курдские мечи –шамшир. Шамширы по своим размерам традиционно больше чем те сабли которыми пользуются бедуины, туареги, берберы турки или мамлюки.

Все оружие очень дорогое. Меч и кинжал стоят как несколько хороших дойных коров или рабочих волов. Пистолеты и того дороже.

На голове у Агабека и Салмана медведя нарядные выходные платки мшки отделанные по краям короткой бархатной бахромой.

Поверх всей одежды на плечи накинуты походные плащи из плотной овечьей шерсти.

Все остальные одеты примерно так же только оружие у них не такое дорогое и сапоги не красного цвета. Лошади у всех всадников черные или темно-гнедые.

Такой цвет лошадей выбирается курдами специально так как они часто уходят в набеги. Темной окраски кони меньше всего видны в черной бездне ночи куда исчезали они после очередного дерзкого набега на Турецкие селения.

К полудню кавалькада всадников спустилась к равнине. Теперь перед их глазами расстилалась бесконечная гладь степей, уходившая куда-то за далекий горизонт. Река вдоль которой ехали они стала более тихой, хотя по прежнему пенилась и бурлила. Горы всегда поражают своей красотой жителей равнин. Напротив жителей гор всегда поражают равнины. Поражают бесконечным простором и обилием солнца и света. Внизу на равнине стало заметно теплее и всадники сняли с плеч шерстяные плащи которые защищали их от холодных порывов осеннего горного ветра. Плащи аккуратно свернули, перевязали специальными ремнями и приторочили к седлам позади себя. Ехать стало и легче и веселее. Кто-то сзади затянул старинную курдскую песню. Остальные всадники начали тихо подпевать ему. Солнце ушло из зенита. Вскоре Агабек подал команду рукой и все остановились. Решили сделать привал. Нужно было дать передохнуть лошадям, напоить и накормить их.

Не мешало подкрепиться и самим. Молодые воины сопровождавшие Агабека и Салмана медведя быстро расседлали коней, спутали им ноги и отпустили пастись на лужайке, что тянулась

вдоль берега речки. Путники быстро умылись, освежили в воде ноги и руки.

Младшие расстелили на траве небольшой коврик, накрыли его чистой скатертью.

На скатерть положили продукты запасенные в дорогу.

Уже через несколько минут на них лежали куски варенной баранины которые курды обычно съедали в первую очередь так как они быстро портятся, твердый сильно соленный сыр, кислое молоко в небольших бурдюках, овощи и пшеничный хлеб. Между кусками мяса молодые курды положили острую приправу из овощей.

Перед тем как приняться за еду курды как исправные мусульмане произнесли молитву благодарившую Аллаха за то что он дал им хлеб и воду и возможность видеть белый свет и яркое солнце.

После того как старшие сели за стол молодые воины взятые в дорогу и как сопровождающие и как обслуживающие Агабека и Салмана-медведя принесли из речки чистой воды и поставили сбоку коврика вместе с большой деревянной кружкой.

Салман медведь давно уже оправился от раны нанесенной ему Аль-Харуном. Он весело смеялся над словами своего спутника и соседа в селении Вахида который рассказывал ему свою очередную байку.

Вообще-то Салман-медведь был совершенно уверен, в том что если бы они вновь сразились с Аль-Харуном, то он непременно выиграл бы эту схватку. Но теперь о такой схватке не могло быть и речи. Люди могли не понять Салмана который вызвал бы на повторный поединок человека который подарил ему жизнь. Да Салман и сам бы никогда уже не пошел на такой шаг. Это было против правил чести воина которые Салман - медведь свято чтил.

Когда старшие закончили трапезу и сказали традиционные для мусульман слова во славу Аллаха их младшие спутники быстро убрали остатки продуктов со скатерти.

Ту часть продуктов которая была нетронута они разложили по дорожным мешкам-хурджинам. Остававшиеся объедки тщательно собрали и закопали в землю. Так требовал обычай их народа согласно которого пачкать природу грех. Дорожные мешки делились на две части. В одних были быстропортящиеся продукты которые необходимо было съесть в первую очередь.

Во вторых мешках были продукты долгого хранения. Сушенное мясо, мука, топленное масло, твердый сыр, специи и многое другое. Такое деление продуктов было выработано у курдов как и у многих других народов занимавшихся постоянными набегами в далекие края необходимостью обеспечить себя продуктами во время долгой дороги.

А дорога Агабеку и его спутникам предстояла впереди очень долгая. Даже меняя коней каждый день – (для этого у всех были сменные лошади) им предстояло быть в пути не менее десяти дней. На двух запасных лошадях были посуда необходимая для приготовления и потребления пищи, казан и котел для варки мяса, большой чайник для приготовления отвара из трав, кружки, ложки. Вилками курды в те времена еще не пользовались.

Согласно договоренности их должны были встретить на границе Сирии и Египта люди из племени Аль-Харуна к которым они ехали в гости. А там уже было и рукой подать до Каира не доезжая до которого располагалось племя принимавшее их как дорогих гостей.

Самым тяжелым участком дороги была каменистая часть пустыни край которой упирался в их маршрут. Эту часть пути Агабек намеревался преодолеть при помощи проводника ожидавшего их прибытия на самой границе пустынного участка пути.

Дорога была дальняя и тяжелая, но Агабек знал, что цель ради которой они ехали в Египет стоила этой дороги. Да и курды которые привыкли даже спать в седле дорогу эту особо тяжелой не считали. Многие из сопровождавших Агабека молодых курдов впервые были на Сирийской равнине и потому с нескрываемым интересом разглядывали все вокруг себя изредка поглядывая за лошадьми которые паслись неподалеку.

Старшие постелили на земле свои шерстяные плащи и растянулись на земле давая отдых телам уставшим от долгой езды верхом на лошадях. Салман-медведь сразу же заснул. Его могучий храп слышен был далеко за пределами лагеря разбитого путниками. Храпеть Салман-медведь умел. Дома его храп слышала не только жена которая спала рядом с ним, а даже домашние животные которые находились в хозяйственных постройках примыкавших к их дому и имевших один общий вход. В особо тихие вечера и ночи его могучий храп слышали даже соседи жившие по близости от него.

Дом у Салмана-медведя был большой, двухэтажный в отличии от большинства его соседей живших в полуземлянках с земляным куполообразным или плоским покрытием. Этот дом он купил в свое время у Агабека построившим к тому времени еще больший дворец.

Во всех домах их селения имелся очаг тандур для приготовления пищи и обогрева помещения.

В центре крыш всех домов располагались светодымные отверстия куда уходил дым очага и куда заглядывали в светлую летнюю ночь многочисленные звезды охранявшие неспокойный сон вечно мятежного Курдистана.

В доме Салмана-медведя как и в доме Агабека помимо очага расположенного в одноэтажной пристройке имелся еще и настенный камин обогревавший все комнаты большого обширного дома.

В большом горном селе откуда были родом Агабек и Салман-медведь только два таких больших двухэтажных дома. Остальные семьи ютятся в землянках и полуземлянках уходящих далеко в чрево земли.

Зимой в горах холодно и потому домашний скот и даже большие лохматые курдские сторожевые псы ночуют в хозяйственных пристройках вплотную примыкающих к жилым помещениям и имеющим чаще всего один общий вход и выход.

Агабек не спит. Он лежит на земле прикрыв глаза. К храпу Салман-медведя он давно уже привык и потому не обращает никакого внимания на громогласные звуки исходящие из его горла.

Из рассказов стариков Агабек знает как топили в крови турецкие и персидские войска многочисленные восстания курдов, сотрясавшие Курдистан многие сотни лет.

Все восстания начинались очень хорошо и дружно, но затем как только начинали проглядываться контуры будущих побед курдских повстанцев турки и персы умело сталкивали между собой различные племенные союзы.

Если во главе восстания были северные курды курманджи или заза то объединениям племен южных курдов говорившим на другом диалекте – сорани умело преподносили мысль о том, что племена курманджи и заза хотят захватить власть с тем чтобы потом преследовать сорани. Большинство курдов таким сказкам не верило, но у курдов как и у многих других народов зависть брала

верх над всеми остальными чувствами. Возможно потому как правило все восстания курдов терпели поражения только из-за того, что одни курды предавали других. Они открывали дорогу захватчикам и те по очереди расправлялись сперва с теми кто продолжал сопротивление, а потом и с теми кто предал сопротивлявшихся.

Так продолжалось сотни лет. В конечном итоге великие Турецкая и Персидская империи все сильнее и сильнее сжимали свои объятия в которых задыхался весь Курдистан. И южный и северный, и западный и восточный.

Так было всегда. Так могло произойти и сейчас.

Агабек все это знал. Знал это и Фазылбек. Они оба прекрасно понимали, что если предприятие которое они затеяли потерпит провал первыми на плаху лягут их головы. И рубить их будут те кто еще вчера дружно кивали головами в знак согласия с ними, и клялись им в вечной любви и дружбе.

Такова была реальность. Все восстания курдов были потоплены в крови при содействии самих курдов. Все это Агабек прекрасно знал. Знал так же, что вероятность такого исхода и на этот раз очень велика. Знал и все-таки считал, что нужно снова попытать счастья. Свобода и власть которые могло дать новое восстание ему и его народу стоили того чтобы рисковать всем тем что было у него. Когда старшие прилегли отдохнуть молодежь почувствовала себя свободнее. Молодость есть молодость. Она всегда живет в другом измерении, в другом мире. В этом мире и солнце ярче и время бежит совсем медленно. Молодые отошли подальше от Агабека и Салман-медведя и начали весело делиться своими впечатлениями.

Им совсем не хотелось ни спать, ни отдыхать. О каком отдыхе может идти речь если ты молод и силен, а кругом столько нового, столько интересного.

Через час отдыха Агабек встал, потянулся разминая затекшее тело.

Вслед за ним встали и все остальные. Удивительная вещь, но Салман-медведь который казалось так крепко спал и храпел на всю округу встал как только зашевелились его соседи. Видно образ жизни который вел он долгие годы выработал в нем инстинкт самосохранения выражавшийся в реагировании его организма на малейший звук вокруг него даже тогда когда он спал таким богатырским сном.

Молодые воины быстро собрали лошадей, также быстро их оседлали. Еще минут через десять они уложили мешки и хурджины на запасных лошадей и доложили Агабеку, что все готово для дальнейшего движения вперед.

Еще через несколько минут кавалькада всадников двинулась в дальнейший путь. Впереди как всегда ехал Агабек. Чуть позади от него Салман-медведь и уже вслед за ним ехали гуськом все остальные воины. Теперь все курды ехали легко одетыми. Несмотря на осеннюю пору на равнинной местности было еще довольно жарко.

Позади Салмана медведя едет Шамсадин. Он хорошо знает здешние места. Его мать из курдов которые живут в равнинной части Курдистана. В этих местах много еще курдских селений, но все чаще встречаются и селения арабов. Равнинные курды как и арабы живут в шатрах, но их селения сразу можно отличить от селений арабов по раскраске и форме шатров.

Отряд Агабека старательно обходит стороной арабские селения чтобы не поднять паники среди его жителей. Когда на дороге им встречаются арабы Шамсадин который свободно говорит на арабском языке объясняет им что эти всадники не разбойники, а гости Султана Египта. Арабы слушают его, верят его словам, но все равно опасливо косят глазами на курдов. В их понимании горные курды все разбойники и грабители. Поверить в то что эти курды не такие как все остальные им очень трудно.

Чтобы не сеять еще большей паники Шамсадин не называет имена Агабека и Салмана медведя.

Если местные услышат их имена то они уже никогда не поверят в мирные намерения курдских всадников.

Вместе с тем отряд без всякой опаски заходит в курдские селения где пополняет запасы воды и других продуктов необходимых им в пути следования.

В первую ночь отряд остановился в одном из курдских селений расположенном на берегу небольшой, но довольно бурной речки. Агабек и его спутники привыкли видеть в горах чистую воду которая становилась мутной только во время больших дождей или при сходе лавин выше места их жительства. Здесь же стояла ясная осенняя погода. Не было ни дождя, ни лавин, но вода была мутной. Мутной всегда. Им непривычно было видеть это и

они никак не могли понять почему здесь вода не всегда чистая и прозрачная как у них в горах.

Местные жители воду для пития и для приготовления пищи брали из глубоких колодцев.

Водой из речки поили только домашний скот. Верблюдов, коров, быков, коз и овец. Вокруг двух шатров где расположились Агабек и его спутники собрались почти все жители поселка.

Жители селения приняли их радушно. Накрыли большой стол за который и усадили гостей после того как они привели себя в порядок. Всем хотелось увидеть знаменитых Агабека и Салмана медведя. Дети глазели на них как на диковинных животных. Один мальчик принес старую ржавую подкову и вопросительно посмотрел на Салмана медведя. Гости собравшиеся на встречу со своими знаменитыми сородичами так же с интересом смотрели на него. Все ждали, что сделает знаменитый богатырь имя и силу которого знал весь Курдистан.

Салман медведь без лишних слов понял чего ждут от него мальчишка принесший ему подкову и все остальные селяне пристально наблюдавшие за этой сценой. Понял так же, что кто-то из взрослых надоумил мальчика сделать это. Всем было интересно узнать так ли действительно силен Салман медведь как рассказывали о нем многие из тех кто видел его, или рассказы о его нечеловеческой силе просто выдумки людей привыкших выдумывать и рассказывать всякие сказки и небылицы.

Поняв чего ждут от него и взрослые и дети Салман с улыбкой взял в руки ржавую подкову. Все знали, что ржавую подкову разогнуть гораздо труднее чем обычную.

Ладони у Салмана-медведя были такие громадные, что подкова которую он держал казалась в его руках какой то неестественно игрушечной. Он улыбнулся мальчишке и спросил его.

- Как тебя звать. Тот не задумываясь ответил.

- Салман.

Ответ мальчишки явно понравился Салману большому и он спокойно без никаких видимых усилий разогнул подкову которую подал ему Салман младший. Тот ему улыбнулся в ответ и снова вопросительно посмотрел на него. По видимому мальчишка был не из робкого десятка и кто-то подсказал ему что согнуть назад старую подкову еще тяжелее чем разогнуть ее. Салман опять понял

все без лишних слов и так же без слов согнул подкову в обратную сторону. Зрители внимательно наблюдавшие за этой сценой одобрительно загудели и восторженно зацокали языками.

Дождавшись когда улягутся эмоции хозяев от увиденной ими сцены Салман взял мальчугана за руки и повел его к ближайшей лошади привязанной к коновязи. Он поднял Салмана младшего и посадил его на большого гнедого мерина.

Потом он подлез под лошадь и поднял ее на плечах вместе с мальчишкой.

Собравшиеся местные курды увидев такое захлопали в ладоши. Они даже не слышали, что человек может поднять на плечах громадного мерина вместе с всадником сидевшем на нем.

Мужчины сидевшие за столом в тени заходящего осеннего солнца и женщины обслуживавшие стол вновь восхищенно зацокали языками не в силах сдержать своих эмоций от увиденной ими сцены.

Лишь один из зрителей по видимому местный балагур довольно серьезно сказал.

- Салман. Я не завидую тому медведю который повстречал тебя в лесу. Все дружно рассмеялись. Салман медведь все это время державший на весу коня и мальчишку опустил их на землю и сняв того с лошади поставил его на землю. Затем он полез в карман своих широких брюк-шаровар вытащил оттуда серебряную монету и отдал ее своему тезке со словами.

- Это тебе на память. Не забывай Салмана медведя. После обильного угощения устроенного в честь знатных гостей селяне разошлись по своим шатрам давая возможность отдохнуть путникам которых на завтра ждала дальняя дорога.

На следующий день отряд Агабека поехал дальше. Местные курды долго сопровождали их до границы своих владений. Старшие ехали рядом с Агабеком и Салманом медведем.

Младшие джигитовали на своих лихих арабских скакунах стреляя на ходу по различным целям.

На границе земель их селения Агабека и его спутников ждали курды из другого селения куда ночью послали нарочных радушные хозяева чтобы предупредить своих соседей о приезде Агабека и Салмана медведя. Это нужно было не потому что кто-то опасался за жизнь Агабека и его друзей, а для того чтобы местные

курды хорошо знавшие здешние места проводили их до самых своих границ где ждал их очередной ночлег. Они знали дорогу. Они знали местных жителей. Те тоже знали их и это гарантировало отряду Агабека спокойное прохождение по местам где их не знали и могли принять за разбойников с большой дороги. Так продолжалось несколько дней пока не закончились селения в которых жили курды или их знакомые из числа местных арабов. Затем уже арабы которые приняли эстафету сопровождения гостей Али-бея провожали их до самой границы Сирии.

Благодаря такой заботе отряд Агабека спокойно прошел всю дорогу от Курдистана до самой границы Египта.

В пустыне слухи имеют быстрые ноги. И оседлые арабы и бедуины и даже разбойники которых было совсем немало на каменистых пустынных просторах севера Аравийского полуострова уже знали, что знаменитый богатырь курд Салман-медведь едет брататься со знаменитым воином пустыни бедуином Аль-Харуном по прозвищу молния. Молнией его называли за то что его сабли были стремительными и неуловимыми как блеск молнии.

Имя Аль-Харуна к которому ехали курды остудило многие горячие головы в разбойных краях которые не прочь были бы завладеть теми подарками которые вез Салман медведь своему будущему брату. Все знали, что такие подарки есть, их много и они дорогие, но никто не захотел рисковать своей головой. Встреча на узкой тропе с Салманом-медведем не сулила никому успеха и удачи. Помимо всего этого все понимали, что курды придут и уйдут, а вот Аль-Харун жил и будет жить здесь. Если он узнает, что кто-то не только напал на его гостей, а даже подумал сделать это то тому не сдобровать.

Аль-Харун будет всю жизнь искать его в бескрайних просторах пустыни. Он просто пришлет вызов на поединок. Закон пустыни жесток и однозначен. Имя мужчины который не принял вызова на поединок покроется вечным позором. Позор этот будет передаваться из поколения в поколение. Не только его детям, а даже его внукам и правнукам будет неуютно жить в пустыне с клеймом потомков труса, а не воина.

В такой ситуации даже самые отчаянные головы должны были задуматься. А стоит ли такая игра свеч. Победить Аль-Харуна -молнию не удавалось еще никому уже многие годы. После того его

знаменитого поединка с молодым Али-беем Аль-Харун каждый день упорно час за часом как фанатик учился работать двумя саблями. Он хотел стать таким же великим воином как и Али-бей. Уже года через два-три упорных ежедневных тренировок он свободно владел двумя саблями. Обе сабли в его руках блестели как молнии и работали так как будто были в одной руке. Одна сабля перехватывала саблю, ятаган или Шамшир противника и в это же мгновение вторая сабля наносила молниеносный смертельный ответный удар. Аль-Харун был из той категории людей, которые умели учиться у других. Умел трезво смотреть на реальность и делать необходимые выводы. Но и этого было мало. Он умел не только видеть свои недостатки и достоинства своих противников, но и умел учиться у них. Учиться если нужно каждый день несмотря ни на что. Умение заставить себя работать над своими ошибками и недостатками в поте лица было главным его достоинством.

Умение работать двумя саблями сыграло решающую роль и во время его памятного поединка с непобедимым до того временем богатырем Салман-медведем.

В начале поединка он держал в руках только одну саблю. Вторая была за поясом. Но когда его конь помчался навстречу Салману медведю он успел вытащить вторую саблю. Салман-медведь видевший вначале поединка в его руках только одну саблю так и не успел понять откуда в руках у него оказалось второе смертоносное лезвие. Лишь конь Салмана неожиданно отпрянувший на секунду в сторону ослепленный блеском второй сабли спас его тогда от мгновенной смерти.

Со временем Аль-Харун все более и более шлифовал свое мастерство продолжая ежедневно как и прежде работать над своим боевым мастерством.

Знали это и все жители пустыни. Знали что сабля Аль-Харуна становится с каждым днем все быстрее и все острее.

Рисковать получить себе такого противника как Аль-Харун никто не хотел и потому отряд Агабека благополучно добрался до границы Сирии и Египта где ждали его посланцы Аль-Харуна.

Уже к вечеру следующего дня отряд Агабека прибыл в его селение, старейшиной которого был шейх Максуд.

«СВАТОВСТВО САГИТА»

В Джигетии было неспокойно. В этом краю никогда не было спокойной жизни, но в последнее время обстановка становилась все сложнее и сложнее.

Раньше когда население Джегетии составляли одни абазины межнациональных проблем в этом краю не было. Были только межродовые проблемы и проблемы истекавшие от соседства с беспокойными соседями из ногайских степей и знойного Крыма.

Теперь в Джигетии было множество селений и аулов в которых проживали представители других племен и народов.

Проблемы с тюркоязычными ногайцами и крымчаками было легче решать. Здесь все всегда было ясно. Здесь все всегда решали кони, сабли и мужество. С новыми соседями все обстояло гораздо сложнее. Они происходили из одного абхазо-адыгского корня, имели многочисленные родственные связи с абазинами и абхазами и потому взаимоотношения с ними носили сложный труднопредсказуемый характер. Теперь при возникновении любой конфликтной ситуации что неизбежно всегда при жизни по соседству сами абазины зачастую оказывались по разные стороны конфликта. Одни из них защищали интересы своих друзей и родственников из числа соседних племен и народов в то время как другие отстаивали свои интересы или интересы другой стороны.

Это приводило к многочисленным конфликтным ситуациям внутри самого абазинского общества.

Учитывая нелегкий характер многих представителей абазинского народа можно было понять что ситуации эти принимали серьезный оборот и носили долговременный характер. Новые соседи принесли новые проблемы и с этим нужно было считаться.

Бата находился в затруднительном положении. Ему предстояло решить задачу которая на первый взгляд была не столь весомой. На самом деле вопрос был довольно серьезный и при не уделении ему достаточного внимания мог иметь очень даже плачевные последствия. Дело было так.

Группа молодых жителей его села поехала на свадьбу в высокогорное село где проживала тетя одного из них. Тетя была замужем за убыхом. Их дочка и выходила замуж. Во время танцев которые проходили уже поздно вечером при свете большого костра и

факелов укрепленных на ветках деревьев один из молодых парней приехавших на свадьбу пригласил на танец местную девушку. Звали парня Сагит.

Петь и танцевать абазины умели. В этом им не было равных. Девушка которую пригласил танцевать Сагит танцевала не хуже. Все их танцы закончились тем что Сагит решил жениться на убышке и сказал ей об этом в присутствии ее подружек. Девушка дала согласие и придя домой рассказала родным о сделанном ей предложении. Абазины в тех краях считались завидными женихами.

Они как правило были хорошими добытчиками. Копыта их неутомимых коней доходили до Кубани откуда они пригоняли или приносили с собой хорошую добычу. Работать в поле они не особо любили, но семьи их как правило жили в полном достатке. Добываемой в набегах на дальние края и особенно на Турецких купцов добычи хватало на без бедную жизнь. Если во время таких набегов случалась беда и семья теряла кормильца то его товарищи до полного совершеннолетия его детей заботились о семье погибшего. Это была система негласной взаимопомощи. Ей свято следовали во всех абазинских селениях. Одним словом семье убышки которую звали Халида перспектива получить в зятья лихого абазина понравилась.

Уже к обеду следующего дня вся улица на которой они жили знала о сватовстве заезшего гостя. К этому времени проснулись и гости. Вечером предыдущего дня они выпили довольно много бахсымы и потому спали долго, а проснувшись чувствовали себя совсем не важно.

Племянница Сагида принесла им прохладный напиток и заодно поведала им что Халида которой выдал он вчера обещание жениться совсем не красивая и рябая. Услышав такое Сагит совсем упал духом и не нашел ничего лучшего как потихонечку уехать вместе со своими друзьями не простившись ни с кем.

Сагит правильно рассудил, что вчера он по видимому перебрал бахсымы да и свет костра и факелов не дал ему возможности хорошо рассмотреть свою избранницу. Ко всему прочему оказалось что она уже была замужем, но совсем немного.

Таким образом Сагиту стало ясно что ему пора уносить ноги, что он и сделал без долгих раздумий.

Все было бы хорошо если бы не ее братья. После небольшого Совета они (а было их целых шесть человек) решили.

Сагит должен жениться на их сестре или обязывался покрыть моральный ущерб который нанес он своим бегством от избранницы. Оценили они моральный ущерб довольно высоко.

В лошадь, корову и десяток овец.

Чтобы избежать ненужных осложнений со своими соседями Бата готов был отдать им востребованный платеж, но тут встал на дыбы Сагит.

Он считал, что братья нечестно поступили с ним использовав его пьяную оплошность. Бахсыма которую пили они была крепкая и потому он нехорошо рассмотрел «товар» который собирался «купить». Он готов был сразиться с любым из ее братьев чтобы силой оружия доказать свою правоту.

Аул откуда была родом убышка был одним из тех краев куда никто без особой надобности не заходил. Все считали его разбойничьим гнездом. В народе даже говорили.

Туда гораздо легче придти чем уйти оттуда.

Все жители этого села считались отъявленными разбойниками и спуску никому не давали. Одним словом коса нашла на камень.

Легче всего было Бате согласиться на предложение Сагита дать ему разрешение на поединок. Но поединок обязательно закончился бы смертельным исходом, а это значило что начнется война всех на всех.

Село Баты было большим. Оно могло выставить до 600 отборных хорошо вооруженных воинов. После того как в этом селе поселились Зиза, Быда и Мамата слух об особой военной мощи жителей этого села прошел по всей округе. Теперь с ними считались как с особой воинской силой. Поэтому столкновение с воинственными убыхами Бату не страшило. Его страшило другое. Вслед за поединком Сагита могла потянуться цепочка больших и малых войн которая могла захлестнуть весь край.

Началась бы война всех против всех.

Спокойной мирной жизни сельчан наступил бы конец. Мог начаться пожар большой войны. Край стали бы сотрясать постоянные набеги одних на других.

Этого Бата допустить не мог. Положение дел усугублял и тот факт, что убыхский аул не имел своего князя с которым можно

было бы решить вопрос. Аул был вольной общиной и не подчинялся никому кроме Совета старейшин.

В то же время по своему статусу Бата мог вести диалог только с человеком равным ему по социальному положению.

Нужно было искать выход из создавшегося положения. С этой целью Бата пригласил к себе эфенди Муаруфа и нескольких наиболее уважаемых старейшин из села. Все они уже были в курсе происшедших событий. Все понимали какие могут быть последствия от них. Самого виновника «торжества» приглашать на Совет не стали. Его мнение никого не интересовало. Он обязан был без слов выполнить все что сказано будет ему. Впрочем сам он особо и не волновался. Худшее что могли сказать ему князь и старейшины это был выбор.

Или женись коль обещал и давал слово или прими вызов любого из ее братьев. Жениться он уже передумал и потому готов был на поединок. Его отец которого впрочем на этот Совет тоже не пригласили коротко сказал.

- Нет беды которую не принесет человеку его язык.

С этими словами он ушел на охоту оставив сына самому разбирать заваренную им кашу.

Сагит и его брат Мухтар сидели на кучке бревен лежавших за конюшней и чистили оружие. Оба они уже хорошо знали что род к которому принадлежала убышка был мощным. Члены этого рода отличались от многих других буйным и трудно предсказуемым характером.

Братья прекрасно понимали что каким-то одним действием эта история не закончится. Род у них в отличии от убыхского был небольшой и надеяться на чью-то помощь им особо не приходилось. Вскоре к ним подошли два их двоюродных брата. Они были из тех кого у абазин называют – ахща-па – то есть брат по линии сестры или брат по женской линии.

Они пришли сели рядом. Особо ничего не говорили. Их приход сам по себе означал только одно.

- Мы с Вами, и если будет нужно пойдем с Вами до конца.

Еще через некоторое время подошло несколько других родственников и друзей. Вскоре около Сагита и его брата собралось человек десять друзей и родственников.

В народе говорят.

- Имя твоего настоящего друга называет беда.

Так получилось и в тот день.

Теперь Сагит и его брат знали в лицо тех кто был их настоящий друг.

Не прошло и часа как весь их двор заполнился молодыми джигитами. Такая поддержка односельчан резко изменила настроение братьев. Теперь они весело шутили и смеялись.

С такой поддержкой не страшно было принимать вызов большого и мощного рода которых судьба так немилостиво поставила перед ними.

О том что вся молодежь селения пришла поддержать братьев знали уже Бата и старейшины.

Поддержка оказанная немногочисленному роду братьев резко меняла ситуацию.

Теперь было очевидно, что род убышки не будет иметь такого явного превосходства над Сагитом и его братом и шансы конфликтующих сторон несколько выровнялись. Это давало возможность вести диалог на равных не опасаясь что Сагит и его друзья будут в явном меньшинстве. При всем при этом задача была одна и та же.

По возможности не допустить столкновения противоборствующих родов которое могло привести к кровопролитию.

Князь и старейшины советовались не более часа. Они постарались как то сблизить позиции конфликтующих сторон и приняли следующее решение.

Сагит допустил действие заслуживающее всемерного осуждения. Сагит не прав и должен понести наказание. Но мера наказания названная стороной пострадавшей слишком высока.

Село согласно выплатить ей корову и пять баранов.

В тот же день решение Совета было передано через посыльного старейшинам аула где проживала семья Салиды.

Оно так же было обсуждено советом старейшин аула и признано правильным и справедливым. Братья Халиды с таким решением Совета не были согласны, но вынуждены были подчиняться ему. На следующий Бата выделил из своего стада хорошую корову и пять барашек которые и были переданы пострадавшей стороне.

В селе Бату ценили. Ценили в первую очередь за то что он всегда прежде чем принять какое то важное решение советовался с людьми как было и в этот раз. Ценили и то что в случае необходимости он не бросал сельчан в трудные минуты и помогал им как

мог как это и произошло в случае с Сагитом которому он выделил необходимую помощь.

В тот день удовлетворенный достигнутым результатом он пригласил своих гостей за стол.

Сидели за столом недолго, но всем понравилось что Бата несмотря на то что он князь и хозяин дома исполняя обычай своего народа сам обслуживал своих старших гостей попеременно наполняя им большие глиняные кружки золотистой светло коричневой бахсымой. Бахсыму хотя она и была алкогольным продуктом пили все. И Муаруф то же. В коране не было запрета на бахсыму.

К вечеру гости ушли.

Стол убрали. Бата вышел во двор и присел в тени беседки что располагалась под кроной ветвистого платина росшего прямо посреди большого обширного двора.

Летний вечер был теплым и светлым. Высоко в ветвях дерева пели птицы. Их пение прерывалось только успокаивающим мирным стрекотом цикад. Так хорошо и спокойно бывает только в особые часы и только в таких райских местах как усадьба Баты вся укрытая сплошным ковром травы и укутанная ветвями больших тенистых деревьев.

Некоторое время Бата сидел наслаждаясь покоем царившим вокруг него пока не пришел посыльный от его матери.

Мать просила сына зайти к ней в комнату. Ей немного не здоровилось и она на улицу не выходила.

Услышав ее пожелание Бата немедля направился в ее комнату, которая находилась во втором доме.

После смерти ее мужа княгиня категорически отказалась жить в большом доме. Что побудило ее поступить так Бата не знал, но на все его уговоры жить в своей комнате она ответила категорическим отказом. С тех пор она и обслуживавшая ее подруга далекой молодости Маржанат жили в малом доме находившемся в дальнем углу двора.

Когда Бата пришел к матери она сидела у открытого окна. Несмотря на то что на дворе было довольно тепло и солнечно ее плечи были накрыты большим теплым платком. Видно ей на самом деле нездоровилось.

Когда княгиня увидела вошедшего в комнату сына глаза ее сразу же потеплели. Она встала со своего кресла и протянула Бате

руку. Тот прикоснулся к ним губами и застыл в почтительном поклоне ожидая что скажет ему мать.

В последнее время княгиня сильно сдала. Она резко поседела. От ее былой красоты не осталось ничего кроме больших задумчивых глаз и горделивой посадки головы. Смерть мужа оказалась для нее слишком сильным ударом.

В свое время она даже подумать не могла что ее покойный муж Давлет так много для нее значил. Время показало ей что все было именно так. Княгине не было еще и пятидесяти лет, а глаза её начали смотреть на окружающий мир как-то настороженно, пугая всех своей отрешенностью.

Бата был теперь единственной ниточкой связывавшей ее со всем миром вокруг нее. Она гордилась своим сыном, но никогда не говорила об этом вслух.

Сын и невестка относились к ней с особой теплотой и вниманием. Так же тепло относилась к ней и вся дворовая челядь, но этого ей было уже мало. Она не капризничала, не искала каких-то выгод для себя. Просто жизнь не могла теперь дать ей то что у нее когда-то было. По прошествии стольких дней она даже не могла понять как в те времена она не могла понять всей важности и ценности тех дней.

Теперь она поняла это но как часто бывает в жизни поняла слишком поздно. Мужа уже не было в живых и никто не мог вернуть его. Вместе с ним никто не мог вернуть ей и ту жизнь в которой она была полновластной хозяйкой. Хозяйкой не формальной, а реальной. Сын ее любил. Любила ее и невестка, но теперь даже их любовь не могла вернуть ее к полноценной жизни. Вернуть ей то что она потеряла навсегда.

Уже года два, чаще всего по губам у княгини гуляло растерянное выражение. В них было странное сочетание страха и просьбы, отрешенности и надежды.

Княгиня выждала некоторое время в течении которого сын стоял перед ней в почтительной позе. Затем, видно, убедившись в том, что он по прежнему уважает и ценит ее показала ему рукой место куда он мог присесть на стул рядом с ней. Такое поведение матери не раздражало Бату. Более того он был рад тому, что хоть таким образом он может хоть как-то поднять настроение матери которая стала сдавать с каждым днем.

Жена Баты как всякая умная женщина сразу же поняла. Хочешь чтобы муж любил и ценил тебя – цени и люби его мать. Она так и сделала. Невестка каждый свой шаг согласовывала со старой княгиней. Советовались. Спрашивала разрешения. Таким образом формальной хозяйкой княжеского дома оставалась мать Баты. Фактической же хозяйкой была его жена. И мать и сын не желая потерять искреннюю любовь молодой умной княгини во всем соглашалась с ней. Своей невесткой княгиня была довольна. Испокон веков у абазин женщины из рода Лоо считались завидными невестами. Они были умными, покладистыми и дальновидными. Не стала в этом плане исключением и жена Баты Алимат.

Вскоре даже слуги в доме поняли кто в доме хозяин, но ни у них, ни у Баты, ни у его матери такое положение дел отрицательных эмоций не вызывало. Все были довольны. В доме у них образовался маленький идеальный мирок согласия и взаимопонимания. В первую очередь такое положение устраивало старую княгиню. Она вроде бы и оставалась хозяйкой дома, но все проблемы решала ее невестка. Княгиня была мудрой и далеко вперед смотрящей женщиной и потому прекрасно понимала, что у нее нет уже ни сил ни желания руководить большим домом и большим хозяйством. Это понимание делало ее благодарной своей невестке которая так благородно оставляла ей роль лидера в семье. Это же чувство делало ее спокойной за будущее их семьи.

Семью где была такая умная и дальновидная женщина как ее невестка должны были обходить стороной горе и ненужные проблемы. Создавшееся положение устраивало всех. Потому в их семье были всегда мир, лад и спокойствие. Все это было так, но в последнее время княгиню не покидало ощущение тревоги и надвигающейся неизвестно откуда беды. Об этом она и хотела поговорить сегодня со своим сыном и попросить его быть поосторожнее в повседневной жизни.

Мать и сын хорошо понимали друг друга. Вернее даже сказать у них было идеальное взаимопонимание. С определенных пор княгиня никоим образом не вмешивалась в дела сына. В ответ за такую «деликатность» Бата старался угадать наперед ее желания и сделать самому то что может пожелать она через некоторое время. Примерно так же вела себя и жена Баты.

- Садись мой сын – звучит хриплый отрешенный голос княгини.

Бата садится на стул и внимательно смотрит на нее стараясь угадать что она хочет сказать ему и для чего так срочно вызвала она его в свою комнату. Маржанат сидит в соседней комнате и следит за тем чтобы никто ненароком не помешал беседе матери и сына.

- Спа[10] - начала княгиня. Наше время не самое спокойное. Раньше все было и спокойнее и проще. Раньше и люди были другими.

Мир так устроен, что во все времена люди считали и будут считать что время их отцов и дедов было совсем другим. Тогда и люди были другими. Другими были и их нравы. Так было всегда. Так всегда и будет.

Не было исключением в этом плане и время в котором жили княгиня и ее сын Бата.

- В последние дни медленно продолжала княгиня глуховатым голосом мне что-то стало неспокойно.

Не знаю почему, но меня постоянно мучают кошмарные сны. Во всех этих снах ты. Не мое дело указывать тебе что тебе делать. У меня единственная просьба. Будь осторожным. И еще. За Анапой живет одна провидица из племени натухайцев. Она только посмотрит на человека и сразу же может сказать что его ждет. Говорят, что в свое время приглашал к себе отец нынешнего Султана Мустафы III Великий Турецкий Султан……Ахмед III. Он специально присылал за ней военный корабль который и отвез ее в Стамбул. Было это давно – лет тридцать назад. Тогда ее тот же военный корабль домой и привез. Говорят когда сбылось ее важное предсказание следуя которому Ахмед III получил большую выгоду он прислал ей потом богатые подарки.

Она и к знаменитому Али-бею ездила в Египет и оттуда привезла богатые подарки. Только время съело все что у нее было. Дом ее сожгли крымчаки. Дети и муж погибли в бою с ними. Теперь живет она где то в горах и питается тем что пошлет ей Всевышний.

Если ты хочешь успокоить мою душу съезди к ней. Пусть она посмотрит на тебя и скажет, что готовит тебе день завтрашний.

Бата не стал отказывать матери в ее просьбе. Лишь заметил.

Хъан[11] - дай мне дня три-четыре на сборы. Мне нужно закончить один неотложный вопрос и я выеду в Анапу вместе с Мама-

[10] Спа – сын мой

[11] Хъан - мать

той, Зизой и Быдой. Дней за десять мы съездим к этой провидице и если того пожелает Всевышний скоро вернемся назад. На этом они и порешили.

В тот же день Бата переговорил со своими друзьями. Все они охотно согласились поехать с ним в дальнее путешествие. Только Мамата высказал одну просьбу. Он предложил взять с собой Сагита. Скандал с убыхами был еще не совсем решен до конца. Учитывая тяжелый трудно предсказуемый характер могучего рода его новых недоброжелателей лучше было что бы он пока не оставался в селе один со своим братом. Младшие братья убышки были отчаянными ребятами. От них можно было ожидать всего. Учитывая все это Бата согласился с мнением Маматы.

В тот же день Сагит был извещен о том что он едет вместе с князем в город Анапу.

Известие это обрадовало Сагита. Он никогда до этого не был в тех краях и потому предстоящая поездка подняла у него настроение изрядно подпорченное событиями последних дней.

К вечеру того же дня Мамата, Зиза, Быда и Сагит собрались в доме у Баты. Здесь и наметили день когда они выедут в дальнюю дорогу.

Опасения Маматы о том, что братья обиженной убышки были недовольны исходом дела соответствовали действительности.

Трое ее младших братьев многократно втайне от всех обсуждали вопрос о том как отомстить Сагиту нанесшему в их понимании оскорбление не только их сестре но и всему их роду. В конце концов они приняли решение. Сагит должен быть убит. Как это сделать чтобы не вызвать серьезных последствий нужно было думать. Чтобы решить поставленную задачу они решили посоветоваться со своими близкими родственниками из двух близлежащих селений. В ауле Друкакыт принадлежавшем абазинскому князю Исмелю из рода Додарука проживал их дядя по матери Шахим. Он был мудрым и рассудительным человеком. Его уважали во всей округе за мудрость и справедливость.

В другом абазинском селении Чуккыт жил двоюродный брат их матери Чук Беслан. Род Чукуа был большой и сильный. Их поддержка могла иметь большое значение в случае если конфликт выйдет наружу. С этой целью братья выехали сперва в Друкакыт.

Шахим молча выслушал их и без долгих раздумий дал ответ.

- Род Сагита дал выкуп. Он соответствует тому делу которое стало причиной конфликта. Делать что-то помимо этого нельзя. Старейшины высказали свое мнение. Их решение закон для всех.

Примерно такой же ответ дал и Чук Беслан.

Братья услышали их слова, но остались при своем мнении.

ГОСТИ ИЗ КУРДИСТАНА

Встреча Аль-Харуна и Салмана-медведя прошла тепло радушно, но по мужски сдержанно. Согласно обычаям курдов и бедуинов мужчины не должны слишком эмоционально показывать людям свои чувства. Это могут делать только женщины и дети. Чувства мужчин должны оставаться в мужчинах. Их никто не должен видеть. На встречу гостей из Курдистана собралось несколько тысяч соплеменников Аль-Харуна из всех селений племени к которому он принадлежал. Приехали почти все кто мог приехать. Дома остались только больные и очень старые, да еще те кто должен был ухаживать за домашним скотом.

Женщины и дети громкими криками которые могут издавать только бедуинки и их дети приветствовали рукопожатие двух знаменитых воинов. Аль-Харун был довольно высок, сухощав и подвижен. Салман-медведь был еще выше. Намного выше. Рядом с поджарым Аль-Харуном впрочем как и рядом со всеми другими людьми которые окружали его Салман-медведь казался большой могучей глыбой отвалившейся от скалы далекого сказочного Курдистана.

Когда он с улыбкой протянул Аль-Харуну свою громадную медвежью лапу все увидели, что ладонь Аль-Харуна которая была ни маленькой, ни слабенькой утонула в гигантских ладонях курдского богатыря.

После этого мужчины сдержанно обнялись и снова пожали друг другу руки. Все это время многие сотни женщин которые наблюдали за этой церемонией неистово кричали от восторга приветствуя своего знаменитого гостя. Они издавали все те же горловые звуки которые могли издавать только жители пустыни.

На собравшихся на праздник встречи курдских гостей женщинах одеяния многих племен Аравийского полуострова и Северной Африки.

Возможно так стало потому что кони беспокойных мужчин этого племени доходили до многих отдаленных уголков здешних краев населенных арабскими племенами. Они везли оттуда то богатую добычу среди которых бывали и молодые женщины, то одежды своих товарищей погибших в схватках за эту добычу. Здесь можно было увидеть женщин одетых в длинные платья абайя сшитых из грубого домотканого полотна темного цвета. Такие платья носили обычно женщины далеких племен живущих на Востоке Аравийского полуострова.

Можно было увидеть так же молодых девушек одетых в традиционные платья гандура украшенных вышивкой из цветных или серебряных нитей.

Многие женщины закрывали свои лица узкой полоской из легкого черного материала называемого часто мильфой или гишуа.

Но какое бы платье не носили женщины все они были подпоясаны или увесистыми серебряными поясами зункар или разноцветными тканевыми поясами ярких контрастных цветов. На головах у всех у них были большие черные платки или шали шелла разной расцветки.

Мужчины стояли молча. Молча улыбались. Так же сдержанно вели себя и бедуинские мальчики которые считали себя будущими мужчинами. Согласно бедуинским обычаям если человек не носит женский платок он всегда мужчина сколько бы не было ему лет. В соответствии с этим мужчинами обязанными соблюдать мужские законы считаются и маленькие дети мужского пола.

Так с малых лет в них воспитывалось чувство собственного достоинства и чести. Для дорогих долгожданных гостей хозяева накрыли большой праздничный стол. На столе лучшие блюда местной арабской кухни, овощи, фрукты. Глотая слюнки маленькие мальчики смотрят на дымящиеся куски варенной верблюжатины и баранины. Не меньший аппетит вызывают у них куски копченного сыра и чашки с прохладным напитком из верблюжьего молока.

Гости и хозяева сели за стол в строго определенном порядке. Во главу стола сели Агабек и шейх Максуд. Справа и слева от них Салман-медведь и Аль-Харун. После них сидят Шамсудин и молодые курды . И уже только после них все места за длинным столом занимают старейшины главных родов племени и знатные

воины не раз прославившие свое имя в многочисленных боях и сражениях.

Молодые курды чувствуют себя не очень уютно оттого что их посадили впереди седобородых старцев и знатных воинов, но закон гостеприимства у бедуинов незыблим. Гость это подарок Аллаха. Закон гостеприимства возведен у бедуинов в особый культ. У некоторых бедуинских племен есть даже поговорка.

- Бойся меня когда ты не в моем доме.

Поговорка эта имела особый смысл. Она говорила о том, что закон гостеприимства у бедуинов высок и незыблим.

Поэтому было совершенно естественным то, что молодых курдов посадили на самые почетные места. Они были гости – а это выше всего. Выше возраста, выше заслуг и званий. Гость – подарок Аллаха. У бедуинов можно часто услышать легенды о том, что человек которого преследовали его недруги получал кров и защиты попадая в шатер своего заклятого врага. Такие случаи были на самом деле и не раз. Человек попадая в шатер бедуина получал защиту его хозяина. Если кто-то обидел гостя позор ложился на голову хозяина. Впрочем у курдов тоже были примерно такие же законы и потому все что происходило за столом особого удивления ни у кого не вызвало. Просто молодежь чувствовала себя несколько неудобно от особого внимания которое оказали им.

Агабеку тоже было приятно видеть и осознавать, что им оказали столько внимания. Он с удовольствием общался с шейхом Максудом сзади которого сидел толмач переводивший каждое его слово и все что отвечал ему глава племени.

Вообще-то Агабек хорошо знал арабский язык, но в силу определенных обстоятельств не хотел до поры до времени показывать этого.

Такой же толмач сидел между Аль-Харуном и Салманом-медведем. Все остальные участники застолья общались языком жестов. Но даже то, что они не понимали языка друг друга не мешало им весело улыбаться и радоваться добрым искренним улыбкам друг друга.

Агабек с удовольствием ел мясо молодой верблюдицы, запивая его прохладным верблюжьим молоком. Прежде чем откусить очередной кусок мяса он тщательно окунал его в острую приправу стоявшую прямо перед ним. Еда была свежая, приятная на вкус. Он ел, весело улыбался, но сам с нетерпением ждал часа когда за-

йдет разговор о главном. А главным для него был вопрос. Когда начнется братание Салмана-медведя с Аль-Харуном и увидят ли они сегодня Султана Египта Али-бея.

Агабек прекрасно понимал, что два эти фактора тесно связаны между собой. Аль-Харун был названным братом Али-бея и если бы Салман-медведь побратался с ним то он становился братом брата Али-бея, а значит в некотором роде и его братом. Это давало возможность ему на встречу с Султаном которого так добивался Агабек и ради чего он затеял всю эту поездку. У Салмана была чистая добрая душа. Он знал, что Агабек хочет чтобы он побратался с Аль-Харуном. Он тоже хотел этого. Но о дальнейших планах Агабека и Фазыл-бека Салман-медведь ничего не знал. Он даже не догадывался, что его используют в далеко идущих планах курдских предводителей. Этого ему и не нужно было знать. Он искал будущего брата – он его нашел.

После того как шейх Максуд и Агабек обменялись приветственными речами со своего места встал старейшина одного из родов Халид и сказал.

- Дорогие наши гости. Гости которым мы придаем большое значение, мужество и отвагу которых мы ценим. Вы проделали большой путь чтобы увидеть нас, наши шатры, наши земли. Этому поступку нет цены. Мы видим, что на нашу землю ступили настоящие мужчины. Слова старейшины переводил Шамсадин в совершенстве знавший арабский язык.

Нам дороги подарки которые привезли Вы с собой. Я думаю мы тоже не останемся в долгу. Но это все потом. Еще дороже для нас улыбки которые Вы принесли с собой и искренние чувства уважения которые оказали Вы жителям нашего племени.

Скоро должен прибыть к нам в гости Султан Верхнего и Нижнего Египта знаменитый не только тем, что он самый великий воин на земле. Али-бей знаменит в первую очередь теми победами которые одержали войска Египта под его руководством над войсками Турецкого Султана и над всеми недругами Египта. Эти победы позволили нашему народу завоевать независимость и впервые за долгие годы освободиться от Турецкой зависимости. Али-бей завоевал свободу для нашего народа. Теперь мы свободный народ и больше не кланяемся туркам и не платим им дань как многие века до этого. Так вот продолжал он, мы бы хотели узнать мнение

наших курдских братьев, как посмотрели бы Вы на то что если бы в присутствии нашего правителя один из нашего рода побратался с одним из Вас. Это древний обычай нашего народа. Это высшая форма доверия которую может оказать наш народ представителю другого народа.

Мы бы хотели чтобы сегодня наш воин Аль-Харун побратался с Вашим знаменитым богатырем Салманом-медведем. Если можно, обсудите наше предложение. Если Вы скажете да, то мы хотели бы чтобы это братание произошло в присутствии Султана который тоже является названным братом нашего Аль-Харуна.

Агабек давно ждал этого момента, но для приличия сделал вид что он обсуждает предложение хозяев со своими спутниками. Те дружно закивали головами. Затем он так же для вида спросил Салмана-медведя хочет ли он получить в братья Аль-Харуна. В отличии от Агабека простодушный Салман не стал скрывать своих чувств от всех собравшихся за столом людей и прямо ответил.

- Для меня будет большой честью получить в братья такого великого воина как Аль-Харун. У меня до сих пор не было братьев. Аль-Харун, если он пожелает этого станет им.

Аль-Харун так же не стал скрывать своей искренней радости от слов услышанных им от Салмана-медведя. Он без долгих раздумий ответил Салману.

- У меня тоже нет братьев. Всевышний не дал мне до сих пор такого счастья, но если такой знаменитый воин как Салман захочет стать моим братом я буду только рад этому и мое счастье не будет знать предела.

Услышав их слова все сидевшие за столом радостно загудели и закивали головами в знак согласия с решением принятым Аль-Харуном и Салманом-медведем.

Шейх Максуд и Агабек коротко посовещались и решили, что процесс братания они проведут после того как приедет Султан Али-бей. Пусть он приедет, отдохнет, вкусит пищу с нашего стола, а затем пусть сам и проведет всю церемонию братания договорились они.

На этом и порешили. Все встали со стола чтобы к приезду Султана женщины накрыли его заново свежими продуктами, овощами и фруктами. Между стульев на которых сидели Агабек и шейх Максуд поставили большой массивный стул для Али-бея.

Бедуины никому никогда особо не кланялись. Они почитали только Всевышнего, Мухамеда пророка и несколько языческих божков которые жили в их сознании еще с тех времен когда были они язычниками и многобожниками. Сами идолы давно были уже уничтожены, но память о них была еще жива в памяти большинства бедуинов..

Али-бей был редким исключением. Его почитали за храбрость и особое воинское мастерство. Бедуины были воинами от рождения и потому у них особым уважением пользовались мужество, отвага, честь. Всеми этими качествами Али-бей обладал. Потому и искали хозяева долго долго громадный стул который должен был хоть как-то напомнить всем что он похож на трон Султана снискавшего себе еще при жизни славу героя.

Для Агабека и его спутников хозяева установили три отдельных шатра. Шатры для гостей есть в обиходе у всех племен Сахары. Туда и отвели гостей с тем чтобы они отдохнули немного до приезда Али-бея. Агабека и Салмана-медведя разместили в одном шатре, всех остальных в двух других шатрах. Когда гости подошли к шатрам их ждали у входа молодые люди с кувшинами воды и белыми хлопковыми полотенцами. Таков обычай бедуинов. Гость приехавший с дороги или вставший со стола должен иметь возможность омыть свои руки и свое лицо.

Когда гости умывшись водой разошлись по своим шатрам возле входов к ним были поставлены молодые ребята, которые не были еще воинами, но были уже достаточно взрослыми чтобы охранять покой гостей. Сделано это было для того чтобы любопытная детвора или еще кто-нибудь по неосторожности не нарушил покой гостей. В задачу молодых ребят входило не только отгонять любопытную ребятню или собак во множестве бродивших по селению, но и оказывать любую услугу в которой будут нуждаться гости. Показать где туалет, подать воды или чего нибудь еще. Эти же ребята должны были следить чтобы лишние люди особенно женщины не ходили рядом с шатрами для гостей с тем чтобы их разговоры или шум их шагов не нарушал покой гостей уставших с дальней дороги. Эти же ребята должны были сразу же предупредить гостей о том, что Султан и сопровождающие его люди приближаются к селению для того чтобы они успели встать, одеться и приготовиться к встрече правителя Египта.

Так с детства бедуины приучали своих детей к обычаям своего народа. Так из поколения в поколение передавался опыт многих столетий накопленный народом жившим в особо суровых условиях безводной пустыни. Это была не только передача обычаев и нравов сурового народа. Это была школа обучение основам выживания в условиях где кружка воды, плечо друга или соседа было иногда дороже всех богатств мира.

Встречать Али-бея на границе земель племени поехали Кязим, Щукяр и еще десять отборных воинов.

Часа через три вдали показалась кавальнада всадников. Ребята приставленные к шатрам гостей сразу же известили их о приближении Султана. Все селение сразу же пришло в движение. Женщины и дети встали вокруг площади куда должен был приехать Султан.

Но встали они так что центральная часть дуги площади осталась свободной. Это место должны были занять гости, старейшины и воины племени которым надлежало встретить своего правителя. Уже через несколько минут навстречу приближающимся всадникам с радостными криками поскакали молодые бедуины. В молодых людях всех стран и народов мира кипит горячая кровь. Бедуины в этом плане не исключение. Более того. Жгучее солнце Сахары делает их кровь еще горячее. С громкими криками нескрываемой радости понеслись они навстречу Али-бею и сопровождавшим его лицам. Говорят, что бедуины раньше начинают ездить на лошади чем ходить по земле. Седло для них и твердь земная и дом родной. В седле они как рыба в воде, как птица в далеком жарком небе над их головами.

Скачущие на встречу Султану воины вставали в полный рост на седле, залазили под брюхо лошади, скакали задом наперед стреляя при этом из ружья по различным целям. Все это было красиво и завораживало глаза но еще удивительнее было видеть то как ведут себя во время всех этих действий лошади на которых скакали молодые бедуины. Даже неопытному взгляду сразу же видно что лошади угадывают каждое грядущее желание своего хозяина еще до того как он подумает о том. Они смотрелись как составная часть всадника и это было совершенно естественно. У Бедуинов как только рождался маленький мальчик отец уже думал о будущем его коне.

Когда малыш вырастал, начинал твердо стоять на ногах и осмысленно оценивать окружающий его мир ему годам к 12-14 дарили жеребенка. Он его кормил поил разговаривал с ним как с человеком. И что удивительнее всего конь начинал понимать все что говорит ему хозяин.

Он все понимает, но только отвечать не может говорили о своих лошадях бедуины. Такая лошадь под чужое седло не пойдет. Она, чувствующая и выполняющая малейшее желание своего хозяина и друга, будет дикой и неуправляемой под седлом любого другого всадника. Это знает каждый бедуин и потому ценит, холит и лелеет своего коня. Купить нового коня можно всегда но вот для того чтобы сделать из него свою вторую половину нужно не один день и ни один месяц. Может быть поэтому бедуин ставит своего коня выше чем любого члена семьи.

Конь это его жизнь, его слава и его позор. Хороший конь может принести славу. Плохой смерть и позор.

Али-бей и окружавшие его мамлюки остановились залюбовавшись зрелищем которое устроили для них молодые бедуины. Те уже подскакали к окружению Али-бея и не в силах остановиться кружили вокруг них проделывая все более и более головокружительные действия. Али-бей любил лошадей. Был мастером верховой езды и потому с нескрываемым интересом любовался на зрелище устроенное для него молодыми детьми пустыни.

Официально его называли Али-бей аль Кабири-Абаза. Что означало в переводе с арабского Али-бей Великий, но в народе его называли нередко Али-бей бесхвостый. Называли его так любя в память о подвиге который совершил он в Цитадели на острове посреди Нила. Все в Египте знали, что тогда он один перебил кучу заговорщиков и переплыл Нил на коне преследуемый большой стаей крокодилов. Крокодилы его не тронули. Это было чудо. Но видно сам Аллах любил его и помогал ему. Иначе как объяснить то что громадные Нильские крокодилы не тронули его, а он одним ударом копья убил самого большого и свирепого из них. Говорили, что крокодил которого убил он был больше чем 25 зиров в длину.

А называли его бесхвостым потому, что в самый последний момент другой крокодил оторвал хвост у его любимой лошади. Все это было правдой но переходя из уст в уста правда эта обрасла кучей вымыслов и домыслов. Теперь и сам Али-бей если бы услышал всю эту историю со стороны сам бы не узнал себя и те события которые произошли в ту памятную для него ночь.

Молодые бедуины хотели показать великому воину и Султану все что они умеют. Им хотелось поразить своим мастерством великого воина.

При этом они еще не только хотели показать Али-бею на что способны дети пустыни, но и неосознанно соревновались между собой.

Наверное, поэтому их трюки становились с каждой минутой все сложнее и опаснее. Поняв, что дальнейшее продолжение представления может окончиться непредсказуемым образом Али-бей поднял руку, Кязим сразу же понял его жест и чуть пришпорив коня выскочил из общей массы всадников окружавших Али-бея. Отъехав от них зиров на двадцать Кязим одним неуловимым движением остановил коня. Конь мгновенно остановился и застыл как вкопанный.

Еще через секунду Кязим поднял руку и довольно громко крикнул направив голову в сторону молодых бедуинов.

- Все. Султан доволен. Теперь все домой. Повелителя ждут старшие. Спасибо за то что Вы показали ему. Повелитель доволен. Очень доволен. Он увидел что Вы настоящие бедуины, настоящие воины. Спасибо Вам всем за это. Вы не опозорили имени своего племени. Теперь домой.

Молодые бедуины услышали его и развернув коней стремглав понеслись в обратную сторону

Али-бей с нескрываемым удовольствием смотрел вслед удалявшимся всадникам. Лицо его на минуту стало задумчивым. Всевышний так создал человека, что во всем происходящем вокруг него он видит в первую очередь то что больше всего интересует его. Али-бей тоже был потомком Адама. Его тоже интересовало то, что было для него важнее всего. Глядя на молодых бедуинов Али-бей думал о том какую армию можно было бы создать из этих воинов от бога если обучить их основам современного военного искусства. Обучить их тактике ведения боя, дисциплине, одеть, обуть и вооружить их современным оружием. Самое главное было в том, что в каждом из них жил дух воина. Научить всему остальному было гораздо легче. Обучить воинскому искусству можно любого, но вселить в него дух воина мог только создатель. В этом вопросе

он проявил щедрость по отношению к бедуинам. Оторвавшись от своих мыслей Али-бей дал команду и все двинулись в дальнейший путь. Вдали уже были видны шатры селения в котором ждали их с самого утра. Солнце уже начинало уходить из полдневного зенита. Был ясный осенний день, светлый и довольно жаркий. Бедуины вели кочевой образ жизни. Их шатры колесили по пустыне из одного его конца в другой в поисках воды и пищи для своего скота. Сегодня они были здесь, завтра совсем в другом месте. Такова была их жизнь.

Али-бей и сопровождавшие его лица сохраняя соответствующую статусу Султана и его окружения важность медленно ехали по жаркой изнывающей от жажды пустыне с каждым шагом все более и более приближаясь к большой толпе народа которая с нетерпением ожидала их прибытия. Чуть позади Султана ехал на вороном коне Каит-бей. Он особо жаждал пообщаться со своими земляками и особенно с Агабеком.

В центре площади посреди большой массы встречающих Султана людей стоял шейх племени Максуд. Максуд уже стар, но стоит прямо с высоко поднятой головой. Всем своим видом он показывает соплеменникам и гостям что годы ему не помеха.

Справа и слева от него расположились Агабек, Салман-медведь и Аль-Харун. Остальные мужчины стояли вокруг них широким кольцом. Женщины племени стояли отдельно от мужчин слева и справа от них плотной массой. Дети стоят вместе с женщинами. Мужчины держатся чинно, сохраняя внешнее достоинство. Женщины своих эмоций не скрывают. Они прекрасно знают, что именно благодаря тому что Али-бей стал побратимом их соплеменника Аль_Харуна уже длительное время все соседние племена прекратили набеги на их земли. И хотя воины их племени могут дать отпор любому противнику они не забывают что тень Али-бея накрывшая их земли оберегает теперь мужчин племени от постоянной необходимости с оружием в руках защищать свои земли, скот, женщин и детей, дает им возможность растить детей, а не оплакивать героев погибших в боях.

Наступила редкая для этих краев мирная тишина которую не прерывали теперь крики женщин провожавших в последний путь своих мужей, сыновей и отцов.

Женщины прекрасно это понимали .

Они так же прекрасно знали кому обязаны они за мирную тишину в их селениях. Именно поэтому они горели нетерпением высказать свою благодарность Али-бею не столько даже как Султану сколько как человеку подарившему им мир и спокойствие.

Тем временем Али-бей и сопровождающие его лица медленно приближались к людям ожидавшим их на площадке возле праздничных шатров.

Когда они приблизились настолько, что ожидающие их люди могли уже различать их лица женщины и дети подняли неистовый крик и галдеж. Их чувства были искренними и потому они все громче и громче кричали приветствуя Султана. Крича все громче и громче женщины доводили себя до экстаза выражавшемся в сплошном трудновообразимом крике который резал слух всех окружающих.

Али-бей давно уже привык к тому, что всякое его появление на людях вызывало у толпы чувства ликования и восторга. Так было тогда когда он вернулся в Каир после блистательной победы над грозным корпусом янычар. Тогда многотысячная толпа жителей города сплошным многоголосым ревом восторга провожала его по улицам Каира.

Так было после его блистательной победы над турецкими войсками на границе Египта и Сирии.

Еще громче ревела толпа когда он объявил народу о том, что Египет завоевал независимость и теперь они являются независимым суверенным государством.

Более двухсот лет Египет находился во власти Турецкой империи. И вот он в результате долгой упорной борьбы добился независимости.

Многовековую мечту народа Египта реализовал он, выходец народа с далеких берегов Черного моря. Он всегда удивлялся тому, что море на берегу которого он вырос называли Черным.

Али-бей хорошо помнил и в его памяти осталось навсегда, что море его детства было всегда зеленоватым, бирюзовым, синим, но только не черным. Говорили что черным оно становилось только в минуты особого гнева. Тогда зимняя штормовая волна становилась черной и разрушительной. Характер у Черного моря был непредсказуемым как и характер народа который испокон веков жил на его берегах.

В мире и дружбе они были добрыми, радостными, гостеприимными. В минуты гнева или опасности характер народа из которого вышел он становился жестким, бескомпромиссным и беспощадным.

Восторг с которым встретили его жители селения растрогал Али-бея. Он знал, что жители этого племени любят его, но никогда не думал что эта любовь такая искренняя и глубокая.

Еще большее удовольствие получил он от того что курды приехавшие для встречи с ним увидели какой любовью, а значит и поддержкой пользуется он у своего народа. Его острое зрение сразу же выделило гостей из общей массы бедуинов. Он знал с какой целью приехали они. Знал что весь визит и предстоящее братание Салмана-медведя и АльХаруна это лишь предлог который нужен был курдам чтобы установить союзнические отношения с ним и заручиться его поддержкой в их далеко идущих планах. Планы курдов никоим образом не затрагивали интересов Египта. Более того если бы Али-бею удалось вернуть Египту Сирийские земли он был бы спокоен за свои тылы так как союз с курдами гарантировал ему что они не ударят ему в спину по наущению турецких агентов.

Когда они подъехали достаточно близко Агабек был удивлен тем, что Али-бея сопровождают всего семь охранников во главе с Сахибом.

Сахиб был начальником его охраны последние дни. Указ о возведении его в ранг бея был уже подписан Али-беем и должен был быть обнародованным сразу же по их возвращению в Каир. Пока об этом указе знал только очень узкий круг лиц.

Агабек много раз слышал о постоянных заговорах и покушениях на жизнь Али-бея и потому был удивлен тем что Али-бей ездит по стране с такой малочисленной охраной. Али-бей же специально приехал в селение с такой малочисленной охраной. Он оставил большую часть своей охраны на расстоянии полудневного перехода с тем чтобы Агабек увидел что Али-бей прочно сидит на своем троне и теперь все заговоры и мятежи против него это уже давно прошедшее время. Впечатление которое он хотел произвести на Агабека нужно было Али-бею для того чтобы тот уверился в прочности его позиций в Египте и не начал искать здесь других союзников, что могло осложнить политическую ситуацию в стране постоянно раскачиваемую турецкими ставленниками и их агентами.

Расчет Али-бея сработал безотказно. Агабек сразу же обратил внимание на очень маленькую охрану Султана и сделал именно такой вывод на который и рассчитывал Али-бей.

Уже через час другой сидя за праздничным столом слева от Али-бея Агабек с удовлетворением слушал его слова когда он согласился стать посредником в деле братания Аль-Харуна и Салмана медведя.

Согласно обычаю посредник смешивал кровь побратимов и становился как бы свидетелем их братства.

С этого момента он становился гарантом братских отношений и получал право судить любой поступок каждого из побратимов.

Агибек которого сразу же по приезду Али-бея представили ему был крайне доволен тем как тепло и дружелюбно отнесся к нему Султан. Он как бы выдавал ему тем самым поощрение на те действия которые собирался он сделать.

Агабек это сразу понял и теперь терпеливо ждал удобного момента чтобы получить ауеденцию у Султана в ходе которой он и собирался изложить ему свои предложения и просьбы.

Понимал это и Али-бей. Он это понимал, но не спешил. Спешить или стимулировать Агабека на предстоящий разговор было и не разумно и тактически не верно.

Исходя из этих соображений Али-бей не спешил, передавая инициативу по данному вопросу в руки Агабека. В свою очередь Агабек тоже был опытным политиком.

Эта никем не озвученная и никому не видимая игра велась по двум основным причинам. Первая из них состояла в том, что та сторона которая принимала предложенные ей условия Союза могла в свою очередь продиктовать в ответ свои дополнительные условия для заключения договора.

Вторая причина состояла в том, что в случае неудачи конечного результата предполагаемого тайного соглашения основная доля ответственности за его провал или недостатки ложилась на ту сторону которая предлагала это соглашение.

Вскоре все встали со стола. Начались танцы под национальный бубен и арабскую зуну. Танцы быстро закончились. Молодежь ждала разрешения для начала скачек посвященных приезду Султана и курдских гостей.

Организатор скачек объявил что победитель скачек получит из рук Султана десять золотых монет.

Это был очень хороший приз.

На такие деньги в Сахаре можно было купить много верблюдов, лошадей, коз и овец.

Когда Агабек услышал о призе который был объявлен глашатаем он попросил чтобы от его имени к этой сумме было добавлено еще пять золотых монет. Он мог бы добавить и больше монет, но это было нетактично. Дать больше чем сам Султан было бы актом не уважения к монаршей особе. Когда глашатай объявил о воле Агабека по рядам болельщиков прошел одобрительный гул.

Всем понравилась щедрость Агабека. Понравилась эта новость и участникам грядущего забега. Теперь они с удвоенным нетерпением стали ждать начала скачек.

Приз такого размера никогда еще не разыгрывался в этих местах. Это было и понятно. Гостей такого уровня в здешних краях не помнили даже сторожилы.

Какие были сегодня гости у бедуинов и какого масштаба события были в их головах таков был и приз.

Узнав о сумме приза выставленного для победителя скачек молодые курды то же загорелись желанием попытать свое счастье, но Агабек категорически запретил им участвовать в скачках. Его решение было продиктовано тем, что лошади курдов были совсем неплохие, но они были лошадьми приспособленными больше для езды по горным дорогам чем по равнине и потому при скачках на длинные дистанции по равнинной местности они могли просто не выдержать темп которые зададут чистокровные арабские скакуны. Агабек был опытным лошадником и потому в своих оценках качеств скаковых лошадей ошибался редко. Он прекрасно понимал, что даже его знаменитая на весь Курдистан лошадь Зорька не смогла бы сравниваться с местными скакунами привыкшими к широкому раздолью пустынных равнин и к жаркому воздуху местного климата. Если бы скачки проходили у них в Курдистане то все было бы наоборот, а здесь уже через некоторое время напряженных скачек их лошади сдадут ход задохнувшись от непривычного для них горячего воздуха пустыни.

Все это он коротко объяснил своим молодым спутникам. Они сразу поняли его без лишних возражений. Возможно утешая себя один из них добавил.

Хорошо. Но когда они приедут к нам в гости тогда там у нас посмотрим чьи лошади на что способны. Подбодрив себя такими словами курды успокоились и больше не рвались в бой.

Когда выстрел куркового пистолета известил участников скачек о их начале около трех десятков всадников сорвались с места и понеслись по всем заранее известному маршруту. Каждый род который входил в племя выставил по одному всаднику. В основном это были молодые воины. Среди них было только несколько умудренных большим жизненным опытом мужчин в том числе и Щякур. Все участники скачек знали что он преследуемый своими многочисленными кровниками оказался на землях племени шейха Максуда и попросил у них убежища. Тогда много лет назад он честно рассказал собравшимся старейшинам родов, что его преследуют кровники и за что его преследуют. Человек в пустыне который не имеет своего рода и племени обречен. Род и племя это и кров и пища и защита от врагов и опасностей.

Каждый человек в Сахаре должен иметь свой род и свое племя. Посовещавшись старейшины приняли решение. Щякур не убийца, он убил своих противников в честном бою. Он не напал на них первым. Напали на него они. Но если он один одолел в честном бою двух сильных противников значит он достойный воин. А такие в пустыне нужны всем. В этом вопросе всегда существует обратная связь. Как каждому жителю пустыни нужна защита рода и племени так и каждому роду и племени нужны храбрые воины. И чем больше тем лучше. Щякура принял род к которому принадлежал Кязим. Род был большой, сильный. При необходимости он мог выставить до ста отважных воинов. Род послал весточку к туарегам известив их о том, что с этого дня Щякур член их рода и находится под их защитой. И еще они просили передать, что род готов согласно обычаю пустыни заплатить за кровь их соплеменников. Назвали и цену. Цена была не маленькая, но и не такая большая учитывая, что кровь пролилась в честном поединке которую Щякур не начинал. Через некоторое время стороны пришли к взаимному согласию. Выкуп за кровь был заплачен новым родом Щякяра. На этом и разошлись с тех пор Щукяр стал полноценным членом своего нового племени. Он женился на девушке из соседнего рода и завел свой отдельный шатер. У Щякура была великолепная лошадь. Он купил ее еще жеребенком. Лошадь Щякура была от

быстроногой белоснежной кобылицы арабской породы которую покрыл большой племенной жеребец знатных английских кровей завезенный из дальних стран шейхом соседнего племени. Как этот жеребенок попал в руки Щякура не знал никто но когда жеребенок вырос он стал высоким, ослепительно красивым и на редкость резвым скакуном которому не было равных во всей округе.

Жеребец соединил в себе воедино красивый окрас и резвость своей матери силу и выносливость своего родителя. Теперь это была лошадь за которую в пустыне могли заплатить баснословные деньги. Недаром же она легко унесла в свое время от многочисленной погони раненного в схватке с братьями истекавшего кровью Щукяра.

Тогда его не смогли догнать даже всадники которые пошли на перехват по короткому пути.

Теперь лошадь Щукяра которую все называли Сирокко неслась во всю прыть впереди лавины скакунов мчавшихся за победой. Имя Сирокко дал своей лошади сам Щукяр.

Так назывался ураганный ветер с берегов Средиземноморья который гнул и даже вырывал иногда с корнем большие пальмы в далеких оазисах.

Это был сильный ветер.. Под стать ему была и лошадь на которой скакал ее хозяин и друг. Щякур не много сдерживал свою лошадь чтобы она не сбилась с ритма и не устала раньше времени. Он был опытный наездник который только по оттенкам звуков дыхания лошади и ритму стука ее копыт знал о ее состоянии и ее возможностях в любой момент долгой изнурительной скачки. Иногда Щякур наклонялся к холке своего любимца и что-то шептал ему. Что он говорил лошади не знал никто. Знал это только сам Сирокко который чутко слушал своего хозяина.

Щякур знал что в скачках участвуют лучшие лошади этих мест и что для победы над ними мало силы и резвости его скакуна. Здесь очень важно было и его умение правильно распределить силы своей лошади. Важно было так же не попасть в клещи чужих лошадей которые могли выбить силы из Сирокко. Вырваться из таких клещей когда лошадь и всадник становятся зажатыми с двух сторон не так легко. На это может уйти много сил которые потом не хватит лошади на финишной прямой. Справа от него отставая на полкорпуса лошади скакал его друг и приятель Музафар. Слева

также чуть чуть отставая от него шла лошадь Халида. Халид тоже его друг и приятель. Но скачки это борьба лошадей и всадников. В борьбе не бывает друзей и товарищей. В борьбе бывают только победившие и проигравшие. Щякур внимательно смотрит за обоими соперниками. Он знает, что если они возьмут его в коробочку то ни ему ни Сирокко быстро не выбраться из нее. Пока он будет выбираться из коробочки Сирокко может выбиться из сил. Тогда ему не хватит сил на финишный рывок. Скачки у арабов жестокая схватка. Здесь нет ни братьев ни друзей. Щякур чувствует что его Сирокко имеет еще большой запас сил и совсем еще не устал. Ему достаточно только чуть чуть отпустить повод уздечки как Сирокко резко прибавит ход. Но делать этого еще рано. Когда лошадь скачет одна она устает гораздо быстрее чем скачет в общей массе. В общей массе азарт и дух соперничества между лошадьми гонит их быстрее самой грозной плети. В том то и искусство всадника, что он должен угадать когда его лошадь должна уйти вперед и ей хватит сил до самой финишной ленты.

Это даже нужно не угадать, а почувствовать. Почувствовать по тому как идут соседние лошади, как дышат они и как дышит твоя лошадь которая должна принести тебя первой к финишу.

От внимания Щякура не ускользает ни одна деталь. Он опытный наездник. На своем Сирокко он не проигрывал еще ни одной скачки. Эта скачка на кону которой стоит такой большой приз не должна стать первой которую он проиграет. Силу Сирокко знают все участники скачек которые не столько борются между собой сколько все вместе борются с Щякуром и его лошадью.

Музафар и Халид стараются улучшить момент чтобы зажать его в тиски между собой, но как только они начинают ускорять бег своих лошадей Щукяр моментально ослабляет поводок своей уздечки и умный все понимающий Сирокко снова уходит на полкорпуса вперед. Скачки проходят в облаке пыли в которой утопает вся кавалькада всадников на бешенной скорости несущаяся вперед к финишу.

В этом забеге нет слабых лошадей. Бедуины вообще не имеют плохих лошадей. Здесь вопрос стоит не в том чья лошадь слабее, а в том чья лошадь окажется на мгновение или метр удачливее других лошадей.

Музафар и Халид тоже опытные наездники. Эти скачки не первые в которых участвуют они. Они хорошо знают силы и возмож-

ности каждой более или менее значимой лошади в округе. Их опыт и их знания говорят им что в открытых бегах их лошади навряд ли одолеют Сирокко. У них хорошие лошади. Очень хорошие. До того как появился здесь Сирокко они были лучшими скакунами в этих местах. Но Сирокко есть Сирокко. На их памяти еще ни одна лошадь не смогла одолеть этого непобедимого жеребца. В открытой борьбе Сирокко не одолеть. Единственная возможность победить его только одна. Сирокко нужно измотать непрерывной борьбой на трассе и только потом постараться уйти от него на финишной прямой. Исходя из тактики избранной ими Музафар и Халид стараются постоянными рывками измотать Сирокко. Даже в пылу азартной гонки они внимательно следят за дыханием лошади Щукяра и ритмом его бега. Они смотрят и ждут. Ждут удобного момента чтобы сделать решающий рывок. Щукяр все это видит и понимает. Он сам внимательно смотрит за тем же ожидая своего часа.

Так и шли они всю дистанцию. Белая голова Сирокко немного впереди . Справа чуть отставая от него голова гнедого жеребца Музафара. Слева так же чуть сзади него голова вороного жеребца Халида. Вся остальная масса лошадей и всадников неслась сзади них отставая от головной группы зиров на 20-30. Муаруф и Халид еще до старта скачек договорились, что они вместе попытаются изматать лошадь Щукяра. Если получится вдвоем зажимают его в тиски, а там на финише чья лошадь окажется менее усталой тот и должен обойти Щукяра и его Сирокко.

При любом раскладе кто бы из них не победил приз они делят пополам как совместно заработанный.

Когда до финиша где их ждала беснующаяся толпа болельщиков и просто зрителей оставалось меньше трех тысяч зир из общей массы преследователей вырвалась и начала стремительно догонять ушедшую вперед тройку всадников серая лошадь под управлением молодого и легкого всадника Исмаила. Его лошадь шла в общей массе преследователей. Это дало ей возможность сохранить больше сил для финишного рывка чем у лошадей Щукяра, Музафара и Халида которые долго и упорно боролись между собой то зажимая друг друга в тиски то вырываясь из них.

Да и сам Исмаил весил намного меньше чем все они что дало еще значительное дополнительное преимущество его лошади. Так или иначе Исмаил быстро догнал лидирующую группу и начал потихоньку уходить от нее. С каждой секундой он уходил все дальше и дальше. Все трое до этого яростно боровшихся между собой всадника сразу же поняли что победа за которую они боролись между собой стремительно убегает от них на лошади Исмаила.

Сложившаяся ситуация сразу же отрезвило всех троих. Забыв о конкуренции между собой они без раздумий бросились догонять Исмаила. Но видно слишком много сил ушло у них до этого на борьбу между собой. Несмотря на все отчаянные попытки друзей догнать уходящего в отрыв Исмаила его светло серая лошадь все дальше и дальше уходила от них. Муаруф и Халид начали нахлестывать своих лошадей, но было уже поздно. Исмаил все дальше уходил от них. Щукяр припал к шее Сирокко и начал что-то ласково говорить ему на ухо. Что говорил он ему знал только Всевышний. Музафар и Халид еще не теряли надежды на победу и надхлестывали своих лошадей, но было уже поздно. Лошадь Исмаила все дальше и дальше уходила от них.

Тем временем Щукяр продолжал шептать на ухо Сирокко что-то ласковое и просительное. Он что-то шептал и гладил его шею. Шептал и гладил. И произошло чудо. Уставший от длительной борьбы Сирокко нашел в себе какие-то новые силы и начал медленно догонять ушедшую вперед лошадь. Щукяр все шептал и шептал. Сирокко все ускорял и ускорял свой бег. Наконец зиров за триста-четыреста до финиша Сирокко догнал светло серого жеребца и под неистовые крики зрителей уже хорошо видевших всю финальную часть скачек легко обошел его перед самым концом забега.

Зрители оглушительно кричали приветствуя победителя и его лошадь. Даже Али-бей и Агабек поддавшись всеобщему ажиотажу неистово махали руками и что-то кричали так же приветствуя победителя.

Когда долго неистовавшая толпа зрителей поуспокоилась к организатору скачек который готовился к награждению победителя подошел Салман-медведь в сопровождении своего толмача и передал ему три большие золотые испанские монеты. Он попросил его включать эти монеты в общий приз от его имени. При этом толмач добавил, что Салман-медведь с удовольствием бы дал и больше, но курдский этикет не позволяет ему давать больше чем старшие по возрасту. Никого из присутствующих испанские золо-

тые монеты не удивили. К тому времени Египет только начал выпускать свои деньги. Денег этих было еще мало и они не дошли еще до всех регионов страны. Потому в денежном обороте Египта можно было встретить денежные единицы многих стран Средиземноморья и не только.

Таким образом денежный приз этих скачек достиг никогда доселе невидимой суммы в 18 больших золотых монет которые и были вручены Щукяру под долгий оглушительный рев толпы.

Щукяр поблагодарил организаторов скачек за столь щедрый приз и сразу же сказал.

- Я с благодарностью принимаю этот приз. Никогда прежде я не держал в руках таких денег, но вместе с тем я считаю что на этот приз имеют право мои земляки и соперники Исмаил, Музафар и Халид.

Поэтому продолжал он, я от всей души отдаю каждому из них по одной золотой монете. С этими словами он под одобрительный гул толпы передал деньги Исмаилу, Музафару и Халиду. Оставшиеся пятнадцать золотых монет он положил в свой карман.

Относительно этих денег у него были свои планы. Девять монет он хотел потратить на свои нужды.

Шесть остальных монет он решил отдать своим друзьям Аль-Харуну и Кязиму по три каждому. Он знал что они влезли в немалые долги чтобы достойно встретить гостей из Курдистана.

В свое время Щукяр не смог ничем помочь Аль-Харуну так как у него не было никаких средств для этого. Теперь у него появились хорошие средства и он не преминул воспользоваться представившейся ему возможностью внести свой вклад в дело друзей и помочь Аль-Харуну и Кязиму. Уже через полчаса о принятом им решении поделиться своей наградой со своими друзьями знали все. Щукяр не был человеком большого достатка. Более того он еще очень многого не имел начав несколько лет назад свою жизнь на новом месте практически с нуля. Это знали все жители селения и их гости из соседних оазисов. Именно поэтому щедрость и благородство проявленные Щукяром приятно удивили всех.

Еще больше удивила всех соседей жена Щукяра которая пришла на праздник с двумя своими малолетними детьми болеть за мужа. Когда она узнала как распорядился своим огромным выгрышем ее муж она не только не огорчилась его непомерной щедростью, а с гордостью сказала.

- Если бы Щукяр был другой я бы не любила его и не ждала долгими бессонными ночами. Сказала и радостно заулыбалась сама себе. Так улыбаются обычно люди которые нашли клад или убедились лишний раз в том, что они не ошиблись в самом главном для себя в этой странной и никем еще не познанной жизни.

Тем временем под радостный гул толпы Али-бей провел церемонию братания между Аль-Харуном и Салманом медведем. Все бедуины и мужчины и женщины глядя на Салмана-медведя восхищенно говорили.

- Смотри какого богатыря сделал своим побратимом наш Аль-Харун. Счастлива мать которая родила такого сына. Сперва его ум привел в наши края знаменитого Али-бея. Теперь он привел к нам и знаменитого богатыря Салмана-медведя.

Шейх Максуд глядя на счастливых побратамов без долгих колебаний заключил мысли своих соплеменников.

- Каков всадник таков и конь.

Теперь мне не страшно умирать. Если что мое племя будет в надежных руках.

Говоря такие слова он имел конечно в виду Аль-Харуна как своего преемника.

Женщины еще долго издавали радостные протяженные крики приветствуя Аль-Харуна и Салмана-медведя.

На улице под тенью пальмы жарился на вертелах жертвенный бык. Его мясо должны были попробовать все присутствующие выражая тем самым свое согласие с тем, что Салман-медведь как побратим члена одного из родов племени и сам стал членом их рода и племени. Так же было и некоторое время назад когда племя принимало в свои ряды Щукяра - Туарега.

Такой исход устраивал всех и соответствовал обычаям бедуинов и духу времени.

Племени было выгодно что все их соседи узнают о новом мощном члене их общины который в случае чего не оставит своих новых сородичей в беде.

Устраивала в свое время такая ситуация и Али-бея который получал еще одну прочную опору в регионе на которую мог он опереться в любой момент. Такая опора не мешала никому осо-

бенно в такое смутное время когда длинные щупальца Турецкого Султана шарили по всему Египту в поисках слабых мест и тех кто мог бы решить проблему возврата Египта в состав Османской империи.

Али-бей прекрасно знал как много осталось в Египте влиятельных людей и не менее влиятельных политических групп которых независимость Египта не устраивала. В свое время они хорошо кормились из рук Турецкого Султана и не прочь были бы вернуть прежние удобные и выгодные для них времена.

Не меньшую опасность представляли и те многочисленные группы и партии внутри мамлюкского сообщества которые хотели бы сами воспользоваться тем что Египет стал независимым государством, и получить от этого свои личные выгоды. Интересы государства этих людей особо не волновали. Они и в бой ходили только ради собственной выгоды. Поле сражения было их кормилицей, щедро одаривавших их за постоянный риск и невзгоды тяжелой походной жизни.

И те и другие были постоянно готовы ударить в спину и знали что Турция всегда готова оказать им всемерную помощь в их планах. В такой ситуации лишняя опора в лице воинов многочисленного и воинственного курдского народа и бедуинов племени Максуда была совсем не лишней.

С этой точки зрения особый интерес для Али-бея представляла предстоящая встреча с Агабеком который имел хорошую опору в Курдистане и был наделен немалыми полномочиями. Об этом Али-бей имел уже достоверную информацию через свои многочисленные источники.

Вечером того же дня после окончания торжеств по случаю приезда гостей состоялась его встреча с Агабеком.

Агабек был не только признанным лидером многих отчаянных курдов ходивших поживиться на Турецкую территорию, но и опытным политиком. Он хорошо знал ситуацию в Египте и был так же хорошо осведомлен о проблемах стоявших на сегодняшний день перед Али-беем.

Фазылбек и он правильно просчитали что на нынешнем этапе их интересы полностью совпадают с интересами Али-бея. Фазылбек так и сказал. У каждого из нас разные задачи. Мы еще не друзья. У нас мало даже общих знакомых. У Али-бея свои у курдов

свои. Но у нас общий враг. Турция. А общий враг быстрее объединяет людей и государства чем общие друзья и общие интересы.

Нужно говорить с Али-беем прямо без лишних предосторожностей, напутствовал он Агабека. В худшем случае для нас Али-бей не пойдет на Союз с нами, но Турции о наших планах он не доложит. Единственное условие которое нужно будет соблюсти при этом. Беседа должна состояться без свидетелей. Один на один. Али-бею я верю. Он человек чести. Об остальных членах элиты Египетского государства я ничего не знаю и потому лучше, конечно, если кроме тебя и Али-бея никто другой не будет знать о содержании Вашего разговора.

Береженного Аллах бережет добавил он. Откуда мы знаем куда смотрят глаза его приближенных и что говорит их язык кроме молитв Всевышнему, добавил он.

Так Агабек и сделал. Он передал свою просьбу о встрече с Али-беем один на один Аль-Харуну который и организовал ее в шатре Али-бея.

У входа в шатер как всегда стоял Сахиб. Вокруг шатра ходили охранники Али-бея чтобы никто не помешал беседе Султана с его гостем и не подслушал их разговор. Всю дорогу в Египет Агабек планировал эту встречу и отрабатывал каждое слово которое должен будет сказать он. Но все получилось совсем не так как предполагал он.

Али-бей который ждал его в своем шатре сразу же оборвал его витиеватую вступительную речь и коротко сказал, а вернее даже скомандовал.

Агабек, гость мой. Я хорошо знаю кто ты, чего ты хочешь и для чего ты приехал сюда.

Мне хорошо известно имя твоего отца. Человек у которого был такой отец не может быть предателем и ненадежным. Ему можно верить. Говори прямо для чего ты приехал. Нам нечего таить друг от друга. Он как бы подслушав его последний разговор с Фазылбеком добавил. У нас нет общих друзей, но враг у нас один, поэтому говори прямо без вступительных слов. С чем ты приехал ко мне и что ты хочешь услышать от меня.

Такое начало беседы сперва смутило Агабека, но увидев спокойный одобряющий взгляд Султана Агабек понял, что слова Али-бея имели своей целью не уйти от главной задачи сегодняшней встречи, а ускорить переход к главной ее сути. Убедившись в этом

Агабек приободрился и без лишних слов перешел к конкретной цели своего визита. По видимому он правильно понял смысл поощрительной улыбки Султана так как видел, что в ответ на все его слова и мысли Али-бей одобрительно кивал головой не говоря ни слова в слух. Так и прошла вся их беседа. Агабек говорил . Али-бей одобрительно кивал головой. Только в самом конце переговоров Али-бей слушавший внимательно каждое слово Агабека сказал.

Египет многие века боролся за свою независимость. Мы понесли немалые потери в этой борьбе. Народ который так долго боролся за свою независимость и знает цену этой борьбе не может не уважать право другого народа быть независимым.

Шамсадин был единственным третьим лицом во время их беседы. Он имел особое доверие Фазылбека и Агабека и потому от него не было никаких тайн. Он хорошо знал арабский языки и в точности переводил каждое слово сперва сказанное Агабеком, а затем и Али-беем.

Египет будет полностью поддерживать стремление курдского народа к созданию независимого государства, продолжал Али-бей но я бы хотел чтобы Вы поняли. Пока в Сирии располагается большая турецкая армия и местные народы вынуждены оказывать ей всемерную помощь все Ваши действия в этом направлении обречены на провал. В случае начала войны Курдистана с Великой Портой турецкие армии с двух сторон зажмут Вас в горах. Зажатые в тиски и лишенные возможности получать из других регионов боеприпасы и продукты вы обречены на неминуемое поражение и печальные результаты. Не нужно тешить себя иллюзиями, что Вам поможет Персия находящаяся в постоянной конфронтации с Турцией. Когда вопрос коснется курдской проблемы обе эти великие державы сразу забудут свои противоречия и совместно задушат Вас. В вопросах курдской проблемы интересы у них всегда совпадают. Ваша надежда только на одно. Тут Али-бей на секунду задумался и после короткой паузы продолжил. Ваша надежда только на то, что Египетская армия уничтожит турецкие войска в Сирии и на всем Аравийском полуострове. Вот тогда у Вас будет надежный тыл. Тогда и можно будет начинать выступление. До этого Вам нужно будет затаиться, накапливать силы и сторонников и ждать. Ждать своего часа.

Сказав эти слова Али-бей вопросительно посмотрел на Агабека. Наступал главный момент их переговоров. Наступила та минута ради которой курдская делегация приехала сюда преодолев многодневную трудную дорогу.

Агабек понял его и спросил.

Повелитель! Когда это будет и чем мы можем ускорить приход этого дня.

Он сказал то что ждал от него Али-бей. Теперь переговоры перешли в конкретное конструктивное русло.

Али-бей продиктовал свои условия которые почти во всем совпадали с интересами курдов.

В результате стороны довольно быстро пришли к взаимному согласию по большинству поднятых вопросов и разошлись довольные достигнутым результатом. Переговоры шли долго, трудно, но закончились взаимопониманием практически по всем вопросам которые интересовали курдов и мамлюков.

После окончания беседы Али-бея и Агабека последнего пригласили в шатер в котором сидели все курды и Каит-бей. Глаза мамлюка блестели от радости. Он безустали расспрашивал своих земляков о Курдистане, своих родственниках и родных. К сожалению для него Все приехавшие курды были из ущелья которое располагалось на юго востоке Курдистана, а ущелье где жили его родственники находилось совсем в другой стороне и потому гости ничего не знали о его родных и близких.

Чтобы как то сгладить горечь Каит-бея от своей невольной вины Салман-медведь пообещал Каит-бею что как только он вернется домой в Курдистан то он непременно пошлет с нарочным весточку родным и близким Каит-бея в которой он расскажет им о том что он видел его и он жив и здоров.

Несмотря на все эти неувязки Каит-бей светился от счастья, что смог увидеть своих сородичей и передать через них весточку своим родителям.

Он сидел с курдами еще очень долго пока не настала ему пора уезжать вместе с Султаном в Каир.

Назад в Курдистан Агабек ехал в прекрасном настроении. Ему было что доложить бекам которые с нетерпением ждали его возвращения.

До самой границы их сопровождали молодые бедуины во главе с Щукяром. Когда они прощались уже на Сирийской территории Агабек на радостях одарил всех провожавших его воинов большими серебряными монетами.

Щукяру он протянул дорогой золотой дукат которую тот с благодарностью принял. Увидев одобрение в глазах Агабека тоже самое сделал и Салман медведь который так и не понял почему у Агабека такое прекрасное настроение и чему он постоянно улыбается глядя куда-то вдаль. Только сам Агабек знал чему улыбается он. Он был патриотом своей земли и как всякий патриот он радовался тому что у курдского народа появился наконец очередной реальный шанс завоевать долгожданные свободу и независимость. За это он был готов бороться и если нужно заплатить любую цену. Даже самую высокую – свою жизнь.

КАТАЛИКОС

После приезда Даута домой из Египта в его двор зачастили многочисленные гости. Сперва шли соседи, близкие, друзья, родственники, и другие жители села. Потом когда слух о его возвращении вышел за пределы села в его дом потянулись и жители близлежащих селений.

Даута как священнослужителя знали многие люди во всей округе. Дорога по которой он шел приводила его всегда к людям. В радости и в беде он был всегда с ними. Смерть человека или рождение ребенка, похороны или поминки никогда не обходились без него. Потому его все и знали. Подогревали интерес к благополучному возвращению Даута и многочисленные слухи о его сыне ставшем могущественным Султаном далекой неизведанной страны с загадочным названием Египет.

Вслед за простыми людьми к Дауту зачастила и Абхазская знать. Сперва начали приходить мелко поместные дворяне-амбыста, затем амбыста-ду то есть большие дворяне. Всех их интересовал один и тот же вопрос. Кто такой Али-бей. Какая у него страна, большая или маленькая, сколько у него войска и не собирается ли он вернуться домой. Особенно интересовал последний вопрос князей и дворян. Утром воскресного дня пришел к Дауту нарочный. Он сообщил, что на завтра его желает посетить Каталикос Абхазии и ему надобно будет ждать настоятеля Абхазской православной церкви во второй половине дня. Каталикос был грузином, но довольно сносно говорил по абхазски. Службы проводил на

грузинском языке, но после их окончания мог поговорить с прихожанами на абхазском, правда с большим акцентом и коверкая иногда слова, но довольно уверенно и резво.

Сам факт того что Каталикос не пригласил его к себе в резеденцию, а решил приехать к нему в деревню, говорил о многом. Очевидно было, что Каталикос собирается поговорить с ним о чем-то очень важном.

Абхазия того времени была ареной ожесточенной борьбы за власть между несколькими влиятельными группировками возглавляемыми различными княжескими фамилиями. Значительную силу на Северо-Западе страны представлял род князей Гечба. Их владения располагались вокруг порта Ардлар вплоть до реки Хоста. Сила князей Гечба опиралась на их союз с могущественными абазинскими княжескими родами Лоо и Ашеа.

Каждый из этих княжеских родов мог выставить при необходимости до 10 тысяч отборных всадников.

Владения абазинских князей располагались вокруг нынешних поселков Лоо и Аше которые сохранили свое историческое название несмотря на все перепитии исторических событий последних двухсот пятидесяти лет.

Были так же влиятельные группировки князей Маршан и Дзяпш ипа. Каждая из этих группировок опиралась на поддержку определенных сил как внутри Абхазии так и за ее пределами.

Помимо этого Абхазия вела постоянные военные действия против Владетельных правителей Мигрелии князей Дадиани.

В настоящее время результатами этой ожесточенной борьбы за власть было то, что владетельный князь Абхазии Манча Чачба находился в ссылке на территории Турецкой империи. Его семья и его окружение находились под неусыпным наблюдением турецких спецслужб.

Его брат и наследник Абхазского престола Ширван также находился в Турции. Дорога в Абхазию им обоим была закрыта навсегда.

Турецкое правительство не доверяло им обоим.

Вернуться в Абхазию удалось только их младшему брату Зурабу который и стал Владетельным князем Абхазии. Многие терялись в догадках как удалось ему вернуться назад и каковы будут его дальнейшие шаги.

За время его отсутствия в Абхазии набрали силу другие княжеские фамилии. Особую силу имели к этому времени Эшерские князья Дзяпш-ипа.

Основной опорой Дзяпш-ипа был могущественный род влиятельных дворян Лакербая. Лакербая владели обширными землями и многими сотнями душ подневольных крестьян.

Помимо этого Лакербаевцы имели многочисленные аталыческие связи с большими и влиятельными родами свободных крестьян, что позволяло им при необходимости поднимать под свои знамена более пяти тысяч хорошо вооруженных всадников.

Все эти факторы делали род князей Дзяпш-ипа большой, а порой и влиятельнейшей силой в Абхазии с которой необходимо было считаться принимая любое решение касающееся интересов всего Абхазского народа.

Владетельный князь Абхазии Зураб Чачба старательно избегал столкновений с этой могущественной фамилией так же как и с силами сгруппировавшимися вокруг князей Гечба и Маршан. Стараясь заручиться поддержкой князей Дзяпш-ипа, Зураб женил одного из своих племянников на княжне из этого рода.

Обстановка в Абхазии была крайне напряженная и по видимому Дауту в этой ситуации отводилась определенная роль коль сам Каталикос Абхазии засобирался к нему в гости.

Даут жил на высокой возвышенности. К его небольшому, но аккуратному дому на сваях вплотную подходили большие ветвистые деревья соседнего леса.

Лес окружал и все его поле засеянное просом и различными овощами. Поле было большое. Его довольно часто посещали дикие кабаны и другие обитатели леса. После того как умерла его жена Тата на нем работала овдовевшая сестра Даута Кукула.

Кукула переехала к нему вместе со своими тремя дочерьми. Они и ухаживали за Даутом.

Готовили ему кушать, обстирывали его. Большого богатства Даут никогда не имел и потому он часто задумывался над тем как будет он выдавать своих племянниц замуж. Теперь эта проблема ушла. Когда он уезжал от Али-бея тот сделал ему щедрые подарки которых с лихвой хватило бы на приданное всем его двоюродным сестрам.

Помимо этого на деньги которыми он ссудил отца в дорогу Даут купил на базаре в Суук Су (Лыхны) небольшое стадо коз и три коровы.

Теперь в доме всегда были молоко, сыр и сметана.

Справедливости ради необходимо было сказать, что почти половину стада из 40 коз и двух козлов Даут уже зарезал. Гости шли каждый день. Их нужно было угощать. Вот и пришлось ему почти через день резать по козе чтобы соблюсти законы гостеприимства и достойно принимать гостей.

Благо у Даута оставались еще деньги на которые он мог подкупить со временем определенное количество животных, кур и индюков.

Даут был обыкновенный сельский священник, но даже с уровня этой невысокой должности он знал, что Абхазия как и всё Закавказье многие века раздирается постоянными межусобными войнами. Он прекрасно понимал, что он как обыкновенный сельский священник не представляет никакого интереса для такого большого человека как Каталикос Абхазии и сопровождающего его Драндского Епископа.

Совершенно очевидно было и то, что их интересует какой-то вопрос связанный с его сыном.

Котел в который были свалены многочисленные проблемы и противоречия абхазского сообщества был до предела накален. Он мог взорваться в любую минуту и унести многое из того, что было завоевано до этого народом долгие годы боровшимся за свое место на этой земле.

Даут был предупрежден, что высокие гости будут ехать в дорожной карете и теперь он беспокоился чтобы их карета смогла бы проехать по ухабистой дороге к его дому.

Уже несколько часов все мужское население села поднятое на ноги в срочном порядке ремонтировало неширокую дорогу ведшую наверх к его усадьбе. Мужчины работали не покладая рук. Времени до приезда гостей оставалось совсем немного.

Два пожилых соседа Даута Пту и Меджид варили в большом чугунном котле мясо только что забитого молодого бычка. Неподалеку от них еще трое соседей Даута почтенного возраста варили – абысту в двух громадных котлах.

Кукула, ее дочери и соседские женщины накрывали под навесом большой стол длиной метров двадцать-двадцать пять.

Большие котлы, навес и столы были собственностью всего села. Так было принято во всех абхазских больших и малых селениях. Все что нужно было для нужд общества в целом закупалось вскладчину и затем все жители села пользовались этим имуществом при всякой необходимости. А таких случаев в жизни села бывало очень много. Село было большое. Почти каждую неделю происходило какое-то событие имеющее общественное значение.

То свадьба, то похороны, то поминки, то еще что-то в этом роде.

Молодые ребята быстро собрали навес, расставили столы и длинные лавки вдоль них. Сегодня за ними будут сидеть селяне которые должны будут пообедать после трудной работы по ремонту дороги. Завтра за этот же стол сядет часть жителей села из числа тех что сегодня упорно работают над ремонтом дороги.

Одна часть жителей села христиане. Они и сядут вместе с настоятелем Абхазской церкви, когда закончится его беседа с Даутом.

Другая часть села язычники или мусульмане. Приезд Католикоса и Епископа не их праздник. Они от всей души желают своим соседям христианам всего наилучшего, но за стол с Католикосом не сядут.

Бывали и случаи когда отдельные язычники садились за стол и с мусульманами и с христианами.

Так принято было во всей Абхазии.

Когда в абхазские селения приезжают мусульманские священнослужители происходит обратная картина.

Все село вместе готовится к встрече гостей, но за стол садятся только мусульмане.

Однажды давным давно при приезде в село муфтия из Турции произошел один казус о котором помнит до сих пор все село. Эту историю может услышать каждый кто приезжает по тем или иным делам в село Даута. Рассказывают его без всякого религиозного подтекста просто как смешной эпизод из жизни прошлых поколений.

Жители села как и заведено было это издревле накрыли стол для высокого гостя из Турции.

Гость и сопровождавшие его лица сели за стол. Сели, посмотрели на стол и встали. Встав со стола гости немедленно уехали не сказав больше ни слова.

Селяне послали вслед за ними людей которые спросили их. Чем обидели они Турецких гостей.

Сопровождавший их абхаз - мусульманин ответил.

- Разве Вы не знаете, что мусульмане не пьют вина. Пить вино согласно канонам мусульманской религии грех. А Вы весь стол уставили кувшинами с белым и красным вином, не забыли и про чачу. Это оскорбило религиозные чувства наших гостей. Вот они и ушли.

Поняв свою ошибку посланные вслед за гостями люди извинились перед ними и попросили их вернуться назад. Вино и чачу со стола убрали.

Гости вернулись. Произнесли молитву во славу того, что Всевышний благоразумил непосвященных и с удовольствием отведали угощения приготовленные для них. Уехали они довольные и тем как их радушно приняли и тем что они просвятили абхазов поведав им что пить вино грех. Абхазы-мусульмане дружно кивали головами в знак согласия с их словами. Проводили гостей и снова сели за стол. Теперь на столе снова появились и вино и чача.

Абхазы подняли его во славу Всевышнего и пир продолжился теперь до самого утра. Пили вино и христиане, и язычники и мусульмане. Такими создал Всевышний абхазов и никто их не сделает уже другими.

Во второй половине дня уставшие жители села закончили свою работу. К этому времени мясо уже сварилось, а женщины накрыли стол. Девушки и дети полили на руки мужчинам воды и все сели за стол. Сели все и христиане и мусульмане и язычники. Младшие разлили вино по глиняным стаканам и все дружно принялись за еду.

Выпили все. И мусульмане тоже. Отпив немного вина многие из них говорили.

Пусть этот грех Аллах простит мне. Такое вино пили мои деды и прадеды. Не могу же я теперь сказать, что все они были грешными.

Я думаю анча-ду поймет и простит меня.

Пту и Меджид то же мусульмане, но пьют вино не хуже христиан и язычников. Особенно Пту. Не каждый из сидящих за столом может потягаться с ним в количестве потребляемого вина. Сам Пту небольшой сухощавый. Живота нет. Можно только удивляться куда вмещается у него столько вина.

Когда Пту и Даут ненастными осенними днями или вечерами садятся за стол около теплого очага и начинают убивать долгое осеннее время вином и задушевными разговорами Пту начинает свой тост одними и теми же словами.

- Да, я мусульманин и горжусь этим. Но я верю, что Аллах справедливый и он знает, что я сперва родился абхазом, а потом уже стал мусульманином. Так коль уж я в первую очередь абхаз пусть он простит мне один из немногих моих грехов – то что я как все абхазы люблю вино. Я думаю он простит мне этот грех. Ведь я не убивал невинных. Если и убивал кого то только на поле битвы. Я не воровал, на чужое добро и чужих жен не засматривался, а любовь к вину как один из немногих моих грехов я думаю он мне простит. Я надеюсь он учтет и то что я помогаю семье моего покойного друга Камбиза. Делю с ними свой нелегкий хлеб, пашу им поле, отдаю часть молока и сметаны что дают нам наши коровы. Подбодрив и утешив себя таким вступлением которое по мнению Пту Всевышний обязательно должен был услышать он опрокидывал в себя первый стакан и считая, что он и на этот раз мирно договорился со своим создателем продолжал затем неспешное, долгое смакование плодов земли абхазской.

Тем временем за столом старшим которого сидел Пту шел спор. Приедет вместе с Каталикосом к ним Владетельный князь Абхазии Зураб Чачба или нет.

Одни считали, что он обязательно приедет с Каталикосом, другие уверены что его не будет.

В конце концов все согласились с мнением Даута, что Зураб Чачба навряд ли приедет к ним.

Главной причиной тому стала мысль о том, что Заур Чачба мусульманин и потому навряд ли будет ездить в одной команде с главой православной церкви. Православная церковь и мусульманская мечеть довольно мирно сосуществовали в Абхазии, но все же соблюдали некоторые внешние формы религиозного этикета и для виду держали определенную дистанцию на верхах.

Абхазское застолье имеет свои глубокие традиции и особые нравы. Здесь никто не садится за стол чтобы много поесть или попить вдоволь вина и чачи. За Абхазский стол садятся в первую очередь чтобы поговорить, услышать друг друга, получше узнать кто есть кто и какие события происходят под вечной луной прекрасного горного края.

Разговоры за столом прерываются долгими цветастыми тостами которые провозглашает Пту. Пту говорить умеет. Всевышний наградил его даром видеть, запоминать и делать выводы из многих событий и явлений на которые большинство других людей просто не обращает внимания.

Пту приглашают вести столы на все памятные события которые происходят в их селе. Бывает, что его приглашают и в соседние села если конечно какое-то событие связано с его близкими родственниками когда он как член фамилии или как ахша-па[12] имеет право говорить от имени всего рода.

Вот и сейчас он заканчивает свой очередной тост словами.

- Человек умирает много раз. Только он не всегда знает об этом.

Умирает он тогда когда его перестают огорчать или радовать события происходящие вокруг него.

Умирает он и тогда когда он начинает забывать что такое честь и достоинство, забывать чему учили его мать и отец, род и фамилия. Человек не должен забывать ничего. Он должен помнить и хорошее и плохое. Хорошее чтобы знать как сделать еще лучше. Плохое чтобы никогда не повторить то, что принесло горе людям или ему самому. Мы сегодня сделали большое дело, почти заново построив дорогу к дому уважаемого всеми нами батюшки Даута. Но так могут думать только те кто не совсем правильно поняли, что мы сегодня сделали. Если же хорошо подумать мы обновили не дорогу которая ведет к дому Даута, а обновили дорогу которая связывает всех нас жителей нашего села в единое целое, в часть абхазского народа умеющего быть единым и в беде и в радости. В нашем единстве наша сила. Мы абхазы не самый большой народ в мире. Давайте же поднимем наши чаши за то чтобы всегда и мы, и наши дети никогда не забывали о том, что единство нашего народа это залог его будущего.

Выпьем же мои братья за наш народ, за наше единство. С этими словами Пту осушил свою чашу и сел.

Теперь каждый из тех кто сидел за столом должен был сказать что думает он по этому поводу и затем выпить свою чашу.

Первая очередь сказать слово по старшинству выпала Тамшугу. Тамшуга в селе знают все. Знают и маленькие и большие.

[12] Ахша-па – сын сестры

Знают и мужчины и женщины. Знают не только в селе, но и далеко за его пределами. Тамшуг выращивает самый лучший виноград в округе. Вроде бы и сорт винограда у него такой же как и у всех – акачич[13], вроде бы и земля такая же, как везде, вроде бы и делает он то же самое что и все остальные, но гроздья его винограда всегда самые большие, самые иссиня черные. А вино которое делает он из этого винограда получается таким, что не только дворяне, а даже князья приезжают к нему в гости только для того чтобы попробовать его знаменитое изделие. Виноградник у Тамшуга большой. Урожай всегда завидный, вина получается так много, что его хватает и друзьям и соседям и остается еще на продажу. Слава о его вине давно уже вышла за пределы Абхазии. Знают о ней даже в Мигрелии откуда в редкие годы затишья военных действий между Владетельными князьями Абхазии и того края приезжают купцы чтобы закупать у него все вино, что произвел он за год.

Даже вечно воюющие между собой великие князья Абхазии и Мигрелии Чачба и Дадиани во время частых мирных переговоров поднимали бокалы наполненные вином из подвалов Тамшуга. Такой виноград и такое вино выращивал и делал только он.

Так было и во времена когда хозяйничал на этой земле его отец Уасил. Так же было и тогда когда владели этой землей его дед и прадед. Так было всегда. Более того сам Тамшуг был уверен в том что так будет всегда пока смотрит на землю Абхазии издалека вершина горы покрытая вечным никогда не тающим снегом.

Тамшуг язычник. Его род поклоняется большому вековому дубу, что растет у подножья этой далекой высокой горы. Каждый год весь его род идет к этому дубу. Здесь приносят они подношения духу дерева и духу горы чтобы никогда никогда не потеряли на земле след его фамилии. Чтобы был на этой земле мир и люди живущие на нем были счастливыми и добрыми.

Духи горы и могучего дерева молча слушают слова людей пришедших к ним за Советом и помощью. Люди говорят. Духи молчат. Лишь изредка прохладный ветер с вершины горы шевелит листья гигантского могучего дуба.

Что хотят сказать тогда людям проснувшиеся листья дерева не знает никто.

[13] Акачич – сорт абхазского винограда

Тамшуг встал со своего места, поднял чашу поднесенную ему и коротко сказал.

- Я пью за то чтобы мы никогда не забывали кто мы такие. Чтобы всегда жило и процветало наше село, наш народ. Мы не хотим воевать ни с кем. Пусть не приходят к нам с мечом и огнем. Тогда и мы не будем ходить ни к кому с мечом и пламенем. Да помогут нам наши боги, громко добавил он и долгим взглядом полным веры и надежды посмотрел на вершину горы покрытую сияющей шапкой белого никогда не тающего снега.

После того как Тамшуг осушил свою чашу тост пошел по кругу. Каждый из сидевших за столом коротко высказывал свое мнение и пил до дна в знак того что он говорит искренне и от всей души.

Согласно Абхазским верованиям которые вышли из далекого прошлого когда абхазы не были еще ни христианами ни мусульманами человек с чашей вина в руке должен был говорить только то что он думает. Лгать или просто говорить неправду с вином в руках считалось в те далекие времена большим грехом.

Конечно же в основе этого обычая лежала старая языческая вера т.е. вера в бога вина и виноделия перед лицом которого нельзя было говорить неправду. Бог виноделия тоже был бог, а бога обманывать нельзя. Все это знали и понимали, но ни один абхаз даже из числа тех кто был служителем мусульманской или христианской религии не противился этой вере хотя бы потому что такая вера не особо противоречила основным канонам мировых религий, тем более что никто из тех кто говорил о том, что нельзя говорить неправду с вином в руке никогда не акцентировал свое внимание на том, что это связано с именем бога вина и виноделия.

После того как все сидевшие за столом выпили за тост предложенный Пту вновь продолжилось обсуждение вопроса – кто будет сопровождать Каталикоса и епископа. Кузнец Кандид сидевший как один из младших по возрасту в самом конце стола высказал предположение что вернее всего Зураба Чачба с Каталикосом не будет, но вполне возможно что он отправит вместе с ним своего племянника и наследника престола молодого князя Келешбея. Келешбей был сыном бывшего владетельного князя Абхазии Манча Чачба которого турки заменили на его брата Зураба. Свою уверенность в том что вместе с Каталикосом будет Келешбей Кандид обосновал довольно разумным доводом.

- Зураб обязательно захочет знать для чего Каталикос и епископ едут к обыкновенному сельскому священнику и что хотят сказать они тому чей сын стал могущественным Султаном громадного Египетского государства.

В условиях ни на минуту не прекращавшейся борьбы за власть в Абхазии поддержка могущественного правителя не такого уж и далекого государства могла сыграть решающую роль. В такой ситуации Зураб конечно же должен был знать на чью мельницу собираются лить воду Каталикос и его сопровождающие.

Сидевшие за столом почти единодушно согласились с мнением Кандида. Оказывается этот молодой человек имел не только большую физическую силу без которой никому и никогда не стать кузнецом, но и довольно острый ум, хорошо анализировавший сложившуюся ситуацию.

Постепенно разговор вновь вернулся к теме последних событий в Абхазии. Всех интересовал один и тот же вопрос.

Сможет ли удержаться у власти нынешний владетельный князь и кто может претендовать на его место. Разговоры на эту тему были постоянным явлением в абхазских селах. Особые, нигде более не практиковавшиеся демократические принципы управления абхазским государством, создали общество глубоко политизированных групп населения и отдельных граждан которые были не на словах, а на деле вовлечены в самую глубь политических событий происходивших на их земле.

Жители села прекрасно понимали, что на сегодняшний день Владетельным князем Абхазии будет только тот человек которого захочет видеть на этом месте Турецкий Султан.

Пример предыдущего владетельного князя Абхазии был тому наглядным подтверждением. Как только в Стамбуле (Стампыл – как называли его в Абхазии) прознали, что Манча собирается начать войну за независимость Абхазии от Турции как он был вызван в Стамбул откуда никогда уже не смог вернуться.

Брат Манчи Зараб, которого турки фактически назначили Владетельным князем Абхазии, через ряд неприглядных тайных соглашений с местной знатью уже через год загорелся той же идеей независимости Абхазии, что и его старший брат Манча. Эту идею он уже не раз высказывал в кругу своих ближайших соратников. Женив одного из своих племянников на княжне из рода Дзяпшипа ставшего к тому времени одним из самых влиятельных княжеских фамилий Абхазии того времени Зураб почувствовал себя более уверенным и свободным в своих мыслях, планах и конкретных делах. Вся Абхазия знала об этом и потому все ждали что сделает теперь Турция и какие шаги предпримет она против Зураба Чачба. Сам Зураб Чачба прекрасно осозновал, что Турецкая империя имеет достаточно политических и финансовых ресурсов чтобы склонить на свою сторону многих влиятельных лиц в Абхазии. Он предпринимал постоянные шаги для того чтобы препятствовать этому. Зураб делал ставку на патриотизм Абхазского общества. Турки же как всегда сделали свою ставку на извечное соперничество политических сил в Абхазии и на свои богатые финансовые ресурсы позволявшие купить расположение к себе почти всех местных князей и родовитых дворян. Чье оружие окажется эффективнее должно было показать время.

Сидевшие за столом многое уже перевидали на своем веку. Они не раз были живыми свидетелями того как борьба за трон Владетельного князя Абхазии переходила в ожесточенную войну всех против всех и тогда по землям их обессиленной Родины начинали гулять войска князей Дадиани. Когда же власть в Абхазии находилась в крепких руках тогда уже абхазы наводили ужас на жителей Мигрелии доходя иногда до самых границ древнего Кутаиси где была столица Имеретинского царя Соломона I.

Все сейчас боялись только одного – лижбы не началась новая война за власть. Турки могли спровоцировать ее и таким образом снова посадить на трон угодного им человека взамен Зураба Чачба вышедшего из их повиновения.

Внешне все казалось было не так уж и плохо. Зураб имел под рукой войско примерно в 20 тысяч сабель и немало галер курсировавших вдоль Абхазского побережья. В такой ситуации Дадиани никогда не решились бы напасть на Абхазию. Более того им самим нужно было думать сейчас о том как отразить возможное нападение войск Зураба Чачба с одной стороны и войск Имеретинского царя Соломона I с другой стороны.

Все это было так, но и не совсем так. Войско Зураба Чачба не было цельным и монолитным как могло это показаться с первого взгляда со стороны.

Оно могло в одночасье расколоться на несколько частей готовых сразиться между собой за место на троне для своего ставленника.

Именно такую ситуацию могли спровоцировать турки, чего и боялись простые крестьяне сидевшие за столом.

- Вы не забывайте и про русских вступил в разговор Даут. Турция мощное государство, но Россия набирает силу и уже сейчас крепко бьет по турецким зубам. России как воздух нужно Черноморское побережье. Она смотрит гораздо дальше чем думаем мы с Вами. Русские не остановятся пока не дойдут до берегов Индийского океана. Все Закавказье и Абхазия в том числе, это только небольшой первый шаг в их дальнейшей дороге к могуществу. Так что возможно, что совсем скоро судьбу Абхазского трона да и всей Абхазии будут решать не турки, а именно русские. Казаки императрицы уже сейчас готовы ринуться на Кавказ. Армия и флот у России мощные, если они двинутся в нашу сторону то ни Северному Кавказу, ни Абхазии, ни всему Закавказью вместе взятому против них не устоять. Такое же мнение было и у большинства жителей села сидевших за праздничным столом.

Наконец обсудив все самые важные проблемы сельчане снова перешли к обсуждению вопроса.

- Когда приедет Каталикос и как его принять.

Дело было в том, что нарочный которого прислали с известием о его прибытии оказался на редкость бестолковым малым.

Он так и не смог толком объяснить во сколько приедут Каталикос и сопровождающие его люди. Все понимали, что верховного пастыря церкви нужно будет встретить где-то на въезде в село.

Не знал нарочный и того сколько людей будет с Каталикосом и останутся ли они ночевать в селе или сразу же уедут в обратный путь. Это тоже создавало массу дополнительных проблем. На всякий случай решили что если Каталикос останется ночевать в селе то каждый сельчанин возьмет к себе по одному его спутнику, а сам Каталикос останется ночевать в доме у Даута.

Предусмотрели и возможность того что его будет сопровождать кто-то из знатных абхазов княжеского рода. В селе жили три семьи имевшие дворянское звание. Они должны были если что принять у себя дома высоких гостей.

Встречать Каталикоса должны были старейшины села. Таков обычай. Вопрос был в другом. Когда выйти навстречу ему. Не пошлешь же старших на околицу села с утра чтобы они до вечера стояли и ждали когда появятся высокие гости. После долгих споров пришли к всеобщему решению. Край, поля Даута засеянного просом находился на открытом месте. Оттуда хорошо просматривалась дорога на несколько километров в сторону Сухум-Кале. Решили посадить несколько мальчишек в тени дерева с тем чтобы они внимательно смотрели на дорогу и дали старшим знать когда появится Карета с Каталикосом. Для верности Даут и еще несколько односельчан пошли на это место чтобы убедиться в верности принятого ими решения.

Вообще-то и Даут и все остальные прекрасно знали каждую извилину дороги, что вела к его усадьбе. Они сотни раз видели всю округу открывавшуюся взору если сесть в тени дерева, но все равно пошли еще один раз туда чтобы окончательно убедиться в правильности принятого ими решения.

С места выбранного для обозрения открывался прекрасный вид не только на дорогу ведущую к усадьбе Даута, но и на все близлежащие поля и леса. Далеко внизу плескалось море. Море сегодня было какого-то лазурного цвета и плавно уходило в бесконечную тихую даль. Можно было даже увидеть как кружат над ним чайки, но отсюда с горы их криков не было слышно. Вернувшись за стол Даут и его спутники доложили всем, что место для наблюдения выбрано правильно. После небольшого совещания пришли к общему мнению. Раньше полудня Каталикос до их села наврядли доберется и потому решили посадить мальчишек на всякий случай с самого утра, а старшим собраться у Даута ближе к полудню.

Мальчишкам дали большой молоток и кусок звонкого железа с тем чтобы они подвесив его на ветке дерева ударили по нему как только они увидят что Каталикос и его спутники появились на дороге.

После всего этого сельчане разошлись по своим домам. У всех были заботы не терпящие отлагательства. Нужно было закончить их все с тем чтобы завтра быть целый день свободным и не обремененным неотложными делами.

Нарочный на самом деле оказался не просто бестолковым, а очень даже глупым и несерьезным парнем. Выяснилось, что по пути к Дауту он заехал к своим друзьям, где его хорошо встретили. Встреча как всегда бывает в таких случаях перешла в застолье. Аб-

хазы традиционно имеют высокую культуру потребления спиртных напитков. Они хорошо пьют, но никто из них никогда не напивается. На этот раз все получилось наоборот. Парень напился и все с перепоя напутал. Не успели еще гости уйти со двора Даута как к нему во двор прискакал мальчишка сосед. Он ходил по окрестным местам в поисках своей заблудившейся лошади. Только нашел лошадь как увидел приближающуюся карету и несколько сопровождавших ее всадников. Они спросили у него как доехать до дома Даута.

Мальчишка, напротив оказался очень даже сообразительным сразу же понял кто это и рассказал гостям, что их ждут только на завтра и что сегодня все село ремонтировало дорогу для того чтобы карета Каталикоса могла проехать до двора Даута. Рассказав все это мальчишка добавил, что будет очень даже хорошо если Каталикос немножечко отдохнет под тенью придорожного платана пока он успеет доскакать до села и собрать людей для его встречи. Каталикос поблагодарил мальчишку и дав ему в руки медную монету за хорошие новости отпустил его с тем чтобы он успел оповестить своих односельчан о его приезде. С этим Каталикос присел на дорожный стульчик поставленный для него в тени дерева и углубился в свои размышления. Мальчишка же ободренный неожиданно упавшим на него счастьем которое он крепко зажал в своем кулаке понесся во весь опор в сторону своего села подгоняя своего скакуна голыми пятками. Лошадь его была обыкновенной старой клячей. Она не привыкла к быстрому бегу и потому скакала легким неспешным галопом никак не в состоянии понять куда спешит ее хозяин. Мальчишку одолевали совсем другие мысли. В руке у него была монета на которую можно было купить у заезжих торговцев красивые свистульки, и всякие заморские сладости.

Теперь нужно было решать. То ли купить себе сладости и устроить редкий праздник то ли передать монету отцу. После долгих мучительных размышлений длившихся всю дорогу до самого села мальчишка решил отдать монету отцу надеясь в глубине души, что он все таки купит ему хоть небольшую долю сладостей на которые он рассчитывал.

Принесенная мальчишкой весть застала сельчан врасплох. Нужно было снова срочно резать бычка и козу, готовить свежую мамалыгу и все остальное. Не успевшие даже переодеться сельчане заново взялись за подготовку встречи святого отца посылая

бесчисленные нарекания в адрес нерадивого посыльного обманувшего всех их. Оказалось, что он был дальним родственником Меджида и тот во всеуслышание пообещал своим односельчанам, что он обязательно отходит того палкой по спине при первой же их встрече.

Даут и несколько других старших сельчан вышли на отремонтированную дорогу с тем чтобы встретить высоких гостей на въезде в село как полагалось по обычаю когда в село приходил особо важный гость. Каталикос прибыл примерно через час. В карете с ним сидел епископ Драндский. Сзади кареты ехали племянник Зураба Чачба Келешбей и четверо охранников. Дороги Абхазии того времени были далеко не самыми безопасными даже для главы всей Абхазской церкви. До приезда Каталикоса сельчане долго спорили нужно ли встречать его под звуки апхярца[14] или нет. Теперь спор разрешился сам по себе. Гармонистка не извещенная об изменившихся сроках приезда главы церкви на его встречу не успела попросту прийти.

Даута и сопровождавших его старейшин немного удивило то обстоятельство что Каталикоса почти не огорчил факт бестолковости посланного им гонца. Когда они рассказали ему что нарочный все перепутал и потому они оказались не совсем подготовленными к его встрече Каталикос только мило улыбнулся и даже не стал никак комментировать этот факт. Келешбей Чачба напротив был весьма возмущен той бестолковостью и нерадивостью которую выказал посланный Каталикосом человек. Он обещал непременно наказать нерадивого молодого человека сразу же после возвращения домой. Келешбей молод, горяч, статен.

На коне сидит лихо будто слился с ним в одно целое. Красная черкеска с черными газырями плотно обтягивает его молодое сильное тело. Черные мягкие сапоги ладно сидят на его сильных мускулистых ногах.

Конь под Келешбеем на первый взгляд не очень приметный. Не очень высокого роста, не особо широк в груди. Оценить такого коня могут только местные жители. Конь этот редкой старинной абхазской породы. Лошади такой породы не особо резво бегают по равнине, но в горах или на крутых извилистых горных дорогах Абхазии им нет равных. Такая лошадь не боится пропастей зия-

[14] Апхярца – национальная абхазская гармонистка

ющих перед ее глазами. Легко как по равнине скачет по крутым горным склонам как вверх так и вниз. Она никогда не спотыкается и потому всадник сидящий на ней никогда не рискует быть сброшенным в обрыв или еще хуже того в пропасть.

Зато убранство коня великолепное. На нем легкое изящное седло.

Красная, красиво отделанная попона покрывает почти половину ее крупа. Уздечка на лошади отделана серебром так же как сабля и кинжал висящие на поясе у молодого князя.

Вид у князя молодцеватый и решительный. Каждый кто видит его в первый раз сразу же невольно для себя отмечает, что такой молодец особо долго думать не будет вытаскивать ему из ножен саблю или нет.

В округе все хорошо знают, что он одинаково ловко владеет и саблей и кинжалом, впрочем как и прекрасно стреляет из своего дорогого французского пистолета так же искусно отделанного дорогим металлом.

Келешбей молод и горяч, но многие хорошо знающие его люди говорят, что одновременно с этим он не по годам разумен и практичен. Мыслит он широко и далеко не ординарно.

Ни Даут, ни Келешбей не знают и не узнают никогда, что вся эта история с нерадивым гонцом подстроена Каталикосом. Единственной целью всего этого было то, что Каталикос рассчитывал приехать внезапно под самый вечер с тем чтобы остаться в селе с ночевкой.

Он полагал, что Келешбея заберут на ночевку в другой дом и тогда он сможет без свидетелей поговорить с Даутом по тому вопросу ради которого он и приехал в это далекое от Суук Су село. Многие в Абхазии поговаривали, что Каталикос тайный сторонник грузинизации Абхазских земель и почти всегда говорил о том будто грузины и абхазы это один и тот же народ, только вот горцы Северного Кавказа смешали с ними свою кровь и тем самым несколько увели абхазский народ от своих исторических корней. Все это было конечно не так. Абхазы были народом не имевшим единого корня с грузинами. Более того еще старики и старые легенды говорили о том что абхазы относятся совсем к другой абхазо-адыгской группе народов. У них было единое прошлое, единые легенды, единая основа языка.

Так или иначе Каталикос такие мысли имел хотя никогда вслух перед абхазской публикой их не высказывал. Он ждал своего часа и верил, что этот час обязательно придет.

Все вышло так как и планировал Каталикос. Селяне радушно встретили своих гостей. За столом прозвучало много тостов во славу Каталикоса, Епископа Драндского, их спутника Келешбея и всей Абхазии. В самом конце вечера Келешбея забрал к себе местный дворянин Заур.

Келешбей не горел особым желанием уходить из дома Даута, но вынужден был подчиниться сложившимся обстоятельствам. Каталикос остался в доме Даута. После того как все гости ушли Каталикос долго беседовал с Даутом. Каталикос был опытным политиком. Он ничего конкретно не говорил, ничего конкретно не спрашивал, но весь вечер тема разговора шла вокруг имени Алибея, его планах на будущее и о том не забыл ли он, что когда-то был рожден на этой Абхазской земле и отец у него христианин. Особый упор Каталикос делал именно на этот фактор. Видно у него были на то свои основания.

Потом пошла более конкретная беседа. Вопросов было много. Столько же и ответов.

Многие спрашивали потом у Даута о чем говорили они с Каталикосом почти до самого утра. Вопреки ожиданиям многих Даут до самой смерти никому не рассказал о чем говорили они в тот вечер и чего добивался от него Настоятель Абхазской православной церкви. Видно он дал Каталикосу слово никому не рассказывать об этом. А если абхаз дал слово он всегда его держит. Так воспитывали людей в этом краю.

Так было всегда и Даут верил в то, что так будет и дальше во веки веков пока живут на этой земле люди которые называют себя абхазами.

ХИЗРАНИ

Али-бей был человеком аккуратным и крайне чистоплотным. Большое внимание уделял он своему внешему виду.

Вставал Султан очень рано. Совершал утренний намаз, затем долго и упорно занимался упражнениями с саблями и с пистолета-

ми. Он не только прекрасно, а вернее даже до полного совершенства владел искусством боя на двух саблях, но и прекрасно стрелял. Султан был уже не молод. По его вискам и бороде побежала первая седина. Седины своей он не скрывал и не красил волосы и бороду как делали то многие правители Востока. Чуть выше среднего роста, худощавый от природы, но гибкий и стремительный он всегда находился в прекрасной физической форме. После занятий с пистолетами он спускался на конюшню где сам чистил свою лошадь. Многие люди окружавшие его удивлялись этому.

- Как так, говорили они.

Султан и как простой конюх чистит свою лошадь. Но он делал это всегда и не собирался уступать это право никому.

Али-бей постоянно повторял. Лошадь как и жена должна знать только одного хозяина. Она должна знать запах своего хозяина и чувствовать даже телом чего он хочет. Некоторые близкие ему люди говорили, что даже слышали как Султан постоянно разговаривал со своей лошадью и утверждали так же, что она понимает все что говорил он ей.

Когда он взлетал в седло то сразу же начинал чувствовать, что лошадь становится частью его тела, его мыслей, его желаний. Удивительная вещь, но в этом что-то было. Али-бей никогда не подавал лошади никаких внешне видимых команд, но она делала все то что он желал как будто слышала или чувствовала все то что хочет он от нее.

Али-бей очень редко болел и потому раз и навсегда установленный им ритм жизни практически никогда не нарушался. Одевался он как все жители Египта просто и без особых изысков, но все что было на нем как-то, сразу при первом же взгляде, само по себе говорило о его хорошем вкусе и аккуратности.

Он всегда четко расписывал свой рабочий день по часам. Работы было много. Очень много и потому отдыхать ему приходилось не так часто. Он любил охоту, но времени не оставалось даже на нее.

Сегодня после полудня должен был придти к нему посланец от Плещеева. По общей договоренности им стал купец Черим, который хорошо говорил не только на арабском, но и на английском языке. Сам Плещеев на английском языке говорил в полном совершенстве. Многие даже утверждали, что на английском он не

только говорит, но и мыслит. Это был один из немногих случаев когда у человека материнским языком становился не его родной язык, а язык который он выучил гораздо позже.

Черим встречался с Плещеевым и должен был уточнить когда прибудет в Каир корабль с оружием и боеприпасами к ним. Россия начинала выполнять свои обязательства и требовала чтобы и он начинал действовать.

Сразу же после встречи с Черимом когда он будет знать сроки прибытия оружия и его количество Али-бей планировал собрать узкий круг своих приближенных лиц и начать практическую подготовку к военным действиям на территории Сирии.

Он прекрасно понимал, что Россия будет выполнять свои обязательства по содействию в организации экспедиции в Абхазию только тогда когда он сам выполнит те обязательства которые принял он на себя. Россия торопила его. Но он сам еще больше чем Российская сторона был заинтересован в ускорении хода событий. Идея создания независимого царства Абаза предложенная ему Россией захватила его. Теперь он жил этой идеей. С определенного времени она стала смыслом его жизни. Вообще-то эта идея жила в нем и раньше. Но тогда она носила просто мечтательный характер. Теперь эта мечта начала принимать реальные очертания.

Черим пришел к Султану задолго до назначенного срока и ждал его в приемном зале. Черим был честным человеком и честным купцом.

Но каждый купец или торговец даже самый честный все равно остается купцом и торговцем, для которого главное в любом деле это его личная выгода. Так было и с Черимом.

Сегодня после того как он передаст Султану все имеющиеся у него сведения он планировал попросить у него подряд на вывоз из страны большой партии хлопка во Францию. Он честно выполнял различные поручения Султана, крепко хранил его тайны и потому считал себя вправе попросить у того взамен своих небезопасных услуг какую-то выгоду. Упустить такой момент для решения вопроса который мог резко изменить его благосостояние и положение в обществе было неразумно. У него был шанс сорвать большой куш и он собирался его использовать.

Черим не раз выполнял самые деликатные поручения Султана.

Султан ему доверял. Он знал, что этот купец в отличии от многих своих собратьев умеет держать язык за зубами. Он умел быть молчаливым потому что не раз слышал о том как отрезают языки у тех людей у которых они становятся слишком длинными и болтливыми. Могли отрезать и руки чтобы он не мог написать то что не мог сказать.

Последнее поручение Султана по наему судов якобы для перевозки большой партии товаров на Аравийский полуостров он выполнил настолько блестяще, что ни один соглядатай Турецкой охраны не догадался об истинных целях его действий. Тогда сам Али-бей выразил ему благодарность и даже подарил ему серебряные часы за хорошо выполненную работу.

Встреча с Черимом была короткой. Он доложил Султану, что корабль с оружием прибудет в Каир на следующей неделе.

Со слов Черима было видно, что Россия отправила первым рейсом гораздо больше ружей, пушек и ядер к ним чем было оговорено при первой встрече. Тем самым Российская сторона как бы подчеркивала лишний раз, что она относится с особым вниманием к Али-бею и полностью доверяет ему посылая все эти военные товары задолго до того как будет произведена оплата за них.

Али-бей прекрасно понял подтекст такого шага и сразу же оценил его.

После этого Черим довел до его сведения слова Плещеева.

- Мы готовы выполнить пункт 3 нашего договора. Хозяйка повторно сказала, что она подтверждает все условия нашего договора и гарантирует их выполнение.

Что такое пункт 3 договора Черим не знал. Ему это и не нужно было знать. Кто такая хозяйка он тоже не знал.

Содержание этого пункта знали с Российской стороны императрица, Потемкин, Орлов и Плещеев. С Египетской стороны с целями и задачами пункта №3 были знакомы только 4 человека. Али-бей, Апстха, Сахиб-бей и Умар. От всех остальных эта информация была закрыта во избежание преждевременной утечки ее содержательной части.

На самом деле в тайном договоре подписанном Плещеевым от имени императрицы было всего 3 пункта.

1). Оказание помощи Египетской армии в ее первооружении по льготным ценам.

2). Открытие Египетской армией боевых действий в Сирии с захватом Дамаска Алеппо и других главных городов этой провинции Турецкой империи.

3). Содействие России в организации похода армии Али-бея из 10-11 тысяч человек на Черноморское побережье Кавказа.

При последней встрече с Плещеевым они уговорились, что ни в письмах ни в устных сообщениях они не будут говорить ни о чем конкретно. Будут лишь обозначать. По пункту такому то такая дата или такое количество. Эти меры предосторожности нужны были в первую очередь для того чтобы не выдать раньше времени свои планы тем кто их не знал и не должен был их узнать до определенного часа.

Передав всю информацию с которой он был ознакомлен, но так и не поняв о чем она Черим ушел получив очередную благодарность от Султана. О своей просьбе он сегодня говорить не решился.

Поразмыслив немного перед этим он решил найти для этого другой более подходящий случай. Черим был человеком умным и дальновидным. Внимательно поразмыслив над своими отношениями с Султаном он пришел к выводу, что тот еще не раз обратится к нему с подобными поручениями.

Интуиция купца говорила ему.

- Подожди. Придет время ты возьмешь еще больше.

После ухода Черима Али-бею предстояло сделать еще несколько приемов которые нельзя было откладывать. Желающих встретиться с ним сегодня было много и принять их всех в один день было почти невозможно. Он дал указание Кящифу в отношении того кого он сегодня сможет принять, а встречу с кем необходимо перенести на последующее время.

Последним в этот день он планировал принять ученых богословов из Каирского медерсе. В последнее время после посещения им мечети Аль-Азхар у него установились довольно тесные и уважительные отношения с многими служителями мечетей и медерсе города. Слух о том, что Али-бей услышал слова Всевышнего и сам пришел в мечеть чтобы обсудить возникшие проблемы прошел по Каиру, Александрии, Лухсору и другим городам и селениям Египта.

Теперь священнослужители которые были до этого времени главными оппонентами Султана на политической арене Египта стали его союзниками.

Он лишний раз убедился в том, что Нафиса бывает очень часто права в своих суждениях и выводах. Её подсказка в очередной раз оказала ему не оценимую услугу.

Он хотел принять последними служителей мечети только потому что беседы с ними затягивались теперь как правило надолго и могло случиться так что всем остальным посетителям не осталось бы времени на изложение своих прошений.

Вообще-то мысли Али-бея после посещения Черима были направлены совсем в другую сторону. Ему предстояло теперь сосредоточить все свои усилия на подготовку похода в Сирию. Договоренности с Россией нужно было выполнять.

Это было в первую очередь в его интересах. Чем раньше он начнет и завершит поход в Сирию тем раньше мог он попасть в Абхазию где ему предстояло решить еще более тяжелую и труднопредсказуемую задачу.

Кящиф в очередной раз зашел к нему чтобы уточнить у него список тех кого Али-бей планировал принять сегодня. Список был длинный и Кящиф боялся, что Али-бею будет крайне тяжело принять за оставшиеся полдня стольких посетителей.

Он полагал, что такой тяжелый режим может быть труден повелителю и утомит его. Сам же Али-бей был другого мнения о себе и своих возможностях. Он находился еще в том возрасте когда время подсказывало ему что у него есть сердце и его нужно беречь, но он еще так и не знал до конца где оно у него находится.

Всю свою жизнь человек проводит в дороге между раем и адом. Он рождается невинным, но время обвешивает его грехами которых с каждым днем, с каждым шагом становится все больше и больше.

Сперва человек не видит этого или видит, но не придает этому особого значения. Приходит час когда он начинает понимать, что главное в этой жизни не деньги и титулы, а чистая совесть и грядущая встреча с Всевышним.

Аллах не спрашивает сколько денег и власти было у тебя, сколько твоих овец и верблюдов охраняли пастухи.

Он спрашивает совсем другое и нужно уже потихоньку готовиться к предстоящей встрече со своим создателем. Готовиться и думать, что сделать для того чтобы искупить грехи свои. Что сделать чтобы предстать перед ним и иметь возможность сказать ему.

- Да мой создатель, я грешен как и все жившие на этой земле, но я еще при жизни понял свои грехи и старался искупить их. Может я слишком поздно понял это, но все таки я это понял. Прости меня если можешь.

Можно обмануть людей. Можно обмануть время, но обмануть Всевышнего не дано никому. Не дано никому обмануть и себя ибо в каждом человеке есть маленькая доля самого создателя.

Аллах видит все. Его не обманешь. Еще больший грех пытаться скрыть свои грехи от него. Не лучше ли попытаться искупить их пока есть на то время.

Али-бей как раз приблизился к тому возрасту когда бремя прожитых лет заставляет задуматься о многом. И о том что было вчера, и о том что ждет каждого из нас завтра.

Среди посетителей желавших попасть к нему сегодня на прием был один человек перед которым Али-бей имел грех молодости. В те далекие годы когда оба они были молодыми мамлюками Али-бей взял у него взаймы небольшую сумму денег. Так получилось, что долг свой он так тогда и не смог отдать. Прошло время. Он забыл про долг. Теперь увидев в списке посетителей его имя он вспомнил о своем неуплаченном долге.

Долг нужно было отдавать. Долг был совсем небольшой и вопрос был не в том, что трудно было отдать ту мизерную сумму денег которую он составлял. Вопрос был в другом.

Али-бей часто по таким случаям вспоминал слова своего отца Даута услышанные им еще тогда когда жил он, там, в далекой стране своего детства.

Даут говорил часто о своем соседе Пту.

- Пту говорит, что он не суеверный человек, но голос кукушки в соседнем лесу слушает внимательно и даже считает вслух сколько раз прокуковала она.

Его отец говорил эти слова без зла только с доброй иронией.

Теперь он совершенно неожиданно для себя вспомнил эту старую народную примету, когда время напоминает и о бренности всего земного и о том, что все под этой луной недолговечно. Вспомнив все это Али-бей задумался. Он как и Пту не был суеверным человеком, но почему то именно эту поговорку он вспомнил тогда когда время напомнило ему о его неоплаченном долге.

Воспоминания об отце и его словах заставили Али-бея невольно задуматься – о чем еще напоминает ему время. А не начало ли оно обратный отсчет.

Бедуины говорят.

- Мы несем время на своих плечах пока оно не придавит нас.

Не машет ли оно мне рукой напоминая в первый раз о себе подумал Али-бей и грустно улыбнулся.

Он велел Кящифу принести деньги в десять раз превышающие по своей стоимости ту сумму которую задолжал он в своей далекой молодости и положил их в стол.

Али-бей прекрасно знал, что друг его молодости пришел к нему не для того чтобы напомнить ему о его долге. Вернее всего он и сам уже забыл о нем. Ясно было что к Султану его привела совсем другая проблема, но все равно Али-бей решил использовать удобный случай, для того чтобы отдать ему свой долг и попросить прощения за то что он забыл в свое время о нем. Так он и сделал.

Товарищ его молодости на самом деле забыл уже о деньгах которые он когда-то одолжил своему другу и с удивлением вспомнил о том, что сам Султан остался должен ему.

Тем не менее Мухамед- как звали товарища его молодости не стал отказываться от предложенных ему денег. Он спокойно взял их и с улыбкой заметил. Мне сейчас эти деньги совсем не помешают, тем более что они попали ко мне из рук Великого Али-бея Абазы.

Просьба с которой пришел он к нему была не очень сложная. Правитель Александрии. Назымбий сгонял семью Мухамеда с его земли за якобы неуплаченные им долги. Долги он оплатил своевременно и был готов поклясться на Коране что это так. Как утверждал Мухамед писарь по чьей-то команде спутал все бумаги. Спутал нарочно так как земля на которой жил Мухамед стала нужна Назымбию и его людям. Вот они и убрали бумаги где было сказано что он все долги уплатил.

Выслушав его Али-бей велел Кящифу написать бумагу Назымбию чтобы тот не трогал ветерана мамлюкской гвардии.

На этом они и разошлись. Старый мамлюк ушел крепко сжав в руках золотую монету и прижимая к груди спасительное письмо.

Последними к Али-бею пришли знаменитые богословы из медерсе.

Желание духовных лиц встретиться с Султаном Египта было связано со следующим обстоятельством. На днях в Каир из Багдада

приехал один из виднейших исследователей биографии пророка Мухамеда и толкователей Корана богослов Хизрани. Хизрани по национальности перс, но в отличие от многих своих соотечественников он исповедовал ислам суннитского толкования. Руководство медрсе в Каире пригласило его с тем чтобы он растолковал его слушателям некоторые суры Корана имевшие неоднозначные толкования различными исследователями истории мусульманской религии.

Прибыв в Каир Хизрани в неоднократных своих беседах слышал от местных священнослужителей о доброжелательном отношении Великого Али-бея к проблемам поднятым служителями мечети Аль-Азхар.

Особое внимание обратил он на то что Али-бей не только говорил о своем желании содействовать решению многих проблем касающихся улучшению жизненных условий беднейших слоев населения Каира и всего Египта но и начал конкретную работу по реализации планов намеченных для решения поставленной цели.

Хизрани был не только признанным толкователем сур корана, но и слыл искренним и бескомпромиссным защитником интересов бедняков как в Багдаде так и в Персии. В Багдаде он жил потому что как активный толкователь корана суннитского направления в исламе был изгнан в свое время из пределов персидской империи где преобладали мусульмане исповедовавшие ислам шиитского направления. Теперь из-за своей бескомпромиссной позиции в отношении прав бедняков у него случались довольно частые конфликты с властями и этой провинции.

Правитель Багдада был не в восторге от всего того что говорил и делал Хизрани, но трогать его боялся. Слишком большим авторитетом пользовался Хизрани в духовных кругах и в среде бедняков Багдада.

Хизрани пришел к семи часам вечера. Его сопровождали заместитель Верховного муфтия Египта Фатих и шейх Сафар из мечети Аль-Азхар.

Верховный муфтий прийти с ними не мог так как лежал скованный тяжелой болезнью. Дни его были сочтены. Все ждали когда свершится воля Аллаха и он заберет его к себе.

На вид Хизрани лет под семьдесят. Он сухощав, одет со вкусом, но довольно скромно. Большие темно-коричневые глаза смо-

трят внимательно, но как то спокойно и доброжелательно. Они словно изучают человека и все время спрашивают его о чем то. Он невысокого роста, но довольно подвижный. Движения его рук несколько резкие, но не настолько чтобы вызвать отрицательную реакцию у его собеседников.

Каждый кто имеет сегодня и власть и деньги, говорит он неспешно отхлебывая глоток горячего кофе из маленькой чашечки стоящей на столе, должен помнить, что и власть и деньги даны ему Всевышним. А Всевышний сказал - тут Хизрани прочитал суру из корана где сказано было о том что каждый человек должен делиться всем тем что у него есть со своими ближними ибо их тоже создал Всевышний. Али-бей знал, что Хизрани помимо всего прочего Хафиз то есть читает весь коран наизусть от первого его слова до самого последнего. Знал он так же что за подобные проповеди Хазрани не раз жестоко преследовали те у кого были и власть и богатство.

Разговор между ними протекал медленно, неспешно. Фатих и шейх Сафар в их беседу почти не вмешивались лишь изредка кивали головами в знак согласия со словами сказанными кем-то из них.

Хизрани никогда не придерживался радикальных взглядов в религии. Он считал, что каждый человек вправе сам выбирать свое вероисповедание.

Аналогичных взглядов придерживался и Али-бей. Возможно именно поэтому вопрос заданный Хазрани не стал неожиданностью для Султана.

Уважаемый Али-бей, начал он. Я уже несколько дней нахожусь в Каире. За это время я не раз слышал от многих своих собеседников, что в стране которую Всевышний дал тебе милость вести через нелегкие испытания все религии в том числе и те которые исповедуют неверные имеют равные права. Никто не преследует христиан и евреев за то что они не приняли истинную веру в единого и всемогущего Аллаха.

Им дозволено иметь свои церкви, и синагоги носить прилюдно крестики на груди, еврейские шапочки на голове и жить по законам христианской или иудейской религии. Так ли это и что служит причиной тому.

Такие вольности христиане и евреи не имеют ни в Турции, ни в Иране, ни в Ираке, ни в Иемене.

Во многих мусульманских странах Востока христиан и евреев наказывают за гораздо менее тяжкие поступки чем те которые имеют они право совершать в Египте. Если не секрет скажи мне чем вызвано такое твое отношение к этому вопросу.

Многие утверждают, что основной причиной тому служит то, что в тебе еще остался дух Иисуса Христа которому поклонялся ты до того как стал мусульманином.

Все знают что Исус Христос был евреем по рождению и стал затем первым христианином на Земле.

Вопрос был серьезным. На эту тему Али-бею приходилось говорить ни один раз со многими именитыми беями и служителями мечетей Каира и других городов. После короткого раздумия он ответил.

- Я не знаю насколько прав или неправ я приняв такую точку зрения. Судить об этом не мне, но если ты помнишь уважаемый мой гость еще великий Темучин (Чингиз-хан) говорил своим воинам.

- Завоевывайте народы что лежат на Вашем пути, но не трогайте их богов.

Я считаю, что в этих словах полуграмотного кочевника вековая мудрость многих поколений человечества. Человека можно лишить многого, Родины, имущества, имени, но веры лишать нельзя. Человек веру которого хочет убить завоеватель становится опасным. Ради веры человек может пойти на все.

Вы помните как в Древнем Риме христиане шли на смерть, но веры своей не отдавали. Зачем доводить людей до того, что они пойдут на смерть и принесут нам вред если они могут жить и приносить пользу всему Египту. Христиане и евреи у нас хорошие ремесленники, ювелиры, строители. Они делают товары которые приносят пользу людям и выгоду нашей казне. Зачем нам создавать себе врагов внутри государства если их и так много у нас за пределами нашей страны. Как только мы затронем их религиозные чувства мы сами своими руками увеличим число врагов наших, а лишние враги не нужны никому.

На моей Родине в Абхазии говорят

- Умный делает из врагов друзей, а глупый из друзей врагов.

Если кто-то из христиан увидит, что он ошибался в своей вере и захочет по своей воле стать мусульманином мы будем только рады этому. Значит пришло время когда Всевышний открыл ему глаза. Подобных людей ежегодно бывает много тысяч человек. Но

я верю, что придет такое время когда их станет во много раз больше и свет истинной веры озарит души многих миллионов людей.

Это моя точка зрения. Прав я или не прав знает только Всевышний. Он и даст мне ответ когда придет на то время.

Хизрани внимательно слушал Али-бея не перебивая его.

Али-бей знал, что Хизрани гуманист. Он довольно терпеливо и с пониманием относился к представителям всех мировых религий.

Обосновывая свою толерантность в этих вопросах он говорил.

- Разве Мухамед пророк не называл Ису пегамбара[15] (Иисуса Христа) своим старшим братом, посланным как и он Всевышним на эту землю чтобы он довел до людей слово божье.

Разве не чтим мы Ису пегамбара как святого в нашей религии.

Раз все это так, то кто дал нам право не уважать волю Всевышнего.

Такая его позиция в вопросах свободы вероисповедания не находила полного понимания в среде мусульманских богословов.

Большинство из них твердо стояли на своих позициях утверждая, что все остальные религии особенно иудейская не истинные, а ошибочные и всех ее последователей необходимо пусть даже силой поставить на путь истинный.

Не были исключением в этом вопросе и шейхи мечети Аль-Азхар.

Значительный интерес у гостя вызвала программа экономической и военной реформ в Египте. За несколько дней пребывания в Каире служители мечети Аль-Азхар и медерсе успели довольно подробно ознакомить его с основными идеями планировавшихся работ. Особое внимание обратил он на реформу в сельской местности где проживала основная масса жителей Египта. Эта часть населения страны была наиболее уязвимой и обездоленной. Особый интерес Хизрани именно к этой части программы реформ был совершенно естественен. Его всегда интересовала жизнь бедных и обездоленных людей. Он и сам вел довольно аскетичный образ жизни. Будучи всемирно известным философом и теологом Хазрани по прежнему жил в скромном доме на окраине Багдада. Слуг не имел. Одевался скромно. Даже сейчас на приеме у самого могущественного монарха Ближнего Востока он был одет в скромный несколько поношенный халат. Сапоги на его ногах и платок на голове были не самыми дорогими и не самыми новыми. Али-бей сразу же увидел это, но акцентрировать свое внимание на этом он не стал. Ему даже понравилась скромность в одеянии и в поведении великого ученого теолога о котором он слышал в свое время довольно часто.

[15] Пегамбар – святой пророк

- Я думаю Великий Султан что твое желание увеличить количество федданов земли выделяемых на каждого феллаха кто живет сегодня в Египте и тех кто будет жить после тебя восславят твой нелегкий путь и нелегкий удел. Только не останавливайся на этом и не сворачивай со своего пути и я уверен, что Всевышний воздаст тебе по заслугам или здесь или там куда все мы придем рано или поздно продолжал тем временем Хизрани.

Али-бей молча слушал гостя не перебивая его. Все что говорил он ему было понятно и только лишний раз убеждало его в том что он выбрал правильный путь и не ошибся наметив в стране программу проведения масштабных, но крайне болезненных реформ. Он прекрасно понимал, что за подобные мысли и подобные действия многие монархи мира поплатились не только своим троном, но и своей жизнью. Он все это знал, но понимал что у него нет другого пути. Это была единственная дорога к справедливости и к началу процветания страны которой руководил он уже много лет. Пришла пора сделать этот шаг и он был готов сделать его не смотря ни на что.

Вобщем-то Великий Султан и всемирно известный философ - богослов не спорили, а просто излагали друг другу свои мысли которые во многом были схожи и однозначны. Хизрани прекрасно знал, что абсолютное большинство мамлюков и Али-бей в том числе бывшие христиане. Это накладывало определенный отпечаток на их психику и форму мышления. Во первых в душе каждого из них жили еще ростки прежней веры. Нередки были даже случаи когда на шее у убитых во время сражений мамлюков вместе с дуа[16] находили далеко запрятанный крестик с изображением Иисуса Христа. Видно они, приняв ислам, еще не до конца забыли ту религию в которую верили их отцы и деды.

Во вторых многие из них попав в мусульманскую веру в довольно зрелом возрасте не до конца еще изучили коран. Они его

[16] Дуа – амулет мусульманина

знали. Но знали еще довольно поверхностно. Они были уже мусульманами, но истинными мусульманами становились только их дети которые уже с малых лет вдыхали воздух истинной веры. Исходя из этих соображений Хизрани не стал акцентрировать тему их беседы на религиозные аспекты, хотя и те немногие минуты беседы когда они говорили именно об исламе невольно убедили его в том что Али-бей неплохо знает коран. Али-бей действительно совсем неплохо знал коран и многие суры из него читал наизусть.

На то у Али-бея были свои причины. Основной чертой его характера были упорство и прилежание. Именно благодаря этим качествам он стал и великим воином и совсем неплохо разбирался в вопросах политики и религии.

Постепенно разговор двух людей с первых слов своей беседы почувствовавших взаимную симпатию друг к другу перешел на общие темы.

Почувствовав, что Али-бей понимает его и готов к открытому честному диалогу Хизрани задал вопрос который никто другой не осмелился бы задать всемогущему Султану в его доме.

- Скажи мне Али-бей, брат мой, спросил он. Почему правители Лухсора и Александрии Фатхи бей и Назымбий так бесцеремонно попрекают законы земные и законы неба. Они что не смертные. Они что не боятся гнева Аллаха и Великого Султана.

Али-бею этот вопрос был неприятен, но он не показал виду что это так. Подумав немного он ответил.

- Перед всемогущим Аллахом им держать ответ самим. Правы они были в своих делах и своих словах или нет скажет им Всевышний когда придет на то срок. Не мне простому смертному подсказывать Всевышнему что ему делать и когда. Аллах все видит и все слышит сам. Он не спешит. Он дает возможность каждому из нас проявить себя и показать себя таким какой он есть. Тогда и определится кто есть кто и чего он достоин.

- Всевышний там, на небе, а ты здесь, возразил Хизрани на что Али-бей после некоторого раздумия ответил.

- Я знаю многое из того что делают Фатхи-бей и Назымбий. Я встречался с каждым из них. Каждому из них установлен срок. Если они не поймут куда ведет дорога которую избрали они то их ждет жестокая кара. И там на небесах и здесь на земле. Поверь мне, мой гость, что если они не поймут где свет истины я ускорю их

встречу с Всевышним на небесах и тогда никто не упрекнет меня ни в жестокости, ни в несправедливости. У каждого из них есть срок и я надеюсь что за это время они поймут что дозволено им, а чего нельзя. Я бы и сейчас немедля расправился с ними. Грехов у них хватит на многих таких как они, но они были когда-то очень храбрыми воинами. Их былые заслуги и вера в то что они все-таки снова станут такими же какими знал я их в молодости сдерживают меня. Да они сейчас преступники. Но я верю, что они снова станут нормальными людьми. Не может же пелена жадности и обмана годами висеть на их глазах.

Должны же они прозреть рано или поздно и стать нормальными людьми.

Хизрани внимательно слушал его слова и когда он закончил говорить задумчиво продекламировал ему стихи великого Омара Хайама.

Благородство и подлость, отвага и страх
Все с рожденья заложено в наших телах.
Мы до смерти не станем не лучше, не хуже
Мы такие какими нас создал Аллах.

Али-бей понимал, что Хирзани прав. Он долго сидел думая над чем-то и потом неожиданно для всех ответил стихами другого не менее знаменитого на Востоке поэта и мыслителя Шамседдина Хафиза.

Жизнь я растратил. А сколько желаний имел!
Небо вращалось, но что обрести я успел?
Всем кто встречался мне, я предлагал дружбу
Все становились врагами! Таков мой удел.

Услышав такой ответ Хизрани поднял на Али-бея удивленные глаза. Он знал, что Али-бей великий воин, знал, что он прекрасный политик и дипломат сумевший объединить в единое целое многочисленные группировки мамлюков до того времени жестко враждовавших между собой. Все это он знал, но что Али-бей был еще человеком хорошо разбиравшемся в поэзии и знавшим наизусть Восточных классиков даже не подозревал. Он шел к Великому Султану которого уважал за его дела, но никак не думал встретить в его лице еще и пресвященного монарха умевшего мыслить категориями высоких идеалов.

После этого великий Султан и Великий мыслитель внимательно посмотрели друг на друга.

Увидев в глазах Султана немой вопрос Хизрани задумчиво заметил.

Прав ты Великий Али-бей или нет знает только Всевышний, но я твердо знаю другое. Вне зависимости от того прав ты в этом вопросе или нет твое имя останется в памяти многих поколений людей и как имя человека ставшего великим воином и как имя человека который поразил мир не только своими делами, но и своим благородством.

В самом конце их встречи Хизрани снова вернулся к теме недостойного поведения Фатхи-бея и Назымбия.

- Бедные они люди заключил он свои размышления.

- Почему спросил шейх Сафар ожидая услышать что-то новое и интересное от Багдадского богослова.

Хизрани был из той категории философов идеалистов которые смотрели на все события происходящие вокруг них с точки зрения вечных и незыблемых истин истекающих из откровений корана.

В случае с Фатхи-беем и Назымбием он остался верен своим убеждениям.

- Все в этом мире происходит по воле Аллаха, начал он. Он создал землю и людей так что все имеет свое начало и все имеет свой конец. И люди, и звери, и деревья и даже сама земля.

Придет время и Всевышний сожмет эту громадную землю в своей руке и станет она маленькой как куриное яйцо и тяжелой как все грехи человеческие.

Не только люди живут по тем законам которые предписаны им и идут по тем дорогам которые им предначертаны. Даже земля вращается по той орбите которую предписал ей Всевышний. И не может даже она сойти со своего пути. Сойдет и найдет свою погибель в глубинах вселенной. Так и человек. Как только сойдет он с пути предписанного ему Всевышним так и пропадет в бездне преисподни. Не завидую я таким как Фатхи-бей, Назымбий и им подобным. Аллах все видит. Он только не спешит. Всему свое время. Я не завидую им. Участь их ужасна. Иблис (дьявол) обманул многих. Они к моему сожалению в их числе.

Гости собрались уходить ближе к полуночи.

Перед самым их уходом Хизрани сказал.

- Знаешь Султан когда человек измученный жаждой подходит к источнику воды, то ему все равно что перед ним Большой

Нил, маленькая речка или просто колодец. Он все равно не выпьет больше двух-трех кружек воды. Дело не в том Большой Нил или маленькая речка бегут перед ним, а в том что один понимает, что больше ведра даже самый большой человек не выпьет, а другой думает, что он способен выпить воду всего Нила и смотрит на нее всегда жадными глазами. Эта болезнь многих владык. К моей радости в течении всего сегодняшнего вечера я увидел, что ты, повелитель Египта, этой болезнью не болеешь.

Пусть Всевышний бережет твою дорогу. А я буду молиться за тебя и расскажу своим ученикам каким должен быть настоящий владыка и повелитель. С этими словами он и ушел. Во дворе Хазрани и его спутников ждали уже десять мамлюков которых снарядил Умар сопровождать именитых гостей до самого места их ночлега.

Хизрани и его спутники долго отказывались от такого сопровождения считая, что их священный сан самая надежная защита на темных улицах ночного Каира, но Умар настоял на своем. До мечети Аль-Азхар где остановился Хизрани было не очень далеко и вскоре всадники поехавшие сопровождать их вернулись обратно. Ночные улицы Каира были на этот раз тихи и спокойны.

Вернувшись к себе в комнату Хазрани не спеша снял верхнюю одежду, сделал обряд омовения, помолился Всевышнему и лег в постель.

Спать не хотелось. Встреча с Али-беем произвела на него большое впечатление. Это было удивительно для него по нескольким причинам. Первым из них было то что Хазрани никогда не испытывал особого почтения к лицам облаченным властью и деньгами. Чаще всего они вызывали у него чувство неприязни или непонятного сожаления. Здесь все было наоборот. Али-бей вызвал у него чувства искренней симпатии.

С другой стороны они сегодня почти ни о чем особо важном или значимом не говорили. Разговор шел обо всем и ни о чем конкретно. Именно потому и было непонятно ему почему же тогда человек облаченный неограниченной властью над миллионами людей вызвал у него такую симпатию. Он никак не мог понять почему так произошло. Что именно заставило его почувствовать симпатию и сочувствие к человеку с которым он общался всего несколько часов и который казалось бы даже и не стремился произвести

на него благоприятные впечатления. Да и кто он такой - полунищий философ, чтобы могущественный Султан желал что-то сделать особого из-за него. Просто они говорили о жизни и больше ничего. Он долго думал о том что же все таки расположило его так к Али-бею и почему он стал с невольным сочувствием и пониманием относится ко всему услышанному и увиденному им. Конечно же в первую очередь, это была искренность человека верившего в свои идеалы. Было видно, что Али-бей не просто говорит, а искренне желает сделать что-то хорошее доброе для своего народа, а не упивается властью данной ему над ним.

Особо поразила Хизрани мысль Али-бея о том что в этой жизни главное не деньги и власть, а идеалы ради которых живет человек. Такая мысль была бы не удивительной если бы она прозвучала из уст поэта, философа или священнослужителя. Но когда эта мысль прозвучала из уст человека всю свою жизнь проведшего в жестокой, бескомпромиссной борьбе за власть она произвела шокирующее впечатление. Хизрани прожил намного больше чем Али-бей. Он больше видел, больше знал о непредсказуемости мира и людей живущих в этом мире. Опыт многих поколений человечества говорил.

- Идея это то что движет общество. Без веры и идеи нельзя жить никому.

Но каждый смертный должен всегда помнить, что идею могут просто забыть. Ее могут предать. Идеи вообще могут измениться. О деньгах забыть нельзя. Деньги предать невозможно. Деньги могут предать сами. Предать любого. В любой момент. Таков мир который не смог изменить еще ни один смертный созданный Всевышним из глины и песка.

Учел ли все это Али-бей? Не забыл ли он в пылу борьбы и бега за временем старые как сам этот мир истины. С такими мыслями и засыпал Хизрани помолившись еще один раз за успех дел начатых Али-беем в это трудное непредсказуемое время. Он молился и верил, что Аллах обязательно поможет человеку вставшему на путь истины и добра.

С этими мыслями он и заснул.

ОХОТА НА ОРИКСОВ

Аль-Харун считал себя счастливым и удачливым человеком. Оснований считать себя таковым у него было более чем достаточно. Ему везло часто. Везло почти во всем. Удача улыбнулась ему и тогда когда он встретился первый раз с Али-беем. В тот день он вместо места в раю получил всего лишь шрам на лице, но в отличии от многих других даже шрам который получил он в тот день был не уродливым, а украшал его лицо.

Второй раз ему повезло тогда когда он повторно встретился с тем же Али-беем на темной улице Каирской окраины.

В ту ночь он снова вместо острия его сабли получил в названные братья самого Великого Султана Египта. Несомненным везением для него был и поединок с Салманом медведем.

На этот раз он одолел богатыря который до этого не знал себе равных ни в Курдистане, ни в Турции, ни на Аравийском полуострове. Но самой большой его удачей стала конечно же его жена Сария. Сария была не просто красивая и статная женщина. Красивых и статных женщин не так уж и мало в округе. Помимо всего этого она была женщина тихая, добрая работящая. Еще солнце не успевало осветить их шатер, а она уже возилась у очага готовя для мужа горячий завтрак. В шатре у них всегда было чисто, уютно, дети ухожены.

Сария никогда не кричала. Никогда не ругалась. По ее лицу почти всегда ходила добрая приветливая улыбка. Она умела ценить и себя и своего мужа. Если вдруг у них что-то случалось не так она просто смотрела на него долгим укоряющим взглядом. И все.

Одного такого взгляда достаточно было для того, что бы неустрашимый, никому не кланяющийся Аль-Харун, почувствовал себя или неловко или совсем неуютно. Сария настоящая женщина.

О таких женщинах мечтают все мужчины. Обычно, такие женщины встречаются мужчинам, только после того как им откроются двери рая. Аль-Харуну повезло. Он встретил такую женщину здесь на земле.

В глазах у нее всегда теплота человека который любит и ждет домой своего мужа.

За все время их долгой жизни в одном шатре они ни разу не повысили друг на друга голос. Да как и повысишь его когда рядом

с тобой такая женщина. Еще неизвестно, что сделает она в ответ услышав крик или ругань в свой адрес. А вдруг обидится и перестанет быть такой какая она есть. Это, наверное, хуже всего - потерять человека который готов делать для тебя все и ждать тебя без устали долгими ночами у тлеющего сандала.

Когда его не было дома она никогда не тушила огонь очага. Ни днем ни ночью. Когда бы он не вернулся она должна была успеть подать ему таз теплой воды для омовения и горячую еду. Таков был неписанный закон который она сама установила в их семье.

Она его установила. Она его и выполняла. Она не только делала это сама, но и учила делать все так же и своих детей. Благодаря ей отец для них третий на этом свете после Аллаха и пророка Мухамеда.

Вот и сейчас Сария уже готова подать на стол горячий чай, теплые лепешки и соленный сыр.

Дочка возится рядом с ней помогая матери.

Обе они терпеливо ждут когда Аль-Харун пойдет мыть руки. Сыновья еще спят. Спит и большинство соседей Аль-Харуна. Спят и их жены.

На дворе ранее весеннее утро. В Египет весна приходит очень быстро. Февраль только называется зимним месяцем. В Египте он по настоящему весенний. Урожай Фиников уже собран. Сбор второго урожая бананов еще не начался.

Пахотной земли у Аль-Харуна как и у всех остальных бедуинов нет. Межсезонное затишье давало бедуинам возможность отдохнуть и привести в порядок все остальные дела.

Аль-Харун сидел перед своим шатром. Чистил старое ружье доставшееся ему по наследству от покойного отца, а тому от деда. Вчера похоронили старейшину племени шейха Максуда. Максуд был прекрасным, добрым, честным человеком. Его и уважали и побаивались за прямоту и неподкупность. Хороший он был шейх. Но всему под этой луной приходит свое время. Пришло и время Максуда.

Теперь племя должно было избрать нового главу. Абсолютное большинство членов племени видело единственным кандидатом на эту должность его – Аль-Харуна. Сам же он быть главой племени не хотел. Слишком это хлопотное дело сидеть и ежедневно разбираться в повседневных делах которым нет ни конца ни края. Совсем другое дело простор пустыни, вольный ветер, сабля да горячий аргамак чистых арабских кровей. Солнце уже поднималось над вершинами пальм, но воздух был еще прохладен и свеж.

Ночи в это время года еще довольно прохладные и успевают за короткий срок охладить и песок и воздух. Помимо всего Аль-Харун всегда помнил про свой большой недостаток который мог помешать ему быть главой племени.

Все знали, что Аль-Харун вспыльчив и может сгоряча сделать то о чем он потом будет долго сожалеть. Но если проходило некоторое время и Аль-Харун видел, что он был не прав он мог публично признать свою вину и даже попросить прощения у человека которого он некором обидел. Это делало ему честь. Дело доходило до того, что в народе уже начинали говорить как поговорку.

- За это даже Аль-Харун простил бы и возможно попросил бы прощения.

Однажды так случилось, что недобрые языки столкнули его с воином из соседнего племени по имени Салим. Аль-Харун не стал разбираться кто прав, кто виноват и сразу же послал тому вызов на публичный поединок. Салим не был трусом. Он принял вызов и назначил день поединка. Дело это было не межплеменное, а личное и потому никаких последствий в отношениях с соседним племенем оно не могло дать. За час до условленного времени Салим приехал на место поединка. Спокойно сошел с коня. Привязал его в тени пальм. Затем помолился Аллаху и стал ждать времени начала поединка разлегшись в тени той же пальмы на камышовой циновке. Его товарищ, который должен был быть свидетелем перед всеми что поединок был честным куда-то исчез. Салим не стал искать его полагая, что тот отлучился по своим естественным нуждам. Подумав так он придремал в ожидании предстоящего поединка.

Прошло примерно полчаса и его свидетель вернулся, но вернулся он не один. Вместе с ним шли Аль-Харун и Щукяр который тоже должен был быть свидетелем поединка со стороны Аль-Харуна. Когда Салим увидел приближающихся бедуинов он встал. Аль-Харун был человеком с которым ему предстояло скрестить свою саблю, но он был старше Салима и обычай требовал чтобы он стоя встречал старшего по возрасту вне зависимости от того друг он или враг.

Аль-Харун подошел к Салиму и без долгих предисловий сказал.

- Твой свидетель открыл мне глаза на правду. Я отменяю свой вызов на поединок. Если ты сможешь ты простишь меня за то, что я послушал злые языки. Если нет то это уже твое право послать мне вызов. Во всех случаях я благодарен твоему товарищу за то что он открыл мне глаза и я не пролил невинной крови. Крови за которую мне пришлось бы держать ответ перед Всевышним в судный день.

Салим молча выслушал его после чего протянул ему руку со словами.

- Слава Аллаху истина нашла свою дорогу и завтра мои дети не останутся без отца. Теперь я твой друг и должник до самых моих последних дней. А теперь извини меня Аль-Харун я поеду в свое селение и обрадую своих близких. Они уже оплакивают меня. Оплакивают живого, а это нехорошо когда оплакивают живых. С этими словами он сел на лошадь и вместе со своим свидетелем во весь опор поскакал в свое селение. Ему было, что рассказать своим соплеменникам. Сегодня он своими глазами увидел почему с таким уважением относятся в пустыне к имени Аль-Харуна.

Эта история облетела вскоре все близлежащие оазисы. Теперь все наряду со славой непобедимого воина говорили о высочайшей благородности Аль-Харуна которому дал Аллах быть величайшим воином и благороднейшим человеком.

С тех пор так и говорили во всех окрестных племенах.

- Он справедлив и благороден как Аль-Харун.

На плечи Аль-Харуна накинут бурнус из тонкой верблюжьей шерсти. От его тепла становится уютнее и спокойнее наверное еще и оттого что накинула плащ на его плечи без лишних слов Сария. Аль-Харуну нужно было думать как отказаться от предложения стать главой племени которое обязательно будет ему сделано. Отказаться просто так нельзя. Такой отказ обидит его соплеменников. Нужно было найти какую то весомую причину для отказа. Услышав шум приближающихся шагов Аль-Харун поднял глаза. К нему шли Щукяр и Кязим.

Щукяра Аль-Харун любил и раньше, но после его последнего поступка во время приезда курдов он еще больше зауважал его. В тот день Щукяр достойно показал всему племени свое настоящее лицо не пожалев для друзей свой огромный выгрыш. Так как поступил он мог поступить только очень благородный человек. Человек который готов делиться с друзьями всем что у него есть.

У Щукяра и Кязима явно хорошее настроение. На лицах у них довольные улыбки. Весело переговариваясь они подошли к нему. Поздоровались как полагается здороваться младшим со старшими. Обычай бедуинов говорит что когда младший подходит к старшему он не должен первым протягивать руку. Он должен подойти, поприветствовать его словами и ждать. Если старший сочтет нужным он протянет руку сам. Только после этого младший вправе пожать в ответ протянутую руку. Такой обычай существует у многих народов где этикету поведения людей особенно в общественных местах придается должное значение.

- Что Вам не спится в такую рань, не скрывая своего удовольствия от того что он видит их спросил Аль-Харун.

У арабов вообще не принято вставать так рано. Они как правило встают гораздо позже если конечно нет на то особой надобности.

- Дело в том, отвечал Щукяр, что вчера мы с Кязимом ездили по своим делам. По дороге домой мы встретили Салима. В беседе с ним мы узнали, что недалеко от наших мест примерно в 2-3 фарсагах от нас пастухи видели большое стадо саблерогих Ориксов.

Фарсаг в большинстве стран Востока составлял примерно 5,6 км, что приравнивалось к одному часу неспешной ходьбы лошади несущей всадника.

Саблерогими Ориксами назывались аравийские антилопы обитавшие на одноименном полуострове и в пустынных районах Северной Африки.

Охота на них была интересным, но далеко не самым легким занятием.

Бегали Ориксы быстро. Устали не знали. Угнаться за ними в пустыне было довольно трудно.

В прежние времена простым Египтянам охотиться на них категорически запрещалось. Охотиться на этих изумительно красивых животных могли только представители мамлюкской знати. Делалось это так исключительно потому что поголовие этих животных было незначительным и при массовом их истреблении им грозило полное исчезновение в самое короткое время.

Так было уже лет пятьдесят и делалось это для того чтобы турецкие янычары располагавшиеся до этого в Египте и в Сирии не могли в массовом порядке истреблять этих животных. Янычары

имели хорошие дальнобойные ружья и могли без особого труда истребить все стада Ориксов.

Теперь такое ограничение было снято и на антилоп могли охотиться все кто хотел.

Аль-Харун знал, что Али-бей собирается вновь выпустить указ запрещающий охоту на Ориксов, но такого указа еще не было и это позволяло им еще отправиться на охоту. Друзья договорились, что они через час выедут в дорогу. После этого они вместе попили чай и разошлись. Кязим и Щукяр пошли к себе готовиться в дальний путь.

После ухода своих младших друзей Аль-Харун дочистил ружьё и начал собираться в дорогу. Сария собрала ему еды на 2 дня, а так же наполнила водой большой бурдюк из верблюжьей кожи.

Приготовленные женой припасы Аль-Харун тщательно закрепил за седлом после чего неспешно поехал к тому месту где его уже ожидали Щукяр и Кязим.

Посовещавшись некоторое время они поехали в том направлении которое указал им вчера Салим.

Аль-Харун предложил заехать по пути в селение где жил сам Салим и забрать его с собой, но Кязим сказал что его сегодня не будет дома о чем он еще вчера предупредил их. Салим сегодня утром должен был убыть с караваном купцов в направлении Дамасска.

Ехали не спеша, сберегая силы своих лошадей для предстоящей охоты. Жители пустыни знали, что Ориксы быстрые животные и догнать их не такая легкая задача.

К полудню когда они проехали уже фарсага два, два с половиной неожиданно захромала лошадь Кязима. Видно где-то острые камни дороги поранили её копыто.

Все остановились и спешившись стали осматривать лошадь.

Копыто лошади кровило. Видно она наступила по дороге на что-то острое. Нужно было думать уже не о том как ехать дальше, а о том как перевязать ногу лошади и спокойно вернуться назад чтобы не искалечить лошадь углубив рану.

В это время Щукяр услышал какие-то далекие голоса. Он имел превосходный слух и уловил в воздухе звуки которые не услышали другие.

Прислушавшись повнимательнее он сказал Аль-Харуну.

Слушай, там за барханами что-то происходит. Я слышу неясные тревожные звуки и какой то шум. У Щукяра был редкий слух. Он слышал даже когда мыши бегали по своим норам под землей. Таким даром наградил его Всевышний.

Аль-Харун и Кязим оставили свое занятие и стали прислушиваться в ту сторону в какую показал им Щукяр. Они долго и напряженно вслушивались в тишину пустыни, но так ничего и не услышали.

- Я ничего не слышу сказал Аль-Харун, поняв что его ухо ничего так и не найдет в бездонной пустоте окружающих барханов.

- Я тоже, поддержал его Кязим. Несмотря на их категорические утверждения Щукяр продолжал утверждать, что он не просто слышит неясный шум голосов, но даже слышит лязг оружия и голоса молящие о пощаде.

Если ты не веришь нам и хочешь успокоить свою душу можешь съездить на тот бархан и посмотреть что за ним происходит сказал Аль-Харун и снова приступил к осмотру копыта коня стараясь понять как лучше перевязать ногу лошади чтобы не углубляя раны вернуться домой. Конь у которого проблемы с ногами или с ногой уже не конь. Таких коней обычно пристреливают или перерезают им горло чтобы долго не мучались. В то же время конь для бедуина главное его богатство. Коня нужно беречь и лелеять.

До бархана за которым Щукяру послышались голоса было не более тысячи зир! Он вскочил на лошадь и легким голопом поскакал в ту сторону. Аль-Харун и Кязим присели на большой валун из слежавшегося песчаника и внимательно смотрели ему вслед. Им даже самим стало интересно, что услышал их друг такого что не услышали они сами.

Сирокко легко скользил по пустыне как тень орла летящего высоко в небе. Он так же легко вынес Щукяра на гребень песчаного бархана и остановился повинуясь воле хозяина. То что увидел Щукяр внизу под барханом поразила его . Шайка разбойников добивала караванщиков. По-видимому эта была как раз та шайка о которой говорил им несколько дней назад Умар. Он рассказал тогда им как разбойники напали на них когда они сопровождали Нафису и Мариам поехавших посмотреть на пирамиды в пустыне. Было их человек тридцать. Все одеты совершенно в разные одежды. На одних синие повязки на лицах что говорило о том, что они

туареги, на других многослойные тюрбаны, что говорило о том, что они уроженцы далекого Ливана, на третьих Египетские галабеи. На большинстве из них были обыкновенные черные бурнусы которые одевают обычно жители восточно аравийского побережья. Каждому кто смотрел на эту картину сразу же становилось ясно, что эти типы обыкновенный сброд людей собравшихся в одну разбойную шайку со всех концов громадного Арабского мира.

Грабители добивали раненных не щадя никого. Он сразу же увидел все это. Увидели грабители и его. Они на минуту замерли стараясь понять, кто это и один ли он? Или вслед за ним едут еще другие всадники.

Время пока они пристально смотрели друг на друга длилась всего несколько секунд. За это время Щукяр успел понять.

Грабителям свидетели не нужны. Еще одна две секунды и они ринутся за ним в погоню. Его не страшила их погоня. Ни один конь в пустыне не догнал бы его Сирокко.

Он думал о другом. Если они помчатся за ним то обязательно вылетят на ничего не подозревающих Аль-Харуна и Кязима спокойно сидящих за барханом.

Какими бы искусными воинами они не были им втроем с тремя десятками разбойников не справиться. Уехать от них тоже нет никаких шансов. Захромавший конь Кязима далеко не унесет. Щукяр тоже не сможет бросить друзей. Значит всех их ждет неминуемая гибель.

Разбойники в пустыне были довольно частым явлением. Все кто с ними встречался знал, что они не проявляют пощады ни к одному человеку. Знал это и Щукяр. Решение пришло молниеносно. Он пришпорил своего коня и понесся навстречу разбойникам. Те сперва не поняли, что происходит и начали гадать, почему этот одинокий всадник скачет к ним. Может он один из них. Кто же сам будет скакать навстречу своей смерти, а не убегать от нее.

Все их сомнения развеяли громкие слова Щукяра. Он летел на них выкрикивая страшные ругательства и оскорбляя их. В руках его блестела сабля. Он влетел в гущу разбойников и осыпая их ударами сабли пронесся как молния сквозь ошеломленную толпу. Но к удивлению грабителей он не поскакал в сторону убегая от них, а развернул коня и снова врезался в их ряды. Разбойники были плохими воинами. Они умели убивать и грабить только беззащитные

караваны и брали как обычно не умением, а числом и неожиданностью. К этому времени уже двое раненых Щукяром разбойника сползли со своих седел. И снова картина повторилась. Щукяр как и в первый раз прошел сквозь ряды разбойников и снова развернув коня врезался в их ряды. За это время он успел серьезно ранить еще троих разбойников. Он на секунду остановил коня и повернувшись к ним закричал. Я вас узнал. Все что я видел сегодня я передам великому Султану Али-бею. Ждите когда в Ваши дома придет возмездие. Султан беспощаден. Вам не избежать его кары. Сказав все это Щукяр погарцевал еще несколько секунд невдалеке от них и поскакал в другую сторону. Его замысел был прост. Разбойники поскачут за ним и он поведет их в сторону противоположную той где находились Аль-Харун и Кязим. Он хорошо знал, что его Сирокко не догонит ни одна лошадь в пустыне.

Сирокко уйдет от любой погони. Лижбы шальная пуля не догнала его.

Ошеломленные неслыханной дерзостью одинокого всадника который один напал на них и по всему не особо спешно убегал от них разбойники с громким криком и гиканьем помчались за ним. Тратить патроны на него они не хотели. Им было интереснее догнать этого наглеца и четвертовать его.

На месте схватки осталось только пять раненных разбойников и еще двое которые должны были на всякий случай охранять добычу и раненных товарищей.

Преследователи рассыпались в широкую цепь отрезая беглецу все пути к бегству. Под ними были отменные лошади. Они были приспособлены к длительной скачке по пустыне и еще ни одному человеку с которым встречались эти лихие исчадия ада не удавалось уйти от них. Сперва они хотели только догнать беглеца, но теперь они жаждали не только догнать и четвертовать этого наглеца, но и увидеть в его глазах страх перед той мукой которая ждала его.

С громкими криками и оглушительным свистом неслись они вслед за Щукяром все ближе и ближе приближаясь к нему.

Щукяр изредко оглядывался назад и слегка придерживал своего коня. Ему нужно было как можно дольше держать своих преследователей в уверенности в том что они вот вот догонят его.

Он чувствовал недовольство Сирокко. Тот зло косил глазами и хотел сразу и навсегда показать своим преследователям кто есть

кто в этой пустыне. Чтобы не нервировать его Щукяр наклонился к его голове и начал ласково говорить ему на ухо.

- Хороший мой. Я знаю, что ни одна кляча на которых скачут эти негодяи не сравнится с тобой. Я знаю, что только ветер пустыни может догнать тебя. А может и он не догонит тебя.

Я знаю, что ты самый великий конь которого знали люди. Я все знаю. Я прошу тебя только об одном. Не спеши. Пусть эти шакалы подумают, что они могут догнать тебя. Так нужно. Там сзади нас остались мои друзья. Им нужно время чтобы успеть уйти подальше от этих падальщиков. Нет. Мои друзья не боятся их. Но все равно нам нужно выграть время. Потерпи немножко. Потом мы покажем им кто такой Сирокко. Я знаю что потом они не увидят даже твоего хвоста. Но это будет потом. А сейчас потерпи, не показывай им раньше времени кто ты.

Пусть обман несет их вслед за тобой. Когда они поймут, что мы с тобой обманули их им будет слишком поздно изменить что-то.

Аль-Харун и Кязим будут уже далеко от этих мест.

Напрасно люди думают, что кони не понимают человеческий язык.

Сирокко понял все, что сказал ему Щукяр. Он больше не злился и бежал теперь ровно и спокойно сам без команды хозяина сбавляя иногда ход своего бега. Он теперь сам играл с разбойниками позволяя им все ближе и ближе приближаться к нему.

Аль-Харун и Кязим наконец-таки услышали громкие вопли разбойников и несколько отдельных выстрелов прозвучавших в той стороне. Аль-Харун оставил на месте своего младшего товарища, а сам взлетел на коня и во весь опор помчался на помощь своему другу. Когда он взлетел на вершину бархана картина которая открылась перед его взором сказала ему всё.

Шайка разбойников была уже очень далеко преследуя уходящего вдаль Щукяра. С высоты на которой находился он видно было только смутные очертания всадников уносившихся в глубину пустыни.

Аль-Харун сразу же понял все, что делал Щукяр и почему он так поступил. Он уводил разбойников вглубь пустыни чтобы они не обнаружили его и Кязима. Замысел Щукяра был ясен. Его Сирокко никто не догонит. Пока разбойники гоняются за ним Аль-Харун и Кязим успеют уйти в безопасное место. А стреляли они

по-видимому чтобы просто припугнуть его. А может даже Щукяр выстрелил сам чтобы Аль-Харун и Кязим услышали шум выстрела и приняли своевременно необходимые меры. Так оно на самом деле и было. Стрелял Щукяр.

Внизу Аль-Харун увидел оставшихся грабителей. Те тоже увидели его и сразу же прекратив перевязывать своих раненных сообщников вскочили на лошадей. Их было двое. Он был один. Это придало храбрости им и они с громкими воинственными криками понеслись навстречу ему. Их встреча с Аль-Харуном была короткой. Уже через минуту другую оба они вывалились из своих седел и больше никогда не подняли своей головы. Встреча с Аль-Харуном стала для них последней встречей с людьми на этом свете. Расправившись с ними Аль-Харун подскакал к остальным разбойникам. Их было пятеро. Некоторые из них еще могли держать сабли и они собирались сопротивляться. Когда Аль-Харун громовым голосом сказал им кто перед ними они побросали сабли упали на колени и начали просить пощады. Аль-Харун посчитал за унижение добивать их или слушать их вопли о пощаде. Он взял с земли три современных дальнобойных ружья, три сабли и пошел в сторону лошадей. При этом он не спускал своих глаз с разбойников. От таких людей можно было ожидать все. У таких людей не было ни чести ни совести.

Разбойники были плохими воинами, но лошади у них были отменные. Аль-Харун не обращая больше внимания на упавших на колени и моливших о пощаде негодяев поймал три лучшие лошади и привязав их уздечки к своему седлу неспешно поехал назад.

На месте побоища устроенного грабителями некому было уже помогать. Караванщики и их охранники были мертвы. Скакать на помощь Щукяру было бесполезно. Его теперь мог догнать только ветер. Аль-Харун вернулся к Кязиму и рассказал ему все что увидел он в за барханом.

Кязим пересел на одну из лошадей которая ему больше всего понравилась и они не спеша поехали в обратном направлении изредка оглядываясь назад. Они все ждали, что Щукяр вот вот вынырнет из-за барханов.

Лошадь Кязима привязанная веревкой к луке седла его нового скакуна прихрамывая шла вслед за ними. Аль-Харун и его спутник не спешили.

Щукяр все еще не зная, что его товарищи уже далеко от того места где он оставил их уходил все дальше и дальше в пустыню, уводя за собой разъяренную шайку разбойников.

Уже более двух часов продолжалась скачка по пустыне. Преследователи то приближались к Щукяру то вновь отставали от него – на небольшое расстояние.

Щукяр не управлял ритмом погони. Теперь все это делал за него Сирокко. В самом начале этой смертельной игры Щукяр видел как злобно и непокорно блестели глаза его лошади. После слов которые услышала она от своего хозяина в них блестел теперь только огонек азарта и дух соперничества. После того как Сирокко услышал все что сказал ему хозяин он сам знал что ему делать дальше.

Несколько раз со стороны преследователей прозвучали выстрелы, но то ли разбойники были не самыми меткими стрелками, то ли стреляли они для острастки но ни одна пуля не причинила вреда ни Щукяру ни Сирокко.

К этому времени лошади преследователей начали понемногу уставать. У них были хорошие лошади, но два часа непрерывной скачки во весь отпор утомили даже таких хороших скакунов как они. Не чувствовал никакой усталости только Сирокко. Он шел так же легко будто только начал этот забег.

Прошло еще немного времени и Сирокко услышал слова которые ждал уже давно.

- Ну что, великий Сирокко, покажи этим хромоножкам и шакалам кто ты такой. Давай мой верный друг добавил Щукяр и отпустил поводья.

Он никогда в жизни не только не бил, а даже не подстегивал своего коня. Сирокко никогда бы не простил ему не только удар плетки, а даже громкий окрик или понукание. Он и без этого знал, что нужно его хозяину. Они без крика и плетки прекрасно понимали друг друга. Щукяр не сомневался теперь в том что Сирокко сам знает, что ему делать. Так оно и было. Услышав ласковые слова хозяина и почувствовав полную свободу Сирокко резко изменил темп своего бега и начал уходить от преследователей с каждой минутой увеличивая расстояние между ними и собой.

Если бы кто-нибудь посторонний посмотрел со стороны на то что происходило в это время в пустыне он мог подумать, что к ногам

лошадей преследователей кто-то прикрепил невидимый груз в то время как у лошади Щукяра появились невидимые крылья которые легко понесли ее над бесконечной гладью каменистой пустыни. Разбойники унылым взглядом провожали стремительно уходящих от них Щукяра и его лошадь. Все начали стрелять вслед удаляющимся беглецам, но было уже поздно. Такие стрелки как они с такого расстояния попасть в цель на всем скаку, конечно же не могли.

Наконец убедившись, в том что им не догнать свою жертву они повернули назад. Вернувшись на то место откуда ускакали они несколько часов назад они увидели безрадостную картину оставленную саблями Аль-Харуна. Когда же раненные рассказали им кто приходил к ним во время отсутствия всей шайки у грабителей пропало всякое желание догонять его. Слишком острая была сабля у Аль-Харуна и никто в Сахаре не имел особого желания встречаться с ней.

В пустыне все знают друг друга . Даже разбойники. Поразмыслив немного и сравнив то, что они слышали о Щукяре и его лошади Сирокко они пришли к однозначному выводу.

Человеком который напал на них был никто иной как знаменитый Щукяр. Кто еще мог так легко уйти от них сидевших на отменных жеребцах добытых у самых богатых караванщиков.

В это же время Аль-Харун и Кязим ехали домой спокойно рассуждая об итогах сегодняшней охоты.

- Хотели добыть хоть одного Орикса говорил Казим, а добыли три прекрасные лошади чистых арабских кровей, три ружья и три отменные сабли. Я бы так каждый день ходил на охоту закончил он с улыбкой свою мысль.

При этих словах Кязима улыбнулся и Аль-Харун. Улыбнулся он оттого что время еще раз показало ему - он везучий. Удача часто улыбается ему и за это нужно благодарить Всевышнего. Всевышнего дарящего постоянно удачу только тому кого избрал он для этого.

О Щукяре друзья не беспокоились вообще. Они прекрасно знали, что в Сахаре не было лошади которая могла бы догнать Сирокко.

Сирокко мог скакать без устали день и ночь. Такое было не под силу больше ни одной лошади. Даже лошадь Султана Али-бея знаменитый конь Апша мог не выдержать такой гонки. Таков был Сирокко которому не создал равных во всем подлунном мире всемогущий Аллах.

Как и предполагали Аль-Харун и Кязим, так и вышло. Уже к вечеру того же дня Щукяр вернулся домой и очень удивился увидев на привязи возле своего шатра красивую лошадь. Еще больше удивился он увидев в шатре хорошее ружье и саблю в дорогих ножнах. Когда жена объяснила ему, что эту лошадь привязали к их коновязи Аль-Харун и Кязим он сразу же догадался откуда она и что охота на которую ходил он с друзьями была очень удачной.

С тех пор шайки грабителей появлялись в тех краях очень редко. Мало кто испытывал желание вновь повстречаться с этими непредсказуемыми бедуинами среди которых был и Аль-Харун с двумя саблями сверкавшими на солнце как две молнии в бездонном Египетском небе.

СМЕРТЬ МЫРЗАКАНА

Бата и Зиза шли домой. Ноги босые. В руках поводья лошадей только что искупанных ими в реке.

Река в которой купали они лошадей в обычные дни небольшая, тихая, спокойная, в редких местах выше головы. Вода в ней прозрачная, вкусная, холодная даже в летнюю жару. Но в дни паводков она становится бурной, грозной и непредсказуемой. По всему руслу несет она большие деревья и ворочает огромные валуны. В такие дни редкий храбрец переплывает эту реку которую в обычные дни можно легко перейти пешком. Иногда заходит в реку из моря и Алмаста[17]. Все узнают о том, что он приходил по трупам людей которых находят потом. Чаще всего их находят после наводнения под корягами в воде или на берегу моря. Бата и Зиза храбрые воины, но с Алмастой встречаться они не хотят. Одно дело враг. Такой же человек как ты. Его можно победить силой, волей, воинским искусством. Другое дело нечистая сила. Старики говорят что в селе были богатыри которые в давние времена хотели одолеть Алмасту. Это были сильные люди. Очень сильные. Но даже их одолел Алмаста и унес на дно реки. Вот и сегодня друзья

[17] Алмаста – согласно абазинским поверьям большой сильный человек живущий в воде – бывает мужского или женского рода.

купали лошадей в том месте где года два назад Алмаста унес на дно их соседа Талиба.

Когда через несколько дней нашли тело Талиба. Оно все было в больших ссадинах. Одни говорили что остались они на его теле от рук громадного Алмасты с которым долго боролся Талиб. Другие говорили что возможно, тело Талиба било о камни и коряги которые несла в то половодье река. Так это было или иначе не знал точно никто. Знали только что Алмаста есть и что с ним лучше не встречаться. Еще никто из сельчан после встречи с ним не ушел от него живым.

Побратимы шли медленно. Бата не спешил домой. Там его ждал неприятный разговор с матерью и Муаруфом.

Дело было в том что на днях в селе произошел крайне неприятный случай. Пропала корова одного из сельчан. Лошадей и скот сельчан никто никогда не охранял. В абазинских селениях побережья действовал негласный закон. Скот односельчан и соседних селений не трогать. Если даже кто-то находил в лесу заблудшуюся корову или козу он приводил ее в село, привязывал к дереву на центральной площади, ложил перед ней охапку травы, ставил ведро воды и уходил. Хозяин скота находился быстро. Бывало даже так что он был из соседнего села. Все сельчане знали фамильные тавро (дамыг) каждой семьи и потому установить кому принадлежала корова, коза или другая найденная животина не представляло никакого труда. Но на этот раз все произошло не так. Музакир – как звали одного человека нашел в лесу корову, но в село она не попала. Он утверждал, что выгнал упрямую корову на тропинку что вела в сторону села, хлестнул ее хворостиной и убедившись что она пошла в нужном направлении отправился сам в лес по своим неотложным делам. Вскоре дети нашли в лесу рога и копыта пропавшей коровы.

Все подозрения пали на Музакира. Он клялся что коровы не трогал, но все факты были против него.

Бате предстояла нелегкая задача. Доказать виновность или невиновность Музакира.

Музакир был из большого и всеми уважаемого рода свободных крестьян. Хозяин коровы происходил из другого не менее уважаемого и не менее многочисленного рода. Необходимо было найти истину. Любая ошибка в этом деле могла нарушить мир и спокойствие в селе которое было залогом его единства и силы.

Если бы была установлена вина Музакира в этом деле то согласно неписанных законов системы «адаб-намыс»[18] он считался бы человеком допустившим «мхагьяра» - действие недопустимое с нормами поведения абазина. За такое дело он должен был быть изгнанным из села. Это было позором не только для него и его семьи, но и для всего его рода. Где-бы не жил он на нем лежала бы печать отщепенца и ненадежного человека. Мало того позорное пятно за то что совершил он на долгие годы ложилось на всю его семью и даже на всю фамилию.

Потому задача стоявшая перед Батой была очень даже сложной. Малейшая ошибка в этом деле могла иметь трудно предсказуемые последствия. Ему было над чем подумать чтобы избежать раскола и противостояния в селе. Рода Музакира и хозяина коровы были большие. У каждого из них имелось значительное количество родственников как в самом селе так и в других абазинских и абхазских селениях по обе стороны Кавказского хребта.

В отличии от Баты у его матери и у Муаруфа уже было определенное мнение по этому вопросу и они собирались добиться от молодого князя считавшегося руководителем местной системы судопроизводства и самоуправления определенного решения в соответствии со своими выводами. Бата тоже полагал что их мнение близко к истине, но все равно считал необходимым довести дознание по этому вопросу до полной ясности. Музакир был храбрым воином, всегда стоял под его знаменем и просто так решить его судьбу Бата не мог.

Дорога ведущая от речки к селу крутая, извилистая.

В селе нет прямых улиц вдоль которых располагаются жилища его жителей.

В селе вообще нет улиц в том смысле в котором привыкли видеть их европейцы.

Большие одноэтажные турлучные или деревянные дома сельчан обмазанные сперва глиной, а затем гашенной известью хаотично разбросаны по косогору ведущему до самой вершине большого, полого холма. Большинство домов подняты на сваях и имеют широкий открытый коридор – веранду на всю длину здания.

[18] Адаб – камыс – религиозные и традиционные нормы поведения людей в обществе

Каждый дом обнесен крепкой оградой и напоминает небольшую крепость в центре которой стоит белый аккуратный дом. Дворы домов покрыты сплошным ковром невысокой вечно зеленой травы.

По всему периметру оград усадеб сельчан растут разнообразные фруктовые деревья так что все село смотрится издалека как аккуратные зеленные квадраты и прямоугольники плотно прилегающие друг к другу на большом пространстве двух склонов широких холмов и ровного пространства между ними.

Большие приусадебные участки сельчан засеяны в основном просом. Из него пекут хлеб или варят абысту.

В каждом дворе имеется отдельный домик для гостей из деревянных досок обмазанных глиной. Строения эти накрыты толстой камышевой крышей. В центре этих домиков располагается большой очаг с подвесной цепью уходящий прямо к круглому отверстию в крыше строения. На цепи висит большой котел в котором варится обычно абыста – (мамалыга). Вокруг очага располагаются полукругом железные жерди на которых коптят мясо или сыр.

Очаг внутри дома создает атмосферу тепла и уюта в любое время года, особенно зимой или в ненастное осеннее время.

Бата и Зиза сегодня одни.

Мамата и Быда остались дома. Быда помогал своему другу по мелким хозяйственным делам. Они чинили ограду сада поврежденную табуном чем-то испуганных лошадей. Лошади паслись на лугу что примыкала к усадьбе Маматы. Местные крестьяне отпускали их на ночь попостись и подкрепиться свежей травой. Что или кто напугал их трудно было сказать, но они разом понеслись по опушке леса и пронеслись через усадьбу Маматы сильно повредив в нескольких местах шаткую ограду сада, и вытоптав край поля засеянного просом.

Князь и его побратим шли медленно переговариваясь о последних новостях в селе и в его окрестностях. Раз за разом разговор возвращался к Музакиру и злосчастной корове.

Шли они спокойно, медленно. Головы обтянуты белыми мужскими платками завязанными на голове по абхазскому обычаю.

Было довольно жарко и потому платки предохраняли их от безжалостных лучей полуденного солнца.

Друзей совсем не смущал их внешний вид. Они знали, что сельчане давно уже привыкли к тому что в повседневной жизни

их князь такой же как и все остальные. Это даже нравилось многим из них. Молодой князь мог пахать, сеять, рубить дрова, топить печку. Не нравилось это только его матери и Муаруфу. Они считали что князь во всем должен был быть князем. И в повседневной жизни то же. Иногда они оба дружно ругали Бату. Бата слушал их с покорным видом потихоньку беззлобно улыбался и делал все как прежде.

В конце концов княгиня и Муаруф поняли, что все их слова по этому поводу уходят как вода в песок. Посовещавшись они решили. Коль в главных вопросах молодой князь прислушивается к ним лучше не перегибать палку. На этом они и остановились.

Мать Баты была женщина своенравная, властная. Происходила она из рода знаменитых князей Маршанов. В народе даже говорили. Отец Баты женился на ней за один день, а ее буйный своенравный характер усмирял всю оставшуюся жизнь. Так и ушел он в мир иной не сумев до конца смирить ее гордыню. Княгиня попробовала сперва проявить свой характер и по отношению к сыну, но сын оказался крепче отца. Он никогда не спорил с ней ничего не доказывал. Молча слушал ее, улыбался, целовал на прощание ее руку и так же молча продолжал делать так как считал нужным. Мать его оказалась женщиной не только своенравной, но и умной. Поняв, что ей не удастся поставить сына под свой контроль она решила.

- Может это и к лучшему. Уж если я не смогла согнуть его то никто другой сделать этого не сможет.

Удовлетворенная своими мыслями она перестала лезть в дела молодого князя и все больше и больше отдалялась от его нелегких повседневных дел стараясь не мешать ему ненужными советами и наставлениями. В то же время если Бата допускал какую-либо серьезную ошибку она могла придти и сказать ему об этом ни на чем ни настаивая. В таких случаях менялся и Бата. Когда уходила мать он начинал думать насколько был он прав или не прав приняв то или иное решение. Очень часто случалось даже так что после ненавязчивых посещений матери он менял свое решение и делал именно так как советовала ему мать. Прошло совсем немного времени и мать поняла, что именно эта форма общения является наиболее оптимальной. Теперь она не лезла в его дела лишь изредка советуя ему сделать так или иначе.

В свою очередь умудренный большим жизненным опытом Муаруф рассудил следующим образом.

По-видимому на него сказывается влияние его воспитателя Ктыта поделился он своими мыслями с княгиней. Тот не делил никого на своих и чужих. Совершенно одинаково, строго, но с заботой и любовью относился и к своим детям и к своему воспитаннику.

Он приучал их к труду с малых лет воспитывая в них чувство ответственности за семью и ее благополучие. Следуя примеру главы семьи его дети и Бата вместе с ними то выпалывали в огороде сорняки, то обрезали ветки деревьев, то косили траву, что было довольно редким явлением в этих краях. Большинство их соседей траву не косили вообще считая что травы в Абхазии достаточно и зимой. Семья Ктыта траву косила. Может быть поэтому три коровы у них давали и зимой и летом гораздо больше молока чем все коровы в округе. Были у Ктыта и лошади. В его крепком хозяйстве они тоже были большими, ухоженными. Бока у них лоснились то ли от заботы о них, то ли от хорошего корма.

Дети ежедневно чистили лошадей, весной, летом и осенью ежедневно купали их в речке, что протекала недалеко от их обширной усадьбы . Любовь к купанию лошадей и к верховой езде осталась у Баты на долгие годы. Свою лошадь он купал сам, тщательно расчищая щеткой ее бока. Уроки Ктыта не прошли для него даром. Теперь и он и его побратимы с доброй улыбкой и почти с радостью вспоминали как воспитывал их глава семьи и нередко наказывал всех вместе за нерадивое исполнение своих указаний. Впрочем, такое случалось довольно редко и потому, наверное, осталось в их памяти на долгие годы.

Бата часто вспоминал как Ктыт наказав всех подходил к нему и говорил.

- Что княжич, тебе не стыдно будет если твой отец знатный и уважаемый всеми князь узнает, что его сын плохо слушается своего воспитателя и потому наказан как простой смертный. Ладно эти – он указывал рукой на своих детей, крестьянские дети.

Им не стыдно такое. Они знают что заработали и потому получили свое. А вот тебе такое получать нельзя. Ты князь и должен беречь имя князя, чтобы завтра никто не сказал и не вспомнил о тебе ничего дурного. Слова своего воспитателя Бата запомнил надолго, хотя самого Ктыта уже не было в живых. Он погиб во время одного из сражений с войсками князя Дадиани вторгшимися внезапно в

Самурзакан. Ктыт был большой и сильный. Он прекрасно владел не только плугом и косой, но и саблей.

Его считали хорошим воином . Во всех сражениях он всегда стоял в центре войска где происходили главные события. В центр войска ставили как правило самых сильных и опытных бойцов. Ктыт всегда с честью выходил из всех сражений, имел много ран на что всегда любовались его дети. Когда во время работы Ктыт снимал рубаху то его дети и Бата восхищенно смотрели на его красивое мускулистое тело и шрамы во множестве покрывавшие его. Все они были на груди и на руках. На спине ни одного шрама не было. Абхазы во все времена считали позорным иметь шрамы на спине. Шрамы на этом месте говорили о том что их обладатель трус и показал свою спину врагу.

Иногда бывали и исключения. Во время боя кто-то из противников мог нанести удар в спину.

В таких случаях все участники сражения клялись на «ныха» что были свидетелями того что тот или иной воин получил эту рану не потому что он побежал или показал спину врагу, а потому что враг оказался за его спиной. На «ныха» клялись все. И язычники, и мусульмане, и христиане. Это можно было объяснить только одним. В душе каждого абхаза или абазина вне зависимости от его вероисповедания жил давно умерший язычник. Клятва на «ныха»[19] считалась у них гораздо важнее чем даже просто клятва на коране или библии. Таковы были традиции этого народа. С этим ничего не могли поделать ни мечеть ни церковь.

В том бою Ктыт как всегда был в центре войска. В самый разгар битвы он встретился с Гочей-пехлеваном.

Гочу назвали пехлеваном за его громадные размеры. Был он на голову выше всех окружавших его людей и имел нечеловеческую силу. Он долго служил начальником охраны персидского падишаха откуда и привез приставку пехлеван к своему имени. Он прекрасно владел саблей и считался у персов непобедимым воином. Отработав у падишах десять лет Гоча вернулся на Родину. Он заработал хорошие деньги в Персии и мог бы спокойно жить на них всю оставшуюся жизнь, но спокойно жить он не мог. Гоча должен был все время с кем-то воевать, кого-то убивать, показывая себе и другим какой он непобедимый воин. Было ему тогда под тридцать лет, но сила была в нем такая будто копил он ее тысячу лет. Предела своих сил не знал и он сам. Ктыт был старше его. Долго, долго рубились они осыпая друг друга градом сильных смертельно опасных ударов. Но удача отвернулась в тот день от абхаза. Во время одного из ударов Гочи-пехлевана его сабля сломалась пополам. Ктыт остался с обрубком в руках. Он хотел вытащить кинжал, но не успел. Гоча пощады не знал. Его этому не учили. Соседи привезли тело Ктыта в Джгярду. Здесь его и похоронили. Бата на похороны своего воспитателя не попал.

Вести в те времена долго шли из одного конца княжества до другого. Приехал он в дом своего воспитателя только через две недели.

Целый месяц жил он в доме своих братьев. Жил в той комнате в которой прошло все его детство.

Спал на той же кровати. Смотрел на звезды своего детства, слушал голос ночных беспокойных цикад. Ехать назад не хотел. Каждый день ходил на могилу Ктыта. Долго сидел там. Долго разговаривал с ним.

Но он был князь. Дома ждали его неотложные дела, хотя он и сам не знал какой из этих домов был ему дороже. Дом отца или дом наставника.

Перед самым отъездом Бата сказал на могиле.

Ктыт! Ты был мне как отец. Я был тебе как сын. Как сын я имею право отомстить за тебя. Рано или поздно я найду Гочу-пехлевана и тогда Всевышний скажет то ли мне ехать домой в Джгярду и сказать тебе что я отомстил за твою кровь или остаться там где остановит меня сабля великого воина Грузии.

Бата и Зиза шли неспешно обсуждая ситуацию сложившуюся в Абхазии. В тяжелом положении находился ее владетельный князь Зураб Чачба. С одной стороны находились интересы Великой Турецкой империи и ее Султана Мустафы III. Турецкий Султан понимал особое стратегическое положение Абхазии и потому готов был биться за нее из всех своих возможностей.

Без Абхазии его армии расположенные в Крыму и Придунайских степях теряли тыл, и возможности вести полноценную борьбу за господство в регионе.

[19] Ныха – святое место где абхазы давали клятву. Иногда даже на коране или библии

Прекрасно понимали это и при дворе Екатерины II. Интересы Российской империи уходили далеко за пределы Абхазии и потому ей нужна была власть над этим княжеством любой ценой. Абхазия могла бы противостоять и тем и другим лавируя между ними и используя их противоречия, но главная опасность исходила из Мигрелии, где клан постоянных соперников Абхазии князей Дадиани вынашивал далеко идущие планы по ликвидации независимости Абхазов. Ситуация складывалась так что лавировать между интересами двух великих держав становилось все сложнее и сложнее. К этому времени Зураб Чачба сумел создать сильную боеспособную армию и флот почти из 500 гребных галер. Эти галеры непрерывно курсировали вдоль морского побережья наводя ужас на население Мигрелии. Зурабу нужна была передышка. Передышка позволила бы ему получить время для маневра. С этой целью он собирался женить своего племянника на княжне из рода Дадиани. Если бы ему удалось реализовать свой план он мог не опасаться удара в спину из Мигрелии и сосредоточить свои усилия на завоевание независимости Абхазии и установлении равноправных отношений как с Россией так и с Турцией. Бата со дня на день ждал, что к нему приедет гонец от Зураба. Согласно планов Владетельного князя Бата, князья Гечба и Лоо должны были поехать в Зугдиди и сосватать за его племянника Келешбея мигрельскую княжну из рода Владетельного князя Мигрелии. Их должен был сопровождать Драндский Епископ. Каждый из членов этой делегации мог взять с собой своих поданных или близких ему людей. Дорога была дальняя и потому планировалось взять с собой несколько молодых воинов которые должны были обслуживать старших во время всего длительного путешествия.

Князь и его побратим все так же медленно продолжали свой путь. Кони послушные их воле спокойно шли вслед за ними.

Дорога медленно ползла вверх по пологому склону большого холма. Княжеский дом расположен был на самом верху. Рядом с ним находились усадьбы Быды и Зизы.

Вокруг были разбросаны дома остальных односельчан. Село утопло в зелени. Тропинка по которой шли домой Зиза и Бата была укрыта с двух сторон деревьями и кустарником. Через некоторое время они подошли к дому Мырзакана. Напротив дома в тени громадного платана на тросниковых циновках сидели женщины.

Мырзакан пару недель назад уехал вместе со своим младшим сыном к абазинам жившим на северном склоне Кавказского хребта.

Оттуда пришла весть о том , что его дочка вышедшая замуж за парня из тех краев родила сына. Мырзакан уехал навестить ее и сделать маленький подарок по случаю рождения внука. На той стороне перевала в верховьях рек Лаба и Курджипс располагалось более десятка абазинских аулов. В наши дни этих аулов там уже нет.

Мырзакан должен был вернуться пару дней назад. Его не было до сих пор. Семья начала беспокоиться. Забеспокоились родственники и знакомые. По улице навстречу князю и Зизе бегут маленькие мальчишки. В руках у них палки. Это сабли. Даже у них, маленьких идет уже вечная борьба между добром и злом. У людей в этом возрасте всегда побеждает добро. Только у них.

Увидев подходящего князя и его побратима женщины встали с циновок, поправили платья, юбки и платки.

Они встали в первую очередь потому что Бата и Зиза мужчины. Обычай требует чтобы женщина вставала перед мужчиной точно так же как и мужчина должен вставать перед женщиной когда она появляются на его пути.

Это этикет взаимного уважения мужчины и женщины принят у многих народов Кавказа.

Бата и Зиза подошли к женщинам. Поклоном головы поприветствовали их. Среди женщин жена Мырзакана Сырма.

Она старшая среди всех. Бата подошел к ней.

- Сырма, что слышно от Мырзакана, спросил он.

Сырма горестно вздыхает и говорит.

- Пока ничего, мой князь, вот ждем и надеемся. Аллах милостив. Будем надеяться что он будет милостив к нам и вернет домой Мырзакана и моего сына.

Лица у женщин открытые. Все они мусульманки, но мусульманки абазинки и абхазки никогда не закрывали лица как делали это женщины многих других народов. Обычай требовал от них только одного. Платья должны были быть до самой земли, руки закрыты длинным рукавом, на голове должен быть платок, закрывающий ее волосы.

Бата искренне сочувствует семье Мырзакана и переживает за его судьбу. Отец учил его.

- Помни всегда. Чем лучше живет село тем лучше князю. Голодный всегда будет смотреть в твой сад и думать что украсть. Сытый сам принесет тебе дары из своего сада.

Бата с самого детства усвоил эту мудрость. Он давал полную свободу жителям своего села, но строго спрашивал с них за любое нарушение установленных народом правил и обычаев.

- Если ты считаешь нужным я пошлю людей навстречу Мырзакану. Они его встретят и вернутся вместе с ним. Он нарочно сказал слово «навстречу», а не на поиски. Сказав слово на поиски он посеял бы в душах родных Мырзакана панику, а так они верили и ждали.

Распрощавшись с женщинами, Бата и Зиза пошли дальше вверх по улице. Их догнала все та же стайка ребят. Они и сами не знали куда бегут они. Знали только одно. У них снова победило добро. Зло наказано их руками.

- Ты знаешь, Зиза, начал Бата. Может на самом деле послать людей на поиски Мырзакана. Он давно уже должен был вернуться, а его все нет.

- Я думаю можно подождать еще день-два. Если за это время Мырзакан не вернется домой тогда и направим людей за перевал.

На этом они и порешили. После разговора с женщинами Бата и Зиза решили заглянуть к Мамате и узнать, что делает он вместе с Быдой. Когда они зашли во двор Мамата и Быда умывались студеной водой родничка, что находился у дальнего забора усадьбы. Маленькая дочка Маматы стояла рядом с ними и держала в руках два полотенца. Удовлетворенные проделанной работой друзья весело плескались в холодной воде. Их молодые мускулистые тела блестели на солнце отливаясь бронзовым загаром. Жена Маматы приготовила уже абысту[20]! К нему было хорошо поджаренное сушенное мясо, копченный сыр и свежие овощи. На столе стоял большой глиняный кувшин с простоквашей и две большие глиняные кружки. Как только во двор зашли гости которых давно уже не считали здесь гостьми жена Маматы быстро поставила на стол еще две кружки и две тарелки. Увидев князя жена Маматы расщедрилась и поставила на стол еще большой глиняный кувшин с прохладной бахсымой. Абазины мусульмане. Вино не пьют. Вино заменяет им буза которую они называют бахсымой. Этот напиток изготовляют из воды и меда добавляя в определенных пропорциях в кипящую воду мед и просяную муку. Бахсыма приятно утоляет жажду, пьянит и дурманит. Умеют ее готовить не все. Жена Маматы научилась этому искусству на удивление быстро. Сделала она это в первую очередь только по тому что бахсыма нравилась ее мужу.

[20] Абыста – абхазская (абазинская) мамалыга.

Вилками абхазы и абазины в те времена не пользовались. Ели руками. Руки тщательно мыли до еды и после нее. Друзья без долгих раздумий сели за стол. Голодными были и те и другие. Уже к самому концу запоздалого обеда к Бате пришел его слуга Ахмат и сообщил, что к ним приехал гонец от Зураба Чачба. Бата сразу догадался, что это человек который передаст ему приглашение Владетельного князя принять участие в сватовстве невесты для его племянника.

Так оно и было. Гонец принес приглашение. Нужно было быть в Лыхнах через четыре дня. Воскресным днем Зураб Чачба хотел отправить свою депутацию в Зугдиди где находилась резиденция Владетельного князя Мегрелии Кация II (Дадиани). Возглавить делегацию должен был князь Гечба как старший по возрасту.

Посовещавшись друзья решили отправиться в путь на завтра утром. До Лыхны или как иногда называли его в народе Суук-Су было около двух дней пути. Нужно было приехать, привести себя в порядок и уже через день уехать вместе со всеми в Зугдиди. Учитывая что в дальнейшем к ним присоединится епископ Драндский дорога в Зугдиди обещала быть долгой. Епископ ездил только в коляске которая за день могла проехать по разбитым дорогам того края не более тридцати верст. Сам Епископ был уже преклонного возраста и это тоже накладывало определенный отпечаток на предстоящую дорогу.

Одно дело молодые, здоровые воины которые могли провести почти весь день в седле и даже не почувствовать усталости, другое дело пожилой человек. Того могла довольно быстро утомить дорога и долгая тряска на ней. Так или иначе решение было уже принято и теперь нужно было только исполнять его. Договорившись о выезде в дорогу ранним утром следующего дня друзья встали со стола и поехали по домам. Нужно было собираться в дорогу, хорошо выспаться и отдохнуть перед ней.

Но утром следующего дня выехать в дорогу им не удалось. Ночью в дом Мырзакана принесли его тело. Оно было найдено на

перевале. На теле было множество резанных и колотых ран. Видно Мырзакан защищался долго и упорно. Сына его нигде не было. По-видимому 12 летнего мальчишку украли с тем чтобы продать его турецким купцам. Имя этого мальчика всплыло через много много лет в Каире где он стал беем при Султане Мухамед-Али. Он стал к тому времени одним из самых близких к нему людей и погиб во время сражения с войсками Бонопарта Наполеона. Все это будет потом, а сегодня нужно было менять все планы и принять участие в похоронах Мырзакана. Мырзакан был уважаемым человеком в селении. Его уважали за честность и скромность. Нужно было также думать о том чем, можно будет помочь семье покойного. На руках у его вдовы осталось трое несовершеннолетних детей. Два мальчика и одна дочь. Старшей была дочь. Она подходила уже к тому возрасту, когда родители начинают подыскивать ей жениха. Когда Бата и его друзья зашли рано утром во двор покойного Муаруф читал уже молитвы над телом покойного. На головах Баты и Маматы папахи. Быда и Зиза без головного убора. Они христиане. У христиан на похоронах, головной убор не одевают. Вообще то мусульманская религия не требует от участников похоронных мероприятий наличия головных уборов. Головные уборы на головах это больше традиция части народов Кавказа исповедующих ислам. Когда они вошли во двор муэдзии читал молитвы за упокой души усопшего. Бата и Мамата помолились вместе с ним. Зиза и Быда стояли молча склонив головы в знак печали и сочувствия.

Человек нашедший Мырзакана на перевале был жителем аула, что находилось на той стороне хребта. Звали его Маджид. Его аул располагается в верховьях реки Лабы. Он ехал в село Баты чтобы навестить своего приболевшего родственника. У читателя может возникнуть вопрос. Почему абазинские селения на северной стороне Кавказского хребта назывались аулами, а на южной стороне селами. Дело было в том что и там и здесь эти населенные пункты на абазинском языке назывались одинаково – кыт. Но жители Северного Кавказа называли свои поселения аулами. Так и стали там Кыт-аулами. В то же время жители морского побережья называли свои населенные пункты селами. Так и стали здесь в Абхазии – «Кыт» - называться селами.

Маджид решил остановиться, чтобы передохнуть. Было жаркое летнее время. Он отпустил коня попастись, а сам прилег в тени

дерева так чтобы его не было видно с дороги. Ему просто не хотелось чтобы кто то нарушил его сон.

Проснулся он от того что услышал шум голосов. Маджид встал, взял ружье но увидел лишь как пять всадников уходили вдаль легким голопом. За спиной одного из них сидел мальчик.

За всадниками бежали три лошади. Поперек крупов двух из них лежали два тела завернутых в бурки. Маджид не стал окликивать проехавших. Пока он встал, увидел все всадники были уже далеко. После этого он оседлал своего коня и поехал дальше. Когда он взошел на перевал то увидел изрубленный труп Мырзакана. Тогда он понял, что Мырзакан пал в бою. По видимому те два трупа, что унесли на своих спинах лошади встретившихся ему всадников пали от его руки. Маджид и привез тело покойного в родное село. Всем стало ясно. Мырзакан с сыном возвращались домой когда повстречали шайку разбойников. Что произошло дальше не знал никто.

Мырзакана похоронили после обеда.

Все это время Бата и сопровождавшие его друзья не выходили со двора покойного. Людей было много. Приезжали и из соседних сел. Все должны были видеть, что князь вместе со своим народом в минуты его горя. По команде Баты во двор покойного пригнали три барашка из его стада. Приезших было много. Их нужно было кормить.

Помимо этого он отдал жене покойного значительную сумму денег. У нее были дети. Их нужно было кормить. Отдавая деньги он сказал, что когда придет время выдавать замуж ее дочь он возьмет на себя вопрос о ее приданном. Двор покойного опустел ближе к вечеру когда солнце начало уже садиться за дальнее море.

Тогда Бата и его друзья и двинулись в путь. Ночь была ясная. Луна хорошо освещала тропинку тянувшуюся через лес вдоль берега моря. К утру они преодолели верст 30. Когда солнце поднялось из-за вершин дальних гор решили передохнуть. Быда и Зиза были младшими в их компании. Они быстро набрали сухой хворост. Розожгли костер. Совсем скоро над костром задымился котел с абыстой.

Зиза принес воды из ручья на берегу которого они расположились на отдых. Путники поели на скорую руку и улеглись спать в тени деревьев. Под себя постелили свои бурки. Сторожил их сон Быда. Он хорошо спал в седле и потому особой надобности во сне не испытывал. Приехали они в Лыхны к вечеру следующего дня.

Князь Лоо и князь Гечба были уже там. Там же находилась и сопровождавшая их охрана. Каждый из них взял с собой по семь воинов из своей дружины и по несколько слуг. Гечба и Лоо в чем-то похожи друг на друга. Оба высокие, красивые, статные. В отличии от Баты они князья и днем и ночью. В быту и на людях. Манеры у них властные, голос повелительный, не терпящий возражения. Их земли находятся неподалеку друг от друга. Давным давно владения этих княжеских фамилий граничили между собой, но после набега ужасной чумы на прибрежные районы Абхазии несколько десятков сел остались без жителей.

Прошло время. Опустевшие дома и земли заняли другие племена. Теперь между владениями Лоо и Гечба была полоса убыхских и шапсугских поселений шириной верст в тридцать. Но это обстоятельство не мешало им как и прежде дружить между собой. Оба они во всех своих походах или путешествиях имели по два коня. Один прекрасной чистокровный арабский скакун для езды на равнинной местности, другой конь местной породы для езды по горным дорогам и тропам.

Каждый из них ехал как правило на одной лошади. Охранники вели на поводу вторую запасную. Бата как младший по возрасту обязан был первым нанести визит своим соседям которые дружили еще с его отцом.

После того как их разместили во дворе местного дворянина Бата быстро приведя себя в порядок, снял дорожную пыль и направился к ним в сопровождении хозяина дома. Его друзья остались дома. Им на встрече Баты с соседними князьями делать было нечего. Ни по возрасту ни по статусу.

Лоо и Гечба были также размещены в домах местных дворян имевших необходимые условия для приема высоких гостей.

Когда Бата и хозяин принявший его на постой приехали в дом где размещен был князь Гечба Лоо находился уже там.

Гечба был постарше своего товарища и потому тот первым навестил его. В те времена обычаи народа выполнялись свято. Старший есть старший.

Увидев въезжавшего во двор Бату Гечба и Лоо сидевшие в апацхе вышли навстречу гостю. Апацха была расположена посредине большого уютного двора сплошь покрытого ковром из невысокой, но густой зеленой травы. Сам дом находился посреди

двора. Перед ним лежала большая лужайка изрезанная широкими аккуратно проложенными дорожками. Дорожки были окаймлены ровными рядами небольших камней принесенных из русла речки пробегавшей не далеко от усадьбы.

За домом располагался большой фруктовый сад. За садом обширное поле. Поле было засеяно различными зерновыми культурами и овощами. Сад и поле отделены друг от друга невысокой оградой. С обоих сторон сада загоны для скота и домашней птицы.

Скота и птицы много. Загоны большие, на всю длину забора.

Бата подошел к вышедшим навстречу ему князьям, поклонился в знак уважения к их возрасту и остановился ожидая что они сделают потом. Сам он руку для приветствия протянуть не мог. Согласно народных абазинских обычаев это делает старший по возрасту если считает нужным, то есть если он считает своего визави достойным такого жеста.

Гечба и Лоо по очереди протянули руки своему молодому сородичу. Затем также чинно приобняли его. Слава о делах Баты и его побратимов во время нескольких сражений с крымчаками облетела уже всю Абхазию и потому Бате оказывали почести совсем не по его возрасту. И у Гечба и у Лоо были сыновья примерно тех же лет что и Бата и они при желании могли даже не привстать с того места где сидели они когда появился молодой князь. Часто бывало так что люди добивались своего признания не по возрасту, а по делам. А дела у Баты были большие. Это и побудило Гечба и Лоо встать и выйти навстречу человеку который по возрасту годился им в сыновья.

Стол в апацхе был обильно уставлен всевозможными яствами. Не было на столе только поросят. Хозяин дома учел тот факт, что Лоо мусульманин и в знак уважения к нему повелел свинину на стол не ставить. Зато вина и чачи на столе изобилие. Вино и чачу в этих краях пьют все. И мусульмане тоже. Лоо в отличии от многих вина не пил, но на столе оно стояло. Не пил вина и Бата.

После рукопожатий и традиционных вопросов вежливости все сели за стол. Выпили по обычаю за дом, хозяина, Родину, погибших за нее и только уж за тем за успех предстоящего дела. Гечба пил вино и Чачу. Лоо и Бата бахсыму. Все понимали, что женитьба племянника Зураба на Мигрельской княжне из рода владетельных князей Дадиани может принести долгожданный мир на зем-

лю Абхазии. Если бы за спиной Зураба не было мигрельского ножа Абхазия могла бы спокойно решать множество других насущных проблем. В стране не было ни заводов, ни фабрик. Страна имела богатые ресурсы леса и полезных ископаемых, но ничего не производила. Нитки и иголки и те были привозными. Все остальное тоже.

К вечеру к ним пришел Владетельный князь в сопровождении многочисленной свиты.

Застолье началось по новой. Бата сидел на краю стола как младший по возрасту. Зураб тепло приветствовал своих гостей по очереди пожав им руки, затем приобняв каждого из них. Последним в этой церемонии как младший был Бата.

Зураб одет в черкеску из дорогого темно-бордового сукна. Газыри золоченные. На левом боку сабля из дамасской стали в дорогих украшенных черненным серебром ножнах. Кинжал такой же дорогой и в таких же дорогих ножнах.

По манерам поведения владетельного князя видно, что он человек решительный, волевой. Мышца левого глаза у него иногда не произвольно дергается. Говорят это было последствием раны полученной им в молодости. Особую популярность в народе Зураб получил после того как совсем недавно он возглавил народное восстание против турок и изгнал их из Сухум-Кале. Турки из города ушли, но все понимали, что они могут вскоре вернуться.

Рассадив гостей по местам Зураб в деталях рассказал им все что поведал им до этого Гечба.

Зураб держался свободно, но не вальяжно. У него простая убедительная манера общения. Говорит он так что собеседник с первого слова начинает ему верить.

- Сейчас Абхазия в очень сложном положении начал Зураб. Турки не простят нам то унижение которое нанесли мы им в Сухум-Кале. Многие наши князья могут при определенных обстоятельствах оказаться на их стороне. Не спокойно у нас и на северных границах. Русским нужно Закавказье. Здесь у них стратегические интересы предела которым не знает никто. Им нужны Грузия, Армения, Азербайджан, Персия и Индия. Абхазия для них только плацдарм для далекого прыжка. В этих условиях громадную роль может сыграть позиция Мигрелии. Ее могут использовать и турки и русские в борьбе за Абхазию. Кто это сделает первым сейчас сказать трудно. В равной степени это могут сделать и те и другие.

В такой ситуации было бы хорошо обезопасить свой тыл. Без доброго в своих намерениях соседа Абхазии будет трудно противостоять могущественным завоевателям коим являются турки и русские.

Мир между Абхазией и Мигрелией никому из наших соседей не нужен. Ни русским, ни туркам, ни царю Имеретии Соломону I, ни его союзникам из Кахетии и Картли. Он мешает их планам. Против этого мира выступят все. Турция, Россия, Кахетия, Имеретия и даже Персия. Если мы сможем установить мир и добрососедские отношения с Дадиани то и мы и Дадиани станем вдвойне сильней, а это значит что нас никому не победить и мы сможем завоевать и отстоять свою независимость. Особую активность в этом плане может проявить царь Имеретии Соломон I. Сам он в это дело вмешиваться не будет, но я уверен что он найдет себе сторонников и в Абхазии и в Мигрелии. Их руками он и постарается решить задачу недопущения союза Абхазии и Мигрелии. Говоря эти слова он не называл вслух имени тех кто мог быть использован внешними силами для разрушения намеченных им планов.

Имен он не говорил, но каждый понял что он имеет в виду двоюродного брата Кации II Григола и его окружение, который находился под большим влиянием России и царя Имеретии. Не меньшую опасность в самой Абхазии представляли набравшие в последнее время большую силу князья Дзяпш-ипа и особенно окружение Каталикоса.

Князья Дзяпш-ипа сумели объеденить вокруг себя широкий круг влиятельных лиц Абхазии .

Теперь они были самой могущественной силой в Абхазии и могли при случае показать свои претензии на трон Владетельного князя. Открытая поддержка которую оказывал им Каталикос Абхазии делала их еще сильнее.

Немалую помощь семейству Дзяпш-ипа могла оказать семья влиятельных князей Маршан. За ними тоже стояла большая сила.

Зураб говорил медленно, стараясь объяснить своим друзьям каждую мелочь в сложившейся ситуации.

А она была действительно сложная. Независимость Абхазии хотели все. И Чачба, и Дзяпш-ипа и Маршаны. Но каждый из них хотел чтобы Абхазия добилась своей независимости только под его руководством. Оттуда и шли все проблемы.

Исходя из этого Владетельный князь попросил своих посланников проявить максимальную осторожность в деле сватовства стараясь избегать любой конфликтной ситуации которая может привести к срыву переговоров о сватовстве и мирном договоре.

К этому времени подъехал племянник Зураба Келешбей. Он поздоровался со всеми и сел в самом углу комнаты на отдельный стул. Садиться за стол за которым сидит его дядя Келешбей не имел права. Таковы были законы народа Абаза. Младший родственник не мог садится за один стол со своим старшим по роду или фамилии.

Келешбей молод, строен, красив. Редкие в Абхазии светло серые глаза смотрят внимательно. Волосы густые с рыжеватым оттенком. Взгляд его больших светлых глаз спокойный внимательный.

Встретив такой взгляд каждый его собеседник начинает понимать. Перед ним думающий, во все вникающий человек. Человек не по годам умный и серьезный.

Келешбей в разговор старших не вмешивается. Он молча слушает их слова изредка кивая головой в знак согласия с мыслями высказанными за столом.

Все присутствующие знают. Келешбей никогда не видел лица княжны Нинико которую будут сватать за него. Он не знает красивая она или уродка. Высокая или низкая. Такова судьба всех членов монаршьих фамилий. Их с детства воспитывают в духе готовности пожертвовать всем ради интересов своей Родины.

Все они хорошо едят, красиво одеваются, имеют почет, но счастливы в личной жизни бывают очень немногие из них.

В этом плане Келешбей такой же как и все. После беседы с дядей который объяснил ему всю степень важности этого шага для судеб его родины он коротко ответил. Я сделаю все что ты скажешь если это нужно Абхазии. За все время прошедшее после первой беседы на эту тему он даже не спросил как зовут ту девушку на которой предстояло ему жениться.

Женитьба на ней была для Келешбея как обязательная часть работы которую необходимо было сделать ему как наследнику престола во имя интересов своего народа.

До сведения всех было доведено, что цели их миссии доведены до сведения князя Дзяпш-ипа. Тот одобрил мысль Зураба считая ее правильной. Ответил красиво, но что он думал на самом деле

не знал никто кроме его самого. Каталикос выслушал посланника Владетельного князя, но ничего конкретного в ответ не сказал. Да и что он мог ответить когда все знали его позицию. Согласно его мнения Абхазия должна была войти в состав Имеретинского царства. Ничего другого он не знал и знать не хотел.

В конце беседы Зураб еще раз напомнил всем что могут быть всякие провокации как в пути следования так и там на месте в Зугдиди. Я Вас прошу повторил он второй раз не реагировать ни на что. Вашими руками решается сегодня судьба Абхазии. Помните это. Привезёте назад добрые вести – быть Абхазии долгие годы свободной и независимой. Провалите дело – быть большим проблемам как мне так и всей нашей стране.

На улице было уже темно когда Зураб и Келешбей уехали к себе домой. За все это время Келишбей не проронил ни слова. Молча слушал. Молча кивал головой. Он знал что предстоит ему сделать и готов был исполнить свой долг.

После отъезда Владетельного князя и его племянника уехали к себе и Бата с сопровождавшим его дворянином. Все время беседы князей он сидел с хозяином дома в котором жил князь Гечба и беседовал с ним о своих делах. Оба они к столу где сидели князья приглашены не были, хотя прекрасно слышали через открытое окно все о чем говорили те. Они одобряли решение Зураба и считали что на сегодняшний день это единственно правильный путь по которому должны были идти абхазы если они хотят мира процветания и независимости.

Они прекрасно понимали так же в каком сложном положении находится Владетельный князь лавирующий между интересами России и Турции. Понимал это и Бата, потому приехав к дому где ждали его Мамата и побратимы он долго рассказывал им то, о чем говорил сегодня Зураб и какие цели стоят теперь перед их делегацией. Особое внимание уделил он словам Владетельного князя о возможных провокациях противников затеянного им дела.

Сказал он им это в первую очередь потому что знал вспыльчивый, а порой и трудно управляемый характер своих побратимов. В каждом из них жил дух бойца. Жил и никогда не засыпал.

Откуда взялся в них такой характер трудно было сказать.

Покойный отец их был спокойным и уравновешенным человеком. Его трудно было вывести из себя. Он много раз думал пре-

жде чем принять то или иное решение. Зиза и Быда были совсем другими и если бы не постоянное присутствие рядом с ними Баты то могли бы много раз попасть в неприятные ситуации. На Кавказе при их характерах такие ситуации долго искать не пришлось бы.

Бату они слушались. Слушались не как князя, а как старшего брата. Его слово было для них закон. Они никогда не обсуждали его указания. Как правило они говорили. Что теперь рассуждать. Старшой сказал нужно делать. Заставить их делать то что они не хотели делать было практически невозможно. Такой был у них характер. Такими уродил их Всевышний. Единственная сила которой подчинялись они это было уважение. Бату они уважали. Потому и слушали его без лишних рассуждений.

Друзья долго обсуждали новости принесенные Батой, поудивлялись мужеству Келешбея и наконец к самой полуночи улеглись спать.

На завтра их ждала долгая дорога в Зугдиди. Дорога трудная, но интересная. Никто из них в Мегрелии еще не был и потому им интересно было увидеть край о котором много и так красочно рассказывали старики в их селе.

ВЫБОР ДАУТА

В Египте как и во всех мусульманских странах Ближнего Востока дни рождения детей и даже взрослых не принято было отмечать.

Отмечали как всенародный праздник только день рождения пророка Мухамеда.

Фагуда уже несколько лет жила в Египте. Она приняла мусульманскую веру, прилежно исполняла все требования новой религии, но по складу своего мышления как была так и осталась православной абхазкой.

На ее родине в далекой Абхазии существовало много обычаев о которых в Египте никто никогда не слышал.Фагуда уже говорила и читала по арабски, но мыслила по прежнему на языке своих предков.

Дома она всегда говорила со своим мужем только на абхазском языке. Ее служанками, а вернее даже младшими подружками

обслуживавшими ее стали две молодые абхазские девушки Астанда и Цаца которых Мухамад-бей привез специально для нее из ее родного села. После прихода Фагуды во дворце Мухамад-бея вообще воцарился абхазский дух и атмосфера абхазского общества. Фагуда выросла в стране где совершенно мирно уживались три традиционные для ее народа религии. Мусульманская, православная и языческая. На ее родине в течении многих веков создалась атмосфера взаимотерпмости различных культур и религий. В Абхазии никогда не было ни христианских ни мусульманских радикалов. Язычники хранившие веру в духов леса, деревьев, источников воды и в другие языческие атрибуты своей веры довольно спокойно и даже с пониманием относились и к христианам и к мусульманам. Те в свою очередь также ровно и также с пониманием относились и к язычникам и к представителям противоположной мировой религии. Мусульмане свободно женились и выходили замуж за христиан не придавая никакого значения религиозной принадлежности жениха или невесты. Христиане отвечали тем же. В этой стране благодаря тому что его народ поставил вопрос о своей неделимости выше религиозных догм создалась уникальная атмосфера взаимопонимания и взаимотерпимости представителей всех религий проживавших на ее территории.

Так мать Али-бея и Фагуды Тата была абазинкой из большого абазинского поселения, что находилось недалеко от порта Ардлар принадлежавшего роду князей Гечба. Селение это граничило с княжескими землями и считалось довольно беспокойным местом. Без особой надобности в те края никто никогда не ходил. Жители этого села не признавали никого кроме Всевышнего и имели весьма жесткий характер. Из рассказов старших Фагуда хорошо знала, что их покойная мать мусульманка по вероисповеданию без всяких препятствий вышла замуж за священника христианина. Она довольно спокойно относилась ко всем атрибутам православной веры. По их двору свободно ходили свиньи, на столе всегда стояло вино, хотя и то и другое в соответствии с законами мусульманской веры было харам – то есть грех. Мать их продолжая оставаться мусульманкой с уважением и пониманием относилась ко всему христинскому.

Мать спокойно готовила блюда из свинины. Подавала вино на стол, но только никогда не пила этого вина и не ела свинины.

Она только тщательно мыла руки после прикосновения с посудой в которой они находились и говорила.

Если бы Всевышний не хотел этого он бы не создал ни свиньи, ни вина. Он всесильный. Он все может. Он хотел их создать он их создал. Другое дело не есть и не пить все это как требует того моя вера. Я так и делаю.

Когда Тата заболела и поняла что смерть уже близко она приняла христианскую веру. Сделала она это исключительно только для того чтобы лежать после смерти на одном кладбище со своим мужем и своими детьми.

В Египте все было иначе. Здесь правила поведения во всех сферах быта, поведения и даже мышления диктовала мусульманская мечеть. Фагуда быстро поняла это, но принять этого так и не смогла.

Именно поэтому в доме, хозяйкой которого она стала, все было так как на ее далекой Родине. Она как положено мусульманке исправно четыре раза в день молилась Аллаху, но хорошо помнила все христианские праздники. Её отец был священником большого сельского прихода. Он в свое время научил ее и остальных детей в семье основным знаменательным датам христианского календаря. Она их хорошо помнила и никогда не забывала отмечать их.

Мухамад-бей тоже когда-то был христианином и хорошо помнил все православные праздники. Но теперь он стал исправным мусульманином и потому делал вид что ничего не видит и ничего не понимает из того что происходит в его доме. В самом начале, еще в первые дни их совместной жизни он сделал замечание Фагуде на эту тему. Фагуда сперва растерялась услышав его слова затем оправившись сказала ему мягким, но не терпящим возражений тоном.

- Мухамад-бей, я твоя жена, я сделаю всё что ты скажешь. Если нужно я готова отдать за тебя свою жизнь, но если можно не запрещай мне быть абхазкой. Я родилась абхазкой. Абхазкой и умру. Я буду исправной мусульманкой, но обычаи своего народа буду выполнять до самой своей смерти. Если в них есть грех, я сама отвечу за свои грехи. Ни ты мой муж, ни мой брат за это ни в ответе.

Услышав такие слова Мухамад-бей ушел ни сказав больше ни слова в ответ. Фагуда вообще умела говорить так что ей невозможно было отказать. Она ничего не требовала. Она просто говорила, что она хочет и каждому кто общался с ней становилось ясно, она ничего не требует. Она просто сделает так как хочет и все. С тех

пор он делал вид, что ничего не видит из того, что происходило в его доме, где тайно но довольно исправно отмечали все праздники православного календаря и языческие ритуалы. Наверное, правильно говорили в народе что истинными мусульманами мамлюки и члены их семей становились или во втором поколении или совсем уже к старости.

Теперь в доме Мухамад-бея даже пищу стали готовить чисто по абхазки.

Варили мамалыгу, фасоль, коптили мясо. Сперва Мухамад-бей уже привыкший к Египетской кухне противился такому положению дел, но со временем привык к новой кухне. Видно кровь потомственного абхаза взяла свое и он все чаще уже сам спрашивал почему на этот раз нет мамалыги и сушенного мяса.

Сегодня в доме Мухамад-бея совершали старинный абхазский обряд – Гыларгугъ. Так отмечали в абхазских и абазинских семьях день когда маленьких детей вынимали из люльки и они начинали делать свои первые неуверенные шаги по жизни.

Обычно малыша брали на руки. Недалеко от него ставили низкий столик на который ложили различные игрушки символизировавшие основные ремесла или род занятий того времени. Мать отпускала малыша за два три метра от стола. Бабушки, тети и другие ближайшие родственники манили словами малыша к столу. Тот подходил к столу и что то брал с него.

Тогда во всеуслышание объявлялось.

Он выбрал пулю – Хазыр – значит он станет воином.Или – он выбрал козу значит станет скотоводом или еще что-то в таком роде что говорило о том, что он станет пахарем, торговцем, ремесленником и т.д.

Дело было в том, что несколько дней назад сын Мухамад-бея и Фагуды которого по настоянию Фагуды нарекли именем ее отца Даут сделал свои первые неуверенные шаги по земле. Согласно абхазским обычаям это событие как правило отмечалось особым образом. Происходила церемония называвшаяся в народе «Гыларгугъ» смысл которой читатель уже знает. В соответствии с утвердившейся традицией делалось это для того чтобы благословить маленького человека на долгий жизненный путь, пожелать ему доброго пути и постараться предугадать в какую сторону он пойдет и кем он станет в своей дальнейшей жизни. Необходимо

сказать, что очень часто случалось так, что выбор малыша в самом начале его жизни довольно часто предопределял его дальнейший жизненный путь. Наверное, в этом обычае было что-то особое, еще не понятное человеком ибо такие частые совпадения трудно было назвать случайными.

Обычно по такому случаю резали курицу, индюка или козу в соответствии с возможностями семьи проводившей торжество.

К мясу варили мамалыгу, фасоль ставили на стол хорошее вино, чачу, чем и угощали гостей пришедших разделить их праздник. Как правило это были в основном женщины и дети. Мужчины в этом действии особого участия не принимали.

Так было и на этот раз. Мухамад-бей только заглянул в комнату где готовились к торжеству и убедившись в том, что у женщин все есть и у них нет никаких проблем удалился.

Фагуда не знала соответствует ли ритуал Гыларгугъ канонам мусульманской религии, но была уверена что она должна сделать этот ритуал, так как делали это ее мать и отец, бабушки и дедушки. Ей как всякой матери хотелось пораньше узнать кем станет ее сын.

На церемонию проведения ритуала она пригласила самых близких ей людей.

В большой комнате где должно было состояться действие собрались Нафиса, Мариам, Гатиса их служанки Таха,Туна, Рата. Здесь же младшие подружки Фагуды Цаца и Астанда.

Колыбель с малышом стояла в углу комнаты накрытая легким кисейным материалом. Малыш спокойно спал. Он вообще был спокойным и удобным для всех ребенком. Цаца и Астанда ухаживавщие за ним особых проблем не испытывали. Даут очень мало плакал и почти все время улыбался. Девушки души не чаяли в нем. У них даже возникала легкая конкуренция кто будет чаще общаться с ним.

Малыш лежал в колыбели сделанной так как делают их только в Абхазии. Сама колыбель сделана была из Абхазского ореха.

Фагуда чувствовала себя спокойней и комфортней когда люди и вещи находящиеся рядом с ней напоминали ей хоть в чем-то о далекой прекрасной Родине. Даже запах Абхазского ореха который исходил от колыбели ее сына и просто мысль о том, что его окружает с малых лет что-то свое, родное доставляли ей удовольствие.

Чувства которые испытывала Фагуда мог понять только тот человек который долго находился вне пределов родного края или покинул их навсегда.

Любому другому человеку эти мысли и эти чувства трудно было понять. Их трудно выразить словами их можно было только осязать теми незримыми органами чувств которые вырастают у человека на чужбине.

Нафиса как старшая среди всех делит роли между собравшимися. В Кахетии откуда была родом ее мать тоже был примерно такой же обычай и она хорошо помнила из своих былых воспоминаний как должна была проходить подобная церемония.

Она уже определила, что малыша из люльки будет доставать не Фагуда как его мать, а она сама. Цаца и Астанда будут «сопровождать» его в первой нелегкой дороге по жизни длиной целых три-четыре метра от колыбели до стола. На столе лежали уже детские игрушки из Нильской глины. Сабля, пистолет, барашек, флейта, мотыга, соха и книга.

После того как малыш преодолеет долгий нелегкий путь мать будет давать ему в руки что-то из того, что лежит на столе. Вернее даже она не будет давать ему ничего в руки, а просто будет содействовать тому чтобы малыш сам выбрал себе то что он считает нужным.

Тогда и определится кем хочет стать он. Пойдет ли он по той дороге что выбрал сейчас или нет скажет потом сам Всевышний.

Как только малыш сделает свой выбор Туна и Рата начнут накрывать на стол, а Таха пойдет на мужскую сторону звать за стол Мухамад-бея. Вообще-то по мусульманским обычаям Мухамад-бей не должен сидеть за одним столом ни с кем из женской половины человечества кроме своей бабушки, матери, жены, сестры или дочери. Но с некоторых пор порядки в этом доме устанавливала Фагуда. Она решила, что он должен сделать так и она знает что Мухамад-бей сделает так как она хочет.

Она никогда ничего у него не требовала. Она просто создала такие условия, что ее муж обладавший довольно жестким характером сам желает выполнять ее мелкие безобидные капризы чтобы не обидеть человека который любит его, верит в него и готов для него на все.

Он знает, что эта женщина в свою очередь сама сделает все то что он хочет даже если его желание будет угрожать ее здоровью

или даже жизни. При этом он знал, что все это она могла сделать только потому что она была убеждена, что так нужно поступать. Если бы она не была убеждена в своей правоте то ни один человек в том числе и он сам не заставил бы ее даже пальцем пошевелить. Фагуда была из того типа людей которые способны на многое, но только по своим убеждениям и Мухамад-бей понимал это. За многие годы своей нелегкой жизни он впервые встретил человека который заставил его уважать себя и свои убеждения. Теперь Мухамад-бей боялся только одного – потерять уважение и доверие человека верившего в него и чье доверие было ему безмерно дорого. Наверное, это было частью его абхазского менталитета ибо Египтяне мужчины имевшие зачастую по 3-4 жены таких чувств по отношению к своим женам не испытывали и испытывать не могли.

Женщины распределили между собой роли так как и предлагала Нафиса. Спорить с ней не мог и не собирался никто. Ее авторитет на женской половине Султанского дворца был настолько велик и неоспорим, что никому даже в голову не приходила мысль в чем-то оспаривать ее мнение.

Было решено начать все ритуальные действия как только малыш проснется и откроет глаза. Вскоре так и произошло. Он открыл глаза, заулыбался и начал всем своим видом показывать, что он не против покормиться с материнской груди. Малыша распеленали, переодели в сухое. Мать покормила его, после чего он заулыбался еще шире и начал довольный дрыгать руками и ногами.

Пока Фагуда кормила проснувшегося малыша грудью каждая из гостей занималась своим делом. Нафиса сидела на низком диване и давала какие-то указания Тахи, Туне и Рате. Мариам рассказывала Гатисе о своей Родине в далекой синеокой Малороссии. Цаца и Астанда накрывали на стол. Они были примерно одного возраста, но по своему характеру и чисто внешне совершенно разные.

Цаце лет 18-19. Она среднего роста, худощава. Большие темно-карие глаза смотрят строго и чуть настороженно. Она мало говорит. Все делает медленно. Постороннему человеку может даже показаться что она тщательно обдумывает каждое свое дальнейшее движение. Улыбается она редко. Лицо обрамленное волнистыми черными волосами всегда строгое, но доброе.

Астанда выше ее ростом. Крупнее в телосложении. Ее громадные зеленые глаза постоянно светятся задорным блеском.

Движения ее быстрые, энергичные. Она словно не ходит, а порхает по комнате и ни на секунду не замолкает.

Ее энергии хватает на всех.

То она обращается к Цаце которая почти ничего не отвечает, а лишь кивает головой в ответ, то задирает Гатису.

Астанда может подтрунить даже над Фагудой и при этом так мило и непосредственно улыбнуться ей что той ничего не остается делать как не погрозить ей пальцем и так же мило улыбнуться в ответ.

Нафису Астанда не затрагивает. Еще неизвестно как среагирует она на ее шутки. Но Астанда уверена что придет время когда достанется от нее и ей. И она будет так же грозить пальцем и так же мило улыбаться ей.

Всему свое время.

Наконец не выдерживает Фагуда. Она строгим голосом говорит.

- Астанда, балаболка, ты дашь нам всем немножечко отдохнуть, от твоего шума и гама. Твой язык когда-нибудь устанет говорить без умолку. А ну ка перестань тарахтеть, а то я тебя накажу.

Слова Фагуды ничуть не смущают Астанду. Она все так же задорно блестит глазами и ни на секунду не задумываясь отвечает.

- А тебе, госпожа, не станет скучно когда я замолчу. Не бось сразу скажешь. Говори Астанда, а то накажу.

Лучше я не буду останавливаться чем потом начинать все снова говорит она не отрываясь от своих дел и снова задорно улыбается. Фагуду она не боится. Фагуду она любит.

Фагуда возмущенно хмурит брови, но увидев как тепло улыбается шутке Астанды Нафиса перестает делать серьезный вид и начинает так же улыбаться своей неуемной полу служанке полу подружке.

Вслед за ней начинает улыбаться и Мариам которая видела и слышала все что происходило вокруг.

Гатиса заливается совсем еще светлым детским смехом. Ей нравится как ведет себя Астанда. Ей тоже хочется быть такой же умелой и находчивой как она.

К этому времени Нафиса решила, что настал нужный момент и кивком головы показала Тахи чтобы она пошла за Мухамад-беем. Затем она взяла малыша на руки. Малыш был добрый и некапризный. Он с радостью пошел к Нафисе и прижался к ней так как будто

это была его мать или кормилица. По лицу растроганной Нафисы побежала добрая женская слеза. В жизни Нафисы кроме Али-бея, Мариам и ее дочки давно уже не было близких ей людей. Она была счастлива тем что теперь в ней появились еще два человека которые нуждались в ней и так тепло относились к ней. Это были Фагуда и – её маленький сын. Так же охотно и с такой же радостью малыш перешел затем на руки Мариам, а потом уже и на руки ее дочери Гатисы. Вскоре пришел Мухамад-бей. Он сел на диван и стал с удовольствием наблюдать за тем что делает его сын. Брать его на руки в присутствии посторонних лиц он не мог.

Таковы были обычаи абхазов. Мужчина не имел право при старших показывать свои чувства к своим детям. Нафиса была старше его. Помимо этого она была женой его названного отца, а значит и старшей близкой родственницей.

Согласно абхазского обычая он сел чуть подальше от женщин и стал с удовольствием наблюдать за тем что делает его сын.

Нафиса взяла его на руки и дала команду чтобы все приготовились. Мариам встала посредине пространства между люлькой и столом с игрушками. Цаца и Астанда по бокам. Нафиса отпустила малыша на пол. Он встал на ноги неуверенно забалансировал и готов был уже упасть как Мариам подхватила его своими большими сильными руками и оторвала от пола. Затем женщины повторили свои действия еще один раз, потом еще и еще. Наконец малыш встал на ноги и начал делать неуверенные шаги в сторону матери. Все женщины дружно поддерживали его добрыми ободряющими словами, а мать стоявшая около стола звала его протягивая в его сторону свои руки. Малыш сделал несколько неуверенных шагов в сторону матери и остановился переводя дух, но не упал, а остался стоять на ногах с радостной улыбкой взирая на взрослых людей суетившихся вокруг него. Наконец он подбадриваемый ими снова начал движение в сторону своей матери. Достигнув через несколько шагов пределов заветного низкого столика он уперся в него обеими руками и вопросительно посмотрел на свою мать. В его глазах было столько довольства от того, что он наконец-таки дошел до самой главной цели своего первого долгого пути что все невольно заулыбались. Не смог скрыть своего удовлетворения даже Мухамад-бей – довольная улыбка пробежала по его лицу и застыла на ней. Глаза отца радостно блестели. Его сын успешно по-

шел по земле. Он хорошо помнил слова сказанные ему однажды Али-беем.

- Когда рождается человек люди смотрят у него между ног, мужчина он или нет. Потом все смотрят уже не между его ног, а на следы оставленные этими ногами. Вот они и говорят всем был ли он на самом деле мужчиной или нет.

Запомни Мухамад-бей, добавил он почему-то тогда. Всевышний многим дает возможность родиться мужчиной, но не всем из них он дает возможность мужчиной и умереть.

Такое право дано только избранным. Увидев как начал свой путь его сын Мухамад-бей почему то вспомнил эти слова. В последнее время он часто думал об Али-бее. Жизнь все ближе и ближе сводила их дороги и они должны были скоро пересечься. Где и как он не знал. Знал только, что их пересечение будет какой-то катастрофой. И для Али-бея и для него самого. Знал, но ничего уже поделать не мог. Жизнь повела его по той дороге откуда не было обратного пути.

Все собравшиеся в комнате радостно заулыбались от того что малыш в конце концов доковылял до столика за которым ждала его Фагуда.

Он дошел до своей цели, оперся двумя руками о стол, оглянулся по сторонам соображая, что делать дальше. Фагуда начала словами и жестами подсказывать ему, что он должен взять в руки какую-нибудь из игрушек, лежавших на столе. Малыш долго думал не в состоянии понять, что хотят от него взрослые так упорно требующие от него что-то странное и ему непонятное. Затем он посмотрел вокруг себя, радостно заулыбался и не взяв в руки ничего из того что лежало на столе обошел его и протянул руки в сторону Нафисы.

Цаца стоявшая рядом с Фагудой подхватила малыша и поставила его снова напротив стола где лежали игрушки. Все снова начали дружно подсказывать ему что он должен взять что-то из того что лежит перед ним, но все повторилось вновь. Малыш ничего не взял и снова протянул руки в сторону Нафисы. Все немного растерялись не зная что делать дальше. Одна Мариам поняла все по своему смысл происшедшего и сделала вывод.

- Малыш еще не определился, что он хочет, давайте сядем за стол, поедим сами, затем Фагуда покормит его и мы повторим все вновь. На этом и порешили.

Услышав ее слова встал со своего места Мухамад-бей и ничего больше не говоря вышел. Ему явно не понравилось, что его сын так и не сделал свой выбор.

Задумчивым стало и лицо Нафисы. Ее смутило все то что она увидила. Более того, какое-то недоброе предчувствие охватило ее от всего того, что она не смогла понять сути происшедшего.

Нафиса никак не могла понять и другого. Почему каждая ее встреча с Мухамад-беем вызывает у нее настороженность и какое-то неосознанное чувство тревоги. Она хорошо помнила, что Али-бей очень хорошо относится к Мухамад-бею. Он выделил его из общей массы мамлюков, возвысил его, и даже сделал его своим приемным сыном, а затем и зятем. Каждый раз Султан подчеркивал свое особое отношение к нему и как к сыну и как к зятю. Все это Нафиса знала. Не знала она только одного. Почему всякое не только общение, а даже упоминание имени Мухамад-бея вызывало у нее такие странные чувства. Особенно усилилось это ощущение в последнее время. Ей почему-то даже начинали сниться всякие кошмары среди которых отчетливо мелькало несколько раз лицо приемного сына ее мужа. Вот и сейчас она видит как радостно улыбается он глядя на первые шаги своего сына и наследника, а в душе у Нафисы тревожно как будто она видит не улыбающееся лицо любимца своего мужа, а тень неслышно надвигающейся на нее темной тучи. Почему возникают у нее такие чувства не может сказать и сама Нафиса. Как не может сказать она и того почему такие же мысли возникают у нее при виде еще двух видных военноначальников мамлюкского войска Назымбия и Фатхи-бея. Она хорошо знает их обоих. Видит в их глазах только добрые искры. Почему же при их виде у нее ползет какой-то холодок по телу Нафиса не может понять никак.

В отличии от Нафисы Мариам такие мысли не посещают. Ее молодость и красота заставляют удачу улыбаться ей каждый день. Сомнения редко посещают женщину пока она молодая, красивая и счастье каждый день улыбается ей. Мариам счастлива по особому. Так могут быть счастливы только люди увидевшие своими глазами, что такое ад и шагнувшие из этого ада прямо в рай.

Что нужно еще женщине которую любит мужчина. Не просто мужчина, а великий человек. Что нужно ей если она любит сама, у нее прекрасный ребенок. Мариам довольна всем и просит в своих молитвах Всевышнего совсем о не многом.

Здоровья и долголетия ее мужу и дочери Гатисе. И еще чтобы она смогла подарить Али-бею его наследника. Она уже знает что у нее будет ребенок. Она чувствует его уже каждый день и каждый час.

Теперь она просит Аллаха только об одном. Чтобы это был мальчик. Мальчик который вырастет в мужчину достойного имени своего отца. И чтобы Гатиса вышла замуж когда подойдет тому время и была такой же счастливой как она сейчас.

Сама Гатиса сидит на стуле. Цаца и Астанда расчесывают большим деревянным гребешком ее волосы.

Волосы у Гатисы удивительные как и вся она.

Девочка смогла собрать в себе все самое лучшее и самое красивое, что было в облике ее матери и отца.

Когда она поднимает свои громадные, но еще по детски наивные глаза то в их бездонной синеве уже сейчас может утонуть не один мужчина. Кожа ее лица белая как у матери, а вот волосы с рыжевато-золотистым оттенком как у отца. Они сбегают по ее плечам словно легкая волна бежит по глади воды в тихую солнечную погоду.

Цаца и Астанда расчесывают ее волосы и напевают ей что-то на незнакомом, но до боли родном для нее абхазском языке.

Закончив очередной куплет старинной народной песни они переводят ей ее слова. Услышав перевод Гатиса радостно улыбается и спрашивает их.

- А когда Вы научите меня говорить на абхазском языке. Он такой трудный, но очень красивый.

- Подожди немного принцесса отвечают те, как только твоя мать разрешит тебе пожить вместе с нами несколько месяцев то мы за это время обязательно научим тебя твоему родному языку. Языку на котором говорит твой отец великий Али-бей, языку на котором говорили его отец и его мать.

Говоря все это Астанда гладит девчонку по плечам словно стараясь внушить ей уверенность в том что все будет именно так как она говорит.

Когда Нафиса смотрела на Астанду тихонько напевавшую старинную абхазскую мелодию ее неожиданно осенила интересная мысль.

- А что если Астанду выдать замуж за Умара.

Умар давно говорил что женится только на абхазке или абазинке. Говорил он это исходя только из одной цели. Если мать его детей не будет абазинкой или абхазкой то они вырастая в чужом краю никогда не заговорят на языке его предков. Если не заговорят на родном языке они тем более не будут знать его и их дети. Абазины недаром говорят

- Потерявший родной язык теряет Родину.

Умар несколько раз ходил на невольничий рынок, но так и не нашел там ничего для себя подходящего.

Астанда высокая, подстать Умару девушка. Она довольно миловидна и умна. Хорошо готовит, хорошо воспитана, вышла из хорошей Абхазской фамилии Аргун.

Нафиса знает, что у абхазов впрочем как и у нее на Родине большое внимание уделяется фамилии. Девушке из фамилии имеющей темные пятна не так легко выйти замуж. В народе Абаза шлейф его фамилии долго тянется за человеком вплоть до самой его смерти.

Конечно это очень часто не справедливо.

Плохих фамилий и плохих народов не бывает. Бывают плохие люди. Но убежденность в наличии плохих народов и плохих фамилий есть у многих народов. Есть она и у народа Абаза. Род Аргун один из самых уважаемых в Абхазии. В истории этого рода есть только славные страницы. Страниц накладывающих тень на него у этой фамилии нет.

Идея возможности обустройства судьбы Умара которого она любила как родного сына немного отвлекли Нафису от мрачных мыслей которые будоражили ее голову несколько минут назад.

Теперь все ее внимание было сосредоточено на изучение Астанды, особенностей ее поведения, речи, взгляда. Она как придирчивая свекруха анализировала каждую деталь ее поведения вплоть до того как она говорит, смеется, ходит или сидит. Нафисе понравилось, что девушка часто улыбается, двигается легко, смотрит открыто. Она озорна и мила в своей непосредственности. Такие как она умеют делать мужчин счастливыми даря им радость своего восприятия окружающего мира. Тем временем Астанда накрывала стол. Движения у нее ровные уверенные, праворные. В них нет ни суеты ни поспешности. Стол как всегда накрыт в чисто абхазском стиле. На льняной скатерти дымится мамалыга, искрится золотистым оттенком слегка прожаренное копченное мясо. Рядом с тарелками с мамалыгой стоят подносы с нарезанным копченным сыром и большие вазы с разными травами. Небольшие чашечки с аджикой стоят напротив каждого кто сядет за стол. Рядом с ними большая чаша с топленным маслом. Астаида берет из него небольшие куски и ложит сверху на теплую мамалыгу предварительно сделав углубление в душистой горке небольшой деревянной ложкой. Топленное масло тает в горячей массе мамалыги и на верху белого холмика образуется небольшое золотистое расплавленное пятно.

Астанда увидела пристальный взгляд Нафисы, немного смутились, но затем подлетела к ней и как-то совсем по детски улыбаясь спросила.

- Я что-то сделала ни так, госпожа, Вы скажите, я все исправлю.

Искренность с которой говорила она и доброта тона ее голоса совсем покорили Нафису. Она повелительным жестом потребовала чтобы Астанда подошла к ней ближе, затем протянула к ней руку и погладив по плечу смутившуюся девушку сказала.

- Нет. Астанда ты хорошая. Мне все нравится все что ты делаешь. Настолько нравится что я вот думаю а не сделать ли тебя своей невесткой.

Астанда замерла услышав такие слова и не до конца поняла их смысл сразу же вспомнив что у Нафисы нет ни сына ни брата. Тем временем Нафиса продолжала все тем же ровным теплым голосом.

- У меня есть человек который называет меня «нана». Ты лучше меня знаешь что значит на Вашем языке это слово. Я его тоже считаю своим сыном. Зовут его Умар.

Имя Умар ничего не сказало Астанде, но она продолжала слушать Нафису с легким замиранием сердца.

- Умар абазин, продолжала та. Он высокий, красивый и добрый. Я думаю он сделает тебя счастливой, а ты сможешь сделать счастливым его. Ну что, моя хорошая мы договорились с тобой закончила свою мысль Нафиса и вопросительно посмотрела на Астанду.

Та еще больше смутилась и растерянно ответила.

- Я сделаю все как скажет мне моя госпожа.

- Вот и хорошо отвечала Нафиса и еще раз погладив совсем растерявшуюся девушку по руке показала ей, что она может идти и заниматься дальше своими делами.

Астанда пошла к столу где ее ждала неотложная работа, но теперь её движения стали не уверенными, взгляд рассеянным. Все её сознание заполнило имя Умар. Оно звучало добро и не вызывало у нее тревоги. Сердце подсказывало ей что этот человек никогда не обидит ее.

Нафиса улыбается вместе со всеми, но на душе у нее тревожно. Улыбка на ее лице больше для приличия чем от естественной радости. Она искренне любит и Фагуду и ее ребенка, но сперва странное выражение глаз Мухамад-бея, а затем и то что его сын так и не сделал своего выбора озадачили её. Она силилась понять, что значило все это и никак не могла придти к какому то конкретному выводу. Пока раздумья гуляли по ее уже седеющей голове малыш успел пообщаться со всеми кто находился в комнате. Он по очереди побывал на руках Мариам, Цацы, Астанды и даже Гатисы. Ко всем шел с радостной улыбкой как к родной матери.

Все с удовольствием общались с ним. Да как было не радоваться общению с таким красивым и ласковым ребенком.

Наконец Фагуда снова поднесла его к Нафисе. Малыш сидевший у нее на руках радостно дрыгал ногами и забавно махал руками. Если бы художник хотел написать картину об истинном счастье то, наверное, он нарисовал бы именно такую картину. Молодая, красивая мать, удивительно обаятельный малыш у нее на руках и радостно улыбающиеся им близкие люди. Когда Фагуда протянула малыша Нафисе то он радостно будто всю свою жизнь ждал этого момента потянулся к ней. Когда Нафиса взяла его на руки он обнял ее и прижался к ней всем своим теплым телом которое пахло еще молоком его матери.

Всевышний давным давно отнял у Нафисы ее детей.

За долгие годы жизни без них она уже отвыкла от радости которую дарит человеку каждый миг общения с ними.

Теперь же когда малыш так искренне и радостно обнял ее и прижался к ней всем своим маленьким беззащитным телом ей стало как то совсем тепло и уютно. Она почувствовала вновь как прекрасна жизнь когда в ней есть люди ради которых хочется жить.

Теплое чувство разлившееся по всему ее телу заслонило собой все ее сомнения и тревоги. Она встала со своего места, прижала малыша к себе и долго долго ходила с ним по комнате. Стол был уже накрыт. Мамалыга стыла в тарелках, а она все ходила и

ходила по комнате обняв неожиданно упавшее ей в руки счастье. Все стояли и ждали когда она насытится общением с малышом не смея спросить ее можно ли всем садиться за стол.

С того дня Нафиса стала частым гостем в доме Мухамад-бея и даже тогда когда она чувствовала себя не очень хорошо она посылала кого-нибудь к Фагуде с просьбой приехать к ней вместе с малышом.

Теперь ее жизнь приобрела новый смысл и она не хотела терять даже на один день тот последний кусочек счастья., что подарил ей Всевышний. Время безжалостно забрало у нее все что у нее было до этого. Сперва детей, затем любимого мужчину, а затем и молодость и красоту. Этот малыш и его мать - было все что дала Нафисе ее судьба взамен того, что она отняла у нее за сорок лет ее нелегкой жизни. С тех пор как сын Мухамад-бея обнял ее, прижался к ней и так искренне улыбался показывая ей свой почти еще беззубый рот жизнь Нафисы перевернулась.

Раньше все краски вокруг нее были или белые или черные.

Теперь окружавший ее мир стал каким-то другим. Светлым, радостным, томившим ее сладким ожиданием встречи с человечиком который снова сделал ее счастливой.

Она всегда помнила, что время забрало многое из того, что было когда-то у Нафисы. Сперва она потеряла свободу, затем Родину. Потом пришла очередь ее детей. Чуть позже она потеряла и любимого человека. Али-бей был как прежде ее мужем и другом, но в сердце у него жила уже другая женщина. Нафиса смирилась с этим. Мариам была молодая красивая. Что могла сделать она когда годы унесли и ее красоту и ее молодость. Унесли в никуда. Как будто их и не было никогда.

Она давно смирилась с мыслью о том, что жизнь ничего не может уже ни дать ни забрать у нее.

И вот неожиданно для нее появился этот маленький, улыбающийся кусочек жизни, который вцепился в нее своими розовыми пухлыми ручонками и не хотел отпускать ее. Он не хотел уходить от нее ни к кому, смотрел на нее радостными глазенками и все время норовил погладить ее по щеке. Он не пошел даже к матери когда та боясь, что он утомил Нафису хотела забрать его.

Когда малыш прижался к ней она явственно почувствовала не только вкус материнского молока которым только что накормили

его, но и запах Али-бея - первого и последнего мужчины в ее жизни. Она сперва поразилась этому, но потом поняла - он племянник Али-бея и в его маленьком теле бурлила та же кровь, что и в могучем теле его великого дяди.

Нафиса не знала что это – последний подарок судьбы или мираж мелькнувший в бесконечной пустыне ее жизни вдалеке от Родины. Она и не хотела знать этого.

Теперь для нее главным было не это. Главным было совсем другое. Она желала теперь только одного чтобы мираж мелькнувший перед ее глазами не исчезал как можно дольше Она хорошо знала что жизнь любого человека созданного Всевышним сплошной мираж и что любой мираж сперва манит, а затем исчезает.

У счастливых людей мираж стоит перед глазами всю их жизнь и они даже не догадываются что это мираж. Такие как она хорошо знали как мимолетно это видение. Знание того, что все в жизни мираж и ожидание часа когда этот мираж закончится было их несчастьем.

Так они и жили. Все понимая и ожидая.

АГАБЕК

Примерно через неделю после приезда из Египта Агабек засобирался в гости к Фазылбеку. За прошедшую неделю он успел отдохнуть, решить массу накопившихся за время его долгого отсутствия проблем и тщательно обдумать все ньюансы его переговоров с Али-беем.

Фазылбек был старше Агабека и потому обычай требовал чтобы именно он навестил Фазылбека как старшего по возрасту. Селение Фазылбека находилось в соседнем ущельи.

Летом туда легко можно было попасть через перевал соединявший два параллельно идущих ущелья. В такое время года дорога занимала меньше чем полусуток. Теперь приближалась зима. Теперь все было по другому. Дорога через перевал соединявшая их ущелья была довольно опасной. В это время года с неба падали частые дожди. По обе стороны гор где проживали Сирийские курды дожди были довольно редким явлением и зимой и летом. Здесь же в конце осени они шли порой по нескольку дней подряд.

Луга и пастбища становились от этих дождей обильными и щедрыми. Скота у курдов в горах было много. Коровы и барашки являлись главным богатством народа.

Сочная трава кормила многочисленный скот горцев. Те в свою очередь кормили семьи своих хозяев. Мясные и молочные продукты составляли основу питания курдов в этих краях.

Таким образом дожди приносили немалую пользу хозяйству курдов. А вот дороги в горах при такой погоде становились малопроходимыми и очень опасными. Потоки дождевой воды размывали склоны гор откуда в любую минуту могла сойти лавина из камней и потоков грязи. Эти лавины поглотили уже не мало жизней отчаянных храбрецов осмелившихся пойти по опасным горным дорогам в такое время. После недолгого раздумия и недолгих споров Агабек и его спутники среди которых был и Салман медведь решили идти кружным путем. Решено было сперва спуститься по своему ущелью вниз до равнины, а затем пройдя некоторое расстояние по ней войти в соседнее ущелье и подняться вверх вдоль русла небольшой но довольно бурной горной речки до самого селения в котором жил Фазылбек и где начинались его родовые владения. Согласно достигнутой ранее договоренности Фазылбек и Агабек распределили между собой ряд вопросов без решения которых начинать выступления против Великой Порты было бесполезно. К тому времени Турецкая империя теряла потихоньку свое былое могущество, но была еще довольно сильным игроком в Ближневосточном регионе. Теперь она во многом зависела от воли двух Великих Европейских государств - Англии и Франции которые видели смысл поддержания Турецкой империи на плаву только для одной цели.

Великая Порта нужна была им только как фактор сдерживания все более возрастающего влияния и могущества России в этом регионе.

Было очевидно, что если не остановить сегодня Русского медведя то он вскором времени проглотит пол Европы и немалые просторы Азии. Британия видела во всем более возрастающем могуществе России угрозу своим жизненно важным интересам в Индии. Индия была жемчужиной Британской империи и ее потеря могла стать началом распада этой величайшей империи. Франция видела угрозу со стороны России в ее стремлении по-

глотить Пруссию, часть Австро Венгрии и земель Апснинского полуострова.

Исходя из этих факторов Англия и Франция поддерживали до поры до времени интересы Османской империи. Задача курдов на Первом этапе состояла в том чтобы как-то нейтрализовать влияние возможных союзников Турции в этом регионе и привлечь поэтапно на свою сторону сперва мощь Российской империи, а затем и интересы Англии и Франции.

Задачу привлечения на свою сторону мощи и влияния Англии и Франции предполагалось решить через шейха Дагира и правителей Ливана и Сирии. С этой целью к шейху Дагиру должны были выехать Фазылбек и один из влиятельных курдских вельмож Сафарбек имевший родственные связи с домом шейха Дагира. Шейх Акки был очень влиятельным правителем в этом регионе и мог оказать содействие в установление контактов с правителями Ливана и Сирии. Суть дела была в том, что Франция традиционно имела определенные интересы в этом регионе где проживало значительное количество потомков крестоносцев Французского происхождения. В целях защиты их интересов Французские короли многие века поддерживали дружеские отношения с правителями Сирии и Ливана. Этот фактор и хотели использовать Фазылбек и его сторонники.

Дорога в горах опасна всегда. Особенно поздней осенью и зимой. Копыта лошадей скользят по мокрым камням устилающим дорогу. Лошади испуганно косят глазами в сторону обрывов на дне которых бурлит горный поток, беспрестанно шевелят ушами чутко улавливая все звуки которые могут нести хоть малейшую опасность путникам спешащим вниз по узкой извилистой дороге.

Агабек едет с Салманом-медведем. Салман по своей природе молчун. Из него и слова не вытянешь без того чтобы два три раза не спросить его о чем-то. Потому они едут в основном почти ни о чем не разговаривая.

Сзади них так же молча едут два сопровождающих их молодых воина. Агабеку в Курдистане особая охрана не нужна. Здесь его охраняет его имя и имя его отца. Отец Агабека был в свое время одним из самых богатых и знатных беков этого края. Как вся знать большинства народов населявших громадную территорию Великой Османской империи он служил в Турецкой армии. Получил высокое звание паши. Жили тогда они в Стамбуле и владели обширными территориями в Курдистане которые подарены были его отцу самим Султаном за особые заслуги перед империей. Заключались эти заслуги в том, что он огнем и мечом прошел по Болгарии и Валахии и в самый короткий срок подавил волнения в этих краях.

Чуть позже когда началось очередное восстание в Восточном Курдистане его послали подавлять этот бунт во главе большой тридцати тысячной армии. У повстанцев была плохо вооруженная слабо организованная армия. Всего около десяти тысяч человек.

Все они были храбрыми воинами, но никто из них не имел даже малейшего представления о военном искусстве, стратегии и тактике ведения боевых действий. Силы были неравные. Армия Мехти паши как звали отца Агабека была вооружена пушками и современными ружьями стрелявшими в три раза дальше допотопных кремлевок которыми вооружены были курды. Пушек у них не было вообще. Мехти-паша понимал, что армия курдов будет разгромлена в первом же сражении и прольется масса напрасной крови. Сами же курды были уверены что их храбрости должно вполне хватить для того чтобы разбить в пух и прах турецких янычар. Они готовились к решающему сражению и были уверены в своей безоговорочной победе.

Их наивная вера в свои силы была настолько сильна, что они даже не считали нужным уклониться прямого столкновения с неприятелем во много раз превосходившего их по численности, организованности и уровню вооружения. Они были уверены в том что их знаменитая курдская конница которой не было равных в этих краях сметет со своего пути всю армию турков и обратит их в бегство. Они даже не понимали того, что их знаменитые всадники даже не дойдут до неприятеля и будут повержены смертоносным огнем тридцати современных английских пушек стоявших позади первых рядом янычар. Так было в Валахии, так было в Сербии, так было в Болгарии которые до сих пор оплакивали тех своих храбрецов кто с саблями понесся навстречу смерти извергаемой этими орудиями. Так было бы и здесь.

Мехти-паша был турецким генералом, но в первую очередь он был курдом и проливать понапрасну кровь своих соотечественников он не хотел. Потому он предложил повстанцам выйти на переговоры с тем чтобы как то попытаться избежать большого

кровопролития. На переговоры он пошел сам взяв с собой трех офицеров из своего окружения – то же курдов.

Переговоры шли долго, трудно и закончились тем, что Мехти –паша и сопровождавшие его офицеры перешли на сторону повстанцев и возглавили их армию. Новый предводитель армии повстанцев перешел на тактику партизанской борьбы где теряли свою решающую силу и английские пушки и дальнобойные ружья турков.

Султан Ахмет III был в ярости. Семьи Мехти-паши и сопровождавших его офицеров оказались в тюрьме. Их ждал суд. Дворец и владения Мехти-паши были конфискованы и перешли в казну Султана. Брошен был со всеми в тюрьму и Агабек которому едва исполнилось в ту пору одиннадцать лет. Их не казнили только потому что Мехти-паша прислал письмо Султану в котором было сказано, что если кто-то из его семьи или из семей его офицеров будет казнен он вырежет в ответ население стольких же турецких сел сколько будет казнено членов их семей.

В конце письма он добавил что если Султан проявит милосердие и выпустит на свободу членов их семей он отпустит в ответ более двухсот пленных янычар и турецких офицеров и обязуется в дальнейшем воевать только с регулярной турецкой армией не затрагивая мирные турецкие селения. Ахмет III принял его предложение. Семьи Мехти-паши и других офицеров были выпущены на свободу.

У них не было теперь ни дома, ни денег ни даже нормальной одежды. Жили они с тех пор на территории порта куда сердобольные горожане приносили скудное подаяние для нищих и бездомных. Впрочем даже нищие и бездмные турки относились к ним с нескрываемой ненавистью, как к членам семей предателя интересов империи.

Мехти-паша долго и совсем не без успешно боролся с турецкой армией. Он научил курдов тактике партизанской борьбы, вооружил часть их современным оружием добытым у противника и имел немало громких побед над многочисленными турецкими войсками.

Его армия росла, расширяла территорию подконтрольную ей.

Так было до тех пор пока турки не нашли людей из окружения Мехти-паши. Они предали его.

Говорят Мехти-паша сражался до последнего с саблей в руках отбиваясь от наседавших его врагов. С саблей в руках он и погиб.

Когда Султану донесли о смерти Мехти-паши и преподнесли ему в подарок его голову он распорядился похоронить тело Мехти-паши с воинскими почестями. Ахмет III сам был воином и человеком чести, а такие люди не могут не уважать силу духа воина если даже он был его враг.

К тому времени из семьи Мехти-паши остался один Агабек. Мать и две его сестры умерли не выдержав испытаний которые послала им судьба. Сам Агабек которому к тому времени исполнилось 17 лет пошел на службу к шейху Омана где начал охранять его караваны везущие дорогие товары в Сирию и в Палестину. Служил он у него несколько лет пока однажды не остался в пустыне с тяжелой раной брошенный и своими и разбойниками напавшими на караван. Его подобрал случайно проезжавший по этой дороге бедуин. Он погрузил его на верблюда и отвез в свое селение. Здесь его поставили на ноги. Здесь он и узнал что разбойники напавшие на его караван были курдами. По его просьбе бедуин показал ему дорогу в курдское селение где жили те кто чуть не лишил его жизни. Так попал он в родные края. Оказалось, что большинство курдов хорошо помнили его отца. Многие воевали под его командой. Сын народного героя нашел почет на Родине своего отца.

Курдская знать сразу и безоговорочно приняла его в свои ряды. Никто не посмотрел на то что он ничего не имеет как птица небесная. Имя его отца значило гораздо больше чем все богатства которые могли быть у него. На первых порах все совместно построили ему дом. Дом подходящий имени его отца. Затем все вместе обставили его тем минимумом мебели которая нужна была такому дому. На этот раз беки действительно не скупились.

Кто подарил корову, кто быка, кто барашек, кто домашнюю птицу.

Все вместе выбрали ему невесту из знатного курдского рода. Все вместе сыграли свадьбу.

Потом уже когда он встал на ноги и мог обеспечить себя и свою семью сам он купил землю и построил новый дом. Старый дом тоже очень добротный он продал по бросовой цене своему другу Салману медведю.

Теперь у него росли две дочки и два сына. Одного из них в память об отце – герое Агабек назвал Мехти. Было его сыновьям к

тому времени 12 и 14 лет. Скоро они должны были стать воинами и надежной опорой отца.

Тем временем дорога вышла на равнину. Здесь как всегда было тепло и уютно. Сквозь редкие облака светило ласковое солнце. Ощущение покоя и блажества охватывало каждого кто выходил из мрачных теснин горного ущелья на тихие просторы бесконечных Сирийских равнин.

Резкий контраст изменившихся картин окружавшей их природы был настолько разителен и впечатлителен что даже всю дорогу молчавший Салман медведь невольно воскликнул.

- Ух ты!

После чего еще раз осмотрев спокойную умиротворяющую картину бескрайних полей восхищенно добавил.

- Бывает же.

Услышав его слова заулыбался даже Агабек. Он знал что такие слова и такие эмоции это тот максимум на который способна была добрая, но немногословная натура его верного друга и спутника.

Поля были уже убраны и потому теперь было хорошо видно, что земля здесь какого-то неестественного красноватого оттенка.

Когда смотришь на эту землю издалека такое ощущение что это не земля, а плотно слежавшийся песок и лишь ярко зеленая трава да многочисленные деревья по краям полей подсказывает человеку что это не пустыня, а благодатная земля.

Земля которая рожала лучшую пшеницу в мире. Пшеницу которую закупала вся Европа особенно Итальянские города где делали из нее особые сорта спагетти. Там хорошо знали что самое качественное спагетти можно сделать только из пшеницы выращенной на Сирийской земле. Урожаи пшеницы здесь отменные и потому земли эти имеют особую цену. Цена ей жизни многих людей которые хотели быть ее хозяевами.

К вечеру второго дня Агабек и его спутники были уже во владениях Фазылбека где их уже ждали.

Всю дорогу у Агабека было хорошее настроение. Его переговоры с Али-беем прошли более чем успешно и потому ему было что рассказать Фазылбеку и остальным Курдским бекам.

Али-бей хорошо знал имя его отца и потому принял его с особым почетом и вниманием.

Агабек нашел точки соприкосновения их интересов и сумел убедить знаменитого Султана протянуть им руку помощи. Он правильно оценил ситуацию когда общий враг объединяет больше чем общие друзья.

Агабек полагал, что он сумел привлечь на свою сторону Али-бея. В то время как сам Али-бей давно уже был готов к такому сотрудничеству и сам ждал только удобного момента для того чтобы наладить тесные союзнические отношения которые могли принести пользу обеим сторонам.

Сейчас Агабека волновал другой вопрос. Сумел ли Фазылбек склонить к союзничеству шейха Дагира, справедливо полагая что успех Фазылбека на переговорах с шейхом Дагиром будет иметь не меньшее значение чем итоги его переговоров с Али-беем.

Вскоре стали видны далекие очертания домов манивших уставших от долгой дороги путников теплыми струйками дыма уходившими прямо в небо.

Ущелье в котором находилось селение Фазылбека было намного шире и просторнее чем ущелье где жили Агабек и Салман медведь. Здесь имелось значительно больше пахотных земель и отлогих пригорков пригодных для пастбищ. Благодаря влажному умеренному климату здешних мест склоны гор до сих пор находились под еще густым покровом зеленой сочной травы. Само селение Фазылбека намного больше чем их родное село. Оно раздольно раскинулось посредине широкой горной долины и почти всегда купается в потоке неяркого солнечного света. Дома здесь побольше и повыше. На пологих склонах окрестных гор видны разбросанные по многим местам тучные стада коров, баранов и лошадей. Из-за высоких глиняных заборов многих дворов слышен глухой раскатистый лай сторожевых псов. Судя по их гулким голосам это очень большие собаки которыми местные жители охраняют свои стада, дома и хозяйственные постройки. В селении у Агабека тоже громадные сторожевые псы, но таких высоких заборов нет ни у кого кроме его самого и Салмана медведя.

Часть посланных навстречу Агабеку молодых воинов вернулась назад и известила Фазылбека о приезде гостей. Тот вместе с несколькими знатными беками вышел из дома и ждал гостей у ворот своего дома. Он хорошо помнил старинную курдскую пословицу. Холоп встречает у двери бек у ворот. Дом у Фазылбека был большой, двухэтажный.

Двор обширный ухоженный. Прямо за домом который больше напоминал крепость чем жилой дом стояли многочисленные хозяйственные постройки. Там же находились два просторных загона. Один для крупного рогатого скота, другой для коз и барашек. Вся территория двора Фазылбека была обнесена высокой каменной стеной. Вдоль стен забора бегали по цепи псы. Нежданный гость в такой двор не попадет никак. А если и попадет то уже не выйдет целым никогда.

Фазылбек искренне рад приехавшим гостям. Он с нетерпением ждет новости которые привез с собой его посланник к Алибею. Согласно курдскому обычаю гостя нельзя ни о чем спрашивать пока он не отдохнет, не приведет себя в порядок, вволю не поест и не попьет. Слуги отвели гостей в заранее отведенные им комнаты, принесли воды и большие медные тазы чтобы они могли умыться и обмыться.

Когда гости привели себя в порядок их уже ждал большой праздничный стол во главе которого сел Фазылбек как хозяин дома.

На столе много мяса, молочных продуктов, овощей и фруктов. Спиртных напитков на столе нет.

Курды проживающие в этом ущелье мусульмане сунниты строго придерживающиеся требований корана. Зато в изобилии стоит на столе буза – домашнее пиво сваренное из проса. Пить бузу коран не запрещает. За столом сидят Фазылбек, Агабек, Салман медведь и специально приехавший для встречи с ними Салимбек и Амирхан из двух отдаленных курдских племен. Предводители этих племен говорят на языке сорани. Они посланы южной группой племен для того чтобы оговорить основные условия планируемого союза и роль которая будет отведена этим племенам в случае победы планируемого выступления. Главным условием этого соглашения является требование чтобы в случае завоевания независимости курды исповедывающие ислам суннитского толка не требовали от них отказываться от их традиционного шитского вероисповедания. Помимо этого на переговорный уровень вынесен ряд еще других условий в том числе и щекотливый вопрос представительства курдов шиитов и курдов изидов в руководстве будущего Курдистана.

Существовал еще ряд других вопросов которые хотели представители южных племен обсудить в предварительном порядке с Фазылбеком и Агабеком.

Салим бек и Амирхан приехали к Фазылбеку за сутки до приезда Агабека.

Они успели уже обсудить многие вопросы и прийти к ряду предварительных соглашений в том числе по главным из них.

- Каждое племя и каждый род вправе придерживаться той религии которую исповедовали их деды и прадеды.

Курды сорани будут в достаточной мере представлены в органах управления будущего Курдистана.

Праздничное застолье для гостей было совсем недолгим. Всех волновал вопрос который предстояло обсудить им. Все ждали что скажут их собеседники. Хозяин выполнял требования обычаев курдов по приему гостей. Пока он заботился не столько о самой сути вопросе ради которого собрались они сколько о необходимости соблюдения традиций установленных его дедами и прадедами.

Несколько раз подняли деревянные чаши наполненные пенистой бузой. Сказали как полагается слова о Родине, отцах и матерях. Не забыли сделать добрые пожелания гостям, хозяевам, дому который дал им сегодня кров и пищу. Закончив в ускоренном темпе обязательную часть требований этикета по приему гостей Фазылбек без лишних вступительных слов перешел к вопросу ради которого собрались сегодня гости за его столом.

Для начала он коротко рассказал присутствующим об итогах своих переговоров с Правителем Палестины шейхом Дагиром.

Уже с первых его слов стало ясно, что переговоры прошли удачно и Фазылбек доволен их итогами. Так оно на самом деле и было. Шейх Дагир принял Фазылбека со всеми возможными почестями. Тем самым он подчеркнул важность для обоих сторон вопросов которые предполагалось обсудить на этой встрече. Фазылбек был опытным политиком и сразу же понял, что шейх Дагир настолько же заинтересован в установлении плотных союзнических отношений с курдами как и сами курды. Он твердо пообещал выступить в качестве посредника между лидерами курдов и Францией.

Новость о том что Франция может стать союзником курдов в их предстоящей схватке с турками воодушевила всех и особенно Агабека. Услышав эту новость он не скрывая своих эмоций радостно вскликнул.

- Франция мощное государство. Если она вцепится в горло Турции то Османской империи не поздоровится. Он нее клочки полетят во все стороны. Империя развалится как домик из песка, радостно воскликнул он.

Выслушав до конца восторженную тираду Агабека Фазылбек после некоторого раздумия заметил.

- У арабов есть такая пословица

«Если крокодил собирается съесть твоего врага это не значит что он стал твоим другом». Не лезь к нему обниматься. Вслед за твоим врагом он может съесть и тебя.

Лицо Агабека услышавшего последние слова Фазылбека стало задумчивым. Немного поразмыслив над словами старшего товарища он сделал свой вывод.

- Обниматься с французами может быть на самом деле опасно. Я думаю нужно только помочь им сделать свою работу столкнув их интересы с интересами турков.

- Столкнуть их мы наврядли сумеем отвечал ему Фазылбек, но сделать так чтобы Франция стала заинтересованной в нашей победе вполне реальная задача.

В свое время Фазылбек долгое время состоял на дипломатической службе. Он как и отец Агабека дослужился до звания паши. Был заместителем командира корпуса янычар что располагался в глубине Балканского полуострова. Во время одного из сражений с армией повстанцев он указал на ошибочность плана сражения выбранного командиром корпуса. Командир выслушал его мнение и холодно ответил.

- Ты сказал. Я услышал. Будешь командовать тогда когда Султан доверит тебе такую честь. Пока он доверил эту честь мы и все будет так как скажу я. Тебе только тридцать пять лет. У тебя еще все впереди с усмешкой добавил он.

Сражения было проиграно. Неприятель нанес удар именно там и именно тогда как и говорил Фазылбек.

Когда военный министр устроил разбор «полетов» командир корпуса всю вину за позорное поражение свалил на Фазылбека.

Командир был турок. Он курд. Турки поверили турку. Он был наказан. Обиженный незаслуженным наказанием Фазылбек подал в отставку. Его отставку приняли. Вскоре турецкому правительству потребовался человек который знает в совершенстве английский

язык и является военным – званием не ниже паши. Выбор пал на Фазылбека и он с дипломатической миссией выехал на Британские острова. Так вошел он в дипломатический корпус Турецкой империи.

Фазылбек в совершенстве говорил на 4 языках. Турецком, курдском, английском, и арабском. Об этом позаботился в свое время его отец Магерам. Магерам был богатым землевладельцем. Богатым но не особо грамотным. Этот изъян постоянно терзал его самолюбие. Он чувствовал свое бессилие изменить что-то в этом вопросе и решил взять реванш и у друзей и у жизни дав особое образование своему сыну. Так он и сделал. С детства в их доме жили учителя обучавшие его языкам, математике, географии и другим премудростям.

Фазылбек был прилежным учеником. Учился он легко и с удовольствием. Результат не заставил себя долго ждать. Когда ему исполнилось чуть более 20-ти лет его считали уже одним из самых грамотных людей в Курдистане.

Знание языков и хорошие природные данные позволили Фазылбеку сделать быструю карьеру на дипломатическом поприще. В скором времени он уже был специальным посланником Османской империи в Австро-Венгрии, а затем и в Испании. Карьера его так же стремительно закончилась как началась. Как всегда не обошлась без доброжелателей. Напуганный все более возрастающим влиянием Фазылбека на многие внешнеполитические факторы Великий визирь Блистательной Порты сплел паутину заговора против него.

После провала переговоров с Россией его обвинили в грехах о существовании которых он не знал и сам. Он не имел никакого отношения к самим переговорам, но Султану представили дело так что именно его действия способствовали провалу переговоров. Он понимал, что оправдываться перед Султаном бесполезно и потому ему ничего не оставалось кроме как снова подать в отставку. Великий Визирь торжествовал. Фазыл-бек уехал к себе на Родину и полностью отошел от политической деятельности.

Как оказалось впоследствии не надолго. Пришло время и он снова окунулся в политику. Только теперь уже не во благо Турецкой империи а в интересах родного Курдистана. Бесценный опыт приобретенный им во время его пребывания в Лондоне, Вене и

Мадриде помог ему сгладить вековые противоречия раздиравшие курдский народ и не дававшие ему стать единым целым. Фазылбеку удалось то что не удавалось до него ни одному курду. Он сумел посадить за один стол глав всех родоплеменных союзов которые раньше даже предположить не могли что они будут сидеть рядом со своими вековыми соперниками.

Помимо всего прочего дипломатическая профессия вырабатывает в человеке особую форму интуиции.

У людей которые постоянно вынуждены читать между строк и домысливать то что не сказано было вслух вырабатывается с годами особое чувство подсказывающее им то что не всегда можно увидеть и услышать. То что можно было только почувствовать по интонации голоса, выражению глаз, движениям и жестам. Так было и у Фазылбека. По первым словам, по первым жестам, даже по тому с какой улыбкой была протянута ему рука Шейха Дагира при первой их встрече он сразу понял – его переговоры с ним обречены на успех. Так оно в конечном итоге и вышло. Шейх пообещал выполнить все просьбы курдской стороны. Никаких своих условий он пока не озвучивал. Видно они были еще где-то впереди. Фазылбек видел, что его собеседник обещает искренне без обмана, оказать полное содействие курдам в налаживании контактов с Францией которая набирала мощь и становилась все более активным и важным игроком на Европейской политической карте. Когда Фазылбек поднял перед ним вопрос по налаживанию контактов с Британской империей шейх Дагир откровенно ответил.

- Ни я, ни мои друзья правители Сирии и Ливана прямых контактов с англичанами не имеем. В этом вопросе Вам необходимо искать другие пути.

Честность с которой шейх Дагир ответил на этот вопрос лишний раз подтверждала догадку Фазылбека о том что шейх Дагир не темнит и действительно желает помочь ему. Конечно Фазылбек прекрасно понимал, что шейх делает все услуги не бескорыстно и что он, конечно же, преследует свои далеко идущие цели в этой игре. Когда же наконец Фазылбек услышал какие встречные требования и просьбы выдвинул ему правитель Палестины он без раздумий ответил на них согласием.

Суть этих просьб сводилась к тому чтобы в случае возникновения конфликтной ситуации в Палестине или в Сирии курды не

выступили бы в составе турецких войск и не оказали бы им никакого содействия ни в военных вопросах ни в вопросах снабжения их армии продовольствием и фуражом. Помимо этого шейх изложил еще несколько просьб исполнение которых не только не наносило вред курдам, а даже соответствовало их интересам.

Закончив излагать свои мысли по поводу закончившихся переговоров с Шейхом Дагиром Фазылбек вопросительно посмотрел на своих собеседников ожидая от них вопросы по тем проблемам на которые он не до конца осветил в своем выступлении. Вопросы были, но все они не несли в себе антогонизма и имели лишь характер уточнений и разъяснений. Фазылбек подробно ответил на каждый из них после чего все замолчали ожидая что скажет им теперь Агабек. Агабек не стал томить собеседников долгим ожиданием своего рассказа об итогах его переговоров с Али-беем. Он довольно подробно рассказал им как прошла его встреча с Султаном Египта. Какие вопросы были поставлены им. Какие ответы получил он на них. Рассказал он подробно и о празднике который был устроен в их честь в селении Аль-Харуна.

Слушая его рассказ Фазылбек сразу же отметил про себя, что если бы не было на то высочайшей воли Султана то, конечно же, племя бедуинов не организовало бы такой пышной встречи с таким размахом и с такими затратами. Как опытный политик он сразу определил что Али-бей хотел этой встречи, ждал ее и придавал ей немалое значение.

Таким образом становилось очевидным, что на первом этапе начатой ими работы по созданию благоприятной внешнеполитической ситуации вокруг планируемого ими плана восстания все шло пока именно так как он и планировал. Опыт долгой дипломатической работы подсказывал ему что если шейх Дагир найдет нужные пути выхода на Французские коридоры власти то с этой стороны ждать неприятностей не следует. Если Франция скажет один раз да то она от своих слов уже не откажется. Французы в отличие от англичан придерживаются определенных рамок поведения на внешнеполитической арене. Англичане исповедовали совсем другие принципы в своей работе. У них не было ничего постоянного и однозначно определенного как у французов или немцев. Они всегда исповедовали два главных принципа внешнеполитической деятельности суть которых сводится к двум жестким тезисам.

1). Думает ли тот кто говорит то что он думает

2). Нет ничего выше и важнее того что выгодно Англии.

Все это означало одно. Англичане могут говорить одно, а думать и делать то что им нужно и выгодно. Их слово ничего не значило. Оно могло поменять свой смысл в любой момент. Исходя из этого Фазылбек считал бессмысленным налаживать в дальнейшем какие-то связи с Английской стороной.

Бессмысленно было вести с ними какие-то переговоры на нынешнем этапе. Нужно было создать такие условия при которых Британия становилась заинтересованной в той форме решения Курдской проблемы которая нужна была самим курдам.

Другое дело Россия. Россия объективно была заинтересована в ослаблении Турецкой империи. Ее интересы шли в полное противоречие с интересами Турецкой империи на всем побережье Черного и Азовского морей, в Крыму и в других регионах. В таких условиях Россия волей неволей становилась естественным союзником Курдистана в ее планах по получению независимости от Турецкой империи. Им стратегически было важно чтобы знаменитая курдская конница не шла бы лоб в лоб с донскими казаками защищая чуждые им интересы Османской империи а воевала бы с самими турками. Исходя из этого позиция Али-бея и России были гораздо предсказуемее и требовали лишь своего подтверждения. Такое подтверждение Фазылбек получил и теперь ему оставалось только внести соответствующие корректировки в план своей работы. Что он и сделал.

Посовещавшись еще некоторое время все приняли единодушное решение.

- Создались благоприятные условия для начала конкретных действий. Пора собирать более широкий круг единомышленников и принимать решение о конкретных формах подготовки к предстоящему выступлению.

При этом мнение всех четверых беков однозначно сходилось в одном. Выступление нужно будет начинать только после того как Али-бей разгромит турецкие горнизоны расположенные в Сирии и в Ливане. Нельзя было начинать выступление находясь в плотном кольце турецких войск с севера и юга. Такое выступление заранее было обречено на провал.

ЩУКЯР

С того дня как Щукяр выграл скачки с невероятно большим призом устроенные в честь приезда курдских гостей дела у него пошли резко в гору. Раньше все богатство Щукяра составляли его конь, жена и дети. Жил он в старом потрепанном многими ветрами шатре, имел крошечную плантацию финиковых пальм, верблюдицу, да несколько коз и овец. Имел он еще и не большой денежный долг тяготивший его даже не столько своими размерами сколько самой мыслью о том, что он кому-то что-то должен и никак не может расплатиться.

Теперь у него было три верблюдицы, верблюд, более сотни овец и коз. Шатер свой он поменял, на новый, долгов уже не имел. Помимо этого он прикупил еще новую небольшую плантацию финиковых пальм. Его семья не стала особо богатой, но уже ни в чем не нуждались.

Жизнь становилась спокойной размеренной. За это время Щукяр стал знаменитым. Его теперь узнавали во всех соседних селениях и говорили.

- Это Щукяр. Щукяр который победил всех на скачках. Он самый лучший наездник в пустыне. А его конь Сирокко самый быстрый и самый умный. Он даже человеческую речь понимает. Говорили они это так потому что все кто присутствовал на скачках видели, что в самый трудный и решающий момент он не бил свою лошадь, а что-то шептал ей на ухо. Видели как он шептал, видели что она повинуясь его словам помчалась как ветер оставив далеко позади всех своих соперников.

Все помнили о том, какое благородство проявил он после скачек поделившись своим призом и с соперниками и со своими друзьями. Этот шаг прибавил еще больше уважения к нему его соседей, соплеменников и друзей. Теперь о нем часто говорили не иначе как Щукяр праведный. В этот день он работал на своей финиковой плантации когда ему сказали, что приехали какие-то люди из Каира и разыскивают его, Аль-Харуна и Кязима. Не мешкая долго он оседлал своего коня что был привязан недалеко от него и поехал на встречу к гостям.

Гости остановились в Шатре Аль-Харуна и потому Щукяр прямо туда и направил голову своего коня.

Сахиб и двое его спутников, а это именно их прислал к ним Султан Али-бей встали со своих мест когда в шатер зашел Щукяр. Вчерашние враги стали теперь настоящими друзьями и потому радостно обнялись, а затем долго еще жали друг другу руки.

Они часто и беззлобно вспоминали ту темную ночь и не менее темную улицу окраины Каира где судьба свела их с оружием в руках. Уже потом став добрыми друзьями они благодарили свою судьбу за то что она свела их сперва в смертельном поединке и затем развела друзьями и братьями на всю оставшуюся жизнь. Так было и они уже никогда не забывали об этом.

Сахиб и его спутники смыли уже пыль дальней дороги, немного отдохнули привели себя в порядок.

Они сидели за столом и оживленно беседовали с Аль-Харуном и Кязимом в ожидании праздничного обеда готовившегося в честь их приезда. Аль-Харун и его друзья еще не знали о том, что Сахиба произвели в беи и потому по прежнему называли его Сахиб. Сам Сахиб не стал ничего говорить о переменах происшедших в его жизни.

Как бывает всегда в бедуинских шатрах о делах приведших гостей в дом хозяина до того как гости будут накормлены и напоены никто речи не заводил.

На дворе стояла поздняя осень, но на улице было еще довольно жарко. Более того даже очень душно. Боковые стенки шатра и входной полог были открыты, но душный воздух висел под его куполом. Ветра не было и потому все с нетерпением ждали когда зайдет солнце и на улице станет немного прохладнее. Легкий ни к чему не обязывающий разговор шел о последних событиях в Каире, в пустыне, лошадях и новостях из Турции по прежнему волновавших всех жителей Египта. Новости из Стамбула могли принести в Египет тревожное ожидание войны или успокаивающие мотивы грядущей мирной жизни.

До прихода Щукяра друзья как раз и обсуждали последние известия из Стамбула и последствия которые могли дать они здесь в Египте.

Продолжая по-видимому давно уже начатый разговор Аль-Харун сказал.

- Я никак не пойму, почему Вы придаете столько значения туркам. Они же не такие храбрые и не такие искусные воины как мамлюки, бедуины, берберы или туареги.

Лично я готов сразиться в честном бою с любым турком. Я знаю, что ни один из них не устоит не только передо мной но и перед многими бедуинами моего племени.

Говоря такие слова Аль-Харун не бровировал своей храбростью и был совершенно искренен в своих мыслях. Он как и многие другие бедуины был совершенно уверен в том, что если бы ему удалось собрать войско из ста тысяч бедуинов то он непременно дошел бы с ними до Стамбула, а возможно и еще дальше. Бедуины были бесстрашными и искусными воинами.

В понятии Аль-Харуна только эти качества, воинское мастерство и храбрость воинов решали исход любой битвы и любого сражения. О том что есть другие не менее важные факторы влияющие на конечный исход любой войны он даже не предполагал. Славный сын пустыни был уверен в том, что лихой конь, быстрая сабля и меткое ружье решают все. Сахиб спорить с ним не стал. Он, участвовавший вместе с Али-беем во многих сражениях с турками точно знал, что хорошо организованное турецкое войско, дальнобойные ружья и пушки значат в современной войне гораздо больше чем храбрость и отвага бедуинов и туарегов. Он не раз видел своими глазами как войска храбрых воинов были разбиты неприятелем задолго до того как дело доходило до сабельной схватки где главную роль играли мастерство и храбрость воинов пустыни не знавших, что такое страх перед врагом.

Говорить об этом Аль-Харуну сейчас было бесполезно. Такое трудно было понять бесстрашному сыну Сахары пока он сам не увидел бы все это своими глазами.

Джумаладин, сопровождавший Сахиба начал объяснять Аль-Харуну и Кязиму в чем сила турецкой армии и как она поставила под контроль Стамбула значительную часть Юга Европы, Северной Африки и Аравийского полуострова. Он объяснял долго стараясь раскрыть все детали этого вопроса в силу своего понимания.

Аль-Харун и Кязим внимательно слушали Джумаладина не перебивая его речь ни единым словом. Делали они это исключительно из уважения к нему как к гостю, а не потому что они понимали его. Когда Джумаладин закончил свою мысль Кязим в раздумье сказал.

Всем кто так восхваляет могущество турецкой империи нужно вспомнить старую бедуинскую сказку. Если хотите я напомню Вам ее.

Сахиб и его спутники дружно закивали головами.

- Тогда слушайте, продолжил свой рассказ Кязим. Жил один человек. Он был храбрым человеком. но однажды он услышал что в Нубийской пустыне появился страшный лев великан. Лев не боялся человека и приходил каждый раз к тому кого увидел он пусть даже издалека. Приходил рано или поздно. Приходил к тому месту где он его увидел и съедал его. Однажды человек услышавший историю про страшного зверя шел по пустыне и увидел льва. Большого льва. Очень даже большого. Лев был далеко и не тронул его лишь издал грозный рев и исчез вдали. С тех пор этот человек потерял и покой и сон. Он знал, что рано или поздно лев придет за ним и заберет его бренное тело. Он стал ждать каждый день когда придет за ним страшный громадный зверь.

Понемногу страх ожидания сковал его тело и душу. Сперва он боялся только льва. Потом стал бояться волков, потом шакалов. Дело дошло до того что он стал бояться собственной тени. Он стал убегать от нее, но она неотступно следовала за ним. Так дошел он до берегов Нила. Там он зашел в воду и его тень исчезла. Тогда он облегченно вздохнул. Теперь тени не было и можно было больше не бояться ее. Пока он с радостью думал об этом к нему подплыл под водой крокодил и съел его. Вот и вся сказка, закончил свое повествование Кязим. Сахиб и его спутники внимательно слушали рассказчика стараясь понять тот главный смысл который вкладывал в свои слова Кязим. Лишь после продолжительной паузы Джумаладин так же внимательно слушавший слова Кязима сказал.

Брат мой, Кязим. Я желаю тебе только одного. Чтобы никогда нога Турецкого янычара не ступила на твою землю и ты бы никогда не понял как грозен лик Турецкого льва. Мои сородичи которые проживают в далекой Албании давно услышали его грозный рык. Поверь мне на слово, что албанцы не менее искусные воины чем бедуины, но ни их доблести, ни их отваги не хватило для того чтобы защитить свою Родину. Так как ты думаешь сейчас думали в свое время и сербы, и хорваты, и черногорцы и болгары и венгры и многие другие народы. Теперь они думают совсем иначе закончил он свой ответ.

На этом друзья прекратили разговор на «Турецкую тему» .

Щукяр был полностью согласен с мнением Аль-Харуна. Он как и его старший друг был готов сразиться в честном поединке с любым турком. При этом он был совершенно уверен, в том что он

возьмет верх над любым из них. Более того, он так же как и Аль-Харун был уверен, что ни одна турецкая армия не устоит перед войском бедуинов если бы можно было объединить их в единое целое. К сожалению он знал, что это невозможно. Невозможно потому что Всевышний создал их такими. Они говорящие на одном языке, ходящие под одним небом, по одной земле никогда не смирятся с тем, что кто то из них будет первым, а кто-то вторым. Они все должны были быть первыми. А быть всем первыми одновременно было невозможно.

Вскоре женщины накрыли стол и все с нескрываемым аппетитом принялись за поглощение горячей пищи.

На столе было не очень много продуктов. Дети пустыни едят как правило мало. Многовековый опыт жизни в сухой безводной местности выработал в их сознании несколько незыблимых правил выживания. Одно из них состояло в том чтобы не есть и не пить лишнего. Организм человека в подобной местности должен был привыкнуть к скудным объемам потребляемой пищи и воды. Возможно именно поэтому среди бедуинов крайне редко встречались люди полные или тем более толстые.

Аль-Харун, Кярим и Щукяр как большинство людей из их племени были сухопарными жилистыми стремительными в движениях и в делах.

Когда недолгая трапеза подошла к концу Сахиб перешел к изложению основной цели своего визита. Чтобы лучше объяснить бедуинам для чего он приехал Сахиб вынужден был снова вернуться к турецкой теме. Сахиб начал снова рассказывать бедуинам в чем сила турецкой армии и как ей удается ставить на колени народы многих стран и континентов.

У бедуинов как у многих народов мира все, что хорошее есть вокруг них связывается с именем его народа. Так когда они хотят подчеркнуть смелость или отвагу какого-то человека они говорят.

- Он как бедуин отважный и никого не боится.

Или же

- Он благороден как настоящий бедуин.

Когда же они хотят подчеркнуть что-то плохое в том или ином человеке они обязательно сравнивают его с кем то из своих соседей.

Так у них часто можно услышать – он труслив как турок. Или же он жаден как турок и так далее.

Турки в свою очередь не остаются в долгу. У них так же можно услышать.

- Он ленив как араб.

- Он глуп как араб и так далее.

Кто из них был прав и была ли правда в их словах вообще знал только Всевышний.

Так или иначе такие сравнения были всегда в ходу у многих народов. Так было и сейчас. Как только Сахиб завел разговор о турках и их преимуществах в организации военной службы по лицам сидевших за столом бедуинов поползла насмешливая улыбка. Они не только не хотели, а даже понять не могли, что турки которых они считают не самыми храбрыми воинами могут быть хоть в чем-то лучше их – бедуинов.

Чтобы стать хоть немного понятнее им Сахиб начал убирать из своей речи упоминания о Турецкой армии и стал чаще называть для примера армии других Европейских стран.

Он чувствовал, что Аль-Харун, Кязим и Щукяр слушают его больше из вежливости чем потому что им интересен его рассказ и они понимают конечный смысл того что хочет сказать он . А говорил он о том, что главная сила турок в их организованности. Они обучены тому как вести себя на поле боя, куда в какой момент идти, что делать. Он начал объяснять им простые военные истины не раз слышанные им от Али-бея. Только немного изменил имена персонажей. Али-бей имени которого он еще не раз не упоминал во время беседы говорил вообще-то о мамлюках, но Сахиб вместо слова мамлюки употребил в дальнейшем своем рассказе термин бедуин.

Медленно чтобы они получше поняли смысл слов которые он говорит Сахиб продолжил свою мысль.

- Один бедуин несомненно намного сильнее в бою одного турка и в этом нет никаких сомнений. Он лучше владеет саблей, лучше стреляет, лучше ездит на коне.

При этих словах Аль-Харун и его друзья удовлетворительно закивали головами выражая свое полное согласие с его мнением.

- Но уже десять турков могут на равных сражаться с десятью бедуинами. При этих его словах на лицах его собеседников появилось чувство недоумения и явного непонимания смысла слов сказанных Сахибом. Они действительно не могли понять как десять

более слабых турков могут на равных сражаться с десятью более храбрыми и более подготовленными в их понимании бедуинами.

Еще большее недоумение застыло у них на глазах когда они услышали последнюю мысль Сахиба.

Но уже сто самых храбрых бедуинов не имеют ни малейшего шанса противостоять ста обыкновенным турецким аскерам или янычарам.

Аль-Харун и его друзья хорошо знали, что Сахиб храбрый воин не раз побывавший в больших сражениях и потому понимали что он не будет говорить попусту такие слова. Если Сахиб говорит так значит в его словах что-то есть.

Они только не могли никак понять что это то что там есть и смысл чего так и не доходил до них.

Выждав некоторое время в течении которого Аль-Харун и его друзья обдумывали его слова Сахиб продолжил.

Эти слова относятся не только к туркам. Такую же и еще более высокую организацию и выучку своих армий имеют практически все страны Европы.

Увидев, что его слова так и не дошли до сознания его собеседников Сахиб решил привести им еще один пример.

- В Европе есть такое государство Пруссия.

По реакции бедуинов на его слова Сахиб сразу же понял, что они ничего не знают и никогда не слышали про такую страну как Пруссия. Бедуины были прекрасными воинами, но с грамотой у них было совсем плохо. Потому такая их реакция на его слова была совершенно естественной.

Поняв это Сахиб решил более подробно рассказать им о Пруссии и ее короле Фридрихе II которого все называли не иначе как Фридрих Великий.

- Фридрих Великий имел одну из самых маленьких армий в Европе. Да и сама Пруссия была не самой большой страной в Европе. Несмотря на это он одерживал блестящие победы то над Французскими, то над Австро-Венгерскими, то над Русскими войсками которые имели гораздо большую численность чем его армия. Весь секрет его успехов был в том что он сумел в короткое время обучить свою армию самым совершенным методам ведения военных действий.

Его армия была лучше обучена, лучше вооружена и лучше организована. В этом крылся секрет его многочисленных успехов.

Увидев, что его аргументы не произвели на Аль-Харуна необходимого впечатления Сахиб решил подкрепить их еще несколькими аргументами. В свое время когда его продали на невольничьем рынке Каира и он стал мамлюком его послали учиться. Учился он совсем неплохо. Особенно интересовала его историческая литература где описывались военные походы, многочисленные сражения и подвиги совершенные в этих сражениях.

Любовь к книгам такого содержания привела к тому что он получил хорошие знания в области военных исторических событий. Исходя из этих соображений он начал рассказывать как Искандер Двурогий имея армию в десять раз меньшую чем персидский царь Дарий сумел разгромить его. Основным фактором позволившим ему сделать это было одно. Его армия была хорошо обучена и правильно организована. Затем он привел еще один исторический пример.

Когда Юлий Цезарь завоевывал земли воинственных галльских племен его армия была почти в 8 раз малочисленнее чем армия сильных и отважных галлов. И все таки победу в решающем сражении одержал именно он, а не многочисленное войско храбрых галлов. И снова причина была такая же.

Армия Юлия Цезаря была малочисленной, но прекрасно обученной и организованной. Это и стало решающим фактором определившем его победу над громадной трехсот тысячной армией галлов. Наконец по прошествии некоторого времени в течении которого Сахиб привел еще несколько аналогичных примеров он почувствовал что его собеседники начали понимать смысл того что так долго пытался объяснить им он.

Так вот продолжил он воодушевленный тем, что его наконец-таки начали понимать, наш повелитель тоже хочет создать такую армию. Армию которая будет брать не числом, а умением. Представляете какую армию можно создать здесь в Египте. У нас прекрасные и самые храбрые в мире воины. Если их еще научить правильно воевать то мы будем иметь непобедимую армию. Тогда никакая турецкая армия не сможет угрожать нам и нашим землям. Мы сами будем хозяевами своей земли.

Сахиб долго говорил с воодушевлением пока не увидел, что лица его собеседников поменяли свое выражение. Они стали и задумчивыми и сосредоточенными. Увидев это он прекратил свой рассказ об армии и недолго думая спросил.

Что случилось? Почему у Вас стало такое выражение лица. Вам что то не нравится из того, что хочет сделать наш повелитель?

Выслушав его вопрос Аль-Харун сразу же ответил.

- Нет. Нам нравятся планы нашего Султана. Хорошая сильная армия нужна всем. А Египту тем более. Но причем тут мы. Нам бедуинам как всегда отводится непонятная третьестепенная роль во всех вопросах касающихся обустройства нашей страны. Мы в этой армии никто. Нас бедуинов могут принять в нее только как простых рядовых воинов и не более.

Мы не можем быть ни командирами ни военноначальниками в Египетской армии. Это только Ваше право. У Вас у мамлюков есть все права. У нас бедуинов таких прав нет и навряд ли они будут у нас при нынешнем положении дел.

Вы имеете право командовать, повелевать, а у нас есть только право выполнять Ваши команды. У нас с Вами равные права только тогда когда нужно умирать на поле сражения.

В словах Аль-Харуна была абсолютная правда. Сахибу нечего было возразить ему. Но мысли высказанные Аль-Харуном были весьма кстати.

Они были весьма кстати для того чтобы перейти к истинной цели их приезда. Поэтому дослушав слова Аль-Харуна до конца Сахиб начал излагать ту идею ради которой он и приехал сегодня к своим бедуинским друзьям.

- Ты Аль-Харун сказал истинную правду, начал он. Пока в Египте все именно так и обстоит. Именно такое положение вещей и хочет изменить Султан Али-бей. С этой целью в Египте будут созданы специальные военные заведения которые в Европе называют военными училищами.

Сахиб сразу же увидел, что слова высказанные им вызвали истинный интерес у его собеседников и потому продолжил уже более спокойнее и медленнее излагать дальше свои мысли.

- В этих училищах планируется готовить тех молодых воинов которые после его окончания будут командовать рядовыми воинами. Они будут называться офицерами и получат воинские звания как это принято во всем мире.

- А мы бедуины тут причем, не выдержал Кязим.

- Вы теперь как раз и будете причем отвечал ему Сахиб. Повелитель хочет чтобы в эти военные училища могли поступать не

только дети мамлюков, но и дети бедуинов. После поступления в эти заведения они будут учиться на равных правах и получать офицерские звания, так же как и дети мамлюков.

После его последних слов наступила долгая пауза. Бедуины еще не до конца веря услышанному обдумывали его слова. Они искали в них то, что могло таить в себе тайный смысл пока еще неясный ими. Сахиб ждал пока они до конца обдумают услышанное и поймут что их никто не собирается обманывать и что все его слова истинная правда.

Наконец после долгого молчания Аль-Харун сказал.

- Сахиб, насколько я понял бедуины получат допуск к командным должностям в Египетской армии и они смогут не только воевать и умирать, как все остальные, но и командовать теми кто будет делать это под их руководством.

- Ты правильно понял меня Аль-Харун. Именно это желает сделать Султан Али-бей. Он хочет создать регулярную, хорошо обученную армию в которой все граждане Египта вне зависимости от их национальности и вероисповедания будут иметь равные права и равные обязанности.

Он послал меня к Вам для того чтобы я довел до Ваших ушей мысль о том, что он нуждается в Вашей помощи в решении этого вопроса.

- В чем должен я помочь своему брату, без долгих раздумий отвечал Аль-Харун и сразу же добавил.

- Ни я, ни мои друзья не откажем в помощи Султану если это будет в наших силах.

Услышав такой однозначный ответ Сахиб приступил к изложению того что должны были сделать Аль-Харун и его друзья чтобы помочь своему повелителю решить поставленную им задачу.

- Вы сами видели, начал он, что сказанные мной слова не сразу и не во всем были понятны даже Вам. Уж если Вы не сразу поняли, что я хотел сказать вам и не сразу поверили в мои слова, то что говорить о других бедуинах которые не знают Али-бея, а меня подавно.

Как убедить их в том, что повелитель услышал их чаяния и хочет искренне помочь им. Вот в этом и нужна ему ваша помощь. Он просит вас чтобы вы и ваши друзья объехали все близлежащие бедуинские селения и объяснили своим сородичам, чего хочет Султан и какую армию желает создать он в ближайшее время.

Помимо этого Вам нужно будет определить кто из молодых бедуинов хочет поступить в воинские училища когда они будут открыты. Скажите всем, что работа по их открытию будет начата в ближайшее время. Училища планируется открыть в Каире в Александрии и в Лухсоре. Объясните всем, что те молодые воины которые будут зачислены в училища будут жить в казармах, носить единую форму и получать воинское жалование.

Их будут бесплатно три раза в день кормить и поить. В училищах их будут обучать военному искусству. Как правильно стрелять, как выполнять команды, как подчинять своей воли своих подчиненных и многое многое другое, что должен узнать человек который собирается стать командиром над такими же как он сам. Если Вы согласны оказать услугу своему Султану я объясню дальше что нужно делать и что нужно говорить каждому из Вас. Если ……, продолжил он, - но не успел договорить так как Аль-Харун перебил его словами

- Дальше не нужно продолжать.

Мы согласны и сделаем все что в наших силах. Сделаем мы это по двум причинам. Во-первых Али-бей мой брат. А если брат просит помощи то я не вправе отказать ему в этом.

Во вторых то что хочет сделать Али-бей пойдет на пользу и бедуинам и всему Египту. Почему же тогда нам не помочь ему в таком важном и нужном для всех нас деле. В это время в шатер вошел глава племени Максуд в сопровождении двух старейшин. Все присутствовавшие в шатре встали со своих мест. Обычай требовал чтобы старейшины поприветствовали гостей племени. Гости были младше их, но они были гости. А гость везде гость. Звание гостя выше возраста и прочих заслуг. В то же время тот же обычай требовал от всех жителей Египта уважать возраст старших и оказывать им всемерный почет. Потому все встали со своих мест при виде старших по возрасту.

Старейшины за стол садиться не стали. Они поинтересовались традиционными вопросами о здоровье, трудностях пути, семейных делах и после короткого разговора в течении которого все стояли на ногах ушли пожелав гостям удачи в их делах. Интересоваться, что привело гостей в их селения они не стали. Гостя нельзя спрашивать зачем он пришел. Когда нужно будет он расскажет все сам. Помимо этого Максуд знал что когда гости уедут Аль-Харун

непременно придет к нему и расскажет ему зачем приходили мамлюки и что они хотели.

После ухода старейшин все снова сели за стол и продолжили прерванный их приходом разговор.

Через несколько часов долгой разъяснительной беседы стало очевидным, что Аль-Харун и его друзья не только готовы выполнить просьбу Али-бея, но наконец-таки поняли истинный смысл тех преобразований в военной сфере которые задумал провести Султан. Сахиб беседовал с ними так долго в первую очередь потому что эти люди должны были не только донести до своих соплеменников идею предстоящих реформ, но и объяснить им ее практическую ценность и конечную цель этих преобразований.

О том, что бедуины не только поняли смысл всего того что он говорил им, но и прониклись сутью самой идеи Сахиб понял тогда когда Щукяр и Кязим спросили его.

А сами они могут поступить в эти училища. Получив положительный ответ на свой первый вопрос они неожиданно для Сахиба задали и второй вопрос который окончательно убедил его в том, что его друзья на самом деле загорелись той же идеей.

- А можно будет поступить в эти училища курдам, спросили они.

Сахиб сразу же понял к чему клонят Щукяр и Кязим . Он знал, что во время визита курдов к Аль-Харуну Кязим и Щукяр близко подружились с двумя своими сверстниками курдами Сулейманом и Фаридом. Заданный вопрос по-видимому касался именно интересов этих товарищей. Очевидно друзья захотели чтобы и их курдские знакомые имели возможность учиться вместе с ними. Сахиб дал положительный ответ на их вопрос после чего настроение Щукяра и Кязима заметно изменилось. Оба они заулыбались спокойной довольной улыбкой.

Время клонилось к вечеру. Солнце пошло на закат. Сразу же резко посвежело. В пустыне в это время года резкие перепады температур обычное явление. Днем тепло и даже жарко, ночью температура резко падает и вокруг становится довольно прохладно.

Сахиба и сопровождающих его людей отвели в гостевой шатер. Гостям нужно было хорошо выспаться. На завтра им предстояла долгая дорога назад в Каир.

Аль-Харун поставил у входа в шатер в котором расположились гости своего молодого сородича с тем чтобы он охранял их сон и никто посторонний не мог потревожить их покой.

На утро гости после небольшого завтрака с горячим чаем уехали в Каир. На следующий день засобирались в дорогу и Аль-Харун со своими друзьями.

Решение Кязима и Щукяра поступить первыми в училище Аль-Харун одобрил. Он считал что такой шаг пойдет на пользу им обоим.

Бедуины всегда воюют, рассуждал он. Так не лучше ли будет если они за это будут получать еще хорошее жалование от государства. О том, что тем кто закончит училище и получит офицерский чин будет установлена хорошая плата за службу в армии Аль-Харун знал со слов Сахиба. Знал он так же, что в училище будут принимать только молодых воинов и потому искренне сожалел о том, что он сам не сможет уже по своим возрастным данным стать курсантом этого заведения.

В тот же день Щукяр и Казим послали с караваном шедшим в Курдистан письмо Сулейману и Фариду с кратким изложением того что они узнали от Сахиба и предложение пойти учиться в училище вместе с ними.

Почти месяц ездили Аль-Харун и его друзья по ближайшим и не совсем близким селениям разъясняя своим сородичам суть реформ которые собирается провести в армии Али-бей. Многие бедуины поняли их, некоторые долго слушали, но так и не дали никакого ответа. То ли не поняли, то ли идея Али-бея пришлась им не по нраву.

Так или иначе более тысячи молодых бедуинов изъявили желание поступить в училища вместе с Кязимом и Щукяром. Это был успех. Большой успех. Али-бей правильно сделал что запустил в ход эту компанию. После того как Аль-Харун и его друзья рассказали ему об итогах своей поездке по пустыне он пригласил к себе служителей мечети Аль-Азхар и рассказал им, что им начата работа которую обещал он им провести в ближайшее время. Шейхи внимательно слушали Султана кивали головами в знак одобрения его действий. Уже на следующий день после окончания вечерней молитвы в мечети они громогласно объявили собравшимся людям о тех шагах которые предпринял Султан. Простому народу полученная информация понравилась. Слух о грядущих переменах в армии Египта пополз по Каиру и по его пригородам. Это было как раз то чего добивался Али-бей. Напряженность обстановки в Каире пошла на убыль. Простые люди стали сочувствовать его де-

лам, а это значило, что они перестали быть его врагами и начали верить в него.

Теперь настроить и использовать в Каире воинственную толпу против него стало попросту невозможно. Это развязывало ему руки для проведения в жизнь тех планов которые наметил он. А планы у него были большие. Пора было двигаться на Восток.

Покоренный Хиджаз и успокоенный Каир позволяли ему приступить к выполнению условий которые возложил он на себя приняв договорные обязательства с Россией. С этого дня Султан начал готовить поход в Сирийские пределы где находилась большая турецкая армия.

Сирия как и Хиджаз должна была стать частью единого Египетского государства. После этого он мог приступить к решению той главной задачи ради которой и свершалось все то что он сейчас делал. Он должен был при поддержке русской императрицы вернуться на Родину и начать ее освобождение от турецких гарнизонов. Это и было главной целью всего того что он делал сегодня. Воссоздание царства Абаза было нелегкой задачей. Но были и реальные шансы решить эту задачу. Риск был большой. Но и конечная цель которую ставил он перед собой стоила этого. Он пошел по дороге которая могла привести его или к славе или к гибели. Обратной дороги уже не было.

ЗИМА

В этом году зима в Абхазии выдалась на редкость холодной и снежной. Плотный слой снега лежал на земле и на деревьях уже много дней. Из ущелий укрытых толстым белым покрывалом дул холодный пронзительный ветер. Даже сосед Даута отец Рамшуха Беслан которому было уже за сто лет не помнил такого холодного времени. Дорога к дому Даута покрылась толстой коркой льда. Проехать по ней даже на телеге было невозможно. Копыта коней и волов скользили по льду. Животные спотыкались, падали на землю и могли порвать упряжь.

В эти дни жители селения почти не выходили из своих домов. Только крайняя надобность заставляла их сделать это. Зато детворе такая зима принесла невиданное доселе удовольствие. Они с

утра до позднего вечера катались с горы, оглушительно смеялись и совсем не чувствовали холода хотя их руки и лица то краснели то синели от холода.

Матери с трудом загоняли их домой чтобы они хоть немного согрелись у очага и попили чего-нибудь горячего.

Мужчины с раннего утра шли на скотный двор, проверяли не занесло ли за ночь лошадей и коров снегом.

Затем они чистила от снега двор, поили домашних животных и спешили в дом к горячему очагу. Во всем селении редко у кого была особо теплая одежда приспособленная к подобным холодам. В такую погоду даже прекрасное абхазское вино редко кто пил. Пили больше горячие отвары из трав.

Даут вышел из дома, зябко поежился. Ветер пропитанный влагой моря и холодом близких горных вершин пронизывал до костей. На улице было зябко и неуютно. Кукула вышла из курятника, где она кормила зерном куриц, индюшек и уток. Женщины легче переносят мороз. На Кукуле не так много одежды как на Дауте, но она идет свободно не кутаясь и не особо спеша к теплу очага.

Вслед за ней из курятника вышли ее дочери. Эти мороз совсем не чувствуют. Они молодые. Кровь у них горячая.

Даут стоял посреди двора ежась от холода и переминаясь с ноги на ногу.

Он одел две длинные рубахи под низ рясы полагая что они согреют его. Но видно рубахи были не из того материала что держат тепло. Да и ряса сшитая из тонкого черного материала не особо согревала. Померзнув еще некоторое время на ветру Даут зашел в дом. Согрелся у очага. Затем оделся потеплее и снова вышел из дома.

Теперь тяжелая бурка и теплый башлык грели его.

Усадьба и дом Даута находятся на возвышенности. Отсюда хорошо видно все село. Видно как из дымоходов соседних домов уходят в небо теплые струйки дыма. Видно как веселой стайкой слетают с горы визжащие от восторга дети.

Когда Даут разглядывал окрестности усадьбы его взгляд невольно остановился на доме располагавшемся на самой окраине села.

Солнце давно уже вышло из-за гор. Все уже затопили печки в своих домах.

Лишь над этим домом не видно было струйки дыма.

В доме жила старая женщина вместе со своим внуком.

Ее муж Шурдум Талиб был из Бесленеевских адыгов. Много лет назад он пришел в их село спасаясь от мести своих знатных соплеменников. Вся его вина состояла в том что он не согласился с требованием своего князя отдать ему своего коня. Конь его был самым резвым и неутомимым во всей округе. Ни отдать, ни продать своего коня Талиб не согласился. Вышел конфликт.

Рука князя дотянулась и до Абхазии. Через два года после этого его нашли в лесу с простреленной грудью. Коня из-за которого произошел весь конфликт больше никто в Абхазии не видел.

Его следы нашлись затем на берегах бурной реки Инжигъ.

Жена Талиба Нурхан осталась в селе вместе с малолетним сыном. Соседи ее любили за тихий добрый нрав и никому в обиду не давали. Помогали как могли. Мужчины вспахивали ей поле, удобряли его навозом.

Все вместе помогали убирать урожай. Со временем ее сын Нартбий вырос в молодого статного парня.

Вскоре он женился на местной девушке. У них родился сын. В селе его любили и уважали.

Но видно беда никогда не приходит в дом человека одна.

Как то до Нартбия дошли слухи о том кто стрелял в его отца. Несмотря на все уговоры матери, жены и друзей он уехал на ту сторону гор. Уехал и больше не вернулся.

Жена его умерла через год после его отъезда. Была она молодая, красивая, сильная, но горя свалившегося на ее плечи не выдержала.

Осталась Нурхан одна со своим внуком. Она была крепкой старухой, но если в такую погоду не шел дым из трубы ее дома значит что-то случилось.

- Может у нее дрова закончились мелькнула мысль у Даута.

После этого он позвал к себе своего соседа Пту.

Они сделали две вязанки дров, взвалили их на плечи и весело переговариваясь пошли по тропинке которая вела к дому Нурхан.

Старуха была мусульманка, но в селе никто и никогда не делил людей по религиозному принципу и потому не было ничего удивительного в том что православный священник спешил на помощь женщине исповедующей другую религию.

С таким же успехом любой мусульманин в Абхазии поспешил бы на помощь своему соседу или односельчанину христианину.

Таков был менталитет абхазского народа. Возможно это был один из факторов способствовавших тому что абхазы сохранили себя как единый народ находясь в окружении далеко не самых мирных соседей.

Жители селений на Кавказе всегда имели особую форму мышления и психики. Тому способствовало много причин. Кавказский край был беспокойным. Бесчисленные опасности или угроза возникновения такой опасности всегда висели над его жителями. Это объединяло их, делало единым монолитным сообществом. Здесь все было общим. И радость и горе.

Такое положение дел делало каждое селение на Кавказе особой монолитной семьей. Здесь все помогали друг другу.

Если кто-то строил дом ему помогало все село или весь аул. Если у кого-то случилось горе его окружали сочувствие и помощь не только близких соседей и родственников, но и всех жителей селения.

Если семья теряла кормильца то соседи пахали землю, оставшуюся без хозяина привозили дрова его семье, чинили крышу дома или ограду забора.

Так было всегда. Такая форма обустройства общества и норм поведения в нем была естественной формой ответной реакции малочисленных народов боровшихся за свое право не потерять землю предков, его язык и традиции.

Так было и в селении в котором жил Даут.

Потому и спешили он и его друг Пту в дом вдовы из трубы которого не струился в это холодное время теплый дым.

Всю дорогу Пту говорит не умолкая. Он по натуре оптимист и весельчак. Во всем что происходит вокруг него он видит что-то особое, а иногда и смешное.

Знаешь, говорит он, неделю назад дали право говорить невестке Баграта. Теперь и Баграт и его жена не знают как ее остановить. Сказав эту новость Пту весело, но беззлобно смеется.

Дело было в том что согласно обычаев установленных в абхазском обществе невестка не имела право разговаривать с отцом и матерью своего мужа, а так же со старшими его родственниками пока ей не давали на то официального разрешения. Как правило это происходило тогда когда она рожала наследника рода или двух дочерей. После этого хозяин дома собирал за праздничный стол близких ему людей и объявлял во всеуслыша-

ние что его невестка стала равноправным членом их рода и она имеет теперь право разговаривать со всеми. На этом все и заканчивалось.

Выслушав веселый рассказ Пту о событиях происходящих в семье уважаемого Баграта Даут сказал.

Хочешь Пту я расскажу тебе одну старую притчу на эту тему и не ожидая ответа своего друга Даут начал рассказывать.

- Давным давно в стародавние времена жили в одном селе старик со старухой. У них был сын. Пришло время и он привел в дом невестку.

Прошло еще некоторое время. Невестка родила дочь. Потом сына.

Посовещавшись старик и старуха решила, что невестка выполнила свой долг перед семьей и родом и ей пора дать право разговаривать со старшими в роду.

Старуха зарезала курицу. Накрыла стол. Старик пригласил родственников и близких соседей.

Гости поели, попили и затем всем было объявлено, что с сегодняшнего дня жена их сына становится равноправным членом их рода и она имеет право разговаривать со всеми, а не пользоваться языком жестов.

Прошло несколько дней – невестка как молчала так и продолжала молчать.

Старика и старуху это озадачило. Они решили.

- Видно наша невестка знает себе цену. Наверное, ей показалось, что курица которую мы зарезали по данному случаю это слишком мало для нее. Давай зарежем тогда индюка.

Сказали. Сделали.

Зарезали хорошего индюка. Накрыли стол. Снова пригласили соседей. Рассказали им что произошло и почему они зарезали индюка. Соседи их решение одобрили. Поели, попили и ушли. Прошло еще несколько дней. Результат оказался тот же. Невестка как молчала так и продолжала молчать.

Снова собрались старик и старуха. Снова начали думать как быть им дальше.

Подумали, подумали и решили.

Видно не простая невестка попалась нам. Видно много еще сыновей собирается она подарить нашему роду. Давай тогда зарежем козу. Невестка знает себе цену. Видать цена ее высокая. На том и порешили. Зарезали козу. Снова накрыли стол. Снова пригласили соседей.

Остались довольны все. Старик, старуха, гости и невестка.

Прошла неделя, потом другая. Все удивились когда неожиданно для всех старик зарезал бычка и снова пригласил тех же людей за свой стол.

Когда гости сели за стол старик сказал им.

Добрые люди. Я зарезал курицу, индюка, а затем и козу чтобы моя невестка заговорила с нами.

Теперь я зарезал бычка лижбы она замолчала и перестала говорить.

Пту весело рассмеялся услышав рассказ Даута. Такие истории он любил. Он уже знал как сегодня он заставит Баграта смеяться и угостить его добрым вином.

Через пол часа скорой ходьбы Даут и Пту нагруженные вязанками дров вошли во двор к Нурхан. Их приход оказался весьма кстати. Нурхан видно где-то простыла и металась в жару. Ее малолетний внук не зная что ему делать испуганно смотрел по сторонам. Да и чем мог помочь своей бабушке мальчуган которому едва исполнилось семь-восемь лет.

Пту сходил к соседям. Даут затопил печь. Совсем скоро в доме стало тепло, подошли и соседки Нурхан. Они захлопотали вокруг старухи. Даут и Пту сделали свое дело, теперь они ничем не могли помочь женщинам и потому попрощавшись с ними старики пошли домой.

У Даута было хорошее настроение. Он всегда чувствовал какой то душевный подъем когда ему удавалось сделать что-то доброе и нужное людям находившимся рядом с ним.

Доволен был и Пту. Ему тоже доставляло удовольствие делать что-то хорошее для близких ему людей. Но отдыхать Дауту в этот день не пришлось.

Дома его ждали ходоки из соседнего села. У них там случилось несчастье. Их односельчанин Гида Аргун вместе со своим товарищем пошел на охоту.

Когда они шли по следу тура Гида поскользнулся и сорвался в обрыв. Его товарищ притащил Гиду на волокушах домой. Гида был очень плох. Соседи боялись что он может помереть и просили ба-

тюшку приехать к ним с тем чтобы в случае чего он успел исповедовать его и отпустить ему грехи.

Гида был человеком сложной судьбы. Он имел пять сыновей. Трое его сыновей жили в том же селе что и он. Двое ушли на Кубань. Такое было время. Гонимый судьбой муж Нурхан пришел к абхазам, сыновья Гиды вынуждены были уйти к адыгам.

Обычай кровной мести безжалостно перемещал людей с одной стороны Кавказских гор на другую. Так произошло и с сыновьями Гиды.

Во время одной свадьбы младший сын Гиды Кантемир вынужден был обнажить свою саблю. Затеявший ссору гость из соседнего села был убит.

Кантемиру нужно было уходить. С ним Гида отправил и своего старшего сына. После их ухода старейшины двух родов немного притушили пожар, но обоим братьям дорога назад была заказана.

В свое время такие случаи как с сыновьями Гиды Аргун в Абхазии были к сожалению частыми явлениями. В этом краю мальчикам с малых лет рассказывали, что поднимать оружие против своих сородичей нельзя.

Так прямо и говорили.

- Нас абхазов и так не очень много. Если мы сами будем убивать друг друга то обрадуем только врагов наших. Они смотрят на нас со всех сторон. Лучше погибнуть в бою защищая свою Родину чем убивать самих себя.

Такие мысли внушались подрастающему поколению всегда, но жизнь есть жизнь. В этой жизни очень часто все происходит не так как хотят того люди. Не хотел убивать никого и сын Гиды Кантемир. Он вынужден был обнажить свое оружие защищая свою честь и свое имя К сожалению законы кровной мести на Кавказе были таковы что вне зависимости от того кто был прав, а кто виноват пролитая кровь должна была быть отомщена. Таковы были законы гор. Потому и вынуждены были Кантемир и его брат уйти на Северный Кавказ.

Старики в селе рассказывали, что много лет назад такой же случай произошел в другом абхазском селе.

Там тоже два брата из рода Уаза вынуждены были обнажить свое оружие.

В ту же ночь оба они уехали в края где жили абазины и адыги. Что с ними стало потом не знал никто. Говорили только, что

они там женились и продолжили свой род который со временем разделился на два крыла. Старший из них женился на девушке из племени Бесленеевских адыгов и стал жить в адыгейском ауле. Он и стал родоначальником адыгской фамилии Уаза. Младший брат женился на абазинке и жил теперь где-то на берегу бурной реки Инджигь в краю абазин.

Сам Гида был отчаянным человеком любил правду и никогда не допускал бесчестия. Возможно потому он имел поровну и хороших друзей и открытых недругов. Он многое что видел в своей жизни и к шестидесяти годам ему самому трудно было ответить себе где он был прав, а где не прав. Все знали его как отчаянного храбреца и как человека который не всегда сдерживал свои мысли и чувства.

Гида всей душой переживал события происшедшие вокруг его сыновей. Он хотел чтобы они вернулись назад в Абхазию, но сделать это было уже невозможно.

Даут хорошо знал Гиду.

Он даже приходился ему дальним родственником по линии его матери. То ли троюродным то ли четвероюродным братом.

Долг служителя церкви и долг родственника требовали от Даута чтобы он ехал к человеку попавшему в беду.

Дорога в соседнее село была неблизкая. Пролегала она во многих местах по крутым горным склонам. Ехать на лошади в такую погоду когда вся земля покрылась жестким снежным покровом было неразумно. Даже лошадь абхазской породы в таких условиях могла поскользнуться и унести с собой в обрыв и всадника.

Ходоки ждавшие его у очага дома пришли к нему пешком. Они вышли из своего села задолго до рассвета и были в пути около пяти часов хотя в обычное время дорога между их селами не занимала более двух-трех часов неспешной ходьбы.

Дорога предстояла дальняя. На улице было холодно и ветрено.

Кукула принесла ему папаху, теплый башлык, шерстяные носки и плотную рубаху. В таком одеянии да еще под буркой мороз и ветер были уже не страшны.

Дорога в соседнее село выдалась трудная. Даут и его провожатые шли с палками в руках. Концы у палок были заостренные, что облегчило ходьбу по скользким горным тропинкам. И все равно ноги обутые в кожаные чуваки ежеминутно скользили не давая возможности идти быстро как хотелось того Дауту и его спутникам.

В некоторых местах ветер намел снег почти по пояс. Идти по таким заносам было совсем не легко. Иногда вдалеке слышался вой волков. Волки в этой части Абхазии были не самые крупные, но в такую погоду оголодавшие звери могли напасть на людей.

В Абхазии водилось гораздо больше шакалов, но сейчас признаков их присутствия не было ни видно, ни слышно. Услышав в очередной раз вой волков сопровождавшие Даута парни поправили свои старые дедовские ружья и внимательно посмотрели по сторонам. Встреча с большой стаей волков в такое время не сулила ничего хорошего. Прошло некоторое время. Вой волков стих. Сами они так и не появились. Посмотрев на всякий случай еще раз по сторонам путники двинулись в дальнейший путь.

В село они пришли во второй половине дня. Солнце в это время года быстро падает за просторы моря.

Село в котором жил Гида тоже утопало в снегу.

Когда Даут начал входить во двор он сразу же обратил внимание на поведение людей входивших и выходивших из дома. Лица у всех у них были серьезные, озабоченные. Видно дела у Гиды были совсем плохими. Обычно, у абхазов если в доме больной за жизнь которого никто не опасался, а вопрос только в том чтобы ускорить его выздоровление возле него собирались друзья и сверстники. Очень часто играла апхярца[21] чтобы поднять дух и настроение больного. Молодежь пела и даже зачастую танцевала недалеко от постели больного.

Особенно часто такое поведение окружающих было тогда когда больной испытывал боль от раны или другой травмы.

Считалось, что звуки музыки и веселье танцев должно отвлечь больного от ощущения боли и не дать ему застонать.

У абхазов считалось постыдным если кто-нибудь услышит стон из уст мужчины.

Мужчина имел право умереть, но стонать от боли он права не имел. Такая реакция на болевые ощущения считалась позорной и недостойной мужчины.

Во дворе у Гиды ни музыки ни веселья не было. Значит Гиде совсем плохо.

Когда Даут вошел в комнату где лежал больной сидевшие в ней люди привстали со своих мест приветствуя батюшку.

[21] Апхярца – национальная гармошка

Все они хорошо знали его и относились к нему с особым уважением.

На их лицах лежало напряженное ожидание.

Сам Гида лежал без сознания. В таком состоянии он был уже вторые сутки.

Посмотрев на его мертвенно белое лицо Даут понял, что вернее всего он уже не жилец на этом свете.

Жена Гиды, ее невестки и соседки убирали дом. Видно они готовились к худшему исходу событий.

Даута отвели в отдельную комнату заранее приготовленную для него. Хозяева дома понимали что если Гида умрет у Батюшки будет много работы и потому ему лучше будет сейчас отдохнуть, а не сидеть над больным.

Даут снял верхнюю одежду. Умыл теплой водой лицо и руки которую подал ему молодой парень приставленный к нему чтобы он ухаживал за ним.

В комнату занесли еду.

Вместе с едой зашли два сверстника Даута знавшие его уже многие годы.

Сели за стол. Ели молча. Обстановка в доме не располагала к торжественным речам. Так же молча запили еду вином и горячим травяным отваром.

После этого хозяева ушли.

Женщины вынесли остатки еды. Даут прилег на кровати не снимая одежды. Нужно было быть готовым встать в любую минуту и исполнять обязанности то ли по исповедованию то ли по отпеванию Гиды.

До самого вечера никто Даута не тревожил. Ближе к ночи занесли еду и горячий чай из отвара горных трав.

Ничего не произошло и за ночь. Друзья и близкие ждали худшего, но Гида оказался крепким. Он никуда не спешил.

К вечеру второго дня он открыл глаза. Глаза его были спокойные и ясные будто он проснулся после долгого крепкого сна. Увидев сидевших в комнате людей Гида глухим голосом сказал.

- Видно мне еще рано на тот свет. Кажется вам всем придется подождать немного.

Все заулыбались.

Еще больше удивил их Гида сказав со слабой, но доброй улыбкой.

Вам всем нетерпелось уже выпить за упокой моей души. Выпить выпьете, но только не за упокой, а за здравие.

После этих слов сыновья Гиды завалили молодого бычка.

Женщины быстро порезали курей.

Вернулся Даут домой только через два дня.

Вернулся довольный и угощением поданным ему и тем, что ему не пришлось на этот раз исполнять печальные ритуальные действия.

Даут считал себя счастливым человеком. У него было много причин думать так о себе.

Бог наградил его даром сопереживания. Горе и радость окружавших его людей он воспринимал как свое горе и свою радость. Чувства эти были искренними и потому вызывали у его односельчан да и не только у них добрые ответные мысли. Его любили и уважали во всей округе. Любили и уважали не только как священнослужителя, но и как доброго отзывчивого человека.

Очень часто можно было видеть как он сняв свою рясу становился в один ряд со своими соседями в дни хороших или печальных событий. Делал он это от всей души и потому ответные чувства окружавших его людей были такими же искренними и такими же добрыми. Так было и тогда когда все село пришло помогать ему чинить дорогу ведущую к его дому во время посещения его католикосом Абхазии.

Так было еще много раз по большим и малым случаям. Как бы не складывались его дела Даут никогда не чувствовал себя одиноким или никому не нужным. Это и делало его счастливым.

Через час после своего возвращения домой он растянулся в чистой постели и и начал засыпать блаженным сном как засыпают обычно люди довольные собой и тем как выполнили они свой долг.

Уже засыпая, сквозь чуткий полусон, Даут слышал как перед воротами его усадьбы послышалось песнопение. Пели нестройным хором мальчишки собиравшиеся по определенным случаям в небольшие стайки в каждом квартале села.

Сегодня был мусульманский праздник. Его праздновали как было принято издревне во всех селах Абхазии и мусульмане, и христиане, и язычники. Впрочем точно также было в дни православных праздников. Их тоже праздновали всем селом.

Даут хорошо помнил как он, будучи еще мальчишкой, ходил со стайкой таких же мальчишек как и он то колядовать, то петь «Аминтаза» в честь пророка Мухамеда.

Врочем точно так же делали и его сверстники мусульмане. Они то же с равным удовольствием и колядовали и пели «Аминтаза».

В этом отношении вся Абхазия была уникальным краем где все его жители с одинаковым рвением и удовольствием праздновали все что было посвящено единому Богу. Праздновали все. И мусульмане, и христиане, и язычники. Веротерпимость и уважение к религиозным чувствам близких людей было отличительной чертой жителей всей Абхазии.

Даут слышал как вышла из дома Кукула. Видно она понесла поющим ребятишкам какие-то гостинцы. Обычно это были сладости на меду, орехи, яйца или что-то еще в этом роде. Летом выносили овощи и фрукты коих было изобилие в этом благодатном краю.

Под звуки Аминтазы и беспокойные завывания начавшейся вьюги и заснул Даут в этот чудный зимний вечер.

ТУПИК

Через три дня после встречи Ибрагим-бея и его друзей с Султаном он отправил гонца с письмом в Александрию. Содержание письма было коротким. Всего две строки.

«Али-бей гневается на тебя. Он дал тебе отсрочку на полгода. Если хочешь узнать подробности разговора с ним не медленно приезжай».

Еще через два дня тот же корабль доставил, Назымбия в Каир. Был он одет в одежду простолюдина и потому навряд ли его мог кто-то узнать. Каждый кто видел его в таком наряде мог подумать, что это или ремесленник или мелкий купец с портового базара. Его сопровождал слуга который нес небольшой сундук с вещами на случай если Назымбию вдруг придется нанести визит к Султану. Слуга шел рядом с Назымбием. В обычных условиях так не должно было быть, но сегодня все было именно так. Если бы слуга шел за ним это могло показать всем что он важная особа. Потому слуга шел рядом.

Назымбий имел большой дом в Каире. Но он туда не пошел. Остановился в одном караван-сарае где его никто не знал. Идти в

дом к Ибрагим-бею он не хотел до тех пор пока не узнает все подробности его беседы с Султаном.

Предостороженность никогда никому не мешает рассуждал он. Могло быть так что никто не должен был узнать о его приезде в Каир. Над этой мыслью он начал задумываться после нескольких посещений его дворца посланниками Сефар-Паши. Об их визитах могли узнать и в Каире. Мог узнать об этом и сам Султан. В такой ситуации нужно было остерегаться всего. Назымбий знал, что он не сделал до сегодняшнего дня ничего предрассудительного, но это знал только он сам, а вот что могут подумать другие по этому вопросу трудно было предположить. Этим и были вызваны меры предосторожности которые вынужден был предпринять он чтобы не подставить под подозрение Ибрагим-бея, которого он уважал за честность и порядочность.

Устроившись в караван-сарае он послал к Ибрагим-бею слугу с тем чтобы известить последнего о своем нахождении в Каире.

Узнав где остановился Назымбий и увидев затем в каком он наряде Ибрагим-бей немало удивился.

Тайна которой покрыл свой приезд в Каир Назымбий была непонятна ему. Она даже несколько насторожила его.

Это было вполне естественно ибо он ничего не знал об отношениях своего товарища с Сефар-пашой

Поудивлявшись причудам старшего друга и шурина Ибрагим-бей решил не о чем пока его не спрашивать и подождать что скажет на эту тему сам Назымбий. Оделся он как и попросил его посланник Назымбия в простую одежду чтобы никто не узнал его. Прошло некоторое время, но Назымбий так и не сказал ему почему он затеял весь этот маскарад. Тогда Ибрагим-бей не скрывая уже своего удивления и раздражения спросил Назымбия сам:

- Слушай, я что-то ничего не пойму. Что это за маскарад. Почему ты не пришел ко мне домой как дорогой гость. Почему мы встречаемся здесь в грязном Караван-сарае полном клопов и других нечестей, а не в моем или в твоем доме.

По-видимому Назымбий и сам понимал, что немного перегнул с мерами предосторожности, но дело было уже сделано и потому теперь нужно было думать как объяснить все это Ибрагим-бею не вызвав у того ненужные подозрения.

- Понимаешь, начал он, стараясь хоть как-то более правдоподобно объяснить Ибрагим-бею свое поведение, я просто боялся что тебе может навредить если Султан узнает о том, что ты общаешься с человеком на которого упал его гнев. Это все что заставило меня принять такие меры предосторожности. Никаких других причин тому больше нет, поспешно заверил он.

Это объяснение было совсем не убедительным, но Ибрагим-бей решил не заострять своего внимания на нем считая, что есть гораздо более серьезные вопросы которые необходимо было ему обсудить сегодня.

Помочь Назымбию просила Ибрагим-бея его жена Марыся, которую звали теперь Мысхан. Она была родной сестрой жены Назымбия Параски. В отличии от многих своих собратьев Ибрагим-бей с уважением и любовью относился к своей жене несмотря на прожитые годы. По Восточным меркам того времени 35-40 лет для женщины считался довольно почтенным возрастом, но Мысхан была по прежнему красива и привлекательна даже в таком «преклонном» возрасте.

Годы добавили ей только еле заметную седину да некоторую полноту которая ей очень даже шла и делала ее еще даже более привлекательней чем много лет назад.

Благодаря ей в их доме всегда царила атмосфера тепла, чистоты и уюта. Слуги ее любили. Дети слушали каждое ее слово и готовы были делать все что она желает не только по ее указаниям, а даже по одному ее взгляду.

Параска, которую теперь звали Пашахан была полной противоположностью своей сестры. Она почему-то быстро состарилась. Сразу же поседела. Глаза ее раньше полные синевы бездонного неба теперь выцвели и стали со временем совершенно бесцветными и злыми. Она была всегда чем-то недовольна. Назымбий построил для нее и ее детей прекрасный дворец в тихом зеленом уголке города, но он казался ей не таким большим и роскошным как хотела бы она того. Слуги ее боялись и в глубине души ненавидели ее, а вместе с ней и все ее окружение, хотя те не были ни в чем виноваты.

Сказать о своих чувствах вслух слуги не могли, но каждый их шаг и каждое их слово говорило о скрытой их ненависти ко всему что было связано с Пашахан.

Ибрагим-бей все это знал так как нередко бывал в доме у своего друга. То что он видел там еще более укрепляло его добрые чувства к Мысхан которая была полной противоположностью своей сестры.

Вот и сейчас она не ничего не требовала. Она просто посмотрела ему в глаза и тихо сказала

- Я все знаю. Знаю, что Назымбий много что натворил. Знаю, что он может натворить еще больше. Но если можно не забудь что он муж моей сестры и отец моих племянников.

Мысхан была очень умная женщина и потому в свое время довольно быстро поняла, что говорить Ибрагиму-бею что-то требовательным тоном нельзя.

Любая приказная форма общения с ним вызывала у него обратную реакцию. Она это усвоила сразу. Поняла она так же, что когда она просила его о чем-то то он старался всегда выполнить ее просьбу чтобы лишний раз показаться ей в положительном свете не уронив при этом своего мужского достоинства которое в его понимании могло пострадать от того что он выполняет требования или капризы жены. Со временем Мысхан твердо усвоила как нужно говорить с Ибрагимом – для нее он всегда был Ибрагимом. Просто Ибрагимом которого она полюбила еще тогда на базаре в Каире где она просила Иисуса Христа что бы именно он купил ее. Христос ее услышал. Ибрагим купил именно ее и никогда после этого ни он ни она не сожалели об этом.

Она говорила ему просто Ибрагим, а не Ибрагим-бей и это ему нравилось. Она умела вкладывать в его имя особый смысл который в этом мире знали только он и она. За годы прожитые с ним она многому научилась. Научился многому и он.

Так и жили они обучая друг друга чему то доброму, хорошему всегда и во всем объединявшему их.

Вот и сейчас Ибрагим-бей старался не обращать внимание на мелочи чтобы выполнить свою главную задачу.

- Сдержать обещание выданное им жене. Она ему верила и он не хотел обманывать ее. Назымбий и Ибрагим-бей не стали выходить во двор грязного и неуютного караван-сарая а остались в комнате. Сделано это было по настоянию Назымбия. Слуга посланный им принес две чашечки крепкого турецкого кофе.

Назымбий отхлебнул горячий ароматный напиток. Ибрагим-бей пить кофе не стал. Он даже не притронулся к чашечке которая

стояла перед ним. В доме в котором он жил всегда была идеальная чистота. Мысхан не допускала чтобы хоть маленькая крупица пыли была на чем-нибудь. Возможно поэтому он привык к идеальной чистоте и довольно брезгливо относился к любому проявлению грязи или нечистоплотности вокруг него. Даже во времена боевых походов в которых бывал он довольно часто двое его слуг содержали палатку в которой жил он в особой чистоте. Так же впрочем как его одежду и посуду из которой он ел. Делалось это по строгому указанию Мысхан которая долго и тщательно рассказывала слугам, что они должны делать и как что бы их господин чувствовал себя вдали от своей семьи в чистоте и уюте как дома.

Когда Ибрагим-бей увидел не совсем опрятный вид заведения в котором остановился его друг у него сразу же пропало всякое желание прикасаться к чему либо здесь, тем более пить кофе из чашки которую непонятно как и неизвестно где помыли.

Разговор между ними сразу же не заладился. Они были старыми добрыми друзьями, не раз вместе ходили в походы, не раз вместе смотрели смерти в глаза. Ибрагим-бей, хорошо помнил как Назымбий спас его однажды от неминуемой смерти. А было дело так. Во время атаки мамлюков на янычар в бок им ударила наемная курдская конница. Выскочивший неожиданно от него справа курд занес уже над ним свой смертоносный меч Шамшир. Тогда увидевший это Назымбий остановил неминуемый смертоносный удар курда выстрелом из пистолета.

Так было, но сейчас Ибрагим-бей чувствовал какую-то напряженность и неестественность в поведении своего друга. Несмотря на это он спокойно и довольно обстоятельно поведал ему все обстоятельства его встречи с Али-беем. Рассказал ему кто ходил к нему по его просьбе, что говорил и какое решение принял Султан по их ходатайству.

Выслушав до конца рассказ своего друга Назымбий задумался. А ему было над чем подумать. Город которым управлял он был вторым по численности в Каире. А вот по своей значимости и возможностям которые предоставлял он был намного весомее. В Александрию стекались товары со всего мира. Здесь решалась судьба больших торговых сделок, а значит и ходили по кругу очень даже большие деньги. А там где ходят большие деньги что-то, а порой и не совсем мало достается и тому кто руководит их движением.

Александрия была далеко от Каира и потому его полновластным хозяином был только он. Столица была далеко. Надзор за его работой тоже.

Такое положение дел давало ему громадные возможности для регулирования потока денег и товаров через городской порт. Судьба города и его благосостояние давно уже не интересовали Назымбия. Он вошел в долю во многих коммерческих сделках где имел довольно приличный процент от прибыли. Его участие в этих делах имело и положительную и отрицательную стороны.

С одной стороны были деньги. Большие деньги. С другой стороны он терял контроль за деятельностью многих городских структур так как был компаньоном в их делах и вынужден был защищать не столько интересы города сколько интересы дел в результатах которых он был заинтересован. Цепочка эта была длинная. Коммерческие дела охраняли бандитские шайки. С одной стороны эти шайки становились невольным компаньоном с ним, а с другой стороны он обязан был силой оружия подавлять их противоправные действия. Бандиты и нечистоплотные дельцы орудовавшие в порту и в городе хорошо знали, что правитель города связан с ними общими делами и общими интересами. Это развязывало им руки и они чувствуя свою безнаказанность начинали переходить грани дозволенного. Такая ситуация ставила под удар интересы граждан, города, заморских купцов, и моряков. Все они были недовольны существующим положением дел в Александрии. Многие из них жаловались Султану . Раньше все сходило с рук Назымбию. Теперь положение дел изменилось. Видно число жалоб и жалобщиков превысило разумные пределы.

Если бы он не предпринял теперь срочных мер и не исправил существующее положение то Султан мог отдать его под шариатский суд города. Со служителями мечетей у Назымбия образовались довольно напряженные отношения. Они были на стороне граждан города и постоянно требовали от него чтобы он навел в городе порядок. Их требования он игнорировал. До сих пор хозяином положения был он. Теперь все могло измениться и он мог попасть в руки служителей мечетей с правом судить его Имамы и шейхи свое право вершить над ним суд использовали бы по максимуму. После их суда Назымбия ждала только виселица. Здесь

было над чем подумать. Нужно было искать выход из создавшейся ситуации. Можно было уйти самому. Но тогда возникала другая проблема. Тот кого Султан направит на его место уже через несколько дней будет знать о всех его делах. Тогда его ждет неминуемый суд уже в Каире в исходе которого он так же сомнений не имел. Многих чиновников казнили и за гораздо меньшие грехи. Можно было бежать в Турцию как сделал это в свое время Сефар-паша. Но у Сефар-паши были большие деньги за пределами Египта и он смог воспользоваться ими после своего бегства. Все богатства Назымбия были в двух громадных домах в Каире и в Александрии, а так же в нескольких десятках тысяч феданнов земли в плодородной долине Нила и в многочисленных стадах домашних животных. Замки, земли и животных с собой не увезешь. Если начнешь их продавать это сразу же выдаст его намерения по побегу за границу. Тогда суд будет еще короче. Оставался только один выход. Нужно было искать людей которые могли бы замолвить за него слово перед Али-беем или надеяться на то, что власть Али-бея скоро закончится.

Назымбий хорошо ориентировался на политической сцене Египта. Он в совершенстве знал кто есть кто в Каире и кто на что способен.

Он знал так же кто и в какой степени может влиять на Султана и с чьим мнением считался Али-бей. Таких людей во всем Египте было совсем немного. Каждый из них имел свой уровень влияния на повелителя.

Несомненно, что самое большое влияние на Али-бея имели Апстха и Нафиса. Помимо них свое мнение могли высказать ему Сахиб-бей, Мухамад-бей и Аль-Харун. С ними Али-бей тоже считался. Теперь оставалось только решить кто из них мог быть полезным Назымбию в его деле. Кто из них мог еще раз замолвить за него слово чтобы получить отсрочку ни на полгода, а на год. За год могло утечь много воды из Нила и многое измениться под луной которая всегда тускло освещала пыльные даже по ночам дороги неспокойного Египта.

Надеяться на помощь Нафисы было трудно. Она недолюбливала Назымбия и была в свое время категорически против того чтобы его назначили правителем Александрии. Нафиса тогда прямо не скрывая ни от кого сказала свое мнение Али-бею.

- Назымбий хороший воин, но правитель из него будет некудышний. Он слишком жаден, а жадность к добру никогда не приводит. Жадный может за деньги продать все. И совесть тоже.

Назымбий не считал себя жадным, но к сожалению не все вокруг него были такого же мнения как он.

Апстха тоже навряд ли взялся бы защищать его. Он как и Нафиса был в свое время категорически против его назначения на должность правителя Александрии. Он как и Нафиса считал его слишком жадным.

Сахиб-бей всегда был такого же мнения что и Апстха. Трудно было предположить, что он сейчас изменит свое мнение.

Аль-Харун далеко. Он и вовсе не знает Назымбия, а значит и сказать о нем ничего не может.

Оставался только Мухамад-бей. Нужно было думать как убедить его пойти к Али-бею с повторной просьбой. Придя к такому выводу Назымбий попросил Ибрагим-бея сделать ему сегодня же встречу с Мухамад-беем.

Ибрагим-бей возражать ему не стал и в тот же вечер Назымбий встретился с Мухамад-беем. Встреча состоялась в доме последнего куда Ибрагим-бей и Назымбий прибыли в том же одеянии в котором встретились они в караван-сарае. Сделано это было по настоятельной просьбе Назымбия который по прежнему боялся постороннего взгляда.

Мухамад-бей с удивлением рассматривал их наряд, но ничего говорить на эту тему не стал. Он все понял без слов. После недолгого размышления он пришел к выводу, что такая ситуация когда Назымбий прячет от людей свое лицо ему даже выгодна.

Слуги быстро накрыли на стол и через полчаса хозяин дома и его гости закончив вечернюю трапезу приступили к разговору ради которого и приехал правитель Александрии. Ибрагим-бей молча сидел за столом и в разговор между Мухамад-беем и Назымбием не вмешивался.

Назымбий долго и довольно убедительно рассказывал Мухамад-бею кто и как оклеветал его и что в Александрии дела обстоят не так уж и плохо как убедили в том его недоброжелатели Султана. Назымбий хорошо подготовился к этому разговору и потому его речь была усыпана многими аргументами убедительно доказывавшими его невиновность и полную правоту. Мухамад-бей молча

слушал своего собеседника. Он хорошо был знаком с обстановкой в Александрии и не перебивал своего гостя не потому что надеялся услышать от него что-то новое и ему неизвестное, а совсем по другой причине. Он хорошо знал, что Назымбий имел тесные и довольно частые контакты с Сефар-беем, а вернее уже с Сефар-пашой. Султан совсем недавно произвел Сефар-бея в ранг паши Турецкой империи и Сефар с удовольствием поменял приставку Бей к своему имени на приставку Паша. Вообще-то титул бея был выше титула Паши, но звание Паши давал сам Султан Великой Турецкой империи и это было для Сефар-паши гораздо важнее и надежнее титула бея которого выбирало сборище мамлюков. Теперь Сефар стал Пашой и ни на грамм не сожалел об этом. Более того он был очень даже доволен тем, что так удачно сменил один титул на другой, а Египет на Турцию.

Именно связи Назымбия с Сефар-пашой о которых знало очень ограниченное количество людей интересовали сейчас Мухамад-бея. Только ради них он и слушал до сих пор всю ложь которую так долго и увлеченно рассказывал ему Назымбий полагая что он верит всему тому, что он говорил ему. У Мухамад-бея были свои планы в отношении Сефар-паши и именно поэтому он согласился принять Назымбия и так долго слушал его давая возможность последнему сказать все что он хотел довести до его сведения. Назымбий, конечно же ничего не знал о далеко идущих планах Мухамад-бея и потому продолжал упорно доказывать ему свою невиновность. В свою очередь Мухамад-бея доводы Назымбия не интересовали. Тем временем Назымбий все говорил и говорил. Ибрагим-бей и Мухамад-бей молча слушали его. Никто из них о сути того о чем говорил им сейчас Назымбий не думал. Слушая его каждый из них думал о своем. Когда Назымбий наконец закончил свой рассказ Мухамад-бей с облегчением вздохнул и сделал вид, будто он думает о том, что услышал он от него.

Выдержав определенную паузу которая должна была создать видимость того что он обдумал и взвесил слова услышанные им Мухамад-бей медленно и как бы обдумывая каждое слово своего ответа сказал.

- Я знаю Назымбий, что ты честный человек. Знаю, что твои враги – а они есть у каждого человека кто честно исполняет свой долг оклеветали тебя перед Султаном. Я знаю также, что ты хоро-

ший руководитель города. Я уверен что в Александрии все не так плохо как рассказали твои недоброжелатели повелителю. Я все это хорошо знаю.

Конечно же, Мухамад-бей говорил неправду. Он прекрасно знал что это неправда, но все равно продолжал говорить так.

Он был опытный и дальновидный политик. Время научило его использовать чужие слабости и чужие проблемы. У Назымбия были проблемы. Ко всему прочему у него было много слабых мест . Его самым слабым местом являлась жадность. Все это и собирался использовать в своих целях Мухамад-бей которому нужно было только одно. Найти прямой выход на Сефар-пашу не вызвав ни у кого сомнений до того времени когда он сам не сочтет что настал для этого нужный час. Посредник между Сефар-Пашой и ним в лице скользкого и труднопредсказуемого Эреджиба его уже давно тяготил.

Нелепая игра с переодеваниями которую затеял Назымбий только подтвердила уверенность Мухамад-бея в том, что он имеет прямые связи с Сефар-пашой и потому скрывает свой приезд в Каир от соглядатаев Султана.

Закончив свою мысль о невиновности Назымбия Мухамад-бей сказал.

- Я сегодня или завтра схожу к повелителю и попытаюсь убедить его в твоей невиновности. Ты находись там где ты находишься сейчас и жди моего ответа. Когда я навещу Султана и буду знать его ответ я пошлю за тобой людей. На этом они и расстались. Довольный услышанным ответом Назымбий ушел один. На выходе из дома его ждал слуга. Оглянувшись несколько раз по сторонам и убедившись, что за ним никто не наблюдает Назымбий быстрым шагом пошел в сторону своего караван-сарая. Слуга шел рядом с ним и весело улыбался сам себе. Ему доставляла удовольствие мысль о том, что жизнь непредсказуема. В этой жизни все бывает. Бывает и так что время заставляет бея идти рядом со своим слугой.

Назымбий хорошо знал Каир. Здесь прошла его молодость и потому ему не нужен был провожатый который показывал бы ему дорогу в нужном направлении.

После ухода Назымбия Мухамад-бей и Ибрагим-бей долго еще сидели неторопливо попивая кофе и потягивая из кальяна благовонный дым.

У Ибрагим-бея в отличии от его товарища не было никаких планов в отношении Назымбия. Единственной его задачей на сегодняшний день по отношению к нему было только желание помочь человеку попавшему в беду и выполнить просьбу своей жены. Никаких других планов у него не было. Разговор протекал медленно неторопливо. Каждый из них думал о своем.

- Когда ты планируешь нанести визит к Султану спросил Ибрагим-бей.

Мухамад-бей ответил не сразу. Он по-видимому думал о чем-то другом и потому ответил после небольшой паузы.

- Если получится схожу сегодня. Если что-то не так думаю завтра я увижу Султана во всех случаях.

- Мне с тобой пойти

- Нет.

- Как ты думаешь. Можно будет решить проблему Назымбия положительно, задал следующий вопрос Ибрагим-бей.

- Не знаю отвечал его товарищ. Али-бей не так прост и он знает многое из того что не знаем мы. На то он и Султан добавил Мухамад-бей продолжая задумчиво смотреть через открытое окно на желтый диск луны появившийся на вечернем небосклоне. Мысли его были далеко. Они были совсем о другом.

Через день Мухамад-бей и Назымбий встретились вновь . Как и в первый раз Назымбий был в одежде простолюдина. Это сразу же бросилось в глаза Мухамад-бея. Ибрагим-бей уехал за пределы Каира и потому участия в этой встрече не принимал.

Мухамад-бей рассказал Назымбию, что он ходил к Султану, долго уговаривал его смягчить свое решение, но так и не смог добиться от него положительного результата. Тот дал однозначный ответ. Полгода и ни на день больше. Или он исправит создавшееся положение или пойдет под шариатский суд города в котором он живет. При последних словах Мухамад-бея настроение у Назымбия резко упало. Он понял, что на сегодня у него нет уже никакого выхода. На самом деле Мухамад-бей к Султану не ходил и ни о чем с ним не разговаривал. Он просто хотел довести Назымбия до того состояния когда чувство безысходности положения в которое он попал сделало бы его мягким и сговорчивым. Для пущей убедительности он добавил. Ты знаешь Назымбий как я отношусь к тебе. Мы вместе начинали свою жизнь простыми мамлюками. Вместе

росли, вместе воевали. Была бы моя воля я бы конечно не допустил этой расправы над тобой, но все решает Султан. Я же не Султан и обязан подчиняться его воле. К сожалению это так.

Слово к сожалению было произнесено так что его можно было понимать во многих смыслах. То ли к сожалению что он не может помочь ему, то ли к сожалению от того что он не Султан. Это был пробный шар. Мухамад-бею нужно было увидеть реакцию Назымбия на свои слова. И реакция последнего последовала незамедлительно.

- Мне тоже жаль что ты не Султан. Мне бы тогда нечего было бояться:

- Мухамад-бей поднял на него нарочито удивленные глаза. Взгляды их встретились и они сразу поняли чего они оба хотят друг от друга.

Назымбий уехал на следующий день. С тех пор гонцы и посредники стали частыми пассажирами на кораблях следовавших из Александрийского порта в пределы Турецкой империи. Затем эти же гонцы с письмами, а вслед за ними и сам Назымбий зачастили в Каир в гости к Мухамад-бею.

Он как и прежде не останавливался ни у него в доме, ни в доме самого Назымбия предпочитая приезжать инкогнито и останавливаться в разных гостиных домах чтобы не привлекать излишнего внимания людей.

Нити заговора становились все гуще. В него потихоньку входили все новые и новые люди.

До поры до времени Мухамад-бей решил не раскрывать свои планы перед Мурад-беем и Ибрагим-беем. Потом поразмыслив еще некоторое время и посовещавшись с Назымбием и другими ближайшими сообщниками они решили вообще ничего не говорить им, а постараться создать такие обстоятельства когда тем некуда будет отступить и они вынуждены будут идти вместе с ними. Мухамад-бей хорошо знал, что оба его товарища в заговор против Али-бея не пошли бы ни при каких обстоятельствах. Более того они в тот же день доложили бы Султану о всех планах заговорщиков. Ибрагим-бей и Мурад-бей были людьми чести и можно было не сомневаться что они поступят так и только так.

Больше всего в своих делах Мухамад-бей боялся ни Султана и грозящей расправы с его стороны в случае неудачи начатого им дела, а того как воспримет все эти события Фагуда.

Фагуду он любил. Он хорошо знал ее. Знал, что она никогда не согласится поменять свои покои на Султанские если вопрос будет стоять о жизни ее брата и его будущем. Али-бея она любила. И эту любовь она не променяла бы ни на что в этом неустойчивом постоянно качающемся под ногами подлунном мире. В иерархии вечных ценностей Али-бей шел у нее сразу же после Всевышнего и Мухамеда пророка.

Конечно, она любила и Мухамад-бея. Любила его так как может любить настоящая женщина своего единственного мужчину.

Она была верная жена и верная сестра и если бы Али-бей задумал что-то дурное против Мухамад-бея она бы так же яростно защищала и его как будет защищать сейчас своего брата в случае если что-то будет угрожать ему. Все это Мухамад-бей знал и потому днем и ночью думал о том как совершить задуманное им мероприятие и не потерять при этом Фагуду. Фагуда недавно родила. Родила большого здорового мальчика. Теперь у него был наследник и это многое меняло в его жизни. Согласно нового закона трон Султана Египта мог передаваться по наследству. У Али-бея не было сына. Его сын от Нафисы умер уже давно. Было три дочери. Одна из них от Мариам. Они как лица женского рода не могли претендовать на трон Султана. Тогда наследником трона Султана Египта должен был стать его сын. Это было единственное, что оправдывало его действия перед ним самим. Он не боялся расплаты за то, что он задумал совершить. Постоянно находясь под пулями и саблями врага он уже привык к присутствию тени смерти рядом с собой. Боялся Мухамад-бей только позора который мог упасть на него и на голову его сына если он потерпит поражение в борьбе за власть которую он хотел добыть любой ценой для себя и для своего наследника.

Самый большой удар ожидал его в последующий период когда он вошел в игру и отступить было уже некуда. Турция которая готова была помочь ему всеми доступными средствами в борьбе за власть в Египте выставила одно непременное условие.

- Египет должен был снова войти в состав Турецкой империи. Титул Султана независимого Египта должен был быть упразднен и введена как и прежде должность шейха аль Баледа, то есть фактически гражданского губернатора провинции Османской империи с особыми полномочиями. Должность шейха аль-Баледа по наследству не передавалась.

Мухамад-бей даже не знал, что в случае если бы Али-бей принял условия мирного договора предложенные ему через Омер-пашу Турецкой стороной, то наследственный титул правителя Египта остался бы неприкосновенным и в таком случае его сын так или иначе стал бы главным претендентом на него. Беда Мухамад-бея была в том, что он много чего не знал. Он спешил. Время торопило его и стаивило в безвыходное положение.

Условие Турецкой стороны по упразднению титула Султана Египта было ударом по его планам. Но отступать ему было уже некуда. Ситуация завела его в тупик. Или он принимает условия Турции которая захлопнула перед самым его носом дверцу капкана, или он должен пойти на виселицу как предатель и изменник. Теперь у него не было выбора и он вынужден был принять условия Турецкой стороны переданные ему через доверенных людей Сефар-паши. Теперь Мурад-бей утешил себя лишь надеждой на то что когда он придет к власти то он пойдет тем же путем, что и Али-бей. Главной его задачей станет борьба за независимость Египта от Турецкой империи. Круг замыкался. Его дорога вела туда же куда шла дорога Али-бея. Разница была только в одном. У Али-бея было имя легендарного полководца не потерпевшего за всю свою жизнь ни одного поражения. Оно объединяло и сплачивало его сторонников.

У Мухамад-бея такого имени пока не было. Ему еще нужно было завоевать еще в нелегкой борьбе с многочисленными врагами.

ДОЖДЬ

С утра над Каиром прошел дождь. Дожди бывают здесь не так часто и потому у всех жителей города приподнятое настроение. Радостно улыбаются даже разносчики воды снующие по улицам города с громкими криками.

Когда в город приходит дождь у них становится меньше работы. Меньше работы – меньше заработок. Но даже это обстоятельство не мешает им радостно улыбаться.

Дождь есть дождь. Живительная влага нужна всем. Особенно здесь на самом краю безжалостной пустыни. Прошло буквально полчаса и в городе не осталось даже следов от недавно прошумевшего дождя. Почва под городом такая, что моментально впитывает всю воду до последней капли. Почти одновременно с этим горячий воздух высушивает листья и траву. Прошло совсем немного времени и от дождя остались только светлые улыбки на лицах людей.

Посветлели лица, и у обитателей дворца Султана. С доброй почти радостной улыбкой вышла из своей комнаты Нафиса. Давно уже никто не видел ее в таком добром расположении духа. В последнее время подобное настроение бывало у нее только тогда когда к ней приносили маленького Даута. Тогда она брала его на руки и долго ходила с ним с загадочной улыбкой по бесконечным коридорам дворца. Сейчас на ее лице такая же улыбка. Блаженно улыбаясь она идет по сквозному коридору тихо тихо напевая про себя протяжную мелодичную песню на своем родном грузинском языке.

Такое же радостное настроение и у многих других. Дождь принес прохладу и свежий воздух. Особо радостное настроение у садовников. Назир и Мухаб могут сегодня немного отдохнуть. Дождь изрядно полил цветы и траву на клумбах и лужайках. Теперь можно будет хоть один день отдохнуть от тяжкой необходимости переносить сотни ведер воды чтобы полить зелень во внутреннем дворе дворца. Дело в том, что система орошения и полива во дворе дворца работает, но она не достает до всех уголков засеянных цветами и душистым кустарником. Вот и приходится им целый день таскать воду в отдаленные уголки обширного двора. Назир и Мухаб Эфиопы. Волосы у них курчавые, но они не похожи на типичных негров. Кожа у них более светлая, глаза и губы как у европейцев. Зубы у них ослепительно белые и сразу же говорят о прекрасном здоровье их хозяев. Несмотря на тяжелую изнуряющую работу оба эфиопа постоянно улыбаются. Они молоды, сильны как буйволы и потому еще не особо чувствуют убивающий ритм их повседневной работы. Они стоят под навесом и весело говорят о чем то на своем никому здесь неизвестном незнакомом гортанном языке.

Вышел в сад подышать долгожданной свежестью и прохладой и сам Султан. Раннее солнце не успело еще высушить до конца воздух. Он был полон еще живительной влаги и спасительной прохлады.

Шагах в пяти-шести сзади Султана идет Умар. Он держится на почтительном расстоянии с тем чтобы не мешать Али-бею говорить с Кящифом идущим чуть позади него.

Услышав голоса садовников Али-бей остановился. Язык на котором говорили они был ему незнаком, но что-то очень близкое и щемящее было в нем.

Он стоял не доходя нескольких шагов до полунавеса под которым сидели рабы и напряженно вслушивался в их голоса. Стоял долго. Слушал внимательно. Он много раз видел ранее этих рабов – садовников, но никогда не обращал на них особого внимания. Теперь же услышав их разговор и уловив в их словах что-то до боли знакомое ему он застыл вслушиваясь в их речь. Один из них видимо почувствовав присутствие посторонних людей оглянулся. Увидев стоящего сзади них Султана толкнул локтем своего соседа и быстро согнулся в глубоком поклоне выражая свое почтение монаршьей особе.

Его напарник оглянулся назад увидел Султана и быстро сделал то же самое.

Али-бей коротким жестом показал Умару чтобы рабы разогнулись. Видно ему что-то хотелось спросить у них.

Умар подошел к эфиопам и кончиком плетки которую держал он в руках привел их в вертикальное положение. Когда они разогнулись сразу же стало видно что оба они высокие, стройные, мускулистые. Ростом вровень с Умаром который считался среди мамлюков одним из самых высоких. Их рельефные сразу бросающиеся в глаза фигуры были будто бы вылеплены из светло-коричневой блестящей на солнце глины как в самый первый день когда создатель вылепил человека из глины и пыли и долго смотрел любуясь на то что создал он из ничего.

Кто вы – спросил Али-бей на арабском языке.

- Мы твои рабы повелитель отвечали они на сносном арабском языке. Видно они были в Египте уже не первый год и потому уже довольно свободно изъяснялись по арабски.

- Я знаю что Вы мои рабы. Я спрашиваю не об этом продолжил Али-бей. Я спрашиваю другое. Кто Вы по национальности, на каком языке говорите вы и как звали вас до того как вы попали в Египет.

Рабы быстро поняли что хочет услышать от них повелитель и стали отвечать перебивая друг друга.

Умар той же плеткой показал, что бы замолчал один из них и отвечал на вопросы Султана тот что был ближе к нему.

Эфиопы начал отвечать медленно тщательно обдумывая каждое слово. Отвечая на вопросы раб ни головы ни глаз не поднимал. Раб не имеет права смотреть в глаза своему господину. В Египте как во многих странах Востока за это могут отрубить голову или выколоть глаза. Таковы законы этих краев.

Али-бей рассеянно слушал его ответы. Он смотрел на молодых сильных эфиопов, а мысли его были где-то совсем не здесь. Язык на котором говорили они он никогда ранее не слышал. Он был ему незнаком. Но при этом странное чувство какой-то тайны или чего-то совсем близкого, но давно забытого им не покидало его. В манере их произношения, в отдельных звуках их речи или даже в их сочетании было что-то такое что заставляло его память напрягаться и что-то искать независимо от его желания.

А ну ка поговорите еще на своем языке приказал он. Рабы не поняв его приказания продолжали говорить на арабском языке и лишь после того как рядом с их телами просвистела плетка Умара они сообразили что от них хотят и стали испуганно говорить на своем языке.

Али-бей слушал их и никак не мог понять, что поразило его в их речи.

Наконец он дал команду и они замолчали. Глаза у эфиопов тревожно блестели. Они никак не могли понять почему могущественный Султан обратил на них внимание и чем все это закончится для них. После короткого раздумия Али-бей спросил.

- Откуда Вы

- Мы из Абисинии отвечали рабы.

В Эфиопии было множество разных племен и народов и потому Али-бей повторно спросил.

- Из какого Вы племени и где проживает оно.

- Мы из племени апсар, отвечали они не поднимая по прежнему головы и устремив свои глаза в землю.

Наше племя проживает в горах. Там где мы жили всегда много солнца, травы и деревьев. Мы охотники. Вокруг нас леса. В лесу много зверей. Мы добывали всяких зверей. Еще у нас есть много земли. Земля наша на склонах пологих гор. Мы сеем на ней просо тем и живем закончил свой рассказ Назир.

- А как Вы попали сюда спросил Султан.

- Три года назад твои воины пришли на наши земли.

Все мужчины нашего племени взялись за оружие, но твои мамлюки оказались сильнее нас. Сперва мы думали что их мало,

а нас много, но это было нашей ошибкой. Только тогда мы поняли кто такие мамлюки. Они раскидали наше войско как ветер солому. Многих взяли в плен.

Мы тоже сражались вместе со всеми против твоих воинов, но ничего не смогли поделать.

Твои мамлюки как воины джехана. Их не сможет одолеть никто из смертных.

- Что значит воины джехана спросил Султан. Что такое джехан?

- Джехан наш повелитель означает ад, отвечал Мухаб.

При этих словах Али-бея ослепила неожиданная догадка.

Примерно так же, но чуть иначе назывался ад и у абхазов и абазин. Они называли преисподнюю – джеханам.

Чтобы еще раз убедиться в верности своей догадки он спросил.

- А как на Вашем языке будет вода?

- Адзей, отвечал Назир.

- А как будет рука?

- Напит отвечал уже Мухаб.

Услышав еще несколько подобных ответов Али-бей понял что поразило его с первых минут когда услышал он их речь. Многие слова были частично схожи с такими же словами из его родного языка.

То что у них называлось адзей по абхазски или по абазински звучало как дзы, то есть вода.

Так же было и с наименованием руки.

Они говорили напит, а абхазы и абазины говорили напы.

Такое же далекое сходство было и во многих других словах которые услышал он из уст своих рабов в ходе дальнейшей беседы.

Тут он невольно для себя отметил что и Назир и Мухаб намного светлее чем негры и внешность их гораздо ближе к внешности арабов и европейцев чем к внешности негров проживающих в Эфиопии и в соседних странах. При этих мыслях он неожиданно для себя вспомнил рассказы стариков из их села.

Сидя долгими осенними вечерами у очага их дома старики говорили о многом. Иногда они рассказывали что давным давно около двух с половиной тысяч лет назад народ Абаза ушел из далеких нагорий далекой Абисинии, куда забросила их судьба с Аравийского полуострова.

Говорили также что оттуда ушла большая часть их народа, а небольшая его часть там и осталась.

На определенные раздумия навлекало и название племени апсар.

Апсар имело определенное созвучие со словом апсуа как называли себя некоторые племена народа Абаза.

Пораженный теми неожиданными открытиями которые сделал он беседуя с рабами Али-бей спросил

- Вам нравится Ваша работа

- Кто спрашивает у раба что ему нравится, а что нет отвечали эфиопы.

- А хотели бы вы стать такими же искусными воинами как те мамлюки что приходили в Ваши края.

- Кто не хочет такого повелитель с радостью отвечали эфиопы.

Их глаза заблестели и они не в силах до конца поверить в то что сам Великий Али-бей столько времени стоит рядом и разговаривает с ними обеспокоенно посмотрели друг на друга.

После короткого раздумья Али-бей дал команду Умару.

- Сегодня же отправь их в школу к барону Фон Бокку. Скажешь ему пусть примет их курсантами. Я уверен что из них выйдут настоящие воины если в их крови действительно течет кровь народа Абаза. Если же нет значит мы просто сделали доброе дело и помогли молодым сильным юношам стать настоящими воинами.

С этими словами Али-бей пошел дальше по аллее сада оставив на месте ошалевших от неожиданно упавшего на них счастья радостно улыбающихся эфиопов.

После этого разговора Али-бей еще долго бродил по аллеям дворцового сада глубоко озабоченный тем что узнал он в этот день.

Встреча с рабами-садовниками произвела на него сильное впечатление.

С одной стороны ему было приятно что он совершенно неожиданно для себя нашел затерявшиеся следы своего народа в далекой Эфиопии. Он что-то помнил об этом из давно поблекших воспоминаний своего полузабытого детства. Но все это было так давно. Так неясно. Теперь он своими глазами увидел и сам убедился в том что те разговоры стариков были не сказочными легендами и мифическими сказаниями, а отражением той реальности которая существовала в действительности уже более двух с половиной тысячи лет.

С другой стороны сам по себе напрашивался вопрос. Как произошло так что некогда сильный и могущественный народ поте-

рял за это время почти все что он имел и стал подобен прекрасному зеркалу разбитому на осколки. Каждый из этих осколков отражал свою реальность, но соеденить их в единое целое было уже невозможно никому.

Давным давно когда Али-бей учился еще в церковной школе его отец Даут рассказывал как велико было и могущественно царство народа Абаза в десятом веке при царе Баграте II. Её границы на Западе и Востоке упирались тогда в берега Черного и Каспийского морей и доходили на севере до Таманского полуострова. Все соседние племена и народы платили им дань. А теперь. Теперь все было наоборот. Часть абхазов на юге была огрузинена и уже забыла что когда то была частью большого и могущественного народа Абаза.

Другая часть народа Абаза выкошенная безжалостной чумой ушла в небытие. Не меньший вред нанесли своему народу и их не в меру горделивые правители подставив стотысячную армию народа Абаза под безжалостные клинки миллионного войска великого Тамерлана. История не знает что послужило тому причиной, но реальность была такова. Когда все народы Западного Кавказа ушли с дороги Тамерлана чтобы сохранить себя и свой народ правители народа Абаза решили что они в состоянии одолеть непобедимую доселе армию Тимура хромого. Их не смутил тот факт что армия железного Эмира дважды разбила до этого бесчисленные войска хана Тохтамыша куда вошли и воины практически всех народов Кавказа.

Их не остановило и то что воины Тимура в одночасье разбили войско Великого Султана Баязида Молниеносного, а его самого посадили в клетку и возили потом для устрашения всех народов по бескрайним просторам покоренных ими стран. Правители народа Абаза хотели показать всему миру что только они могут победить Великого завоевателя. Хорошее было у них войско. Храбрые воины не знали ни страха ни сомнения в своей силе и превосходстве.

Все было так, но войско Тамерлана закаленное в многочисленных сражениях почти в десять раз превосходило в численности войско народа Абаза. Уйти бы им с дороги Эмира как сделали то все остальные народы, но все произошло иначе. Чрезмерная уверенность в своих силах погубила их. С поля сражения не ушел ни один воин из этого войска. Все они остались лежать в высокой траве предгорных лугов Северного Кавказа, а их осеротевшие семьи

и весь народ Абаза назвали это место безжалостной сечи Арахырхыз что в переводе с языка народа Абаза означает – Место где посекли как траву всю армию.

Али-бей постоянно интересовался вопросами существующего положения на побережье Черного моря. Особенно после того как он принял окончательное решение идти с десяти тысячным корпусом мамлюков в пределы Абхазских земель.

Известия оттуда приходили к сожалению не самые радостные. С каждым днем абхазы и абазины теряли все больше и больше из того что осталось им в наследие от их отцов и дедов.

Умар как всегда идет чуть поодаль от Султана стараясь даже шумом своих шагов не отвлекать повелителя от его размышлений.

На противоположной стороне дорожки по которой медленно шел Али-бей показался Евнух Джамал. В отличии от Евнухов многих гаремов Востока Джамал ведет себя солидно. Он не семенит как многие его «друзья» по несчастию, говорит медленно стараясь произвести хорошее впечатление. Вот и сейчас он подходит к Султану ровным спокойным шагом. Остановившись в двух трех шагах от Али-бея он стоит смиренно склонив голову и ожидает когда повелитель разрешит ему сказать то что он хочет сказать.

Увидев стоящего Джамала Али-бей остановился и спросил.

- Что у тебя.

- Повелитель, отвечал евнух, я хотел узнать твое мнение как мне быть. Нафиса и Мариам хотят сходить на рынок. Как мне быть, разрешить им выходить или нет.

- Джамал, ты в своем уме, отвечал Султан. С каких пор я стал распоряжаться тем что должны делать Нафиса и Мариам. Если хотят, пусть идут. Какое мое дело.

- Все это так повелитель, но если ты позволишь я скажу дальше, продолжал Джамал и увидев по выражению лица что Султан разрешает ему говорить Джамал закончил свою мысль.

- Дело в том, что Нафиса хочет чтобы с ними пошел на рынок и Умар.

- С чего это у нее возникло такое желание недовольным тоном спросил Али-бей.

- Повелитель, я не знаю точно, но мне кажется, что Нафиса хочет чтобы Умар увидел одну девушку, поэтому она и просит Вашего разрешения на сопровождение их Умаром.

Сам Умар услышав такие слова немного опешил. Он знал, что Нафиса относится к нему как своему очень близкому человеку а иногда даже называет его «мой мальчик», но что она присмотрела для него уже невесту он даже не догадывался. Тем не менее он сделал строгое безразличное лицо хотя любопытство раздирало его уже на многие беспокойные части. Нафиса много раз говорила ему что она обязательно найдет для него девушку. При этом она знала о желании Умара, чтобы эта девушка непременно была бы или абазинка или абхазка. Помимо этого она не раз говорила подразумевая его. – Мой сын высокий, красивый, ладный. Девушка которую он осчастливит должна быть такой же высокой, такой же красивой. Другую я не приму.

Услышав от Джамала разъяснения по поводу Умара Али-бей заулыбался. Мысль Нафисы ему понравилась. Он и сам давно уже хотел женить своего младшего друга, но все руки не доходили до этого. Теперь и ему стало любопытно, что там нашла Нафиса.

Он был уверен в том что если уж Нафиса нашла кого то то это будет конечно достойная девушка но все равно решил уточнить у Джамала.

- А ты не скажешь кто эта девушка и откуда она появилась в поле зрения Нафисы.

Джамал, конечно же, все знал но говорить однозначно в утвердительном роде не хотел.

Он был человеком очень осторожным и потому боялся любой возможной ошибки. В этой жизни все бывает, рассуждал он, а вдруг что завтра будет не так, кому потом отвечать за это. Тем не менее он ответил.

- Насколько я знаю повелитель, но это еще не точно, девушка которую выбрала Нафиса обслуживает Вашу сестру Фагуду. Она абхазка. Зовут ее Астанда. Говорят она высокая, красивая и светлоглазая. Вот все что я знаю о ней мой повелитель, закончил свой рассказ Джамал.

Ответ евнуха Али-бею понравился и он вопросительно посмотрел на Умара. Увидев что Султан смотрит на него и ждет его ответа Умар смутился, затем приободрился и весело ответил.

- Я сделаю все повелитель так как ты скажешь.

Нафиса называет меня сыном, я думаю она плохого мне не пожелает добавил он повидимому испугавшись того что Али-бей может не пожелать отпускать его вместе с Нафисой.

Али-бей по выражению глаз понял мысли Умара и довольно улыбнувшись приказал.

- Ну что Умар хочешь ты того или нет но коль твоя «матушка» Нафиса хочет этого тебе придется пойти вместе с ней на рынок. Возьми с собой еще пару охранников и идите.

Али-бей знал, что в порт Каира вошел вчера большой корабль Ахмеда-Куидра груженный всевозможными шелками и текстилем из Франции и Англии. Очевидно было что женщины хотели взглянуть на красивые ткани и выбрать что-то себе в обновку. Подумав немного Али-бей полез в карман, достал пару золотых монет и подал их Умару. – Если вдруг у Нафисы и Мариам не хватит денег заплати за них и потом милостливо улыбнувшись добавил.

- Ну а если тебе понравится та которую покажет тебе Нафиса можешь купить и ей что-нибудь.

Пусть она знает что ты не нищий. С этими словами Али-бей отвернулся от Умара и пошел дальше по дорожке. По знаку Умара как из под земли выросли перед ним двое охранников. Он показал им пальцем на Султана. Те сразу же поняли его безсловесный приказ и пошли вслед за Али-беем как и Умар стараясь не приближаться к нему слишком близко.

Али-бей не оглядывался назад. Он знал, что Умар пошлет за ним других охранников, а сам пойдет к Нафисе чтобы увидеть то что она нашла для него.

Умар все так именно и сделал. У него было теперь хорошее настроение. Он мог увидеть сегодня ту которая возможно станет главной частью всей его оставшейся жизни.

Определенную долю уверенности внушали ему и золотые монеты которые он тщательно спрятал в свой нагрудный карман.

Когда Султан удалился Джамал распрямил спину и снова стал уверенным и гордым. Он без слов пошел в сторону гарема. Умар так же без слов последовал за ним.

У входа на женскую половину дворца Умар остановился и стал ждать когда Джамал выйдет оттуда вместе с Нафисой и Мариам. Сзади Умара стояли два охранника. Они тоже должны были пойти на рынок и охранять жен Султана от рук воришек и назойливых взглядов не достойных горожан. Минут через двадцать с женской половины дворца вышли Нафиса, Мариам и Гатиса.

За ними шли Рата и Туна.

Женщины были одеты в праздничные одежды. Служанки тоже. Вообще-то при первом взгляде со стороны очень трудно было определить по одной одежде кто из них жена Султана, а кто ее служанка. Одеты они почти совсем одинаково, разве что на руках, груди и шее жен Султана было больше дорогих колец, серег и кулонов. Тонкие почти прозрачные вуали скрывали лица всех женщин. Вуаль накинута даже на лицо Гатисы. Она хоть еще и девочка, но обычай обязывает ее уже носить вуаль на лице когда она выходит из дома. Впереди женщин шел Джамал. Умар и два других охранника замкнули шествие. Нафиса несмотря на то что ей уже за сорок лет по девичьи стройна. Если посмотреть на нее со спины то даже трудно сказать кто из них моложе и стройнее – она или Мариам которая лет на десять двенадцать моложе ее.

Женщины сели в две кареты ожидавшие их. И снова Джамал уже верхом на лошади едет впереди карет. Умар и охранники тоже на лошадях едут сзади.

Следов утреннего дождя уже давно нет. На улице снова жарко и душно. Особо хорошее настроение у рабынь. Оно вызвано тем, что во всех случаях если жены Султана будут покупать что-то для себя то обязательно купят что-то и для них.

Женщины всегда женщины – где бы они не были. Казалось бы зачем им рабыням которые напрочь лишены любых контактов с мужчинами кроме евнуха Джамала различные новые наряды. Перед кем красоваться им. Но нет. У Раты и Туны даже сердце замирает от мысли о том что им сегодня купят что то новое, красивое. Они оживленно обсуждают свои перспективы на родном языке. Говорят они на нем только из того чтобы не выказать перед Мариам и Нафисой какие радостные мысли гуляют по их милым головкам и не дают им спокойно смотреть по сторонам наслаждаясь неспешной поездкой по улицам города.

Уже около получаса кареты и сопровождающие их всадники неспешно едут по пыльным улицам Каира. Очень часто прохожие кланяются проезжающим каретам. В народе Нафису любят. Многие узнают ее карету и с любопытством заглядывают в ее окна. Окошки кареты завешены белыми занавесками и потому любопытные так и не могут увидеть сквозь них едет в карете любимая народом Султанша или нет. Когда они проехали площадь Узбека и до дворца Мухамад-бея осталось зиров двести триста Умар приметил на углу улицы верхового. Тот увидев их приближение повернул коня и поскакал в ту сторону в какую собирались ехать Умар и все остальные.

По-видимому Фагуда послала этого верхового чтобы он своевременно предупредил ее о том что Нафиса и Мариам подъезжают к ним.

Так вернее всего и было ибо когда кареты и сопровождавшие их всадники подъезжали к дому Мухамад-бея Фагуда и ее служанки уже стояли около своих карет ожидая когда подъедут жены Султана.

Кареты подъехали. Нафиса и Мариам вышли из первой и направились в сторону Фагуды.

Фагуда хорошо знала обычаи Востока. Согласно им она как младшая по возрасту должна была сама идти навстречу своей старшей родственнице и подруге. Так она и сделала, но Нафиса рассеяно поздоровавшись с ней искала глазами совсем другого человека.

Фагуда знала кого ищет жена ее брата. По её команде из кареты вышла Астанда. Она держала на руках маленького Даута.

Увидев своего любимца Нафиса расплылась в довольной улыбке. Малыш так же узнал ее. Он сразу же заулыбался ей и потянулся к Нафисе обоими руками.

Поигравшись с Даутом несколько минут Нафиса передала его Цаце, а Астанде повелительным тоном сказала

- Ты поедишь с нами. Садись в мою карету, а Мариам поедет с Фагудой.

Нафиса не предупредила ни Фагуду ни Астанду о том что ее будет сопровождать Умар. Сделала она это преднамеренно. Дело было в том что Анстанда в естественной обстановке была необыкновенно хороша. Ей шло все что она делала. Как ходила, как улыбалась, как говорила и все остальное. Если бы она узнала, что Умар рядом и смотрит на нее оценивающим взглядом то могла растеряться и потерять ту чарующую непосредственность которой обычно пленяла она всех вокруг себя. Фагуда в свою очередь увидев Умара сопровождающего Нафису все поняла с первого взгляда, но то же решила не предупреждать Астанду ни о чем. Причина была та же что и у Нафисы. Она поняла мысль своей старшей подруги и решила что так на самом деле будет лучше.

Умар в отличии от Астанды знал все. Знал даже о том что Астанда не ведает кто он и для чего приехал как сопровождающий Нафису охранник.

Ему так же как и Нафисе интересно было посмотреть на избранницу Нафисы со стороны. Увидеть ее такой какая она есть на самом деле, а не такой какой будет стараться она выглядеть узнав о его присутствии и его целях.

Такая система знакомства молодых людей с далеко идущими целями в Абхазии и Грузии существовала многие века. Обычно молодому человеку показывали на свадьбах, похоронах или поминках девушку которая даже не подозревала о том что на нее смотрят оценивающим взглядом. Если после этого молодой человек давал согласие на продолжение знакомства то уже потом говорили об этом девушке.

Теперь наступала ее очередь оценить насколько хорош тот человек который желает продолжить знакомство с ней.

Таким образом право окончательного выбора оставалось за девушкой. Она и решала - быть дальнейшими, знакомству или нет. Между тем ничего не подозревавшая Астанда радостно порхала от одной кареты к другой, возилась с Даутом и беззлобно переругивалась с Цацей.

Цаца никак не могла понять почему Астанда едет а она нет. Ей тоже хотелось побродить по большому Каирскому рынку, посмотреть людей, товары, показать себя. Огорченная таким поворотом событий она прижала к себе Даута и начала громко причитать вслух.

- Вот видишь мой хороший. Ни тебя ни меня брать с собой не хотят. Они все жадные. Им жалко места в карете для нас с тобой. Ну что ж если они не хотят нас брать с собой ну и не надо. Я знаю. Ты вырастешь большим, Ты никогда не будешь таким и будешь всегда брать меня с собой.

Цаца еще долго бы говорила на эту тему, но Фагуде видно надоели ее причитания и она хотя и беззлобно, но довольно раздраженно сказала.

- Иди в карету, видно от тебя просто так не отделаешься. Ты и мертвого из могилы поднимешь своими причитаниями.

Обрадованная Цаца не заставила себя долго уговаривать. Через несколько секунд она уже сидела в карете и радостно приговаривала.

- Видишь Даут. Значит не зря я всю ночь просила анча-ду чтобы он помог мне и я поехала бы на рынок вместе со всеми.

Ача-ду услышал мои слова и вот теперь я еду туда куда и хотела.

Фагуде нравится все что говорит и делает Цаца, но для виду она строго добавляет на абхазском языке.

- Если ты немедленно не прекратишь свою болтовню то выйдешь из кареты и пойдешь домой вместе с твоим заступником домой. Под заступником она имела ввиду Даута который спокойно взирал по сторонам не обращая никакого внимания на веселую болтовню своей няни и напускную строгость матери.

Ему тоже по-видимому стало хорошо от того что его берут с собой на рынок и потому он еще радостнее заулыбался и еще яростнее задрыгал ногами и руками выражая свою радость.

Умар с коня не сходил. Почувствовав беспокойство хозяина его лошадь нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

У лошадей с чистой кровью арабских скакунов имеется особое качество которое редко встречается у многих других знаменитых пород лошадей.

Они как чувствительный нерв моментально воспринимают внутреннее состояние своего хозяина. Человек находящийся рядом с всадником может не увидеть и не почувствовать его состояние – радость или горе, тревогу или спокойствие. Лошадь арабской породы чувствует это сразу и безошибочно. Так сейчас и с лошадью Умара. Газель – так зовут лошадь Умара умное животное. Она была со своим хозяином в десятках сражений. Даже там в гуще битвы она всегда чувствовала что ее хозяин ничего не боится и шла вперед в гущу неприятеля.

Теперь она не может понять что случилось с ним. Газель чувствует что ее хозяин орабел и никак не может понять от чего.

Умар был опытным рубакой. В бою он не боялся ничего и никого. Он знал что смерть всегда ходит рядом с ним, но это только удваивало его силы и желание победить и остаться в живых.

В делах по отношению женщин он был совсем неопытным. Увидев насколько красива и непосредственна Астанда он совсем орабел. В этой девушке было все что хотел бы он увидеть в своей будущей жене.

Ему стали приходить в голову всякие мысли.

Мысли были в основном о том, что рядом с такой прекрасной девушкой как Астанда может оказаться масса желающих жениться

на ней. Что имеет он. Пока ничего. Только острая сабля да чистое сердце. Вот и все что было у него на сегодняшний день если не считать двух больших золотых монет спрятанных у него глубоко во внутреннем кармане.

Еще было неизвестно захочет ли она выходить замуж за такого полунищего как он.

Увидела его растерянное лицо и Нафиса. Она вышла из кареты и жестом позвала Умара. Тот слез с коня, кинул его повод своему товарищу и совсем уже растерявшийся подошел к ней.

Увидев его растерянное лицо Нафиса все поняла, но решила для верности все таки спросить его.

- Что Умар! Тебе не понравилась девушка которую я тебе выбрала спросила она чуть насмешливым, но добрым тоном.

Не зная что ответить Умар пробормотал.

- Я плохо ее рассмотрел.

- И все таки о чем ты подумал сын мой хоть немного рассмотрев ее все тем же радостно насмешливым тоном повторила Нафиса по одним его глазам увидев что Умар шокирован тем что он увидел.

- О чем я могу думать моя госпожа, снова пробормотал Умар. Конечно же о том, что у меня нет даже своего дома если вдруг эта девушка захочет выйти за меня замуж, хотя я думаю что она уже давно присмотрена для более состоятельного жениха.

Нафиса сразу же поняла состояние Умара. Ей даже стало немножечко приятно от того что такой отчаянный и бесстрашный рубака как Умар так неожиданно орабел при виде девушки которая даже не знала кто он.

Тем временем ничего не подозревавшая Астанда затеяла веселую возню с Цацей и Даутом. Она словно нарочно беззлобно издевалась над Умаром весело смеясь и забавляясь на его виду. В один момент платок на ее голове развязался и на ее плечи хлынули две золотые косы туго сплетенных волос.

Она быстро собрала волосы и снова спрятала их под платок. В это время она подняла глаза и ее взгляд встретился с его восторженным взглядом. Она на секунду растерялась. Радостный блеск ее глаз сразу же стал тревожным и напряженным. Еще через секунду другую она все поняла, растерялась и чуть не расплакалась как маленькая девочка. Она была умной но совсем не опытной женщиной.

Нафиса все это видела. Растерянный взгляд Астанды сказал ей все. Ей стало все понятно. Умар и Астанда нашли друг друга.

- А ну ка подойди ко мне скомандовала она Астанде.

- Еще больше растерявшись от ее повелительного тона Астанда робко подошла к ним.

Нафиса не стала долго церемониться ни с Умаром ни с Астандой.

- Это Умар, Астанда, сказала она и вопросительно посмотрела на нее. Тебе нравится имя Умар, добавила она и уже одобряюще посмотрела на заметно оробевшую девушку.

- Да, моя госпожа, это хорошее имя пролепетала в ответ Астандаи резко потупив глаза.

- А тебе, Умар, нравится имя Астанда перевела на Умара свой взгляд Нафиса.

- Да, моя госпожа, наконец пришел в себя Умар, это очень хорошее имя.

- Вот и хорошо, я думаю мы друг друга поняли заключила свои слова Нафиса и потом чуть подумав добавила.

- Я переговорю с Султаном. Мне кажется у него найдется уютный домик для Вас обоих. Там и отпразднуем свадьбу. С этими словами она оставила друг напротив друга Умара и Астанду и пошла к себе в карету. Все кто был рядом с ними поняли что произошло и радостно заулыбались глядя на не на шутку смутившихся Умара и Астанду. Через несколько минут кареты и всадники двинулись по направлению центрального рынка Каира.

Астанда замерев зажалась в угол кареты и растерянно смотрела на Нафису еще не в силах поверить что так легко и просто решаются иногда в жизни самые сложные проблемы.

Умар ехал позади карет. По его лицу блуждала блаженная улыбка.

Теперь он точно знал кому и что купит он сегодня на рынке.

Туна и Рата ехавшие в третьей карете тоже радовались счастливой развязке сегодняшней истории. Радовались искреннее, но почему-то у каждой из них в душе был один и тот же вопрос.

- А почему эта сказочная история произошла не со мной. Чем я хуже Астанды.

Таковы наверное все женщины. В их душах странным образом живут рядом и мирно сосуществуют добро и зависть. Такими создал их Всевышний. Такими они были. Такими они будут.

СМЕРТЬ ХАШИМА

В последнее время непонятное ощущение приближения какой-то еще не осознанной опасности не покидало Али-бея. Оно не пугало его, но и не приносило удовольствия постоянно отвлекая его мысли от главных проблем. К ощущению опасности которая очень часто ходила рядом с ним он давно уже привык. Здесь было что-то другое. По своей натуре он был человеком проницательным и потому очень тонко чувствовал то, что невозможно было увидеть или услышать. Таких людей как он неосознанные чувства не пугали, а держали в напряжении своей неизвестностью и непредсказуемостью. Обычно страх подавляет трусов лишая их воли к борьбе - смелых мобилизует для дальнейшей борьбы. Предательство убивает и смелых и трусов. Ожидание беды подавляет многие чувства. Али-бея оно давило, но не подавляло.

К вечеру пятничного дня он должен был принять у себя делегацию Венецианских и Генуэзских купцов. У купцов были интересные предложения и потому он решил выслушать их сам.

Давным давно, много лет назад хозяин, а затем и покровитель Али-бея отдал его учиться. Истории обучал его грек Феодор получивший при переходе в мусульманскую веру имя Фуад. Он часто говорил.

Все дороги ведут в Рим. Теперь, уже четыре сотни лет все дороги вели в Стамбул. Через этот город который теперь был больше Рима, Парижа или Лондона проходило громадное количество товаров, торговых сделок и рабочей силы.

Стамбул утопал в солнечном свете, ореоле славы и блеске сказочных богатств стекавшихся сюда со всех концов света.

Если римляне только говорили, что все дороги ведут в город на семи холмах то турки видели ежедневно сотни дорог со всех концов мира сплетавшихся на улицах своего города. Часть этих дорог Али-бей желал повернуть в сторону Каира.

Стамбул процветал. Его колонии утопали в нищете. Не был исключением в этом плане и Каир. Купцы пожелавшие встретиться с ним должны были проложить новую тропу в сторону Египта.

Возглавлял делегацию купец I гильдии староста купеческого сообщества Генуи Томазо Конти.

Раньше такие делегации ехали в Стамбул, решали там свои дела, а уж потом приносили в Каир Фирман Султана требовавший немедленного исполнения того или иного его решения. Естественно, что и вся прибыль от таких операций в Стамбуле и оставалась. С тех пор как Али-бей объявил о независимости Египта таможенные сборы и налоги от торговой деятельности на ее территории должны были пополнять его казну. Эта делегация была первой ласточкой которая летела в независимый Египет. Именно поэтому он решил принять ее сам. Купцы должны были увидеть и рассказать всему миру, что Египет независимое государство, у него есть такой же Султан как в Турецкой империи и что все вопросы касательно торговой деятельности на ее территории нужно решать теперь только в Каире. После визита купцов Али-бей планировал поехать к старцу Хашиму.

Он хотел узнать от него действительно ли ждет его какая то беда и что нужно делать ему что бы избежать ее. Хашим никогда не обманывал его. Не должен был он обмануть его и на этот раз. Хашим был строг, суров и независим. Денег за свои услуги от Али-бея он не брал, но каждый раз когда тот уходил от него сопровождавший Султана охранник ложил незаметно для Хашима на стол золотую монету за работу. Что делал потом Хашим с этой монетой никто не знал. Али-бей совсем не удивился бы если бы узнал, что Хашим выбрасывает ее за порог или отдает ее своим соседям. От него можно было ждать чего угодно. Он был из тех людей которых Али-бей при всей его проницательности и тонкости ума так и не смог понять. Видно таких людей простому смертному не дано было понять. Они общались со звездами и с небесами. Только они и могли понять их и сказать что они делают и зачем. Так было до Хашима. Так будет и после него.

Старец говорил всегда иносказательно. Никогда ничего конкретного. Никаких имен, никаких конкретных событий, но каждый раз Али-бей убеждался в том, что если внимательно вслушаться в его слова то в его иносказательных мыслях была полная картина грядущих событий. Однажды он сказал ему

- Самая короткая дорога порой самая грязная и самая опасная.

Каждый смертный может ошибаться. Тот кто закрывает свои двери для ошибок никогда не узнает истины. Только Всевышний может познать её сразу. А к каждому смертному она приходит

только с познанием истоков своих ошибок и слабостей. После этого время много раз убеждало Али-бея в правоте слов Хашима.

Каждый раз он понимал где истина и в чем она только после очередного горького урока который преподносила ему жизнь.

Так было много раз. И каждый раз он все более и более убеждался в истинном смысле слов мудреца и провидца. Как-то он сказал ему.

- Если ты во время еды слушаешь зурну не забудь что ты этим можешь обидеть и повара и зурнача. Али-бей долго думал над смыслом этих слов. Вернее даже смысл слов он понял сразу, а вот к чему были сказаны эти слова он так и не понял.

Встреча с купцами прошла так как и предполагал Али-бей. Они оказали ему все почести как владыке большого независимого государства. Это важно было для него не столько для удовлетворения своего собственного самолюбия сколько для того чтобы понять как воспринимается сегодня Египет за рубежом. То ли как прежняя колония Турецкой империи, то ли как независимое государство с которым необходимо считаться как с самостоятельным субъектом международного права.

Али-бей оказался прав в своих предположениях. Исходя из поведения купцов можно было однозначно сказать, что теперь Египет начал восприниматься ими как государство имевшее все атрибуты независимости. К тому было много других оснований.

Конти и трое сопровождавших его купцов I гильдии привезли Султану ряд интересных предложений. Вкратце они выглядели следующим образом.

Гильдия в течении 3 лет строит в Каире, Александрии и Лухсоре 3 фабрики по производству ткацких изделий. На каждой фабрике будет работать более тысячи человек.

Еще одну фабрику предлагали построить в любой из отдаленных провинций на выбор Султана . Она должна была заниматься производством пороха и других горючих смесей.

Предложения были исключительно выгодными. Уже только в период строительства этих фабрик несколько тысяч египтян получали работу, а значит и средства к существованию. После завершения строительства фабрик и ввода их в эксплуатацию работу получили бы более шести тысяч человек.

Помимо этого работающие фабрики обеспечили бы приток в казну значительных денежных средств. Но и это было не самым

главным. Самым главным было то что в Египет ступала нога современной промышленности. На этих фабриках выросли бы специалисты которые затем имели бы возможность дать толчок собственному промышленному производству.

Немаловажное значение имел и тот факт что Египет становился менее зависимым от развитых стран Европы в вопросах обеспечения армии и населения боеприпасами и ткацкими изделиями.

В ответ купеческая гильдия просила дать ей право на монопольный вывоз из страны всего урожая хлопка и индиго.

Предложение действительно было выгодным, но все равно необходимо было обдумать все его детали. Купцы есть купцы. Торгаши всегда оставались торгашами. Этот народ ничего и никогда не делал никого не обманывая ради собственной выгоды. Необходимо было тщательно обдумать все нюансы предлагаемой сделки которую купцы полагали превратить в договор со взаимными обязательствами. Здесь на передний план выходило большое количество сопутствующих вопросов. По какой цене будет закупаться продукция из Египта и как это будет соотноситься с качеством хлопка и индиго.

Немаловажную роль играл и следующий вопрос – Какую зарплату будут платить купцы тем кто будет работать на них.

Большое значение имела и другая проблема. Какую роль в управлении фабриками будет играть Египетская сторона. Будут ли допущены на руководящие должности на этих объектах граждане Египта и как будет проходить обучение Египетских специалистов и рабочих.

Таким образом становилось очевидным.

Предложения очень выгодные, но нужно много и тщательно думать над тем как правильно составить договор с тем чтобы он дал Египетской стороне максимальную выгоду.

Выслушав до конца все что говорили купцы Али-бей поблагодарил их за желание сотрудничать с Египтом и сказал что он даст ответ на их вопросы в течении месяца. Купцы ушли немного озадаченные тем, что сразу же не получили положительного ответа на свои предложения.

Они были старыми опытными дельцами и поняли без разъяснений. Султану их предложения понравились, но он просто так договор не подпишет. Каждый пункт договора будет проанализи-

рован до мелочей с тем чтобы Египетская сторона получила максимальную для себя выгоду.

Купцам такой поворот событий несколько подпортил настроение, но от своих планов они отказываться не думали. Слишком много выгод сулил им Египетский рынок, который мог стать для них плацдармом для дальнейшего расширения их дел на юг, запад и восток от Египта. В такой ситуации можно было даже поступиться временными убытками чтобы получить максимальные выгоды в дальнейшем.

Али-бей как Султан Египта начал выпускать свои собственные деньги. На обратной стороне этих монет был вычеканен его портрет. Мало было сделать это. Нужно было заставить купцов и весь торговый люд пользоваться этими доселе неизвестными им деньгами. С этой целью он обязал всех заморских купцов оплачивать таможенные сборы и налоги новыми Египетскими деньгами. Эта мера заставляла их продавать свои товары за Египетские деньги, а значит запускала механизм движения этих денежных средств на Египетском рынке. До этого на внутреннем рынке Египта имели хождение многие виды денежных средств разных стран Средиземноморья и Европы.

На этих рынках можно было увидеть дукаты, цехины, талеры, фунты, лиры, риалы и даже доллары далекой Америки. Теперь предстояло вытеснить с внутреннего рынка все эти денежные средства и заменить их своими, вновь пущенными в оборот денежными знаками.

Это была нелегкая задача, но ее нужно было решать и решать немедленно. Помимо этого перед ним как перед Султаном стояло не мало и других не менее важных задач которые так же требовали своего немедленного разрешения.

Одной из таких задач было создание регулярной армии с полноценным офицерским корпусом. Корпусом командиров в который должны были войти не только мамлюки, но и представители всех народов проживавших на территории Египетского государства. Его работа в этом направлении получила положительную реакцию со стороны местного населения и духовенства страны. Налоговая и земельная реформы так же требовали пристального внимания и скорейшего разрешения. Громадный объем работ предстояло сделать в сельском хозяйстве. Египет имел к этому

времени чуть более 2 миллионов федданов[22] орошаемых земель, а нужно было как минимум в два раза больше. Нужны были также хорошо обученные специалисты для организации собственного промышленного производства и правильного ведения дел в сельскохозяйственной отрасли.

Али-бей хорошо знал, что в Европе снимали гораздо более высокие урожаи с земель имевших гораздо худшее качество чем плодородные земли в дельте Нила. Они знали как это делать. Нужно было чтобы и в Египте научились работать не хуже чем в Европе.

В Европе умели обрабатывать хлопок и индиго выращивавшиеся в Египте. Египтяне делать этого не умели. Не умели они изготовлять оружие. Воевали постоянно, но современное оружие и боеприпасы к ним делать не могли.

Порох в Египте изготовляли из птичьего помета, да и то в ограниченном количестве. Он не отличался особыми качествами, быстро сырел и не редко подводил мамлюков в самый неподходящий момент.

Все эти накопившиеся проблемы нужно было решать. Необходимо было сосредоточиться на этих проблемах, но странное ощущение ожидания чего то неприятного и застывшей тревоги не давало ему возможности сосредоточиться на них и приступить к их реализации. С этим чувством и поехал он к вечеру того же дня на окраину Каира где жил в своем полуразрушенном доме Хашим. Сопровождали его как всегда два охранника и Умар. За время прошедшее после того как Сахиб ушел в армию Али-бей начал привыкать к Умару. Этому во многом способствовало по видимому и то обстоятельство, что он во многом походил на своего предшественника. Умар как и Сахиб был спокойным, ровным. Он почти не спал круглые сутки и практически все время находился рядом с ним хотя увидеть его присутствие было очень трудно. Но вне зависимости от этого факт его присутствия Али-бей чувствовал всегда. Где бы он не был и что бы он не делал. Так было в свое время с Сахибом. Так было теперь с Умаром. Али-бей теперь часто говорил сам себе. Сахиб молодец. Он нашел достойную замену себе.

Ехали молча. Так же молча доехали до дома в котором жил Хашим. Хозяин дома встретил его спокойно. Он как будто ждал его

[22] Феддан – мера площади в Египте равная 0,42 га

хотя никто старика о приезде Султана на этот раз не предупреждал. Видно на самом деле Хашим разговаривал с небесами и они сказали ему о том, что к нему едет Али-бей если он ни на грамм не удивился увидев его на пороге своего дома. На лице прорицателя как всегда не было ни удивления ни почтения, ни вызова. Он просто стоял перед ним и ждал его вопросы. Али-бею этот старик нравился. В нем была правдивость и надежность которой не было у многих людей из числа тех, кто окружал его в последнее время.

У них взаимная симпатия. Хашиму тоже нравится Али-бей. Он его даже уважает. Уважает ровно настолько насколько может он уважать смертного созданного волей Всевышнего. Для всех он Али-бей – великий. Султан и повелитель. Для него просто человек. Пусть даже очень великий, но все равно всего лишь смертный которому дал Аллах жизнь как и всем остальным. Он знал какие мысли живут в голове этого человека.

Такие же мысли жили когда-то и в его голове. Он то же когда-то был молодым. Все старики когда-то были молодыми и сильными. Он тоже мог стать великим. Всевышний дал эту возможность Али-бею. Ему он этого не дал.

Был когда-то молодым и Хашим. Кто теперь узнает в старом согнутом годами старце стройного молодого мамлюка которого несла в свое время улыбка удачи к славе и к почету.

- Когда это было?

- И было ли это когда-нибудь вообще?

Теперь этого не помнил никто в том числе и сам Хашим. Время заставило его многое забыть, во многом засомневаться. Ему было что забыть. Было и что вспомнить. Когда-то удача улыбалась и ему.

Теперь жители квартала бедняков носят ему еду. Да много ли ему нужно. Все что нужно было ему когда-то съело время. Теперь ему достаточно было просто куска хлеба да тарелки горячей похлебки. Зачем ему теперь больше. Большего ему уже не было нужно. Теперь ему мало что было нужно вообще.

Как всегда Хашим не пригласил Султана сесть. Да в его коморке присесть и негде. Он начал говорить не ожидая того что спросит у него Али-бей. При общении с Султаном он не употреблял ни одного слова типа Великий, Повелитель и так далее. Говорил он с ним как равный с равным без тени почитания или угодничества.

- Ты далеко смотришь Али-бей, начал он. Мысли твои светлые. Ты многое видишь там, вдалеке, но почти ничего не видишь рядом с собой. Еще через минуту-другую молчаливого ожидания он добавил.

- Я же говорил тебе. Смотри себе под ноги. Внимательно смотри. Если ты сегодня не увидишь то, что у тебя под ногами ты никогда не увидишь солнце там где ты хочешь его увидеть.

Оно там не такое жаркое как здесь. Там оно совсем другое. После этих слов Али-бей сразу же понял, что старец говорит об Абхазии и удивился тому что он знает о его потаенных замыслах относительно земли его предков.

Не забудь Султан. Глаза не все видят. Все видит только душа. Не забудь так же что на свете много людей которые боятся не вопросов, а ответов на них. Ты никогда не задумывался над тем почему мы легче прощаем врагов чем друзей, продолжал он.

Сегодня Хашим был как никогда словоохотлив. Али-бея даже удивило это. Таким он не видел его никогда.

- Время ненасытный зверь.

Оно убивает и съедает все. И молодость и силу. И радость и боль.

Оно убивает надежды и даже мечты.

Тебе Али-бей еще не понять этого звучит непривычно задумчивый голос Хашима. Во время всех предыдущих встреч Хашим разговаривал с Али-беем жестким назидательным тоном. Сегодня у него совершенно другой тон. Ты еще в расцвете сил и находишься на вершине славы и могущества продолжал он.

Обычно люди становятся многословными или собираясь в дальнюю дорогу или завершая ее. Что собирался делать Хашим сейчас Али-бей не знал.

- Перед временем бессильны все. И цари и пророки. Даже великого Инскандера Двурогого который владел половиной земель и богатств мира оно увело с собой таким же голым и беспомощным как привело его в свое время на эту грешную землю.

Глаза Хашима смотрят на Али-бея, но Али-бей знает что они почти не видят его. Они смотрят сквозь него. Они смотрят куда-то в пустоту.

- Власть и деньги. Молодость и красота.

- Все тлен. Все прах. Все дает время. Оно все и забирает. Время самый беспощадный и самый безжалостный враг человека. Никто не видит когда он приходит. Никто не видит когда он уходит. Все видят только то что забирает он.

Трудно понять кому говорил все это Хашим. То ли Али-бею, то ли самому себе.

Али-бею иногда даже кажется что Хашим говорит все это не ему и даже не себе, а кому-то другому кого здесь нет, но кто слышит все что говорит он. Как не поверить этому когда вопросительно блуждающий взгляд старца раз за разом уходит куда-то в никуда где ничего и никого нет.

Даже Али-бею прошедшему десятки сражений и битв не раз смотревшему в лицо самой смерти становится немного не по себе от всего того что видит и слышит он сейчас. В старике есть какая-то сила которую никак не может уловить и понять Великий Султан. Возможно, именно это раз за разом тянет Али-бея к этому своенравному но правдивому старцу.

Он видит в нем человека равного себе по духу, и знающего то что неведомо еще ни ему ни многим другим людям.

Голос Хашима звучит глухо как эхо доносящее из далека отголоски затихающего ветра.

Весь этот старец – его слова, открытый взгляд, уверенная походка и не менее уверенные жесты ни коим образом не вяжущиеся с его обликом и образом жизни сплошная загадка для Али-бея.

Он тайна. Тайна которую не дано было понять никому.

Даже ему Великому Султану, покорившему многие племена и народы.

Время убивает все – повторяет Хашим. Кроме памяти людей. Ты счастливый человек Али-бей – все так же глухо как издалека звучит его голос.

Твое имя останется в памяти многих веков. Ты один из немногих кто сумел победить время. Не всегда человек сидит на коне и скачет в бесконечную даль.

Не всегда удача улыбается нам. Этот мир трудно понять. Его причудам можно удивляться без конца, но так и не понять чему удивляешься ты.

Очень часто бывает так, продолжал меж тем Хашим, что в великих битвах победа достается побежденным. Помни это. Я бы не хотел чтобы тебе твоя победа досталась такой ценой.

В твоем кругу много людей которые полагают, что крокодил которого кормят они хочет съесть их последними. Они ошибаются. Именно их хочет съесть крокодил первыми. Веришь в это и ты.

А напрасно. Очень часто мы познаем истину тогда когда она нам уже не нужна. Не стань одним из тех кого постигнет эта участь.

Не забудь. Очень часто история славит не тех кто больше и лучше растит хлеб и творит добро, а тех кто больше и лучше убивает себе подобных. За примерами далеко не ходи. Имена Искандера Двурогого, Чингисхана и Тамерлана скажут тебе все.

Сказав последние слова Хашим отвернулся от него давая понять ему что разговор с ним закончен. Али-бей постоял еще некоторое время ожидая не скажет ли старик ему еще что-нибудь. Не услышав от него больше ни слова и поняв что тот больше ничего ему не скажет Али-бей пошел к выходу. На самом пороге дома его остановил голос Хашима.

Али-бей остановился пораженный тем что он услышал.

Хашим на чистом абазинском языке сказал ему.

- Брат мой. Твое имя останется в веках. Оно долго еще будет греметь в стране Абаза и во всем мире. Но не забывай никогда. Под солнцем которое светит над нашей Родиной рождается много великих людей. Они могут проявить свое величие и в хороших и в плохих делах.

Лучше смотри себе под ноги если хочешь увидеть солнце нашей Абхазии. Будешь плохо смотреть никогда не увидишь родных берегов.

Больше он ничего не сказал. Лишь в глазах его Али-бей впервые для себя увидел искорки сочувствия и доброты. Подождав еще некоторое время и поняв что он больше ничего не услышит Али-бей ушел. Больше они никогда не виделись. Кто был Хашим когда-то в прежней жизни Али-бей так никогда и не узнал. Не знал этого и никто из тех кто жил рядом с Хашимом все эти долгие годы. Эту тайну Хашим унес с собой навсегда.

Мужчины квартала тихо без шума похоронили своего странного соседа через неделю после ухода из его дома Али-бея. Никто не плакал над его телом. Да и кто мог заплакать над телом человека у которого не было ни Родины, ни близких, ни родных.

Лишь его сосед случайно зашедший к нему перед его самым последним смертным часом слышал и никак не мог понять смысл слов которые сказал перед смертью Хашим на странном незнакомом ему языке.

- Сан! Са снихэт! Саан! Са снихэт.[23]

Затем он на несколько мгновений пришел в себя и ясно ясно сказал на чистом арабском языке.

- Он посадил хорошее дерево. Но он еще не знает кто будет сидеть в его тени.

Кто это был этот он и какое посадил он дерево сосед не знал. Он помнил только то, что Хашим перед самой смертью снова стал бормотать что-то на том же незнакомом и никому не ведомом в их округе гортанном языке.

Говорил он тихо как будто с кем-то прощался и просил у кого-то прощения. Что он говорил и у кого просил он прощение знал только Всевышний.

ДОЧЬ ЗАМЫРХА КАМИРХАНА

Уже более месяца на земли Ашъкыт не падало ни капли дождя. Начиналась засуха. Трава пожелтела, листья на деревьях пожухли, приобрели грязно-серый цвет. Земля покрылась глубокими трещинами, стала морщинистой и без жизненной. Речка резко обмелела и теперь ее легко мог перейти в брод даже десятилетний ребенок.

Обычно в этих краях дожди шли в изобилии. Близкие горы и близкое море щедро наполняли влагой облака часто нависавшие над благодатным краем. Что случилось на этой раз не не знал никто. Старухи на улицах села шепотом говорили о том что идет «хырзаман»[24]. Солнце сожжет весь урожай и придет голод.

Старики гадали и никак не могли понять за какие грехи карает Всевышний жителей села и всей округи.

Гадали долго, но так и не пришли к однозначному мнению.

Каждый имел свои догадки, но никто ничего конкретно не знал.

В конце концов решили.

Если кто-то и согрешил так что разгневал Всевышнего то это был взрослый человек. Дети здесь не причем.

[23] Сан СА снихэт – мама я возвращаюсь

[24] Хырзаман – страшное время как божья кара за грехи

Пусть дети совершат обряд «Дзиуара»[25] и попросят у Всевышнего дождя.

С этой мыслью они пришли к Муаруфу.

Муаруф долго думал над их предложением никак не в силах понять насколько обряд «Дзиуара» соответствует канонам мусульманской религии.

Его раздумия были вызваны следующим обстоятельством. Он знал что обряд Дзиуара делают и абхазы исповедующие христианскую религию и потому возникал естественный вопрос. Не противоречит ли этот обряд сурам и аятам корана.

Он попросил стариков предоставить ему некоторое время для того чтобы он мог дать им точный ответ.

Несколько часов искал Муаруф в коране мысли одобряющие или запрещающие данное действие.

В конце концов не найдя ни того ни другого он принял решение.

Если коран не запрещает такие действия то значит они не противоречат его требованиям. Он дал разрешение на совершение обряда, но единственным условием поставил одно требование.

Во время всей церемонии упоминать только имя Аллаха и просить его и только его ниспослать на земли села долгожданный дождь.

Получив благословение эфенди старики ушли уверенные в том что если дети попросят Всевышнего то он обязательно выполнит их просьбу.

К вечеру того же дня по дворам селения пошли небольшие группы детей. Они собирали муку, сметану, молоко и другие продукты необходимые для совершения обряда.

На следующий день дети и сопровождавшие их женщины и старухи спустились к берегу реки.

Дети купались в воде, брызгались обливая ею себя и всех вокруг себя.

Женщины готовившие абысту и чамуку[26] радостно визжали когда их обливали водой. Кругом не было взрослых мужчин и женщины сняли свои платки давая возможность волосам хоть раз поймать тепло прямых солнечных лучей.

[25] Дзиуара – обряд вызывания дождя

[26] Чамука - тягучее блюдо желтого цвета приготовленное из муки, сыра и молока

Тем временем дети соорудили чучело на длинной палке.

На голову чучела был одет женский платок. Чучело олицетворяло женщину – дочь князя Замырха Камирхана которая просила у Всевышнего воды для людей.

Она готова была пожертвовать свою жизнь за воду.

Дети подняли чучело и стали ходить с ним по кругу напевая.

«О Аллах возьми мою душу, но дай людям воды.

О Аллах возьми все что у меня есть и жизнь мою тоже только дай людям воды».

Дети все ходили и ходили по кругу напевая слова культового обряда.

На пригорок с которого шла тропинка к берегу реки вышли мужчины. Они начали наблюдать за тем что происходит там внизу, вспоминая как они сами давным давно в годы своего детства совершали такой же обряд и сколько удовольствия получали они когда вслед за этим начинался нередко настоящий дождь.

Увидев мужчин вышедших на пригород женщины одели платки на головы и тоже стали подпевать детям.

Считалось, что чем дольше дети будут просить Всевышнего дать воды тем больше вероятность того что дождь пойдет с неба и утолит жажду земли.

Уже начали остывать абыста и чамука в котлах и мясо жертвенного барана разложенное на столике рядом со специями, а дети все ходили и просили Всевышнего дать земле дождя.

Затем они подожгли чучело. Это означало что дочь князя Дзиуара отдала свою жизнь за воду.

Пламя окутало чучело, а дети опустили голову в знак признания великого подвига «девушки» которая отдала свою жизнь за благо родного народа.

Притихли и женщины глядя на то как съедает безжалостное пламя «тело» отважной девушки.

Чучело уже догорало когда произошло то что поразило всех.

В высоком безоблачном небе на котором не было ни единой тучки послышались отзвуки отдаленных раскатов грома.

Пораженные чудом услышанного женщины растеряно посмотрели в ту сторону откуда стали слышны звуки грома и услышав их в очередной раз медленно опустились на колени со словами.

Тоба! Тоба[27]. Мы благодарим тебя Всевышний. Ты услышал наши молитвы. Хвала Всевышнему.

Впереди всех женщин стояла жена Маматы Саида. Она хорошо знала молитвы и потому громко громко произносила их. Остальные женщины повторяли слова молитвы вслед за ней.

Еще через минуту другую то же самое сделали и мужчины стоявшие на пригорке.

Их примеру последовали и дети.

Они тоже стали молиться Всевышнему повторяя вслед за взрослыми каждое их слово.

Прошло совсем немного времени и дождь полил с неба как из ведра.

Никто убегать от дождя не стал. Все продолжали стоять на камнях и молиться Аллаху услышавшему их молитвы.

Дождь лил несколько часов. Промокшие до ниток люди радостно бежали домой.

Сегодня они своими глазами увидели чудо о котором многие годы будут рассказывать потом своим близким и знакомым.

На утро село проснулось умытое дождем, просветленное и не совсем такое каким было вчера.

Трава блестела изумрудным цветом, листья деревьев стали как шелковые. Не уставая пели птицы. Земля дышала ровно и спокойно.

Лишь вспенившееся река била в берега большими буйными бурунами темно-коричневого цвета.

Муаруф прочел с утра молитвы во славу всесильного создателя и долго долго благодарил его за проявленное чудо и милосердие.

Теперь можно было не опасаться неминуемого голода и спокойно смотреть в завтрашний день.

К обеду когда почти совсем исчезли следы вчерашнего дождя к Муаруфу пришли Буба и Абдурахман.

Без долгих предисловий Буба рассказал Муаруфу то что волновало его и Абдурахмана.

Дело было в следующем.

К Абдурахману приехал его родственник с берегов Кубани. Это был молодой человек лет 25-26. Звали его Абдул. Он приехал со своим другом Иналем. Иналь был адыгом из Бесленеевских краев.

[27] В данном случае Тоба – восклицание означающее удивление и восхищение

Сын Абдурахмана Мада находился на горных пастбищах. Они ждали его возвращения.

Мада должен был вернуться со дня на день.

Жена Абдурахмана была кабардинка. Она совершенно случайно услышала разговор своих гостей когда они сидели на скамейке возле ворот дома. Залина – как звали жену Абдурахмана из обрывков разговора поняла, что Абдул и Инал ищут человека по имени Сайдин. Ищут для того чтобы отомстить ему за смерть отца Инала.

Абдул и Иналь спокойно обсуждали на кабардинском языке интересующую их проблему уверенные в том что никто в этом селе не понимает язык на котором они говорят. Оба они не знали что Залина была кабардинкой и хорошо помнила язык своих предков.

Залина сделала вид, что она ничего не понимает из разговора между гостьми, взяла тяпку стоявшую у забора и начала пропалывать траву недалеко от беседующих о своих проблемах молодых людей.

Из дальнейшего разговора между Абдулом и Иналем Залина узнала, что Иналь уже многие годы ведет поиск своего кровника Сайдина.

Ведет тщательно раз за разом сужая круг поиска.

По видимому, Иналь был человеком убежденным и обстоятельным.

Он занимался своими делами, пахал, сеял, собирал урожай, а в перерывах между сельхозработами неспешно продолжал поиски своего кровника. Иналь никуда не спешил. Он знал, что обязательно, рано или поздно он найдет Сайдина и сделает свое дело.

Сперва он обошел не привлекая ничьего внимания земли соседнего кабардинского племени с которыми у Бесленеевских адыгов были самые близкие родственные связи уходившие в глубину веков.

Не найдя там следов Сайдина Иналь перевел острие своего поиска на аулы бжедугов и ададзехов, затем темиргоевцев и натухайцев. После этого он побывал в селениях у шапсугов и убыхов.

Ничего не найдя и там он прибыл в Малую Абхазию.

Иналь еще даже не подозревал как близок он к конечной цели своего поиска.

Сайдин был жителем Ашькыт. Много лет назад он поселился в этих краях Женился на девушке из рода Агрба и имел пятерых детей.

Сам Сайдин умер два года назад о чем конечно гости не знали.

Два его старших сына были отчаянными ребятами. Узнай они зачем приехали Абдул и Инал мог разразиться скандал в который был бы вовлечен и их сын Мада.

Залина была уверена в том что Мада будет помогать своему родственнику с Кубани. Он был гость. Желание гостя закон для хозяина.

Вся эта история могла закончиться кровавыми разборками с непредсказуемыми последствиями.

Сыновья Сайдина были ахщапа большого и могущественного рода.

Даже в случае успеха Абдула и Иналя на первых порах род Агрба не оставил бы своих племянников в беде.

Вот потому Залина всполошилась и рассказала все своему мужу.

Тот узнав безрадостные вести поспешил за советом к эфенди.

Подставить под удар мощного рода Агрба своего сына Абдурахман не хотел.

Его сын Мада был далеко не трус и мог постоять за себя, но кому нужна была бессмысленная война в которой не будет победителей. Будут одни проигравшие.

Потому и поспешили за советом к эфенди Абдурахман и Буба.

Выслушав их Муаруф не стал откладывать решение вопроса в долгий ящик. Он оделся и все они втроем пошли в сторону дома Абдурахмана.

Абдул и Инал были во дворе дома. Они сидели в тени большого грушевого дерева что росло прямо посреди двора Абдурахмана.

Увидев старших Абдул и Инал встали ожидая что скажут и сделают они.

И снова Муаруф не стал долго ходить вокруг да около, сразу же сказав Абдулу.

- Переводи нашему гостю и брату мои слова.

В это время из дома вышла Залина которая поняла для чего пришел эфенди. Она встала у порога приготовившись слушать что он скажет.

Говорят, что самые красивые и острые на язык женщины на Кавказе кабардинки.

Залина типичная кабардинка. Несмотря на свой возраст она по девичьи стройна и не потеряла еще женской привлекательности. Большие темно карие глаза по прежнему с интересом смотрят

на окружающий мир. Она довольно быстро научились говорить на нелегком абазинском языке. Говорила на нем бегло хотя и путала часто он и она.

При случае Залина могла сказать свое мнение и при мужчинах. За что ее побаивались многие местные ребята.

В это время удостоверившись что Абдул понял что он хочет от него Муаруф продолжил.

- Брат наш из адыгского племени. Абхазов, убыхов, абазин и адыгов связывает многовековая дружба. Мы народы братья. У нас общее горе, общая радость. Мы всегда рады видеть сыновей и дочерей этого большого красивого народа на своей земле.

А теперь послушай что я хотел тебе сказать.

Мы знаем зачем приехали сюда ты и твой друг Абдул.

Человек которого вы ищите уже умер. Твой отец и Сайдин были соплеменники. Не наше это право судить о том что было между ними и кто виноват в этом. Это вопрос твоего племени, а не наш.

Твой отец и Сайдин встретились уже там, на небесах.

Они уже разобрались кто был прав, а кто виноват.

Услышав такие слова Абдул и Иналь оторопели. Они никак не могли понять откуда Муаруф изнал об их планах.

Иналь сразу же заподозрил, что Абдул предал его и выдал его планы своим сородичам. Он готовился сразу же после их ухода начать разборки с Абдулом который говорил о вечной дружбе с ним, а сам так легко предал его своим соплеменникам.

Поймав его гневный взгляд и поняв по видимому о чем думает сейчас их адыгский гость Залина на чистом кабардинском языке сказала ему.

- Иналь, это все узнала я, Абдул здесь не причем. Я слышала сегодня как вы говорили с ним и все поняла.

Еще больше удивленный словами прозвучавшими из уст Залины на чистом кабардинском языке Иналь осекся и не зная что сказать в ответ опустил глаза.

- Я кабардинка продолжала тем временем Залина, из рода Шебзухаа. Я понимаю что Вы оба не знали кто я и что я хорошо помню язык своего отца и своей матери.

Сказав все это Залина замолкла и посмотрела извиняющимся взглядом на Муаруфа.

Тот не стал делать ей замечания за то что она перебила его, видимо, поняв почему она сделала это и о чем она говорила своему соплеменнику.

Убедившись что Залина закончила говорить Муаруф продолжил.

- Брат мой. Мстить тебе уже не кому. Всевышний без тебя решил этот вопрос. Сайдин уже умер. Его сыновья к этой истории никакого отношения не имеют. Поэтому у меня просьба.

Забудь о своих планах и когда ты насладишься гостеприимством дома Абдурахмана поезжай домой с миром.

Сказав эти слова Муаруф подал на прощание руку Абдулу, а затем Иналю. Задержав руку последнего Муаруф добавил.

Я завидую твоему покойному отцу.

Сын который не забыл свой долг перед отцом через столько лет настоящий мужчина.

Удачи тебе.

С этими словами Муаруф и ушел.

СМОТР

Сведения принесенные в Каир Черимом давали определенную надежду на то что задуманная Али-беем экспедиция к берегам Черного моря начала приобретать реальные очертания. Значительно увеличенные объемы поставок оружия и резко сокращенные сроки их прибытия говорили о серьезности намерений Российской стороны. Теперь наступало время когда можно было начинать конкретную работу по реализации своих далеко идущих планов. Вообще то Али-бей и сам ранее много раз задумывался над идеей организации похода на свою далекую историческую Родину. Абхазия была под пятой завоевателей и ему иногда чудилось что она просила его помочь ей. Ему не раз снились даже сны на эту тему. То покойная мать приходила к нему во сне и говорила тихим, но требовательным тоном.

- Сынок, где ты, тебя же ждут дома. Им без тебя плохо. Иди домой.

На эту же тему сказал ему в свое время и отец когда увидел как велико и мощно войско мамлюков.

- Эх нам бы в Абхазию тысячу другую твоих мамлюков. Мы бы тогда быстро сбили гонор с этих спесивых турок. Абхазы то же хра-

брые воины, но у нас каждый князь тянет одеяло на себя. Каждый боится отдать первенство другому. Так и живем вечно воюя между собой. Турки этим и пользуются. Стравливают князей друг с другом, а сами наблюдают со стороны за их грызней и спокойно хозяйничают в нашем доме. Они теперь судьи. Они решают кто прав, а кто виноват. Но судьи хитрые. Они не дают окончательно победить ни одному князю. То они на одной стороне, то на другой. Турки хорошо знают, что если дать окончательную победу одной стороне то она уже не опасаясь за свои тылы объединит всех абхазов против них и тогда им не поздоровится. Вот я и говорю. Нам бы пару тысяч твоих воинов. Вокруг них объединились бы все абхазские племена и тогда нам не страшен был бы ни один турок, перс или мигрел.

Абхазия объединенная под одной рукой большая сила, и с ней будут считаться и в Стамбуле и в Тифлисе, а возможно и в Москве и в Тегеране добавил он и огорченно вздохнул от мысли что его мечта несбыточна.

Али-бей не раз вспоминал историю князя Инала. Хорошо знал о его далеко идущих планах и то что помешало ему реализовать их. Неожиданное предложение русских лишь ускорило его решение. Иногда удача улыбается тем кто ждет ее улыбки. На его Родине в Абхазии народная поговорка гласила. У того кому повезет корова телится дважды.

Так получилось и с Али-беем. Союз с Россией значительно облегчал реализацию планов задуманных им. Его планы становились более реальными и получали гораздо больше шансов на успех. Согласно достигнутой договоренности начало его действий в Абхазии должно было быть одновременным с началом боевого похода русских войск в районе несколько выше крепости Анапа. Само название крепости Анапа переводилась с абхазского языка как рука и символизировало тот край владений царства Абаза куда дотянулись их руки.

Пора было уже готовить поход в Сирию который должен был стать последней стадией предшествовавшей его последующему прыжку на Кавказ.

Он уже определил в общих чертах сколько войск пойдет в Сирию и кто будет командовать ими. Нужно было только дождаться корабль русских и вооружить хорошим современным оружием часть армии которая пойдет впереди всего войска. Командовать этим авангардом он планировал поручить как и в прошлый раз

Сахиб-бею. Нужно было конечно некоторое время чтобы научить мамлюков пользоваться новым оружием.

Эта была нелегкая задача, хотя и решаемая. С переходом на новые ружья особых проблем не предвиделось. Мамлюки прекрасно стреляли и потому их было легко переучить делать то же самое с новыми ружьями которые стреляли и дальше и прицельнее.

Вся сложность состояла в обучении мамлюков стрельбе из новых пушек и работе с штыковыми ружьями. Вообще-то в армии мамлюков быть бомбардирами не хотел никто. Быть бомбардиром и стрелять во врага издалека считалось в мамлюкской среде не самым мужским занятием и чуть ли не уделом трусов. Другое дело рубиться с врагом лицо в лицо. Вот это настоящее мужское дело достойное настоящего мамлюка.

По видимому в этом вопросе тоже могло возникнуть немало проблем. Нужно было найти тех кто пожелает стрелять из пушек и вернее всего в мамлюкской среде таких не нашлось бы. По видимому их пришлось бы искать в среде местной молодежи. Здесь была и другая опасность и трудность. Как совместить в одной армии мамлюков и местных арабов. Веками между ними была глубокая пропасть на дне которой у одних было чувство ненависти к чужакам захватившим власть в их стране, а у других чувство пренебрежения к местному народу который они считали не самым воинственным.

В этом вопросе то же была проблема немалая. Нужно было ее как-то разрешить и разрешить так чтобы все остались довольны.

Вместе с этим он стоял еще перед одним нелегким выбором. Ни для кого не было секретом, что многие мамлюки в том числе и из числа очень видных таких как Мухамад-бей, Ибрагим-бей и другие считали его затею с организацией регулярной армии страны не только неправильной, но и вредной. Они полагали, что сабля, ружье и верный конь которые веками ковали славу мамлюкского войска были и будут всегда основой грядущих побед и вечной славы мамлюкского войска. Так было когда войско мамлюков остановило и разбило непобедимое досели войско монголов объединившихся со спесивыми крестоносцами. Так было во все времена. Так было всегда, но время шло вперед, а мамлюки все жили в прошлых веках когда действительно беспримерная отвага и воинское мастерство воинов единоборцев решало все на Ближнем Восто-

ке. Теперь настали другие времена и эти времена могли показать свое лицо в самый неподходящий момент.

Исходя из этих соображений перед Али-беем стояла нелегкая задача.

Он не раз слышал, как многие мамлюки старой закалки не без иронии говорили имея в виду курсантов экспериментальной военной школы созданной им.

- Посмотрим, что покажут нам эти ряженные куклы в первом же бою. Будет интересно посмотреть как полетят с них пух и перья, а вместе с ними и погоны которыми укрыли они свои плечи. Особую насмешку в мамлюкской среде вызывали единая форма и погоны в которые были облачены курсанты. Каждый мамлюк уходя на войну одевался так как было ему удобно и потому при взгляде со стороны мамлюкское войско выглядело как цветастое, многоликое одеяло бедняка скроенное из многих разноцветных лоскутов. Помимо этого все мамлюки считали себя совершенно равными. Только в начале любого похода правитель Египта, а чаще всего сами мамлюки определяли кто будет главным в походе на этот раз. Именно это и служило основным препятствием восприятия погон на мундирах курсантов. Погоны должны были разделить воинов на разные категории на генералов, офицеров и рядовых, что было не приемлемо с точки зрения большинства мамлюков. Они считали себя как и всех остальных мамлюков равными. Подчиняясь вековым традициям они полагали, что не погоны, а личная храбрость и отвага воинов должны были решать кто из них главный на сегодняшний день. Исходя из всего этого Али-бей стоял перед нелегким выбором. Послать эту тысячу молодых курсантов в поход на Сирию или подождать.

С одной стороны ему и самому хотелось посмотреть чему научились они. Прав был он или нет начав организацию регулярной армии в Египте.

Сможет ли она стать армией нового типа, более сильной и более весомой чем старая мамлюкская гвардия. Он и сам вышел из этой старой гвардии. Всегда гордился тем, что он в первую очередь мамлюк, а уж только потом Султан Египта. В то же время он понимал, что время мамлюков уходит. Их слава и величие остались где-то в прошлом. Теперь настало другое время. И это время требовало другого подхода и других героев. На роль новых героев старая мамлюкская гвардия не подходила.

Новое время требовало новых героев.

С другой стороны он опасался, что курсанты еще не до конца обучены и могут в силу этого не показать всего на что способна хорошая современная регулярная армия Европейского образца. Али-бей опасался того, что если вдруг не до конца обученные курсанты не выдержат накала предстоящих сражений то это вызовет в мамлюкской среде атмосферу всеобщего отторжения и насмешливости. Идея регулярной армии будет посрамлена и надолго похоронена. Вопрос был даже не столько в том что это будет серьезным ударом по его престижу как Султана хотя это и было бы несомненно именно так, а еще и в том что после такого провала идея регулярной армии в Египте будет похоронена надолго и возможно даже навсегда. В конце концов он принял решение посмотреть самому со стороны на то как обучаются курсанты и чему научились они за это время. Если он увидит, что они имеют уже достаточную выучку то он пошлет их в поход на Сирию дав им в командиры двух прусских офицеров обучавших их воинскому искусству. Если же окажется, что они еще не до конца обучены то лучше будет если они в этот поход не пойдут. Конечно, это вызовет определенные толки в мамлюкской среде, но лучше уж толки чем дискредитированная, а еще хуже посрамленная надолго идея.

В Сирии стоял большой гарнизон хорошо обученных и хорошо вооруженных турецких войск.

У них были современные дальнобойные пушки и прекрасно укрепленные города в том числе Дамасск и Алеппо.

Взять эти города было нелегкой задачей. Неизвестно было так же как поведут себя в этой ситуации местные племена. Турки опытные стратеги. Они могли бросить на кон большие деньги и купить благосклонность шейхов местных племен. Тогда войска местных шейхов могли ударить в тыл армии мамлюков, разграбить их обозы с продовольствием и боеприпасами. Оставшись без них армия мамлюков будет обречена. Помимо этого турки могли устроить беспорядки на Верхнем Ниле, что также могло осложнить ситуацию тем что необходимо будет отвлечь большие силы от похода на Сирию для усмирения взбунтовавшихся провинций.

Обдумав все это Али-бей решил навестить школу курсантов. Для того чтобы не быть узнанным и увидеть положение дел таким

какое оно есть на самом деле он решил одеться в одежду туарегов и приехать на плац под видом охранника туарегского шейха прибывшего в Каир для того что бы посмотреть чему обучают в этой школе курсантов и стоит ли отдавать сюда своих соплеменников.

Во второй половине того же дня он поехал в район расположения школы. Роль шейха туарегов должен был исполнять Умар. Сам же Али-бей в качестве простого воина охранника шейха следовал за ним вместе с еще одним рядовым мамлюком. Они выбрали одежду туарегов исходя из того что туареги мужчины закрывают свое лицо полоской темной ткани. Именно полоска темной ткани частично закрывающая лицо воина туарега должна была скрыть лицо Али-бея чтобы его не узнали до поры до времени офицеры пруссаки и он смог бы со стороны увидеть истинное положение дел.

В этом вопросе у туарегов в отличии от всех мусульман мира все обстояло наоборот. Во всем мире мусульманки должны были закрывать свое лицо, а у туарегов женщины ходили с открытыми лицами, а вот мужчины наоборот закрывали свое лицо. Чем вызвана была такая странная и отличная от всех остальных народов мусульманского мира традиция никто не знал, но это особо не волновало Али-бея и его спутников. Главным во всем этом было то что туареги закрывали свое лицо и это давало возможность Али-бею скрыть до поры до времени кто он есть. Примерно через полчаса неспешной езды они были уже у ворот школы.

На руках у Умара была бумага подписанная Султаном Египта дозволявшая ему – мнимому шейху Лятифу посмотреть на то как и чему обучаются курсанты в данной школе. Сам Али-бей исполнявший роль охранника шейха стоял чуть позади Умара старательно пряча свое лицо от внимательных взглядов прусских офицеров читавших письмо поданное им. Прочитав его и убедившись в том, что письмо подлинное старший офицер прочитавший его через переводчика жестом руки велел поднять шлагбаум на въезде в школу. Вторым таким же скупым жестом он указал гостям место где могли они встать и наблюдать за тем, что происходит на территории школы.

Али-бей почти два часа смотрел за тем, что делают будущие офицеры его армии отмечая про себя все подробности происходящих перед ним действий. Он сразу же невольно для себя отметил, что пруссаки хлеб даром не ели.

Четыре унтер-офицера которые приехали в Египет вместе с родовитыми офицерами из обнищавших дворянских фамилий знали свое дело. Они тщательно, с прусской педантичностью отрабатывали с курсантами элементы строевой науки не забывая при этом громкие фразы в которых можно было и без знания языка распознать что-то ругательное или даже матерное.

В руках у Унтеров были длинные гибкие палки которые они без лишних раздумий пускали в дело при малейшей оплошности своих подопечных. Они жестко били ими своих учеников не забывая приговаривать какие-то выкрики по видимому такого же ругательного содержания. Молодые мамлюки безропотно подчинялись им и ни разу даже не огрызнулись или не выразили свое возмущение жестким обращением с ними. Все они хорошо помнили слова своего наставника Султана Али-бея который при открытии школы названной почему-то по Западному образцу военным училищем сказал им. Здесь из Вас сделают воинов новой армии Египта. Если Вы выдержите все, что потребуют от Вас Ваши офицеры и наставники Вы станете настоящими командирами. Не ждите что кто-то будет с Вами нянчиться, уговаривать или просить Вас.

Здесь никто не будет гладить Вас по голове. Но все чему научат Вас здесь пойдет Вам только на пользу. Терпите и учитесь. И я и Египет ждут новых офицеров новой регулярной армии . Я верю в Вас и надеюсь увидеть рядом с собой храбрых умных офицеров воспитанных в стенах этого училища.

Они не знали еще точно, что значит слово офицер, но понимали, что это что-то очень хорошее и потому внимательно слушали все что говорил им Великий Али-бей.

Понаблюдав длительное время за тем, что происходит на плацу Али-бей подошел к Умару и с довольной улыбкой сказал.

- Как ты думаешь уважаемый шейх? Как работают эти пруссаки? Мне почему-то кажется, что они даром наш хлеб не едят и совсем не плохо обучают наших ребят как нужно воевать и побеждать своих врагов не количеством, а храбростью, слаженностью и выучкой.

На что Умар совершенно серьезно отвечал ему с неспешностью как настоящий шейх.

- Посмотрим дальше. Дальше будет больше и лучше видно. Умару роль шейха явно нравилась. Он важно восседал на своей высокорослой гнедой кобыле пренебрежительно сверху вниз

оглядывая всех вокруг себя. Али-бей даже заулыбался глядя на то с каким удовольствием исполняет роль шейха его охранник. Полюбовавшись еще некоторое время на забавное зрелище Султан заулыбался и сказал.

- Умар, ты от важности не лопнешь?

На что Умар отвечал совершенно серьезно.

- Воин. Знай свое место. Сегодня я командую над человеком которого не смог покорить даже Турецкий Султан. Мустафа не смог командовать им, а я могу.

Умар говорил все это прекрасно зная, что Али-бей любит когда он шутит и позволяет ему делать это.

Тем временем молодые мамлюки довольно слаженно строились и перестраивались в зависимости от того какая задача стояла перед ними. Они становились то в квадратное каре отражая мнимый натиск кавалерии противника, то рассыпались по плацу во время воображаемого обстрела из пушек. Как только условный обстрел заканчивался они так же быстро и организованно строились в боевые построения готовясь или отразить новый натиск противника или самим перейти в наступление. Все это было красиво и впечатлительно, но как поведут себя эти воины во время настоящего боя знал только Всевышний.

Особое впечатление на Али-бея произвела отработка мамлюками навыков ведения штыкового боя.

Сперва мамлюки построились в прямоугольник из восьми рядов. По команде унтер-офицеров которые передавались звуковыми сигналами горна прямоугольник ощетинился штыками готовясь отразить атаку условного противника с одной стороны. По второй дополнительной команде первые ряды мамлюков расступились. В образовавшиеся восемь проемов были быстро и слажено выкачены восемь макетов пушек. По новому сигналу команды пушкарей сделали условный залп по условному противнику и пушки так же быстро вернулись внутрь прямоугольника под защиту стены штыков. После этого последовал ряд перестановок в первых рядах прямоугольника выравнивающих линию фронта и по видимому восполняющих условную потерю бойцов в первом и втором рядах.

После многократной отработки этого маневра мамлюки приступили к отработке следующего действия.

Теперь по видимому отрабатывались методы отражения атаки кавалерии противника с двух сторон. По новой команде которая была дана горнистом тот же прямоугольник быстро и слаженно разбился на две части. Четыре ряда мамлюков отражали условную атаку противника с юга, другие четыре ряда отражали атаку с севера.

По команде горнистов находившихся внутри строя мамлюки снова разомкнулись. Снова образовалась восемь проемов. Четыре на южной стороне, четыре на северной. Снова прозвучали условные залпы орудий и они как и в первый раз были быстро убраны под защиту, штыков мамлюков.

Третий маневр был примерно такой же. Только теперь прямоугольник курсантов превратился в квадрат отражавший атаку условного противника с четырех сторон. Снова по сигналу горнистов выкатывались по две пушки на каждую сторону. Снова они сделали слаженный залп и снова так же быстро и без суеты пушки вместе с командой исчезли через несколько секунд за гранью штыков грозно блеснувших на солнце беспощадной сталью.

Только на этот раз каждая сторона квадрата делала свой маневр самостоятельно по видимому подразумевая, что с ее стороны может быть совершенно другая ситуация не зависящая от ситуаций на других сторонах квадрата.

При этом внутри квадрата находились не только пушки и горнисты, но еще и резерв из сотни мамлюков и 5 командиров в том числе один общий который давал указания остальным командирам сторон квадратного строя.

По его команде часть резерва из сотни курсантов быстро направлялась в одну из сторон обороны чтобы закрыть бренши в сторонах квадрата полученные в результате боевых действий подразумеваемого противника. Одни мамлюки закрывали условные бреши вторые уносили внутрь квадрата убитых и раненных. Все действия курсантов были четкие, слаженные и доведенные почти до автоматизма. Все это время оба офицера пруссака одетых в форму армии Фридриха Великого внимательно следили за всем что происходило на плацу. Изредка они вызывали к себе унтер-офицеров и давали им какие-то команды на немецком языке. Унтер-офицеры внимательно слушали их и отдав честь шли выполнять их указания. Все действия прусских офицеров и унтер-офицеров были четкими, слаженными доведенными до автоматического режима.

Глядя на отработанные многоразовыми тренировками действия мамлюков обучавшихся методам современной войны и на грозно блестевшие стены штыков Али-бей понимал, что старой гвардии мамлюков с таким войском не справиться. Становилось совершенно очевидным, что пришло то самое новое время. Время когда главным на поле боя становилось не индивидуальное мастерство воинов бойцов, а мера их выучки коллективным методам ведения боевых действий.

Время мамлюков уходило и с этим нужно было считаться. Каждый день промедления грозил в последствии непоправимыми потерями.

Али-бей был опытным бойцом побывавшем в десятках сражений и потому видел неоспоримое преимущество той системы которой обучали его мамлюков прусские офицеры и унтер-офицеры.

После этого Султан и Умар еще более часа наблюдали за тем как происходит обучение новобранцев. В конце всего этого зрелища Али-бей не без удовольствия для себя отметил, что он доволен всем тем, что он увидел.

Каково же было удивление пруссаков когда Султан раскрыл свое лицо и движением руки подозвал их к себе. Дальнейший маскарад уже не имел смысла. По рядам курсантов сразу же узнавших Великого Султана прошел громкий гул удивления прерываемый такими же громкими словами восторга. Оба офицера быстрым шагом подошли к Султану и старший из них отрапортовал ему о том, что происходит сейчас на плацу и что делают курсанты согласно плана учебы.

Али-бей внимательно выслушал рапорт старшего офицера переведенный толмачем и удовлетворительно кивнул головой. Затем он попросил толмача сказать пруссакам, что он доволен всем что он увидел сегодня. Офицерам явно понравилась его похвала. Услышав такое от человека имя которого даже у них в Пруссии давно уже обросло легендами офицеры счастливо заулыбались, но по прежнему стояли навытяжку перед монархом.

Дождавшись когда толмач закончит свой перевод Али-бей задал старшему офицеру коим был полковник Людвиг Фон Бок вопрос.

- Скажите мне откровенно. Как Вы считаете готовы эти молодые воины уже сегодня идти в бой и показать на что они способны.

Офицер внимательно выслушал его вопрос и надолго задумался. Он будучи человеком слова прекрасно понимал, что от его

ответа зависила судьба многих сотен молодых людей, а возможно и его судьба тоже.

После всего этого он доложил.

Ваше Величество. Эти солдаты готовы пойти в бой хоть завтра. Но показать, что такое настоящее воинское искусство они еще не в состоянии. Мне нужно еще хотя бы полгода чтобы я сделал из них настоящих прусских вояк, главным качеством которых будут дисциплинированность, организованность и чувство коллективизма. Пока это еще только очень храбрые воины, но не солдаты которые могут решить судьбу сражения. Так учит нас наш король Фридрих II или как многие называют его в Европе Фридрих Великий.

Али-бей хорошо знал кто такой король Пруссии Фридрих II именно поэтому он взял для обучения своей будущей армии офицеров из армии этого короля.

История его блистательных побед многократно одержанных им над французами и австрийцами, шведами и поляками докатилась даже до Египта.

Ответ пруссака убедил Али-бея в том, что посылать этих бойцов в бой еще рано.

Чтобы полностью убедиться в правоте своих мыслей он задал пруссакам еще один вопрос.

- Как Вы считаете, Когда можно будет посылать их в бой с уверенностью в том, что они покажут все что прославит их имя и Ваше тоже.

На этот раз пруссак ответил почти не задумываясь.

- Великий Султан. Этих воинов воспитываю я. Я офицер и больше всего дорожу своей честью. Когда придет такое время, а оно придет совсем скоро я сам поведу их в бой. В этом бою решится не только их будущее но и моя судьба. Или я покажу на что способен офицер прусской армии который не посрамил своей чести ни в знаменитой Лобизицкой битве, ни в битве под Лейтеном, ни в сражении при Лигнице или останусь вместе со своими воспитанниками на поле битвы. Когда придет время я сам приду к Вам и доложу, что я готов идти в бой вместе с теми кого воспитал я. Если я их хорошо воспитал и обучил всему чему было необходимо их обучить значит мне не стыдно будет смотреть Вам в глаза. Если плохо значит я там на том же поле битвы и останусь. Такова судьба каждого прусского офицера который дорожит своей честью.

Али-бей не без удовольствия выслушал ответ пруссака. Теперь он уже точно знал кто будет у него командующим новой

регулярной армией если такую сможет он создать по воле Всевышнего.

Домой он ехал в хорошем расположении духа. Он уже точно знал, что курсанты в поход на Сирию не пойдут, но он знал так же что новая регулярная армия Египта это реальность, контуры которой он увидел сегодня сам, своими глазами.

Помимо всего прочего перед Али-беем стояла еще одна довольно сложная задача. Дело было в том, что турки конечно же не смирились с тем что Египет бывший в течении более чем двух сот лет жемчужиной Турецкой империи вышел из нее. Это был большой удар по великой Порте. Но до поры до времени Турецкий Султан не предпринимал никаких видимых действий по возврату Египта под свое влияние. Все его силы были сосредоточены на борьбе с Россией.

Очевидно было то, что как только закончится война двух великих империй, а она должна была рано или поздно закончится он двинет все свои силы на Египет. При этом основной базой этого похода станет гарнизон турецких войск расквартированный в Сирии.

Пока Турция не предпринимала никаких активных действий в этом направлении, что могло вызвать чувство самоуспокоенности у многих членов Совета беев. Многие из них считали, что Турция смирилась с потерей Египта и готова дружить с ними и видеть их в качестве равноправных союзников, а не вассалов.

Этому способствовали всевозможные слухи распускаемые турецкими соглядатаями. Они уверяли всех, что Турция не имеет никаких претензий к Египту и готова уже сегодня дружить с ним как со своим равноправным партнером. Этому же способствовало и то как принимали в Турции Египетских купцов, священнослужителей и других Египтян ездивших по своим надобностям в пределы Турецкой империи. Там им как правило оказывали радушный прием.

Об этом купцы и другие лица особенно духовного сословия рассказывали по возвращению из Турции. Их рассказы о поездках в Стамбул, Трабзон и другие города империи также создавали у людей иллюзию того, что Турция теперь не враг, а добрый сосед.

Многие члены Совета беев понимали что все это игра. Игра до поры до времени. Игра которая рано или поздно закончится как только надобность в ней отпадет.

Но были и такие кто это не понимал и верил в то, что с турками теперь нужно и можно дружить. По подсчетам Али-бея таких верующих в вечную дружбу с турками было 14 из 24 членов Совета. Их нужно было убедить в неправоте их позиций и заставить голосовать за поход в Сирию. К числу таких членов Совета принадлежали и правители Александрии, Лухсора, а так же Мухамад-бей и его друзья Ибрагим-бей и Мурат-бей.

Вся ставка Али-бея была на Назымбия который знал что его судьба находится в руках у Али-бея. Он мог проголосовать против похода, но тогда через день он будет низложен и отдан под шариатский суд. Очевидно было, что в таких условиях он вынужден будет хотя бы внешне для виду проявить лояльность к вопросу поставленному Султаном. В таком случае голоса членов Совета разделятся пополам и решающим будет его голос.

Вообще-то такое положение дел в политическом обустройстве Египта нужно было давно менять.

Несколько лет назад в 1770 году Али-бей принял титул Султана и стал единоличным правителем государства, но форма управления Египтом по старой давно установившейся традиции осуществлялась до сих пор на принципах бейликата то есть системы коллегиального управления делами государства через Совет беев.

Али-бей давно уже собирался провести реформу государственной власти в стране с тем чтобы превратить Совет беев из органа управления в коллегиальный консультативный орган. Работу эту предстояло сделать, но времени на нее все не было. Да и довольно шаткое положение Египта в период его становления как самостоятельного государства не позволяло ему пока предпринимать такие резкие кардинальные меры.

Вся трудность решения вопроса о начале похода в Сирию в том и состояла, что нужно было убедить многих членов Совета в том, что турецкий лев только для виду прикрыл глаза и делает вид, что он заснул и никого не видит. На самом деле турецкий зверь не спал. Его полуприкрытые глаза зорко следили за всем, что происходило в Египте. Дряхлеющий, но все еще мощный лев не дремал, он ждал только удобный момент для прыжка.

Если бы члены Совета беев до поры до времени прознали о том, что одним из основных мотивов организовываемого Али-беем похода вСирию является выполнение условий тайного союза

заключенного им с Россией только для того чтобы он получил возможность осуществления последующего похода в Абхазию то это могло привести не только к срыву планов всего Сирийского похода, но и к открытому неповиновению или даже больше того к открытому мятежу. Желающих по бунтовать и испытать свою судьбу в мамлюкской среде всегда хватало. Не был исключением в этом плане и день сегодняшний. Даже громадный авторитет Али-бея и его неоспоримые заслуги перед мамлюкским сообществом и Египтом в целом не изменили психологии членов этого сообщества.

В их среде каждый считал себя великим. Каждый из них был уверен, что если бы правителем Египта был он, то он сделал бы еще больше и еще лучше. Таким отчаянным и готовым на все воинам нужен был только предлог, а дальше все было в руках Аллаха. Он и должен был дать ответ. Чья сабля острее, кому на плаху, а кому на трон.

В этой связи самым опасным моментом этого периода был русский корабль с оружием. Нужно было как-то объяснить членам Совета откуда взялся он и почему русские дали оружие. Сделать это было не так легко. Для того чтобы посоветоваться по всем этим вопросам и выработать совместную линию поведения на Совете беев Али-бей пригласил к себе своих наиболее близких соратников. Как всегда это были Мухамад-бей, Ибрагим-бей, Мурад-бей, Апстха, Сахиб-бей и теперь уже присоединившийся к кругу избранных лиц начальник его стражи Умар. Глядя на Умара Али-бей еще раз убедился в проницательности Сахиб-бея. Али-бей убедился в этом увидев как он без малейших сомнений выделил в свое время из многих сотен рядовых охранников именно Умара, увидев в нем божий дар.

Дар человека умевшего быть и верным товарищем и не по годам дальновидным политиком.

Али-бей с удовлетворением смотрел на то как во время их нечастых бесед Умар безошибочно определял особенности характеров многих лиц окружавших его как Султана. Чаще всего его мнение совпадало с тем мнением которое сложилось у самого Али-бея по тому или иному человеку или событию. Больше всего нравилось это Али-бею еще и потому что он сам никогда не говорил вслух своего мнения, ожидая что скажет Умар. В свою очередь Умар не зная, что думает Али-бей по тому или иному поводу почти всегда высказывал мысль аналогичную тому что думал он сам.

Все это говорило о не малом уме Умара и его прозорливости.

При этом он никогда никого не охаивал. Никогда не излагал никаких дурных мыслей ни о ком. Он как правило просто говорил.

- Мне кажется, что в этом вопросе он ошибается. Здесь нужно было делать не так, а вот так. Я знаю, что он человек умный и сам рано или поздно поймет свою ошибку.

В его словах не было ни хулы ни осуждения, но была довольно точная оценка личности или событий, без поиска или осуждения виновных лиц.

Собирая этих людей Али-бей намеревался обсудить с ними только один вопрос. Организация похода в Сирию. Помимо этого нужно было думать о том как объяснить всем происхождение корабля с оружием и причины побудившие его делать срочный поход на Сирию.

Сопутствующий, а для него и самый главный вопрос об организации последующей экспедиции в Абхазию Али-бей на сегодняшний день обсуждать не собирался. Это была еще тайна раскрывать которую было еще слишком рано.

Говорить об организации похода в Абхазию было на самом деле рано. Членов Совета нужно было еще подготовить к этому вопросу. Говорить пока об этой проблеме он мог только с тремя людьми которым доверял как самому себе.

Это были Апстха, Сахиб-бей и Умар.

Вопрос был даже не в том, что он не до конца доверял Махамад-бею, Ибрагим-бею и Мурад-бею. Вопрос был в другом. Али-бей был прекрасный психолог и некоторые мелочи которые ускользали от внимания многих других людей становилось для него решающим мерилом. Так было и по этой проблеме.

Али-бей видел, что когда он заводил разговор о звезде, которая показывает дорогу в Абхазию глаза Апстха, Сахиба и Умара загорались добрым огнем. Они ничего не говорили особого, громкого, но выражение их глаз и то как они жадно смотрели на эту звезду говорило о многом. Они не забыли своей Родины. Не забыли ее запах. Они готовы были ради нее на все. Такого огонька и такого выражения глаз у Мухамад-бея, Мурад-бея и Ибрагим-бея Султан не увидел пока ни разу. Это и послужило основной причиной того что он решил не говорить им до поры до времени о своих потаенных замыслах. Он просто полагал, что эта его идея особого

энтузиазма у них пока не вызовет. Нужно было сперва решить все подготовительные вопросы, а уж только потом поставить их в известность об этом как перед свершившимся фактом.

Когда Али-бей шел к своему кабинету то он заранее знал, что Апстха, Сахиб-бей и Умар будут сидеть на одной стороне стола. Остальные на другой. Что служило их негласному делению на две команды Али-бей знал давно, но никогда не говорил об этом вслух.

Мухамад-бей и его друзья считали себя аристократами Египта. Людьми высшего эшелона власти и особого сословия.

Сахиб-бей, а теперь уже и Умар были в их понимании выскочками которые были не равны им по их положению в обществе. Камаль-бей был просто справедливым человеком и потому брал всегда сторону Сахиба-бея, а теперь уже и Умара.

У большинства мамлюкских беев была одна общая черта. Все они не любили свое прошлое. Не любили ни вспоминать, ни говорить вслух о нем. Причиной тому служили самые простые обстоятельства. Мамлюками как правило становились дети простых небогатых крестьян или ремесленников. Теперь став беями и военной элитой целого государства большинство из них желало навсегда забыть свое прошлое и то, что они не потомственные аристократы, а те простые люди которых слепая удача вознесла на вершину славы и почета. Дело было в том, что беи свои титулы по наследству не передавали. Их сыновья могли в лучшем случае называться – Сын такого-то бея, но не больше. Когда уходила одна волна беев их сменяла новая. То же вышедшая из самых низов и то же желавшая забыть свое не самое знатное прошлое.

В силу этого обстоятельства беи всегда недолюбливали тех кто знал их происхождение, их родных и близких. В силу этого же обстоятельства абсолютное большинство из них никогда не возвращалось на свою историческую Родину где местное население могло попросту не признать их титулы и звания. Редкое исключение в этом отношении составил в свое время только Султан Египта Инал.

Он вернулся в Абхазию с мечтой создать абхазо-адыгское государство на Черноморском побережье. Планы его в силу ряда обстоятельств не сбылись, но имя его осталось в памяти благородных потомков. Похоронен он был на территории Абхазии в урочище Псху где его могила охраняется законом как национальное

достояние абхазского народа. Инал не сумел создать государство о котором он мечтал, но зато смог дать начало знаменитой Абхазской фамилии Инал-ипа, что значит потомки Инала. Теперь эта фамилия одна из самых знатных и почитаемых в Абхазии.

Воссоздание царства Абаза было нелегкой задачей. В этом вопросе не все зависело только от воли могущественной императрицы России и желаний самого народа Абаза. Так сложилось, что ветер истории в конце XVII века почти полностью унес народ Абаза с территории Черноморского побережья начиная от крепости Анапа которая была в свое время границей царства Абаза до самого порта Туапсе. Теперь на этой земле жили другие племена и народы.

Они не были завоевателями. Они никого не убивали. Они ни что ни у кого не забирали. Они просто заняли земли освободившееся естественным путем от народа уничтоженного безжалостной чумой поэтому обвинять их в чем-то было нельзя. Более того за это время значительно поредело население народа Абаза даже за чертой порта Туапсе. Там теперь было немало шапсугских поселений. Шапсугское племя было многочисленным и воинственным. Шапсуги знали себе цену и разговаривать с ними с позиции силы было невозможно.

Все эти факторы нужно было не только учитывать, но и считаться с ними. Предстоял долгий трудный процесс в результате которого нужно было найти оптимальную формулу взаимодействия с адыгскими племенами которые могли пожелать, а могли и не пожелать войти в царство Абаза. Если бы они не захотели этого то северной границей царства стал бы порт Туапсе. Такова была реальность с которой необходимо было считаться. Самыми могущественными из тех племен, что находились на Черноморском побережье Кавказа были убыхи и шапсуги. С убыхами было легче договориться. Они были и продолжали оставаться одним из племен народа Абаза который со временем несколько обособился, но сохранил один из далеких диалектов языка этого народа. Убыхи признавали, что они являются частью единого народа Абаза, и это облегчало возможный переговорный процесс с ними в случае возникновения такой необходимости. Сложнее было с шапсугами. Они как и убыхи принадлежали к одной абхазо-адыгской группе народов. Шапсуги помнили свое далекое родство, но были уже совершенно другим народом говорившем на другом языке.

Теперь предстояло договариваться с ними. Или идти дальше вместе или стать добрыми соседями. Право выбора было за ними. Им и предстояло решить самим куда и в качестве кого идти им дальше. Реальность была такова и с ней необходимо было считаться.

Когда Али-бей вошел в свой кабинет все было именно так как он и предполагал. Трое друзей сидели за одной стороной стола, Апстха, Сахиб-бей и Умар на другой стороне. Когда он вошел все дружно встали, поклонились ему и стояли в полупоклоне пока он не занял свое место и кивком головы не дал команду сесть всем остальным. В отличии от многих других монаршьих домов в Европе и в Азии Али-бей позволял своим поданным сидеть рядом с ним, хотя прекрасно был осведомлен о том, что в большинстве империй, царств, королевств и султанатов мира поданные монархов не имели права сидеть находясь рядом с правителем.

На сегодняшнем заседании должен был решиться очень важный вопрос решавший судьбу Египта, а затем и далекой Абхазии.

Али-бей не вольно для себя отметил.

- Решалась судьба одного из самых крупных и мощных государств Африки и Ближнего Востока – Египта. Страны имевшей особое стратегическое значение в этом регионе да и не только здесь.

В то же время за столом где решалась его судьба не было ни одного коренного жителя страны.

Судьбу громадного государства решали пришельцы с Кавказа – три абхаза, один абазин, два адыга и один убых который был намного ближе к абазинам чем к абхазам и адыгам.

Так не должно было быть. Это было не правильно. Али-бей понимал неестественность существующего положения и потому в его ближайшие планы входило изменение этого положения. Египтяне были хозяевами этой земли. Они должны были наравне с ними мамлюками принимать решение, что делать Египетскому государству, куда идти, с кем воевать и с кем дружить, но все к сожалению было пока не так.

Али-бей в двух словах объяснил собравшимся, что проблема взаимоотношений Египта и Турции в таком замороженном состоянии долго быть не может. Турция закончит войну с Россией. При любом ее исходе сразу же после заключения мирного договора армия освободившаяся от военных действий на Русско-Турецком фронте хлынет в обязательном порядке сюда в Египет.

Вопрос был только во времени, когда это произойдет. Пройдет совсем немного времени и Турецкая армия отдохнув от войны, перевооружившись, перестроившись в обязательном порядке направит свои взоры на Египет. Султан Великой Порты просто так Египет не отдаст никому. Главным плацдармом для вторжения турецких войск в Египет станет Сирия. Курдистан поддержки Турции не окажет, но и удержать громадную армию Порты не сможет. Янычары и башибузуки пройдут через горы Курдистана, соединятся турецкими гарнизонами расположенными в Сирии и хлынут затем на Египет.

Тогда Египту справится с чудовищной по своей убийственной мощи Турецкой армией будет почти не возможно. Ни храбрость мамлюков, ни их воинское мастерство не спасут ни их, ни Египет. Страна и ее свобода будут потоплены в крови. Необходимо было уже сейчас, прямо сегодня не откладывая на потом думать, что делать сейчас чтобы завтра не попасть в безвыходное положение. Закончив свое выступление Али-бей замолчал ожидая что скажут собравшиеся.

Все молчали обдумывая слова сказанные Султаном.

После некоторой паузы Апстха спросил.

- А что думаешь ты, повелитель, по этому поводу, скажи нам а там мы будем думать как правильно выполнить то что ты считаешь нужным.

- На что Али-бей отвечал.

- Я могу сразу сказать то что я думаю, но мне хотелось бы услышать сперва Ваше мнение, а затем уже думать прав был я в своих мыслях или где-то ошибался. А может я где-то что-то не учел. Может кто-то из нас имеет свое особое мнение. При этом Али-бей сделал особый упор на слова «кто-то из нас» подчеркивая тем самим то обстоятельство, что он считает всех собравшихся за столом единым целым.

Все знали о чем пойдет речь, но все ждали, что скажут другие. Когда никто ничего не сказал слово взял Сахиб-бей. Он говорил то, что они не раз обсуждали они с Али-беем и потому был краток и категоричен.

- Повелитель, я думаю что нужно уже сейчас, не откладывая в долгий ящик идти на Сирию. Сейчас Турция поглощена войной с Россией. Потемкин и Орлов прижали турков. Сегодня турки не

смогут оказать своим войскам в Сирии существенной помощи. Если мы в ближайшее время захватим Сирию, то Турция лишится плацдарма для нападения на Египет. Это серьезно изменит их планы на агрессию. Идти за тридевять земель не имея опоры в Сирии будет гораздо тяжелее и это поубавит прыти Турецким правителям. Если мы сумеем освободить Сирию от турок и наладить союзные отношения с шейхом Дагиром и другими правителями того края мы сможем остановить турецкую армию задолго до Египта и убережем ее от долгой разорительной войны. Может быть я в чем то ошибаюсь, но я так думаю, закончил свою мысль Сахиб-бей.

Следующим высказался Мухамад-бей. Он практически повторил все то что говорил перед ним Сахиб-бей, но его слова были еще более категоричнее. Он предлагал начать поход немедленно, не откладывая ни на один день.

Резко изменившаяся позиция Мухамад-бея несколько озадачила Али-бея. Он понимал, что под этим есть что-то то чего он не знал. Необходимо было думать, что послужило причиной такого неожиданного изменения его позиции по данному вопросу.

Вслед за ним Мурад-бей поддержал мнение своего друга и то же предложил начать немедленный поход на Сирию не откладывая его на последующее время.

Ибрагим-бей так же как и его товарищи был за немедленный поход в Сирию, но заметил, что турецкие войска в Сирии находятся в хорошо укрепленных городах и имеют значительное количество дальнобойных пушек, чего нет у армии мамлюков.

При этих словах Али-бей понял, что настал самый подходящий момент для перехода к конкретному обсуждению вопроса о корабле с оружием. Он движением руки остановил говоривших и сказал.

- Ибрагим-бей. Ты правильно заметил, что у турков мощные орудия которые могут нанести серьезный урон нашей армии. Для того чтобы решить эту проблему я сделал заем во Французском банке и на эти деньги закупил через русских купцов 30 современных пушек с оружейных заводов. Круппа и 2 тысячи новых винтовок которые будут стрелять и дальше и прицельнее чем ружья турецких солдат.

1 тысячу ружей мы отдадим армии которая пойдет в Сирию. Что останется отдадим курсантам нашей школы.

12 пушек так же пойдет с армией на Сирию. 18 останется для нужд тех кто остается здесь, в Египте.

Все дружно закивали головами в знак согласия со словами высказанными Али-беем. Лишь в глазах Мухамад-бея мелькнуло странное выражение то ли вопроса то ли недоумения.

После этого Мухамад-бей не показывая неожиданно промелькнувших эмоций высказал свои опасения по другому поводу.

- Повелитель! Как ты знаешь на Верхнем Ниле все не так спокойно как нам хотелось бы. Не получится ли так что когда основная армия мамлюков уйдет в поход на Сирию местные племена прознав про то поднимут голову. Пока мы вернемся из похода пожар в этом районе уже разгорится и потом будет очень трудно тушить его.

Эти слова были заранее заготовлены Мухамад-беем и ждали только подходящего момента. Сделано было это с очень простой целью которую и озвучил вслед за ним Ибрагим-бей.

- Я думаю, повелитель, что для того чтобы племена Верхнего Нила не подняли голову туда нужно послать небольшую армию с опытным военноначальником. Командиром этой армии нужно назначить человека с большим авторитетом, чтобы одно его имя позволяло вести переговоры с местными племенами и одновременно пугало их. Тогда мы не получим удар в спину и завоевывая Сирию не потеряем Верхний Нил.

Али-бей внимательно выслушал его слова, немного подумал соглашаясь с ним и затем сказал. Я тоже думал на эту тему, но полагал что ее нужно обсудить вместе с вами. Мысль эта правильная. Наши тылы нужно обезопасить. С Хиджазом мы вопрос уже решили. Теперь настала очередь Верхнего Нила.

Как Вы считаете кого нужно было бы назначить командиром этой Армии.

- Конечно же Апстха, ни на секунду не задумываясь отвечал Мурад-бей по-видимому ждавший этого вопроса.

У Апстха большой опыт военноначальника и дипломата. Лучше его кандидатуры на эту должность нам не найти.

Мнение Мурад-бея сразу же поддержали его друзья.

Сам Камаль-бей не сказал по этому поводу ни слова. Ему показалось несколько странным и даже подозрительным, что его вечные оппоненты так дружно предложили его кандидатуру на

эту должность. Все это выглядело хорошо, но неестественно. Ясно было одно. Мухамад-бей и его друзья боятся что командование основной армией направляемой в Сирию Али-бей может поручить ему что противоречило их планам. По-видимому друзья хотели идти в этот поход вместе и направление его на Верхний Нил давало им такую возможность. Так это было или нет сейчас трудно было сказать. Необходимо было время чтобы все увидеть, осмыслить и понять до конца. Сейчас такого времени не было.

Потому Апстха и промолчал.

Выслушав мнение всех и не услышав никаких слов возражения Али-бей сказал.

- Будь по Вашему. Направим Апстха на Верхний Нил.

Это и было основной целью Мурад-бея и его друзей которые опасались того, что командование армией направляемой в Сирию Али-бей поручит именно Камаль-бею.

Поняв, что их основная цель выполнена друзья довольно заулыбались.

После этого все дружно начали обсуждать детали предстоящего Совета беев и то как убедить его членов высказаться за организацию немедленного похода в Сирию.

Закончив обсуждение этого вопроса все стали расходиться. Когда друзья вышли из дворца Мухамад-бей задумчиво спросил то ли себя то ли своих товарищей.

- Вообще-то интересно как так получается. Деньги из Французского банка еще не пришли в Каир, а корабль с оружием от русских уже приплывает в Египет. Что-то здесь не то. В этом вопросе есть над чем подумать.

ВСТРЕЧА С ЭРИДЖЕБОМ

До начала военного похода в Сирию оставалось всего несколько дней. В Каире и его окрестностях шли последние приготовления к нему. Сведения принесенные из Дамасска Аль-Харуном и его друзьями давали основания полагать, что поход будет удачным. Гарнизон турецких войск расположенный в Дамаске подкрепления не получил. Более того у янычар расквартированных в городе было упадническое настроение вызванное тем, что в Сирию пришли известия из Стамбула. Война на носу, а подкрепления нет и не будет.

Не пришли в Сирию и корабли с оружием и боеприпасами которые обещали прислать из Турции. В таких условиях турецкие гарнизоны оказать серьезного сопротивления, конечно же, не могли.

Укрепляло уверенность в успешном исходе предстоящего дела и послание шейха Дагира из Акки. В своем письме шейх Дагир подтверждал первоначальную договоренность о готовности провести совместный поход. Более того он информировал Али-бея о том, что его воины обеспечат проход войска мамлюков через пустыню выставив караулы возле всех источников воды вдоль всего маршрута движения армии Мухамад-бея до самого Дамасска, обеспечат безопасность ее флагов и тыла.

Все это было хорошо, но к вечеру к Мухамад-бею явился Эреджеб с двумя сопровождавшими его турками одетыми в арабские одежды. В последнее время все визиты Эреджеба приносили Мухамад-бею одни неприятности.

Эреджеб уже затянул тугой узел на шее Мухамад-бея и крепко держал его концы в своих жестких беспощадных руках.

Раньше Эреджеб вел разговоры с ним будто советовался с ним и хотел узнать его мнение потому или иному вопросу. Теперь все стало иначе. Эреджеб говорил теперь в повелительном и чуть ли не в приказном тоне. Возражений не принимал. Когда же Мухамад-бей высказывал свое мнение по тому или иному вопросу он отрезал безаппеляционным тоном по любой из возникших проблем.

- Правительство Турции не уполномочило меня вести с Вами какие-либо переговоры на эту тему. Мне поручено только передавать Вам то что я Вам передаю. Других полномочий у меня нет.

Эребжеб как всегда был одет в одежду показывающую что он араб-торговец. На нем светло-серый широкий распашной халат орнаментированный чисто в Египетской традиции.

Под халатом тонкая белая туникообразная рубашка перетянутая широким поясом. В таких поясах арабы хранят как правило кошельки, кинжалы или кисеты с табаком.

В руках у него четки из темно-зеленого янтаря. На голове белый египетский платок куфия скрепленный черным шнурком – угаль.

Пальцы Эребжеба механически перебирают темно-зеленые янтарные четки. Теперь он не так вежлив и не так учтив как в первые дни их знакомства. Зайдя в комнату где находился Мухамад-бей он не спрашивая дозволения сел на широкую тахту и также без вступительных слов перешел к цели своего визита.

- Уважаемый Мухамад-бей, начал он. Я хотел проинформировать тебя, что во время вашего похода на Дамасск в войсках может вспыхнуть бунт.

Многие мамлюки крайне недовольны тем, что Египет и его Султан Али-бей пошли на союз с неверными и будут воевать при помощи оружия которое дали им русские с такими же мусульманами как они сами. Мусульманин не должен воевать с мусульманином из за интересов неверных.

Когда вспыхнет бунт ты не будешь препятствовать мятежу, а возглавишь его. Тебя об этом попросят знатные беи. После этого войска которыми ты будешь командовать пойдут на Каир и свергнут Али-бея. Апстха со своим корпусом будет далеко так что помочь Али-бею будет некому.

В Каире не будет никаких войск кроме его личной охраны практически не способной противостоять твоей армии.

Пятьсот мамлюков его личной гвардии вместе с их командиром Умаром капля в море против твоей непобедимый армии.

Возможно что Али-бей услышав о мятеже в войсках попробует убежать к своему союзнику и другу шейху Дагиру в Акку.

Для того чтобы не допустить этого вышлешь один из своих корпусов на дорогу которая ведет из Каира в Акку. Али-бей нужен Стамбулу живой. Его должны судить по законам Великой Порты. Суд и скажет что полагается человеку который предал интересы Турецкой империи. Народы всей необъятной нашей страны должны знать – что будет с каждым из тех кто посмеет поднять свою руку на славу и могущество Великого Султана.

Мухамад-бей сидел и не перебивая слушал все что говорил ему Эребжеб.

Он уже был морально готов к тому что было ему предначертано. Обратной дороги уже не было. Его интересовало теперь только два вопроса.

- Какая роль отводится ему во всей этой истории в которой он рисковал всем что у него было. Кем и в каком качестве видит его Стамбул в последующее время.

Второй и не менее важный для него вопрос был гораздо сложнее первого.

- Как объяснит он Фагуде свое участие в заговоре против ее брата.

После долгих размышлений он принял единственно правильное на его взгляд решение.

Он скажет, что мятеж вспыхнул не по его воле, а он вынужден был принять руководство над мятежниками с тем чтобы спасти Али-бея от расправы которую могли учинить над ним взбунтовавшиеся мамлюки избрав другого Султана который будет заинтересован в смерти своего предшественника.

Такое объяснение своего поведения казалось ему наиболее разумным.

Тем временем Эребжеб продолжал.

После того как ты Мухамад-бей вернешься в Каир, а может быть и даже раньше этого ты будешь избран новым Султаном Египта. Об этом позаботятся Назымбий и Фатхи-бей. Их поддержат Мурад-бей и Ибрагим-бей. Нет они еще ничего не знают о наших с тобой планах продолжал Эреджеб утвердительно. На самом деле его утверждения о том что Назымбий и Фатхи-бей ничего еще не знали о заговоре были конечно же неправдой. О предстоящем заговоре не знали только Мурад-бей и Ибрагим-бей. Мухамад-бей это понимал однако говорить об этом посчитал излишним.

При этом Эреджеб сделав особое ударение на слова «О наших с тобой планах» лишний раз подчеркнул, что Мухамад-бей давно уже участник заговора и все что делается сегодня делается не только при его молчаливом согласии, но и при его непосредственном участии.

Да, Мурад-бей и Ибрагим-бей как и все остальные беи пока еще ничего не знают о наших с тобой планах, утвердительно повторил он свою мысль. Но им и не нужно ничего знать об этом вообще даже после того как задача которую мы с тобой ставим перед собой будет решена.

Когда дело будет сделано им ничего не останется делать кроме того как поддержать тебя. Вот и все закончил он, но увидев вопросительный взгляд Мухамад-бея продолжил.

- Мухамад-бей, когда тебя изберут преемником Али-бея ты, сразу же объявишь о трех своих решениях:

1. Египет признает верховную власть Султана Турецкой империи и снова становится провинцией Великой Порты с особыми правами и привилегиями.

2. Должность Султана Египетского Государства упраздняется так как на карте мира нет уже никакого независимого государства под названием Египет. Правитель Египта будет носить титул шейха аль-Баледа как и прежде.

3. Все участники мятежа освобождаются от ответственности за действия по свержению с престола Султана Али-бея.

Не увидев утвердительного жеста или утвердительных слов со стороны Мухамад-бея Эреджеб добавил.

- Я думаю, что ты не забыл насколько велики возможности Турецкого Султана и что может быть с каждым кто не выполнит его волю.

Это была обыкновенная неприкрытая угроза и Мухамад-бей с первых слов понял смысл сказанных ему слов. Понял, но сделал вид, что ему ничего не ясно и он даже не понимает о чем идет речь и в чей адрес направлены последние слова агента Сефар-паши которые звучали как приказ к действию.

В ходе дальнейшего разговора Эреджеб не стал уточнять как вспыхнет мятеж и когда это произойдет. Мухамад-бей и без его разъяснений понял, что все роли в этом действии уже распределены и по-видимому главная из них принадлежат не ему, а Назымбию и Фатхи-бею.

Мухамад-бей не перебивал своего собеседника, да это было и бесполезно. Он прекрасно понимал, что его мнение уже никого не интересует. Турецкая охранка создала ситуацию когда он попал в безвыходную ситуацию. Или он безропотно выполняет все что нужно туркам или он идет на эшафот, а эту же работу сделает другой человек которого держат они в запасе. Кто этот неизвестный чья тень маячила за его спиной Мухамад-бей не знал.

Теперь ему оставалось только сидеть, слушать указания Эреджиба и выполнять их. Тем временем вошедший в роль Эреджеб говорил почти без перерыва не давая Мухамад-бею возможности что-то спросить или что-то уточнить. Говорил он четким хорошо поставленным голосом.

Слушая его манеру ведения разговора когда он печатал каждое слово как будто он кому-то рапортовал или отдавал приказы, а так же глядя на его подтянутую фигуру и четкие движения Мухамад-бей с запоздалым сожалением думал.

- Как же я сразу не понял что это кадровый офицер.

Иногда довольный достигнутым результатом Эреджеб начинал высокопарно философствовать.

- Нельзя познать истину до конца рассуждал он, наслаждаясь своей властью над Мухамад-беем.

Истину найти невозможно. Это не дано ни одному смертному. Наши чувства ограничены, разум данный Аллахом слаб, жизнь слишком коротка чтобы измерить и изменить что-то в этом мире. Мы должны мириться с тем что есть вокруг нас и безропотно выполнять волю Всевышнего и Турецкого Султана.

Когда он излагал свои мысли тон его голоса и выражение глаз становились совсем другими.

Но стоило только ему закончить говорить как глаза его снова отрезвляли собеседника жестким равнодушием и пронизывающим холодом.

Мухамад-бей уже и сам не знал до конца сожалеет ли он обо всем что произошло. Он хотел стать правителем Египта, но теперь он понимал, что его желание может стать реальностью за которую ему предстоит слишком дорого заплатить.

Теперь он и сам не мог ответить самому себе. Нужна ли была ему такая власть.

Власть за которую придется ему отдать свое имя, свою честь и возможно еще гораздо больше.

Предательство во все времена было предательством и потому он прекрасно отдавал себе отчет в том, что если уж он сам себе не может найти оправдания то ждать этого от других очень даже трудно.

Во все времена у всех народов предателей и презирали и ненавидели как те кого они предавали так и те в чьих интересах было это предательство.

Махамад-бей это знал, но у него не было уже другого пути ни вперед ни назад. Капкан в который он попал захлопнулся. Ему оставалось только ждать и надеяться. Он хорошо помнил старую арабскую пословицу. – У каждой палки два конца, обе могут ударить предателя.

Знал это и Эребжеб. Потому и вел себя подобным образом. Он был уверен в том что сбежать из этого капкана Махамад-бей никог-

да уже не сможет. Слишком далеко он зашел. Слишком много близких ему людей были втянуты в игру где не было никаких правил.

Игру которая могла закончиться для него потерей его жены, сына и многих других близких ему людей, а вернее всего и потерей всего того что он имел и его доброго имени в том числе.

Сам же Мухамад-бей утешал себя одной единственной мыслью. Он полагал, что рано или поздно придет такое время когда он Мухамад-бей сделает то что не успел сделать Али-бей и тогда он придет на его могилу и скажет ему.

- Я знаю что я был неправ, но у меня не было другого выбора. Но все равно я сделал то, что хотел сделать ты. Если можешь прости меня теперь. Все вышло так как вышло, но зато я довел до конца дела ради которых ты жил. Я завершил все что хотел свершить ты. Видно так распорядилось время. Не осуждай меня. Возможно ты тоже поступил бы так же окажись на моем месте.

Когда Эреджеб закончил свою речь Мухамад-бей внимательно слушавший и оценивавший каждое его слово спросил.

- Мне понятно почти все из того что ты сказал, но я не могу понять одного. Какова во всей этой истории роль шейха Дагира. Он что то же на нашей стороне и знает уже обо всем.

- Нет, отвечал Эребжеб, но это не должно тебя волновать.

Шейх Дагир будет обеспечивать прохождение твоей армии на всем протяжении пути от Каира до Дамасска. Вместе с тобой прибудет он под стены города где ты через несколько дней осады пошлешь к командующему турецким корпусом янычар Ратип-паше парламентеров с предложением сдать город. В обмен на капитуляцию тобой будет обещано что все турецкие войска с обозами, но без оружия будут выпущены из города и получат беспрепятственный проход через Сирию до самых границ Турции. Первый раз Ратип-паша не примет твои условия. Через несколько дней ты повторишь свое предложение.

На этот раз Ратип-паша примет условия твоего ультиматума и уйдет вместе войсками из Дамасска. Когда он уйдет ты получишь славу освободителя и покорителя столицы Сирии.

После этого ты поблагодаришь шейха Дагира за участие в походе, выделишь ему причитающуюся долю трофеев и отпустишь его домой. Вот и вся роль шейха Дагира. Его очередь придет потом. Когда ты станешь шейхом аль-Баледом Египта, он от тебя никуда не денется.

И все таки продолжил свою мысль Мухамад-бей. Мы оба с тобой знаем, что Али-бея связывают с шейхом Дагиром не только союзнические отношения, но и чисто человеческие. Мухамад-бей повторно продолжил мысль которая беспокоила его уже давно. Как поведет себя шейх Дагир если в войсках вспыхнет бунт. Остановит ли его мощь и сила Турецкой империи. Всем известно, что шейх Дагир человек чести, и он поклялся в верности Али-бею на коране. Не станет ли этот фактор препятствием в ваших планах.

Говоря иногда слова «в ваших планах» Мухамад-бей старался хотя бы внешне, чисто формально возможно даже, только для того чтобы успокоить собственную совесть как-то отгородиться до поры до времени от планов заговора будто он не имел к этому никакого отношения.

Ответ Эребжеба его обескуражил.

- Полно Мухамад-бей, что Вы все время играете словами. Вы говорите так словно никогда не слышали о том, что готовится заговор против Али-бея и Вы к нему не имеете никакого отношения.

Давай перестанем играть на публику. Мы с тобой здесь вдвоем и никто не слышит нас. Мы оба знаем, что если бы ты лично не хотел того то заговора никогда не было бы. Мы только помогли тебе сделать то что ты задумал сделать давным давно. У тебя до поры до времени просто смелости не хватало признаться самому себе в этом.

После этих жестких слов Эребжеб резко поменял тон и уже в примирительной форме добавил

- Мы оба с тобой знаем что с шейхом Дагиром мы никогда не договоримся. Он быстрее умрет чем отступит от своих слов. Вот в этом ты ему и поможешь.

Увидев снова вопрос в глазах Мухамад-бея Эреджеб продолжил.

- Как только тебя провозгласят шейхом аль-Баледом Египта ты в первую очередь направишь острие своей сабли против шейха Дагира. Дерево Али-бея нужно вырубать с корнями, добавил он.

- Акка будет сожжена, а сам шейх Дагир казнен как предатель. Такова воля Султана и тебе надлежит ее выполнить. В это же время корпус турецких янычар которому вернут оружие после того как ты признаешь власть Турецкого Султана направится в горы Курдистана. Там курды снова начинают поднимать голову. Их подбивают к бунту Фазыл-бек, Агабек и Салман медведь. Они уже успели договориться с рядом родов и племен Сирийского Курдистана о

совместных действиях против нас. Пускай они продолжат свою работу. Чем больше людей примкнет сегодня к ним тем лучше. Это даст нам возможность собрать их воедино и уничтожить всех врагов империи в один раз, а не бегать за ними по горным дорогам и тропам как охотник за дичью.

Минуту другую помолчав он добавил.

- И помогут нам решить наши проблемы сами курды. От них и мы уже узнали и узнаем в дальнейшем все планы заговорщиков. Скоро ты сам увидишь все это и убедишься в правоте моих предположений. При этих словах Эреджеб как-то странно улыбнулся. Улыбка была такой что Мухамад-бею увидевшему ее стало сразу как-то не по себе. Мухамад-бей не был трусом. Он не боялся встретиться со своим противником один на один.

Но Эреджеб не был из числа тех кто выходит в чистое поле один на один. Его зловещая улыбка говорила о том, что у него другое гораздо более грозное оружие. И это оружие страшнее даже чем острая сабля в руках неприятеля.

Когда Мухамад-бей выяснил в общих чертах вопрос о шейхе Дагире он задал второй не менее важный для себя вопрос.

- А как быть с Сахиб-беем. Он никогда не захочет выступить против Али-бея. Он его близкий друг. У него под рукой 5-и тысячный корпус отборных мамлюков. Все они преданы ему и не допустят ничего того что не будет одобрено их командиром.

Услышав его слова Эреджеб многозначительно улыбнулся и ответил.

- И это не твоя забота. Корпус Сахиб-бея будет делать все так как нам нужно. Каким образом будет достигнуто это и какова в этом деле будет роль самого Сахиб-бея ты узнаешь немного позже. Тебе сейчас это не нужно знать. Придет время и ты увидишь все сам. Уклончивые ни о чем конкретно не говорящие ответы Эребжеба говорили о многом. То ли турки не до конца доверяли Мухамад-бею, то ли они делали на него ставку на недолгое время.

И то и другое было не самое лучшее из того что хотел бы иметь на сегодняшний день будущий правитель Египта. Вместе с этим он прекрасно понимал, что теперь Турецкую сторону его мнение уже не интересует.

Ни разу, за время всей беседы, Эреджеб даже не спросил его, что он думает по тому или иному вопросу. Он уже не советовался с ним.

Он ничего не спрашивал у него. Он просто доводил до его сведения, все что ему надлежало делать и чего не имел он права делать.

Теперь все беседы проходила в приказном тоне. Эреджеб говорил с ним как говорит офицер со своим солдатом. Жестко. Однозначно, требуя безусловного выполнения приказа и больше ничего.

Несмотря на это Мухамад-бей счел необходимым задать еще один вопрос. Дело было в том, что Эреджеб не сказал ни слова о Камаль-бее. В то же время Мухамад-бей знал насколько велико влияние Камаль-бея среди всех мамлюков.

С его мнением и его словом считались и знатные беи и рядовые мамлюки.

Возможно было возникновение такой ситуации, что восставшие мамлюки просто не провозгласят его своим лидером. Одно слово Камаль-бея могло изменить все планы заговора и свести на нет замыслы турков и его тоже.

Такое было вполне возможно и с этим нужно было считаться.

Исходя из этого он спросил Эреджеба.

- А как поведет себя Камаль-бей. Не случится ли так что он один сломает все наши планы. Вы не хуже меня знаете степень его влияния в мамлюкском сообществе. Он никогда ни на что не претендует. Он праведник. Все об этом знают и потому его слово очень часто имеет решающее значение. Если он во время нашего выступления выскажется в защиту Али-бея или тем более выступит со своим корпусом ему на помощь, то значительная часть остальных мамлюков может перейти на его сторону. Такова реальность и это необходимо все время помнить закончил свою мысль Мухамад-бей.

По-видимому Эреджеб ждал этот вопрос и потому он сразу же, почти без подготовки начал отвечать на него.

- Напрасно ты беспокоишься на эту тему. Мы учли и этот фактор. За день-два до выступления мамлюков в Каир придет весть о том что на Верхнем Ниле вспыхнул мятеж воинов вождя племени Зумбу. Их поддержат воины вождя Боты. Туда и направят Камаль бея где он будет как минимум два-три месяца разбираться с восставшими племенами. Они будут уходить от решающего сражения. За это время ты прибудешь в Каир и вступишь в должность правителя Египта.

Возможно, что Али-бея к тому времени в живых уже не будет. Так что если Камаль-бей что-то и начнет предпринимать в его пользу то будет уже поздно.

Разговор с Эребжебом не внес никакой ясности для Мухамад-бея. Более того он еще более запутал создавшуюся ситуацию. Теперь вопросов было еще больше чем ответов. Мухамад-бей так и не понял когда будет мятеж? Что станет предлогом для выступления? Как будет протекать он и кто будет его инициатором? Ясно было только одно. Турки не до конца доверяют ему и отводят ему роль статиста который должен появиться в последний момент и принять на себя всю ответственность за происшедшие события.

Создалась парадоксальная ситуация. Человек которого он собирался предать верил ему, а те кто толкал его на это предательство ему не доверяли.

Ясно было и другое. Он не был особо нужен туркам. Им нужно только его имя. Если что - с ним поступят так же как с Али-беем. Желающих предать его и занять место правителя Египта турки найдут всегда.

Но даже при всем том, что уже произошло Мухамад-бей ни о чем искренне не сожалел. Он был уверен в том, что был совершенно прав вступив в борьбу за власть. Мухамед-бей был уверен в том, что он достоин быть правителем Египта и готов был добиваться этого всеми доступными средствами. Он не осуждал себя за то, что он вступил в борьбу за трон правителя. Он осуждал других и в первую очередь турков за то, что он вынужден был идти к власти таким долгим окольным путем и за то что они отвели ему во всей этой компании не главную организующую роль, а роль наблюдателя.

Все это было так, но он знал за что он борется. Знал что придет его час и тогда он всем отплатит по делам и заслугам. Туркам тоже и в первую очередь Эреджебу и Сефар-паше за то что они превратили его в пешку в этой грязной игре.

К Али-бею Мухамад-бей относился двояко. Он даже сам себе не мог однозначно ответить на вопрос кто для него Султан Египта. Он прекрасно знал что Али-бей сделал его тем кем стал он теперь, выделив его из толпы рядовых мамлюков. . Если бы ни Али-бей он никогда не стал бы беем. Никогда не стал бы вторым человеком в государстве. Всё это было так. С одной стороны он знал, что Али-бей великий воин и великий политик сделавший очень много для Египта. Но время Али-бея вышло. Он не туда смотрел. Он вел Египет не в ту сторону. Сейчас Египту война с Турцией была не нужна.

В этом Мухамад-бей был уверен. Возможно было и совсем другое. Мухамад-бей прекрасно понимал, что он просто ищет предлог для того чтобы оправдать свои действия перед самим собой.

Зачем Али-бей начинал войну с Турцией и почему шел на союз с русскими он на самом деле понять не мог. Турция была рядом. Россия далеко. Сегодня русские здесь. Завтра их здесь не будет. Мухамад-бей как и ряд других видных членов Совета-беев считал.

Нужно заключить мир с Турцией. Пусть пока Египет будет формально в составе Турецкой империи. Мир с Турцией даст Египту большие выгоды. Мир даст возможность повернуть своих коней в сторону Судана и Эфиопии.

Там бескрайние просторы Африки. На этих просторах нет силы способной противостоять мамлюкам. Особенно теперь когда у нее есть современные пушки и ружья. После покорения этих земель можно будет снова повернуть морды коней и завоевать Сирию, Палестину, Ливан, а затем и весь Аравийский полуостров вплоть до Иемена. Мухамад-бей был уверен в том, что это была уникальная возможность сделать Египет могущественной империей как сама Великая Порта. Тогда и только тогда можно было бы померяться силами уже и с ней. Тогда, но не сейчас. Почему не хотел видеть этого Али-бей Мухамад-бей не понимал. Как не понимал и другого. Зачем нужен был ему союз с русскими. Что давало ему это. Тем временем сказав все что он хотел сказать Ереджеб удалился даже не притронувшись к чаю и кофе сиротливо стоявшим на столе. На завтра была назначена свадьба Умара и Астанды. Султан решил не медлить со свадьбой своего любимца и желал чтобы она состоялась до того как армия Мухамад-бея уйдет в поход. Астанда жила в его доме. Фагуда хотела чтобы ее забрали от них как из родного дома Астанды. Фагуда в этом своем желании была права. Других родственников или близких Астанде людей в Египте не было. Фагуда вообще хотела устроить пышную свадьбу Астанде, но Нафиса категорически воспрепятствовалась этому. Она считала, что войско мамлюков уходит в тяжелый поход и демонстрировать в это время рядовым мамлюкам блеск и роскошь дома Султана и важного бея каким был Мухамад-бей было бы не очень правильно и разумно. Это могло вызвать у них нежелательную реакцию.

- Зачем лишний раз вызывать у простых людей чувство зависти и недовольства сказала она. Лучше сделаем так. Мы с Али-

беем подарим молодоженам хороший дом, а Вы с Мухамад-беем подарите им домашних животных, мебель, белье и посуду. Фагуда согласилась с ее мнением. Так все и сделали.

На завтра прошла свадьба. Свадьба была скромной. Присутствовало на ней не так много людей. Самые близкие. Али-бей, Мухамад-бей, Нафиса, Мариам, Гатиса и их слуги.

Фагуда с самого начала настаивала на том чтобы свадьба прошла по абхазским обычаям. Потом немного передумав решила, что свадьба должна пройти по обычаям абазин так как Умар абазин.

После небольшого уточнения она выяснила, что церемония проведения свадьбы в абхазских и абазинских селах примерно одинаковая за исключением небольших деталей связанных чисто с религиозными факторами. Все к этому и шло. Она довольно быстро уговорила своего мужа. Мухамад-бей не стал ей возражать против ее предложений, лишь добавил, что свадьбу проводит сторона жениха, а не сторона невесты и потому как пройдет свадьба будет решать не его семья, а семья Али-бея.

В последнее время и особенно в последние дни Мухамад-бей всецело старался подчеркнуть перед Фагудой свое особое уважение к ее брату и желание делать так как скажет он и никак не иначе.

После разговора с мужем и фактически заручившись его согласием Фагуда немедленно отправилась во дворец Али-бея.

Она была одна из немногих приближенных Султана которые имели право приходить к нему без спроса в любое время дня и ночи.

Брат ее любил и всегда подчеркивал это с особым удовольствием.

В кабинете у Султана находилось несколько служителей мечети и двое кадиев. Она не стала нарушать работу брата и села в приемном покое на диван ожидая когда Султан освободится.

Охрана Али-бея знала всех тех кто имел особые права и право первоочередного посещения правителя Египта и потому как только они приходили в приемный покой то они немедленно докладывали Султану об их прибытии.

Так произошло и на этот раз.

Один из охранников стоявших у двери Султанского приемного зала зашел к Али-бею. По-видимому он доложил ему, что к нему пришла его сестра так как буквально через минуту в приемную вошел сам Али-бей. Он подошел к Фагуде приобнял ее рукой и жестом пригласил ее войти в его кабинет.

Фагуда стала отказываться от этого ссылаясь на то что там находятся другие люди и она с удовольствием подождет пока они выйдут, но в это время все посетители Султана вышли из его кабинета и согнулись перед ней в почтительном поклоне. После этого они без лишних слов расселись по диванам и приготовились ждать когда Фагуда выйдет от Султана.

К удивлению Фагуды Султан в жесткой форме отказал ей в ее просьбе. Он сказал.

- Сестричка, ты знаешь, что ты для меня значишь, но даже это не может стать основанием для нарушения обычаев и законов страны в которой мы живем и законы которой обязаны выполнять мы в первую очередь. Иначе нас никто не поймет.

Если сегодня я дам разрешение кому либо нарушать действующие обычаи и традиции египтян, завтра весь Каир наполнится слухами о том, что я способствую противоправным действиям и нарушению законов арабского мира. У меня и без этого хватает недоброжелателей. Удовлетворив твою просьбу я дам им хорошие козыри в руки. А руки и языки у них длинные, и они поверь мне, не преминут воспользоваться представленным им шансом.

Завтра все мечети и базары города, а затем и всего Египта будут полны слухов о том что Султан не до конца еще мусульманин, что он чтит законы неверных и тому подобное.

Услышав, что высказанная ею просьба может нанести вред Али-бею Фагуда моментально изменила свое решение и немедля заявила.

- Брат мой, я просто не подумала о том, что моя просьба может принести тебе проблемы и вред.

Я все поняла и больше не настаиваю на ней. После этого они обсудили некоторые детали предстоящей свадьбы. Достигнув взаимного согласия по большинству из них Фагуда ушла из дворца довольная тем, что смогла уберечь брата от лишних неприятностей.

Свадьба как и договорились они прошла чисто по Египетским обычаям.

Под самый конец свадьбы в дом молодоженов, где проходила свадьба пришли члены совета беев. Они знали, что Султан благоволит к начальнику своей охраны и потому пришли с богатыми дарами.

Один из них подарил Умару чистокровного скакуна с дорогим седлом. Другой подарил шикарную немецкую винтовку с набором из

тысячи пуль. Не худшие подарки сделали и другие беи. Свадьба закончилась далеко за полночь. Теперь Умару и Астанде было где жить. Оба они сияли от счастья и ни от кого не скрывали своих чувств.

Гости довольные хорошим застольем разъехались по домам почти под самое утро. Многим из низ через пару дней предстояло уйти в поход на Сирию. Дел было много. Времени совсем мало. Последними дом Умара покинули Али-бей, Нафиса, Мариам и Гатиса. Прощались долго будто на долго расставались.

Али-бей и Умар в поход не шли, но каждый из них знал, что от успеха этого похода зависело очень многое в их дальнейшей жизни.

Знал это и Сахиб-бей корпусу которого надлежало идти в авангарде всей армии и первыми принимать удары противника расчищая ей дорогу.

МИГРЕЛИЯ

Ехать до Зугдиди пришлось гораздо дольше чем предполагалось первоначально. Делегация Влиятельного князя Абхазии во главе с Бесланом Гечба выехала из Лыхны ранним утром. В дальний путь отправились человек 40. Князья Анзор Лоо и Беслан Гечба в отличии от Баты взяли с собой много охранников и других людей которые должны были охранять их и ухаживать за ними в пути следования. До Зугдиди было более ста верст пути. В первую ночь остановились недоезжая до Сухум-Кале в поместье князей Дзяпш-ипа. Поместие находилось в Эшерах верстах в 3-4 от морского порта.

Приняли их хорошо, радушно. Хозяин дома князь Джансуг заранее извещенный о прибытии делегации знал куда она едет и считал, что цель которая стоит перед ними нужная и соответствует интересам Абхазии. Более того по его настоятельной просьбе в делагацию включили и его сына Даура.

Дзяпш-ипа мудрый человек. Он точно рассчитывает каждый свой шаг, каждое свое слово. Когда того требуют обстоятельства он может становиться тенью которую видят все. И друзья, и враги. Благодаря своей дальновидной политике он сумел объединить вокруг себя значительное количество влиятельных дворянских родов что позволило ему стать самым влиятельным человеком в Абхазии после Владетельного князя. Теперь и сам Владетельный

князь постоянно поглядывал в его сторону принимая то или иное важное для страны решение.

Князь считал, что такое знаменательное событие могущее принести несомненную пользу всему народу Абхазии должно произойти при непосредственном участии рода Дзяпш-ипа. Позиция высказанная главой могущественного княжского рода и удивила и понравилась всем.

Сомнения в том, что в борьбе за первенство в Абхазии с родом Чачба Дзяпш-ипа будет препятствовать целям поставленным перед делегацией рассеялись. Род Дзяпш-ипа принял решение о том, что интересы Абхазии выше интересов фамилии и рода. Для Абхазии того времени это было довольно редким явлением.

За праздничным столом накрытом в честь приезда знатных гостей хозяин дома прямо сказал.

- Зураб затеял хорошее дело. Пусть Анча-ду поможет ему в этом деле, а я в меру своих возможностей буду содействовать ему в решении этого вопроса. Говорил он эти слова глядя прямо в глаза Гечба и Лоо что не оставляло сомнений в том что он говорил то что он думал.

Здесь же в присутствии гостей он дал наказ своему сыну.

- Дело по которому Вы едите в Мигрелию нужно Абхазии. Тебе необходимо сделать все что в твоих силах чтобы с честью решить поставленную задачу. Я надеюсь на тебя мой сын. Я верю что там вдалеке от дома ты не уронишь чести нашей фамилии.

Говорил Джансуг эти слова искренне, от всей души. Ему нужны были мир и спокойствие в родном краю. В его далеко идущих планах быть Владетельным князем мирной, процветающей Абхазии было гораздо приятнее и удобнее чем руководить краем раздираемом внутренними и внешними проблемами.

На следующий день заметно пополнившаяся в численности делегация тронулась в дальнейший путь. Князь Дзяпш-ипа лично проводил их до самой околицы села. В Сухум-кале делегация не заехала. Время было дорого. Заезд в портовый город мог значительно задержать их. Город построенный турками еще в конце XVI века остался в стороне от их дороги.

Большая задержка в пути произошла у них совсем неожиданно. Драндский епископ должен был ждать их будучи готовым к отъезду. С этой просьбой к нему выехал на день раньше нарочный от Владельного князя.

Однако когда Гечба и сопровождавшие его люди подъехали к его дому епископа дома не оказалось. Церковь тоже была закрыта. Церковный сторож который вышел им навстречу рассказал, что сегодня утром волны прибили к берегу обломки турецкого корабля потерпевшего крушение и вместе с ними массу трупов. Их нужно было похоронить по законам божьим. К месту трагедии выехали Епископ и Имам местной мечети. Сторож был предупрежден об приезде гостей и был готов к их приему. Отведав еды и вина принесенных им и неведомо откуда взявшимися послушниками путники расположились на отдых. Порассуждав некоторое время Лоо и Гечба пришли к выводу что так быстро похоронить большое количество людей видимо не удастся и лучше дать возможность передохнуть людям у которых была впереди долгая трудная дорога. Предположения старших оказались верными. Епископ вернулся домой только перед самым заходом солнца. Вернулся усталый и обремененный тяжелыми думами. Выезжать в дорогу в таких условиях было не разумно. Епископ был уже преклонного возраста и ему нужно было отдохнуть от хлопот трудного дня. Он происходил из уважаемого абхазского рода. Несмотря на свои довольно преклонные лета держался молодцевато. Высокий, не по годам стройный он производил впечатление энергичного и делового человека. Сразу же по его приезду гостей разместили у него в доме и в окрестных крестьянских домах.

Гечба и Лоо остались в доме Епископа. Бату и молодого князя Дзяпш-ипа забрали к себе местные дворяне.

Перед тем как гостей разместили по всей округе Епископ рассказал.

Ранним утром сегодняшнего дня рыбаки вышедшие к берегу моря увидели множество трупов утопленников прибитых волной шедшей с западной стороны.

По-видимому трупы находились в воде длительное время и потому рассмотреть лица утопленников было уже невозможно. На груди у некоторых из них были православные кресты. У большинства других на груди были мусульманские «дуа». Среди них было пять женщин. На груди у всех у них висели «дуа». Только у одной из них рядом с «дуа» висел маленький крестик, из чего рыбаки сделали вывод что эта женщина была повидимому когда-то христианкой принявшей в силу ряда обстоятельств мусульманскую

религию. Особо тяжкое впечатление произвел на всех труп мальчика лет полутора, зажавшего в руках кусок материи оторванной по-видимому от чьего-то платья. Местный имам, и Епископ которые несмотря на серьезные религиозные разногласия имели довольно дружеские отношения приняли единогласное решение. Трупы собрать на берегу. Каждый из священнослужителей прочтет свою молитву над телами усопших. Кто из них мусульманин тот возьмет свою часть молитвы, кто христианин получит свою христианскую часть.

Так они и сделали. Первым как старший по возрасту прочел молитвы Епископ. Затем прочитал мусульманские молитвы Имам.

Вся процедура чтения молитв повторилась при захоронении каждого тела утопленника.

Над теми могилами куда ложили «утопленников с крестами или с «дуа» читал молитвы только один представитель той или иной религии. Там где не могли определить точно к какой религии придерживался тот или иной усопший читали молитвы по очереди.

Когда Епископ рассказывал о том где он был и что он делал Мамата чистил своего коня не уделяя особого внимания его словам.

Когда же Епископ упомянул о женщинах одетых в арабскую одежду Мамата встрепнулся. Он и сам не знал почему так произошло. Ощущение какой-то непонятной тревоги и неосознанной боли неожиданно прошло по всему его телу.

Мамата не мог понять почему так произошло, но он при последних словах Епископа остановился, отложил в сторону щетку и долго долго стоял в оцепенении не в силах понять что произошло с ним и почему именно эта часть рассказа Епископа так взволновала его. Зиза стоявший рядом с Маматой увидел как изменился в лице его друг и спросил.

- Что с тобой, почему ты так побледнел и насторожился? Ты что знал этих людей?

На что Мамата после короткого замешательства отвечал.

- Как могу я знать знакомы они мне или нет если я не видел их лиц, но мне стало что-то не по себе от этого рассказа. Может на самом деле они были знакомы или даже близки мне. Если бы это было не так то с чего бы мне стало так грустно и больно будто я потерял дорогих мне людей. После этих слов Мамата и Зиза еще

долго стояли вдалеке от всех обсуждая нежданные чувства охватившие Мамату. Зиза постарался уверить своего друга, что все это какое-то наваждение, но тот никак не мог успокоиться. В конце концов оба они вышли с церковного двора, прошли на ближайший пригородок где Мамата расстелив на нем свой походный коврик начал молиться. Направив свое лицо в сторону Мекки и Медины он просил Всевышнего даровать ушедшим в самую дальнюю дорогу в своей жизни места в раю и простить им их пригрешения если были они у них. Зиза стоял рядом с ним и слушал молитвы смысл которых он не понимал. Зиза был христианин, но религиозные чувства своего друга уважал. После долгой молитвы на душе у Маматы стало легче и они пошли назад в церковный двор где их друзья уже начали беспокоиться за них не поняв куда они так неожиданно пропали. Какие тайны и какие способности хранит в себе человек не знает и он сам. Видно есть в нем то, что заложено в него его создателем и ведомо только ему самому. Какая тревога и какая боль вошли в Мамату мимолетно услышавшего рассказ Епископа о трагедии на берегу он не понимал, но весь оставшийся вечер он ходил под впечатлением услышанного стараясь понять что так взволновало его. Всякие мысли будоражили его, но что конкретно встревожило его Мамата так и не понял.

На следующий день рано утром делегация двинулась в дорогу. Ехали теперь еще медленнее.

Там где дорожные условия позволяли ехать коляске Епископа в более быстром темпе ритм движения ускорялся. По предложению Гечба вперед уехали трое нарочных. Они должны были предупредить дом Дадиани и местного Епископа о приближении делегации и о примерных сроках их прибытия в Зугдиди.

Предложение Зураба Чачба породниться с родом Дадиани и заключить мирный договор дошло и до двора Императинского царя Соломона I. Имеритинцы давно жаждали отбить от Мигрелии провинцию Лечхуми. В случае если бы Кация II заключил мирный договор с Зурабом Ачба отвоевать у него Лечхуми стало бы невозможно. В таком случае Кация II имел бы возможность не отвлекая свои силы на борьбу с Абхазией сосредоточить их на защите своих интересов в Лечхуми. Исходя из этого Соломон I созвал срочное совещание своих советников и военачальников. Нужно было решить только один вопрос. Как не допустить союза

Абхазии и Мигрелии. В случае если бы сватовство делегации Абхазии закончилось благополучно вслед за женитьбой племянника Зураба на Миегрельской княжне последовал бы мирный договор. Тогда все планы Соломона по завоеванию провинции Лечхуми становились нереальными. Соломон и его двор смириться с этим не могли.

Лечхуми был благодатным краем, Владычество над ним открывало Соломону I большие перспективы на будущее.

Исходя из этого царь Имеретии и его окружение долго разрабатывали планы по недопущению наметившегося союза между Мегрелией и Абхазией. Совет при царе разошелся только под самое утро.

Делегация абхазов прибыла в Зугдиди с большим опозданием.

Сразу же бросилось в глаза, что Зугдиди несколько больше чем Лыхны, расположен в более равнинной местности и намного дальше от моря. Дома в основном одноэтажные поднятые на сваях над поверхностью земли. Изредка попадались двухэтажные дома принадлежащие Мигрельской знати.

Хребет Кавказских гор был виден и отсюда, но здесь он был намного дальше чем в Абхазии с первого взгляда было видно что Мигрелия располагается в более равнинной местности и имеет больше пахотных земель.

Строения домов, подсобных помещений и убранство дворов было почти такое же как у них дома.

Видно долгое соседство народов наложило свой отпечаток на быт людей проживавших длительное время рядом друг с другом.

Абхазов ждали уже два дня. Ждали, беспокоились и даже выслали навстречу к ним большой отряд на всякий случай. КацияII ждал посланцев Зураба Чачба. Мир с Абхазией нужен был ему как воздух. Справиться с одновременным давлением турок, русских, имеритинцев и абхазов ему было невозможно. Предложение Зураба Чачба полностью совпадало с его планами. Потому он облегченно вздохнул когда живые и невредимые абхазы в сопровождении его воинов въехали на княжеский двор. Дорога есть дорога. Желающих помешать его союзу с домом Чачба было совсем не мало и по тому в дороге могло случиться все. Тогда планам Кации о независимости и процветании Мигрелии приходил конец. Как только гости въехали во двор заиграла гармошка. В круг выш-

ли танцоры. После того как ехавшие впереди Гечба и Лоо доехали до середины двора старейшина села Ваха Маргания вышел им навстречу с громадным рогом вина. Вслед за ним двое молодых ребят несли на красивом подносе плоский хлеб, кувшин вина и пустые глиняные кружки. Согласно обычая установленного в Мигрелии гость должен был отломить кусочек хлеба, окунуть его в вино и съесть. После чего он провозгласив здравицу в честь дома принимавшего гостей, должен был выпить весь рог до дна. Честь эта выпала на долю князя Гечба. Он не спеша сошел с лошади посмотрел с улыбкой на Кацию стоявшего на пороге большого дома и принял рог из рук старейшины. После этого он отломил кусок хлеба, окунул его в рог и снова с доброй улыбкой посмотрел на хозяина дома. Их взгляды встретились. Они без слов поняли друг друга. Кация так же добро улыбнулся ему в ответ и поднял в приветствии правую руку. Рог был громадный. Вино хорошее. Гечба долго пил его не отрывая рог от своего рта. Наконец он поднял рог и перевернул его вниз. Ни одна капля благородного напитка не упала на землю. Это было хорошее предзнаменование. Стоявшие в углу двора молодые люди затянули праздничную песню. Песню выражавшую радость по поводу приезда желанных гостей. Абхазы спешились с коней и ждали когда закончат свое приветствие хозяева дома. Абхазы и мигрелы всю жизнь то воевали то мирились. Они были то добрыми соседями, то заклятыми врагами.

В их обычаях, еде, танцах, манере пения и во многом другом было немало общего. Даже похороны и свадьбы проходили у них почти одинаково. Многие из них хорошо знали друг друга. Многих связывали кровные узы. Часто бывало так что на поле брани встречались двоюродные братья, дяди или племянники. Тогда оба они опускали свое оружие, смотрели друг на друга понимающим взглядом и уходили в разные концы чтобы случайно не нанести вреда друг другу. Абхазию и Мигрелию связывало многое, но долгого прочного мира между ними не было никогда. Такова была их судьба. Иметь много общего, быть похожими и всегда воевать друг с другом. За что и для чего воевали они вечно между собой не знал точно никто. Каждый раз была своя причина. На этот раз правители Абхазии и Мигрелии имели твердое намерение установить надежные долгосрочные мирные отношения. И

Чачба и Дадиани были в таком положении когда у них не было другого пути. Дальнейшая война могла принести и абхазам и мигрелам только одно. Потерю независимости, а возможно и своего места на карте истории.

Пока Гечба допивал за здравие громадный рог, Бата с интересом рассматривал княжеский двор. Двор большой, обширный. Огорожен высоким каменным забором. Ворота широкие. Обшиты толстыми крепкими досками в два ряда. Столбы из не менее толстых гладко обструганных стволов дуба.

Сзади дома большой сад огороженный как и в Абхазии высоким плетенным забором из ивовых прутьев. Внутренний забор обмазан глиной. В углу двора два колодца. Один по видимому для людей, другой для домашних животных и птиц.

Княжеский дом большой, просторный, двухэтажный.

Стены дома выложены из толстых плит ракушечника.

Во дворе дома находилось человек двести встречающих. Все пели заздравную. Невольное внимание Баты привлекла небольшая группа людей стоявших чуть поодаль в дальнем углу двора. В их центре двоюродный брат Кации Григол Чиковани. Рядом с ним несколько дворян среди которых резко выделялась фигура гиганта в темно-зеленой черкеске. Чиковани и окружавшие его дворяне совсем не маленького роста, но этот гигант был выше их почти на пол головы. Был он не только высокого роста, но и богатырского сложения. С первого же взгляда бросалось в глаза, что он имеет громадную нечеловеческую силу. Широкую резко выпуклую грудь и громадную массу железных мускулов не могли скрыть ни просторная черкеска, ни светлая накидка - полубашлык поверх нее.

Как только Бата увидел богатыря он сразу понял. Это Гоча-пехлеван. Почти одновременно с ним увидели богатыря и то же поняли кто это Зиза и Быда. Бата сразу же увидел как загорелись хищным огнем глаза братьев. Глядя на них он понял. Зиза и Быда свой шанс не упустят. Или их обоих вынесут с этого двора или вынесут отсюда тело Гочи-пехлевана. Оба они довольно крупные ребята килограмм по девяносто весом, но даже при таких своих габаритах они смотрелись совсем небольшими на фоне громадной груды мышц Гочи-пехлевана. В свое время во всей громадной персидской армии не было человека который мог встать рядом или

сразиться с ним. Бата видел как Зиза наклонился к Мамате и начал что-то шептать ему. О чем они говорили он не слышал. Их разговор заглушал шум праздничного веселья, но потому как Мамата сразу же посмотрел в сторону Гочи-пехлевана Бата понял – Зиза говорил что-то Мамате именно о нем. Стало ясно. Братья что-то затевают. Эти или умрут или отомстят за отца. Нужно было что-то срочно предпринимать чтобы не сорвать мероприятие ради которого они приехали сюда. Мамата внимательно смотрел на Гочу-пехлевана. В свое время Мамата видел знаменитого богатыря Салмана-медведя. Гоча-пехлеван был не меньше если не больше курда о котором гремела слава по всему Ближнему Востоку. Мамате трудно было сказать кто из них оказался бы сильнее если бы судьба свела их на поле брани, но то что Гоча был неимоверно силен было видно сразу.

В народе говорили, что он в одном сражении промахнувшись попал не во всадника, а в коня и разрубил его почти пополам. Гоча перехватил взгляд Маматы, пристально посмотрел на него затем как-то странно странно улыбнулся ему. В улыбке этой было что-то большое, зловещее, пугающее любого живого человека кто видел ее.

Мамата взгляда не отвел и так же улыбнулся ему в ответ. Гоча по видимому не привык чтобы другие люди не отводили глаза да еще улыбались ему с вызовом. Глаза его налились кровью. Мамата понял что еще секунда другая и тот сорвется. Тогда его никто не остановит. Мамата прекрасно помнил слова Зураба Чачба.

- Сделайте что угодно, но не сорвите переговоры. От этого будет зависеть судьба тысячей людей и всей Абхазии в целом.

Мамата много раз смотрел в глаза смерти. Ее взгляд его давно уже не пугал. Но сейчас было что-то совсем другое. Решалась судьба его народа и он принял моментальное решение. Нужно было отвернуться будто ничего не произошло. Он так и сделал. Всему свое время. Мамата уже знал что дорога по которой он идет очень скоро сведет его на свидание с этим великаном. Знал он также, что один из них после этого останется навсегда лежать в конце своей беспокойной дороги.

После того как закончилась церемония встречи гостей абхазов разместили на отдых. Им нужно было умыться с дороги и привести себя в порядок. Епископа Драндского и сопровождавших его лиц забрал к себе местный Епископ. Гечба и Лоо остались на

княжеском дворе. Молодого князя Дзяпш-ипа забрал к себе один из членов семьи Владетельного князя.

Бата и его друзья попали в дом дяди Кация князя Бухути.

По-видимому хозяева дома тщательно готовились к приему гостей. Бата и его друзья еще не успели умыться и привести себя в порядок как длинный стол в зале для гостей накрыли всевозможными яствами. Стол ломился от мясных блюд, разносолов, овощей, фруктов, вина. Через час пришел дворецкий князя и попросил всех за стол.

Дворецкий пришел как раз тогда когда Бата собрал в комнате Маматы своих друзей. Он извинился и попросил передать хозяину дома, что они придут к столу минут через двадцать. Ему необходимо было это время чтобы побеседовать с Зизой и Быдой. Бата почувствовал что братья что-то затевают и нужно было принимать срочные меры чтобы они не натворили беды. О том что они что-то задумали говорило все и в первую очередь изменившиеся выражение их глаз. Они стали задумчивыми и строгими. Такие глаза бывают только у людей принявших какое-то жизненно важное для себя решение. Они начали уединяться и говорить друг с другом так чтобы ни Бата ни Мамата не слышали о чем говорят они. Немного поразмыслив Бата принял решение. Говорить прямо. Ни как князь, а как брат с братьями. Как человек который хочет сделать то же что и они. Уговаривать их не делать то что они задумали было глупо. Он и сам хотел того же. Вопрос был в другом. Как сделать то что они задумали не навредив делу ради которого они приехали сюда. С этого и начал свой разговор Бата. Он прямо без долгих вступительных слов сказал.

- Я старший из нас братьев. Мне решать кто и когда выйдет на поединок с Гочей-пехлеваном. Как я решу так и будет. Братья молча слушали его обрадованные тем что князь не запретил им делать то что они задумали. На их лицах была сперва растерянность от того что Бата обо всем догадался, но прятать свои планы от него они не собирались. Рано или поздно он и так узнал бы об этом. Не знали они только одного. Бата решил выйти на поединок с Гочей-пехлеваном сам. Он считал что это его право отомстить за смерть Ктыта. После коротких переговоров решили. Поединок будет. Будет после того как состоится свадьба и стороны заключат мирный договор. Тогда поединок который пройдет официально

после вызова посланного Мигрельскому богатырю не вызовет серьезных осложнений в отношениях между Абхазией и Мегрелией. Приняв такое решение все облегченно вздохнули. Глаза у братьев потеплели и снова стали веселыми. Каждый из них надеялся что Бата доверит вести поединок ему и только ему.

Поднялось настроение и у Баты. Поднялось от того что ему удалось предотвратить скандал который мог сорвать все планы по установлению мира между Абхазией и Мигрелией. Не меньшее удовлетворение вызывала у него и мысль о том что он получил шанс отомстить за своего воспитателя которого считал своим вторым отцом. Эта мысль все больше и больше грела его сознание. Он был уверен, что его час пришел и он хотел использовать его.

Только у Маматы глаза стали совсем другими. Такие глаза бывают у людей решивших сложную задачу и принявших единственно правильное решение.

В скором времени Бата и его друзья сидели уже за столом где их ждало богатое угощение.

Хозяева приняли их радушно. Говорили искренне. Они были сторонниками Владетельного князя и понимали какие выгоды несет Мигрелии долгосрочный мир с Абхазией. За столом завязался добрый разговор будто хозяева дома и их гости давно знали друг друга и встретились вновь после долгой разлуки.

Быда и Зиза как многие жители Восточной Абхазии чисто говорили по мигрельски. Понимал по мигрельски и Бата так как тоже долгое время жил в Джгярде. По мигрельски не говорил только Мамата.

Ему переводили все что говорят хозяева. Тем в свою очередь переводили все что говорил им в ответ Мамата на абазинском языке. Стол был обильным, но застолье коротким. Хозяева имели четкие указания привести Бату и его друзей в дом Владетельного князя в строго отведенное время.

Но и за это короткое время за столом прозвучало много добрых слов говоривших о том что хозяева дома искрение желают установить долгожданный мир между соседями и стать наконец добрыми друзьями, а не вечно конфликтующими соперниками.

В заключении короткого застолья хозяин дома князь Бухути сказал.

- Всем нам и абхазам и мигрелам есть над чем сегодня подумать. Настало время когда нам необходимо решить как нам жить

дальше. Нужно ли нам и дальше радуя врагов наших воевать друг с другом. Продолжая жить так как жили мы долгие годы и идя все той же дорогой войны и ненависти мы можем подойти к точке не возврата когда потеряем все. И землю предков и их язык, и их обычаи. Если мы и дальше пойдем тем же путем, то придет время когда мы будем как гости жить на своей земле. Говорить на чужом языке и делать не то что мы хотим, а то что будет велеть нам те кто завоюет наши земли.

Бухути был гораздо старше своих гостей, но гости есть гости и он оказывал им все почести в первую очередь как гостям. Он был старый вояка, но саблю свою давно уже не вынимал из ножен. В одном из походов на Самурзакан он сильно повредил свою правую руку, получив ранение предплечья. С тех пор сабля на его боку висела больше для красоты чем для дела. Бухути был одним из тех кто настоятельно рекомендовал Владетельному князю принять предложение Зураба Чачба установить долгосрочный мир закрепив его династическим браком. Княжна Нинико была его родной племянницей. Он и ходил к ней объясняя ей необходимость дать согласие на брак с Келешбеем Чачба. Сразу же встал вопрос о том, что Келешбей мусульманин, а она православная. После длительных переговоров через Епископа Драндского удалось решить и эту проблему. Стороны договорились, что Нинико получит право сама определить свое вероисповедание после того как она станет женой Келешбея. Никто ни к чему принуждать ее не станет. Как она захочет так и будет.

Пусть подумает год, а затем будет принято общее решение. Захочет она остаться православной – останется.

Захочет принять религию своего мужа это ее право. Когда же Нинико сказали что молодой князь высок, статен и красив и как родной сын бывшего Владетельного князя Абхазии Манчи Ачба имеет все права на династический трон она без долгих раздумий молча кивнула головой в знак своего согласия.

Все знали, что турки обманным путем заманили Манчу в Стамбул. Они через своих агентов прознали, что Манча задумал отделиться от Турции и объявить о независимости Абхазии. С тех пор Манча жил в Стамбуле под усиленной охраной. Турки решили свою задачу наполовину. Зураба Ачба – младшего брата Манчи они посадили на абхазский трон в надежде на то что он будет послушен их воле. Все получилось наоборот. Зураб продолжил

дело своего старшего брата и еще жестче поставил вопрос о независимости Абхазии.

Кация II тоже думал о независимости Мигрелии. Формально он являлся сюзерском имеретинского царя Соломона I хотя на самом деле вел совершенно самостоятельную политику. Имел все кроме собственных денежных знаков. У мигрелов была своя земля, свой язык, свои обычаи. Население Мигрелии составляло более полумиллиона человек и оно имело право быть независимым государством. Единственным препятствием была грузинская церковь. Она не хотела провозглашения Владетельных князей Мигрелии независимыми царями. Глава церкви находился в Тбилиси. Оттуда и диктовал он свои условия. Для Кация II и его окружения мечтавших о полной независимости Мигрелии мир с Абхазией был первой отправной точкой в их далеко идущих планах. Они ни в чем особо не уступали ни Кахетии, ни Имеретии, ни Картли никому другому и потому довольно обоснованно ставили своей задачей сделать Мигрелию суверенным независимым княжеством наподобие тех что имели уже место во всем мире.

Абхазам в этом отношении было гораздо легче. У них было уже Абхазское царство. Были свои цари и потому их претензии на самостоятельное царство имели больше исторических обоснований.

Совершенно о другом говорили в то же время люди собравшиеся в доме у Григола Чиковани.

Дом Григола был в другом конце Зугдиди.

Во главе стола сидел Григол. Вокруг стола семь его сотоварищей. Все они были сторонниками Соломона I.

Исходили больше не из того что Соломон им дорог, а из того что Соломон обещал им помощь в борьбе за трон Владетельного князя Мигрелии если они сорвут переговоры между Кацией II и абхазской делегацией и не допустят заключения мирного договора основой которого планировалось сделать брак князя Келешбея на княжне Нинико.

Нужно было найти способ как решить поставленную задачу. Предложений было много, но большинство из них даже не обсуждалось. Главным препятствием для реализации всех предлагаемых планов становилась черкесская сотня личной охраны Кация II. Черкесами из покон веков во всем мире называли большую часть жителей Кавказа от Каспийского моря до Черного.

В данном случае это была сотня кабардинских воинов. Они служили наемниками. Получали от Кация II хорошее вознаграждение, но свой хлеб отрабатывали честно. Их невозможно было подкупить. Были они все как на подбор высокие, сильные, умелые. Руководившей сотней Беслан Коголкин происходил из знатного рода «больших» кабардинских дворян. Во время одного из походов русских войск на Кабарду его имение было разорено. Вся его семья погибла.

Теперь он работал начальником охраны Кация II. У заговорщиков было несколько планов создания условий при которых должна была пролиться кровь. О каком мире и согласии могла бы идти после этого речь. Но все их планы натыкались на Кабардинскую сотню. Она могла очень быстро и решительно пресечь любые действия направленные на срыв мирных переговоров.

Вообще-то кабардинской сотней она называлась довольно условно. На самом деле кабардинцев было более трехсот человек.

Сперва, когда они нанялись в охрану Кации II их было сто человек. Со временем число их росло, но название сотни так и осталось.

Идти на открытое противостояние с ними не хотел никто. Кабардинцы могли дорого запросить за кровь своих сородичей. Неожиданно для всех наиболее удобный вариант дальнейших действий предложил Гоча-пехлеван до этого молчаливо сидевший в самом конце стола. Он терпеливо слушал все что говорили его сотоварищи.

Когда все высказали свое мнение и стало очевидным что ни одно из них не имеет особых шансов на успех Гоча медленно акцентируя внимание своих сообщников на каждом своем слове сказал.

- Сегодня, во время шумихи в честь наших «дорогих» не званных гостей несколько абхазов почему-то довольно дерзко рассматривали меня. Мне даже показалось, что они шептались о чем-то глядя в мою сторону. Мне кажется что есть смысл попробовать спровоцировать их на конфликт. Тогда будет возможность вызвать одного из них на поединок за нанесенное оскорбление. Поединок обязательно закончится кровавым концом. Это и может стать поводом для скандала.

Тогда и переговорам и сватовству конец. Если они повезут с собой домой труп своего товарища, а может быть и двух о каком

мире и мирном договоре может пойти дальше речь. Речь может пойти только о войне. Пусть Зураб и Кация вцепятся друг другу в глотки. После этого придет наш черед.

Тогда мы и скажем свое слово. Я думаю Соломон будет доволен если мы заварим такую кашу. Поразмыслив некоторое время над предложением Гочи-пехлевана Чиковани и его товарищи пришли к выводу что оно имеет наибольшие шансы на успех. В конце концов предложение Гочи было принято.

Посовещавшись еще некоторое время со всеми Чиковани принял решение.

Пусть Гоча-пехлеван действует пока один. Все остальные сделают до поры до времени вид что они не имеют ничего общего с ним. Когда же настанет необходимый момент они уже как нейтральные люди выступят в его защиту и оправдают Гочу как человека который вынужден был защищать свою честь. Приняв такое решение заговорщики разошлись довольные планом одобренным всеми. Теперь все зависело только от Гочи-пехлевана. Ни Кация II, ни его доблестные кабардинские телохранители не могли уже ничем помешать ему. Не могли помешать ему и абхазы которые вынуждены будут защищая свою честь играть по правилам определенным прославленным воином и богатырем. Окружавшие Гочу-пехлевана люди знали что он великий воин и непобедимый богатырь, но никто из них даже не догадывался о том что в этом громадном сильном теле живет еще редкий ум. Ум который позволил его хозяину выжить в сложнейших условиях вечных интриг двора персидского падишаха. Ум который сделал его тем кем он был.

Примерно через час после этого в зале дома Владетельного князя собрались представители наиболее влиятельных княжских родов Мигрелии и Абхазии. Абхазскую сторону представляли Гечба, Лоо, Бата, молодой князь Дзяпш-ипа, епископ Драндский и Мамата.

Глядя на противоположную сторону Бата удивился большому количеству очень знатных людей имена и фамилии которых знала вся Мигрелия. Были среди них и те кто не раз с оружием в руках вторгался в пределы Абхазии сея на своем пути смерть и пожары. Уж если они поняли что настала пора мигрелам и абхазам жить в мире и согласии значит время требовало от них этого.

Присутствие этих людей, здесь на переговорах, говорило не о том что они жаждут мира и процветания Абхазии. Нет. Оно говорило в первую очередь о том что они правильно поняли требование сегодняшнего дня.

Или они вместе выплывут из водоворота куда понесло и Мигрелию и Абхазию время тяжелых испытаний или они потянут друг друга на дно.

Во главе стола сидел Владетельный князь. Справа от него как гости сидели абхазы. Слева Мигрельская знать. Мигрельские дворяне и люди сопровождавшие Абхазских князей расположились во дворе ожидая исхода переговоров. За столом из дворян сидит только Гоча-пехлеван. Сидит за столом и Мамата. Сидит как гость.

Первые же слова Кация II подтвердили предположения Баты о том что мигрелы на самом деле хотят мира, а не играют словами. Кация начал свое выступление словами.

- Дорогие наши гости. В Мигрелии говорят. Только тот увидит красоту радуги кто дождется окончания дождя. Иногда приходится ждать долго. Очень долго. Но всякий дождь рано или поздно заканчивается. Закончился он и на границах Мигрелии и Абхазии. Теперь настало время посмотреть на радугу. Давайте же не будем мешать друг другу наслаждаться мирной жизнью и смотреть на все цвета мирной радуги. Пусть один конец этой радуги начнется в Абхазии, а другой остановит свой путь в Мигрелии.

После таких вступительных слов гул одобрения прошел вокруг стола. Свое согласие со словами Кация II выразили все. И мигрелы и абхазы. После таких вступительных слов переговоры перешли в конструктивное русло. Мигрельская сторона сразу же предложила рассмотреть пакет документов отражающих условия планируемого мирного договора. Они вообще не заводили пока разговор о сватовстве. Такая тактика ведения переговоров могла означать только одно. Мигрелия заинтересована в заключении мирного договора на принципах взаимной выгоды. Сватовство Зураба и дальнейшая женитьба его племянника Келешбея только форма закрепления долгожданного и желаемого мира между соседями. Вопреки всем общепринятым законам дипломатической игры со многими неизвестными Кация II прямо обозначил все что хочет Мигрелия и какие ответные шаги ждет она от Абхазской стороны.

Благодаря ему дальнейшие переговоры прошли честно и без подводных камней которые стремится обычно скрыть любая из договаривающихся сторон.

Абхазы придерживались того же мнения что и мигрелы. Главным на сегодняшний день были условия мирного договора, а сватовство и дальнейшая женитьба это только форма закрепления династическими связями достигнутых условий заключения долгосрочного мирного договора. Главным принципом планируемого мирного договора должно было стать одно условие. Стороны не только должны были жить в мире и согласии, но и обязывались оказывать друг другу посильную помощь в случае если враг войдет в земли одного из княжеств. Такая трактовка этого пункта устраивала и абхазов и мигрелов. Она удваивала силы каждого из них. Это было как раз то чего не только не хотел, но и боялся царь Имеретии.

Желание найти компромиссы по всем второстепенным вопросам ради достижения главной цели было взаимным, это и ускорило переговорный процесс. Вопрос о том чтобы орагнизовать смотрины будущего жениха и его невесты пока не стоял.

Переговоры вели в основном Гечба и Лоо. Епископ Драндский лицо духовное - он в мирские дела не вмешивается. Его задача чисто духовная – смотреть за тем чтобы планируемый договор и сватовство не нарушали законов божьих. Вообще-то в делегацию Абхазии должен был войти и имам как духовный наставник мусульман Абхазии, но его в состав делегации не включили. Более того от служителей ислама скрыли до поры до времени даже цели визита. Дело было в том что большинство из них имело тесные связи с Турцией, а Зураб не хотел чтобы в Стамбуле узнали раньше времени о его планах и не смогли бы помешать им. Зураб прекрасно понимал, что это неправильно. Он сам мусульманин. Келешбей который сватался к Нинико то же мусульманин, большинство населения Абхазии мусульмане и в делегации, конечно же должен был находиться представитель мусульманской религии. Все это было так, но интересы дела требовали того чтобы от служителей мусульманской религии были скрыты до определенного времени истинные цели делегации и даже время их отъезда в Мигрелию.

Не принимали активного участия в переговорах и Бата с молодым Дзяпш-ипа. Они оба были князьями, притом представителями знатных княжеских фамилий Абхазии, но у них не было опыта ведения дипломатической работы и потому согласно просьбы Зураба они внимательно слушали диалог старших товарищей и только временами кивком головы выражали свое согласие с тем или иным предложением. Их роль была чисто представительская. Кация II и его окружение должны были видеть, что и эти знатные рода Абхазского общества согласны и солидарны с мнением Владетельного князя о чем говорил всем факт присутствия на переговорах их представителей.

Особую значимость имел факт присутствия на переговорах молодого князя Дзяпш-ипа. Он был представителем могущественной фамилии имевшей единый корень с фамилией нынешних Владетельных князей Абхазии – Чачба.

Еще перед отъездом Зураб, Гечба и Лоо предполагали, что переговоры будут долгими и трудными. Однако вопреки всем ожиданиям к исходу двух часов беседы все основные вопросы были согласованы. Оставалось только уточнить механизмы их реализации. Вдохновленные достигнутым успехом стороны решили что на сегодня хватит.

И Абхазская и Мигрельская стороны были довольны достигнутым взаимопониманием и результатами предварительных договоренностей. Кация не скрывал своего удовлетворения и потому довольно мило и искренне улыбаясь заявил.

- Ну что друзья. У нас у всех есть немало оснований быть довольными сегодняшним днем. Если Вы согласитесь со мной я предлагаю всем пока не говорить никому ни слова о результатах наших переговоров. Русские говорят – Береженного бог бережет.

На сегодня хватит. Завтра уточним некоторые детали и можно будет поздравить друг друга и все наши народы с новой исторической датой. Конечно, между нами есть еще очень много противоречий, но главное не это. Главное то, что у нас гораздо больше объединяющих факторов чем разъединяющих. Теперь мы должны искать не то что нас может разъединить, а то что сблизит нас и сделает добрыми соседями.

Еще древние говорили что общие враги объединяют и людей и государства гораздо быстрее чем общие друзья. Сегодняшний день еще один раз подтвердил эту старую истину.

Абхазская сторона без лишних слов приняла предложение Кация II.

Оно соответствовало здравому смыслу и не противоречило их интересам.

После всего этого Кация объявил.

- А теперь давайте выйдем во двор. Там ждут нас наши сторонники и стол для гостей. Хозяева и гости неспешно вышли из дома. Во дворе их действительно ждало большое количество людей, но сели за стол не все. Со стороны абхазов за столом оказались все князья, Епископ Драндский, Мамата, Зиза и Быда. Вообще-то сидеть за столом где сидят князья последним не полагалось, но Бата несмотря на все требования этикета взял их под руки и почти насильно усадил их рядом с собой. Бата не мог сесть за стол когда его братья не были бы рядом с ним.

Они были гости и потому никто не стал обращать особое внимание на этот факт.

С мигрельской стороны за стол село человек двадцать. В их числе были Бухути, Григол и Гоча-пехлеван. Гоча-пехлеван тоже не был из числа высшей мигрельской знати, но Григол при всех взял его под руки и усадил рядом с собой. Григол и Гоча-пехлеван сидели за столом прямо напротив Баты и его друзей. Произошло это нарочно или случайно трудно было сказать. Никто не обратил бы на это внимания вообще если бы не события развернувшиеся за столом через некоторое время. В течении всего вчерашнего вечера Бата объяснял Мамате и своим побратимом что задача стоящая сейчас перед ними настолько важна, что перед ее важностью должны отступить на второй план их личные дела и чувства. Теперь они знали где искать Гочу-пехлевана, а это значило что вопрос мести никто не отменял, но он в силу определенных обстоятельств отступал пока на второй план. Нужно было немного подождать, дать закончиться благополучно их миссии, а уж затем думать как вытащить Гочу из его логова и устроить публичный поединок.

Решили так. Право первым на поединок с Гочей-пехлеваном принадлежит Бате. Он старший из побратимов и его волю никто оспаривать не смел. Если что-то не получится у Баты вторым выйдет против Гочи Зиза. Если и у него ничего не выйдет настанет очередь Быды. Приняв такое решение побратимы успокоились и

стали снова веселыми и радостными. Они решили не обращать никакого внимания на Гочу-пехлевана словно его не было вообще.

Во главу стола сел Кация II. Он Владетельный князь. Он хозяин дома. Справа и слева от него сели Гечба и Лоо. Все довольные. Все тепло улыбаются друг другу. Друзья мои начал Кация II.Солнце всходит и заходит. День сменяет ночь. Ночь сменяет день. Не всегда над нашей землей светит яркое солнце. Не всегда лето греет наши души. Зима сменяет лето. Даже под раскаленным небом Египта где живут тысячи наших соотечественников нет вечного лета. Такой создал Всевышний нашу землю. Почему он так сделал ведомо только ему. Так же бывает и между людьми и даже народами. Мы пережили с Вами долгую холодную зиму. И абхазы и мигрелы радуются что скоро придет лето и теплое солнце согреет наши края. Давайте же выпьем за то чтобы это лето было долгим, добрым и одарило нас своим теплом и своей благодатью.

Пусть долгожданное солнце согреет наконец и Абхазию и Мигрелию.

Пусть наши дети возрадуются миру и спокойствию на нашей земле. Мы с Вами соседи. Нам всю нашу жизнь жить под одним небом. Я хочу пожелать всем чтобы небо над нашими землями было ясным, а звезды на нем большие и добрые. Чтобы они всегда показывали нам дорогу к дому нашего соседа-друга, а не соседа-врага. Давайте же поднимем за это наши чаши и выпьем их до дна. Все выпили. Не выпили только Лоо, Бата и Мамата. Они подняли бокалы в знак согласия со словами тамады и поставили бокалы на место. Они не пили вина. Обычай мусульман запрещал им делать это. Никто из присутствующих не обратил на это внимание. Лишь в глазах Григола мелькнули какие-то огоньки. Он утвердительно посмотрел на сидевшего рядом Гочу-пехлевана. Тот ответил ему понимающим взглядом.

После Кация II добрые слова в адрес хозяев дома сказал Гечба. Потом не менее теплые пожелания выразил Бахути Дадиани. Все снова выпили. И снова Лоо, Бата и Мамата поставили свои чаши на стол не притронувшись к вину. Григол и Гоча как и прежде многозначительно переглянулись, после чего Григол сделал едва заметный кивок головой.

Увидев этот знак Гоча-пехлеван встал со своего места и обратился к Тамаде.

- Уважаемый князь, начал он. Здесь много говорят про мир, дружбу и спокойствие. Говорим об этом мы, мигрелы. Говорят и абхазы, но я не верю ни одному их слову. Мы говорим искренне от всей души, а вот они говорят обманывая нас. Сидевшие за столом замерли. Все поняли. Гоча ищет повод для скандала и он добьется своего.

Кация то же понял это.

Стараясь как-то выграть время он встал и спросил.

- Уважаемый Гоча-пехлеван. Почему ты так сказал. Ведь они гости и нам хозяевам не подобает так незаслуженно обвинять их в том чего они не делали и о чем они не думали. В это время Зиза и Быда хотели встать, но жесткий жест Баты остановил их. Он показал взглядом, что бы они сидели и не говорили ни слова.

Тем временем Кация понял все. Он знал теперь через кого собирается сорвать его планы Имеретинский Царь. Когда Кация увидел как одобряюще смотрит на Гочу-пехлевана его двоюродный брат ему стало ясно и другое.

- Они действуют заодно.

В те времена на территории современной Грузии существовало три самостоятельных царства. Картлийское Кахетинское и Имеретинское. Каждое из них имело своего царя. Пятнадцать лет назад цари этих государств каждый из которых номинально являлся подданным турецкого султана заключили тройственный союз.

Царь Кахетии, Ираклий II, царь картлийский Теймураз II и имеретинский царь Соломон I договорились о совместных действиях против турков и их союзников.

Соглашение затрагивало и совместные действия трех царей в случае если их собственные вассалы выступят против кого-нибудь из них.

Кации стало очевидно, что из слов которые говорил сейчас Гоча-пехлеван торчали длинные длинные уши царя Соломона I.

Видно тот заручился поддержкой царей Кахетии и Картли и примет все меры для того чтобы не допустить подписание мирного договора между Абхазией и Мигрелией и женитьбы Келешбея на Нинико.

Поняв сразу же что происходит Кация попытался предотвратить конфликт, но было уже поздно. Гоча-пехлеван вошел в роль и громоподобным голосом продолжал.

- Мы три раза поднимали бокалы за мир и дружбу. Все мигрелы с искренней радостью выпили за сказанные слова. У нас были открытые сердца, о чем говорят наши опустошенные бокалы, но не у всех абхазов были они открыты так же как у нас. Посмотри князь на бокалы которые стоят перед князем Лоо, князем Батой и его другом Маматой. Они даже не притронулись к нашему вину. Они пренебрегли нашим гостеприимством. Таким поведением они оскорбили всех нас. Эта пощечина всем мигрелам и мне тоже.

Как ни старался Кация предотвратить конфликт ему это не удалось. Его слова о том что Лоо, Бата и Мамата мусульмане и потому им не дозволено прикасаться к вину должного результата не имели.

Невзирая на все его слова Гоча-пехлеван закончил свою речь следующими словами.

- Эти люди пренебрегли нашим гостеприимством, они оскорбили своим поведением всю Мигрелию и я как истинный мигрел должен дать им ответ.

Ответ мой таков. Завтра утром я жду любого из них или любого абхаза кто приехал с ними на окраине Зугдиди. Жду там где дорога уходит на Абхазию.

Или я останусь лежать на своей земле или по этой дороге унесут тело одного из тех кто сегодня оскорбил своим поведением Родину моих предков. Пусть Всевышний решает кто есть кто и кому он завтра дарует радость победы и торжество справедливости. А для того чтобы никто из тех кого приютили мы сегодня за своим столом не отказался от моего вызова я оставлю для них три женских платка.

При этих словах он вытащил из кармана три белых шелковых платка и бросил их на стол. Всем стало ясно. Эти платки были приготовлены заранее как и был запланирован весь сегодняшний скандал. Тем временем Гоча-пехлеван продолжал. У них есть два выбора.

Или они оденут эти платки на голову и тогда их никто не тронет или кто-то из них выйдет завтра навстречу мне и там на поле покажет всем что он мужчина, а не баба. Сказав последние слова Гоча-пехлеван развернулся и вышел из-за стола. Вслед за ним ушли Григол и несколько других высокородных мигрельских азнаура[28].

[28] Азнаур - дворянин

Никто ничего не успел даже сказать в ответ. Вопрос был поставлен так что никто не мог уже ничего изменить. Оставшиеся за столом растеряно смотрели друг на друга. После длительной паузы Гечба сказал.

- Видно Кация не судьба была нам с тобой побрататься. Мне жаль, но уже ничего не поделаешь. Я хотел в конце этого застолья предложить тебе стать моим братом. Видно не судьба, повторил он.

Теперь если мы не смогли стать друзьями давайте хоть разойдемся не врагами как хотят того наши недруги.

С этими словами абхазы покинули стол. Когда все уходили Мамата положил к себе в карман все три платка. Бата недоуменно посмотрел на него, но Мамата ничего не ответил.

ЧАСТЬ IV

ЗВЕЗДОПАД

ДАМАССК

Через несколько дней армия мамлюков под командованием Мухамад-бея ушла на Дамасск.

Впереди армии прокладывая ей дорогу шел корпус Сахиб-бея. Еще несколько ранее воины шейха Дагира заняли основные стратегические пункты на всем протяжении пути следования армии, а так же обеспечили охрану источников воды.

Корпус шел практически не встречая никакого сопротивления со стороны турок.

Гарнизоны турецких войск спешно снимались со своих мест и ускоренным маршем направлялись к Дамасску, где находился главный опорный пункт турок на Аравийском полуострове. Туда же стекались и гарнизоны из всех близлежайших населенных пунктов Сирии и Палестины. Армия Мухамад-бея двигалась к Дамасску не встречая ни малейшего противодействия со стороны противника.

Дорога перед ними была пуста. За все это время они не встретили ни одного турок. В их сторону не прозвучало ни одного выстрела. Даже местное население спокойно наблюдало за их движением ни на грамм не удивляясь тому что армия мамлюков идет на Дамасск. Иногда у мамлюков создавалось такое впечатление что никого вокруг вообще не волнует кто они, куда они идут и что хотят они сделать там в самом конце своей дороги.

Стратегия избранная турецкими войсками несколько удивила и даже поразила Сахиб-бея.

Он никак не мог понять почему вполне дееспособные части турецких войск которые могли оказать значительное сопротивление мамлюкам отступали в спешном порядке даже не помышляя о боевых действиях. Немного поразмыслив он отнес это на то, что турецкие войска решили соединиться в одном месте чтобы создать единый мощный кулак. Так или иначе турки уходили не оказывая мамлюкам никакого сопротивления.

Более того они даже не пытались лишить войско мамлюков источников воды и пищи.

Так и дошел корпус Сахиб-бея почти до самого Дамасска где и соединился с войском шейха Дагира, большинство воинов которого ездили не на лошадях, а на верблюдах.

Через некоторое время к ним подошла и основная армия Мухамад-бея.

Сахиб-бей все это время искал разгадку тактики избранной турецкими военноначальниками. Искал, но так и не нашел однозначного ответа. Ответ на этот вопрос знали всего несколько человек в том числе Мухамад-бей, Эреджеб, Назымбий и Фатхи-бей.

Своими секретами они ни с кем не делились и потому тайна этой истории осталась для Сахиб-бея так и не познанной.

Тем временем прибывшие войска начали неспешно занимать позиции и оборудовать их для ведения последующих боевых действий. В центре армии начавшей осаду Дамасска прямо напротив главных ворот в город расположился корпус Сахиб-бея. Остальные корпуса расположились вокруг города отсекая неприятелю все возможные пути выхода из города.

Через сутки так же неспешно подошли обозы с провиантом и пушками. После их прихода по приказу Мухамад-бея начали оборудовать позиции для стрельбы по городу и городским стенам. За все это время со стороны города не прозвучало ни одного выстрела. Ворота в город были закрыты, на башнях стояли часовые лениво наблюдавшие за всем тем, что происходило за городской стеной. Все это вызвало еще большее недоумение у Сахиб-бея и других военноначальников. Все они приготовились к тяжелой военной компании и никак не ожидали такого поворота событий. Удивлялись и все остальные мамлюки. Обычно турки оказывали ожесточенное сопротивление очень часто переходившее в рукопашный бой. Особенно тогда когда мамлюкам противостояли отборные части янычар.

Не было видно и особой активности со стороны населения города. Обычно мирные жители в массовом порядке уходит из города к которому подходит неприятель. Жители Дамасска никуда не уходили. Их не было видно вообщем что вызывало новую волну удивленя.

Удивлялись все кроме Мухамад-бея и его сподвижников Назымбия и Фатхи-бея.

К исходу второго дня осады в шатер Мухамад-бея пришли Ибрагим-бей и Мурад-бей. Они тоже были поражены тем что происходит под стенами города и не могли понять почему Мухамад-бей не начинает активные действия по захвату города.

Мамлюки знали Мухамад-бея как дерзкого военноначальника решавшего поставленные задачи быстрыми решительными действиями. На этот раз все было совсем не так. Придя в его шатер Ибрагим бей и Мурад-бей не скрывали своего удивления тем как разворачивается военная компания. Ибрагим-бей так прямо и сказал.

- Мухамад-бей, ты руководишь нашим войском и я обязан выполнять все твои приказы, но вместе с тем я считаю, что и у меня и у Мурад-бея есть право знать в чем твой замысел и что нужно нам делать чтобы ускорить нашу победу.

Мухамад-бей внимательно слушал слова своего младшего товарища. Затем он так же внимательно выслушал и Мурад-бея.

Его мысли были такими же. Он так же ничего не понимал из того что происходило в эти дни. Терпеливо дослушав до конца мнение своих друзей Мухамад-бей поставил на столик чашку с кофе и начал объяснять им в чем идея задуманного им плана захвата Дамасска.

Наша задача, начал он, не только в том чтобы захватить Дамасск, но и в том чтобы сделать на этот раз все это с минимальными потерями. Сегодня нам дорог каждый мамлюк. Возможно что нам предстоит долгая затяжная война. Помимо этого мы должны обстрелять наших пушкарей. Да, русские бомбардиры кое чему научили их, но учения это одно, а война это совсем другое дело. Я предлагаю в течении 5-6 дней обстреливать город. Пусть турки увидят что мы имеем хорошие дальнобойные пушки и ружья. Они не смогут причинить нам никакого вреда так как их ружья и пушки имеют меньшую дальность стрельбы. Мы же будем постоянно истреблять их аскеров, стреляя с расстояния недоступного для них. Я думаю турки увидев наше превосходство сдадутся сами. Вот и вся моя стратегия. Вот весь мой план заключил свою мысль Мухамад-бей, но увидев по глазам своих товарищей что он не убедил их ни в чем добавил.

- Нам спешить некуда, подождем 5-6 дней если турки не сдадутся сами возьмем город штурмом. А на завтра ты Ибрагим-бей пойдешь в город, встретишься с Ратип-пашой и предложишь ему сдаться. Условия сдачи города будут следующими.

- Всем кто добровольно сложит оружие будет дарована жизнь и дано право беспрепятственного выхода из города. Туркам будем дано право забрать свои знамена и холодное оружие. Пушки, ружья и боеприпасы к ним остаются в городе. И передай им что в случае если они не примут наши условия все они будут уничтожены до единого.

На этом их беседа закончилась. Мухамад-бей отпустил своих друзей, но в глубине души чувствовал, что он не убедил их в правильности своих действий.

Всю дорогу до своего лагеря Ибрагим-бей и Мурад-бей терялись в догадках. Что послужило причиной тому что всегда решительный и бескомпромиссный Мухамад-бей вдруг резко изменил свою тактику и стал осторожничать будто это было его первое сражение в жизни.

Сахиб-бей то же терялся в подобных догадках. Он так же не мог понять того что происходит под стенами Дамасска, но в отличии от Мурад-бея и Ибрагим-бея за объяснениями к командующему армии не пошел. Он решил ждать считая что время даст ответы на все вопросы. Нужно было только набраться терпения и ждать.

На следующий день Ибрагим-бей и два сопровождавших его мамлюка поехали в Дамасск. Один из мамлюков держал на высоком древке белое знамя. Это означало что в город едут парламентеры. Ехали не спеша. Никто им не мешал. Когда они подъехали к главным воротам города они раскрылись. Навстречу им выехал турецкий офицер в сопровождении двух конных, янычар. Вообще-то янычары были пехотинцами. Это была отборная пехота турецкой армии, но как ни странно всадники сопровождавшие турецкого офицера были одеты в форму янычар.

Мамлюки и турки холодно кивнули друг другу головами.

Затем офицер развернул своего коня давая понять Ибрагим-бею и сопровождавшим его мамлюкам что они должны следовать за ним. По городу ехали тихим неспешным шагом. На улицах никого не было. Город как вымер. Ворота всех домов были закрыты. Закрыты были калитки и даже ставни. На улицах не видно было даже собак. Узкая пыльная дорога вела в центр города. Ехали молча под мерный цокот копыт. Не говорили между собой даже мамлюки. Они внимательно смотрели вокруг себя стараясь увидеть хоть что-то что может представлять для них интерес.

Когда они выезжали из лагеря мамлюков Мухамад-бей дал им указания. Внимательно смотреть на все вокруг себя и все запоминать. Они смотрели, но не могли найти ничего что могло бы вызвать у них хоть какой-то интерес. Так и доехали они до дворца где располагался комендант. Молча и практически ничего не увидев интересного для себя Ибрагим-бей и сопровождавший их офицер вошли во дворец. Мамлюки остались во дворе в окружении шести турок. С коней никто не сходил. Никто им этого не предложил, да они и сами бы не стали делать этого.

Командир горнизона турецких войск в Дамасске Ратип-паша холодно принял Ибрагим-бея. Молча выслушал условия ультиматума. Так же молча движением руки показал чтобы Ибрагим-бей передал ему письмо с условиями ультиматума. Письмо было написано на турецком языке так как многие арабы того времени были двуязычные. Впрочем как и сами турки которых с малых лет обучали языку на котором был написан коран.

- Ратип-паша внимательно читал условия ультиматума изложенные в письме. На его лице Ибрагим-бей не увидел никаких следов растерянности или озадаченности. Взгляд паши почти бегло бежал по строкам письма словно его содержание почти не волновало коменданта крепости. Все это время Ибрагим-бей стоял. Ратип-паша не пригласил его присесть чем подчеркивал что ни о каком мире или принятии условий капитуляции он даже не думает. По своему социальному статусу они были равны. Звание бея тем более правителя провинции было даже выше чем звание паши, но даже это не повлияло на решение Ратип-паши оставить парламентера в стоячем положении.

Подождав несколько времени и не дождавшись приглашения присесть Ибрагим-бей сам демонстративно прошел вглубь кабинета паши и никого не спрашивая сел на ближайший стул. Это было неслыханной дерзостью.

Турки могли за ненадлежащее поведение наказать посланника вплоть до казни на месте, но Ибрагим-бей посчитал унизительным для себя стоять на вытяжку перед надменным турецким пашой.

У него была одна единственная мысль. Дело не в том, что я бей. Впервую очередь я абхаз, мать моя из знаменитого рода Аргун. Все в Абхазии знали что значила их фамилия. А значила она то что мужчины этого рода не знали что такое слово страх и всег-

да находились в центре войска первыми принимая на себя удар противника. В этом роду никогда не было трусов и людей опозоривших свое имя недостойным поступком. Не хотел и не мог пережить унижения и Ибрагим-бей сразу же решив. Пусть я поплачусь своей жизнью, но унизить себя не дам.

Ратип-паша на секунду оторвавшись от чтения письма краем глаза проследил за тем что сделал Ибрагим-бей, но ничего не сказал. Он лишь подумал.

- Наверное, Ибрагим-бей кавказец. Только кавказец может рискуя жизнью поступить так демонстративно дерзко, зная что его ждет. Турецкий генерал был человеком умудренным теми годами что прожил он. Он умел ценить мужество своих противников и потому сделав вид что он ничего не понял из происшедшего стал так же демонстративно читать письмо дальше.

Когда Ратип-паша сделал вид что он ничего не видит и ничего не понял Ибрагим-бей привстал со своего места и кивнул ему головой. Это был знак означавший благодарность человека знавшего цену благородства. Ратип-паша увидел этот жест но ничего не сказал в ответ. Лишь едва заметная улыбка проскользнула по его губам. Два мужественных человека поняли друг друга без слов. Закончив чтение письма турок протянул ему по-видимому заранее заготовленный ответ и сказал.

- Здесь наш ответ.

Ибрагим-бей принял ответ и направился к выходу из кабинета. Вслед ему прозвучали слова совсем не на турецком языке. Он не понял, что сказал ему на незнакомом языке турецкий генерал, но в его речи было что-то до боли знакомое ему. Если бы он знал адыгейский язык он бы узнал и то что сказал вслед ему Ратип-паша.

- То что ты сделал сейчас, мамлюк – это неуважение к Султану Великой Порты которого я здесь представляю. За это всех лишают жизни.

Но я адыг. Я ценю мужественных людей. Этому учили меня мои мать и отец. Потому я и подарил тебе сегодня жизнь.

Ратип-паша то же не знал – понял его слова парламентер или нет, но он был уверен, что тот как и он кавказец и должен понять хотя бы по интонации его голоса что он такой же кавказец как и он.

Через два часа Ибрагим-бей был уже в лагере мамлюков и передал запечатанное письмо в руки Мухамад-бею с нетерпением

ожидавшего его возвращения. О своем поступке и обращении к нему турецкого генерала на незнакомом ему языке он не сказал ни слова. Да и что мог он сказать если не понял ни одного слова из того что услышал он уходя из кабинета коменданта крепости. Только язык на котором говорил турецкий генерал был ему до боли знаком. Вот и все что он мог сказать Мухамад-бею.

После того как он услышал слова сказанные ему вслед Ратип пашой его поведение и поступки перестали удивлять Ибрагим-бея. Значение слов сказанных ему вслед он не понял, но в них было что-то свое, доброе и светлое. Он долго после этого силился понять – что же это знакомое было в них. Наконец после долгих блужданий по запутанным тропинкам своей памяти он вспомнил что примерно на таком же языке разговаривали две семьи бжедугов жившие в их селе.

Было это давно. Очень давно.

Было это еще тогда когда он жил в своем далеком абхазском селе и было ему не более 10-11 лет.

Главы этих двух семей были братьями. У них были какие-то проблемы в родном селе связанные с кровной местью и они переселились подальше от своих кровников в далекое абхазское село.

На выходе из шатра Мухамад-бея он встретился с Сахиб-беем. У Сахиб-бея было озадаченное лицо. Они коротко поприветствовали друг друга и командир авангарда зашел в шатер к командующему армией.

У Сахиб-бея были свои причины быть озабоченным происходящими событиями. В последнее время неизвестно откуда по рядам мамлюков поползли различные слухи. Никто не знал что служило источником этих разговоров, но слухи становились все обширнее и тревожнее.

Касались они в основном следующего.

Говорили что русские хотят использовать мамлюков для того чтобы их руками убрать из Ближневосточного региона турков, а затем самим прийти сюда и захватить Сирию и Палестину у ослабленных войной Турции и Египта.

Сахиб-бей знал что это не так. Он знал так же что служило истиной причиной похода войска мамлюков в Сирию. Он все это знал, но сказать вслух ничего не мог. Таков был приказ Али-бея. Между тем слухи становились все громче и отчетливее. Иногда стала мелькать и другая мысль.

- Русские не только дали оружие мамлюкам, но и подкупили Султана Али-бея дав ему за поход в Сирию огромные деньги.

Все это Сахиб-бей рассказал Мухамад-бею. Рассказал ничего не скрывая кроме своей обеспокоенности. Он поведал Мухамад-бею что об этом говорят уже во всех 5 корпусах. Говорят пока шепотом, но может произойти так что люди станут говорить об этом вслух и тогда можно ждать беды.

Мухамад-бей внимательно выслушал Сахиб-бея. Затем сказал.

- Меня тоже беспокоят эти слухи. Я обязательно найду тех кто распространяет эти грязные вымыслы и жестоко накажу их. Подожди немного. Пройдет совсем немного времени и я сделаю все как нужно.

Этими словами он дал Сахиб-бею понять что их разговор на эту тему закончен.

Сахиб-бей ушел, а Мухамад-бей задумался. Ясно было что началась большая игра о которой говорил ему Ереджеб. Очевидно было что в армии создается обстановка которая может привести к мятежу и свержению Али-бея. Для того чтобы понять это не нужно было иметь большого ума. Для Мухамад-бея вопрос был не в том так это или нет, а в том откуда дует ветер, какой силы он и как ему вести себя при любом варианте развития дальнейших событий.

Главное было в том что наступало решающее время в его жизни. Он долго ждал этот момент и он наступил. Теперь нужно было только ждать свой час и быть готовым к любому возможному исходу событий.

К вечеру того же дня Мухамад-бей собрал в своем шатре главных военноначальников своей армии.

Армия мамлюков строилась как и многие армии Востока того времени по десятичной системе.

Рядовые мамлюки объединялись в десятки. Каждая десятка сама выбирала своего командира.

Десятки объединялись в сотни. Каждая сотня так же сама определяла кто будет их командиром. Сотни мамлюков объединялись в тысячи. Командира тысячи выбирали общим голосованием командиры сотен и десятков входивших в нее. Ни Султан, ни шейх аль-Балед в эти дела не вмешивались и командиров тысяч, а тем более сотен не утверждали.

Тысячи мамлюков объединялись в корпуса. Корпус как правило состоял из 5-6 тысяч человек. Командир корпуса избирался

тысяцкими но утверждался в своей должности правителем Египта. Корпуса объединялись в армии в зависимости от того куда и для чего направлялась армия. Как обычно в армию входило 5-6 корпусов. В особых случаях бывало что в армию входило 10, а иногда и 12 корпусов. Такая большая армия численностью в 50-60 тысяч человек собиралась очень редко. Только во времена когда Египту грозила особая опасность.

Армия Мухамад-бея состояла из 5 корпусов. Их командиров и пригласил на совещание командующий армией.

Вместе с ними приглашен был и шейх Дагир.

После того как все расселись по своим местам Мухамад-бей зачитал ответ коменданта Дамасска.

Ответ турецкого генерала был предельно коротким. Он писал.

«Вы пришли. Мы готовы. Проходите дальше если сможете.»

Закончив чтение письма Мухамад-бей вопросительно посмотрел на собравшихся и задал один единственный вопрос.

- Что будем делать? Я жду Ваши предложения.

Первым поднялся Назымбий.

Он сказал.

- У нас пять корпусов. В крепости находится 2 корпуса янычар. Но они крупнее наших корпусов. Всего с учетом воинов шейха Дагира у нас около сорока тысяч всадников. Турок примерно 20 тысяч человек, но они находятся за высокими крепостными стенами. Продовольствием и боеприпасами они снабжены на целый год. Если мы сейчас полезем на крепостные стены то можем потерять много людей. Вся надежда турок на стены. Если мы покажем что в состоянии разрушить их, то турки сдадутся сами. Поэтому я предлагаю начать в одном самом уязвимом месте обстреливать стену день и ночь. Когда турки увидят что стену разрушат и тогда им не будет пощады они сдадутся сами.

Примерно то же самое сказал и Фатхи-бей.

После их выступлений Мухамад-бей сразу же понял с чьего голоса они поют и куда клонят они членов Совета.

Он высказал свое одобрение высказанными мыслями и вопросительно посмотрел на Мурад-бея. Весь его взгляд говорил о том что он желает услышать от него. Мурад-бей не заставил себя долго ждать.

Он так же коротко высказался за то что бы припугнуть турков и принудить их к добровольной капитуляции. Он как и все пре-

дыдущие товарищи считал что не нужно нести не нужные потери если можно взять Дамасск малой кровью. После этого Мухамад-бей хотел высказать мысль о том что у всех членов совета единое мнение, но встал со своего места Сахиб-бей и в категорической форме высказался за начало немедленного штурма города. Его мнение поддержал и шейх Дагир. Он так же считал, что необходимо уже завтра с раннего утра, а может даже и сегодня ночью начать штурм города.

Когда дело до голосования то мнение Назымбия, Фатхи-бея и Мурад-бея поддержал и Ибрагим-бей. По видимому на принятие им такого решения повлияли воспоминания о встрече с Рати-пашой. Так или иначе было решено с завтрашнего дня начать бомбандировку стен крепости в той части на которую указали соглядатаи Мухамад-бея как на наиболее слабую. Три дня все пушки мамлюков били по одному и тому же месту в стене. Били залпом чтобы увеличить разрушительную силу ядер. В стене кое где начали появляться трещины которые нарастали с каждым новым залпом. Ночью четвертого дня добровольцы из числа молодых мамлюков подложили под стену в том месте где образовались мелкие трещины несколько больших бочонков с порохом и взорвали их. На утро все увидели в стене большую трещину шириной в два-три зира. После этого обстрел крепости прекратился. На переговоры с Ратип-пашой вновь был направлен Ибрагим-бей.

Все это время заряженные пушки стояли на готове чтобы в случае того, что неприятель надумает восстанавливать стену открыть по нему губительный огонь. Ибрагим-бей уехал к Рати-паше в сопровождении тех же мамлюков. Все остальные в том числе Мухамад-бей и командиры корпусов остались ждать их возвращения. Не вели даже ружейный обстрел стен крепости откуда за три перестрелки сбили с полсотни янычар. Согласно неписанных законов Востока переговоры о капитуляции или заключении мирного договора проходили в полной тишине.

В это время в шатер к Сахиб-бею пришел Сулейман. Сулейман был командиром сотни наиболее отчаянных мамлюков всегда находившихся в самом центре сражений. В свое время Сулейман руководил нападением своих сторонников на Али-бея в башне посреди Нила. Тогда он был избран Султаном Египта. Султаном Египта Сулейман пробыл целую ночь. Наутро как уже знает читатель

Сулейман был арестован воинами Али-бея и стоял со связанными руками перед ним. Поклявшись тогда на коране быть верным Али-бею до конца своих дней он честно выполнял данное слово и уже никогда не помышлял ничего против Султана. В прошлом походе на Хиджаз Сулейман был командиром тысячи воинов, но повздорив с некоторыми своими бывшими друзьями сам покинул должность командира тысячи всадников. На этот раз его выбрали командиром сотни в составе которой находилось более семидесяти его единомышленников участвовавших как и он в заговоре против Султана. Теперь они как и Сулейман строго держали слово данное на коране и никогда уже не помышляли ничего против Султана.

Более того с того дня когда Султан помиловал их и даровал им жизнь они стали самыми рьяными его сторонниками готовыми положить за него все что у них есть.

Именно они обеспокоенные теми разговорами и слухами которые заполнили лагерь мамлюков и послали Сулеймана к Сахиб-бею для того чтобы он проинформировал его о нездоровой обстановке созревающей в армии Мухамад-бея. Сахиб-бей знал о том что Сулейман теперь один из преданейших Али-бею мамлюков и потому относился к нему не как к подчиненному а как к своему единомышленнику.

В ожидании возвращения Ибрагим-бея они сидели в шатре и пили чай. Сулейман не спеша и довольно детально рассказывал Сахиб-бею о том какие слухи и небылицы ходят по лагерю мамлюков.

- Понимаешь Сахиб-бей, говорил Сулейман, вся беда в том что многие мамлюки начали искренне верить в то что Али-бей подкупен русскими.

Многие так и говорят.

- У русской императрицы много золота. Она подкупила нашего Султана. Теперь он нашими руками расправится с турками, а затем сюда придут неверные и заставят нас молиться своему богу. С турками еще можно бороться, а вот против русских никто не устоит. У них сейчас самая сильная армия в мире.

Самое интересное и неприятное продолжал Сулейман в том, что по рядам мамлюков пополз новый слух будто ты поссорился с Али-беем перед самым отъездом только потому что ты категорически выступил против союза мамлюков с неверными. Говорят так же что Султан уже объявил в Каире о твоей опале и о том что

ты будешь разжалован и казнен сразу же по окончанию похода на Дамасск. Кто распространяет такие слухи я не знаю продолжал Сулейман, но хотел бы узнать от тебя лично – действительно ли ты против союза Египта с Россией и был ли у Вас неприятный разговор с Султаном на эту тему.

Сахиб-бей уже не раз слышал о разговорах подобного типа, но теперь к ним добавилось еще что-то новое связанное непосредственно с ним. Это настораживало. Кому и для чего нужно было впутывать его имя в эти небылицы Сахиб-бей не знал и даже не мог предположить кто это мог быть. Сахиб-бей долго сидел молча обдумывая слова Сулеймана. Явных врагов у него не было. Были недоброжелатели типа Мухамад-бея, Мурад-бея и Ибрагим-бея, но их отношение нельзя было назвать ненавистью друг к другу. Здесь было что-то совсем другое. Просто все они хотели быть рядом с Султаном, а там мест для всех не хватало. Вот и шла борьба за эти места под солнцем. Но не больше. Они довольно терпеливо относились друг к другу уважая мужество и воинские заслуги своих оппонентов.

Более того, наврядли бы кто-нибудь из них смог бы опуститься до уровня сплетен. Они могли любить или не любить его, но распространять грязные слухи о нем они наврядли бы стали. Здесь было что-то другое. И это другое неизвестное ему настораживало своей непредсказуемостью.

Сулейман сидел молча, давая своему собеседнику возможность подумать над услышанным и дать ему оценку. Наконец после длительной паузы Сахиб-бей сказал.

- Я никогда не имел никаких конфликтов с Султаном. У нас никогда не было разговоров о моем согласии или не согласии с политикой Али-бея. Он Султан я его подданный и верный сторонник. Кто и для чего придумал историю о том что у нас были какие-то разногласия с ним мне неизвестно, но я думаю что когда закончится поход на Сирию мы узнаем всю правду. Узнаем кому выгодны эти слухи и кто распространяет их.

Ратип-паша принял на этот раз Ибрагим-бея более корректно. Офицер сопровождавший Ибрагим-бея жестом руки показал ему что он может присесть на кресло после того как он передал генералу в руки письмо с повторным предложением сдать крепость. Кресло находилось рядом с диваном и низким приставным столиком в углу кабинета коменданта крепости. По видимому, офицер сделал такой жест не по своей воле, а по команде Ратип-паши, о чем сразу же догадался Ибрагим-бей. Ему даже показалось, что по лицу генерала пробежала едва заметная приветливая улыбка когда он передавал ему пакет с запечатанным письмом.

Так это было или не так трудно было сказать, но то что его глаза поменяли свое выражение с холодного и жесткого на теплое и доброе было очевидно. Удивляться этому не стоило. В громадной турецкой империи сплетались судьбы сотен народов и миллионов людей проживавших на ее территории или в сфере ее влияния. Кавказ не был исключением в этом плане.

Сотни тысяч кавказцев различных национальностей были тесно связаны с Турцией и ее провинциями. Возможно потому, очень часто посланцы разных народов Кавказа сталкивались друг с другом находясь по разные стороны больших и малых линий фронта. При этом многие невольно отмечали про себя, что выходцы с Кавказа вне зависимости от того к какому лагерю принадлежали они относились друг к другу с неподдельным уважением. Особенно отличались в этом плане представители абхазо-адыгского этноса которые никогда и ни от кого не скрывали своих теплых чувств друг к другу.

Приняв пакет от Ибрагим-бея Ратип-паша вышел в другую комнату где его ожидали старшие офицеры крепости.

Еще дней за десять до похода мамлюков к стенам Дамасска Ратип-паша получил секретное предписание. В нем говорилось о том что он должен будет в течении пяти-десяти дней защищать крепость, а затем сдать ее на тех условиях которые продиктуют ему мамлюки.

Ратип-паша был категорически против такого поворота дела, но приказ есть приказ. Его нужно было выполнять. Он считал что у него было достаточно войск, боеприпасов и провианта для того чтобы выдержать натиск мамлюкского войска. Он был боевым генералом многое повидавшим и познавшим на своем веку. В своих солдат и офицеров он верил, но все оказалось не так как он предполагал. Он думал преподать хорошую трепку сынам непокорного Египта. Такой возможности ему не дали и он глубоко сожалел об этом.

Когда Ратип-паша вошел в соседний кабинет сидевшие в нем четверо пашей и старшие офицеры встали. Он кивком головы по-

казал им что они могут сесть на свои места после чего вскрыл в их присутствии конверт и начал читать текст ультиматума.

Когда он дочитал письмо до конца возмущению Турецких военоначальников не было предела.

Они, прешедшие с боями пол Европы и поставившие на колени сотни народов считали унизительным для себя не только предложение о капитуляции, но и сам тон письма в котором были изложены условия сдачи крепости. Их мнение было однозначным. Его выразил командир корпуса янычар Ахмед-паша.

- Капитуляцию не принимать.

Ибрагим-бею посмевшему принести такое письмо отрубить голову за оскорбление нанесенное им турецкой империи. Голову положить в мешок и отдать сопровождавшим его мамлюкам. Война есть война, закончил он. Пусть Всевышний решит кто из нас был прав, а кто виноват.

Мнение Ахмед-паши поддержало абсолютное большинство приглашенных на совещание офицеров. Воздержались только двое. Командир второго корпуса янычар Селим-паша и командир бригады артиллеристов.

Оба они были выходцами с Кавказа. По выражению их глаз Ратип-паша сразу же понял. Если ситуация начнет приобретать критический характер они не допустят расправы над своим соотечественником.

Выслушав мнение всех тех кто желал высказаться Ратип-паша сказал.

- Не скрою. Я то же возмущен условиями капитуляции предложенными нам. Я тоже как и Вы считаю что Дамасск, можно и нужно защищать.

Пушки мамлюков пробившие небольшие бреши в стене это не так страшно. На брешь можно направить наши пушки и прямой наводкой расстреливать всех кто войдет в образовавшийся проем. Да и ядра у мамлюков насколько нам известно уже на исходе. Постреляют еще немного и не больше. Затем заделать брешь в стене не самая большая проблема. Все это так, но парламентер здесь не причем.

Он мамлюк. Он знатный мамлюк равный по своему статусу всем нам находящимся здесь. Поэтому мысль о расправе над ним оставьте навсегда. При этих его словах он увидел как резко изменилось выражение глаз Селим-паши и сидевшего рядом с ним адыга-командира артиллерийской бригады.

Все это так, продолжал Ратип-паша, но все мы солдаты и обязаны выполнять приказы наших командиров. А приказ к сожалению таков.

С этими словами он взял со стола стоявшего перед ним лист бумаги и зачитал его.

После того как приказ о принятии условий капитуляции был зачитал споры о дальнейших действиях сразу же прекратились. Турки были дисциплинированными офицерами. Более того, они прекрасно знали, что невыполнение любого приказа в турецкой армии карается смертью.

Ответ коменданта крепости был готов через час. Ни один турецкий офицер на передачу пакета в котором находился ответ не вышел.

Когда в зал вошли Ратип-паша и сопровождавшие его Селим-паша и артеллерийский офицер Ибрагим-бей встал и молча подошел к остановившимся в нескольких шагах от него турецким командирам.

Ратип-паша молча протянул ему пакет и неожиданно для него отдал ему честь. То же самое сделали и оба сопровождавших его турка. Ратип-паша был несколько старше Ибрагим-бея. На вид ему было немногим более сорока лет. Этикет вежливости обязывал Ибрагим-бея как абхаза отдать ему почести как старшему. Ни говоря больше ни слова он сделал шаг вперед, протянул руку для приветствия, а затем прижал ее к груди давая знать что он все понял и благодарен им за все.

Взяв пакет он отдал им честь еще раз кивнул головой и пошел на выход. И снова он услышал слова сказанные ему вслед на незнакомом языке чем-то напоминавшем ему язык его соседей бжедугов. Если бы он знал их язык он бы понял что они сказали ему.

- Мы адыги. Мы братья. Мы всегда помним это.

Пройдет несколько лет Ибрагим-бей станет правителем Египта.

После одного из кровопролитных сражений к нему приведут взятого в плен раненного турецкого генерала.

Он сразу же узнает его. Узнает его и Ратип-паша. Когда они останутся в походном шатре одни Ибрагим-бей обнимет его и скажет на абхазском языке.

- Сара сапсуоп. Сара абзера дискаштпам (Я абхаз. Я хорошее не забываю.)

Ратип-паша посмотрит ему в глаза и без перевода поймет все что хотел сказать ему Султан Египта.

По приказу Ибрагим-бея Ратип-пашу отправят в госпиталь, затем отпустят взяв с него слово что он больше никогда не поднимет оружия против Египта. Все это будет потом, а сейчас Ибрагим-бей ехал с ответом коменданта крепости в лагерь мамлюков где его ждали Мухамад-бей и остальные мамлюкские военноначальники.

На следующий день турки открыли ворота крепости и под громкий барабанный бой с опущенными знаменами направились на северо-запад в сторону Курдистана.

Впереди всех ехал на белом коне Ратип-паша. Селим-паша, Ахмед-паша и другие высшие офицеры гарнизона ехали позади него.

Пушки и ружья турки оставили в крепости. Согласно условий капитуляции, им дозволено было взять с собой только лошадей, провиант и холодное оружие. Офицерам оставили их пистолеты.

На следующий день получив в качестве военных трофеев 2 пушки и около тысячи винтовок ушел в Акку шейх-Дагир.

Начали собираться в дорогу и мамлюки. Было решено что через три дня армия двинется назад в сторону Каира.

Утром второго дня весь лагерь облетела ужасная новость.

Сахиб-бей не вышел на утреннюю молитву. Когда мамлюки зашли к нему в шатер нашли его лежащим на полу с большим кривым бедуинским кинжалом в спине. Кинулись искать убийц, но ни одного бедуина в лагере не нашли. По рядам мамлюков поползли различные слухи. Почему-то сразу нашлось много людей которые были уверены в том что Сахиб-бея зарезали во сне наемные убийцы подосланные Султаном Али-беем. Через час принесли тела двух человек. Они якобы были застрелены тогда когда их нашли в одном переулке Дамасска где они скрывались от постороннего взгляда. Их хотели задержать но они начали убегать – пришлось застрелить их чтобы они не скрылись.

Тела убитых положили перед шатром Мухамад-бея. Вскоре нашлось несколько человек которые узнали мертвых. Один из них сказал что видел в свое время обоих в охране у Али-бея.

Еще один мамлюк подтвердил что он то же видел этих людей во дворце Али-бея. Вскоре нашлось еще несколько свидетелей. Все они говорили одно и то же.

- Это люди Али-бея.

Толпа мамлюков неиствовала. В общей суматохе никто даже не обратил внимания на то, что кожа на лицах убитых уже давно поменяла цвет и по видимому они были убиты не сейчас, а как минимум сутки назад.

Еще через некоторое время мамлюки корпуса Сахиб-бея поклялись отомстить тому кто дал команду убить их командира.

Увидев все это Мухамад-бей сразу же понял чья эта работа и как должен был начаться мятеж о котором говорил ему несколько дней назад Эреджеб.

Когда страсти толпы накалились до предела из толпы вышли Назымбий и Фатхи-бей. Мамлюки замолкли ожидая что они скажут.

Первым начал говорить Фатхи-бей.

- Мамлюки, начал он, я слышал вашу клятву отомстить убийце всеми нами любимого, храбрейшего воина Сахиб-бея. Мамлюки нашего корпуса поддержат вас. Мы тоже будем мстить за вашего Сахиб-бея. Все мы знаем чьих рук это дело. Смерть убийце. Нам такой Султан не нужен. Его место на виселице, а не во дворце. Толпа мамлюков заревела в знак согласия. Все сразу забыли кто такой Али-бей, и каие у него заслуги перед государством и мамлюками.

Затем слово взял Назымбий. Он уверенно ни на минуту не сомневаясь сказал.

- Многие из нас слышали, что Сахиб-бей имел скандальный разговор с Султаном. Он категорически был против союза Египта с русскими.

Все мы знаем, что он сказал Султану. С турками еще можно воевать. Они нашу веру не трогают. А вот если на их место придут русские всем нам будет плохо. У них армия сильнее чем турецкая. Еще хуже то что они принесут к нам свою веру которую мы не хотим. Мы не хотим их веры, но они силой оружия заставят нас принять христианство.

Султан не простил ему этих правдивых слов. За это он его и убил. Смерть убийце. Мамлюки моего корпуса поддержат Вас. Нам такой Султан не нужен. Я предлагаю всем вам, прямо здесь, прямо сейчас избрать нового Султана, и после этого арестовать и казнить Али-бея.

Толпа заревела в знак согласия с ним. Подождав когда толпа успокоится Назымбий продолжил свою речь.

А теперь нам нужно избрать нового Султана Египта. Я предлагаю избрать новым Султаном Египта нашего командира Мухамад-бея закончил он. Мамлюки напряженно слушали его. Пока они не успели опомниться слово снова взял Фатхи-бей.

Мухамад-бей самый достойный из нас. Пусть он и будет нашим новым Султаном. Толпа заревела в знак согласия. Теперь вопрос был решен.

Сам Мухамад-бей все это время молча стоял чуть в стороне будто все происходящее не касалось его ни коим образом. Все шло именно так как он и предполагал. Теперь он мог поклясться на коране что толпа заставила его принять титул Султана и он вынужден был принять его только для того чтобы потом постараться помочь Али-бею избежать смертной казни.

Он уже просчитывал варианты того что будет говорить он Фагуде и возможно самому Али-бею.

Толпа сперва свергла его и он к этому не имел никакого отношения. Его избрали новым Султаном потом когда вопрос о свержении Али-бея был уже решен и он никак не влиял на этот процесс.

Он несколько раз отказывался от предложения занять трон Султана Египта. Он знал что его все равно будут уговаривать и в конце концов он вынужден был согласиться принять требование мамлюков.

Вся игра с отказами нужна была ему в двух целях.

Первая цель состояла в том что он получал массу свидетелей которые потом засвидетельствовали бы перед Фагудой что он не желал быть Султаном, но обстоятельства принудили его к этому и он согласился на это только во благо ее брата которому он собирался помочь затем став Султаном.

Вторая цель была гораздо прозаичнее. Ему нужно было узнать всех тех кто был связан с Сефар-пашой и Эреджебом. Они сами выдавали себя чрезмерной активностью и громкими криками. Мухамад-бей уже знал что это были два тысяцких и один сотник из корпусов Назымбия и Фатхи-бея. Сами командиры корпусов усиленно ведшие Мухамад-бея в Султанский дворец даже не подозревали о том, что их судьба уже предрешена. Лучше бы им жить в мире и согласии с Али-беем помнившим их боевые заслуги. Мухамад-бею деревья посаженные Эреджебом были не нужны. Он должен был вырубить их в первую очередь чтобы завтра тот

же Эреджеб не использовал их строя козни против него. В том что это будет так Мухамад-бей не сомневался как не сомневался и в том что в скором времени Эреджеба найдут где-нибудь с ножом в спине. Этот вопрос был уже решенным. Нужно было только время чтобы завершить его.

В конце концов Мухамад-бей дал согласие стать Султаном Египта. Ему поднесли заранее заготовленный коран в большом кожаном переплете.

Тут же его к присяге и привели.

Сахиб-бея решили похоронить на завтрашний день на кладбище Дамасска. Довезти его тело до Каира не было никакой возможности.

Утром следующего дня Мурад-бею доложили что из лагеря исчезла сотня Сулеймана. Исчезла вся. Никто не видел когда они ушли. Сотня располагалась на самом краю лагеря и потому могла уйти как только лучи солнца ушли за горизонт.

Мухамад-бей сразу же понял. Сотня ушла к Али-бею. Он знал, что Сулейман и его товарищи связаны клятвой верности с Али-беем и потому сделали так как должны были сделать. Ему нужно было сразу подумать об этом. Теперь сокрушаться о допущенной ошибке было поздно.

Догнать беглецов было уже невозможно. Слишком далеко ушли они за это время. Теперь нужно было думать о другом.

Он немедля собрал командиров корпусов и рассказал им о побеге сотни Сулеймана.

Сулеймана Мухамад-бей знал хорошо. Знал что его родовое село было во владениях князя Лоова. Он был упертый абазин. Если дал слово то умрет, но слово свое сдержит. Поступок Сулеймана вызвал у Мухамад-бея даже чувство уважения к человеку совершившему его. Не у каждого человека хватит мужества сделать такой шаг. Людей способных на такой поступок было не так уж и много. Да и осуждать человека выполнившего слово данное на коране было не разумно.

Назымбий сразу же сказал.

- Сулеймана и его сотню мы уже не догоним. Они уже далеко ушли. Через несколько дней Али-бей будет знать о нашем мятеже.

Сделать нам он ничего не сможет. Апстха со своим корпусом слишком далеко. Пока весть о нашем восстании дойдет до него мы уже будем в Каире.

Других войск сейчас под рукой у Али-бея нет. Собрать их у него уже нет времени. У него всего пятьсот мамлюков личной охраны и больше никого. Конечно он будет бежать. Бежать ему некуда кроме как к шейху Дагиру. Нужно прямо сейчас послать туда один корпус мамлюков которые перекроют ему дорогу в Акку. Там же его нужно будет пленить, а затем казнить за убийство Сахиб-бея. Я предлагаю, продолжал он, послать на перехват Али-бея корпус Ибрагим-бея.

Назымбий знал, что все его слова неправда. Знал что Али-бей никакого отношения к убийству Сахиб-бея не имеет. Более того он прекрасно знал что ночью в шатер Сахиб-бею входили его сотники которые и всадили ему нож в спину. Он все знал, но говорил то что он должен был сказать.

Услышав слова сказанные Назымбием Ибрагим-бей встал и в категорической форме отказался от такого предложения. Формально его отказ мотивировался тем что в его корпусе было много старых мамлюков которые еще в молодости воевали вместе с Али-беем и они могли перейти на его сторону. Фактически отказ Ибрагим-бея был основан совсем на другом.

С первых же минут событий развернувшихся сегодня утром он засомневался в том что убийство Сахиб-бея это дело рук Султана. Он хорошо знал, что Султан никогда не ругался с Сахиб-беем и тот был верным его другом и помощником.

Помимо этого он оказался одним из не многих мамлюков который увидел что трупы мнимых убийц не совсем свежие.

Он хотел сказать все это но когда толпа пожелала видеть Султаном его старшего товарища решил не вмешиваться. Все равно к этому времени уже нельзя было найти правду, а то что произошло уже произошло и ничего уже нельзя было вернуть назад. После долгих споров и взаимных упреков решили что на перехват Али-бея двинется корпус Назымбия.

Вечером этого же дня когда тело Сахиб-бея было предано земле мамлюки Назымбия двинулись в сторону Акки.

Они должны были остановиться в 10[и] фарсагах от Акки и ждать прибытия Али-бея и его охраны.

СУЛЕЙМАН

Четвертый день длилась бешенная скачка по пустыне. От Дамасска до Каира около 140 фарсагов. Расстояние большое. Сулейман почти не давал передышки своим воинам. Лошади начали сдавать. Им дали небольшой отдых но этого было явно мало. Даже самые выносливые из них не могли скакать столько дней подряд преодолевая по 25 фарсагов в день. Особенно тяжело было лошадям на которых сидели два огромных нубийца. Нубийцы великаны почти под пять зиров ростом каждый. Они братья. Только теперь Сулейман понял что допустил большую ошибку взяв братьев с собой. Он должен был предусмотреть, что братья тяжеловесы и их лошади быстрее других устанут от такой ноши.

Кони под ними уже тяжело дышали. Сулейман видел что они могут скоро остановиться совсем. Он дал команду остановиться у ближайшего источника воды. Лошадей сразу к воде не подпустили. Им нужно было сперва отойти от длительной скачки. Пока у них не успокоится дыхание вода может убить их. Мамлюки устали. Они валились с ног. Старшие легли на землю в тени редких деревьев. Младшие стали водить лошадей по кругу. Они тоже устали. Очень устали. Но лошади прежде всего. Потерять лошадь в пустыне или в другой большой безводной местности равносильно смерти. Без лошади человек в этих условиях погибнет. Сулейман всегда помнил клятву на коране которую дал он Али-бею в Цитаделии на острове посреди Нила. Помнили свою клятву и все воины его сотни. Помнили и потому не щадили ни себя ни лошадей.

Сулейман снова и снова торопил своих воинов. Он знал. За ними может быть погоня. От погони можно еще отбиться но на это уйдет много времени. А сейчас каждый час на вес золота. Если он не успеет во время известить Али-бея о происшедших событиях то тот не сможет принять своевременных мер и останется с пятью сотнями своих охранников против целой армии мамлюков вооруженной пушками и современными ружьями. Нужно было спешить. Этого требовала клятва которую дал он Али-бею. Сулейман был человеком слова. Этому учили его с детства его родители.

Тогда в далеком детстве когда его маленького мальчика звали Чиной его отец Заур часто говорил. Словами попросту не разбра-

сывайся, но если дал слово держи. Мужчина нарушивший клятву или свое слово не мужчина.

Воспоминания о детстве жили в памяти всех мамлюков. Они со временем становились самым дорогим из того что у них было. Не был исключением в этом плане и Сулейман.

Прошло некоторое время. Лошади отошли от долгой бешенной скачки под палящими лучами солнца и стали ровно дышать . им дали попить воды, а затем и поесть. Теперь можно было отдохнуть и самим. Не спали только нубийцы. Мужчины их племени могли не спать несколько дней подряд. Они лежали и смотрели в далекое синее небо. Они всегда смотрели на небо. Небо над Египтом и Сирией было таким же как у них на Родине в Нубийской пустыне. Все остальное было здесь совсем другим и потому они часто смотрели туда где виделся им кусочек их далекой Родины.

Сулейман был не только хорошим всадником. Помимо этого он хорошо разбирался в лошадях. Перед тем как дать команду на дальнейшее движение вперед он внимательно осмотрел лошадей на которых ехали нубийцы. Сомнений не было. Они скачки в таком темпе дальше не выдержат и падут совсем в ближайшее время.

Исходя из этого Сулейман дал команду обоим нубийцам.

- Вам с отрядом дальше не ехать. Сверните с основной дороги на пол фарсага и езжайте неспеша параллельно ей. Вы приедете в Каир на пару дней позже нас, но зато сохраните лошадей и не будете мешать сотне ехать в том же ритме.

Сказал он это исходя из того что если за ними послали погоню то они наверняка настигнут нубийцев и тогда их ждет неминуемая смерть. Знал Сулейман и то что нубийцы пустыни не боятся. Они, нубийцы, в пустыне как у себя дома. Они особо выносливы, меньше боятся прямых лучей раскаленного солнца. Нубийцы в пустыне не пропадут. В том что они вернутся в Каир он не сомневался. Такие как они предавать не могут. После этого отряд ускакал по дороге ведущей в Каир. Нубийцы поехали наискосок все дальше и дальше удаляясь от дороги в самое чрево пустыни. Ехали они пока медленно давая лошадям отойти от бешенной скачки. Лошади у них были не хуже чем все остальные, но каждый из нубийцев весил как полтора среднего веса мамлюка. Такая ноша была под силу не каждой лошади. Особенно при длительных скачках в таком бешенном тмпе.

Через 4 дня сотня Сулеймана была в Каире.

Ноги их коней ступили на затихшие улицы города перед самым рассветом. И всадники и их лошади в буквальном смысле слова валились с ног. Глаза у лошадей стали тусклыми, совсем тоскливыми.

Влажные губы многих из них покрылись белой пеной. Еще немного и многие всадники потеряли бы своих любимцев. Но слава Аллаху все обошлось. Теперь у людей и лошадей было немного времени чтобы отдохнуть и привести себя в порядок. Мамлюки понимали что их отдых будет коротким, потому спешили в казармы где нужно было дать отдых и соответствующий корм им и их лошадям. Все туда и поехали. Один Сулейман направил своего коня в сторону Султанского дворца.

Он знал, что Али-бей и все остальные в это время спит, но понимал так же что каждый час выгаданного времени может стоить очень дорого.

Когда он зашел в покои Султана его встретил Умар. Умар никогда, наверное, не спал. Днем и ночью он был на ногах. Когда он спал знал только он сам.

Сулейман тихо чтобы никто посторонний не услышал того что он говорит в двух словах рассказал Умару о том что произошло в Дамасске. Выслушав его Умар вместе с ним направился в покои Султана. Нужно было спешить. Времени было в обрез.

Новость которую привезли Сулейман и его воины в столицу ошеломила многих. В нее никак не мог поверить и сам Али-бей. Смерть его друга и соратника и последовавшие за ним события обескуражили его.

Не нужно было много гадать чтобы понять, что весь этот сценарий был разработан турками и тщательно продуман до мелочей. Ему сразу же вспомнились слова старца Хашима.

- Смотри себе под ноги. Хорошо смотри.

Теперь было понятно что имел в виду старец. Мухамад-бея он поднял из под своих ног, увидев в свое время что он умен, прозорлив и к тому же его сородич абхаз. Он собирался сделать из него своего преемника. Тот оказывется ждать не хотел. Он хотел власти сейчас и немедленно. В том, что Мухамад-бей был в той или иной мере причастен к мятежу Али-бей не сомневался. Так же как в том, что все его действия во время мятежа были комедией рас-

считанной на легковерного зрителя и разгоряченных простодушных мамлюков.

Он понимал, что допустил большую ошибку соединив воедино и дав определенную власть Назымбию и Фатхи-бею. Али-бей хорошо помнил то время когда он став правителем Египта сделал их рядовых мамлюков знатными беями. Возможно покойный Хашим имел ввиду и их когда говорил ему.

- Смотри себе под ноги. Хорошо смотри.

Теперь он понимал, что турки переиграли его. Он даже подумать не мог, что в армии где корпусом отборных мамлюков которым командует его друг и соратник Сахиб-бей может вспыхнуть мятеж. В корпусе было более шести тысяч мамлюков. Он был ударной силой всей его армии. Мамлюки корпуса Сахиб-бея любили своего командира и были до конца преданы ему.

Сам Сахиб-бей был предан ему до последнего вздоха.

Этот корпус был опорой Али-бея. Теперь он стал его главным врагом. Он ни на минуту не сомневалась в том что мамлюки будут мстить за Сахиб-бея до последнего и он не сможет никак доказать им свою непричастность к убийству Сахиб-бея.

Трупы мнимых убийц давно уже были преданы земле. Лжесвидетели свое слово сказали и от них никогда не откажутся. Дело было сделано. Турки переиграли его поставив под угрозу не только его трон и жизнь но и все его планы организации похода в Абхазию.

Ситуацию мог изменить Апстха. Практически все мамлюки уважали его и верили ему безоговорочно. Но Апстха был далеко. Очень далеко. Турки просчитали и это. Удар по Али-бею был нанесен тогда когда Апстха ни чем не мог помочь ему. Возможно даже что не без их участия было сделано так что Апстха в нужный для них момент оказался далеко от Каира. Так или иначе все было так как было и нужно было думать что делать дальше.

Под рукой у Али-бея было пятьсот мамлюков его личной охраны и сотня Сулеймана. Шестьсот человек. Вот и все. Тем более что у них не было ни пушек, ни ружей. Одни лошади и сабли.

Было очевидно так же что армия Мухамад-бея уже движется на Каир и в течении трех-четырех дней будет в городе.

Времени ни на что не было. Нужно было срочно уходить.

Вопрос куда уходить для Али-бея не стоял. Его мог принять только шейх Дагир. Он был настоящим союзником, другом и человеком слова. Много лет назад они дали друг другу слово что если не дай Аллах возникнет ситуация подобная сегодняшней они протянут друг другу руку помощи. Вопрос был не в том куда идти, а в другом.

Мухамад-бей, Назымбий и Фатхи-бей вернее всего уже просчитали что его путь лежит сегодня во владения шейха Дагира.

Тогда было очевидно, что они уже послали на перехват Султана какой-то из корпусов армии полностью перешедшей на их сторону. Нужно было спешить и уходить уже сегодня пока дорога на Акку возможно была еще не перекрыта.

Он дал команду готовиться к отъезду. Охрана начала погрузку вещей и казны Султана. Без казны он был никто. В лучшем случае хоть и желанный, но бедный гость.

Времени было в обрез. Нужно было решать что делать с Нафисой, Мариам и Фагудой.

За Нафису и Мариам он беспокоился меньше. Что делать с Фагудой был большой вопрос. Он понимал в какое сложное положение попала его сестра. С одной стороны он с другой стороны муж и отец ее ребенка. Необходимо было срочно выехать к ней и решать как быть ей дальше. Он не стал бы возражать против любого ее выбора. Жизнь есть жизнь. Нужно было понимать в какое сложное положение попала она и постараться принять любое ее решение.

За Нафису и Мариам он беспокоился меньше. Им тоже будет нелегко, но они могли уехать могли и остаться. И то и другое было нелегким решением, но по крайней мере им было легче от того что их не давило как Фагуду сознание того что их муж предатель посягнувший на все святое.

Они могли уехать в Абхазию где попали бы под защиту его рода. Род у него был большой, сильный. Могли остаться здесь. Пока Фагуда жена, нового Султана их никто не обидит. А вот с сестрой было тяжелее. Он представлял что творится у нее на душе.

Когда он приехал к Фагуде у нее уже сидели Нафиса и Мариам. Женщины обнявшись сидели на одном диване и плакали. Вернее плакали Фагуда и Мариам. Нафиса прижавшись к ним гладила их по плечам стараясь хоть как-то утешить их. На соседнем диване сидела Гатиса и тоже плакала. Цаца ходила по комнате укачивая маленького Даута. Когда Али-бей зашел в комнату женщины вста-

ли. Он подошел к ним, обнял по очереди каждую из них, а затем и Гатису которая сразу же прижалась к нему. Жестом руки показал чтобы все сели. Женщины без слов сели покорно ожидая что он скажет им. Сели но причитать не перестали. Одна Гатиса стояла молча прижавшись к руке отца. Когда, наконец, женщины успокоились Али-бей сказал.

- Вы знаете что произошло. Кто прав, а кто взял грех на душу знает сегодня только Всевышний. Он сегодня никому не скажет об этом. Ответ даст только время. От времени не ушел еще никто. Никто еще не обманул его. Теперь вопрос не в этом. Я сегодня ночью или завтра утром покину Каир. У меня нет сейчас сил бороться с мятежниками. Обманутая армия на стороне Назымбия и Фатхи-бея. Говоря эти слова, но не называв имени Мухамад-бея Али-бей хотел только одного. Не углублять до поры до времени горе Фагуды которая и без этого чувствовала себя виноватой перед ним хотя ее вины ни в чем не было. Ее вины ни в чем не было, но она все равно чувствовала себя виноватой перед ним только потому что Мухамад-бей был ее мужем и она уже по наслышке знала его роль во всех происшедших событиях.

Меж тем Али-бей продолжал говорить.

- У меня сегодня только шестьсот сабель. Нет ни пушек, ни ружей. Я буду уходить. Пойду к шейху Дагиру. Другого пути у меня нет. Там соберу новое войско и вскоре вернусь домой. Говорил он коротко. Времени на долгие разговоры не было.

- А теперь о Вас. Все вы сегодня же убудете в Александрию. Оденете паранджу. Вас никто не узнает.

Оттуда поплывете в Абхазию к моему отцу. Там Вы будете в полной безопасности. Род мой большой, сильный Вас никто не посмеет тронуть. Когда я вернусь в Каир вернетесь и Вы.

У Вас будет достаточно денег чтобы ни в чем не нуждаться.

Деньги будут у Нафисы. Поедет ли с Вами Фагуда решать ей самой. Ты сестра моя, продолжал он изредка поглаживая рукой волосы прижавшейся к нему Гатисы вольна делать так как ты считаешь нужным.

Можешь поехать со всеми.

Можешь остаться. Если ты останешься ни я, ни кто другой тебя за это не осудит. Мухамад-бей твой муж и отец твоего ребенка.

Время покажет кто был прав а кто виноват. Время все знает.

Оно знает когда нужно будет сказать правду. Тогда оно все и скажет.

Неожиданно для него Фагуда ответила совершенно спокойным голосом.

- Брат мой. Я и мой сын уезжаем вместе со всеми. С нами поедет и Цаца она будет ухаживать и помогать всем нам. Абхазия и ее Родина. Там она будет вольна делать то что она хочет. Там у нее будет воля. С нами поедет и Астанда. Она была здесь и пошла к себе собирать вещи в дорогу.

Говорила Фагуда спокойно и ровно. Решение о своем отъезде она приняла сразу. Слова Али-бея только подтвердили ее мысли. Она не хотела видеть лицо человека который предал не только ее брата но и ее веру в него.

Теперь у нее была только одна мечта. Когда нибудь увидеть его и сказать ему.

- Я ненавижу предателей. Я сделаю все что бы мой сын никогда не стал похожим на тебя. Я сделаю все чтобы он стал похожим на своего дядю Али-бея. Теперь у тебя нет сына. Забудь о нем.

Женщины очень быстро проходят путь от любви до ненависти. Быстро прошла его и Фагуда. Теперь она ненавидела Мухамад-бея. Сейчас ей было трудно поверить в то что она еще утром любила этого человека и просила Всевышнего в утренней молитве послать ему здоровья и успехов.

Поговорив еще немного о самых необходимых вещах Али-бей ушел оставив Нафисе два больших кошелька с золотыми и разменными монетами. Кошелек с золотыми монетами ей надлежало спрятать подальше что бы не привлекать лишний раз внимание недобрых людей и пользоваться все время вторым кошельком где были серебряные и медные монеты.

Перед уходом он попросил всех одеться по скромнее, положив свои наряды в дорожные сумки. Прощался коротко. Только Гатису и Даута поцеловал в голову. Даут к этому времени проснулся и перебрался на руки к Нафисе. Он один был весел и радостно улыбался.

Али-бей ушел. Женщины принялись упаковывать вещи.

Когда Али-бей вернулся во дворец его ждал там Людвиг фон Бок. Прусак был одет в парадную форму. Смотрел ровно, спокойно. Так смотрят обычно люди которые приняли очень важное для себя решение и теперь довольны тем что они поступили так, а ни-

как не иначе. По видимому он уже знал о происшедших событиях и потому пришел.

- Ваше Величество, начал он но Али-бей мило улыбнувшись заметил.

Разве вы барон не знаете что меня отстранили от власти и я уже не Султан. Пока не Султан, добавил он.

- Ваше Величество, повторил Фон Бок. Для меня Султан Египта Вы и только Вы. Я давал присягу и клятву верности Вам и только Вам. Вы и только Вы вправе вернуть их мне. Но я не сделал ни одного шага для того чтобы быть обесчещенным. Я прусский офицер. Прусский дворянин. Прусаки умеют воевать, но предавать прусаки не могут. Их этому учат мать и отец. Я явился Ваше Величество для того чтобы сказать Вам что тысяча двести курсантов моего училища собираются защищать своего Султана. Раньше они умели только храбро погибать. Теперь Ваше Величество они обучены и храбро воевать. Бог даст и Вы увидите это. В свое время я обещал Вам что сам приду к Вам и доложу когда мои ученики готовы будут воевать. Вот я это и делаю.

Они готовы. И они станут лучшей боевой единицей Вашей новой будущей армии. Я барон фон Бок отвечаю за свои слова.

У меня Ваше Величество нет уже ни родового замка ни родовых земель. У меня теперь только старая мать и моя честь. Свою честь я не отдам никому. Я присягал вам. Или я с Вами снова взлечу на гребень волны или погибну рядом с Вами. Я готов. Мои орлы собираются в дорогу. Мы берем запасы воды и продуктов на десять дней. У меня все Ваше Величество закончил он.

Наверное, правильно говорят что в этой жизни дорога каждого из нас проходит то через черную, то через белую полосу.

Так было и у Али-бея. Слова Людвига фон Бока были для него подарком Всевышнего.

В училище были пушки. В училище были ружья. Теперь у него с учетом курсантов училища была маленькая армия почти в двести тысяч воинов с пушками и ружьями. Он знал, он был уверен, что Мухамад-бей пошлет на его перехват какой-то из своих корпусов. До этого он думал только об одном. Как успеть отправить в безопасное место близких ему людей и погибнуть в бою не посрамив своей чести. Что могли сделать шестьсот его мамлюков против целого корпуса мамлюков вооруженных современным оружием.

В такой ситуации можно было надеяться только на чудо и и на милость Всевышнего. Теперь все резко изменилось. Он видел чему и как учили его мамлюков прусаки. Он был уверен что они смогут дать теперь отпор и пяти и шести тысячному корпусу который пойдет на его перехват.

Пруссак стоял и ждал его дальнейших указаний. С первого же взгляда было видно. Барон не просто доволен. Он счастлив от того что смог не посрамить своей чести. Он мог уехать. Он мог остаться в стороне. Его наняли не воевать, а обучать. Он был счастлив от того что может сказать самому себе – Людвиг! Ты остался человеком чести. Ты не посрамил имени своих предков - славных тевтонских рыцарей.

Посмотрев на него Али-бей впервые за это время заулыбался и сказал.

- Мой верный друг. Я рад что не ошибся в очередной раз. Выступаем завтра на рассвете. Ты свободен.

Пруссак ушел четко печатая шаг, а Али-бей продолжал блаженно улыбаться. Улыбался он и от того что ему приятно было подумать. Тогда полгода назад он не ошибся увидев в Людвиге фон Боке командующего своей новой регулярной армией.

Время показало что он был прав. Завтра же он назначит его командовать новой армией. В том что у него будет новая армия Али-бей теперь не сомневался.

После полудня того же дня к Фагуде прискакал нарочный от Мухамад-бея. Он почти догнал сотню Сулеймана. Так как у него было две лошади. На одной он скакал, другая бежала на легке. Так сменяя лошадей он почти догнал ушедших далеко от него мамлюков беглого сотника.

Мухамад-бей велел ему спешить. Новый Султан хорошо знал свою жену. Он прекрасно знал, что может сделать она услышав о происшедших событиях. Ему нужно было успеть объяснить ей что он ни в чем не виноват. Что он только вынужден был делать то что требовали от него обстоятельства и в первую очередь для того чтобы хоть как-то суметь помочь потом ее брату.

Фагуда собирала вещи. Брала только самое необходимое. Только то что нужно будет ребенку. Драгоценности которые подарил ей Мухамад-бей она не тронула. Они не нужны были ей. От них шел неприятный запах. Запах предателя. Золото, бриллианты

и рубины лежали горкой на столе посреди комнаты. Лежали так чтобы Мухамад-бей мог сразу увидеть их и понять значение того что они лежат именно так, именно здесь.

Нарочный увидел, что она собирает вещи, но сделал вид что ничего не понимает и начал рассказывать ей все что он видел своими глазами.

Он долго и упорно рассказывал ей о том что он свидетель того, что Мухамад-бей не имеет к происшедшим событиям никакого отношения. Он искренне говорил о том как Мухамад-бей пять или шесть раз отказывался стать Султаном. Сказав эти слова он вытащил из кармана своего халата маленький коран и поклялся на нем что он говорит правду и только правду, говорит только то что видел своими глазами. О том что у правды которую он видел была другая сторона он не знал и потому был искренен в своем желании рассказать Фагуде правду о невиновности Мухамад-бея.

Фагуда терпеливо выслушала его. Когда он закончил говорить она коротко сказала ему.

- Скачи назад и передай Мухамад-бею. Я все услышала.

- И все?.

- Да больше ничего.

- Слушаюсь моя госпожа.

- При этих его последних словах Фагуда вернула его назад и жестким тоном добавила.

- И передай Мухамад-бею. Я сестра Султана. Я всегда буду сестрой Султана, но никогда не стану женой Султана Египта.

Ты понял что я сказала.

- Да, моя госпожа отвечал посыльный.

- Тогда иди и передай все что ты услышал от меня.

С этими словами она выпроводила посыльного и продолжила собираться в дорогу.

Вскоре пришла Астанда. Вернее ее привез Умар. Они расстались у ворот ее дворца где он как и подобает на то абазину сделал строгое лицо. Умар хотел уже уехать с таким же строгим каменным лицом, но увидев слезы на ее глазах слез с лошади, растерянно посмотрел по сторонам и убедившись что никто не видит их наклонился и поцеловал ее. Астанда прижалась к нему, но в ту же секунду он оторвался от нее вскочил на лошадь и поскакал от нее как бешенный. Он и только он знал почему он сделал так. А сделал он так только потому что он боялся показать ей свои слезы.

Он никогда в жизни не плакал. Он был мужчина, но когда Астанда прижалась к нему и весь ее вид говорил ему только одно.

- Я жду тебя, обязательно вернись, он вдруг понял что у него сейчас пойдут из глаз слезы.

Он не хотел пережить такого позора когда его жена увидит его слезы. У абазин не должно было быть так. У абазин слезы на глазах мужчины это его позор.

А как потом жить с женщиной которая видела твой позор. Вот и поскакал он прочь от своего позора. А слезы все равно бежали по его лицу. Горячий ветер сдувал их, а они все бежали и бежали по его лицу. Ветер снова и снова сдувал их, а они все бежали и бежали.

Да как было им не бежать. Они прожили с Астандой меньше двух месяцев. За это время Умар хорошо понял что такое счастье. Он теперь хорошо знал что счастье приходит тогда когда ты возвращаешься домой, а тебя ждут прямо за дверью горящие радостью глаза любимой женщины. Она помогает тебе раздеться, льет на руки и на ноги теплую воду и смотрит на тебя радостным взглядом. Теперь только Аллах знал когда все это вернется в его дом и будет ли у него этот дом вообще.

К вечеру того же дня в город въехали два отставших от своих товарищей великана нубийца. Лошади под ними были усталыми. Сами всадники довольные. Они были довольны тем что все таки наконец они добрались до Каира.

В дороге все бывает, а им очень не хотелось чтобы их товарищи посчитали их предателями сбежавшими назад к Мухамад-бею.

Радостью засветились глаза их товарищей и даже самого Али-бея. Али-бей понимал, что если побежит из его лагеря хоть бы один мамлюк это начало повального бегства, а значит и признание того что правда на стороне мятежников, а не на его стороне.

Когда ночная мгла окутала улицы Каира Нафиса, Мариам, Гатиса и сопровождавшие их Астанда, Цаца и молодой мамлюк взошли на борт корабля который повез их в сторону Александрии. Перед ними была долгая дорога. Куда вела она не знал никто.

Перед самым рассветом город покинули и воины Али-бея. Впереди ехал он сам. Вслед за ним двигались сотня Сулеймана.

Вслед за Сулейманом гордо восседая на своих конях ехали нубийцы. Они были в центре внимания и гордились этим. Вслед за сотней Сулеймана ехали пятьсот мамлюков личной гвардии Султана.

Замыкала колонну пехота барона фон Бока в середине которой шел обоз с провиантом и казной. До Акки была дальняя дорога и что ждало их в этой дороге они не знали. Вслед за бароном ехал капитан Отто фон Берг . Он тоже был родом из некогда славного, а на сегодняшний день обнищавшего дворянского рода. Он как и Людвиг фон Бок намерен был до конца выполнить свой долг. Четверо капралов вместе с Умаром ехали в середине колонны. Они охраняли три повозки в которых находились казна, печати и ценные бумаги Султана. Фон Бок сам принял такое решение. Он знал своих капралов. Знал что пока они живые ни одна монета и ни одна бумага не пропадут из казны. Капралы как и их офицеры одеты в полевую форму армии Прусского короля Фридриха Великого только их головы как и у всех мамлюков были обтянуты серыми платками предохранявшими от безжалостного африканского солнца. Они медленно шли в такт движения повозок тихо напевая какие-то свои то ли народные то ли маршевые песни. Они привыкли служить чести и долгу. По другому их не учили. По другому служить они просто не умели.

В свое время командир полка барон фон Бок выделил их из общей массы солдат, увидев в них безупречных вояк и людей чести. Теперь они стараются каждым своим шагом оправдать доверие барона и доказать ему что он не ошибся сделав ставку на них, а ни на кого-нибудь другого. Колонна медленно выползла из окраин Каира и так же медленно поползла в глубь пустыни со всех сторон окружавшей город.

Звезды на небе уже погасли. Дул прохладный ветерок. Идти в такую погоду было легко и даже приятно. Дорога была дальняя – опасная. Никто не знал когда она закончится и куда она приведет каждого из них.

Не успела небольшая армия Али-бея пройти и одного фарсага как ее догнал одинокий всадник на черном коне. Это был Анвар.

Как он узнал о событиях в Каире никто не знал. Да это теперь и не играло уже никакой роли. Анвар подъехал к Али-бею и сказал.

- Когда мне было трудно ты не бросил меня в беде. Теперь настала моя очередь. С этими словами он направил своего

коня в сторону сотни Сулеймана многих из которых он знал с давней поры.

Увидев поступок Анвара Али-бей радостно заулыбался впервые за все это время. Один мамлюк не решал ничего в предстоящей войне, но все равно Али-бею стало тепло от того что рядом с ним оказался еще один человек чести и долга.

ФАГУДА

Корабль на который посадили Нафису и всех остальных беглянок был небольшой, но добротный, быстроходный и уютный. На палубе не было никого кроме капитана и трех дервишей непонятно как оказавшихся на этом судне.

Сперва Нафиса планировала занять одну каюту, Фагуда другую, Мариам и Гагиса третью. Остальные менее комфортабельные каюты должны были занять Астанда и Цаца. Отдельная каюта была предусмотрена для мамлюка Хасана сопровождавшего женщин. Однако когда все начали расходиться по своим каютам маленький Даут вцепился своими пухлыми ручонками в Нафису и устроил скандал, когда Фагуда попыталаись забрать его к себе. Малыша долго уговаривали пойти к матери, но он наотрез отказался сделать это. Растроганная привязанностью мальчика Нафиса скомандовала. Фагуда и Даут будут жить со мной.

Каюта в которую должны были вселиться они осталась свободной и после короткого совещания все единодушно решили.

- Её займет Астанда. Она была в положении и ей не мешало иметь дополнительный комфорт. Чтобы она не чувствовала себя одинокой и кто-то мог присмотреть за ней решили поселить вместе с ней Цацу. Часа через два когда расселение по каютам закончилось все собрались на палубе. Корабль был уже в открытом море. Дул легкий предрассветный ветерок с юга. Кругом было темно. Лишь блеклая луна едва освещала тусклое морское пространство вокруг корабля. В дальнем углу палубы под грудой тряпья и корабельной снасти спали дервиши. Услышав голоса женщин вышедших на палубу один из них приподнял голову и долго смотрел на них внимательным изучающим взглядом. Глаза его смотрели как-то странно. В них не было той отрешенности какая бывает

обычно у людей посвятивших свою жизнь Всевышнему и отказавшемуся от всех земных благ. На палубу вышла даже Фагуда оставив со спящим малышом Цацу. Всем давно уже было пора спать, но бурные события последних дней держали их в напряжении и заставляли раз за разом возвращаться к их обсуждению. Естественно, что разговор сразу же пошел об участниках мятежа, о ролях в этих событиях Назымбия, Фатхи-бея и особенно Мухамад-бея. Нафиса и Мариам были уже в курсе того что к Фагуде приезжал посланец последнего и что он говорил ей. И Нафиса и Мариам понимали, что на сегодняшний день события последних дней тяжелее всего переживала Фагуда. Она оказалась между двумя мужчинами которые были для нее самыми дорогими на этом свете. С одной стороны был муж - любимый мужчина и отец ее ребенка с другой стороны родной брат любовь к которому жила и росла в ней всю ее жизнь.

Стараясь хоть как-то облегчить ее душевные муки Мариам сказала.

- Сейчас трудно понять что есть что. Где истина, а где ложь. Пройдет немного времени и мы узнаем правду о всем том что произошло в Дамасске и какую роль сыграл в этих событиях Мухамад-бей.

Давайте подождем несколько дней. Когда-то время расскажет нам правду. Может быть действительно Мухамад-бей только жертва трагического стечения обстоятельств вынужденный в силу тех или иных причин принять то решение которое он принял. Может он действительно не знал ни о мятеже, ни о его исполнителях и вынужден был согласиться с мнением мятежников только для того чтобы иметь возможность облегчить участь Али-бея если обстоятельства сложатся для него не самым благоприятным образом. Сейчас можно только гадать что произошло в Дамасске и кто виноват в происшедшем. Как бы не сложились дальнейшие события я уверенна, что Али-бей найдет выход из создавшейся ситуации и мы вскоре вернемся домой. Вернемся чтобы жить той жизнью которой жили мы счастливо много лет до этого.

Мариам была оптимисткой. Оптимизм никогда не покидал ее.

Нафиса часто говорила о ней. Такие как она даже глядя на небо сплошь затянутое непроницаемыми черными тучами видят солнечные лучи которых еще нет.

Но сегодня оптимизм Мариам никто не разделял.

Все молчали погруженные в тягостные раздумья. Молчание затянулось, стало тяжелым.

Наконец Нафиса сказала.

- На сегодняшний день где правда, где ложь знает только Всевышний. Я то же хочу верить в лучшее, но странные мысли не дают мне покоя. У меня постоянное ощущение того что скоро, очень скоро произойдет что-то страшное, что-то ужасное и все мы канем в пучину бедствий. Я не могу сейчас точно сказать какова была роль Мухамад-бея во всех происшедших событиях, но я не удивлюсь если узнаю завтра что-то нехорошее о нем. Ты, Фагуда, не обижайся, я понимаю что он твой муж и отец твоего ребенка, но у меня нехорошее предчувствие. Я не верю, что Мухамад-бей сделал все так как нужно было сделать. Что-то здесь не так. Мои предчувствия редко обманывают меня. Лучше бы они сегодня обманули меня. Я буду молить Всевышнего чтобы так произошло на этот раз.

Я не могу сказать сейчас ничего конкретного, но дурные мысли и дурные предчувствия мучают меня уже не первый день.

Гатиса стояла и слушала все что говорят старшие. Она еще не до конца понимала о чем говорят они, но даже ее детский ум говорил ей что происходит что-то ужасное и непоправимое с ней и с ее отцом. Тем временем луна вышла из-за редких облаков и осветило ее лицо и громадные по детски еще удивленно рассматривающие этот мир глаза. Даже при свете тусклой луны было видно что Гатиса необыкновенно прекрасна и вырастет в скором времени в редкую красавицу.

Молча стояла и Фагуда. За все это время она не проронила еще ни единого слова. Она стояла у самого борта судна. Встречный ветер трепал ее распущенные волосы. На палубе было темно и нет было ни одного мужчины. Воспользовавшись этим Фагуда сняла с головы легкую черную шаль шелла и подставила ветру свою голову.

Волосы у Фагуды длинные, немного волнистые. В полутьме ночи не видно какого они цвета, но ощущение бегущей по ним волны остается у каждого кто смотрит на нее. Рядом с ней опершись на борт корабля стоит Астанда. Она чуть приобняла Гатису и греет девочку своим телом. У Астанды свои мысли. Она прекрасно понимает, что у Али-бея и у Умара одна судьба. Улыбнется она Али-бею улыбнется и Умару. Отвернется она от Султана отвернет-

ся и от ее мужа. Астанда твердо уверена в том, что ее Умар во всех случаях никогда не бросит Али-бея в беде. Это вселяет в нее не только гордость за своего избранника, но и страх за него. Она знает, что такие как Умар предавать и отступать не умеют. Они могут умереть, но все равно остаются самими собой.

Она гордиться Умаром, но страх потерять его сковывает все ее тело.

Сейчас ей даже трудно поверить, что совсем недавно она жила и не знала ничего об Умаре. Жила без него и могла быть счастливой когда его не было рядом.

С Умаром она впервые в своей жизни поняла что такое находиться рядом с мужчиной от которого пахнет мужеством, благородством и честностью.

На всех женщинах хорошая, но скромная одежда. Одежда не должна выдавать их. Никто вокруг не должен знать кто они. Иначе им не миновать темницы Турецкого Султана. Он будет рад такому подарку получив в заложницы самых дорогих Али-бею людей.

Попутный ветер нес корабль на всех парусах. Судно слегка зарывалось носом во встречную волну и несло свой драгоценный груз во тьму непроглядной ночи. Гатиса никак не могла понять как ведет их корабль капитан. Кругом темная ночь, а он ведет его словно кругом светло и он видит куда ему нужно плыть. Над кучкой сбившихся в пугливую стайку женщин опустилась гнетущая тишина. Каждая из них думала о своем. Каждая надеялась что завтрашний день принесет им добрые вести и они наконец с облегчением вздохнут.

В дальнем углу палубы зашевелились дервиши. Услышав их глухие голоса Фагуда быстро натянула на голову платок.

Чужой мужчина не должен видеть женщину с непокрытой головой. Даже если этот мужчина странствующий дервиш. Таковы требования корана и Фагуда старается исполнять их в силу своих возможностей.

На носу и на корме корабля светится два фонаря. Фонари тусклые и почти не освещают палубы. Они нужны только для того чтобы встречные корабли видели идущее судно и не столкнулись с ним. Женщины видят в полутьме смутные контуры матроса стоящего у руля. Рядом с ним спит второй матрос. Он находится рядом с рулевым на всякий случай. Мало ли что может произойти с ним.

На другом конце палубы видно было как из кучи корабельного такелажа приподнялся один из дервишей. Он внимательно посмотрел в темноту ночи и убедившись в чем-то снова лег спать. На небе множество звезд. Они большие, яркие. Но скоро все они исчезнут в предрассветной мгле оставив только небольшую утреннюю звезду. Ветер становился все прохладнее и прохладнее.

Гнедушая тишина все так же висела над сбившимися в тесную кучку женщинами. Всех их мучали одни и те же вопросы.

- Что произошло?
- Что будет завтра?
- Кто виноват в этом?
- Куда несет время корабль их судьбы?
- Когда вернуться они назад?
- Что будет с их родными и близкими?

В одеждах всех женщин спрятаны большие золотые монеты. На каждой по 20-25 штук. Они нужны им чтобы купить на новом месте дом, землю, домашний скот и птицу.

Деньги нужны и для того чтобы нанять прислугу которая будет ухаживать за всем этим. Ни Нафиса ни ее подруги по несчастью ничего не умели делать. Они могли быть только частью мужчин которых могли сделать счастливыми и уверенными в себе. Ветерок становился все более и более прохладным. Постояв еще немного на палубе женщины зябко поежились и направились в свои каюты.

За все это время Фагуда не проронила ни единого слова. Глаза ее были какими-то пустыми и смотрели внутрь себя. Когда женщины уходили с палубы Нафису не покидало странное ощущение того что кто-то внимательно наблюдает за ними. Она оглянулась, долго смотрела по сторонам, но так и не увидела ничего что вызвало в ней это странное ощущение.

Было предрассветное время, но спать никто не хотел. Тревога и страх перед будущим сблизили их еще больше. Чтобы не мешать чутко спящему Дауту женщины пошли в каюту к Мариам. Ее каюта была поменьше и менее комфортна, но здесь можно было говорить. Потому все здесь и собрались. Сели тесно прижавшись друг к другу и снова стали молча думать о своем. Астанду уже никто не воспринимал как служанку. Она была теперь женой знатного мамлюка – начальника охраны самого Султана и потому все обращались с ней как с равной.

Как всегда тягостную тишину нарушила Мариам. В любое время, при любых обстоятельствах она всегда верила в лучшее. Эта вера заложена была в ней с самых ранних лет. Маленькой она всегда пела и радостно смеялась за что в родном хуторе ее называли «солнышком».

В свое время и Али-бея взяла она радостным блеском вечно цветущих глаз. Даже давным давно когда плелась она с веревкой на руках по жгучей степи Малороссии в длинной, длинной колонне пленных славян Мариам не теряла надежды на лучшее. Она верила в свое будущее и оно нашло ее на пристани Каирского порта.

Верила в свое будущее Мариам и сейчас.

- Я думаю все будет хорошо, говорит она. Мне кажется скоро все узнают правду о том кто и зачем убил Сахиб-бея и тогда Мухамад-бей успокоит взбунтовавшихся мамлюков. И все станет как прежде. Не знаю почему, но мне кажется что все будет именно так, а не иначе добавляет она. Гатиса и Астанда кивают головами в знак согласия с ее словами. Нафиса и Фагуда слушают ее не перебивая ее мысли ни словами ни жестами.

- Как ты думаешь, Нафиса, все будет так как я сказала – смотрит на нее Мариам, надеясь услышать от нее что-то доброе, обнадеживающее.

Нафиса не спешит отвечать. Она как и Фагуда вся в своих мыслях. Затем после непродолжительной паузы она говорит.

- Да, Мариам. Я тоже надеюсь что все образумится и скоро люди узнают многое из того что покрыто сегодня тяжелым мраком тайны. Сейчас трудно сказать что-то конкретное. В этой жизни ничего определенного нет. Я знаю только одно. Рано или поздно всякая тайна становится явной.

Я не знаю только одного. Когда это будет и увидим ли мы этот час.

Астанда в разговор старших не вмешивается. Она хорошо помнит, что совсем недавно она была еще служанкой и потому медленно входит в роль равноправного члена общества жен и сестры Султана Египта. Гатиса прижалась к Нафисе и внимательно слушает разговор старших.

Даже она, маленькая девочка, понимает что в эти дни решается судьба всех родных ей людей. Ее огромные, бездонные глаза с надеждой смотрят на говорящих стараясь найти в их словах что-то доброе, успокаивающее для себя.

Она выжидательно смотрит на каждого кто начинает говорить. Сейчас ее глаза устремлены на Мариам. Та снова спрашивает.

- Фагуда, ты весь день и весь вечер молчишь. Сказала бы хоть что ты думаешь. Мы уже и не знаем что думать и о чем говорить когда ты все время молчишь.

Я почему-то думаю, что твой муж – она не успела продолжить дальше как услышала в ответ.

- У меня нет уже мужа. Он умер. Умер и никогда уже не воскреснет.

Все замерли услышав такие слова. Даже Нафиса привыкшая все тщательно обдумывать и взвешивать застыла не в силах ничего сказать.

Большинство женщин мира думают одно, говорят другое, делают третье.

Фагуда была одной из тех немногих кому Всевышний дал счастье думать, говорить и делать одно и тоже.

Это был редкий дар выделявший ее из многих тысяч женщин помимо красоты и ума которыми наградил ее в изобилии создатель.

Создатель во многом был щедр по отношению к ней. Это и согнуло Мухамад-бея не знавшего прежде что такое страх и робость. Теперь он знал что это такое. Теперь он боялся только Всевышнего и потери любви и доверия женщины сделавшего его поистине счастливым.

После слов Фагуды в каюте воцарилась мертвая тишина. Лишь слова Мариам прервали ее через довольно продолжительное время.

- Ты хорошо подумала, сестра моя, прежде чем сказать такие страшные слова. Ты любишь этого мужчину. Он отец твоего ребенка. Наконец перед богом он твой муж и повелитель. Лучше забери пока не поздно свои слова обратно, скажи Тоба![1] Тоба![1] И подумай еще раз прежде чем повторить их.

- Спасибо, сестра моя, отвечала Фагуда на лице которой застыла каменная маска. Я думала уже несколько дней. Я хорошо знала того кто умер для меня сегодня.

Если бы он хотел все было бы иначе. Это не тот человек который плывет по течению. Он хорошо плавает. Если он поплыл туда куда он плывет сейчас значит он хотел этого. Для меня этот вопрос решен раз и навсегда. Единственное о чем прошу я Вас.

- Когда вырастет мой сын никогда не говорите ему кто был его отец. Дайте мне слово что Вы выполните мою просьбу.

После небольшой паузы все поклялись именем Аллаха, что никто и никогда не узнает кто отец Даута. Дала такое слово даже маленькая Гатиса.

После неожиданных слов Фагуды всем стало ясно. Ждать в скором времени каких-то добрых вестей не следует.

Фагуда никогда не разбрасывалась пустыми словами[29] и если уж она сказала такие страшные слова значит все было на самом деле очень плохо.

Нафиса смотрела на нее и думала.

- Видно я была права когда говорила Али-бею. Не верю я Мухамад-бею. Не знаю почему, но не верю и все.

Через несколько дней плавания корабль причалил к турецкому берегу. Там сопровождавший их мамлюк нанял три крытых экипажа и они повезли их в сторону Трапезунда.

Дервиши сошли с корабля вместе с женщинами. Два дервиша ушли. Один остался. Он шел вслед за экипажами. За спиной у него была сума с хлебом и водой. Женщины пожалев бедолагу хотели посадить его на задки экипажа но он кивком головы отказался сделать это. С удивлением для себя Нафиса отметила что дервиш совсем молодой и у него сильное мускулистое тело. Даже тряпье прикрывавшие его не могло скрыть от ее взгляда что он совсем не похож на тех худых изможденных дервишей что покинули их в порту.

Опасения и сомнения Нафисы были не напрасны. Она почувствовала и увидела то на что не обратили внимание все остальные. Дервиш который вызвал у нее непонятные чувства был одним из двух мамлюков посланных Мухамад-беем в Каир. Один из них должен был передать Фагуде письмо. В обязанности второму мамлюку из его личной гвардии было вменено день и ночь под видом нищего или дервиша находиться возле Фагуды и Даута. Он должен был охранять их и смотреть за каждым их шагом.

За несколько дней Фагуда не увидела что за ней наблюдают. Она была отрешена от всего что происходило вокруг нее. Слишком велико было потрясение пережитое ею в эти дни.

[29] Тоба – тоба! – возглас удивления или сожаления.

Опасения Мухамад-бея были не напрасны. Он понимал, что жизнь его жены и сына с определенного времени могла подвергнуться опасности. Помимо этого Мухамад-бей предполагал что, Али-бей может попытаться тайно вывезти из Каира близких ему людей. Фагуда и Даут были одними из них. На этот случай его охранник обязан был как тень следовать за ними и охранять их от всех возможных опасностей во время побега из Каира. Ему надлежало быть все время недалеко от них и при первой же возможности сообщить Мухамад-бею о месте их нахождения.

Опасения Мухамад-бея оказались не напрасными. В те времена дороги отдаленных регионов Турции особенно в полупустынной местности кишили всевозможными большими и малыми шайками разбойников. Многие из них состояли из аскеров дезертировавших из действующей армии.

Так случилось и на этот раз.

После того как они проехали городок Кайсари дорога ушла в пустынную местность. Кругом не было ни жилья, ни воды, ни деревьев. Только голые желтоватые холмы покрытые редкой пожухлой травой. Из-за одного из таких холмов и выскочила на них шайка разбойников из пяти всадников. С бешенным криком и свистом летели они на три одиноких экипажа. Женщины смертельно перепугались. Мамлюк Хасан посланный с ними для охраны вытащил пистолет. В левой руке он держал саблю. В следующее мгновение произошло то что удивило и женщин и мамлюка. Дервиш шедший сзади них мгновенно оказался рядом с мамлюком. В его руках были так же пистолет и сабля.

По тому как спокойно среагировал «дервиш» на появление разбойников и как он держал свое оружие Хасан сразу же понял. Рядом с ним опытный воин, а не оборванец – дервиш. Они перекинулись понимающими взглядами и без слов поняли друг друга. Два выстрела из пистолетов уложили двух разбойников. После этого Хасан и «дервиш» встали спина к спине.

Еще через несколько мгновений третий разбойник выпал из седла. Двое оставшихся в живых поняли, что перед ними опытные искусные воины. Этих им не одолеть. Они отскакали на пятьдесятшестьдесят зиров и сказали.

- Отдайте тела наших людей и езжайте с миром. Хасан и «дервиш» возражать не стали, но оружие держали на готове. От таких

людей можно было ждать чего угодно. Разбойники погрузили трупы своих сообщников на лошадей и медленно поехали к холмам из-за которых выскочили они несколько минут назад. Женщины отошли от испуга и экипажи вновь двинулись в дорогу. «Дервиш» перезарядил свой пистолет и спрятав его под полу рванного халата таким же неспешным шагом двинулся вслед за ними, не выпуская из рук своей сабли.

Нафиса попросила чтобы остановили экипажи и обратившись к «дервишу» сказала.

Ты проявил мужество несколько минут назад и спас нас от больших бед. Я благодарю тебя за это. Кто б ты не был и с какой бы целью не шел за ними ты наш спаситель. Садись во третий экипаж рядом с Хасаном и езжай вместе с нами.

«Дервиш» выслушал ее слова и не сдвинулся с места.

Нафиса вновь повторила свою просьбу. Реакция «Дервиша» была такой же.

При последних словах Нафисы из второго крытого экипажа вышла Фагуда.

- Подойди ко мне, скомандовала она. Голос у нее был жесткий и суровый. «Дервиш» без слов выполнил ее приказ.

- Ты что не слышал, что сказала тебе жена Султана, Али-бея почему ты не выполнил ее волю.

«Дервиш» хотел сказать, что жена Султана не Нафиса, а она Фагуда, но вовремя вспомнил, что Фагуда сестра Али-бея и за такие слова в адрес ее брата можно лишиться головы. Подумав об этом он благорассудительно промолчал.

Тем временем Фагуда продолжала.

- Я не спрашиваю кто тебя послал к нам. Не спрашиваю с какой целью находишься ты здесь. Я хочу только знать как тебя зовут.

- Меня зовут Башар, моя госпожа отвечал «дервиш».

- Ты мамлюк.

- Да моя госпожа.

Фагуда задала этот вопрос уже зная заранее какой будет ответ.

Все поведение Башара во время нападения разбойников говорило о том что он мамлюк.

Во первых он вел себя совершенно спокойно, что говорило о том что он опытный воин. Во вторых Фагуда знала что во всем мире только мамлюки умеют биться одновременно двумя видами оружия. Их с малых лет обучали стрелять с левой руки в то время

как правая работала саблей. Это было одним из методов ведения войны выработанной мамлюками для противостояния с противником имевшим всегда явное численное превосходство над ними. Раньше когда не было огнестрельного оружия они на всем скаку стреляли из лука или метали специальные ножи. Это давало им возможность еще до начала контактного боя значительно уменьшить число своих противников.

То же самое сделали несколько минут назад Хасан и «Дервиш».

Выслушав его утвердительный ответ Фагуда все тем же жестким тоном скомандовала.

Садись в экипаж. С этого момента запомни. Все что скажет жена Султана Али-бея для тебя закон. Будешь выполнять ее команды без малейшего рассуждения. Ты понял меня, переспросила она.

- Да госпожа. Я все понял, отвечал Башар.

- Тогда выполняй. И не забудь. Когда мы прибудем в ближайший город купи себе приличную одежду. Нам этот маскарад уже не нужен, а мамлюку негоже ходить в таком виде.

Башар без слов сделал все что требовала от него Фагуда. Сел на облучок третьего экипажа рядом с Хасаном и в ближайшем городке купил себе приличную одежду.

После первых же слов Башара Фагуда поняла кто и с какой целью послал его. На лице ее долго блуждала странная задумчивая улыбка, но она была из тех женщин которые раз и навсегда отворачиваются от мужчин. Приняв такое решение они уже никогда не возвращаются к ним. Для таких женщин как Фагуда мужчина умирает только один раз. После этого они раз и навсегда забывают о нем.

Через несколько дней они прибыли в Трапезунд где их ждал специально нанятый для них корабль. Он и унес их к берегам далекой солнечной Абхазии. Погода была тихой, теплой. Море ласковым и добрым. Лишь белокрылые чайки долго и тревожно кричали им что-то вслед.

АККА

Во второй половине одного из дней изнурительного перехода по пустыне дозорные отряда Али-бея увидели вдалеке небольшую группу мамлюков. Они стояли на гребне большого бар-

хана и внимательно смотрели в их сторону. Стало ясно, что это разведчики армии Мухамад-бея. Худшие опасения Али-бея о том что их постараются перехватить на подступах к Акке подтвердились.

Дозорных армии Али-бея возглавлял Сулейман. Он не стал идти на столкновение с разведчиками армии неприятеля и развернувшись поскакал назад. Сделал он это по двум причинам. Во-первых неизвестно было, что там за барханом. Не засада ли ждет их там, а во вторых в его задачу не входило искать боевого контакта с противником.

Его задача была в том чтобы выявить возможное место нахождение противника. Он это сделал. Теперь нужно было предупредить своих о том что неприятель близко.

Согласно распоряжению Али-бея всей его небольшой армией во время похода командовал Барон Фон Бок. Ему и доложил свои сведения Сулейман. Было очевидно, что неприятель тоже уже знает о их приближении и вот вот перейдет к атакующим действиям против них. Зазвенел горн. Фон Бок дал команду развернуться пехоте в боевые порядки. Обоз с казной, провиантом и боеприпасами поставили в середину строя курсантов.

Увидев поспешные действия командующего своей небольшой армии к нему подскакал Али-бей. Фон Бок доложил ему о причинах согласно которых он дал команду развернуть пехоту в боевой строй. На вопрос Султана что будут делать мамлюки и он сам Фон Бок коротко ответил

- Ваша задача стоять сзади строя и не мешать моим орлам делать свое дело. Они справятся с противником сами. Ваше дело не мешать им повторил он строгим голосом как говорит обычно учитель своему ученику. Если станет на то нужда я подам команду Умару и Сулейману. Тогда они будут знать что им делать. Половину своих слов Фон Бок говорил на плохом ломанном арабском языке которым он уже немного владел. Другую половину переводил толмач когда видел, что пруссак не находит нужных ему слов. Тем временем пушкари развернули в боевой порядок свои пушки и готовили их к стрельбе прочищая их стволы длинными шомполами. Пушки стояли за строем пехоты. Очевидно было что их выведут на боевые позиции для стрельбы прямой наводкой. Курсанты пристегнули к винтовкам штыки и встали в боевой строй. В глазах курсантов была тревога, но страха в них не было. Они ждали боя.

Около тысячи человек были разделены на пять рядов по двести пехотинцев в каждом. Двести пехотинцев под командой капитана Отто Фон Берга остались в резерве. Сам Фон Бок стоял сзади всех. Его окружали 4 капрала через которых он должен был отдавать свои команды.

Капралы тоже уже довольно сносно говорили на арабском языке и потому готовы были при необходимости точно передать указания своего командира.

К тому времени как и предложил Фон Бок на горизонте появились конники Назымбия. Их было тысяч пять-шесть. Развернувшись они неслись на строй курсантов и казалось не было силы способной остановить их. Как железная поступь смерти был слышен уже издалека топот тысяч копыт и грозный рев яростного противника.

Шестьсот мамлюков и Али-бей встали позади боевых порядков пехоты. Согласно приказу Фон Бока они не должны были участвовать в сражении и обязаны были ждать особого сигнала. Сигнал определял что нужно было делать. То ли закрыть брешь которая могла образоваться в строю вчерашних курсантов то ли преследовать противника, то ли закрывать фланги обороны. Лавина мамлюков приближалась. Уже было видно как блестят их сабли на жарком полуденном солнце. Прозвучал сигнал горна. Пехота резко ушла назад и на переднем плане остались восемь пушек. Пушкари дали залп. Ядра их пушек разметали боевые порядки наступавших. Оставшиеся в живых летели дальше.

Еще через некоторое время прогремел второй залп. На земле остались лежать более ста наступивших мамлюков. Лавина мамлюков была уже не далее как в пятистах зирах от переднего края обороны пехоты когда курсанты заняли свои места. Пушки были теперь у них за спиной. На солнце блеснула безжалостным холодом сталь тысячи штыков. По команде Фон Бока ряды обороняющихся сомкнулись и наступавшие мамлюки оказались перед стеной из сомкнутых штыков.

Передние из них врезались в ряды курсантов, но попали на штыки второго и третьего рядов. Остальные кружились перед строем никак не в силах прорвать цепкую оборону противника. Наиболее отчаянные из них подскакивали к строю, но попав на штык оставались лежать на земле. Руководил атакой Назымбий

гарцевавший на коне чуть в стороне от места основной их схватки. Увидев что лобовая атака не принесла успеха он дал команду заходить с флангов.

Выполняя его команду несколько сот мамлюков поскакали вправо и влево от строя намереваясь ударить во фланг обороняющихся пехотинцев. Фон Бок все это видел. Прозвучал сигнал горна и на глазах изумленных мамлюков строй курсантов моментально перестроился. Теперь он ощетинился с трех сторон. Сзади стояли мамлюки Али-бея и потому тыл строя был закрыт. Мамлюки поскакавшие на фланги получили отпор и там. На земле лежало теперь еще большее число убитых воинов из корпуса Назымбия. Самое страшное для них произошло потом. Как только они отошли от строя курсантов вслед им прозвучал залп из тысячи ружей. После этого залпа на земле осталось лежать раненными и убитыми еще более трехсот мамлюков. Корпус Назымбия нес ужасающие потери в то время как у обороняющихся не было практически никаких потерь. Али-бей с удовольствием наблюдал за тем что происходит у него на глазах. Теперь он своими глазами увидел насколько был прав он создавая армию нового типа. К радости от всего увиденного применивалось чувство невольной горечи.

Горечь вызывала у него та мысль что ему не хватило буквально два-три года спокойного правления в Египте. За это время он смог бы создать регулярную армию нового типа которая заставила бы трепетать весь Ближний Восток, а затем и саму Турцию. Всевышний не дал ему этого времени и он сожалел об этом. Сожалел он так же и о том что его новая армия уничтожала не врагов, а близких ему мамлюков которые долгие годы были рядом с ним.

Тем временем курсанты Фон Бока успели перезарядить свои ружья и дали второй еще более губительный залп по рядам мятежников.

Теперь их потери были таковы, что о дальнейшем наступлении на ряды курсантов никто не помышлял. Все беспорядочно уходили с линии огня опасаясь получить третий сокрушающий удар.

Али-бей представлял, что творится на душе Назымбия и других старых мамлюков когда они увидели, что сделали с ними молодые курсанты которых они публично высмеивали называя ряженными куклами. Тем временем на переднем плане строя Фон Бока вновь появились пушки. Они дали еще один залп по отступившим

воинам Назымбия убивая в них последние желания продолжать последующее сражение. Корпус Назымбия отступил понеся ужасные потери. По полю боя беспорядочно скакали более тысячи лошадей потерявших своих хозяев. Воины Назымбия отступили оставив на поле боя даже несколько сот раненных своих товарищей. Али-бей дал команду поймать всех лошадей, убитых мамлюков похоронить, раненным оказать помощь. Раненных было несколько сотен и он полагал, что когда они выздоровят и узнают правду то все станут под его знамена. Расчет у него оказался верным. Все впоследствии так и вышло. Тем временем воины Назымбия отойдя на безопасное расстояние потрясали оттуда саблями в бессильной ярости.

Они никак не могли поверить, что небольшая, невзрачная черепашка которую соорудила тысяча почти безусых юнцов могла одолеть шести тысячный корпус отборных мамлюков, потрясавших своей доблестью весь Ближний Восток.

Тем временем Фон Бок построил своих курсантов.

Проходя по ряду он давал жесткие команды.

- Ружья зарядить и держать готовыми к бою. Пушки так же зарядить. Расчетам от пушек не отходить. Пушки везти так чтобы они могли быть в любую минуту развернуты для боевой стрельбы.

После всего этого он подошел к Али-бею который молча наблюдал за всем происходящим вокруг и доложил, что колонна готова двигаться дальше и ждет его команды.

Фон Бок был опытным воином. Он знал, вернее даже был уверен, что противник попытается повторить свой удар используя элемент неожиданности хотя у него были ужасные потери в то время как у отряда Али-бея потерь практически не было.

Всего два десятка убитых и человек пятьдесят легко раненных. Это был наглядный урок того что могут противоставить искусству самых лучших воинов единоборцев мира дисциплина и выучка современных войск.

Через несколько минут получив на то соизволение Султана колонна двинулась в дальнейший путь.

Воины Назымбия держались вдалеке на безопасном для них расстоянии. Потом они неожиданно исчезли.

Фон бок сразу же оценил их маневр. Он дал команду. Внимательно смотреть в обе стороны, а также назад. Мамлюки могли

ударить с флангов, а так же в тыл колонны. Так оно и вышло. Не прошло и двух часов как мамлюки хлынули на них справа и слева одновременно. За тем третий отряд появился откуда-то сзади них. В лоб пошла четвертая колонна. И снова все повторилось как тогда когда Али-бей наблюдал за учебным боем. Горнист дал сигнал.

Пехотинцы моментально перестроились в каре с каждой стороны которой выкатились на передний план по четыре пушки. Обоз, мамлюки и Али-бей оказались внутри боевого квадрата. Фон Бок словно не видел их. Он дал команду. Пушки со всех сторон выстрелили почти одновременно вновь нанеся противнику тяжелый урон. После этого пушки и пушкари вновь оказались внутри боевого квадрата. Курсанты подняли ружья и когда всадники были в ста-стапятидесяти зарах от них дали залп из всех оружей. Множество мамлюков попадало со своих лошадей.

После этого курсанты сомкнули строй и встретили штыками лавину всадников.

На этот раз некоторым мамлюкам удалось преодолеть пять шеренг курсантов и они оказались в центре квадрата. Было их человек 70-80. Воины Умара давно ждали своего часа. Они налетели на врага и начали крушить его. Больше желающих пробиться сквозь строй курсантов не было. Воины Назымбия окончательно поняли что им курсантов не одолеть. Оставшиеся в живых мамлюки откатились от стены штыков и ускакали боясь получить залп вслед себе. Так оно и произошло. Прозвучал новый залп и еще несколько десятков мамлюков упали со своих лошадей. Больше о нападении на отряд Али-бея они не помышляли. Трепка которую задали им молодые мамлюки пошла им в прок. Ночью Фон Бок выставил боевое охранение. От лагеря ушли во все стороны несколько отрядов из охраны Султана. Вместе с ними ушел и Умар. Они должны были в случае чего предупредить выстрелами о приближении противника. Но противник этой ночью не появился. Не появился он и на следующий день.

Как стало ясно, несколько позднее изрядно поредевший корпус Назымбия ушел в направлении Каира где должен был соединиться со всей остальной армией мятежных мамлюков.

Через день отряд Али-бея вошел в Акку.

Шейх Дагир радушно встретил Султана и сопровождавших его лиц. Он уже знал о событиях происшедших в Дамасске. Знал и об

итогах сражения происшедшего недалеко от города. У пустыни большие уши и большие глаза. Они слышат и видят все. Знал он так же чем грозит ему и городу его гостеприимство, но все равно принял своего старого друга без малейших сомнений и вопросов. Шейх сразу же понял кто организовал этот мятеж так как прекрасно знал, что Сахиб-бей был одним из самых близких людей Али-бею. Он понимал так же что турки не оставят в покое Али-бея. Знал он что рано или поздно они придут за ним сюда в Акку и тогда ему и его народу грозят большие беды. Все это он знал, но знал и другое. Если друг в беде нужно ему помогать. Он сам перестал бы себя уважать если бы не сделал так как он сделал.

Шейха приятно удивило то что с Али-беем было не пятьсот его охранников как он предполагал ранее, а почти две тысячи воинов.

Учитывая, что у него самого было более шести тысяч человек уже набиралось почти девять тысяч воинов. А это была уже сила способная оказать серьезное сопротивление находясь за крепостными стенами. Еще больше поднялось у него настроение когда он узнал подробности битвы в которой отряд Фон Бока один без посторонней помощи разгромил корпус Назымбия в пять раз превосходивший его по численности.

Еще больший оптимизм придало ему наличие в отряде Али-бея большого количества пушек и современных ружей.

По-видимому в Акке уже готовились к приходу отряда Али-бея. Не прошло и часа как все мамлюки и курсанты училища были размещены. Им дали довольно сносное жилье и неплохие условия для жизни. Рядом была баня, а также большая площадь где они могли заниматься военной подготовкой.

Фон Боку и пяти сопровождавшим его пруссакам дали отдельный дом недалеко от его учеников. Барон ходил по городу важный и напыщенный. Даже немного смешно было видеть его в таком виде. Он был счастлив от того что сумел показать Али-бею товар лицом и не скрывал этого. Вчера для него решалось все. Или он докажет всем и себе в первую очередь, что он не даром полтора года ел хлеб Султана и получал от него очень даже солидное жалование или умрет вместе со своими учениками. Он молился Иисусу Христу и деве Марии чтобы они помогли ему и его матери. Они его услышали и помогли ему.

У старой матери Барона никого не было на этом свете кроме него. На деньги которые он прислал ей она через год она закрыла все долги оставленные ей ее покойным мужем. На то что он прислал ей потом она смогла уже кое что купить и быть снова уважаемой баронессой, а не нищенкой.

Фон Бок действительно был горд тем что сделали сегодня его ученики. Не даром он день и ночь гонял их по 10-12 часов в сутки каждый день без устали отдавая им все что он умел и знал. Теперь он видел что его труд не пропал даром. Семена которые сеял он попали в благодатную почву. Не один его воин не дрогнул во время боя. Ни один из них не допустил ни одной ошибки. Они делали все так как он учил их.

После того что он увидел во время сражения он был уверен что из этих ребят можно было сделать ударный полк который украсил бы любую армию мира и даже Армию Фридриха Великого Как можно было не гордиться этим. Этим можно и нужно было гордиться и он гордился. Гордился заслуженно хотя и не совсем так как делали это здесь в Египте.

В казарме где разместили молодых мамлюков царили всеобщее оживление и ажиотаж. Прошла уже половина суток после того как закончился первый бой в их жизни, а они все еще были там на поле боя в гуще сражения который давно уже завершился. Вчерашние курсанты хорошо помнили как еще там в Каире старые мамлюки называли их ряженными попугаями которые разлетятся во все стороны как только они услышат первые звуки выстрелов.

Они не раз слышали как те говорили. Мы с удовольствием посмотрим как полетят с них перья в первом же бою. Будем собирать эти перья и вытирать ими сопливые носы этим засранцам. Всё получилось с точностью на оборот. Перья полетели со старых вояк участвовавших до этого в десятках сражений. Все курсанты были ещё юношами по 18-20 лет. Это был первый бой в их жизни. Можно было понять тот восторг который испытывали они. Непобедимые до сей поры мамлюки были повержены. И повержены они были ни кем нибудь, а ими молодыми еще необстрелянными в бою курсантами.

Они со смехом вспоминали то время когда они собирались перерезать ночью по одному прусских капралов которые как полагали они издевались над ними по сто раз в день заставляя делать их одни те же упражнения и всякие перестроения. Тогда звук

горна вызывал у них чувство озлобления. Они готовы были перерезать горло не только у капралов, но и у горниста. Сдерживало их только имя Али-бея который сказал им.

- Слушайтесь своих командиров как слушались бы меня.

Терпите всё и вы станете первыми воинами новой непобедимой армии мамлюков. И они терпели. Терпели даже тогда когда капралы били их палками и грязно матерились на арабском языке. Наверное, так устроен мир мужчин на этом свете что одними из первых слов, которые узнают они в новом для них языке, становятся слова ругательные и матерные.

Тогда они готовы были каждую минуту вцепиться в горло вечно недовольным капралам. Теперь у всех было всеобщее желание пойти к ним и поцеловать руки спесивым пруссакам которые сделали их настоящими бойцами. Бойцами которые спустили шкуру со старых матерых мамлюков не знавших до сих пор себе равных в бою.

Раненных мамлюков отвели в отдельное здание. Им промыли раны. Перевязали их. Дали постель и уложили залечивать раны. Было их около трёхсот человек. Всем им вернули оружие и коней и передали слова Али-бея.

- Вы вправе делать так как Вы считаете нужным. Единственная моя просьба. Уйдете ли Вы назад к Мухамад-бею или останетесь здесь знайте. Я Сахиб-бея не убивал. Его убили мои враги, что бы столкнуть меня с Вами.

Через несколько часов к ним пришел сам Али-бей в сопровождении Умара. Он поклялся на коране что не имеет никакого отношения к убийству Сахиб-бея и скорбит о его смерти больше всех. Мамлюки ему поверили. Они даже начали вспоминать что трупы убийц которые якобы были настигнуты и убиты в одном из переулков Дамасска были совсем не свежие. У них были уже синюшные пятна на лице. Тогда в обстановке всеобщего ажиотажа и возмущения они не обратили особого на то внимания, и теперь с сожалением вспоминали об этом.

Услышав слова Али-бея и вспомнив как произошло убийство Сахиб-бея абсолютное большинство раненных выразили желание остаться с Султаном. Лишь трое из них сказали, что их братья остались в лагере Мухамад-бея и потому они не могут остаться с Али-беем. Султан противиться их решению не стал и приказал отдать

им оружие, коней и провиант в дорогу как только они выздоровят и будут готовы идти в дальнейший путь. Немного поразмыслив он пришел к выводу, что ему даже выгодно то что маленькая часть мамлюков уйдет в Каир. Придя в лагерь Мухамад-бея они волей неволей расскажут всем что они услышали и узнали. А рассказав то что они узнали здесь они посеят семена сомнений в головах тех кто еще верит в то что Сахиб-бея убили по приказу Султана.

С мамлюков взяли клятву, что они не будут воевать против Али-бея и они через несколько дней уехали на своих лошадях в направлении Каира.

Али-бей и шейх Дагир долго обсуждали создавшуюся ситуацию. Вскоре они пригласили на свое совещание Фон Бока, Сулеймана, Умара и главнокомандующего войсками шейха Дагира Лятифа. Хотелось чтобы и они высказали свое мнение и свои предложения. Пока они были на совещании помощник шейха принес радостную весть.

В Акку прибыл Аль-Харун и вместе с ним триста бедуинов. Теперь у Али-бея и шейха Дагира было более девяти с половиной тысяч воинов. Если бы к ним присоединился еще корпус Апстха то соотношение сил между армиями Али-бея и Мухамад-бея могло резко измениться, но Апстха был далеко и неизвестно было дошел до него гонец Али-бея или сгинул в бескрайних равнинах Верхнего Нила.

Али-бей распорядился чтобы Аль-Харуна пригласили на совещание. Он только что прибыл из Египта и мог рассказать им много интересного. Вскоре в кабинет шейха зашел сам Аль-Харун.

Шейх Дагир и его главнокомандующий много слышали о знаменитом воине пустыне Аль-Харуне, но никогда его не видели.

Войдя в кабинет Аль-Харун в первую очередь поприветствовал его хозяина, затем обошел по кругу приветствуя всех остальных. Последним он подошел к Али-бею. Братья обнялись и долго держали друг друга в крепких объятиях. Аль-Харун ни слова не сказал о том почему он пришел и что собираются они делать дальше. Али-бей его ни о чем не спрашивал. Какую роль могли сыграть слова когда два воина и без слов знали все что могли они сказать друг другу. Один брат попал в беду. Другой встал рядом с ним как и подобает любому мужчине который уважает себя и не хочет чтобы он сам потерял уважение к себе. Так и стояли они обнявшись и без лишних слов понимая все что они хотят сказать друг другу.

Конечно, в положении Али-бея триста воинов то же была большая помощь, но для Али-бея было главным совсем другое. Брат стоял рядом. Брат не бросил его в беде. В положении когда его предал один из самых близких ему людей Мухамад-бей ему было очень важно увидеть и понять что не все отвернулись от него. Не все предали его, а это значило что он еще жив и может еще бороться и за себя и за свои идеи.

Поступки Фон Бока и Аль-Харуна укрепили его веру в то что есть еще рядом с ним люди которым можно верить. Люди которые как и он верны слову и долгу. А если человек не один ему всегда легче и жить и бороться. Вера в людей укрепляет человека. В первые часы после того как он узнал о мятеже он ждал. Все время ждал кто следующий предаст его. Но его больше никто не предал. Ни Нафиса, ни Мариам, ни Фагуда никто другой. Если бы тогда в первые часы он не почувствовал бы поддержку и понимание всех этих людей он мог сломаться и прекратить всякое сопротивление пустив все на круги своя. Поддержка близких ему женщин, Умара, Фон Бока, шейха Дагира, а затем и Аль-Харуна вдохновили его. Теперь он был готов бороться. Бороться всеми доступными ему способами.

Еще большую радость доставил ему через несколько дней Салман-медведь. Он прибыл в Акку в сопровождении пятисот курдов.

Прибыл спокойно, без пышных слов. Прибыл словно он обязан был прибыть и не имел никакого другого права. Он никуда не спешил.

Спокойно узнал у коменданта Акки где будут размещены его воины.

Получив места для своего отряда он разместил их и лег спать. Его могучий храп слышала вся округа. Спал он до самого вечера. Дорога была долгая и он изрядно утомился на жаре. Это было совершенно естественно. В горах где он жил было всегда прохладно. А здесь в пустыне было жарко как в центре тандыра, что горел посреди его двора в далеком Курдистане.

Али-бей узнав о прибытии Салмана-медведя несказанно обрадовался этой новости. Она еще раз убедила его в том, что на этом свете не все так плохо если рядом с тобой становятся твои друзья в тот час когда тебе плохо. От этой мысли ему стало и теплее и комфортнее.

Он подождал некоторое время пока Салман-медведь навестит его, но так и не дождавшись этого направился к нему сам. Поехал он к нему в сопровождении Умара и трех других охранников. Когда он зашел в комнату где разместился курд Салман-медведь спал. Об этом можно было догадаться еще задолго до того как он и Умар вошли в комнату. Его могучий храп сотрясал все здание. Когда они вошли в комнату Салман проснулся практически мгновенно. Это несказанно удивило Али-бея. Такой могучий храп и такой чуткий сон совсем не вязались друг к другу.

Увидев Султана Салман-медведь радостно заулыбался встал с постели на которой он лежал в верхней одежде и обнял его.

На вопрос Султана как прибыл он курд ответил кратко.

- Повелитель. Когда я узнал о предательстве Мухамад-бея я сразу со своими воинами направился сюда известив об этом Фазыл-бека и Агабека.

Они одобрили мое решение. Но если бы они и не одобрили его я бы все равно пришел к тебе. А как мне быть. У меня не было другого выбора. Если брат моего брата, а значит и мой брат попал в беду я должен был встать рядом с ним. Вот я и встал рядом. Со мной пятьсот моих соплеменников. Они храбрые воины и думаю они не опозорят твое знамя и мое имя.

По-видимому он еще не знал, что его побратим Аль-Харун тоже здесь в Акке. В этот день Аль-Харуна в городе не было. Он вместе с Щукяром и Кязимом уехали в пустыню чтобы разведать что творится вокруг Акки и как местное население относится к приезду Али-бея и его воинов. Аль-Харун был араб и потому ему легче было говорить со своими соплеменниками которые испытывали к нему гораздо больше сочувствия чем к мамлюкам.

Узнав о том, что Аль-Харун тоже прибыл в Акку Салман-медведь заметно повеселел.

- Ты знаешь Султан, весело сказал он. Теперь тебе придется решать кто из твоих братьев лучший воин.

В первом же бою ты увидишь это и я сделаю все чтобы ты показал пальцем на меня. Говоря эти слова Салман-медведь радостно улыбался. Он был уверен что в бою он сразит больше врагов чем его брат. Наверное в каждом настоящем мужчине всегда живет и никогда не забывает напомнить о себе дух первенства. Салман-медведь не был исключением. Он искренне любил Аль-

Харуна, но доказать и ему и себе что он лучший воин он все равно хотел.

Повелитель, я здесь, я буду сражаться за тебя сколько могу, а теперь если можно не мешай мне. Эта проклятая пустыня выжгла все мои внутренности и обожгла мою голову. Если я не высплюсь сейчас у тебя будет брат придурок. Дай лучше мне поспать. С этими словами и радостной улыбкой Салман обнял Али-бея давая ему понять что их встреча закончилась.

Али-бей ехал назад и тоже радостно улыбался. Все-таки он был везунчик. Всевышний всегда дарил ему удачу. Подарил он ему ее и на этот раз. Разве неудачей было то что рядом с ним оказались в самую трудную минуту его жизни люди чести. Такие как Умар, Сулейман, Аль-Харун, Фон Бок, шейх Дагир и наконец Салман-медведь. Да, во истину он был удачником и удача никогда надолго не отворачивалась от него. Он часто вспоминал старца Хашима и его слова. Особенно те что касались удачи. Как то он сказал ему.

-Таким как ты удача улыбается всегда. Но день когда она отвернется от тебя может стать для тебя последним. Такие как ты жить без удачи не могут.

Когда придет тот день и когда удача совсем отвернется от него Али-бей не знал и знать не хотел. Он твердо знал, что этот день еще не наступил. Удача пока улыбалась ему и он верил что она еще долго будет делать так.

Так оно пока и было. Через неделю к нему прибыл правитель одной из Южных провинций Саид-бей. Он привел с собой пять тысяч воинов. С учетом того что к ним за это время присоединилось несколько отрядов мамлюков у Али-бея и шейха Дагира было под рукой уже войско в шестнадцать тысяч человек.

Ситуация менялась.

Теперь они сами могли начинать активные действия не дожидаясь того, что предпримут Мухамад-бей и его сторонники.

Между тем события развивались стремительно. Соотношение сил постепенно менялось. Если раньше под рукой у Али-бея было всего пятьсот охранников вооруженных только саблями и кинжалами то теперь он имел значительную армию преданных ему воинов. Преданных потому что он никого не звал и пришли к нему только те кто желал быть рядом с ним в трудную минуту. Ждать от таких предательства было крайне трудно. Так что в этом

отношении ему было гораздо проще. Еще больше подняло ему настроение возвращение через месяц в его лагерь трех мамлюков которых отпустил он после сражения с Назымбием. Пришли они назад не одни. С ними пришли еще человек двадцать мамлюков в том числе и их братья ради которых и ушли они в свое время в Каир. Этот факт говорил о многом и в первую очередь о том, что многие люди в войске Мухамад-бея начали понимать что их обманули.

Сражение с корпусом Назымбия в корне изменило мышление мамлюков. Они своими глазами увидели то что никак не мог объяснить им до этого никакими словами Али-бей. Раньше в понятии мамлюков пехота была массой беспорядочно бегущих в атаку черномазых туземцев вооруженных копьями и саблями. Они врезались в их строй и рубили их как кусты хлопка. Теперь они увидели совершенно другую пехоту. Грозную как скала до которой можно доскакать, но разрубить которую нет возможности. После этого сражения изменилось понимание роли пехоты и у Умара который был ярым сторонником кавалерии и только кавалерии. Уже на следующий день по прибытии отряда Али-бея в Акку он пришел к Султану и сказал.

- Повелитель, если ты позволишь я скажу тебе то что думают мамлюки твоей охраны.

- Говори ответил Али-бей.

- Повелитель, дело в том что они хотят попасть в команду Фон Бока. Они так и говорят. Когда мы победим Мухамад-бея мы снова вернемся в охрану Султана если конечно, он возьмет нас обратно. А сейчас мы не хотим стоять и наблюдать как воюют эти юнцы. Мы и сами так сможем.

Али-бею его слова понравились. Значит люди поняли что такое современная армия, но все равно он спросил.

- А знают ли они что для того чтобы они стали такими же воинами как ученики Фон Бока им придется каждый день по 10-12 часов трудиться в поте лица. Это только со стороны кажется, что все так легко и просто. А на самом деле это результат долгих изнурительных занятий. Когда и матерят тебя и палками бьют. Я видел сам как эти пруссаки-капралы выбивают дурь из нашей молодежи. Зато каких воинов подготовили они. Я не против того, что хотят твои воины. Ты только спроси их выдержат ли они то к

чему уже привыкли молодые мамлюки. У них в училище встают с первыми петухами, а ложатся спать когда уже и солнце давно уснуло за горами.

Если они знают все это и готовы работать как все остальные я не против. Оставь в своем распоряжении человек двадцать, а остальных отдай Фон Боку.

Так Умар и поступил, но через день к Али-бею пришел уже Сулейман. Он так и сказал.

- Повелитель, а чем мы хуже мамлюков Умара. Мы тоже хотим обучиться воинскому искусству пруссаков. Только с одним условием добавил он, чтобы нам разрешили оставить лошадей и мы могли бы в случае надобности сесть на них и рубиться как и прежде.

Вслед за ним то же самое захотели и те триста мамлюков которые оправились от ран. Теперь под рукой Фон Бока и его беспощадных капралов было около двух тысяч мамлюков. Они с раннего утра и до позднего вечера натаскивали новых и старых курсантов. Иногда посмотреть как обучают его воинов приходил и сам Али-бей. Теперь он был уверен, что его курсанты выдержат напор и десяти тысяч всадников. Одна была беда. Почти у тысячи курсантов не было винтовок с штыками. Пруссаки что-то мастерили на подобие этого, но все равно это было не то.

Через месяц после прибытия Али-бея в Акку к нему пришел граф Плещеев. Одет он был как и прежде в одежду греческого купца.

Али-бей сразу же понял. Россия внимательно следит за событиями в Египте и только тогда когда они убедились в том, что партия Али-бея которая возможно пополнится вскоре корпусом Апстха может взять верх в борьбе за власть она прислала своего представителя. Знал граф и о сражении отряда Али-бея с корпусом Назымбия и о том какое жестокое поражение нанесли им воины Султана.

Граф рассказал о некоторых деталях заговора которые стали известны Российской стороне. Рассказал ему о роли Сефар-Паши, Эреджеба, Мухамад-бея и его подручных.

В конце беседы он сказал.

- Моя императрица передала тебе повелитель Египта, что она по прежнему готова выполнить условия наших договоренностей

вплоть до организации твоего похода в Абхазию и воссоздания царства Абаза.

Мне велено передать Вам, что если Вы по прежнему готовы к выполнению своих союзнических условий то мы готовы в свою очередь доставить в Акку еще 20 пушек и полторы тысячи хороших ружей, а так же необходимое количество боеприпасов к ним.

Мы знаем что сейчас у Вас примерно 15-17 тысяч человек. У Мухамад-бея в два раза больше. Поэтому мы можем за счет казны Российской империи нанять Вам еще три тысячи генуэзских пехотинцев.

Генуэзские пехотинцы одни из лучших в Европе. Их наймут в Кафе и доставят к тебе тогда когда ты пойдешь на Каир. Плещеев не скрывал от Али-бея, что Петербургу именно он нужен в роли Султана Египта, а в дальнейшем возможно и в роли руководителя государства на берегу Черного моря которое станет союзником России и ее плацдармом для завоевания ею необходимых жизненных пространств в Закавказье и дальше.

На этом они и порешили. В этот же день Плещеев уехал. Еще недели через четыре в Акку прибыли и пушки и ружья. Теперь армия Али-бея имела достаточное количество оружии для того что бы вести активные наступательные действия. Началось обучение новых команд пушкарей и новобранцев Фон Бока методам и приемам ведения штыкового боя. Армия усиленно готовилась к новой войне. Она должна была начаться в ближайшее время. Какой будет она никто еще не знал.

Из Каира поступали скудные сведения. Знали только то что Мухамад-бей отказался от титула Султана Египта и вновь признал зависимость Египта от Турецкой империи. Теперь он был в звании шейха аль Баледа то есть гражданского правителя одного из пашалыков в Турецкой империи. В то же время при дворе его называли по прежнему Султаном и он этому особо не противился. Теперь Али-бею предстояло не только заново завоевать Каир, но и завоевывать заново независимость Египта. Это была тяжелая задача, но Али-бей готов был биться за ее выполнение.

ТРИ ПЛАТКА

Сразу же после скандала затеянного Гочей-пехлеваном Кация, Бухути и начальник кабардинской сотни Ибрагим Коголкин заперлись в кабинете Владетельного князя. Кация относится к Каголкину как к своему человеку. Ибрагим принадлежал к знатному дворянскому роду из Кабарды, имеел хорошее имя на Северном Кавказе и тесные связи с Владетельным князем своего народа.

Все это давало ему право чувствовать себя на равных при дворе любого монаршьего дома на Кавказе.

После короткого вступительного слова Кация в двух словах обрисовал создавшуюся обстановку. Если прольется кровь кого-нибудь из абхазов через несколько дней начнется война. Это то чего добивается Соломон I. У Зураба Чачба под рукой почти двадцать тысяч хорошо вооруженных воинов. Он имеет более 500 военных галер. Они легко могут перебросить войско Зураба на территорию Мигрелии по морю минуя Ингурский заградительный барьер. Первым делом Зураб займет нашу крепость Анаклию и станет хозяином положения на обоих берегах Ингура продолжал свою мысль Кация.

Как только мы отвлечем свои силы на войну с абхазами Соломон займет Лечхуми и всю прилегающую округу, что и является конечной целью всего дела затеянного им. Вслед за этим в Зугдиди явятся турки. Их вассал Годуахалцихский паша давно уже смотрит в нашу сторону жадными глазами. Турки доставят его войска прямо к нашему побережью. Нам нельзя этого допустить.

Ты Ибрагим, обратился Кация к Каголкину сейчас же организуй охрану домов где остановились абхазы. Поставь вокруг каждого дома по десять своих молодцов и дай команду стрелять в каждого кто придет туда с оружием в руках.

Обрати особое внимание на дома где живут Бата и Епископ.

Бухути и Ибрагим молча слушали Владетельного князя. Они и сами знали уже особенности создавшейся ситуации, понимали кто ее создал и чем все это может закончится..

- Григол рвался к власти. Он готов был любой ценой завоевать трон Владетельного князя. У него было более двух тысяч хорошо вооруженных воинов готовых по первой же его команде ринуться

на Зугдиди. Было совершенно очевидно, что как только Кация отвлечет свои силы на борьбу с Зурабом и Соломоном они ударят ему в спину. Было очевидно так же, что Григол отдаст Соломону Лечхуми в обмен на трон. В этом можно было не сомневаться. Он и туркам будет платить дань лижбы они признали его право на престол Владетельного князя Мигрелии. Нужно было что-то предпринимать. Посоветовавшись некоторое время они решили пригласить на совещание и Беслана Гечба. Сделано это было только из того соображения, что он является откровенным сторонником мира между Абхазией и Мигрелией. Беслан приехал немедля и без лишних слов поддержал их планы сразу же заявив.

- Кация! Я прекрасно вижу что ты хочешь мира. Но к сожалению не все в этом мире делается так как хотим того мы. Я думаю и ты и я должны сделать все чтобы не допустить кровопролития. Скажи мне что я должен делать чтобы помочь тебе и себе в этом нелегком деле.

После таких откровенных слов Абхазского князя Кация и Беслан без лишних слов наметили план дальнейших действий.

Весь вечер и тот и другой искали пути улаживания конфликта. Они договорились, что Гечба переговорит с Абхазской стороной, а Кация попробует воздействовать на Гочу-пехлевана и его союзников. Задача Гечба была намного проще. Никто из абхазов не горел желанием участвовать в конфликте. Все помнили напутственные слова Зураба Чачба.

- Постарайтесь не реагировать на любые возможные провокации. Мир нужен не мне и Кация, а народам Абхазии и Мигрелии. От Вас будет зависеть – установится ли мир на земле Абхазии или она утонет в своей крови или даже в крови своих врагов. Нам не нужна ничья кровь. Помните это и будьте осторожны.

Когда Беслан и Бухути пришли в комнату Баты там уже сидели Анзар Лоо, Мамата, Зиза и Быда. Они обсуждали сегодняшние события. Бата сидел в самом углу и правил оселком свою саблю. Он грозно хмурил брови и смотрел недовольным взглядом на своих побратимов. Перед самым приходом Анзора и Бухути у них закончился жаркий спор.

В первые за многие годы их дружбы братья отказались выполнить его волю. Каждый из них считал своим долгом выйти завтра на поединок с Гочей-пехлевалом и отомстить ему за кровь отца.

Все знали, что поединок с Гочей смертельно опасен. Гоча выходил на такие поединки более двадцати раз. Еще ни одному его сопернику не удалось уйти от него живым. Во всей Малой Азии не было бойца равного по силе Гоче-пехлевану. Несмотря на это Зиза и Быда были уверены что им по силам соперничать со знаменитым богатырем.

Когда Бата сказал, что на поединок с Гочей-пехлеваном завтра выйдет он и Зиза и Быда дружно отказались выполнять его требование. Впервые за многие годы на них не подействовали слова Баты о том что он старший брат и это дает ему право делать то что он считает нужным.

В конце концов спор разрешил Анзор. Он коротко сказал.

- Я как старший по возрасту по отношению ко всем Вам повелеваю. При этом Лоо не сказал «как князь», а сказал именно «как старший по возрасту».

- Первым на поединок с Гочей-пехлеваном выйдет Бата. Он старше Вас и это его право отомстить первым за смерть человека которого он считал своим отцом. Если вдруг Анча-ду отвернется от него вторым выйдет Зиза. Если и он окажется бессильным и Всевышний не дарует ему победу настанет очередь Быды. На этом спор завершился. Бата сидел недовольный тем что братья ослушались его и крайне удивленный поведением Маматы. Мамата один сидел в другом углу комнаты с равнодушным видом будто все происходящее вокруг него не касалось его никоим образом. Решалась судьба его друзей, а он равнодушно смотрел то на дверь, то на потолок комнаты будто впервые увидел и то и другое. За все это время он не высказал ни одного слова сочувствия или предложения хоть чем-то поддержать друзей.

Удивились поведению Маматы и все остальные. Особенно Зиза и Быда. Они даже подумать не могли, что человек которого они считали самым близким своим другом проявит такое почти предательское равнодушие к их судьбе. Вопреки опасениям Анзора и Бухути абхазская сторона охотно пошла на поиск компромисса. Их желание уладить миром конфликт объяснилось не тем, что они испугались поединка с Гочей-пехлеваном.

Причина была совершенно другая. Они уже знали, что такой поединок будет в обязательном порядке.

Нужно было только подождать и затем когда сойдет на нет сегодняшняя ситуация найти Гочу и отомстить ему за кровь отца.

Они готовы были к поединку, но не хотели чтобы он состоялся сейчас и испортил все планы по сватовству Зураба Чачба и по установлению мира между Абхазией и Мигрелией. Исходя из этого Бата от имени всех сказал.

- Мы не требуем ни от кого никаких извинений. Извинения Гочи-пехлевана нам не нужны. Пусть он просто публично заберет свой вызов на поединок и перенесет его на другое время. Пусть также заберет сам женские платки которые он оставил нам на память.

Вот и все что мы и просим и требуем от него заключил свою мысль Бата.

Анзор и Зиза кивнули головами в знак согласия. На этом их разговор закончился. Мамата по прежнему безучастно сидел в своем углу не принимая никакого участия в разговоре. Его словно не было здесь. Удовлетворенные полученным результатом Беслан и Бухути отправились в резиденцию Владетельного князя желая поскорее обрадовать его хорошими новостями.

Услышав вести принесенные ими Кация заметно повеселел и повелел что бы к нему вызвали Гочу-пехлевана и Григола.

Примерно через час оба они были уже в кабинете Кация.

Помимо Кация в кабинете были Ибрагим, Беслан и Бухути.

Когда Григол и Гоча-пехлеван вошли в комнату Кация попросил Беслана повторить слова Баты.

Выслушав их Гоча-пехлеван без долгих предисловий ответил.

Абхазы оскорбили не меня, а весь твой дом, а в лице твоего дома и всю Мигрелию.

- Пусть теперь они говорят что хотят. Это их право. Я услышал их слова. Теперь пусть они услышат меня.

Я уже никогда не верну свои слова назад. Абхазы оскорбили Мигрелию – они должны ответить за это. Григол молча стоял рядом. Он только кивал головой в знак согласия со словами Гочи-пехлевана подбадривая его своими скупыми, но многозначащими жестами.

Услышав подобный ответ в разговор вступил молчавший до селе Бухути.

Он как старший по возрасту в доме Дадиани начал наставительным тоном.

- Гоча! Ты понимаешь что ты ставишь своими словами под удар мир и благополучие всей Мигрелии.

На что Гоча снова почти без раздумий отвечал.

- Честь моей Родины важнее всяких благ которые может принести, а может и не принести спорный мир с нашими извечными соперниками. Еще неизвестно какие черные мысли держит в голове Зураб Чачба предлагая нам мир и дружбу. Я не удивлюсь если он подписав сегодня с нами мирный договор завтра ударит нам в спину вместе с нашими вечными врагами турками. Я не верю абхазам. За мнимые и сомнительные условия мира и спокойствия нельзя платить честью своей Родины.

Гоча говорил высокопарно. Он был не только редким силачом и великим бойцом, но и прекрасным оратором. Голос у него громкий, трубный. Даже тогда когда он хотел сказать что-то не очень громко у человека слушающего его оставалось ощущение что на него громко громко кричали.

Тем временем Гоча продолжал.

- Князь, если нужно будет я за тебя жизнь положу, но честь моей Родины выше чем жизнь моя и даже твоя. У абхазов теперь только два выбора. Или одеть женские платки которые я им оставил или одеть саван на тело того кто выйдет завтра против меня. Я все сказал мой князь. Сперва я сделаю свое дело, а потом пусть наш народ решит – был я прав или виноват.

С этими словами он вышел из комнаты. Не дожидаясь ответа вслед за ним молча вышел и Григол. Оставшимся в комнате стало ясно.

- Григол свое дело сделал. Гоча от своих слов не отступит. Самое ужасное в этой ситуации было в том, что завтра против Гочи-пехлевана должны были выйти по очереди три побратима. Каждый из них в равной степени мог попасть под смертоносную саблю великого бойца из Мигрелии.

Складывалась ситуация когда абхазы могли увезти с собой даже не один, а сразу три трупа. Могло, конечно быть и не так. Бата и его побратимы были прекрасными бойцами, способными одолеть любого противника. Но могло быть и не так. Вероятность того что все могло быть не так была очень высокая. Удары нечеловеческой силы которые наносил своим противникам Гоча-пехлеван не выдерживал еще никто. Чаще всего он ломал пополам оружие своих противников как это было в случае с Ктытом. После этого обезоруженные противники становились его легкой добычей. В таких случаях Гоча пощады не знал.

Если бы произошло так, что абхазы приехавшие в гости увезли с собой троих покойников один из которых князь из весьма влиятельного рода война между Мигрелией и Абхазией становилась неизбежной. К этому времени Мигрелия раздираемая внутренними противоречиями противостоять внешней угрозе в лице Зураба Чачба не могла.

Внутри самого княжества у Кация II было немало врагов которые могли в самый неподходящий момент ударить ему в спину. Григол был одним из них. Он был главной угрозой для Кация, хотя бы потому что он опирался на поддержки Царя Соломона I. В случае возникновения конфликтной ситуации Соломон мог оказать Григолу открытую военную поддержку. Учитывая что у Соломона были союзнические отношения с царем Кахетии Ираклием II можно было предположить с очень высокой степенью вероятности что вместе с его войсками на помощь Григолу могли прийти и войска кахетинского царя, который был в свою очередь союзником Ираклия II.

Обсудив все эти проблемы Кация и Бухути решили что Бухути нужно еще раз сходить к своим гостям и постараться убедить их хотя бы в том чтобы бы на поединок с Гочей-пехлеваном вышел только один из них.

Остальные могли встретиться с ним и выяснить свои отношения в любое другое время но только не сейчас. Один труп можно еще как то оправдать. После этого конечно же будут резкие осложнения в взаимоотношениях между Абхазией и Мигрелией, но до открытых военных действий, дело вернее всего не дойдет. Это был тот минимум который можно было извлечь из сегодняшней ситуации.

Григол и его сообщники добились своего. Вопрос о мире и взаимопомощи между Абхазией и Мигрелией уже не стоял. Вопрос был теперь в другом. Как избежать войны которая могла нанести непоправимый ущерб обоим сторонам.

Все это и должен был довести до сведения абхазской стороны Бухути. Он должен был говорить обо всем этом откровенно, не утаивая от Лоо и Гечба ничего. В данном случае правда, пусть даже горькая была лучше и полезнее чем любые дипломатические хитрости.

Когда Бухути вернулся к Бате в его комнате сидели Зиза, Быда и молодой Дзяпш-ипа. Лицо его было серьезным как бывает только у человека принявшего очень важное для себя решение.

Дзяпш-ипа пришел сказать, что он готов четвертым после побратимов вступить в поединок с Гочей-пехлеваном. По лицу Баты и его побратимов было видно, что они довольны тем как повел себя в трудный час молодой князь в отличие от их друга мамлюка который не сказал ни слова. Маматы в комнате не было. Бухути не стал уточнять где он и почему у всех такие хмурые лица. Явно у них произошел какой-то неприятный разговор за несколько минут до его прихода. Вернее всего что он был связан с Маматой которого не было среди них. На лицах побратимов было написано ни от кого не скрываемое чувство недовольства и даже гнева. Они не сказали Бухути ни слова на эту тему, но все было видно и так. Без слов.

Бата все еще держал на коленях свою саблю машинально протирая бархатной тряпкой ее ножны.

Как и было оговорено с Кацией Бухути откровенно обрисовал побратимам создавшуюся ситуацию. Объяснил им что все что произошло сегодня произошло вопреки воле Владетельного князя и имеет только одну цель. Сорвать переговоры между Чачба и Дадиани и вывести их на дорогу которая ведет не к миру, а к войне между ними.

Бухути не пришлось долго убеждать своих гостей в правдивости своих слов. Они и сами уже поняли все, но как и он не могли уже ничего поделать чтобы изменить что-нибудь.

Они внимательно выслушали его просьбу не выходить по очереди на поединок с Гочей-пехлеваном. Бухути еще сам не знал кто выйдет на поединок против Гочи пехлевана первым. Он знал только то, что все они рвутся на поединок с ним.

Выслушав Бухути Зиза и Быда сразу же высказались против его просьбы. Они так и сказали.

- Гоча оставил нам три женских платка. Мы должны или вернуть их с почетом или одеть их на свои головы. Третьего нам не дано. Если кто-то из нас положит во имя этого свою жизнь это не страшно. Страшен позор который мы можем привести с собой в Абхазию. Все это время Бата сидел молча. Он что-то долго и тщательно обдумывал.

Затем дождавшись когда высказались до конца его братья он сказал.

- Бухути. Передай Кации что мы выполним его просьбу. Войны между Абхазией и Мигрелией из-за нас не будет. Передай ему так

же что я испытываю чувство уважения к его желанию установить наконец-таки прочный мир между нами. Передай так же ему что я испытываю так же глубокое сожаление по поводу того что наши планы потерпели сегодня провал. Но я уверен что придет время когда они рано или поздно воплотятся в жизнь и тогда мы долго будем жить рядом друг с другом как хорошие добрые соседи. Все мы ходим под одним небом. Всех нас согревает одно и то же солнце. Я никогда не забуду этого. Не забывай этого и ты.

Зиза и Быда сидели молча. Они полностью были согласны со всеми словами Баты кроме одного.

Они хмурили брови только от того что он лишил их права на завтрашний поединок.

Удовлетворенный полученным ответом Бухути ушел. На дворе была уже глубокая полночь, но он сел на коня и в сопровождении двух охранников снова поскакал к Кации. Нужно было рассказать ему об итогах переговоров с Батой и его братьями. Проезжая по дороге он увидел стоящих в тени деревьев кабардинских всадников. Ибрагим выставил их для охраны усадьбы Бухути во избежание новых провокаций со стороны Григола и его людей.

Ранним утром следующего дня делегация абхазов отъехала от усадьбы Владетельного князя. У ворот их провожали именитые граждане Мигрелии и Зугдиди. Провожали молча. Поводов для торжественных речей к сожалению не было. Почти все провожавшие поехали вслед за уезжающими. Все знали, что на окраине Зугдиди их ждет Гоча-пехлеван. Там и состоится поединок о котором уже почти сутки говорил весь Зугдиди. Одни восхищались поступком Гочи-пехлевана. Другие осуждали его понимая что кроется за всем этим. Колонну уезжающих и провожающих сопровождали пятьдесят кабардинских всадников личной охраны Кация II. Они должны были следить за соблюдением порядка во время поединка, а затем сопровождать уезжающих до самой границы с Абхазией.

Сопровождение кабардинских всадников гарантировало неприкосновенность остальных членов делегации. Дело было не в их количестве. Кабардинцев было не очень много. Вопрос был в другом.

Тот кто поднял бы свою саблю хоть на одного кабардинца из сотни Каголкина получил бы в вечные враги многочисленное кабардинское племя. Этого на Кавказе не хотел ни один правитель.

Впереди всех ехали Кация, Бухути, Гечба и Лоо. Чуть сзади них коляска Епископа. Впереди всех остальных шли лошади Баты и Дзяпш-ипа. Чуть позади них Зиза и Быда. Маматы среди них не было. Он затерялся где-то в самом конце длинной колонны всадников и нескольких колясок. Обстановка была напряженная. Почти все ехали молча. Под стать общему настроению была и погода. Небо закрыли тяжелые черные тучи. Вот вот мог хлынуть сильный проливной дождь. Бата как и все остальные ехал молча. Он весь был сосредоточен на грядущем поединке и старался до малейших мелочей предусмотреть все что мог предпринять его противник.

В душе у Баты не было страха перед смертью. Он вообще не знал, что такое страх. Покойный Ктыт учил его и своих сыновей.

- Мужчина в душу которого хоть раз заглянул страх уже не мужчина. Он как хромая лошадь. Уже никогда не сделает то что нужно. Страх в душе мужчины должен быть, добавлял он. Это страх перед позором и бесчестьем. Бата знал что Гоча тоже не знает что такое страх. В этой жизни он тоже боялся только позора и бесчестья. Бата знал так же что Гоча достойный соперник. Иметь такого противника как он было почетно, но смертельно опасно. Ни опасности, ни смерти Бата не боялся и желал только одного. Оказаться достойным того имени которое дал ему в свое время отец перед лицом друзей и врагов.

Главным для него было сейчас только одно. Отомстить или умереть.

Дзяпш-ипа ехал молча рядом с Батой. Он не хотел мешать Бате сосредоточиться на своих мыслях в которых была его жизнь или смерть, слава или позор, но готов был встать рядом с ним в трудную минуту. На всем протяжении пути всадников и коляски провожали сотни любопытных глаз. Весь Зугдади знал зачем приехали абхазы, что произошло вчера днем и какое событие произойдет сегодня на поляне прилегающей к дороге ведущей в Абхазию. Так все и было. Когда дорога сделала последний поворот и сбоку от нее остались крайние дома городка все увидели Гочу-пехлевана. Он стоял посреди дороги крепко сжимая в руках поводья лошади. Лошадь под ним была подстать ему. Большая, широкогрудая гнедая с белой звездочкой на лбу. Другая лошадь под ним просто не выдержала бы массы богатыря который один весил чуть ли ни как двое нормальных средних мужчин. Говорили что эту лошадь

привезли ему откуда-то из Англии или Франции где разводили породы больших лошадей. Справа и слева от Гочи-пехлевана стояли Григол и Леван Абашидзе. Леван приехал в Одиши из Батуми где имел большой конфликт с турками. Он жил то в Кутаиси, то в Кобулети, то в Мигрелии. Леван знатный князь.

Во всех этих местах у него были влиятельные родственники и небольшие поместья. Он никогда и ни от кого не скрывал своей симпатии к царю Имеретии Соломону I. С его легкой руки Соломона стали называть Соломон Великий. По правде сказать Соломон I это имя заслужил по праву одержав ряд внушительных побед не только над извечными врагами турками, но и над своими своевольными вассалами одним из которых был владетельный князь Мигрелии Кация II. Необходимо было так же сказать что в большинстве случаев над своими вассалами Соломон одерживал победы не с оружием в руках, а умелыми дипломатическими ходами. Он заставлял последних делать так как нужно было ему не силой оружия, а умелыми тщательно продуманными действиями.

Чаще всего своими действиями он ставил их в такое положение, что у них не оставалось никакого другого выхода кроме как идти по пути указанному умелой, но беспощадной рукой Соломона. Так было и сейчас. Его формальный поданный Кация Дадиани вынужден был прервать мирные переговоры с Абхазией вопреки своему желанию так как желал того царь Имеретии Соломон I.

Сзади Гочи-пехлевана и его друзей стояло с десяток воинов их охраны. По краям широкой поляны расположились широким полукругом человек пятьсот жителей Зугдиди. Все они пришли с раннего утра посмотреть на поединок знаменитого Гочи-пехлевана, о необыкновенной силе которого ходили всевозможные легенды. Всем им хотелось увидеть эту силу в действии. Увидеть как она все крушит, сметает и убивает.

Не доезжая метров сто до того места где стояли Гоча-пехлеван и его друзья Кация остановил свою лошадь. Вслед за ним остановились и все остальные следовавшие за ним всадники. Коляски Епископа и провожавших его духовных лиц Мигрелии съехали с дороги.

Всю дорогу Зиза и Быда ехали рядом. Стремя в стремя. Со вчерашнего дня им не давал покоя один и тот же вопрос.

- Как они не увидели сразу что под маской бравого мамлюка скрывался обыкновенный трус. Трус который бросил их в самую

тяжелую минуту. Они не собирались прятаться за его спину. Они не уступили бы ни кому свое право отомстить за смерть своего отца. Их волновало совсем другое. Если он был настоящим другом как думали они до этого то он хотя бы для виду должен был попросить или даже потребовать от них как старший по возрасту уступить ему право на проведение поединка с тем от рук которого погиб их отец. Так требовал долг чести от любого кавказца в которого с молоком матери входило это понятие. Видно в далеком Египте Мамату научили только воинскому мастерству. Было очевидно, что ничему другому там его не научили. Свое право на смертельный поединок они не уступили бы никому, но им было бы приятно осознавать что их друг готов был разделить их нелегкую ношу.

Братья приняли решение. Как только они возвращаются домой то прерывают все отношения с Маматой и прилюдно обвиняют его в трусости и непорядочности. Кавказец может простить многое, но только не предательство близкого человека. О том какие это будет иметь последствия для всех них они думать не хотели.

Все это время Мамата ехал сзади Зазы и Быды в общей массе абхазов. Он видел как говорят они. Догадывался, что разговор между ними идет только о нем, но думать об этом он не мог. Его одолевали совсем другие мысли.

Еще когда он находился в Каире он много слышал о Гоче-пехлеване служившем тогда у персидского падишаха. Говорили о том, что он обладает не человеческой силой и может одним ударом разрубить человека пополам. Ни один воин на широких просторах Малой Азии не мог устоять перед ним. Однажды корпус мамлюков под руководством Камаль-бея дошел до самых берегов Евфрата.

Было это тогда когда наместник Багдада попросил помощи у Турецкого Султана в связи с приближением большой армии персов. В то время Египет входил еще в Турецкую империю и по приказу Султана Мустафы III корпус Камаль-бея выступил на помощь правителю Багдада.

Войска персов и Турецкого Султана стояли на двух берегах великой реки. Все ждали что со дня на день произойдет генеральное сражение. У мамлюков выше денег и богатства стояла слава. Многие мамлюки жаждали ее. Мамлюки из корпуса Камаль-бея не были исключением. Они тоже жаждали славы и почета.

Согласно обычаев принятых на Востоке перед каждой битвой происходил поединок лучших бойцов двух армий. Камаль-бею пришлось долго думать кого выставить против Гочи-пехлевана. Желающих было много. Почти все они были кавказцы. Все они жаждали славы и почета.

Гоча-пехлеван был истинным богатырем, но школа единоборства мамлюков была сильнейшей за всю историю человечества. Она вобрала в себя лучшее из того, что имели в свое время знаменитые спартанцы и гладиаторы Рима, бесстрашные викинги и непобедимые крестоносцы.

Эта школа вобрала в себя и худший опыт человечества по обучению людей убивать себе подобных. В этом деле мамлюкам не было равных за всю историю человечества. Каждый мамлюк мог совершенно спокойно сражаться на равных с двумя а иногда и с тремя противниками одновременно.

Многие годы по 7-8 часов ежедневно обучали будущих мамлюков искусству владения саблей, копьем или другим оружием. К концу срока обучения каждый из них становился совершенной машиной созданной для убийства. Он был обучен таинству убивать себе подобных тщательно с учетом всех деталей и возможных нюансов любого единоборства. Мамата хорошо помнил специальные программы тренировок ведения боя с противником державшим оружие в левой руке или имевшим явное превосходство в физической силе. Для ведения эффективной борьбы с ними отрабатывались специальные приемы позволявшие сводить на нет их преимущества в силе, росте или по каким нибудь другим параметрам.

Из поколения в поколение в мамлюкской среде из уст в уста передавались легенды о победах одержанных тем или иным мамлюком над богатырями из других армий. Как наглядный тому пример молодым мамлюкам рассказывали о том как во время битвы с монголами при Ай-Джалуте сошлись в единоборстве громадный монгольский батыр и среднего телосложения мамлюк по имени Сафар. Говорили что Сафар был родом из колхидской низменности.

Монгол наносил Сафару удары страшной силы. Но Сафар умел смягчить эти удары. Иначе его сабля переломилась бы пополам от ударов такой силы. В конце концов Сафар поразил своего грозного противника показав всем как можно хорошо обученному воину победить богатыря явно превосходящего его по силе.

Кавказцы были воинами от рождения. Прекрасными воинами. Главным их оружием были бесстрашие, мужество, готовность в любой момент пожертвовать своей жизнью во имя Родины. Весь мир поражался силе их духа. Все это было так, но специальной школы обучения воинскому искусству на Кавказе не было. Бата и его побратимы были типичными кавказцами. Их нельзя было согнуть. Их можно было только убить.

Бата принявший вызов знаменитого богатыря не знал страха, но особым секретом ведения боя с противником имеющим нечеловеческую силу обучен не был. Мамата это знал как знал и то что для успешной борьбы с таким великаном и богатырем как Гоча-пахлеван мужества и качеств прекрасного или даже превосходного воина мало.

Последняя попытка Бухути примирить стороны оказалась безуспешной. Гоча-пехлеван медленно поехал на своей громадной лошади в центр поляны.

Подъехав туда он остановился и закричал.

Я жду. Пусть выйдет навстречу мне тот кто хочет в последний раз увидеть как светит солнце над его головой.

Бата приготовился выехать навстречу. Зиза и Быда стояли с двух сторон в последний раз проверяя подпруги его седла, но тут произошло то что никто из них не ожидал увидеть. Бата еще не успел тронуться с места как навстречу Гоче-пехлевану вылетел Мамата. Белый конь Маматы грациозно перебирал ногами.

Его ноздри были раздуты, глаза горели каким-то воинственным блеском словно не Мамамата, а он сам вышел на смертельный поединок.

Конь Маматы был несколько ниже коня Гочи-пехлевана, но был явно быстрее и грациознее чем большой спокойный конь-великан Европейских кровей.

Бата и его побратимы ошеломленные увиденным застыли на месте. Бата хотел ринуться вслед за Маматой чтобы занять его место, но руки Зизы и Быды твердо держали поводья его лошади.

Они поняли все. Теперь им было стыдно смотреть друг на друга. Они поняли, что Мамата повел себя вчера так только потому что он понимал. Если начнется спор кому выходить на поединок он получит отказ.

Он Ктыта не знал. Он не имел к нему никакого отношения и потому у него не было особых оснований оспаривать свое право на поединок.

Он добился своего. Теперь он стоял напротив Гочи-пехлевана и ждал сигнала начала поединка. Из общей массы всадников выехал Бухути и направился в сторону бойцов приготовившихся к единоборству. Ехал он медленно все еще надеясь, что произойдет чудо и поединка не будет. Конечно же, все его надежды были напрасны. Противники приготовились к бою и уже ничто не могло остановить их. Несколько сот зрителей затаив дыхание ждали начала поединка. Доехав до середины расстояния между Гочей-пехлеваном и Маматой и убедившись что долгожданного перемирия не будет Бухути махнул рукой. По его знаку противники подстегнули своих лошадей и полетели навстречу друг другу. С самого начала Гоча-пехлеван начал осыпать Мамату градом ужасных по своей силе ударов. Сабли многих тех кто смотрел со стороны за поединком давно сломались бы пополам от таких мощных ударов. Сабля Маматы была на вид простой и неказистой. Носил он ее в таких же простых неказистых ножнах, но была она сделана лучшими мастерами Дамасска. Ее подарили Мамате за то что он заступился в Дамасске за дочь местного ремесленника попавшую в беду.

Был он тогда командиром сотни в составе войск Камаль-бея.

В благодарность за благородный поступок, оружейные мастера города выковали ему прекрасную саблю. Она могла выдержать любой удар слегка согнуться, зазвенеть, но не сломаться.

Вот и сейчас они гнулась, звенела, но не ломалась. Одна часть людей собравшихся на поляне подбадривала Гочу-пехлевана, другая молча смотрела на Мамату раз за разом отражавшего удары своего противника. Конь Гочи-пехлевана был явно выше коня Маматы На полголовы был выше чем Мамата и сам Гоча-пехлеван. Потому он осыпал его бесчисленными ударами сверху вниз. Мамата едва успевал отражать его удары.

Особое внимание всех наблюдавших за поединком людей привлекла лошадь Маматы. Она яростно скалила зубы и было такое впечатление что через секунду другую она вцепится ими в горло лошади Гочи-пехлевана. Таковы были лошади всех мамлюков. Мамлюки как правило сами выращивали своих лошадей с малых

лет приучая их к гулу битвы и ярости сражения. Это были очень умные боевые кони. Кони чувствовавшие все что происходит с ее хозяином. Тем временем Гоча-пехлеван все так же без устали осыпал Мамату градом ударов выбивая снопы искр из его сабли.

Все понимали что так продолжаться бесконечно не будет. Рано или поздно Гоча-пехлеван добьет своего противника. Его мощное тело не знало усталости. Он бил и бил по Мамате все с той же силой как и в самом начале поединка.

Мамата был опытным воином. В своей недолгой жизни он прошел десятки больших и малых сражений.

Опыт нажитый им в этих битвах научил его руководствоваться в бою не сердцем, а холодным рассудком. Его мысль работала всегда спокойно как хорошие часы. Движения были четкими, действия продуманными до долей секунд и миллиметров. У него было сильное хорошо натренированное тело. Он умел руководить и своим телом и своей головой. Отражая бесчисленные удары противника он ждал своего часа когда затихнет первый бешенный натиск и бой перейдет в более спокойное русло. Все это было так, но даже всех этих качеств было мало чтобы противостоять громадной нечеловеческой силе Гочи-пехлевана. Он без устали наносил один удар за другим. У Маматы не было возможности нанести хотя бы один ответный удар. Он успевал только отражать редкие по силе бесчисленные удары противника.

Даже его сильные натренированные руки начинали понемногу уставать. Он чувствовал, что так бесконечно долго продолжаться не будет. Рано или поздно произойдет неминуемая развязка.

А Гоча-пехлеван все бил и бил. Бил не уставая. Мамата и все окружавшие их люди не могли понять откуда бралась эта сила которой не было ни конца ни края. Только сейчас, глядя на то как без конца и края осыпает могучими ударами своего противника Гоча-пехлеван, все поняли почему Гочу называли великим воином. Почему только при одном его имени содрогались сердца самых сильных и бесстрашных бойцов Персии, Ирака и Закавказья. Гоча был мощной, совершенной машиной созданной для убийства людей и не было до сих пор силы способной одолеть его.

Наконец наступил перелом. Видно было, что Мамата устает и вот вот наступит конец этому неравному поединку.

Так оно и произошло. Неожиданно для всех Мамата развернул лошадь и поскакал прочь от Гочи-пехлевана. Все поняли - это конец. Гоча-пехлеван остановился и не стал преследовать своего противника. Да это было бы и бесполезно. Лошадь Маматы была явно быстрее его тяжеловесного «Европейца».

Гоча-пехлеван вскинул победно руки и закричал громким голосом.

- Вот и все.

Он не успел сказать ничего более как все и он в том числе увидели как Мамата развернул свою лошадь и понесся на него.

Теперь в руках Маматы сверкали две сабли. Откуда взялась у него вторая сабля не видел никто. Видно все это время она была под полой его черкески. Только теперь все увидели что одна сабля с зазубринами была у него в правой руке, а та которой сражался он все это время была уже в левой. Мамата стремительно подлетел к Гоче-пехлевану. Тот был опытный рубака и встретил его снова ударом страшной силы. Что произошло дальше не понял сразу никто. Сабля Маматы с зазубринами встретила удар богатыря и в следующее мгновение оружие Гоги-пехлевана взлетело вверх выбитое из его рук. На солнце блеснула вторая сабля Маматы, но громкий крик Баты остановил её. Бата закричал на абазинском языке.

- Думщин! Дьятакым![30]

Сабля Маматы остановилась прямо у лица Гочи-пехлевана.

Гоча смотрел на него. Взгляды Гочи и Маматы встретились. Гоча смотрел на него прямо. Без страха или мольбы о пощаде. Он был настоящий воин. Он был настоящий мужчина. А настоящий мужчина знает, что вечных побед в этой жизни не бывает. Рано или поздно удача отворачивается от всех. И тогда становится ясно кто был кто на самом деле.

Мамата поймал этот взгляд. Настоящий воин всегда уважает достойного противника который умеет без страха смотреть в лицо своей смерти.

Мамата отпустил свою саблю и сказал.

- Великий Гоча сегодня удача отвернулась от тебя, но никто не знает, что будет завтра и от кого отвернется она в следующий раз. Я благодарен судьбе что смог быть достойным тебя на поле боя.

[30] «Не убивай. Нельзя»

И еще. Я рад что сегодня никому из нас не придется одевать на голову женские платки.

С этими словами он вытащил из кармана платки которые оставил им вчера Гоча-пехлеван и бросил их на землю.

Гоча-пехлеван молча слушал его немного склонив свою голову в знак уважения к благородству своего противника. Он благодарил Мамату не за жизнь которую он подарил ему а за те слова которые сказал он.

Всю дорогу домой Зиза и Быда стеснялись смотреть Мамате в глаза. А он спокойно рассказывал Бате что не убивать достойного противника, а постараться сделать из него друга и союзника учил его великий Али-бей. Кабардинские всадники проводили их до самого Ингура и только тогда когда убедились что Абхазы на той стороне реки выстрелили несколько раз в воздух приветствуя их. В ответ раздались такие же выстрелы. Через минуту до слуха адыгов долетели слова Зизы, немного заглушенные встречным ветром.

- Спасибо братья. Мы одной крови с Вами. До встречи!

ПОХОД НА КАИР

Корпус Камаль-бея погряз в тяжелой партизанской войне. Повстанцы племен где вождями были Бота и Зумбу потерпев несколько сокрушительных поражений в открытых сражениях перешли к тактике внезапных нападений из засад, грабежа обозов и нападения на отдельных воинов.

Камаль-бей сперва опасался, что они могут объединиться между собой и стать единой грозной тридцати тысячной силой, но вскоре понял что они быстрее заключат мир с ним чем между собой.

Здесь как и везде ненависть местных племен друг к другу была выше даже чем ненависть к захватчикам.

После первого крупного сражения где пять тысяч его мамлюков без особых проблем сломили сопротивление двадцати тысячной армии Бота больше торжествовали жители и воины племени Зумбу чем сами мамлюки.

Потом пришла и их очередь. Они считали что воины вождя Бота были недостаточно искусны и мужественны и готовы были показать им как нужно воевать с иноземцами.

Их десятитысячная армия горела желанием не столько даже победить мамлюков сколько унизить своей победой из вечных врагов и соперников из соседних многочисленных племен. Их замыслам не суждено было сбыться. Они потерпели еще более сокрушительное поражение оставив на поле сражения более шести тысяч трупов своих воинов.

Теперь ни те ни другие в открытые сражения не вступали. Изредка нападали из засад, чаще осыпали градом стрел издалека и исчезали в зарослях тростника или в чаще леса.

Они и воевать не воевали, но и уйти мамлюкам не позволяли не принимая их предложений о заключении мира и признании власти Султана Египта.

От своих соглядатаев Камаль-бей уже знал, что всему тому причиной были турецкие агенты не скупившиеся на деньги подкупая и Боту и Зуамбу одновременно. Они искусно манипулировали их вечным соперничеством стравливая их и рассказывая им как будут торжествовать их вечные соперники узнав о том, что они заключили мир. Тактика «разделяй и властвуй» действовала прекрасно и здесь.

У Камаль-бея связи с Каиром не было. Не было уже давно. Четверо гонцов которых послал он в Каир сгинули бесследно. Лишь потом мамлюки увидели как красовались на их прекрасных лошадях воины вождя Зумбу.

Поняв тщетность своих попыток установить связь с Каиром и чтобы не терять понапрасну людей Камаль-бей отказался от этой идеи.

Нужно было находить пути установления контактов с одним из вождей или использовать их вечные противоречия. Этим и занялся незамедлительно Камаль-бей.

Тем временем армия Али-бея набирала силу увеличивая количество городов отвоеванных у сторонников Мухамад-бея. Вскоре как и обещал во время их последней встречи граф Плещеев в распоряжение Али-бея прибыл и отряд из трех тысяч генуэзских пехотинцев. Они были прекрасно вооружены и обучены и потому могли стать грозной силой в борьбе с армией Мухамад-бея. Теперь можно было идти на Каир и возвращать себе трон Султана.

На совещании у Али-бея было немного людей.

В центре собравшихся важно восседал командир наемников Марчелло Бьянко. Было ему лет пятьдесят. Старый, закаленный в

боях наемник весь был покрыт шрамами от ран полученных им во многих десятках сражений. Он вообще уже желал уйти на покой как корсары разграбили и сожгли его виллу на берегу моря. Вот и пришлось ему снова искать себе работу чтобы заработать деньги на ремонт и восстановление своих поместий.

Шейх Дагир сидел рядом с Али-беем. Это его право как хозяина дома который приютил всех. В последнее время Фон Бок сдружился с Саид-беем. Теперь на всех совещаниях они сидят рядом. Фон Бок и Саид-бей уже договорились что как только Султан вернется в Каир и займет свое место барон отправит капитана Отто Фон Берга и двух каприлов к нему в провинцию. Вместе с ними прибудет и десяток молодых мамлюков которым будут присвоены офицерские звания во вновь создаваемой Египетской армии.

Все они по замыслу Саид-бея должны были начать готовить курсантов в новом училище которое планировал он открыть в своем городе. Идею эту поддержал Али-бей. Он видел что его планы на которые до поры до времени косо и с недоверием смотрели практически все его соратники наконец-таки стали понятны им и нашли их понимание. Салман-медведь как всегда сидит рядом с Аль-Харуном и Сулейманом. У них теперь своя компания. Они друг друга понимают. Особо способствовали этому несколько последних походов где их воины бились бок о бок доказывая друг другу кто из них настоящий воин.

За это время у ставленников Мухамад-бея были отвоеваны обширные территории в Сирии и в Палестине в том числе и город Дамасск. При этом многие мамлюки защищавшие их перешли на сторону Али-бея.

Вопрос на совещании был один.

Идти на Каир или нет. Если да то когда начинать поход. Главным в этом вопросе было мнение Фон Бока. Он был командующим армией. Помимо этого он и только он знал насколько подготовлены и обучены к предстоящим боям его новые курсанты.

Возможно именно поэтому никто не спешил высказываться ожидая что скажет барон. Барон даже здесь в Африке не забывает что он барон. Ведет себя важно, степенно будто находится на приеме у Фридриха Великого. Пруссаки они все такие. Пруссак везде остается пруссаком. Возможно именно поэтому Пруссия вскоре станет тем ядром вокруг которого объединятся все остальные

королевства и герцогства Германии. Склонят перед пруссаками свою гордыню даже их вечные соперники баварцы, саксонцы и померанцы.

Выждав паузу приличия Фон Бок четко доложил.

- Государь. Более тысячи твоих мамлюков которых ты доверил мне обучить за время пребывания в Акке воинскому искусству полностью готовы. Я уверен Султан что они не посрамят перед тобой и передо мной своей чести.

Мне удалось обучить их быстрее чем предыдущую партию только потому что они своими глазами увидели что такое современный бой и какие преимущества несет он. На самом деле эта группа прошла обучение более ускоренными темпами только потому что все они хотели освоить то что они увидели своими глазами и то что привело их в восторг.

В отличии от предыдущей партии молодых мамлюков никто из них злобы на свирепых капралов и их беспощадные палки не таил.

Теперь они даже с легкой иронией показывали друг другу шрамы на спине оставленные гибкими палками безжалостных капралов. Бывало даже так что после окончания очередного дня обучения ученики шли к своим учителям и весело обсуждали с ними за что они получили палкой по спине и что нужно делать следующий раз чтобы не повторить те же ошибки.

К тому времени капралы тоже уже довольно сносно говорили на арабском языке и потому общение между ними становилось более продуктивным.

Единственное о чем попросили мамлюки своих учителей. Заработал – бей но свиньей не обзывай. – Это оскорбление религиозных чувств. Бить можно. Оскорблять нельзя. Капралы быстро поняли это и больше подобных слов не употребляли тем более что и сам Фон Бок потребовал от них того же в приказном порядке.

Слова сказанные Султану Фон Боком означали только одно. Скоро будет поход на Каир. Поход которого все ждали. К тому времени у Али-бея под рукой было уже около двадцати тысяч мамлюков, бедуинов и курдов плюс три тысячи генуэзцов. Это была грозная сила и он принял решение что воины шейха Дагира будут выполнять в походе только вспомогательные функции. Согласно его планам они должны были охранять обозы, обеспечивать безопасное прохождение армии по пустыне и тому подобное.

Такое решение Али-бей принял исходя из следующих соображений. Войны шейха Дагира были больше на верблюжьем ходу. У них был другой уровень подготовки, а армия должна быть единой по скорости движения и по воинской выучке. Эту мысль подсказал ему Фон Бок который считал что в данной ситуации больше будет пользы если воины шейха будут в глубоком резерве. В целом его мысль была верная. Он прямо так и заявил. Если мне доверено руководить армией и генеральным сражением то я должен быть уверенным в каждом своем солдате. Если кто-то из них не выдержит напряжения боя то или откроются фланги или образуется брешь, а это поражение. Лучше воинов будет меньше, но они будут такими что я могу рассчитывать на них строя свои планы. На мамлюков, бедуин и курдов я могу рассчитывать. Воинов шейха я не знаю и потому пусть пока они лучше не мешают моим планам.

Настроение в войсках было хорошее. Все ждали начала похода на Каир.

Али-бей согласился с мнением барона. Сражение с корпусом Назымбия, а затем и несколько блистательных молниеносных походов войска под командованием Фон Бока в Сирию и в Палестину полностью убедили его в том что он сделал правильный выбор. Теперь у него не было необходимости как ранее командовать самому своими войсками. Теперь у него был Фон Бок.

Барон был прекрасно подготовленным офицером. Он одинаково хорошо разбирался и в тактике и в стратегии современной войны и современного боя. Его планы и действия можно было не проверять. Все они были четко продуманы и обоснованы. Али-бей действительно нашел себе прекрасного военноначальника. Раньше он сам руководил всеми сражениями. Сам планировал их. Теперь у него был прекрасный помощник на которого можно было положиться будучи уверенным в том что он знает то, что он делает.

Решение о начале похода было принято. Его единодушно поддержали все участники совещания. Правда шейх Дагир был несколько удивлен и даже недоволен той ролью которую отвел его воинам Фон Бок но вслух этого не сказал.

Промолчал и Марчелло Бьянко. Он был наемник. Его дело было воевать там где скажут. А воевать его солдаты умели. Умел воевать и он сам. Его даже не волновало куда поставят его. Ему было все равно где он будет разить неприятеля. Он делал это спо-

койно профессионально. Без злобы, без азарта. Делал так как делает свое дело убойщик скота на его ферме, помолившись богу и отпустив сам себе грехи за погубленные души. Таков был мир наемников того времени. Он всегда был таким. Всегда таким и будет. Для этого мира главными были деньги. А деньги Бьянко планировал зарабатывать в этом походе совсем не малые. На это у него были особые основания. Какие знал только он сам. Удача снова улыбнулась ему и он не хотел упускать ее.

После принятия окончательного решения о начале похода на Каир в лагере Али-бея началось всеобщее ликование. Все радовались скорому возвращению домой. Как бы хорошо не принимали их в Акке дома все равно было лучше. Многие жаждали доказать своим обманутым друзьям находившимся на той стороне, что Али-бей не убийца и он не имеет никакого отношения к гибели Сахиб-бея. Не меньшее желание испытывали и те кто хотел наказать истинных убийц Сахиб-бея. Почти все теперь были уверены в том что это были Назымбий и Фатхи-бей. Аль-Харун, Сулейман и Салман-медведь долго спорили между собой. Кто из них вызовет на единоборство убийц Сахиб-бея. Спорили долго. Каждый доказывал, что это его право. Потом решили обратиться к Али-бею как к посреднику в споре. Али-бей признал правильным их желание вызвать на дуэль изменников и убийц, но заметил что он не может быть им судьей в их споре.

При этом он с улыбкой добавил.

- Это не мой уровень. Пусть Всевышний решает кому из Вас достанется эта честь.

Друзья недоуменно посмотрели сперва на Султана затем друг на друга. Они не поняли смысла слов сказанных Али-беем.

Тот в свою очередь без долгих слов достал из своего стола три тростниковые палочки. Одну из них сделал более короткой обрезав ее кончиком кинжала. Теперь друзья поняли что хочет предложить им Султан и без слов закивали головами заранее выражая свое согласие с решением избранным им.

Потянули жребий. Палочку с коротким концом вытянул Аль-Харун. Повертев ее в руках он разочарованно вздохнул и отбросил ее в сторону. Жребий проявил свою благосклонность к Салман-медведю и Сулейману. Им досталось право выйти на поединок. Они без долгих слов договорились что Сулейман вызовет на бой Фатхи-бея, а Салман-медведь Назымбия. На том и порешили.

После того как жребий сказал свое слово настроение Салмана-медведя резко поднялось. Теперь в поединке с одним из лучших воинов мамлюкского сообщества Назымбием он мог доказать всем что он не напрасно носит имя великого воина Курдистана.

Уже через неделю после этого в Каире уже знали что Али-бей идет на них. Когда трое мамлюков у которых были братья в лагере Мухамад-бея вернулись назад вместе со своими братьями, с ними пришло еще несколько мамлюков пожелавших служить Али-бею. Никто из них не знал, что один из них был человеком Назымбия. Он должен был в случае чего доложить ему о серьезных намерениях Али-бея.

Он и ушел в Каир на своем быстром коне в ночь того дня когда было принято решение о начале похода на Мухамад-бея. Его отсутствие обнаружили только через день. Посылать за ним погоню было уже бесполезно. К тому времени догнать его было уже невозможно даже на выносливых быстроходных верблюдах которые были у шейха Дагира. Слишком далеко ушел беглец. За то время когда обнаружили его бегство прошло уже более суток как он был уже в пути. Догнать его в такой ситуации не смог бы никто. Даже Щукяр на своем Сирокко. Начали готовиться к встрече Али-бея и в Каире. В это время в Каире был как раз и Эреджеб. К удивлению Мухамад-бея он довольно спокойно отнесся к известию о предстоящей войне с Али-беем. Повидимому у него были свои не менее надежные источники информации и он уже знал о планах Али-бея.

Так или иначе он сказал.

- Мухамад-бей. Спокойно ожидай прихода Али-бея. Турция сделает свое дело в нужный час. Ни о чем не беспокойся. Все будет сделано так как нужно. Ты выиграешь эту битву, а вместе с ней и окончательное право быть единственным правителем своей страны.

С этими словами он ушел спокойный и довольный будто решающая битва которая еще не состоялась была уже выиграна войсками Мухамад-бея.

Глядя ему вслед Мухамад-бей думал.

- Торжествуй проклятый турок. В этой битве будет решаться и твоя жизнь. Если я проиграю значит Всевышний на твоей стороне и ты будешь еще жить. Если же я выграю эту битву дни твоего

пребывания на этой грешной земле будут уже сочтены. Их можно будет пересчитать на пальцах одной руки.

Готовились к предстоящей битве и в Акке. Шейх Дагир взял на себя снабжение всей армии на период похода продовольствием и водой. Это была громадная помощь Али-бею запасы денег которого подходили к концу и он уже начинал думать где брать деньги на содержание армии.

Началась лихорадочная подготовка к походу. Фон Бок планировал маршруты движения войск и сроки прохождения ими контрольных пунктов. Ему помогал в этом Шейх Дагир и один из его военноначальников Фархат хорошо знавшие дороги в пустыне и расположение источников воды вдоль них. Бравые неутомимые капралы и капитан Фон Берг с утра до вечера проводили маневры, а затем заставляли своих подчиненных вновь и вновь чистить ружья и точить штыки.

Мамлюки из корпуса Саид-бея откармливали своих лошадей, давали им отдохнуть перед дальней дорогой и точили сабли.

Времени было в обрез. Свободные часы выдавались крайне редко. В такие промежутки Али-бей и Аль-Харун занимались фехтованием на саблях. Раньше каждый из них тренировался сам в одиночку так как партнеров которые владели бы искусством ведения боя на двух саблях не было. Теперь найдя друг в друге достойного соперника они с удовольствием оттачивали в учебных боях свое мастерство. Али-бей сразу же отметил про себя, что Аль-Харун вырос в великолепного бойца способного дать бой любому сопернику в том числе и ему.

Он давно уже привык к мысли о том, что в фехтовании на саблях ему не было равных соперников и потому ему доставляло особое удовольствие увидеть рядом с собой бойца который мало в чем уступал ему.

Когда они закончили очередную схватку которую Али-бей выграл с большим трудом, но мог с таким же успехом и проиграть ее он не стесняясь своих чувств сказал Аль-Харуну.

- Ты вырос в великого бойца. Я думаю тебе нет равных в сабельном бою не только в Египте, но и во многих других странах нашего региона.

Я горжусь тем что мой брат догнал меня и вскоре встанет рядом со мной.

На что польщенный похвалой Султана Аль-Харун скромно отвечал.

- Конечно мне еще далековато до тебя, но я буду стараться и надеюсь, что скоро смогу встать рядом с тобой так чтобы ты мог гордиться мной.

На этом их разговор закончился. Аль-Харун ушел к своим друзьям Щукяру и Кязиму которые конечно же были с ним здесь в Акке. Был с ними и Салим. Он приехал в Акку вместе со своим другом как только узнал что Аль-Харун подаривший ему в свое время жизнь ушел воевать. Он был бедуин и поступить иначе не мог.

Али-бей пошел в свои покои и вызвал к себе Фон Бока. Им нужно было обсудить множество моментов связанных с организацией грядущего похода и подготовкой к решающему сражению с войсками Мухамад-бея.

И он и Фон Бок были едины во мнении. Решающее сражение нужно давать немедленно. Скоро могла закончиться Русско-Турецкая война и при любом ее исходе у Турции появлялись возможности оказать существенную помощь Мухамад-бею с тем чтобы оставить Египет в сфере своего влияния. При этом часто у Али-бея и Фон Бока были совершенно разные взгляды на формы и методы решения тех или иных проблем.

Али-бей позволял Фон Боку не только излагать свои мысли, но и спорить с ним. У него был свежий взгляд. У него был другой менталитет военного мышления.

Это позволяло ему быстрее и четче увидеть слабые и сильные стороны способов ведения военных действий принятых в Египте и на всем Ближнем Востоке. Так было и сейчас. Он предложил свой план проведения генерального сражения. Пока это были общие мысли и общие идеи которые надлежало потом привязать к особенностям той местности где должно было произойти генеральное сражение и к соотношению сил противников.

К удивлению Али-бея план Фон Бока вообще не предусматривал лобовой атаки конницы мамлюков с которой начинались все сражения в этом краю. Он предлагал вообще не атаковать противника, а ждать когда он пойдет в атаку сам. Предполагалось, что пехота Фон Бока примет на себя весь атакующий порыв противника оттягивая на себя все новые и новые силы противника и уничтожая его ресурсы в ближнем бою. Мамлюки, курды и бедуи-

ны должны были только закрывать фланги пехоты не давая противнику возможности зайти ей в тыл.

После того как противник увязнет в подвижной обороне войск Али-бея и только после этого, нужно было переходить с активным наступательным действиям. При этом нужно было предварительно вытащить на открытое пространство и обескровить весь резерв противника. Только после этого генуэзские пехотинцы должны были пройти сквозь строй расступившихся курсантов и начать наступление на обескровленного противника. Одновременно с этим планировался удар с флангов конницы мамлюков которая и должна была завершить разгром противника.

Такую тактику ведения боя на Востоке никто никогда не использовал. Сражения здесь шли всегда «лоб» в «лоб». Чьи сабли окажутся острее и быстрее тому Всевышний и дарил победу. Иногда судьбу сражения решал еще резерв. У кого он оказывался больше тот и выигрывал битву. Так было всегда.

Фон Бок предлагал вести дело совсем по другому. Так Али-бей еще никогда не воевал. Он начал спорить доказывая свою точку зрения. Фон Бок выслушал его и сказал.

Повелитель. Если ты доверил мне командовать своим войском то я отвечаю перед тобой за его судьбу. Не мешай мне и дай возможность сделать так как я считаю нужным.

Если что не так я отвечу за свои действия. Если ты не будешь мешать мне и не произойдет какого-нибудь чуда или ужасного случая я выграю это сражение. Поверь мне и дай мне полную свободу. Если что не так моя голова первая ляжет на плаху. Тогда тебе и только тебе решать что делать с ней.

Я прусский дворянин. Мой отец не учил меня проигрывать или уходить в кусты. Я должен выграть это сражение иначе я не Фон Бок.

Вскоре подготовка войска к походу была закончена. После этого Али-бей не стал спорить с бароном и предоставил ему полную свободу действий. Перед самым началом похода Али-бей провел не большой смотр-парад на окраине Аккы после чего войско двинулось в дорогу.

В Каире их уже ждали. За каждым их шагом внимательно наблюдали.

Обе стороны спешили дать генеральное сражение. У каждого из них были на то свои основания.

Али-бей спешил потому что у него заканчивались деньги на содержание армии. Воинов нужно было кормить, содержать, а денег уже не было. Помимо этого он остерегался времени. Вскоре должна была закончиться война Турции с Россией.

Россия не планировала пока свое присутствие в этом регионе. Турция была здесь, рядом. Она могла дать Мухамад-бею пушки, ружья и даже живую силу. Для громадной Турецкой империи не составляло труда перебросить на помощь своему союзнику двадцать-тридцать тысяч янычар. Мухамад-бей и так имел почти двухкратное преимущество в живой силе. Если бы к нему присоединились еще и обстрелянные опытные войска с Русско-Турецкого Фронта расстановки сил могла кардинально измениться не в пользу Али-бея. Сейчас инициатива была в его руках. Завтра все могло измениться.

У Мухамад-бея была своя причина торопить события. Он опасался что Камаль-бей закончит военные действия на Верхнем Ниле и вернется в Каир. Камаль-бей имел громадный авторитет в войсках. Он мог начать расследование и правда об убийстве Сахиб-бея могла выйти наружу. Камаль-бей был сторонником Али-бея. Он мог и без расследования просто уйти к нему. Его примеру могли последовать многие другие. В армии мамлюков все знали. Камаль-бей всегда там где правда. Мухамад-бей знал что по рядам корпуса покойного Сахиб-бея пошли всякие разговоры о которых ему уже неоднократно докладывали.

Говорили что кому-то из воинов который еще при жизни Сахиб-бея был ему близок было то ли явление то ли сон. Пришел к нему покойный Сахиб-бей. Он был голый и в спине у него торчал нож. Он пришел и сказал ему.

- Меня убили турки. Мой брат Али-бей ни в чем не виноват.

Слух об этом чудесном сне ходил по армии. Одни ему верили другие нет, но сомнения в души многих воинов этот сон посеял. Теперь уже никто не проклинал вслух Али-бея называя его как прежде убийцей своего лучшего друга. Мухамад-бею нужно было спешить пока войска подчинялись ему. Завтра приход Камаль-бея мог стать толчком к тому, что настроение мамлюков могло резко измениться и мамлюки начали бы массово переходить на его сторону. Для такого варианта развития событий нужен был только толчок.

Тронуть Камаль-бея он не мог. В войсках сразу же поднялся бы бунт. Камаль-бей был праведник и все знали что он никогда не поступит против своей совести, правды и закона.

Конечно же он никогда не поверит, что Сахиб-бея убили по приказу Али-бея. Он обязательно скажет об этом вслух.

Этого будет достаточно чтобы загорелся пожар в котором Мухамад-бей мог сгореть до тла. Нужно было спешить иначе все могло плохо кончиться. Не помогли бы ему тогда ни турки, ни кто другой.

Его тревожило так же всякое отсутствие новостей о его жене и сыне. Он невольно начал думать.

- А не кара ли это Всевышнего за то что он сделал. Ведь он не просто совершил переворот. Он поднял руку на человека который поднял его с самого дна, сделал его приемным сыном, выдал за него любимую сестру. Это был уже не переворот. Это было предательство. И Мухамад-бей прекрасно осозновал что все именно так, а не иначе.

Вскоре войска Али-бея подошли к рыбацкому полку Самихия.

Здесь ждали его воины Мухамад-бея. Его войско расположилось на расстоянии полуфарсага от лагеря Али-бея.

После долгого тщательного осмотра местности Фон Бок доложил Султану.

Место для решающего сражения подходит. Здесь и дадим бой.

С другой стороны Мухамад-бей, Назымбий и Фатхи-бей также долго осматривали местность в подзорную трубу. Их интересовала не столько сама местность сколько информация о том какое число воинов привел с собой Мухамад-бей. У них были сведения, что Али-бей идет с двадцатью тысячами мамлюков, бедуинов и курдов. Воинов шейха Дагира они не увидели. Их можно было угадать издалека по верблюдам на которых они ехали. Отсутствие воинов шейха несколько озадачило всех троих так как они могли пойти в обход и ударить в разгар сражения в тыл или во фланг их войск.

Немного посовещавшись они приняли решение оставить в резерве три тысячи мамлюков на случай если с какой-нибудь стороны появятся воины на верблюдах.

Решено было дать сражение прямо завтра пока мамлюки Али-бея не успели хорошо отдохнуть от дороги и прийти в себя.

План сражения был как всегда прост. Вся ставка делалась на жесткий лобовой удар который и должен был решить на чьей стороне сегодня Всевышний. В резерве оставили два корпуса. Один должен был нанести второй решающий удар когда мамлюки Али-бея которых было почти в два раза меньше начнут гнуться и потеряют силу удара. Третий корпус оставили сторожить воинов шейха Дагира.

Командир этого корпуса разослал по всей окрестности четыре небольших отряда разведчиков которые должны были обнаружить своевременно войско шейха Дагира и известить об этом основные силы корпуса. Тогда корпус должен был выдвинуться навстречу противнику и дать ему бой до того как он достигнет поле основного сражения.

К вечеру в шатер к Мухамад-бею зашел Эреджеб. Был он как всегда спокойным и уверенным.

Когда он приехал из Стамбула Мухамад-бей не знал. Он как всегда пришел в самый решающий момент и как всегда без спроса.

Теперь Эреджеб ни от кого не скрывал свои визиты выдавая себя за важного чиновника из Стамбула. Никто до сих пор не знал, что он сотрудник разведывательных служб Великой Порты который играет решающую роль во всех событиях происходящих сегодня в Египте.

Ереджеб как всегда сел на то место которое он считал для себя удобным не спрашивая на то соизволения у Мухамад-бея и не дожидаясь когда его спросят для чего он пришел сказал.

- Завтрашнюю битву ты выиграешь Такова воля Аллаха и моего Султана. Этот вопрос уже решен. Ты не беспокойся об этом. Могущество и деньги Султана решают в этом мире гораздо больше чем ты думаешь. Твоя задача одна.

Али-бей должен быть взять в плен живым. Султан хочет чтобы его судили в Стамбуле. В Стамбуле его и казнят. Твоя задача выполнить волю Султана чтобы он мог показать своим поданным и всему миру что бывает с человеком который предал его.

Если Али-бей не попадет живым в Стамбул у тебя будут большие проблемы. Поверь мне что в таком случае даже здесь в Каире найдется много желающих доставить тебя самого к Султану.

Слова Эреджеба были прямой угрозой, и Мухамад-бей прекрасно понимал это, но сегодня накануне решающей битвы он не мог ни сказать ни сделать то что он хотел. Жизнь научила Мухамад-бея многому. Научила и ждать, зная что завтрашний день будет другим и вернее всего совсем не таким каким был день сегодняшний.

Не мог он ничего сделать сегодня и потому что Эреджеб знал или владел чем-то тем чего не знал и чем не владел сам Мухамад-бей. Его слова всегда имели определенный двойной смысл. Они могли значить многое.

Или на подходе корпус турецких янычар который вступит по приказу Эреджеба в бой в самый решающий момент или что-то еще что внесет коренной перелом в ход сражения. Эреджеб ушел так же быстро как и пришел едва кивнув головой на прощание. Мухамад-бей ответил тем же. Он уже знал, что если с помощью Аллаха он завтра выиграет сражение то до следующего утра Эреджеб может не дожить. Затем была очередь Назымбия, Фатхи-бея и их сподручных. Имена сподвижников Эреджеба он уже знал наперечет. Он знал теперь на кого они работают и потому оставлять целым и невредимым это логово он не собирался. Люди предавшие Али-бея могли предать и его. Обитателей этого логова нужно было уничтожить чтобы завтра оттуда не последовал удар уже ему в спину.

Когда Эреджеб ушел Мухамад-бей еще долго сидел обдумывая его слова как его вдруг осенила мысль.

- А не очередная ли это игра турка. А не договорился ли он уже с Али-беем. Не может ли быть так что он ведет двойную игру по отношению к нему и тогда ему все равно кто выграет завтрашнее сражение. Он мог сказать то же самое и Али-бею. Пообещать ему помощь Султана взамен того что Али-бей примет его условия. Все это было совершенно возможным. От турков можно было ждать чего угодно. Для них главным была цель которую они добиваются. А цель была у них всегда одна и та же. Величие и могущество Великой Порты. Для решения этой задачи они могли пойти на все. На предательство. Двойное предательство. Убийство и на что угодно. Только для решения этой задачи они уничтожали сотни тысяч людей, а иногда и целые народы и государства. Таковы были турки. От них можно было ждать чего угодно. Такие мысли заставили крепко задуматься Мухамад-бея. В конце концов он с горечью для себя понял и вынужден был признать, что если даже турки сейчас задумали что-нибудь против него, предпринять что-то в ответ он уже не успеет.

Теперь ему оставалось только уповать на милость Аллаха и надеяться на то что турки сделали на этот раз ставку на него и только на него.

В то же время в шатре Али-бея сидели Фон Бок Саид–бей, Умар, Сулейман, Аль-Харун и Марчелло Бьянко.

Фон Бок докладывал Султану о планах завтрашнего сражения. План его был по существу довольно прост. Лишить оперативного простора войска Мухамад-бея которые имели почти двухкратное превосходство в живой силе. Заставить их сражаться на ограниченном пространстве и идти в лоб на пехоту капитана Отто фон Берга.

Пехота знает свое дело. Ей все равно сколько перед ней всадников. Тысяча или десять. Никто из них через частокол штыков не пройдет. Противник будет атаковать. Каждая атака будет дорого обходиться ему в то время как обороняющиеся таких потерь нести не будут. Наши пушкари намного искуснее пушкарей Мухамад-бея. Пушек у нас в два раза больше. Главное чтобы в самом начале сражения наши пушки подавили пушки неприятеля. Тогда они не смогут разбить своим огнем ряды нашей пехоты. Это самое главное условие. Сражение начнется с того что мы подавим огонь пушек противника. Если мы подавим огонь пушек противника исход сражения будет предрешен. Наша пехота при поддержке артиллерии измотает противника. Тогда и вступят в бои генуэзцы, а затем и корпус Саид-бея. Его задача будет добивать противника когда он дрогнет и побежит.

Фон Бок был хорошим психологом. Помимо этого за время пребывания в Египте он хорошо изучил особенности взаимоотношений местных народов между собой. Исходя из этих соображений он поставил курдов и бедуинов вместе на один фланг. Он знал что Аль-Харун побратим с Салманом-медведем. Знал так же что Щукяр и Кязим имели много близких друзей из числа молодых курдов. Он не без оснований полагал что все эти факторы вместе взятые вселят дополнительные силы в курдов и бедуинов что даст им возможность вести более эффективную борьбу с мамлюками Мухамад-бея.

По плану Фон Бока генуэзские пехотинцы должны были находиться в резерве с тем чтобы вступив в решающий момент в сражение внести коренной перелом залпом из трех тысяч ружей, а затем и жесткой штыковой атакой. Стеной из огня и штыков они должны были решить исход боя в самом его конце.

Перед завершением совещания Сулейман напомнил всем что Султан дозволил ему и Салману медведю вызвать перед началом

сражения на поединок Назымбия и Фатхи-бея. Фон Бок воспротивился этому, но Али-бей жестко настоял на своем сказав, что это обычай Востока и его никто не вправе отменять. Фон Бок вынужден был согласиться с его мнением и не стал больше возражать против желания Сулеймана и Салман-медведя сразиться с лидерами противной стороны.

Когда все ушли в комнате остались только Али-бей и Фон Бок. Али-бей понял, что барон еще не выговорился и он хочет что-то сказать ему еще. Так оно и было. Барону просто хотелось поделиться с Али-беем своими думами о том что планирует он сделать завтра и какие последствия может иметь завтрашнее сражение.

Солнце уходило за полуденную черту. Фон Боку как командующему армией предстояла еще масса работы. Нужно было расставить войска так как требовали того условия завтрашней битвы и потому беседа их была краткой.

- Государь, я понимаю что завтра решается не только Ваша судьба, но и моя тоже начал Фон Бок.

Я уверен что если все пойдет так как нами задумано то мы выиграем завтрашнее сражение. Тогда и вас и меня ждет большое будущее.

Уже через пару лет мы будем иметь до 20-и тысяч отборной пехоты. Если их возможности правильно сочетать с высочайшим воинским искусством мамлюкской армии то мы можем получить грозную силу которая покроет своей мощью просторы Африки и всего Аравийского полуострова. Ради этого есть смысл испытать свою судьбу. Я верю что Бог будет на нашей стороне.

Удачи тебе Великий Султан.

- И тебе удачи барон, отвечал Али-бей.

Ему все больше и больше нравился этот пруссак. В нем было что-то такое что притягивало к нему несмотря на всю его внешнюю академичность и напыщенность.

На этом они попрощались пожелав еще раз удачи друг другу.

БИТВА ПРИ САМИХИИ

Утром следующего дня войска Али-бея и Мухамад-бея выстроились перед решающей битвой. Многие думали, что сегодня решается судьба бывшего и настоящего Султанов и лишь

немногие знали, что сегодня решается не только судьба их предводителей, но и судьба Египта и всего Ближнего Востока. От исхода этой битвы зависело куда пойдет завтра Египет. Назад в Турецкую империю или вперед по пути независимости. Было ясное теплое утро. Солнце уже поднялось над верхушками далеких пальм рыбацкого поселка Самихия. День обещал быть светлым и жарким. На небе не было ни одного облачка.

В центре армии Али-бея стояли курсанты училища Фон Бока. Слева от них расположился корпус Саид-бея. Правый фланг заняли курды Салман-медведя, бедуины Аль-Харуна и более тысячи мамлюков примкнувших к армии Али-бея в последние дни. Сам Али-бей с пятью сотнями Умара и сотней Сулеймана стоял на небольшой возвышенности позади строя курсантов, чтобы иметь возможность наблюдать за ходом сражения.

Барон Фон Бок и несколько десятков курсантов на лошадях стояли впереди него. Барон руководил действиями армии. Али-бей вмешиваться в его дела не хотел. Барон был прекрасным стратегом и потому всякое вмешательство в его дела могло принести только сумятицу и вред. Али-бей мог и сам возглавить армию. За всю свою жизнь он не потерпел еще ни одного поражения ни в больших ни в малых сражениях, но сейчас обстановка складывалась так что армией нового типа должен был командовать полководец знающий как воюют эти армии.

Приготовившиеся к битве войска замерли в ее ожидании.

В это время из рядов войска Али-бея выехали два мамлюка и демонстративно гарцуя на своих красивых породистых лошадях медленно поскакали в сторону неприятеля, твердой рукой сдерживая порывы своих скакунов.

Они подъехали к переднему краю воинов корпуса Фатхи-бея и остановили лошадей.

Повинуясь их твердым рукам лошади застыли на месте как изваяния красиво вылепленные из глины суровой пустыни.

Первым начал говорить Исмаил которого хорошо знало большинство мамлюков. Он уже лет 25 был в мамлюках. Не раз ходил в далекие походы. Не раз вместе с теми кто стоял сейчас перед ним ходил на врага. Его многократно выбирали то сотником то тысяцким. Он пользовался большим уважением в рядах мамлюков стоявших сегодня по обе стороны небольшого

бархана разделявшего два войска неспокойного мамлюкского племени.

Подождав секунду другую Исмаил прокричал громким голосом чтобы его слова были слышны и в задних рядах.

- Сулейман просил сказать всем Вам что он считает Фатхи-бея лжецом и убийцей Сахиб-бея и потому он вызывает его на поединок. Пусть Всевышний скажет всем нам кто из них прав, а кто не прав.

Сказав эти слова он осадил коня несколько назад давая выйти вперед своему спутнику стоявшему все это время чуть позади него.

Его напарником был молодой мамлюк татарин Фарид. Никто не знал как татарин из Крыма стал мамлюком. Крымские татары были союзниками и поданными турецкого Султана. Обычно татары на невольничьи рынки не попадали. Фарид попал. Как это произошло знал только он сам.

Фарид так же одним движением руки остановил своего коня и таким же громким голосом объявил.

Курд Салман-медведь считает Назымбия лжецом и убийцей Сахиб-бея. Он вызывает его на поединок. Пусть Всевышний рассудит кто из них прав, а кто не прав.

Сказав эти слова Исмаил и Фарид развернули на месте коней и так же неспешно поскакали в сторону своих войск. Оба они знали что по законам Востока тот кто передает вызов на поединок становится «наследником сабли» убитого и потому может сам оказаться в роли единоборца, в случае если его визави окажется убитым. Очень часто бывало так что победитель считал нужным показать всем остальным что обвинения сказанные в его адрес клевета и он хочет кровью того кто сказал их вслух смыть позор который могли они принести ему если бы он проиграл этот поединок. Так бывало и бывало не раз и потому каждый кто выступал в той роли которая досталась сегодня Исмаилу и Фариду знал что его ждет если проиграет поединок тот чьи интересы он представлял. Роль эта была почетная, но смертельно-опасная.

Тем временем из рядов войска Али-бея выехали Сулейман и Салман-медведь. Они неспешным шагом ехали к центру пространства разделявших два лагеря.

Там и должен был состояться их поединок на виду у всех воинов собравшихся на сегодняшнее сражение.

Они ехали медленно, зная заранее, что в соответствии с законами чести установленными в мамлюкском обществе Назымбий и Фатхи-бей не могли отказаться от вызова посланного им. Никто из них и не собирался делать этого. Назымбий и Фатхи-бей уже выезжали навстречу им.

У них у обоих было хорошее настроение. Солнце светило в глаза их противникам и это могло сыграть решающую роль в ситуации когда силы противников были примерно равны.

В неписанных законах правил проведения таких поединков у мамлюков было учтено все и даже то кто должен начинать поединок если дуелянтов не двое, а четверо, как было на этот раз.

В соответствии с этими законами право проведения первого поединка представлялось старшему по возрасту. Им был Салман-медведь и потому он и Назымбий первыми встали друг напротив друга. В отличие от Европы на Востоке не было ни герольдов ни судей. И герольдами и судьями выступали неписанные законы чести и тысячи глаз внимательно следивших за каждым движением противника. Бывало и так что выигравший поединок мамлюк изгонялся из их рядов так как по мнению тех кто видел этот поединок он нарушил законы чести. Законы чести были главным и незыблимыми условиями поведения любого мамлюка на поединке. Нарушить эти законы считалось позором для любого мамлюка вне зависимости от его заслуг и титулов.

Во время сражения каждый из них волен был делать все что он считает нужным. А во время поединка он не имел право отступать от установленных многими поколениями мамлюков правил ведения боя. Нельзя было трогать или наносить вред лошади противника, нельзя было употреблять огнестрельное оружие, нельзя было ослеплять противника песком брошенным ему в глаза и т.д. Таких «нельзя» было очень много и каждый мамлюк еще в юношеские годы знакомился с этими неписанными законами кодекса чести.

Каждому мамлюку еще с юношеских лет вдалбливали в голову, что он имеет право делать, а что он не имеет право делать никогда, ни при каких обстоятельствах.

Так или иначе первыми на поединок вышли Салман-медведя и Назымбий. Они стояли на расстоянии примерно 150-200 зиров друг от друга.

Потом они почти одновременно пришпорили коней и понеслись навстречу друг другу.

Этот поединок играл для Салмана медведя особое значение. Он должен был доказать и себе и всем остальным что тот неудачный для него поединок с Аль-Харуном был случайностью. И он как был сильнейшим воином Курдистана так им и остался. Он несся на встречу судьбе и врагу желая только одного. Победить или умереть. Не прошло и 2-3 секунд как конь Салмана-медведя неожиданно для всех угодил передними ногами в яму образовавшуюся в песке и рухнул на землю. Вместе с ним упал на землю и Салман. Он хотел вскочить на ноги, но конь придавил его и он не мог высвободиться для того чтобы встать и отразить удар противника. Назымбий приближался к нему, а он все никак не мог выдернуть ногу из стремени придавленный тяжестью сломавшего ногу коня. Прошло несколько мгновений. Назымбий подскакал к нему. Все ждали, что будет дальше. Салман поднял голову и смотрел на своего противника. В его глазах не было ни страха ни мольбы о пощаде. Он был мужчина и знал, что каждый мужчина рано или поздно должен умереть. Таков был обычай того времени. Судьба отвернулась от него. И он готов был достойно принять ее приговор.

Но затем произошло то, что удивило всех. Назымбий проехал мимо него и не опустил на его голову свою смертоносную саблю. Мамлюки с обоих сторон одобрительно загудели. Так положено было вести себя Назымбию по законам чести. Так он себя и повел. Он проехал мимо Салмана и затем развернув коня спокойно поскакал дальше в сторону своего корпуса всем своим видом говоря.

- Вот видите. Всевышний и без меня показал всем кто из нас прав, а кто виноват.

Курды наблюдавшие за всем происходившим подскакали к своему предводителю и помогли ему подняться на ноги. Ходить он не мог. Видно вывихнул ногу. Молодые воины помогли ему добраться до своих рядов, а затем увели его с переднего края. Сегодня он уже ничем не мог им помочь. Прежде чем увести с поля боя Салмана-медведя курды пристрелили его лошадь. Лошадь со сломанными ногами уже не жилец на этом свете.

После этого начался поединок Сулеймана и Фатхи-бея. Оба они были опытными и искусными бойцами.

Они хорошо знали друг друга. Хорошо знали кто на что способен и кто что умеет. Они долго кружили своих лошадей осыпая друг друга градом ударов. Наконец наступила развязка. Сулейман изловчился и нанес Фатхи-бею смертельный удар. Фатхи-бей вскрикнул и рухнул на землю. Одна его нога осталась в стремени. Умный конь не шевелился боясь тащить по земле тело своего хозяина.

Сулейман не стал наносить по нему второй удар и отъехал в сторону.

Мамлюки Али-бея шумными криками приветствовали победу своего товарища.

Со стороны войск Мухамад-бея подскакали четыре мамлюка. Им никто не препятствовал. Трое подняли тело Фатхи-бея и понесли его в свою сторону. Один повел вслед за ними коня убитого.

Теперь настало время битвы. Наступила мертвая тишина. Лишь слышно было как где-то там наверху высоко в небе пела одинокая птица провожая в неизведанную дорогу тысячи людей которые еще не знали что они сейчас начинают свой последний путь к своему создателю.

Дуэль артиллерий армии Али-бея и Мухамад-бея была короткой. Бомбардиры Фон Бока быстро подавали огонь не совсем хорошо обученных артиллеристов нового Султана.

Еще через минуту мамлюки корпусов Фатхи-бея и Назымбия с бешенным воем устремились вперед. Два этих корпуса были ударной силой армии Мухамад-бея. Далеко впереди них, примерно в двух тысячах зир от них стояла пехота Фон Бока. Многие из мамлюков Фатхи-бея уже забыли уроки которые получили они некоторое время назад. Теперь они твердо знали что тогда произошла досадная ошибка, которая уже не повторится. Десять тысяч всадников несшихся с диким воем на две тысячи пеших курсантов должны были снести этих юнцов со своего пути и показать им что такое настоящий сабельный бой.

Но снова произошло то что происходило до этого. Заиграл горн. Пехотинцы дружно отошли назад открывая пространство для стрельбы пушек. Грянул залп. Ядра пущенные пушкарями армии Фон Бока разметали первые ряды летавших навстречу смерти мамлюков. Пушкари выученные плетками прусских капралов стреляли хорошо. Научились они и быстро перезаряжать свои смертоносные орудия.

Через некоторое время грянул второй залп внесший еще большую сумятицу в ряды наступавших всадников. Но те кто остался жив неслись дальше издавая страшный многоголосный рев. Прозвучал еще один сигнал горна.

Пехотинцы бегом заняли свои прежние места затем подняли свои ружья. Прозвучала команда и раздался залп из двух с лишним тысяч ружей. Сотни лошадей из тех что скакали в первых рядах понеслись дальше без своих всадников. Потери кавалерии Мухамад-бея были ужасные, но те кто остался в живых неслись дальше. Прозвучал еще один сигнал горна. Пехотинцы сомкнули свои ряды. На солнце блеснула безжалостная сталь двух тысяч штыков образовавших непроходимую стену. Всадники врезались в эту стену. Некоторым из них удалось прорваться за их линию, но здесь их ждали мамлюки Умара. Они безжалостно истрибили около сотни воинов Мухамад-бея оказавшихся в их кольце.

Оставшиеся в живых всадники откатились на свои позиции получив вслед еще один залп из ружей. Этот залп отправил в последний путь еще более ста мамлюков.

Мухамад-бей все это видел. Только сейчас посмотрев своими глазами на ужасающие потери своей непобедимой доселе кавалерии он понял о чем говорил ему в свое время Али-бей рассказывая об армии нового типа. О пехоте которая стала уже сильнее кавалерии. Тем временем воины других корпусов готовились к атаке крыла войск Али-бея где бедуины и курды прикрывали фланги пехоты. Стало очевидно, что атаковать Фон Бока там где стоит его пехота бесполезно. Почти две тысячи всадников не вернувшиеся из первой атаки были тому наглядным подтверждением.

Мухамад-бей передал командование корпусом покойного Фатхи-бея одному из тысяцких и дал ему команду вести и этот корпус на фланг где находились курды и бедуины. Он полагал, что это наиболее уязвимое место в построении армии Али-бея.

Фон Бок понял его замысел.

Он еще до этого предположил, что Муухамад-бей потерпев неудачу в лобовой атаке начнет искать слабые места в его позициях. Очевидно, что ему покажется наиболее уязвимым то место которое обороняют бедуины и курды. Туда и направит он свой главный удар после первой неудачи. Так оно и получилось. Мухамад-бей решил нанести решающий удар именно по тому

месту. Фон Бок предусмотрел такой вариант хода боя и спрятал за позициями которые занимали курды и бедуины шесть пушек. Они стояли готовые к стрельбе. Как только конница мамлюков изменила направление главного удара всадники Аль-Харуна и Салмана-медведя разошлись по команде капитана Фон Берга и пушки сделали залп, а затем и второй по лавине наступающих мамлюков. Сбоку по ним ударила артиллерия находившаяся в рядах пехотинцев Фон Бока. Ряды наступавших мамлюков резко поредели и смешались. Мухамад-бей дал команду оставшимся в строю артиллеристам подавить пушки Фон Бока с тем чтобы после этого начать новую атаку. Однако как только его пушкари начали работать по позициям занятым пушкарями Фон Бока как те в течение десяти пятнадцати минут сами подавили их плотным ответным огнем.

Пушек у Фон Бока было в два раза больше. Его пушкари были гораздо лучше обучены, стреляли и точнее и быстрее. Намечался перелом в ходе сражения. Кавалерия посланная против корпуса Саид-бея застряла в долгой рубке и продвинуться дальше не смогла. Атаки кавалерии Мухамад-бея в центре и на левом фланге закончились полной неудачей. Было очевидно, что в ближайшее время войска Фон Бока перейдут в наступление и сомнут дезорганизованные и разбросанные по всей линии соприкосновения корпуса его мамлюков.

С самого начала атаки кавалерии Мухамад-бея на флан войск Фон Бока Анвар кинулся в гущу сражения. Ему нужно было доказать всем и самому себе в первую очередь что он как был мамлюком так им и остался.

Когда-то он считал себя самым лучшим из лучших и ему нужно было чтобы все увидели и убедились в этом. Увидели и убедились именно сейчас, в самый тяжелый момент в истории мамлюков когда мамлюк шел на мамлюка с оружием в руках.

Он знал что Сотня в которой он когда-то служил была на стороне Мухамад-бея и шла в атаку по этому флангу.

Это облегчало его задачу. Он искал встречу с друзьями своей молодости которые много лет назад посчитали его недостойным звания мамлюка и изгнали из своих рядов. Они не поверили ему тогда, что он никогда не нарушал законов мамлюкского сообщества и не терял своей чести.

Он долго рубился в общей массе людей сошедшихся в последней смертельной схватке выискивая до боли знакомые ему лица.

Не найдя их глазами он закричал.

- Тенгиз из сотни Башира одноглазого! Ты сказал что я недостоин носить звание мамлюка. Ты сказал что я был плохим мамлюком. Выходи и встань пере до мной и докажи всем что это так. Пусть теперь Всевышний рассудит нас.

Сражавшиеся мамлюки услышали его слова. Все вокруг него остановились. Теперь никто не имел права мешать ему. Все должны были ждать когда закончится божий суд.

Никто не имел право мешать и Тенгизу выйти на встречу Ансару.

Мамлюки расступились давая пространство для поединка где должна была проявиться воля Всевышнего.

Тенгиз услышал слова Анвара и побледнел. За долгие годы после того случая он много раз пожалел о том что не поддержал в свое время друга и настоял на духе закона. Возможно, что тогда, его слово могло многое изменить в судьбе Анвара.

Теперь поздно было жалеть об этом. Время ушло. Дело было сделано. Грех молодости нужно было искупать и биться с человеком который называл когда-то его братом.

Чувство вины и осталось в его глазах когда он пораженный саблей Анвара упал с коня.

Анвар соскочил с коня и услышал его последние слова.

- Прости меня. Я всю жизнь сожалел о своем поступке. Может быть я хоть сегодня немного искупил свой грех.

После этих слов Анвар сразу же понял почему так вяло и отрешенно отбивал его удары Тенгиз. Видно ценой своей жизни он хотел искупить перед Всевышним грех своей молодости и показать всем что Анвар как был так и остался мамлюком.

Тенгиз попытался протянуть ему руку, но она бессильно упала на землю. Анвар нагнулся над другом молодости и сжал его ладонь. Он все понял и все простил, но было уже поздно.

Душа Тенгиза уже улетела в родные края. Она улетела в Самурзакан куда так часто мечтали вернуться друзья глядя в бесконечное небо над Каиром. Анвар поднял тело своего друга и понес его из гущи сраженья.

Никто не мешал ему.

Его конь шел за ним опустив свою красивую непокорную голову. Он знал что творится в душе его хозяина, но ничем не мог ему помочь.

Анвар вынес тело Тенгиза с поля сражения. Он не хотел чтобы его топтали копыта лошадей мамлюков сошедшихся в яростной схватке.

Слова и поступок Тенгиза перевернули сознание Анвара. Теперь он был готов сам лечь под его саблю, но Тенгиз был мертв и ничего нельзя уже было изменить.

Теперь нужно было рыть могилу и похоронить друга молодости так как полагается хоронить дорогого человека.

Он прочитал над телом Тенгиза молитву. Потом попросил у тела покойного прощения за то что он сделал.

Тенгиз был мертв, но Анвар был уверен что душа покойного услышала его слова.

После этого он собрался вернуться на поле брани с тем чтобы после окончания сражения вырыть могилу и опустить туда тело друга.

В это время он увидел как лавина мамлюков Назымбия и Фатхи-бея отхлынула от передней линии войск Фон Бока. Стало очевидным, что Али-бей одержал блестящую победу.

Расстроенные ряды мамлюков Мухамад-бея отступали понеся ужасные потери.

Было видно как перестраиваются всадники корпуса Саид-бея, Умара и Сулеймана ожидая команду завершить разгром неприятеля.

Анвар вскочил в седло и направил коня в сторону мамлюков ожидавших команды Фон Бока на преследование поверженного противника.

В армии Фон Бока теперь была жесткая дисциплина. Все делалось только по команде Барона.

То что произошло потом Анвар так и не понял. Он видел как генуезские пехотинцы стоявшие в резерве по команде Фон Бока перестроились в атакующий строй и пошли медленными шагами к позициям занятым курсантами Фон Берга. Анвар знал, что наемники Марчело Бьянко должны были пройти сквозь строй расступившихся курсантов и начать решающую атаку на мамлюков Мухамад-бея. Затем произошло то, что ошеломило и его и всех остальных. Когда наемники шли через строй курсантов они сделали залп

в упор из трех тысяч ружей. Почти все курсанты Фон Берга упали на землю сраженные неожиданным огнем.

Оставшихся в живых и ничего так и не понявших курсантов взяли на штыки.

Затем наемники перестроились в ровный прямоугольник и блеснув на солнце штыками двинулись на корпус Саид-бея.

Анвар понял. Это предательство. Нужно было спасать Али-бея и он подстегнув коня помчался стремглав в его сторону.

За несколько минут до этого Мухамад-бей с запоздалым раскаянием думал о том, что напрасно он поверил словам Эреджеба уверенно говорившем ему о том, что победа в обязательном порядке будет за ним.

Победы не было и уже не могло быть. Нужно было уводить свои войска с поля боя и думать как быть дальше. Ясно было что Али-бей уже через несколько дней войдет в Каир и большинство мамлюков как всегда бывает в таких случаях перейдет на сторону победителя.

Удача любит победителей. Али-бей победил в этом сражении. Значит удача была на его стороне. Мухамад-бей дал команду собирать воинов в центре сражения намереваясь организованно отступить чтобы сохранить армию с надеждой на то что она не предаст его в тяжелое для него время. Не предаст и не обманет его как предал и обманул его Эреджеб.

В это время Фон Бок дал команду генуэзским пехотинцам идти сквозь строй его курсантов с тем чтобы они встав в боевые порядки начали наступление на позиции неприятеля. Генуэзцы двинулись впереди и тут произошло то что ошеломило и шокировало Мухамад-бея. Генуэзцы дали залп и ударили штыками в спину так ничего и не понявшим пехотинцам Фон Бока. В считанные минуты они уничтожили огнем в упор и штыками более двух тысяч молодых мамлюков Али-бея.

Фон-Бок только теперь понял, что наемники были перекуплены еще в Кафе. Они только ждали удобного момента для нанесения удара в спину. Еще через несколько минут были перебиты все пушкари. Увидел все это и Мухамад-бей. Только теперь он понял что имел в виду хитрый турок когда говорил о силе и могуществе Турецкого Султана. Очень часто она была в деньгах которыми можно было перекупить многих на этом свете. Он перестроил ряды

своих мамлюков и бросил их в атаку. Теперь была его очередь. Он знал, что теперь делать и как закончить битву.

Фон Бок первым понявший что генуэзцы предали их бросился к Султану. Нужно было его списать. Туда же бросились Аль-Харун и Сулейман со своими людьми. Умар был уже там. Он с десятком своих людей не отходил от Али-бея всю битву. Вскоре вокруг Султана образовалась небольшая группа людей пытавшихся спасти его. Лавина всадников Мухамад-бея уже летела на них. Впереди всех шла лошадь Назымбия. Он жаждал крови. Крови друга своей юности который стал для него теперь главным врагом.

Хасан-косой то же находился невдалеке Али-бея. Он одним из первых увидел как генуэзские наемники ударили в спину мамлюкам фон Бока. Он выхватил свой лук и начал стрелять в них. Стрелы его как всегда ложились точно в цель. Когда он закончил стрелять то выхватил свою саблю и с громким криком Уррр поскакал на врага.

Даскакать до них он не успел. Пуля генуэзца остановила его. Он упал с лошади, потом попытался встать, но так и не сумев подняться на ноги снова упал и больше не шевелился. Но даже уходя по дороге в мир мертвых Хасан-косой все так же крепко сжимал свою старую острую саблю. Как все мамлюки он все еще жаждал биться с врагом до самого последнего вздоха.

К Султану подскакал Щукяр. Он соскочил со своей лошади и сказал.

- Мой повелитель. Садись на мою лошадь. На свете нет лошади которая догонит Сирокко. Если спасешься ты то тогда еще ничего не потеряно. Ты соберешь новое войско и тогда Всевышний дарует тебе победу. Аль-Харун, Умар, Анвар и Сулейман стали также уговаривать его сделать то что предлагал ему Щукяр, но он категорически отказался сделать это сказав.

- Лучше смерть в бою чем бегство от предателя. Садитесь на коней. Я дорого отдам свою жизнь. А что делать Вам думайте сами. Всевышний дал Ваши жизни Вам. Вам и распоряжаться ею. Его слова никого не обидели. Щукяр сел на Сирокко и встал рядом с Кязимом и Салимом в круг тех кто собирался до конца защищать своего Султана. Вскоре воины Назымбия пробились через заметно поредевшие ряды сторонников Али-бея и его защитников. Совсем рядом от них шла жестокая резня. Бедуины и курды не побежа-

ли. Они ценой своей жизни решили доказать всем и себе в первую очередь, что они воины не уступающие мужеством и стойкостью самим мамлюкам.

В центре круга вокруг которого шла битва сидел на горячем песке Салман-медведь. В руках у него была старинная курдская сабля шамшир. Он не мог стоять. Он уже знал, что его ждет смерть, но хотел встретить ее как мужчина с оружием в руках. Впереди окруживших последних сторонников Али-бея гарцевал на своем коне Назымбий. Али-бей не хотел орошать свою саблю кровью человека который был когда то его другом. Даже сейчас находясь всего в нескольких шагах от смерти он оставался идеалистом и праведником. Он хотел встретиться со своим создателем с чистой совестью. Зато таких мыслей в голове Аль-Харуна не было. Он ничем не был связан с Назымбием кроме ненависти которую он испытывал к человеку предавшему его брата. Аль-Харун выскочил из круга и громким голосом закричал.

Назымбий! Ты предатель и убийца если тебя мать родила мужчиной выйди мне навстречу и покажи всем какого цвета у меня кровь. Для Назымбия на сегодня это был второй вызов на поединок. Он был одним из лучших бойцов в армии мамлюков. Назымбий никого кроме Всевышнего не боялся, а потому моментально без малейших раздумий принял вызов Аль-Харуна. Всадники с обоих сторон перестали сражаться друг с другом и расступились давая простор для поединка. Это был бой в котором должна была показаться всем воля Всевышнего. Многие уже сомневались в том, что Сахиб-бея убил Али-бей, но сражение уже шло к концу и ничто нельзя было уже изменить.

Противники разошлись на 50-60 зиров и затем набросились друг на друга. В руках у Аль-Харуна блестели две сабли. Назымбий был великим воином, но Аль-Харуну не было равных даже среди великих. Он был учеником Али-бея. Не прошло и несколько минут как тело Назымбия сползло с седла. Его воины подобрали тело своего командира и приготовились атаковать последних сторонников Али-бея. Когда Мухамад-бею доложили о гибели Назымбия он ничего не сказал, лишь подумал про себя.

- Вот и хорошо. Аль-Харун и Сулейман только облегчили мою задачу. Теперь осталось совсем немного и я скоро свободно вздохну. Он не подходил к тому месту где его воины окружили Али-бея и

его людей. Он не хотел видеть картины когда начнется последний бой сегодняшнего сражения. Еще больше он не хотел встретить взгляд своего приемного отца.

Он еще надеялся, что найдет Фагуду и Даута. Тогда он должен был поклясться на Коране что не принимал участия в убийстве или пленении ее брата. Он о многом думал. Он хотел многое учесть и это ему пока удавалось.

Тем временем мамлюки окружавшие Али-бея и его немногочисленную охрану предложили им сдаться на милость победителя и поклялись именем Всевышнего что им будет сохранена жизнь. Совсем рядом от них добивали последних бедуинов и курдов.

Салман-медведь все еще сидел на земле и махал своим длинющим шамширом. Он кричал.

- Брат мой, Аль-Харун, запомни я курд Салман-медведь умер как мужчина. Затем еще громче закричал.

- Ну что сукины дети. Кто Выйдет против меня. На все предложения сдаться он ответил отказом. Возиться с ним никто уже не хотел. Копье пущенное издалека пригвоздило его к земле. Но даже упав на землю он не выпускал из рук свой шамшир и пытался еще хоть раз махнуть им. Аль-Харун видел все это, но окруженный плотным кольцом неприятеля ни чем не мог уже помочь своему брату.

Мужчинами рождаются многие. Настоящими мужчинами становятся только те кто не только жил, но и умирал как мужчина.

Салман-медведь был настоящим мужчиной. Он и умер как мужчина с оружием в руках лежа лицом к врагу. Недалеко от него мамлюки никак не могли добить двух братьев эфиопов долго сдерживавших натиск многократно превосходивших их по численности противников. Рядом с ними лежало тело Росвана. Юный абхаз долго и храбро бился рядом с ними, но врагов было много и он лег под их ударами.

Али-бей видел как смертельно раненный Росван дергался в последней агонии. Даже умирая он хотел быть настоящим мужчиной лежащим лицом к врагу.

Фон Бок стоял рядом с Султаном. Его последние слова были следующие.

Повелитель! Мы были всего в одном шаге от победы. Кто же мог знать что генуэзцы предадут нас.

На что Али-бей отвечал.

- Мой храбрый барон. Ты был честным солдатом и великолепным военноначальником. У меня нет никаких вопросов к тебе. Жаль что нам не удалось воплотить в жизнь наши планы. Если на этом свете бог один то мы встретимся там на том свете и я повторю создателю свои слова.

Выслушав его Фон Бок поехал к своим прусакам. Капитан и капралы ждали его. Они решили дорого заплатить за свои жизни, но остаться верными слову и долгу.

Наконец мамлюки окружившие Али-бея и его сторонников поняли, что никто не будет сдаваться и приступили к активным действиям.

Первыми от их рук пали пруссаки. Они были храбрыми солдатами, но сравниться в рукопашном бою с мамлюками не мог ни один Европеец. Фон Бок упал первым. Он только успел сказать «О майн гот» как душа его ушла к тому, с чьим именем умер храбрый пруссак.

Анвар, Щукяр, Кязим и Салим бились рядом. Первым упал Кязим. Потом пришла очередь Салима. Щукяр еще бился некоторое время, но потом начал медленно сползать со своего седла. Видно он был еще в сознании так как вцепился двумя руками в седло и никак не хотел падать с него. Сирокко вынес его с поля боя и понес в пустыню. Куда понес он его не знал никто. С тех пор никто и никогда не слышал ничего о благородном туареге и его знаменитой лошади. Они сгинули в пустыне. Сгинули навсегда. Лишь грозный ветер Средиземноморья Сирокко который замел их последние следы знал где они. Но он молчал. Он не хотел чтобы люди помнили о лошади которая была быстрее его самого.

Анвара окружили его бывшие товарищи далекой молодости. Они предложили ему сдаться. Он предпочел умереть как мамлюк с оружием в руках.

Через несколько минут после этого пали на землю гиганты нубийц. Братья упали рядом и не было силы на земле которая могла разъединить их.

Недалеко от них лежали лицом друг к другу апсары Назир и Мухаб. Они погибли в самом начале битвы. Апсары были храбрыми людьми, но настоящими воинами стать не успели.

Али-бей яростно сражался с наседавшими на него мамлюками из корпуса Сахиб-бея.

Сулейман и Умар бились недалеко от него. Они изредка кричали друг другу что-то на абазинском языке, но в гуще боя, возможно, они и сами не слышали свои слова. Сперва сполз со своего коня Сулейман которого проткнуло копье противника.

Умар и Али-бей слышали как он кричал в предсмертной агонии.

- Али-бей я не предал тебя. Я остался верен своему…….. Дальше он не успел ничего сказать. Видно его душа улетела на небеса и его голос оттуда не был уже слышен.

Умар стоял как скала. Несколько раз он увертывался от копий пущенных издалека. Он ревел как медведь и никто не мог одолеть его. Выстрел из пистолета в спину остановил его.

Последними на поле брани остались Али-бей и Аль-Харун. Когда они отбивали бесчисленные удары своих противников Али-бей неожиданно для себя вспомнил слова старца Хашима.

- «А если удача отвернется от тебя и тебя предадут самые близкие тебе люди тот которого ты сделал сегодня своим братом будет последним кто с оружием в руках упадет под ноги твоих врагов защищая тебя».

Старец и на этот раз оказался прав. Последним кто защищал его был Аль-Харун. Человек которого встретил он в ту ночь и которого сделал он тогда своим братом.

Нападавшие ставили целью убить Аль-Харуна и взять в плен Али-бея, но ни то ни другое им не удавалось. Сабли Аль-Харуна мелькали как молнии среди ясного дня и уже множество мамлюков лежало возле него пораженных его грозным оружием. Наконец поняв безуспешность своих попыток одолеть его в сабельном бою один из нападавших выстрелил ему в спину.

Это было не совсем по правилам, но другого выхода уже не было.

Слишком много жизней унес с собой этот неукротимый бедуин.

Теперь Али-бей остался один. От его рук погибло еще больше воинов Мухамад-бея, но стрелять ему в спину было нельзя. Он нужен был новому Султану живым и только живым. Али-бей уже длительное время бился один в окружении врагов. Все воины защищавшие его лежали на земле.

Их души улетели уже к Всевышнему.

Силы понемногу покидали Али-бея. Он был ранен в двух местах и годы брали свое.

Один из нападавших выстрелом из пистолета ранил его в правое плечо. Сабля выпала из его руки. Но в левой руке у него была еще одна сабля и он работал ей не хуже чем правой.

Наконец пуля прошила ему и левую руку. Он выронил и вторую саблю. Силы покидали его. Он был ранен во многих местах и сознание медленно уходило от него. Мамлюки только что яростно нападавшие на него бережно подняли его и завернув в халат, осторожно, боясь потревожить его раны понесли к Мухамад-бею. Они были пораженны мужеством с которым сражался с ними великий воин Али-бей. Он даже в минуты своего поражения остался великим. Такого воина нельзя было не уважать, тем более что все уже начали сомневаться.

А действительно ли это он убил Сахиб-бея. Все сражавшиеся с ним несколько раз слышали как он кричал им.

- Запомните сукины дети. Я не убивал Сахиб-бея. Я не убивал своего друга. Я сегодня умру, но вы запомните. Я не убивал Сахиб-бея.

Многие уже говорили. Зачем бы стал врать человек который смотрел уже в сторону своего создателя. Что-то здесь не то. Может он на самом деле не убивал Сахиб-бея, а мы поверили клевете которую распространяли его враги.

Никто не знал точно кто убил Сахиб-бея, но с того дня различные слухи поползли по рядам мамлюков вызывая у них массу сомнений и вопросов.

РАССКАЗ МОРЯКА

Мухамад-бей прибыл в Каир через четыре дня после того как его покинули Али-бей и его сторонники. Город встретил нового Султана сдержанно, настороженно. Войско мамлюков вступило в Каир ночью. На улицах было темно как и в душах многих тысяч жителей громадного города не знавших, что теперь делать и кто будет завтра их правителем. На утро в мечетях города прочитали молитвы в честь нового Султана, но тон молитв был ровный, обыденный, без особой помпезности.

Обычной в таких случаях пусть даже показной радости никто не выказывал.

Во второй половине дня Мухетдин собрал всех чиновников Султанского двора.

Он был еще Кящифом и по-видимому надеялся остаться им при новом Султане. По лицу Мухатдина блуждала то ли приветливая то ли угодливая улыбка.

По его команде чиновники всех уровней собравшиеся в большом зале дворца дружно принесли клятву на верность Мухамад-бею. Им было все равно при каком Султане делать свои дела.

Большинство из них были искренне рады тому что Али-бей уже не Султан.

Все они хорошо помнили как он публично пообещал расправиться с каждым кто будет растаскивать казну или брать взятки. Их грела мысль о том что новому Султану будет не до них пока он будет вести борьбу с Али-беем ушедшим в Акку. Возможно потому чиновники дворца были единственными кто искренне обрадовался удалению от власти прежнего Султана. Наступавшие смутные времена обещали им спокойную сытную жизнь.

Другие же пришли, сдержанно поздравили нового Султана, но не больше. Все они улыбались, но что они думали на самом деле никто не знал. Многие понимали, что Али-бей может вернуться и не спешили проявлять верноподанические чувства. Особенно насторожили всех слухи которые поползли по городу после возвращения в Каир корпуса Назымбия. Было это через три дня после того как в Каир вошла основная армия Мухамад-бея. Многие ждали, что он приведет на аркане свергнутого Султана. Но ни Султана, ни аркана не было. Были только обескураженные лица его воинов которые тихим шепотом, оглядываясь по сторонам чтобы никто посторонний не услышал их рассказывали как расправился с их корпусом отряд Али-бея и затем спокойно ушел в Акку. Теперь в Египте было два правителя. Один сидел в Каире другой ждал своего часа в Акке.

Еще не дойдя до Каира Мухамад-бей узнал, что его жена и ребенок ушли из дома. Ушли вместе с Нафисой, Мариам и Астандой. Куда они ушли не знал никто. Они как сквозь землю провалились. В первый же день своего прибытия в столицу даже не дождавшись торжеств по провозглашению его правителем Египта он срочно собрал в опустевшем доме более двадцати своих сторонников из числа лиц наиболее преданных ему мамлюков. После короткой вступительной речи он дал им задание. Как угодно, где угодно найти его жену и сына. Денег не жалел. Только теперь потеряв

жену и сына Мухамад-бей явственно понял, что ни власть, ни Каир, ни что другое без Фагуды не были ему нужны. Опустевший дом наводил на него страх за свое будущее. Он понимал что только Фагуда и Даут способны вернуть ему все то ради чего он жил. Он мог как правитель завести большой новый гарем. В гарем ему доставили бы самых красивых девушек Египта и всех окрестных стран. Но он даже думать об этом не хотел. Он желал одного . Быть правителем и чтобы рядом была она, Фагуда, а рядом с нею и его наследник Даут.

Всего образовалось десять групп по два человека. Он направил их во все концы света. Главным направлением он считал Александрию и Ливийские морские порты. Туда и направились в первую очередь его сыщики. Они должны были узнать. Были ли здесь беглянки и куда направились они потом.

Четыре группы направились прямо в Стамбул и Трабзон по две в каждый город. Мухамад-бей полагал, что путь беглянок лежит в сторону Абхазии. Другой дороги у них не было. Только в Абхазии могли найти они надежное убежище и необходимую им защиту на долгое время.

Две группы отправились непосредственно в Сухум-кале. Они должны были узнать там в порту не приезжали ли сюда пять женщин, девочка и ребенок. В Сухум-кале узнать это было гораздо проще. Сам порт был не очень большой да и женщины одетые как египтянки здесь бывали не так часто.

Эта группа должна была дать деньги начальнику порта с тем чтобы он сразу же по прибытию беглянок известил сыщиков Мухамад-бея об их прибытии.

Денег на поиски жены и сына Мухамад-бей не жалел. Снабдил по максимуму. Сыщикам направленным в Сухум-кале было дано твердое указание. Только узнать и ничего более не делать. Абхазы которые могли укрыть его жену и ребенка просто так их не отдали бы и в случае неудачи его посланников могли далеко запрятать своих подопечных. Тогда можно было надолго потерять их следы. Как только они узнали бы о место нахождении беглянок в Абхазии в дело вошли бы Турецкие власти. Они должны были дать команду владетельному князю Абхазии Зурабу Чачба чтобы он доставил беглянок в Стамбул, а уж оттуда их отправили бы уже в Каир.

Одна группа ушла на всякий случай в сторону Сирии и Курдистана. Другая в сторону Лухсора. А вдруг Али-бей решил чтобы они не выезжали из Египта, а дождались лучших времен прямо здесь.

В тот же день все десять групп отправились по своим маршрутам. Дорог был каждый час. Беглянки имели четыре дня преимущества и могли бесследно исчезнуть в бесконечном пространстве вокруг Египта.

Всем группам было дано твердое указание. Если они обнаружат беглянок то не чинить зла и никаких препятствий Нафисе, Мариам и всем остальным. Более того если они увидели что им чего то не хватает или им нужна помощь оказать им эту помощь и при необходимости помочь деньгами.

Все это Мухамад-бею нужно было только для того чтобы произвести на Фагуду благоприятное впечатление. Фагуда была ему дорога. Не просто дорога, а очень даже. Иногда он ловил себя на мысли, что если бы она потребовала от него сейчас отказаться от власти которую он добыл с таким трудом, то он возможно согласился бы даже на это взамен на ее благодарность и гарантии его безопасности. Он и раньше знал что он любит эту женщину, но только теперь потеряв ее он понял насколько она дорога ему и что дальнейшая жизнь без нее теряет для него всякий смысл.

Только после того как был окончательно решен вопрос об организации поисков Фагуды и Даута Мухамад-бей перешел к повседневным делам. Дел в эти дни ему предстояло решить множество. Его власть над Египтом была еще шаткой, ненадежной и во многом не зависящей пока от его воли и желаний.

Верховный муфтий Египта должен был объявить о том что он отказывается от титула Султана и принимает титул шейха аль Баледа Египта, а так же признает власть Турецкого Султана над ним. Это было трудное решение с которым многие могли не согласиться, но другого выбора у него не было. Для решения этой задачи ему нужно было заручиться поддержкой членов Совета беев. Здесь как он полагал у него больших проблем возникнуть не должно было.

Правители двух провинций и несколько командиров корпусов вот и все кто мог выступить против такого его решения.

Их судьба была уже решена. Мухамад-бею нужно было только время чтобы решить эту проблему. Все они были ярыми сторонниками Али-бея. Их нужно было снимать и найти предлог для распра-

вы с ними. Его эта проблема особо не беспокоила. Турки умели создавать нужные ситуации. В этом он убедился находясь в Дамасске.

Убийство Сахиба и весь дальнейший спектакль были разыграны грамотно и без единой задоринки. До сих пор никому и в голову не пришло, что вся эта история фарс.

Теперь нужно было не опоздать самому. Он знал шестерых человек которым была известна история его предательства и восхождения. Это были Эреджеб, Назымбий, Фатхи-бей, Тысяцкий и два сотника Фатхи-бея. Их нужно было ликвидировать. Каждый кто приходит к власти всегда знает. Его власть никогда не будет крепкой если не выполнить два главных условия.

- Должны умереть все те кто знает больше чем положено о том как новый правитель шел к власти.

Назымбия, Фатхи-бея и двух сотников забрал уже к себе Всевышний. Оставались только Эреджеб и Тысяцкий. Их судьба должна была остановиться в ближайшее время.

- Со временем должны были быть удалены от власти и все те кто помогал ему идти к ней.

Иначе и те и другие всегда будут чего то требовать и мешать ему. Они сделали уже свое дело. Они теперь должны были уйти.

Казна Султана была пуста. Зато долгов было много. Нужно было искать деньги. Даром не работает никто. Даже Султан. Деньги можно было найти только в Турции. Только она могла дать займ на покрытие всех проблем. Но Турция сама нуждалась в деньгах. Война с Россией истощила ее запасы. В такой ситуации Стамбул мог дать деньги только при условии выполнения всех пунктов договора продиктованных ему в свое время Эреджебом. Условия были кабальные и унизительные, но у Мухамад-бея другого выхода не было. Не будешь платить все уйдут. Уйдут к Али-бею или к кому-нибудь другому.

Через несколько дней состоялось его официальное вхождение в должность Султана.

Только тот кто был на вершине власти знает как тяжело находиться там.

Власть всем и всегда кажется прекрасной. Только тот кто добился ее знает как тяжела она и скольких несчастных людей погребла она под своими обломками. Так было всегда. Так всегда и будет. История знает тысячи примеров того как люди приходившие на вершину власти горько сожалели об этом, но обратной дороги уже не было.

С вершины власти невозможно было спуститься самому. Оттуда можно было только упасть и разбиться. Сколько людей пришедших к власти готовы были отдать все чтобы жить прежней спокойной безмятежной жизнью. Сделать этого не смог никто, потому что сделать это было практически невозможно.

Мухамад-бей не был исключением. Теперь когда он пришел к власти отдав за это такую дорогую цену он готов был отказаться от всего сам, но события несли его уже помимо его воли. Остановиться он уже не мог ибо не дал еще Всевышний таких сил никому чтобы мог он плыть против течения времени.

А жизнь шла своим чередом. Все было так как было всегда. В Акку под видом купцов послали несколько соглядатаев. Им были даны помощники которые регулярно должны были приносить Мухамад-бею полную информацию о том, что творится в городе и в лагере Али-бея.

Через некоторое время стала приходить и информация. Она была не очень радостной. В Акку потихоньку стекались большие и малые группы мамлюков оставшиеся верными Али-бею. Потом пришло известие о том, что к Али-бею прибыл большой груз из 15 пушек и полторы тысячь ружей.

Этими ружьями он вооружил мамлюков обучавшихся у Фон Бока. Фон Бок был теперь командующим всеми войсками Али-бея. Заместителями у него были бывший правитель одной из южных провинций Саид-Бей, Умар и Сулейман. Особую тревогу у Мухамад-бея вызвало известие о том, что теперь под началом капитана Фон Берга проходило обучение более двух с половиной тысяч мамлюков. Мухамад-бей помнил какой разгром учинила корпусу Назымбия всего тысяча учеников спесивого пруссака. Теперь их было в два с половиной раза больше и это была грозная сила с которой приходилось считаться. Помимо этого у Али-бея было шесть тысяч всадников шейха Дагира и еще более семи тысяч мамлюков Саид-бея, Умара и Сулеймана. Идти на лобовое столкновение с такой силой Мухамад-бей не решился и потому поход на Акку который все ждали со дня на день так и не начинался.

Еще большую тревогу вызвало у него известие из Турции о том, что русские набирают в Кафе три тысячи генуэзских пехотин-

цев для оказания помощи Али-бею. Прислал это сообщение из Бахчи-сарая крымский хан. Он был вассалом Турецкого Султана и внимательно следил за всем тем что творилось в лагере Потемкина. Его судьба висела на волоске. У него не было ни сил ни возможностей остановить движение русских войск на столицу Крымского ханства.

Хан стоял перед тяжелым выбором. Или бежать в Турцию или сдаться на милость Русской императрицы. Он пытался усидеть на двух стульях, стараясь угодить и русским и туркам, старательно балансировал идя по краю пропасти, но ветер попеременно дувший с двух сторон был слишком сильным. Все понимали, что дни крымского ханства уже сочтены и северный ветер сдует скоро упорного хана с его трона.

Турки хотели, но ничем не могли помочь своему вассалу и верному союзнику. Их силы и резервы были на исходе.

Становилось очевидным что генуэзцы которых набирают русские в Кафе нужны Али-бею только для одного. Он готовится вернуться в Каир. Нужно было думать что делать. Наступали не легкие времена.

Несколько успокоил Мухамад-бея визит в Каир высокопоставленного чиновника Стамбульского двора. Он заверил его, что Султан готов выделить ему долгосрочный кредит с тем что Каир вернет выданную ему ссуду в течении 10 лет.

Такие условия вполне устраивали Мухамад-бея.

Еще больший оптимизм Мухамад-бею внушили слова Султана переданные ему чиновником.

Султан сказал

- Мы в обиду Мухамад-бея не дадим. Пусть он спокойно занимается своими делами. Когда нужно будет Турция скажет свое слово и оно будет весомым.

После визита турка Мухамад-бей несколько успокоился хотя известия приходившие из Акки не всегда внушали оптимизм.

Войска Али-бея совершили несколько рейдов на города в Сирии и в Палестине. Гарнизоны этих городов не оказали им фактически никакого сопротивления и сдались на милость победителям. Более того после того как они уходили из городов около тысячи мамлюков защищавших эти города перешло на сторону Али-бея.

Теперь у него было почти 20-и тысячное войско мамлюков и воинов шейха преданных ему.

Сам Мухамад-бей имел под рукой тридцати тысячное войско. Еще около десяти тысяч мамлюков готовы были выступить ему на помощь по его первой же команде. При максимальной мобилизации он мог довести численность своей армии до 50-55 тысяч человек. С тревогой ждал он известия с юга Египта где находился корпус Апстха. По видимому информация о перевороте в Каире не дошла еще до Камаль-бея. Его войска вели кровопролитные бои с повстанцами и не могли вырваться на просторы среднего Нила окруженные со всех сторон армией повстанцев почти в десять раз превосходивших их по численности. Выручали армию Апстха пушки и воинская доблесть мамлюков.

Время шло. Безрадостные вести приходили от людей которых послал Мухамад-бей на поиски Фагуды и Даута. Прошло почти три месяца, а их следы не обнаружились нигде.

Одному его посланцу в Трабзоне сказали что видели несколько женщин и ребенка в порту города, но куда они пошли или поплыли дальше не знал никто. Другому его сыщику в порту Стамбула сказали, что видели большую группу женщин одетых по арабски. С ними был маленький ребенок. Но никто не видел и не знал куда они поплыли и поплыли ли они вообще куда-нибудь.

Караванщик из Дамасска поведал под большим секретом, что он видел группу женщин в караван-сарае на окраине города. Куда и с каким караваном они шли он не знал.

Поиски Фагуды и Даута длились уже более трех месяцев, но никто так и не нашел их следов.

Только много много лет спустя после тех событий что описаны на последних страницах этого романа один старый моряк в порту города Трабзона поведал своим друзьям одну историю которая возможно могла бы пролить свет на события связанные с исчезновением Фагуды и ее спутниц попади она своевременно к Мухамад-бею. Что было правдой, а что вымыслом в его рассказе знал только сам моряк.

Он рассказывал.

Был я тогда молодым и сильным. Удача всегда улыбалась мне. Улыбнулась она мне и в той истории в которую я попал по воле Аллаха.

Я нанялся моряком на корабль который плыл в Сухум-Кале.

Корабль был старый, но довольно крепкий и быстроходный. Его большие белые паруса легко несли нас по глади моря.

Еще в самом начале нашего плавания я увидел на палубе корабля группу женщин в Египетском одеянии с ними была одна девочка лет 12-13. На руках старшей из женщин был ребенок. Она явно не была его матерью, но малыш все время сидел на ее руках и радостно обнимал ее дрыгая своими руками и ногами. По видимому его матерью была одна из четырех других женщин что ходили позади нее оказывая ей почести как старшей. Все они были явно не из простых людей. Об этом говорила их спокойная величественная походка и склад тел которые никогда не сгибались в почтительном поклоне. Взгляд у всех у них был прямой, требовательный. Так смотрят обычно только жены больших господ. Жили они в отдельных каютах, ели не за общим столом. Кок носил им еду прямо в каюту на большом серебряном подносе. О том что эти женщины совсем не простые пассажиры говорили все члены команды. Все гадали кто они но никто этого так и не узнал. Мы уже приближались к пункту нашего назначения. До Сухум-Кале оставалось меньше чем двух часов пути. Корабль легко скользил по темно-синей глади воды. Ничто не предвещало беды как неожиданно налетел шквальный ветер. Капитан дал команду спустить паруса но было уже поздно. Ветер был такой силы, что матросы не успели даже начать уборку парусов как ужасный порыв ветра снес переднюю мачту. Вслед за первой мачтой рухнула на палубу и вторая. Еще через несколько минут корабль потерял управление. Его стали накрывать громадные волны. В это время женщины находились на палубе. Я видел как рухнувшие мачты накрыли двоих из них. Затем гигантская волна смыла за борт третью женщину. Старшая из них как обычно держала на руках малыша.

На моих глазах их обоих смыла за борт следующая волна. Я видел только что даже упав за борт женщина крепко держала ребенка выталкивая его из воды. Дальше я ничего не помню. Когда я очнулся тихая ласковая волна качала большой кусок мачты за которую я держался. С другой стороны этот же брус обхватила девочка которая была с теми женщинами. Глаза у нее были громадные, голубые, но в тот момент в них был только испуг. Она плакала и все время причитала на арабском языке.

- Где моя мама.

Я немного понимал по арабски. Ведь мы все читаем коран и потому я сразу же понял что она говорит.

Волна смыла с ее головы платок и по воде распластались ее необыкновенно красивые золотистые волосы.

Голубые бездонные глаза девочки были полны безумного страха.

Я часто терял сознание. По видимому во время урагана меня стукнуло о что-то твердое, так как когда ее причитание приводили меня в сознание я чувствовал что моя голова лопается от боли а по глазам и лицу течет липкая кровь которую смывала соленая волна. Девочка как и я была в ужасном состоянии. Порой мне казалось, что она просто не видит меня и только сила провидения а не ее сознание заставляет её крепко держаться за спасительное бревно.

Стояла середина июля. Вода в море была довольно теплая и потому я долго не чувствовал холода.

Много часов носило нас по волнам. Сперва я сам забрался на громадное бревно. Затем помог сделать то же самое моей спутнице по несчастью.

Вскоре нас подобрал другой корабль. Меня отправили в лазарет. Куда делась девочка я не знаю. Когда я вышел из лазарета девочки на корабле уже не было.

Никто из матросов на мои вопросы о том куда она делась ответить мне не смог. Все недоуменно разводили руки и качали головами. Так я эту прекрасную девочку никогда больше не видел. Могу только догадываться что ее продали на каком-то невольничьем рынке Турции или Северной Африки.

На этом рассказ моряка закончился и он поблагодарив за бесплатный ужин ушел из порта. Правду рассказывал он или нет не знал никто, но то о чем говорил он очень напоминало историю загадочного исчезновения семей Али-бея и Мухамад-бея.

Сам Мухамад-бей долго не терял надежды найти свою семью и несколько раз посылал к Владетельному князю Абхазии делегации с богатыми дарами и с одной и той же просьбой.

- Найти его жену и сына.

Владетельный князь старался хоть чем-то помочь шейху аль-Баледу Египта, но все его поиски остались безрезультатными. Воз-

можно, что рассказ старого моряка и был правдой ибо никто больше никогда не видел ни Фагуды, ни ее сына.

Не слышал больше никто ни одного слова и о Нафисе и ее подругах. Они словно в воду канули. А может и на самом деле все они в воду канули.

БИЛЯЛ

Ни одному смертному не дано знать какая дорога ждет его впереди. Большая или малая. Освещенная лучами солнца или накрытая черными тучами. Не знал того и Али-бей. Уже несколько дней беспомощно лежал на тюремной койке человек перед именем которого совсем еще недавно вздрагивал весь Восток от Стамбула до Багдада. Человек слава о котором дошла до холодных и непредсказуемых коридоров власти Петербурга и Берлина, Парижа и Лондона.

Несколько дней Али-бей был без сознания. Жизнь его висела на волоске. Лекарь и приставленные к нему охранники удрученно качали головами. Состояние его было почти безнадежным. Слишком глубокие и тяжелые раны получил он. Все ждали когда Всевышний заберет его к себе. Мухамад-бей несколько раз посетил его и требовал от лекарей чтобы они любыми способами поставили его на ноги. Говорил он это в присутствии многих людей. Ему важно было чтобы все слышали как хочет он спасти от смерти своего предшественника. Это нужно было ему по нескольким причинам. Живым и здоровым хотел получить в свои руки Али-бея Эреджеб. Помимо этого забота нового Султана Египта о здоровье Али-бея должна была показать мамлюкскому сообществу что он, Мухамад-бей, не был участником мятежа против своего покровителя, что он никак не стремился к власти, а вынужден был принять ее в силу сложившихся обстоятельств к которым он не имел никакого отношения. Тогда никто в будущем не смог бы упрекнуть его в гибели многих видных вождей мамлюкского сообщества имевших место в битве при Самихии и не получил бы возможности использовать в дальнейшем этот фактор в борьбе против него. Самым последним и самым важным для него фактором была Фагуда.

Только Али-бей знал куда отправил он ее и где она могла находиться сейчас, вместе с его сыном. Только он мог сказать Мухамад-бею где находятся они сейчас.

Помимо этого Мухамад-бей желал иметь возможность покляться Фагуде на коране в том что это он вернул к жизни ее брата, а значит не желал ему зла, а все что он делал до того вынужден был делать только для того чтобы спасти его от самосуда и расправы за смерть Сахиб-бея которая ждала его если бы титул Султана принял Назымбий.

Причин побуждавших Мухамад-бея требовать от лекарей вернуть к жизни больного было более чем достаточно и потому его желание в этом деле было на самом деле искренним и однозначным.

Но несмотря ни на что все меры принимаемые лекарями положительного результата не давали. Али-бей в себя не приходил. Все понимали, что дни его сочтены и нужно готовиться к худшему результату. Один из служителей Султанского двора посоветовал Мухамад-бею привезти из пригорода Каира нищего целителя который за кусок хлеба и чашку похлебки лечил бедняков во всей округе. Рамзан, как звали целителя творил чудеса и часто вытаскивал многих бедняков прямо с того света.

Целителя привезли в тот же день. Был он худой, костлявый и имел крайне неприглядный вид. Взгляд у него был злой, недобрый. Всякий кто общался с ним в первый раз чувствовал невольный озноб от каждого его слова, от каждого его движения.

Когда знахарю сказали что за исцеление Али-бея ему дадут целых десять золотых монет он криво усмехнулся и сказал, что ему будет достаточно если его хорошо накормят, напоят, обмоют и дадут новую одежду. Сановник которого Мухамад-бей назначил ответственным за присмотр над бывшим Султаном услышав его слова несказанно обрадовался им. Десять золотых монет целое состояние. В случае положительного исхода дела он мог взять их себе.

На то чтобы накормить и одеть старого лекаря много денег не ушло бы и потому предложение грязного и не совсем хорошо пахнущего знахаря было принято без обсуждений. Тот принес с собой целый мешок всяких трав и снадобий, бесцеремонно выгнал всех из комнаты где находился больной и приступил к лечению Али-бея.

Стоявшие на посту охранники и чиновники ожидавшие исхода дела несколько дней глотали горький дым вылетавший из под

двери и слушали какие то монотонные мелодии и завывания. Иногда звуки за дверью прекращались, дым переставал валить из под двери. Что происходило за дверью никто не знал. То ли знахарь отдыхал, то ли засыпал, то ли разговаривал в полголоса с духами неба. Никто в комнату не заходил. Так велел старик который сказал.

- Если зайдете без моего разрешения в комнату духи неба уйдут и унесут с собой душу больного.

Никто особо старику не верил, но новый Султан велел беспрекословно исполнять его приказы и все исправно исполняли их. Зачем гневить нового Султана. Никто еще не знал какой он будет – добрый или жестокий.

Знахарь неотступно находился около Али-бея почти трое суток. Никто так и не понял что он ел и пил все это время. К концу третьего дня открылась дверь, старик вышел и сказал дежурившим все это время в соседней комнате чиновникам.

- Пусть меня хорошо помоют, накормят, напоят и дадут хорошую одежду. Он будет жить.

Из открытой двери комнаты доносился удушливый запах горьких трав и жженой шерсти.

- А если ты сказал неправду старик, кто будет отвечать за твои лживые слова спросил один из дежуривших чиновников и добавил с нескрываемой угрозой в голосе.

- Ведь тогда с тебя живого твою паршивую шкуру снимут.

На что старик совершенно спокойно отвечал.

- Тогда и снимете. Я никуда не убегу. Пугать меня не нужно. Меня уже нечем не испугаешь. Лучше выполняйте свои обещания. Я свое дело сделал.

Выслушав его ответ чиновники недоверчиво переглянулись между собой и не сговариваясь пошли в комнату где лежал больной. Али-бей как и раньше лежал на спине, глаза его были закрыты, но дыхание было ровным и спокойным будто он просто спал и должен был вот вот проснуться.

Обрадованные чиновники понеслись докладывать Султану о том что его задание исполнено.

Между тем знахарь прилег на жесткую скамью стоявшую в углу комнаты и заснул так и не дождавшись их возвращения. Через некоторое время мамлюки охранявшие Али-бея вышвырнули старика из дома несмотря на все его уверения о том что с ним еще

не расплатились. Когда ворота через которые вытолкнули его на улицу закрылись старый лекарь сел на обочине пыльной улицы и начал молиться Всевышнему.

Он просил его даровать жизнь и здоровье Али-бею и не дать долгой дороги тем кто погубил его и обманул его самого.

Известие о том что Али-бей будет жить обрадовало нового Султана. Это давало ему шанс найти жену и сына.

Новость об изменении состояния здоровья Али-бея быстро облетела весь Каир.

В некоторых мечетях шейхи и имамы тайно помолились Аллаху чтобы он даровал долгие годы жизни человеку желавшему сделать добро для бедных и обездоленных.

В тот же день к Мухамад-бею неожиданно пожаловал Эреджеб. Видно и до него дошла весть о выздоровлении Али-бея.

Он вел теперь себя несколько сдержаннее, но по прежнему высокомерно и вызывающе.

Турок без долгих вступительных слов напомнил ему о том, что Али-бей согласно требованию Турецкого Султана должен быть доставлен в Стамбул живым и невредимым.

Тон у Эреджеба был требовательным. Он уже знал, что в скором времени после того как он доставит Али-бея в Стамбул его назначат наместником Турецкого Султана в Египте вместо изгнанного в свое время Рахима Мехмед-паши. Эти радужные перспективы делали Эреджеба уверенным в себе и в своем будущем. Вместе с должностью наместника Эреджиб должен был получить титул паши.

Мухамад-бей терпеливо слушал турка, а сам думал о том, что Эреджеб и Тысяцкий Галим были двумя последними свидетелями его участия в заговоре против Султана. От них нужно было избавляться и чем быстрее тем лучше. С Галимом все было уже решено. Его тысяча направлялась на учения где и должен был найти его кинжал наемного убийцы.

С Эреджебом все было гораздо сложнее. Он был крайне осторожен. Без охраны из дома не выходил. Убивать его демонстративно было нельзя. Гнев Султана в считанные дни мог достигнуть пределов Египта и тогда ему не миновать большой беды, а возможно и публичной казни. Нужно было найти другое решение проблемы и он ее искал.

Выслушав Эреджеба Мухамад-бей сказал.

- Воля Султана для меня священна и я ее выполню. Нужно только подождать пока Али-бей выздоровеет и встанет на ноги. Тогда я выдам Вам его и обеспечу надежную охрану в пути следования чтобы Вы могли доставить его в Стамбул в целости и сохранности. Свои последние слова Мухамад-бей особо подчеркнул желая хоть как-то усыпить бдительность осторожного и все видящего турка.

На этом они разошлись. Эреджеб ушел как всегда едва кивнув головой на прощание. Весь его вид говорил только об одном.

- Не забудь, я держу в руках птицу твоей судьбы. Если что не так эта птичка умрет так и не взлетев в воздух.

Мухамад-бей находился в тяжелом положении. Он понимал, что просто так он у Али-бея не узнает где находятся Фагуда и Даут. Вырвать у него под пыткой эти сведения было делом безнадежным. Али-бей умрет, но не скажет ни слова если сам не захочет сделать того. Да и что он мог сказать потом Фагуде когда она узнает о том, что он пытал ее брата. Тогда вся его предыдущая работа пойдет насмарку. Нужно было искать какое-то другое решение вопроса. Для начала он решил навестить Али-бея и убедиться лично в том что тот действительно идет на поправку. В тот же день он в сопровождении нескольких беев зашел в комнату где лежал больной. Тот был еще без сознания, но здоровый румянец сменил уже на его лице тот мертвенный оттенок, что лежал на нем все предыдущие дни. Сразу было видно что Али-бей пошел на поправку. Беи сопровождавшие нового Султана не знали как себя вести. То ли выражать чувство радости от того что больной пошел на поправку то ли выражать какие-то другие чувства. Никто не знал что больше понравится Мухамад-бею и как он среагирует на то или другое излияние чувств. Исходя из этого все сдержанно закивали головами и не стали больше ничего говорить.

Мухамад-бей был твердо уверен, в том что он не будет выдавать Али-бея Турецкому Султану. Вопрос был не в том выдавать Али-бея или нет, а в том как не выдать его и не попасть в опалу к туркам. Власть Мухамад-бея была еще шаткой и совсем не прочной. Вот вот мог появиться в Каире Камаль-бей со своим корпусом. В этой непредсказуемой ситуации важно было не упустить ни одной мелочи и постараться учесть все варианты возможного хода дальнейшего развития событий. В такой ситуации любая даже мелкая ошибка могла стать для него смертельной. С одной стороны был Камаль-бей. С другой стороны турки которые в любой момент могли повернуть свое лицо в другую сторону. Не маловажную роль могли сыграть и его вечные соперники из некавказских кланов. Эти тоже рвались к власти. Необходимо было учитывать и тот факт что позиции Кавказского крыла мамлюкского сообщества после отстранения от власти ее бесспорного лидера Али-бея и гибели Сахиб-бея, Фатхи-бея и Назымбия заметно ослабли. Ему необходимо было срочно найти им достойную замену. Сделать это было совсем не просто. Желающих занять их место было много, а вот достаточно авторитетных и надежных личностей совсем мало.

Само по себе Кавказское или так называемое черкесское крыло мамлюкского сообщества составляло примерно четвертую часть от общей численности мамлюков.

Но в силу особенностей характера и менталитета народов Кавказа именно черкесское крыло являлось всегда главной силой мамлюков.

Многие века за редким исключением (Саладдин, Бейбарс) Султанами и правителями Египта становились в основном черкессы.

В те времена национальности черкессы не было. Черкессами турки, арабы, персы, а вслед за ними и вся Европа называли представителей народов Северного Кавказа и Закавказья. Исключение в этом перечне составляли совсем немногие народы относившие себя к другим этническим группам.

Весь мир называл черкесами чеченцев, адыгов, мигрельцев, абхазов, убыхов, абазин и т.д.

Черкессами называли и абхаза Али-бея и мигрельца Ибрагима Катхуда и многих многих других видных представителей мамлюкского сообщества.

История мамлюков знала разные времена. Были времена когда в среде мамлюкских военноначальников преобладали представители адыгских племен. Были времена когда преобладали представителей народа Абаза. Но во всех случаях и у тех и у других был неписанный закон. Поддерживать и никогда не предавать друг друга. Были, конечно, и случаи предательства. Но предавали как правило адыги адыгов, абхазы абхазов. Адыги абхазов или абхазы адыгов не предавали. Это был нерушимый закон продиктованный инстинктом самосохранения. Пусть каждый разбирается в своей «семье», а для всего остального мира они должны были едиными и неделимыми. Малейшая трещина

между ними могла стать пропастью куда могли упасть и те и другие по очереди или сразу вместе.

Убедившись в том что Али-бей действительно пошел на поправку Мухамад-бей ушел в приподнятом настроении. Вслед за ним ушли и сопровождавшие его беи так и не высказавшие своего отношения к выздоровлению Али-бея.

Теперь у Мухамад-бея появился реальный шанс показать всем членам Совета беев, что он действительно желает выздоровления бывшему Султану против которого он лично ничего не имеет, но которого они сами убрали с трона за то что он пошел на союз с неверными и убил своего лучшего друга и соратника. Такая ситуация давала ему возможность лишить в будущем своих возможных конкурентов их главного оружия – обвинения в том что он совершил государственный переворот и незаконно занял трон Султана Египта тогда когда настоящий Султан был еще жив и от трона не отрекался. Пока все шло так как он и предполагал. Оставалось только дождаться пока Али-бей выздоровеет, встанет на ноги и с ним можно будет говорить на интересующие Мухамад-бея темы. В тот же день к Мухамад-бею пришли Ибрагим-бей и Мурад-бей. Теперь они были его главной опорой и в армии и в государстве. С их мнением ему необходимо было считаться. К его удовлетворению у Ибрагим-бея и Мурад-бея было такое же мнение как и у него.

- Выдавать туркам своих мамлюков тем более самого Али-бея нельзя ни при каких обстоятельствах.

Мурад-бей прямо без обидняков сказал.

- Турки много что творили в Египте, но никогда ни один Турецкий Султан не выдавал нам своих людей. Не должны делать этого и мы. Я считаю что нужно найти любой способ для того чтобы Али-бей не попал в Стамбул. Какой бы не был Али-бей его выдачу туркам мамлюки нам не простят, закончил он свою мысль.

То же мнение высказал и Ибрагим-бей. Он был еще категоричнее.

- Плохой Али-бей или хороший знает только Всевышний. Он и только он скажет кем был бывший Султан когда придет тому срок, а сейчас мы не должны забывать что всех нас родила одна земля. В наших жилах течет одна кровь. Выдавать здесь на чужбине туркам своего человека нельзя. Анча-ду не простит нам этого. Если Али-бей допустил ошибку и пошел на союз с неверными Всевышний

наказал его нашими руками. Мы, и я в том числе, сделали то что нужно было сделать, но предавать никого я не буду. Пока я бей и я ношу саблю Али-бей в руки турков не попадет.

Мухамад-бею понравилось все что он сказал и в первую очередь то что Ибрагим-бей не высказал сомнений в том что Али-бей совершил ошибку пойдя на Союз с русскими. Правда он не высказал никаких мыслей в отношении смерти Сахиб-бея, что несколько насторожило Султана. Он хотел чтобы все вокруг него искренне верили в то что смерть Сахиб-бея это дело рук его предшественника. Он так хотел, но знал, что по рядам мамлюков ходят уже всякие слухи в том числе и такие где подвергается сомнению причастность Али-бея к смерти своего друга. Особенно сильны эти слухи были в корпусе которым командовал в свое время сам Сахиб-бей. Мамлюки этого корпуса окружили в последнем сражении Али-бея и его сторонников. Они желали отомстить за смерть своего командира, но слышали как израненный Али-бей сражаясь с ними кричал.

- Я не убивал Сахиб-бея. Мне не нужна Ваша пощада, но запомните . Я не убивал его. Клянусь именем Всевышнего.

Если бы его слова не посеяли сомнения в душах мамлюков они не несли бы его так бережно когда он упал под их ноги истекаю кровью. Все это Мухамад-бей не забывал ни на минуту. Все это его настораживало, заставляло быть постоянно начеку, вникая во все детали этого события.

Он прекрасно понимал, что может наступить такой момент когда мамлюки могут спросить его. А правдой ли было то что Али-бей убил своего товарища. А не пришел ли он к власти в результате провокации организованной турками при его непосредственном участии. Эти мысли все более и более укрепляли его в уверенности в том что Тысяцкий Галим и турок Эреджеб заждались своего последнего часа на этой бренной земле. С ними нужно было кончать. Кончать немедленно. Они могли сказать то что они знают. И сказать в самый неподходящий момент. Решение этой проблемы нельзя уже было откладывать. События и время торопили Мухамад-бея.

Теперь возникла реальная возможность решить стоявшую перед ним задачу руками Ибрагим-бея и Мурад-бея. Их слова и их поведение говорили о том, что они ждут от него только намека на

необходимость решения этой задачи в ближайшее время. Он так и сделал, задумчиво сказав.

- Я бы с удовольствием поступил так как Вы просите, но Эреджеб не позволит нам с Вами сделать благородное дело. Он хочет заработать на Али-бее и награды и расположение Султана. Если бы не было Эреджеба все можно было организовать так как нужно не уронив своего имени перед сообществом мамлюков.

Ибрагим-бей в отличии от многих других хитрить не умел. Он всегда говорил прямо все то что он считал необходимым сказать. В этом плане он был чем то похож на Апстха. За это его многие уважали, многие ненавидели. Уважали те кто любил правду. Ненавидели те кого эта правда не устраивала. Вот и сейчас он прямо сказал.

- Если Ереджеб мешает нашим планам нужно сделать так чтобы он не мог больше мешать нам. Если позволишь, повелитель, я эту проблему решу сам.

- А гнева Султана не боишься?

Ведь за это могут и казнить.

- Я больше боюсь своей совести отвечал Ибрагим-бей. Анча-ду не простит мне если при мне казнили моего сородича которому я мог помочь.

Ибрагим-бея в детстве звали Дауром. Это потом когда он попал в рабство и принял мусульманскую религию его назвали Ибрагимом. Отец его был убыхом прожившим всю свою жизнь в большом абхазском селе Бомбора.

Даур его не помнил. Он погиб во время войны абхазов с войсками князя Дадиани. Мать его была из рода Агрба. Она взяла своего малолетнего сына и ушла жить в село где стояли дома ее братьев.

Старший из них Мата и воспитал Даура. Он учил его урокам «апсуара»[31]. Уроки своего дяди Даур запомнил навсегда. Они вошли в его сознание и стали неотъемлемой частью всего его «я». Благодаря всему этому Ибрагим-бей был по психологии абхазом и считал себя таковым на самом деле, хотя и абхазы и убыхи по большому счету принадлежали к одному и тому же народу Абаза .

Даже находясь далеко от земли своих предков Ибрагим-бей жил по законам этой земли. Таким его воспитали.

[31] «Апсуара» - кодекс чести и правила поведения абхаза, абхазки.

Другим он уже стать не мог. Он и сам не понимал как это происходило, но что-то неизведанное, находившееся там глубоко внутри его сознания требовало от него хранить и не забывать законы родной земли. Он их и хранил, стараясь ни на шаг не отступать от законов своих предков даже здесь далеко от их могил.

За долгие годы дружбы с Ибрагим-беем Мухамад-бей хорошо изучил характер своего младшего товарища. Он знал его решительность и был уверен в том что если он сейчас развяжет ему руки тот сделает все так как нужно не посмотрев ни на что.

Мухамад-бею оставалось только дать согласие что он и сделал, но попросил.

- Если можно то давай вместе подумаем над тем как решить эту задачу и не получить ненужные осложнения с двором Турецкого Султана. Говоря эти слова он имел ввиду только одно. Не подставить под удар своего младшего друга который был ему надежной опорой.

Его желание не навредить своему товарищу было довольно искренним. Ибрагим-бей был нужен ему. Он был одним из тех на кого он мог опереться в это сложное непредсказуемое время.

Немного поразмыслив он решил использовать тот же метод что использовал в свое время сам Эреджеб. Так все и сделали.

Эреджеба убили среди бела дня. Убил наемный убийца метнув в него нож с расстояния в 30-40 зир. За убийцей погнались мамлюки Ибрагим-бея. Его поймали и поместили в тюрьму.

Наемника потихоньку отпустили, а подчиненным покойного Эреджеба принесли голову бродяги умершего на окраине Каира. Тем ничего не оставалось делать как не засвидетельствовать то что они видели своими глазами как Мухамад-бей расправился с убийцей подосланным сторонниками свергнутого Али-бея. На этом история с Эреджебом закончилась. Он допустил большую ошибку перейдя дорогу Мухамад-бея. За это и поплатился он своей жизнью так и не поняв за что его убили.

Али-бей пришел в себя на следующий день. Его накормили куриным бульоном. Он пил его, а глаза были еще совершенно бессмысленными. Он никак не мог понять, что с ним, где он и что произошло вокруг него. В голове кружились обрывчатые картины боя, гибели его друзей, но его сознание еще не в состоянии было связать все это в единое целое. Чиновники которым была выделе-

на солидная сумма денег на поиски хорошего лекаря и лечение Султана довольно поглядывали друг на друга.

Им удалось выполнить важное поручение нового Султана Египта, а заодно и оставить себе немалые деньги которые они и поделили тотчас между собой. Через пару дней Али-бей резко пошел на поправку. Он даже пытался вставать, но лекари хлопотавшие вокруг него не давали ему сделать этого. Сознание потихоньку возвращалось к нему. Али-бей уже все хорошо вспомнил и осозновал что он находится в тюремной камере и его охраняют как важного государственного преступника. Догадывался и почему. Видно его собирались выдать Турецкому Султану.

К вечеру одного из таких дней к нему пришел Ибрагим-бей. Ибрагим-бея попросил сделать это новый Султан который намеревался через него разузнать где находятся Фагуда и Даут. Султан сделал расчет на то что Али-бей хорошо знает Ибрагим-бея, знает что тот не умеет лгать и всегда говорит только правду. Это по расчетам Мухамед-бея должно было расположить Али-бея к откровенному разговору. Расчет нового Султана был верным. Ибрагим-бей был единственным человеком в его лагере кому мог поверить свергнутый правитель Египта.

Когда Ибрагим-бей зашел в камеру больной лежал с закрытыми глазами. Ибрагим-бей жестом руки показал лекарям и чиновникам суетившимся вокруг Али-бея чтобы они вышли. У двери камеры он поставил своего человека чтобы никто из особо любопытных не мог подслушать его разговор. Подойдя к нарам на которых лежал больной Ибрагим-бей почтительно склонился перед ним. Али-бей был старше его. Помимо этого Ибрагим-бей слышал рассказы мамлюков о том как мужественно вел себя во время боя уже оставшись один знаменитый воин. Это не могло не внушать уважения к нему. Ибрагим-бей сам был воином и как настоящий воин он не мог не уважать мужество других воинов. Более того Ибрагим-бей даже гордился тем, что в жилах такого бесстрашного воина как Али-бей текла кровь такого же кавказца как и он. Да, теперь он был враг. Но враг внушающий уважение и друзьям и врагам своим мужеством, благородством и неукротимым нравом.

Ибрагим-бей сам не подходил к месту последнего боя Али-бея. Он не хотел видеть как погибает человек которому он по-

клонялся как одному из самых отважных и искусных воинов которых знали когда-нибудь земли Кавказа, Ближнего Востока и Африки.

После того сражения Ибрагим-бей не раз слышал от других мамлюков последние слова окровавленного, но не сдавшегося на милость победителя Али-бея. Его слова переходили из уст в уста и многие уже сомневались в том что бывший Султан имел отношение к гибели Сахиб-бея. Многие не только сомневались в этом, но и верили уже в невиновность Али-бея. Но дело было уже сделано. Султан свергнут. На его месте сидел уже другой и ничего сейчас нельзя было изменить.

Когда он подошел к Али-бею и поклонился ему тот услышав звуки его шагов открыл глаза. Увидев перед собой Ибрагим-бея больной без слов демонстративно отвернулся от него.

Он не хотел с ним разговаривать. Ибрагим-бей предвидел такой поворот событий и потому не ожидая дальнейших действий последнего начал говорить с ним на абхазском языке.

- На сегодняшний день мы находимся по разные стороны. Так видно пожелал Всевышний. Но все равно я уважаю тебя как старшего по возрасту и великого воина. Если ты позволишь я скажу дальше.

Подождав минуту другую и поняв, что он не услышит никакого ответа Ибрагим-бей продолжил говорить.

Я как и многие другие не мог простить тебе того что ты убил своего друга. Потому я пошел с теми кто хотел отомстить тебе за его смерть. Теперь многие сомневаются так это было или нет. Но говорить об этом уже поздно. Дело сделано. Ничего назад уже не вернуть. Теперь только Всевышний даст ответ. Кто был прав, а кто виноват.

При последних словах Ибрагим бея больной медленно повернулся в его сторону. Ибрагим-бей перестал говорить ожидая что он скажет ему.

Али-бей перевернулся на другой бок, привстал при помощи рук и отдышавшись от непосильных для раненного движений спросил Ибрагим-бея глядя прямо ему в глаза на том же абхазском языке.

- А ты веришь в то что я мог убить своего друга и верного соратника. Ты как никто другой знаешь, что Сахиб-бей был для меня не столько охранником сколько младшим другом.

Такой вопрос застал Ибрагим-бея врасплох. Он и сам теперь не знал точно верит он в то что Сахиб-бея убили по приказу Султа-

на или нет. Он задумался, но Али-бей не дав ему ответить закончил свою мысль.

- Я одной ногой уже там перед взором у Всевышнего. Я знаю, что живым из этой тюрьмы мне не выйти поэтому перед лицом моего создателя я говорю. Я не убивал Сахиб-бея. И приказов убивать его я не отдавал. Клянусь именем Аллаха. А теперь уходи. Я не хочу разговаривать с человеком который предал меня. Предал несмотря на то что я искренне любил его.

Сказав последние слова Али-бей также медленно отвернулся от озадаченного собеседника и замолчал.

Удрученный услышанным ответом Ибрагим-бей постоял еще немного около больного и поняв что тот больше не будет говорить с ним медленно направился к двери камеры.

Уже у самых дверей Ибрагим-бея догнали слова узника.

- Передай тому кто прислал тебя сюда. Не каждому Всевышний дает прикоснуться к своей мечте.

Создатель все видит, все слышит. Всему свое время. Придет и ему время держать ответ перед Аллахом за свои дела. Я уйду со спокойной совестью. Я увидел свою мечту. Он не увидит ее никогда ибо у него мечты нет. У него за спиной только черные замыслы и предательство. Мне есть что вспомнить в последний час. Ему нечего будет вспомнить. Передай ему все это.

Ибрагим-бей обернулся. Узник все так же сидел спиной к нему. Он не хотел его видеть.

Ибрагим-бею стало ясно. Такие слова мог сказать только тот человек который приготовился в последний путь и хочет пройти по нему как человек собирающийся умереть мужчиной.

Любому нормальному человеку тяжело находиться рядом с горем другого человека. Не был исключением в этом плане и Ибрагим-бей. Он чувствовал что вся история с убийством Сахиб-бея не так проста как кажется на первый взгляд. В ней было много неясного и темного. Большие сомнения у него вызывала теперь и сама причастность Али-бея к этому злодеянию. Нужно было время чтобы осмыслить происшедшие события и дать им правильную оценку.

Время. Время. Его не хватало никому. Даже Великому Али-бею. Видя спину своего вчерашнего кумира Ибрагим-бей думал.

- Я сделаю все чтобы найти правду. Вернее всего всю эту историю подстроили турки, а Мухамад-бей оказался в итоге заложником ситуации созданной ими. О причастности самого Мухамад-бея ко всей этой истории он даже мысли не допускал.

Али-бей сидел спиной к нему, но чувствовал, что Ибрагим-бей еще не ушел. Ему было приятно, что человек в которого он верил не отвернулся от него как многие другие ранее либезившие перед ним. Человек так создан, что всю свою жизнь он карабкается на свою вершину. У каждого из нас своя вершина. Каждый из нас лезет на свою вершину как может. Одни прямыми открытыми путями. Другие по тропинкам которые разглядеть сразу же очень трудно. Каждый человек считает за счастье достичь свою вершину. Не знает он до поры до времени только одного. Когда он достигнет вершины оттуда, с вершины дальнейшая дорога идет только вниз.

Одни медленно шаг за шагом спускаются со своей вершины. Другие стремительно падают вниз. Упал со своей вершины и Али-бей. Упал и разбился. Дорога его подходила к своему концу, но он никак не хотел смириться с этим. Он был уверен, что его конь – Апша еще не раз пронесется по бесконечным просторам земли покрывая пылью из под своих копыт и время и пространство.

Недалеко от дверей камеры стояли два чиновника и лекари. Им нетерпелось узнать о чем говорил Ибрагим-бей с бывшим Султаном, но они так ничего и не узнали об этом. У дверей стоял грозного вида мамлюк который мог огреть ножнами кинжала по голове если бы они посмели приблизиться к двери ближе чем он разрешил им.

Посещение опального Султана посеяли глубокие сомнения в душе Ибрагим-бея.

После слов услышанных им он был уже почти уверен в том что Али-бей не убивал Сахиб-бея. Для него вопрос был теперь в другом. Кто подстроил все это и был ли причастен к заговору сам Мухамад-бей.

С одной стороны Мухамад-бей долго и упорно отказывался принять трон Султана, но с другой стороны это могла быть хорошо разыгранная игра.

Где была правда знал теперь только Аллах. Хотел узнать ее и Ибрагим-бей.

С этой целью он решил найти тех мамлюков которые видели своими глазами все что произошло в тот злополучный день когда

убили Сахиб-бея. Они и только они могли хоть немного пролить свет на эту темную историю.

А пока нужно было идти и докладывать новому Султану о результатах встречи с Али-беем.

Тот настоятельно просил его рассказать ему незамедлительно о том какой ответ даст ему Али-бей на вопрос о местонахождении Фагуды и Даута. К сожалению сказать ничего об этом Ибрагим-бей так и не смог. Али-бей просто не пожелал разговаривать с ним ни о чем.

Он считал его предателем который участвовал в заговоре против него и это больше всего угнетало Ибрагим-бея. Он никогда не был предателем и не желал чтобы хоть кто-то считал его таким. Он не умел и не хотел обманывать людей которые ему верили.

Мухамад-бей сидел в старом кабинете Али-бея и ждал возвращения своего посланника к бывшему Султану. Он был в сложном положении. Все чего добился он к этому времени не имело никакого смысла если рядом не было Фагуды и Даута. Евнух Джамал несколько раз заходил к нему. Он спрашивал что ему делать. Если бы Фагуда была рядом то возможно он и вспомнил бы о гареме и своих обязанностях по отношению к нему, но сейчас без нее все это было для него неинтересно и даже неприятно. Трон правителя Египта оказался не таким мягким и удобным как полагал он до этого.

Если бы у него сейчас была бы возможность выбора то он без малейших колебаний и сомнений, конечно же, выбрал бы то что было раньше. Он, знатный бей, любимец Султана. Рядом с ним Фагуда и Даут. Небо над ними всегда теплое, звезды яркие. Увы он уже сделал то что сделал и нельзя было ничего уже изменить. Теперь оставалось только ждать возвращения Ибрагим-бея и надеяться, что он принесет добрые вести.

Вопреки всем его ожиданиям трон правителя Египта не принес ему ни счастья, ни покоя. Надежда на лучшее - это было то единственное из того что оставалось теперь у него.

Через час к нему явился Ибрагим-бей. Он принес безрадостные известия. Более того по его задумчивому лицу и нескольким случайно обраненным фразам Мухамад-бей понял, что в душе у его младшего товарища творится что-то неладное.

Сразу же по его уходу он вызвал к себе чиновников находившихся рядом с Али-беем. Они не смогли сказать ему ничего вразумительного, так как были удалены из камеры где лежал Али-бей и

только по обрывкам фраз услышанных ими сквозь неплотно прикрытую дверь могли предположить что разговор в камере происходил на абхазском языке. Утешило в их рассказе только то, что разговор между узником камеры и его посетителем был совсем недолгим и Ибрагим-бей вышел от бывшего Султана больше озадаченный и удрученный чем удовлетворенный. После убийства Эреджеба требовавшего выдать Али-бея, можно было подумать и о том как сохранив жизнь бывшему Султану удалить его из Египта.

Это нужно было Мухамад-бею в первую очередь для того чтобы не чувствовать в последствии угрызений совести перед самим собой и иметь возможность сказать Фагуде и всем остальным представителям мамлюкского сообщества.

- Вот для чего я вынужден был согласиться на предложение восставших мамлюков стать Султаном. Если бы я не согласился сделать это то любой другой кто принял бы титул Султана и занял трон Али-бея сразу же расправился бы с ним.

А так мое согласие стать Султаном Египта дало возможность сохранить Али-бею жизнь.

Задача стоявшая перед новым Султаном была совсем нелегкая. Нужно было сохранить жизнь Али-бею, но сделать это так чтобы никто и никогда не смог бы использовать его имя в борьбе за власть и чтобы его удаление из Египта не вызвало бы осложнений во взаимоотношениях с Турцией.

Мухамад-бей рассматривал несколько вариантов. Одним из них было возвращение Али-бея в Абхазию. Здесь можно было купить ему хороший дом высоко в горах в урочище Псху, отправить туда вместе с ним Нафису, Мариам и Гатису, снабдить их хорошими деньгами взяв предварительно слово с Али-бея что он никогда больше не вернется в Египет и не будет делать ничего против него. Было и несколько других вариантов в том числе и отправка Али-бея в Мигрелию на Родину Нафисы где их могли приютить ее родственники. Мухамад-бей предусмотрел и тщательно продумал еще несколько других путей вывода Али-бея из активной политической деятельности с сохранением ему жизни. При этом Мухамад-бей прекрасно понимал, что все его планы на эту тему могли быть реализованы только при желании Али-бея содействовать ему в их реализации. Весь вопрос состоял только в одном. Как убедить его в том что все что он собирается сделать сейчас для него только ему на пользу. Его должны казнить за убийство Сахиб-

бея, но он дарует ему жизнь. Для того чтобы он мог сделать это он просит взамен всего немного.

Пусть он скажет где находятся Фагуда и Даут и даст согласие на реализацию планов по его вывозу из Египта.

Уезжая из страны он должен будет поклясться на коране что больше никогда не вернется в Египет и не будет авторитетом своего имени поддерживать тех кто пожелает завтра бороться с Мухамад-беем за власть в Египте.

Все эти условия должен был озвучить ему Ибрагим-бей, но Али-бей отказался с ним разговаривать. Теперь очевидно придется идти к Али-бею ему самому.

Он не хотел встречаться с ним, но видно другого выхода уже не было. Его личная встреча была единственной возможностью узнать где находятся его жена и сын. Другого пути решить эту задачу у Мухамад-бея не было и потому он скрепя сердце принял решение навестить Али-бея.

За несколько часов до назначенного посещения Мухамад-бею доложили что на учениях при странных обстоятельствах погиб тысяцкий Галим. Его нашли в походном шатре с кинжалом в спине. Мухамад-бей распорядился чтобы семье Галима помогли деньгами, а сам с облегчением подумал.

Ушел последний из тех кто знал о его причастности к убийству Сахиб-бея. Теперь можно было не беспокоиться о том что кто-то когда-то узнает его тайну. Теперь он был полновластным хозяином страны и можно было начинать думать об организации новой партии своих сторонников которые поддержат его в борьбе за независимость Египта. Эту новую партию он планировал сформировать из своих друзей которых полагал назначить на места Фатхи-бея, Назымбия и нескольких тысяцких ушедших на тот свет в последнее время. Все было верно в расчетах Мухамад-бея кроме одного. Он не знал, что сотник Салих посвятил в тайну заговора против Али-бея одного своего товарища. Тот пока молчал, но мог при удобном случае сказать свое слово и поклясться на коране что он говорит правду. Прошло совсем немного времени. Мухамад-бей собирался уже выходить на встречу с Али-беем когда ему доложили.

К нему пришел сотник Билял и просит Султана принять его.

Такое поведение простого сотника было вообще-то дерзостью немалой, но несмотря на это Мухамад-бей приказал чтобы

Биляла пропустили к нему. Что-то подсказывало Мухамад-бею что этот сотник пришел к нему не просто так. Так оно и было.

Билял почтительно склонился перед Султаном и затем выразил ему соболезнования по поводу смерти тысяцкого Галима и сотника Салиха.

Затем он добавил, что Галим и Салих дороги были ему и потому он считает что их смерть это общая потеря и для Султана и для него.

Последние слова о дружбе Баляла с Галимом насторожили Мухамад-бея и он сделав небольшую паузу спросил.

- Так что же тебя привело ко мне мой верный мамлюк. Ты мог выразить соболезнования мне и в другом месте.

Баляла он знал давно, но дружеских отношений у них не было никогда. Просто знали друг друга, но не более.

В руках у Биляла был коран. Мухамад-бей сразу же обратил на это внимание. Просто так держать в руках коран не будет ни один правоверный.

- У меня есть то что нужно Султану, очень нужно, начал говорить Билял. Если Султан поклянется на коране, что эта тайна останется между нами и он не сделает вреда тому кто доверил ее ему я поведаю моему Султану то что я знаю и не скажу больше об этом никому на свете кроме Всевышнего.

Я уверен, что Султану нужно то что у меня есть.

- Говори Билял, отвечал Мухамад-бей.

- Билял услышал его слова, но вместо ответа положил свою руку на коран. После чего он сказал.

- Если Султан даст слово на коране что он никогда и никому не расскажет о том что я поведаю ему то тогда я расскажу ему то что очень важно для него и для всего Египта и сам поклянусь в том что никогда и никому не расскажу об этом.

Я расскажу моему Султану то что он должен знать чтобы завтра он не сделал ошибку какую сделал в свое время Султан Али-бей, продолжал Билял.

В словах и в интонации с которой сказаны были Мухамад-бею эти мысли было что-то недоброе, почти зловещее.

- Мухамад-бей минуту другую был в задумчивости и затем взяв из рук Биляла коран сказал.

- Клянусь именем Всевышнего что никто и никогда не услышит от меня ни одного слова из того что скажешь мне сегодня ты, Билял.

Сказав эти слова Мухамад-бей остановился, но встретив вопросительный взгляд Биляла продолжил.

- Клянусь так же что я никогда ни при каких обстоятельствах не причиню вреда тому человеку который расскажет мне сегодня то что я не знал и то что должно принести мне пользу.

Сказав все это Мухамад-бей снял руку с корана и в свою очередь вопросительно посмотрел на Биляла.

Он ждал от него то ради чего тот пришел к нему.

Ждать пришлось совсем недолго. Билял как и он поклялся на коране не говорить больше никому ту тайну что поведает он сейчас Султану.

- Если позволишь мне я присяду сказал после этого Билял. У нас с тобой возможно будет долгий разговор. Билял был бжедугом. В мамлюкском войске служил давно. Когда Мухамад-бея приняли в мамлюки Билял был уже настоящим воином. Он был значительно старше Мухамад-бея и потому тот разрешил Билялу присесть на тахту.

Билял присел и сразу же начал говорить.

- Повелитель, я долго думал над тем что даст большую пользу нашей стране и нам с тобой.

То что ты не знаешь тайну которую знаю я или если ты будешь знать о ней и сделаешь соответствующие выводы. После долгих тяжелых раздумий я решил, что лучше будет если ты узнаешь то что знаю я и никто больше на этом свете кроме Всевышнего не услышит никогда мои слова.

Тем более, что сейчас уже ничего не изменишь и менять ничего не нужно. Я в этом уверен. Что произошло, то произошло. Любая попытка изменить что-то только навредит нашей стране над которой всегда сверкает на солнце лезвие беспощадного турецкого ятагана. Я скажу все что знаю тебе не для того чтобы что-то изменить, а только для того чтобы повелитель нашей страны знал на что способны турки и что можно от них ожидать.

Сказав все это Билял остановился и вопросительно посмотрел на Мухамад-бея ожидая реакции последнего на свои слова. Тот молча кивнул головой давая понять ему что он может продолжать излагать свою мысль.

Поняв его жест как согласие выслушать его Билял продолжил.

- Все что я скажу тебе повелитель продолжал Билял, я скажу только для того чтобы турки не смогли в очередной раз разжечь новый пожар братоубийственной войны на нашей земле. Своим

долгом перед тобой мой повелитель и перед нашей Родиной я посчитал необходимость поведать тебе то что я знаю.

При его последних словах Мухамад-бей невольно для себя отметил, что он четко выделил мысль именно о нем как о повелителе и так же четко обозначил свое желание быть ему полезным.

- Продолжай, я слушаю тебя коротко заметил Мухамад-бей несколько потеплевшим тоном и пристально посмотрел на Биляла.

Тот не стал отводить свои глаза и спокойно закончил свою вступительную часть.

- Я все скажу тебе, мой повелитель, и буду надеяться что мои слова пойдут на пользу и тебе и мне и нашей стране.

При этом нельзя было не обратить внимание на то что он сделал упор на взаимную выгоду которую сулит им обоим правильное понимание того, что он скажет в дальнейшем.

Очевидным было то, что Билял располагает какой-то важной информацией, но Мухамад-бей сделал равнодушный вид будто его ничего особо не интересует. Он понимал, что Билял будет что-то просить в ответ за услугу которую он оказал. Чем большую заинтересованность выкажет Мухамад-бей сейчас тем большую цену придется ему заплатить. Исходя из этого Султан сделал равнодушное выражение лица, но приготовился слушать. Слушать внимательно.

- Я еще один раз повторяю начал Билял. Теперь тайна которую я знаю уже ничего не изменит. Все должно оставаться так как есть, но ты, повелитель должен, знать кто убил Сахиб-бея. Знать для того чтобы те кто организовал его убийство не могли при случае навредить и тебе.

Услышав последние слова Биляла Мухамад-бей внутренне напрягся, но внешне сохранил почти тоже равнодушное выражение лица.

Ему сразу же стало ясно. Тайну заговора организованного Эреджебом знали не только те кто ушел навсегда в тот мир. Стало ясно, что помимо них она известна еще кому-то. Возможно не только Билялу.

Взвесив все это Мухамад-бей решил не показывать раньше времени своей заинтересованности в словах высказанных Балялем. Теперь важно было узнать кто еще помимо него был посвящен в эту тайну и кем.

Если это был Эреджеб то он мог рассказать Билялю о том что сам Мухамад-бей участник заговора и принимал пусть не актив-

ное, но все равно определенное участие в провокации с Сахиб-беем. Если же это был тысяцкий Галим или сотник Салих то они были рядовыми участниками заговора и о всех его тайнах не имели особых сведений. Тогда дело принимало совсем другой оборот и можно было всегда сказать, что он Мухамад-бей ничего не знал о грядущем мятеже и вынужден был только выполнять волю мятежников. Так или иначе ему оставалось только ждать – что скажет Билял, а уже потом думать что делать дальше.

Как бы угадав его мысли Билял продолжил.

- Кто убил Сахиб-бея из живых знают только два человека. Я и еще один мамлюк. Но он очень надежный человек. Он никогда и никому не скажет того, что он знает. Я тому порукой, так как он на коране поклялся мне никогда и ни при каких обстоятельствах даже под пыткой не делать этого.

Я не стану, повелитель, называть его имя. Он просил меня об этом и я вынужден был так же поклясться на коране что я никогда и никому не скажу его имени. При последних словах Биляла Мухамад-бею сразу же стало ясно.

Билял перестраховался. Он держит имя своего сообщника в тайне. Это могло означать только одно. Если что – то со мной случится то тайна которую я знаю всплывет наружу. Ясно было и другое. Билял никогда не скажет его имени. Это гарантия его безопасности. Но с другой стороны было ясно так же, что он не собирается говорить свои сведения никому кроме него. Если бы он хотел это сделать то давно бы уже сделал задуманное. Значит в этом плане Мухамад-бею нечего было опасаться и потому он довольно спокойным тоном сказал.

- Я слушаю тебя мой верный товарищ!

Сказав мой верный товарищ Мухамад-бей лишний раз почеркнул перед Билялем что он считает его своим сторонником и тот может спокойно говорить дальше не опасаясь ничего. Билял понял, что Мухамад-бей будет благодарен ему и за то что он скажет сейчас и за то что он будет молчать потом.

Он понял это с первых же слов и приободрившись продолжил говорить.

- Заговор и убийство Сахиб-бея организовал турок Эреджеб. Главной задачей заговора было одно. Убрать Али-бея чтобы он не углубил Союз Египта с русскими против турок. Теперь это уже не

нужно никому говорить. Между нами и Али-беем пролегла уже кровавая черта. Прав он или нет уже не играет никакой роли. Сейчас говорить об этом нет никакого смысла. Мамлюки сделали уже свой выбор и менять его нельзя. Его последние слова можно было понять только в одном смысле. И мамлюки и я согласны с тем что ты стал Султаном и никто не собирается что-то менять.

Другое дело продолжал Билял , я думаю, что Али-бея нужно не казнить, а помиловать не говоря никому о том чем вызвано это помилование и выслать его подальше из Египта. Тогда мы не возьмем на свою душу грех пролив невинную кровь, но и обезопасим нашу страну от новой гражданской войны.

Помогли Эреджебу в его коварных планах Назымбий, Фатхи-бей, Галим и сотник Салих. Но теперь все они уже на том свете и потому наша тайна останется между нами и никто другой не будет знать о ней пока живы ты и я.

Сказав эти слова Билял как бы еще раз намекнул ему.

- Меня не надо трогать. Тогда все будет в порядке.

Мухамад-бей и не собирался уже трогать его. Теперь нужно было думать чего хочет Билял. Особенно учитывая тот факт что его мнение по Али-бею и его дальнейшей судьбе полностью совпадало с мнением самого Мухамад-бея.

Еще более усилила уверенность Мухамад-бея по отношению к Балялу следующая мысль высказанная им сразу же после этого.

- Повелитель, ты вправе казнить или помиловать меня, но я скажу еще следующее.

Турки всегда были нашими врагами. Они не станут нашими друзьями никогда и если ты завтра поднимешь знамя борьбы с ними я первым встану под него.

Последние слова Биляла были добрым знаком. Он первым из всех мамлюков высказал ему вслух мысль о которой он думал уже давно. Это и решило исход их встречи.

Мухамад-бей сразу же спросил его пока он не успел одуматься и сказать что-то другое.

- А если я действительно продолжу дело которое начал Али-бей ты меня поддержишь.

- Да мой повелитель, не задумываясь отвечал Билял.

Поддержу тебя не только я. Тебя поддержат многие мамлюки. Нужно только немного подождать. Подождать для того чтобы уве-

личить круг наших единомышленников, набраться новых сил, создать армию нового типа наподобие той что хотел создать Али-бей и научившись воевать по новому снова поднять знамя борьбы за независимость Египта.

Последние слова Биляла определили его дальнейшую судьбу. Он еще не знал этого, но Мухамад-бей уже решил – Билял станет командовать корпусом Назымбия и пойдет работать в ближайшее время правителем Александрии. Билял станет одним из тех на кого сможет он опереться завтра.

На этом они и разошлись. Билял ничего не стал говорить больше. По глазам Султана в которых загорелись добрые огоньки он понял. Его судьба решена. В ближайшее время нужно ждать каких-то перемен в его жизни.

Так оно и произошло. Уже через день Балял был назначен правителем Александрии и занял место командира корпуса. Узнав об этом сам Балял подумал только об одном.

- Нужно набраться терпения и ждать. Ждать пока придет время когда можно будет сказать всем правду о гибели Али-бея и о том кто предал его.

ДВА СУЛТАНА

Разговор с Билялом еще раз убедил Мухамад-бея в правильности решения выбранного им.

Али-бея нужно было помиловать и выслать из Египта. Сделать это необходимо было немедленно пока Стамбул не успел получить известие об убийстве Эреджеба и не успел повторить свой указ с требованием выдать Али-бея. Пока можно было сослаться на то что Эреджеб требование Султана о выдаче Али-бея не успел озвучить. Особенно беспокоила Мухамад-бея возможная реакция на выдворение из страны, а не выдаче его Турецкой стороне брата действующего Султана Абдул-Хамида. Абдул-Хамид был наследником престола и лидером партии влиятельных Турецких генералов требовавших казни Али-бея. Свое желание увидеть Али-бея в Стамбуле он озвучивал много раз.

Нужно было спешить.

Мухамад-бей уже искренне сожалел о том что согласился в свое время на предложение Эреджеба, участвовать в заговоре.

Теперь об этом никто не знал, но угрызения совести жгли его все сильнее и сильнее. Он все чаще и чаще задавал себе вопрос.

Зачем ему нужно было все это. У него было все. Жена, ребенок авторитет второго человека в государстве. Любовь и уважение Султана.

Он был фактическим негласным хозяином Египта, наследником престола. Теперь у него был трон Султана, но не было ничего того что делало его спокойным и счастливым. За трон он отдал все. Любимую женщину, сына, уважение к самому себе.

Теперь он отчетливо понимал, что нужно было сказать правду Али-бею сразу в первые же дни знакомства с мнимым Исметом. Тогда он не решился на этот шаг.

Не решился он сделать его и потом. Что сдерживало его и не давало ему возможности сделать это он не знал до сих пор и сам. С этими безрадостными мыслями он и отправился на встречу с Али-беем.

Две причины побуждали его пойти на этот шаг. Первая из них состояла в том, что Али-бей и только Али-бей знал где находятся сегодня Фагуда и Даут.

Он и только он мог помочь ему найти его семью.

Другая причина была не менее веская. Он хотел хоть как-то очистить свою совесть перед Всевышним и перед самим собой.

Ему казалось, что поговорив с Али-беем, оправдавшись перед ним и подарив ему жизнь и свободу он хоть на немного облегчит свою участь за деяние перед тем к кому рано или поздно приходят все. И Султаны и простые смертные. Там на небесах нет деления на хозяев и их поданных.

Всевышнему все равно кто ты. Он спрашивает не о том сколько земель и денег имел ты. Он не спрашивает какие титулы носил ты и сколько людей прислуживало тебе. Он спрашивает только об одном сколько добра и зла сотворил ты пока обманывала тебя своими прелестями жизнь на этой бренной земле.

Мухамад-бей невольно вспомнил старинную присказку, а вернее поговорку которую говорила часто их соседка абазинка Маремхан.

«Эээ дуней жьяга» - часто повторяла она и горестно вздыхала.

Была такая же примерно поговорка и абхазов. Она означала примерно следующее.

- «Белый свет обманул многих из тех кто увидел его».

В этих словах была тысячелетняя мудрость человечества и многие начинали понимать ее только в самый последний момент своего долгого или короткого жизненного пути.

Начали понимать тогда когда колесо жизни стремительно катилось вниз и ничего нельзя уже было изменить.

К удивлению Мухамад-бея Али-бей встретил его совершенно спокойно будто был кем-то предупрежден и ждал его прихода.

Если бы не тюремная камера и массивные железные решетки на ее окнах можно было подумать что Султан Али-бей как обычно принимает своего поданного. За время прошедшее после сражения Али-бей немного оправился от ран полученных на поле боя хотя был совсем еще слаб. Одет он был как полагается человеку самого высокого уровня.

Темно-бордовая шелковая галабея свободно облегала его тело. Галабея длинная, почти до самого пола. Из под нее даже не видно что на ногах Али-бея. На плечи опального Султана накинут был бшит из верблюжей шерсти. В камере довольно прохладно. Стены тюрьмы сложены из толстых камней долго хранящих зимний холод и почти до середины весны не пропускающих тепло обжигающего африканского солнца. На голове у Али-бея светлая куфия из добротной верблюжьей шерсти.

Али-бей знал что новый Султан придет к нему. Он был уверен в этом. Не знал он только когда он сделает это. Его уверенность в своих предположениях основывалась только на одном.

Он знал, что Мухамад-бей сделает все чтобы найти следы своей семьи. Сведениями о том где могли быть они располагал только он. Никто другой не знал где они и как их найти. Так оно и было.

Мухамад-бей пришел узнать у него где его жена и сын.

Некоторое время между двумя Султанами висела напряженная тишина. Прервал ее Мухамад-бей.

Он начал рассказывать о том, что он не имел никакого отношения к заговору. Поведал о том как он многократно отказывался от титула Султана и вынужден был сделать это только тогда когда понял, что если он окончательно откажется от трона то его заберет Назымбий. В таком случае Назымбий не оставил бы в живых ни Али-бея ни его. Их участь была бы предрешена. Вопрос мог стоять только о времени. Назымбию не нужны были ни бывший Султан, ни тот кому его трон предлагали.

Мухамад-бей еще долго говорил доказывая собеседнику свою непричастность к происшедшим событиям пока голос Али-бея не оставил его.

- Я не Всевышний. Только он знает где правда, а где ложь. Придет время и ты все расскажешь ему сам. Если ты прав и был честен перед человеком который усыновил тебя и поднял на вершину власти он уже сегодня дарует тебе счастье, успехи и покой.

Можно обмануть меня, но обмануть его невозможно. Он все видит. Он все слышит. Он все знает.

Он только не спешит. Всему свое время.

При последних словах Али-бейя новый Султан побледнел, но постарался скрыть чувства смятения и беспокойства мелькнувшие в его глазах.

Запомни, продолжал тем временем Али-бей, счастье не в троне правителя. Счастье в том чтобы тебя любили и ждали близкие тебе люди. Без этого трон правителя пустое место.

Я был счастлив.

Меня любили и ждали. Будешь ли счастлив ты не знает никто. Может случиться так что найдя власть и деньги ты потерял все остальное. И людей которые тебя любили и ждали.

Я уверен, продолжал он. Если ты не погрешил перед своей совестью у тебя будет все. Если нет то я тебе не завидую.

Али-бей говорил спокойно. Говорил то что он думал.

События последних дней сделали его реалистом. Он прекрасно понимал что уже никому особо не нужен. Естественным было то что русские потеряли к нему всякий интерес. Он нужен был им только как Султан Египта и больше никак.

Не нужен он был теперь и мамлюкам. Они избрали нового Султана. Сейчас он мог быть им только обузой которая мешала многим из них решать свои задачи.

Его предали или забыли почти все кто когда-то стоял рядом с ним. Вот повидимому почему Хашим говорил ему.

- Смотри себе под ноги. Хорошо смотри.

Его предал даже Апстха, которому он верил как себе.

Если бы он не предал его то давно уже был бы здесь. Его слова и его авторитета было более чем достаточно чтобы все мамлюкское войско повернулось в его сторону. Но Апстха не пришел . Вывод был один. Значит и он предал его.

Круг лиц и политических сил которым был он нужен на сегодняшний день был очень узкий.

В первую очередь это были турки. Он нужен был им для того чтобы устранить над ним показной суд и казнить затем его в центре Стамбула в назидание тем кто хотел бы пойти по его пути.

Нужен был он и Мухамад-бею, но только для того чтобы узнать у него где находятся его жена и ребенок. Можно было не сомневаться в том что как только он узнает где они дальнейшая судьба Али-бея будет однозначно решена. Мухамад-бей сдаст его туркам или даст команду умертвить его прямо здесь – в тюремной камере.

Если он и нужен был кому-то на самом деле то это могли быть только Нафиса, Фагуда и Гатиса.

Нужен ли он Мариам когда потерял трон Султана он не знал.

Возможно да, возможно нет. Ни один мужчина не смог еще заглянуть в самые глубины женской души. Особенно молодой и жаждущей роскоши и почета.

Как всякий реалист он не строил никаких иллюзий относительно своего будущего. Оно было для него однозначно ясным. Свою единственную задачу в этих условиях Али-бей видел только в одном. Достойно встретить последний час своей жизни. Те кто предал его не должны были наслаждаться мыслью о том как жаждал он жизни и готов был на какие-то компромиссы ради нее. Он был мужчина. Абхаз. А абхаз мужчина должен уметь умирать достойно. Так учил его в далеком детстве его отец. Так требовали от него законы его народа. Даже здесь далеко от своей родной земли он невольно думал о том чтобы не испачкать имя своего народа одним неосторожным шагом которое история может расценить потом как малодушие.

Он был таким и сделать его другим не смог бы уже никто. Разве что Всевышний. Но Всевышний создал его таким и менять его не собирался.

Али-бей сидел на кровати. Вообще-то кроватей в Египетских тюрьмах не было , но совсем недавно ему поставили в камеру хорошую добротную кровать по приказу нового Султана. Мухамад-бей и в этом вопросе хотел показать всем свое благородство как и свое искреннее сожаление о том что Али-бей совершил убийство Сахиб-бея и он вынужден был принять титул Султана во избежание дальнейших осложнений во внутри политической обстановке Египта. Всем своим поведением, каждым своим шагом, каждым

своим словом новый правитель подчеркивал, что он не желал стать Султаном, но обстоятельства принудили его сделать этот шаг. Ему было очень важно чтобы все вокруг знали о том, что он не участвовал ни в каких заговорах, что он чтит закон и сожалеет о том что произошло с его предшественником. Али-бей сразу же понял какие цели поставил перед собой новый Султан и чего он добивается.

Мухамад-бей стоял перед ним в почтительной позе, всем своим видом показывая что он как приемный сын уважает его как своего отца и старшего по возрасту. В его поведении была значительная доля искренности ибо в Египте Али-бея уважали все и друзья и враги. Одни уважали его любя. Другие ненавидели его, но все равно вынуждены были уважать его за высочайшее воинское мастерство, прямоту, честность и бесчисленные заслуги перед мамлюками и всем Египтом.

- Я сожалею, отец мой, начал говорить Мухамад-бей после короткой паузы в течении которой Али-бей внимательно смотрел на долгожданного посетителя.

Уже по одному этому взгляду Мухамад-бей понял. Его приемный отец ничего не будет просить у него он не примет ничего того что хотел предложить ему он. Это был взгляд человека приготовившегося умирать. Единственной его целью было по видимому только одно - умереть достойно. Мухамад-бей все это понял, но все равно продолжил.

Я сожалею о всем том, что произошло, снова повторил он, но сегодня ничего нельзя уже изменить. Поэтому я пришел к тебе только для того чтобы попросить тебя о двух услугах.

Сказав все это Мухамад-бей остановился ожидая реакцию узника на свои вступительные слова.

Али-бей как и прежде молча сидел на кровати продолжая так же безразлично смотреть на своего преемника. В его глазах и во всем нем не было никаких желаний. Было только полное безразличие человека знавшего что его ждет и приготовившегося принять свою участь.

Не услышав от него никакого ответа Мухамад-бей решил без долгих объяснений приступить к изложению основной цели своего визита.

- Али-бей, начал он. Я хотел чтобы мы с тобой подумали вместе над одним вопросом одинаково важным и для тебя и для меня.

Фагуда твоя сестра, Даут твой племянник. Но они дороги и мне. Фагуда моя жена. Даут мой сын. Хотим мы того или нет забота о них будет связывать нас всю жизнь. Мы одинаково любим их. Возможно даже что я больше. Но сейчас вопрос не в том кто из нас больше любит их. Ты или я. Вопрос в другом. Меня беспокоит их судьба.

Я хочу знать где они сейчас с тем чтобы помочь им. Если ты пожелаешь того я могу дать клятву на коране при свидетелях что я никогда ни при каких обстоятельствах не позволю себе сделать что-то против их воли. Я могу так же поклясться на коране, что я не сделаю зла ни Нифисе, ни Мариам ни Гатисе. Более того я могу поклясться что я буду помогать им и не брошу их в трудную минуту.

Захотят они вернуться в Египет я буду рад. Это моя мечта. Если же они не захотят вернуться домой то я буду помогать им и сделаю так чтобы ничего не угрожало их жизни там где они находятся.

Во время всего своего долгого монолога Мухамад-бей внимательно следил за выражением лица и глаз своего приемного отца. К сожалению для себя он видел, что и лицо и глаза Али-бея по прежнему не выражали ни понимания ни сочувствия. Лицо его было каменным. Глаза смотрели куда-то в пустоту.

Было очевидно, что Али-бей ничего не скажет ему и нет такой силы которая заставит его сделать то чего он не пожелает. Очевидно было так же что в сложившейся ситуации поднимать второй вопрос о его освобождении бессмысленно. По-видимому, он принял уже свое решение и менять его не собирается.

Несмотря на все это Мухамад-бей решил сделать еще одну попытку склонить своего упрямого и несговорчивого пленника к пониманию и сотрудничеству.

- Али-бей, снова начал он, ты вправе понимать или не понимать меня, но я тебя не прошу ни о чем личном. Я думаю только об одном.

У тебя очень много недоброжелателей и открытых врагов во дворе могущественного турецкого Султана. Они могут сделать что-то дурное с твоими женами, дочерью, с твоей сестрой и с твоим племянником.

Рано или поздно они узнают где они находятся и тогда не долго до беды. Фагуду, Мариам и Гатису могут обесчестить, а затем

вместе с Даутом продать в рабы куда-нибудь в Америку. Поэтому я хочу раньше турок найти их и обеспечить им полную безопасность. При этих словах Мухамад-бей достал из кармана халата маленький коран и не ожидая дальнейшей реакции Али-бея сказал положив руку на коран.

- Я, клянусь именем Всемогущего Аллаха, что никогда, ни при каких обстоятельствах не причиню вреда Нафисе, Мариам, Гатисе, Фагуде и Дауту и всем кто сопровождает их. Я клянусь так же продолжал он, что никогда ни при каких обстоятельствах не буду принуждать их сделать то чего они не хотят.

Я обеспечу им достойное существование, защиту и покровительство продолжал он. Гатиса сохранит за собой титул принцессы и будет выдана замуж за равного себе по происхождению как моя сестра.

Говоря эти слова Мухамад-бей был совершенно искренен в своих желаниях сделать именно так как говорил он.

Увидел это и Али-бей. Он жестом руки остановил его и без долгих предисловий сказал.

Все они в сопровождении мамлюка Фархада уехали в Трабзон. Там их должен был встретить грек Костас. На его корабле они должны были отплыть к берегам Черного моря.

Дальше их путь лежит или в Абхазию в дом моего отца или в Мигрелию к родственникам Нафисы. Где они сейчас точно я не знаю. Все зависит от того где меньше будет турков и их соглядатаев. Каждая из них имеет по двадцать золотых дукатов и мелкие деньги на всякие расходы. Помимо этого сопровождающий их мамлюк Фархад имеет пятьдесят дукатов. Этих денег им хватит надолго.

Фархад надежный человек. В крайнем случае он уведет их к себе на Родину в Абадзехию.

Лицо Мухамад-бея услышавшего все что он хотел услышать резко изменилось. Это увидел и Али-бей. Он понял. Теперь настал час истины. Теперь, когда Мухамад-бей услышал то что он должен был услышать станет ясно каковы были его истинные цели. Кто он на самом деле и чего ждать от него в дальнейшем.

Так оно и вышло. Выражение лица и глаз Мухамад-бея резко изменились. Он стал уверенным и свободным. Не прошло и минуты после того как он услышал нужные ему слова как он сказал.

- Али-бей теперь второй вопрос. Что произошло, то произошло. Теперь не время разбираться где правда, а где ложь. Сейчас я хочу совсем немного.

Мне не нужно обременять свою совесть твоей кровью. Я хочу только одного. Если ты поклянешься на коране что ты никогда не поднимешь свою саблю против меня ты можешь быть свободным.

Я дам тебе деньги. Возьми с собой кого хочешь. Слуг, охрану, лошадей. Единственное условие. Ты должен жить за пределами Египта. Если хочешь можешь поехать даже в Абхазию. Я сделаю так что тебя доставят туда, купят землю, построят дом. Живи как хочешь, только забудь дорогу в Египет. Два Султана для Египта слишком много.

Увидев следы раздумий на лице Али-бея Мухамад-бей снова положил руку на коран и добавил.

Клянусь именем Всемогущего Аллаха, что если ты примешь мои условия то все слова сказанные мной правда и я никогда не причиню тебе вреда когда ты уйдешь за пределы Египта.

Слова высказанные Мухамад-беем заставили узника задуматься. В них было много интересного. Нужно было осмыслить их и принять решение.

Сделать это в короткий срок было невозможно. Нужно было думать, думать и еще много раз думать.

Увидев, что Али-бей заинтересовался словами высказанными им и на его лице отразилась печать раздумий его собеседник решил не торопить события.

Решение это было правильным. Разумнее было дать возможность пленнику обдумать без спешки его предложение с тем чтобы он потом не изменил своего решения и добровольно уехал из Египта.

Подумав об этом Мухамад-бей сказал.

- Отец мой, ты видишь что помыслы мои чистые. Я не держу в голове дурных мыслей. Подумай о моем предложении три дня. Через три дня я снова приду к тебе и если ты дашь согласие на мое предложение корабль будет ждать тебя с тем чтобы отвезти тебя туда куда ты скажешь. С тобой уедут те кого пожелаешь ты взять с собой.

С этими словами Мухамад-бей собрался уходить. На прощание он сделал поклон вежливости как подобает всякому кавказцу уходящему от своего отца.

Али-бей никак не среагировал на его действие и лишь коротко сказал.

- Если ты хочешь чтобы тебе простились твои грехи никогда не забывай где находится звезда показывающая дорогу в Абхазию.

После этих слов Али-бея Мухамад-бей ушел. Больше они никогда не виделись.

ДОРОГА ДОМОЙ

Камаль-бей оказался в трудном положении. Уже в течении длительного времени он был отрезан от основных сил в Каире. Корпус его был в сплошном окружении противников которых он почти не видел, но все время получал удары от него. Впервые

за долгие годы войны с мятежными племенами они начали употреблять продуманную тактику партизанской борьбы. Теперь мятежные племена не принимали как раньше ни одного сражения или даже столкновения на открытой местности. Только удары из засад, стремительные набеги на тылы и обозы. Они появились и исчезли во мраке ночи неслышно как тени облаков в ясную лунную ночь. Силы мамлюков постепенно таяли. Сила противников постоянно возрастала. По сведениям поступившим к Камаль-бею организацией их армии и выработкой их общей стратегии ведения боевых действий руководили офицеры Турецкой армии. У вождей обоих племенных объединений Боты и Зимбу было по четыре таких инструктора. Они постоянно общались между собой, а вот сами Бота и Зимбу не имели никаких контактов. Более того они даже больше ненавидели друг друга чем мамлюков пришедших как захватчики на их землю, и готовы были в любой момент вцепиться друг другу в глотку.

Их ненависть друг к другу была единственным действенным оружием в руках мамлюков. До Камаль-бея дошла информация, о том что турки ведут активную работу по примирению вождей вечно воюющих между собой племен. Если бы это им удалось корпусу Камаль-бея пришлось бы совсем плохо. Нужно было что-то срочно предпринимать чтобы сорвать процесс примирения враждующих племен и их вождей, с каждым днем набиравший положительную динамику.

Камаль-бей и его помощники думали что предпринять в этой ситуации и как сорвать наметившуюся тенденцию к миру между противостоящими им племенными союзами.

Выход был найден как всегда простой, но верный. Ночью жителей одного селения что находилось на пол пути дневного перехода от лагеря мамлюков полностью вырезали наемные убийцы из племени проживавшего недалеко от них. Наемники были переодеты в одежду жителей племен Боты. Живыми выпустили только нескольких свидетелей. Их они тоже могли убить, но нарочно не стали делать этого чтобы было кому донести до Зумбу и его соплеменников что резню устроили воины племени Боты. Для пущей убедительности наемники несколько раз кричали громкие ругательства на языке жителей племени Боты. За долгое время пребывания в этой местности многие мамлюки уже сами стали понимать языки местных народов. Некоторые из них привели в свои шатры

девушек из завоеванных территорий. У них и научились некоторым словам в том, числе ругательствам. Реакция жителей племен вождя Зумбу была молниеносной.

Уже через ночь они напали на несколько деревень племени Бота и вырезали всех их жителей. Пожар войны и ненависти которую так долго и безуспешно пытались потушить турецкие офицеры вспыхнул с новой силой. Теперь его могла потушить только широкая волна крови которая должна была пролиться с обоих сторон. Вскоре должно было произойти генеральное сражение между воинами обоих племен.

Турки сразу же поняли, что стало причиной вспышки новой волны населения, грабежей и убийств и кто создал эту ситуацию. Они стали объяснять это Боте и Зумбу, но никто к их словам уже не прислушивался. Дело кончилось тем что женщины с обоих сторон конфликта пригрозили им что если турки будут препятствовать мщению за кровь своих соплеменников то они сами растерзают их.

Решающее сражение выиграло племя Боты. Тогда уже через несколько дней в лагерь Камаль-бея пришли представители проигравшей стороны. Они предлагали заключить мир и совместными усилиями нанести поражение армии Боты. Это было именно то чего и добивался Камаль-бей.

Через несколько дней после этого с таким же предложением пришли к нему и посланники от Боты. Это была уже окончательная победа и достигнута была она с минимальными потерями. Теперь каждое из племен было занято не столько вопросами организации борьбы с мамлюками как проблемами выяснения отношений между собой.

После долгих тяжелых переговоров каждое из племен приняло условия мира предложенные Камаль-беем. Делали они это только потому что опасались того что другое племя примет раньше них условия выгодные им и противоречащие их интересам. Оба племени обязались признать власть Египетского Султана, исправно платить ему дань и поставлять Каиру три года определенные объемы продовольственных товаров в счет компенсации за урон понесенный армией мамлюков в походе на их земли. Это было все то чего никак не мог добиться силой оружия Камаль-бей за время всего похода. Он хотел сразу же отправить гонцов в Каир с радостными известиями, но затем передумал.

Связи с Каиром не было давно. Ни один гонец посланный им до этого вниз вдоль берега Нила так Каира и не достиг. Не пришло за все это время ни одного известия и оттуда. Видно связь между ними где-то прерывалась и Камаль-бей решил не подвергать больше риску жизни своих воинов учитывая что в скором времени все они сами отправятся в обратный путь. Так оно вскоре и вышло. Через несколько дней которые ушли на сборы в дорогу корпус Камаль-бея двинулся в обратный путь. Им предстояло пройти немалое расстояние по бескрайним просторам верхнего Нила и потому Камаль-бей не торопил своих воинов. Поставленная задача была выполнена. Теперь главное было сохранить воинов и лошадей не утомив их чрезмернымо быстрыми переходами и непродуманными действиями.

Армия должна была вернуться домой свежей боеспособной и без лишних сложностей. За последнее время Камаль-бей не получал никаких известий из Каира и это беспокоило его. Он не знал ничего о событиях происшедших в Дамасске и в Каире. И он, и вся его армия была в счастливом неведении и потому двигались медленно понемногу отходя от тягот долгого трудного похода в далекие края. Настроение в корпусе мамлюков поднималось с каждым днем. Мамлюки были созданы для войны. Они жили войной, но все равно ожидание встречи с родными и близкими будоражило всех. Впереди корпуса шла передавая сотня. Командовал сотней старый мамлюк Хаким. Особых сложностей с прокладкой дороги для основных сил войскам авангард не испытывал. Было несколько мелких стычек с воинами кочевых племен, но до серьезного дела ни разу не дошло.

Сам Апстха ехал в середине колонны раскинувшейся почти на пол фарсага вдоль берега Нила. Здесь было много растительности и воды. От водной глади веяло прохладой, что значительно облегчало дорогу. Шли в основном ранним утром и по вечерам когда не было солнца или оно еще не было таким жгучим.

Спешить было некуда. Поход был долгим, трудным, но закончился удачно. Теперь можно было и отдохнуть не утруждая ни себя, ни коней.

Рядом с Камаль-беем ехал его старый друг Дагир. Они вместе когда-то были рядовыми мамлюками. Жили рядом в годы обучения азам науки и военного искусства.

Камаль стал беем, командиром корпуса. Часто командовал и армиями уходившими в далекие походы. Дагир как был рядовым мамлюком так им и остался, но от этого их дружба и добрые отношения друг к другу не пострадали. Они как и прежде тепло чуть ли не по братски относились друг к другу как в годы далекой юности и молодости прошедших в постоянных походах и боях. Были они оба родом примерно из одних мест. Их память хранила в своих уголках много общих знакомых, памятных мест, обычаев и традиций родного народа. Вот и теперь они ехали неспешно разговаривая друг с другом, но каждый из них знал что очень часто все разговоры между ними резко перерастают в тяжелые споры. Во время таких споров Апстха был как всегда спокоен, рассудителен. Дагир напротив вспыльчив горяч. Чуть что сразу кипит и готов взорваться по любому поводу. В таких случаях Апстха просто молчит боясь обидеть друга. Молчит он еще и потому что знает - Дагир насколько вспыльчив и горяч настолько и отходчив. Он не держит долго зла на душе и через час другой остыв и поразмыслив на холодную голову над всем сказанным сам подходит к нему виновато улыбаясь. В таких случаях он как правило говорит.

- Я тебя сильно обидел? Ну ты не очень обижайся. Я все свои слова беру назад.

А ему было что забирать назад. В минуты гнева он не особенно выбирал слова и мог сказать много чего не самого приятного.

Дагир по своей натуре заядлый спорщик. Иногда кажется, что процесс спора доставляет ему больше удовольствия чем сам предмет спора. По своей натуре Дагир человек азартный и если бы не запрет корана на азартные игры то давно бы уже проиграл все что у него было. Все его друзья знали, что он такой же отчаянный рубака как и отчаянный спорщик.

Если ему сказать, что сегодня день жаркий он долго и упорно будет доказывать всем, что сегодня день не такой уж жаркий, а довольно прохладный. Если же через пол часа кто-то другой скажет что сегодня день довольно прохладный то он так же уверенно и настойчиво будет доказывать ему что день не прохладный, а жаркий. И не просто жаркий, а очень даже жаркий. При этом он напрочь забудет что совсем немного времени назад он говорил совершенно обратное. Друзья прощали ему все эти чудачества только потому что во всех его спорах не было никакой личной выгоды

и корысти. Он спорил всегда только потому что ему нужно было кого-то в чем-то убеждать и не больше. Зато в бою и в остальной жизни он был абсолютно честен и надежен как суры корана. Знал все это и Камаль-бей. Потому и прощал ему все его слова и причуды с легкой улыбкой.

В корпусе все знали об их дружеских отношениях и постоянных спорах. Если бы кто либо другой позволил себе слова которыми сыпал в минуты своего «праведного» гнева Дагир он давно уже остался бы без головы.

У Дагира голова на месте. И будет еще долго там если сабля врага не найдет дорогу к ней.

Разговор, как обычно бывает в таких случаях, начинался с самой безобидной темы.

Сегодня они говорят о судьбе двух племен входящих в единый народ Абаза. Вообще-то народ Абаза состоял из семи основных племенных объединений, но сегодня они говорили об абазинах и апсуа. В жилах Апстха в равной мере бежит и абазинская и абхазская доля кровей. Отец у него абазин. Мать абхазка из рода Квациния. В такой же мере смешаны и его корни на уровне бабушек и дедушек. Половина абазины, половина апсуа.

Исходя из этого у него более уравновешенная позиция по предмету спора. А спорят они о том кем были первые цари независимого государства Абаза Леон I и Леон II.

Дагир абазин во всех поколениях. Как всякий абазин он не может не верить, что первые самые значительные правители царства абаза были из абазинского племени. Главный его аргумент в сегодняшнем споре основан на том, что от потомков царей Леона I и Леона II Леанидов взяла свои истоки знаменитая абазинская фамилия князей Лоовых. В этом он видит главный свой козырь.

Если Лоовы абазины значит и Леон I и Леон II тоже были абазинами говорит он чуть обернувшись в сторону Камаль-бея. Кони Дагира и Камаль-бея идут рядом. Их уши настороженно вслушиваются в тревожную темноту наступающей ночи. Кони как и их хозяева давно уже привыкли к тому, что тишина вокруг них обманчива и может в любую секунду прерваться грохотом выстрелов и топотом копыт лошадей неприятеля. Лошади как и их всадники никогда не верят хрупкой тишине царящей вокруг них.

Камаль-бей и Дагир говорят на абазинском языке. Большинство мамлюков вокруг них не понимают о чем они говорят, но все с доброй улыбкой ждут когда начнет кипеть Дагир и как будет реагировать на его громкую, но беззлобную ругань их командир.

Тот как всегда не спешит с ответом и только после небольшой паузы высказывает свое мнение.

- Во времена о которых ты говоришь наш народ был единым целым. Тогда вообще не было такого отдельного народа как абазины или абхазы. Царство абазгов было единым государством всего народа Абаза куда входили и Апсилы и те племена ащкаруа и ашуа которые затем в силу разных обстоятельств стали называться Абазинами.

А произошло это уже через много сотен лет когда большая часть народа Абаза проживавшая в северных районах нашего царства пошла завоевывать для нашего народа новые земли. Все шло хорошо, но сто пятьдесят, а может двести лет назад в земли ашкаруа и ашуа которые проживали на всем побережье Черного моря от Анапы до Адлара пришла беда из Ногайских степей. Вместе со скотом который ногайские ханы пригоняли в Анапу на продажу заморским купцам пришла в селения абазин чума. Она унесла почти весь народ живший на берегу Черного моря. Жалкие его остатки бежали от нее и остановились только на берегах Кубани и других рек Северного Кавказа. Уцелевших оказалось совсем мало. Они и получили название абазины как производное от слова Абаза, но как были так и остались составной частью единого народа Абаза.

Так что сейчас когда прошла целая тысяча лет никто не сможет точно ответить чьими прародителями были цари Леоны и кто сейчас является их прямыми потомками.

Дагир с мнением Камаль-бея не согласен. Он начинает доказывать свою правоту, но не найдя достаточных аргументов в пользу своего мнения начинает злиться и оперировать не столько фактами сколько нескрываемым желанием доказать свою правоту любыми способами.

Не получив положительного ответа и согласия со своим мнением он дергает лошадь и отъежает от Камаль-бея показывая ему всем своим видом что он не желает больше говорить с ним.

Камаль-бей совершенно не реагирует на его демонстративное поведение и как ни в чем не бывало продолжает свой путь.

Не увидев очередной разборки между друзьями мамлюки ехавшие недалеко от них разочарованно вдохнули и стали заниматься своими делами. Курить во время походов Камаль-бей категорически запрещал. За исполнением этого приказа строго следили сотники и десятники. Делалось это в первую очередь для того чтобы не выдать неприятелю во время ночных переходов свое местонахождение. Не разрешалось так же громко разговаривать или петь. Голоса то же могли указать неприятелю где они находятся и дать ему возможность совершать ночную атаку на них. Ехали как всегда молча. Иногда переговаривались негромким голосом. Ссора между друзьями могла хоть как-то развлечь их в долгой скучной дороге. К их сожалению для них сегодня этого не произошло.

На рассвете они планировали достигнуть местности где на берегу Нила располагался большой рыбацкий поселок. Вокруг поселка простирались обширные плодородные земли. На них дважды в год вырастали обильные урожаи зерновых, овощей и фруктов. В поселке можно было пополнить запасы продовольствия и фуража.

Как и планировал Камаль-бей к самому восходу солнца его корпус достиг пределы поселка, но входить в него не стал.

Поставили походные шатры и палатки в небольшой отдаленной роще в редкой тени Финиковых пальм. В армии Камаль-бея был заведен жесткий порядок. Нигде, ни при каких обстоятельствах, местное население не обижать. О грабеже не могло быть и речи. За это полагалась смертная казнь.

Мамлюки его корпуса и армии если он командовал ей знали что в этих вопросах Камаль-бей спуску никому не даст. Потому и вели себя везде строго по закону. Что нужно покупали, чего нельзя было купить просили.

Просьбы бывали разные. Отдохнуть в тени деревьев сада, напоить лошадь из колодца и многое многое другое. Во всех этих случаях Камаль-бей обязывал их не требовать, а просить. Он считал, что лояльность местного населения очень часто становится решающим фактором во многих военных компаниях. Так было и на этот раз. Один из сотников Камаль-бея поехал к хозяину рощи. Они договорились об условиях постоя до следующего утра. Условия были достаточно выгодные для хозяина. Ему дали небольшую плату. Навоз от шести тысяч лошадей хорошо удобрил бы почву

его участка. Финики и бананы были еще не спелые так что им не могли нанести никакого вреда. Помимо всего этого мамлюки волей неволей вынуждены были почистить старый колодец находившихся на его участке. Тем самым они сделали ту работу до которой никак не доходили руки самого хозяина.

Так или иначе выгода была обоюдная.

Мамлюки утомившиеся с дороги получили хорошие условия для отдыха. Хозяин массу выгод от их пребывания. Мамлюки значительную часть своей жизни находились в седле. Часто в седле и спали и отдыхали. Езда на лошади была частью их естественного состояния, но непрерывный многодневный переход по бескрайним Африканским просторам утомил даже их. Они быстро расседлали лошадей, дали им воды и еды. Затем спутали им ноги чтобы не ушли далеко и оставив сторожить их молодых мамлюков с удовольствием растянулись на своих походных циновках, положив под голову седла вместо подушек.

Вскоре весь лагерь затих. Не спали только часовые и дежурные по лагерю. Кто из мамлюков будет часовым или дежурным определял обычно жребий.

Сделал он свой выбор и на этот раз. Он оказался не очень благосклонным к Дагиру. Ему выпало дежурить по сотне. Немало озадачившись этим Дагир постелил свою циновку недалеко от шатра в котором спал Камаль-бей и прилег прислонившись спиной к пальме. Так он мог отдыхать, присматривая за всем что творится на территории расположения его сотни, а заодно и наблюдать за покоем своего друга. Его никто об этом не просил, но он делал это от всей души и с большим удовольствием. Одно дело повседневные споры с Камаль-беем, совсем другое дело его жизнь и покой.

Он мог спорить с Камаль-беем, ругаться с ним, но одновременно с этим он готов был без малейших раздумий отдать свою жизнь за друга. Такое отношение к Камаль-бею было для него естественным и Дагир в душе гордился тем что он может быть надежным и бескорыстным другом.

Он мог получать всяческие блага от дружбы с беем и командиром. Камаль-бей постоянно и искренне просил его жить в походах в одной палатке или в одном шатре с ним, но Дагир всякий раз категорически отказывался от всех его предложений. Не такой он был человек чтобы думать о выгоде которую мог он извлечь он

от дружбы с влиятельным человеком. Камаль-бей все это видел и правильно понимал. Ему даже нравилось, что есть на белом свете человек для которого главное не его положение, а он сам, как человек и друг. Возможно потому он начинал так тепло и беззлобно улыбался когда разгоряченный очередным спором Дагир начинал ругаться и кричать на него.

Дагир был немного старше него. Помимо этого он был верный и надежный друг. А другу можно простить все кроме предательства и корысти. Отбывая свое дежурство Дагир утешил себя тем, что согласно закона он следующий раз исключался из числа лиц участвующих в подобной жеребьевки. Так было установлено во всех сотнях корпуса. Человек вытянувший неблагосклонный жребий из десяти последующих жеребьевок подобного типа исключался. Он свою работу уже выполнил.

Камаль-бей отдыхать не лег. Он послал своего помощника за сельским старостой. Ему нужно было переговорить с ним о закупе продовольствия и фуража, необходимого мамлюкам и лошадям его корпуса в дальнейшей дороге.

К сожалению старосты дома не оказалось. Его жена сказала, что он вернется домой только после полудня. Поразмыслив немного Камаль-бей принял решение дождаться старосты, а пока немного отдохнуть. Дорога его утомила. Все таки он был уже не такой молодой. Скоро ему должно было исполниться пол века и длительная дорога давала уже о себе знать. Раньше все было совсем не так. Раньше он мог десятки дней почти не сходить с лошади и не чувствовать усталости. Теперь все было совсем по другому. Годы брали свое и с этим ничего нельзя было поделать. Время есть время. Оно неподвластно никому кроме Всевышнего. Он и только он знает где оно начинается и где его последний миг. Даже пророк Мухамед ушел к своему создателю тогда когда тот остановил часы его времени. Что говорить тогда о простом смертном если время было неподвластно даже великим пророкам Будде, Моисей Мухамеду и Иссе (Иисус Христос).

Камаль-бей никогда не уходил на отдых пока не увидел своими глазами, что его воины получили все то что они должны были получить. Воду, еду, условия для полноценного отдыха. Он вышел из своего шатра. Рядом с ним сразу же выросла фигура его помощника и охранника в одном лице. Через минуту оба они ехали на

лошадях неспешно объезжая лагерь мамлюков. Проезжая мимо Дагира Камаль-бей на секунду придержал своего коня и с иронической, но доброй улыбкой сказал.

- Это еще большой вопрос кем были Леон I и Леон II. Ты меня так и не убедил что они были абазинами. Докажешь – поверю.

Дагир привстал со своего места, хотел что-то возразить ему, но не найдя нужных слов смущенно заметил.

- Посмотрим. У нас еще есть время найти правду.

Камаль-бей был удивлен. Дагир редко бывал смущенным. Он всегда мог доказывать свою правоту без устали многими часами.

Объехав весь лагерь и убедившись что для его мамлюков созданы необходимые минимальные условия для отдыха Камаль-бей вернулся к своей палатке и с удовольствием растянулся на походной циновке подложив как и все остальные мамлюки под свою голову потертое в долгих походах скрипучее, пахнущее конским потом седло. Он всегда демонстративно отказывался от комфортных условий стараясь во всем иметь такие же условия как и все его подчиненные. В шатре или в палатке он жил только потому что ему необходимо было проводить в них совещания с командирами тысяч и сотен входивших в его корпус или армию.

Староста поселка к обеду не появился. Не появился он и после обеда. Лишь к самому закату солнца приехал его сосед и сказал, что староста наконец таки приехал из соседнего селения и он сделав омовение и намаз тотчас же явится к Камаль-бею.

Тот не стал дожидаться когда староста доберется до него и сразу же поехал к нему сам.

Сопровождали Камаль-бея два мамлюка. К их приезду староста уже сам собирался ехать к ним.

У ворот его дома они и встретились. Староста оказался довольно смышленым и ушлым мужчиной. Он попытался сперва выторговать для себя максимальные цены и выгоды, но увидев что Камаль-бея ему не обмануть и можно ко всему еще получить изрядную трепку за плутовство сразу же перешел на нормальный деловой тон разговора.

Вскоре все вопросы были согласованы. Договорились, что за ночь он подготовит все необходимые для войска мамлюков продовольствие и фураж и утром отдаст им заказанные ими провиант и корм для лошадей. Уже когда Камаль-бей собирался уезжать от расторопного старосты тот рассказал им о событиях прошедших

в Дамасске и в битве недалеко от Каира. Рассказал, что войско Али-бея уже почти одержало победу как им в спину ударили генуэзские пехотинцы. Рассказал как сражались и погибли соратники Али-бея и как сам он израненный и уже без сознания попал в плен к Мухамад-бею который теперь и стал Султаном Египта. Все эти новости староста рассказывал со слов своего односельчанина принимавшего участие в этой битве.

Новости которые услышал Камаль-бей ошеломили его. Он никак не мог поверить в то о чем так азартно и с интересом рассказывал ему староста поселка. В голове не укладывалась мысль, что нет больше в живых ни Сахиба-бея, ни Аль-Харуна, ни Умара ни многих других близких ему людей.

В одно мгновение мир стал каким-то пустым и печальным. Али-бей находился в плену. Его нужно было выручать. Мухамад-бей мог и не решиться убить брата своей жены, но его окружение могло пойти на любой шаг чтобы сохранить привилегии полученные ими от нового Султана. Нужно было спешить. Впереди у них лежал центр провинции правителем которого уже лет десять был Ахмат-бей. Ахмат-бей был близким ему другом и всегда оставался человеком верным Али-бею. Под рукой у Ахмад-бея было три тысячи мамлюков. Камаль-бей не сомневался, в том что он по первому же его зову встанет рядом с ним. Так по крайней мере считал Камаль-бей. Утром войско Камаль-бея двинулось в дальнейший путь.

Мамлюки сразу же узнали о том, что произошло в их отсутствие в Каире и потому все до одного сами потребовали от Камаль-бея идти на выручку Али-бею.

Главное было успеть во время прибыть в Каир. Как и предполагал Апстха по пути к ним присоединились более трех тысяч мамлюков во главе с Ахмат-беем.

Ахмат-бей, сказал так же что очень даже возможно, что в пути следования к ним будут присоединяться еще отдельные отряды армии Али-бея рассеявшиеся по всему Египту. Так оно и произошло. Уже тогда когда мамлюки Камаль-бея были на расстоянии одного перехода до Каира число их превысило пятнадцать тысяч человек.

Это была уже внушительная сила с которой Мухамад-бею пришлось бы считаться. Неизвестно было еще и то как поведут себя мамлюки из войска самого Мухамад-бея когда они узнают что Али-

бей не убивал Сахиб-бея. Они в большинстве своем могли перейти на сторону Камаль-бея. В свою очередь сам Камаль-бей громогласно объявил, что он не претендует на трон Султана Египта и видит свою единственную задачу только в том чтобы восстановить справедливость и вернуть его законному владельцу Али-бею.

Такое заявление еще больше укрепило его авторитет в войсках. Мамлюки в очередной раз убедились в том, что Камаль-бей не преследует никаких личных целей, а лишь добивается справедливости.

С этими мыслями и идеей справедливости и пошло войско мамлюков ускоренными темпами в сторону Каира. Нужно было спешить. Теперь дорог был каждый день и каждый час.

АНАПА

Бата долго совещался с Маматой, Зизой и Быдой как лучше добраться им до Анапы. Мамата предлагал доехать на лошадях до Ардлара затем оставив их у кого-нибудь из знакомых пересесть на корабль плывущий в сторону Анапы. Прибыв в Анапу нанять там лошадей и навестить домик прорицательницы находившийся в нескольких часах пути от порта высоко в горах. Как там жила одна в лесу одинокая старая женщина и чем питалась она трудно было сказать. Путь этот мог быть быстрее и удобнее, но никто не знал сколько придется ждать корабль в Ардларе. Это мог быть один день, а могло быть и несколько недель.

Никто не мог точно сказать когда будет корабль и будет ли он вообще в ближайшее время. Мамата надеялся на то что им может повезти и на то что он в последнее время довольно часто видел проплывавшие невдалеке от берега корабли русских.

Зиза и Быда предлагали добраться до Анапы другим путем. Они считали что нужно ехать по дороге вдоль берега моря до самого порта. Дорога эта была трудная, часто шла по непредсказуемым горным дорогам и кишела разными шайками абреков. Разбойников Бата и его друзья особо не боялись хотя никому из них не хотелось попасть под шальную пулю из засады. Друзья долго взвешивали плюсы и минусы обоих вариантов дороги на Анапу пока в их спор не вмешался Муаруф пришедший навестить княги-

ню. Он сказал им о том что в ближайшие время кораблей на Анапу не будет вообще. Объяснил по какой причине. После его слов стало очевидным что спорить уже не о чем. Сборы в дорогу заняли весь последующий день. Выехали в дорогу ранним утром. Было уезжающих пять человек – Бата, Мамата, Зиза, Быда и Сагит. Бата взял Сагита с собой по просьбе Маматы. Мамата считал, что в пути должен был быть младший который будет ухаживать за старшими на протяжении всего долгого перехода.

Помимо этого Мамата опасался что за время их отсутствия в село могут нагрянуть родственники убышки. Он знал что ее младших братьев договоренность между старейшинами двух селений не устраивала. Им достаточно было узнать, что князь и его побратимы уехали из Ашькыт как у них могло появиться желание воспользовавшись их отсутствием свести счеты с Сагитом.

Сам Сагит их прихода особо не боялся и готов был встретить их, но кровь пролитая в этом беспокойном краю не нужна была ни Бате ни остальным селянам. Потому Бата без долгих колебаний и сомнений дал согласие на привлечение Сагита в их команду на весь период поездки в Анапу.

Князь и его спутники выехали в дорогу ранним утром следующего дня. Они взяли с собой трех запасных лошадей.

На двух из них были нагружены мука, сушенное мясо и копченный сыр которыми они намеривались отблагодарить прорицательницу за ее откровение. На третью лошадь были уложены походная посуда и припасы для питания необходимые им в пути следования.

Их поездка длилась шесть дней. Прошла она относительно спокойно если не считать одного эпизода происшедшего на второй день после из выезда из родного села. Они проехали большое селение Друкакыт и уже заканчивали спуск к морю когда их дорогу преградили шесть всадников. Они стояли впереди них на опушке леса.

Когда Бата и его спутники остановились они увидели что примерно столько же всадников стояли по бокам опушки леса держа на изготовку свои ружья. Они готовы были выстрелить в любую минуту.

Оглянувшись Бата увидел что сзади них выехала третья группа всадников которая перекрыла им путь к отступлению.

Хвататься сразу же за оружие было нельзя. Это могло быть воспринято как проявление трусости и потому Бата и его спутники остановились, поправили оружие и стали ждать.

Окруживших их всадников было примерно в 3-4 раза больше.

После секундной паузы из ряда всадников стоявших перед ними выехал мужчина лет сорока. Он коротко сказал.

- Мы не хотим Вашей крови. Сойдите с лошадей, положите на землю сабли, кинжалы и пистолеты. Затем можете идти куда хотите. Слово адыга что никто Вас после этого не тронет.

Естественно, что никто выполнять условия нападавших не собирался, но нужно было думать что делать дальше.

Если бы вопрос стоял о сабельном бою то все было бы гораздо проще. Но до сабельного боя могли прозвучать выстрелы из ружей и все было бы закончено в считанные минуты.

Посовещавшись минуту другую Бата и его спутники приняли решение которое и огласил Сагит выехавший на середину поляны.

- Князь Бата Ашеа просил передать Вам, что если Вы настоящие мужчины и адыги уберите ружья и пусть Аллах рассудит нас в бою как мужчин.

Услышав его ответ из переднего ряда выехал всадник на высоком вороном коне. Бурка и черкеска на нем были под стать цвету его коня. Только газыри блестели на его груди отражая лучи полуденного солнца.

Подъехав на довольно близкое расстояние к Бате и его спутникам всадник спросил.

- Кто из Вас назвался именем Баты Ашеа. Пусть выйдет и посмотрит мне в глаза.

Услышав эти слова Бата медленно выехал навстречу ему. Трудно было сказать что хочет сделать человек в черном. То ли вызвать на поединок, то ли что-то другое.

Они долго и внимательно смотрели друг на друга. В их взглядах не было ни вызова, ни жажды крови. Они смотрели стараясь понять – кто же перед ним. Мужчины умеют видеть мужчин. Именно спокойная уверенность, а не вызов показывает им что перед ними настоящий воин готовый и дружить и воевать. После небольшой паузы всадник стоявший перед Батой сказал.

- Меня зовут Аслан Берзек. Мне жаль что мы встретились с тобой Бата не совсем там и не совсем так как подобает.

На всем побережье во всех адыгских аулах и селениях знают твое имя. Оно покрыто славой и почетом. Все помнят как ты и твои воины встали рядом с нами когда враг шел лавиной через наши земли сжигая наши дома и сады.

Теперь помоги нам Бата, исправить нашу ошибку. С этими словами он развернул свою лошадь и показал всем что нужно ехать за ним. Через несколько минут он подозвал к себе одного из своих спутников и что-то сказал ему тихим шепотом.

Тот кивнул головой и подстегнув свою лошадь умчался вперед по тропинке по которой только что ехали Бата и его спутники.

Ехали молча. Ехали долго все дальше и дальше углубляясь в девственный лес уходивший в гору.

Когда Бата услышал имя Аслан Берзек он сразу же понял кто находится перед ним. Имя Аслана Берзека было хорошо известно на всем побережье. Он происходил из знатного адыгского рода. О нем говорили как о сильном и бесстрашном воине. В абреки Аслан Берзек попал по воле случая. Бедных не трогал и даже помогал им. Грабил только богатых. Его руки доходили даже до турецких фелюг курсировавших вдоль всего побережья. Род Берзеков давно отказался от него, но его делами и именем гордился. Очень часто бывало так что бедные или незаслуженно обиженные люди приходили к нему за помощью. Всех их он внимательно слушал и если убеждался в их правоте посылал нарочного к обидчику. Тот как правило говорил.

- Аслан услышал о твоих делах. Не сделай так чтобы он пришел и увидел тебя.

Чаще всего этих слов было достаточно для того чтобы человек совершивший или замысливший плохое дело вовремя одумался.

В свою очередь простые люди не оставались в долгу оказывая Аслану всевозможные услуги. Они предупреждали его о возможной опасности, а так же о том куда и когда можно придти чтобы иметь хорошую добычу.

Проехав более часа по склону горы длинная цепочка всадников вышла на опушку большого леса.

Бата и его спутники ничего не опасались. Человек пригласивший к себе домой не мог сделать ничего плохого своему гостю.

Поляна примыкала к крутому склону горы на груди которой метрах в трех-четырех от плоскости земли находилась большая

пещера. Рядом с ней было еще две пещеры несколько меньших размеров. Из под корней громадного дуба росшего на краю поляны лилась струя холодной чистой воды.

Здесь абреки и жили. Посреди поляны уже варился котел с мясом. По видимому, человек которого послал Аслан Берзек успел приехать сюда намного раньше их и начать подготовку к приему гостей.

На другом костре варилась мамалыга. Молодой парень в коричневой черкеске закатив рукава мешал мамалыгу большой деревянной лопаткой которую у абазин называли амхаста. На поляне было еще человек семь-восемь мужчин занимавшихся подготовкой к приезду гостей.

Стало очевидным, что имя Баты имело большую известность и в среде абреков. Все они по очереди подходили к нему, с большим уважением жали ему руку и выражали благодарность за то что он не бросил своих братьев в трудную минуту. Оказывается почти все они принимали участие в той битве с крымчаками где Бата и его сородичи закрыли брешь куда хлынули татарские наездники. Не успей они тогда сделать этого крымская конница оказалась бы в тылу у войска адыгов, что закончилось бы трудно предсказуемыми последствиями.

Сообщество абреков всего Кавказа и у адыгов тоже имело одну отличительную черту.

Все они в случае опасности становились в один ряд со всем народом. Иногда происходило даже так. Дружина князя и абреки которые еще вчера сражались друг с другом на лесных тропинках стояли в одном ряду адыгского войска прикрывая друг друга в бою. Проходило сражение и все становилось как раньше. Абреки уходили в леса и в горы где и ждали удобный момент для встречи с теми с кем еще вчера сражались бок о бок защищая общую Родину.

По традиции установившейся в сообществе абреков вот уже несколько лет их общий отряд собиравшийся в минуты опасности для Родины возглавлял Аслан Берзек. Он имел на то все основания. И княжский титул и воинское мастерство.

Встреча с абреками прошла радушно. Рекой лилась бахсыма которую адыги называли махсымой.

На следующий день Бата и его спутники уехали от гостеприимных разбойников. Согласно адыгскому обычаю им дали еды в

дорогу так что спина запасной лошади прогнулась под тяжестью мяса и сыра уложенных в кожаные мешки.

На прощание Аслан Берзек сказал.

- Если по пути до Анапы Вам встретится еще какая-то группа абреков скажите им.

- Мы кунаки Аслана Берзека. Этого будет достаточно для того чтобы никто больше не доставил Вам лишних хлопот.

К счастью для Баты и его спутников на всем остальном протяжении пути им не разу не пришлось говорить эти слова.

Прорицательница к которой ехали они жила выскоко в горах. Туда лошади подняться не могли. Пришлось оставить их внизу под охраной Зизы и Быды.

Бата, Мамата и Сагит взвалили на плечи мешки с подарками и полезли вверх по узкой крутой тропинке.

Особо нелегко пришлось Сагиту на плечи которого взвалили мешок с мукой весом более шести пудов.

Когда они поднялись наверх старуха их уже ждала. То ли она видела когда они шли наверх, то ли слышала их голоса, а возможно как всякая провидица она уже знала об их грядущем приходе когда они были еще далеко от нее.

Даже при внимательном рассмотрении лица провидицы трудно было сказать сколько ей лет. Один мог сказать что ей лет семьдесят, другой мог подумать что ей уже под сто лет. Такую обманчивую внешность можно было объяснить двумя факторами. Старуха была прямая, осанистая, ходила легко как молодая женщина. Но лицо у нее было сморщенное как яблоко испеченное на костре. Его покрывали сплошные глубокие борозды морщин среди которых как две яркие звезды блестели ее глаза не потерявшие еще ни зоркости, ни интереса к жизни.

Домик у нее был деревянный накрытый камышом. Он наполовину уходил в землю куда и вели три ступеньки покрытые большими плоскими камнями. На поляне перед домом стояла открытая печь обмазанная желтоватой глиной. Он был укрыт от дождя высоким навесом и кронами двух больших деревьев. К печи были прислонены небольшой котел и железный ухват.

Бата знал, что провидицу зовут Фариза. Он уже собирался начать разговор с ней как она неожиданно спросила его.

- Говори князь, зачем хотел ты видеть меня! Видно желали твои уши услышать что-то особое если копыта ваших коней отмеряли такую дальнюю дорогу.

Вопрос старой женщины ошеломил Бату и заставил его задуматься о многом.

- Откуда она знает что он князь?

На нем простая дорожная черкеска какую носят почти все кавказцы. Имени своего он не называл. Так откуда же она узнала кто он такой?

Откуда узнала она что он едет из дальних краев? Гонцов впереди себя он не посылал. Сказать ей заранее о том что князь Ашеа едет к ней не мог никто ибо он никого об этом не предупреждал.

Пока Бата думал над этими вопросами последовали новые слова со стороны Фаризы.

- Можешь ничего не говорить. Я и так знаю чего желает твоя душа. Скажи своим спутникам. Пусть уйдут от нас. Они мешают мне.

Услышав эти слова Мамата и Сагит отошли от них и углубились вглубь леса. Они тоже были удивлены тем что услышали от отшельницы.

Когда Мамата и Сагит скрылись из виду Фариза повелительным голосом сказала.

- Садись князь вот сюда – она показала ему рукой на большой пенек служивший ей по-видимому или столом или стулом.

Тон ее голоса и манера поведения говорили о том, что она человек властный и привыкла повелевать. Ни в ее словах, ни в ее манерах не было ни тени особого почтения, ни тем более желания оказать ему какие-то почести как князю.

Бата без лишних вопросов сел на указанное ему место и приготовился слушать. Тем временем Фариза села напротив него на такой же пенек, долго смотрела на него словно изучала каждый кусочек его лица. Затем она закрыла глаза и сидела неподвижно довольно длительное время. Прошло минут пятнадцать – двадцать прежде чем она открыла их и начала смотреть на Бату.

Взгляд ее глаз стал каким-то отрешенным будто она не видела вовсе Бату и его здесь не было вообще.

Она медленно начала говорить. Голос ее стал глухим и хриплым. Было такое ощущение что он доносился откуда-то из подземелья.

- Со всем скоро жаркий ветер пройдет над твоим селом и над твоими людьми. Он разожжет пожар в котором сгорят многие славные имена. Очень многие.

При последних словах она как то особо посмотрела на Бату но ничего уточнять не стала.

- Пройдет много лет продолжала тем временем провидица все тем же глухим отрешенным голосом и с севера подует страшный холодный ветер. Он превратится в ураган который сметет с этой земли многие племена и народы. Вы абазины не умеете гнуться. Это и принесет вам вашу погибель. Вас первых унесет этот ураган и разбросает как безжизненные осенние листья по белому свету.

И не останется на той земле где живете вы сегодня даже Вашего следа. И люди забудут что вы жили здесь. И ваши потомки по всему свету забудут об этом. Печальная участь ждет народ который не умеет гнуться когда приходит на то время. У тебя будет скоро сын и он прославит твое имя добавила она в самом конце.

Сказав все это Фариза встала и ушла, оставив Бату одного сидеть на своем месте. Он долго еще сидел на пеньке ожидая что Фариза придет и скажет ему что-то еще. Старуха ушла и так больше не вернулась к нему. Вскоре вернулись Мамата и Сагит. Вместе они еще некоторое время подождали возвращения провидицы но так и не дождавшись ее начали спускаться вниз.

Всю дорогу до подножия горы, где ждали их Быда и Зиза Бату не покидало странное ощущение того что кто-то пристально смотрит ему в спину. Ему было стыдно повернуться назад, но он был уверен что кто-то смотрит ему вслед и горестно вздыхает.

Весь день до самого заката солнца они молча ехали домой. Мамата, Зиза и Быда не спрашивали ни о чем. Они видели что Бата чем-то подавлен и не хотели мешать ему ненужными расспросами. Самого же Бату по прежнему преследовало все то же странное чувство что кто-то до сих пор внимательно смотрит ему вслед и все так же горестно вздыхает неизвестно о чем.

Домой они приехали немного быстрее чем ехали до Анапы. Абазины всегда говорили, что самая короткая дорога это дорога домой.

Бата не стал расстраивать старую княгиню и сказал ей. Провидица сказала что у нас все будет хорошо. У меня будет сын и он прославит мое имя. Больше он не стал говорить ничто.

То же самое сказал он и своей жене.

Через несколько дней уехали в Джгярду Зиза и Быда. Они давно хотели навестить своих родственников и Бата не стал препятствовать желанию своих побратимов дав им в дорогу дорогие подарки для всех братьев и сестер. Не забыл он и соседей. Подарков набралось так много что пришлось им навьючить грузом третью лошадь. Провожали братьев в дальнюю дорогу всей улицей. Пришел даже Муаруф. Он был недоволен на Быду и Зизу но провожать их пришел. Его недовольство было вызвано только одним обстоятельством. Он желал чтобы Зиза и Быда приняли мусульманскую веру, но те наотрез отказались от его предложения. Они так ему и сказали.

- Все наши друзья мусульмане. И брат наш Бата тоже мусульманин. Мусульмане и Мамата и Али-бей о котором он нам столько рассказывал.

Мусульманки и наши жены.

Возможно мусульманами станут наши дети вырастающие среди вас но мы родились христианами, христианами и умрем. Мы хотим лечь рядом со своим отцом и матерью когда придет на то срок.

После этих слов высказанных братьями Муаруф больше никогда не поднимал больше этот щекотливый вопрос.

Утром следующего дня к Бате пришел Мамата. После короткого рукопожатия они как обычно начали свою встречу с учебного боя на саблях. В последнее время Бата значительно прибавил в мастерстве владения холодным оружием. Мамата видел что теперь после долгих ежедневных тренировок с ним Бата стал владеть саблей не хуже настоящего мамлюка. Тренировался от неистово, отдавая всего себя овладению тайн ведения сабельного боя до селе неизвестных ему. Бата не просто делал то что показывал ему Мамата, а постоянно спрашивал и уточнял особенности того или иного движения или действия. Попробовав несколько раз выполнить задание Маматы, но не получив желаемого результата Бата садился на землю, закрывал глаза и мысленно в течении длительного времени повторял про себя то что должен был он сделать.

Повторял до тех пор пока его сознание не начинало диктовать его телу что оно должно делать каждую секунду, каждое мгновение. Этому его тоже учил Мамата. Он говорил.

- Сознание должно опережать тело. Воин который делает, а затем оценивает свое действие обречен на поражение.

Вот и сейчас Бата сидит на траве закрыв глаза. Он мысленно повторяет про себя что должен делать он чтобы его тело повиновалось его духу.

Мамата не мешает ему. Он сидит недалеко от него. Его тренированное тело давно уже делает только то что требует от него его сознание.

Задача Баты научиться этому.

Задача Маматы не легче. Он должен не потерять то чему учили его многие годы далеко отсюда в школе мамлюков. Раньше Мамате было не очень интересно работать с Батой. В его технике ведения боя как у всех кавказцев основной упор делался на силу духа, мужество и отчаянную смелость. Тогда Мамата заранее знал все что сделает в следующее мгновение Бата. Об этом говорило все. Движения его рук, ног, головы и даже выражение глаз. Теперь все было иначе. Теперь Бата стал настоящим бойцом. Бойцом умелым, сильным, трудно предсказуемым. У Баты и Маматы сложились немного странные отношения. Во время занятий Бата как послушный мальчишка безропотно выполнял все команды Маматы не обращая никакого внимания на обидные слова часто мелькавшие при этом в его комментариях. Вот и сейчас Мамата жестко говорит Бате.

- Ну что ты все время лезешь вперед как собака сорвавшаяся с цепи. Твои ноги опережают и руки и голову. Сделай все наоборот. Сперва должна работать голова, затем ноги и в самую последнюю очередь рука в которой находится твоя сабля. Садись и думай. Долго думай. Думай вникая в деталь каждого движения которое сделаю я, а затем сделаешь ты. Когда твоя голова уже сейчас поймет что должно делать твое тело до каждой мелочи тогда в бою твои руки и ноги будут сами делать все что нужно на мгновение раньше твоего противника. Это мгновение и решит исход боя.

Прошло совсем немного времени и снова окрик.

- Только петухи машут обоими крыльями в бою, потому у них бывает шея ободранная. Убери левую руку. Не маши ей.

Занятие длилось больше двух часов. Как только оно закончилось все встало на свои места. Мамата снова оказывает Бате искреннее уважение как князю.

Он поливает ему на спину воду и говорит.

- Князь, ты не особо серчай если я сегодня что-то сказал не так. Ты по другому не понимаешь. Да и кто поймет что нужно делать без громких слов.

- Ладно, я не обижаюсь звучит ответ Баты. Ты же говорил без зла и для пользы дела.

Вытерев лицо и тело полотенцем которое подал ему Мамата Бата сам начинает поливать ему на руки, а затем и на его спину холодную воду. Мамата холодную воду не любит. Он как всякое «дитя Африки» привык ко всему теплому или горячему.

Тело Маматы покрывается большими пупырышками, он кряхтит и фыркает, но продолжает терпеть холодную струю. Ему стыдно сказать что он боится холода. Бата все это знает и продолжает с удовольствием поливать его, заставляя каждый раз вздрагивать большое сильное тело своего друга и учителя. Раньше Бате славу лучшего воина побережья приносили его смелость и отвага. Теперь благодаря ежедневным занятиям с Маматой к нему пришла уверенность в своих силах которой раньше не хватало ему и он заменял ее отчаянной храбростью. До поры до времени ему везло, но везение могло рано или поздно закончиться.

Так было во время последнего боя с крымчаками когда его конь вынес Бату прямо на знаменитого ногайского мурзу Курумбая. Уже в первые же секунды их поединка Бата почувствовал что Мурза лучше его владеет саблей и конем. Недаром слава о непобедимом Курумбае облетела все ногайские степи.

Он с трудом отбивался от него и уже понимал что его смертный час совсем уже близко когда он совсем случайно выбил из рук своего противника его саблю. Это была случайность. Об этом знал только он сам, но все вокруг подумали что он своим воинским мастерством победил знаменитого Мурзу и тем самым вдохновил войско на победу. Все это было не так и он знал, что тогда только Всевышний спас его от беспощадной руки великого Курумбая.

Так по воле случая и пошла слава о нем как о великом воине. Тогда он и только он знал что все было далеко не так. Теперь все было по другому. Теперь он готов был на самом деле нести на своих плечах славу которую подарил ему случай. Теперь, когда он брал в руку саблю, все его тело начинало подчиняться холодному рассудку вымерявшему каждое движение его рук или ног. Теперь он на самом деле был воином знавшим почти все что нужно знать человеку о воинском искусстве.

Мамата часто говорил ему.

- Каждый видит своего противника, но ни каждый видит самого себя. Только теперь он начал понимать истинный смысл этих слов.

В последнее время в голове у Баты созрела интересная идея. Идея эта состояла в том чтобы создать в их селе школу наподобие той что была у мамлюков. Набрать туда на первых пора 200-300 мальчишек лет 10-12 и начать обучать их воинскому мастерству с малых лет. Затем показать ее всем окрестным князьям и попробовать сбросившись всем вместе расширить школу до 1000 человек.

Идея имела два положительных фактора.

Первая состояла в том что у абазин, убыхов и шапсугов проживавших в этих краях появилась бы небольшая, но хорошо обученная армия. Эта армия имела бы особые возможности в силу того что лесистая и гористая местность Малой Абхазии не давала противнику возможностей использовать артиллерию ставшую теперь основой всех армий мира. У горцев Кавказа такой артиллерии не было и потому вся их сила была в саблях и ружьях. Идея была интересной, но требовала больших затрат. Очень даже больших. Естественно, что без помощи других князей он не смог бы потянуть такой груз. Об этом и собирался он поговорить сегодня с Маматой. Его слово могло решить многое.

После поединка с Гочей-пехлеваном имя Маматы стало знаменитым. Теперь его с уважением произносили даже горделивые а порой и спесивые князья Малой Абхзии да и всей Абхазии вцелом. Дошла молва о подвиге Маматы и до Адыгских краев где теперь его имя произносили с таким же уважением и почитанием как и имена знаменитых нартских богатырей Сосруко или Бадыноко.

В свою очередь Мамата собирался поговорить с князем о проблеме которая давно уже волновала его. Дело было в том что Мамата собирался навестить свое родное селение где жили его мать, отец, братья и сестры. Он полагал, что по прошествию стольких лет никто не узнает в нем 12 летнего мальчика украденного разбойниками много лет назад.

Все это было так но для приезда в любое селение нужен был предлог. Об этом он и хотел поговорить с Батой. Князь еще не знал кто он и почему он прячется под чужой фамилией. Об этом тоже предстояло поговорить им.

Мамата понимал, что князь тот человек которому можно доверить любую тайну. Такие как он уносят тайны с собой на тот свет.

После того как они сели за стол Бата изложил своему другу давно зародившуюся в нем идею.

Идея князя Мамате сразу же понравилась. Более того она зажгла его. Не ожидая дальнейших разъяснений он начал уточнять детали замысла и вносить коррективы исходя из того что видел он в Каире когда мальчиком начал обучаться в школе мамлюков.

Длительное время просидели в этот день друзья обсуждая все новые и новые детали идеи создания школы для молодых горцев. Идея разрасталась.

Друзья настолько увлеклись обсуждением идеи, что вскоре стали доказывать друг другу то что и так было ясно каждому из них. Очевидно было одно. Школа была нужна. И чем раньше тем лучше.

Во всем селении можно было по пальцам пересчитать людей владевших грамотой. Среди них был и Муаруф на которого и была сделана основная ставка в этом вопросе.

Он мог обучить детей арабскому языку, письменности и счету. Вопросы обучения их воинскому искусству должны были осуществить Мамата, Зиза и Быда.

Договорились, что Бата в ближайшее время соберет у себя знать всей округи. Пригласит всех князей абазинских, убыхских и шапсугских селений где и расскажет им свою идею. Предлог для сбора гостей у Баты был. Совсем скоро где-то через месяц должна была родить его жена. Гадалка приходившая к ним в тайне от Муаруфа разбросала по полу фасоль долго смотрела на нее а потом уверенно сделала вывод.

- У князя будет сын и этот сын прославит его имя на весь Кавказ.

В самом конце их затянувшейся беседы Мамата перешел к изложению вопроса ради которого он и пришел сегодня в гости к Бате.

Он подробно и ничего не утаивая рассказал Бате как он попал в Египет. Что делал и за что должны были предать его смертной казни. Рассказал за что и как помиловал его Али-бей.

В конце своего долгого грустного рассказа он высказал следующую мысль.

- Теперь, ты князь знаешь кто я, что я здесь делаю и чего я жду. Теперь твое селение стало для меня родным. Здесь живут близкие мне люди и я не собираюсь уже никогда покидать его, но у меня

есть одно желание и я думаю ты поймешь меня. В двух-трех днях пути отсюда находятся мои мать и отец, братья и сестра. Они не знают что я жив. Даже увидев меня они, конечно меня не узнают. Когда судьба унесла меня из родного дома мне было всего 12 зим. Теперь я взрослый мужчина. Конечно же они не узнают меня, но это мне и не нужно. Мне просто хочется увидеть всех их, посмотреть как они живут, убедиться что все они живы, здоровы и потом со спокойной душой вернуться назад. Хочу я так же увидеть речку что пробегала недалеко от дома в котором я рос и большую иву росшую на ее берегу. Я их часто вижу во сне и мне почему то кажется иногда что когда я вновь увижу свое родное село мир в котором я живу станет совсем другим.

Мне хочется все это увидеть, но я не знаю как это сделать чтобы никто не догадался о том кто я и почему я хожу по своему селу и разглядываю всех его жителей.

Я думаю ты понимаешь меня князь и надеюсь что ты поможешь мне советом как мне сделать то что мне хочется сделать.

Бата долго и без единого вопроса слушал своего друга, затем радостно заулыбался и сказал.

- Я думаю тебе обязательно нужно поехать в свое село, посмотреть на страну своего детства, увидеть все своими глазами и успокоить душу. Предлог для этого я найду и он ни у кого не вызовет никаких сомнений.

После этого Бата изложил свою задумку.

- Ты поедишь в урочище Псху с моим письмом. Я напишу это письмо на Совет старейшин 14 селений ашкаруовцев которые располагаются в тех краях. Напишу Совету так как в селениях Псху нет ни одного князя.

Чтобы не обидеть Мамату Бата не стал говорить ему почему ни в одном из ашкаруовских селений нет ни одной княжеской фамилии. А причина тому была совсем простой. Ашкаруовцы не хотели признавать ничью власть и не хотели подчиняться никому. Это было беспокойное и крайне неудобное для управления племя народа Абаза.

Они не боялись никого. Говорят что даже нечистая сила обходила их стороной и потому в их краях не было даже чертей. В народе так и говорили. Черти не дураки чтобы связываться с ащкаруовцами.

- Так вот продолжал Бата, я дам тебе письмо с просьбой о том чтобы ащкаруовцы приняли участие в строительстве школы и направили затем в эту школу своих детей.

С этим письмом ты обратишься к старейшинам, а пока они будут думать и принимать решение пойдешь в свой дом и попросишься пожить там до тех пор пока тебе дадут ответ.

Так ты и делу нашему поможешь и увидишь то что ты хотел увидеть.

Идея князя Мамате понравилась и он уже через день выехал с письмом в сторону урочища Псху.

АЛЕКСАНДРИЯ

Шли последние приготовления к отъезду. К вечеру Билял планировал отплыть в Александрию. На руках у него было два фирмана Султана. Первый о присвоение ему титула бея, второй о назначении его правителем города Александрии.

Сборы в дорогу были недолгими и нетрудными. У Биляла теперь уже Билял-бея не было ни слуг ни особого имущества. Так начинали все беи Египта. Так начал и он.

Все его приготовления состояли в прощании со старыми боевыми друзьями, заботе о лошади которой предстояло вместе с ним плыть на корабле и обходу своих кредиторов. Он должен был многим своим знакомым небольшие суммы которые брал в свое время в долг.

Сегодня ему выдали подорожные из казны Султана и он спешил раздать свои долги. Он полагал и возможно не без основания, что будет неправильно если здесь в Каире будут судачить о том что теперь уже бей и правитель большого города был настолько нищим и несостоятельным что уехал оставив за собой различные долги. Вообще то он на самом деле был не очень богат и вел довольно скромный образ жизни, но теперь Билял не хотел чтобы об этом знали многие люди. Раньше никто не обращал на это никакого внимания. Он был простой сотник и ничем не выделялся из общей массы таких же мамлюков как и он сам . Разве что особой отчаянностью. Но за отчаянность денег и титулов не давали и он был как все остальные. Теперь! Теперь все было иначе. Теперь он был бей и правитель крупного города и провинции. Многие его

друзья и знакомые гадали и никак не могли понять на какой волне взлетел он на такую высоту. Они даже предположить не могли что стало причиной такого резкого поворота в судьбе их старого испытанного друга. Как часто бывает в таких делах одни радовались удаче Биляла другие завидовали ему.

Тех кто недоумевал и завидовал ему было как обычно больше.

Сочувствующих и радующихся его успеху гораздо меньше. Видно Всевышний испытывает деньгами и властью не только тех кому давал он их, но и тех кто находился рядом с ними. Иногда бывало и так что искушение окружающих впасть в грех зависти становилось гораздо больше грехов гордыни того кто получил власть и деньги. В этой жизни всегда всего поровну. Света и темноты, добра и зла, удачи и зависти. Такими сделал землю и людей всемогущий создатель.

Такими они были всегда и будут такими пока вертит эту грешную землю воля ее создателя.

Вот и сейчас, радостно улыбаются и поздравляют Биляла многие. Но одни смотрят при этом ему в глаза, другие отводят глаза куда-то в сторону. Тех кто смотрит ему в глаза мало. Гораздо больше тех кто отводит их. Билял понимает что творится в душах у них, но говорить об этом нет смысла. Нет и времени. Утром его посыльный уплыл на корабле в Александрию.

Он должен был подготовить для него жилье, предупредить жителей города о приезде нового правителя и организовать его встречу. Сам Билял должен был уплыть в Александрию завтра. Он вместе со своим старым товарищем Абдулом сходил на невольничий рынок. Здесь он купил не старого еще эфиопа, предварительно убедившись в том что он умеет готовить пищу и ухаживать за домом. Потом они сходили на другой базар где Билял купил себе два одеяния подобающие его новому положению. На все эти покупки ушла значительная часть его годового жалования выданного ему наперед и он счел разумным не делать больше никаких затрат. Деньги нужны были еще на то чтобы протянуть до следующей выплаты жалования. Утром следующего дня он отплыл к месту новой своей службы сопровождаемый Абдулом и новым слугой которому он так еще и не дал имени.

Провожающих было немного. Зато в Александрии встречала его большая толпа. Он ехал в хорошем настроении. Всю дорогу

настроение ему поднимала мысль о том что ему удалось убедить нового Султана даровать жизнь Али-бею которого он не только уважал за его воинские подвиги но и в первую очередь за то что он всегда выделял из общей массы мамлюков своих земляков абхазов, убыхов, абазин и адыгов.

Он никогда не делал этого демонстративно, но каждый из них чувствовал его особое отношение к себе по доброму взгляду, добрым словам и потому как он всегда приходил на помощь любому из них если того требовали обстоятельства.

В битве под Самихией он был в войске Мухамад-бея. Подлое убийство Сахиб-бея возмутило его. Он никак не мог понять за что Али-бей так расправился со своим лучшим другом. Низость и коварство с которым расправились со спящим мамлюком возмутило не только его но и большинство других мамлюков. Как и все они он пошел мстить за Сахиб-бея.

Во время битвы когда смертельно ранили его старого друга сотника Салиха он склонился над ним.

В это время он услышал слова которые ошеломили его.

Битва подходила к самому концу. Билял и Салих сражались бок о бок. Вместе ходили в атаку на молодых мамлюков Фон Бока. Вместе уходили от их смертельного огня и стены безжалостных штыков. До конца боя оставалось совсем немного когда Салих сказал ему.

- Я много молился Аллаху чтобы он простил мне мой грех, сейчас будет ясно простил он меня или нет. С этими словами он вышел из общей массы мамлюков окруживших Али-бея и Аль-Харуна. Израненный Али-бей был уже слаб и еле стоял на ногах. Аль-Харун был ранен, но рана его была не такая тяжелая. Его сабли все так же яростно давали отпор его врагам. На него и пошел Салих. Сабля Аль-Харуна блеснула перед ним как последняя воля Всевышнего. Аль-Харун добивать его не стал.

Он во всем подражал своему брату и кумиру Али-бею. Али-бей поверженных врагов не добивал. Не добивал их и Аль-Харун.

Когда Билял оттащил умирающего Салиха от места где затихала битва тот сказал собрав остатки сил

- Аллах не простил меня. Деньги убили меня. Отдай все что у меня было в мечеть. Пусть раздадут нищим и помолятся. Может хоть их молитвы облегчат мою участь.

Голос Салиха становился все тише и тише. Он уже почти шептал.

- Запомни. Сахиб-бея убил не Али-бей. Он не причем. Его убили по приказу турка Эреджеба и Назымбия я и …….дальше слова его начали терять смысл но еще через несколько мгновений открыв глаза он из последних сил добавил

- Ради Аллаха помоги Али-бею.

Мухамад-бей все знал - продолжал выдавливать из себя последние слова Билял, но …….дальше пошел безсвязный хрип и душа Салиха улетела на небеса.

Битва к тому времени закончилась. Ничего изменить уже было нельзя.

После битвы Билял долго думал о том как помочь Али-бею. Он никому не рассказал о своей тайне. Могли донести Мухамад-бею и тогда расправа была бы мгновенной и никто уже не спас бы его. Ему бы никто и не поверил. Нужно было ждать. Его пугала не столько даже расправа которая могла настичь его сколько то что он не смог бы тогда выполнить последнюю волю покойного друга.

Все его вещи и имущество он отдал в мечеть. Там прочитали молитвы и раздали все неимущим. Себе Билял оставил только коня, саблю и пистолет покойного. Оставил на память о друге которого убила не сабля врага а его собственная ошибка. Ошибка которая стоила ему жизни.

Билял каждый день исправно молился за него. Доходили его молитвы до Всевышнего или нет он не знал.

После долгих раздумий он решил сделать так как он и сделал.

Никому нечего не говорить, но Мухамад-бею сказать, что есть еще человек который знает о его тайне. Билял был уверен что Султан не тронет его пока не узнает кто это тот третий который знает тайну его предательства. Предложение Султана было для него неожиданным. Сперва он принял его только для того чтобы иметь больше возможностей отомстить ему за Али-бея и своего друга. Но затем когда Мухамад-бей высказал ему мысль о том что он будет бороться за независимость Египта от Турции планы Биляла поменялись. Теперь он решил быть верным помощником Мухамад-бею в борьбе с турками и лишь потом когда будет добыта независимость отомстить ему за Али-бея . Не всегда дорога истины бывает прямой и ровной. Иногда путь к истине бывает долгий и трудной. Сейчас первостепенной задачей было одно.

Сохранить жизнь Али-бею под знаменем которого могли собраться в дальнейшем новые силы.

Али-бей был нужен Египту. Он мог сделать гораздо больше чем те кто пришел к власти после него. Билял это прекрасно понимал. Ему понравилось то что Мухамад-бей готов начать борьбу за независимость Египта, но насколько он будет тверд в своем намерении и пойдут ли за ним все мамлюки как пошли в свое время они за Али-беем он не знал. Потому и считал своей первостепенной задачей сделать все что будет в его силах для сохранения жизни Али-бею. Это было во благо Египту. Это было последней волей его друга. А волю покойного нужно было исполнить.

На причале порта Александрии стояла толпа встречающих его людей человек в сто. Всем не терпелось увидеть кто новый правитель города.

Одни ждали нового правителя с радостью устав от бесконечного беспредела ушедшего в иной мир Назымбия. Другие ждали с тревогой. Им было о чем беспокоиться. Назымбий покровительствовал им давая всеми правдами и неправдами обирать горожан, наживаться на городской казне и незаконных действиях в порту города.

Одних кормила контрабанда, других доля от незаконного оборота товаров, третьих вымогательство у купцов и ремесленников.

Теперь должно было решиться останутся ли они у своих кормушек или пойдут под шариатский суд, если того потребуют служители мечетей и простой люд.

Билял-бей не стал произносить никаких речей. Он, Абдул и Эфиоп сели в ожидавшую их карету и уехали в караван-сарай где для них были выделены несколько комнат. Жилье это было временным. Вопрос о постоянном месте жительства Билял-бей планировал решить потом, после того как он выйдет в курс событий города, ознакомится с первоочередными проблемами стоящими перед ним и наметит какой-то план дальнейших действий. Сам он был выходцем из бедной семьи. В Каире жил в квартале бедняков и потому проблемы нищих и обездоленных были ему знакомы. Свою работу он решил начать с решения именно этих проблем. Наиболее правдивую информацию о положении дел в городе он мог получить только от служителей мечети. Они в повседневной жизни были наиболее близки к простому люду. Знали что их волнует и что они хотят. Уже к вечеру того же дня он поехал в цен-

тральную мечеть города. Служители мечети знали о его приезде в город, но такого скорого посещения их заведения правителем города не ждали.

Прежний правитель за долгие годы своей работы в городе посетил их мечеть всего пару раз, да и то по крайней необходимости.

Первый раз это было тогда когда Египет завоевал независимость и во всех мечетях читали молитвы в честь этого знаменательного события и второй раз когда умер верховный муфтий города и провинции тело которого выносили из мечети.

Разговор с служителями мечети получился долгий, но полезный для Билял-бея. Беседа длилась более трех часов кряду. В течении этого времени он узнал об ужасающих условиях в которых жили бедняцкие кварталы города, о разгуле бесчинствующих банд которым покровительствовал прежний правитель города.

Служители мечети поведали ему какими непомерными поборами обложили жителей города эти бандиты. Им платили все. И купцы, и ремесленники и даже нищие которые кормились с милостыни подаваемой им. Не платили им только мамлюки которых бандиты обходили стороной. Однажды они сделали попытку обложить податью одного старого уже не совсем здорового мамлюка.

У мамлюка не было левой руки и он жил за счет тех средств что причитались ему как ветерану мамлюкской гваридии. Ночью к нему в дом ворвались четыре здоровенных бандита и потребовали отдать им все его скромные сбережения которые хранил он на черный день.

Бандиты промахнулись в своих расчетах.

Их было четверо. Он был один. Все они были молодые, здоровые он старый, больной, без одной руки. Но у него была еще правая рука а в ней сабля.

Она и решила исход их встречи. Двое бандитов остались лежать на земляном полу его дома. Остальные едва унесли ноги. С тех пор к мамлюкам бандиты дорогу забыли. Они рассудили правильно. Если старый, больной, однорукий мамлюк дал им такой отпор то что будет если он будет молодой и здоровый.

Рассказали служители Биляль-бею и о том что Али-бей познав про все дела Назымбия хотел сразу же отдать его под шариатский суд и лишь заступничество Мухамад-бея спасло тогда Назымбия от справедливой кары. Султан дал ему тогда срок в полгода с тем чтобы он навел за это время порядок в городе. Порядок Назымбий не навел и навести уже не мог.

Джин которого выпустил он из бутылки назад в бутылку лезть уже не хотел. Все ждали того, что Назымбия со дня на день отдадут под их суд, но все кончилось совсем не так как ждали того горожане и служители мечетей.

Услышав последние слова Билял-бей понял почему его друг Салих назвал перед своей смертью имя Назымбия как одного из руководителей заговора против Али-бея.

Мысли высказанные шейхами еще один раз убедили Билял-бея в том что Мухамад-бей был заодно с Назымбием и не мог не знать о готовящемся заговоре. Совершенно очевидным было и то, что Мухамад-бей знал о заговоре против Али-бея, а все его отказы от трона Султана были ничем иным как хорошей игрой рассчитанной на неискушенной в политических интригах массе простых мамлюков. Убедившись в правильности своих первоначальных выводов и предположений Билял-бей с удовлетворением для себя подумал о том что он был прав настояв перед Мухамад-беем о необходимости сохранения жизни бывшему Султану Египта.

Все это было хорошо, но уверенности в том что Мухамад-бей сдержит свое слово и сохранит жизнь своему пленнику у Билял-бея все равно не было.

Вскоре разговор перешел на тему о том кто способствовал Назымбию в его делах или помогал ему совершать свои неблаговидные деяния.

Глава мечети шейх Сабир прямо сказал новому правителю города.

- Тебе не навести порядок в городе пока будут занимать свои должности главный казначей, начальник порта, начальник стражи города и новый главный страженник охраны порта.

Все бандиты города и те кто обкрадывают казну города у них в руках. Они командуют ими.

Пока они будут на своих порядка в городе не будет.

- Как же быть, поинтересовался Билял-бей.

Вопрос можно решить только таким путем, продолжал Сабир. Мы завтра подадим тебе ходатайство о передаче этих людей на шариатский суд.

Отдай нам их и мы клянемся именем Аллаха что будем судить их по справедливости. Будем держать руку на коране взвешивая все хорошее и плохое что сделали они для города и для его горожан.

Немного поразмыслив над этим предложением Билял-бей согласился с мнением своих собеседников. Судьба отпетых негодяев державших в страхе весь город была решена. Теперь необходимо было подумать о том кто заменит этих людей. Билял-бей никого в городе не знал и потому без стеснения спросил шейхов.

- А кого можно будет поставить на их место.

При этих его словах единодушие шейхов с которыми они обсуждали с ним все предыдущие вопросы пропало.

Писец сидевший рядом с Билял-беем едва успевал записывать имена тех кого шейхи считали наиболее достойными горожанами. Каждый из них хотел непременно обратить внимание нового правителя на своего родственника или хорошего друга. Чтобы не сеять рознь в их рядах Билял-бей решил встретиться на завтра с каждым из тех кто попал в список писца и переговорить с ним с глазу на глаз. Такое его решение удовлетворило всех и на этом обсуждение последнего вопроса закончилось.

Весь следующий день у Билял-бея прошел в беседах с просителями и жалобщиками. Он старался внимательно слушать каждого из них, но в конце дня безмерно устал от их бесконечных слов о своей правоте и несправедливости тех на кого они жаловались. День уже клонился к вечеру, а люди все шли и шли.

Он был хорошим воином, но работать с людьми еще не умел. Слушать их, вникать в их бесконечные проблемы оказалось гораздо тяжелее и сложнее чем вскочить на коня и скакать навстречу врагу. В бою все было ясно. Вот ты, вот враг сражайся если ты мужчина.

Чиновники окружившие его внимательно следили за каждым его шагом. Он был для них не только новый но и чужой. По первым же его словам они поняли Билял-бей не Назымбий. При нем той свободы что была при прежнем правителе не будет. Тот сам брал двумя руками все что можно было взять и потому не только смотрел сквозь пальцы на все что делали его подчиненные, а даже поощрял всех тех кто делал то же самое что и он.

Каким будет новый правитель они не знали. Вечером собравшись в своем узком кругу они долго гадали.

- То ли он на самом деле праведный и не будет брать как все остальные, то ли он притворяется приглядываясь ко всему чтобы потом схватить побольше. Больше всех волновался Хаким. Он заведовал приютами города. Приюта было три. На их содержание казна города выделяла хорошие деньги. С них он и кормился. А волновался он потому что сегодня двое посетителей жаловались повелителю на то что кормить в приютах стали совсем плохо. Только хлеб, вода да жидкий чечевичный суп. Билял-бей пообещал разобраться с этим в ближайшие дни. Нужно было срочно собирать смотрителей приютов и сказать им чтобы они поуменьшили пока свои аппетиты, а то можно и без головы остаться.

Хаким слышал, что служители мечети добились от нового правителя выдачи им на шариатский суд трех важных сановников. Это была тревожная весть. Если новый правитель мог так легко отдать под суд могущественного казначея города и не менее могущественного смотрителя порта то таких мелких сошек как он мог отдать под суд без долгих раздумий.

Не менее тревожное настроение было и у Мухаба. Он отвечал за вывоз и уничтожение мусора из города. Несколько посетителей в том числе один служитель медрсе пожаловались сегодня Билял-бею на то что город завален мусором. Дело дошло до того что по мусоркам бегают громадные крысы которых даже коты боятся. Крысы заходили во дворы и даже в дома горожан наводя ужас на жителей города. Было множество случаев когда крысы покусали детей некоторые из которых умерли от заразы занесенной в их раны зубами гадких животных. Самое плохое настроение было у Талиба. Он отвечал за работу городской лечебницы. Здесь дела обстояли еще хуже.

Воровать там уже было нечего. Больные спали на голых нарах. Страх Талиба усилился еще больше после того как Билял-бей пообещал прямо завтра сам прийти в лечебницу и своими глазами посмотреть на то что творится там. Он никак не мог поверить что там все на самом деле так плохо как рассказали ему.

Все терялись в догадках.Действительно ли Билял-бей будет рубить налево и направо или делает все это только для того чтобы напугать всех и сесть в долю от доходов как делали в свое время его предшественники.

Все их сомнения развеял следующий день. Утром этого дня сразу же после утренней молитвы Билял-бей посетил лечебницу.

Он долго ходил по старому, грязному зданию, беседовал с больными и служителями ветхого заведения. Результат оказался гораздо хуже чем предполагали вчера чиновники. Талиба в тот же день кинули в темницу и отдали под шариатский суд. После этого заволновались все. Срочно начали вывозить на длинных телегах горы мусора, ремонтировать дороги, очищать территорию порта. На улицах города в ту же ночь появились стражники. Бандиты то ли ушли из города не дожидаясь когда их потянут в шариатский суд, то ли затаились до лучших времен. Один из главарей банды многозначительно сказал.

- Нет ничего вечного под этой луной. Найдется управа и на Билял-бея. Тогда все вновь станет так как было раньше. Так было всегда. Так всегда будет добавил он.

Билял-бей потихоньку входил в курс дела. Через несколько дней отдали под суд начальника порта. Еще через день начальника стражи города и главного стражника морского порта. Люди в городе начали верить в то что скоро все станет как нужно и в Александрии снова будет порядок и покой, город станет процветать, а его жители вкусят все те блага что дарованы были людям волей Всевышнего. Блажен кто верует. Верили и они. Верили ибо трудно жить человеку без веры в создателя и в то лучшее что дарит он.

РОДНОЕ СЕЛО

В верховьях реки Мзымта, что называется сегодня Красной поляной, а так же в урочищах Псху и Чегрипш располагались 14 больших и малых абазинских аулов.

Все они говорили на одном из диалектов языка народа Абаза. Соседи называли это беспокойное и никому неподчинявшееся племя – ащкаруа.

В одно из селений что находилось в верховьях реки Мзымта и собирался съездить Мамата.

Как помнит читатель Мамата никому не сказал своего настоящего имени и фамилии. Все знали его по имени его отца и фамилии бабушки. Теперь только князь Бата знал его истинное имя, но он дал слово никому не говорить его и потому Мамата был уверен, что до поры до времени никто не узнает ни его настоящего имени, ни его настоящей фамилии.

Дорога предстояла ему дальняя, не менее ста верст пути. Она пролегала по не всегда ровным и не всегда удобным горным и прибрежным тропинкам.

После разговора с Батой Мамата быстро собрался в дорогу. Уже на следующий день он выехал со двора своего дома.

Только Бата и жена Маматы Саида знали куда и зачем он едет.

Быды и Зизы в селе не было. Они несколько ранее уехали в еще более дальнюю дорогу. Братья планировали съездить в родные места и навестить в Джгярде своих родственников.

Провожали Мамату только Бата и Сагит.

Они доехали с ним до околицы села где и попрощались со своим другом.

Дальше Мамата поехал один.

Через три долгих дня утомительного пути усталый, но довольный Мамата приехал в село где родился он много лет назад.

Еще не доезжая до родного села но попав уже в его окрестности Мамата расчувствовался.

Волна теплых воспоминаний заполнила все его тело.

Он остановился. Слез с коня и долго долго стоял на берегу Мзымты вслушиваясь как журчит прозрачная вода ударяясь о берег и поют птицы в ветвях деревьев в изобилии росших в пойме реки.

Ему почему то вспомнились слова Султана Али-бея.

- Ты помнишь как поют птицы в наших краях?

Тогда, услышав утвердительный ответ Маматы, Али-бей задумчиво улыбнулся и сказал.

- Я то же все помню.

Мамата был настолько растроган нахлынувшими на него чувствами, что опустился на колени и поцеловал теплую землю лежавшую под его ногами.

Так и стоял он на коленях пока не услышал цокот копыт нескольких лошадей приближавшихся со стороны села.

Мамата быстро поднялся с земли. Никто не должен был видеть его стоящим на коленях.

Сделал он это довольно своевременно так как буквально через несколько мгновений на поляну где находился он выехало три всадника.

Увидев незнакомого человека садившегося на коня они остановились.

- Салам алейкум – поприветствовал их Мамата, мир вашему дому добавил он на абазинском языке.

Всадники ответили на его приветствие и подъехали поближе услышав что он говорит на их языке.

На их лицах отразилось небольшое удивление. Вызвано оно было очевидно тем, что Мамата чисто говорил на абазинском языке, но с довольно заметным акцентом.

В Ащькыт где жил Мамата все знали откуда он приехал и потому никто на его акцент не обращал особого внимания. Здесь все было иначе.

Встретившиеся ему всадники сразу же обратили внимание на акцент выработавшийся в его речи за долгие годы пребывания в Египте.

Чтобы не возбуждать их излишнее любопытство Мамата сразу же сказал.

- Не обращайте особого внимания на мой акцент. Я долгое время жил на той стороне гор среди адыгов. Свой язык не забыл, но говорить стал как видите не очень хорошо.

Эту мысль он не готовил заранее. Мамата даже не задумывался до этого о том, что он говорит с заметным акцентом.

Эта мысль пришла к нему сама по себе и видно совсем вовремя ибо после его ответа все трое встретившихся всадника заулыбались и протянули ему руки для приветствия.

Мамата рассказал встретившимся ему людям кто он и зачем он едет в их село. Естественно, что он назвал не свое настоящее имя и не свою настоящую фамилию которые до поры до времени не должен был узнать никто.

После непродолжительной беседы он узнал, что старшиной общины его родного села является Талиб-ду (Большой Талиб). В абазинских селениях часто бывало так, что в одном и том же квартале жили двое, а иногда и трое мужчин с одним и тем же именем и тогда чтобы не путать их в повседневной жизни одного из них называли ду – большой, а другой хчы – маленький. Если же они были примерно одинаковые по своим габаритам то находили какое-то другое отличительное качество. Цвет волос, голос или еще что-то в этом роде.

Мамата хорошо знал кто такой Талиб-ду. Когда он еще жил в родном селе Талиб был мужчиной среднего возраста и жил недалеко от них. Был он из рода Куждзаа. Его жена Аминат являлась

двоюродной сестрой матери Маматы. Обе они происходили из рода Тлисаа.

Мамата все это очень хорошо помнил, но для вида начал расспрашивать своих собеседников как проехать к дому Талиба. Это нужно было ему только для того чтобы не вызвать у них лишних подозрений к себе. Ведь он сказал им, что он родом из совсем других мест и впервые приехал в их село.

Так или иначе Мамата уже через пол часа неспешной езды стоял у ворот дома Талиба.

На лай собаки из дома вышла его жена Аминат.

Она конечно же не узнала Мамату.

Когда обстоятельства принудили его покинуть родные места ему было всего 12 лет. Теперь перед его двоюродной тетей стоял молодой мужчина лет тридцати узнать в котором через столько лет своего маленького племянника Аминат конечно же не могла.

На голове у Аминат легкая косынка светло-голубого цвета.

Косынка плотно стянута на затылке. Черное платье с длинными рукавами прикрывает ее худощавое тело до самых ступней.

Узнав, что путник ищет ее мужа она объяснила Мамате что ее муж уехал на кузницу чтобы подковать коня. Затем она довольно подробно объяснила ему как найти сельскую кузницу.

Мамата внимательно слушал ее, несколько раз уточнял как ему проехать до желаемого места хотя прекрасно знал где находится кузница и как проехать к ней.

Попрощавшись со своей тетей встреча с которой вызвала у Маматы массу добрых воспоминаний он поехал в направлении кузницы.

Аминат за прошедшее время заметно постарела. Спина у нее была по прежнему ровной, но походка стала уже не такой легкой. Лицо ее покрыли преждевременные морщины, взгляд стал несколько отрешенным и тусклым.

Мамате хотелось спросить у нее как поживают ее сыновья с которыми дружил он в годы своего детства, но говорить так было нельзя. Любой вопрос такого характера вызвал бы естественный ответный вопрос.

- Откуда он их знает?

Мамата медленно ехал по пыльной улице родного села. Здесь все было до боли знакомо ему и вызывало у него щемящее чувство тоски по чему-то навсегда потерянному и уже никогда не способному вернуться назад.

Груша на которой росли когда-то большие сочные плоды стала старой. Плодов на ней было уже не так много как во времена его детства. Некоторые ветки на дереве высохли и сиротливо смотрели на белый свет показывая всем своим видом каким безжалостным бывает время когда оно уходит далеко вперед оставляя в прошлом картины счастливого детства.

Груша стояла все там же на краю улицы где маленький Мамата и его сверстники играли в свои игры, но сегодня под ее поредевшими кронами не было ни одного ребенка. Видно все убежали на Мзымту.

Разговор с Талибом выдался долгий.

Мамата терпеливо объяснял ему кто он такой, для чего он приехал, каковы планы князя Баты и что он хотел бы от жителей села.

Талиб не был тугодумом. Он был человеком привыкшим все взвешивать, тщательно обдумывать и принимать решение только после того как он убеждался что оно может принести пользу и только пользу.

Возможно именно это качество и ценили в нем его односельчане выбирая Талиба старшиной сельской общины. Они знали, что Талиб человек думающий и потому мало склонный к ошибкам или к преждевременным необдуманным решениям.

Талиб как и Аминат Мамату не узнал и даже подозрительно посмотрел на него когда в глазах Маматы загорелся непроизвольный огонек. Он никак не мог понять почему так засветились радостью глаза приезжего человека которого он не знал и не давал никакого повода для радости или печали.

Они сидели на скамейке возле кузни. Подкованный конь Талиба щипал траву недалеко от них. Из кузни как давным давно в детстве доносился равномерный стук молота. Мамата не видел кто там работает, но ему хотелось узнать жив ли еще Ажиба Харун который был кузнецом в те времена когда сам он бегал к кузнице покачать меха или постучать немного молотком.

Харун был большим, сильным и добрым человеком. Он позволял детворе и поработать и поиграться.

Как и предполагал Мамата Талиб после долгих размышлений сказал.

- Предложение твоего князя важный, но трудный вопрос. Мне нужно собрать людей и посоветоваться с ними.

Поживешь у меня. Подожди день, другой и мы дадим тебе ответ.

С этими словами он сел на лошадь и не давая возможности сказать что-то в ответ показал рукой что бы Мамата ехал за ним.

Разместив Мамату в одной из комнат своего дома Талиб уехал наказав жене.

- Накорми, напои гостя.

Вечером я вернусь, тогда и решим что делать дальше.

Аминат подав на стол еду поведала Мамате что ее сыновья в отъезде. Они поехали в соседнее урочище Чегрипш где их дядя устраивал праздненство по случаю рождения внука. До этого, рассказывала Аминат, Всевышний дал его сыну, а ее племяннику четырех дочерей и он уже отчаялся увидеть продолжателя рода как пришло долгожданное счастье.

Такое радостное событие грех было не отметить что и делал ее брат.

Вот приедут завтра Заур и Анзор тебе будет с ними гораздо веселее заключила она.

Заура и Анзора Мамата хорошо помнил. Они были его ровесниками. В детстве они проводили много времени в играх и бесконечных забавах.

Они оба жили уже отдельными семьями. Почему так получилось что никто из них не остался жить с родителями Мамата не знал.

Поняв по его глазам что его интересует этот вопрос, но он не задает его из вежливости Аминат сказала сама.

- Старший Анзор женился и мы ему построили отдельный дом. Младший Заур должен был жить с нами, но старик (по видимому она имела в виду Талиба) выгнал его из дома после того как он женился на неверной.

Его жена гречанка очень хорошая женщина и чтит наши законы добавила Аминат.

Она родила уже сына. Тот копия дед.

Гречанка давно уже ходит к нам вместе с сыном. Старик дня не может чтобы внука не было дома. Чуть что сразу же посылает за ним.

А вот Заура даже на порог не пускает. Ладно. Пройдет время все успокоится все обойдется продолжала она. Куда Талиб денется. Заур все таки его сын.

Выслушав с интересом все что поведала ему словоохотливая хозяйка Мамата вышел на улицу. Ему давно не терпелось пройтись

по знакомым местам, выйти на околицу, сходить к реке и посидеть хоть немного в тени старой развесистой ивы что росла прямо на берегу реки. Именно она так часто и снилась ему.

Когда они вышли во двор Аминат кликнула соседского мальчика игравшего со своими сверстниками.

- Мусик, иди сюда – позвала она.

Мальчишка которого позвала она тот час подбежал к ним.

Было ему лет 12-13.

- Мусик, сказала Аминат, Джамбот наш гость. Он хочет посмотреть село. Покажешь ему все что он хочет увидеть.

Мамата, который представился Талибу и Аминат как Джамбот чуть не сказал.

- Не надо беспокоиться. Я здесь знаю все сам, но вовремя остановился.

Мусик довольный поручением которое дала ему Аминат встал рядом с ним и они пошли осматривать село.

Мамата сразу же пошел в ту сторону где находился его родительский дом. Ему нетерпелось увидеть места где прошло лучшее время в его жизни.

Он давно уже забыл что такое волнение.

Суровая реальность в которой он жил давно приучила его к тому что мужчина – воин который подчиняется чувствам, а не холодному рассудку обречен или на гибель или на бесславие.

Не волновался он когда выходил один на поединок с двумя албанцами, стараясь заранее просчитать каждый их шаг и свои ответные действия.

Не волновался он и выходя на бой со знаменитым Гочей-пехлеваном. Мамата знал, что малейшее проявление эмоций положит его под саблю великого бойца равному которому не было во всей Передней Азии.

Все это было так, но когда он начал подходить к родному дому его сознание и его тело перестали подчиняться ему.

Глаза Маматы жадно побежали впереди него ощупывая каждый клочок земли во дворе дома в котором он вырос.

Во дворе никого не было.

Его все так же как и много лет назад охраняли два больших дерева. Грушевое дерево справа от дома, слева от него широкие ветви раскидистой яблони.

По двору гремя длинной цепью лениво ходила громадная кавказская овчарка.

И цветом и статью она была удивительно похожа на его любимца рыжего великана Амра.

Амра остался в его детстве. Эта собака была по видимому его потомством.

Увидев с каким интересом разглядывает собаку их гость Мусик важно заметил.

- Амра самая сильная собака в ауле. Она даже с медведем ходила драться.

Услышав эти слова Мамата с грустью для себя вспомнил, что давным давно точно так же говорил и он о своей Амре.

Он был уверен, что Амра справится с любым медведем.

Мамата и Мусик вернулись домой к самому вечеру.

Солнце лежало уже на глади моря.

Коровы и овцы медленно брели по улице села возвращаясь с пастбища.

Женщины и мальчишки высматривали своих питомцев и гнали их к себе домой.

Талиб уже ждал гостя. Аминат быстро накрыла стол у открытого очага.

Мужчины сели за стол. Неспеша поели. Сыр, сметана, горячий хатык (чурек) и прохладный ахырчы (айран) быстро утолили голод и хозяина и гостя.

Талиб рассказал.

Он уже встретился с некоторыми уважаемыми старейшинами родов селения и обговорил с ними предложение князя Баты.

Все они одобрили идею. Но нужно было собрать еще всех остальных старейшин и принять общее решение.

После этого Талиб заметил.

- Если ты Джамбот не будешь против мы можем пригласить на наше собрание и старейшин из соседних селений.

Пусть они тоже скажут свое мнение. Я так думаю, что чем больше селений поддержат нас тем лучше. Сказав «нас» Талиб тем самым подчеркнул, что он сторонник идеи князя Баты.

Мысль Талиба Мамате понравилась и он сразу же согласился с ней.

В эту ночь Мамата долго не смог уснуть. В открытое окно заглядывала луна. Она все время тепло и ласково улыбалась ему.

Листья деревьев облитые ее неясным светом долго шептали ему сказки из его далекого детства.

Несколько раз где-то вдалеке ухнул филин, но его голос сегодня был не зловещим, а каким-то добрым. Ночную темноту разрывал стрекот цикад.

Цикады стрекотали по ночам и в Ашькыт, но здесь их стрекотание звучало совсем по другому.

Небо было ясное. Звезды большие и яркие. Они висели над селом совсем низко и у Маматы было такое ощущение что их можно потрогать руками стоило только захотеть этого.

Чувствуя запах диких животных и особенно волков и шакалов в обилии водившихся в близлежащих лесах во многих дворах гулко лаяли громадные кавказские овчарки. Эхо их голосов долго висело над селом.

Мамата встал с постели. Долго смотрел в окно, слушал голоса вокруг него и никак не мог понять – где он, сколько ему лет, и когда закончится сказка которая окутала его со всех сторон?

Перед самым рассветом затихшее село, окрестные леса и горы накрыла первозданная тишина. Луна скрылась за облаками, звезды растаяли в предрассветной мгле. Кругом стало тихо и спокойно. Также тихо и спокойно стало наконец и на душе Маматы. Он почувствовал наконец то облегчение которое бывает только у людей которые дошли в конце концов туда куда шли долгое время и нашли то, что давно уже хотели найти. Когда уже запели первые петухи Мамата почувствовал как сон окутывает все его сознание и он медленно, медленно проваливается в посветлевшее звездное небо падая куда-то в бездну, но почему то только снизу вверх.

На следующий день вернулись в село сыновья Талиба.

С ними Мамата встретился в доме Заура.

Братья его не узнали. Лишь Анзор долго смотрел на него и затем сказал.

- Знаешь Джамбот у меня такое чувство что мы с тобой где-то встречались, не могу только вспомнить где. И голос твой я где-то слышал. И глаза твои видел.

На что Мамата спокойно отвечал.

- В этой жизни много людей похожих друг на друга. Наверное, кого то из них похожего на меня ты и видел, брат мой.

На этом диалог между ними о сходствах закончился, но Анзор много еще раз внимательно посмотрел на него напрягая свою память и никак не в силах найти в ней то что он искал.

Братья идею Баты одобрили, но заметили.

- Мы будем за, но кто нас спрашивает. Все будут решать старшие.

Талиб пригласил на совет старейшин представителей соседних сел. Они как и предполагал Мамата ответили согласием и известили Талиба, что прибудут в село в обязательном порядке.

Совет должен был состояться через два дня.

Все это время Мамата исходил село вдоль и поперек вместе с Анзором и Зауром.

Братья оставили в сторону все свои дела и с утра до вечера сопровождали гостя.

За это время Мамата увидел издалека отца, мать, братьев, сестер, племянников, племянниц.

Его никто не узнал. Только мать почему-то долго смотрела ему вслед и горестно вздыхала.

Почему она так делала не знала и она сама. Только нежданная слеза почему-то побежала по ее лицу, затем другая. Так и стояла она у ворот и долго долго смотрела вслед странному незнакомцу.

Совет старейшин окрестных сел одобрил идею князя Баты. Договорились о том, что они пришлют в Ащькыт своего представителя который и оговорит все подробности дела.

Провожали Мамату всем селом.

Вечером накрыли большой праздничный стол. Молодежь пела танцевала.

Утром молодые воины проводили Мамату почти до самого Ардлара и долго смотрели ему вслед любуясь его превосходным арабским скакуном.

АПСТХА

У каждого смертного своя дорога к создателю. Каждый идет по ней так как предписано ему это Всевышним. Никто иной не может пройти по дороге предназначенной другому. У каждого своя дорога. Была своя дорога и у Али-бея. Это была его дорога и он шел по ней как было предписано ему его судьбой. Шел долго,

шел тяжело пока не привела она его к краю за которой начиналась пропасть. Бездна вечности дышала ему уже в лицо, но все равно он другой дороги не желал. Он дорожил той дорогой и той судьбой что были даны ему.

Каждый человек - огромный еще некем не познанный мир. Загадок в этом мире больше чем песчинок в пустыне Сахары или капелек воды в бесконечной глади великого Нила. Никто и никогда не смог и не сможет понять до конца кто же он – этот человек, созданный Всевышним из простого песка и глины. Даже сам он многие годы разглядывая себя изнутри или всматриваясь в свои глаза в зеркале времени не может понять до конца.

- Кто же он на самом деле?

- На что способен он?

- Где границы его ума и что можно ждать от него ему самому?

- До куда может он взлететь или упасть и есть ли предел его падениям и взлетам?

Рядом с честью и долгом жили всегда коварство и подлость. Никому не ведомо как могут они жить рядом, а иногда не только рядом, а даже в одном и том же человеке. Временами даже сам Всевышний хватается за голову глядя на свое творение. Он и только он знает где предел всему тому что создано его руками. Но он не спешит. Придет время и сожмет он грехи человека и вместятся все они в одной его ладони вместе со всей землей по которой ходили они. Так говорил пророк Мухамед. Так оно и будет. А пока он дает каждому из нас показать все на что способен он. Даже ему всесильному и всезнающему интересно понять до конца на что же способен человек которого создал он из песка и глины и что можно ждать от него если дать ему полную волю. Придет время и увидит он все это и соберет в своей руке все песчинки Сахары и капли воды из Нила. И не останется потом ничего.

Все станет прахом. Все уйдет в бесконечность. Останется лишь душа человека. Она за все и ответит. И возрадуются праведные. И покаются грешные. Но будет поздно. Рука Всевышнего уже не разожмется.

Али-бей верил в Аллаха. Верил искренне. Это давало ему силы хотя не всегда сберегало его от бед которые несло ему время.

Он как и все остальные люди так и не познал до конца ни себя ни тех кто был рядом с ним. Он так и не понял как мог он поверить

всем своим близким и как могли многие из них предать его забыв все что сделал он для них.

Оставшись один в камере Али-бей долго думал над состоявшимся разговором с Мухамад-беем. Его мозг непроизвольно анализировал не только каждое слово сказанное Мухамад-беем, но даже интонацию голоса с котором говорилось это слово. Он не раз вспоминал как изменилось выражение лица его собеседника когда он услышал от него где находятся Фагуда и Даут. Только по тому как посветлело его лицо и радостно заблестели глаза можно было предположить, что главной целью его посещения была одна задача. Он хотел найти следы своей семьи.

Али-бей мог ничего не сказать ему о том что он знал, но он сказал и ни сколько не сожалел об этом. Мухамад-бей не мог причинить им зла. Он мог только помочь его родным. Более того он мог помочь Нафисе, Мариам и Гатисе. Али-бей был уверен, что Фагуда не бросит близких ему людей и если пойдет на какой-то компромисс с Мухамад-беем то только при условии что он сделает все что необходимо сделать для его дочери и его жен. В том что Мухамад-бей любит его сестру и готов за нее положить жизнь Али-бей не сомневался. Так же как не сомневался в том что тот был или в курсе всех дел по заговору против него или принимал в этом заговоре самое активное участие.

Теперь не имело уже особого значения в какой степени он был замешан во всей этой истории. Дело было сделано и ничего нельзя было уже изменить.

Трудно, очень даже трудно человеку понять такого же человека как он сам. Даже глядя на одно и то же солнце каждый из нас видит его по своему.

Солнце одно, а мысли о нем совсем разные. Одни глядя на него видят блеск его лучей и поражаются его силе и могуществу. Другие глядя на то же солнце думают о том, что придет время и оно уйдет за горизонт. Вместе с ним уйдет за горизонт и блеск его лучей. И лишь совсем немногие думают о том что завтра утром встанет новое солнце . оно будет такое же прекрасное как солнце сегодняшнего дня так будет до тех пор пока находятся рядом друг с другом земля и солнце. Солнце приходит и уходит, а земля на которой живут они всегда на месте. Нужно только уметь ждать. Они хорошо знают что только тот увидит и насладится радостью

лучей рассвета кто сумел пережить неизвестность долгой, темной, холодной ночи.

Не мог понять Али-бей и то что двигало Мухамад-беем и Камаль-беем предавшим его. Чего не хватало им. Разве мало было им той власти что была у них и они были фактическими хозяевами Египта, Сирии, Палестины и почти всего Аравийского полуострова. И день и ночь в голове у Али-бея сидел один и тот же мучительный вопрос. Почему они предали того кто сделал им столько добра, увидел их и поднял на самую вершину власти.

Он искал ответ на этот вопрос и никак не мог найти его.

Только все чаще и чаще в голове у него звучали последние слова старца Хашима.

- Смотри себе под ноги. Там твоя слава. Там и твой конец.

Видно плохо он смотрел себе под ноги.

В то же время он часто вспоминал слова великого Хизрани. Он сказал ему:

- Самое большое счастье это не деньги, не трон Султана или слава великого полководца. Самое большое счастье это уважать самого себя и осознавать что ты предстанешь перед своим создателем с чистой совестью. Чтобы впереди тебя были его добрые глаза, а позади глаза людей которые любили и любят тебя. И живого и мертвого.

Али-бей понимал, что его время ушло. Его время остановилось после того как он очнулся в тюрьме. Теперь он был уже никто.

Его время вышло. А жизнь продолжалась. Время шло мимо него и уходило в даль. Оно неслось все дальше и дальше с каждым мигом ускоряя свой бег и унося в бесконечность все что было у него. И никто не мог остановить бег скакунов топот копыт которых не слышал никто.

Молодые мамлюки летели на этих скакунах. Ветер и пули свистели рядом с ними. Кто-то падал – остальные неслись все дальше и дальше. Так было много лет назад когда и он несся на своем знаменитом скакуне Апша по бескрайним просторам земли. Тогда он догонял свою судьбу и время. Теперь они убегали от него. Уходили в никуда. Никто не мог остановить их неумолимый бег. Он знал - Так было всегда. Так всегда и будет.

Али-бей прекрасно понимал, что теперь он даже не мог начать борьбу за свой престол. Его предали все. Предательство Назымбия и Фатхи-бея можно было еще понять. Они испугались расплаты за свои дела и пошли на подлость. Но понять предательства Мухамад-бея и Камаль-бея он не мог. Он долго думал над тем, что заставило их сделать такой шаг и никак не мог понять этого.

-Чего ему не хватало? Задавал сам себе вопрос Али-бей. Мухамад-бей был вторым человеком в государстве. Он знал что его сделали приемным сыном и зятем только для того чтобы он со временем унаследовал его трон. Он так или иначе сел бы на этот трон. Что же заставило его пойти по пути предательства если он мог получить все честно и по закону. Единственным объяснением такого шага могло быть одно. Мариам была в положении и Мухамад-бей испугался, что если у нее родится мальчик его могут отодвинуть на второй план.

Все было как раз наоборот Али-бей полагал оставить своего зятя и приемного сына царствовать в Египте, а самому уехать в Абхазию забрав с собой и Мариам с сыном, если бы Всевышний подарил ему его. Там бы и стал его сын наследным принцем царства Абаза. Видно главная ошибка Али-бея была в том что он своевременно не ознакомил зятя со своими планами.

Образовалась щель недоверия и сомнений. Туда и вошли те кто хотел убрать его с трона. Вернее всего это были турки. Как они смогли выйти на Мухамад-бея и как смогли они убедить его войти в заговор против него Али-бей не знал. Да это теперь и не играло уже никакой роли.

Еще большую боль и недоразумение вызвало у Али-бея предательство Апстха. Он сам своими руками поднял его из рядовых мамлюков. Сделал Камаль-беем. Одним из самых уважаемых и авторитетных военноначальников Египта. Он верил ему как себе и получил в ответ тихое предательство. Да он не принимал участие в заговоре, но когда узнал о нем струсил и занял нейтральную позицию. Приди он тогда к нему на помощь, встань рядом с ним и сегодня все было бы совершенно иначе. Авторитет Апстха в войсках и вера в его честность и неподкупность были высочайшими.

Он и только он мог сказать правду мамлюкам о смерти Сахиб-бея. Мамлюки не услышали бы голос правды ни из чьих уст, но голос Апстха они бы услышали. Камаль-бей был единственным кто мог повернуть события в другую сторону. Его предательство было особенно горьким для Али-бея. Ему он верил как себе. Его он ча-

сто называл совестью абазинского народа. Совестью всего народа Абаза. Видно он здорово ошибался думая о нем так. Теперь Али-бею стало очевидным, что Апстха играл свою роль и нанес ему смертельный удар тогда когда он не ждал его.

Погруженный в свои нелегкие думы Али-бей ходил из одного угла камеры в другой, затем подошел к зарешеченному окну. Небо было ясное. Золотоликая луна радостно улыбнулась ему будто ничего не произошло и он как прежде всесильный Султан Египта. Громадные звезды блестели прямо над тюремным окном. Они были словно пришитые к темно синему бархату неба рукой всесильного портного. Его звезды в проеме окна не было. Ее бесполезно было искать. Она была на другой стороне неба.

Али-бей не был человеком суеверным, но все равно факт того, что он не смог найти на небе своей звезды счел дурным знамением. Звезда эта всегда показывала ему дорогу домой, в Апсны. Без нее найти единственную дорогу домой было невозможно.

Али-бей долго еще стоял у окна и смотрел в бесконечное звездное небо. Он был доволен результатами сегодняшней встречей с Мухамад-беем. Он знал, что тот немедленно пошлет на поиски своей семьи самых верных ему людей. Все это было выгодно Али-бею хотя бы потому что Фагуда никогда не бросит Нафису, Мариам и Гатису. Он был уверен так же, что она никуда не пойдет без них. А это значило, что у его семьи будет твердая опора в лице жены нового Султана и всем придется считаться с ними.

Фагуда была не только ослепительно красивой женщиной. Помимо всего этого она была спокойной и властной. Настолько властной, что смогла согнуть Мухамад-бея так что он до сих пор не сделал еще одного шага в осиротевший гарем. Али-бей даже не сомневался в том что она так же мягко без единого слова принуждения заставит своего мужа сделать все так как пожелает того она. Бывает такой тип женщин которые никогда ничего не требуют от мужчин, но ведут себя так что мужчины сами хотят сделать для них все чего они хотят боясь потерять их доверие и преданность.

Фагуда была именно такой. Гатиса никогда не будет обиженной находясь под защитой своей тети.

Не будут обижены Нафиса и Мариам. Али-бей был уверен в том, что Фагуда не умеет предавать своих близких.

Не нужно было иметь особый ум чтобы догадаться о том что второе предложение Мухамад-бея дать ему полную свободу и деньги были вызваны не его добрыми чувствами к нему, а только тем что он хочет показать Фагуде свое благородство и чистые помыслы. Трудно было сказать поверит ли ему Фагуда или нет, но то что он делал все это только для нее было для Али-бея бесспорным фактом.

Спать он не хотел. Не до конца еще зажившие раны давали о себе знать при любом резком или неосторожном движении. Начинали они зудить и при любом изменении погоды.

Вчера ночью, он споткнулся о ножку кровати и почувствовал как мягкая, вязкая масса крови поползла по его телу. Конечно, он был уже не молод. Было время когда раны заживали на его теле быстро и безболезненно. Теперь ему было уже под пятьдесят.

До ранения он был еще достаточно силен и ловок. Ежедневные тренировки держали его тело в форме, но все равно время есть время. Годы брали свое. Тихо бесшумно. Раны не заживавшие на его теле усугубили его состояние. Теперь он был совсем слабым и беспомощным.

Но несмотря ни на что Али-бей мог быть довольным тем что отмерил ему Всевышний. Он прожил удачную жизнь. Ему многое удалось сделать за эти годы. Он почти не помнил то время когда рос дома рядом с отцом и с матерью. Вся его сознательная жизнь прошла здесь в Египте. От Абхазии у него остались только обрывчатые воспоминания, кровь этой земли и ее дух. Этот дух и позволил ему пройти путь от мальчика раба до могущественного Султана при имени которого боязливо вздрагивали многие монархи Африки и Ближнего Востока в том числе и могущественный Султан Великой Турецкой империи.

Ему многое удалось. Он смог добыть в тяжелых боях независимость для страны которая стала его второй Родиной. Он мог быть доволен многим кроме одного. Он не смог решить главную мечту своей жизни – воссоздать в прежних границах государство своих предков – некогда могущественное царство Абаза.

Эта мысль неотступно следовала за ним не давая спокойно дожить те дни что были отмеряны ему всевышним. Не меньшую боль доставляли ему и мысли о том что его предали. Предали те кому он больше всего верил и для кого он больше всего сделал. Мучительно больно было осознавать что его единственная ошибка в этой

жизни так дорого обошлась ему. Он плохо смотрел себе под ноги, споткнулся и упал. Упал так что невозможно было уже подняться на ноги и идти прежним путем так как шел он до этого многие годы.

Но все равно не смотря ни на что мир в котором жил он был удивительным и прекрасным. Этот мир озаряла последняя улыбка его верного друга и брата Аль-Харуна. Недавно он приснился ему. Там во сне или даже в бреду в котором находился тогда Али-бей Аль-Харун сказал ему с доброй улыбкой.

- Когда ты придешь сюда я и здесь буду тебе верным другом и братом. Здесь тоже нужно иметь плечо на которое можно будет опереться. Ты только не спеши. Я подожду тебя.

В этом мире гремел голос его верного стража Умара. Он стоял как большая скала посреди буйного моря, махал смертоносной кавказской шашкой и кричал.

- Подходите ко мне собачьи дети, подходите все кому жизнь не дорога.

Вы все получите за моего друга Сахиб-бея. Мы не убивали его. Будь проклят тот кто убил его.

Рядом с ним затихал под небесами голос Сулеймана.

- Я сдержал свое слово Али-бей. Мое слово, дороже жизни. Сулейман был настоящим мужчиной. Он умел держать свое слово.

В этом мире звучал как поминальный звон колокола на куполе христианской церкви в Каире голос верного своему долгу барона Фон Бока.

- О майн гот.

Али-бей не знал, что значили эти слова, но почему то думал что они переводятся как

- Честь дороже жизни.

Верный своему долгу пруссак долго падал на горячий песок далекой африканской земли.

Здесь на этой земле лежал знаменитый курдский богатырь Салман-медведь. Он долго махал еще громадным мечом шамширом из последних сил отбивая атаки своих врагов. Салман-медведь был настоящим воином. Великим воином. Как воин он и умер с мечом в руках.

Из одного конца этого громадного мира в другой скакал в никуда чудесный конь Сирокко. Он скакал обгоняя знойный ветер пустыни.

Ветер не мог догнать его и злился что есть на свете существо которое может обогнать его.

В этом мире все было прекрасно. Прекрасны были и громадные зеленоватые глаза Нафисы. Бывает особый тип женщин которых мужчины видят, слышат, но присутствие которых в повседневной жизни они почти не чувствуют. Так получается, что чаще всего мужчины чувствуют не их присутствие, а их отсутствие. Как только эти женщины уходят вокруг мужчин образуется пустота. Пустота которую запоздало чувствуют они каждой клеткой своего непокорного мужского я. Такой была и Нафиса.

Она как всегда хотела погладить руку Али-бея, но почему-то не решалась сделать это. Только теперь когда все это было уже далеко позади Али-бей явственно почувствовал что в этой жизни он любил только одну Нафису и больше никого. Теперь он хотел чтобы она прикоснулась к нему своими руками, но мир в котором жила она когда-то рядом с ним ушел в никуда. Там куда ушел этот мир невозможно было сделать ничего.

Этого мира больше не было. Он остался жить только в его голове. В стареющей седеющей голове человека который шел неизвестно куда. Время уносило его и он не мог ничего уже сделать.

Теперь все было так как было и ничего нельзя уже было изменить.

Мир в котором он жил был прекрасен, но его уже не было и нужно было думать о том как теперь жить в том новом мире в котором проснулся он после тяжелого ранения.

Мысли Али-бея раз за разом возвращались к сегодняшней встрече. Нужно было взвесить каждый свой шаг чтобы снова не оказаться на краю пропасти. Было совершенно очевидно, что русским он больше не нужен и ждать от них помощи бесполезно.

Плещеев к нему теперь уже не придет. Русской императрице нужна была дружба с Султаном Али-беем.

Просто Али-бей ей нужен не был. Таковы жесткие законы политики. В этом мире женщинам и государям нужны только победители. Побежденные не нужны никому.

Но так или иначе Али-бей был доволен тем разговором который состоялся у него сегодня с новым повелителем Египта.

Был доволен состоявшемся разговором и Мухамад-бей. Он узнал у Али-бея все что ему было нужно. Теперь не играло особого

значения даст он согласие уехать из Египта или нет. Следующую встречу с Али-беем он планировал провести в присутствии нескольких чиновников и важных беев. Нужно было это ему только для того чтобы они при необходимости подтвердили бы на коране что он предлагал Али-бею жизнь, деньги и полную свободу.

Фагуда могла ему не поверить, а вот всем остальным не поверить не могла. Главное теперь было найти ее саму.

В кабинете Мухамад-бея сидело семь мамлюков. Старшим среди них был Заудин. Заудину Мухамад-бей верил. Верил как себе.

Уже сегодня вечером они должны были отплыть кораблем до Александрии. Корабль ждал их на пристани Каира. В Александрии они должны были пересесть на корабль идущий в Турцию. Затем пересечь всю страну на лошадях и добраться до Трибзона. В Трибзоне им необходимо было найти капитана судна грека Костаса. Если он находился в плавании им надлежало дождаться его возвращения и узнать у него куда отвез он Фагуду и всех остальных. После этого им необходимо было выехать туда где находились Фагуда и все остальные и передать им письмо Султана и деньги. Письмо было коротким. Все остальное Заудин должен был передать на словах.

Мухамад-бей тщательно раз за разом повторял им все что они должны были рассказать Фагуде и всем остальным женщинам.

Главным в их рассказе должна была быть только одна мысль.

- Мухамад-бей не имеет никого отношения к мятежу мамлюкской армии. Он как мог старался помочь Али-бею, но мамлюки не послушали его. Они требовали идти на Каир и казнить Али-бея.

Чтобы не допустить расправы над Али-беем он вынужден был принять предложение мамлюков стать Султаном. Он три раза отказывался от их предложении и согласился принять его только тогда когда понял что трон может занять Назымбий который сразу же расправится с Али-беем.

Называя имя Назымбия Мухамад-бей рассчитывал только на одно.

Назымбий мертв и уже не сможет подтвердить или опровергнуть его слова. На мертвого можно было валить все. Назымбий был уже там где лицо правды никто не увидит.

Заудин получил уже деньги и сопроводительные документы. Одно письмо было на всякий случай на имя Турецкого Султана. В нем он просил его оказать содействие в поисках жены и сына.

Этой же ночью Заудин и сопровождавшие его мамлюки вместе со своими лошадьми отплыли в Александрию. Мухамад-бей торопил их. Он не хотел больше упускать ни одного дня. Слишком много времени ушло у него на поиски следов своей семьи. Теперь свою трудно предсказуемую роль мог сыграть каждый день.

Проводив мамлюков отправленных в Трабзон Мухамад-бей долго сидел в своем кабинете. Еще в ранней молодости у Мухамад-бея проявилось одно редкое качество. Он интуитивно чувствовал приближение любой опасности.

Так однажды во время боя с турецкими янычарами он непроизвольно оглянулся назад хотя поле сражения с противником была впереди него. Оглянулся очень даже вовремя. Еще одна секунда и его зарубил бы ятаганом непонятно как оказавшийся сзади него янычар. Он успел подставить под удар свою саблю и уже в следующее мгновение разрубить противника почти до пояса. Рубить саблей мамлюки умели. Многие из них не обладая феноменальной силой могли разрубить человека до пояса. Мухамад-бей был одним из них. Ни один человек не уходил невредимым от его сабли когда он наносил свой последний удар. В другой раз произошло что-то подобное. Случилось это лет пятнадцать назад. Он был тогда еще простым сотником и несся на своем коне впереди своей сотни. Слева от них шла другая сотня. Кони набрали ход. Лавина из двухсот мамлюков шла на врага. До неприятеля оставались тысячи две зир когда неожиданно для себя Мухамад-бей резко взял влево уводя за собой всю сотню. Почему он тогда так сделал он не знал до сих пор. Его сотня ушла влево. Вторая сотня как шла прямо на врага так и пошла дальше. Через несколько секунд она попала в хорошо замаскированную противником яму. Многие в том числе и сотник шедший впереди них погибли. Многие покалечились. Его сотня благополучно обошла яму и сбоку врезались во врага. Тогда Али-бей впервые обратил на него внимание вскрикнув.

- Этому мамлюку помогает само провидение. Он любимец Всевышнего. Видно и мне придется полюбить его.

Второй раз он увидел Али-бея когда его уже выбрали по настоянию его земляка командиром тысячи. Его мамлюки стояли в резерве для нанесения решающего удара. Стояли ожидая приказа.

Что осенило Мухамад-бей в тот раз он снова не знал, но какой-то внутренний голос подсказал ему и он резко сменил позицию.

Через несколько минут на то место где стояли его воины легло несколько десятков ядер. Турки стреляли точно, уверенные в том что накроют своим огнем резерв шейха аль-Баледа скрытый за барханом. Али-бей увидел этот неожиданный маневр. Сперва он удивился и пришел в ярость за то что тысяцкий нарушил его приказ стоять и ждать его команды, но затем увидев что произошло дальше поразился еще больше. Он понял, что у Мухамад-бея какое-то особое чутье. Он чувствует приближение опасности за долго до того как она приходит к нему. Это и предрешило его участь.

С тех пор дорога по которой шел Мухамад-бей тогда еще просто Мухамад резко пошла вверх.

Случались такие же случаи много раз и в последствии что принесло Мухамад-бею славу далеко смотрящего полководца. У него на самом деле было им самим неосознанное звериное чутье. Он чувствовал приближение опасности задолго до того как она приближалась к нему.

Чутье никогда не обманывало его. Оно было у него безошибочным. Так было и на этот раз. Мамлюки посланные им на поиски Фагуды и Даута давно уже ушли, а Мухамад-бей все еще беспокойно ходил по комнате стараясь понять что беспокоит его и почему у него предчувствие какой-то новой опасности которая приближается к нему и скоро будет рядом с ним. С этими тревожными еще не осознанными мыслями он ходил по своему кабинету стараясь понять откуда может исходить угроза. Сперва он подумал.

- А не замысли ли что-то турки против него, но трезво проанализировав ситуацию пришел к выводу, что весть об убийстве Эреджеба не дошла еще до Стамбула и потому ждать угрозы оттуда пока слишком рано. Да и когда эта весть дойдет до Стамбула ему навряд ли что-то будет угрожать. «Убийцы» Эреджеба найдены. Они публично казнены. Доказать причастность Мухамад-бея к этому убийству было невозможно и потому можно было чувствовать себя спокойно в этом отношении. Угроза явно исходила не с той стороны. Мухамад-бей долго еще перебирал возможные источники возникновения опасности, но так и не пришел ни к какому выводу. Часа через два когда луна начала приближаться к половине своего ночного пути разгадка его предчувствия пришла к нему сама собой.

Он сидел еще в своем кабинете погруженный в тяжкие раздумия когда ему доложили.

- Приехал гонец со срочным сообщением и просит безотлагательно принять его. Когда начальник стражи сказал ему чтобы он отдал письмо ему гонец ответил.

- Мне приказано отдать пакет только Мухамад-бею лично в руки. Отдать срочно даже если будет середина ночи.

Гонца привели. Он поклонился, передал пакет, затем попятился назад и вышел из кабинета.

Мухамад-бей еще не раскрыл пакета, но уже знал.

Информация заключенная в нем и была источником той опасности что не давала ему покоя уже несколько часов.

Он не ошибся в своих предположениях.

Сотник Таулан сообщал ему что на Каир идет войско Камаль-бея численностью до двадцати тысячи мамлюков. Оно будет в Каире не позднее завтрашнего вечера или максимум на утро последующего дня. Он сам присоединился к мамлюкам Камаль-бея чтобы как-то притормозить их движение и знать что они планируют делать.

В конце письма он сообщал, что Камаль-бей не хочет стать новым Султаном Египта, а лишь желает вернуть на престол Али-бея.

Теперь стало ясно какая опасность грозила ему.

До завтрашнего дня Мухамад-бей не смог бы собрать и десяти тысяч своих сторонников.

Войска были распущены по домам на отдых. В Каире находилось не более трех-четырех тысяч мамлюков. Но даже если бы он смог собрать необходимое число своих сторонников многие из них могли перейти на сторону Апстха. У него был высокий авторитет среди мамлюков. К его слову прислушивались все. Он никогда никого не обманывал и это знали все. Было очевидно, что когда мамлюки услышат о том, что он сам ничего не желает для себя, а лишь хочет восстановить справедливость можно было не сомневаться что большинство из них перейдет на его сторону.

Необходимо было думать что делать. Как только весть о приближении Апстха дойдет до жителей Каира и они узнают зачем он идет в городе может вспыхнуть бунт. Служители мечетей поднимут народ, который штурмом возьмет тюрьму и тогда участь Мухамад-бея будет предрешена. Не успеет еще солнце уйти за горизонт как он будет обезглавлен своими же сторонниками.

Обстановка была критическая. Нужно было предпринимать срочные меры. После недолгих размышлений Мухамад-бей пришел к единственному выводу.

Али-бей должен умереть. Умереть немедленно. Тогда Камаль-бею и его людям не о чем будет говорить. Уйдет предмет спора. Нужно было чтобы Али-бей умер сегодня, а завтра его торжественно похоронили бы как героя по которому скорбит весь Египет. Необходимо было так же найти людей которые подтвердили бы народу, что Мухамад-бей убедившись что Али-бей не виноват сам хотел вернуть ему престол, и только неожиданная смерть последнего не позволила Мухамад-бею сделать то что он хотел сделать. С этой целью он решил безотлагательно действовать по двум направлениям. Сейчас же немедленно собрать членов Совета беев. Объявить им о том что он узнал правду о том кто убил Сахиб-бея. Это были люди турка Эреджеба и Назымбия, а не Али-бея. Коль это так то он готов завтра же выпустить из тюрьмы Али-бея и передать ему власть и восстановить его в законных правах.

В то же время пока будет обсуждаться этот вопрос начальник его стражи и его помощники задушат Али-бея в тюрьме. Сделать это будет совсем не сложно. Али-бей еще не оправился от ран и еле стоит на ногах.

Когда члены Совета беев войдут к нему в камеру чтобы объявить ему о возвращении ему трона правителя Египта решение он будет уже мертв.

Народу объявят, что Али-бей неожиданно умер. Его оправдают и торжественно похоронят. Руководить всей процессией по похоронам Али-бея и воздавать ему почести как Султану будет сам Мухамад-бей.

Он расскажет народу о заслугах великого Султана и о том, как сожалеет он о его неожиданной смерти. Расскажет так же что Совет беев узнав о невиновности Али-бея решил по его личной инициативе вернуть ему трон Султана Египта. К сожалению Али-бей неожиданно умер. В этот же день Совет беев повторно изберет его Султаном Египта и к моменту подхода войск Камаль-бея все вопросы будут решены. Им откроют городские ворота, расскажут о трагедии постигшей народ Египта и о том как скорбят все они по безвременной кончине великого Али-бея, но вынуждены подчиниться воле всемогущего Аллаха.

СТАРАЯ КНЯГИНЯ

После отъезда побратимов, а затем и Маматы Бата чувствовал себя довольно сиротливо. Он давно уже привык к постоянному присутствию рядом с собой своих друзей, к их словам и безобидным шуткам.

Все было вроде бы как и прежде, но он видел, что в его доме и в его дворе стало как то скучно и даже немного тоскливо. Бата по нескольку раз в день проведывал мать, старался добрым словом подбодрить жену которая должна была заниматься хозяйственными делами и делами селения, но ощущение какой-то пустоты не покидало его вот уже третий день. Он даже есть стал хуже. Оказалось что одному даже кушать хочется меньше. Пару раз приходил Сагит. Он старался чем-то помочь ему, но за стол с князем садиться стеснялся. Да и общих тем для разговора у них почти не было. Сагитт был значительно младше него и потому ни общих друзей, ни общих интересов у них пока не было. Сагитт старался заполнить образовавшуюся пустоту, но это получалось у него еще плохо.

По-видимому нужно было время чтобы привыкнуть друг к другу и заиметь общие интересы.

К вечеру третьего дня к Бате заглянул проездом его старый знакомый Хатхо. Хатхо был убыхом. Род его имел большое уважение и почет в округе за честность и порядочность. Хатхо ехал домой из селения в котором жили «невестка» Сагита убышка и ее братья. Там он был два дня в гостях у своего родственника по случаю рождения у него внука.

Посидев немного за столом Хатко засобирался домой, но Бата категорически отказался отпускать его. На дворе был уже вечер и отпускать человека в дорогу в ночь, одному Бата посчитал неправильным.

Уехал Хатхо на следующий день рано утром. После его отъезда Бата задумался над словами которые сказал ему гость во время долгой беседы.

- Братья у Халиды непредсказуемые люди. Предугадать что задумали они и что они сделают через день или два никто не может. От них можно ждать что угодно. Недаром в селении в котором живет их семья многие стараются поменьше общаться с ними и чаще всего обходят стороной их усадьбу. Дело не в том что их особо

боятся, но лишние проблемы не нужны никому. Вот и сторонятся их. Особенно отличаются трудным характером самые младшие братья Шабат и Руфет. Они живут еще в доме отца, который устал уже отхаживать их спины, то кнутом то палкой. Отец их добрый, справедливый человек. В кого пошли его дети не знает никто. Они терпеливо переносят наказания старшего затем делают все как раньше.

- Так вот, закончил свою мысль Хатхо, многие в их селении говорят что вся история с Сагитом и их сестрой может иметь продолжение и не самое лучшее.

Хатхо человек умный. Он как и Бата прекрасно понимает к чему может привести дальнейшее выяснение отношений между Сагитом и братьями Халиды.

Опыт многих поколений говорит о том что это будет пожар в котором сгорят многие люди. И виновные, и ни в чем не повинные. Давать разгораться такому пожару было нельзя. Он мог сжечь многое.

К концу разговора с гостем Бата понял.

Хатхо заехал к нему не случайно. Он сделал это преднамеренно, озабоченный тем же что и Бата. Он мог проехать мимо и не тратить время на заезд в его селение, но он заехал и по-видимому не зря. Разговор с убыхским дворянином заставил Бату задуматься. Особое его внимание привлекли последние его слова.

- Князь, тебе виднее что тебе сделать на то ты и князь, но я на твоем месте удалил бы на некоторое время из селения Сагита куда нибудь подальше. И что бы никто не знал куда он уехал, а то следы копыт коней братьев Халиды пойдут в ту же сторону.

Можно отправить его куда-нибудь за перевал в любое абазинское село пока не рассеится туман.

Сейчас братья говорят что поступок Сагита положил тень на их сестру и теперь она не сможет больше выйти замуж. За время отсутствия Сагита много воды утечет в бескрайнее море. Возможно за это время Халида выйдет за кого нибудь замуж и тогда предмет конфликта уйдет сам по себе.

После этого Сагит и вернется домой.

В словах Хатхо была разумная мысль и Бата решил не откладывать дела в долгий ящик. В тот же день он послал за Сагитом с тем чтобы как можно раньше переговорить с ним.

Сагит явился быстро, но разговор с ним сразу же не заладился. Он внимательно слушал Бату ни разу не перебивая его, но каждый раз отвечал одно и то же.

- Если нужно будет я буду сражаться с каждым из братьев Халиды по очереди. Если упаду я мое место займет мой брат. Он и отомстит за меня. При этом Сагит был абсолютно уверен в том что его брату не придется мстить за него и он выйдет победителем из всех схваток. Сагит болел той же болезнью что и большинство абазин. Он не умел гнуться и где нужно время отступить на шаг назад с тем чтобы завтра когда наступит удобное время сделать два или три шага вперед.

Эта была болезнь которая унесла уже с собой былую славу и величие народа. Болезнь лекарство от которого народ не нашел до сих пор.

Вскоре терпение стало покидать Бату и он уже в довольно резкой форме объяснил Сагиту, что вопрос стоит сейчас не в том кто из них сильнее или мужественнее, а совсем в другом. Любой исход поединка в чью бы пользу он не закончился принесет большие беды всему их селу. Теперь нужно думать не о том кто победит в этой схватке, а о том чтобы этой схватки не было вообще.

Подошедший к этому времени Муаруф полностью подержал мнение Баты.

В конце концов им двоим общими усилиями удалось убедить Сагита в том что ему необходимо на время покинуть пределы Малой Абхазии.

У Муаруфа был хорший друг абазин на Кубани. Они вместе жили в Стамбуле и после долгих споров Бата решил отправить Сагита к нему. Он снабдил его деньгами на дорогу и на первое время. Решено было что Бата сам проводит Сагита до перевала. Делал и князь такой шаг только для того чтобы убедиться в том что Сагит не повернет назад.

Выехать в тот же или в последующий день не было никакой возможности. У Сагита была масса неотложных дел которые необходимо было решить до отъезда.

Исходя из этого решили отложить выезд на 3 дня. Все договорились хранить тайну отъезда, но уже к вечеру того же дня все селение знало, что Сагит скоро уезжает. Никто не знал только куда и насколько. К исходу следующего дня эта новость дошла и до населения где жили Халида и ее братья.

Их вывод был однозначным.

- Сагит трус и он хочет убежать от их возмездия. Сагитту нельзя дать уйти. Он должен получить свое.

Через три дня после этого Бата и Сагит выехали ранним утром из селения.

Бата всегда носил белую бурку и белый башлык. Башлык имел по краю оторочку красного цвета. Он один во всем округе носил такую верхнюю одежду. По ней все сразу же узнавали князя. Перед выездом Бата решил перестраховаться. Он отдал свою белую бурку и свой белый башлык Сагиту. Сам же одел его старую черную поношенную бурку. Бата полагал, что таким образом он собъет со следа возможных преследователей Сагита.

Все подумают что князь выехал по своим делам и никому в голову не придет мысль о том что рядом с ним уезжает в дальние края Сагит.

Когда братья Халиды услышали новость о том что «трус» Сагит хочет «убежать» от их справедливого гнева и от их мести они в тот же день выехали в сторону Ашькыт. Они остановились в двух-трех верстах от селения и послали туда своего мальчика родственника взятого специально для этой цели. Он сходил в село и вернулся оттуда через несколько часов. Сагитт был еще там. Услышав эту новость братья разделились на три части. Вызвано это было следующим обстоятельством. Из села выходило три дороги. Одна шла на юг в сторону порта Ардлар. Другая шла на север в сторону порта Анапа.

Третья дорога вела к перевалу за которым находилось большое количество абазинских аулов. Сагит мог уйти из селения только по одной из этих дорог. Братья отпустили домой мальчишку доставившего им необходимые сведения после чего разделившись на три части стали сторожить все выезды из селения. Братья взяли с собой достаточно припасов. Один из них сидел на дереве и отслеживал ситуацию на дороге. В это время второй из них или готовил пищу или отдыхал на земле.

Шабату и Руфету выпало сторожить дорогу ведущую к перевалу. Они уже второй день жили в лесу старательно избегая посторонних взглядов. Кони были расседланы но спутанные паслись совсем рядом. С места с которого они наблюдали за дорогой ведущей из селения хорошо были видны крайние дома и конец улицы

петлявший между двумя небольшими холмами. Если бы на ней показался Сагит у братьев было достаточно времени чтобы оседлать коней и приготовиться встретить его. И Шабат и Руфет прекрасно стреляли. Они были хорошими охотниками. Когда им нужно было добыть оленя или косулю они попадали ему в голову с большого расстояния чтобы не портить красивую шкуру.

Руфет доставал из походной сумы жаренные лепешки из просяной муки, сушенное мясо и сыр.

Шабат сидел на дереве и смотрел за дорогой. Было ранее утро. Роса лежала еще на траве. Дул прохладный ветерок со стороны гор. Сидеть на ветке становилось все тяжелее и Шабат уже собирался слезть с дерева когда увидел как из селения выехали два всадника. Один из них был в белой бурке. Во всей округе в белой бурке ездил только князь Бата. Рядом с ним ехал человек в черной бурке. Подтверждался рассказ мальчика посланного вчера в селение о том что Сагит уедет сегодня утром и его будет сопровождать князь Бата.

Идти на сабельный бой с Батой было бесполезно. Оставалось только одно. Стрелять. Стрелять сперва в Сагита, а затем в лошадь Баты чтобы он не сумел догнать их.

Шабат слез с дерева. Вместе с Руфетом они быстро оседлали своих коней и привязали к соседнему дереву чтобы они не убежали услышав звуки выстрелов.

Место откуда должны были они стрелять было определенно заранее и потому им не составило труда занять позицию удобную для стрельбы.

Бата и Сагит ехали неспешным шагом. Бата давал последние наставления Сагиту как вести себя в чужих краях на Кубани. Проехали с пол часа от селения когда прогремел выстрел.

Бата упал с седла. Сагит на мгновение растерялся, но затем бросился к князю. Князь был мертв. Пуля попала ему прямо в сердце. Сагит закричал. Затем вскочил на коня и бросился к тому месту откуда прозвучал выстрел. В руках у него были пистолет и сабля. Он не успел проскакать и десяти шагов как прозвучал новый выстрел.

Его лошадь упала придавив его левую ногу. Он дернулся, но вытащить ногу из под упавшей лошади не смог. Дернулся еще один раз и почувствовал резкую боль. Видно во время падения он сломал ногу.

В бессильной ярости Сагит закричал, но это было бесполезно.

В ответ он услышал только удалявшийся цокот копыт.

Через некоторое время из селения прискакали люди.

Догонять ускакавших убийц было уже бесполезно. Односельчане отвезли тело Баты в его дом. В этот же день его жена родила сына.

Вести в те времена долго шли из селения в селение из аула в аул. Через неделю вернулись домой Быда и Зиза. Они посидели на поминках князя и уехали.

Только Муаруф знал что они поехали в село где жили Халида и ее братья. Они поехали встретиться с братьями и отомстить им в честном бою. Назад они не вернулись. Никто потом не видел ни их самих, ни их лошадей.

Ходили разные слухи. Говорили что они въехали в убыхское селение и объявили всем о том что они вызывают на бой всех шестерых братьев. Назвали место в лесу где они завтра будут ждать своих кровников. Куда они подевались потом и что с ними стало не знал никто.

Через несколько дней собрались старейшины убыхского селения. Они потребовали чтобы братья немедленно покинули их селение и больше не возвращались сюда никогда. Братья ушли в абреки.

Прошло еще дней двадцать. В Аше вернулся Мамата. Ему сразу же рассказали без радостные новости. Он целый день просидел у старой княгини. Долго говорил с ней и с Муаруфом.

Еще через день он уехал искать Аслана Берзека. Только он мог сказать где находятся теперь братья и стать свидетелем поединка между ними и Маматой.

Согласно обычая Мамата должен был привезти и положить на могилу Баты отрезанные уши кровников или отдать им свое ухо.

Аслана Берзека Мамата нашел быстро. Тот даже не удивился его приходу. Он уже знал о гибели Баты и по-видимому ждал что Мамата придет к нему за помощью.

- Его не пришлось в чем-то долго убеждать. Он считал просьбу Маматы дать ему возможность отомстить братьям в честном бою совершенно правильной и справедливой. Без малейших колебаний и сомнений он согласился быть посредником в этом деле и не допустить ни с чьей стороны нечестного действия.

По его требованию через несколько дней к ним в лагерь прибыли братья Халиды. Приехали они спокойно уверенные в том, что кто-нибудь из них обязательно одолеет Мамату. Все они были как на подбор высокие, мускулистые, крепкие.

Условие Маматы о том, что у убитого в поединке будет отрезано ухо восприняли почти равнодушно. Их эта проблема не волновала.

Уверенность в братьев внушало то что все они были хорошими воинами прекрасно владевшими и ружьем и саблей. Но кто мог устоять против Маматы если этого не смог сделать даже знаменитый Гоча-пехлеван.

Через неделю Мамата вернулся домой. За седлом у него висела сумка. В сумке лежало шесть отрезанных ушей.

Он положил раскрытую сумку перед старой княгиней, Муаруфом и вдовой покойного князя державшей на руках сына Баты. Старая княгиня равнодушно посмотрела на сумку и ее содержимое затем коротко сказала.

- Эти уши не вернут мне моего сына. Отдайте их соседским псам.

Мамата ожидавший добрых слов за свои дела растерянно смотрел на то как слуги унесли сумку с его драгоценным грузом.

Затем княгиня властным жестом потребовала чтобы он подошел к ней ближе и также жестко скомандовала.

- Мамата! Бата был твой друг и если ты хочешь сделать для него что-то такое чтобы он возрадовался на том свете обещай мне выполнить мою просьбу.

Смерть сына вернула старую княгиню в реальную жизнь.

Ответственность за судьбу внука сделала ее снова прежней продуманной, властной хозяйкой дома где все должно было служить с этих пор только одной цели.

Будущему ее внука – сына знаменитого князя Баты Ашеа.

Мамата не заставил её долго ждать своего ответа.

- Слово матери моего друга для меня закон. Я выполню княгиня все что ты пожелаешь если это будет в моих силах. Я уже не смогу вернуть Бату с того света, но сделаю все что в моих силах чтобы его мать, жена и сын имели хоть какую-то опору в моем лице.

- Когда сыну Баты исполнится семь лет ты возьмешь его на воспитание и сделаешь из него человека и воина. Самого лучшего воина на Кавказе.

Ты понял чего я хочу.

- Да, княгиня, отвечал Мамата и подойдя к вдове Баты положил свою руку на младенца.

- Я сделаю его настоящим человеком и великим воином.

Вдова Баты молча слушала их разговор. Уважение к покойному мужу не позволяло ей говорить ни да ни нет. В память о нем она готова была делать все что пожелает старая княгиня без единого слова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Предчувствие редко подводило Али-бея. В самые сложные моменты его жизни оно подсказывало ему опасность или просто предупреждало его о приближении какой-то опасности или определенных трудностей. Это неосознанное чувство до поры до времени тихо сидело в его голове. Иногда он даже забывал о нем как неожиданно для него оно начинало тревожно гудеть и рваться наружу. Откуда было у него это качество он не знал и сам. В свое время ему даже с легкой улыбкой вспомнилось как его покойная мать говорила ему в детстве.

- Перед тем как родить тебя и сразу же после твоего рождения я ясно видела в комнате прозрачные очертания «джьин шкакуа»[32]. Никто из находившихся в комнате людей его не видел, а я видела.

Он подошел к твоей кровати положил свою руку тебе на голову и потом сразу исчез.

Больше я его никогда не видила.

Так это было на самом деле или его матери померещилось что-то теперь трудно было сказать. Тем не менее Али-бея часто посещала мысль о том, что его постоянно сопровождает ангел-хранитель. Возможно это было навеяно детскими воспоминаниями о рассказах матери. Возможно нет. Так или иначе это чувство жило в нем и довольно часто напоминало ему о своем существовании.

Иногда Али-бей вспоминал как провел он ночь перед решающей битвой с турецкими войсками. Армия турок превосходила его армию по численности. У них было гораздо больше пушек и дальнобойных ружей.

[32] Джьин шкакуа – в абазинском фольклора добрый дух - ангел

Надежда Али-бея была только на храбрость и мужество его мамлюков. Но мамлюкам нужно было еще добраться до противника через открытое пространство полностью простреливавшемся турецкой артиллерией. Только преодолев это поле мамлюки могли добраться до противника многократно превосходившего его по численности и вооружению.

В тылу армии Али-бея на расстоянии дневного перехода находились войска мятежных арабских шейхов спешивших на соединение с турецкой армией. Они так же явно превосходили по численности армию мамлюков. Еще один день промедления и мамлюки оказались бы в кольце врагов откуда уже не было бы выхода. Медлить было нельзя. Али-бей попал в критическую ситуацию. Командиры его корпусов и тысяч нервничали с тревогой ожидая день грядущего сражения. Все было против них и большинство мамлюков приготовилось на завтра умереть с достоинством, но не посрамить свою честь. Сперва нервничал и Али-бей, но затем к нему пришла уверенность что завтра они разобьют турок, а затем и мятежников. Неожиданно для всех Али-бей спокойно лег спать и проспал хорошим сном до самого рассвета. Проснулся он уверенный в своей грядущей победе. Умылся, есть не стал. Воины идущие в бой перед боем как правило не ели. Это была старая истина. Перед боем не едят.

За ночь Али-бей перестроил свои войска. Часть из них осталась перед противником.

Два других корпуса ушли далеко на фланги и когда пушки турок открыли огонь они пошли в атаку с двух сторон по коридорам которые не простреливались ими.

Впереди одного из корпусов во главе мамлюков летел на своем знаменитом коне сам Али-бей. Вопреки всему мамлюки разбили турок в той битве. Когда дозорные мятежных шейхов подскакали к месту битвы дело было уже сделано.

Предчувствие и тогда не обмануло Али-бея. Развернув свою армию он уже на следующий день ударил по мятежникам.

Теперь у него были пушки отбитые у турок и потому сражение было коротким.

Так было много раз. До сих пор предчувствие никогда не обманывало Али-бея.

Он знал, что из этой тюрьмы он живым никогда не выйдет. Из этой тюрьмы его вынесут. Он был уверен в этом. Неминуемая

смерть не радует никого. Она страшит всех. Страшит своей неизвестностью. Страшит всех и трусов и храбрецов. Вся разница только в одном. Трусы свой страх преодолеть не могут. Люди мужественные могут преодолеть свой страх чтобы не уронить своего имени. У Али-бея были большие планы. Больше всего его страшила мысль о том, что все они останутся в его голове. Каждый из смертных что был создан Всевышним знает, что жизнь это самая грустная мелодия. Даже тогда когда весело звучит зурна и радостно бьется о застывшие небеса задор барабана он знает что рано или поздно музыка закончится. Смолкнут и зурна и барабан. И наступит тишина. Знал это и Али-бей. Звуки его музыки потихоньку замолкали. Он стоял у окна. Перед его глазами было бездонное звездное небо. Небо в решетку. По его настоятельной просьбе начальник тюрьмы перевел его ночью в другую камеру, что находилась на противоположной стороне. Никто не мог понять почему он попросил сделать это. Лишь сам Али-бей знал почему он это сделал. Из окна этой камеры была видна его звезда. Звезда показывавшая дорогу в Абхазию.Глаза Али-бея на секунду загорелись радостью когда он увидел в далеком небе свою звезду. Она была не самая яркая на ночном небе, но самая теплая. Она указывала ему где находится Родина его предков. В эти минуты Али-бей сожалел только о двух вещах. Сожалел что больше никогда не увидит страну своего детства. Не прикоснется к бездонной синеве его неба, не услышит как поют птицы встречая новый день.

И еще он сожалел о том что Всевышний не дал ему наследника который отомстил бы за его смерть людям предавшим его. Вообще-то сыновья у него были, но рождены они были от наложниц и потому особыми правами они не пользовались, в том числе и правом в открытой борьбе мстить за своего отца высокородным особам.

У народа Абаза есть старое поверье.

Когда рождается новый человек рождается и его звезда. Когда он умирает падает с небес и его звезда.

Али-бей долго смотрел на звездное небо. За все это время ни одна звезда не упала на землю. Никуда не уходила и его звезда.

Звезда показывавшая ему дорогу домой. Она была все такой же далекой и такой же недосягаемой. Почти до полуночи он смотрел на небо.

Глядя на звезду тускло светившуюся в узком зарешеченном проеме тюремного окна Али-бей почему то вспомнил рассказ старика соседа из далекого полузабытого детства.

Долгими осенними вечерами старики в абхазских селениях сидели у огня и рассказывали друг другу истории или предания из полузабытого прошлого. Мальчишки среди которых был и маленький Юсуф внимательно слушали их.

В один из таких вечеров сосед Ктыта умудренный сединами Джамбот рассказывал.

- Говорят, что выше всего орел взлетает перед самой своей смертью.

Взлетает, долго парит в воздухе осматривая родные края затем складывает крылья и камнем падает вниз. Падает и разбивается вдребезги о землю. О свою землю.

- Почему он так делает, спросили Джамбота.

На что тот отвечал.

- Почему он так делает знает только он сам, но старики рассказывавшие мне эту легенду когда я был еще совсем молодым говорили.

Он поднимается так высоко чтобы понять почему мир в котором он жил люди называли «Дуней-жъяга» (белый свет который обманул своим блеском всех кто видел его).

Али-бей смотрел на узкое окно тюремной камеры и думал о том что ему уже не дано взлететь в небо и он уже никогда не посмотрит на землю своих предков с высоты птичьего полета. Раньше когда он летал высоко высоко он мог сделать это. Теперь он сделать этого не мог. Теперь он уже твердо знал почему мир вокруг себя абазины и абхазы называли «Дуней жьяга».

Звезды все не падали с неба, но предчувствие скорой смерти все равно не отпускало его.

Может быть впервые в его жизни предчувствие обманывало его. Он надеялся на это. Хотел верить в чудо, хотя знал, что чудеса на этом свете бывают очень редко.

С этой мыслью Али-бей и заснул в эту ночь.

Все произошло так как и запланировал Мухамад-бей. Спящего Али-бея задушили подушкой чтобы не осталось на его теле никаких следов борьбы. Утром во всех мечетях объявили о смерти Али-бея. Прихожанам рассказали о том что Мухамад-бей устано-

вил невиновность великого Али-бея и собирался сегодня же передать ему трон Султана Египта. Но к сожалению всемогущий Аллах распорядился по другому.

Хоронили Али-бея со всеми почестями как национального героя. Навстречу Камаль-бею войско которого уже подходило к Каиру послали людей с тем чтобы он и его воины смогли принять участие в похоронах великого Али-бея. Когда войска Камаль-бея подошли к Каиру их встретили почтенные мамлюки и рассказали о том горе которое постигло народ Египта. Камаль-бей все понял, но делать что-то было уже поздно. Пожар гражданской войны мог сжечь Египет и превратить в пепел все то, что было достигнуто Али-беем за многие годы его правления.

В Каир зашли Камаль-бей и несколько десятков знатных мамлюков из его окружения. Остальные в город заходить не стали. Камаль-бей решил что лучше будет если они помолятся за умершего Султана.

Так было лучше. Мамлюков из его корпуса он в город не запустил. Они готовы были начать выяснять обстоятельства смерти Али-бея, а это могло привести к бойне внутри мамлюкского сообщества.

Камаль-бей и его окружение стояли над телом покойного завернутого в зеленую ткань. Рядом стояли Мухамад-бей и его люди. И тем и другим все было ясно без слов, но говорить об очевидном никто не желал. Одни понимали, что это слишком поздно, другие знали что сейчас ничего уже доказать нельзя.

Так и стояли они не глядя друг на друга.

Шейхи читали молитвы. Они просили Всевышнего дать успокоение душе покойного.

Мухамад-бей стоял рядом с Апстха плечо к плечу. Он был доволен. Все обошлось и события развивались так как он и предполагал. Было очевидно, что Камаль-бей не собирается принимать никаких активных действий по его свержению и выяснению причин смерти своего друга. Апстха думал совсем о другом. Новая гражданская война не нужна была Египту. Он уже знал что более семи тысяч мамлюков погибло под Самихией. Это был серьезный удар по всему мамлюкскому сообществу. Второй такой удар мог стать смертельным для них.

Камаль-бей долго стоял над телом усопшего. Его губы что-то шептали. Что говорил он Али-бею не услышал никто.

Вечером того же дня Мухамад-бей и Апстха сидели вдвоем в кабинете Султана.

Совет беев уже утвердил его в качестве нового Султана Египта. Камаль-бей противится этому не стал. Теперь Мухамад-бей был законным полновластным хозяином страны и чувствовал себя уже гораздо увереннее чем утром когда он гадал и никак не мог понять что будет делать Апстха.

Тогда достаточно было чтобы он сказал пару слов чтобы армия мамлюков хлынула на Каир и снесла бы на своем пути все. И его тоже. Угроза такого поворота хода событий миновала и теперь Мухамад-бей долго и довольно подробно рассказывал Апстха как удалось ему докопаться до истины и как он собирался сегодня передать все властные полномочия незаслуженно оклеветанному Али-бею. В качестве основного доказательства своей правоты он привел тот факт что вчера ночью он провел заседание Совета беев на котором озвучил все эти мысли и сам предложил утром провести церемонию передачи власти оправданному Али-бею.

Новый Султан говорил долго и остановился только тогда когда решил что он наконец-таки убедил своего собеседника в искренности своих слов и правдивости всего того о чем говорил он все это время.

Уже более часа Камаль-бей молча, но внимательно слушал все что говорил ему Султан. Затем увидев, что Мухамад-бей закончил свою мысль коротко ответил.

- Ты убил не Али-бея. Ты убил Абхазию.

При этих словах глаза Мухамад-бея блеснули трудно скрываемым злом и ненавистью. Он чуть не дал команду стражникам стоявшим у дверей арестовать Апстху, но вовремя одумался подумав о том, что если Камаль-бей и сопровождающие его лица не выйдут из города то его армия разнесет Каир, а его самого прилюдно казнит на центральной площади. Взвесив все это Мухамад-бей начал снова говорить, обосновывая свою невиновность, но Апстха одним движением руки остановил его сказав.

- Я не Всевышний, мне не нужно ничего говорить. Только он знает где правда, а где ложь, придет время он сам спросит тебя за все. Тогда и скажешь ему кто убил Али-бея и за что. При этих его словах глаза Мухамад-бея резко потускнели и он приготовился слушать что еще скажет ему Апстха.

- Свет луны обманчив,

Он увел не в ту сторону многих смертных. Все они думали что Луна светило и шли под его лучи.

Не многие на этой земле знают, что Луна не светит.

Светит солнце. А луна только отражает его лучи. Так говорит коран.

Когда погаснет солнце погаснет и луна. После гибели солнца луна еще будет некоторое время светиться пока не отразит последние лучи уже ушедшего солнца.

Ты сам не солнце и не станешь солнцем никогда. Твоим солнцем был Али-бей. Ты своими руками погасил свое солнце. На твоем небосводе другого солнца уже не будет. Мне жаль тебя. Печальная участь ждет тебя продолжал Камаль-бей будто не замечая бешенных огней оживших в глазах Мухамад-бея. Тот готов был разорвать Апстха на куски.

Только одна мысль сдерживала его. Если он расправится сейчас с Камаль-беем то верные ему войска уже завтра ворвутся во дворец. Не смерть которую несут они на лезвиях своих сабель страшила его.

Его страшило другое. Неизвестно кого выберут мамлюки своим Султаном когда не станет его. Если не будет его, Али-бея и Апстхи печальная участь ждет Фагуду и его сына. Сын наследник трона.

Ни один Султан не станет ждать пока он вырастет и предъявит свои права на трон. Не пройдет и года как убийцы расправятся с ним. Чувство реальности не покидало никогда Мухамад-бея – даже в минуты ярости и гнева.

Тем временем Камаль-бей продолжал свою речь будто вовсе не слышал все о чем говорил ему все это время его собеседник.

- Давай я лучше расскажу тебе все что я знаю про Али-бея и планы которые строил он на завтрашний день, а тебе потом решать что делать дальше и как быть. Теперь ты Султан. Как скажешь так и будет.

Говорили они на абхазском языке и потому не боялись что кто-то подслушает их разговор.

- Али-бей, я и Сахиб-бей которого убили твои друзья продолжал тем временем Апстха не обращая никакого внимания на протестующие жесты Мухамад-бея имели следующие планы.

После окончания Сирийского похода мы во главе десяти тысячного отряда мамлюков из числа абхазов, абазин убыхов, шапсугов натухайцев и бжедугов должны были уплыть в Абхазию. Там планировали мы разбиться на две армии и начать военные действия с турецкими горнизонами. Цель была одна. Создание царства народа Абаза на тех исторических землях которые принадлежали нашему народу более тысячи лет.

Мы пошли на союз с русской императрицей только потому что она обещала оказать нам взамен нашей операции в Сирии и в Палестине полное содействие в решении нашей задачи.

Она обещала нам и собиралась выполнять свое обещание по нескольким вопросам.

Корабли флота Потемкина должны были доставить нашу армию в Сухум-Кале. Помимо этого они должны были предоставить нам несколько тысяч современных ружей и двадцать пушек. Русским был выгоден наш поход на Абхазию. Он отвлекал силы и резервы турецкой армии от русско-турецкого фронта и потому они готовы были помогать нам во всем. Затем они должны были дать историческое обоснование границ нашего нового государства и признать его в качестве независимого государства в рамках международного договора.

Основанием наших претензий на земли от крепости Анапа до реки Ингур должны были стать два исторических документа.

Карта составленная в конце XIV века итальянским миссионером и путешественником Паоло Мацоллой. На этой карте указана страна Абаза северной границей которой была крепость Анапа, а южной берег реки Ингур.

Протяженность территории страны Абаза указанная на этой карте составляла чуть более двухсот фарсагов, а ширина примерно в сорок фарсагов.

Вторым документом должны были стать путевые заметки и карта составленная знаменитым турецким путешественником Эвлия Челиби в самом начале XVII века.

Границы земель царства Абаза указанные на карте составленной Эвлия Чилиби почти полностью совпадают с теми границами что были указаны на карте Паоло Мацоллы. Эти документы и должны были стать обоснованием признания границ вновь создаваемого государства.

На время своего отсутствия в Египте Али-бей планировал оставить вместо себя в Египте тебя Мухамед-бей. После того как была

бы решена задача создания независимого царства Абаза Али-бей полагал остаться в Абхазии и стать царем нового государства. Я должен был занять должность главнокомандующего армией Абхазского царства. Сахиб-бей должен был стать правителем одной из четырех провинций на которые хотел разбить свое новое государство Али-бей.

После завершения всего этого Али-бей хотел вернуться в Египет и передать тебе всю власть над страной и объявить тебя новым Султаном Египта.

Вот и все что хотел тебе сказать я о планах покойного Али-бея закончил свой рассказ Камаль-бей и собрался выходить из кабинета Султана даже не подав ему на прощание руки. Слова Камаль-бея поразили нового Султана. Он сидел потрясенный услышанным.

Мухамад-бей понимал что во многом Апстха был прав. На его небосводе другого солнца уже не будет. Но почему не может стать новым солнцем он сам.

Почему он не может завершить то что начал его знаменитый приемный отец. Он отомстил уже за его смерть Эреджебу который вовлек его во всю эту историю. Придет время отомстит и всей Турецкой империи закончив то что не смог закончить Али-бей. Теперь он знает какой дорогой шел он. Теперь он знает чего хотел добиться он выйдя на эту дорогу.

Такой же дорогой пойдет и он. Когда его войска закончат войну в Сирии и Палестине он сам выйдет на русскую царицу. Он сам предложит ей то что она предложила в свое время Али-бею.

Теперь он знает истину. Теперь он знает для чего пожертвовал всем что было у него Али-бей. Он так же готов был сделать то же самое. Это и только это могло искупить его грех перед Али-беем. Теперь ему нужно было вытерпеть все чтобы достигнуть поставленной цели. Ради нее он должен был вытерпеть все. Даже прямые обвинения и оскорбления Камаль-бея.

Судьба Даута, Фагуды и будущее его далекой Родины требовали от него этого. Потому и погасил он огни гнева в своих глазах и жестким тоном ответил.

- Время и только время ответит нам с тобой Камаль-бей кто из нас был прав. У времени и только у него самый правдивый ответ на наш спор.

Мухамад-бей говорил эти слова спокойным голосом. Он знал, что еще ни один смертный не ушел от его руки когда стоял вопрос о его чести и достоинстве.

Всему свое время. Нужно было только дождаться когда придет оно – его время.

На завтра армия Камаль-бея вошла в Каир. Ей никто не препятствовал. У Мухамад-бея не было сил которые могли бы сделать это. Апстха построил своих воинов на центральной площади города. Вызвали на площадь Мухамад-бея. Он приехал сразу же не зная что будет происходить дальше. Камаль-бей дал команду и мамлюки армии дали клятву верности новому Султану.

Когда армия дала присягу одобренный Мухамад-бед подъехал к Апстха и спросил.

- А мы не можем продолжить и реализовать вместе с тобой те планы которые не успел закончить покойный Султан Мне они нравятся и если ты поможешь мне я пойду по пути Али-бея. Вместе с тобой. Говоря эти слова Мухамад-бей был совершенно искренен. Он знал, что Апстха ни на что не претендует и будет только символом вокруг которого объединятся все мамлюки. И те кто был за Али-бея. И те кто пошел за Мухамад-беем.

Выслушав слова Султана Камаль-бей без долгих раздумий отвечал.

На сегодня решить эту проблему без воли русской императрицы невозможно. Но она не будет разговаривать ни с тобой ни со мной. Кто будет разговаривать с людьми один из которых предал своего великого Султана и покровителя, а другой не смог его защитить. С предателями и с ненадежными людьми разговаривать никто не будет.

С этими словами Апстха развернул свою лошадь и поскакал с площади. Он больше не нужен был никому. Его время ушло. Ушло вместе с Али-беем.

Ушло в никуда. Камаль-бей знал чем грозят ему высказанные им слова, но поступить по другому он не мог.

Прошло всего два дня после того как корпус Камаль-бея и примкнувшие к нему мамлюки присягнули на верность Мухамад-бею как Каир облетела страшная новость. Ранним утром когда голос муэдзилна разбудил жителей города нашли трех несчастных повешенных недалеко от своих домов. Один из них был Якуб – ста-

рый смотритель городской тюрьмы. Двое других были молодыми мамлюками.

Некоторые люди говорили, что их видели в ночь смерти Алибея около тюрьмы и по-видимому они знали то что он не должен был знать никто другой. Другие говорили совсем иное. Они утверждали, что два дня белый джин (джьин шкакуа) бил их по голове тяжелыми невидимыми никому крыльями. Бил до тех пор пока они не потеряли рассудок и сами не полезли в петлю. Так это было или нет не знал точно никто.

То знало только небо. А небо молчало и некому было спросить его. Старец Хашим был мертв. Кроме него никто другой в Каире разговаривать с небесами не умел.

Через несколько дней хрупкую тишину с неспокойной Египетской ночи нарушил звон сабель раздавшихся из глубины сада одного из богатых дворцов города. Разбуженный тревожными звуками Апстха вскочил с постели, схватил саблю и пистолет всегда лежавшие у его изголовия и побежал в сад откуда слышен был звон оружия. Уже подбегая к месту схватки он увидел как на лужайке возле фонтана Дагир едва освещенный неясным лунным светом отбивается от трех человек с ног до головы одетых в черную одежду.

В такие одежды одеваются обычно наемные убийцы приходящие к своей жертве под покровом темной ночи. В такой черной одежде их тяжелее разглядеть в темноте.

Пришельцы теснили Дагира прижимая его к паперти фонтана. Раздумывать было некогда. Камаль-бей выстрелил в того кто был ближе всего к нему. Тот упал и больше не пошевелился. По видимому пуля бея увела его в те края откуда никто еще не возвращался.

Выхватив саблю Апстха сразу же вступил в схватку с одним из нападавших на Дагира. Тем временем тот воодушевленный неожиданно подоспевшей помощью сам начал теснить своего противника. На лицах наемников были небольшие маски, но даже в темноте ночи было видно, что они молодые, сильные и прекрасно тренированные воины. Движения их были ровные, точные, выверенные до сантиметра. Но как бы хорошо не были натренированы они им трудно было одолеть мамлюков выросших и проведших всю свою жизнь в больших и малых битвах и сражениях. В единоборстве мамлюка мог одолеть только такой же как он сам мамлюк.

Никому другому это не было дано. Уже через несколько минут соперник Дагира опустился на землю, выронил свою саблю и издал последний предсмертный стон. В любой другой стране было бы совершенно естественным если бы Дагир расправившись со своим противником сразу же поспешил бы на помощь своему товарищу и они вдвоем добили бы одного оставшегося в живых неприятеля.

В любой другой стране, но только не в Егитпте.

У мамлюков были строгие законы чести. Они имели право сражаться только один на один, но никто и никогда не имел права нападать вдвоем на одного. Такой поступок считался позором и для того кто принял помощь товарища и для того кто оказал ему эту помощь.

Дагир вытер свою саблю о траву уселся неподалеку и стал наблюдать за тем как Апстха бьется со своим противником. Он знал что если вдруг Апстха проиграет свой поединок настанет его очередь. Тогда и только тогда он мог вступить в схватку и сделать то что не удалось сделать его товарищу.

В это время Апстха отступил от своего противника на два шага и опустил свою саблю. Удивленный его поступком наемник сделал то же самое. Выждав секунду пока противник приходит в себя Апстха сказал.

- Если ты скажешь кто тебя послал ко мне я даю тебе слово бея что ты можешь забрать тела своих товарищей и уйти. Если нужно будет мои люди помогут тебе. Это твой последний шанс остаться в живых.

По видимому все это время Апстха специально не добивал своего соперника чтобы спросить его о том что интересовало его.

- Ты ошибаешься бей, ответил наемник. Сражаясь с тобой у меня есть хоть маленький шанс остаться в живых, но если я скажу имя того кто меня послал сюда то я не доживу до вечера завтрашнего дня. Беда настигнет не только меня но и всю мою семью.

После этого он принял боевую позу всем своим видом показывая что он готов продолжить поединок.

Дальнейшая их схватка была короткой и противник Апстхи ушел той же дорогой по которой ушли несколько минут назад его товарищи.

Закончив свое дело Камаль-бей присел рядом с Дагиром и после короткой паузы спросил.

- Как ты оказался здесь. На что его товарищ коротко ответил.

- После того как ты рассказал мне о своей последней беседе с новым Султаном я понял что к тебе в ближайшее время придут гости. Придут тихо, ночью, когда никто их не видит. А на следующий день всем объявят что бедуины или берберы зарезали Камаль-бея. Вот я и дежурил все эти ночи в твоем саду и кажется не зря.

Почему ты решил что все будет именно так, спросил Камаль-бей.

- Это не трудно было предугадать отвечал Дагир.

Мухамад-бей не из числа тех людей кто прощает обиды нанесенные ему.

Армии чтобы отомстить тебе прямо сейчас в открытой войне у него нет.

Вызвать тебя на поединок он не мог. Мухамад-бей отважный и сильный воин. Но чтобы он сказал всем вызвав тебя на поединок. Вызов на поединок мог раскрыть всем его неприглядную роль в заговоре против Али-бея. А этого он допустить не мог.

Оставался только один путь. Послать к тебе наемников и хоть так смыть свой позор.

Ты был единственным человеком который сказал ему всю правду в лицо. Этого он не мог простить никому. Даже тебе.

Только я немного просчитался закончил свою мысль Дагир. Думал прийдет один, максимум двое убийц, а их пришло целых трое. Видно тот кто посылал их хотел сделать все наверняка.

Апстха ничего не сказал Дагиру в ответ только благодарно без слов пожал ему руку.

На следующий день весть о покушении на Камаль-бея облетела весь Каир. Уже во второй половине дня во двор Камаль-бея потянулись друзья и знакомые. Одни выражали радость по поводу счастливого исхода события, другие восхищались тем как Всевышний вовремя послал в сад Дагира. Не окажись он там в ту роковую ночь Апстха зарезали бы ночью спящего и ничего не подозревающего о покушении на него. Третьи долго и упорно выясняли кто были наемники , во что они были одеты, чем вооружены будто это играло теперь какую-то роль. Но все они чего то не договаривали. По городу ползли всякие слухи и предположения о которых никто не хотел говорить вслух. За это можно было и головой поплатиться.

К самому вечеру Камаль-бея навестил сам Султан. Сопровождали его Ибрагим-бей и Мурад-бей.

Все дружно выразили сочувствие Камаль-бею по поводу ночных событий. Спутники Султана говорили горячо и искренне.

Султан ласково улыбался, но глаза его иногда начинали отдавать холодом острого клинка и хищным блеском.

Через месяц Камаль-бей продал свой дом и вместе с Дагиром и двумя верными ему мамлюками уехал на Кавказ. Несколько лет судьба носила его по Черноморскому побережью. Затем он купил землю и построил дом в старинном абазинском ауле Бибаркт откуда была родом одна из его бабушек.

Здесь Апстха завел семью и стал родоначальником большого абазинского рода. Здесь его и похоронили. С места где была могила последнего рыцаря Египта открывался прекрасный вид на долину небольшой реки и райские картины окрестной местности. В сухую ясную погоду с этого места хорошо видны были величественные вершины двуглавого Эльбруса. Старики рассказывали что по ночам над могилой Камаль-бея случался частый звездопад. Звезды почему то летели всегда откуда-то с юга. Там где-то очень далеко был город его молодости - великий многоликий Каир. Над Каиром все так же блестели звезды. Только блестели они теперь совсем по другому и зажигали их теперь совсем другие люди.

ВРЕМЯ

Примерно через два месяца после отъезда Камаль-бея из Египта в Каир вернулись люди посланные Султаном на поиски его семьи.

Они привезли с собой страшную весть. Корабль на котором плыли Фагуда и Даут вместе со всеми остальными их спутниками затонул не дойдя совсем немного до Сухум-кале.

Невиданной силы шторм унес на дно экипаж судна и всех его пассажиров. Спаслись на обломке мачты только один моряк грек и девочка лет 12-13.

Их подобрала в море турецкая фелюга. Моряка выкупили его родственники. Куда подевалась спасенная девочка никто не знал. Услышав это известие Мухамад-бей понял. С этого дня жизнь потеряла для него всякий смысл.

Двое суток Мухамад-бей не выходил из своей спальни. Ходил из одного угла в другой повторяя одно и то же.

- Вот почему мой сын не выбрал ни одной игрушки. Он уже тогда знал, что у него не было будущего. Мои грехи закрыли ему все дороги туда.

Дорого же заплатил я за свой трон. Будь он проклят.

То в безумной ярости, то в безумной тоске провел он все последующее время.

Его войска вторглись в Палестину, взяли штурмом Газу, Яфу, а затем и Акку. Шейх Дагир был убит. Убиты были и большинство мирных жителей этих городов. Безумие Мухамад-бея остановила чума.

Умер он в Акке покинутый всеми.

Время уносит все и власть и деньги. Оно оставляет человеку только его душу, бессмертную душу которая и ответит перед Всевышним за все что делало тело в котором жила она.

Перед самой смертью Мухамад-бей долго шептал кому-то в пустоту.

- Я предал не его. Я предал себя.

После его смерти правителем Египта стал Ибрагим-бей. Он восстановил доброе имя Али-бея и воздал ему почести величайшего человека в истории этой страны.

Вскоре войска Турецкого Султана огнем и мечом прошли по Курдистану. Повстанцы во главе с Фазылбеком и Агабеком упорно сопротивлялись им. Было время когда они были близки к победе, но их предали свои. Свои же и повесили их по приказу из Стамбула.

Далеко далеко от Курдистана жители одного абазинского села, что располагалось на берегу Черного моря видели как их односельчанин часто выходил на морской берег. Он садился на вершину скалы уходившей в море и долго долго смотрел в бесконечную даль воды. Когда его спрашивали что высматривает он там вдали-рано посидевший мужчина отвечал.

- Он обещал приплыть сюда. Он никогда никого не обманывал. Если он говорил – он делал.

Старик долго сидел на берегу моря пристально вглядываясь в бесконечную гладь моря. Чайки что-то кричали ему, но он не знал их языка. Иногда за ним приходили дети. Это были его внуки и внуки его покойного друга князя Баты Ашеа.

- Пойдем домой дада – говорили они.

Наверное, твой корабль приплывет завтра. Старик вставал и покорно шел за ними. Звали старика Мамата.

О ком говорил старик и кто должен был приплыть к берегу не знал никто.

Сын Анвара Фарук стал все-таки мамлюком. Он стал не просто мамлюком, но и знаменитым беем с именем которого считались и в Египте и в Турции. Фарук погиб в битве мамлюков с войсками Бона порта Наполеона, что произошла вблизи пирамид Гизы.

Когда слух о смерти Али-бея дошел до Абхазии в доме владетельного князя Зураба Чачба собрались наиболее родовитые князья и служители мечетей и церкви. Говорили долго за закрытыми дверями. Вышли на улицу довольные с нескрываемой радостью на лицах. Особенно доволен был Каталикос Абхазии. Он долго улыбался и говорил о чем-то на грузинском языке с сопровождавшим его священником из Тифлиса.

Прошло еще много лет. На пыльных извилистых улочках одного из портовых городов Туниса часто появлялась старая, грязная нищенка. Ее лицо хранило еще следы давно ушедшей редкой красоты. Жители квартала знали ее. Некоторые завидев ее закрывали ворота своих домов. Другие подавали ей кусок черствого хлеба и кувшин воды.

Она говорила всем что она принцесса, настоящая принцесса.

Конечно же, ей никто не верил. Кто поверит в такую сказку глядя на старую безумную женщину. Одни смеялись над ней, другие сочувственно качали головами.

Когда перед ней закрывались наглухо ворота очередного дома она качала головой и говорила сама себе.

- Многих людей обманула эта жизнь. Бог Вам судья.

После этого она садилась в тени редкого дерева и тихо тихо бормотала.

- Был бы жив мой отец! Я бы посмотрела тогда как повели Вы себя увидев настоящую принцессу.

- Отца уже нет.

Что я теперь могу сделать? Кому теперь что скажешь?

Ничего.

Такова жизнь.

Звали нищенку Гатисой.

Примерно в это же время сын Баты полковник лейб-гвардии его императорского Величества Александра I Зураб Ашеа погиб в битве под Аустерлицом. На этом закончил свой путь знаменитый

род абазинских князей слава о делах которых гремела по всему Кавказу.

С тех пор прошло много много лет. Подул холодный ветер с севера. Он унес с большей части Черноморского побережья Кавказа последние остатки некогда большого и сильного народа Абаза. Унес и разбросал их по всем частям белого света.

Село в котором жили когда-то Бата, Мамата и их побратимы Зиза и Быда называется теперь Аше. По фамилии абазинского князя Баты Ашеа когда-то владевшего им. Недалеко от него находятся поселок Лоо которым владел в свое время абазинский князь Беслан Лоо и поселок Дедеркой которым владели когда-то абазинские князья Додаруковы.

Сегодня даже жители этих поселков не знают о том что когда-то на этих землях как и на всем побережье Черного моря от Анапы до берегов Ингура жил народ Абаза. Ветер времени унес их следы с с большей части этой земли которой владел он тысячи лет. Теперь только названия этих трех поселков напоминают их потомкам о тех далеких временах когда жители большинства городов и сел Черноморского побережья Кавказа говорило на языке народа Абаза. Это время ушло и будет жить теперь только на просторах бесконечных дорог ушедших в вечность.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I
КАИР

Татьяна 7
Гамаль 38

ЧАСТЬ II
ЖАЖДА

Аль-Харун 67
Плещеев 93
Одалиски 112
Мамата 124
Нафиса 136
Анвар 155
Мухетдин 165
Ашъкыт 172
Ахмед-Куидр 194
Назымбий 207
Сахара 215
Визит Омер-паши 236
Замужество Фагуды 266
Ходатаи 282
Отъезд Омер-паши 292
Сахиб 299

ЧАСТЬ III
СИРОККО

Возвращение даута 319
Бедуины 336

Поездка в пустыню 347
Дальняя дорога 357
«Сватовство сагита» 371
Гости из Курдистана 381
Каталикос 406
Хизрани 423
Охота на ориксов 441
Смерть Мырзакана 454
Выбор Даута 474
Агабек 490
Щукяр 505
Зима 518
Тупик 529
Дождь 542
Смерть Хашима 558
Смотр 575
Встреча с Эриджебом 596
Мигрелия 610

ЧАСТЬ IV
ЗВЕЗДОПАД

Дамасск 635
Сулейман 655
Фагуда 667
Акка 677
Три платка 693
Поход на Каир 709
Битва при Самихии 724
Рассказ моряка 740
Билял 750
Два султана 772
Дорога домой 781
Анапа 793
Александрия 807
Родное село 816
Апстха 825
Старая княгиня 839
Возвращение 846
Время 859

Олег ЭТЛУХОВ

ЗВЁЗДЫ НАД КАИРОМ

Исторический роман

Книга издана в авторской редакции

Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Тираж 1000. Физ. печ. л. 54,25.
Заказ №10.

Республика Абхазия. РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.